VE RI
TAS

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1887.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1887 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

въ 1887 году.

Предсѣдательствующій доложилъ, что согласно съ опредѣленіемъ Отдѣленія имъ отправлена 31 декабря 1886 г. въ Воронежъ, къ редактору Филологическихъ Записокъ А. А. Хованскому, слѣдующая телеграмма отъ имени членовъ Отдѣленія: «Предпринявъ въ 1862 году изданіе перваго въ Россіи частнаго филологическаго журнала, вы, несмотря на всѣ трудности этой задачи, твердо и неуклонно стремились къ ея осуществленію. Много молодыхъ силъ умѣли вы привлечь къ этому новому дѣлу и проложили имъ дорогу для ихъ дѣятельности; много выдающихся филологическихъ трудовъ обязано вамъ своимъ появленіемъ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности, постоянно слѣдившее за вашимъ изданіемъ, поздравляетъ васъ съ исполнившимся нынѣ двадцатипятилѣтіемъ его существованія, и не можетъ не выразить искренняго желанія, чтобы вы продолжали это общеполезное дѣло съ прежнею энергіей и любовью».

На другой день получена отъ г. Хованскаго слѣдующая отвѣтная телеграмма: «Съ чувствомъ глубочайшей признательности выслушана телеграмма, полученная мною отъ Академіи Наукъ. Раздѣляю привѣтъ этого высокаго учрежденія съ сотрудниками издаваемаго мною журнала. Редакторъ Хованскій».

Читана просьба директора Солунской мужской гимназіи о безплатной высылкѣ Сборника Отдѣленія для библіотеки этого учебнаго заведенія (на имя библіотекаря П. Драганова). Положено отправить, чрезъ комиссіонера Академіи Наукъ въ Лейпцигѣ, нѣсколько послѣднихъ томовъ Сборника.

Предсѣдательствующій предложилъ на обсужденіе сочленовъ доставленныя кандидатомъ С.-Петербургскаго Университа Пѣтуховымъ дополненія и исправленія къ словамъ на букву *Е* академическаго словаря, вслѣдствіе чего большая часть засѣданія и была посвящена разсмотрѣнію тѣхъ изъ этихъ измѣненій, которыя заслуживали особеннаго вниманія.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ, возвращая переданный на его разсмотрѣніе трудъ г. Пѣтухова «Къ вопросу о Кириллахъ, авторахъ въ древней русской литературѣ», сообщилъ свои замѣчанія на нѣкоторыя мѣста рукописи, и замѣчанія эти положено передать автору

Предсѣдательствующій доложилъ, что по случаю чествованія въ Бѣлградѣ памяти знаменитаго сербскаго ученаго и мыслителя Бошковича въ день столѣтней годовщины смерти его (род. 1711, умеръ въ январѣ 1787 г.) отправлена была за подписью наличныхъ членовъ Отдѣленія привѣтственная телеграмма на имя предсѣдателя образовавшагося въ Бѣлградѣ по этому поводу комитета, сербскаго министра просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Куюнцича.

Читано письмо академика И. В. Ягича на имя предсѣдательствующаго, въ которомъ излагаетъ затрудненія, встрѣтившіяся ему при чтеніи корректуры 1-го листа древне-русскаго словаря покойнаго И. И. Срезневскаго: многія выписки изъ памятниковъ оказываются въ словарѣ недостаточно исправными и точными, такъ какъ послѣ того какъ онѣ были сдѣланы, очень большое число памятниковъ или впервые вышло въ печати, или же стало доступнымъ для науки въ болѣе удовлетворительныхъ изданіяхъ. Поэтому академикъ Ягичъ проситъ Отдѣленіе рѣшить, въ какой мѣрѣ должна быть производима провѣрка цитатъ по подлиннымъ текстамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исправляемы ссылки на страницы позднѣйшихъ изданій. Отдѣленіе разсуждало: 1) что такое исправленіе текста словаря потребовало бы нескончаемаго труда и времени и отдалило бы изданіе его на многіе годы; 2) что заглавныя слова, составляющія основу словаря, должны бы, и при предполагаемыхъ измѣненіяхъ, остаться въ данной имъ составителемъ формѣ, и 3) что словарь Срезневскаго и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ найденъ по смерти академика и приведенъ въ порядокъ наслѣдниками покойнаго, не будетъ лишенъ научнаго значенія и можетъ служить полезнымъ матеріаломъ для изслѣдователей. Посему, желая по возможности ускорить печатаніе словаря, Отдѣленіе положило: за отсутствіемъ академика Ягича, просить А. Ѳ. Бычкова принять на себя чтеніе корректуры, раздѣливъ этотъ трудъ съ О. И. Срезневскою

и опредѣливъ по соглашенію съ нею способъ просмотра въ словарѣ ссылокъ на источники.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ заявилъ, что онъ, окончивъ «Исторію Россійской Академіи», 8-й и послѣдній томъ которой скоро выйдетъ изъ печати, предполагаетъ предпринять вслѣдъ за тѣмъ изданіе полнаго собранія сочиненій Ломоносова, какъ труда, давно признаваемаго одною изъ задачъ Академіи, причемъ представилъ и планъ предпринимаемаго изданія [1]). Отдѣленіе, выразивъ полное свое сочувствіе къ этому предпріятію, которое давно уже имѣлось въ виду, и вмѣстѣ съ тѣмъ одобривъ представленный планъ изданія, находило, что для составленія біографіи Ломоносова и розыска могущихъ еще оказаться неизвѣстными рукописей его, необходимо посѣтить, какъ родину знаменитаго писателя, такъ и нѣкоторые внѣ Петербурга находящіеся архивы, и потому положило ходатайствовать предъ г. Президентомъ о командированіи академика Сухомлинова съ ученою цѣлью на лѣтніе мѣсяцы текущаго года въ мѣста, гдѣ могутъ находиться полезныя для настоящаго предпріятія матеріалы.

По поводу имѣвшаго исполниться 18-го мая столѣтія со дня рожденія К. Н. Батюшкова, положено посвятить чествованію его памяти особое торжественное засѣданіе Отдѣленія, но такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ Петербургъ начинаетъ пустѣть, то удобнѣйшимъ признано отложить это чествованіе на одинъ изъ осеннихъ мѣсяцевъ. При семъ ак. Я. К. Гротъ изъявилъ готовность приготовить рѣчь къ предположенному засѣданію, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено пригласить члена-корреспондента Отдѣленія Л. Н. Майкова, какъ комментатора сочиненій Батюшкова и біографа его, принять участіе въ этомъ торжествѣ произнесеніемъ рѣчи о жизни и произведеніяхъ знаменитаго писателя.

Читано письмо П. А. Ровинскаго изъ Цетинья, въ которомъ, сообщая о ходѣ своихъ занятій по предпринятому относительно Черногоріи труда, онъ испрашиваетъ согласія Отдѣленія на приложеніе къ печатаемому имъ изданію: 1) Описанія Черногоріи Марина Болицы, и 2) извлеченія изъ «Записокъ морскаго офицера» Броневскаго. Положено увѣдомить г. Ровинскаго, что Отдѣленіе вполнѣ одобряетъ эту мысль.

Вслѣдствіе возбужденнаго въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій вопроса о предположенномъ Отдѣленіемъ изданіи сочиненій

[1]) См. приложенія къ протоколамъ.

покойнаго А. А. Котляревскаго, предсѣдательствующій доложилъ, что онъ, занявшись просмотромъ собранія этихъ сочиненій, доставленнаго вдовою профессора, нашелъ, что въ этомъ собраніи недостаетъ лишь весьма немногихъ статей его, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ, и затѣмъ составилъ хронологическій списокъ всѣхъ трудовъ Котляревскаго (около 60 нумеровъ), который и былъ предъявленъ въ настоящемъ засѣданіи. Положено, дополнивъ имѣющееся въ Отдѣленіи собраніе этихъ трудовъ, приступить къ печатанію ихъ, за которымъ наблюденіе принялъ на себя А. Н. Веселовскій.

Читана присланная изъ Вѣны академикомъ И. В. Ягичемъ записка о предположеніи его заняться исторіею теоретическихъ воззрѣній, у разныхъ славянскихъ народовъ, на церковно-славянскій языкъ и составить сборникъ подъ заглавіемъ: «Разсужденія южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ». Подробно изложенную при семъ и вполнѣ одобренную Отдѣленіемъ программу этого изслѣдованія опредѣлено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколу [1]); самый же трудъ помѣстить въ сборникѣ изслѣдованій по русскому языку.

Читано присланное на имя предсѣдательствующаго изъ Витебска письмо подпоручика Мотовилова съ предложеніемъ доставить въ Отдѣленіе трудъ его по собиранію областныхъ словъ въ Симбирскомъ уѣздѣ. Положено просить о присылкѣ этого труда.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

I.

Записка М. И. Сухомлинова о предпринимаемомъ имъ изданіи сочиненій Ломоносова.

Предпринимая, по порученію Отдѣленія, изданіе сочиненій М. В. Ломоносова, имѣю честь представить слѣдующія соображенія и предварительный планъ:

1) Въ предпринимаемомъ изданіи должны быть помѣщены всѣ безъ исключенія сочиненія и письма Ломоносова.

---

[1]) См. ниже.

2) Сочиненія, изданныя при жизни Ломоносова, печатаются по тексту вышедшаго при жизни Ломоносова изданія; отличія же, находящіяся въ собственноручныхъ рукописяхъ Ломоносова, указываются въ видѣ варіантовъ.

3) Если сочиненіе было нѣсколько разъ издано при жизни Ломоносова, то оно печатается по послѣднему изданію, а варіанты приводятся по тексту предыдущихъ изданій, и по рукописи, если она сохранилась.

4) Сочиненія, изданныя по смерти Ломоносова, печатаются по подлиннымъ рукописямъ Ломоносова, если таковыя сохранились.

5) Если же рукописи не сохранились, то въ основу берется лучшее, по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, посмертное изданіе, и приводятся варіанты изъ другихъ изданій.

6) При каждомъ произведеніи помѣщаются объяснительныя примѣчанія, указывающія по какому поводу оно написано и гдѣ впервые напечатано.

7) При изданіи соблюдаются всѣ особенности текста, положеннаго въ основу (если онъ рукописный или же появился въ печати при жизни Ломоносова), т. е. удерживается старинное правописаніе и знаки препинанія.

8) Произведенія Ломоносова должны быть размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ; но

9) Такъ какъ безусловное соблюденіе хронологическаго порядка придало бы изданію крайне неудобную пестроту — стихи мѣшались бы съ прозою, и т. п., — то необходимо

10) Распредѣлить сочиненія Ломоносова по отдѣламъ, и въ каждомъ изъ отдѣловъ слѣдовать хронологическому порядку.

11) Начать слѣдуетъ съ отдѣла стихотвореній, тѣмъ болѣе, что именно стихотвореніями и началась литературная дѣятельность Ломоносова.

12) За стихотвореніями (одами, поэмою, трагедіями и пр.) будутъ помѣщены похвальныя слова. Далѣе

13) Сочиненія филологическаго содержанія и имѣющія къ нимъ ближайшее отношеніе: О пользѣ книгъ церковныхъ, Грамматика, Риторика и пр.

14) Сочиненія, относящіяся къ русской исторіи.

15) Сочиненія (записки), относящіяся къ различнымъ общественнымъ вопросамъ.

16) Письма Ломоносова.

17) Сочиненія по химіи, физикѣ, астрономіи, минералогіи.

Такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій появились въ одно и то же время и по-русски и по-латыни, то, если не только подлинникъ, но и переводъ принадлежитъ Ломоносову, печатать ихъ въ два столбца на обоихъ языкахъ. Если же переводъ позднѣйшій, то его помѣстить въ подстрочномъ примѣчаніи; въ случаѣ же отсутствія сдѣланнаго въ прежнее время перевода, приложить таковой на современномъ языкѣ.

18) Біографія Ломоносова.

Къ изданію должны быть приложены:

1) Перечень всего, написаннаго Ломоносовымъ, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ.

2) Хронологическій перечень изданій сочиненій Ломоносова, съ краткими свѣдѣніями о каждомъ изданіи.

3) Хронологическій указатель статей о Ломоносовѣ и его сочиненіяхъ, со времени Ломоносова и до настоящаго изданія его сочиненій, не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ.

4) Указатель именъ и предметовъ.

II.

Записка И. В. Ягича о предпринимаемомъ имъ изслѣдованіи объ историческомъ развитіи церковно-славянской грамматики.

Церковнославянскій языкъ, какъ органъ духовной жизни громаднаго большинства славянскихъ народовъ, занималъ у нихъ въ продолженіе многихъ столѣтій такое же положеніе, какое выпало на долю латинскаго въ средніе вѣка Западной Европы. Поэтому, надо полагать, онъ долженъ былъ быть усердно изучаемъ. Но это изученіе шло безгласно, преимущественно путемъ практическаго усвоенія словъ, выраженій и оборотовъ, попадающихся въ церковныхъ книгахъ—этомъ завѣщаніи первыхъ столѣтій славянской письменности. Изъ столѣтія въ столѣтіе передавался этотъ языкъ по книгамъ; въ нихъ вчитывались внимательно всѣ тѣ, отъ которыхъ ожидалось или требовалось воспроизведенія его въ новыхъ собственныхъ сочиненіяхъ. Таковъ былъ обыкновенный ходъ дѣла. Но наша старина не всегда довольствовалась тихой практикой, успѣхи которой мы измѣряемъ по памятникамъ древней письменности. Иногда, хотя вообще довольно рѣдко, слышатся также теоретическіе отзывы о церковнославянскомъ языкѣ: то разсуждается

о значеніи его на ряду съ греческимъ и латинскимъ, при чемъ усердно отстаиваются права его, то выставляется трудность задачи переводить съ греческаго на славянскій языкъ; наконецъ, дѣлаются попытки облегчить пониманіе этого языка посредствомъ различныхъ объясненій и словотолкованій, или же замѣтно стараніе обезпечить исправное примѣненіе его въ письменности путемъ правилъ ороографическихъ и грамматическихъ.

Мало, слишкомъ мало вниманія обращалось до сихъ поръ на эту сторону церковнославянскаго языка; ее обходили молчаніемъ, какъ будто бы она не существовала или не имѣла для нашего времени никакого болѣе значенія. Но такой взглядъ былъ бы не совсѣмъ вѣренъ. То, что въ теченіе многихъ столѣтій продолжало быть предметомъ теоретическаго обсужденія, что служило руководствомъ для людей грамотныхъ при передачѣ «божественнаго», писанія, не можетъ и не должно быть чуждо нашимъ научнымъ интересамъ. Мы должны познакомиться съ этими теоріями потому, что онѣ важны для оцѣнки воззрѣній стараго времени, господствовавшихъ впрочемъ еще недавно (при обученіи грамотѣ нашихъ дьячковъ); онѣ дадутъ намъ ключъ къ уразумѣнію различныхъ тонкостей, довольно искусственныхъ по своему характеру, но строго соблюдаемыхъ въ рукописяхъ церковнаго письма въ XV-омъ и слѣдующихъ столѣтіяхъ.

Изучая этотъ предметъ по южнославянскимъ и русскимъ рукописямъ,—у меня было подъ рукою болѣе двадцати рукописей, изъ нихъ шесть въ Румянцовскомъ музеѣ, четыре въ Синодальной библіотекѣ, десять въ Импер. Публичной библіотекѣ, одна въ собраніи рукописей Н. С. Тихонравова, одна изъ кириллобѣлозерскихъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, — я убѣдился, что подобрать весь этотъ матеріалъ въ одно цѣлое представило бы для исторіи церковнославянскаго языка трудъ очень полезный. Вотъ почему я и взялся за это дѣло, и успѣлъ уже приготовить часть его, именно ту, которая составитъ первую половину сборника, задуманнаго мною подъ заглавіемъ «Разсужденія южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ». Цѣлое изданіе по плану, указанному самимъ содержаніемъ, должно состоять изъ двухъ частей: грамматической и лексической. Во вторую войдетъ богатый и для исторіи русскаго языка не маловажный матеріалъ такъ называемыхъ Алфавитовъ; въ первую же часть я намѣренъ включить всѣ статьи, содержащія въ себѣ какіе-либо отзывы старины о церковномъ языкѣ. Такимъ образомъ, слѣдуя примѣру сборниковъ

XVI—XVII столѣтій, я долженъ въ первой части помѣстить: Толкованія Іоанна Эксарха о церковнославянскомъ языкѣ по поводу его переводовъ; Апологію черноризца Храбра по различнымъ редакціямъ и передѣлкамъ; такъ называемую Дамаскиновскую грамматику о восьми частяхъ слова, и Разсужденіе Константина Костенческаго о исправленіи церковно-славянскаго языка. Это будетъ первое отдѣленіе первой части: въ немъ представляются результаты теоретической науки южнославянской. Второе отдѣленіе той же части перенесетъ насъ на почву русскую. Здѣсь найдутъ себѣ мѣсто слѣдующія статьи: 1. Предисловіе о буковницѣ, рекше о азбуцѣ; 2. Написаніе языкомъ словенскимъ о буквѣ и о ея писменахъ; 3. Написаніе языкомъ словенскимъ о грамотѣ и о ея строеніи; 4. Бесѣда о ученіи грамотѣ; 5. Книга глаголемая Буквы еже въ началѣ отъ грамматикія о просодіяхъ; 6. О еже како просодія достоитъ писати и глаголати; 7. Книга глаголемая грамматикія меньшая; 8. Правила и уставы грамматическіе; 9. Простописанныя буквы младенческаго наказанія, сирѣчь грамматики начало; 10. Сила существу книжнаго письма; 11. Ино ученіе о склоненіяхъ; 12. О уряженіяхъ или о устроеніяхъ. Большая часть этихъ статей отыскана мною не въ одной а въ нѣсколькихъ рукописяхъ: положивъ въ такомъ случаѣ одну изъ нихъ въ основаніе, я привожу изъ прочихъ всѣ разночтенія, на которыхъ стоило остановиться. Кромѣ того, отдѣльныя статьи будутъ снабжены историко-литературными объясненіями въ видѣ введеній, въ которыхъ главное значеніе придается указанію греческихъ источниковъ.

[redacted]

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLII, № 1.

КЪ БИБЛІОГРАФІИ
ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИХЪ
ПЕЧАТНЫХЪ ИЗДАНІЙ
ВЪ РОССІИ.

Ѳ. Калужняцкаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1886 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Извѣстно, что библіографія церковно-славянской печати въ Россіи — а что̀ слѣдуетъ сказать о ней, то одинаковымъ образомъ и о библіографіи остальной церковно-славянской печати — еще много оставляетъ желать по отношенію къ полнотѣ и удовлетворительности. Хотя въ послѣднее время она получила весьма утѣшительное подспорье вслѣдствіе изданнаго соединеннымъ Публичнымъ и Румянцевскимъ музеемъ Хронологическаго Указателя [1]), а также превосходныхъ дополненій, которыя были сдѣланы къ этому Указателю съ одной стороны Я. Головацкимъ [2]), съ другой стороны Е. Голубевымъ [3]), но, несмотря на это, она и теперь неполна и неудовлетворительна [4]). Все еще тотъ, кому придется заниматься церковно-славянскими печатными из-

---

1) Хронологическій Указатель славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1491 по 1864 г., выпускъ I, изд. Москов. Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, Москва 1871.

2) Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго etc., Спб. 1874.

3) Библіографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковнославянскихъ книгахъ, преимущественно конца XVI-го и XVII-го столѣтій, Кіевъ 1876.

4) Къ сочиненіямъ, которыя въ послѣднее время споспѣшествовали библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи, могутъ спеціально еще быть причислены: a) Списокъ книгъ церковной печати, хранящихся въ библіотекѣ св. правительств. Сѵнода, Спб. 1871; b) Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова, соста-

даніями, явившимися въ Россіи, будетъ натыкаться то на пропускъ, то на недоразумѣнія и неточности, которыя просто поразительны и въ новыхъ библіографическихъ пособіяхъ объясняются только тѣмъ, что авторы ихъ черпали отчасти также и изъ старыхъ работъ, а эти старые труды, какъ все болѣе и болѣе это проявляется, исполняли свою задачу часто только очень поверхностно и не критически.

Поэтому въ этомъ отношеніи весьма основателенъ взглядъ Головацкаго, высказанный имъ на стр. 11 его дополненій, сводящійся къ тому, что библіографія церковно-славянской печати въ Россіи только тогда будетъ имѣть притязаніе на полноту и стоящую выше всякаго сомнѣнія надежность данныхъ, когда тѣ, которые изученіе ея поставили задачей своей жизни, рѣшатся всѣ до сихъ поръ сдѣлавшіяся извѣстными церковно-славянскія печатныя изданія на основаніи *подлинниковъ*[5]), еще разъ

вилъ А. Поповъ, Москва 1872; c) Библіографическія замѣтки о старославянскихъ печатныхъ изданіяхъ 1491—1730 г., И. Каратаева, Спб. 1872; d) Нѣсколько словъ о греческо-славянской грамматицѣ, изд. во Львовѣ 1591 г., написалъ О. Лепкій, Львовъ 1872; e) Библіографическія находки во Львовѣ, Я. Ѳ. Головацкаго, Спб. 1873; f) Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова, сост. А. Поповъ, Москва 1875; g) Sweipolt Fiol und seine kyrill. Buchdruckerei in Krakau vom J. 1491, von J. Golowatzkij, Wien 1876; h) Осмогласникъ 1491 г., напеч. въ Краковѣ кирилловскими буквами, описанный И. Каратаевымъ, Спб. 1876; i) Замѣтки и разъясненія къ опыту россійской библіографіи В. Сопикова, В. Саваитова, Спб. 1878; j) Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами съ 1491—1730 г., И. Каратаева, вып. I, съ 1491—1600 г., Спб. 1878; k) Хронологическій каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1517 по 1821 г. библіотеки Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, Спб. 1879; l) Библіографическая замѣтка о служебникахъ Виленской печати XVI вѣка, изслѣд. архиман. Леонида, Спб. 1881; m) Какъ у насъ правились церковныя книги, И. Мансветова, Москва 1883; n) Какъ у насъ правились типики и минеи, И. Мансветова, Москва 1884.

[5]) Названный въ прим. 4 подъ лит. j) трудъ Каратаева — къ сожалѣнію произведеніе компиляторское, которое тѣмъ менѣе соотвѣтствуетъ своей задачѣ, что опирается бо́льшею частію на старыя библіографическія пособія да и ихъ знаетъ во многихъ случаяхъ не изъ первыхъ, а изъ вторыхъ рукъ. Что же касается новаго его изданія изъ 1883 г., то изданіе это хотя и значительно лучше перваго, но всетаки едва ли уже удовлетворительно.

пересмотрѣть и описать. Только я думаю, что при этомъ пересмотрѣ или описаніи очень бы хорошо было, если бы эти библіографы пожелали обратить свое вниманіе не только на чисто внѣшнюю сторону, какъ время и мѣсто печатанія, форматъ, число листовъ или страницъ и т. д., но также позаботились бы и о содержаніи описываемыхъ книгъ, какъ не менѣе того о содержащихся въ старыхъ печатныхъ книгахъ подтвердительныхъ грамотахъ, посвященіяхъ, предисловіяхъ и послѣсловіяхъ (эпилогахъ). Ибо хотя правда, есть много подтвердительныхъ грамотъ, посвященій, предисловій и послѣсловій, которыя для пополненія церковно-славянской библіографіи въ Россіи не представляютъ совершенно никакой прибыли, однако съ другой стороны не мало число и такихъ, въ которыхъ, кромѣ весьма цѣнныхъ, ни откуда болѣе неизвѣстныхъ историческихъ данныхъ, содержатся также указанія на не существующія болѣе теперь или по крайней мѣрѣ не найденныя рукописи и печатныя изданія, на источники и литературно-историческія отношенія, которыя, бывъ оцѣнены какъ слѣдуетъ, значительно измѣнили бы представленіе, какое мы теперь имѣемъ о библіографіи церковно-славянской печати.

Въ доказательство этого и руководимый желаніемъ способствовать также и съ своей стороны библіографіи церковно-славянской печати въ Россіи, я хочу здѣсь поговорить о книгѣ, озаглавленной «Богословія нравоучительная», объ которой извѣстныя библіографическія пособія составлены очень неудовлетворительно, несмотря на то, что она у исповѣдниковъ Уніатской церкви въ Россіи въ свое время пользовалась какъ большимъ уваженіемъ, такъ и большой распространенностью. Такъ наприм. Хронологическій Указатель даже совсѣмъ не знаетъ изданія этой книги 1751 года, между тѣмъ какъ дополненія Я. Головацкаго на стр. 29 содержатъ объ немъ только слѣдующую замѣтку: «Богословія нравоучительная (съ лексикономъ славено-польскимъ), напеч. въ Почаевѣ въ 1751 г., въ 4-ку (Вишневскаго, ист. лист. польск. т. VIII, стр. 430; 2-е

изд. вышло въ 1756 г.)». Изъ этой небольшой замѣтки можно затѣмъ видѣть, что Головацкій, опираясь, конечно, только на слишкомъ общее извѣстіе М. Вишневскаго [6]), считаетъ неизвѣстное Хронологическому Указателю изданіе Богословіи 1751 г. вообще древнѣйшимъ изданіемъ этой книги, а изданіе 1756 г. всѣдствіе этого обозначаетъ какъ второе. Но если подвергнуть указанное изданіе, полный экземпляръ котораго между прочими находится и у меня, нѣсколько болѣе подробному разсмотрѣнію, то оказывается, что это мнѣніе совершенно невѣрно. Уже изъ подтвердительной грамоты, которая находится на оборотной сторонѣ заглавнаго листка этого изданія и дана епископомъ Θеодосіемъ Лубинецкимъ-Рудницкимъ, мы можемъ видѣть, что изданіе «Богословіи нравоучительной», увидавшее свѣтъ въ Почаевѣ въ 1751 г., предполагаетъ болѣе старое изданіе, явившееся подъ заглавіемъ: **Поѹче́ніє ѡ с҃ты́хъ Та́йнахъ, ѿ За́повѣдехъ Б҃жі́ихъ, ѿ За́повѣдехъ Церко́вныхъ** и проч., въ 1745 г. въ Василіанской типографіи въ Уневѣ. «**Поне́же Кни́га**, — такъ читаемъ мы въ этой утвердительной грамотѣ дословно, — **содержа́щаѧ в себѣ поѹче́ніе ѿ с҃ты́хъ Та́йнахъ, ѿ За́повѣдехъ Б҃жі́ихъ, ѿ За́повѣдехъ Церко́вныхъ, и҆ про́ч: пре́жде в ҂аѱ҃ме Ро́кꙋ. днѧ̀ к҃є. М҃ца Ма́їа в Ѹ҆невѣ Преѡс҃ще́ннымъ всегда̀ воспоминае́мыѧ па́мѧти, Є҆гѡ̀ М҃тїю К҃р Аѳанасїе́мъ Ше́птицкимъ всеѧ̀ Ро́ссїи Митрополи́тѡ, и҆звѣще́на є҆́сть бы́ти досто́йна, та́кѡ ꙗ҆́кѡ в себѣ и҆мѣ́ется, ти́помъ и҆зда́нїѧ, въ ѹ҆потребле́нїе Іере́емъ Парохїа́льнымъ. Сегѡ̀ ра́ди и҆ Мы̀ рече́нꙋю Кни́гꙋ в Тѵпогра́фїи Монастыра̀ Поча́евскагѡ Чи́нꙋ с҃та́гѡ Васи́лїа вели́кагѡ ти́помъ изда́ти соизволѧ́емъ. Сі́е же соизволе́нїе Печа́тїю ѡ҆бы́чною ѹ҆твержде́ное, рꙋко́ю вла́сною подписа́хомъ. Даде́сѧ в Жа́бчꙋ Резиде́нцїи На́шой, Ро́кꙋ Г҃дна ҂аѱ҃на. М҃ца Ма́рта д҃і. днѧ̀. Ѳео́досїй є҆п҃пъ**». На вопросъ же, сохранилось ли еще изданіе, согласно приведенной грамотѣ явившееся въ Уневской типографіи въ 1745 г., можно къ счастію отвѣтить

---

[6]) Это извѣстіе М. Вишневскаго выражено въ приведенномъ Головацкимъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ: W roku 1750 wydali tu (т. е. въ Почаевѣ) Bazylianie Czasosłowiec i Psałterz, a w r. 1751 Teologią moralną p. t. Pouczenije.

утвердительно. Именно въ Хронологическомъ Указателѣ читаемъ мы подъ № 2036 слѣдующее показаніе: «Поученіе о св. тайнахъ, напеч. въ Уневѣ, 1745 г., въ 4-ку, 3, 161 и 15 л. Находится у Сопик. I, 865; Тихоц. (214 и 14 л.)». Впрочемъ, также и у меня находится экземпляръ этого изданія, и я могу поэтому по моему собственному наблюденію подтвердить, что упомянутое въ утвердительной грамотѣ епископа Луцкаго Өеодосія Лубинецкаго-Рудницкаго **Поӱченїе**, во-первыхъ, еще существуетъ, во-вторыхъ — въ сравненіи съ «Богословіею нравоучительною» 1751 г. дѣйствительно относится къ ней какъ болѣе старое изданіе къ болѣе новому. Предлежащее библіографическое описаніе этихъ изданій можетъ это доказать еще точнѣе. Я начинаю Уневскимъ изданіемъ.

Относительно Уневскаго изданія должно всего прежде замѣтить, что оно, какъ это по Сопикову совершенно вѣрно говоритъ Хронологическій Указатель, напечатано въ 4-ку, но что однако поодинокихъ листовъ считается въ немъ не 3+161+15, а также и не 214+14, какъ обозначаетъ каталогъ Тихоцкаго, а VI+152+1*. Первые 6, какъ и послѣдній листъ не нумерованы, между тѣмъ какъ средніе 152 имѣютъ непрерывную, означенную кирилловскими буквами нумерацію. Они раздѣляются слѣдующимъ образомъ:

Л. I^a: Заглавная надпись.

Л. I^b: Подтвердительная грамота уніатскаго митрополита Аѳанасія Шептицкаго, которая объявляетъ о дозволеніи печатать эту назначенную для употребленія уніатскихъ пастырей книгу.

Л. II^a — V^a: **Прѐдословїѐ къ ѵчи̑тѐлѐмъ і̂ерѐомъ.** Въ этомъ предисловіи въ библіографическомъ отношеніи важно только обращеніе автора къ пастырямъ, которое дословно выражено слѣдующимъ образомъ: **Го́ре ва́мъ, а̓́ще слѣ́пи сѹ́ще, и блѹдѧ́щїи къ ловѝткѹ прѐзкодѣ́те, и̓ са́мы себѐ въ тѹ́южде бѐсловѐснѣ въмѣта́ете ѿра́днѣе бѹ́детъ Тѵ́рѹ, Сѵдо́нѹ, на Сѹ́дѣ, не́же ва́ма и проч. Не бѹ́ди та́ко, сѐ ва́мъ прѐставлѧ́ет'сѧ Кни́га живо́т-**

нам, ѥюже ѿ чѹждым, и своеа смрти, свободитеса. Сїю, аще ли Россійстїи Пастырїе, должни были Тѵпомъ издати; по совѣсти тажестїю; наипаче же стаго Замойскаго оустановленїемъ Собора, да издадутъ ю, простымъ азыкомъ, вырозумѣнїа ради, повеленїе воспрїаша, еже ѿ всего исполнающе оусердїа, къ всѣмъ общее Іереѡмъ, всогласъ стаго Павла Апла, къ Тїмоѳею глющаго творатъ и проч. Изъ этого обращенія можно такимъ образомъ видѣть, что это въ 1745 г. явившееся Поученіе было вызвано постановленіемъ Замойскаго (Замостьскаго) собора и что это въ этомъ смыслѣ, безъ всякаго сомнѣнія, первое нравственное Богословіе, написанное съ уніатской точки зрѣнія. Начало предисловія: **Ѿ Непреѡдѣленнаго мардїа своего, къ Члвчкому Роду, грѣхомъ Прародителнымъ Адамлѣмъ** и проч.

Л. V[b]—VI[b]: **Оустановленїе Стаго Собора Замойскаго.** Это— славянскій переводъ II-ой главы Замойскихъ соборныхъ постановленій, которою было поставлено въ обязанность епископамъ русскимъ, соединеннымъ съ Римомъ, изданіе нравственнаго Богословія для пастырей, какъ и соотвѣтствующаго поученія для народа. Начало: **Понеже искусно извѣстнса, млеко паче Людемъ симъ, нежели пища быти** и проч. Латинскій текстъ сравн. въ Synodus provincialis Ruthenorum, habita in civ. Zamosciae a. 1720 etc. (1-е изданіе, Римъ 1724; 2-е изданіе, ibid. 1838).

Л. 1[a]—6[a]: **Глава первая. О Сакраментах или Таинахъ.** Начало: **Что значитъ Сакраментъ или Таина?** Число всѣхъ содержащихся въ этой главѣ статей (вопросовъ и отвѣтовъ): 23.

Л. 6[b]—14[b]: **Глава вторая. О Сакраментѣ Крещенїа.** Начало: **Что есть Крещенїе, ѿ кого, и коли оустановленное?** Число статей: 35.

Л. 14[b]—18[a]: **Глава третая. О Сакраментѣ Мѵропомазанїа.** Начало: **Что есть Мѵропомазанїе?** Число статей: 15.

Л. 18[a]—26[b]: **Глава четвертая. О Сакраментѣ Еѵхаристїи.** Начало: **Что есть Сакраментъ Еѵхаристїи?** Число статей: 24.

Л. 26[b]—33[b]: **Глава пятая. О Службѣ Бжїей.** Начало: **Что есть Служба Бжаа?** Число статей: 27.

Л. 34ª — 47ᵇ: **Глава шестая. О Сакраментѣ Покуты.** Начало: **Что єсть Покута?** Число статей: 39.

Л. 47ᵇ — 51ᵇ: **Глава седмая. О Сакраментѣ Єлеопомазанія.** Начало: **Что єсть Єлеопомазаніє? чи єсть правдивымъ Сакраментомъ? и кто? и коли єго оустановилъ?** Число статей: 13.

Л. 51ᵇ — 65ᵇ: **Глава осмая. О Сакраментѣ Капланства.** Начало: **Что єсть Сакраментъ Капланства?** Число статей: 41.

Л. 66ª — 77ᵇ: **Глава девятая. О Єпіпахъ, Архимандритахъ, Монахахъ, и Инокинахъ.** Начало: **Кто єсть Найвыжшимъ Єпіпомъ межи Єпіпами?** Число статей: 29.

Л. 77ᵇ — 85ᵇ: **Глава десятая. О Сакраментѣ Малженства.** Начало: **Что єсть Сакраментъ Малженства?** Число статей: 23.

Л. 85ᵇ — 98ª: **Глава єдинадцятая. О Вѣры Христіанской и Сѷмволѣ Вѣры.** Начало: **Много єсть Цнотъ Богословскихъ?** Число статей: 34.

Л. 98ª—101ᵇ: **Глава двадцятая. О Надеждѣ, и Молитвахъ: Отче нашъ, и Богородице Дѣво радуйся.** Начало: **Что єсть Надежда?** Число статей: 13.

Л. 102ª — 123ª: **Глава тринадцятая. О Любвѣ, и десяти Приказаняхъ Божіихъ, о Приказанахъ Церковныхъ, и о противныхъ єй грѣхахъ.** Начало: **Что єсть Любовь?** Число статей: 93.

Л. 123ª — 125ᵇ: **Глава четырнадцятая. О Контрактахъ или Змовахъ.** Начало: **Чи належатъ Змовы до Любви?** Число статей: 13.

Л. 125ᵇ — 136ᵇ: **Глава пятнадцятая. О Карахъ Церковныхъ.** Начало: **Тыи, которыи грѣшатъ противко Любви, якими карами повинны быти караныи и до Любви привернеными?** Число статей: 26.

Л. 136ᵇ — 152ª: **Глава шестнадцятая. О Наоуцѣ Христіанстѣй.** Начало: **Что іерей повиненъ учинити, съ Людми своєй Паствѣ повѣренными?** Число статей: 45. Эту главу мы имѣемъ на церковно-славянскомъ и польскомъ языкахъ.

Л. 152ᵇ — 1*: **Заблужденія Типографскія, обрѣтающіяся въ Книзѣ сей.**

Въ библіографическомъ отношеніи можетъ впрочемъ быть отмѣчено въ этомъ изданіи еще и то обстоятельство, что листы 134 и 135 по ошибкѣ наборщика обозначены р҃кд и р҃ке, вслѣдствіе чего сигнатура р҃кд и р҃ке повторяется дважды.

Какъ Уневское изданіе, такъ и изданіе 1751 г. или первое Почаевское напечатано въ 4-у и содержитъ I + 188 + 53* листа. Эти листы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Л. I^a: Заглавная надпись, которая дословно говоритъ слѣдующее: **Б҃гословїа нравоучителнаа содержащаѧ в себѣ собранное вкратцѣ Поученїе ѡ С҃тыхъ Тайнахъ, ѡ Добродѣтелехъ Б҃гословскихъ, ѡ Заповѣдехъ Б҃жїихъ, ѡ Заповѣдех Церковныхъ, ѡ Грѣхахъ, ѡ Казнехъ и Карахъ Церковныхъ, съ приложенїемъ обычныѧ Науки ѡ Догматахъ Вѣры Каѳолїческиѧ, и Лехїкона Славенско-Полскагѡ, особамъ д҃ховнымъ, наипачеже Пресвѵтерωмъ Парохїалнымъ Б҃гопотребное, в монастирѣ Почаевскомъ, чину с҃тагѡ Василїа Великагѡ, Року ѿ Воплощенїѧ Х҃ва, ҂аѱна. тѵпомъ изданаѧ.**

Л. I^b: Выше приведенная утвердительная грамота епископа Ѳеодосія Лубинецкаго-Рудницкаго.

Л. 1^a — 100^a: **Часть перваѧ ѡ с҃тыхъ Тайнахъ, или Сакраментахъ.** Эта часть состоитъ изъ 9 главъ, которыя соотвѣтствуютъ 1—10 главамъ Уневскаго изданія, въ слѣдующемъ порядкѣ (я обозначаю Почаевское изданіе 1751 года кратко черезъ П, Уневское — черезъ У): П I, 1 = У I; П I, 2 = У II; П I, 3 = У III; П I, 4 = У IV; П I, 5 = У V; П I, 6 = У VI; П I, 7 = У VII; П I, 8 = У VIII + IX; П I, 9 = У X. Число §§-овъ въ 1-ой главѣ этой части: 23; во второй: 34; въ 3-ей: 16; въ 4-ой: 24; въ пятой: 30; въ шестой: 47; въ 7-ой: 13; въ восьмой: 65; въ девятой: 29.

Л. 100^b — 142^a: **Часть втораѧ, ѡ Добродѣтелехъ б҃гословскихъ. заповѣде Б҃жїихъ, и Ц҃рковныхъ.** Эта часть состоитъ изъ 5 главъ, которымъ въ Уневскомъ изданіи соотвѣтствуютъ главы XI—XII и часть главы XIII слѣдующимъ образомъ: П II, 1 = У XI + У XIII, § 12; П II, 2 = У XII, §§ 1—13

(остальнаго недостаетъ); П II, 3 = У XIII, §§ 1—8, какъ и §§ 67—79; П II, 4 = У XIII, §§ 9—65; П II, 5 = У XIII, § 66 (остальн. недостаетъ). Число §§-овъ въ I-ой главѣ этой части простирается до 40; во второй: 15; въ 3-ей: 23; въ 4-ой: 58; въ 5-ой: 10.

Л. 142[a] — 161[a]: **Часть третіѧ, ѿ Грѣхахъ.** Эта часть содержитъ 6 главъ, которымъ въ Уневскомъ изданіи соотвѣтствуютъ часть XIII-ой гл. и гл. XIV, а именно: П III, 2 = У XIII, §§ 80—88; П III, 5 = У XIV. Глава П III, 6 не имѣетъ соотвѣтствія въ У, а П III, 1 и П III, 4 замѣняются въ У только однимъ параграфомъ. Число параграфовъ въ 1-ой главѣ этой части 6, во второй — 8, въ 3-й — 10, въ 4-ой — 4, въ пятой — 13, въ 6-ой — 2.

Л. 161[a] — 174[b]: **Часть четвертаѧ, ѿ Карахъ Церковныхъ.** Эта часть состоитъ изъ 5 главъ, которымъ въ Уневскомъ изданіи соотвѣтствуетъ XV-я глава, а именно: П IV, 1 = У XV, §§ 1—6; П IV, 2 = У XV, §§ 8—10; П IV, 3 = У XV, § 11 и частію также §§ 12 и 13; П IV, 4 = У XV, §§ 18, 20, 21 и 22; П IV, 5 = У XV, §§ 23, 24, 16 и 17. Число параграфовъ въ первой главѣ этой части 5, во второй — 8, въ 3-й — 4, въ 4-ой — 6, въ пятой — 8.

Л. 175[a] — 188[b]: **Краткоє поученіє ѿ наукѣ хртїанской.** Это дословный списокъ XVI-ой главы Уневскаго изданія. Въ библіографическомъ отношеніи можетъ еще быть замѣчено, что, такъ какъ польскій текстъ въ изданіи 1751 г. напечатанъ болѣе мелкими буквами, чѣмъ церковно-славянскій, первый обрывается уже на л. 186[b], между тѣмъ какъ церк.-славянскій продолжается еще до 188[b].

Л. 1* — 17*: **Оглавленіє вещей в Книзѣ сей обрѣтающихсѧ.**

Л. 18* — 52* (recto): **Лезіконъ сирѣчь: Словесникъ славенскій, имѣющъ в себѣ Словеса первѣе Славенскаѧ азбучнаѧ, посемъ же Полскаѧ, Благопотребный къ вразумѣнїю словесъ Славенскихъ Обрѣтающыхсѧ въ Книгахъ Церковныхъ.**

Л. 52* (verso) — 53* (verso): **Ката́логъ скатъ наро́чи́тыхъ ру́хомыхъ и нерухомыхъ.**

Изъ этого описанія слѣдуетъ затѣмъ, что Почаевское изданіе 1751 г. дѣйствительно основано на Уневскомъ, что однако въ сравненін съ нимъ оно должно быть названо отчасти переработаннымъ. Особенно же обнаруживается эта переработка въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Передъ заглавіемъ: **Поѹче́ніе ѡ Ст҃ыхъ Та́йнахъ** и проч. поставлены еще слова: **Бг҃ословіа нра́воѹчи́телнаѧ** и проч.

2) Выпущены: **Предосло́віе и Ѹстановле́ніе Ст҃а́го Собо́ра Замо́йскаго.**

3) И самый матеріалъ въ формальномъ отношеніи настолько измѣненъ, что онъ весь всего прежде расчлененъ на 4 части, а потомъ уже каждая часть на отдѣльныя главы, которыя, какъ показываетъ выше приведенное сопоставленіе, имѣютъ хотя одинаковый порядокъ, однако не всегда одинъ и тотъ же объемъ.

4) **Кра́ткое поѹче́ніе ѡ На́ѹцѣ Хрт҃іа́нской**, которое въ Уневскомъ изданіи составляетъ 16-ю главу, принято въ изданіи 1751 г. за стоящую внѣ системы прибавку.

5) Тѣмъ, кто приготовилъ изданіе 1751 г., былъ присоединенъ къ нему еще ц.-славянско-польскій словарь и кромѣ того каталогъ переходныхъ и непереходныхъ праздниковъ.

6) Онъ же прибавилъ къ отдѣльнымъ параграфамъ въ изданіи 1751 г. кирилловскіе нумера, а къ главѣ I, 9 — таблицу, представляющую степени родства.

Рядомъ съ этими болѣе формальными, т. е. болѣе касающимися внѣшняго вида книги отдѣльными особенностями между Уневскимъ и Почаевскимъ изданіемъ 1751 г. существуютъ еще и нѣкоторыя другія различія, которыя уже относятся къ самому дѣлу и въ этомъ смыслѣ слѣдоватеьно, конечно, гораздо важнѣе, чѣмъ тѣ. Измѣненія этого послѣдняго рода обнаруживаются слѣдующимъ образомъ:

1) Нѣкоторыя статьи при ихъ перенесеніи изъ Уневскаго въ Почаевское изданіе были сокращены. Сюда принадлежатъ: въ

гл. У VI §§ 30 и 33; въ гл. У VII § 2; въ гл. У VIII §§ 21 и 30; въ гл. У IX § 16; въ гл. У X §§ 9 и 10; въ гл. У XII § 2; въ гл. У XIII §§ 13, 35 и 66; въ гл. У XV § 8.

2) Нѣкоторые параграфы при ихъ переносѣ въ Почаевское изданіе частію расширены, частію переиначены. Сюда относятся: въ гл. У V §§ 6 и 8; въ гл. У VI §§ 16, 17, 26, 28, 31 и 32; въ гл. У VIII § 9; въ гл. У X §§ 18, 19 и 20; въ гл. У XI § 1; въ гл. У XIII §§ 15, 20, 30, 40, 48, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 89, 90, 91 и 93; въ гл. У XV §§ 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23 и 24.

3) Нѣкоторыя статьи Уневскаго изданія въ изданіи 1751 г. совершенно выпущены. Сюда принадлежатъ: въ гл. У II §§ 17 и 19; въ гл. У V § 26; въ гл. У VI §§ 10, 11, 24 и 29; въ гл. У VIII §§ 15, 19, 22, 23 и 27; въ гл. У IX §§ 8, 9, 11, 22 и 28; въ гл. У X § 5, 11, 21, 22 и 23; въ гл. У XI §§ 37 и 38; въ гл. У XIII §§ 47, 83, 87, 88, 92; въ гл. У XV §§ 1, 4, 7, 12, 13, 14, 15, 19, 25 и 26.

4) Многочисленныя статьи въ изданіи 1751 г. вновь прибавлены. Сюда принадлежатъ: въ гл. I, 2 § 10; въ гл. I, 3 § 16; въ гл. I, 5 §§ 7, 13, 14 и 19; въ гл. I, 6 §§ 9, 15, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37 и 39; въ гл. I, 8 §§ 21—25; въ гл. I, 9 §§ 18 и 23—29; въ гл. II, 1 §§ 37—40; въ гл. II, 2 §§ 14 и 15; въ гл. II, 3 § 10 и 11; въ гл. II, 4 §§ 2, 7 и 14; въ гл. II, 5 §§ 2—10; въ гл. III, 1 §§ 1—6 (слѣдоват. вся глава); въ гл. III, 3 §§ 2—8 (слѣдов. также почти вся глава); въ гл. III, 4 §§ 1 и 3; въ гл. III, 5 § 1; въ гл. IV, 1 § 3; въ гл. IV, 2 §§ 5, 7 и 8; въ гл. IV, 3 §§ 3 и 4; въ гл. IV, 4 §§ 3—6.

Такимъ образомъ ясно, что человѣкъ, приготовившій изданіе 1751 г., предпринялъ въ служившемъ ему оригиналомъ изданіи 1745 г. довольно большія измѣненія, которыя относились отчасти къ внѣшнему виду книги, отчасти къ са́мому содержанію.

Далѣе оказывается также, что отъ этихъ измѣненій главы VI, X, XIII и XV Уневскаго изданія гораздо больше пострадали, чѣмъ главы I, II, III, IV, V, VII, VIII, IX, XI, XII и XIV

того же изданія. Ибо между тѣмъ какъ послѣднія главы въ нашей ссылкѣ или не упомянуты совсѣмъ или только кое-гдѣ упомянуты, главы VI, X, XIII и XV надо отмѣтить какъ довольно часто являющіяся въ выше приведенной ссылкѣ.

Впрочемъ, чтобы какъ эти измѣненія такъ и взаимный характеръ этихъ изданій еще болѣе сдѣлать очевиднымъ, я дословно привожу здѣсь начало гл. У XI и начало гл. У XV вмѣстѣ съ соотвѣтствующими мѣстами изданія 1751 г.

1) Гл. У XI, §§ 1—6.

a) По Уневскому изданію.

Глава̑ є҆ди́на̑нцѧта̑ѧ.

О Вѣ́ры Хрїстїа́нской и҆ Сѷмволѣ Вѣ́ры.

Мно́го є҆́стъ Цно́тъ Бг҃осло́вскихъ?

Ѿвѣ́тъ. Трѝ: Вѣ́ра, Надє́жда, и҆ Любо̀въ.

Чтò є҆́стъ Вѣ́ра?

Ѿвѣ́тъ. Вѣ́ра є҆́стъ наклоне́нїє ра́зꙋма, до̀ вѣрова́на тѝмъ рѣ́чомъ, кото́рыхъ не вѣ́димъ,

b) По Почаевск. изд. 1751 г.

Ча̑сть втора̑ѧ,

Ѡ Добродѣ́телехъ Бг҃осло́вскихъ. за́повѣдехъ Бж҃їихъ, и҆ Цр҃ко́вныхъ.

Поне́же ме́жду Добродѣ́телми, сі́и є҆́сть цно́тами Бг҃осло́вскими (и҆̑хже є҆́сть трѝ: Вѣра̑, На̑дє҆жда̑ и҆ Лю̑бовь) пе́рвое мѣ́сто прима́етъ Добродѣ́тель Вѣра̑, не для тогѡ̀ ꙗ҆́кѡ бы была̀ достоинѣ́йшаѧ ѿ и҆̑ныхъ Добродѣ́теле̏, но ꙗ҆́кѡ речѐ ст҃ы́й собо́ръ Трїде́нтскїй въ Засѣда́нїи г҃. въ Главѣ̀ и҃. є҆́сть чловѣ́ческаго сп҃нїѧ нача́ло, ѡ҆снова́нїє, и҆ ко́рень всѧ́кагѡ ѡ҆правда́нїѧ: сегѡ̀ ра́ди

Глава̑ пе̑рва̑ѧ,

ѡ Вѣ́рѣ.

а҃. Во́просъ. Чтò є҆́сть Вѣ́ра?

Ѿвѣтъ. Вѣ́ра є҆́сть Цно́та Бг҃осло́вскаѧ наклана́ющаѧ ра́зꙋмъ человѣ́ческїй къ ꙋ҆вѣре́нїю и ви-

ꙗ҆́коже речѐ Гдь нш҃ъ Іс҃ъ Хс҃ъ, къ Ѳомѣ̀ Ап҃лꙋ: Ꙗ҆́ко видѣвъ мѧ̀: вѣровалъ є҆сѝ, Бл҃жени не видѣвшіи҃, и҆ вѣровавшіи҃. Длѧ̀ того̀ и҆ Бг҃ослове мо́ват посполѣте Латі́нскимъ ꙗ҆зыкомъ: Fides, est credere id, quod non vides. то є҆́стъ: Вѣра є҆́стъ колѝ вѣришъ, тое, чого̀ не вѣдишъ.

Мно́го є҆́сты (sic!) Вѣръ?

Ѿвѣтъ. Вѣра є҆́стъ є҆дна̀ Каѳоли́ческаѧ, Ап҃льскаѧ, въ Цр҃кви Бж҃іей, которою радитъ Папа Римскіи, и҆нныи҃ зась Вѣры, не могꙋтъ называтисѧ Вѣрами, а҆ле Сектами, то є҆́стъ ѿсѣченными, ѿ Цр҃кве Бж҃іеѧ.

Въ є҆ди́ной Вѣры, чѝ могꙋтъ быти ро́жныи҃ ѡ҆бр҃аки, и҆ Церемо́ніи҃?

Ѿвѣтъ. Въ є҆ди́ной вѣры, не то́кмо могꙋтъ быти, а҆ле и҆ сꙋ́ть ро́жныи҃ ѡ҆бр҃аки, бо и҆на́чей Римлѧне, и҆на́чей Греко́ве и҆ Рꙋсь, и҆на́чей Арменове, и҆на́чей Сѵрі́ане ѡтправꙋютъ, Слꙋ́жбꙋ Бж҃ію, и҆ Набоже́нство, а҆ ꙋ҆ тыхъ всѣхъ вѣрꙋючихъ та̀къ, ꙗ҆́ко повелѣваетъ Ст҃аѧ Римскаѧ Цр҃ковъ, є҆́стъ є҆ди́на Вѣра, и҆ є҆ди́но Крещеніе.

Опро́чъ Вѣры, чѝ є҆́стъ є҆́ще что̀ и҆нного, которое пріи҆мовати маемъ?

Ѿвѣтъ. Опро́чъ Вѣры маемъ пріи҆мовати преданіѧ ст҃ыхъ Ап҃лъ, и҆ ст҃ыхъ Ѻ҆ц҃евъ, то є҆́сть тримати

зна́нію си́хъ, ꙗ҆́же Бг҃ъ и҆звѣстѝ са́мъ собою, и҆лѝ чре Цр҃ковь ст҃ꙋю къ ꙋ҆вѣреню предадѐ. Сі́а же всѧ ꙗ҆́же къ ꙋ҆вѣре́нію преда́на сꙋ́ть, невидима сꙋт, по рече́номꙋ ѿ Гд҃а на́шего Іс҃а Хр҃та̀ къ Ап҃лꙋ Ѳѡмѣ: Ꙗ҆́кѡ видѣвъ мѧ вѣровалъ є҆сѝ, бл҃жени невидѣвшіи и҆ вѣровавшіи.

к҃. В: Мно́го є҆́сть Вѣръ?

Ѿ: Вѣра є҆́сть є҆ди́на Каѳолі́ческаѧ Ап҃тольскаѧ въ Цр҃кви Бж҃ой, которою радитъ Папа Рымскіи. И҆ными за́сь вѣры, не могꙋтъ называтисѧ вѣрами, но сектами, то є҆́сть ѿсѣче́ными ѿ Цр҃кве Бж҃иа.

г҃. В: Въ є҆ди́ной Вѣрѣ, чи могꙋтъ быти ро́жныи обра́ды и҆ церемѡ́ніи?

Ѿ: Въ є҆ди́ной Вѣрѣ не то́кмѡ могꙋтъ быти, но и҆ сꙋ́ть ро́жныи ѡ҆бра́ды: бо и҆на́чей Гре́кѡве и҆ Рꙋсь, и҆на́чей Рымлѧне, а҆ и҆на́чей Арме́нове, и҆на́чей Сѵрі́ане ѿправꙋютъ слꙋ́жбꙋ Бж҃ію, и҆ набоже́нство: а҆ ꙋ҆ тыхъ всѣхъ вѣрꙋющихъ та҃, ꙗ҆́кѡ повелѣваетъ Каѳолі́ческаѧ Цр҃ковь, є҆́сть є҆ди́на Вѣра и҆ єди́но Креще́ніе.

д҃. В: Опроч Вѣры, чи є҆́сть є҆щѐ что̀ и҆на҃ є҆́же пріи҆мова́ти маемъ?

Ѿ: Опроч Вѣры, маем пріи҆мова́ти Преда́ніѧ ст҃ыхъ Ап҃лъ, и҆ ст҃ыхъ ѻ҆ц҃евъ, то є҆́сть: маем три-

тѹ́ю наѹ́кѹ; котóрѹю нáмъ подалѝ ст҃ы́й Ѿцéве; и̂ А҆п҃лове, напри́кладъ пости́мъ Фили́повкѹ, бо такóе є̂́стъ предáніє ст҃ы́хъ О҆ц҃éвъ.

Ѵтò є̂́стъ Цр҃ковъ? и̂ мнóго є̂́ст' Цр҃квéй?

Ѿвѣ́тъ. Цр҃ковъ є̂́стъ згромажéніє вѣ́рѹюѵнхъ Людéй, въ Г҃да н҃шего І҃са Хр҃та. Тáѧ зàсь Цр҃ковъ є̂́стъ двоѧ́каѧ; Вою́юѵаѧ, и̂ Звытѧ́жнаѧ а̂́лбо Побѣди́телнаѧ; Цр҃ковъ воюю́ѵаѧ є̂́стъ згромажéніє вѣ́рѹющихъ, въ Х҃а, зостаю́ѵнхъ на землѝ. Цр҃ковъ Звы́тажнаѧ, и̂лѝ Побѣди́телнаѧ, є̂́стъ згромажéне Вѣ́рныхъ Хр҃то́выхъ, зостаю́ѵнхъ в' Н҃бн, и̂ Цр҃твѹ́ющнхъ, съ Г҃емъ н҃шнмъ І҃съ Хр҃томъ, котóрый ю́жè побѣди́лн, и̂ звы́тажнлн дїáвола.

мáтн тѹ́ю наѹ́кѹ, котóрѹю нáмъ подалѝ ст҃ы́н о̂ц҃ы̀, и̂ А҆п҃лн: напри́кладъ, пости́тн Фїлі́повкѹ, є̂́сть предáніє ст҃ы́хъ о̂ц҃éвъ.

є҃. В: Ѵтò є̂́сть Цéрковь, н мнóго є̂́сть церквéй?

Ѿ: Цéрковь є̂́сть собрáніє вѣ́рѹющыхъ людéй въ Б҃га Г҃да нáшего І҃са Хр҃та, бж҃твеннѣ созвáныхъ. Тáѧ зáсь Цр҃ковь є̂́сть двоѧ́каѧ: Воюю́ѵаѧ, и̂ Звнтѧ́жнаѧ а̂л́бѡ Побѣди́телнаѧ. Цр҃ковь Воюю́ѵаѧ, є̂́сть собрáніє вѣ́рѹющыхъ въ Хр҃та, зостаю́щыхъ на землѝ. Цр҃ковь Побѣди́телнаѧ, є̂́сть собрáніє Вѣ́рныхъ Хр҃то́выхъ зостаю́щыхъ въ н҃бѣ, и̂ цр҃твѹ́ющыхъ съ Г҃емъ нáшымъ І҃съ Хр҃томъ, котѡ́рын ѹ҆жè побѣди́лн, н звн́тажнлн дїáвола.

2) Гл. У XV, §§ 1—3.

a) По Уневскому изданію.

Глáвá пѧтнáнцѧтáѧ.

О Кáрахъ Цр҃кóвныхъ.

Ты́й, котóрый грѣшàтъ протн́во Люб'вѝ, ѧ҆кн́мн кáрамн повн́нны бы́тн карáный, и̂ до Любвѝ прнвернéный?

Ѿвѣ́тъ. Согрѣшáющій протн́во Любвѝ Б҃га, и̂лѝ Искренаго своéго, карáный, и̂ прнвернéный бывáютъ до Любвѝ, тымн кáрамн. а҃. Клѧ́твою. в҃. Запрѣщé-

b) По Почаевск. изд. 1751 г.

Ѵáсть ѵетвéртаѧ,

ѡ Кáрахъ Цéрковныхъ.

Кáры Цр҃кóвны, сѹ́ть двоѧ́кін: є̂дны̀ нарнцáютсѧ Враѵéбнын, Кáзнн г҃лемын: дрѹгін Мстн́телнын. Нарнцáемын Враѵéбнын сѹ́ть: Клѧ́тва, Обвѣшéніє и̂лѝ ѹ҆держáніє, и̂ Запрѣщéніє. Мстн́телнын сѹ́ть: Неслáва, Казненіє грн́внамн, Казнéніє темнн́цею, Неклюѵн́мство, Нnзложéніє, и̂

ніемъ. г҃. Низверженіемъ. д҃. Заклѧнаніемъ. є҃. Неклюуимствомъ. ѕ҃. Пострахомъ нехована тѣла по смрти, на стомъ Мѣсцꙋ.

Велѧоракаѧ єсть кара Дховнаѧ?

Ѿвѣтъ. Єсть двоакаѧ, єдна таѧ, к которꙋю, скоро кто согрѣшитъ впадаетъ, и называетсѧ: Latae ſententiae. Дрꙋгаѧ таѧ, к которꙋю не заразъ по грѣхꙋ впадаетъ үлвкъ, але треба, абы Сꙋдїѧ үлвка за грѣхъ ѿсꙋдилъ, а потом, любъ выклалъ, любъ заприт҆илъ, и таѧ кара называетсѧ: Ferende ſententiae.

Низверженіе. ѿ сихъ всѣхъ нѣкаѧ иже къ оуведѣнію сꙋть потребна, во кратцѣ в сей үасти нз҆ѧвлѧютсѧ.

Глава перваѧ,

ѿ Казнехъ Цр҃ковныхъ ѡбще.

а҃. Вопросъ. Үто, и велора каѧ єсть Казнь Церковнаѧ?

Ѿвѣтъ, а҃. Казнь Церковнаѧ, Ценсꙋра ѡбыүне рекома, єст Кара дховнаѧ и Враүебнаѧ, єюже үловѣкови окрещеномꙋ и преступившемꙋ, властїю Цр҃ковною ѿбыраетсѧ оужнванѥ нѣкїихъ дѡбръ дховныхъ.

Ѿ: в҃. Казнь сїѧ єсть троакаѧ: а҃. Клатва. в҃. Ѡввѣшеніе или оудержаніе. г҃. Запрещеніе. Каждеже ѿ сихъ Казней, пакы єст двоакаѧ: єдна, иже стыми Канѡнами и Правилами Цр҃ковными єсть оустановленаѧ: и нарицаетсѧ Ценсꙋра правна. Дрꙋгаѧ, иже ѿ Єпспа, сꙋдїи, или иного властелина Церковнагѡ наноситсѧ: и нарицаетсѧ Ценсꙋра үеловѣүеска. Пакы же, ина Ценсꙋра єсть, иже єсть оуже нанесена, и оустановлена, в нюже самимъ, дѣла (при нем же єст) исполненіемъ, үлвѣкъ впадаетъ; наприкладъ: бїай ѡсобꙋ дховнꙋю, самимъ дѣла исполненіем, безъ всѧкагѡ сꙋдꙋ, впадаетъ въ клатвꙋ: ꙗкѡ противкѡ бїющымъ ѡсѡбы дхѡвныѧ, стымъ Канѡномъ зі: Аще кто наꙋщенъ

Ктò мáєтъ тыи̑ кáры назначáти, и̑ комꙋ̀?

Ѿвѣ́тъ. Тòй котóрый назначáєтъ кáрꙋ Ц҃рко́внꙋю, мáєтъ бы́ти. а҃. Живы́й. в҃. Мáєтъ мѣ́ти рóзꙋмъ доскона́лый. г҃. Мáєтъ бы́ти ѡ̑крещéнный. д҃. Мáєтъ бы́ти Д҃хо́вная Осо́ба. е҃. Мáєтъ назначи́ти кáрꙋ тылко дла̀ попрáвы жи́тіѧ, а̑ не зезлóсти. Тòй зàсь котóрый мáєтъ бы́ти кара́ный, мáєтъ бы́ти. Пéрвѣе живы́й. в҃. Мáєтъ бы́ти ѡ̑крещéнный. г҃. Мáєтъ бы́ти доро́слый. д҃. Мáєтъ бы́ти грѣ́х смр҃тéлный ѹ̑чинéный, ѿ тогò котóрый мáєтъ бы́ти карáны, бо за грѣ́хъ повшéнїй, не мóжетъ никтò бы́ти карáный Кáрою Д҃хо́вною. е҃. Мáєтъ бы́ти пѡдáным томꙋ̀, котóрый кáрꙋ вкладáєтъ.

дїáволомъ; и прѡ́чаѧ: є̑́сть ѹ̑становлéна клáтва. Ина є̑́сть, в̾ нюже сáмим̾ дѣ́ла исполнéнїемъ чл҃вѣ́къ не впадáєтъ, но по и̑спо́лнéнїи дѣ́ла, чре́з декрéтъ сꙋдїи̑ д҃хо́внагѡ нано́ситсѧ.

в҃. В: Ктò, и проти́вꙋ комꙋ̀, ка̑зни наноси́ти мóжетъ?

Ѿ: а҃. Всáкъ, и̑ сáмъ тóй ка̑зни наноси́ти мóжетъ, и̑́же и̑́матъ влáсть церко́внꙋю Обы́чнꙋю; ꙗ̑́кѡ: Пáпа по всéмъ мíрѣ: Е҃пп҃ъ въ своéй дїецéзїи: Капѣ́тꙋла въ времѧ вдовствꙋ́ющой Ц҃ркви Е҃пскóй: Намѣ́стникъ и̑лѝ Вѣкáрїй є̑нерáлный Е҃пскїй, ѻ̑бы́чнѣ Оффїцїáлъ рекóмый: Нꙋ́нцїꙋшъ А҃пто́лскїй: Архїмандрїтѡве и̑мꙋ́щыи влáсть а̑́ки Е҃пскꙋю, и̑ прѡ҃: и̑лѝ ѿ и̑́нагѡ себѣ̀ Порꙋчéнꙋю. Сéѧ же влáсти, лю́де́мъ мíрскимъ, и невѣ́стомъ, врꙋча́ти неподобáєтъ: и̑́бѡ сꙋ́ть неспосóбныи къ врꙋчéнїю себѣ̀ влáсти д҃хо́вной и Церко́вной.

Ѿ: в҃. Ка̑зни наноси́тисѧ мо́гꙋтъ, проти́вꙋ сáмымъ лю́демъ подрꙋ́чнымъ и̑ пѡдáнымъ въ мíрѣ сéмъ живꙋ́щымъ (и̑́бѡ ѹ̑сóпшїи не сꙋ́ть пѡ̀ влáстїю Ц҃рко́вною;) проти́вꙋ ѹ̑порчи́вымъ: понéже ка̑зни, сꙋ́ть кáры врачéбныи на прелама́н̾є ѹ̑пóрꙋ людéй ѹ̑становлéныи; проти́вꙋ творѧ́щыи грѣ̀ внѣ́шный, (и̑́бѡ влáсть Ц҃ркве мсти́телнаѧ не стагáєтсѧ къ внꙋ́трни) ѹ̑стáвомъ Церко́вънымъ проти́вный, совершéнный, и̑ тѧ́жкїй; и̑́бѡ є̑́сть кáра тѧ́жкаѧ.

Но изложеніемъ отношеній, существующихъ между Уневскимъ и первымъ Почаевскимъ изданіемъ, наша задача разрѣшена только отчасти. Изъ Хронологическаго Указателя мы узнаемъ, что «Богословія нравоучительная», о которой идетъ рѣчь, кромѣ изданій 1745 и 1751 гг., дождалась еще другихъ 6 изданій, изъ которыхъ 4 выпало на долю типографіи Василіанской въ Почаевѣ, 2 на долю типографіи Ставропигіанскаго братства во Львовѣ. Поэтому необходимо сказать нѣсколько словъ и объ этихъ изданіяхъ.

Во первыхъ что касается Почаевскихъ изданій, то ближайшее изъ нихъ появилось въ 1756 г. Изъ сравненія, которое я сдѣлалъ между этимъ и обоими непосредственно предшествующими ему изданіями, получился тотъ результатъ, что оно по содержанію довольно точно согласуется съ изданіемъ 1751 г. Въ дѣйствительности я замѣтилъ только слѣдующія различія:

1) въ заглавной надписи вмѣсто числа года 1751 поставлено число 1756;

2) число листовъ, вслѣдствіе болѣе сжатаго печатанія, не 1+188+53, но только 1+169+42+1*, и вторая часть напр. начинается уже на л. 77ᵇ;

3) правописаніе гораздо болѣе неправильно и произвольнѣе, чѣмъ въ изданіи 1751 г.[7]).

Не такъ незначительны, какъ эти, различія, существующія между изданіемъ 1751 г. и изданіемъ 1779 г. Ибо хотя и это изданіе въ цѣломъ есть только перепечатка, въ основаніе которой легло изданіе 1751 г., однако она отличается отъ него, какъ мнѣ пишутъ изъ Одессы на основаніи экземпляра Тихоцкаго, въ отдѣльностяхъ слѣдующимъ:

---

[7]) Такъ напр. введеніе къ второй части въ изданіи 1756 г. имѣетъ слѣдующій видъ: Понеже между Добродѣтелями сіесть Цнотами Богословскимы, ихже есть три: (Вѣра, Надежда, и Любовь) первое место тримаеть Добродѣтель Вѣра, не для тогѡ ꙗкобы была достойнѣйша ѿ иныхъ Добродѣтелей, но ꙗкѡ рече стый соборъ Тридентскій въ Засѣданіи ѕ҃. въ Главѣ и҃. есть чл҃вѣческагѡ спсніꙗ начало, основаніе, и корень всꙗкагѡ оправданіꙗ: сегѡ ради: Глава первая, ѿ Вѣрѣ.

1) славяно-польскаго лексикона, а также и каталога переходныхъ и непереходныхъ праздниковъ въ изданіи 1779 г. уже нѣтъ;

2) нѣкоторые параграфы расширены, иные вновь прибавлены;

3) къ иллюстраціи, находящейся въ изданіи 1751 г., на л. 82а и представляющей степени родства, еще прибавлены нѣкоторыя другія иллюстраціи.

Но какіе именно это параграфы и иллюстраціи, изъ названнаго письма нельзя узнать, а также и дальнѣйшіе мои запросы остались безъ послѣдствія.

Но какъ бы ни были неточны сообщенныя здѣсь данныя, изъ нихъ однако съ достаточной увѣренностью можно заключить, что изданіе 1779 г. къ изданію 1751 г. находится въ такомъ же отношеніи, какъ Почаевское изданіе, которое явилось въ 1787 г. Это послѣднее въ сравненіи съ изданіемъ 1751 г. представляетъ слѣдующія различія:

1) Въ заглавной надписи выброшены слова: **и҆ Леѯі́кона Славенско-По́лскаго** и вмѣсто нихъ поставлены слова: **и҆ нѣкоторыхъ вѣдомостей.**

2) Заключительныя слова заглавной надписи измѣнены такимъ образомъ, что въ изданіи 1787 г. они читаются такъ: **Тѵпомъ и҆зда́десѧ Второ́е**[8]). **Въ ст҃ой и҆ Чꙋдотво́рной Обители Поча́евской** и проч. **Ро́кꙋ Бж҃ія ҂а҃ѱпз го́да.**

3) Утвердительная грамота епископа Ѳеодосія Лубинецкаго-Рудницкаго замѣнена замѣткой тогдашняго книжнаго цензора, Іеронима Витошинскаго, которая въ точности содержитъ слѣдующее: **Въ достовѣрнѣйшее и҆звѣстіе подписꙋю Іеромона́хъ Іерони́мъ Вѣтоши́нскій, Ч. С. В. В. въ Діеце́зіяхъ Лꙋц: и҆ Остро̑: Кни́гъ Разсꙋди́тель. (р. к.).**

[8]) Прибавка: Тѵпомъ и҆зда́десѧ Второ́е хотя невѣрна, однако въ библіографическомъ отношеніи имѣетъ значеніе потому, что изъ нея слѣдуетъ, что приготовившій изд. 1787 г. не зналъ уже ничего о Почаевскихъ изд. 1751 г. и 1756 г.

4) Присоединено нѣкотораго рода предисловіе, которое озаглавлено: **Оувѣща́нїє Іере́емъ Сщенноде́йствꙋющымъ Ст҃ыѧ Та́йны.** Въ этомъ Увѣщаніи въ библіографическомъ отношеніи важно только мѣсто, гдѣ авторъ его говоритъ о *Почаевскомъ Евхологіи 1787 г.*, о которомъ въ теперь существующихъ библіографическихъ пособіяхъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Это мѣсто читается такъ: **Въ се́й Кни́зѣ а҆́ще и неиз҆ѡбрази́шасѧ ѡ҆бряды, и҆̀же при и҆справле́нїи коегóждо Сакраме́нтꙋ, ѡ҆па́снѡ всѧкомꙋ Іере́еви храни́ти подоба́етъ, да прили́чнѡ всѧ́кꙋю та́йнꙋ сотвори́тъ и҆ соверши́тъ. Сїѐ сегѡ̀ ра́ди ѡ҆ста́висѧ, да кі́йждо разсꙋ́дитъ прочте́тъ въ Єѵхологїѡнѣ и҆зда́нномъ въ Ла́врѣ Поча́евской го́да ҂а҃ѱп҃з.**

5) Нѣкоторые параграфы распространены, другіе вновь прибавлены. Къ первымъ принадлежатъ: въ гл. I 4 § 21 и въ гл. I 5 §§ 17, 20 и 23; къ послѣднимъ же: въ гл. I 5 §§ 8, 32 и 33 и въ гл. I 6 § 19ᵃ.

6) Нѣкоторые параграфы Почаевскаго изданія 1751 г. выпущены въ Почаевскомъ изданіи 1787 г. Сюда принадлежатъ: въ гл. I 2 § 23 и въ гл. II 1 § 35.

7) И славяно-польскій словарь, а также и каталогъ переходныхъ и непереходныхъ праздниковъ выпущены въ изданіи 1787 г.

8) Кромѣ иллюстраціи, которая находится въ изданіи 1751 г. на л. 82ᵃ и представляетъ степени родства, въ изданіи 1787 г. прибавлены еще 3 другія иллюстраціи, изъ которыхъ одна (на л. 26ᵃ) представляетъ истинную форму еще не раздѣленнаго агнца, другая (на л. 36ᵃ) — истинную форму раздѣленнаго агнца и третья (на л. 110ᵇ) — степени родства, не находимыя на оной таблицѣ.

9) Цитаты, которыя въ изданіи 1751 г., а также въ изданіи 1756 г. напечатаны кирилловскими минускулами, въ этомъ изданіи всѣ напечатаны курсивомъ.

Что касается распространеній, о которыхъ я упомянулъ подъ 5), должно кромѣ того еще замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ значеніе и въ церковно-историческомъ отношеніи.

2*

Изъ этихъ распространеній обнаруживается, что латинизація греческаго обряда въ уніатскихъ церквахъ того времени достигла такихъ размѣровъ, что надоѣла наконецъ даже весьма искренно преданнымъ уніи съ Римомъ Почаевскимъ монахамъ, и они рѣшились новымъ изданіемъ «Богословіи нравоучительной» или, точнѣе говоря, тѣми прибавками къ старому приготовить конецъ этому безпорядку. Эти мѣста читаются дословно такъ:

1) Гл. I 5, § 23 (конецъ).

Зважа́ючи за́сь ве́щь и҆ ѡ҆бра́докъ на́шъ Ру́скїй з҆ Гре́ческагѡ взя́тый, се́й припа́докъ (здѣсь идетъ рѣчь о томъ, когда бы весь, еще нераздробленный агнецъ впалъ въ жертвенную чашу), и҆лѝ вопро́съ и҆ ѿвѣ́тъ на негѡ̀ не потре́бне тꙋ̀ ѿ древнѣ́йшихъ положе́ный. Іере́й бо, ве́длугъ Типикꙋ̀ Гре́ческаго, въ Слꙋже́бникꙋ, на то́мъ же мѣ́стцꙋ Слꙋ́жбы Бж҃ой, положе́ннаго, непові́ненъ Агнца розламова́ти надъ кі́лѣхомъ, (ꙗ҆́къ звы́кли нѣкото́рїи) а҆́ле надъ Ді́скосомъ и҆лѝ Пати́ною, и҆ то не на трѝ, а҆́ле на четы́ри ча́сти, полага́ючи и҆́хъ крестообра́знѡ, ꙗ҆́кѡ здѣ̀ ма́ешъ ѡ҆́бразъ и҆лѝ фі́гꙋрꙋ розлама́ннаго, ꙗ҆́къ бы на Ді́скосѣ положе́ннаго Агнца (слѣдуетъ иллюстрація). Та́ко те́ды чинѝ, же а҆́жъ по розлама́нїи на четы́ри ча́сти ст҃а́го Агнца, є҆днꙋ̀ ті́лко ве́рхнюю ча́сткꙋ, на кото́рой выраже́ннїй І҆с҃, въ Кі́лѣхъ въ пꙋска́ти бꙋ́дешъ, а҆ та́къ на за́вше ѹ҆ви́дешъ, положе́нного непотре́бне здѣ̀ Ка́зꙋсꙋ. Бо под҆ ча́съ Вонми́мъ ст҃а́ ст҃ы̑мъ, неналежи́тъ Агнца надъ кі́лѣхъ возноси́ти, чтѡ̀ є҆́сть по Латі́нскꙋ ѡ҆бра́домъ Ри́млянъ, а҆́ле вознесши четы́рми пе́рстами ѡ҆боє́ю рꙋ́кꙋ ст҃ы́й Агнецъ надъ Пати́ною, над҆ тое́южъ нале́житъ є҆гѡ̀ розламля́ти мо́вячи: *Раздробляется: и҆ прочая*:

2) Гл. I 5, § 31 (конецъ).

Вѣ́дай и҆ сѐ Іере́ю, ꙗ҆́кѡ по ѹ҆ста́вꙋ це́ркве за́паднїя на лїтꙋргі́ахъ ѡ҆ ѹ҆со́пшыхъ а҆́нѣ є҆ѵ҃лі́е чꙋ́лꙋется, а҆́нѣ причя́стїе ст҃ы́хъ Та́йнъ людє́мъ да́ется, а҆́нѣ при концѝ бл҃гослове́нїе ѡ҆бы́чное люде́й быва́етъ. Ѹ҆ Гре́кѡвъ за́сь и҆ на́шой Рꙋ́сѣ, нѣгдѣ̀ нема́емъ на то́е Типі́кѡвъ.

3) Гл. I 5, § 32.

Ѧв. В: Чи повиненъ Іерей ѿправꙋючи Слꙋжбꙋ Бж҃ꙋю всѣ тыи церемоніи заховати, ꙗкъ въ Слꙋжебникахъ сꙋть ѡписанніи?

Ѿ: Повиненъ, и который бы ѻныхъ незаховалъ грѣшилъ бы. Се же найпаче Іерей оуважати повиненъ, абы, гдѣ треба рꙋцѣ тримати совокꙋпленны, ѻныхъ несовокꙋплялъ.

Такожде и тое вѣдати маетъ, гдѣ повиненъ колѣнопоклоненіе творити, а гдѣ неповиненъ. Сꙋть бо нѣкоторіи, сегѡ невѣдꙋщіи, и на колѣно приклякаютъ тамъ, гдѣ негодится. Ал҆бовѣмъ колѣнопоклоненіе токмѡ маетъ бывати тамъ, гдѣ сꙋть ст҃іи Тайны, ибѡ таковый поклонъ ѥсть повинный самомꙋ Бг҃ꙋ въ ст҃ыхъ Тайнахъ сꙋщомꙋ: а гдѣ немашъ ст҃ыхъ Тайнъ, тамъ на ѥдно колѣно поклонъ творити негодится; ѻпрочъ под҆ часъ *Единородный. и Вѣрꙋю въ единаго Бога*, **на тое слово:** *Вочеловѣчивыйся*. **Найбеспечнѣйше зась и найлꙋчше заховати всѣ церемоніи; которіи сꙋть написанныи и положеныи на каждомъ мѣстцꙋ самой літꙋргіи, а на тыхъ неѡбеспечатися, которіи при концѣ Слꙋжебника выдрꙋкованыи, бо тамъ дѣ противѡ вышеречѐннымъ ѡбрадомъ положено.**

+ Сꙋть нѣкоторіи Каплани Рꙋскіи, иже, начинаючи читати ст҃ое *Евангеліе*, **чинатъ крестики перстомъ правымъ: на** *Евангеліи*, **+. на** *Челѣ*. **+. на** *Оустахъ*, **+. и на** *Персехъ*. **+. Такожде: знаменаются Патиною и Килѣхомъ, знаменаютъ Килѣхомъ, по толь кратъ, Менсꙋ или Олтаръ, пред҆ благословеніемъ людей чинатъ перстомъ крестикъ + на Менсѣ. По благословеныи** (sic!) **на лѣвой странѣ Олтаря мовать ѿпꙋстъ, ал҆бо ꙗкое Евангеліе читаютъ. Тыи самі невѣдаютъ, ꙗкого Тѵпика держатся. Добрый то и побожный звычай, или церемоніа: але церкве западныя, и Капланowъ Латінскихъ, Римскихъ, бо певныи; ѿ давна, на тое маютъ оуставы, въ своихъ Латіскихъ** (sic!) **Мшалахъ, выразне на кождомъ мѣстцꙋ положеныи и приказаныи. Въ жаднѡ зась Рꙋскомъ, з҆ Греческаго Діалектꙋ и оуставꙋ, найвѣрнѣйше вытлꙋмаченомъ Слꙋжебникꙋ, нѣкто никогдаже таковыхъ нечиталъ ѡбрадовъ и церемоній. По что оубо чꙋжихъ, до ныхъ неналежащихъ,**

оу̑жнваютъ церемоньй? нѣсть оу̑ ныхъ ѡвѣта. Вѣдаютъ Пресвѵтери Римскіи, же благословеніе Хлѣбѡвъ, Пшеницы, Віна, и Єлеа, Благословеніе хлѣба пред Літургіею, или Проскомидія. Переносъ, з жертовника на Олтаръ, з Килѣхомъ пред уготованнаго Агнца. Ѡборотъ з Килѣхомъ со Стѣйшими Тайнами къ людемъ, и благословеніе тымижъ людей: вѣдаютъ, глаголю, Каплани Римскіи, же тыи всѣ церемоніи, ѿ Капланѡвъ Греческихъ и Рускихъ чиненныи, сꙋть добрыи, побожныи, а єднакъ того неуинатъ: анѣ мирꙋются и мированія недаютъ, анѣ Проскомидіи неѿправляютъ, анѣ з Килѣхомъ и со Стѣйшими Тайнами, под час Мши, къ людемъ неѡбертаются, и прочаа.

А понеже Канѡны и Стіи Оцы давнѣйше, и по томъ Соборы Єнералныи или Повшехныи, постановили, и Стая Столица Апостолскаа, чрез многія Бꙋллы ѿ рожныхъ Намѣстникѡвъ Хртовыхъ Папѣжѡвъ Римскихъ виданыа, оу̑тверждала, и завше оу̑тверждаетъ сіе, абы, въ справованю Стѣйшихъ Тайнъ, или Сакраментовъ, а ѡсобливе знову, въ ѿправованю Слꙋжбы Бжой, жаденъ Ритꙋалъ, неважился нѣчого оу̑йм овати, анѣ придавати: и Синодъ Замойскій ѿ Стѣйшаго Патріархи Римскаго потвержденный, повелѣваетъ. абы во всѣмъ набоженствѣ, и справованю Слꙋжбы Бжой, (ѡпрочъ вливанія воды въ Килѣхъ, по Вонимиъ: и прочаа.) Ѡбрадн Греческіи неѿмѣнне ѿ Рꙋской Соединеной церкви Капланѡвъ заховалися. Для того дается тꙋ пересторога, абы власть маючыи, Вѣзнтаторы, и прочіи. таковыхъ церемоньй непотребныхъ въ Слꙋжбѣ Бжой, заказали. А приказъ нехай бꙋдетъ под карами, абы каждый належите и конечне свои церемоніи въ Слꙋжбѣ Бжой заховалъ.

Почаевское изданіе 1793 г. есть столь точная перепечатка послѣдняго сейчасъ описаннаго, что я въ библіографическомъ отношеніи, какъ характеристическій признакъ его, могу указать только слѣдующія 2 особенности:

1) Столь же сами собой понятныя, какъ и не имѣющія значенія измѣненія, которыя были сдѣланы въ заглавной надписи и замѣткѣ цензора.

2) То обстоятельство, что между тѣмъ какъ въ изданіи 1787 г. число листовъ 2 + 214 + 14 [9]), въ изданіи 1793 г. оно простирается до 2 + 234.

Теперь, переходя къ Львовскимъ изданіямъ Богословіи, я долженъ замѣтить, что эти изданія сдѣлались рѣшительно библіографическими рѣдкостями. Отъ экземпляровъ, которые зналъ еще Д. Зубрицкій [10]), и изъ которыхъ одинъ (изд. 1752 г.) хранился въ библіотекѣ Василіанцевъ во Львовѣ, другой (изд. 1760 г.) въ библіотекѣ Ставропигіанскаго института во Львовѣ, теперь нѣтъ никакого слѣда, изъ прочихъ же экземпляровъ въ библіографическомъ отношеніи извѣстенъ только тотъ, который находится въ библіотекѣ Тихоцкаго въ Одессѣ и по Хронологическому Указателю представляетъ изданіе 1760 г. Къ счастію, я черезъ посредство моего брата Ѳеофила, которому я обязанъ уже столькими библіографическими рѣдкостями [11]), получилъ собственные экземпляры также и Львовскихъ изданій «Богословіи нравоучительной», и могу относительно ихъ сказать слѣдующее:

Львовское изданіе 1752 г. напечатано въ 8-ку и содержитъ 2 + 412 + 68 страницъ. Первня 2 и послѣднія 68 страницъ не нумерованы, среднія напротивъ снабжены послѣдовательно продолжающейся кирилловской нумераціей. Онѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Ст. I: Заглавная надпись, которая читается слѣдующимъ образомъ: **Бг҃ословіа Нравоучи́телнаа содержа́щаа в́ себѣ̀ Поуче́ніе ѡ Ст҃ы́хъ Та́йнахъ, ѡ Добродѣ́телехъ Бг҃осло́вскихъ, ѡ За́повѣдехъ Бж҃інхъ и҆ Церко́вныхъ, ѡ Грѣха́хъ, ѡ Ка́знехъ и҆ Ка́рахъ Церко́вныхъ, в́ Кра́цѣ Собранное ѡсо́бомъ Дх҃о́внымъ,**

---

9) Данная Хронологическаго Указателя, что число листовъ въ этомъ изданіи 3 + 214 + 14, поэтому не вполнѣ вѣрна.

10) Ср. его Historyczne badania o drukarniach ruskosłowiańskich w Galicyi, Lwów 1836, ст. 32 и 36—37.

11) Такъ я черезъ него пріобрѣлъ напр. очень хорошо сохранившійся экземпляръ ΘΡΗΝΟΣ Смотрицкаго, а также 1-е изданіе славяно-русскаго лексикона Памвы Берынды и др.

наипа́че же Пресвv́теромъ Парохіа́лнымъ, и до са́на Іере́йскаго готова́щимся Благопотре́бное. Тv́помъ Братства при Це́ркви Хра́ма Оуспе́нія престы́я Бл҃нцы на́шея Бг҃ѣ. Въ Львовѣ съ приложе́ніемъ мно́гихъ вещей Изданное. Ро́ку ѿ Воплощенія Хр҃това ҂аѱнв.

Ст. II: Утвердительная грамота Львовскаго епископа Льва Шептицкаго, подлинныя слова которой таковы: Лео́нъ на Шептицахъ Шептицкій Бж҃ею и стг҃о Аптолскаго Престо́ла Бл҃года́тію, Єпископъ Львовскій, Галицкій и Ка́менца Подо́лскагѡ, Архимандрита Мелецкій. Книгу: Бг҃ословія Нравоучителная сіесть Поуче́ніе ѡ стыхъ Та́йнахъ, и проч: Титле́нную в ѡбители Оуневской Року ҂аѱме Тv́помъ изда́нную яко бл҃гопотре́бную и нитоже Вѣрѣ стой Каѳолическої противно в себѣ содержа́чу и съ приложе́ніемъ мно́гихъ єко Тv́помъ в Тvпогра́фіи Львовской печата́ты бл҃гословимъ и соизволя́емъ. Да́нъ въ Львовѣ, Мц҃а Ію́лія, дня к. Року ҂аѱнв. Леѡнъ Шептицкій, Єпп҃ъ Л: Г: К:

Ст. 1—238: Часть Первая. Ѡ Стыхъ Та́йнахъ. Число главъ и статей (вопросовъ и отвѣтовъ) въ каждой главѣ таково же, какъ и въ Почаевскомъ изданіи 1751 г.

Ст. 239—334: Часть Вторая. Ѡ Добродѣтелехъ Бг҃осло́вскихъ, За́повѣдех Бж҃іихъ; и Цр҃ко́вныхъ. Число главъ и статей то же самое, что и въ изданіи 1751 г.

Ст. 335—378: Часть Третая. Ѡ Грѣха́хъ. Точно такъ же, какъ и въ изданіи 1751 г.

Ст. 379—412: Часть д тая. Ѡ Ка́ра́хъ Це́рковныхъ. Все такъ же, какъ въ только что названномъ изданіи.

Ст. 1*—2*: Ѡглавле́ніе Титлъ началнѣйшыхъ.

Ст. 2*—28*: Сказа́ніе Ве́щей по Алфавиту.

Ст. 29*—68*: Кра́ткое Поуче́ніе ѡ На́уцѣ Хріστіа́нстей.

И такъ видно, что Львовское изданіе 1752 года, хотя въ утвердительной грамотѣ епископа Льва Шептицкаго упомянуто только объ Уневскомъ изданіи 1745 г., въ сущности (т. е. на сколько дѣло идетъ о самомъ предметѣ) есть точная пере-

печатка перваго Почаевскаго изданія [12]). Различія начинаются только со стр. 1* и обнаруживаются въ слѣдующихъ отдѣльныхъ чертахъ:

1) Такъ называемое Кра́ткое Поѹче́ніе сдвинуто съ того мѣста, которое оно занимаетъ въ Почаевскомъ изданіи 1751 г., и помѣщено въ концѣ книги.

2) Обозначеніе содержанія или оглавленіе измѣнено такимъ образомъ, что оно представляетъ всего прежде надписи отдѣльныхъ главъ каждой части и уже потомъ, подъ отдѣльной рубрикой, надписи отдѣльныхъ вопросовъ, и не въ томъ порядкѣ, какъ въ книгѣ, а въ алфавитномъ.

3) Славяно-польскій лексиконъ и каталогъ переходныхъ и непереходныхъ праздниковъ выпущены.

Что касается спеціально названнаго подъ 1) Краткаго поученія, то оно испытало при своемъ переносѣ въ Львовское изданіе, о которомъ идетъ рѣчь, кромѣ того еще слѣдующія измѣненія:

a) Былъ выпущенъ параллельный польскій текстъ этого поученія, содержащійся въ Уневскомъ и всѣхъ Почаевскихъ изданіяхъ.

b) И въ содержаніи его сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, которыя привели къ тому, что, между тѣмъ какъ указанное Поученіе въ Уневскомъ и во всѣхъ Почаевскихъ изданіяхъ состоитъ неизмѣнно изъ 45 параграфовъ, въ Львовскомъ изданіи 1752 г. число ихъ больше, чѣмъ втрое.

c) Вмѣсто первыхъ трехъ параграфовъ этого Поученія было помѣщено короткое руководство, которое воспроизводитъ сказанное въ тѣхъ параграфахъ слѣдующимъ образомъ: Поѹче́ніе Правовѣ́рныхъ ѿ Арті́кѹлахъ Вѣ́ры Хрісті́анской Каѳолі́ческой

[12]) Въ Хронологическомъ Указателѣ или, собственно говоря, въ Опытѣ россійской библіографіи изданіе Богословіи, о которомъ идетъ рѣчь, выставлено между тѣмъ какъ произведеніе епископа Льва Шептицкаго. «Богословіе — такъ читаемъ мы дословно подъ № 2173 — соч. Леонт. Шептицкаго, напеч. во Львовѣ, 1752 г., въ 8-ку. Наход. у Сопик. I, 157».

всѧ́къ Іере́й ка́ждой Неде́ли под̾ виною г҃. Гри́венъ на вла́снꙋю Це́рковъ Собо́ромъ Замо́йскимъ оу҆становле́нныхъ, до́лженъ твори́ти. Ибо а҆́ще сегѡ̀ не бꙋ́детъ, Хрїстове́рнїи҄ не возмогꙋ́тъ вѣ́дати всѧ̀ сїѧ̀ ꙗ҆̀же ко спасе́нїю и҆́хъ сꙋ́тъ по́лезнаѧ, а҃ тогѡ̀ ра́ди па́гꙋба дꙋ́шъ и҆́хъ ѿ рꙋ́къ недба́лихъ Па́роховъ взы́щется. Ко́егѡ стра́шнагѡ сꙋда̀ а҆́ще хота́тъ и҆збѣ́гнꙋты, да имѣ́ютъ прилѣ́жное ко Хрїстове́рнымъ ѡ҆ сей Наꙋ́цѣ попече́нїе. Ко́ждой теды Неде́ли, не и҃мѣ́ючи на́глой потре́бы, а҃лбо заба́вы ко́ждїи Па́рохъ по Є҆ѵ҃лїи҄ на слꙋ́жбѣ Бж҃ой, а҃лбо и҆ по слꙋ́жбѣ Бж҃ой, найпе́рвѣе з̾ Людмѝ, є҃же́ли не оу҆мѣ́ютъ, ма́етъ мо́вити Мл҃твы: Ѻ҆ч҃е на́шъ: Бц҃е Дв҃о: и҆ Вѣ́рꙋю в̾ є҃ди́наго Бг҃а: А҆́ще же оу҆мѣ́ютъ, то тїе ѿпꙋсти́вши, за́разъ бꙋ́детъ начина́ты ѿ спо́вѣди повседне́вной. Спо́вѣдь повседне́вная. А Грѣ́шнїй человѣ́къ и проч., точно какъ въ Почаевскихъ изданіяхъ Богословіи и въ каждомъ Евхологіи. **А҆́ктъ скрꙋ́хи. Гд҃и І҆с҃се Хр҃те** и проч. Такъ же, какъ въ Почаевскихъ изданіяхъ Богословіи и въ каждомъ Евхологіи. **Ѿмо́вивши Спо́вѣдь и҆ А҆́ктъ скрꙋ́хи, ма́етъ да́лей Люде́й оу҆чи́ты ве́длꙋгъ Вопро́совъ и҆ Ѿвѣ́товъ настꙋпꙋ́ющихъ, но не всего̀ ра́зомъ ко́ждой Неде́ли, а҃ле є҃ди́ной напри́кладъ Неде́лѣ ѡ҆ Бз҃ѣ, дрꙋ́гой ѡ҆ Приказа́нахъ, тре́той ѡ҆ Сакраме́нтахъ, Грѣха́хъ, и про҃: А то́е всѐ са́мъ на па́мать до́бре оу҆мѣ́ючи, з̾ людмѝ ча́сто на па́мать повтора́ти ма́е; а҃ часо́мъ и҆спита́етъ, но моло́дшихъ, а҃ не стары́хъ. А҆бо вѣ́мъ стары́е ꙗ҆́кне спита́нїи҄ не оу҆мѣ́ючи ѿповѣ́сты встыда́ются, и҆ длѧ всты́дꙋ на тако́й бл҃гопотре́бной Наꙋ́цѣ бо́лше нехота́тъ бꙋва́ты, но тако́вы҄ в̾ та́йнѣ, напри́кладъ на є҃ди́нѣ, а҃лбо при и҆́сповѣди пита́ты тре́ба, чи вѣ́дають то́е всѐ, що до и҆́хъ спасе́нїѧ є҆́стъ потре́бное. Зачина́ется теды:** (Тутъ слѣдуетъ первый, въ Почаевскихъ изданіяхъ четвертый вопросъ).

Львовское изданіе 1760 г. напечатано также въ 8-ку и содержитъ 12+412+68 страницъ[18]). Оно отличается отъ изданія 1752 г. только въ слѣдующихъ пунктахъ:

---

[18]) Въ Хронологическомъ Указателѣ, подъ ссылкой на книжный каталогъ Тихоцкаго, говорится вмѣсто о страницахъ о «листахъ», и вмѣсто 12 (относительно 6) поставлено 8.

1) Въ заглавной надписи число года 1752 замѣнено черезъ 1760.

2) На оборотной сторонѣ заглавнаго листа находится не утвердительная грамота, а гербъ фамиліи Шумлянскихъ съ 3-мя двустишіями, которыя читаются такимъ образомъ:

а҃.

Плинꙋ́тъ Шꙋмлѧнскі̑ по́лны бл҃гъмн Рѣ́кн
Но не ѝзчерпа́емн стрꙋ́ѝ ѝхъ на вѣ́кн.

в҃.

Ка̀ Ту́веръ Рымлѧ́нѡ҃, а҆ Ні́лъ Егѵптѧ́нѡ҃,
Та̀ Шꙋмлѧнскі̑ Рѣ́кн даю́тъ Россі́ѧнѡ҃.

г҃.

Не бо́йтеса ты̑ Во́лкѡвъ слове́сніе ста́да,
Ихже Шꙋмлѧнскі̑ Скі́ме҃ поже́не҃ до а҆́да.

3) Самому тексту «Богословіи нравоучительной» предшествуютъ, кромѣ заглавнаго листа, еще другіе 5 листовъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Л. II[a]—III[a]: Посвященіе Перемышльскому епископу Онуфрію Шумлянскому, которое начинается слѣдующими словами: **Ꙗ҆сне Велможномꙋ Егѡ̀ Ми́лосты Ѻ҆ц҃ꙋ Ѡ҆нꙋ́фрію Шꙋмлѧ́нскомꙋ̀ Б҃жі́ею и҆ ст҃а́гѡ А҆п҃толскагѡ Пр҃то́ла бл҃гті́ю Епи́скопꙋ Переми́шлскомꙋ, Сано́цкомꙋ и҆ Самбо́рскомꙋ Всензраднѣ́йшемꙋ Бл҃годѣ́телю на́шемꙋ Ми́ра, Здра́віѧ, и҆ Бл҃гополꙋ́чїѧ. Кни́жнца сі̀ѧ а҆́ще и҆ сама̀ ѿ себѐ, ꙗ҆́кѡ ѡ҆ висо́кихъ Б҃жестве́нныхъ Та́йнахъ** и проч. Подписались: **Смире́нніи Раби̑ и҆ непреста́нніи Б҃гомо́лцы Братство, Хра́мꙋ Ѹ҆спе́ніѧ Пресˇто́й Бц҃н, Лво́вское.**

Л. III[b]: Утвердительная грамота епископа Леона Шептицкаго, дословно содержащая слѣдующее: **Леѡ́нъ на Шепти́цахъ Шепти́цкій, Б҃жі́ею и҆ ст҃а́го А҆п҃лскагѡ Престо́ла Бл҃гті́ю Еп҃пъ Лво́вскій, Га́лицкій, и҆ Ка́менца подо́лскагѡ, А҆рхіма́ндрита Ком–**

мендатарїюшъ Мелецкїй. Книгу: Богословіа Нравоучителнаа сіестъ Поученіе ѡ стыхъ Таинахъ, и проч: Тітлеинную, ꙗкω блгопотребну и нитоже Вѣрѣ стой противнω к себѣ содержащу, Тупомъ Второе к Типографіи Львовской издаты блгословимъ, и соизволяемъ. Данъ въ Львовѣ, Мца Октωврїа, дна Г. Року Бжїа ,аѱѯ. Леѡнъ Шептицкїй, Єппъ Л: Г: К: Данїилъ Верхратскїй Єппскїй Писаръ.

Л. IV[a]—VI[b]: **Предословїе к Учителю Іерею.** Начало: **Оучитель Народωвъ стый Аплъ Павелъ** и проч. Въ библіографическомъ отношеніи въ этомъ предисловіи имѣетъ извѣстное значеніе только окончаніе, которое читается такъ: **Не лѣнися часто прилѣжати чтенїю сей малой Книжицѣ, ꙗже давно прежде єстъ Тупомъ издання, нынѣ же вящшею наукою ѡ вещехъ зѣлω потребныхъ приумножена** и проч.

Въ остальномъ изданіе 1760 г. столь неизмѣнно во всѣхъ отношеніяхъ согласно съ изданіемъ 1752 г., что при неполныхъ экземплярахъ едва можно было бы сказать, принадлежатъ ли они тому или другому изданію. Ибо хотя заглавныя надписи въ изданіи 1752 г. напечатаны нѣсколько болѣе крупными буквами, и въ виньетахъ между обоими изданіями замѣтна маленькая разница, но все это черты, которыя только тогда могли бы имѣть извѣстное значеніе, если бы имѣлись соотвѣтствующіе рисунки. Но такъ какъ этого нѣтъ, то я хочу привести другой, пожалуй, еще болѣе вѣрный и простой признакъ, это — орѳографія. Какъ доказательство этого, здѣсь приведемъ начало второй части какъ по изданію 1752 г., такъ и по изданію 1760 г.:

a) По изданію 1752 г.	b) По изданію 1760 г.
Часть вторая.	**Часть вторая.**
Ѡ Добродѣтелехъ Бгословскій, Заповѣдех Бжїих; и Црковны.	**Ѡ Добродѣтелехъ Бгословскихъ, Заповѣдехъ Бжїихъ, и Црковныхъ.**
Понеже между Добродѣтелмы сиестъ Цнотамы Бгословскимы,	**Понеже между Добродѣтелмы сіестъ Цнотами Бгословскими,**

и҆х҆же є҆́сть трѝ, Вѣра, Надежда, и҆ Лю́бовъ. пе́рвое мѣ́сто трима́етъ добродѣ́тель Вѣри, не длѧ̀ тогѡ̀ ꙗ҆́кѡбы бнлѧ̀ достойнѣ́йшаѧ ѿ и҆́нихъ добродѣ́телей, но ꙗ҆́кѡ речѐ ст҃ый собо́ръ Трїде́нтскїй в҆ Засѣда́нїи҃ г҃. в҆ Главѣ̀ н҃. є҆́сть человѣ́ческагѡ сп҃нїѧ нача́ло, ѡ҆снова́нїе, и҆ ко́рень вса́кагѡ ѡправда́нїѧ, сегѡ ра́ды; Глава перваѧ. ѡ Вѣ́рѣ.

и҆хъ же є҆́сть трѝ, Вѣра, Надежда, и҆ Любовъ. пе́рвое мѣ́сто трима́етъ добродѣ́тель Вѣри, не длѧ̀ тогѡ̀ ꙗ҆́кѡ бы былѧ̀ достойнѣ́йшаѧ ѿ и҆́ныхъ Добродѣ́телей, но ꙗ҆́кѡ речѐ ст҃ый собо́ръ Трїде́нтскїй в҆ Засѣда́нїи г҃. в҆ Гл҃: н҃. Єсть человѣ́ческагѡ спасе́нїѧ нача́ло, ѡ҆снова́нїе, и҆ ко́рень вса́кагѡ ѡ҆правда́нїѧ, сегѡ̀ ради; Главӑ пе́рваѧ. ѿ Вѣ́рѣ.

Какъ другой библіографическій признакъ впрочемъ можетъ быть отмѣчено и то обстоятельство, что изданіе 1752 г. въ концѣ 4-ой части прибавляетъ еще слова: **Коне́цъ Бг҃у сла́ва**, изданіе же 1760 г. представляетъ только одно слово: **Конецъ**.

Но теперь остается намъ изслѣдовать еще одинъ вопросъ, вопросъ о томъ, какъ произошелъ славяно-польскій лексиконъ, приложенный къ первымъ двумъ Почаевскимъ изданіямъ Богословіи.

На этотъ вопросъ, не лишенный интереса и для филологовъ, строго говоря, не такъ легко отвѣтить. Ибо хотя не подлежитъ сомнѣнію, что славяно-польскій лексиконъ, приложенный къ первымъ двумъ Почаевскимъ изданіямъ «Богословіи Нравоучительной», есть точная перепечатка лексикона, увидавшаго свѣтъ въ 1722 г. въ Василіанской Супрасльской типографіи [14]), но этимъ выше поставленный вопросъ еще далеко нельзя считать рѣшеннымъ. На мѣсто этого вопроса является сейчасъ же во-

---

[14]) Въ Geschichte des allmaeligen Verfalls der unirten ruthenischen Kirche im XVIII und XIX Jh. von E. Likowski, uebers. von A. Tłoczyński, Posen 1885, ст. 44, прим. 1 говорится, что этотъ лексиконъ былъ «припечатанъ» къ книгѣ, явившейся въ 1722 г. въ Супраслѣ и озаглавленной «Собраніе припадковъ краткое» и проч. Но я думаю, что эта данная основана на ошибкѣ, такъ какъ находящійся въ экземплярѣ Ликовскаго Супрасльскій лексиконъ могъ быть не «припечатанъ» къ нему, а только «привязанъ».

просъ дальнѣйшій о томъ, какъ произошелъ этотъ Супрасльскій лексиконъ.

Въ предисловіи, предшествующемъ названному словарю Супрасльскому, къ сожалѣнію, объ этомъ предметѣ нельзя найти многаго. Изъ этого предисловія[15]) мы узнаемъ только, что Супрасльскій лексиконъ обязанъ былъ своимъ выходомъ въ свѣтъ единственно тому обстоятельству, что духовные испытатели или экзаминаторы встрѣтили у соединеннаго съ Римомъ русскаго клира того времени такое вопіющее незнаніе церковно-славянскаго языка, что вслѣдствіе этого незнанія многіе уже исправлявшіе должность священниковъ должны были быть смѣщены, другіе, желавшіе сдѣлаться священниками, ради этого незнанія даже не могли получить должности священника. Чтобы затѣмъ помочь этому злу, былъ напечатанъ въ Василіанской типографіи въ Супраслѣ въ 1722 г. этотъ лексиконъ, но откуда авторъ этого словаря заимствовалъ свой матеріалъ, нельзя узнать изъ приложеннаго предисловія. На этомъ основаніи мнѣ ничего другого не осталось сдѣлать, какъ прибѣгнуть къ сравненію съ другими явившимися до 1722 г. лексикографическими работами, при чемъ само собою разумѣется, что напечатанныя въ западной части Россіи подверглись разсмотрѣнію на первомъ планѣ. Результатъ, котораго я достигъ, былъ тотъ, что какъ Супрасльскій лексиконъ, о которомъ идетъ рѣчь, такъ и implicite перепечатки, приложенныя къ названнымъ Почаевскимъ изданіямъ Богословія, — простое извлеченіе, въ основаніи котораго лежитъ

---

[15]) Съ неисчётною болѣстію сердца — такъ читаемъ въ этомъ предисловіи — и ѡ̃звою оу́тробы неоу́добь ѝсцѣлною; ѝзѡбрѣли Искꙋсителіе ѝли Еѯаминаторове, поставлѧемыхъ въ Іерейство Людей, ѡ̃кѡ сотный Іерей, є̃два Славенскій разꙋмѣетъ ѧ̃зыкъ, невѣдѧй что̀ чтетъ въ Бж҃ественой Слꙋжбѣ, съ погибелію своѧ̀, и порꙋченныхъ Паствѣ его̀ Дш҃ъ кровію Гд҃а Бг҃а нш҃его Іс҃а Хр҃та ѝскꙋпленныхъ, сіе́же всѐ ѝскꙋсно бысть текꙋщаго Го́дꙋ, и мно́зѣ ѿринове́нны ѿ рꙋкоположе́ніѧ на Іерейство, се́ѧ ра́ди вины̀, ѝзѡбрѣто́шасѧ. Сіѧ̀ всѧ̀ нераде́ніѧ, да въ Россі́и соедине́нной, ѝскорене́на бꙋ́дꙋтъ, Азбꙋчный Леѯіко̀нъ, съ его́же помо́щію, не то́кмо до Іерейскаго Са́нꙋ готовѧ́щіисѧ Лю́діе, но и самыи Іере́е, въ Славе́нскомъ ѝзꙋче́нии ѡбрѧ́щꙋтсѧ ѧзы́цѣ, Сꙋпра́слскаго Монастырѧ̀ Тѵ́помъ, ѝзда́етсѧ съ толкова́ніемъ слове́съ неоу́добь разꙋмѣтелныхъ.

единственно только лексиконъ, изданный въ 1627 г. Памвой Берындой[16]). Въ доказательство этого и чтобы читателямъ дать удобное средство узнать методу, которой слѣдовалъ авторъ этого извлеченія, я сдѣлалъ здѣсь небольшое сопоставленіе, которое въ столбцѣ налѣво представляетъ слова, начинающіяся съ буквы Б по лексикону Памвы Берынды, въ столбцѣ направо — слова, начинающіяся съ той же буквы по перепечаткѣ Супрасльскаго лексикона въ изданіи 1751 г. «Богословіи нравоучительной».

Б.	Б.
Ба́горъ: Φοινιxίς, **Шарла́товаа фарба.** *Purpura*, з҃р, **Ѵервлѣ̂.**	**Баго́ръ.** *Purpura.*
Багрѧни́ца: **шарла́тъ, а̑лбо є̑два́бъ багро́вои фа́рбы. и҆лѝ шарла́тнаѧ ша́та.**	**Багрѧни́ца.** *Szarłatna Szata.*
Ба́лїй, **и҆л҇ Баї̑а, Д҇а̑: в҃. Ѵаро́вни̑.** φαρμαxός, **Вѣ̑щб̑, а҆лбо лѣка̑.**	**Ба́лїй. Ба́їа.** *Czarownik. Wieſzczek Lekarz.*
Ба́лїа: Ѵаровни́ца, ѧ҆зѧ̀.	**Ба́лїа.** *Czarownica.*
Ба́лство: Лѣка́рство: а̑бо отрꙋ́та.	**Ба́лство.** *Lekarſtwo. Otruta.*
Банѧ, Кр҇щéнїє, Ва́нна, Ла́знѧ, Мы́лнѧ, бе̑: два: ли̑т, р҇оз.	**Ба́нѧ.** *Chrzeſt. Łaźnia. Wanna.*
Ба́снь: Ка́зка, ба́йка, вымысл҆.	**Ба́снь.** *Bayka.*
Баснослóвїє: Ба̑ѧ̑є, ба҆ки повѣда̑є.	**Баснослóвїє.** *Baiek powiadanie.*
Баснослóвъ: Байкоповѣ́даѵъ.	
Бдéнїє: Ѵꙋ́тье, Неспане.	**Бдѣ́нїє.** *Czućie.*
Бедрò, Бóкъ. б҇ѡ: и҃.	**Бедрò.** *Bok. Biodro.*
Безакóнїє: Непра́вость.	**Беззакóнїє.** *Nieprawość.*
Беззакóнникъ, Злóсникъ, нецнóта, παράνομος, **бе̑пра́вни̑. несправедливый.**	**Беззакóнникъ.** *Niecnota.*

[16]) Второе изданіе этого лексикона послѣдовало, какъ извѣстно, въ типографіи Кутейнскаго монастыря въ 1653 г., а новая, къ сожалѣнію, не очень исправная перепечатка появилась въ Сказаніяхъ русскаго народа Сахарова, Спб. 1849 г. II, ст. 5—118.

бост', сѵро́вость үлове́үей лю́дзкости.	
Безъ щѹ̂ка: Бе́зъ шѹ̂ма, бе́зъ плюско́ты. ба́рзо ти́хо.	Безъ щѹ̂ка. *Bez pluſkoty.*
Бервно̀, и҆лѝ бервено̀: Тра́мъ.	
Бесм҃ртенъ: Несмерте́лный.	
Беспоро́үнω, незазо́рно: Безъ подозре́нья, безъ прига́ны.	Безпоро́үнω. *Bez przygany.*
Бе́сѣда: Розмо́ва.	Бе́сѣда. *Rozmowa.*
Бесѣдова́нїе: ὁμιλία. Ро҃мовлѧ҃е.	
*Би́ло: Молото́къ которы́мъ стрѹ́ны натага́ютъ. Ит҃ѡ би́лце а҆́лбо пїо́рко кото́рымъ на̀ стрѹ́нахъ бранка́ют'. И до́щка ѡ҆голоше́нѧ мл҃твъ въ Оби́телѣ, и҆ на и҆́ныи потре́бы[18]).	Би́ло. *Młotek.*
Би́серъ: Пе́рла, жемүѹ́гъ. Ꙗ҆́коже би́серъ ѿ мо́лнїа, и҆ воды̀, та́ко и҆ хс҃ сложе́нъ, ѿ Бж҃тва, и҆ Үл҃тва. Гр҃и: Бо҃: с҃: а҃. то҃.	Би́серъ. *Perła..*
Би́шасѧ съ би́үми до̀ проли́тїа кро́ве своеѧ, г҃, цр҃: ні. ѿсю́дѹ биүова́нїе.	
	Бїга́мїа. *Dwożeństwo.*
	Бїга́мъ. *Dwoyżon.*
Бл҃гъ: До́брый, цнотли́вый, *Mężny.*	Бл҃гъ. Бл҃гій. *Dobry.*
Бл҃гій: До́брый, бе³ — *mdły.*	Бла́гъ. *Zły.*
Бл҃го́е: Доброе. Бл҃го: Добро̀.	
Бла́гω: Гды пи́ше́сѧ бе³ Ти́тлы, в' ро́сской мо́вѣ знаүи́тъ: Не гара́здъ, мдлѐ, недо́бре, оу҆ло́мне, зи́мно, лѣни́во, гню́сне, нѐ ѡ҆хо́тне, блѣ́до, си́не, що трѹ́пѣю фа́рбѹ ма́е.	
Бл҃говоле́нїе: Оу҆подоба́нїе, догоже́нїе, пре́сѧвза́тье, до́браѧ во́лѧ.	Бл҃говоле́нїе. *Upodobanie.*

---

18) Слова, отмѣченныя звѣздочкой, находятся въ подлинникѣ (я разумѣю здѣсь, понятно, изданіе 1627 г.) или только въ приложеніи, между «Ѡста́вшаѧ Рече́нїѧ», столбецъ 315, или уже въ отдѣленіи для иностранныхъ словъ (ѿ Евре́йскагω, Гре́ческагω же и҆ Лати́нскагω, и҆ ѿ и҆́ныхъ Ꙗ҆зы́кωвъ, начына́ющаѧсѧ и҆менѐ свойстве́ннаѧ и проч.), столб. 363 и слѣд.

Бл҃говоле́нно: Пріа́зне.	
Бл҃говоли́тєный: Добро́тный.	Бл҃говолителный. *Dobrotliwy.*
Бл҃говолю̀: Зезволя́ю. Коха́юся а҆лбо зы́чу, спріа́ю. а҆лбо до́бре комꙋ̀ пріа́ю, хвалю̀, потверѫа́ю. а҆лбо любꙋ́ю подоба́ю собѣ̀.	Бл҃говолю̀. *Zezwalam.*
Бл҃говре́мєнно: Вдо́бры ча̑, посрє̑не.	Бл҃говре́менно. *W dobry czas.*
Бл҃говъспріємлю̀: Вдя́чне пріи́мꙋю.	Бл҃говоспріємлю̀. *Wdźięcznie przyimuię.*
Бл҃гове́ріє: До́брая вѣ́ра.	Бл҃говѣ́ріе. *Dobra wiara.*
Бл҃говѣ́стіє: До́брая по́вѣ̑ᵀ, и҆лѝ новина̀.	Бл҃говѣ́стіе. *Dobra powieść.*
Бл҃гоговѣ́ніє: Пріа́знь, чисто̑ᵀ, бо́язнь, ѡ҆ба́чно̑ᵀ, ѡ҆па́тръно̑ᵀ, набоже̑ство, побо́жно̑ᵀ, вко́ло ѡ҆па́трное ѡ҆бавле́нье ся: всю́ды о҆ба́чность. Гдѝ што̀ мо́вимо а҆бо̀ чи́нимо. Съ Бл҃гоговѣ́ніем, ѡ҆па́тръне, набо́жне.	Бл҃гоговѣ́ніе. *Pobożność.*
Бл҃гого́вѣнство: Оу҆чти́вост.	Бл҃гоговѣнство. *Uczćiwość.*
Бл҃гоговѣ́нный, [к Бг҃ꙋ, и҆ чл҃кѡм] набо́жны, побо́жны, ѡ҆па́трны, кото́рый з ѡ҆бавле́ньем ся до̀ ꙗ҆ко́вои спра́вы приступꙋ́ет. боязли́вый, всю́ды ѡ҆ба́чный.	
Бл҃гоговѣнствꙋ́ю, Набо́жны є҆сте̑.	Бл҃гоговѣнствꙋ́ю. *Nabożny iestem.*
Бл҃годаре́ніє: Дякова́нье, а҆лбо до́брое подякова́нье.	Бл҃годаре́ніе. *Dźiękowanie.*
Бл҃года́ренъ: Вдя́ченъ.	Бл҃года́ренъ. *Wdźięczny.*
Бл҃года́рны: Бл҃годарствє̑: Подячли́вый а҆лбо вдя́чный.	
Бл҃грнъ. Вдя́чне.	
Бл҃гртве́нно: Найвдячнѣ́й.	
Бл҃годарꙋ̀: Дя́кꙋю.	Бл҃годарю̀. *Dźiękuję.*
Бл҃года́тель: Доброде́й, и҆лѝ до́брого да́вца.	Бл҃года́тель. *Dobrodźiey.*
Бл҃года́теленъ, Бл҃года́тный, } Ла́скавый.	Бл҃года́телє̑. Бл҃года́тны. *Łaskawy.*

Бл҃ть: Ла́ска, Вѣ́м ти бл҃ть, да́кꙋю ти̏, и҆ма́ ти бл҃т, тое̑.	Бл҃года́ть. *Łaſka.*
Бл҃годенстве́нъ: щасли́вый.	Бл҃годенстве́нъ. *Szczęśliwy.*
Бл҃годе́нствїе: щ҆а́стье, а҆́лбо до́брыи дни̑: а҆́лбо до́брый де҃нь.	
Бл҃годенствꙋю: щасти́т ми са.	Бл҃годенствꙋю. *Szczęści mi ſię.*
Бл҃годꙋ́шїе: До́браа мы́сль.	Бл҃годꙋ́шїе. *Dobra myśl.*
Бл҃годꙋшствꙋю: До́брои мы́сли заживаю.	
Бл҃годѣа́нїе: Добродѣ́йство, цно́та.	Бл҃годѣа́нїе. *Dobrodźieyſtwo, Cnota.*
Бл҃годѣ́телство: Добродѣ́йство.	Бл҃годѣ́телство. *Dobrodźieyſtwo.*
Бл҃гои́мство: Здра́вїе, бл҃гоз҃равїе.	Бл҃гои́мство. *Zdrowie.*
Бл҃гоимѣ́нство: съста̑ кшта́лт тѣ́ла. до́брый взро́ст а҆́бо прирожѐнье тѣ́ла. в: а: л. цнд.	Бл҃гоимѣ́нство. *Wzroſt dobry.*
Бл҃гоискꙋсе̑: Ростро́пнꙑ, ꙋва́жнꙑ.	Бл҃гоискꙋ́сенъ. *Roſtropny.*
Бл҃гоискꙋ́ство: цвичє́е, бѣ́гло̑, выславова́нье, до́брое мнѣма́нье. Похва́ла.	Бл҃гоискꙋ́ство. *Biegłość.*
Бл҃гоискꙋствова́ти: Пере̑ Бг҃омъ и҆ людми̑ похвале́нꙑ бы́ти. И҆х в до́бро розꙋмѣю находи́тиса.	
Бл҃гоискꙋствꙋ́емый: Взя́тый, прославла́емый, сла́вный, знамени́тый, хва́лный.	Бл҃гои҆скꙋствꙋ́емый. *Sławny. Znamienity.*
Бл҃гоискꙋствꙋю: Похвала́юса, е҆́стемъ взя́тый, оу людїй ма́ю до́брое розꙋмѣ́нье.	Бл҃гои҆скꙋствꙋю. *Ieſtem ſławny.*
Бл҃гоключи́мый: Пого́жый.	Бл҃гоключи́мый. *Hoży.*
Бл҃голѣ́пїе: Ѡздо́ба, лѣпота̀, ѡкра́са, пакность, краса̀ наѡздобнѣ́йша, присто́йность.	Бл҃голѣ́пїе. *Ozdoba.*
Бл҃голѣ́пный: Ѡздо́бный.	
Бл҃голю́бецъ: До́брымъ зычли́вый, люба́чїй до́брое.	Бл҃голю́бецъ. *Dobre lubiący.*

Бл҃гомнѣ́ніє: До́брое розꙋмѣ̂є.	Бл҃гомнѣ́ніє. *Dobre rozumienie.*
Бл҃гомо́щноє, їє: Ла́твость, премо́жность. ꙗ̂кѡ в' доста́ткꙋ, дово́дѡвъ, довтѣ́пꙋ, ѡ̂стрости розꙋ́мꙋ, бога́тства и̂ грошый.	
Бл҃гонароуи̂: За́цны̑ знамени́ты̑.	Бл҃гонароу́итъ. *Zacny. Znamienity.*
Бл҃гонра́внѣ: Обыча́йне.	Бл҃гонра́внѣ. *Obyczaynie.*
Бл҃гоѡ́бразный: Оу̂чти́вый, ѡ̂быча́йны̑, стате́чны̑, пова̑ны̑.	Бл҃гѡ̂бразный. *Uczćiwy.*
Бл҃гоплеме́нны̑: За́цногѡ ро́дꙋ.	Бл҃гопле́менный. *Zacnego rodu.*
Бл҃гополꙋча́ю: щасти́т' ми са.	Бл҃гополꙋча́ю. *Szczęśći mi ſię.*
Бл҃гополꙋче́ніє: щастьє.	Бл҃гополꙋче́ніє. *Szczęśćie.*
Бл҃гополꙋчный: щасли́вый.	
Бл҃гопострада́ти, бл҃гопрїа́ти: Добродѣ́йство ѿде́ржати.	
Бл҃гопотре́бноє: Пожите́чноє.	Бл҃гопотре́бноє. *Pożyteczne.*
Бл҃гоприв҃ѣтствꙋю: Вѣншꙋ́ю.	Бл҃гоприв҃ѣтствꙋ́ю. *Winſzuię.*
Бл҃гоприсѣди́телный: Стале пилнꙋ́ючїй, и̂ ꙗ̂ко́бы ѿ бо́кꙋ чїего нѐ ѿстꙋпꙋ́ючїй, ꙋставн̑ы̑ в' ꙗ̂ко́вой спра́вѣ пи́лный, εὐπρόσεδρος· εὐπάρεδρος, а̃ кѡ̃: з̃. л̃є. кото́рый є̂сть безросторгнѣ́на.	Бл҃гоприсѣди́телный. *Czuły w ſprawie:*
Бл҃гопрїа́тноє вре́ма: Потомꙋ ча̂.	Бл҃гопрїа́тноє вре́ма. *Po temu czas.*
Бл҃гопрїа́тный: До̀ принатѝ ла́цный, и̂ тыж' вдачны̑, милы̑.	Бл҃гопрїа́тный. *Wdźięczny. Miły.*
Бл҃горазꙋмїє: Довтѣ̂, ѡ̂стро̂т ро́зꙋмꙋ.	Бл҃горазꙋ́мїє. *Dowćip. Roſtropność.*
Бл҃горазꙋ́мный: Ростро́пный.	
Бл҃горазꙋ́мнѣ: Ростро́пне.	
Бл҃горазꙋмнѣ́йшїй: Ростропнѣ̂шїй, вдачнѣ́йшїй.	
Бл҃госе́рды̑: До́бро̂ срца, ласка́вы̑.	Бл҃госе́рдїє. *Łaſkawość.*

Бл҃влю: Добре мовлю, хвалю, выславлѧю, добре кажꙋ.	
Бл҃гословнаѧ вина: Слꙋшнаѧ причина.	**Бл҃гословнаѧ вина.** *Słuszna przyczyna.*
Бл҃гословный, бл҃гословесный: Оуважный, згодный з' розꙋмомъ, албо з' справою.	
Бл҃гть: Доброть, цнота. ἀγαθότης.	**Бл҃гость.** *Dobroć. Cnota.*
Бл҃гостоѧніе: Спорѧжⷮе, статечнⷭ҇ть.	**Бл҃гостоѧніе.** *Stateczność.*
Бл҃гостраждꙋ: Добре терплю, доброе пріимꙋю, добродѣйство ѡдержꙋю.	**Бл҃гостраждꙋ.** *Dobrze cierpię.*
Бл҃гостынный: Добротливый, щедробливый.	**Бл҃гостынный.** *Dobrotliwy.*
Бл҃гостыствꙋю: Добротливы єстє.	
Бл҃гостына: Добротливость, щедробливⷭ҇ть, ласкавⷭ҇ть, мл҃ть, доброть, Χρυσότις, **мл҃рдьє.** *Benignitas, Clementia.*	**Бл҃гостына.** *Dobrotliwość.*
Бл҃гота: Праве самое добро, щоса по Грецкꙋ называєтъ мозокъ в' костехъ, шпикъ, стрыжѣнь в' деревѣ, μυελὸς, *medulla*, **бл҃: ме. ні.**	
Бл҃гоꙋвѣтливый: Который латво дасть сѧ намовити, веселый, ѡхотный, добротливы.	**Бл҃гоꙋвѣтливый.** *Dobrotliwy.*
Бл҃гоꙋгажаю: Подобаюсѧ.	**Бл҃гоꙋгаждаю.** *Podobam ſię.*
Бл҃гоꙋгодителнѣ: Ласкаве, мѧкко, тихо, покорне, скромне.	
Бл҃гоꙋміє: Поволность.	**Бл҃гоꙋміє.** *Powolność.*
Бл҃гоꙋтишіє: εὐδία, Γαλίνη, αἰθρία. **Погода,** *ſerenitas*, **ѩснаѧ погода. в: а: л: вѣни.**	**Бл҃гоꙋтишіє.** *Pogoda.*
Бл҃гоꙋханіє: Вдѧчный запах'.	**Бл҃гоꙋханіє.** *Zapach wdzięczny.*
Бл҃гоꙋхищренный: Ростропны, дотѣпный, бѧчный, сꙋптелне ѡхендожный.	**Бл҃гоꙋхищренный.** *Dowcipny.*
Бл҃гоꙋчествꙋю: хвалю, набоженство ѿправꙋю.	**Бл҃гоꙋчествꙋю.** *Chwalę.*

Бл҃гоуе́стїе: Бг҃обо́йность, Побо́жность, до́брое ѿ Бг҃у розуме́нье, и҆ до́брое є҆го̀ хвале́е набоже́нство, реліа. в҃ ма҃: г҃.	**Бл҃гоуе́стїе.** *Bogoboyność. Pobożność.*
Бл҃гоуестивый: Побо́жный.	
Бл҃гоѧзы́чїе: бл҃горѣчїе: ѡборо́тност ѧзы́ка, до́браѧ вымо́ва.	**Бл҃гоѧзы́чїе.** *Dobrawymowa.*
Бл҃же́нный: Бл҃ве́нъ, щасли́вый, оу҆ра́чоный, оу҆шано́ваный, почте́ный.	**Бл҃же́нный.** *Błogosławiony.*
Бл҃же́нство: щасли́вость, бл҃ве́нство, форту́на, μακαριότης.	**Бл҃же́нство.** *Błogosławieństwo.*
Бл҃же́ствую: щасли́вый є҆стем.	**Бл҃женствую.** *Iestem szczęśliwy.*
Бл҃жу: хвалю̀, ща́стѧ кому̀ призна́ваю, чту̀, добрю̀.	**Бл҃жу.** *Chwalę.*
Ублажа́ю: Похвала́ю, добродѣ́йство пока́зую.	
Блазне́ный: Ѡмы́лнъ небе́пе́чный, кото́рый здоро́ги з во́ди.	**Блазне́нный.** *Omylny.*
Бла́знь: Згорше́нье, зблазне́е, ѿмыле́нье.	**Бла́знь.** *Omyłka. Zgorszenie.*
***Бла́гоже: ѡ҆й добро̀, є҆й слу́шне. насмѣ́внска, и҆но́ды ра́дости зна.**	**Бл҃гѡже.** *Oy dobrze. Oy słusznie.*
БлЄскъ, Ба́рва, Леві, г҃і.	**Бле́скъ.** *Barwa.*
БлИзъ: Бли́зко.	**Бли́зъ.** *Blisko.*
Бли́знецъ: Близнѧ, δίδιμος. Метѧ: дводу́ше ку́пно и҆ двоеу́ме, зо́дїе Ма́їево, плане́ нѣна.	
Блиста́нїе: Ѧсне́нє, полыска́е.	**Блиста́нїе.** *Lśnienie.*
Блюде́е: Стереже́е, и҆ли̂ ѡстерега́е.	
	Блюде́цъ. *Ostrzegaiący.*
Блю́до: Миска, а҆лбо ми́са.	**Блю́до.** *Misa.*
Блюду̀: Стерегу̀, постерѣга́ю, захо́вую, догла́дую, τηρῶ, Смотру̀, βλέπω.	**Блюду̀.** *Strzegę.*
Блу́дъ: πορνία, Пору́бство, вшетече́нство, в҃ ѿ и҃ глы́хъ по́мыслъ. а҆лбо, ἀσωτεία, ма́рнотра́вство, збы́токъ.	**Блу́дъ.** *Wszeteczeństwo.*

Бл҃влѧ́ю: До́брє мо́влю, хвалю, вы-славлѧ́ю, до́брє кажꙋ̀.	
Бл҃гословнаѧ вина̀: Слꙋ́шнаѧ при-чи́на.	**Бл҃гослбвнаѧ вина̀.** *Słuszna przyczyna.*
Бл҃гослбвный, бл҃гословє́сный: Оу҆ва́-жный, згбдный з҆ ро́зꙋмомъ, а҆лбо з҆ спра́вою.	
Бл҃гть: До́броть, цнбта. ἀγαθότης.	**Бл҃гость.** *Dobroć. Cnota.*
Бл҃гостоѧ́ніє: Споражє́є, статє́чнѡ҃т.	**Бл҃гостоѧ́ніє.** *Stateczność.*
Бл҃гостра́ждꙋ: До́брє тєрплю̀, до́брое прїймꙋю, добродѣ́йство ѿдє́ржꙋю.	**Бл҃гостра́ждꙋ.** *Dobrze ćierpię.*
Бл҃гостынный: Добротли́вый, щєдро-бли́вый.	**Бл҃гостынный.** *Dobrotliwy.*
Бл҃гостынствꙋю: Добротли́вы є҆стє҃.	
Бл҃гостына: Добротли́вость, щєдро-бли́вѡ҃т, ла́скавѡ҃т, млть, до́броть, Χρυσότις, млрдьє. *Benignitas, Clementia.*	**Бл҃гостына.** *Dobrotliwość.*
Бл҃гота̀: Пра́вє самбє добро, щбсѧ по̀ Грє́цкꙋ называ́єтъ мбзокъ в҆ ко-стєхъ, шпи́къ, стрыжѣ́нь в҆ дє́рє-вѣ, μυελὸς, *medulla*, бꙋ: ме. ні.	
Бл҃гоꙋвѣтли́вый: Который ла́тво да́сть сѧ намбвити, вєсє́лый, ѡхбтный, добротли́вы.	**Бл҃гоꙋвѣтли́вый.** *Dobrotliwy.*
Бл҃гоꙋгажа́ю: Подбба́юсѧ.	**Бл҃гоꙋгаждаю.** *Podobamſię.*
Бл҃гоꙋгоди́тєлнѣ: Ла́скавє, мя́кко, ти́хѡ, покбрнє, скрбмнє.	
Бл҃гоꙋмїє: Побблность.	**Бл҃гоꙋмїє.** *Powolność.*
Бл҃гоꙋти́шїє: εὐδία, Γαλίνη, αἰθρία. Погбда, *ſerenitas*, а҆снаѧ погбда. є: а: л: ꙁвцні.	**Бл҃гоꙋти́шїє.** *Pogoda.*
Бл҃гоꙋха́нїє: Вдачный запах҆.	**Бл҃гоꙋха́нїє.** *Zapach wdźięczny.*
Бл҃гоꙋхищрє́нный: Ростропны, до-втѣпный, бачный, сꙋптє́лнє ѡхєн-дбжный.	**Бл҃гоꙋхищрє́нный.** *Dowćipny.*
Бл҃гочєствꙋю: хвалю̀, набожє́нство ѿправꙋю.	**Бл҃гочєствꙋю.** *Chwalę.*

Бл҃гоче́стїе: Бг҃обо́йность, Побо́жность, до́брое ѿ Бг҃ꙋ розꙋмѣнье, и̂ до́брое є̂го̀ хвалѣ̂е набоже́нство, релѣ́а. к̃ ма҃: г҃.	**Бл҃гоче́стїе.** *Bogoboyność. Pobożność.*
Бл҃гочести́вый: Побо́жный.	
Бл҃гоѧзы́чїе: бл҃горѣ́чїе: ѡборо́тност҆ ѧ҃зыка, до́браѧ вымо́ва.	**Бл҃гоѧ҃зы́чїе.** *Dobrawymowa.*
Бл҃же́нный: Бл҃вены̑, щасли́вый, оу҆ра́чоный, оу҆шано́ваный, почте́ный.	**Бл҃же́нный.** *Błogosławiony.*
Бл҃же́нство: щасли́вω҃, бл҃ве́нство, форту́на, μακαριότης.	**Бл҃же́нство.** *Błogosławieństwo.*
Бл҃жє̂́ствꙋю: щасли́вый є̂́стем҆.	**Бл҃женствꙋю.** *Iestem szczęśliwy.*
Бл҃жꙋ̀: хвалю̀, щάстѧ комꙋ̀ призна́ва́ю, чтꙋ̀, добрю̀.	**Бл҃жꙋ̀.** *Chwalę.*
ꙋ҆Блажа́ю: Похвала́ю, доброде́йство пока́зꙋю.	
Блазне́ный: Ѡмы́лны̑ небє̂пе́чный, кото́рый здоро́ги з҆во́ди̑.	**Блазне́нный.** *Omylny.*
Бла́знь: Згорше́нье, зблазнє̂е, ѿмыле́нье.	**Бла́знь.** *Omyłka. Zgorszenie.*
***Бла́гоже: ѿй добро̀, є̂́й слꙋ́шне. насмѣ́вниска, и̂но̂ды ра́дости зна̂.**	**Бл҃гωже.** *Oy dobrze. Oy słusznie.*
БЛЄскъ, Ба́рва, Леќ, г҃і.	**Бле́скъ.** *Barwa.*
БЛИзь: Бли́зко.	**Бли́зъ.** *Blisko.*
Бли́знецъ: Близна̂, δίδυμος. Мета̂: двоꙋ́шє̂ кꙋ́пно и̂ двоєꙋ́мє̂, зо́дїє Ма́їєво, планє̂ⷮ нє̂на.	
Блиста́нїе: Лсне́н҆е, полыскѧ̂е.	**Блиста́нїе.** *Lśnienie.*
Блюдє̂е: Стережє̂е, и̂ли̑ ѡ̂стерѣгѧ̂е.	
	Блюде́цъ. *Ostrzegaiący.*
Блю́до: Миска, а̂лбо ми́са.	**Блю́до.** *Misa.*
Блюдꙋ̀: Стерегꙋ̀, постерѣга́ю, захо́вꙋю, догла́дꙋю, τηρῶ, Смотрꙋ̀, βλέπω.	**Блюдꙋ̀.** *Strzegę.*
Блꙋ́дъ: πορνία, Порꙋ́бство, вшетече́нство, к̃ ѿ и̃ злы́хъ по́мыслъ. а̂лбо, ἀσωτεία, ма́рнотра́вство, збы́токъ.	**Блꙋ́дъ.** *Wszeteczeństwo.*

Блꙋди́лище: ˥ᒪᕼᎢωᒣᏃ, мѣ́стце роспꙋ́стныхъ.	**Блꙋди́лище.** *Zamtuz.*
Блꙋ́дникъ: Вшете́чникъ, вы́рва, ло́тръ. ᘔώ6ЪѦ6Ƶ. Ꙗ́кω а҆́ще жена̀ и҆дωлωслꙋжи́тела мꙋ́жа разлꙋчи́тса не хота́щꙋ о҆́номꙋ, мꙋ́читъ ю҆̑ Бг҃ъ. блꙋ́дника жѐ а҆́ще разлꙋчи́тса, не ктомꙋ̀ мꙋ́читъ ю҆̑. є҆ѵ҃: Іѡ҃: гл҃: ѯг. Ва҃: ве҃: н҃: ка҃.	**Блꙋ́дникъ.** *Wſzeteczník.*
Блꙋ́дница: Нера́дница, ᘔώ6ЪᒪL. а҆бо посполи́тая ᘔώ6ЪᒪL. вшете́тница, своѡ́лная, не встыдли́вая. Блꙋ́дники и҆ прелюбодѣ́е, сквернаще телеса̀ своа̀ и҆ непокаа́вшїи са, по̀ сꙋ́дѣ стра́шнѣмъ ѿи́дꙋтъ въ о҆́гнь неꙋгаси́мый въ вѣ́ки. и҆ го́ре и҆́мъ бꙋ́детъ ꙗ҆́кω никто́же и҆́мъ пода́стъ воды̀, когда̀ нѝ ωроси́тъ главы̀ и҆́мъ. ни́же ωстꙋдит̓ прѣст̓ є҆ди́нъ рꙋ́къ и҆́хъ. ни́же ꙋ҆бо ка́пла є҆ди́на во́зметъса на̀ ꙗ҆зы́къ и҆́хъ. нѝ па́ки ꙋга́снетъ, и҆лѝ ꙋтѣ́шитса быстрина̀ рѣцѣ̀ о҆гне́ннѣ, но въ вѣ́ки неꙋга́снетъ никогдаже. злат҃: е҃: ѿ стра҃: при҃: хвѣ. з҃: та҃.	**Блꙋ́дница.** *Nierządnica.*
Блꙋ́днω: вшете́чне, марнотра́вне, роспꙋ́стнω.	**Блꙋ́днω.** *Wſzetecznie.*
Бла́д̓: Бе́нкар҃, ло҃, ма́рная мо́ва, сваготанье, οὔθλος, ба́снь, вымыслье, чловѣ́къ шкара́дои мо́вы, и҆лѝ брѣна̀, лжа̀. в҃. а҃. ҂ахи.	**Бла́дъ.** *Bękart.*
Бладе́нїе: *Garrulitas*, велемо́вство, плюга́вое мовле́е. щебетли́вот҃.	**Бладе́нїе.** *Wielomowſtwo.*
Блади́вый: Сꙋесло́вный, сваготли́вый, прꙋжномо́вный, лга́ръ, *Nugax.* баламꙋ́тъ.	**Блади́вый.** *Prożnomowny.*
Бладосло́вїе: шкарада́я мо́ва.	**Бладосло́вїе.** *Mowa ſzkaradna.*
Бладꙋ̀: Бладословлю̀, брѣ́джꙋ.	

Бла́д'тѵеш, бладослови́ш: Бре́дн.	
Бога́тнѡ: Обфи́те.	Бога́тно. *Obficie.*
Бг҇обоазне́нное: Бг҇обо́йное, бг҇абоа́чее, побо́жное: δασιδαιμονέστερος, Бл҇гогове́йне́йшій.	Богобоазне́нный. *Bogoboyny.*
Боговолше́бници, Ве́щкѡве.	Боговолше́бникъ. *Wieſzczek.*
*Бг҇ъ, ѿ бога́тва, и҆жъ всебога́ны все̑ ѿбога́чующій. Бг҇ъ е҆́сть по̀ любомрцѣ̀ внѣ́шнихъ, Оу҆мъ. по̀ Бг҇ослоцѣжѐ, Дх҇ъ.	Бг҇ъ. *BOG.*
*Бг҇ода́ный, а҆лбо Богъда́нъ: ѿ Бг҇а да́нный, тое̑ знача́ и҆ тыи и҆мена: Ѳео́дѡръ, Ѳео́дѡтъ, Ѳеодѡ́сій, Ѳеодѡрі́тъ, Досиѳе́й, Дѡроѳе̑, ѡ҆ба́че зри на̀ свои и҆ мѣ́стехъ.	Бг҇ода́нный. *Od Boga dany.*
*Бг҇осло́въ, оуважа́ющій ѿ Бг҇а.	Бг҇осло́въ. *Theolog.*
*Богатодаро́вный: щодробли́вый, ѡ҆кви́тый.	Богатодаро́вный. *Szczodrobliwy.*
*Богатѣ́ю: бога́ти зостава́ю, е҆́стемъ, ста́юса.	Богатѣ́ю. *Bogatym ſię ſtaię.*
*Богачу̀: бога́тымъ чиню̀.	Богачу̀. *Bogatym czynię.*
*Боде́ц: Осте̑, чи̑ волы погана́ю.	Боде́цъ. *Bodziec. Oścień.*
*Боде́не̑: Ра́мнъ, Те́рнье о҆́строе и҆ про́стое, цвѣ́ту бѣ́логѡ, и҆ за́паху вда́чного, кото́рое называ́етса ѿ Гре́кѡ Прнолиственно для то́гѡ, жѐ нѣ́гды листа не тра́тит: по̀ на́шему шипши́на. з' тои го́лій (повѣда́ютъ нѣ́которыи) коро́на Хв҇и оу҆ро́блена была. Тръніе, Мѳ: кз. рві. кѳ.	Боденецъ. *Ćiernie.*
*Бо́нще: Боеви́ско, мѣ́сце гдѐ збо́же моло́тятъ. то́къ.	Бо́нще. *Boiowiſko.*
Бодли́вый: Ко́лючій.	Бодли́вый. *Kolący.*
Бо́дрость: Чу́йность.	Бо́дрость. *Czuyność.*
Бодрству́ю: Чу́ю, несплю̀, пилу́ю (sic!), чу́йность ма́ю, чу́йнѡ чиню̀.	Бодрству́ю. *Czuię.*
Бождре́ніе: Чу́йность, пи́лность, ѡ҆сторо́жнѡ, Дан: гл: д.	

Бождре́та: Бо́дрый, Ѵ҄у́йный, не-ѿспа́лы҃.	
Бо́лезнь: Бо́лѣсть, жа́ль, хоро́ба.	Бо́лѣзнь. *Boleść. Choroba.*
Болезну́ю: Болю́, Жа́лую.	Болѣзну́ю. *Boleię. Choruię.*
Бо́лїй, Ба́щшїй: болшїй ре́чью, мно-жа́йшїй, бо́лшїй лічбою.	Бо́лїй. *Więkſzy.*
Бо́лма. Бо́лше.	Бо́лма. *Więcey.*
Бо́лница: шпита́ль.	Болни́ца. *Szpital.*
Бо́рба: Ва́лка, запа́сництво, бое-ва́нье, ширмѣ́рство, πάλη, μάχη.	Бо́рба. *Walka.*
Бо́рбище: Ма҃: Бе҃: Лв. Три́знище, мѣ́стце гдѐ быва́ютъ Поеди́нки.	Бо́рбище. *Mieyſce poiedynku.*
Боре́нїе: Дручи́нье, трапѣ́нье, воїо-ва́нье.	Боре́нїе. *Woiowanie.*
Бори́тель: Запа́сникъ. вое́нни҃.	Бори́тель. *Woiownik.*
Бору̀: Дручу̀, тра́плю, воюю. } Бору́ся: Воюю.	Бору̀. Бору́ся. *Woiuię.*
Ботѣ́ю: Ѿтыва́ю.	Ботѣ́ю. *Utywam.*
Бо́хма: Ве́сма, згола, напра́сно.	Бо́хма. *Zgoła. Znagła.*
Бо́шїю: О́у́бо, бо̀, спро́ста, ѿню́дъ, вса́кѡ, а҃бо нададаре́мне. Амѡ҃, г҃: г҃.	Бошїю. *Owſzeki.*
Бубре́ги: Ны́рки. Доро҃: г҃: г҃.	Бубре́га. *Nerki.*
Бу́волъ: Бу́йволъ.	
Буесло́вїе: Блазнова҃е, λήρωετα.	Буесло́вїе. *Błaznowanie.*
Буесло́въ: Бла́зенъ.	Буесло́въ. *Błazen.*
Бу́й: Ю҃ро, ду́рень, глу́пы҃, дурны҃.	Бу́їй. *Głupi.*
Бу́ква: азбука, а҃лфа́бе҃ а҃лбо а҃бе-ца́дло.	Бу́ква. *Obiecadło.*
Букварѣ̀: А҃збучники.	
Бума́га: Баво҃на, Папѣ́ръ, а҃лбо вса́-кая макота̀.	Бума́га. *Bawełna. Papier.*
Бу́ря: Нава́лность вѣ́трѡвъ, а҃лбо вѡ́лнъ.	
Бра́да ѿго́лена: Ва҃: г҃. ѿсю́ду голо-бра́дство.	
Бразда̀: Борозна̀, сн҃: г҃: з҃.	Бразда̀. *Brozna.*
Бра́здна: Ни́ва.	Бра́здна. *Niwa.*
Бра́къ: Весе҃е, жени́тва, слю́бъ. Бра́ку приѡбрѣте́нїе, чи́сто съблюстѝ	Бра́къ. *Weſele.*

тѣло, и҆ а҆́ще сі́е не бꙋ́детъ, ни-ка́аже по́лза бра́ка. Зла҃тꙋ: на̀ Ма҃ѳ: нр҃д: н҃о.	
Бра́ѵꙋсѧ: Женю́сѧ, весе́лʼе справꙋ́ю.	**Бра́ѵꙋсѧ.** *Żenię ſię.*
Бра́нь: бо́рба, πόλεμος, **войнà, би́тва, бо́й.**	**Бра́нь.** *Woyna.*
Бра́нь въздвижꙋ̀, ратꙋ́ю войнꙋ̀, под-ношꙋ̀.	
Бра́нный сꙋпоста́тъ: Непрїа́тель во́енный.	
Бра́шно: Потра́ва, по́кармъ, ѣ҆́дло, ко́рмлѧ. ἔδαρ.	**Бра́шно.** *Potrawa.*
Брегꙋ̀: Стерегꙋ̀.	**Брегꙋ̀.** *Strzegę.*
Брежéнїе: Стережéнье, дба́лость.	
Бре́мѧ: Тѧжа́ръ, бере́мѧ, тлꙋ́мокъ, и҆ те́жъ това́ръ, кото́рый вʼ Ко-рабли̂, а҆́лбо на́возъ.	**Бре́мѧ.** *Ciężar.*
Бре́нїе: Гли́на, боло́то, ка́лъ, гря́зь.	**Бре́нїе.** *Glina.*
Бре́нный: Гли́наный, боло́тны.	
Бри́дость: Лю́тость.	
Бри́ѵъ: Бри́тва, стриго́льникʼ. Ѵї: г҃.	**Бри́ѵъ.** *Brzytwa.*
Брі́ю бра́дꙋ: Голю̀ бо́родꙋ: Леѵї: н҃і.	**Брі́ю. Брю̀.** *Golę.*
Броздà, χημός, *fraenum*: **Оу҆ди́ло, оу҆здà, оу҆здани́ца.**	**Броздà.** *Wędźidło.*
Бро́нѧ: Збро́а, панцы́ръ, караце́на, а҃ цр҃т: г҃і. Бро́нь, в҃ ц҃: є҃.	**Бро́нѧ.** *Zbroia.*
Брю̀: Го́лю, Бри́ши: Го́ли. ѿборснꙋ̀, бꙋ́дꙋщее, ѡ҆голю̀.	**Брю̀.** (Подъ **Брі́ю**).
Брѧца́ло: Брѧ́кацє, то́е што̀ брѧ́ци, ꙗ҆́кѡ клепа́ло, ци́тра, фꙗстꙋ̀ла оу҆ ѡ҆рганѡвъ, цимба́лʼ, га́рфа.	**Брѧца́ло.** *Klepadło.*
Бы́лїе: φάρμαχον, **Лѣка́рство, а҆́лбо, трꙋти́зна. зр҃, ба́лїи.**	**Бы́лїе.** *Ziele. Lekarſtwo. Trućizna.*
Бы́лїе: βοτάνη, **зѣ́лье,** *herba*.	
Быва́ю: Става́юсѧ.	
Бы́сть: бы́лъ, а҆лбо ста́лосѧ.	**Бы́сть.** *Stało ſię.*
Бы́стръ, ско́ръ: Бы́стрый.	**Бы́стръ** [19]). *Skory. Prętki.*

[19]) Стоитъ въ подлинникѣ не тутъ, но послѣ быстрʼ.

Бы́стрь: Прѹ́дкость во́днаѧ.	**Бы́стр'.** *Prętkość. Wodna byſtrzynia.*
Быстрото́чный, Быстропреклóнный: Прȣдкобѣжа́чїй.	**Быстрото́чный.** *Prętko biegący.*
Бы́тїє: Бы́тность.	**Бы́тїє.** *Bytność.*
Бѣ: Бы́лъ, была̀, было̀. Тóє рєчєнїє ѿ нашємъ оу҆́бо гл҃е́мо є҆́ст҃твѣ, прошéдшєє врéмѧ знаменȣ́ет' на́м', и҆ сїє ȣ҆кончáно: є҆́гдажè ѿ Бг҃ѣ, превѣ́чност' и҆ прⷭ҇носѹщїє на́мъ ѧ҆в-лѧ́етъ. Злаⷮ҇ѹ́: Іѡ҃: бⷺ: г҃.	**Бѣ.** *Był.*
Бѣ́гство, Оу҆тѣка́ньє.	**Бѣ́гство.** *Uciekanie.*
Бѣгȣ́нъ: волоцю́га, и҆сходⷭ҇, кг҃.	**Бѣгȣ́нъ.** *Włocęga.*
Бѣда̀: Оу҆паде́нїє небезпечéнство, не-щáстьє, нáпасть, нéндза.	**Бѣда̀.** *Biada. Nieſzczęście. Upadek.*
Бѣ́дєⷩ: Ȣ҆бóгїй, жалóсный, мѣзéрный.	**Бѣ́денъ.** *Ubogi.*
Бѣди́мъ, моли́мъ: рáченый.	
Бѣ́дниⷦ҇: Оу҆трапéный, стрáдный.	**Бѣ́дникъ.** *Utrapiony.*
Бѣ́дный, Недолȣ́гїй, ȣ҆ломный, нéндз-ный. Срóгїй, и҆ ты потȣ́жный, и҆ довтѣ́пный в' мóвѣ.	**Бѣ́дный.** *Ułomny.*
Бѣ́днѣ. Мѣзерне.	
Бѣднѣ́йшїй: Мѣзернѣ́йшїй.	
Бѣ́дство: мѣзéрїа, а҆́бо срóгост', и҆ ты́ж' потȣ́жность в' мóвѣ.	**Бѣ́дство.** *Mizerya.*
Бѣдáщѹ: Рачáщѹ: ȣ҆силóвѹючи.	
Бѣждáхѹсѧ: Перемагáлисѧ, свари́-лисѧ.	**Бѣждȣ́сѧ.** *Swarzę ſię.*
Бѣжⷣе́нїє: Примѹшéнїє. Кѵрⷭ҇ Іерⷭ҇ г҃ е҃і.	
Бѣждȣ̀: Прошȣ̀ пи́льно, рáчѹ, млⷭ҇ю.	**Бѣждȣ̀.** *Proſzę usilnie.*
Бѣжéлеⷰ҇: Бѣглéц', бѣгȣ́нъ, збⷺ.	**Бѣжéлецъ. Бѣглéцъ.** *Biegun.*
Бѣли́льникъ: Блѣхáръ.	**Бѣли́льникъ.** *Blecharz.*
Бѣли́льница: Блѣхáрка, а҆́лбо Прáчка.	**Бѣли́льница.** *Blecharka.*
Бѣснова́нїє, Неистóвство: заверне́нье головы̀, шале́нство, ѿдѹрѣ́нье.	**Бѣснова́нїє.** *Szaleńſtwo.*
Бѫбрѣ́ги: Почкѝ, Ны́рки.	
Бѫ́дѹщїй: Градȣ́щїй, хотѧ́щїй бы́ти: прїйдȣ́чїй, што̀ мáетъ бы́ти.	**Бȣ́дѹщїй.** *Przyſzły.*

Съ помощію этого сопоставленія такимъ образомъ видно, что лексиконъ, напечатанный въ 1722 г. въ Василіанской типографіи въ Супраслѣ и въ 1751 г. и 1756, какъ приложеніе къ Богословіи нравоучительной, въ типографіи Василіанской въ Почаевѣ [20]), въ дѣйствительности есть извлеченіе, имѣющее въ основѣ лексиконъ Памвы Берынды. И говоритъ въ пользу этого не только содержаніе представленнаго сопоставленія, но между прочими обстоятельствами также и то, что случайная ошибка, сдѣланная Памвой Берындой, который послѣ словъ на во помѣстилъ сначала слова на вꙋ и уже потомъ — на вр, точно повторяется въ Супрасльскомъ лексиконѣ, а также и въ обѣихъ Почаевскихъ перепечаткахъ. Впрочемъ, и въ выборѣ сигнификатъ, очевидно, лексиконъ Памвы Берынды служилъ образцомъ, и не можетъ быть никакого сомнѣнія во взаимномъ родствѣ обѣихъ работъ. Съ другой стороны, однако нельзя умолчать и объ извѣстныхъ различіяхъ, которыя я формулирую слѣдующимъ образомъ:

1. Авторъ Супрасльскаго лексикона сообщилъ изъ труда Берынды не всѣ, но только тѣ слова, которыя онъ считалъ менѣе понятными.

2. Насколько авторъ обращалъ вниманіе на слова, встрѣчающіяся въ работѣ Берынды частію между «Ѡста́вшаѧ Рєчє́ніѧ», частію въ отдѣлѣ иностранныхъ словъ, онъ ихъ вставлялъ на тѣхъ мѣстахъ, куда дѣйствительно принадлежатъ они согласно алфавитному порядку.

3. Находящіяся въ лексиконѣ Памвы Берынды формы множеств. ч., каковы богоколшє́бници, бꙋбрє́ги, бꙋжда́хꙋсѧ и др., были авторомъ Супрасльскаго извлеченія замѣнены соотвѣтствующими формами единств. ч.

4. Тамъ и сямъ были сдѣланы небольшія измѣненія и въ удареніи и въ орѳографіи церковнославянскихъ словъ.

---

[20]) Въ Василіанской Почаевской типографіи этотъ лексиконъ еще кромѣ того явился въ 1804 г. въ видѣ отдѣльнаго изданія.

5. Изъ большого обилія сигнификатъ были извлечены только одна, самое большое — двѣ и только въ видѣ исключенія три, при чемъ само собою разумѣется, что сигнификаты, заимствованныя уже и самимъ Памвой Берындой изъ польскаго языка, получили преимущество.

6. Содержащіяся въ лексиконѣ Памвы Берынды комментаріи и цитаты, ссылки на источники и пособія были выпущены.

7. Тамъ и сямъ авторомъ Супрасльскаго извлеченія были вставлены и собственныя слова, не встрѣчающіяся въ лексиконѣ Памвы Берынды.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLII, № 2.

НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА Ѳ. И. БУСЛАЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1887.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1887 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Собранныя здѣсь монографіи относятся къ началу шестидесятыхъ годовъ, за исключеніемъ одной небольшой, которая напечатана въ 1871 г. Какъ по научному методу и воззрѣніямъ, такъ и по матеріалу и пособіямъ, очень немногимъ отличаются онѣ отъ изданныхъ мною въ 1861 г. „Историческихъ Очерковъ", и какъ бы составляютъ ихъ продолженіе.

Съ тѣхъ поръ изученіе народности значительно расширилось въ объемѣ и содержаніи, и соотвѣтственно новымъ открытіямъ установились иныя точки зрѣнія, которыя привели ученыхъ къ новому методу въ разработкѣ матеріаловъ. Такъ называемая Гриммовская школа съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ миѳологіи, обычаевъ и сказаній, которое я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Многое, что признавалось тогда за наслѣдственную собственность того или дру-

гаго народа, оказалось теперь случайнымъ заимствованіемъ, взятымъ извнѣ въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ направлялись эти культурныя вліянія.

Чтобы издать вновь сочиненія, написанныя мною четверть столѣтія тому назадъ, надобно было не только восполнить ихъ новыми матеріалами и пособіями, но и постановить на другія основы, данныя новою теоріею.

Такая капитальная перестройка требовала многолѣтнихъ трудовъ, на которые у меня не хватало времени за другими спеціальными работами, да и вообще она была мнѣ уже не по силамъ, и я твердо рѣшился не издавать вновь такъ давно составленныхъ мною монографій по народной поэзіи.

Однако рѣшеніе мое было поколеблено лестнымъ для меня вниманіемъ Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, которое признало небезполезнымъ перепечатать мои изслѣдованья и безъ исправленій, въ видѣ матеріаловъ для исторіи науки по изученію старины и народности.

Будучи поощренъ такимъ авторитетнымъ для меня заключеніемъ, я нашелъ въ немъ достаточное оправданіе моей смѣлости напомнить новому поколѣнію ученыхъ о такихъ устарѣлыхъ работахъ, которыя слѣдовало бы въ новомъ изданіи значительно передѣлать.

Впрочемъ при самомъ печатаніи этого собранія я не могъ воздержаться отъ нѣсколькихъ исправленій и дополненій, которыя признаю за необходимое указать всѣ до одного, за исключеніемъ неизбѣжныхъ поправокъ въ слогѣ.

На стр. 144—145 о значеніи слова „богатырь".

На стр. 410—413 два романса о Сидѣ въ переводѣ Жуковскаго.

На стр. 472 указаніе на одну миніатюру въ С.-Галльской Псалтыри.

На стр. 494—495 и 497—499 четыре народныхъ стиха съ ихъ объясненіями.

Сверхъ того въ разныхъ мѣстахъ исключены полемическія выходки, которыя имѣли нѣкоторый интересъ въ свое время, но теперь утратили всякое значеніе и въ новомъ изданіи только нарушали бы ровность и надлежащее спокойствіе въ изложеніи.

Остается присовокупить, гдѣ и когда были напечатаны вошедшія въ это собраніе монографіи:

Русскій богатырскій эпосъ въ Русскомъ Вѣстникѣ Каткова 1862 г.

Русскіе духовные стихи въ Русской Рѣчи графини Саліасъ 1861 г.

Слѣды славянскихъ эпическихъ преданій въ нѣмецкой миѳологіи — въ Филологическихъ Запискахъ Хованскаго 1862 г.

Пѣсня о Роландѣ въ Отечественныхъ Запискахъ Краевскаго 1864 г.

Испанскій народный эпосъ о Сидѣ въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ 1864 г.

Бытовые слои русскаго эпоса — въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1871 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКІЙ БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть I. Народныя былины, старины и побывальщины. Москва, 1861 г., въ 8 д.
Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Два выпуска. Москва, 1860—1861 г., въ 8 д.

Литература, служа выраженіемъ жизни народа, имѣетъ большее или меньшее значеніе по народу, которому принадлежитъ, то-есть, чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ важнѣе его нравственное вліяніе на исторію человѣка, тѣмъ значительнѣе его литература. Потому литература классическихъ народовъ, Грековъ и Римлянъ, стала общимъ достояніемъ всего образованнаго міра. Въ такихъ литературахъ національные интересы до того тѣсно связаны съ общечеловѣческими, что составляютъ почти нераздѣльное цѣлое. Національныя идеи и образы, переданные Грекомъ въ Иліадѣ, стали для всѣхъ европейскихъ странъ обязательнымъ предметомъ общечеловѣческаго образованія.

Счастливъ тотъ народъ, который въ національныхъ основахъ своей литературы, вмѣстѣ съ любовію къ родинѣ, можетъ воспитывать въ себѣ всѣ высшія, общечеловѣческія стремленія, народъ, который, раскрывая свою національность, двигаетъ впередъ исторію человѣчества, и въ произведеніяхъ своихъ писателей съ гордостью указываетъ на высшую степень умственнаго и литературнаго развитія, какой только могъ достигнуть человѣ-

ческій разумъ въ ту или другую эпоху исторіи цивилизаціи. Послѣ классическихъ народовъ, эта счастливая доля доставалась, въ разныя времена, другимъ европейскимъ странамъ, поочередно, то нѣмецкимъ племенамъ, въ блистательномъ развитіи безыскуственнаго средневѣковаго эпоса, то Италіянцамъ и Испанцамъ въ художественномъ возсозданіи разныхъ средневѣковыхъ источниковъ письменной словесности, то Французамъ и Англичанамъ. И всякій разъ какъ заявляла та или другая нація свое умственное и литературное господство надъ прочими, ея писатели, ни сколько не теряя національнаго, мѣстнаго колорита, были для всей Европы представителями общечеловѣческаго образованія. Какъ въ первобытную эпоху броженія европейскихъ племенъ, скандинавскій и вообще нѣмецкій эпосъ служитъ для историка литературы мѣриломъ высшаго литературнаго развитія обновлявшейся тогда Европы, такъ потомъ искуственная поэзія трубадуровъ и труверовъ, возникшая на романской почвѣ, въ разныхъ странахъ, согласно мѣстнымъ условіямъ, достигала полнѣйшаго, по своему времени умственнаго и нравственнаго сознанія, то въ поэмѣ Данта, то во французскомъ романѣ *о Розѣ*, то въ повѣстяхъ Чаусера. Латинскій языкъ, принятый повсюду въ западныхъ странахъ, обобщалъ между ними идеи и сближалъ другъ съ другомъ народности, уже и безъ того тѣсно связанныя между собою интересами политическими и церковными. Какъ скоро возникало что замѣчательное въ одной изъ литературъ, тотчасъ же переводилось на другіе языки или передѣлывалось въ мастерскихъ подражаніяхъ. Такъ одинъ нѣмецкій священникъ переложилъ въ стихахъ французскую поэму объ Александрѣ Великомъ, Чаусеръ перевелъ французскій романъ *о Розѣ* и многія изъ своихъ повѣстей заимствовалъ у труверовъ [1]), а во Франціи сначала подражали Итальянцамъ, напримѣръ, въ *Сотнѣ Новыхъ Новеллъ*, въ *Гептамеронѣ*, потомъ Испанцамъ. Взаимность умственныхъ интересовъ вызывала на соревнованіе, и время отъ

[1]) См. Sandras, Etude sur G. Chaucer considéré comme imitateur des trouvères. Paris. 1859.

времени выдвигалась на первый планъ въ исторіи европейской цивилизаціи то одна, то другая литература. Такія произведенія, какъ романсы о Сидѣ, *Декамеронъ* Боккачіо, *Донъ-Кихотъ* Сервантеса, были не просто образчики разныхъ національностей, но послѣдовательныя ступени общечеловѣческаго развитія въ его литературномъ выраженіи; и чѣмъ сильнѣе отпечатлѣвались въ такихъ произведеніяхъ мѣстныя особенности, тѣмъ бо́льшія права заявляла національность на свое всемірное значеніе. Слѣдовательно, національность не только не противополагала себя общечеловѣческому, но съ нимъ совпадала, служа ему извѣстною ступенью на пути прогресса.

Нельзя того же сказать о племенахъ славянскихъ, не исключая и нашего отечества. Тихо и скромно шествуя въ концѣ общеевропейскаго движенія, славянскія племена никогда не были настолько сильны въ своей политической и нравственной жизни, чтобы могли наложить печать своего умственнаго авторитета на прочія европейскія націи. Литература русская, какъ и прочихъ нарѣчій, принадлежитъ къ тѣмъ скромнымъ явленіямъ, въ которыхъ національное еще не дошло до общечеловѣческаго, не могло еще стать обязательною нравственною силою, передъ которою преклонились бы прочіе образованные народы.

Только та національность полагаетъ прочныя для литературы основы, которая совпадаетъ въ своемъ развитіи съ исторіей цивилизаціи. Нѣмецкій народный эпосъ еще въ времена до-историческія пустилъ глубокіе корни въ сказаніяхъ и преданіяхъ не только нѣмецкихъ племенъ, но и романскихъ, какъ это явствуетъ въ поэмахъ о Карлѣ Великомъ и въ повѣстяхъ труверовъ. Темныя, до-историческія преданія кельтскаго эпоса оставили по себѣ слѣды въ поэмахъ изъ цикла Артурова, въ безыскусственныхъ народныхъ разсказахъ и искусственныхъ стихотворныхъ повѣстяхъ. На эпической основѣ родныхъ преданій нечувствительно стала возникать искусственность, въ связи съ просвѣщеніемъ, такъ рано начавшимъ распространяться изъ монастырскихъ стѣнъ по феодальнымъ замкамъ и городскимъ рынкамъ. Уже

въ X вѣкѣ, въ то время какъ благочестивая монахиня Гротсвита коротала свои келейные досуги сочиненіемъ латинскихъ драмъ по образцу Теренція, какой-то санъ-галльскій монахъ переложилъ въ латинскіе стихи одинъ изъ эпизодовъ народнаго нѣмецкаго эпоса о Вальтерѣ Аквитанскомъ. Неизвѣстный испанскій авторъ XII вѣка уже на столько былъ искусенъ въ литературѣ, что умѣлъ передѣлать на испанскомъ языкѣ въ искусственные стихи народныя пѣсни о Сидѣ. Въ этой передѣлкѣ уже замѣчаются слѣды французскаго вліянія[1]). Пѣвцы, скоморохи и разскащики, упражнявшіе свое искусство передъ грубыми баронами, исторически, послѣдовательно переносили поэтическое творчество отъ его народныхъ, эпическихъ начатковъ въ высшую, болѣе просвѣщенную сферу. Какъ въ скандинавской литературѣ, уже въ XIII вѣкѣ, къ эпическому матеріялу миѳологическихъ преданій присоединилось руководство къ искусственной поэзіи въ такъ-называемой *Новой Эддѣ* Снорра Стурлесона; такъ и поэты романскихъ племенъ подчинили свое воображеніе риторикѣ и піитикѣ, въ руководствахъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Веселой Науки (Gay Saber)*, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ скандинавской *Скальдѣ*, такому же піитическому руководству.

Искусственный стиль поэзіи не только не могъ заглушить національныхъ преданій, но даже способствовалъ ихъ сохраненію для будущихъ вѣковъ, перенося въ область литературы то, что̀, оставаясь между безграмотными, могло бы навсегда погибнуть, не закрѣпленное искусственнымъ стихомъ и письменами, могло бы исказиться, будучи случайно передаваемо изъ устъ въ уста. Потому, не смотря на быстрые успѣхи въ развитіи искусственныхъ литературныхъ формъ, древнѣйшія преданія нѣмецкаго эпоса о Зигфридѣ, Этцелѣ, Дитрихѣ, тянутся въ нѣмецкой литературѣ безпрерывно до самаго XVI вѣка[2]): такъ что литература

---

[1]) Damas Hinard, Poëme du Cid. Paris. 1858. Въ 4 д. Стр. XXXIV и слѣд.

[2]) См. Вильг. Гримма Die deutsche Heldensage 1829 г., гдѣ собраны по этому предмету свидѣтельства и указаны источники на разстояніи цѣлаго тысячелѣтія отъ половины VI до XVI вѣка включительно.

нѣмецкая проникнута была силой и свѣжестью національнаго эпоса даже въ ту эпоху, когда реформа Лютерова открывала новые пути въ исторіи цивилизаціи всей Европы.

До какой степени дороги были произведенія народнаго, безыскусственнаго слова для испанской литературы даже въ XV вѣкѣ, въ эпоху, когда стала она развивать въ себѣ элементы для самой цивилизованной, искусственной дѣятельности,—можно судить изъ того, что одинъ изъ знаменитыхъ писателей того вѣка, принадлежавшій къ высшей аристократіи, маркизъ Сантиллана, по желанію самого короля, донъ-Хуана II, собралъ народныя пословицы и составилъ изъ нихъ назидательную книгу, по примѣру притчей Соломоновыхъ, для чтенія наслѣднику престола, донъ-Энрику Кастильскому. Это собраніе пословицъ, по числу стиховъ, было названо *Сто Изреченій* (Centiloquio), и уже въ 1496 г. было напечатано. Въ слѣдующемъ, XVI столѣтіи, оно издавалось разъ девять или десять; такъ что созданіе простонароднаго мужицкаго типа, пошлаго, но изрекающаго мудрость въ пословицахъ, въ лицѣ Санчо-Пансы, не было внесеніемъ въ литературу забытыхъ, свѣжихъ элементовъ народности, а художественнымъ воспроизведеніемъ того что̀ уже пустило глубокіе корни въ искусственной, цивилизованной литературѣ.

Напротивъ того, на Руси искусственная литература и народный эпосъ уже съ древнѣйшихъ временъ рѣзко отдѣлились другъ отъ друга, вслѣдствіе бѣднаго и крайне односторонняго, клерикальнаго направленія нашей письменности. Въ XVI, и особенно въ XVII вѣкѣ, народный русскій эпосъ сталъ было заявлять нѣкоторыя права на вліяніе въ искусственной литературѣ, но не успѣлъ ее освѣжить; а внезапный разрывъ Петровской Руси съ національною стариною совсѣмъ уже отрѣзалъ новѣйшую нашу литературу отъ эпическихъ основъ русской національности.

Такимъ образомъ, на Руси совершалось то, чего не бывало ни въ одной изъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ: явилась свѣтская литература, созданная изъ случайныхъ, кое-какъ и отовсюду нахватанныхъ, чуждыхъ намъ элементовъ. Русская народ-

ность стала не основою для этой колонизованной на Руси литературы, а мишенью, въ которую отъ времени до времени она направляла свои сатирическіе выстрѣлы, какъ въ дикое невѣжество, которое надобно искоренить въ конецъ. Было бы крайнею несправедливостью обвинять нашихъ писателей послѣднихъ ста лѣтъ въ ихъ анти-національномъ направленіи: они сознательно и честно поддерживали его, будучи постановлены насильственною реформой въ ложное и одностороннее отношеніе къ своей народности. Итакъ, не смотря на видимое присутствіе цивилизованныхъ, европейскихъ элементовъ въ нашей новой литературѣ, она представляетъ собою явленіе чудовищное, въ цивилизованныхъ странахъ не бывалое, потому что состоитъ не въ симпатическихъ, а во враждебныхъ отношеніяхъ къ народности, какъ пришлый завоеватель, который силою покоряетъ себѣ туземныя массы, какъ эгоистическій плантаторъ, который, игнорируя нравы и убѣжденія своихъ невольниковъ, позолачиваетъ ихъ цѣпи лоскомъ европейскаго комфорта.

Но если русская цивилизованная современность, по своему происхожденію и составу, такъ чужда народности, то почему же она въ теоріи противорѣчитъ самой себѣ, и стремится къ національнымъ идеямъ; то въ уваженіи къ свободѣ человѣческаго духа въ простомъ мужикѣ, то въ сентиментальномъ поклоненіи мірской сходкѣ, то въ заявленіи притязаній на ученую и поэтическую разработку русской народности и старины? Неужели это такая же мода на народность, занесенная къ намъ съ Запада, какъ заносилась мода на классицизмъ, сентиментальность, романтизмъ, гегелизмъ, и на другія направленія, сознательно и исторически возникавшія на Западѣ, и случайно, кое-какъ принимавшіяся у насъ на грубой, не приготовленной къ тому почвѣ?

И дѣйствительно, все что̀ ни бралось къ намъ съ Запада, было только временною модою, досужимъ препровожденіемъ времени, мало оставлявшимъ по себѣ существенной пользы. Все это скользило только по поверхности русской жизни, не спускаясь въ глубину ея историческаго и бытоваго броженья.

То же самое должно сказать и о народности. Идея о ней послѣдовательно, исторически развилась и образовалась на Западѣ, особенно въ Германіи, на основѣ такъ-называемаго романтизма, выдвинувшаго на общее вниманіе средневѣковую старину.

Направленіе это пришлось по сердцу славянскимъ племенамъ, особенно тѣмъ, которыя теряли свою національную самостоятельность подъ господствомъ нѣмецкимъ. Въ тридцатыхъ годахъ, особенно между Чехами, было возбуждено восторженное стремленіе къ изученію славянской народности. Во главѣ даровитыхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей явился Шафарикъ, который далъ Славянамъ славянскую этнографію съ картою, побуждаемый политическою цѣлью показать всѣмъ родственнымъ племенамъ ихъ единство и сосѣдственное размѣщеніе, кое-гдѣ прерываемое черезполосными владѣніями Нѣмцевъ и другихъ чужаковъ. Сверхъ того, Шафарикъ далъ Славянамъ *Славянскія Древности*, въ которыхъ доказываетъ глубокую давность этихъ племенъ въ Европѣ и равныя съ Нѣмцами права ихъ на историческія судьбы Европы. Ученымъ изысканіямъ давали сильный толчокъ политическія идеи о возможной независимости Славянъ отъ чуждаго преобладанія. Многіе славянисты единственно только въ этихъ идеяхъ и почерпали себѣ вдохновеніе и силу для ученыхъ трудовъ. Теперь уже сама исторія доказала, что эти идеи не привели къ желаннымъ результатамъ, и славянскій энтузіазмъ въ разрабатываніи народности и старины не проявляется уже въ такой юношеской свѣжести и бодрости.

Западное ученіе о народности отразилось на Руси сначала въ такъ-называемомъ славянофильствѣ, которое, прилагая уже готовую чешскую программу къ чужеземной обстановкѣ русской жизни, съ ненавистію отнеслось ко всему нѣмецкому, предало Европу проклятію, открывая въ ней предсмертные симптомы конечнаго распаденія и тлѣнія, и съ юношескимъ увлеченіемъ облеклось въ мужицкій кафтанъ и мурмолку, предавъ себя разнымъ аскетическимъ подвигамъ по примѣру благочестивыхъ предковъ временъ Іоанна Грознаго.

Мы живемъ и дѣйствуемъ въ эпоху, когда уваженіе къ человѣческому достоинству вообще, независимо отъ сословныхъ и іерархическихъ преданій, даетъ новое направленіе и политикѣ, и философіи, и легкой литературѣ, направленіе, опредѣляемое національными и вообще этнографическими условіями страны. Филантропическія, коммунистическія и всякія другія утопіи наконецъ потеряли для основательно-мыслящихъ умовъ всякое реальное значеніе, въ виду высокихъ, истинно человѣколюбивыхъ цѣлей, направленныхъ къ умственному и матеріяльному благоденствію народныхъ массъ. Для однихъ дѣятелей, это необъятное поприще теоретическихъ изслѣдованій по народности, въ самомъ обширномъ ея значеніи, начиная отъ миѳологіи и религіи до мельчайшихъ условій быта семейнаго и домашняго; для другихъ — такое же широкое поприще практическихъ начинаній на пользу всѣмъ и каждому. Какъ бы различны ни казались съ перваго взгляда эти стремленія теоретиковъ и практиковъ, но въ существѣ своемъ они идутъ по одному направленію и ведутъ къ одной и той же цѣли, къ подчиненію эгоистической личности насущнымъ интересамъ народа, не только матеріяльнымъ, но и особенно духовнымъ. Заботливое собираніе и теоретическое изученіе народныхъ преданій, пѣсенъ, пословицъ, легендъ, не есть явленіе изолированнее отъ разнообразныхъ идей политическихъ и вообще практическихъ нашего времени: это одинъ изъ моментовъ той же дружной дѣятельности, которая освобождаетъ рабовъ отъ крѣпостнаго ярма, отнимаетъ у монополіи права обогащаться на счетъ бѣдствующихъ массъ, ниспровергаетъ застарѣлыя касты, и, распространяя повсемѣстно грамотность, отбираетъ у нихъ вѣковыя привилегіи на исключительную образованность, ведущую свое начало чуть ли не отъ миѳическихъ жрецовъ, хранившихъ подъ спудомъ свою таинственную премудрость для острастки профановъ.

Вращаясь въ водоворотѣ современныхъ вопросовъ, опредѣляемыхъ народностью, развлекая свое вниманіе иногда обыденною мелочью, и такимъ образомъ теряя нить ведущую къ главной

и единственной цѣли, едва ли кто можетъ указать, какіе результаты приноситъ и какіе можетъ современемъ принести у насъ на Руси это народное направленіе. Теперь можно, кажется, сказать только то, что, привыкши хватать западныя идеи наобумъ, и опрометчиво торопясь прикладывать ихъ какъ ни попало къ практикѣ, не переведши ихъ для себя въ сознательное, честное убѣжденіе, мы усвоиваемъ себѣ и это народное направленіе такъ же легкомысленно и поверхностно, какъ усвоивали прежде классицизмъ, романтизмъ и разныя философскія ученія. Чтобы честно и искренно посвящать себя на служеніе народу, надобно искренно любить его, и для того нужно коротко его знать: а между нѣмецкою образованностью Петровской Руси и простымъ народомъ, въ теченіе послѣднихъ полутораста лѣтъ, раскрылась такая глубокая трещина, которую не замажешь въ какіе-нибудь десятки годовъ сентиментальнымъ піэтетомъ къ народности, теоретически перенятымъ у другихъ, и размѣненнымъ на мелочь ради минутныхъ эгоистическихъ цѣлей той же образованной монополіи, противъ которой должно бы бороться это новое направленіе. Потому надобно опасаться, чтобы наша нѣмецкая образованность, вооруженная чиномъ и другими привилегіями, не отнеслась къ народности какъ къ выгодной добычѣ, и чтобъ изъ вопроса о нравственномъ и матеріяльномъ благосостояніи народныхъ массъ не сдѣлала для себя ловкой спекуляціи. По крайней мѣрѣ въ дѣлѣ просвѣщенія народа грамотностію нельзя не заподозрить корыстныхъ цѣлей со стороны просвѣтителей. Просвѣщеніе есть великое благо для народа. Кто первый и кто лучше, или по крайней мѣрѣ скорѣе, обучитъ простонародье грамотности, тому будетъ оно обязано благодарностью, и съ тѣмъ войдетъ оно въ болѣе искреннія, симпатическія отношенія. Эту практику знаютъ отлично русскіе раскольники и сектанты, и до сихъ поръ успѣшнѣе православнаго духовенства ею пользовались. Теперь и духовенство взялось за умъ, и, желая усвоить себѣ ту же ревность пропаганды, думаетъ попробовать свои силы на невоздѣланной почвѣ простонароднаго невѣжества. Добыча готова, но кому она до-

станется въ жертву — вотъ вопросъ, который не рѣшится безъ борьбы эгоистическихъ побужденій. Духовенству или свѣтскимъ людямъ будетъ обязано простонародье своею грамотностію? Дворянство ли, лишившись нѣкоторыхъ правъ матеріяльнаго преобладанія надъ русскимъ невѣжествомъ, возьметъ теперь его подъ свою умственную и нравственную опеку, или безпомѣстные авантюристы, вмѣсто рудниковъ Калифорніи, будутъ пробовать свое счастіе, производя педагогическіе опыты надъ своею меньшею братіей, и, какъ новые посланники свыше, будутъ своими грамотными мрежами уловлять добычу въ мутной водѣ невѣжества?

Впрочемъ, не отказывая инымъ просвѣтителямъ полуязыческаго простонародія въ совершенно безкорыстныхъ, честныхъ стремленіяхъ, все же для характеристики вопроса о народномъ направленіи образованныхъ умовъ на Руси не подлежитъ сомнѣнію, что они на первыхъ же порахъ относятся къ своей простонародной братіи вовсе не по-братски, а свысока, и не хотятъ къ ней снизойдти, и чѣмъ-нибудь отъ нея позаимствоваться, въ полной увѣренности, что всѣ народныя преданія и обычаи, вся застарѣлая народность — хламъ, который слѣдуетъ выбросить за окно. Но если просвѣтителямъ такъ противна русская народность, то могутъ ли они симпатично предлагать свои цивилизованныя услуги тѣмъ, кто въ теченіе вѣковъ и доселѣ свято хранитъ въ себѣ весь этотъ не нужный и противный хламъ, полагая въ немъ всю свою нравственную характеристику? Можно ли между такими учителями и такою школой допустить взаимное уваженіе, довѣріе и любовь, эти необходимыя условія всякаго правильнаго воспитанія?

Итакъ, кажется, съ достовѣрностью можно опредѣлить вопросъ о русской народности въ его современномъ состояніи такимъ образомъ: это не болѣе какъ распространеніе западныхъ идей и цивилизованныхъ удобствъ въ народныхъ массахъ. Русская народность, слѣдовательно, играетъ въ этомъ вопросѣ роль страдательную. Надобно избавить русскаго мужика отъ его убѣжденій, обычаевъ и привычекъ, надобно спасти его отъ тем-

ныхъ наваждeній старины, и помощію грамотности отрѣшить его отъ всѣхъ основъ его національности, чтобы сдѣлать изъ него человѣка вообще, свѣжаго и чистаго отъ предразсудковъ, космополита, и потомъ дать ему новую жизнь, умственную, нравственную, политическую, религіозную.

Самая главная и существенная причина, почему на Руси плохо прививаются и едва ли скоро привьются, какъ слѣдуетъ, идеи о народности, состоитъ въ самой жизни русской, въ историческихъ и этнографическихъ условіяхъ нашего отечества. Понятно и совершенно законно у цивилизованныхъ народовъ западной Европы разумное стремленіе къ уясненію себѣ всѣхъ сокровищъ своей жизни, потому что ихъ отдѣльныя народности вели Европу по ступенямъ умственнаго и литературнаго развитія. Народность Француза или Англичанина обязательна не для Франціи или Англіи только, но и для всякаго образованнаго человѣка, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Напротивъ того, народы далеко отставшіе отъ другихъ въ цивилизаціи, но усердно за нею стремящіеся, до тѣхъ поръ будутъ отодвигать свою народность на задній планъ, пока не усвоятъ себѣ всего полезнаго и необходимаго что̀ сдѣлано уже цивилизованными націями. Безсмысленно предполагать, чтобы Татаринъ или Мордвинъ до того возгордились удобствами своей жалкой народности, что отказались бы отъ очевидныхъ выгодъ какого-нибудь заморскаго изобрѣтенія, приносящаго имъ очевидный барышъ. Конечно, легко какому-нибудь чтителю Востока, сидя въ дружескомъ кружкѣ, мечтать о чистотѣ и глубинѣ русскаго духа, и о колоссальномъ величіи нравственныхъ силъ русскаго мужика; понятно также, почему и кабинетный ученый, изслѣдователь русской литературы и исторіи, можетъ усердно хлопотать о рѣшеніи разныхъ вопросовъ по русской народности и старинѣ; но въ самой жизни, на практикѣ, волею или неволею, западное направленіе беретъ перевѣсъ. И русскій промышленникъ, хотя бы вчера изъ мужиковъ, едва умѣя читать, хочетъ улучшить свои промыслы по западнымъ образцамъ; и русскій купецъ, иногда мало отходящій своимъ

образованіемъ отъ мужика, мечтаетъ устроить свою торговлю на европейскій ладъ, если найдетъ въ томъ свои барыши; и русскій семинаристъ, готовя себя къ клерикальной карьерѣ, тихонько отъ наставниковъ спѣшитъ освѣжить свою забитую голову какою-нибудь новенькою книжицею съ западными соблазнами; и Русскій политикъ въ своихъ глубокомысленныхъ соображеніяхъ лелѣетъ смѣлые планы для преобразованія своего отечества на манеръ Англіи или Франціи; даже безусловный поклонникъ русской народности хвалится тѣмъ, что онъ любитъ свое родное такъ же искренно и сознательно, какъ Англичанинъ или Нѣмецъ.

Правда, что просвѣщенное вниманіе европейскихъ странъ къ своей народности отразилось и у насъ въ послѣднее время усерднымъ собираніемъ и изданіемъ пѣсенъ, поговорокъ, сказокъ и другихъ памятниковъ русской жизни. Наша ученая литература осталась и здѣсь вѣрна своему призванію — слѣдовать за интересами, возникающими въ образованной Европѣ. Но, говоря откровенно, возможно ли предполагать неподдѣльный, искренній восторгъ въ нашей такъ-называемой образованной публикѣ, при чтеніи какой нибудь изъ народныхъ пѣсенъ въ превосходномъ сборникѣ г. Рыбникова, означенномъ въ заглавіи этой монографіи? Сталъ ли этотъ сборникъ настольною, любимою книгой всякаго образованнаго человѣка, или вошелъ въ скромную библіотеку ученаго спеціалиста и литератора по профессіи? Въ «замѣткѣ», присовокупленной неизвѣстнымъ лицомъ въ концѣ этого сборника, между прочимъ сказано: «Во всякой литературѣ, сколько-нибудь сочувственной живому, не поддѣльному творчеству народа, появленіе сборниковъ, подобныхъ изданному нынѣ, составляетъ обыкновенно эпоху. Такъ было и у насъ послѣ отпечатанныхъ Калайдовичемъ *Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній:* надѣемся и теперь на то же». Напрасныя надежды! И сборникъ Калайдовича не произвелъ на Руси эпохи, а только внесъ новое и богатое содержаніе въ исторію народной словесности, образцы которой критикою сороковыхъ годовъ были признаны за безобразныя и безсмысленныя порожденія русскаго доморощеннаго

невѣжества. Сборникъ г. Рыбникова, дѣйствительно, составляетъ эпоху, — только не для общаго сознанія и интереса образованной публики, а для тѣхъ немногихъ спеціалистовъ, которые посвящаютъ себя изученію русской народности; потому что русская народность есть точно такая же на Руси спеціальность, какъ санскритскій языкъ или греческія древности. А между тѣмъ многія изъ пѣсенъ, изданныхъ г. Рыбниковымъ, такъ прекрасны, что самъ Пушкинъ преклонился бы передъ высоконаивною и классическою граціей, которую въ нихъ вдохнула простонародная фантазія. А между тѣмъ эти прекрасныя пѣсни доселѣ оглашаютъ русскую землю по всѣмъ концамъ ея, воспѣвая миѳическихъ богатырей и историческихъ героевъ нашего отечества; и внимательному, просвѣщенному слуху могли бы эти вѣковыя пѣсни такъ много внушить, могли бы пробудить въ умѣ столько полезныхъ идей, а въ сердцѣ столько любви къ родной землѣ, и особенно въ такую эпоху, когда коренное преобразованіе быта народнаго на нашихъ глазахъ полагаетъ новыя основы для будущихъ успѣховъ русской цивилизаціи! Но для того чтобы свободно и разумно предаться наивнымъ интересамъ народнаго быта, и безъ пристрастія, но съ должнымъ уваженіемъ, внести ихъ въ кругъ своихъ просвѣщенныхъ интересовъ, публика должна быть столько тверда и увѣрена въ своемъ образованіи, чтобъ не бояться компрометировать свою барскую чопорность мужицкими словами и понятіями, какъ этого не боится публика финляндская, искренно благоговѣющая передъ національными пѣснями своей *Калевалы*, или публика нѣмецкая, покровительствующая распространенію въ школьномъ обученіи народнаго эпоса и даже миѳической старины нѣмецкихъ племенъ, не имѣя никакихъ поводовъ заподазривать въ отсталости тѣхъ спеціалистовъ, которые заявляютъ права нѣмецкой старины въ современной образованности [1]).

---

[1]) Приватъ-доцентъ Берлинскаго университета, Маннгардтъ, извѣстный спеціальными изслѣдованіями по нѣмецкой миѳологіи, въ своемъ популярномъ

Но на Руси такого безпристрастнаго и спокойнаго отношенія къ своей старинѣ и народности нельзя ожидать не только отъ образованной толпы, даже отъ литераторовъ и ученыхъ. Періодъ антинаціональнаго преобладанія, начавшійся монгольскимъ игомъ и скрѣпленный въ XV и XVI вѣкахъ московскою политикой, и доселѣ еще не завершилъ круга своей дѣятельности. Надобно отдать полную справедливость политическому такту тѣхъ историковъ, которые, выбрасывая изъ русской исторіи татарскій періодъ, находятъ его результаты въ Московскомъ княжествѣ XV вѣка. Дѣйствительно, оба эти явленія совпадаютъ, точно такъ же, какъ и подчиненіе русской національности нравственнымъ и матеріяльнымъ силамъ Запада со временъ Петра Великаго, въ сущности, для сознанія народныхъ массъ, есть не что иное какъ только перенесеніе Золотой Орды временъ татарщины куда-то за море, откуда и доселѣ не перестаетъ русскій людъ чаять себѣ суда и порядка. Согласно этимъ вѣковымъ преданіямъ русской исторіи, и въ настоящее время образованный человѣкъ, литераторъ или ученый, относится къ русской народности, какъ пришлый Варягъ къ Кривичамъ и Чуди, или какъ миссіонеръ къ толпѣ дикарей, которыхъ желаетъ обратить въ крещеную вѣру. Слѣдовательно, русская народность и старина съ этой точки зрѣнія представляются только жалкимъ собраніемъ темныхъ предразсудковъ и суевѣрій, которыя должно только обличать, а не изслѣдовать ученымъ порядкомъ. Но для кого же ихъ обличать и съ какою цѣлію, когда простой народъ, хранитель этихъ предразсудковъ и суевѣрій, вовсе не знаетъ и существованія тѣхъ журналовъ и книгъ, въ которыхъ помѣщаются обличенія его невѣжества или ученые о немъ трактаты? Не значитъ ли донкихотствовать — сражаться съ суевѣріями и предразсудками

сочиненіи, изданномъ въ 1860 г., подъ названіемъ Die Götterwelt der deutsch. u. nordisch. Völker, указывая слѣды миѳологіи въ суевѣріяхъ, доселѣ господствующихъ въ быту нѣмецкаго народа, тѣмъ не менѣе, съ полнымъ уваженіемъ къ нѣмецкой старинѣ, вводитъ ее въ кругъ народнаго образованія, какъ существенный элементъ въ развитіи самопознанія и патріотизма.

простаго народа передъ публикою, которая давнымъ-давно уже имъ не вѣритъ? И не смѣшно ли такъ много заботиться о простомъ народѣ на словахъ, когда онъ самъ идетъ своею дорогой, и вовсе не хочетъ знать ни нашихъ обличеній, ни защитъ? И неужели не могутъ идти рука объ руку просвѣщеніе народа грамотностію и полезными свѣдѣніями, — и спокойное, чуждое всякихъ практическихъ тенденцій изученіе его старины, которая, конечно не чужда суевѣрій, какъ и старина и народность всѣхъ западныхъ странъ? Неужели вся исторія русской литературы, чуть ли не до нашихъ временъ, должна состоять только въ обличеніи невѣжества, суевѣрій и предразсудковъ? И зачѣмъ такъ рьяно бросаться съ обличеніями на то, что̀ уже и само собою, будучи показано съ настоящей точки зрѣнія, краснорѣчиво говоритъ за себя? Исходъ, какой получаетъ на Руси народное направленіе, кажется, объясняется *обличительнымъ* характеромъ современной журналистики и легкой литературы. Обличать въ тысячу разъ легче нежели изучать. Какъ мы кончили съ византійскимъ направленіемъ нашей старины? Вмѣсто того чтобъ изслѣдовать всѣ нити, связывающія нашу древнюю литературу съ византійскимъ востокомъ и латинскимъ западомъ, мы рѣшили дѣло свысока, какъ во время оно татарскіе баскаки рѣшали тяжбы между русскими властями, и какъ потомъ рѣшали судъ и расправу московскіе воеводы. Сказано, что вся византійщина — гниль и тлѣнъ, и это рѣшеніе сдано въ архивъ россійскаго просвѣщенія, прежде нежели на Руси выучились, какъ слѣдуетъ, греческой азбукѣ. Хотите ли вы серіозно изучать памятники русской архитектуры или иконописи, — тотчасъ возбуждаете подозрѣніе въ преступномъ поползновеніи рекомендовать въ назиданіе современнымъ живописцамъ какой-нибудь куріозный типъ съ собачьею или лошадиною головой. Отнесетесь ли вы серіозно, безъ балаганнаго гаерства, къ стариннымъ повѣріямъ и преданіямъ, — васъ ужь подозрѣваютъ, не вѣруете ли вы въ миѳическіе догматы, что земля основана на трехъ китахъ, и что громъ гремитъ отъ поѣздки по облакамъ Ильи Громовника.

Ясно, слѣдовательно, что обличители въ самой образованной публикѣ, даже въ литераторахъ и ученыхъ изслѣдователяхъ, предполагаютъ наклонность ко всѣмъ суевѣріямъ и предразсудкамъ, которыми богата всякая старина и народность. Отсюда само собою вытекаетъ, что заниматься изученіемъ старины и народности, не ограждая себя ежеминутно отъ суевѣрныхъ соблазновъ, вредно и безсмысленно, и что слѣдовательно опасно распространять въ публикѣ любовь къ родной національности, какъ къ предмету одуряющему. Нетерпѣливая рьяность обличителей даетъ разумѣть, что они еще не свыклись съ гуманными тенденціями, которыя они на себя взяли, и что еще живо чувствуютъ въ самихъ себѣ византійскую и татарскую основу, которая невольно проглядываетъ то въ деспотическихъ замашкахъ балаганнаго шутовства, то въ кочевомъ наѣздничествѣ противъ серіозныхъ занятій наукою, то въ ложномъ стыдѣ недоучившагося фата, чтобъ его не заподозрѣли въ доморощенныхъ грѣшкахъ русскаго суевѣрія.

Вотъ какъ скоро на Руси отживаетъ всякое направленіе, не оставляя по себѣ прочныхъ слѣдовъ въ общемъ сознаніи! Въ Германіи, во Франціи, только что еще принялись за неистощимобогатую и плодотворную разработку національной старины, только что еще начинаютъ въ современной образованности вкореняться результаты ученыхъ изслѣдованій братьевъ Гриммовъ, Коммона, Шназе и сотни другихъ ученыхъ по народности и средне-вѣковой археологіи. А мы уже порѣшили всѣ вопросы по этимъ предметамъ, съ милою наивностью Простаковой, которая для своего Митрофанушки не видитъ никакого прока въ географіи, потому что эта наука не барская. И точно барское ли дѣло интересоваться мужицкими пѣснями, лубочною иконописью, всѣми этими раскольничьими сборниками, цвѣтниками и другою ветошью? И какая во всемъ этомъ польза для насущной практики, съ жизненной точки зрѣнія, въ которой новѣйшіе обличители вполнѣ сходятся съ положительными убѣжденіями смѣтливой родительницы Недоросля?

Впрочемъ, какъ бы легкомысленно ни смотрѣли въ настоящее время у насъ на народное направленіе въ изученіи литературы и искусства, нельзя сомнѣваться, что этому направленію предстоитъ болѣе счастливая будущность. Уже самое собираніе и изданіе памятниковъ по русской народности краснорѣчивѣе всякой полемики ниспровергаетъ чиновничью спѣсь обличителей, прикрывающихъ пустоту своихъ тенденцій филантропическими хлопотами о просвѣщеніи простонародья полезною практикой.

Въ настоящее время, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что лучшими сборниками народныхъ пѣсенъ и стиховъ литература обязана такъ-называемымъ славянофиламъ.

Можно не соглашаться съ этою партіей во мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, но относительно изданія памятниковъ народной поэзіи надобно отдать ей полную справедливость.

Полагая, что обнародованіе такихъ сборниковъ, какъ изданія Рыбникова и Кирѣевскаго, не должно пройдти безслѣдно въ русской литературѣ, мы рѣшились по этимъ сборникамъ предложить краткое *обозрѣніе русскаго богатырскаго эпоса*, конечно не въ тѣхъ мысляхъ, чтобы внести новые элементы въ сознаніе современной публики, но чтобы съ надлежащимъ вниманіемъ осмотрѣть факты, которые со временемъ должны занять первыя страницы въ исторіи русской литературы.

I.

Уже давно изслѣдователями русской народности чувствовался древнѣйшій титаническій періодъ въ послѣдовательномъ развитіи русскихъ богатырскихъ типовъ. Собранныя и обнародованныя г. Рыбниковымъ русскія былины о Святогорѣ, Сухманѣ и другихъ старшихъ богатыряхъ, предшествовавшихъ циклу Владиміра Красна-Солнышка, дали этому предположенію фактическую достовѣрность. Знаменитый славянофилъ, покойный К. С. Аксаковъ, просмотрѣвъ еще въ рукописи г. Рыбникова былину

о Святогорѣ, первый изъ нашихъ ученыхъ опредѣлительно указалъ отличіе богатырей старшихъ, или титаническихъ, отъ младшихъ, человѣкоподобныхъ, къ которымъ относятся Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и другіе витязи, окружающіе князя Владиміра. Разсказавъ о встрѣчѣ Ильи Муромца съ исполинскимъ силачомъ, лежащимъ на горѣ, Аксаковъ присовокупляетъ: «Образъ этого громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣла собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ — весьма замѣчателенъ. Очевидно, что онъ *внѣ ряда богатырей*, къ которымъ принадлежитъ Илья-Муромецъ. Это *богатырь-стихія*. Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихіи.... Не ихъ ли должно разумѣть подъ *старшими богатырями*, которые, неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю его поѣздку» [1]). Вотъ это мѣсто:

Старши богатыри дивуются:
«Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!
У него поѣздка молодецкая,
Вся поступочка богатырская.»
(Кирѣевск. I, 78—81) [2]).

Ясно, что нашъ народный эпосъ отличаетъ эпохи въ развитіи богатырскихъ типовъ, называя какія-то сверхъестественныя личности богатырями *старшими;* ясно также, что эти старшіе богатыри отъ витязей цикла Владимірова отличаются громадною величиной и непомѣрною силой. Но всѣ ли они принадлежатъ къ существамъ стихійнымъ или нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ другое значеніе? Если это существа стихійныя, то въ какомъ отношеніи состоятъ они къ стихійнымъ божествамъ ранней миѳо-

[1]) См. Замѣтку Аксакова въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго.

[2]) Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, для удобства читателей, въ цитатахъ изъ пѣсенъ областной выговоръ измѣняю на общепринятый.

логической эпохи? Сами ли это боги? Тогда выраженіе русскихъ былинъ «старшіе богатыри» — не точное и не вѣрное, составившееся вслѣдствіе того, что народъ утратилъ сознаніе о своихъ богахъ. Или же это дѣйствительно богатыри въ смыслѣ древнихъ великановъ, уже потомковъ какого-нибудь титаническаго, стихійнаго божества? Къ такимъ великанамъ стихійнымъ русскій эпосъ не присоединилъ ли другихъ, позднѣйшихъ, составившихся въ воображеніи народномъ вслѣдствіе историческихъ столкновеній съ вражескими народами? Наконецъ, кромѣ великановъ, къ этой породѣ титанической не принадлежатъ ли и многія другія лица, въ которыхъ характеръ миѳическаго существа нѣсколько замаскированъ позднѣйшею обстановкою богатырей младшей эпохи? Въ такомъ случаѣ, и Волхъ Всеславичъ, и Дунай, даже самъ Илья Муромецъ, въ своихъ богатырскихъ типахъ представятъ намъ много такого что̀ больше принадлежитъ къ эпохѣ титанической, нежели къ позднѣйшей, богатырской; потому что эпосъ народный, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе многихъ вѣковъ, доходитъ до насъ преисполненный самыми странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами и другими несообразностями. Иногда, въ одномъ и томъ же лицѣ, какъ напримѣръ въ Ильѣ Муромцѣ, что̀ будетъ показано ниже, народный эпосъ смѣшиваетъ разновременныя и разнохарактерныя черты и бога Перуна, и Ильи пророка, и титаническаго Святогора, и лица историческаго, въ извѣстной мѣстной обстановкѣ. Еще больше надобно ожидать этой смѣси въ характерахъ богатырей старшихъ, относящихся къ ранней миѳологической эпохѣ. Забывая свою миѳологію, народъ даетъ большій просторъ своей фантазіи, и чтобъ имѣть точку опоры, переводитъ миѳическія существа на историческую почву.

Чѣмъ древнѣе миѳическія преданія русскаго народа, тѣмъ необходимѣе объяснять ихъ въ связи съ преданіями прочихъ славянскихъ нарѣчій, какъ общее достояніе всего славянскаго міра, предшествующее размѣщенію племенъ по разнымъ мѣстностямъ. Только этимъ путемъ можно опредѣлить первоначальное значеніе

титаническихъ существъ, называемыхъ въ нашихъ былинахъ старшими богатырями. Что же касается до перехода ихъ въ великановъ, представителей враждебныхъ народовъ, то для объясненія этого должно прибѣгнуть къ лѣтописямъ и другимъ историческимъ свидѣтельствамъ.

Итакъ, въ послѣдовательномъ развитіи такъ-называемыхъ старшихъ богатырей надобно отличать нѣсколько эпохъ, соотвѣтствующихъ переходу отъ древнѣйшихъ миѳологическихъ представленій къ смѣшаннымъ, темнымъ въ народѣ преданіямъ объ его раннихъ историческихъ судьбахъ, и наконецъ къ установившимся національнымъ типамъ богатырскаго эпоса цикла Владимірова.

Въ преданіи о старшихъ богатыряхъ русскій народъ сохранилъ память о древнѣйшихъ божествахъ своей миѳологіи. Собственныя имена, данныя этимъ богатырямъ въ разное время и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Нѣкоторыя имена, можетъ-быть, имѣютъ смыслъ миѳологическій, каковы: *Сухманъ*, *Святогоръ*, *Волхъ* или *Вольга*, *Тугаринъ Змѣевичъ*, *Дунай*, *Донъ*, при женскомъ существѣ *Нѣпра* или *Днѣпра;* другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, какъ напримѣръ *Самсонъ* богатырь, можетъ-быть и *Полканъ*, или вообще подъ вліяніемъ позднѣйшей, церковной обстановки, какъ напримѣръ, *Идолище Поганое*, *Старчище Пилигримище;* другія заимствованы отъ названій народовъ, какъ *Волотъ Волотовичъ;* иные подъ своею новѣйшею формаціей скрываютъ древнѣйшія преданія о первобытныхъ судьбахъ Славянъ, какъ *Микула Селяниновичъ;* наконецъ цѣлый рядъ вѣрованій и миѳическихъ представленій, какъ древнѣйшій слой, вошелъ въ формацію героевъ даже младшей эпохи, такъ что въ самомъ Владимірѣ и въ Ильѣ Муромцѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей миѳической примѣси къ позднѣйшимъ чертамъ новаго богатырскаго типа.

Прежде нежели разберемъ въ подробности каждое изъ этихъ миѳическихъ существъ, должно упомянуть, что общее имъ на-

званіе: *Старшіе богатыри*, дано только по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, то-есть, исходя отъ понятія о богатыряхъ цикла Владимірова. Народъ только хотѣлъ заявить, что эти существа предшествуютъ богатырямъ Владиміра Красна-Солнышка, но что̀ они такое сами по себѣ, независимо отъ богатырей младшихъ, — неизвѣстно. Какъ существа ста̀раго порядка вещей, они должны быть вытѣснены своими потомками, которые заступаютъ ихъ мѣсто или по наслѣдству, или вслѣдствіе побѣды надъ ними. Борьба съ дикими силами природы, со звѣрями и съ страшными вражескими народами, въ народномъ эпосѣ естественно перенесена была на борьбу съ миѳическими представителями стараго порядка вещей. Такимъ образомъ, первобытное божество, воплощаемое въ типѣ старшаго богатыря, нисходитъ до враждебнаго чудовища, или потому что божество стараго порядка вещей уже не годилось въ позднѣйшей обстановкѣ народнаго быта, или потому что стихійныя и титаническія существа древнѣйшей миѳологіи естественно казались въ послѣдствіи страшилами и чудовищами.

Этотъ переходъ отъ божества стихійнаго къ чудовищу въ титаническомъ типѣ старшаго богатыря съ наибольшею ясностію выражается въ сербскомъ миѳѣ о *дивахъ* и ихъ *дивскомъ старѣйшинѣ*, или начальникѣ[1]). Ихъ числомъ семьдесятъ, живутъ они на *Дивской* планинѣ (горѣ), въ пещерѣ, какъ циклопы, которыхъ нѣкогда посѣтилъ Одиссей. Нѣкто Іованъ, богатырь младшей породы, перебилъ всѣхъ семьдесятъ *дивовъ*, но *дивскій* старѣйшина, оставшись въ живыхъ, вошелъ въ любовь къ матери Іована, и чуть было не погубилъ его; но Іованъ восторжествовалъ и надъ нимъ. Какъ существо сверхестественное, *дивъ* извѣстенъ и въ древне-русскомъ эпосѣ. Слово о полку Игоревѣ знаетъ какого-то *дива*, который сидитъ на деревѣ, подобно Соловью-разбойнику, и велитъ послушать земли незнаемой, и который потомъ вергнулся на землю, когда наступила русскимъ воинамъ бѣда.

---

[1]) Вука Караджича, Сербск. пѣсни, кн. 2, № 8.

Въ сербскомъ миѳѣ о великанахъ *дивахъ* сохранилась память о первобытномъ поклоненіи индо-европейскихъ народовъ божеству неба и свѣта, потому что это слово непосредственно происходитъ отъ *див*, что̀ по-санскритски значитъ *свѣтить*, откуда названія бога свѣта и неба — у Грековъ Ζεὺς (род. пад. Διὸς), у Римлянъ *Deus*, у Германцевъ *Tivas*, у Литовцевъ *Dewas*, и наконецъ въ Санскритѣ *Дѣва* (божество небесное)[1].

Представленіе о *дивахъ* соотвѣтствовало у Славянъ быту кочевому и пастушескому. Когда они осѣлись на постоянныхъ жилищахъ, тогда свой домашній бытъ стали противополагать кочевью по лѣсамъ и степямъ, и все противоположное своему родному жилищу, называли *дивьимъ*, то-есть не покрытымъ домашнею кровлею, находящимся подъ открытымъ небомъ (sub divo или sub jove), наконецъ полевымъ и лѣснымъ вообще. Отсюда у Чеховъ прилагат. *diwok*, въ смыслѣ не только дикаго, но и внѣшняго: *diwoka strana*, въ противоположность внутренней, домашней[2].

Диво, *дивовище*, въ смыслѣ чудовища, указываетъ на переходъ титаническаго существа къ страшилищу, будетъ ли то въ звѣриномъ видѣ, или въ человѣкообразномъ. Дивъ *Слова о полку Игоревѣ* стоитъ на срединѣ между этими значеніями. Даже сербскіе *дивы* въ упомянутомъ миѳѣ, потерявъ свое первобытное значеніе, могли быть понимаемы уже въ смыслѣ тѣхъ дикихъ великановъ, кочевниковъ, съ которыми дерутся наши богатыри младшей эпохи[3].

Если въ замѣткѣ, приложенной къ сборнику г. Рыбникова, сказанное о богатырѣ *Суханѣ* или *Сухманѣ* можетъ быть оправдано въ грамматическомъ отношеніи, то эта личность первоначально имѣла смыслъ существа стихійнаго, состоящаго въ бли-

---

[1]) Корень *див* переходитъ въ существит. *дѣва* по закону поднятія звука *і* въ долгое *е* или въ *ѣ*. Отъ этого же корня происходятъ лат. *divus*, *dives*, *dies*, наше *день* и т. д.

[2]) Изъ формы *дивокій* сокращенно образовалось *дикій*.

[3]) Слич. у Маннгардта: «Bei den Slaven lebt das alte *dêva* (Gott) in der Benennung *diw* für Riese fort». Die Götterwelt. Стр. 57.

жайшей связи съ сербскими дивами. Это было божество солнца, или свѣта, огня (санскр. *сушман*, или *шушман* — огонь)[1]). Но, какъ увидимъ ниже, былина объ этомъ богатырѣ, записанная въ сборникѣ г. Рыбникова, противорѣчитъ этому значенію.

Гораздо правдоподобнѣе видѣть слѣдъ преданія о первобытныхъ миѳическихъ существахъ свѣта, или о *дивахъ* въ свидѣтельствѣ *Слова о полку Игоревѣ*, которое русскихъ витязей вообще называютъ *внуками Дажь-богъ*, то-есть, *бога солнца и огня*. А въ нашихъ лѣтописяхъ *Дажь-богъ* признается сыномъ *Сварога*, бога неба, то-есть, *Сварожичемъ*. По другимъ древне-русскимъ свидѣтельствамъ, подъ именемъ Сварожича наши предки чествовали огонь[2]). Итакъ отъ божества свѣта и огня русскій эпосъ ведетъ родъ нашихъ древнихъ витязей: они внуки свѣтоносныхъ предковъ, память о которыхъ сохранилась въ миѳическихъ титанахъ — дивахъ. Другими словами: Старшіе богатыри — дивы, младшіе — ихъ потомки, внуки Дажь-бога или Сварожича.

Преданіе о стихійныхъ божествахъ на Руси жило еще во всей свѣжести въ эпоху *Слова о полку Игоревѣ*, то-есть въ XII вѣкѣ. Какъ витязи назывались внуками солнца и огня, такъ вѣтры — внуками бога вѣтра, *Стрибога*[3]). Ярославна, горюя объ отсутствующемъ мужѣ, въ своемъ причитаньѣ обращается, какъ къ существамъ одушевленнымъ, не только къ вѣтру и солнцу, но и къ водѣ, въ ближайшемъ, болѣе наглядномъ представленіи ея, въ образѣ *Днѣпра Словутича*, какъ бы сына какого-то *Словуты*.

Если въ изданныхъ доселѣ былинахъ мало оставили по себѣ слѣдовъ стихійныя существа огня и свѣта, за то миѳическія пре-

---

[1]) Слова замѣтки въ Сборникѣ г. Рыбникова: «*Сухманъ* или *Сухманъ* (санскр. *суш* или *шуш*, сохнуть, наше *суш-ить*, откуда причастная форма *суш-манъ*, сохнущій, изсушаемый и изсушающій, перешедшая въ названіе солнца и разныхъ стихій) носитъ на себѣ явныя слѣды происхожденія миѳическаго, до-историческаго». Стр. IX.

[2]) См. въ моей христоматіи столб. 520, 586, 605 и 606. — *Дажь* въ словѣ Дажь-богъ, отъ корня *дах*, что по-санскр. значитъ горѣть; лит. *деги*—горю.

[3]) Отъ глагола *стрити*, откуда *стрѣла*, *стрѣлъ*, *пострѣлъ*, *стрѣха*. Слич. *застрѣть*, *застрянуть*.

данія о водѣ, и особенно о рѣкахъ, сохранились въ замѣчательной свѣжести. Русскій эпосъ еще помнитъ морскаго царя или бога водъ; онъ называется царь *Водяникъ*, а супруга его царица *Водяница*. Имъ приносятъ жертвы, опуская въ воду хлѣбъ съ солью, или же бросая живаго человѣка. Царь морской является во очію и покровительствуетъ тѣмъ, кто его чествуетъ. Когда онъ расплящется, взволнуется море и рѣки.

Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи новгородская былина о *Садкѣ*, богатомъ купцѣ [1]). Прежде онъ былъ бѣденъ, и кромѣ гуслей ничего не имѣлъ, а промышлялъ своею гудьбою на пирахъ, куда его нанимали. Разбогатѣлъ же онъ слѣдующимъ образомъ. Случилось, что нѣсколько дней сряду никуда его не приглашали на пиръ играть въ гусли. Соскучился Садко и пошелъ къ Ильмень-озеру:

Садился на бѣлъ горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера —

И попривѣтствовавъ Садка за утѣхи, которыя онъ ему доставилъ гудьбою на гусляхъ, въ благодарность далъ ему изъ Ильмень-озера кладъ, три рыбы золотыя-перья, на которыя можно скупить всѣ несмѣтныя богатства новгородскія. Садко закинулъ въ озеро неводъ, и вытащилъ это безцѣнное сокровище. Въ нашемъ эпосѣ соотвѣтствуетъ оно кладу *Нибелунговъ*, который прежде хранился въ водопадѣ у карлика Андвари, жившаго въ водѣ въ образѣ щуки; соотвѣтствуетъ также и финскому *Сампо*, сокровищу быта охотниковъ, моряковъ и земледѣльцевъ. Итакъ эти три рыбы золотыя-перья въ Ильмень-озерѣ не что иное, какъ *Hort* или *Сампо* торговаго и промышленнаго Новагорода. До какой степени проникнутъ мѣстнымъ колоритомъ этотъ мотивъ въ былинѣ о Садкѣ, можно судить изъ того, что онъ не разъ встрѣ-

[1]) Рыбн. стр. 370 и слѣд.

чается, съ разными варіантами, въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ. Такъ въ сказаніи объ Антоніи Римлянинѣ повѣствуется, какъ рыбаки вытащили сѣтьми изъ Волхова бочку съ драгоцѣнною церковною утварью, которую этотъ нѣмецкій выходецъ опустилъ въ море еще въ бытность свою въ Италіи, и которая сама собою, какъ чудесный кладъ, приплыла въ Новгородъ по Волхову.

Разбогатѣвши, Садко забылъ о благодѣяніи морскаго царя и перестадъ приносить ему жертву. За это надобно было его наказать. Потому однажды Садковъ корабль сталъ на морѣ и не трогался съ мѣста. Чтобъ ему двинуться и пойдти, надобно было бросить въ воду, въ жертву морскому царю, живаго человѣка. Жребій выпалъ Садку. Какъ знаменитому гудцу, ему даютъ гусли и спускаютъ на воду на доскѣ, на которой онъ и поплылъ по морю. Этотъ мотивъ о чудесномъ плаваньѣ на доскѣ, на плоту или даже на камнѣ — тоже одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ мѣстныхъ легендахъ новгородскихъ. Такъ тотъ же Антоній Римлянинъ будто бы на камнѣ приплылъ изъ Италіи подъ самый Новгородъ. Еще: когда Новгородцы, подозрѣвая архіепископа Іоанна въ развратной жизни, хотѣли его погубить, то посадили его на плотъ и пустили по Волхову; но плотъ чудодѣйственно пошелъ вверхъ противъ теченія, и самъ собою остановился близь Юрьева монастыря.

Такъ и Садко, съ гуслями въ рукахъ, поплылъ по волнамъ на дубовой доскѣ, и очутился въ палатахъ самого морскаго царя Водяника и супруги его Водяницы. Въ то время царь съ царицею спорили о томъ, *чтд на Руси дѣется:*

Булатъ ли дороже красна золота,
Али красно золото дороже булатъ-желѣза?

То-есть, вопросъ состоялъ въ томъ, произошелъ ли историческій переворотъ въ переходѣ древняго суроваго періода старшихъ богатырей въ періодъ богатырей младшихъ. Какое-нибудь титаническое существо изъ породы дикихъ великановъ, вѣроят-

но, предпочло бы безполезному золоту желѣзо. Но Садко, герой новаго порядка вещей, уже знаетъ цѣнность золота; потому что золотой кладъ уже добытъ между людьми, а съ нимъ вмѣстѣ роскошь и преступленіе. Итакъ Садко даетъ предпочтеніе золоту передъ желѣзомъ:

Дороже у насъ на Руси красно золото,
А булатъ-желѣзо катается
У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ.

Садко съ своими гуслями какъ разъ попалъ кстати къ царю Водянику. У него шелъ пиръ на радостяхъ. Онъ выдавалъ замужъ дочь свою любимую.

Во тыё во славно Окіянь-море.

Такъ поэтически, въ античной формѣ, народный эпосъ изображаетъ впаденіе рѣки въ море! Это царь Водяникъ выдаетъ замужъ куда-то за море, на чужую сторону, свою родную дочь.

Садко сталъ играть на гусляхъ. На пиру пошла пляска, и когда расплясался царь Водяникъ, синее море всколебалось, рѣки изъ береговъ выступили: топятъ корабли, губятъ православный людъ. Послѣ того, когда Садко охмѣлѣлъ и заснулъ, является ему во снѣ Никола Можайскій и велитъ изломать гусли звончатыя, чтобы не плясалъ морской царь и чтобы не гибли души народа православнаго. Сверхъ того, Никола даетъ Садку совѣтъ, чтобы онъ взялъ себѣ въ жены что̀ ни худшую изъ тридцати дочерей морскаго царя, когда тотъ будетъ ему предлагать на выборъ одну изъ нихъ, и чтобы женившись на ней былъ остороженъ, чтобъ и не дотрогивался до нея. Такъ Садко и сдѣлалъ, и женился на той изъ тридцати дочерей Водяника, которая была хуже всѣхъ. Легъ съ нею спать, а на утро ото сна пробуждался.

Онъ очутился подъ Новымъ Городомъ,
А лѣвая нога во Волхъ рѣкѣ.

Такимъ образомъ Садко, богатый гость, и женился на дочери Водяника, на Волховѣ рѣкѣ. Очень умѣстное для торговаго

Новагорода миѳическое преданіе, соотвѣтствующее позднѣйшему обряду, по которому венеціянскіе дожи обручались съ Адріатикою, бросая въ ея воды обручальное кольцо!

Прежде нежели сказать о Волховѣ, надобно обратиться къ другимъ рѣкамъ, и предварительно коснуться значенія рѣкъ вообще въ древнемъ бытѣ и въ вѣрованіяхъ Славянъ.

Миѳическія представленія свѣта, солнца, огня, неба, вѣтровъ, могутъ быть объяснены независимо отъ мѣстной обстановки тѣхъ племенъ, гдѣ эти представленія живутъ и развиваются. Иное дѣло съ рѣками и горами. Здѣсь общее представленіе о водѣ или возвышенности непремѣнно пріурочивается къ извѣстной мѣстности, а уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ индивидуальнымъ особенностямъ народнаго быта, состоящаго въ тѣсной связи съ условіями мѣстными.

Народный эпосъ воспѣваетъ миѳическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра и Днѣпры, или Нѣпры, Волхова, Смородины, не потому только что въ эпоху образованія поэтическихъ миѳовъ у Славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту Славянъ. Дѣйствительно, въ раннюю эпоху своего миѳологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индоевропейской миѳологіи и еще во всей свѣжести возсоздавая миѳическія основы своего народнаго эпоса, разсѣялись по рѣкамъ. Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Такимъ образомъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ, рѣки предлагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ.

Соображаясь съ бытомъ и представленіемъ славянскихъ племенъ, Несторъ описываетъ ихъ разселеніе по рѣкамъ. Сначала Славяне сѣли по Дунаю; оттуда пошли въ разныя стороны. Которые сѣли на Моравѣ, назвались Моравами; Ляхи сѣли на Вислѣ; Дреговичи между Припетью и Двиной; на Двинѣ, по

рѣчкѣ Полотѣ, Полочане; Радимичи на Сожѣ; Вятичи по Окѣ; Дулебы по Бугу; Тиверцы по Днѣстру; Новгородскіе Славяне на озерѣ Ильменѣ, то-есть, по Волхову; наконецъ Поляне по Днѣпру. Согласно рѣчному и береговому быту Славянъ, званіе перевощика было почетнымъ. Этимъ объясняется преданіе о томъ, что Кій былъ перевощикомъ на Днѣпрѣ, и можетъ-быть основаніе и названіе города Кіева произошло отъ перевознаго пункта. По крайней мѣрѣ еще во времена Нестора было въ памяти древнее обычное выраженіе: *на перевозъ на Кіевъ.* Другое преданіе, тоже приводимое Несторомъ, о томъ что Кій былъ князь, замѣчательно по сближенію днѣпровскаго Кіева съ дунайскимъ городищемъ Кіевцемъ, основаннымъ будто тѣмъ же Кіемъ.

Древнѣйшее лѣтописное преданіе о значительности званія перевощика доселѣ сохраняется въ народныхъ преданіяхъ. Доселѣ живетъ въ Псковской области преданіе, что вѣщая княгиня Ольга, изъ крестьянскаго званія, была перевощицею на рѣкѣ Великой[1]). Соловей-разбойникъ и вся семья его, какъ будетъ показано, отличались миѳическимъ характеромъ ранней эпохи; и замѣчательно, что старшая дочь этого чудовища была перевощицею на Дунаѣ-рѣкѣ[2]).

Разселяясь и садясь по рѣкамъ, Славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ быть, вынесенныя изъ первобытной родины съ отдаленнаго Востока, и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще, и потомъ уже получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ рѣки: *Сава*, *Драва*, *Одра*, или *Одеръ*, *Ра*, *Упа*, *Донъ*, *Дунай*, древнѣйшаго индо-европейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще; или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ индо-европейскихъ корней, въ большей ясности сохранившихся въ санскритѣ. Племена, выселившіяся изъ общей Арійской родины въ Европу, вынесли съ

---

[1]) Якушкина Путевыя письма изъ Новг. и Псковск. губерн., стр. 155.
[2]) Сборн. Кирѣевск. I, 81.

собою общее индо-европейское имя рѣки вообще *дуни*[1]), и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ формы *дун* и *дон* означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у Славянъ *Донъ* получило смыслъ собственнаго имени, а форма *дун*, съ окончаніемъ *авъ*, именно *Дунавъ*, и потомъ *Дунай*, имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ напримѣръ, поется въ одной польской пѣснѣ: *за рѣками... за Дунаями*[2]).

Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. По мѣрѣ того какъ нарицательныя имена *Донъ*, *Дунай*, *Днѣпръ*, означавшія рѣку вообще, стали болѣе и болѣе опредѣлять свой собственный, индивидуальный характеръ въ памяти и воображеніи славянскихъ племенъ, болѣе и болѣе оказывалась потребность оживить фантазіей эти отвлеченныя имена, придать имъ личную индивидуальность, то-есть, олицетворить въ опредѣленной формѣ человѣкообразнаго существа, съ отличительными признаками извѣстнаго героя или героини. Чтобы выдѣлить изъ общей массы безразличныхъ представленій опредѣленныя и точныя очертанія извѣстной рѣки, надобно было сблизить ее съ интересами личными, сблизить съ человѣческою личностію, и это сближеніе, условливаемое уже самымъ разселеніемъ славянскихъ племенъ, выразилось миѳами о происхожденіи Дуная, Дона и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ отъ человѣкообразныхъ существъ, въ которыхъ первоначально искало себѣ предмета для чествованія вѣрованіе въ стихійныя божества, и которыя потомъ перешли въ обыкновенныхъ героевъ народнаго

---

[1]) Въ формѣ *дуни*, *д* придыхательное, и притомъ *у* употребляется и долгое и краткое. Долгое сохранилось въ словѣ *Дунай;* краткое *у* перешло въ *о*, въ словѣ *Донъ*.

[2]) Значеніе и образованіе прочихъ, выше упомянутыхъ рѣкъ смотр. Pictet, Les origines Indo Européennes. 1859 г., ч. I, стр. 135 и слѣд. Названіе *ра* я производжу отъ корня *р* или *ар*, откуда Санскр. *Арна*—рѣка, вода, нѣм. *rinnan* и т. д.

эпоса. Сверхъ того, миѳъ о происхожденіи и зависимости рѣкъ отъ морскаго царя, или Водяника, постоянно придавалъ этому олицетворенію оттѣнокъ миѳическаго характера.

Итакъ, по русскому эпосу[1]), рѣки Донъ и Днѣпръ будто бы произошли отъ *богатыря Дона* и его вѣщей супруги *Нѣпры Королевичны*, то-есть, *Днѣпры* (вмѣсто муж. р. *Днѣпръ*), которая отличалась воинственнымъ характеромъ, какъ сѣверная Валькирія, и мѣтко стрѣляла стрѣлою, какъ стрѣляютъ сербскія вилы. Дону досадно стало, что жена его похваляется, будто искуснѣе его стрѣляетъ. Рѣшено было между ними состязаться въ стрѣльбѣ на пиру у князя Владиміра. Нѣпра удивила всѣхъ своею мастерскою стрѣльбою. Тогда Донъ съ досады стрѣлилъ въ свою жену, и убилъ ее. Распластавъ убитую Нѣпру, онъ нашелъ въ ея утробѣ чудеснаго сына, по своей необычайности достойнаго своихъ полумиѳическихъ родителей. У него:

По колѣнъ-то ноженьки въ серебрѣ,
По локоть-то рученьки въ золотѣ,
А по косицамъ будто звѣздушки,
А назади будто свѣтелъ мѣсяцъ,
А спереди будто солнышко.

Въ отчаяніи, что такое чудесное существо, не будучи выношено въ утробѣ матери, должно было погибнуть, Донъ убилъ и себя.

Тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ рѣка,
Отъ тыя отъ крови христіянскія,
Отъ христіянскія крови отъ напрасныя.

Эта былина должна быть дополнена тою существенною своею частію, въ которой надобно бы упомянуть, что рѣка Днѣпръ потекла отъ крови Днѣпры Королевичны.

Тоже разсказывается и о *Дунаѣ*, только вмѣсто Днѣпры, онъ женатъ на воинственной Настасьѣ Королевичнѣ, на сестрѣ Апраксѣевны, супруги князя Владиміра.

[1]) Рыбник., стр. 194—7.

Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка:
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

Иначе поется:

Исподъ эвтого сподъ мѣстечка
Протекали двѣ рѣченьки быстрыихъ,
И на двѣ струечки они расходилися,
И еще онѣ вмѣстѣ сходилися [1]).

Каково бы ни было первоначальное значеніе *Сухмана* богатыря, но былина, въ сборникѣ г. Рыбникова, даетъ ему смыслъ совершенно противоположный тому, какой можно бы ему дать на основаніи словопроизводства. Такъ же какъ Донъ и Дунай, этотъ богатырь даетъ начало рѣкѣ. Отъ крови изъ его ранъ протекла *Сухманъ-рѣка*, какъ онъ самъ умирая причиталъ:

Потеки Сухманъ-рѣка
Отъ моей отъ крови отъ горючія,
Отъ горючія крови отъ напрасныя [2]).

Происхожденіе рѣкъ отъ крови убитыхъ героевъ, или точнѣе великановъ, безъ сомнѣнія, основывается на древнѣйшихъ космогоническихъ преданіяхъ о происхожденіи воды вообще отъ крови. Всемірный потопъ, по скандинавскимъ сказаніямъ, разлился будто бы отъ крови убитаго титаническаго существа Имира, въ которой потонула вся древняя порода великановъ, кромѣ одного, спасшагося, подобно еврейскому Ною или индійскому Ману. Русскій стихъ о Егоріи Храбромъ, составленный изъ смѣси космогоническихъ преданій съ подробностями извѣстной церковной легенды, свидѣтельствуетъ намъ, что преданіе о кровавомъ потопѣ входило въ составъ нашего національнаго эпоса. Утверждая христіянскую вѣру, доѣзжалъ Егорій до даль-

[1]) Рыбник., стр. 186—194.
[2]) Рыбник., стр. 32.

няго царства Вавилонскаго, къ царищу Дектіанищу. Это было какое-то чудовище, въ родѣ змія, потому что

Зашипѣлъ онъ, злодѣй, по змѣиному,
Заревѣлъ по звѣриному.
Устрашился у Георгія богатырскій конь,
Палъ конь на сыру землю...
Вынималъ Георгій тугой лукъ,
Вскладывалъ калену стрѣлу,
Пускалъ злодѣю въ челюсти,
Отбивалъ легкое съ печенью,
Проливалъ кровь...
Одолѣла кровь Георгія бусурманская, окаянная;
Стоялъ онъ въ крови не по-колѣнъ, не по-поясъ,
А стоялъ онъ въ крови по бѣлы груди;
Вынимаетъ онъ копье долгомѣрное,
Ударилъ въ мать во сыру землю:
«Разступись, мать сыра земля!
Пожри кровь бусурманскую и окаянную!»
По Георгіеву моленію,
По его святому терпѣнію,
Разступилася мать-сыра земля,
Пожрала кровь бусурманскую, окаянную [1]).

Если происхожденіе *Дуная*, *Дона* и *Днѣпра* русскій эпосъ объясняетъ только олицетвореніемъ, на основѣ миѳическаго вѣрованія о потопѣ и разлитіи рѣкъ отъ крови убитыхъ чудовищъ и титановъ, то сказаніе о происхожденіи рѣки Волхова имѣетъ всѣ признаки древняго миѳа, въ которомъ языческое чествованіе какого-то божества, впрочемъ называемаго въ преданіи Перуномъ, низводится до позднѣйшей демонологіи, и воплощается въ богатырской личности *Волха Сеславича* или *Всеславича*. Какъ существо титанической, древней породы, онъ былъ сыномъ змія [2]). Однажды нѣкоторая княжна, Марѳа Всеславьевна, гуляла по саду, и невзначай скочила съ камня на лютаго змѣя.

---

[1]) Варенцова, Сборникъ Русск. духовн. стиховъ, стр. 108—9.
[2]) Кирши Данилова Древн. Рос. Стих., стр. 45 и слѣд.

Обвивается лютый змѣй около чебота зеленъ сафьянъ,
Около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.

Оттого княжна затяжелѣла и дитя родила. Это и былъ самъ Волхъ Всеславьевичъ. Какъ сынъ змія и существо необычайное, уже самымъ рожденьемъ своимъ на свѣтъ Божій, Волхъ производитъ великій переворотъ по всей землѣ:

Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для ради рожденія богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича:
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.

Своею сверхъестественною природой этотъ герой существенно отличался отъ богатырей младшихъ. Онъ былъ оборотень, существо вѣщее. Въ этомъ состояла его премудрость.

А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ золотые рога.

Сверхъ того, Волхъ обертывался горностаемъ, мурашикомъ, рыбою щукою, такъ что вся природа подчинялась его вѣщей силѣ; посредствомъ превращеній онъ былъ повсюду въ своей сферѣ, и въ лѣсу между звѣрями, и въ воздухѣ между птицами, и въ водѣ между рыбами.

Какъ отъ *Кія* образовалось прилагательное *Кіевъ*, такъ отъ *Волха*, названіе рѣки *Волховъ;* въ женскомъ родѣ *Волхова*, напримѣръ: «За тую за рѣченьку Волхову» въ Сборн. Рыбник.,

стр. 24; въ Лѣтописи Новгородской: «чрезъ Волхову рѣку», и даже въ среднемъ родѣ: «черезъ Волхово». Отсюда понятно, почему безъ нарушенія грамматическаго смысла Волховъ, въ женскомъ родѣ, то-есть, *рѣка Волхова*, могъ сдѣлаться невѣстою Садка богатаго гостя.

Мѣстное новгородское преданіе о Волхѣ было пріурочено къ мѣстечку *Перыня* или *Перунь*, а Волхъ сближенъ съ божествомъ Перуномъ. По сказанію въ старинныхъ хронографахъ[1]), Волхъ называется старшимъ сыномъ Словена. Отъ Словена будто бы получили названіе Славяне, а отъ Волхова, рѣка Волховъ, прежде называвшаяся Мутною. Какъ Днѣпръ былъ *Словутичъ*, то-есть, сынъ Словуты, такъ и другая столь же знаменитая въ древней Руси рѣка Волховъ былъ *Словеничъ*, сынъ Словена. Вѣроятно, оба эти названія, *Словута* или *Словутъ* и *Словенъ*, не что̀ иное, какъ видоизмѣненіе одного и того же имени миѳическаго героя, родоначальника славянскихъ племенъ, поселившихся на Руси.

Согласно приведенной выше былинѣ о Волхѣ оборотнѣ, и письменное сказаніе въ хронографѣ повѣствуетъ, что Волховъ былъ бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами претворялся въ различные образы, и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ, будто бы, тогда почиталъ его за Бога и называлъ его *Громомъ* или *Перуномъ*. И постановилъ этотъ окаянный чародѣй, ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго, городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, зовомомъ *Перыня*, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря (вѣроятно въ какой-нибудь древней притчѣ): «въ боги сѣлъ». И былъ этотъ окаянный чародѣй удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было окаянное тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено

---

[1]) Смотр. мои Историч. Очерк. II, 8.

на берегъ противъ *Волховнаго* его городка, что нынѣ зовется Перыня. И со многимъ плачемъ отъ невѣждъ тутъ онъ былъ погребенъ, съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую, по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризнища просыпалась земля, и пожрала мерзкое тѣло крокодилово, и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: «Иже и до нынѣ, яко же повѣдаютъ, знакъ ямы тоя стоитъ не наполняяся».

Крокодилъ, очевидно, литературная замѣна эпическаго змія, залегающаго рѣки. Въ мѣстномъ преданіи, доселѣ живущемъ у Новгородцевъ, это миѳическое существо называется *звѣрь-зміяка*, *Перюнъ*, то-есть Перунъ[1]). Будто бы этотъ звѣрь-зміяка жилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ скитъ *Перюньской*, то-есть Перынскій, или Перунскій. Каждую ночь звѣрь-зміяка ходилъ спать въ Ильмень къ *Волховской коровницѣ*. Перешелъ зміяка жить въ самый Новгородъ; но когда народъ крестился въ крещеную вѣру, зміяку Перюна бросили въ Волховъ. Зміяка поплылъ вверхъ по водѣ, и подплылъ къ старому своему жилью и взошелъ на берегъ. Князь Владиміръ опять велѣлъ его бросить въ рѣку, а на берегу на томъ мѣстѣ срубить церковь. Оттого церковь та назвалась Перюньскою, а потомъ и Скитъ Перюньскій.

Итакъ, очевидно, въ мѣстныхъ новгородскихъ преданіяхъ Перунъ смѣшивается съ стихійнымъ богатыремъ Волховомъ, и оба представляются въ чудовищной формѣ змія или звѣря-зміяки.

Потопленіе низверженныхъ истукановъ языческихъ боговъ въ рѣкахъ поддерживало древнія преданія о миѳическихъ рѣчныхъ божествахъ, и давало новые матеріялы для мѣстныхъ миѳовъ. Какъ древнее чудовище живетъ въ рѣкѣ и ее залегаетъ, такъ и брошенный истуканъ, въ видѣ живаго существа, плыветъ по волнамъ, выбирая мѣсто гдѣ бы пристать къ берегу. Такимъ образомъ новгородскому преданію вполнѣ соотвѣтствуетъ мѣстное кіевское, записанное еще Несторомъ, о томъ

[1]) Якушкина. Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній, стр. 118—119.

какъ низверженный истуканъ Перуна былъ брошенъ въ Днѣпръ, проплылъ пороги, и потомъ былъ выброшенъ на *рѣнь:* «И оттолѣ, говоритъ Несторъ, прослыла *Перуняна рѣнь*, какъ и до сего дня словетъ». Лѣт. I, 50. Итакъ, кіевская Перуняна рѣнь соотвѣтствуетъ Перыни новгородскихъ преданій.

Такъ какъ олицетвореніе въ эпическомъ стилѣ служитъ проводникомъ отъ миѳа къ внѣшнему, поэтическому украшенію, и такимъ образомъ становится обычною эпическою формой; то во многихъ случаяхъ очень трудно рѣшить, миѳическое ли вѣрованіе дало начало иному олицетворенію и обращенію къ рѣкѣ какъ къ существу живому, или же эпическое настроеніе фантазіи, воспитанное чудеснымъ, независимо отъ древняго вѣрованія, въ своихъ причудливыхъ образахъ безсознательно сходится съ представленіями древнѣйшихъ миѳовъ, основанныхъ на чествованіи воды и рѣкъ. Племенамъ, разселявшимся по рѣкамъ, такъ естественно было обращаться съ вопросомъ или съ мольбою къ рѣкѣ, на берегахъ которой они нашли себѣ надежный пріютъ и родную осѣдлость. Имъ кажется, что родная рѣка своими всплесками и неумолкаемымъ шелестомъ своихъ струй, сочувствуетъ ихъ заботамъ и готова помочь имъ. «Ай, Влтава! Что мутишь ты воду сребропѣнну? Или тебя всколыхала буря, нагнавши тучи на широкомъ небѣ, омывши вершины горъ зеленыхъ, размывши златопещаную глину?» Такъ начинаетъ Чехъ свою пѣсню о судѣ княжны Любуши надъ двумя братьями, которые вели тяжбу о наслѣдствѣ. Родная рѣка съ живѣйшимъ участіемъ отвѣчаетъ ему: «Какъ же бы я воды не мутила, когда ссорятся два родные брата о дѣдинѣ отчей, ссорятся круто между собою. Лютый Хрудошъ на рѣкѣ Отавѣ кривой, златоносной, и Стяглавъ храбрый на рѣкѣ Радбужѣ холодной, оба братья, оба Кленовичи, рода стараго, Тетвы Попелова, который пришелъ съ полками чеховыми въ эти богатыя волости черезъ три рѣки?» Слѣдуя національнымъ воззрѣніямъ, Влтава опредѣляетъ рѣками и переселеніе чешскихъ родовъ, и ихъ размѣщеніе. Родоначальникъ перешелъ съ своими полками черезъ три рѣки; враждую-

щіе братья поселились по рѣкамъ. Русская княжна Ярославна [1]), горюя о своемъ мужѣ, съ искреннею мольбой обращается къ Днѣпру Словутичу, чтобъ онъ прилелѣялъ къ ней ея мужа, чтобъ она не слала къ нему своихъ слезъ черезъ море. Когда ея супругъ, князь Игорь, спасается бѣгствомъ изъ плѣна отъ Половцевъ, рѣка Донецъ съ участіемъ говоритъ ему: «Княже Игорю! Не мало тебѣ величія, а Кончаку нелюбія, а Русской землѣ веселія!» Игорь отвѣчаетъ рѣкѣ: «О Донецъ! Не мало тебѣ величія, что лелѣялъ ты князя на своихъ волнахъ, постилалъ ты ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплою мглою подъ сѣнью зеленыхъ деревъ; стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернядьми на вѣтрахъ!» Какъ князь Игорь чувствуетъ свою судьбу связанною съ степными рѣками, во время своихъ воинскихъ набѣговъ; такъ и Садко Новгородскій гость съ благодарностію относится къ рѣкамъ, потому что онѣ на своихъ волнахъ лелѣятъ его торговыя суда [2]). Опуская въ Волгу, въ видѣ жертвы, хлѣбъ съ солью, Садко благодаритъ ее за то, что, разъѣзжая по ней, онъ ни разу не видалъ надъ собою никакой «притки» и скорби. Волга отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ, и посылаетъ съ нимъ поклонъ къ своему брату Ильмень-озеру. Когда Садко исполнилъ ея порученіе, Ильмень является ему въ видѣ удалаго добраго молодца, и спрашиваетъ: «Какъ же ты знаешь мою сестру Волгу рѣку?» — «А я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, отвѣчаетъ Садко: съ вершины знаю ее и до самаго устья, до Нижняго царства Астраханскаго». Какъ Садко чествуетъ Волгу и Ильмень-озеро, такъ Илья Муромецъ свою родную Оку. Отправляясь съ родины на богатырскіе подвиги, на прощаньи, опустилъ онъ корочку хлѣба по Окѣ рѣкѣ, за то что поила и кормила его, и взялъ съ собою въ ладонку горсть родной земли [3]).

Вотъ еще былина о какомъ-то безыменномъ героѣ.

---

[1]) См. Слово о полку Игоревѣ.

[2]) Кирши Данилова. Древн. Росс. Стих., стр. 266.

[3]) См. Замѣтку г. Даля въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго.

Ѣдетъ добрый молодецъ на чужую, дальню сторону [1]). Ему путь пересѣкаетъ рѣка Смородина. «А и ты мать, быстра рѣка Смородина! говоритъ молодецъ: Ты скажи мнѣ, быстрая рѣка, про броды конинные, про мосточки калиновы, про перевозы частые?» Отвѣчаетъ ему рѣка человѣческимъ голосомъ, душой красной дѣвицей, будто какая миѳическая перевощица, какъ та старшая дочь Соловья Разбойника: «Съ броду конинаго я беру по добру коню, съ перевозу по сѣдлу черкасскому, съ мосточку по удалому молодцу, а тебя, безвременнаго молодца, я и такъ пропущу». Проѣхалъ добрый молодецъ, самъ сталъ похваляться: «Вотъ, сказали про быстру рѣку Сомородину, что ни пѣшему, ни конному не пройдти, не проѣхать, а она хуже лужи дождевой!» Заслышавъ то, рѣка Смородина кричитъ ему вслѣдъ душой красной дѣвицей: «Безвременный ты молодецъ! Забылъ ты за быстрой рѣкой свои два ножа булатные: вѣдь на чужой сторонѣ это оборона великая!» Воротился молодецъ за рѣку, захватилъ свои ножи, и когда сталъ опять переѣзжать рѣку, не нашелъ ужь ни броду, ни перевозу, ни мостика. Такъ и поѣхалъ глубокими омутами. Ступилъ разъ, по черевъ конь утонулъ; ступилъ въ другорядь — по сѣделечко; ступилъ третью ступень — ужь и гривы не видать. Взмолился тогда добрый молодецъ рѣкѣ Смородинѣ; а она отвѣчала ему душой красной дѣвицей: «Не я тебя топлю, безвременный молодецъ, топитъ тебя твоя похвальба пагуба!» Такъ и утонулъ добрый молодецъ въ Смородинѣ рѣкѣ, которую та же пѣсня величаетъ и *Москвою-Смородиной*.

II.

Каковы бы ни были побудительныя причины къ созданію этихъ образовъ и сценъ, миѳическія ли, основанныя на старой памяти, или уже чисто фантастическія, не подкрѣпляемыя никакимъ вѣрованіемъ, все же это не холодная, отвлеченная алле-

[1]) Кирши Данилова, стр. 296—8.

горія, не случайная забава празднаго воображенія, а необходимая, типическая форма, въ которой выражаются тѣ же условія быта, какъ и въ миѳахъ о богатыряхъ-рѣкахъ, и о родственной связи ихъ съ стихійными божествами и чудовищами. Въ странѣ, бѣдной очертаніями природы, въ степной и лѣсистой, гдѣ взоръ свободно распространяется вдаль къ склоняющимся на равнину краямъ горизонта, не останавливаясь ни на одномъ возвышеніи, сколько-нибудь поражающемъ воображеніе, въ странѣ умѣренной, не отличающейся ни поразительною силою зноя, ни быстрыми переходами отъ жару къ холодамъ, изъ всѣхъ миѳическихъ преданій о стихійныхъ божествахъ могли удержаться, и даже получить мѣстное развитіе, только преданія о рѣкахъ. Для великановъ горъ не нашлось на Руси приличной обстановки; вѣтры, Стрибоговы внуки, проносясь по степямъ и лѣсистымъ равнинамъ, глухо терялись въ однообразномъ пространствѣ, потому что негдѣ было имъ остановиться, чтобы сгруппироваться въ великанскіе образы; нѣтъ на Руси ни глубокихъ пещеръ, гдѣ бы они пріютились, ни высокихъ горъ, изъ-за которыхъ они вырывались бы наружу. Самое море въ нашихъ пѣсняхъ называется только *синимъ;* потому что племена, заселившія Русь, забыли уже его безпріютную, волнующуюся пустыню, и вынесли съ собою только пріятное воспоминаніе о зеркальной поверхности водъ, въ которой отражается синее, безоблачное небо. Нашъ эпосъ хотя и знаетъ морскаго царя, но чествуетъ его только по отношенію къ рѣкамъ, чтобъ въ этомъ божествѣ дать имъ отца, потому даже низводитъ его до божества водъ вообще, называя его Водяникомъ, и давая ему въ супруги какую-то царицу Водяницу.

Миѳологія финскихъ и сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ рисуетъ воображенію титаническіе типы стихійныхъ божествъ воздуха, мороза, горной природы и морскаго тумана. Высокія горы и приморскія скалы издали обманываютъ взоръ своими прихотливыми формами, и мерещатся испуганному воображенію страшными исполинами. Они насылаютъ на смертныхъ морозъ и снѣгъ,

грозятъ своею массой подавить ихъ скромныя жилища, и, возвышаясь надъ туманною поверхностію моря, несокрушимо отражаютъ отъ себя удары вѣтровъ и морской бури. Понятно, слѣдовательно, почему сѣверный эпосъ наполненъ сказаніями о борьбѣ бога Тора съ великанами Турсами, стихійными существами горъ, мороза, инея и вѣтровъ. Самыя горы, по преданію сѣверной миѳологіи, не что̀ иное, какъ колоссальныя кости нѣкогда убитаго Имира, величайшаго изъ великановъ. Его брови были употреблены на ограду, которою, какъ горными хребтами, жилища Асовъ и Вановъ, а также и простыхъ смертныхъ, отдѣляются отъ враждебной области суровыхъ великановъ. Чтобы понять какъ различны были условія окружающей природы, въ которыхъ воспитывалась эпическая фантазія русскихъ Славянъ и сосѣднихъ съ ними Финновъ, занявшихъ горныя и приморскія страны, достаточно, напримѣръ, припомнить одинъ изъ космогоническихъ эпизодовъ финскаго эпоса *Ка́левалы*.

Въ началѣ временъ не было ни земли, ни солнца, ни луны, ни звѣздъ; были только воздухъ да вода. Въ пространныхъ жилищахъ воздуха обитала дѣвица *Ильматаръ* [1]), прекрасная и цѣломудренная. Разъ спустилась она съ воздушныхъ высотъ на море: тогда вдругъ поднялась съ востока буря, море взволновалось, и дѣвица Ильматаръ понеслась надъ морскою равниной. И зачала она тогда въ своей утробѣ сына отъ вѣтра, и такъ съ дѣтищемъ въ утробѣ носилась она въ безпредѣльномъ пространствѣ 700 лѣтъ: все не могла разрѣшиться отъ бремени. Въ жестокихъ мукахъ, окоченѣвши отъ холода, горько она раскаивалась тогда, что не осталась *дѣвою на воздухѣ*, и что спустилась на море, какъ *мать воды*. Въ утробѣ ея сидѣлъ не кто иной, какъ самъ *Вейнемейненъ*, герой и творецъ міра. Надоѣло Вейнемейнену сидѣть въ темной утробѣ своей матери, и онъ самъ себѣ проложилъ путь на свѣтъ. Родился онъ на морѣ, долго скитался по его поверхности, потомъ начинаетъ творить міръ. «Несется

---

[1]) Въ переводѣ значитъ: *дочь воздуха*.

онъ по морю, такъ поетъ руна [1]), гдѣ подниметъ голову — тамъ острова творитъ, куда рукою махнетъ — тамъ мысы, гдѣ ногою зацѣпитъ морское дно — тамъ рыбамъ ямы роетъ. Гдѣ земля къ землѣ приближается, тамъ назначаетъ мѣста для неводовъ. Гдѣ онъ остановится — тамъ утесы и скалы, и мели надъ водою, гдѣ разбиваются корабли и гибнутъ купцы». Тогда изъ земли Турьи прилетѣлъ орелъ, и паритъ въ воздухѣ, высматриваетъ, гдѣ бы свить себѣ гнѣздо. Вейнемейненъ, будто великанъ-утесъ, торчащій изъ моря, поднимаетъ свое колѣно въ видѣ «кочки, покрытой густою травой», и орелъ вьетъ на ней себѣ гнѣздо; потомъ снесъ онъ семь яицъ. Вейнемейненъ чувствуетъ, что колѣно его согрѣвается, онъ тряхнулъ имъ, и яйца падаютъ на дно моря и разбиваются. Изъ разбитыхъ яицъ Вейнемейненъ творитъ землю, солнце, луну и звѣзды, а самъ приговариваетъ вѣщія слова: «Будь, исподняя скорлупа, землею, а верхняя небомъ! Свѣтися, бѣлокъ, на небѣ солнцемъ, а ты, желтокъ, разгоняй ночную темноту луною! А что̀ осталось отъ яицъ, пусть пойдетъ на звѣзды!»

Громадные размѣры далекаго моря съ гигантскими утесами, надъ которыми въ видѣ дочери воздуха носятся тучи, и отъ морскихъ вѣтровъ заражцаютъ въ своей утробѣ творца міровъ — эти необъятныя размѣры эпической фантазіи Финновъ, вызванные самою природой, — въ эпосѣ славянскомъ, тоже соотвѣтственно условіямъ природы и быта, сокращаются въ умѣренныя формы рѣкъ съ крутыми, красными берегами. Всемірный змій-Океанъ сѣверной миѳологіи, охватывающій всю землю, въ эпосѣ русскомъ сжимается въ мелкія черты змія рѣчнаго или звѣрязміяки, который вступаетъ въ связь съ какою-то Волховскою коровницей. Морскіе утесы смѣняются красными берегами, и самое слово *Berg*, то-есть гора — грамматически переходитъ въ форму *брегъ* или *берегъ*.

Очевидно, въ зависимости отъ условій природы и быта и отъ воззрѣній, воспитанныхъ миѳологіей и эпосомъ, надобно объя-

---

[1]) *Рунами* называются пѣсни и эпизоды Калевалы.

снять почему на Руси доселѣ во всей свѣжести живутъ въ народѣ преданія и сказанія о стихійныхъ существахъ, живущихъ въ рѣкахъ, то-есть о *русалкахъ*, между тѣмъ какъ *вилы*, свѣтлые геніи воздуха, существа горныя, вполнѣ соотвѣтствующія сѣвернымъ валькиріямъ, господствуютъ въ эпосѣ сербскомъ, который, оставивъ за вилами воздушныя жилища и воинственность валькирій, смягчилъ однако суровость этихъ приспѣшницъ богини Фреи, придавъ имъ граціозныя очертанія античнаго стиля. Въ воображеніи Болгаръ доселѣ живутъ вмѣстѣ и вилы подъ именемъ *самовилъ* и русалки подъ именемъ *самодивъ;* и, вѣроятно, послѣднее названіе имѣетъ много общаго съ упомянутыми выше великанами *дивами*, нѣкогда существами свѣтлыми и прекрасными.

Впрочемъ, несмотря на то, что въ эпосѣ русскомъ не могли господствовать представленія о великанахъ горъ, все же были и на Руси зачатки этихъ представленій, вынесенные изъ общей индо-европейскимъ народамъ арійской родины, а у другихъ Славянъ, при благопріятствовавшей обстановкѣ природы и быта, даже развились они, принявъ мѣстный, индивидуальный характеръ. Самыя названія нѣкоторыхъ горъ и скалъ свидѣтельствуютъ о древнемъ миѳическомъ ихъ значеніи у Славянъ. Такъ у Горенскаго мыса, близъ Руяны, есть скала, имя ей *Божій Камень* (*бужь-камъ*, *buskahm*); близъ Будешина двѣ горы своими названіями напоминаютъ дуализмъ *Зендавесты*, именно: *Бѣлый богъ* и *Черный богъ*[1]).

Преданіе о миѳическихъ представителяхъ горныхъ силъ русскій эпосъ сохраняетъ въ образѣ страшнаго колосса, *лежащаго* именно *на горѣ*. Объ этомъ повѣствуетъ одинъ изъ эпизодовъ эпоса объ Ильѣ Муромцѣ[2]). Однажды заслышалъ онъ, что есть на свѣтѣ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ, и который во всемъ мірѣ нашелъ только одну гору, могущую выдержать его силу и тяжесть. Ильѣ Муромцу захотѣлось

---

1) Слич. О вліян. христіанства на слав. яз., стр. 56.

2) Замѣтка Аксакова, въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго.

съ нимъ помѣряться. Пошелъ искать его, приходитъ къ горѣ, а на ней лежитъ громадный богатырь, *самъ какъ гора*. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ зацѣпилъ я за сучокъ», говоритъ великанъ. Илья напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ задѣлъ», говоритъ великанъ. Потомъ, оборотясь, онъ увидѣлъ Илью Муромца и воскликнулъ: «А! это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ! Меня и земля не держитъ. Нашелъ себѣ гору и лежу на ней».

Итакъ, этотъ великанъ будто сросся съ самою горой. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ, которая его не въ силахъ держать; а гора держитъ: ясно, что гора сильнѣе земли. Такія несообразности очень не рѣдки въ народныхъ преданіяхъ, но, что̀ особенно любопытно, иногда отлично объясняются они воззрѣніями и вѣрованіями первобытной эпохи зарожденія миѳовъ и языка. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ блистательное подтвержденіе русскому миѳу находимъ въ одномъ изъ названій горы по-санскритски: *поддерживающая* или *держащая землю* [1]), такъ что гора, по этому названію, представляется какъ бы пьедесталомъ для какого-нибудь миѳическаго существа, и именно для богини земли или матери-сырой земли. Согласно этому воззрѣнію, русскій великанъ дѣйствительно нашелъ, что гора сильнѣе земли, и если она поддерживаетъ землю, точно такъ какъ древній Атласъ поддерживалъ небо, то поддержитъ и его.

Уже въ древнѣйшую эпоху Чехи также представляли себѣ миѳическаго великана лежащимъ на горѣ, или носимымъ горою, какъ это видно изъ древняго названія Исполиновыхъ горъ: *Кръконоша*, то-есть, несущая чешскаго героя *Крока*, отца княжны Любуши и ея двухъ миѳическихъ сестеръ, — или же несущая польскаго миѳическаго героя *Крако*, которому преданіе приписываетъ основаніе города Кракова.

---

[1]) *Бу-дара* (*б* и *д* придыхательные): сложено изъ *бу* — земля, *дара* — несущій или держащій.

Нѣкоторыя миѳическія существа ранней титанической породы, по русскому эпосу, происходятъ отъ горъ. Это явствуетъ изъ отечественнаго прозвища *Горыничъ*, *Горынчище*, *Горынинка*, то-есть рожденный или рожденная отъ *горы* или *Горыни*. Такъ миѳическій змій русскаго эпоса прозывается *Змій Горыничъ;* исполинская чародѣйка — *Баба-Горынянка*.

Арійскій прототипъ нашихъ *Горыничей* сохранился въ миѳическихъ герояхъ *Баргавасахъ*, дѣтяхъ *Бригу*, одного изъ первобытныхъ людей, созданныхъ Брамою (*праджапатис*). А *бригу* собственно значитъ гора, и отъ него отечественная форма *баргавасъ* — горыничъ [1]).

Слѣдуя древне-арійскимъ преданіямъ, сѣверная миѳологія признаетъ Тора, соотвѣтствующаго нашему Перуну, сыномъ Горы, то-есть Горыничемъ, потому что матерью его была Fiörgyn (гора); также и Фрея была Горынянка, отъ отца Fiörgynn (гора) [2]). Вообще сѣверные великаны горъ носятъ названія, происшедшія отъ слова *berg* (санскритски *бригу*, то-есть гора): то-есть они или самыя горы, или горыничи [3]).

Такъ какъ миѳы о титаническихъ существахъ состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ космогоническимъ ученіемъ о происхожденіи міра, стихій, растеній, металловъ; и такъ какъ названія предметовъ въ языкѣ часто соотвѣтствуютъ воззрѣніямъ, воспитаннымъ миѳологіею и бытомъ народа: то, говоря о горыничахъ, нельзя не упомянуть о санскритскомъ названіи желѣза *гіріджа*, чт̀о слово въ слово значитъ: *рожденный отъ горы* [4]).

---

[1]) *Б* въ обоихъ словахъ придыхательное. Отъ санскритск. *бригу* происходятъ нѣм. *Berg* и наше *брегъ*, *берегъ*. Слич. Pictet, Les Origines Indo-europ. Стр. 125—127.

[2]) Скандин. *Fiörgyn* женск. рода и *Fiörgynn* муж. рода, имѣютъ при себѣ въ готскомъ *fairguni* — гора, средн. рода.

[3]) См. Вейнгольда. Die Riesen des Germanischen Mythus, въ Sitzungsberichte d. Philos.-historischen Classe d. Kais. Academie d. Wissenschaften. 1858 г. Февраль.

[4]) Сложено изъ *гірі* — гора и *джа* — рожденный. Ближе всѣхъ къ этому слову литовское *гележис*, съ обычнымъ переходомъ древнѣйшаго *р* въ позднѣйшее *л* и *і* въ *е*. Наше *желѣзо* есть смягченная форма литовской.

Дѣйствительно, космогоническій эпосъ внесъ въ свои эпизоды, какъ одинъ изъ существенныхъ моментовъ, миѳъ о происхожденіи металловъ вообще, и въ особенности желѣза. Согласно національнымъ воззрѣніямъ и условіямъ мѣстнымъ, въ наибольшей свѣжести этотъ миѳъ сохранился въ Финской *Калевалѣ*.

«Воздухъ всему мать, такъ разсказывалъ самъ Вейнемейненъ: вода старшая сестра[1]), желѣзо — младшій братъ, а средній между ними огонь. Укко[2]), творецъ всего, Богъ на небѣ, отдѣлилъ воду отъ воздуха, а отъ воды землю. Только не было желѣза. Тогда Укко, воздушный богъ, потеръ себѣ руки и приложилъ къ лѣвой колѣнкѣ: и родились оттого три прекрасныя дѣвицы, три матери металловъ[3]). Отъ желтаго молока первой родилось золото, отъ бѣлаго молока другой — серебро, а отъ чернаго молока третьей — желѣзо. Только что родилось на свѣтъ желѣзо, захотѣлось ему повидаться съ своимъ милымъ старшимъ братцемъ, съ огнемъ. Но огонь страшно ярится, забираетъ силы, хочетъ спалить несчастнаго, своего милаго братца желѣзо. Желѣзо бѣжитъ, спасается прыткимъ бѣгомъ отъ яростной силы (кулаковъ) огня, отъ злой пасти пламени. И спасается желѣзо въ зыбучихъ болотахъ, въ гремучихъ ручьяхъ, и на пологихъ скатахъ горъ, гдѣ несутъ яйца лебеди, гдѣ вьютъ себѣ гнѣзда гуси... Но по болотамъ рыщутъ волки, по степямъ ходятъ медвѣди: подъ ногами волка трясется болото, подъ лапами медвѣдя перегибается поле: желѣзо выходитъ наружу, гдѣ пробѣжитъ волкъ своими ногами, гдѣ ступитъ медвѣдь лапою. И родился Ильмариненъ (это вѣщій кузнецъ финскаго эпоса), родился и выросъ, на

---

[1]) Въ подлинникѣ, *братъ*.

[2]) Укко верховное божество, собственно *дѣдъ*.

[3]) Точно такъ и отъ колѣнъ Имира происходитъ первое на землѣ человѣкообразное существо, согласно индійскому миѳу о происхожденіи кастъ отъ головы, рукъ и ногъ Брамы. Слич. въ русскомъ стихѣ о *голубиной книгѣ*:

Завелось крестьянство православное,
Отъ того *колѣна* отъ Адамова. (Сборн. Варенцова, стр. 22.)

Слич. юридич. значеніе *колѣна* въ устройствѣ нѣмецкой семьи. Ia. Grimm, Deutsche Rechtaslth. Стр. 468. Старшій въ родѣ по-русски называется *колѣно*, откуда *колѣно* и *поколѣніе* въ смыслѣ рода-племени.

угольной горѣ родился, на угольномъ полѣ выросталъ, съ мѣднымъ молоткомъ въ рукѣ, съ клещами въ кулакѣ... Онъ собираетъ желѣзо, и, расковывая его на огнѣ, готовитъ оружіе и всякую утварь».

Огненный, летучій змій Горыничъ, или Горынчище, по русскому эпосу, живетъ въ пещерахъ и хранитъ драгоцѣнные металлы, такъ же какъ скандинавскій змій Фафниръ хранитъ роковой кладъ Нифлунговъ. Еще будучи въ молодыхъ лѣтахъ богатырь Добрыня Никитичъ [1]) пошелъ купаться на Израй рѣку. Струя подхватила Добрыню и унесла въ пещеры бѣлокаменныя къ лютому змію. Поразивъ змія и дѣтей его, Добрыня

Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
У лютаго змѣища Горынчища,
Нашелъ онъ много злата, серебра.

Остатокъ великановъ горной породы, во всей ясности, сохранилъ русскій эпосъ въ колоссальномъ типѣ *Святогора* [2]). Уже самое имя его указываетъ на связь съ *горою*. Живетъ онъ на *Святыхъ Горахъ*. Святыми называются онѣ, конечно, не въ христіянскомъ смыслѣ, такъ какъ и Русь получила свой эпитетъ *святая*, первоначально безъ всякаго отношенія къ *святости* православія, потому что безъ самыхъ пошлыхъ натяжекъ никоимъ образомъ нельзя объяснить этого эпитета съ исключительно-христіянской точки зрѣнія. Какъ упомянутаго выше исполина горы *земля не держитъ*, потому и лежитъ онъ на горѣ, такъ и о Святогорѣ говорятъ Ильѣ Муромцу калики перехожіе:

.... Не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ.

По одному варіянту Святогоръ и погибаетъ, какъ существо стихійное, хаотическое. Онъ хотѣлъ поднять *тягу земную*, но и его силы на то не хватило. Съ натуги

---

[1]) Кирши Даниил., стр. 345 и слѣд.
[2]) Сборникъ Рыбник., стр. 33, 35.

По колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ.
Тутъ ему было и кончаніе.

То-есть, погрязшій по колѣна въ землю, Святогоръ на вѣки такъ и остался, и торчитъ изъ земли, будто скала.

Русскій миѳъ о превращеніи младшихъ богатырей въ камни или скалы, вѣроятно, первоначально относился къ великанамъ и богатырямъ породы старшей, или титанической. Въ послѣдствіи, когда и младшіе богатыри стали для народа стариною незапамятною, то и на нихъ онъ могъ перенести этотъ миѳъ, какъ на существа необычайныя. Слѣдственно, несмотря на то, что русскій эпосъ смѣшиваетъ разныя эпохи, и, не затрудняясь никакими анахронизмами, заставляетъ своихъ до-историческихъ богатырей быть современниками и Татаръ, и московскихъ царей, и Ермака, все же въ народѣ довольно ясно сознаніе о томъ, что богатырей давно уже на землѣ нѣтъ, что они жили когда-то въ первобытныя времена, при обстоятельствахъ совершенно иныхъ; что это были существа особенныя, вознесенныя изъ среды обыкновенныхъ смертныхъ, и своими личными качествами, своею сверхъестественною природою, и тою средой, въ которой дѣйствовали.

Этотъ важный моментъ въ исторіи русскаго эпоса, основанный на миѳѣ о великанахъ горныхъ и перенесенный на младшихъ богатырей, во всей ясности обозначился въ былинѣ о томъ, *отчего перевелись витязи на святой Руси*[1]).

Однажды богатыри младшей эпохи и Владимірова цикла собрались на Сафатъ-рѣкѣ. Тутъ былъ Горденко Блудовичъ, Василій Казиміровичъ, Василій Буслаевичъ, Иванъ Гостиный Сынъ, Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ и наконецъ самъ Илья Муромецъ. На этой рѣкѣ произошла у нихъ битва съ Татарами (обыкновенный анахронизмъ). Богатыри одержали блистатель-

[1]) Напечатана въ Сынѣ Отеч. 1856 г. № 26. Слич. мои Историч. Очерки II, стр. 13—14. Слогъ этой былины, очевидно, подновленъ.

ную побѣду, и возгордились до того что въ своей похвальбѣ рѣшились вызывать на бой *силу нездѣшнюю*, *небесную*, то-есть, сверхъестественную, съ точки зрѣнія, конечно, миѳологической. Только что вызвалъ Алеша Поповичъ силу нездѣшнюю, какъ явилось двое воителей, существа другаго міра, и храбро идутъ въ бой съ богатырями. Налетаетъ на нихъ Алеша Поповичъ, и со всего плеча разрубаетъ ихъ пополамъ, и къ великому удивленію, двое воителей не пали мертвыми, а только умножились: ихъ стало четверо, и живы всѣ. Налетѣлъ Добрыня Никитичъ, перерубилъ ихъ пополамъ, и опять стало ихъ вдвое больше, и живы всѣ. Бросился на чудесныхъ враговъ самъ Илья Муромецъ и еще разъ удвоилась сила нездѣшнихъ воиновъ. Тогда

Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть, рубить...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахались ихъ плеча могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугались могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ,
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣтъ,
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ...
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси.

Если подъ *нездѣшними* воителями, основываясь на выраженіи *сила небесная*, разумѣть ангеловъ, въ позднѣйшемъ, то-есть въ христіянскомъ смыслѣ; то возстаніе богатырей противъ нихъ, какъ страшное святотатство, и наказывается страшною казнью.

Но такое объясненіе противно смыслу и нравственному такту народнаго эпоса. Ничто въ характерѣ и дѣйствіяхъ нашихъ богатырей не заставляетъ предполагать въ нихъ святотатственнаго покушенія; потому что нигдѣ въ былинахъ они не выставляются врагами христіянскаго міра, и вообще русскій эпосъ избѣгаетъ всякаго враждебнаго столкновенія богатырей съ небесными силами, принимаемыми въ христіянскомъ смыслѣ. И зачѣмъ было христіянскимъ ангеламъ или святымъ вести бой на смерть и потомъ погубить всѣхъ этихъ богатырей, которыхъ такъ чествуетъ и лелѣетъ народная фантазія? Это не совмѣстно съ законами справедливости и возмездія, которыхъ народный эпосъ свято держится въ приложеніи къ судьбѣ своихъ любимыхъ героевъ. Сверхъ того, самъ Илья Муромецъ, по народнымъ вѣрованіямъ, причисленъ къ лику святыхъ: какъ же онъ будетъ виновникомъ святотатственнаго возстанія противъ небесныхъ силъ христіянскаго міра?

Народъ чувствовалъ эту неловкость, происходящую отъ обоюднаго смысла нездѣшней силы; потому въ варіянтѣ приведенной былины, изданномъ въ сборникѣ г. Рыбникова[1]), удвояются подъ ударами богатырей, не воители небесные, а *Татара*. А между тѣмъ, передъ этимъ чуднымъ явленіемъ, Илья Муромецъ только что возгордился, подумавъ:

«Еслибы была вся сила небесная,
Прирубили бы и всю силу небесную».
Разгорѣлись всѣ сердца богатырскія:
Разрубятъ Татарина единаго —
Сдѣлается два Татарина;
Разрубятъ два Татарина —
Сдѣлается четыре Татарина;
Умножилось *силы-войска поганаго*
Во эвтоемъ во полѣ во чистоемъ.
Рубилъ старый казакъ Илья Муромецъ
Эту силу поганую великую,
И пересѣлся старый казакъ Илья Муромецъ:

[1]) Стр. 119.

И *закаменѣвши конь* его богатырскій
На эвтоемъ полѣ на чистоемъ.

Итакъ, Илья Муромецъ является даже главнымъ виновникомъ этой борьбы, и самый конь его каменѣетъ. Но только съ точки зрѣнія миѳологической можно объяснить эту странную метаморфозу нездѣшней, свѣтлой силы въ поганую. Ясно, что въ борьбѣ нашихъ богатырей съ нездѣшними силами, надобно видѣть одну изъ тѣхъ миѳическихъ катастрофъ, которыя выражаетъ народная фантазія у разныхъ народовъ, то въ возстаніи Титановъ противъ олимпійскихъ боговъ, то въ погибели Турсовъ и Іотовъ — сѣверныхъ великановъ — отъ молота бога Тора, то наконецъ въ конечномъ истребленіи свѣтлыхъ божествъ сѣверной миѳологіи въ борьбѣ съ полчищами Суртура и съ чудовищнымъ отродьемъ злобнаго Локи.

Во всякомъ случаѣ, надобно полагать, что въ катастрофѣ нашихъ богатырей смѣшиваются двѣ эпохи: 1) первобытная — низверженіе великановъ древней хаотической эпохи подъ ударами богатырей и божествъ эпохи новой; и 2) позднѣйшая — гибель новыхъ божествъ и младшихъ богатырей, вытѣсняемыхъ изъ народнаго сознанія уже новѣйшими, историческими переворотами. Впрочемъ, первая эпоха сильнѣе наложила свою печать на судьбу нашихъ богатырей. Какъ сѣверные великаны, они превращаются въ камни, горы и утесы: а *превращеніе* на эпическомъ языкѣ часто имѣетъ смыслъ и уподобленія, ассимиляціи, тожества. Слѣдовательно, это просто великаны горъ, миѳическое олицетвореніе самыхъ горъ и утесовъ. Такое миѳическое превращеніе соотвѣтствуетъ космогоническому преданію о самомъ рожденіи людей изъ каменьевъ, которые, по греческому миѳу, Девкаліонъ и супруга его, соотвѣтствующіе семитическому Ною и индоевропейскому Ману, — бросали позадь себя, и изъ каждаго камня рождался человѣкъ.

Наконецъ миѳическое превращеніе въ послѣдствіи низводится до чародѣйскаго явленія, производимаго вѣщимъ словомъ. Такъ

одна вѣщая женщина оборачиваетъ камнемъ Потока или Потыка Михайлу Ивановича, а сама приговариваетъ:

Гдѣ былъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Тутъ стань бѣлъ горючъ камень,
А пройдетъ времечка три году,
И пройди сквозь матушку сыру землю [1]).

То-есть, утесъ погрязъ въ землѣ, какъ Святогоръ въ приведенномъ выше эпизодѣ.

Титаническія, стихійныя существа въ исторіи народнаго эпоса заслоняютъ собою преданія о первобытныхъ хаотическихъ переворотахъ на землѣ, совершавшихся нѣкогда могуществомъ высшихъ, недовѣдомыхъ силъ. По этимъ преданіямъ, горы, лѣса, воды, въ хаотическомъ безпорядкѣ громоздились по землѣ, и какъ существа одушевленныя могли сдвигаться между собою и раздвигаться, по приказанію вѣщаго слова. Творецъ, устроитель земли Русской, Вейнемейненъ русскаго космогоническаго эпоса, подъ позднѣйшимъ именемъ Егорія Храбраго, ѣдетъ по Русской землѣ и —

Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися;
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Святый Егорій глаголуетъ:
«Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
«Встаньте и разшатнитеся,
«Разшатнитеся, раскачнитеся...»
Наѣзжалъ Егорій на рѣки быстрыя,
На быстрыя, на текучія:
Нельзя Егорью проѣхати,
Нельзя Святому подумати.
«Ой вы еси, рѣки быстрыя!
«Рѣки быстрыя, текучія!
«Протеките вы, рѣки, по всей земли,
«По всей земли свято-Рускіей,

[1]) Рыбник., стр. 223.

«По крутымъ горамъ по высокіимъ,
«По темнымъ лѣсамъ по дремучіимъ...»
Наѣзжалъ на горы на толкучія:
Гора съ горой столкнулася:
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій Святой проглаголывалъ:
«Вы горы, горы толкучія!
«Станьте вы, горы, по старому...» [1]).

Этой миѳической эпохѣ размѣщенія и установленія порядка и гармоніи между землей и водой соотвѣтствуетъ превращеніе стихійныхъ великановъ въ горы и рѣки. Эти миѳическія существа, одаренныя буйною силой, безъ всякой урядицы блуждали, сталкивались между собою въ титанической борьбѣ и не давали простору обыкновеннымъ смертнымъ. Но рано или поздно, законы природы должны были положить конецъ этому хаосу и неурядицѣ. Слагатели миѳовъ и космогоническихъ эпизодовъ были глубоко убѣждены, въ этомъ благотворномъ переворотѣ, потому что, хотя они и не довѣряли недовѣдомымъ силамъ природы, хотя страшились и благоговѣли передъ могуществомъ стихій, но все же видѣли, что горы и лѣса стоятъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, что рѣки, что̀ бы онѣ ни говорили своими плещущими струями, все же по установленному порядку, неизмѣнно текутъ въ своихъ крутыхъ берегахъ. Куда же дѣвались эти страшные для человѣка исполины, которымъ такъ привольно было блуждать въ первобытномъ хаосѣ? — Они превратились въ рѣки и горы, повѣствуетъ народный эпосъ и успокоиваетъ запуганное воображеніе, наглядно убѣждая, что отъ страшныхъ, сверхъестественныхъ силъ ничего больше не осталось, какъ грубая масса, въ которой онѣ навсегда улеглись.

III.

Увѣрившись въ безвредности неодушевленной природы, оградивъ себя отъ ея произвола убѣжденіемъ, что уже разъ окаме-

[1]) Г. Безсонова, Калѣки Перехожіе, стр. 449 и слѣд.

нѣвшіе богатыри не шевельнутся въ своихъ заматорѣвшихъ вѣками оковахъ, что Дунай Ивановичъ уже не соберетъ своей крови, превратившейся въ воду, и никогда не предстанетъ въ очію какъ существо человѣкообразное, все же воображеніе, воспитанное миѳическими страшилами, не скоро могло свыкнуться съ тою мыслію, что существа живыя, одаренныя произволомъ, для человѣка страшныя и непонятныя по своимъ дѣйствіямъ, что именно звѣри, птицы, и особенно змѣи, не одарены тою же разрушительною, сверхъестественною силой, отъ которой нѣкогда человѣкъ спасся въ эпоху гибели титановъ, и которая, по наслѣдству отъ этихъ чудовищъ, доселѣ еще пребываетъ въ животныхъ. Такимъ образомъ эпосъ о животныхъ (Thierfabel), въ своемъ древнѣйшемъ видѣ, составляетъ существенное дополненіе къ народной космогоніи.

Тотъ же русскій Вейнемейненъ, подъ видомъ Егорія[1]), устроя изъ хаоса землю Русскую

Наѣзжалъ… на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ;
А пастятъ стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы ро́дныя се́стрицы.
На нихъ тѣла яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковылъ трава…
Пріѣзжалъ Егорій къ птицамъ клевучіимъ,
Къ птицамъ клевучіимъ нагайщинамъ:
«Вы послушайте, птицы клевучіи,
«Птицы клевучіи, нагайщины!
«Разлетайтесь, пропустите Егорья Храбраго…»
Наѣзжалъ на змѣи на огненны:
Изъ рото́въ пылитъ огонь-по́ломя,
Изъ ушей дымъ столбомъ валитъ,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.

По одному варіянту, Егорій велѣлъ имъ разсыпаться по сырой землѣ, «во мелкіе дробные череньица»; по другому — цѣлое

---

[1]) Безсонова, Калѣки Перехожіе. Стр. 451, 473, 438, 418.

стадо змѣиное замѣняетъ того змія исполина, въ крови котораго потонулъ было Егорій:

Вынималъ Егорій саблю острую,
Посѣкъ онъ, порубилъ стадо острое,
Стадо острое змѣиное;
Сталъ же Егорій во крови по бѣлую грудь;
Втыкаетъ Егорій свое скипетро
Во матерь во землю:
«О, матушка, сырая земля, разступися;
«На всѣ четыре страны раздвинься,
«На четыре страны, на четыре четверти,
«Ты пожри кровь змѣиную, проклятую!

Миѳическія преданія о чудовищныхъ зміяхъ и волкахъ и о превращеніи людей въ эти чудовища, у Славянъ восходятъ къ глубокой древности[1]). Народъ *Невры*, по свидѣтельству Геродота, жилъ въ странѣ, лежащей на сѣверо-западъ отъ истоковъ Днѣстра, то-есть въ странѣ, которая до позднѣйшаго времени въ польской исторіи извѣстна подъ именемъ земли *Нурской*. Первобытныя ихъ жилища были, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; но за сто лѣтъ до похода Даріева противъ *Скиѳовъ*, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же греческій историкъ, *они принуждены были змѣями, частію расплодившимися въ ихъ краѣ, частію же пришедшими къ нимъ изъ сѣверныхъ пустынь*, оставить свои прежнія жилища и искать пріюта у сосѣдняго и родственнаго племени, у Будиновъ. «Нравы ихъ, говоритъ Геродотъ, нѣсколько похожи на скиѳскіе; людей этихъ почитаютъ чародѣями. И точно, Скиѳы и Греки, жившіе въ Скиѳіи, разсказываютъ, что каждый изъ Невровъ разъ въ годъ оборачивается на нѣсколько дней въ волка, и потомъ опять принимаетъ свой прежній видъ». Скиѳы ли разумѣются подъ змѣями, которыя выгнали Невровъ, или что̀ другое соотвѣтствовавшее до-историческимъ переворотамъ и миѳологическимъ о нихъ представленіямъ, — во всякомъ

---

[1]) Шафарикъ, Славянскія Древности, въ переводѣ г. Бодянскаго. Т. I, кн. I. Стр. 322 и слѣд.

случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что какія-то племена оставили память о междоусобной борьбѣ, выразившейся преданіемъ о *Волкахъ-Неврахъ гонимыхъ змѣями*. Извѣстный срокъ пребыванія Невровъ въ волчьей шкурѣ, безъ сомнѣнія, назывался *Волчьимъ временемъ*, которое, судя по названіямъ мѣсяцевъ, у Славянъ, Литвы и Нѣмцевъ, простиралось отъ Ноября до Февраля включительно[1]); и, можетъ-быть, самое названіе зимняго времени, получившее свое начало отъ календарной системы, дало поводъ къ составленію миѳа о превращеніи Невровъ въ волковъ. Этотъ миѳъ, перешедшій въ вѣрованіе въ волколаковъ, или упировъ, или вампировъ, и доселѣ самый популярный въ землѣ Нурской и въ сосѣднихъ краяхъ, особенно на Волыни и въ Бѣлоруссіи. Вблизи къ этимъ странамъ нѣкогда обиталъ страшный и могущественный славянскій народъ, который, соотвѣтственно сказанію Геродота о превращеніи Невровъ въ волковъ, назывался *Волками* или *Лютичами*, потомками *Люта* или *Лютаго* (то-есть, тоже волка, по эпитету: *лютый*). Самый край, гдѣ жилъ этотъ народъ, именовался *Волкоміръ*, то-есть *Волчій міръ*. Миѳъ о превращеніи въ волка еще во всей свѣжести процвѣталъ на юго-западѣ Россіи во времена *Слова о полку Игоревѣ*, гдѣ между прочимъ о князѣ Всеславѣ говорится, что онъ «людямъ судилъ, князьямъ грады рядилъ, а самъ въ ночь *волкомъ рыскалъ*, великому Хорсу (богу) *волкомъ* путь перерыскивалъ».

Народы дикіе и воинственные, согласно вѣрованіямъ въ животныхъ, получали имена *Зміевъ*, *Волковъ*, *Лютыхъ Звѣрей* и особенно отъ своихъ сосѣдей, которымъ они были страшны. Миѳы о титанахъ давали этому вѣрованію большой просторъ; потому звѣрскіе враги представлялись испуганному воображенію великанами. Такъ тѣ же *Волки* или *Лютичи* иначе называются *Велетами* или *Волотами*; а слово *Волотъ* на бѣлорусскомъ

[1]) Февраль у Славянъ называется *Лютый* (по эпитету волка: *лютый звѣрь*), а у Басковъ *Волчій мѣсяцъ*; у Латышей *Wilku mehnesis* (волчій мѣсяцъ) — Декабрь, такъ же какъ и у Славянъ, *Волчій* или *Влченецъ*, между тѣмъ какъ у Нѣмцевъ въ старину Wolfmanôt — Ноябрь.

языкѣ издавна употреблялось въ смыслѣ исполина. Какъ стихійные богатыри превращаются въ горы и скалы, такъ и память о Волотахъ сохранилась въ *волоткахъ*, какъ кое-гдѣ на Руси называются древніе курганы.

Змій-богатырь, соединяющій въ себѣ свойства змія и великана, въ нашемъ эпосѣ воспѣвается подъ именемъ *Тугарина Зміевича*, то-есть сынъ змія [1]).

Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ саженъ,
Промежь плечей косая сажень,
Промежду глазъ калена стрѣла.

Какъ великаны сѣвернаго эпоса, онъ отличается страшною прожорливостью:

По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ...
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра.

Тѣмъ же хвастается другое чудовище русскаго эпоса, *Идолъ* или *Идолище Поганое*:

Я вотъ по семи ведръ пива пью,
По семи пудъ хлѣба кушаю [2]).

По сказкамъ, этотъ Идолище появился въ Кіевѣ къ великому бѣдствію князя и жителей. «Голова у него съ пивной котелъ, во плечахъ-то коса сажень, промежь бровей-то борозда со три пяди, промежь ушей-то пройдетъ калена стрѣла; а ѣстъ-то онъ Идолище по цѣлу быку, а пьетъ-то онъ по пивному котлу» [3]).

Эпосъ, очевидно, сближаетъ этого исполина съ Тугаринымъ; потому Илья Муромецъ тѣми же словами осмѣиваетъ обжорство Идолища, какими Алеша Поповичъ — Тугарина:

У моего, сударя, батюшки,
Ѳедора попа Ростовскаго,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,

---

1) Кирш. Данил., стр. 183 и слѣд.
2) Рыбн., стр. 87.
3) Кирѣевск. I, стр. XV.

Забилася на поварню къ поварамъ,
Выпила чанъ браги прѣсныя,
Отъ того она лопнула, —
Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ:
Отъ меня Тугарину тоже будетъ.

Илья Муромецъ говоритъ Идолищу:

У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
У ёго была корова ѣдучая:
Она много пила-ѣла — лопнула.

Илья разсѣкъ Идолища пополамъ. Мѣсто этого чудовища иногда замѣняетъ *Полканъ Полкановичъ*, который съѣдалъ заразъ цѣлаго быка, а брагу пилъ онъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки [1]).

Тугаринъ отличается отъ Идолища и Полкана Полкановича только тѣмъ, что, будучи змѣиной породы, летаетъ онъ на крыльяхъ по поднебесью.

Мѣстная кіевская сказка повѣствуетъ о томъ, какъ нѣкоторый змій обложилъ Кіевъ податью, взимая съ жителей себѣ въ жертву дѣвицъ, и какъ нѣкоторый силачъ Кожемяка избавилъ городъ отъ бѣдствія, умертвивъ змія. Съ тѣхъ поръ будто бы и прозвалось урочище *Кожемяки*, по мѣсту жительства того силача [2]). Въ лѣтописи Нестора Змій замѣненъ соотвѣтственнымъ ему въ эпосѣ лицомъ, великаномъ, Печенѣжиномъ, котораго будто бы поражаетъ тоже Кожемяка. Сказаніе это пріурочиваетъ Несторъ ко времени князя Владиміра и къ основанію города Переяславля (зане перея славу отрокъ-отъ).

Миѳъ о чудовищномъ зміѣ въ разныхъ концахъ нашего отечества получилъ различныя мѣстныя видоизмѣненія. Кіевскому Змію, убитому Кожемякою, соотвѣтствуетъ Новгородскій Змійка-Перунъ и крокодилъ Волховъ. Въ Муромѣ, на родинѣ Ильи Муромца, летучій Змій введенъ въ мѣстную легенду о Петрѣ и Февроніи. Змій летаетъ къ княгинѣ муромской и ведетъ съ нею

---

1) Замѣтка Даля въ Сборн. Кирѣевск. I, стр. XXXIV.

2) Кулиша, Записки о Южн. Росс. II, стр. 27.

любовную связь, принимая на себя видъ князя Павла, брата знаменитаго Петра. Петръ убиваетъ Змія, но отъ его крови весь покрывается струпьями. Крестьянская дѣвица Февронья его исцѣляетъ и выходитъ за него замужъ. Но особенно процвѣталъ миѳъ о чудовищномъ Зміи въ сосѣдней съ Муромомъ землѣ Рязанской, откуда былина ведетъ родъ Добрыни Никитича. Этотъ богатырь, какъ уже приведено выше, еще въ юности своей прославился искорененіемъ лютаго Змія Горынчища и всего его рода, освободивъ изъ его пещеры свою тетку, слѣдовательно сестру князя Владиміра.

Послѣ Змія, особеннаго вниманія въ нашемъ эпосѣ заслуживаетъ чудовище-великанъ *Соловей Разбойникъ*. Его натура какъ-то двоится: то онъ разбойникъ и залегаетъ дорогу, то онъ, какъ чудовище, шипитъ по змѣиному и зрявкаетъ по звѣриному; то онъ, какъ птица, гнѣздится въ гнѣздѣ на семи дубахъ, а семья его живетъ въ палатахъ на широкомъ дворѣ. Какъ существо отличное отъ прочихъ смертныхъ, онъ съ своею семьей составляетъ особую породу. Всѣ его дѣти на одно лицо. На вопросъ Ильи Муромца о причинѣ этого, Соловей отвѣчаетъ:

Я сына-то выращу, за него дочь отдамъ;
Дочку ту выращу, отдамъ за сына,
Чтобы Соловейкинъ родъ не переводился.

Дочери у него были вѣщія. Старшая изъ нихъ даже по имени своему носитъ характеръ чудовищный: она звалась *Невея*, по имени одной изъ двѣнадцати сестеръ лихорадокъ, которыя ходятъ по свѣту и мучатъ родъ людской. По другому варіанту старшая дочь его была перевощицею, какъ бы олицетвореніемъ рѣки Смородины, какъ ужь это было показано. Девять сыновей Соловья или девять зятьевъ, спасаясь отъ Ильи Муромца, обратились въ *вороновъ*, съ желѣзными клювами. Они какъ оборотни живутъ въ вороньихъ перьяхъ и понынѣ [1]).

[1]) Сборн. Кирѣевскаго, I, стр. 28, 37, 43, 81, 57. Тамъ же Замѣтка Даля, стр. XXXIII. — Сборн. Рыбник., стр. 57.

Русскій эпосъ приписываетъ Соловью разбойнику титаническую натуру, потому что разсказываетъ о немъ то же самое, что сербскій о дивскомъ старѣйшинѣ, въ пѣснѣ, на которую было указано по поводу миѳа о дивахъ. Какъ въ сербской пѣснѣ царица, прогнанная своимъ мужемъ, вмѣстѣ съ сыномъ Іованомъ попадаетъ къ дивамъ, и предаетъ своего сына дивскому старѣйшинѣ, съ которымъ вошла въ любовь; такъ и въ одной малорусской сказкѣ [1]) царица съ своимъ сыномъ бѣжитъ отъ своего мужа и, тайно отъ сына, заводитъ любовь съ Соловьемъ Разбойникомъ. Какъ сербская царица, чтобъ извести своего сына, по совѣту дивскаго старѣйшины, притворяется больною и проситъ сына, чтобъ онъ для исцѣленія ея добылъ ей яблокъ съ дерева, которое стережетъ лютый змій; такъ и малорусская героиня, притворившаяся больною, тоже по наущенію Соловья Разбойника, проситъ сына добыть ей сначала вишни-черешни изъ саду Яги-Бабы, потомъ воды изъ источника, который стерегутъ двѣнадцать зміевъ. И сербскій и малорусскій богатырь успѣшно выполняютъ задачу. Тогда тотъ и другой подвергаются одинаковому бѣдствію по коварству своихъ матерей: оба лишаются зрѣнія. Въ другихъ народныхъ сказкахъ мѣсто Соловья Разбойника и дивскаго старѣйшины замѣняетъ Змій [2]).

Сказанія о великанахъ-чудовищахъ въ русской лѣтописи трактуются только съ точки зрѣнія исторической. Это могущественные народы, съ которыми нѣкогда наши предки должны были вести борьбу. Какъ исполины русскаго эпоса перевелись на Святой Руси, превратившись въ камни и скалы, такъ и эти дикіе народы гибнутъ, не оставляя по себѣ ни племени, ни наслѣдія. Именно въ этомъ смыслѣ передается Несторомъ извѣстное сказаніе объ Обрахъ. Есть, говоритъ онъ, притча въ Руси, и до сего дни: «Погибоша аки Обре» — а *Обръ* у Славянъ [3]) зна-

---

[1]) Сказка о Соловьѣ Разбойникѣ и Слѣпомъ Царевичѣ въ Записк. о Южн. Рос. Кулиша. II, стр. 48.

[2]) Слич. въ 1-й части моихъ Историч. Очерковъ, въ главѣ о Славянск. Сказкахъ.

[3]) Чешск. *Обръ*, древне-польск. *Обржимъ*, потомъ *Ольбржимъ*.

читъ великанъ вообще. Согласно тому Несторъ свидѣтельствуетъ: «Быша бо Обре тѣломъ велици и умомъ горди». Мѣстная Дулѣбская сказка разсказываетъ, что, покоривъ Дулѣбовъ, они ихъ мучили, запрягая ихъ женъ въ телѣгу, по три, по четыре и по пяти.

Другая сказка, полянскаго или кіевскаго происхожденія, хотя не говоритъ прямо о великанахъ, но, въ общемъ европейскомъ эпосѣ, составляетъ эпизодъ о борьбѣ европейскихъ племенъ съ Гунами. Извѣстно, что Готѳы отличали себя оружіемъ отъ Гуновъ. Въ латинскомъ переложеніи пѣсни о Вальтерѣ (Аквитанскомъ) Готѳы дерутся мечами обоюдоострыми, а Гуны — саблями[1]). Мѣстная полянская сказка повѣствуетъ, что Поляне платили Козарамъ дань — *отъ дыма мечъ*. Козары, принесши мечи къ своему князю, говорили: «Вотъ нашли мы новую дань!» А на это бывшіе тутъ старцы сказали: «Не къ добру эта дань, княже! Мы доискались Полянъ оружіемъ объ одной сторонѣ, то-есть, саблями, а вотъ ихъ оружіе обоюдоостро, то-есть, мечъ. Они съ насъ будутъ брать дань, и съ иныхъ земель». Такъ и сбылось.

Печенѣги тоже саблями сражались. Когда Святославовъ воевода Претичъ заключилъ перемиріе съ печенѣжскимъ княземъ, то получилъ отъ него въ даръ коня, стрѣлы и *саблю;* а самъ ему подарилъ броню, щитъ и *мечъ*. Миѳъ о великанахъ былъ примѣняемъ къ Печенѣгамъ, какъ уже это упомянуто по случаю борьбы кожевника съ печенѣжскимъ великаномъ, соотвѣтствующимъ змію мѣстнаго сказанія кіевскаго.

Особенно знаменита была у насъ въ древности сказка объ единоборствѣ Мстислава Тмутораканскаго съ Касожскимъ княземъ Редедею, котораго Несторъ характеризуетъ великаномъ: «бѣ бо великъ и силенъ Редедя». Этимъ единоборствомъ должна была рѣшиться участь войны. Если одолѣетъ Мстиславъ, — возьметъ у Редеди его жену, дѣтей и все имѣніе; а если одо-

[1]) Jac. Grimm u. Schmeller, Lateinische Gedichte des X. und XI. Jahrh. Стр. 75.

лѣетъ Редедя, все заберетъ у Мстислава. Противники сцѣпились другъ съ другомъ не оружіемъ, а въ рукопашную. Когда Мстиславъ сталъ изнемогать, обратился съ мольбою къ Богородицѣ, обѣщаясь ей соорудить церковь, если одолѣетъ. Богородица помогла, и Мстиславъ построилъ во имя ея храмъ въ Тмуторакани. Уже въ XI вѣкѣ это сказаніе воспѣвалось въ пѣсняхъ, какъ свидѣтельствуетъ *Слово о полку Игоревѣ* о пѣвцѣ Боянѣ, который между прочимъ пѣлъ пѣсню храброму Мстиславу, «который зарѣзалъ Редедю передъ полками касожскими». Потому, можетъ-быть, позволительно видѣть больше нежели простую случайность въ сходствѣ одного эпизода изъ эпоса объ Ильѣ Муромцѣ съ этимъ древнимъ сказаніемъ, такъ рано усвоеннымъ въ народной поэзіи. Этотъ эпизодъ имѣетъ предметомъ единоборство муромскаго богатыря съ великаномъ Жидовиномъ [1]).

Сходилиі молодцы рукопашкою;
Первой день водилися до вечера,
И темну ночь водились до бѣла свѣта;
Другой день водилися до вечера,
И темну ночку до бѣла свѣта;
Да и третей день водилися до вечера,
Тогда упалъ да на сѣру землю
Старой казакъ Илья Муромецъ —
Только молится Спасу съ Богородицей:
«Не дай меня поганому на поруганіе!
«Буду я служить до свѣту дȯ вѣку,
«За тѣ церкви за Божіи,
«За тую вѣру за крещеную!»

До позднѣйшихъ временъ страшные враги представлялись народной фантазіи въ видѣ чудовищныхъ великановъ. Въ сказкахъ Татары олицетворяются въ видѣ змія, который своимъ хоботомъ залегаетъ рѣки. Мѣстное смоленское сказаніе о витязѣ Меркуріи заставляетъ его бороться съ татарскимъ исполиномъ. Меркурія убиваетъ, по одной редакціи, сынъ этого исполина, по

---

[1]) Кирѣевск. I, стр. 53—54.

другой — какой-то прекрасный воинъ, существо свѣтлое[1]). Это кажущееся противорѣчіе объясняется переходомъ свѣтлыхъ существъ, *дивовъ*, во враждебныхъ великановъ и чудовищъ.

Въ одной пѣснѣ позднѣйшаго склада[2]) какой-то русскій дворянинъ выходитъ въ бой съ великаномъ-чудовищемъ, которое называется *Чудо поганое:*

А Чудо поганое о трехъ рукахъ.

Дворянинъ прирубилъ у него *всѣ головы*. Но за Чудо вступаются *идолища* поганые и одолѣваютъ русскаго витязя.

Художественныя формы средневѣковаго стиля, византійскаго и романскаго, во многомъ объясняемыя миѳологіею и народнымъ эпосомъ, могли поддерживать въ творческой фантазіи наклонность къ чудовищнымъ и исполинскимъ образамъ. Какъ эпосъ воспѣвалъ необычайныхъ исполиновъ, будто бы предшествовавшихъ появленію обыкновенныхъ смертныхъ, такъ и живописныя и скульптурныя произведенія наивно отличали святыхъ отъ простыхъ людей исполинскимъ ростомъ. Эпосъ повѣствовалъ о борьбѣ богатырей съ зміями, лютыми звѣрьми и другими чудовищами: и суевѣрная фантазія находила подтвержденіе этимъ повѣствованіямъ въ чудовищныхъ сюжетахъ барельефовъ или прилѣповъ, которыми украшались храмы романскаго стиля. Изъ смѣси художественныхъ формъ этого чудовищнаго стиля съ преданіями народныхъ миѳовъ выходили новыя повѣрья и новые образы, въ которыхъ произведенія народной фантазіи оправдывались христіянскою легендой и средневѣковымъ ученіемъ о природѣ, распространявшимся въ сочиненіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ физіологовъ или бестіаріевъ. Потому, чуть ли не до эпохи Возрожденія и Реформаціи, народная миѳологія и эпосъ вносили свои элементы въ искусство и литературу, содѣйствуя живучести

---

[1]) Мои Историч. Очерки, II, 195.
[2]) Кирш. Данил., стр. 379.

темныхъ суевѣрій и предразсудковъ. Оторванный отъ своей первобытной миѳической основы, эпосъ не переставалъ однако возраждать новыя формы, питаясь легендами, демонологіей и вообще мечтательнымъ настроеніемъ умовъ, символическимъ и мистическимъ.

Позднѣйшая сказка объ основаніи Москвы[1]) состоитъ именно изъ этихъ смѣшенныхъ элементовъ. «Поѣхалъ князь великій Данило Ивановичъ изыскивать мѣста, гдѣ ему создать градъ престольный княженію своему. И взялъ съ собою Гречина, именемъ Василія, мудраго и вѣдающаго чему впередъ быть. И выѣхалъ съ нимъ въ островъ темный и непроходимый, а въ немъ болото великое и топкое. И посреди того болота увидѣлъ великій князь Данило Ивановичъ *звѣря превеликаго и пречуднаго, троеглаваго и краснаго*. И вопросилъ онъ Василія Гречина: что̀ есть видѣніе сего чуднаго звѣря? И сказалъ ему Василій Гречинъ: Великій княже! На семъ мѣстѣ созиждется градъ великъ и распространится царство треугольное, и въ немъ умножатся различныхъ ордъ люди: это прообразуетъ звѣрь сей троеглавый; различные же на немъ цвѣты — то есть: отъ всѣхъ странъ учнутъ въ немъ жить люди».

IV.

Малыя дѣти уже въ самомъ раннемъ возрастѣ своемъ перенимаютъ отъ взрослыхъ множество такихъ словъ и выраженій, которыхъ, по отвлеченности или по глубинѣ и обширности смысла, они вовсе не понимаютъ, и которымъ даютъ иной оборотъ, больше согласный съ ихъ дѣтскими взглядами и понятіями. Съ теченіемъ лѣтъ, опытность и сознаніе все больше и больше уясняютъ для развивающагося ума этотъ уже готовый запасъ воззрѣній и понятій, переданный ему отъ другихъ вмѣстѣ съ звуками роднаго языка. Какъ взрослые люди, по различію въ ступеняхъ образованія, имѣютъ не одинаковыя, больше или меньше

[1]) По сборнику XVII в., принадлежащему мнѣ.

ясныя понятія объ умственныхъ и нравственныхъ интересахъ; такъ въ дѣтяхъ, по мѣрѣ духовнаго развитія, уясняется и приводится въ сознаніе то, что̀ сначала было принято безсознательно.

Во многихъ отношеніяхъ то же можно сказать и о развитіи народностей. Замѣчательно близкое сродство словъ всѣхъ индоевропейскихъ языковъ въ наименованіи божества и существенныхъ предметовъ религіи и нравственности, понятій о бытѣ семейномъ и общественномъ, объ осѣдлости и земледѣліи, вполнѣ убѣждаетъ историка индо-европейскихъ народовъ, что Германцы, Литва, Славяне и другіе ихъ соплеменники, вышедшіе изъ общей Арійской родины съ племенами Индіи и древней Персіи, вынесли съ собою въ Европу зародыши понятій о благоустроенномъ бытѣ семейномъ и общественномъ, основанномъ на земледѣльческой осѣдлости, руководимомъ законами высшей правды и охраняемомъ богами. Лѣтописецъ Несторъ свидѣтельствуетъ, что древнѣйшія племена Славянскія, населившія Русь, имѣли уже *свои обычаи и законъ своихъ отцовъ и преданіе*, и что въ жизни семейной они отличали уже разныя степени родства, каковы *зять*, *деверь*, *сноха*, *свекровь* и т. д. Они даже кочевали и разселялись, группируясь *по родамъ*, то-есть въ массахъ, связанныхъ узами семейнаго родства. Переходя съ мѣста на мѣсто изъ далекой азіятской отчизны до роднаго Дуная и столь же потомъ родственныхъ береговъ Днѣпра и Ильменя, они конечно не имѣли времени постоянно упражняться въ землепашествѣ; однако, поселившись на осѣдлыхъ мѣстахъ, они не забыли первобытнаго, общаго всѣмъ индо-европейскимъ народамъ слова, для означенія трудовъ земледѣльца — именно: *орать*, то-есть, пахать, точно также какъ въ темную и трудную эпоху кочевья не забыли столь же общихъ всѣмъ народамъ терминовъ семейнаго родства, каковы: *мать*, *дочь*, *сынъ* и проч. [1]).

Несмотря однако на эту первобытность зародышей благоустроеннаго порядка въ каждой изъ европейскихъ народностей,

[1]) См. мою книгу: О вліяніи христіянства на славянскій языкъ. Стр. 132; Якова Гримма Geschichte d. deutschen Sprache. I, стр. 266, по изданію 1848 г.

миѳическія и эпическія преданія повѣствуютъ о временахъ мрака и ужаса, предшествовавшихъ мирной осѣдлости и плодотворному для успѣховъ просвѣщенія земледѣлію. Точно будто бы, въ теченіе многихъ вѣковъ хаотическаго броженія, нужно было, устоявши въ борьбѣ съ чудовищами и страшными, сверхъестественными силами, сохранить въ себѣ эти зародыши ранней цивилизаціи, на время затаивъ ихъ въ себѣ, и дать просторъ ихъ возрастанію только тогда, когда наступятъ для того благопріятныя времена. Нужны были опыты многихъ столѣтій, чтобы привести себѣ въ сознаніе тѣ идеи и воззрѣнія, которыя европейскія народности вынесли съ собою изъ своей азіятской родины, отдѣлившись нѣкогда отъ племенъ арійскихъ.

Эта блистательная эпоха пробужденнаго сознанія въ исторіи вѣрованій и поэтическихъ сказаній обозначается побѣдою новыхъ человѣкообразныхъ боговъ надъ чудовищами и стихійными силами стараго времени. Страшные великаны, Іоты и Турсы сѣверной космогоніи, прогнаны съ лица обитаемой человѣками земли, которая стала *серединою* всего міра, *жилищемъ въ серединѣ* (Мидгардъ), гдѣ мирная осѣдлость оградила себя стѣною отъ *внѣшнихъ странъ*, населенныхъ чудовищами, и великанами ранней эпохи (отъ *Утгарда* или *Аусгарда*). Сюда-то, въ огражденное отъ враговъ серединное жилище, въ эту апоѳеозу роднаго дома и родной земли, народность, окрѣпшая въ борьбѣ, принесла сокровища своей первобытной цивилизаціи, сколько успѣла она сберечь ихъ въ дальнемъ пути своего доисторическаго кочеванья. Теперь, оградивъ ихъ отъ расхищенія въ Мидгардѣ, какъ это сдѣлали сѣверныя германскія племена, перенесши ихъ за родной порогъ, какъ это было у Чеховъ, назвавшихъ свою осѣдлость *Прагою*, то-есть, порогомъ, или усѣвшись въ родномъ *гнѣздѣ*, какъ Ляхи въ своемъ *Гнѣздне*, установившаяся и успокоившаяся народность, въ обезпеченіе себя отъ вражескихъ покушеній, вызвала изъ своихъ доисторическихъ преданій смутно носившійся въ воображеніи древнѣйшій образъ бога громовержца, покровителя семейной осѣдлости и земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ гроз-

наго оберегателя новаго порядка вещей отъ вторженія грубой силы чудовищныхъ великановъ. Образъ этого божества постоянно мерещился воображенію европейскихъ кочевниковъ и прежде, въ смутныхъ воспоминаніяхъ объ индійскомъ Индрѣ; но онъ окончательно сложился въ опредѣленный національный типъ у классическихъ народовъ въ Зевсѣ, или Юпитерѣ, у Литвы и Славянъ въ *Перкунѣ*, или *Перунѣ*, у Нѣмцевъ въ *Торѣ*, *Тунарѣ* (Donner).

Миѳическое чествованіе земледѣлія выразилось въ древнѣйшихъ преданіяхъ о *чудесномъ происхожденіи плуга*. Если въ національности Скиѳовъ позволительно открывать нѣкоторые зародыши быта и нравовъ племенъ тевтоническихъ и литовско-славянскихъ, вынесенные изъ древней азіатской родины; то, говоря о переходѣ этихъ племенъ изъ быта кочеваго въ земледѣльческій и осѣдлый, необходимо начать съ скиѳскаго миѳа о небесной сохѣ [1]). Скиѳы-земледѣльцы вели свое происхожденіе отъ младшаго сына Солнца, который назывался *князь колесницы*, воза, телѣги, или точнѣе *кола* (какъ въ старину называли у насъ экипажъ на колесахъ). Скиѳское имя этого князя: kola-ksais — *коло-князь*, или ѣдущій на *колахъ*, какъ Тацитова Нерта, германская богиня земли, и какъ самъ Торъ. Только одинъ этотъ скиѳскій князь умѣлъ владѣть *сохою изъ горящаго золота, которая упала съ неба;* такъ что, когда другіе два его брата *князь-щитъ* (Hleipo-ksais) и *князь-стрѣла* (Агро-ksais) захотѣли коснуться ея, то *обожгли себѣ руки*, потому что, какъ воины и кочевники, братья старшіе, то-есть, какъ поколѣніе старое, они еще не знали тайны земледѣлія, которая отъ самого неба была открыта поколѣнію младшему, въ лицѣ ихъ младшаго брата.

Первобытное преданіе о происхожденіи плуга въ русскихъ сказаніяхъ пріурочивается къ христіянскимъ именамъ Бориса и

---

1) См. статью г. Котляревскаго о книгѣ Бергманна: Les Scythes les ancêtres des peuples Germaniques et Slaves, въ Лѣтописяхъ Русской Литературы проф. Тихонравова, 1859, № 1.

Глѣба, или Космы и Даміана [1]). Будто бы чудовищный Змій опустошалъ нѣкогда Русскую землю. Въ умилостивительную жертву приносили ему по одному юношѣ изъ каждой семьи. Черезъ нѣкоторое время очередь дошла до царскаго сына. Онъ выданъ былъ Змію, но рѣшился, по наущенію самого ангела, спастись отъ чудовища бѣгствомъ. Настигаемый Зміемъ, онъ вдругъ увидѣлъ желѣзную кузницу, въ которой Борисъ и Глѣбъ (иначе: Косма и Даміанъ) *ковали первый плугъ для людей.* Юноша бросился въ кузницу, и желѣзная дверь за нимъ захлопнулась. Змій три раза лизнулъ дверь, а въ четвертый разъ просадилъ языкъ насквозь. Тогда эти вѣщіе кузнецы схватили раскаленными клещами Змія за языкъ, запрягли въ плугъ, изготовленный ими для людей, и провели по землѣ борозду, которая и доселѣ зовется *Зміевымъ Валомъ.* И такъ, огораживанье поля валомъ, въ знакъ собственности и осѣдлости, совпадаетъ въ эпическихъ преданіяхъ съ изобрѣтеніемъ плуга и съ самымъ началомъ земледѣлія.

Совпаденіе идей о паханьѣ сохою и объ огораживаніи осѣдлости отъ внѣшнихъ враговъ еще очевиднѣе въ великорусскомъ варіантѣ извѣстной кіевской, мѣстной сказки о Кузьмѣ Кожемякѣ, спасшемъ Кіевъ отъ лютаго Змія, и до позднѣйшихъ временъ оставившемъ по себѣ память въ Кіевскомъ урочищѣ *Кожемяки.* По кіевскому варіанту Кожемяка убиваетъ Змія въ бою, обматываясь смоляною коноплей. По великорусскому прибавляется слѣдующее. Одолѣваемый Кожемякою (Никитою), Змій сталъ его молить: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильнѣй насъ съ тобою въ свѣтѣ нѣтъ; *раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ поровну; ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой».* — Хорошо, сказалъ Кожемяка, *надо межу проложить.* Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, *запрягъ въ нее Змѣя, да и сталъ отъ Кіева межу пропахивать.* Такъ и раздѣлили они между собою всю землю отъ Кіева до моря, а какъ стали дѣлить море, Кожемяка и убилъ Змія и потопилъ его въ морѣ. (Аѳанас.

[1]) См. мои Историч. Очерки, II, 107.

Сказки, V, стр. 66). Также опахиваютъ бабы и дѣвки деревню отъ чумы, падежа и всякой лихой напасти; также сѣверные Асы отгородили себя отъ великановъ; наконецъ тѣ же преданія о Чортовомъ Валѣ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ на западѣ.

Славяне, какъ народъ по преимуществу земледѣльческій, въ своихъ миѳахъ о древнѣйшихъ родоначальникахъ и князьяхъ чествуютъ бытъ земледѣльца [1]). Чешская княжна Любуша, вѣщая дѣва, дочь миѳическаго Крока, по желанію народа должна была выйдти за мужъ, чтобы въ своемъ супругѣ дать Чехамъ достойнаго воеводу. Вѣщая княжна сказала посламъ, какъ и гдѣ найдти для нея супруга: «Ступайте, говорила она, на *Бѣлую* рѣку (иначе: на *Бѣлину* рѣку), и тамъ, на полѣ *Стадицы*, найдете вы пахаря, пашущаго землю двумя пѣгими волами: онъ будетъ обѣдать на желѣзномъ столѣ; этотъ человѣкъ будетъ вашимъ правителемъ», а чтобъ узнать туда путь и самого пахаря, Любуша дала посламъ своего бѣлаго коня. Онъ привелъ пословъ къ сказанному мѣсту, и своимъ ржаніемъ указалъ на пахаря, будущаго владыку Чеховъ, и палъ передъ нимъ наземь. Пахарь назывался Премысломъ. Прежде нежели отправился съ послами, сталъ онъ обѣдать, положивъ на свою соху, на этотъ желѣзный столъ, *сыръ* и *хлѣбъ*, произведенія быта пастушескаго и земледѣльческаго, дары боговъ Волоса и Перуна, особенно чтимыхъ на Руси въ эпоху принятія христіянства. Быки же, которыми Премыслъ пахалъ, поднялись на воздухъ, и потомъ опустившись, скрылись въ ращелинѣ скалы, которая, принявъ быковъ, сомкнулась. Послы надѣли на Премысла княжеское одѣяніе; но онъ, въ знакъ своего крестьянскаго происхожденія взялъ съ собою свои *лапти*, которые, какъ національная драгоцѣнность, до позднѣйшаго времени свято хранились. Такъ и по польскому преданію, Пястъ въ лаптяхъ вступилъ на княжескій престолъ.

Въ миѳѣ о Премыслѣ, каково бы ни было собственно миѳологическое его значеніе, нельзя не видѣть слѣдовъ того древ-

---

[1]) См. мои Очерки, I, 371—2.

няго обычая, который до позднѣйшаго времени совершался въ Каринтіи при поставленіи новаго герцога, то-есть, воеводы или князя. Поставляемый долженъ былъ въ крестьянской одеждѣ выдти на лугъ, около крѣпости Св. Вита (Святовита). Тамъ на большомъ четвероугольномъ камнѣ сидя дожидался его поселянинъ, держа направо черную корову, а налѣво кобылу. Поставляемый герцогъ, по заведенному обряду, долженъ былъ у поселянина купить корову и кобылу, какъ бы въ символъ передачи власти надъ землею отъ поселянина. Послѣ того долженъ онъ былъ изъ шляпы испить воды.

Идеалъ миѳическаго пахаря русскій народный эпосъ знаетъ подъ именемъ *Микулы Селяниновича*. Это уже сынъ селянина, хозяина осѣдлой собственности, потому и прозывается *Селяниновичемъ;* что же касается до *Микулы* (или *Никулы*, т. е. Николая), то это имя, такъ же какъ *Илья*, имя великаго муромскаго героя, принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ; оба эти имени подставныя, ими замѣнились изъ христіянскаго уже календаря какія-нибудь другія, болѣе согласныя съ содержаніемъ древнихъ былинъ, въ которыхъ воспѣваются ихъ подвиги. Также христіянскія, позднѣйшія имена, даны и тремъ вѣщимъ дѣвамъ, дочерямъ Селяниновича: Василиса, Настасья и Марья.

Микула Селяниновичъ является въ сношеніяхъ съ Святогоромъ и Волхомъ или Вольгѝю, то-есть, съ богатырями старшими, съ лицами древнѣйшей титанической эпохи. Такъ и быть должно: въ этихъ сношеніяхъ надобно было наглядно показать переходъ отъ эпохи кочевой къ осѣдлой земледѣльческой, и дать предпочтеніе послѣдней передъ первою.

Намъ уже извѣстенъ сверхъестественный характеръ Волха или Вольгѝ, титаническій или стихійный. Въ послѣдствіи эпосъ придалъ ему позднѣйшее, уже историческое значеніе князя. Онъ отличается отъ обыкновенныхъ богатырей Владиміровыхъ своею княжескою самостоятельностію. Хотя и родился онъ въ Кіевѣ, но не сталъ спутникомъ князя Владиміра въ его дружинѣ, былъ независимымъ начальникомъ своей собственной дружины, въ ко-

торой насчитывалось до 29 богатырей. Именно на этой-то позднѣйшей, исторической ступени, титанъ и чудовище Волхъ, сынъ Змія, низводится до владѣтельнаго князя, племянника Владимірова.

Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ — Гурчевцемъ,
Вторымъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичь
Со своею дружинушкою хораброю,
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою [1]).

То-есть, поѣхалъ собирать дань, какъ нѣкогда Игорь ѣздилъ по Древлянской землѣ. Ѣдучи за получкою, Вольга

...Услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки [2]) по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга̀ до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхать.

А не могутъ догнать этого необычайнаго ратая, потому что онъ —

Съ края въ край бороздки пометываетъ,
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать.

Наконецъ Вольга̀ достигаетъ ратая и проситъ его, чтобъ онъ ѣхалъ съ нимъ въ товарищахъ. Ратай вывернулъ изъ сохи свою соловую кобылку; имя ей *Обнеси-голова*, иначе Подыми-голова, потому что какъ поется въ былинѣ, «вздынула (т. е. подняла) она

---

[1]) Рыбник., 1, 18. 2, 1.
[2]) *Омѣшь* — желѣзный наконечникъ сохи.

голову подъ облаку» (подъ облака); и поѣхалъ этотъ ратай вмѣстѣ съ Вольгою, предварительно наказавши, чтобъ кто-нибудь изъ дружины этого князя выдернулъ изъ земли его сошку и забросилъ въ ракитовъ кустъ. Сначала бросились вытаскивать соху пять человѣкъ, но ничего не могутъ сдѣлать, потомъ бросилось десять человѣкъ, и также безуспѣшно; потомъ посылалъ Вольга всю свою дружину храбрую:

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.

Тогда —

Подъѣхалъ оратай оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Здѣсь очевидно необъятное могущество миѳическаго пахаря. Какъ тотъ скиѳскій князь только самъ можетъ приступиться къ небесной сохѣ, которая его старшимъ братьямъ жжетъ руки; такъ и русская соха не въ подъемъ совокупнымъ силамъ всей княжей дружины, а пахарь поднимаетъ ее одною рукой. Конечно, въ этой сценѣ можно бы видѣть аллегорію, подъ которою рисуются позднѣйшія отношенія земщины къ князьямъ и дружинѣ: но во-первыхъ, эпосъ не терпитъ и не знаетъ холодной, отвлеченной формы аллегоріи, какъ искусственной выдумки, а во-вторыхъ, другой варіантъ той же былины [1]) уже во всей опредѣлительности изображаетъ передъ нами миѳическій типъ ратая и миѳическую соху, которая, также какъ у Скиѳовъ, пала съ поднебесья и глубоко засѣла въ землю. Когда вся дружина не сладила съ сохою, подъѣзжаетъ къ ней самъ ратай.

[1]) Рыбник., 23.

А сошка была *позолочена*,
Омѣшики были булатныя, —
Къ этой ко сошкѣ подхаживалъ,
Этую сошку попихивалъ:
Какъ улетѣла та сошка къ подъ-облакамъ,
Пала сошка о сыру землю,
Ушла сошка до рычаговъ въ землю.
Тутъ-то обрядилъ свою сошку позолоченую,
Тыи-то омѣшки булатныя.

Итакъ, это такая же *золотая* соха, какъ и у Скиѳовъ. Сверхъ того, намъ ужь извѣстно, что почти тоже случилось и съ чешскимъ Премысломъ. Только не соха, а быки, которыми онъ пахалъ, поднялись къ облакамъ и потомъ пали на землю, скрывшись въ разщелинѣ. Вѣроятно быки поднимались вмѣстѣ съ *ярмомъ*. Если такъ; то созвѣздія *Яремъ* или *Ярмо* и *Плугъ* должны состоять въ связи съ миѳами о водвореніи земледѣльчества. Не забудемъ также, что и кобылка нашего пахаря воздымала свою голову къ облакамъ.

Въ русскихъ загадкахъ, согласно эпическимъ воззрѣніямъ, соха представляется какимъ-то чудовищемъ: «Баба Яга, вилами нога, весь міръ кормитъ, сама голодна», или соха съ бороною: «Три тулова, три головы, восемь ногъ, желѣзвый хвостъ, кованый носъ». Иначе соха же — это: «Черная корова все поле перепорола», или: «Летѣла пава, сѣла на припалѣ, разсыпала перья по всему полю» [1]).

Но возворотимся къ нашей былинѣ.

Ясно, что въ эпическихъ типахъ Вольги̑ и вѣщаго пахаря, мы имѣемъ дѣло не съ обыкновенными историческими личностями, но съ героями миѳическими, которыхъ основныя очертанія сложились въ древнѣйшую пору зарожденія самыхъ миѳовъ и ихъ эпическаго выраженія въ народной поэзіи. Обѣ эти личности — представители общечеловѣческихъ интересовъ въ ранній періодъ развитія европейскаго быта; и если обѣ онѣ вполнѣ на-

[1]) Даля. Пословицы. Стр. 1072.

родны на русской почвѣ, то это говоритъ только въ пользу той мысли, что и русская народность въ ея эпическихъ основахъ была когда-то въ уровень со всѣмъ, что̀ считалось у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ самымъ высшимъ и существеннымъ въ разсужденіи быта и успѣховъ ранней цивилизаціи.

Почтивъ въ вѣщемъ пахарѣ его великую силу, Вольга̀, какъ князь, который всегда дорожитъ своимъ княжимъ родомъ и своимъ отечествомъ, сталъ его спрашивать:

Ай же ты ратаю, ратаюшко!
Какъ-то тебя по имени зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отечеству?

Вмѣсто того чтобъ отвѣчать на вопросъ прямо, чудесный пахарь вводитъ своего собесѣдника въ сельскую обстановку своего крестьянскаго житья-бытья, какъ бы давая тѣмъ разумѣть князю, что простолюдинъ славится не громкими именами своихъ предковъ, а личнымъ своимъ достоинствомъ, своими честными трудами и личными гуманными отношеніями къ равнымъ себѣ:

Говоритъ ратай таковы слова:
«Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Это одинъ изъ самыхъ изящнѣйшихъ мотивовъ эпической поэзіи, и вообще вся былина эта принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ европейскаго народнаго эпоса, и если уступаетъ пѣснямъ древней Эдды, то только потому развѣ, что древнѣйшія миѳическія имена и обстоятельства замѣняетъ позднѣйшими, по той простой причинѣ, что доселѣ еще живетъ въ устахъ народа.

По другому эпизоду Микула Селяниновичъ является хранителемъ *тяги земной*, которую онъ держитъ въ переметной су-

мочкѣ, то-есть, *тяги* всей великой силы матери земли. Какъ въ разсказанномъ эпизодѣ Селяниновичъ господствуетъ своимъ могуществомъ надъ Вольгою и всею его дружиной, такъ теперь увидимъ, что онъ сильнѣе самого Святогора, а Святогоръ былъ силы непомѣрной:

Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Кабы я *тяги* нашелъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ! [1])

Поѣхалъ Святогоръ путемъ дорогою, и видитъ: идетъ прохожій. Припустилъ за нимъ богатырь своего добраго коня, но никакъ догнать не можетъ. Прохожій все идетъ впереди, не только потому, что онъ, видно, сильнѣе и быстрѣе, но, вѣроятно, и потому, что идея, которой онъ служитъ представителемъ, далеко опережаетъ эпоху грубыхъ великановъ. Наконецъ, не сладивъ, Святогоръ проситъ его остановится. Прохожій пріостановился, снималъ съ плечъ сумочку и положилъ ее на сыру землю. «Что у тебя въ сумочкѣ?» спрашиваетъ Святогоръ-богатырь. «А вотъ, отвѣчаетъ прохожій: подыми съ земли, самъ увидишь!» Сошелъ Святогоръ съ коня, захватилъ сумочку одною рукой, не могъ и шевельнуть; сталъ поднимать обѣими руками.

Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

По другому варіанту этимъ дѣло не оканчивается. Микула Селяниновичъ увѣдомляетъ, что у него въ сумочкѣ *тяга земная*. Святогоръ его спрашиваетъ, какъ ему узнать о судьбѣ своей? Вѣщій пахарь посылаетъ его къ Сивернымъ горамъ, гдѣ подъ

---

[1]) Рыбник., 32, 39.

высокимъ деревомъ стоитъ кузница, а кузнецъ въ ней и скажетъ Святогору о судьбѣ его.

Мы уже другой разъ встрѣчаемъ кузницу въ миѳологическомъ эпосѣ русскомъ, и оба раза кузница или кузнецъ состоятъ въ связи то съ сохою, которую куютъ, то съ пахаремъ, который вмѣстѣ съ кузнецомъ господствуютъ надъ грубою силой древнихъ титановъ. Наши вѣщіе кузнецы, безъ сомнѣнія, состоятъ въ родствѣ съ эльфами, подземными карликами нѣмецкой миѳологіи. О вѣщемъ кузнецѣ Волундѣ (Виландъ) воспѣваетъ одна изъ пѣсенъ древней Эдды.

Пріѣзжаетъ Святогоръ въ кузницу. Кузнецъ куетъ *два тонкихъ волоса* — это онъ куетъ судьбину, кому на комъ жениться. По вѣщему указанію кузнеца, Святогоръ поѣхалъ добывать себѣ суженую. Онъ нашелъ ее спящею, и всю въ гноищѣ; ударилъ ее мечомъ по груди и уѣхалъ. А дѣвица отъ того удара исцѣлилась отъ гноища, и стала красавицею, на которой потомъ Святогоръ женится.

Объ отношеніи Святогора къ Ильѣ Муромцу будетъ сказано тогда, когда дойдетъ рѣчь до этого послѣдняго. А теперь надобно сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, встрѣча Святогора съ спящею невѣстою напоминаетъ въ сѣверномъ эпосѣ эпизодъ о томъ, какъ Зигурдъ вывелъ изъ непробуднаго сна Валькирію Брингильду. Во-вторыхъ, о *кованьи тонкихъ волосъ кузнецомъ* необходимо сказать, что этотъ древнѣйшій мотивъ имѣетъ огромный интересъ въ исторіи германо-славянскаго эпоса. И если у насъ, по незрѣлости ученыхъ трудовъ, еще мало оцѣниваютъ сравнительный методъ въ изученіи индо-европейскихъ народностей и смотрятъ на него недовѣрчиво и подозрительно, вслѣдствіе малой подготовки къ его уразумѣнію: то можно быть вполнѣ увѣрену, что упомянутый мотивъ, ставъ извѣстенъ нѣмецкимъ ученымъ, непремѣнно вошелъ бы въ комментаріи нѣмецкаго миѳа о Зифѣ, супругѣ Громовника Тора.

Надобно знать, что злой Локи однажды обрѣзалъ прекрасныя косы Зифы, но чтобы спастись отъ страшнаго мщенія ея супруга,

озаботился сдѣлать ей новые волосы, заказавъ ихъ *выковать изъ золота* подземнымъ карликамъ-ковачамъ. Извѣстно, что эти золотыя косы Зифы — не иное что, какъ золотистыя нивы, которыхъ плодородіе зависитъ, такимъ образомъ, отъ божественной силы Торовой супруги. Такъ и нашъ вѣщій кузнецъ куетъ волосы, рѣшая судьбу семейной жизни, идея о которой, какъ извѣстно, выражается въ самомъ имени Зифы (*sippe* — миръ, согласіе, родство). Сверхъ того, слѣдуетъ здѣсь припомнить сербскую сказку о чудесномъ волосѣ, который будто бы найденъ былъ въ косѣ одной вѣщей дѣвы, и внутри котораго было *записано много знатныхъ дѣлъ, которыя совершались въ старыя времена отъ начала свѣта*[1]).

Итакъ, вѣщій пахарь Микула Селяниновичъ, и, какъ увидимъ дальше, весь его родъ-племя, въ послѣдовательномъ развитіи русскаго богатырскаго эпоса отодвигается къ ранней эпохѣ богатырей старшихъ, становится на ряду съ Святогоромъ, Самсономъ, также съ Вольгою, согласно чудовищному типу этого послѣдняго въ варіантахъ о Волхѣ. Но вотъ свидѣтельство самаго эпоса. Калики перехожіе, давшіе Ильѣ Муромцу силу (о чемъ будетъ рѣчь впереди), сами называютъ ему старшихъ, титаническихъ богатырей, запрещая ему вступать съ ними въ бой.

Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ,
И со всею паленицею удалою;
А только не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
У него въ головѣ семь власовъ ангельскихъ.
Не бейся и *съ родомъ Микуловымъ:*
Его любитъ матушка сыра земля.
Не ходи еще на Вольгу Сеславича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью, мудростью[2]).

---

[1]) См. мои Очерки, I, 352.
[2]) Рыбник., 35.

То-есть, какъ вѣщій оборотень: въ томъ состояла его мудрость, какъ уже мы знаемъ изъ варіантовъ о Волхѣ-оборотнѣ.

Итакъ сама мать сыра земля любитъ Микулу Селяниновича и весь его родъ-племя. Указаніе драгоцѣнное! Въ немъ чувствуется еще дыханіе древнѣйшаго миѳа о любовномъ союзѣ богини земли съ богомъ, покровителемъ земледѣлія. Уже не отъ этой ли миѳической супруги родились у Микулы три его дочери, вѣщія дѣвы? Но это было такъ давно, что русскій эпосъ забылъ миѳическую генеалогію рода-племени Микулова, и героя съ подновленнымъ именемъ Микулы заставляетъ, въ память этого союза, носить только *тягу земную*, да еще въ переметной сумочкѣ.

V.

Титаническое существо Микулы Селяниновича отразилось по наслѣдству въ его вѣщихъ, сверхъестественныхъ дочеряхъ. Между тѣмъ какъ младшіе богатыри, окружающіе князя Владиміра, уже обыкновенные смертные, по своему происхожденію отъ обыкновенныхъ родителей, просто отъ людей, — ихъ жены и вообще дѣвы и женщины, входящія съ ними въ сношенія, по большей части отличаются миѳическимъ родомъ-племенемъ и вѣщею натурой. Мущина скорѣе заявляетъ свои права на историческую дѣятельность, и потому раньше выступаетъ въ памяти народа какъ лицо историческое, подчиненное извѣстнымъ условіямъ мѣста и времени. Герой ведетъ исторію впередъ, женщина остается назади съ своею домашнею стариной, съ своими родными преданіями, которыя на досугѣ ей удобнѣе хранить, не развлекаясь новизною смѣняющихъ другъ друга событій. Послѣдній отблескъ этой незапамятной старины народной эпосъ сохраняетъ въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ дѣвахъ и женщинахъ, сопутствующихъ въ извѣстную эпоху историческимъ героямъ и младшимъ богатырямъ. Иногда условія быта даютъ бо́льшее развитіе женскимъ характерамъ и въ эпосѣ историче-

скомъ, какъ это видно, напримѣръ, въ сѣверныхъ сагахъ; но вообще миѳическій эпосъ отдѣляется отъ историческаго борьбою героевъ съ героинями и побѣдою первыхъ надъ исключительнымъ преобладаніемъ послѣднихъ. Финская *Калевала* повѣствуетъ о борьбѣ божественныхъ героевъ Калевы съ вѣщею *хозяйкой* или госпожею Похьёлы, сѣверной страны, соотвѣтствующей мрачному жилищу великановъ скандинавскаго эпоса. Чехами нѣкогда управляла вѣщая княжна Любуша, дочь миѳическаго Крока, но подданные будто бы принудили ее отказаться отъ власти, не приличной женщинамъ, и передать ее въ руки пахаря Премысла. Тотъ же Премыслъ долженъ былъ окончательно утвердить права мущины на преобладаніе, покоривъ Власту съ ея дѣвичьимъ ополченіемъ, собравшимся въ *Дѣвинѣ*. Ту же мысль выражаетъ польскій эпосъ въ борьбѣ миѳической Ванды съ алеманскимъ княземъ, который плѣнился ея свѣтлою красотой и чествовалъ ее *богинею земли*, *воздуха* и *воды*.

Итакъ, женскіе типы древнѣйшаго народнаго эпоса отличаются величавымъ характеромъ. Это героини воинственныя; какъ богатыри, ѣздятъ онѣ на коняхъ и раскидываютъ себѣ въ полѣ палатку для отдыха отъ воинскихъ подвиговъ. Отлично владѣютъ оружіемъ и особенно мѣтко стрѣляютъ изъ лука. Многія изъ нихъ отличаются непомѣрною силою. Съ физическими качествами великановъ и старшихъ богатырей соединяютъ онѣ вѣщую силу слова, даръ предвѣдѣнья и премудрости. Сѣверныя Валькиріи, рѣшая судьбу битвы, вмѣстѣ съ тѣмъ поучаютъ героевъ въ познаніи рунъ, содержащихъ въ себѣ всю древнюю мудрость. Въ двухъ сестрахъ княжны Любуши чешскій эпосъ воспѣваетъ вѣщую силу прорицанія, знахарства и всякаго вѣдѣнія. Чешская же поэма, извѣстная подъ именемъ Суда Любуши, повѣствуетъ о вѣщихъ дѣвахъ суда, *выученныхъ вѣщбамъ:* во время суда, гдѣ онѣ должны были присутствовать, какъ древнія парки или сѣверныя норны, у одной въ рукахъ былъ мечъ, карающій кривду, у другой доски съ начертанною на нихъ правдою или закономъ.

Особенно блистаетъ своими героическими качествами дѣвица, еще не познавшая мужа; но, вышедши замужъ, часто теряетъ она свои сверхъестественныя силы и становится обыкновенною смертною. Въ своей дѣвственной гордости она признаетъ себѣ мужемъ только того, кто побѣдитъ ее въ воинскомъ поединкѣ. И теперь, въ свадебныхъ причитаньяхъ, невѣста, оплакивая свою дѣвичью красоту, вмѣстѣ съ нею оплакиваетъ и дѣвичью волю, которую, по народному обряду — женихъ съ своею дружиною покоряетъ себѣ вооруженною рукою.

Надобно полагать, что въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ и свѣтлыхъ идеалахъ женскихъ народный эпосъ сохранилъ память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи миѳической. Въ эпосѣ сѣверномъ, по пѣснямъ древней Эдды, такія героини дѣйствительно еще входятъ въ кругъ сѣвернаго Олимпа. Онѣ — или богини изъ прекраснаго рода-племени Вановъ, или ихъ приспѣшницы, воинственныя валькиріи, первоначально существа стихійныя, какъ наши вилы, русалки, полудницы.

Впрочемъ, эпическая поэзія, всегда вѣрная дѣйствительности, не оставляетъ этихъ сверхъестественныхъ героинь въ туманномъ ореолѣ ихъ божественнаго величія, но придаетъ имъ краски народнаго быта, изображая въ нихъ то суровые нравы эпохи, то нѣжныя качества женственной натуры. Потому эти героини, вознесенныя надъ обыкновенными смертными, съ страшною физическою силою и съ вѣщею мудростью, возбуждающею благоговѣніе, соединяютъ въ себѣ женскую красоту, нѣжность любящаго сердца, преданность супружеской привязанности.

Высокая образующая сила эпоса состоитъ въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ другихъ цивилизующихъ началъ, въ теченіе столѣтій можетъ питать въ народѣ грубомъ и неразвитомъ зародыши гуманныхъ идей и благородныхъ стремленій. Онъ подготовляетъ ту плодотворную почву, на которой, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, прочно и послѣдовательно возникаетъ истинная цивилизація; потому что, сопутствуя необозримымъ массамъ народа на скромномъ поприщѣ ихъ безвѣстнаго прозя-

банія, только онъ одинъ не перестаетъ поддерживать въ нихъ хотя бы и смутное сознаніе своего нравственнаго достоинства, сознаніе въ себѣ человѣческаго существа; тогда какъ всѣ другія цивилизующія средства, распространяемыя грамотностью и политикою, въ теченіе многихъ столѣтій, часто способствовали къ отупленію народныхъ массъ, съ тою цѣлью, чтобъ въ матеріяльномъ и нравственномъ порабощеніи ихъ открывать постоянные источники для корыстолюбивой монополіи.

Потому не въ одномъ только эстетическомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія всякаго мыслящаго человѣка то замѣчательное явленіе, что русскій народный эпосъ представляетъ намъ нѣсколько яркихъ образцовъ той высшей, идеальной натуры женской, которой общая характеристика предложена мною выше. И эти прекрасные образцы, то суровые и величавые, то нѣжные, чисто женственные, по преданію переходя изъ одного поколѣнія въ другое, дожили въ былинахъ и сказкахъ до нашихъ временъ, несмотря на педантство древнерусскихъ книжниковъ, не перестававшихъ въ теченіе столѣтій унижать темными подозрѣніями добрые нравы женщинъ; несмотря на грубую жизнь простонародія, столько вѣковъ коснѣвшаго безъ руководства свѣтской литературы, столь доступной всякому, и потому легко облагораживающей и очищающей нравы; несмотря наконецъ и на то, что на Руси вовсе не было общественной жизни, которая такъ способствуетъ образованію ума и сердца женщины.

Эти благородные типы женской натуры были созданы въ русскомъ эпосѣ тогда, когда народъ еще не успѣлъ подвергнуться ослабляющему вліянію восточнаго аскетизма и татарскихъ обычаевъ, когда еще дѣвицъ не запирали въ терема, чтобы спасти ихъ честь, и когда крестьянское сословіе, въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, не далеко отставало отъ князей и бояръ. Впрочемъ, если взять въ соображеніе, что двоевѣріе или полуязычество процвѣтало на Руси чуть ли не до нашихъ временъ, что бояре московскіе въ XV вѣкѣ едва ли были

грамотнѣе и цивилизованнѣе новгородскихъ мужичковъ своихъ современниковъ, и что даже въ XVII вѣкѣ просвѣщенные люди Москвы далеко уступали въ образованіи малорусскимъ казакамъ; то можно съ достовѣрностью допустить ту мысль, что малое просвѣщеніе древней Руси идеями христіянства и крайній недостатокъ литературнаго образованія, до позднѣйшихъ временъ, могли поддерживать въ великорусскомъ народѣ тѣ древніе эпическіе идеалы женскіе, которые были когда-то созданы, и безъ всякаго историческаго развитія, будто окаменѣлые, доселѣ сохранились въ народномъ сознаніи.

Уже то самое говоритъ въ пользу русской народности, что эти величавые типы въ ней сбереглись до сихъ поръ, какъ идеалы священной родной старины, къ которымъ должна бы направляться дѣйствительность, если бы въ ней больше было умственнаго и нравственнаго движенія. Итакъ, не соотвѣтствуя дѣйствительности въ эпоху историческаго развитія русской жизни, не отражая въ себѣ дѣйствительно существующихъ личностей, все же народный эпосъ оказывалъ на жизнь вліяніе благотворное, рисуя воображенію не вялыя, безжизненныя и часто безсмысленныя фигуры книжнаго бреда древнерусскихъ грамотниковъ, и направляя и раскрывая неиспорченное чувство для любви и уваженія къ женщинѣ въ ея поэтическихъ идеалахъ, а не развращая воображенія тѣми грязными филиппиками, которыми древнерусскій педантъ преслѣдуетъ женщину.

Итакъ, идеальныя героини русскаго эпоса ведутъ свое происхожденіе изъ того же свѣтлаго миѳическаго источника, откуда пошли первоначально и старшіе богатыри съ ихъ чудодѣйственною, полубожественною силой.

Возвратимся къ семьѣ Микулы Селяниновича.

Какъ въ чехо-польскомъ эпосѣ у Крока (или Крака) было три вѣщихъ дочери; такъ и у Микулы Селяниновича — *Василиса*, *Настасья* и *Марья*. Подъ этими позднѣйшими именами церковнаго календаря народный эпосъ изображаетъ героическія личности миѳическаго характера.

Старшая изъ сестеръ, Василиса Микулишна, по прозванію *Грозная,* была замужемъ за Ставромъ бояриномъ. Этотъ бояринъ изображается при дворѣ князя Владиміра лицомъ самостоятельнымъ, къ княжей дружинѣ не принадлежащимъ[1]). Онъ хвалится, что у него «Широкій дворъ не хуже города Кіева». За эту похвальбу князь Владиміръ велѣлъ Ставра сковать и бросить въ *погреба глубокіе,* то-есть, въ темницу, а жену его схватить и взять въ Кіевъ. Но храбрая и могущественная дочь Микулы Селяниновича предупредила посла, который за нею ѣхалъ. Она сама нарядилась посломъ изъ Золотой орды, и отправилась въ Кіевъ къ князю Владиміру. Тамъ, подъ видомъ посла Василія Ивановича, изумила она всѣхъ своею великою силой, съ которою не могли соперничать сами богатыри.

Положено было для испробованія посла стрѣлять изъ лука въ дубъ за цѣлую версту. Сначала стрѣляли богатыри Владиміровы; ихъ было двѣнадцать:

Стали они стрѣлять по сыру дубу за цѣлу версту,
Попадаютъ они по сыру дубу.
Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ,
И отъ той стрѣльбы богатырскія
Только сырой дубъ качается,
Будто отъ погоды сильныя.

Дошла очередь до Василисы Микулишны. Она велѣла подать свой дорожный лукъ: «Есть у меня *лучонко волокитной*—говорила она, съ которымъ я ѣзжу по чисту полю». Но онъ оказался такой громадный, что десять человѣкъ едва могли стащить его съ мѣста:

Подъ первый рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько же,
Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ тридцать человѣкъ.
И говоритъ князю такóво слово:
«Что потѣшить-де тебя князя Владиміра?»
Беретъ она въ ту рученьку лѣвую

[1]) Кирша Данил., стр. 123 и слѣд.

И беретъ стрѣлу каленую,
Та была стрѣлка булатная, —
Вытягала лукъ за ухо —
Спѣла тетивка у туга лука:
Звыла да пошла калена стрѣла,
Угодила въ сыръ кряковистый дубъ.
Хлеснетъ по сыру дубу —
Изломала его въ черенья ножевыя.
И Владиміръ князь окорачь наползался,
И всѣ тутъ могучіе богатыри
Встаютъ какъ угорѣлые.

И такимъ образомъ, дочь Селяниновича, превзошедши воинственными подвигами самихъ богатырей, спасаетъ своего мужа изъ неволи и вмѣстѣ съ нимъ возвращается домой.

Другая былина [1]) даетъ въ супруги Василисѣ Микулишнѣ какого-то Данилу Денисьевича, владѣтельнаго князя черниговскаго, слѣдовательно тоже человѣка независимаго, стоящаго внѣ княжей дружины. Однажды князь Владиміръ, будучи еще холостымъ, вздумалъ предложить своимъ богатырямъ, чтобъ они нашли ему невѣсту, чтобъ лицомъ была красна и *умомъ сверстна*, — чтобы было, говорилъ онъ богатырямъ, кого назвать вамъ матушкой, величать государыней:

И было бы мнѣ съ кѣмъ думу подумати,
И было бы съ кѣмъ слово промолвити,
При пиру при бесѣдушкѣ похвалитися,
И было бы кому вамъ поклонитися.

Богатыри порадѣли князю добыть Василису Микулишну, совѣтуя ему извести смертью ея мужа. Но изъ всѣхъ придворныхъ угодниковъ только одинъ Илья Муромецъ возмутился нечистымъ дѣломъ: «Ужь ты батюшка, Владиміръ князь! говорилъ онъ:

Изведешь ты яснаго сокола:
Не пымать тебѣ бѣлой лебеди».
Это слово князю не показалося,
Посадилъ Илью Муромца въ погребъ.

[1]) Кирѣевск., Пѣсни, выпускъ 3, стр. 32.

Чтобы погубить Данилу, рѣшено было послать его на вѣрную смерть, «въ службу дальнюю, невозвратную»:

Мы Данилушку пошлемъ во чисто поле,
Въ тѣ ли луга Леванидовы,
Мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
Велимъ пымать птичку бѣлогорлицу,
Принести ее къ обѣду княженецкому;
Что еще убить ему льва лютаго,
Принести его къ обѣду княженецкому.

По другому варіанту [1]), его посылаютъ на Буянъ островъ, убить лютаго звѣря, *лихошерстнаго*, и вынуть изъ него сердце съ печенью.

Поѣхалъ Данила на опасный подвигъ, къ ключу гремячему; вдругъ видитъ со стороны Кіева:

Не бѣлы снѣги забѣлѣлися,
Не черныя грязи зачернѣлися:
Забѣлѣлася, зачернѣлася *сила русская*
На того ли на Данилу на Денисьича.

Эта русская, то-есть кіевская рать, была выслана противъ Данилы, какъ самостоятельнаго удѣльнаго князя. Во главѣ рати были два богатыря: одинъ родной братъ Данилы, другой — названный братъ, Добрыня Никитичъ. Данила, видя измѣну и вѣроломство, воскликнулъ:

«Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
Братъ на брата съ боемъ идетъ?»
Беретъ Данила свое востро копье,
Тупымъ концомъ втыкаетъ во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Спорлъ себѣ Данила груди бѣлыя,
Покрылъ себѣ Данила очи ясныя,
Подъѣзжали къ нему два богатыря,
Заплакали объ немъ горючьми слезми.
Поплакамши, назадъ воротилися.

---

[1]) Кирѣевск., выпускъ 3, стр. 29.

Сказали князю Володиміру: «Не стало Данилы
Что того ли удалаго Денисьевича!»

Князь Владиміръ тотчасъ же отправился въ Черниговъ, и, вошедши въ палаты Василисы Микулишны,

Цѣловалъ ее Володиміръ во сахарныя уста.
Возговоритъ Василиса Микулишна:
«Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
Не цѣлуй меня въ уста во кровавы,
Безъ мово друга Данилы Денисьича».

То-есть, это поцѣлуй кровавый, кровью ея мужа купленный. Не обращая вниманія на горькія рѣчи безотрадной вдовы, князь Владиміръ велѣлъ ей снаряжаться и беретъ ее съ собою въ Кіевъ. Подъѣзжая къ тому мѣсту на полѣ, гдѣ лежитъ трупъ Данилы, прекрасная дочь Селяниновича просится у князя Владиміра, чтобъ онъ отпустилъ ее проститься съ ея милымъ мужемъ. Онъ отпускаетъ ее въ сопровожденіи двухъ богатырей:

Подходила Василиса ко милу дружку,
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу:
Поклонилась она, да восклонилася,
Возговоритъ она двумъ богатырямъ:
«Охъ вы гой естя, мои вы два богатыря!
Вы подите, скажите князю Володиміру,
Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
По чисту полю со милымъ дружкомъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичемъ:»
Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
Спорола себѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла себѣ Василиса очи ясныя.
Заплакали по ней два богатыря.

Князь Владиміръ, узнавъ о случившемся, увидѣлъ наконецъ, что безчестно поступилъ онъ, и, какъ видно, раскаялся, потому что

Выпущалъ Илью Муромца изъ погреба;
Цѣловалъ его въ головку, во темечко:
«Правду сказалъ ты, старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ!»
Жаловалъ его шубой соболиною.

Другая дочь Селяниновича, Настасья Микулишна, была замужемъ за Добрынею Никитичемъ. Она была *поленица*, какъ и ея старшая сестра, то-есть воинственная дѣва. Еще опредѣлительнѣе и рѣще изображаетъ былина [1]) ея сверхъестественное, титаническое существо.

Однажды ѣдучи по полю, Добрыня Никитичъ

> Догналъ поленицу, женщину великую.
> Ударилъ своей палицей булатноей
> Тую поленицу въ буйну голову:
> Поленица назадъ не оглянется,
> Добрыня на конѣ пріужахнется.

Надобно знать, что Добрыня пришелъ въ ужасъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что встрѣтилъ такую непомѣрную силу въ исполинской женщинѣ, и, во-вторыхъ, потому что заподозрѣлъ самого себя: ужь не пропала ли въ немъ самомъ богатырская сила. Чтобъ испробовать свою силу, тотчасъ же

> Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
> Толщиной былъ дубъ шести саженъ,
> Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
> Да разшибъ весь сырой дубъ поластиньямъ [2]),
> Самъ говоритъ таково слово:
> «Сила у Добрыни все по старому,
> А смѣлость у Добрыни не по старому».

Итакъ, богатырь Добрыня самъ сознается, что онъ струсилъ! Въ высокой степени наивная черта, какими такъ тонко умѣетъ оттѣнять характеры только истинная, безыскусственная поэзія народнаго эпоса!

Однако могучему богатырю стало обидно, что не сладитъ съ бабою. Опять бросился за нею, и еще разъ ударилъ ее палицею въ голову: поленица опять будто и не чуетъ, назадъ не оглянется. Въ Добрынѣ возникло новое сомнѣніе, новый страхъ.

---

[1]) Рыбник., 1, 128.
[2]) На драни.

Онъ опять пробуетъ свою силу на дубѣ ужь въ двѣнадцать саженъ толщины, и опять раздробилъ его въ щепки. Увѣрившись въ себѣ, Добрыня еще разъ пересиливаетъ свою минутную робость, догоняетъ исполинскую женщину, и еще разъ ударяетъ ее палицею по головѣ. Тогда —

Поленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
«Я думала, что комарики покусываютъ,
Ажно русскіе могучіе богатыри пощелкиваютъ!»
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трое сутки.

Это вполнѣ напоминаетъ въ сѣверномъ миѳѣ о томъ, какъ Торъ переночевалъ въ рукавицѣ нѣкотораго великана. Илья Муромецъ, какъ увидимъ, тоже сидѣлъ въ карманѣ у Святогора.

Конь докладываетъ исполинской поленицѣ, что онъ не можетъ дальше везти; ему тяжело, потому что богатырь, сидящій въ карманѣ, силою равенъ самой поленицѣ. Тогда она рѣшила:

Ежели богатырь онъ старой,
Я богатырю голову срублю;
А ежели богатырь онъ младой,
Я богатыря въ полонъ возьму;
А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
Я теперича за богатыря замужъ пойду.

Значитъ, дочь Селяниновича съ полнымъ презрѣніемъ сунула богатыря Добрыню въ карманъ, даже не взглянувши на него; и только теперь, выкинувши его изъ кармана, на него взглянула. Онъ ей понравился, и сталъ ея мужемъ.

Вышедши замужъ, вѣщая дочь Селяниновича становится уже обыкновенною женщиной, потому ли, что потерявъ дѣвство, она вмѣстѣ съ тѣмъ утратила свое прежнее миѳическое могущество, или же потому, что былина вноситъ въ ея характеръ другія черты позднѣйшаго быта. Объ этомъ будетъ еще рѣчь впереди, а

теперь бросимъ взглядъ на другіе женскіе типы, по своему миѳическому характеру, родственные дочерямъ Селяниновича.

Жены и любезныя нѣкоторыхъ другихъ богатырей были тоже вѣщія женщины, существа титаническія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь любовныя похожденія Ильи Муромца. Онъ имѣлъ сына, по инымъ варіантамъ дочь, отъ какой-то особы, которая въ разныхъ пѣсняхъ различно именуется, и которая жила гдѣ-то далеко, то-есть, отъ особы, окруженной въ былинахъ таинственностью, туманомъ отдаленья, который обыкновенно, въ народномъ эпосѣ, даетъ разумѣть о миѳической основѣ былины. То она королева Задонская, то изъ храброй Литвы или откуда-то изъ другой стороны, то она Омелфа Тимоѳевна, то баба *Латымирка* или даже *Латыгорка*, отъ моря отъ Студенаго, отъ Камня отъ Латыря, то-есть отъ знаменитаго въ пѣсняхъ и сказкахъ миѳическаго Алатырь-камня [1]). На языкѣ миѳическомъ эта личность не что иное, какъ *баба Горынинка*, титаническое существо, порожденное горою, или вообще, или горою Алатырь-камнемъ. Потому въ одной побывальщинѣ [2]) называется она *Авдотьею Горынчанкою*, храброю поленицею, которую однажды встрѣтилъ Илья Муромецъ и одолѣлъ съ бою. Отъ него Горынчанка родила богатырскаго сына, по имени Борисъ или Бориска, иначе онъ называется Збутъ Борисъ Королевичъ, иначе Сокольникъ, Соловниковъ. Объ этомъ эпизодѣ будетъ еще рѣчь впереди; а теперь надобно взглянуть на другихъ вѣщихъ и воинственныхъ женщинъ, съ которыми народный эпосъ ставитъ въ связь муромскаго богатыря.

Другой видъ, вѣроятно, той же демонической женщины русскій эпосъ [3]) изображаетъ въ прекрасной королевичнѣ, которая держитъ въ плѣну своихъ любовниковъ.

---

[1]) Кирѣевск., выпускъ I, стр. 79, 83—5, 73. Выпускъ IV, стр. 17; Рыбниковъ, I, стр. 79.

[2]) Рыбник., I, стр. 65.

[3]) Рыбник., 62—65; Кирѣевск. I, 88—89.

Однажды, ѣдучи по полю, Илья Муромецъ встрѣтилъ на розстани, или распутьи, камень; на немъ, по сказочному обычаю, подпись подписана:

Въ розстань ѣхать — убиту быть,
А въ другую ѣхать — женату быть,
А въ третью ѣхать — богату быть.

Отправившись въ ту розстань, гдѣ женату быть, Муромецъ пріѣзжаетъ къ бѣлокаменнымъ палатамъ. Входитъ внутрь. Его встрѣчаетъ прекрасная королевична, беретъ за руки и цѣлуетъ. «У тебя есть ли охота, горитъ ли душа со мной дѣвицей позабавиться?» говоритъ она; и только что Илья сталъ было ее ласкать, тотчасъ же подъ нимъ провалилась кровать подъ полъ, и онъ очутился въ глубокихъ погребахъ, гдѣ *наобманывано* было у ней туда сорокъ царей, сорокъ царевичей, также какъ онъ, попавшихъ въ любовныя сѣти этой Цирцеи русскаго эпоса. Нашъ герой плѣнниковъ высвободилъ, а прелестницу разорвалъ на четыре четверти и разметалъ на четыре стороны.

Къ этому же роду вѣщихъ женщинъ принадлежитъ Святогорова жена, съ которою Илья тоже былъ въ любовныхъ связяхъ[1]).

Однажды муромскій богатырь заснулъ въ чистомъ полѣ. Его будитъ конь, увѣдомляя, что ѣдетъ страшный богатырь Святогоръ. Илья спрятался отъ него на высокомъ дубѣ, и —

Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключомъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано.

---

[1]) Рыбник., стр. 37.

Жена собрала Святогору обѣдъ, взявъ припасы изъ того же ларца. Потомъ, когда мужъ заснулъ, пошла она гулять и увидѣла на дубѣ Илью Муромца. Онъ ей понравился, и она пригласила его раздѣлить съ нею любовь.

Послѣ того-то жена Святогора и посадила Илью въ карманъ къ своему мужу, подобно тому какъ сѣверный Торъ сидѣлъ въ рукавицѣ великана. Но когда они поѣхали, коню стало тяжело, и онъ увѣдомилъ, что въ карманѣ сидитъ богатырь. Святогоръ вынулъ изъ кармана Илью Муромца, и узнавъ отъ него про невѣрность своей жены, ее убилъ, а съ нимъ помѣнялся крестомъ и назвалъ его своимъ *меньшимъ братомъ*.

Наконецъ и законную жену Ильи Муромца эпосъ [1]) изображаетъ воинственною поленицею. Однажды на Кіевъ напалъ Тугаринъ съ грозною ратью. Богатыри перепугались; князь Владиміръ посылаетъ за Ильею Муромцемъ, котораго однако тогда дома не случилось. Дома была только молодая его жена *Савишна*. «Хорóшо, говоритъ она гонцу: иди назадъ; Илья за тобою не замѣшкаетъ». Проводивши гонца, —

Наказала коня сѣдлать добраго,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Не забыла колчанъ каленыхъ стрѣлъ,
Тугой лукъ, саблю острую.
Какъ сѣла въ сѣдло, только и видѣли.
И поѣхала ко городу Кіеву.

Всѣ приняли ее за самого Илью Муромца. Кіевскіе богатыри ободрились, а Тугаринъ не взвидѣлъ бѣла дня, и убѣжалъ въ свои улусы Загорскіе.

---

1) Кирѣевск., I, 57. Г. Безсоновъ, въ Указателѣ, при IV выпускѣ сборника Кирѣевск., столб. 82 и 105, почему-то думаетъ, что Савишна смѣшана съ женою Данилы или Ставра, и что Илья Муромецъ никогда не былъ женатъ. Народъ, не руководясь никакими задними мыслями, не брезгуетъ брачными узами, и украшаетъ ими своего любимаго героя. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ Савишна — воинственная поленица.

Въ титаническомъ, сверхъестественномъ существѣ героинь русскаго богатырскаго эпоса замѣчается два, повидимому, противоположныхъ элемента, какъ добро и зло, но въ основѣ своей исходящіе изъ общаго, миѳическаго источника. То онѣ грозны, величавы и всемогущи, какъ сильнѣйшіе изъ богатырей; то онѣ нѣжны, прекрасны и обольстительны. То онѣ вѣрны своимъ мужьямъ, и изъ любви и преданности къ нимъ готовы на всякую жертву; то онѣ сластолюбивы, измѣнчивы и преступны. То какъ существа иного, лучшаго міра, или какъ послѣднія представительницы отживающаго поколѣнія, только съ бою отдаютъ себя во власть богатырей новаго порядка вещей; то онѣ, будто возвращаясь къ воспоминаніямъ демонической старины, заводятъ любовныя связи съ Зміемъ Тугаринымъ, какъ сластолюбивая супруга князя Владиміра или Марина прелестница, которая очаровываетъ Добрыню Никитича, и, подобно прекрасной королевнѣ, держащей въ плѣну сорокъ царей, сорокъ царевичей, извела девять князей или богатырей, оборотивши ихъ турами-золотые-рога. Князь Владиміръ окружаетъ себя уже богатырями младшими, предвѣстниками новой, исторической жизни, а супруга его еще знается съ миѳическимъ Зміемъ, а сестра Владиміра, Марья Дивовна, еще въ плѣну у Лютаго Змія, изъ пещеръ котораго освобождаетъ ее Добрыня Никитичъ.

Двуличневый или обоюдный характеръ миѳическихъ героинь часто является въ одномъ и томъ же лицѣ. Такъ жена Добрыни Никитича — то могущественная воительница Настасья, дочь Микулы Селяниновича, существо свѣтлое, героическое, то еретница Марина, которую мужъ терзаетъ за преступную связь съ Зміемъ Горынчищемъ:

А и сталъ Добрыня жену свою учить,
Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу .... безбожницу:
Онъ первое ученье — ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
«Эта рука мнѣ не надобна,

Трепала она Змѣя Горынчища!»
А второе ученье — ноги ей отсѣкъ:...
А третье ученье — губы ей отрѣзалъ и съ носомъ прочь:
«А эти-де губы не надобны мнѣ:
Цѣловали они Змѣя Горынчища!»
Четвертое ученье — голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
«А и эта голова мнѣ не надобна,
И этотъ языкъ не надобенъ:
Зналъ онъ дѣла еретическія» [1]).

Точно также училъ свою жену Иванъ Годиновичъ [2]), Авдотью Лебедь Бѣлую, за ея преступную связь съ Идолищемъ поганымъ. Она была дочь Черниговскаго царя, но отличалась необычайными свойствами. Когда увидалъ ее въ первый разъ Иванъ Годиновичъ, она ткала полотенце, но не какъ обыкновенная дѣвица, а какъ вѣщая ткачиха, въ родѣ сѣверной Норны или Муромской Февроніи:

На головкѣ у Авдотьи бѣлы лебеди,
На лѣвомъ плечѣ у ней черны соболи,
На правомъ плечѣ сидятъ ясны соколы;
На прошестяхъ [3]) у Авдотьи сизы голуби,
На подножкахъ [4]) у Авдотьи черны вороны.

Связь ея съ Идолищемъ была уже давнишняя. Авдотья — Бѣлая Лебедь была уже за него просватана, когда Иванъ Годиновичъ явился въ Кіевъ. Нéхотя идетъ она замужъ за этого послѣдняго, и въ слезахъ говоритъ своему отцу, Царю Черниговцу:

Ты умѣлъ меня, батюшка, вспоить-вскормить,
Ты умѣлъ меня, батюшка, высоко взростить:
Не умѣлъ меня, батюшка, замужъ выдати,
Безъ того кроволитьица великаго!

---

[1]) Кирш. Данил., стр. 71.
[2]) Кирѣевск., III, 11 и слѣд.
[3]) Основа, утокъ; то чтò ткутъ.
[4]) У ткацкаго станка.

Когда Иванъ Годиновичъ повезъ ее домой, на дорогѣ ихъ настигъ Идолище поганый и вступилъ въ бой съ Иваномъ. Авдотья помогла Идолищу, и они вмѣстѣ связали Ивана, точно также какъ въ сербской пѣснѣ связали Іована его мать и Дивскій Старѣйшина: но Иванъ превозмогъ и смертью казнилъ свою преступную жену.

Итакъ, этотъ Идолище, безъ сомнѣнія, тотъ же лютый змій, который вводилъ въ грѣхъ и жену князя Владиміра, жену Добрыни Никитича, жену муромскаго князя Павла, тотъ же змій, который держалъ у себя въ плѣну Марью Дивовну и который, какъ увидимъ дальше, приползалъ въ могилу къ вѣщей супругѣ Потока Михайлы Ивановича. Это — воспоминанье о зміи, представителѣ стараго порядка вещей, о падшемъ ангелѣ, который сталъ враждебно между женой и мужемъ и ввелъ ихъ въ искушеніе: преданье отразившееся въ тысячѣ миѳовъ не у однихъ только индо-европейскихъ народовъ.

Языческое чествованье воды и миѳы о рѣкахъ наложили свой отпечатокъ на характеръ вѣщихъ женъ и титаническихъ героинь. Уже было говорено о супругѣ Дуная, королевнѣ Днѣпрѣ, которая приходилась сестрою сластолюбивой женѣ князя Владиміра. Подобно польской Вандѣ, она должна была погибнуть вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Хотя онъ и побѣдилъ ее и взялъ себѣ въ супруги съ бою, но все же не могъ окончательно одолѣть ея титаническаго могущества, и съ надсады самъ себя погубилъ, когда узналъ, что въ утробѣ убитой имъ жены зарождался чудодѣйственный богатырь.

Слово о полку Игоревѣ, служа во многихъ случаяхъ связью между историческимъ эпосомъ и миѳологическимъ, и здѣсь предлагаетъ драгоцѣнное свидѣтельство въ миѳическомъ образѣ дѣвы, плещущей *лебедиными крылами* на синемъ морѣ. По свидѣтельству одного древняго слова, приписываемаго Св. Григорію, Славяне чествовали какихъ-то *Берегинь*, т. е. прибрежныхъ богинь, выходящихъ изъ воды на берегъ, или *Горынинокъ (брегъ — гора)*.

Признакъ водяной стихіи отразился въ сверхъестественной породѣ женщинъ тѣмъ, что онѣ оборачиваются въ водяную птицу, преимущественно въ *Бѣлую Лебедь*. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна былина о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ[1]). Однажды этого богатыря послалъ князь Владиміръ на охоту, настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ уточекъ, къ своему княжескому столу. Потокъ отправляется къ синему морю, вдоволь настрѣлялъ птицъ, и уже собирался было домой, какъ вдругъ увидѣлъ бѣлую лебедушку:

Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ
И скатнымъ жемчугомъ усажена.

Итакъ, эта бѣлая лебедь была существо необычайное, вовсе не похожее на обыкновенныхъ птицъ. Тогда —

Вынимаетъ онъ Потокъ
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спустить калену стрѣлу —
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
«А и ты, Потокъ Михайла Ивановичъ!
Не стрѣляй ты меня лебедь бѣлую,
Нѣ въ кое время пригожуся тебѣ».
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулася душой красной дѣвицей.

Потокъ женился на оборотнѣ дѣвицѣ Бѣлой Лебеди, съ тѣмъ уговоромъ, что кто изъ нихъ прежде умретъ, другому за нимъ

[1]) Кирш. Данил., стр. 215 и слѣд.

живому въ гробъ идти. Вѣщая Лебедь-дѣвица, своею мудростью, обмерла; въ могилу къ ней посадили Потока вмѣстѣ съ конемъ. Собирались въ могилу всѣ гады змѣиные, потомъ пришелъ и самъ большой Змѣй, жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ. Потокъ его убилъ и воскресилъ свою жену, помазавъ ее змѣиною головою[1]).

По другимъ варіантамъ[2]), эта вѣщая женщина родомъ изъ Подолья Лиходѣева, *Марья Подоленка Лиходѣевна*. Будто бы Потокъ привелъ ее въ вѣру крещеную, и тогда дали ей *имя новое: Настасья Лебедь Бѣлая Лиходѣевна.* Когда она обмерла, Потокъ воскресилъ ее въ могилѣ живою водою, которую принесъ подземельный Змій.

Про эту богатырску молоду жену
Прошла слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ:
Что не стало такой красавицы ни гдѣ, ни вездѣ,
Ни подъ краснымъ подъ солнышкомъ.

И наѣзжало сорокъ царей, сорокъ царевичей, сорокъ королей, сорокъ королевичей; требуютъ, чтобы князь Владиміръ выдалъ имъ эту *богатырскую молоду жену,* не то они весь Кіевъ повырубятъ. Владиміръ велитъ Потоку выдать безъ бою, безъ драки, свою молоду жену, потому что «для одной бабы не погибать цѣлому царству». — «Отдай свою *богатырску* княгиню Опраксію,—возражаетъ Потокъ: а я не отдамъ жены съ добра». Борьба изъ-за прекрасной жены, воспѣваемая въ *Иліадѣ*, въ финской *Калевалѣ* и другихъ народныхъ эпосахъ, получаетъ здѣсь болѣе опредѣленный характеръ, объясняемый скандинавскимъ миѳомъ о томъ, какъ великаны требовали отъ боговъ Фреи, прекрасной супруги Одиновой, и какъ вмѣсто ея, въ ея платьѣ въ жилище великановъ отправлялся, въ видѣ невѣсты, богъ Торъ. Такъ и Потокъ Михайла Ивановичъ перерядился въ платья жен-

---

[1]) Очевидное сродство этого миѳа съ нѣмецкими сказками показано въ Историч. Очеркахъ, ч. I, стр. 239.

[2]) Рыбник., 213 и слѣд.

скія и пошелъ къ тѣмъ царямъ и царевичамъ. Попривѣтствовавъ ихъ, спрашиваетъ: «за кого же мнѣ изъ васъ замужъ идти? Вѣдь у васъ изъ-за меня будетъ много кровопролитія напраснаго. А вотъ я стрѣльну изъ туга лука: кто первый мою стрѣлку найдетъ, ко мнѣ принесетъ,—за того я и замужъ пойду». Стрѣлилъ стрѣлку, и когда женихи за ней поразбѣжались, онъ всѣхъ ихъ прирубилъ. Но воротившись домой, онъ уже не нашелъ своей жены. Ее похитилъ въ Волынскую землю какой-то царь Вахрамей Вахрамеевичъ, соотвѣтствующій Змію Горыничу или Идолищу поганому другихъ былинъ. Демоническая натура жены Потока выразилась связью съ этимъ миѳическимъ существомъ, на которое она промѣняла своего мужа, превративъ его въ камень, какъ Марина обернула Добрыню Никитича туромъ-золотые рога. Какъ Девкаліонъ и Пирра, бросая камни позадь себя, превращали ихъ въ людей; такъ эта вѣщая жена Лебедь Бѣла, наоборотъ, —

Перекинула Михайла черезъ себя,
Сама говорила таковы слова:
«Гдѣ былъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Тутъ стань бѣлъ горючъ камень,
А пройдетъ времечка три году,
И пройди сквозь матушку сыру землю».

Камень этотъ былъ такъ тяжелъ, что никто изъ богатырей не могъ поднять его; только нѣкоторый Старчище, вѣроятно какой-нибудь старшій богатырь, поднялъ камень на плечи, а самъ приговаривалъ:

Разсыпься, бѣлъ горючъ камень,
На тѣ ли на мелки на часточки,
А ставай, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ.

Послѣ разныхъ приключеній Потокъ отомстилъ за себя, убивъ царя Вахрамея и свою преступную жену.

Мы уже замѣтили, какой видный слѣдъ оставило по себѣ въ русскомъ миѳическомъ эпосѣ чествованье рѣкъ и воды вообще, выразившееся въ типахъ морскаго царя, или Водяника, и его

многочисленныхъ дѣтей, рѣкъ и озеръ. Въ лицѣ Авдотьи Лиховидьевны, или Марьи Лиходѣевны — Бѣлой Лебеди, возсоздано миѳическое существо того же разряда. Она, какъ водяная птица, появилась Потоку на берегу моря, на тихихъ заводяхъ, будто мгновенно выпорхнула изъ волнъ. За неимѣніемъ древнѣйшихъ миѳическихъ именъ, изслѣдователю русской эпической старины приходится слагать свои соображенія по именамъ позднѣйшимъ, подставнымъ, въ которыя пѣвцы перекрестили ихъ по церковному календарю. Потому не безъ вѣроятія можно допустить догадку г. Безсонова о тождествѣ старшей дочери Селяниновича съ сказочною Василисою Прекрасною, съ Василисою *Золотая Коса* и т. п. [1]). А сказочная Василиса именно и есть существо миѳическое, и по преимуществу — водное; она дочь водянаго, или морскаго царя, дѣвица оборотень Бѣлая Лебедь или какая другая водяная птица.

Есть даже такія сказки, гдѣ выходитъ она замужъ за одного витязя изъ дружины князя Владиміра, и тоже именно за *Данилу*, который и въ сказкѣ называется *Безчастнымъ*, каковъ онъ былъ и по разсказу уже извѣстной намъ былины. Еслибы даже сходство въ собственныхъ именахъ между былиною и сказкою было случайное, то самый смыслъ сказки, только въ фантастической обстановкѣ, основанъ на томъ же главномъ мотивѣ, какъ и былина. Князь Владиміръ случайно узнаетъ на пиру о прекрасной женѣ Данилы, хочетъ ее видѣть, и это свиданіе было гибельно для мужа, а жена его превосходствомъ своей вѣщей мудрости беретъ верхъ надъ княземъ Владиміромъ и надъ всею его дружиной.

Вотъ главные мотивы этой превосходной сказки [2]). При дворѣ князя Владиміра былъ Данило Безсчастный дворянинъ. Его всегда во всемъ обходили. Однажды къ Свѣтлому Воскресенью князь Владиміръ задалъ ему мудреную задачу — отдаетъ ему на руки

---

[1]) Замѣтка въ IV выпускѣ сборника Кирѣевскаго. Стр. 52—4. 163—4. 172—4.

[2]) Аѳанасьева, Сказки, VI, стр. 289.

сорокъ сороковъ соболей, велитъ къ празднику шубу сшить; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ звѣрей выливать, въ петляхъ заморскихъ птицъ вышивать. По указанію одной вѣщей старухи, пошелъ Данила Безсчастный къ синю морю, сталъ у сыра дуба. Въ самую полночь сине море всколыхалося, вышло къ нему *Чудо-Юда*, морская губа, безъ рукъ, безъ ногъ — одна борода сѣдая. Ухватилъ его Данила за бороду и принялся бить о сыру землю. Спрашиваетъ Чудо-Юда: «За что̀ бьешь меня, Данила Безсчастный?» — «А вотъ за что̀, говоритъ тотъ: дай мнѣ лебедь-птицу, красную дѣвицу, Лебедь-*Страховну*. Сквозь перьевъ бы тѣло виднѣлось, сквозь тѣла бы косточки казались, сквозь костей бы въ примѣту было, какъ изъ косточки въ косточку мозгъ переливается, словно жемчугъ пересыпается».

Трудно найти въ эпической поэзіи родственныхъ народовъ болѣе изящное и точное выраженіе для характеристики этого обоюднаго миѳическаго существа, *оборотня Лебедь-дѣвицы*. Сквозь великолѣпныя золотыя перья и жемчужную головку Лебеди мелькаютъ нѣжныя и прекрасныя формы самой дѣвицы, которая, будто бы сѣверная Фрея, только на время одѣлась въ воздушную оболочку своей пернатой одежды. Поэтическій, пластичный образъ русской сказки производитъ почти такое же впечатлѣніе, какъ тѣ античныя статуи греческаго рѣзца, которыя сквозь роскошную драпировку изящно выказываютъ формы человѣческаго тѣла и каждое малѣйшее ихъ движеніе!

По повелѣнію Чуда-Юды, является сама Лебедь-Страховна, и, узнавши отъ Данилы о задачѣ князя Владиміра, крылышками махнула, головкой кивнула: явились вѣщіе работники, и не только сшили шубу, но и построили великолѣпный дворецъ, въ который Лебедь-дѣвица ввела Данилу какъ своего мужа. Но когда онъ пришелъ къ князю Владиміру, надѣвъ эту чудную шубу, тамъ на пиру у него, когда богатыри ѣли-пили, прохлаждалися, собой величалися, не вытерпѣлъ, спьяну сталъ женой своею похваляться. Князь Владиміръ изъявилъ желаніе ее видѣть, и въ сопровожденіи многочисленнаго войска отправился въ ея роскошный дво-

рецъ. При немъ были Алеша Поповичъ и самъ Данила Безсчастный. На дальнемъ пути ко дворцу князь растерялъ все свое войско, которое тамъ и сямъ оставалось при переправѣ черезъ медвяныя и винныя рѣки, соблазненное этими даровыми напитками, въ такомъ изобиліи приготовленными вѣщею Лебедь-дѣвицей. Владиміръ достигаетъ дворца только самъ-четвертъ, съ княгинею да съ двумя богатырями. Входятъ въ палаты и садятся за накрытые столы съ роскошными яствами. Но сама хозяйка не является, сколько Данила ни вызывалъ ее. «Еслибъ это сдѣлала моя жена, говоритъ Алеша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ: — я бъ ее научилъ мужа слушаться!» Услыхала то Лебедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: «Вотъде какъ мужей учатъ!» Крылышкомъ махнула, головой кивнула, взвилась-полетѣла, и остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую — горе, по третью — мохъ, по четвертую — охъ!

Въ другихъ сказкахъ эта вѣщая дѣвица-оборотень называется то Еленою Прекрасной, то, еще чаще, Василисою Премудрою или Прекрасною [1]). Отцомъ ея царь морской, соотвѣтствующій упомянутому Чуду-Юдѣ. Василиса съ своими двѣнадцатью подругами или сестрами, въ видѣ колпицъ, уточекъ, лебедей или голубицъ, прилетаютъ на воду, и скинувъ съ себя свои *пернатыя* сорочки, купаются. Иванъ Царевичъ или какой другой витязь, спрятавшись отъ дѣвицъ-оборотней, похищаетъ сорочку Василисы; подруги или сестры ея улетаютъ, а она остается во власти витязя и выходитъ за него замужъ. Отецъ Василисы, царь морской, задаетъ витязю трудныя задачи, и за мужа исполняетъ ихъ его вѣщая жена. Въ одной сказкѣ [2]) Василиса Премудрая, какъ истая богиня, повелительница всей природы, велитъ исполнять эти задачи животнымъ. Такъ царь морской велитъ въ одну ночь превратить каменистую почву въ плодородную, засѣ-

[1]) Аѳанасьева, Сказки, V, стр. 96 и слѣд. VI, стр. 205 и слѣд. 295 и слѣд.

[2]) Аѳанасьева, Сказки, VI, стр. 209.

ять рожью, чтобъ она въ ту же ночь уродилась и поспѣла; потомъ въ одну же ночь обмолотить триста скирдовъ пшеницы, а скирдовъ не ломать, сноповъ не разбивать. Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: «Гей вы, *муравьи ползучіе!* сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть, всѣ ползите сюда и повыберите зерно изъ батюшкиныхъ скирдовъ чисто-на-чисто». Явились русскіе Мирмидоны и какъ разъ исполнили повелѣнное. Наконецъ царь морской въ одну ночь велѣлъ построить изъ воску церковь. Его вѣщая дочь опять вышла на крылечко и кликнула: «Гей вы, пчелы *работящія!* Сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть, всѣ летите сюда и лѣпите изъ чистаго воску церковь Божію, чтобъ къ утру была готова!» Слетались отовсюду пчелы и исполнили повелѣнное.

Когда вѣщая Василиса съ мужемъ спасается бѣгствомъ изъ палатъ отъ своего отца, морскаго царя, на дорогѣ, чтобъ избѣжать погони, нѣсколько разъ оборачиваетъ и себя и своего мужа въ разные виды. То себя обернетъ смирною овечкой, а его старымъ пастухомъ, то себя уткою, а его селезнемъ, то себя церковью, а его попомъ. Но самое замѣчательное ея превращеніе въ рѣчку, вполнѣ согласное съ тѣми миѳическими эпизодами нашего эпоса о *Дунаѣ, Днѣпрѣ, Смородинѣ,* которые уже были нами разсмотрѣны въ связи съ былинами о богатыряхъ старшихъ [1]).

Когда Иванъ Царевичъ съ своею невѣстой уже достигъ родины, морской царь, не догнавъ ихъ, оборачиваетъ бѣглянку рѣкою на три года, то-есть возвращаетъ ее на время въ ея первобытное стихійное существо. Наконецъ ея прекрасный образъ увидѣли на днѣ колодца; и она выходитъ оттуда къ своему мужу, который уже было и забылъ ее въ эти три года [2]).

Забыть вѣщую женщину — невѣсту или жену — самый обыкновенный сказочный мотивъ не у однихъ Русскихъ. Имъ выражается разобщеніе въ интересахъ и различіе въ самой натурѣ между витяземъ-женихомъ, обыкновеннымъ смертнымъ, и его

---

[1]) См. стр. 24—38.

[2]) См. малорусскій варіантъ въ Сказкахъ г. Аѳанасьева. VI, 217—8.

суженою, вѣщею, сверхъестественною женщиной. Сѣверный Зигурдъ (или Зигфридъ), низведенный изъ круга божествъ въ историческіе герои, уже подчиняется вѣщей силѣ валькиріи Бингильды; онъ ее любитъ и поучается отъ нея мудрости, то-есть древнимъ рунамъ или *вѣщбамъ;* потомъ, выпивъ чарующаго пойла, забываетъ ее для Гудруны, къ которой, какъ къ существу сходному съ собою по человѣческой природѣ, онъ уже питаетъ больше симпатіи.

Такова сверхъестественная поэтическая область, въ которой народная фантазія помѣщаетъ самые ранніе идеалы женской натуры! Въ этой фантастической области, былины о старшихъ богатыряхъ встрѣчаются съ сказочными вымыслами, и эпосъ и сказка общими силами поддерживаютъ въ народѣ идею о первоначальномъ величіи женщины, какъ такого вѣщаго, чуднаго существа, которому когда-то подчинялась богатырская сила мущины.

Въ русскомъ эпосѣ память объ этой золотой порѣ въ исторіи женщины соединяется съ колоссальною личностью Микулы Селяниновича, отца трехъ вѣщихъ дѣвъ, состоящихъ, какъ показано, въ родствѣ съ цѣлымъ поколѣніемъ миѳическихъ существъ. Потому уже и въ самомъ Селяниновичѣ надобно видѣть не просто историческаго героя, и также не представителя только быта земледѣльцевъ и поселянъ.

Какъ *пахарь* съ своею золотою сохою, онъ существенно отличается отъ *кочеваго*, перехожаго Селяниновича, съ своею сумкою переметною, признакомъ бездомнаго кочевья. Какъ Илья Муромецъ, отправившись изъ дому на богатырскіе подвиги, беретъ съ собою въ ладонкѣ горсть родной земли, по пословицѣ: «своя земля и въ горсти мила;» или какъ у нѣкотораго старца перехожаго въ котомкѣ разбойникъ Аника [1]) нашелъ узелки съ землею: такъ Микула Селяниновичъ, въ качествѣ представителя самой ранней эпохи выхода изъ кочевья къ осѣдлости, идетъ на-

---

[1]) Кирѣевск., IV-й выпускъ, въ замѣткѣ, стр. 112.

встрѣчу зачинающейся на Руси исторической жизни, съ своею переметною, дорожною сумочкой, неся въ ней родную землю откуда-то издалека. Но сумочка съ землею такъ тяжела, что не въ подъемъ самому могучему изъ старшихъ богатырей. Потому символъ родной земли тотчасъ же возводится въ сказаніи о Селяниновичѣ до колоссальнаго, можетъ-быть, миѳическаго представленія о всей землѣ, которую дѣйствительно не поднимешь, какъ выражается о землѣ русская загадка: «Матушкиной коробьи или отцова сундука не подымешь»[1]).

Еслибы въ отдаленную старину наши предки представляли себѣ исполинское божество, держащее въ рукахъ землю, или, какъ Селяниновичъ, несущее ее въ сумочкѣ; то уже не въ загадкѣ, требующей отгадыванья, а въ обычномъ эпическомъ выраженіи, или поговоркѣ, могли бы о несмѣтной тяжести земли говорить: «Микулиной сумочки не подымешь!»

Такой колоссальный образъ могъ бы соотвѣтствовать въ фантазіи народа тѣмъ стариннымъ иконописнымъ типамъ, которые, для выраженія идеи о вседержительствѣ и власти, держатъ въ рукѣ земной шаръ.

VI.

Переходимъ къ *Ильѣ Муромцу*. Какъ высшій герой русскаго богатырскаго эпоса, онъ сосредоточиваетъ на себѣ всѣ главные его интересы.

Тотъ не можетъ себѣ составить точнаго понятія объ основной идеѣ ни одной изъ русскихъ эпическихъ былинъ, кто не усвоитъ себѣ во всей ясности той мысли, что народный эпосъ, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе столѣтій, доходитъ до насъ переполненный самыми грубыми и странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами. Каждое поколѣніе, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ въ него намеки,

---

[1]) Даля, Пословицы, стр. 1063.

а иногда и цѣлые эпизоды изъ своей современности. Къ миѳической личности Перуна другое поколѣніе присовокупляетъ черты героической личности Ильи Муромца. Подводя древнія преданія подъ уровень церковнаго календаря, фантазія сначала сближаетъ Перуна, покровителя земледѣлія, съ Ильею пророкомъ, котораго называетъ тоже *Громовникомъ;* потомъ сложный полубожественный типъ Ильи Муромца-Перуна, можетъ-быть, даже по тождеству имени, сливаетъ въ одну личность съ Ильею Громовникомъ. Какъ произошла эта эпическая метаморфоза, отъ насъ сокрыто въ таинственной дали ранняго творчества народной фантазіи: собственное ли имя муромскаго богатыря послужило точкою соприкосновенія между Перуномъ и Ильею пророкомъ, или Муромецъ, наслѣдовавшій силы божества земледѣльческаго, потому только сближенъ былъ съ Ильею пророкомъ, что этотъ послѣдній слыветъ Громовникомъ, какъ и языческій Перунъ? Какъ бы то ни было, но слѣдующая замѣтка г. Даля[1]) не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что народныя преданія сближаютъ русскаго богатыря съ ветхозавѣтнымъ пророкомъ: «Пустившись въ путь (изъ дому), Илья далъ первый ускокъ въ полпути до Мурома (версты полторы): тутъ изъ-подъ копытъ богатырскаго коня живой ключъ ударилъ, бьющій и понынѣ; надъ нимъ постановлена часовенка *во имя пророка Иліи.* На родникъ этотъ и понынѣ медвѣдь ходитъ испить водицы, набраться богатырской силы».

По былинѣ[2]) эту часовню строитъ самъ муромскій богатырь, будто памятникъ себѣ для потомства:

Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ — колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сырой дубъ,
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко:
«Ѣхалъ такой-то сильной могучій богатырь,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ».

---

[1]) Замѣтка въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго, стр. 33.
[2]) Кирѣевск., Пѣсни, I, стр. 35.

По народнымъ разсказамъ, Илья Муромецъ родился въ крестьянскомъ семействѣ изъ села Карачаева или Карочарова въ Муромской области, отъ крестьянина Ивана Тимоѳеева. Величайшему изъ богатырскихъ типовъ Владимірова цикла суждено было зачаться въ быту земледѣльческомъ, который выразилъ свой божественный идеалъ въ Перунѣ-Торѣ. Громовникъ Илья-Перунъ долженъ былъ вторично возродиться, вочеловѣчиться въ богатырской личности на той самой почвѣ, которая произвела оба эти типа. Муромскій герой, въ качествѣ крестьянина-земледѣльца, выноситъ въ своемъ идеалѣ всѣ древнѣйшія воспоминанія Славянъ при переходѣ ихъ въ бытъ земледѣльческій. Онъ продолжаетъ въ себѣ развитіе миѳическаго Селяниновича, но уже при вступленіи Руси на открытый исторіею путь. Въ немъ доносятся до насъ раннія сказанія о Чехѣ и Лѣхѣ чехопольскаго эпоса; онъ вмѣстѣ и чешскій Премыслъ, переведенный на русскую почву. Недостаетъ только мужицкихъ лаптей Ильи Муромца въ сокровищницѣ русской старины. Но какъ увидимъ, онъ долженъ былъ уже промѣнять лапти на сапоги при дворѣ князя Владиміра, гдѣ по свидѣтельству лѣтописца Нестора уже свысока отзывались о лапотникахъ [1]).

Самъ народный эпосъ ясно говоритъ о двоякомъ происхожденіи богатырскаго типа Ильи. Илья хоть и родился отъ крестьянъ-земледѣльцевъ, отъ простыхъ смертныхъ, но цѣлыя тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣлъ на печи, подъ собою яму протеръ, такъ что видна была только борода его съ головою. Онъ былъ безсиленъ, вовсе не былъ слѣдовательно богатыремъ. Надобно было въ этой сидячей грудѣ воскресить тотъ поэтическій идеалъ, который въ былинахъ прослылъ Ильею Муромцемъ. Созданіе человѣческой воли и силы въ этой грубой матеріи — вотъ настоящее рожденіе богатыря. Потому, внимательному взгляду, привыкшему слѣдить за переворотами народнаго эпоса, помимо му-

---

[1]) Добрыня говоритъ князю Владиміру: «Посмотрѣлъ я на колодниковъ — всѣ они въ сапогахъ: эти дани намъ не дадутъ. Пойдемъ, поищемъ лучше лапотниковъ». Собран. Лѣтоп., I, 36.

ромскихъ мужичковъ, въ предкахъ Ильи Муромца представляются другія личности, возникшія въ сферѣ языческаго чествованія существъ миѳологическихъ.

О зарожденіи богатырской силы въ Ильѣ русскій эпосъ сохранилъ два различныя преданія, согласныя между собой только въ томъ, что по обоимъ это дѣло совершается сверхъестественнымъ образомъ.

По одному преданію, Илья получилъ силу еще въ домѣ отца, гдѣ сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ. Будто приходятъ калики перехожіе (по другимъ варіантамъ, нищая братія, или самъ Христосъ съ двумя апостолами — обыкновенное подновленіе древнѣйшихъ эпическихъ типовъ), и будто бы велятъ ему принести ведро или чашу воды. Тогда, по вѣщему велѣнію, онъ впервые всталъ на ноги и принесъ воды. «Выпей самъ», говорятъ ему пришельцы. Илья выпилъ. «Чтò въ себѣ чуешь?» спрашиваютъ его. —«Чую великую силу». — «Поди, принеси еще ведро». Илья приноситъ еще, и еще разъ выпиваетъ.

Много ли Илья чуешь въ себѣ силушки?
— «Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,
Ко столбу было бы золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, Святорусску поворотилъ!»

По другому варіанту, онъ отвѣчалъ: «Еслибы ввернуть кольцо въ землю, я бы всю землю перевернулъ».

Это именно и есть та *тяга земная*, подъ которою изнемогъ самъ Святогоръ. Въ послѣдствіи, наглядно была представлена она положенною въ переметной сумочкѣ, которую на Русь вывезъ съ собою Селяниновичъ.

«Много дано Ильѣ силы», сказали прохожіе, услышавъ такой отвѣтъ: «земля не снесетъ; поубавимъ силы». И еще разъ велѣли ему принести воды и выпить, и когда онъ выпилъ, спрашивали:

« — Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»

« — Во мнѣ силушки половинушка».

« — Будетъ съ тебя!» сказали нищая братія и отправились въ путь.

Не надобно приписывать никакого особеннаго значенія позднѣйшей, будто бы христіанской обстановкѣ этой сцены. Прибавленіе силы отъ чудодѣйственнаго пойла — мотивъ обыкновенный не въ однихъ русскихъ сказкахъ. Такъ въ одной норвежской сказкѣ [1]), Тролль, существо миѳическое, велитъ нѣкоторому королевичу трижды глонуть изъ бутылки, и каждый разъ прибывало въ немъ силы. Въ русскихъ преданіяхъ миѳическое существо переведено на позднѣйшія лица.

Подновляя до-историческое преданіе христіанскими идеями, народъ разсказываетъ даже, что и сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ за какой-то грѣхъ дѣда своего, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ, и что будто бы и всталъ Илья впервые на ноги, когда возгласили въ церкви *Христосъ Воскресе*, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе: такъ что на этой позднѣйшей ступени подновленное преданіе какъ бы встрѣчается съ извѣстнымъ ростовскимъ объ Авраамiи. Также какъ Илья Муромецъ, Авраамій до восьмнадцати-лѣтняго возраста пролежалъ въ разслабленіи въ домѣ своихъ богатыхъ родителей-язычниковъ. Также приходятъ какіе-то калики перехожіе, Новгородцы. Отъ нихъ онъ услышалъ о вѣрѣ въ Іисуса Христа, самъ увѣровалъ, и сталъ на ноги, будто Илья, услышавшій *Христосъ Воскресе* [2]).

Когда Илья Муромецъ получилъ свою силу, домашнихъ никого тогда не случилось: все необычайное совершается въ тайнѣ. Отецъ съ матерью были на полевой работѣ, кажется, расчищали лѣсъ подъ пашню: это обыкновенный пріемъ пахарей древней Руси, покрытой то болотами, то лѣсами. Такъ надобно полагать, основываясь на сказкѣ, по которой Илья, вставъ на ноги, соскучился дома и пошелъ *копать въ лѣсъ*, свою силу пробовать. И ужаснулся народъ, увидавъ что̀ Илья сдѣлалъ, сколько лѣсу накопалъ. Тутъ въ изумленіи подбѣжали къ нему и отецъ съ ма-

---

[1]) Asbjörnsen, № 3.

[2]) Графа Толстаго, Древнія Святыни Ростова Великаго. Изд. 2-е, 1860 г., стр. 60.

терью, и увѣрились въ великомъ чудѣ[1]). По варіанту, изданному г. Рыбниковымъ, Илья, пришедши на работу, «взялъ топоръ и началъ *пожни чистить*».

Впрочемъ не въ однихъ земледѣльческихъ трудахъ Илья Муромецъ оставилъ на родинѣ память о своей силѣ. Онъ совершилъ титаническій подвигъ, покоривъ себѣ цѣлую гору, будто сѣверный Торъ, сражавшійся съ исполинами горъ. Когда Илья сталъ просить благословенія родительскаго на богатырскіе подвиги, и отецъ его недовѣрчиво усумнился, то онъ, созвавъ понятыхъ людей, вышелъ на Оку, уперся плечомъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега и завалилъ Оку. Подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильею[2]).

Итакъ даже древнѣйшія преданія о переворотахъ, совершившихся нѣкогда въ самой природѣ, муромскій народъ соединяетъ съ памятью о своемъ богатырѣ. Около Мурома же и колодезь Ильи богатыря, и часовня, будто монументъ въ честь его воздвигнутый. Такова родственная связь самаго народнаго изъ русскихъ богатырей съ мѣстными интересами области, особенно знаменитой въ древней Руси поэтическими легендами. Чтобъ не быть пошлою компиляціей или напыщеннымъ панегирикомъ, легенда должна питаться мѣстными эпическими преданіями. Въ этомъ состоитъ ея существенное жизненное начало. Въ основѣ муромскихъ преданій, занесенныхъ въ легенды, исторія литературы открываетъ богатую эпическую почву, создавшую самый блистательный изъ идеаловъ народной поэзіи. Въ муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и Февроніи сохранился въ лицѣ Февроніи самый поэтическій типъ вѣщей дѣвы ткачихи, говорящей загадками и исцѣляющей самыя страшныя болѣзни, насылаемыя сверхъ-

---

[1]) Прилож. къ 1-му вып. Кирѣевск., стр. 2-я. К. С. Аксаковъ, кажется, не придавалъ этой подробности особеннаго значенія. Вотъ слова его: «Я не помню, ясно, на какой работѣ была семья Ильи: но помню, что онъ принялъ въ этой работѣ участіе и изумилъ необычайною силою. Чуть ли это не была *рубка лѣсу*, и Илья, принявшись помогать, сталъ съ корнемъ рвать деревья». Ibid., стр. 30. Рыбник., 2, 4.

[2]) Замѣтка Даля, въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевск., стр. 33.

естественными силами. Какъ богатырь Илья, она тоже изъ крестьянскаго званія, дочь бортника-древолазца, и также какъ муромскій богатырь, всегда отличалась благородною правотою и снисходительностью; также какъ онъ, только своими личными качествами, а не породою, достигла высшихъ почестей, и какъ онъ составляетъ лучшее украшеніе безыскусственнаго эпоса, такъ она эпоса книжнаго, легендарнаго [1]).

Мы разсмотрѣли одно сказаніе о рожденіи въ Ильѣ богатырской силы. По другому сказанію [2]), Илья наслѣдуетъ силу отъ Святогора, который въ качествѣ старшаго богатыря, титана, служитъ какъ бы посредникомъ между богомъ Перуномъ-Торомъ и муромскимъ богатыремъ.

Когда Святогоръ убилъ свою преступную жену, какъ уже было сказано, побратался съ Ильею, который сталъ *меньшимъ* братомъ *старшаго* богатыря. Потомъ Святогоръ *выучилъ его всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ*, однимъ словомъ, сдѣлалъ изъ него настоящаго богатыря, создалъ въ немъ настоящаго Илью Муромца. Оставалось только передать ему въ наслѣдство свою силу, для того, чтобы Муромецъ, а не кто другой, при дворѣ князя Владиміра, въ его дружинѣ, заявлялъ въ своемъ характерѣ о могуществѣ родной старины.

И поѣхалъ вмѣстѣ Святогоръ съ Ильею. Подъѣзжаютъ ко гробу. На гробѣ подпись подписана:

Кому суждено въ гробу лежать,
Тотъ въ немъ и ляжетъ.

Сначала попробовалъ Илья, но гробъ былъ не по немъ: и великъ и широкъ. Легъ Святогоръ: гробъ какъ разъ по немъ. И велѣлъ онъ себя покрыть крышкою; и только что Илья покрылъ его, никакъ уже не могъ поднять крышки: такъ Святогоръ въ гробу и остался.

---

[1]) См. о муромской легендѣ въ моихъ Историч. Очеркахъ.
[2]) Рыбник., I, 41.

«Возьми мой мечъ-кладенецъ, говоритъ Святогоръ, и ударь поперекъ крышки». Но Илья не можетъ и поднять меча. Тогда Святогоръ велѣлъ Ильѣ наклониться ко гробу, Илья наклонился: Святогоръ дохнулъ на него изъ маленькой щелочки своимъ богатырскимъ духомъ. И почуялъ Илья, что силы въ немъ прибыло противъ прежняго втрое, поднялъ мечъ-кладенецъ и ударилъ имъ поперекъ крышки. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ударилъ, посыпались искры и выросла желѣзная полоса. «Задыхаюсь я во гробѣ!» вопилъ Святогоръ. Илья ударилъ по крышкѣ мечомъ еще разъ, и еще посыпались искры и выросла другая желѣзная полоса. «Задыхаюсь я, меньшой братецъ!» вопилъ Святогоръ: «Наклонись къ щелочкѣ: я дохну еще на тебя, и передамъ тебѣ всю силу великую!» «Будетъ съ меня силы, большой братецъ, отвѣчалъ Илья: не то земля на себѣ носить не станетъ!» И похвалилъ его за то Святогоръ, присовокупивъ: «Я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечомъ-кладенцомъ, а добраго коня моего привяжи къ моему гробу». Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ. Илья простился съ Святогоромъ, привязалъ ко гробу коня, и, взявъ Святогоровъ мечъ, поѣхалъ на богатырскіе подвиги.

Таковъ эпизодъ о родственномъ отношеніи этихъ двухъ богатырей. Ясно, что Илья прямой наслѣдникъ Святогора, принявшій отъ него силы столько, сколько нужно, чтобы жить на землѣ. Это есть первоначальный, миѳическій источникъ богатырской силы Ильи Муромца. Позднѣйшая эпоха, какъ мы видѣли, подновляетъ миѳъ участіемъ христіанскихъ лицъ, въ темной основѣ которыхъ проглядываетъ титаническій образъ старшаго братца Ильи Муромца, самого Святогора. Нѣтъ сомнѣнія, что въ экономіи первоначальнаго миѳа вовсе не нужно было раздвоять происхожденіе силы муромскаго богатыря, и производить ее изъ двухъ источниковъ — отъ духа Святогора и отъ питья по повелѣнію перехожихъ каликъ.

Итакъ, муромскій мужикъ вынесъ на своихъ могучихъ плечахъ титаническое величіе и силу первобытной миѳической ста-

рины. Отчего же не сосредоточился онъ въ своемъ полубожественномъ величіи, какъ древній Селяниновичъ, и свое родное крестьянство не вознесъ до миѳической апотеозы? Чтò онъ не остался въ своемъ родномъ Муромѣ? Зачѣмъ онъ не свилъ себѣ своего собственнаго теплаго *гнѣзда* и не построилъ роднаго *порога*, какъ сооружали себѣ чехо-польскіе герои *Гнѣздно* и *Прагу*? Зачѣмъ не огородилъ онъ роднаго, имъ самимъ вспаханнаго поля какимъ-нибудь Змѣевымъ Валомъ, проведши его первою на Руси сохою? Темная старина даетъ поводъ къ тысячѣ догадокъ и вопросовъ; и почему бы не предположить: не приличнѣе ли было бы кому-нибудь изъ рода племени муромскаго крестьянина ковать первый на Руси плугъ и провести имъ первую борозду, нежели князьямъ Борису и Глѣбу?

Но муромскій крестьянинъ попалъ уже въ водоворотъ новой исторической жизни. Онъ бросаетъ свою наслѣдственную соху и стремится въ дальнія страны на богатырскіе подвиги.

Его влечетъ къ себѣ новое свѣтило, восшедшее на Руси въ лицѣ *ласковаго* князя Владиміра. Туда, къ Кіеву отовсюду потянули русскія силы, воплощенныя въ богатыряхъ цикла Владимірова: Добрыня Никитичъ изъ Рязани, Алеша Поповичъ изъ Ростова, Суровецъ богатырь изъ Суздаля, Дюкъ Степановичъ и Михайло Казарянинъ изъ Волынца Красна Галичья, а за ними и крестьянскій сынъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ изъ Мурома. Это значитъ, что основаніе центровъ княжеской власти на Руси дало новый, рѣшительный толчокъ въ развитіи народнаго эпоса. Богатыри перестаютъ быть непосредственными потомками боговъ и полубоговъ, и, вмѣстѣ съ самостоятельностью, теряютъ и свое высшее миѳическое значеніе, изъ *старшихъ* богатырей, то-есть изъ титановъ, переходятъ въ *младшихъ*, въ обыкновенныхъ смертныхъ, и группируются толпою около историческаго лица, около князя, въ его княженецкой дружинѣ.

Этотъ новый историческій моментъ въ развитіи народнаго эпоса обозначился въ собраніи разрозненныхъ, кочевыхъ силъ и мѣстныхъ, областныхъ интересовъ къ одному центру, который

исторія указала въ политической власти князя. Стремленіе къ централизующей власти коренится уже въ самомъ сознаніи той первобытной эпохи, которая находитъ себѣ естественное выраженіе въ эпосѣ, еще не знающемъ безконечнаго разнообразія личныхъ интересовъ лирики, и сосредоточивающемъ безразличную массу вѣрованій и обычаевъ къ представительной власти то родоначальника, то жреца, то воеводы, то наконецъ князя. Въ послѣдствіи, гражданское броженіе и борьба партій, вызванныя политическими и философскими идеями, даютъ просторъ лирическому заявленію отдѣльныхъ мнѣній, взглядовъ и стремленій. Но пока личности еще не выдѣлились изъ общей массы народа, пока еще народъ чувствуетъ свою умственную и политическую безпомощность, до тѣхъ поръ онъ довольствуется только эпосомъ, который питаетъ въ немъ религіозное благоговѣніе къ власти, непосредственно отъ боговъ перешедшей къ избранному смертному, замѣнившему, въ политическомъ устройствѣ, древняго родоначальника. Племена кельтическія сосредоточили для себя эту эпическую власть въ лицѣ короля Артура, пирующаго съ своими героями *за круглымъ столомъ;* Англо-саксы въ лицѣ милостиваго короля Гродгара, проводящаго безмятежную жизнь, вмѣстѣ съ своею преданною дружиною, въ ежедневныхъ пирахъ и весельи. Такъ и у насъ первымъ *собирателемъ земли Русской* народный эпосъ почитаетъ князя Владиміра, который также ежедневно пируетъ съ своими богатырями.

Что идеалъ этого эпическаго представителя верховной власти составился въ фантазіи народной еще въ эпоху языческую, или по крайней мѣрѣ независимо отъ христіанскихъ идей и помимо всякой мысли объ обращеніи Руси въ христіанство, явствуетъ изъ того, что русская былина вовсе не помнитъ этого пресловутаго факта, соединеннаго съ именемъ князя Владиміра. Она изображаетъ его даже скорѣе язычникомъ, нежели тѣмъ равноапостольнымъ княземъ, котораго чествуетъ въ немъ позднѣйшая книжная легенда. Еще современные намъ народные пѣвцы разсказываютъ, что у Владиміра было двѣнадцать женъ, иныя

отъ живыхъ мужей[1]). Потому-то, когда онъ сосваталъ за Алешу Поповича жену Добрыни, бывшаго въ отлучкѣ, и когда Добрыня воротился, то на пиру при всѣхъ говорилъ:

Не дивуюсь я князю Владиміру;
Что̀ и самъ творитъ, другому велитъ:
Отъ живаго мужа хо̀четъ жену отнять.

Изъ всѣхъ историческихъ преданій о Владимірѣ, богатырскій эпосъ хорошо помнитъ только пиры его, о которыхъ повѣствуетъ еще лѣтописецъ Несторъ, какъ бывало пировала дружина у этого ласковаго князя, и какъ однажды подпивши порядкомъ витязи роптали, что ѣдятъ ложками деревянными, а не серебряными. Владиміръ будто бы велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки, сказавъ: «серебромъ и золотомъ дружины не добуду, а дружиною добуду и золота, и серебра». Это извѣстіе, можетъ-быть, заимствовано было лѣтописцемъ уже изъ былинъ о княжихъ пирахъ, описаніемъ которыхъ и до сихъ поръ начинается бо̀льшая часть богатырскихъ пѣсенъ.

Каково бы ни было отношеніе эпическаго Владиміра къ эпохѣ старшихъ богатырей или великановъ и къ миѳическимъ божествамъ древнихъ Славянъ, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія двѣ черты въ его поэтическомъ типѣ, указывающія на его связь съ преданіями незапамятной старины: во-первыхъ, иногда и именно въ стихѣ о Голубиной книгѣ, князь Владиміръ является замѣною великана *Волота Волотовича*, и во-вторыхъ, онъ постоянно въ былинахъ прозывается *Краснымъ Солнышкомъ:* а постоянный эпитетъ въ народной поэзіи, кромѣ поэтической внѣшней прикрасы, очень часто имѣетъ внутренній смыслъ, опредѣляемый народнымъ вѣрованьемъ. Не смѣнилъ ли собою князь Владиміръ *Дажь-бога* или *Сварога*, божество солнца, по крайней мѣрѣ въ самыхъ раннихъ былинахъ, въ которыхъ еще живо чувствовался переходъ отъ древнихъ миѳическихъ воззрѣній къ новому историческому порядку вещей? И это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе,

[1]) Рыбник., I, 145.

что эпитетъ *красное солнце* до того сросся въ былинахъ съ именемъ любимаго князя, что иногда замѣняетъ его, какъ напримѣръ:

Завелся у *солнышка* почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на бояръ.

Какъ солнце по небу *числуется*, то-есть, играя и свѣтя управляетъ временами года и освѣщаетъ день; такъ и Владиміръ, пируя съ своими богатырями, управляетъ землею Русскою:

Не красное солнце числовалося:
Заводилося пированьице честнóе у князя Владиміра [1]).

Слово о полку Игоревѣ, уже не разъ служившее намъ посредникомъ между вѣрованьями темной старины и эпохою историческою, подкрѣпляетъ догадку о происшедшемъ нѣкогда переходѣ чествованья божества солнца на какого-то эпическаго князя, которому имя исторія указала въ ласковомъ князѣ Владимірѣ. Авторъ *Слова* называетъ героя или воеводу *внукомъ бога солнца* (внукомъ Дажь-бога), какъ бы тѣмъ давая знать своимъ современникамъ XII вѣка, что нѣкогда самое это божество было признаваемо за представителя богатырскихъ доблестей, за источникъ и центръ всякой на землѣ власти.

Народная фантазія, объясняя по-своему связь исторіи съ миѳомъ, видѣла въ князѣ Владимірѣ не просвѣтителя Руси христіянствомъ, не церковную личность, а свѣтскую власть, новую историческую силу, въ которой однако еще чуялось ей обаяніе стараго вѣрованія въ красно-солнышко, и потому тѣмъ охотнѣе около этого, нѣкогда миѳическаго, центра собрала она богатырей Русской земли.

---

[1]) Рыбник., I, 212. Кирѣевск., III, 28. Замѣчательно, что король Артуръ, изображаемый въ позднѣйшихъ искусственныхъ поэмахъ идеаломъ рыцарства и христіянскаго благочестія, первоначально, по преданіямъ кельтскихъ бардовъ, былъ сыномъ *Утеръ-Пеннъ-Драгона*, миѳическаго титана и бога, и даже самъ чествовался какъ *солнце*. См. Villemarqué, Les Romans de la Table Ronde. 1861 г., стр. 8—9.

Потому ли, что государственное начало, скрѣпленное пришлыми Варягами, охватывало русскую жизнь только снаружи, однѣми внѣшними формами покоренія и налоговъ; потому ли, что князь и дружина, набранная изъ чужаковъ, авантюристовъ, стали особнякомъ отъ низменнаго, кореннаго населенія Руси, какъ бы то ни было, только историческій идеалъ самого князя Владиміра въ народномъ эпосѣ мало выработался, не развился разнообразіемъ подвиговъ и очертаній характера, не смотря на то, что имя его такъ часто упоминается въ богатырскихъ былинахъ. Ласковый князь только пируетъ съ своими богатырями да посылаетъ ихъ на разные подвиги, а самъ не принимаетъ участія ни въ какой опасности, и сидитъ дома со своею супругою Апраксѣевной. Съ особеннымъ удареніемъ эпосъ указываетъ только на двѣ характеристическія черты въ его характерѣ, на его необыкновенную красоту и рѣдкое счастіе, такъ что *уродиться красотою и счастьемъ въ князя Владиміра*, вошло между богатырями въ поговорку[1]).

Кажется, въ самыхъ интересахъ народнаго эпоса не имѣлось задачи дать князю Владиміру болѣе яркій и глубокій характеръ. Это оставлялось на долю окружающимъ его богатырямъ и особенно избраннѣйшему изъ нихъ, Ильѣ Муромцу. Для Владиміра достаточно было его княжескаго ореола, которымъ онъ постоянно выступаетъ изъ толпы пирующихъ. Только что онъ вымолвитъ слово, всѣ съ благоговѣніемъ слушаютъ его:

Изъ того стола изъ-за дубова
Не золота, звонка труба вострубила:
Испроговорилъ Владиміръ стольно-кіевскій.

Отвѣчаютъ ему съ подобострастіемъ. Часто большой за малаго хоронится, а отъ малаго ему князю и отвѣту нѣтъ.

Если самъ князь мало дѣйствуетъ, за то умѣетъ цѣнить людей и выбирать достойныхъ дѣятелей, которыми окружаетъ свою особу. Это главная его заслуга, и едва ли не самая важная чер-

[1]) Рыбник., I, 186. II, 16.

та, которою эпосъ отличилъ князя Владиміра, какъ *собирателя* русскихъ силъ. Муромскій богатырь, впервые пріѣхавъ къ князю Владиміру, его спрашиваетъ:

Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
Тебѣ надо ль насъ, принимаешь ли
Сильныхъ, могучихъ богатырей,
Тебѣ батюшкѣ на почесть-хвалу,
Твому граду стольному на избречь,
А Татаровьямъ на посѣченье? [1])
Отвѣчаетъ батюшка Володиміръ князь.
«Да какъ мнѣ васъ не надо-то!
Я вездѣ васъ ищу, вездѣ спрашиваю.
На пріѣздѣ васъ жалую по добру коню,
По добру коню, по латынскому, богатырскому».

Подарки не послѣднюю роль играли въ приманиваньи богатырей княземъ Владиміромъ. Оттого-то онъ и слыветъ *Ласковымъ*. Илья Муромецъ совѣтуетъ Дюку Степановичу ѣхать къ князю Владиміру, наивно присовокупляя:

Тебя будетъ на поѣздѣ жаловать
Многой безчетной золотой казной [2]).

Попавши въ ряды княжеской дружины, муромскій богатырь долженъ былъ утратить свою прежнюю самостоятельность. Онъ уже не идеалъ крестьянина-пахаря, не великанъ-Селяниновичъ, а *представитель сельскаго, крестьянскаго сословія* при княжемъ дворѣ, какъ Добрыня Никитичъ, — представитель княжескаго званія, Гришка боярскій сынъ — представитель бояръ, Алеша Поповичъ — церковнаго сословія, Иванъ Гостиный сынъ — представитель купечества, и т. д.

Понятно, что Илья Муромецъ, какъ товарищъ боярскаго сына, Поповича или какого-нибудь Васьки Долгополаго, можетъ-быть, дьяка грамотея, есть уже новая эпическая личность, не

---

[1]) Намекъ на Татаръ, — позднѣйшая вставка. Первоначально были названы какіе-нибудь другіе враги.

[2]) Рыбник., II, 71; Кирѣевск., I, 37—38; Рыбник., II, 167.

имѣющая ничего общаго съ идеаломъ независимаго муромскаго крестьянина, сочетавшимъ въ себѣ память о Перунѣ и великанѣ Селяниновичѣ съ христіянскимъ именемъ Ильи Пророка.

Окруженіе князя Владиміра богатырями, представителями областей и разныхъ мѣстностей, каковы: Муромъ, Ростовъ, Рязань, Волынь и т. д.,—входитъ въ древнѣйшій слой эпическаго содержанія, имѣющаго предметомъ *собираніе* Русской земли около кіевскаго центра. Что же касается до окруженія того же князя богатырями, представителями сословій, то это уже слой значительно позднѣйшій, который долженъ относиться къ той эпохѣ, когда вслѣдствіе государственнаго и церковнаго развитія Руси, изъ общей массы населенія выдѣлились сословія: княжеское, боярское, купеческое, крестьянское, церковное.

Богатырская дружина князя Владиміра уже была въ полномъ составѣ еще до появленія Ильи Муромца въ Кіевѣ. Ей не доставало крестьянскаго элемента, который долженъ былъ въ нее внести этотъ великій герой, и онъ, какъ главное дѣйствующее лицо драмы, является на сцену послѣ другихъ. Когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Кіевъ, привезши съ собою Соловья Разбойника, Добрыня Никитичъ говорилъ князю Владиміру:

Всѣхъ я знаю русскихъ могучихъ богатырей,
Одного не знаю—стараго казака Илью Муромца:
Я слыхалъ наслышкой человѣческой,
Что у него на бою смерть не писана.

Какъ заѣзжій крестьянинъ и человѣкъ при дворѣ неизвѣстный, Илья съ перваго же разу былъ обиженъ на пиру Владиміра низкимъ мѣстомъ. Потому, находя княжескую дружину не по своему вкусу, муромскій крестьянинъ дружится съ простонародьемъ, которое въ былинахъ слыветъ подъ наивнымъ именемъ *голи кабацкой*, и пируетъ съ нею въ кабакѣ. Князь и богатыри, страшась его могущества, не знаютъ какъ къ нему приступиться. Посылаютъ наконецъ богатыря княжей породы, *вѣжливаго* Добрыню Никитича —

. . . . . . грамотой востраго,
На рѣчахъ да разумнаго,
Съ гостями почестливаго.

Добрыня приходитъ въ кабакъ, и не знаетъ какъ подойдти къ Ильѣ:

Спереди зайдти — хорошо ли ему прилюбится?
Да-ко я сзади зайду!

Зашелъ къ нему сзади, и, схвативъ его за могучія плечи, говорилъ ему:

Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ!
Сдержи ты свои руки бѣлыя,
Какъ скрѣпи сердце ретивое:
Какъ посла не куютъ, не вѣшаютъ.

Потомъ принесъ онъ извиненіе отъ имени самого князя: «Потому онъ садилъ тебя на нижній конецъ, что не зналъ тебя, кто ты таковъ, добрый молодецъ!» Муромскій богатырь смилостивился, и готовъ идти къ князю Владиміру, но только на томъ условіи, чтобы весь народъ принялъ участіе въ общей радости по случаю пріѣзда въ Кіевъ великаго богатыря. «Поди, скажи князю таковы слова, говорилъ Илья Добрынѣ:

Пусть-ко для меня, для молодца,
Разошлетъ указы строгіе,
По всему по городу по Кіеву
И по городу по Чернигову,
Чтобъ отворены были...
Кабаки всѣ и пивоварнія,
На трои на сутки отворены,
Чтобъ весь народъ пилъ да зелено вино;
Кто не пьетъ зелена вина,
Тотъ пилъ бы пива пьяныя;
Кто не пьетъ пивъ пьяныихъ,
Тотъ пилъ бы сладки меды:
Чтобъ знали, что наѣхалъ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,

Ко славному ко городу Кіеву:
Пусть для меня для молодца,
Заведетъ столованье — почестный пиръ.

Итакъ, пиры Владиміра на весь народъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ Несторъ, по увѣренію нашего эпоса, будто бы даны были въ первый разъ въ честь собственно народнаго героя, самого Ильи Муромца. До тѣхъ поръ князь угощалъ будто бы только своихъ подручниковъ.

Наконецъ, герой идетъ къ князю, и весь народъ, князья, бояре и богатыри собираются смотрѣть на него. На княжемъ пиру Илья уже самъ не удостоилъ сѣсть на большомъ мѣстѣ, а садился на мѣсто среднее, а возлѣ себя, какъ представитель простонародья, сажалъ «голей кабацкихъ».

Тутъ онъ удивилъ всѣхъ, заявивъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ Разбойникомъ.

Тутъ-то узнали стараго казака,
Стараго казака Илью Муромца,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
По всѣмъ чужіимъ-дальнимъ сторонушкамъ.

Такова превосходная былина о первой поѣздкѣ Ильи Муромца. Открытіе и обнародованіе ея принадлежитъ къ лучшимъ заслугамъ г. Рыбникова, для историческаго изученія русской народности [1]).

Какъ первоначально Муромецъ былъ верховнымъ героемъ русскаго эпоса по своему миѳическому сродству съ божествомъ земледѣлія и крестьянскаго быта; такъ потомъ, въ качествѣ представителя сословія крестьянскаго, онъ пользовался и доселѣ пользуется преимущественно любовью простонародья, которое одно сберегло до сихъ поръ нашъ національный эпосъ. Еслибы высшіе классы народа не были оторваны на Руси отъ родной почвы національнаго эпоса, можетъ-быть Илья Муромецъ нашелъ бы себѣ соперника въ какомъ-нибудь идеалѣ боярскомъ или княжескомъ.

---

[1]) Рыбник., II, 336—345.

Народный эпосъ, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ историческія судьбы страны и ея интересы. Испанія нашла себѣ представителя въ аристократическомъ типѣ Сида, наша родина—въ крестьянскомъ сынѣ, завербованномъ въ княжескую дружину.

Съ особенною рѣзкостью выступаетъ сословное различіе богатырей въ былинѣ [1]) о томъ, какъ они, стоя на заставѣ, въ сторожахъ, какъ сторожевая рать, на поляхъ цыцарскихъ, должны были по очереди вступать въ бой съ однимъ великаномъ Жидовиномъ, который былъ такъ громаденъ, что конь его, ударивъ копытомъ въ землю, вышибъ *ископыть* величиною въ пол-печи.

Древнѣйшему преданью о борьбѣ съ исполиномъ дается въ былинѣ позднѣйшая сословная обстановка, приправленная даже нѣкоторою ироніей.

Жидовинъ оскорбилъ богатырей тѣмъ, что рѣшился проѣхать черезъ ихъ заставу, будто насмѣяться надъ ними. Атаманомъ на богатырской заставѣ былъ самъ Илья Муромецъ. Стали богатыри думать, кому изъ нихъ ѣхать биться съ Жидовиномъ Нахвальщикомъ. Положили было это дѣло на *Ваську Долгополаго* (полагаютъ, что это дьякъ, грамотей: можетъ-быть, не посадскій ли человѣкъ?). Илья Муромецъ находитъ этотъ выборъ неудачнымъ, характеризуя въ слѣдующихъ словахъ самое сословіе, къ которому принадлежитъ Васька:

Не ладно, ребятушки, поло́жили;
У Васьки полы долгія:
По землѣ ходитъ Васька заплетается;
На бою, на дракѣ заплетется;
Погинетъ Васька по напрасному.

Положили было на Гришку боярскаго сына. Илья опять не соглашается, не довѣряя боярамъ:

Не ладно, ребятушки, удумали:
Гришка рода боярскаго;
Боярскіе роды хвастливые:

---

[1]) Кирѣевск., I, 46.

На бою, на дракѣ призахвастается,
Погинетъ Гришка по напрасному.

Еще немилосерднѣе отзывается муромскій крестьянинъ о сословіи Алеши Поповича, когда положили было этого послѣдняго послать перевѣдаться въ единоборствѣ съ Жидовиномъ Нахвальщикомъ:

Не ладно, ребятушки, положили:
Алешинька рода поповскаго:
Поповскіе глаза завидущіе,
Поповскіе руки загребущія;
Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
Много злата-серебра:
Злату Алеша позавидуетъ —
Погинетъ Алеша по напрасному.

Итакъ, забраковавъ представителей всѣхъ сословій, муромскій герой посылаетъ перевѣдаться съ исполиномъ Добрыню Никитича. Онъ княжескаго рода и храбрый богатырь. Выѣхавши въ поле, онъ сталъ высматривать нахвальщика въ серебряную трубу. Но когда съѣхался съ великаномъ, и когда великанъ напустился на него съ такою силою, что земля всколебалась, изъ озеръ воды выливалися: тогда Добрыня такъ испугался, что, взмолившись Богородицѣ о своемъ спасеніи, опрометью бросился отъ врага на заставу. Пришло наконецъ ѣхать въ бой самому Ильѣ, потому что не кѣмъ больше замѣниться. Муромскій богатырь вступаетъ съ Жидовиномъ въ страшный бой, который долго не рѣшается ни въ чью пользу. Вдругъ Илья, замахнувшись правою рукою, поскользнулся на лѣвую ногу, и палъ. Великанъ тотчасъ же насѣлъ на него, и хочетъ уже пороть кинжаломъ ему грудь, а самъ насмѣхаясь приговариваетъ:

«Старый ты старикъ, старый, матёрый!
Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?
Будто не кѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
Ты поставилъ бы себѣ келейку
При той путѣ, при дороженкѣ;

Сбиралъ бы ты, старикъ, въ келейку;
Тутъ бы, старикъ, сытъ-питаненъ былъ». —
Лежитъ Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
«Да не ладно у святыхъ отцовъ написано,
Не ладно у апостоловъ удумано;
Написано было у святыхъ отцовъ,
Удумано было у апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому,—
А теперь Илья подъ богатыремъ!»

Конечно, грубо заявляетъ здѣсь Илья о своемъ православіи — въ какомъ-то полухристіянскомъ убѣжденіи, что даже у самихъ апостоловъ гдѣ-то записано, что Ильѣ не быть въ полѣ убитому: но самая мысль и энергическое ея выраженіе, съ оттѣнкомъ ироніи, дышатъ необычайнымъ величіемъ. Это—сверхъестественная вѣщая увѣренность въ своей судьбѣ всѣхъ великихъ людей, которые, не взирая на смертныя опасности, спокойно и неустрашимо идутъ къ своей цѣли.

Такъ случилось и съ муромскимъ богатыремъ. Увѣренность въ себѣ придала ему новыя силы. Только что проговорилъ онъ эти слова —

Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева стоячаго [1]),
Палъ нахвальщина на сыру землю.

Илья убилъ его, и отсѣкши ему голову, воткнулъ ее на копье, и повезъ на заставу богатырскую. Богатыри почтительно встрѣчаютъ его. Былина оканчивается такимъ художественнымъ, мастерскимъ штрихомъ, который сдѣлалъ бы честь лучшему изъ поэтовъ образованной эпохи. Подъѣзжая къ богатырямъ, — какъ бы съ презрѣніемъ —

Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:

---

[1]) Этимъ обычнымъ эпическимъ выраженіемъ, для ясности, я замѣнилъ провинціализмъ *жáроваго*, стоящій въ подлинникѣ.

«Ѣздилъ въ полѣ тридцать лѣтъ —
Экого чуда не наѣзживалъ».

И только! Этимъ ограничилась вся его похвальба и весь отчетъ о смертельномъ побоищѣ!

Въ сословной обстановкѣ княжескаго эпоса Илья уже не могъ ужиться въ ладу съ княземъ и его дружиною. Фантазія народная съ особенною любовью лелѣетъ своего представителя, изображая его честнѣе и благороднѣе всѣхъ героевъ цикла Владимірова. Въ трагической исторіи прекрасной Василисы и ея супруга Данила мы уже видѣли, что только одинъ муромскій мужикъ стоитъ за правду, когда другіе богатыри готовы покривить душой въ угоду ласковому князю. Наконецъ онъ является даже врагомъ князю Владиміру и всей его дружинѣ, такъ что позднѣйшею сословною раздражительностію уже нарушается величавый, невозмутимый характеръ любимаго народомъ героя. Тогда муромскій богатырь теряетъ свое торжественное спокойствіе и снисходительность, эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и съ какимъ-то остервенѣніемъ побиваетъ княжескую дружину. Онъ уже не слуга князю, не защитникъ его интересовъ, а врагъ новому порядку вещей, поддерживаемому сословною чепорностью барскою.

Этою позднѣйшею чертою въ характерѣ муромскаго богатыря отличается варіантъ [1]) извѣстной уже намъ былины о первой поѣздкѣ богатыря съ родины въ Кіевъ ко двору князя Вдадиміра.

Когда Илья Муромецъ привезъ въ Кіевъ взятаго имъ въ плѣнъ Соловья-Разбойника, князь Владиміръ встрѣчаетъ его надмѣнно: «Здравствуй ты, дѣтина засельщина, говоритъ онъ: — ты дѣтина засельщина да деревенщина»! Ужь и это не понравилось Ильѣ, но онъ совсѣмъ разсердился, когда князь и дружина не повѣрили, что онъ привезъ такую диковину. «Въ очахъ дѣтина завирается»! говорили богатыри. «Врешь ты, дѣтина за-

[1]) Кирѣевск., I, 77—86.

сельщина, да полыгаешься, сказалъ ему Владиміръ: — надо мною надъ княземъ насмѣхаешься». Чтобъ отмстить всѣмъ имъ, Илья вздумалъ надъ ними пошутить. «Коль не вѣришь, говорилъ онъ князю, посмотри самъ на мою удачу богатырскую». Князь и дружина выходятъ на широкій дворъ. Муромецъ велѣлъ Соловью показать свою сверхъестественную силу.

И засвисталъ Соловей по соловьиному,
И забилъ въ долóни [1]) по богатырскому,
Зашипѣлъ вѣдь онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ, да по звѣриному:
Темны лѣсы къ землѣ приклонилися,
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутилася,
Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,
Полетѣло изъ дымолокъ [2]) кирпичье заморское,
Полетѣли изъ оконницъ стекла аглицкія [3]).

Князь и бояре и всѣ могучіе богатыри страшно перепугались, пали на землю и по двору наползались; кони со двора разбѣжались.

И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Съ душой княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта шутка намъ не надобна».

Этою невинною шуткой должно бы и ограничиться все мщеніе незлобиваго богатыря. Онъ достигъ своей цѣли, не нарушивъ величаваго спокойствія своего характера, и сразу сталъ самымъ могущественнымъ между всѣми богатырями. И дѣйствительно, по древнѣйшей, первоначальной редакціи, тѣмъ былина и оканчивается [4]). Въ послѣдствіи, народнымъ пѣвцамъ этой мести

---

[1]) Длани, откуда съ перестановкою слоговъ: *ладони.*

[2]) Дымоволокъ.

[3]) Подобные анахронизмы объясняются позднѣйшею порчею былинъ. Явленіе очень обыкновенное.

[4]) Кирш. Данил., 359.

показалось мало. Они воспользовались случаемъ, и свою собственную ненависть къ барской спѣси и насилію передали Ильѣ Муромцу, будто возложивъ на него тяжелую обязанность быть мстителемъ за оскорбленіе нравственнаго достоинства народа.

Когда Илья унялъ Соловья-Разбойника, князь пригласилъ муромскаго мужика къ себѣ на пиръ; но и тутъ ему нанесли новую обиду: посадили его *по край стола*, да еще *по край скамьи*, то-есть, въ самое послѣднее мѣсто [1]).

Раздраженный барскою спѣсью княжескаго двора, Илья — какъ новый Самсонъ, во время пиршества перебилъ до смерти всѣхъ богатырей и другихъ гостей, такъ что съ тѣхъ поръ, по смыслу этой позднѣйшей былины, должны бы были уже навсегда прекратиться пиры про русскихъ богатырей.

Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныя...
Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Поприжалъ онъ ихъ (богатырей) да въ большой уголъ.
Еще князь Ильѣ рѣчь проговорилъ:
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
Помѣшалъ ты всѣ мѣста да *ученыя*,
Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныя:
У меня промежь каждымъ богатыремъ
Были сваи желѣзныя,
Чтобъ они въ пиру да напивалися,
Напивалися да не столкалися».

То-есть, муромскій мужикъ не только нарушилъ княжескій церемоніалъ, но и привелъ въ безпорядокъ всю дружину, даже скомкалъ ее и прижалъ въ уголъ. Владиміръ видитъ, что надо наконецъ уступить, и обращается къ Ильѣ съ лестнымъ предложеніемъ, которое могло бы соблазнить барскую спѣсь:

---

[1]) Чтобы понять это, надобно знать, что почетныя мѣста были на *лавкахъ* вдоль двухъ стѣнъ, какъ теперь у крестьянъ; къ двумъ другимъ сторонамъ стола придвигались *скамьи* — мѣсто второстепенное. Илью посадили даже *на краю* скамьи.

Ты изволь у насъ да попить-поѣсть,
Ты изволь у нашей милости
Да *воеводой жить.*

Но муромскій мужикъ на лесть не поддался, съ негодованіемъ восклицаетъ:

Не хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть!
Не хочу я у васъ воеводой жить!...
Онъ ставалъ на ножки на рѣзвыя,
Онъ вымалъ свою плетку шелковую
О семи хвостахъ да со проволкой.
Еще взялъ онъ плеткой да помахивать,
Еще гостей да покалачивать,
Еще взялъ гостей да поворачивать,
Еще бьетъ онъ, самъ приговариваетъ:
«На пріѣздѣ гостя не уподчивали,
А на поѣздинахъ да не учествовали!
Эта ваша мнѣ честь — не въ честь!»
Еще онъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,
До наслѣдья прибилъ да до единаго,
Не оставилъ никого да на сѣмена.

Раздраженная былина не пощадила и самого князя. И его надобно было наказать злою ироніей. Онъ въ ту пору, въ то времечко, съ испугу

За печку задвинулся,
Собольей шубкой закинулся.

Даже оканчивается былина какъ-то себѣ на умѣ, чтобы другіе смекали да оглядывались:

Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ,
Нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти,
Нынѣ и до вѣку [1]).

Наконецъ тѣмъ же сословнымъ протестомъ, доведеннымъ въ этой былинѣ до крайняго раздраженія, объясняется еще позд-

---

[1]) Кирѣевск., I, 86.

нѣйшее превращеніе муромскаго мужика въ бездомнаго донскаго казака, какимъ изображенъ въ иныхъ былинахъ этотъ народный герой.

Таково внутреннее развитіе этой колоссальной личности, соотвѣтствующее историческому движенію быта и сознанія народнаго. Этой внутренней, существенной метаморфозѣ всенароднаго типа, сначала божества, потомъ полубога, далѣе героя-землепашца, затѣмъ богатыря дружинника и наконецъ представителя сословныхъ интересовъ, — соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ историческихъ событій многихъ вѣковъ, черезъ которые русскій эпосъ проводитъ своего любимаго героя.

То нашъ богатырь вмѣстѣ съ другими своими товарищами охраняетъ родную землю отъ страшныхъ чудовищъ и дикарей-великановъ эпохи первобытной; то является въ рамѣ историческихъ событій: защищаетъ Кіевъ отъ нашествія Татаръ, освобождаетъ отъ нихъ же Черниговъ, стоитъ въ сторожевомъ войскѣ на московской заставѣ [1]), воюетъ противъ Мамая на Куликовомъ полѣ [2]). Точно также изъ одной эпохи въ другую переносится и князь Владиміръ. Онъ въ борьбѣ съ Татарами. Ермакъ — ему племянникъ, или же Ильѣ Муромцу [3]).

Наконецъ, въ довершеніе національнаго идеала не доставало ему только ореола святости: и русскій народъ признаетъ своего богатыря въ чудотворцѣ, котораго мощи почиваютъ въ кіевскихъ пещерахъ. Въ XVII вѣкѣ, между угодниками кіево-печерскими, печатался гравированный образъ и Ильи Муромца, съ надписью: *Преподобный Илія муромскій, иже вселися въ пещеру прежде Антонія въ Кіевѣ, идѣже донынѣ нетлѣненъ пребываетъ* [4]).

Впрочемъ, народный эпосъ столько же равнодушенъ къ святымъ останкамъ своего любимаго героя, какъ и къ равноапостольному достоинству князя Владиміра. Въ эпическомъ типѣ

[1]) Рыбник., I, 66—7.
[2]) Кирѣевск., I, 58.
[3]) Кирѣевск., I, 61, 65.
[4]) См. замѣтку г. Стасова въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества 1861 г. Томъ III, вып. 2.

Муромца много великихъ доблестей идеальнаго героя, но всѣ онѣ объясняются съ точки зрѣнія общихъ законовъ нравственности. Собственно христіянскихъ, а по народному именно православныхъ добродѣтелей, въ этомъ героѣ эпосъ не воспѣваетъ.

Правда, что по инымъ былинамъ встрѣчаются иногда у Ильи и такія, напримѣръ, набожныя побужденія:

Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньицо.
Я поѣду во славной, стольной Кѣевъ градъ
Помолиться чудотворцамъ кѣевскимъ,
Заложиться за князя Володиміра,
Послужить ему вѣрой-правдой,
Постоять за вѣру хрисьянскую [1]).

Но такія тирады новѣйшаго издѣлья, какъ общія мѣста, пригодныя ко всякому случаю, ровно не вносятъ ничего новаго въ характеръ нашего героя,—напротивъ того, даже противорѣчатъ его поступкамъ, которыя съ точки зрѣнія православной должны казаться святотатствомъ. Такъ однажды, когда князь Владиміръ не пригласилъ Илью къ себѣ на пиръ, муромскій православный мужичокъ изъ-за этой бездѣлицы такъ разгнѣвался, что натянувъ лукъ,

Стрѣлилъ онъ тутъ по божьимъ церквамъ,
По божьимъ церквамъ да по чуднымъ крестамъ,
По тымъ маковкамъ золоченымъ [2]).

Вотъ сколько противорѣчій, несообразностей и анахронизмовъ представляетъ намъ народный эпосъ! Эта неразрѣшимая смѣсь противорѣчій, облеченная въ поэтическіе образы, и проникнутая живымъ организмомъ національныхъ убѣжденій и воззрѣній, есть та народная среда, въ которой живутъ и развиваются всѣ идеи и представленія русскаго народа. Прослѣдить тѣ основныя нити, на которыя фантазія въ теченіе столѣтій стройно на-

---

[1]) Кирѣевск., I, 34.
[2]) Рыбник., I, 95.

низываетъ всѣ эти противорѣчія и анахронизмы, значило бы подслушать ту завѣтную тайну, которая теперь только по частямъ, время отъ времени, открывается намъ съ каждымъ вновь найденнымъ эпизодомъ русскаго эпоса.

Впрочемъ, не одна русская народность представляетъ смѣсь противоположностей, накопившихся въ жизни вѣками. Всякій историческій народъ заявляетъ этою затѣйливою смѣсью богатство историческихъ результатовъ, вошедшихъ въ сознаніе. Даже такъ называемая цивилизація, хотя бы въ современную намъ эпоху, представляетъ ту же чудовищную на видъ смѣсь древняго варварства съ новѣйшими успѣхами ума, смѣсь суевѣрій съ философскимъ сомнѣніемъ, аскетизма съ безвѣріемъ, хищнаго эгоизма съ ханжествующею филантропіей.

Но воротимся къ муромскому богатырю. Мы еще не знаемъ, какъ русскій эпосъ изображаетъ его кончину. Рожденіе и смерть, два главные пункта въ человѣческой жизни, всегда и вездѣ давали эпической фантазіи богатый матеріялъ для творчества. Сверхъ того, самая таинственность, сопровождающая рожденіе и смерть человѣка, способствовала къ удержанію въ памяти народа слѣдовъ древнѣйшаго миѳа. Человѣкъ становится героемъ уже тогда, когда онъ выросъ и заявилъ себя дѣлами: но кто знаетъ, гдѣ, отъ кого и при какихъ условіяхъ онъ родился? Кому было до этого дѣло? Только цивилизація дала возможность отвѣчать на эти вопросы удовлетворительно. Безыскусственный эпосъ еще не дошелъ до такихъ тонкостей. Также безызвѣстна оставалась и кончина героя, если только онъ не сложилъ своей головы въ бою, въ виду своихъ товарищей. А если постигла его смерть обыкновеннымъ путемъ, на одрѣ болѣзни, то фантазія народная изъ уваженія къ своему любимцу окружитъ послѣднія минуты его жизни чудесною таинственностію, которая создаетъ сотни баснословныхъ предположеній, и въ видѣ фактовъ внесетъ ихъ въ былины.

Но прежде нежели взглянемъ на Илью Муромца при его кончинѣ, должно упомянуть объ одномъ эпизодѣ, стоящемъ внѣ

той исторической рамы, въ которую мы вставили развитіе эпическаго типа этого богатыря.

Самая таинственность этого эпизода говоритъ уже въ пользу его древности, и, можетъ-быть, характеризуетъ одинъ изъ подвиговъ героя, стоящаго еще внѣ земледѣльческой и сословной обстановки. Въ основѣ эпизода—загадочная связь его съ вѣщими дѣвами и сверхъестественными титаническими героинями, о чемъ уже была рѣчь прежде. Илья является отцомъ могучаго героя, по другимъ варіантамъ—вѣщей героини, и вступаетъ въ смертный бой съ своимъ сыномъ или съ дочерью.

Изъ многихъ варіантовъ этого эпизода ясно видно, что народная фантазія въ сынѣ Ильи Муромца первоначально видѣла страшнаго и могучаго богатыря; потомъ этотъ грозный образъ смягчается идиллическими чертами охотника, согласно съ его именемъ *Сокольникъ*, усвоеннымъ и древнѣйшею редакціей. Сверхъ того, эпосъ оказываетъ Ильѣ почетъ, называя его сына *королевичемъ: Збутъ Борисъ Королевичъ.*

По древнѣйшему варіанту [1]), юный богатырь, разъѣзжая по чисту полю,

На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
У стремени прикована змѣя Горынская.

. . .

Послѣдняя черта ясно говоритъ о необычайности героя.

Ѣздитъ молодецъ по чисту полю,
Тѣшится утѣхою дворянскою:
Мечетъ острое копье подъ вышину небесную,
На конѣ подъѣзжаетъ и подхватываетъ,
Легко копьемъ поворачиваетъ,
Самъ копью приговариваетъ:
«Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ».

---

[1]) Кирѣевск., IV, 13 и слѣд.

Подъѣзжая къ нему, Илья Муромецъ отвѣчаетъ:

Ой ты гой еси, поленица удалая!
Ты зачѣмъ рано похваляешься?
Не уловя ты птицы, теребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься?

Потомъ вступаютъ въ страшный бой:

Не двѣ грозны тучушки затучилися,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигалися:
Два богатыря съѣзжались въ чистомъ полѣ.

Сначала дрались оружіемъ, оружіе поломали, а другъ друга не одолѣли. Сходили съ коней и хватались *плотнымъ боемъ*, *рукопашкой:*

Водились они не мало времени,
Водились добры молодцы *полтора года*,
По колѣнямъ въ землѣ пріобмялися!

Итакъ, это бой необычайный, бой титановъ, которые, безъ устали борясь полтора года, по колѣна погрязли въ землю. Илья наконецъ изнемогъ и палъ. Юный врагъ насѣлъ на его бѣлы груди.

Тутъ Илейко возмолится:
«Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію,
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за беззамужнихъ женъ, —
Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
Онѣ были богомольныя,
День и ночь онѣ Богу молятся!»

Это, кажется, самое сильное мѣсто въ былинахъ по выраженію христіанскаго благочестія муромскаго богатыря. Надежда на молитву вдовъ и сиротъ спасла его:

Не сѣрая утица востопорщится:
Илья на землѣ поворотится;
Металъ Сокольника подъ вышину небесную.

Потомъ, поваливъ его и насѣдши ему на бѣлы груди, сталъ его спрашивать о родѣ-племени. — «Вотъ кабы я у тебя сидѣлъ на грудяхъ, отвѣчаетъ побѣжденный: не сталъ бы долго спрашивать, а споролъ бы тебѣ старому бѣлыя груди». Наконецъ Илья узнаетъ, что это его сынъ, отъ бабы Латыгорки, отъ моря Студенаго, отъ камени Латыря:

Бралъ его за руку за правую,
Цѣловалъ во уста во сахарныя:
«Здравствуй, мое чадо милое!»

И отпустилъ его къ матери; по другому варіанту, Илья *заплакалъ* даже, глядючи на свое чадо милое.

По однимъ варіантамъ тѣмъ дѣло и кончилось. По другимъ, оскорбленный сынъ мститъ Ильѣ, но получаетъ отъ него смерть: Муромскій богатырь разорвалъ его на двое.

По варіанту болѣе нѣжному [1]), разсказъ о встрѣчѣ Ильи съ сыномъ, Збутомъ Королевичемъ, начинается поэтическимъ предчувствіемъ этого послѣдняго. Еще не успѣлъ подъѣхать Илья, сынъ его уже распускаетъ свою охоту: отвязываетъ отъ стремени *вожья выжлока* (охотничью собаку), а самъ наказываетъ:

А теперь мнѣ не до тебя пришло;
А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ,
И корми ты свою буйну голову.

Отпускалъ и яснаго сокола, а самъ наказывалъ:

Полети ты, соколъ, на сине море,
И корми свою буйну голову;
А мнѣ молодцу не до тебя пришло.

Предчувствіе ли это смертной опасности при видѣ могучаго богатыря? Или скорѣе не предчувствіе ли чего-то великаго и существеннаго въ жизни, что̀ должно рѣшиться въ роковую минуту этого торжественнаго свиданья отца съ сыномъ, которые другъ друга не узнали?

---

[1]) Кирш. Данил., 361.

Затѣмъ идетъ разсказъ объ единоборствѣ, но уже въ позднѣйшемъ смягченномъ тонѣ.

Древность этого эпизода опредѣляется поразительнымъ сходствомъ его съ эпическими преданіями другихъ народовъ. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ эпическихъ преданіяхъ кельтскихъ бардовъ, въ персидской поэмѣ о *Ростемѣ* и *Зурабѣ*. Но къ русскимъ былинамъ особенно близко подходитъ эпизодъ изъ готскаго эпоса, о *Гильдебрандѣ*. Для сличенія сообщаю его по нѣмецкому отрывку VIII столѣтія.

Въ сопровожденіи дружины, возвращаясь домой изъ земли Гунновъ, престарѣлый Гильдебрандъ встрѣчаетъ на пути юнаго витязя, тоже съ дружиною. Это не кто другой, какъ Гудубрандъ, сынъ Гильдебранда, знаменитаго Дитрихова товарища въ битвáхъ. Отецъ оставилъ его дома при матери еще младенцемъ. Гудубрандъ, не зная, что встрѣтился съ своимъ отцомъ, вызываетъ его въ бой. Но старикъ уже призналъ въ юномъ героѣ своего сына, и старается отклонить его отъ битвы. Для того онъ разсказываетъ ему, кто онъ такой и что̀ съ нимъ происходило. Но сынъ не вѣритъ разсказу незнакомца. «Померъ мой отецъ Гильдебрандъ, сынъ Герибрандовъ, говоритъ онъ: это разсказывали мнѣ корабельщики, заѣзжавшіе къ намъ по морю». — Гильдебрандъ даже не щадитъ своей воинской чести, и изъ отеческой любви готовъ уже покориться кичливому герою: онъ снимаетъ съ себя золотой обручъ или гривну, и предлагаетъ своему сыну, только бы примириться съ нимъ. Но и это не помогаетъ. «Копьемъ добывается добыча, говоритъ юный герой: мечъ противъ меча! Вижу — ты старый хитрый Гунъ, меня обманываешь, чтобъ потомъ убить!» — «О горе мнѣ! — восклицаетъ въ отчаяніи отецъ: о Боже, всѣмъ управляющій! Что за бѣда такая на насъ! Шестьдесятъ лѣтъ и зимъ [1]) воевалъ я на чужой сторонѣ, и вотъ теперь, свое родное, милое дѣтище изрубитъ меня мечомъ, а можетъ и самъ я буду его убійцею! Ну такъ знай же, что самый

[1]) То-есть 30 лѣтъ и 30 зимъ, всего 30 годовъ.

подлый трусъ во всей Восточной сторонѣ[1]) былъ бы тотъ, кто теперь отклонилъ бы тебя отъ бою, если ужь тебѣ того хотѣлось». Затѣмъ слѣдуетъ энергическое описаніе битвы отца съ сыномъ, — и именно здѣсь-то, на самомъ интересномъ мѣстѣ въ стихотворномъ отрывкѣ VIII столѣтія не достаетъ конца. Впрочемъ, по позднѣйшимъ передѣлкамъ, даже до XV вѣка, извѣстно, что отецъ побѣждаетъ сына, какъ и у насъ Илья — Сокольника, и оба возвращаются домой, гдѣ Гильдебрандъ находитъ такъ долго покинутую имъ супругу, какъ Одиссей свою Пенелопу. Но нашъ Муромецъ, мы видѣли, отдѣленъ отъ своей вѣщей жены миѳическою преградою; потому былина, чтобы развязаться съ далекою стариною, заставляетъ Илью прервать съ нею всѣ родныя связи, и убить собственнаго своего сына.

Сродство нашего эпизода съ чужеземными, главнѣйшимъ образомъ основывается, вѣроятно, на эпическомъ выраженіи одинаковыхъ условій въ раннемъ развитіи народнаго быта. Это, можетъ быть, даже сродство общечеловѣческое, по которому родственны *Иліада* и финская *Калевала*, оба эпоса, воспѣвающіе народную войну изъ-за красавицы—соотвѣтственно римскому сказанію о похищеніи Сабинокъ или славянскимъ обычаямъ похищать и съ бою брать себѣ женъ.

Именно это-то высокое общечеловѣческое значеніе и даетъ въ нашихъ глазахъ особенную цѣну готскому эпизоду и родственной съ нимъ русской былинѣ.

Сказаніе это въ Германіи возникло въ самую раннюю эпоху процвѣтанія родоваго быта, возникшаго на семейной почвѣ. Родовое отношеніе рѣзко обозначено даже въ собственныхъ именахъ готскаго эпизода: дѣдъ — Герибрандъ (*Heri-brant*), отецъ — Гильдебрандъ (*Hilti-brant*) и сынъ — Гудубрандъ (*Hudhu-brant*) тѣсно связаны общимъ, племеннымъ единствомъ, выраженнымъ второю половиною ихъ собственныхъ именъ: *brant*.

Родовымъ же началомъ объясняется одна изъ самыхъ рас-

---

[1]) Въ странѣ Остъ-Готѳовъ.

пространенныхъ эпическихъ формъ въ народной поэзіи, именно: когда встрѣчаются два лица, то обыкновенно спрашиваютъ другъ друга: не кто ты такой? а чей ты сынъ? какого отца-матери, чьего рода-племени?

Поэтически развивая эти простые обычаи родоваго быта, эпическая фантазія такъ легко могла натолкнуться на интересную встрѣчу самыхъ кровныхъ родственниковъ, отца съ сыномъ, которые не узнаютъ другъ друга, или, что̀ конечно вѣроятнѣе, сынъ не узнаетъ отца, котораго не видалъ съ раннихъ лѣтъ своего младенчества. Въ быту воинскомъ такая встрѣча, конечно, должна повести къ отчаянному, смертному бою, особенно когда сынъ видитъ въ отцѣ хитраго врага, который прикидывается ему отцомъ, и потому тѣмъ сильнѣе его оскорбляетъ.

Теперь о кончинѣ Ильи Муромца.

Это таинственное событіе, какъ и слѣдовало ожидать, въ народномъ эпосѣ представляется различно. То Илья просто пропадаетъ безъ вѣсти, и слѣдовательно, можетъ-быть, когда-нибудь возродится, какъ финская Калевала ждетъ возрожденія Вейнемейнена. То каменѣетъ вмѣстѣ съ другими богатырями, какъ древній титанъ; то, какъ Святогоръ, ложится въ гробъ живой, и, будучи покрытъ крышкою, тамъ остается на вѣки.

Смѣшивая миѳъ объ окаменѣньи съ намекомъ о кіевскихъ пещерахъ, гдѣ лежатъ мощи Ильи, и приплетая сюда какую-то индѣйскую церковь, одна былина такъ говоритъ о кончинѣ великаго богатыря. Будто онъ вырылъ изъ земли какой-то сундукъ съ сокровищемъ, съ кладомъ, а на сундукѣ подпись:

Кому эвтотъ живот (то-есть богатство) да достанется,
Тому строить церква Индѣйская,
Да строить тому церква Пещерская.
Тутъ строилъ старъ церкву Индѣйскую,
Да какъ началъ строить церкву Пещерскую,
Тутова старъ и окаменѣлъ [1]).

---

[1]) Кирѣевск., I, 89. Въ подлинникѣ *скаменѣлъ*.

Одно преданіе, приводимое г. Далемъ, возводитъ исчезновенье Ильи Муромца къ той до-исторической эпохѣ, когда покойниковъ спускали въ ладьѣ или кораблѣ на воду, какъ спустили трупъ короля Скильда, по разсказу въ англо-саксонскомъ Беовульфѣ, и когда составились первые зародыши преданій о томъ, что герои по водѣ скрывались въ неизвѣстную страну иного, нездѣшняго міра. Даже полетъ души усопшаго по воздуху въ облакахъ также могъ облегчаться переѣздомъ на кораблѣ, потому что самыя облака, по древнѣйшимъ воззрѣніямъ индоевропейскимъ, суть не иное что, какъ корабли, плывущіе по воздушному океану. Потому названіе тучи *плывущимъ гробомъ* въ одной русской загадкѣ о тучѣ, громѣ и молніи, можетъ-быть, не одна пустая игра фантазіи: «*гробъ плыветъ*, мертвецъ реветъ, ладанъ пышетъ, свѣчи горятъ» [1]).

Но вотъ самое преданіе: «Илья на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ въ Океанъ-море, о которомъ до того и слыхомъ не слыхать было. Соколъ-корабль насилу ушелъ отъ сизаго орла: но вѣстей болѣе никакихъ. Куда онъ дѣвался, не говорится ни въ сказкахъ о немъ, ни въ пѣсняхъ».

Итакъ, представитель русскаго богатырскаго эпоса и явился на свѣтъ, и исчезаетъ, какъ настоящій герой полубогъ. Только дѣйствуя на землѣ, между людьми, онъ долженъ былъ на время снизойдти съ высоты своего божественнаго величія до богатырскаго служенія въ дружинѣ князя Владиміра.

VII.

Муромскій крестьянинъ вывелъ насъ изъ глухихъ захолустьевъ муромскаго язычества въ историческую область такъ-называемыхъ *младшихъ* богатырей, окружающихъ князя Владиміра. Чудовища и великаны, спутники древнихъ боговъ, скры-

[1]) Даля, Пословицы. Стр. 1064. Замѣтка Даля въ 1-мъ выпускѣ Пѣсенъ Кирѣевск., стр. 34.

ваются по ту сторону завѣсы, отдѣляющей историческую дѣйствительность отъ воображаемой старины. Съ утратою языческаго вѣрованія, миѳъ, какъ бы онъ ни былъ заманчивъ по своему поэтическому содержанію, уже перестаетъ быть выраженіемъ и двигателемъ народнаго сознанія. Онъ только забавляетъ, какъ сказка о какихъ-нибудь несбыточныхъ диковинкахъ, но не внушаетъ къ себѣ довѣрія и уваженія, какими пользуется собственно богатырскій эпосъ, имѣющій предметомъ не боговъ, которымъ уже никто не вѣритъ и никто не поклоняется, а обыкновенныхъ смертныхъ, которые въ идеальныхъ типахъ богатырей становятся настоящими представителями народа, образцами всего, что̀ почитаетъ онъ въ себѣ доблестнымъ и достойнымъ всякаго уваженія.

Что же это за новое поколѣніе, въ которомъ народная фантазія нашла свои высшіе идеалы? Въ чемъ состоитъ ихъ общій характеръ? Въ какомъ смыслѣ и въ какой степени прилично имъ общее названіе *младшіе богатыри* или и вообще *богатыри*, названіе, подъ которымъ они слывутъ въ народѣ? Не выдвинется ли рельефнѣе изъ общей массы этого новаго поколѣнія, величавая фигура муромскаго героя и не укажетъ ли это общее обозрѣніе новыхъ сторонъ въ характерѣ самого князя Владиміра?

Къ младшимъ богатырямъ принадлежатъ всѣ тѣ, которые при князѣ Владимірѣ являются представителями мѣстныхъ, провинціальныхъ силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси. Эти герои новой, исторической эпохи уже не помнятъ своихъ родственныхъ связей съ миѳическими предками. Можетъ быть, пользуясь эпическимъ выраженіемъ автора слова XII вѣка, и можно бы ихъ назвать *внуками* какого-нибудь *Дажьбога*, но богатырскій эпосъ называетъ ихъ *сыновьями* уже *обыкновенныхъ смертныхъ*, и притомъ такихъ людей, о которыхъ не находитъ нужнымъ распространяться, видя въ нихъ мало интереснаго для своей публики. За то эпосъ съ особенною любовью медлитъ на характеристикѣ матерей младшихъ героевъ, изображая ихъ обыкновенно *вдовами*. Объ этомъ интересномъ типѣ будетъ рѣчь впереди; а теперь слѣдуетъ только замѣтить, что съ младшими богатырями

вступаетъ на поле дѣятельности новое, молодое поколѣніе, имѣющее мало общаго съ своими отцами, которые за незначительными исключеніями уже всѣ повымерли, оставивъ по себѣ только своихъ вдовъ. Даже отецъ князя Владиміра остается въ русскомъ эпосѣ незамѣченнымъ.

Всѣ эти спутники ласковаго князя стекаются къ нему въ Кіевъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ сожалѣнія покидая свою родину и отца съ матерью. Прерывая связь съ родною стариною, они становятся даже ея врагами, поражая и сокрушая ея остатки въ чудовищахъ и великанахъ, съ которыми ведутъ постоянную борьбу. Кто истребляетъ Змія Горынича, кто полонитъ Соловья Разбойника, кто побиваетъ Тугарина, кто великана Шарка, кто Кощея.

Только Илья Муромецъ, наиболѣе полный, всесторонній и совершеннѣйшій типъ русскаго богатыря, относится къ station старинѣ не съ одною враждой. Онъ, какъ мы видѣли, наслѣдовалъ силу отъ великана Святогора, былъ ему меньшой братъ, и учился отъ него всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, какъ сѣверные боги учатся премудрости отъ маститыхъ великановъ.

Всѣ богатыри князя Владиміра — народъ *молодой, безбородый;* даже самый эпитетъ *молодой*, или *младъ*, постоянно придается Дюку Степановичу, Михайлѣ Казарянину, Чурилѣ Плѣнковичу, Соловью Будиміровичу, но особенно Добрынѣ Никитичу и Алешѣ Поповичу. Эпическій герой, по понятіямъ народа, одаренъ свѣжими, молодыми силами, потому и называется *мóлодцемъ, добрымъ мóлодцемъ.* Не зрѣлое сужденіе и опытность руководятъ его дѣйствіями, а удаль и надежда на удачу; потому онъ *удалой, удача-добрый молодецъ.* Обыкновенно являются богатыри при дворѣ князя Владиміра *холостыми*, и потомъ уже смышляютъ себѣ невѣсту и женятся. Эпосъ знаетъ ихъ только на первой порѣ ихъ супружеской жизни, еще *бездѣтными.* Самъ ласковый князь хлопочетъ о ихъ женидьбѣ и часто сватаетъ, и именно съ тою цѣлью, чтобы не переводился при его дворѣ богатырскій родъ, за который онъ готовъ жертвовать богатою

данью съ чужихъ земель, согласно съ Владиміромъ лѣтописи Несторовой, который предпочитаетъ дружину золоту и серебру. Разъ посылаетъ Владиміръ за данью Илью Муромца, Добрыню Никитича и Потока Михайлу Ивановича. Первые двое привезли съ собою груды золота, а послѣдній добылъ себѣ только невѣсту, Марью Лебедь-Бѣлую. Князь остался больше доволенъ Потокомъ, присовокупивъ:

Я и тѣхъ-то послалъ, чтобъ женилися,
А они молодцы не догадалися,
Обзарились на злато и серебро.
Въ нашу державу свято-русскую
Пойдутъ сѣмена — плодъ богатырскій.
То лучше злата и серебра.

Впрочемъ, сколько ни хлопочетъ онъ о женидьбѣ своихъ богатырей, однако —

Всякой на свѣтѣ женится,
Не всякому женидьба удавается:
Удалась женидьба Дунаю Ивановичу,
Да старому Ставру, сыну Годиновичу,
Да еще молодому Добрынѣ Никитичу.

Алешѣ Поповичу, бабьему пересмѣшнику, за его любовныя шашни, женидьба не удалась, хоть и саталъ его усердно самъ князь, о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь впереди. Что касается до Потока Михайлы Ивановича, то съ наивною важностью замѣчаетъ былина:

Первая женидьба Михайлы неудачна была,
А вторая женидьба издачная [1]).

Самъ Владиміръ князь такой же безбородый юноша, какъ и его спутники, даже моложе ихъ: «Всѣ вы переженены, говоритъ онъ имъ однажды: только я князь не женатъ, холостъ хожу».

---

[1]) Рыбник., II, 61, 33, 71.

Потому-то при дворѣ Владиміра часто играются веселыя свадьбы. Но похоронъ не бываетъ. Всѣ молоды и здоровы, всѣ пируютъ, пьютъ и веселятся.

Илья Муромецъ опять отличается отъ другихъ богатырей. Онъ не только не юноша, но даже сѣдой, матерой богатырь, съ сѣдою бородою; потому что, какъ говоритъ пословица: «Сѣдина въ бороду — умъ въ голову». Сѣдина — отличительная примѣта Ильи:

> Не бѣлы снѣжки въ чистоемъ полѣ забѣлѣлися:
> А забѣлѣлася у него буйная головушка,
> Со частой со сѣдой мелкой бородушкой.

Его сынъ Сокольничекъ, не признавая въ немъ своего отца, ругается ему: «Ахъ ты, старый сѣдатый песъ! Сидѣлъ бы въ деревнѣ, свиней бы пасъ!» Богатырь Нахвальщина, поваливъ Муромца подъ себя, насмѣшливо приговариваетъ: «старый ты старикъ, старый матерый! Гдѣ тебѣ ѣздитъ по чисту полю? Построилъ бы ты себѣ при дорогѣ келейку и кормился бы милостынею!» [1])

Безъ сомнѣнія уже бородатый прибылъ Илья ко двору князя Владиміра, потому что еще дома сидьма сидѣлъ тридцать лѣтъ. У него уже есть взрослый сынъ или взрослая дочь, поленица, съ которыми онъ вступаетъ въ смертный бой. Еще только герои старшей эпохи, какъ Микула Селяниновичъ или Соловей-Разбойникъ имѣютъ у себя взрослыхъ дѣтей.

Илья Муромецъ умнѣе и благоразумнѣе своихъ богатырскихъ товарищей не потому только, что онъ изъ любимаго крестьянскаго сословія, но и потому, что онъ старше ихъ всѣхъ, опытнѣе, больше ихъ жилъ на свѣтѣ, больше видѣлъ и больше испыталъ. Потому онъ надъ ними начальствуетъ, какъ атаманъ, и называетъ ихъ своими «ребятушками». По лѣтамъ они годятся ему въ сыновья. Они опрометчивѣе его даже въ богатырской смѣлости, и, не укрѣпившись еще опытомъ въ нравственныхъ поня-

---

[1]) Кирѣевск., I, 19, 51. Рыбник., I, 78.

тіяхъ, наклонны сдѣлать что-нибудь дурное. Муромскій крестьянинъ умѣряетъ ихъ рьяную запальчивость, обуздываетъ ихъ страсти, иногда возмущается противъ несправедливости и зла, которыя въ нихъ замѣтитъ, впрочемъ вообще снисходительно прощаетъ имъ вину. Обыкновенно обращается онъ съ своими врагами, какъ съ малыми дѣтьми: вмѣсто того, чтобы раздавить обидчика и распороть ему бѣлую грудь, онъ броситъ его вверхъ, да еще на лету подхватитъ. Разгнѣвавшись однажды на князя Владиміра и его богатырей, онъ поприжалъ ихъ на лавкѣ богатырской на пиру, и очутился за столомъ противъ самаго князя Владиміра. Это за досаду Алешѣ Поповичу показалося. Взялъ Алеша булатный ножъ и пустилъ имъ въ Илью Муромца. Но Илья отплатилъ забіякѣ только презрѣньемъ: подхватилъ ножъ на лету и воткнулъ въ дубовый столъ. Онъ даетъ совѣты самому князю Владиміру и предостерегаетъ его отъ безчестнаго дѣла, когда другіе богатыри хотѣли подслужиться князю чужою женою. Какъ истый рыцарь, защищаетъ онъ слабую женщину отъ грубаго насилія. Однажды встрѣчаетъ онъ въ полѣ красную дѣвушку. Она бѣжала отъ насмѣшника Алеши Поповича. «Давно бы ты мнѣ сказала это, говоритъ Илья Муромецъ: я бы съ Алешей перевѣдался, снялъ бы съ него буйну голову!» [1])

Ничто великое не совершается богатырями безъ участія Муромца. Онъ ведетъ ихъ на враговъ и распредѣляетъ каждому дѣло по силѣ.

Итакъ, хотя съ младшими богатырями выступаетъ на свѣтъ новое, молодое, безбородое поколѣніе; но эпосъ, всегда вѣрный природѣ и историческому теченію жизни, даетъ въ руководство молодой рьяности и отвагѣ благоразуміе и опытность старины, представителемъ которой, во всемъ, что она сберегла лучшаго и достойнаго, является при дворѣ князя Владиміра муромскій крестьянинъ. Дружина княжеская собралась изъ новыхъ элементовъ и новыхъ силъ, но для прочной осадки ихъ необходима была крестьянская основа, не какъ отжившая старина, идущая въ сломку,

[1]) Кирѣевскаго, I, 39, 5.

а какъ неизмѣнный, существенный принципъ, твердо и постоянно пребывающій въ русской жизни. Въ этомъ смыслѣ русскій человѣкъ сказалъ бы объ Ильѣ Муромцѣ пословицею: «старъ дубъ, да корень свѣжъ».

Европейскіе народы испоконъ-вѣку видѣли въ длинныхъ волосахъ, низпадающихъ на плечи, и въ осанистой бородѣ красоту и величіе мужскаго типа, царственный идеалъ котораго греческая скульптура создала въ Зевсѣ. Члены благородныхъ тевтонскихъ фамилій, княжескихъ и королевскихъ, отличались длинными волосами, а потому назывались *волосатыми*, *косматыми* или *кудрявыми* (criniti, capillati, comati) — почетное прозвище, слѣды котораго у Славянъ, можетъ быть, доселѣ сохранились въ названіи Малорусовъ *Хохлами*, которые могутъ вести свою генеалогію по прямой линіи отъ длиннаго чуба Святославова. Особенно были въ чести *волосатые* аристократическіе роды изъ Франковъ, отличавшіеся этою примѣтою и отъ Галловъ, и отъ прочихъ Франковъ. Лангобарды отращали себѣ такіе же чубы, какъ Малорусы. Фризы совершали обрядъ клятвы, касаясь своихъ кудрей. Остричь кому волосы — значило унизить, опозорить, осмѣять, отдать въ рабство [1]). Русскій крестьянинъ, находя не пристойнымъ мущинѣ женоподобную роскошь длинныхъ распущенныхъ волосъ, отъ временъ доисторическихъ сохранилъ свою типическую прическу, которая однако даетъ волю виться кудрямъ; потому что «отъ радости кудри вьются — въ печали сѣкутся». Мущина безъ кудрей — печальное существо, обиженное Богомъ и людьми. Понятно, слѣдовательно, почему богатыри русскаго эпоса характеризуются *кудрями*. У Добрыни и Алеши были онѣ *желтыя*, то-есть, русыя; у князя Владиміра — черныя. Какъ пожилой человѣкъ, пріосаниваясь, гладитъ свою бороду, такъ молодой самодовольно разчесываетъ кудри.

Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчесываетъ.

---

[1]) Massmann, Kaiserchronik. 1854 г. III, 809.

Онъ охорашивается потому, что задумалъ жениться. Добрыня, жалуясь на свою безсчастную судьбу, плачется своей матери, зачѣмъ она родила его силою не сильнаго, богатствомъ не богатаго, кудрями *не кудряваго*. Впрочемъ эта жалоба—общее мѣсто, вставленное въ уста Добрыни, но собственно къ нему не относящееся. Когда черезъ двѣнадцать лѣтъ отлучки является онъ домой, мать его не узнаетъ, принимая его за голь кабацкую:

У молодаго Добрыни Никитича были кудри желтыя:
Въ три-рядъ кудерки колечками вились вкругъ верховища:
А у тебя, голь кабацкая, по плечамъ висятъ.

Добрыня отвѣчаетъ, что его волосы желтые отростились въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, потому что ихъ не подстригали [1]).

Но особеннымъ почетомъ пользовалась борода, отличительный признакъ великихъ героевъ западныхъ народныхъ эпосовъ [2]). Испанскій Сидъ прозывается: *большая борода*, *красивая борода*, *полная*, *окладистая борода*. Балдуинъ IV Фландрскій въ одномъ документѣ 1023 г. названъ *честною бородой* (honesta barba). Въ пѣснѣ о Роландѣ (Chanson de Roland) Карлъ Великій характеризуется *цвѣтущею бородой;* у него борода *сѣдая* и такъ же *бѣлѣется*, какъ у нашего Ильи Муромца [3]). По русскимъ понятіямъ, борода разрастается въ довольствѣ и холѣ: «у богатаго мужика борода помеломъ, у бѣднаго клиномъ». Отъ сознанія своего достоинства она топырщится: «Благодаря Христа — борода не пуста: хоть три волоска, да растопырщившись!» Обезчестить человѣка тоже, что обезчестить его бороду. «Самъ свою бороду оплевалъ» — говоритъ пословица о заслуженной винѣ. Когда Алеша Поповичъ соблазнилъ одну дѣвицу, ея братья между собою говорятъ:

---

[1]) Кирѣевск., III, 70. Рыбник., II, 13, 29.

[2]) Damas Hinard, Poëme du Cid 1850 г., стр. 266.

[3]) Карлъ клянется: «Par ceste barbe que veez blancheer» — «Par ceste barbe dunt li peil sunt canut». Chans. de Roland. I, 261. V, 692.

.... Пойдемъ, братецъ, во кузенку,
Мы и сдѣлаемъ по ножу, ссѣкемъ сестрѣ голову,
Ссѣкемъ сестрѣ голову: *обезчестила* бороду [1]).

Вцѣпиться кому въ бороду, значитъ нанести величайшую обиду. Потому воины, по западнымъ эпическимъ разсказамъ, пускаясь въ отважные подвиги, завязываютъ свои бороды, чтобы не достались онѣ врагу на поруганіе. Такъ всегда поступалъ и Сидъ, когда шелъ на вѣрную опасность. Когда Франки, какъ поется въ *Пѣснѣ о Роландѣ,* пылая местью за Роланда, рѣшились побѣдить или умереть, тогда, забывъ всѣ предосторожности, не успѣли они подвязать себѣ бороды, и бросились на Сарацынъ, и Сарацыны пришли въ ужасъ, увидавъ распущенныя бороды. Русскіе мужички, когда порасходятся въ дракѣ, теребятъ другъ друга за бороду. «Чужую бороду драть — своей не жалѣть», говоритъ пословица. «Не хватай за бороду, кричитъ русскій герой своему врагу: сорвешься — убьешься!»

Въ эпоху эпическую, на западѣ, борода чествовалась такимъ же суевѣрнымъ чествованіемъ, какое воздавали ей наши раскольники въ XVII и XVIII вѣкѣ. Самъ ли расколъ выработалъ это суевѣріе на основаніи книжнаго чтенія, или въ писаніи нашелъ только подкрѣпленіе своимъ эпическимъ преданіямъ, которыя нѣкогда составляли общее достояніе всѣхъ европейскихъ народовъ, во всякомъ случаѣ раскольничье благоговѣніе къ бородѣ, съ точки зрѣнія исторіи цивилизаціи, стоитъ на одной ступени съ тѣми эпическими воззрѣніями и убѣжденіями, которыя заставляли испанскаго Сида и франкскаго Карла приносить торжественную клятву своею бородой. Эта клятва была такъ употребительна, что у послѣдняго героя вошла чуть не въ постоянную поговорку.

Въ русскихъ пословицахъ сохранилось много любопытныхъ данныхъ для сравнительнаго и историческаго изученія этого предмета.

---

[1]) Кирѣевск., II, 67.

Итакъ, Илья Муромецъ даже по своему внѣшнему типу, съ почтенною, сѣдою бородой, первенствуетъ надъ прочими богатырями цикла Владимірова. Какъ Карлъ Великій или какъ Сидъ, онъ отмѣченъ маститою бородой, символомъ мудрости, опытности и величія.

Ко всѣмъ своимъ богатырскимъ товарищамъ относится Илья, какъ представитель старшаго поколѣнія къ младшему. Какъ титанъ Святогоръ выучилъ Илью ухваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, и назвалъ его своимъ меньшимъ братомъ, такъ и Илья въ свою очередь училъ тому же богатыря младшаго поколѣнія, Дюка Степановича, и называлъ его «меньшимъ крестовымъ братцемъ» [1]). При дворѣ князя Владиміра, Илья рѣзко отличается эпитетомъ *старый* отъ другихъ богатырей, которые въ противоположность ему называются молодыми. Такъ Владиміръ подноситъ по чарѣ зелена вина *старому* казаку Ильѣ Муромцу, *молодому* Добрынѣ сыну Никитичу.

Теперь надобно сказать о самыхъ названіяхъ, которыми русскій народъ и другія славянскія племена выражаютъ свое понятіе о героѣ эпическаго сказанія [2]).

Сначала о словѣ *богатырь*, особенно распространенномъ въ русской народной поэзіи. Кромѣ Поляковъ, ни у кого изъ прочихъ славянскихъ племенъ его нѣтъ. Вмѣсто его употребляется, то *юнакъ*, то *грдина*, то какое-нибудь другое реченіе.

Въ древне-русской письменности до самыхъ Татаръ слово богатырь не встрѣчается, и самая мысль о героѣ, какъ кажется, не имѣла для себя въ языкѣ установившейся, одной, опредѣленной формы. Гдѣ бы слѣдовало сказать *богатырь*, мы читаемъ, то *кметъ* (въ Словѣ о полку Игоревѣ), то *витязь* (въ лѣтоп. Переяславск.), то просто *мужъ*, *воинъ*, *храбрый* и др. Далѣе въ

---

1) Рыбник., II, 164.

2) Мнѣніе о значеніи слова *богатырь*, высказанное мною въ этой монографіи въ 1862 г., я замѣняю здѣсь другимъ, принятымъ мною въ 1872 г., въ моемъ Академическомъ отзывѣ о сочиненіи профессора О. Ѳ. Миллера: *Илья Муромецъ и богатырство Кіевское*. 1870.

позднѣйшихъ памятникахъ, рядомъ съ *богатыремъ*, какъ бы въ дополненіе мысли, употребляются: *удалецъ*, *рѣзвецъ* (въ Рязанск. повѣсти объ Евпатіи Коловратѣ).

Только со временъ Татаръ, и первоначально — сколь мнѣ извѣстно — только о татарскихъ воеводахъ, стало у насъ употребляться слово *богатырь*, и — что̀ особенно важно — какъ варіантъ формы *багатуръ* (монгольск. baghatur). А именно въ Ипат. спискѣ лѣтоп. (XIV — XV в.), подъ 1240 г. между Батыевыми воеводами встрѣчаемъ: «Се Бѣдяй (вар. Себедяй) *Богатуръ* и Бурундай *Багатуръ*». При этомъ реченіи варіанты: *багатырь* и *богатырь*. Далѣе, тамъ же, подъ 1243 г., читаемъ, какъ къ князю Даніилу въ Холмъ прибѣжалъ Половчанинъ Актай и говорилъ: «Батый воротился есть изо Угоръ, и отрядилъ есть на тя два *богатыря* возъискати тебе, Монъмана и Балаа». Ясно, что слово, *богатырь*, по монгольскому обычаю, употреблялось въ нашихъ лѣтописяхъ въ видѣ титула при собственныхъ именахъ.

Какъ въ эпоху древнѣйшую для означенія великановъ, то-есть, богатырей старшихъ, Славяне заимствовали слова у другихъ народовъ, напр. *обръ*, *обржимъ* отъ народа Обровъ, *исполинъ*, *сполинъ* отъ народа Спали, такъ и *богатыря* могли взять отъ Татаръ, въ видѣ почетнаго титула. Заимствовали же мы когда-то отъ Германцевъ, Казаръ, Римлянъ титулы *князя*, *кагана*, *царя*.

Изъ собственно народныхъ, чисто Русскихъ наименованій героической личности особенно характеристично слово *поленица*, которымъ называется и воинъ, и героиня, промышляющая богатырскими подвигами. *Поленица* значитъ не только разъѣзжающій по полямъ, но и охраняющій ихъ, такъ же какъ въ сербскомъ слова *полякъ* и *поляръ* употребляются въ смыслѣ *полеваго сторожа* (feldwächter, custos agrorum). Слово это, слѣдовательно, образовалось въ быту осѣдломъ, когда племена, усѣвшись на постоянныхъ мѣстахъ, почувствовали потребность охранять свою собственность вооруженною рукой отъ сосѣднихъ хищни-

ковъ. Такъ наши богатыри подъ предводительствомъ Ильи Муромца стоятъ стражею на поляхъ Цыцарскихъ, охраняя границу отъ великана нахвальщины. Такъ какъ *поленица* и *полякъ* одного грамматическаго происхожденія, то по русскимъ былинамъ, поляница *полякуетъ*[1]), то-есть, разъѣзжаетъ по полямъ, очищая родную землю отъ враговъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что названіе богатыря поляницею состоитъ въ видимой связи съ собственными именами племенъ: древнихъ *Полянъ*, сидѣвшихъ въ Кіевѣ, и позднѣйшихъ *Поляковъ*.

Впрочемъ, и этимъ названіемъ не выражается рьяная молодая сила новаго поколѣнія, которымъ русскій эпосъ окружаетъ своего любимаго князя. Идею о юномъ героѣ, представителѣ новаго, лучшаго порядка вещей, о *добромъ молодцѣ*, полнѣе всего выражаетъ слово *юнакъ* (то-есть юный, молодой), которымъ Болгары и Сербы называютъ собственно героя: оттуда *юнацкія* пѣсни, то-есть богатырскія[2]).

Филологи[3]) полагаютъ, что одно изъ древнѣйшихъ племенъ греческихъ, въ которомъ особенно процвѣла эпическая поэзія, именно племя *Іонійское* получило свое названіе отъ одного и того же общаго корня съ санскритскимъ *Іавана*, что̀ значитъ собственно молодой, юный, и родственно съ латинскимъ *juvenis* (юноша), откуда французское *jeune*. Наше слово *юнъ*, *юный*, сократилось изъ того же древнѣйшаго слова, общаго всѣмъ индоевропейскимъ народамъ. Отъ *юнъ* произошло слово *юнакъ*, герой. Какъ въ Греціи отважные, молодые выходцы съ дальняго востока получили названіе *Іонянъ*, то-есть, молодыхъ, такъ и наши *юнаки* съ понятіемъ о древнихъ богатыряхъ соединяютъ юношескую отвагу героевъ новаго, молодаго поколѣнія, съ которымъ выступаютъ Славяне на историческое поприще. Слѣдуя тѣмъ же эпическимъ воззрѣніямъ, до позднѣйшаго времени такъ-называе-

---

[1]) Рыбник., I, 179.

[2]) Сверхъ того слово *юнакъ* или *унакъ* у Болгаръ употребляется въ смыслѣ жениха.

[3]) Pictet, Les origines Indo-européennes. 1859 г. I, 58—67.

мые *отроки* и *дѣти боярскіе* составляли лучшую часть воинскихъ дружинъ. Опытная старость судитъ и рядитъ на судѣ и на вѣчѣ, молодежь отличается воинскими подвигами: «молодой на битву, а старый на думу», какъ выражается народъ: «молодость плечами покрѣпче, старость головою». Потому-то поэтическое повѣствованіе о воинскихъ подвигахъ и слыветъ у Славянъ подъ именемъ пѣсенъ *юнацкихъ*, то-есть *юношескихъ*.

Итакъ, былина повѣствуетъ о молодыхъ силахъ родной земли, впервые развернувшихся на просторѣ. Хотя и называется она у насъ *стариною*, а у Скандинавовъ даже *старухою*, *прабабушкою* (Эдда); однако содержаніе этой старины свѣжее, молодое. Полный расцвѣтъ свѣжихъ силъ, та *серединная* пора, которою отдѣляется недозрѣлый юноша отъ человѣка стараго, вотъ та счастливая, идеальная область, въ которой народная фантазія помѣщаетъ своихъ богатырей. Только поэзія можетъ уловить эту счастливую середину; въ жизни она проходитъ не замѣтно: «Молодо жидко, говоритъ народъ: старо — круто, а *середовая пора* однимъ днемъ стоитъ». Точно будто этотъ-то блаженный, середовой день русская былина и оглашаетъ веселымъ шумомъ и разгульемъ пировъ князя Владиміра, когда всѣ добрые молодцы только что *на возрастѣ*. Будто жалѣя разстаться съ этимъ днемъ, она не хочетъ видѣть его сумерекъ, и будто намѣренно медлитъ на полуднѣ:

А и будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ во полустолѣ.

Такъ поетъ она, начиная разсказъ о какомъ-нибудь богатырскомъ подвигѣ.

Согласно юнацкому содержанію богатырской былины, и народная пословица съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ, умѣетъ остановиться на срединѣ между уваженіемъ къ старческой опытности и нѣжною любовью къ молодымъ годамъ, которыя она называетъ *золотою порой*. «Тужи по молодости, что по большой волости», говоритъ она; потому что «старость — не радость, не

красные дни», «старость съ добромъ не приходитъ», «старость — неволя». Молодость — это пора дѣятельности, руководимой опытомъ старины: «молодой работаетъ, старый — умъ даетъ». Потому: «Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе, а чѣмъ моложе, тѣмъ дороже». Даже самыя заблужденія молодости народъ снисходительно извиняетъ, какъ дѣло преходящее: «Молодость не грѣхъ» говоритъ онъ: молодой умъ, что молодая брага», то-есть, въ тревожномъ броженіи: но это не бѣда, потому что «молодое пиво уходится» «молодой квасъ — и тотъ играетъ» «молодъ перебѣсится, старъ не перемѣнится». Отдавая предпочтеніе молодости передъ старостью въ свѣжести силъ и бодрой дѣятельности, народъ остается при томъ убѣжденіи, что и въ старости можно сохранить душевную свѣжесть: «Самъ старъ, да душа молода», говоритъ онъ пословицею о такихъ счастливыхъ личностяхъ, образецъ которыхъ русская былина начертала въ величавомъ типѣ муромскаго богатыря: «дѣтинка съ сѣдинкой вездѣ пригодится».

Историческое движеніе въ раскрытіи народнаго эпоса обнаружилось замѣною одряхлѣвшей старины новымъ поколѣніемъ, свѣжесть котораго наивная фантазія символически характеризуетъ нестарѣющею юностью созданныхъ ею типовъ. Эту идею съ замѣчательнымъ художественнымъ тактомъ выразила греческая скульптура въ юношескихъ идеалахъ олимпійскихъ божествъ, которыя постоянно черпаютъ свѣжія силы въ напиткѣ безсмертія и молодости. Русская былина остается при томъ же наивномъ убѣжденіи, что ея богатыри никогда не состарятся: «Молодецъ на конѣ сидитъ — самъ не старѣетъ», говоритъ она о своихъ любимцахъ [1]).

Только народы закоснѣвшіе безъ историческаго движенія останавливаются въ своемъ эпосѣ на миѳическихъ страшилахъ и титанахъ, какъ Финны въ своей *Калевалѣ*. Племена нѣмецкія и славянскія уже въ раннихъ проявленіяхъ эпическаго народнаго творчества успѣли ступить твердою ногою на историческое поле.

---

[1]) Рыбник., I, 297.

Даже космогоническій эпосъ скандинавскій строитъ весь міръ уже изъ титаническихъ развалинъ страшнаго великана Имира, и среди вселенной водружаетъ великое *древо историческаго развитія* (Иггдразиль), орошаемое источникомъ прошедшаго, и въ своемъ колоссальномъ ростѣ достигающее до Валгалы, предоставленной въ жилище душамъ совершеннѣйшихъ изъ смертныхъ. Уже пѣсня Древней Эдды, подъ названіемъ *Rigsmal*, даетъ предпочтеніе новому историческому поколѣнію передъ миѳическою стариною, остановившеюся въ своемъ одностороннемъ тяготѣніи назадъ. Только отъ младшихъ членовъ рода-племени производитъ она трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и свободныхъ воиновъ, тогда какъ отъ *прадѣдовъ* и *прабабокъ* рождались только жалкія существа, ставшія *рабами* тѣхъ, которые народились уже отъ *дѣдовъ* и *отцовъ*. Такъ и у насъ чудовищный Соловей Разбойникъ попалъ въ плѣнъ къ Ильѣ Муромцу и сталъ его *слугою*, то-есть, рабомъ. Наши богатыри временъ князя Владиміра, какъ замѣчено выше, истребляютъ все ужасное и зловредное для человѣческаго общества, очищая лицо Русской земли отъ страшилищъ миѳической старины.

Древнія чудовища, какъ тотъ великанъ, котораго Илья Муромецъ видѣлъ лежащимъ на горѣ, обладали непомѣрною, разрушительною силою; потому сама земля не могла ихъ сдержать, и рано ли, поздно ли, должны были они погибнуть. Соловей Разбойникъ, будучи въ плѣну, проситъ князя Владиміра и Илью, чтобъ они пустили его на волю:

Я повыстрою вкругъ города Кіева
Села съ приселечками,
Улки съ переулками,
Города съ пригородками.

«Не строитель онъ вѣковой, а разоритель», говоритъ о Соловьѣ муромскій герой, какъ бы въ томъ убѣжденіи, что отъ этого титаническаго поколѣнія нельзя ожидать ничего зиждительнаго[1]).

[1]) Рыбник., II, 344.

Въ противоположность кровожаднымъ инстинктамъ грубыхъ временъ, богатыри младшіе не охотно проливаютъ кровь въ бою со врагами. Богатырскіе подвиги, неразлучные съ разнаго рода жестокостями, оставляютъ по себѣ въ душѣ ихъ что-то горькое, тоскливое. Какою напримѣръ нѣжною меланхоліею, какимъ глубокимъ человѣколюбіемъ дышитъ слѣдующая жалоба Добрыни Никитича на суровое назначеніе, доставшееся на долю эпическому богатырю!

Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
Спородила бы, государыня родна матушка,
Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
Спустила бы меня во сине море:
Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыихъ женъ,
Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ [1]).

Хотя въ былинахъ эта трогательная, человѣколюбивая жалоба на суровую судьбу богатыря обыкновенно влагается въ уста Добрыни, но она столько же относится ко всѣмъ его современникамъ. Это благородный голосъ любви къ ближнему, который невольно слышится среди воинскаго шума и гама; это слѣдъ новой, лучшей эпохи, смягченной историческимъ развитіемъ быта и нравовъ. Даже въ пылу отчаянной битвы богатырь вспоминаетъ о жестокихъ слѣдствіяхъ убійства: ему представляются вдовы и сироты убиваемыхъ имъ враговъ. Когда Добрыня задумалъ высвободиться изъ оковъ, въ которыя заковали его невѣрные супостаты, какая-то «сила невѣрная и поганая», и всѣхъ ихъ рѣшился перебить, — тогда говоритъ имъ:

---

1) Кирѣевск., II, 30—31. Рыбник., II, 21.

Дайте мнѣ немного пораздуматься:
Есть ли у васъ отцы-матери,
Молоды жены, малы дѣтушки?
Есть ли кому по васъ плакати?

Потомъ сорвавъ съ себя тяжелые кандалы, началъ ими помахивать во всѣ стороны и побилъ ими всю поганую силу [1]).

Не такъ горюютъ старшіе богатыри, титаны прежней эпохи, отжившіе уже свой вѣкъ. Они заботятся только о себѣ и оплакиваютъ свое сокрушенное могущество. Вотъ какъ жалуется Шаркъ-Великанъ на истребленіе титаническихъ силъ, падшихъ въ борьбѣ съ поколѣніемъ новымъ:

Ой мать сыра земля, разступися,
Небеса вы синія, раздайтеся,
Облака-тучи во-едину не скопляйтеся!
Тошнехонько богатырской силѣ приходится,
Круто ему люто горе приключается:
Горемычно стало Шарку-великану свою жизнь коротати,
Свою буйну голову по сырой землѣ таскати.
А вотъ первое-то горе — палъ его могучій конь;
А второе-то горе — изломался его тяжелый мечъ,
А третье-то горе — обуяла имъ страсть побѣдная,
Приглянулась ему Марья, Лебедь Бѣлая [2]).

Даже къ своимъ заклятымъ врагамъ, къ порожденью древнихъ чудовищъ, имѣютъ состраданіе богатыри временъ Владиміра, и особенно ихъ представитель, великій муромскій герой. Его свѣтлый типъ по преимуществу служитъ намъ мѣриломъ тѣхъ нравственныхъ успѣховъ, которые оказались возможными на исторической почвѣ русской жизни. Если не всѣ окружающіе его такъ же поступаютъ какъ онъ, за то всѣ ему сочувствуютъ, или по крайней мѣрѣ подчиняются его благотворному вліянію.

Дѣти Соловья-Разбойника, по приказанію Ильи, привезли на телѣгахъ въ Кіевъ богатый выкупъ за своего отца, но уже было

---

[1]) Рыбник., II, 35.
[2]) Ibid. II, 128.

поздно: Соловья ужь не застали въ живыхъ. Солнышко Владиміръ князь обзарился было на имѣнье-богатство; но муромскій крестьянинъ пристыдилъ его своимъ великодушнымъ безкорыстіемъ:

Ай же, Солнышко Владиміръ князь!
Не тобой они приказаны
И не тобой назадъ отпустатся!
Ай же, малы вьюныши [1]) Соловьиныи!
Катите все имѣнье-богачество,
Всю несчетну золоту казну:
Оставлена вамъ отъ батюшки:
Будетъ пропитатися до смерти!
Не надо вамъ по міру ходить да скитатися!

Ни за кого столько не стоитъ Илья Муромецъ, какъ за бѣдствующее человѣчество, которое былина подразумѣваетъ подъ именемъ вдовъ и сиротъ. Однажды, прося Илью заступиться за городъ Кіевъ:

Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:
«Ужь ты здравствуй, старъ казакъ, Илья Муромецъ!
Постарайся за вѣру христіанскую,
Не для меня, князя Владиміра,
Не для ради княгини Апраксіи,
Не для церквей и монастырей,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей» [2]).

Согласно былинѣ, пословица говоритъ: «не строй церкви, пристрой сироту».

Былина до очевидности развиваетъ ту мысль, что мелкій разсчетъ и корысть не совмѣстны съ богатырскимъ могуществомъ, неистощимымъ въ средствахъ, которыми можетъ располагать. Однажды разбойники, покоряясь великой силѣ муромскаго героя, предлагаютъ ему свое золото, цвѣтное платье и коней. Отвѣтъ

[1]) Юноши.
[2]) Рыбник., II, 345. Кирѣевск., IV, 42.

Ильи Муромца на ихъ предложеніе, въ своей гомерической простотѣ, поражаетъ болѣе нежели царственнымъ величіемъ:

Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
За мной бы рыли ямы глубокія;
Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
За мной бы были горы высокія;
Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней,
За мной бы гоняли табуны великіе.

Разбойники давали ему на себя рукописанье въ холопство вѣковѣчное. Но богатырю кромѣ славы ничего не нужно. «Поѣзжайте, братцы разбойники, отъ меня въ чисто поле», говоритъ онъ имъ:

Скажите вы Чурилѣ сыну Пленковичу
Про стараго казака Илью Муромца.

Въ другой разъ, разбивъ войско трехъ царевичей, осаждавшихъ Черниговъ, нашъ герой, въ простотѣ сердца, милостиво и величаво говоритъ имъ:

Охъ, вы гой есте мои три царевича!
Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
Аль съ васъ буйны головы снять?
Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять —
У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завозные;
А какъ головы снять—царски сѣмины погубить.
Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
Вы чините вездѣ такову славу,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильны, могучи богатыри [1]).

Богатырь не знаетъ никакого званія выше своего; онъ не промѣняетъ его ни на какія почести. Однажды Илья Муромецъ освободилъ городъ Смолягинъ отъ Татаръ; мужики смолягинскіе

---

[1]) Кирѣевск., I, 18, 24, 35, 36.

предлагаютъ ему быть у нихъ воеводою. Богатырь съ презрѣніемъ имъ отвѣчаетъ:

Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
А также изъ богатыря воеводу! [1]).

Главная служба богатырей состоитъ въ охраненіи Кіева отъ враговъ:

А много въ Кіевѣ богатырей,
Какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ.
Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:
Первая застава — сѣры волки,
Другая застава — змѣи лютыя,
Третья застава — стоитъ двѣнадцать богатырей [2]).

Князь Владиміръ, какъ могущественный государь, держитъ въ подданствѣ и Золотую Орду, и Цареградъ, и разныя земли заморскія. Дань съ покоренныхъ народовъ поручаетъ собирать богатырямъ.

Сверхъ воинскихъ подвиговъ и охоты, богатыри несли службу придворную въ разныхъ званіяхъ; впрочемъ не всѣ. Особенно не любилъ служить при дворѣ Илья Муромецъ. Эта легкая служба была ему не по плечу. Кажется, больше другихъ отличался при дворѣ Добрыня:

По три году Добрынюшка стольничалъ,
По три году Добрынюшка чашничалъ,
По три году Добрыня у воротъ стоялъ.

Сверхъ того, онъ *пословничалъ*, то-есть, служилъ въ княжихъ послахъ [3]).

Чурила Пленковичъ служилъ у князя въ постельникахъ и позовщикахъ, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

---

[1]) Рыбник., II, 328.
[2]) Рыбник., II, 135.
[3]) Ibid. II, 10.

Болѣе достойное назначеніе получаютъ богатыри въ княженецкой думѣ. Князь Владиміръ вообще очень мало заботится о народѣ. Судъ и управленіе остаются въ богатырскомъ эпосѣ на заднемъ планѣ. Если князь судитъ и рядитъ и собираетъ думу, то больше ради своихъ личныхъ, домашнихъ интересовъ. На такую-то думу приглашаются и богатыри. Такъ, безъ сомнѣнія, они, подъ именемъ князей и думныхъ бояръ, были собраны на крѣпкую думу о томъ, выдавать ли замужъ княжескую племянницу Запаву или Любаву Путятичну за нѣкотораго посла [1]).

Впрочемъ и княженецкіе нескончаемые пиры съ похвальбою молодецкою, и придворная служба съ охотою и разными потѣхами, и семейная жизнь, и мирныя занятія домашняго быта, все это только преходящая, минутная обстановка богатырскаго житья-бытья. Война, кровавые подвиги, отдаленныя странствія, сопряженныя съ тысячами опасностей, вотъ элементъ, въ которомъ богатырь чувствуетъ себя на просторѣ. Веселые пиры и свадьбы, время отъ времени, смягчаютъ привѣтливымъ свѣтомъ эту мрачную картину, въ которой одна жестокость смѣняется другою: и только чувство человѣколюбія, иногда пробуждающееся въ душѣ богатыря, служитъ надежною порукою, что не крайнее варварство воспѣвается въ богатырскомъ эпосѣ, а раннее броженіе зиждительныхъ силъ, впервые опознавшихся на историческомъ поприщѣ. Правда, нашъ эпосъ далеко уступаетъ скандинавскому въ мрачныхъ краскахъ кровожадной эпохи, онъ не доводитъ жестокости до остервенѣнія; однако имѣетъ тѣ же элементы, вызванные тѣми же явленіями жизни, такъ что грозныя картины безчеловѣчныхъ битвъ въ *Словѣ о полку Игоревѣ* находятъ себѣ соотвѣтствіе въ устныхъ былинахъ, которыя и доселѣ не перестаютъ внушать русскому народу богатырскую отвагу къ воинскимъ подвигамъ, не разлучнымъ съ жестокостью эпической старины.

Русскій богатырь, поваливъ врага наземь, не вдругъ убиваетъ его, а тѣшится и издѣвается надъ нимъ, спарываетъ кин-

[1]) Рыбник., II, 97.

жаломъ его бѣлыя груди, иногда вынимаетъ печень съ сердцемъ, потомъ ужь отрубитъ по плеча буйную голову и воткнетъ ее, какъ воинскій трофей, на копье. Самъ Илья Муромецъ, отличающійся отъ прочихъ богатырей милосердіемъ, способенъ на страшныя жестокости, отъ которыхъ сердце сжимается. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ поступаетъ съ своимъ роднымъ сыномъ, Сокольникомъ:

Ударилъ Сокольника въ бѣлы груди
И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ;
Выскочетъ Илья изъ бѣла шатра,
Хватилъ за ногу, на другу наступилъ,
На полы Сокольничка разорвалъ.
Половину бросилъ въ Сахатарь рѣку,
А другую оставилъ на своей сторонѣ:
«Вотъ тебѣ половинка, мнѣ другая:
Раздѣлилъ я Сокольничка, охотничка!»

По другому варіанту, еще жесточе казнитъ онъ свою дочь. Тоже разорвалъ ее надвое. Одну половину рубилъ на мелкіе куски, бросалъ по раздольицу по чисту полю, кормилъ этою половиною сѣрыхъ волковъ; и другую половину рубилъ на мелкіе куски, бросалъ по раздольицу чисту полю, кормилъ черныхъ вороновъ.

Такія вовсе не нужныя жестокости, объясняемыя варварствомъ, которое тѣшится кровожадною удалью, вполнѣ соотвѣтствуютъ мрачнымъ воззрѣніямъ пѣсенъ древней *Эдды*, которая вмѣсто *воевать*, *сражаться* иногда употребляетъ эпическую форму: *кормить трупами лютыхъ звѣрей и хищныхъ птицъ* [1]).

Впрочемъ это явленіе въ исторіи поэзіи самое естественное. Фантазія набирала для богатырскаго эпоса очерки и краски на поляхъ битвы, она тѣшилась молодецкими подвигами, какъ бы кровавы ни казались они теперь мирному гражданину; она под-

---

1) Кирѣевск., I, 51. Рыбник., I, 80. 74—75.

мѣчала мельчайшія, быстрыя движенія въ кровавыхъ схваткахъ; съ этими грубыми образами она соединяла для себя наслажденіе свободнаго творчества, и въ плавномъ широкомъ стихѣ потѣшала другихъ тѣмъ, въ чемъ находила для себя утѣху.

Безчеловѣчное убійство съ кровавыми подробностями — это желанный конецъ, къ которому фантазія ведетъ цѣлый рядъ моментовъ въ тщательномъ, мелочномъ описаніи битвы. Не двѣ грозныя тучи, не двѣ горы сдвигаются вмѣстѣ: съѣзжаются два богатыря въ чистомъ полѣ. Первымъ боемъ ударились палицами желѣзными, тѣмъ боемъ другъ друга не ранили: палицы въ щепы поломалися. Кололись копьями мурзавецкими, — копья въ цѣвки поломалися. Хватались они за тяги желѣзныя, тянулись черезъ гривы лошадиныя, — другъ друга не перетянули. Потомъ сходили съ коней, хватились плотнымъ боемъ, рукопашкою, водились они не мало времени и т. д. Такъ сражался Илья съ своимъ сыномъ. А вотъ Шаркъ великанъ нападаетъ на Дюка Степановича, вытягиваетъ свой булатный мечъ, со свистомъ размахиваетъ, ударилъ о мечъ сорокапудовой Дюка Степановича; разъ ударились — искры валятъ, въ другой разъ — стонъ пошелъ: оба меча въ черенья разсыпались, изъ виду улетывали. Осерчалъ Шаркъ богатырь, руками могучими понатужился, въ бѣлую грудь Дюку уперся, инда косточки хряснули, — тяжело вздохнулъ Дюкъ Степановичъ. Тутъ руками они сплеталися, колѣнями другъ въ друга упиралися; горячая кровь ручьемъ течетъ изъ глубокихъ ранъ; силушки ихъ надрываются. Или: не двѣ горы вмѣстѣ скатаются, то Тугаринъ съ Алешей съѣзжалися, палицами ударились — палицы по цѣвьямъ поломалися, копьями соткнулися — копья по цѣвьямъ извернулися, саблями махнулися — сабли исщербилися. Алеша Поповичъ валился съ сѣдла, какъ овсяный снопъ: Тугаринъ Змѣевичъ училъ бить Алешу Поповича, а тотъ ли Алеша увертливъ былъ, увернулся Алеша подъ конное черево, съ другой стороны вывернулся изъ-подъ черева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножомъ подъ правую пазуху, спихнулъ Тугарина съ добра коня, и учалъ кричать Тугарину: «Спасибо тебѣ,

Тугаринъ Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца!» Отрубилъ ему Алеша буйну голову, и повезъ онъ буйну голову ко князю Владиміру; ѣдетъ да головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на востро копье головушку подхватываетъ.

Надобно было свыкнуться, сжиться съ этими ужасами, надобно было войдти во вкусъ этихъ кровавыхъ сценъ, чтобы съ такою игривостью на нихъ медлить. Фантазія вполнѣ сочувствуетъ суровому быту и заявляетъ свое сочувствіе легкимъ, артистическимъ воспроизведеніемъ его. Вотъ напримѣръ, какъ Бермята убиваетъ Чурилу Пленковича, заставъ его съ своею женою:

Не свѣтъ зорюшка просвѣтилась:
Востра сабля промахнулася;
Не скатная жемчужинка катается,
А Чурилова головка катается
По той-то середы кирпичныя;
Не бѣлый горохъ разсыпается,
Чурилина-то кровь разливается.

О смертельной ранѣ, чудовищно обезображивающей человѣка, богатырь говоритъ слегка, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ, и внимательно медлитъ на подробномъ ея описаніи. Богатыри хотятъ, чтобъ Соловей разбойникъ показалъ себя свистомъ, визгомъ и крикомъ. «Дайте ему сначала освѣжиться зеленымъ виномъ, говоритъ муромскій богатырь: а то,

Теперь у него уста запечатаны,
Запеклись уста кровью горючею:
Стрѣленъ у меня во правый глазъ,
Вышла стрѣла во лѣво ухо [1]).

Самые ранніе походы на Руси совершались на ладьяхъ по рѣкамъ. Пришлые Варяги были отличные корабельщики. Пла-

[1]) Кирѣевск., IV, 15. Рыбник., I, 314—5. Аѳанасьева, Сказки, 6, 288—9. Рыбник., II, 125, 1, 53.

вая по рѣкамъ, они вытаскивали лодки изъ воды и переволакивали на себѣ, гдѣ было нужно. По лѣтописной сказкѣ, даже подъ Цареградъ они подкатились на судахъ, подъ которыя поставили колеса. Въ новгородскихъ былинахъ, уже соотвѣтственно позднѣйшему историческому быту, гости корабельщики предпринимаютъ по водѣ отдаленныя странствія: они торгуютъ или ѣдутъ въ Іерусалимъ поклониться гробу Господню. Но въ былинахъ, доселѣ изданныхъ, мало слѣдовъ древнѣйшаго варяжскаго обычая совершать воинскіе походы по рѣкамъ и морямъ. Можетъ-быть, былина о Соловьѣ Будиміровичѣ сохранила нѣкоторые отголоски этой ранней поры. Хотя онъ называется *гостемъ*, то-есть, торговымъ человѣкомъ, но, какъ норманскій пиратъ, имѣлъ онъ подъ рукою цѣлую дружину. Соловей Будиміровичъ на своихъ корабляхъ съ моря синяго подплываетъ къ Кіеву и подноситъ богатые заморскіе дары князю Владиміру и его княгинѣ. Подробное эпическое описаніе корабля Соловья Будиміровича отзывается тою далекою эпохою, когда творческая фантазія находила себѣ пищу въ быту воинственныхъ корабельщиковъ. Былина съ особенною любовью останавливается на описаніи корабля, изображая его какимъ-то чудовищемъ. Вмѣсто очей было у него вставлено по дорогому камню, по яхонту, вмѣсто бровей было прибито по черному соболю, вмѣсто усовъ было воткнуто два острыхъ ножа булатныхъ, вмѣсто ушей было воткнуто два острыхъ копья, и на нихъ два горностая повѣшены; вмѣсто гривы было прибито двѣ лисицы бурнастыя, вмѣсто хвоста повѣшено два медвѣдя бѣлыхъ, заморскихъ. Носъ и корма по туриному, а бока взведены по звѣриному [1]).

Можетъ быть, со временемъ найдутся былины и сказанія, которыя дадутъ новый матеріялъ для характеристики этого древняго быта корабельщиковъ; но, сколько можно судить по изданному теперь, надобно, кажется, признать за историческій фактъ, что въ обиходѣ богатырскаго эпоса цикла Владимірова корабль

---

[1]) Кирши Даниил. У Кирѣевск., IV, 100.

уже потерялъ всякое значеніе. Изъ этого можно заключить, что или вообще не значительно было вліяніе мореходныхъ, заморскихъ Варяговъ на русскій богатырскій эпосъ, или это вліяніе изгладилось въ теченіе вѣковъ, не находя себѣ поддержки въ условіяхъ земледѣльческаго быта племенъ, разселившихся по необозримымъ равнинамъ.

Какъ бы то ни было, только вовсе не корабль, а конь играетъ главную роль въ жизни русскаго богатыря. И донынѣ о новорожденномъ сынѣ говорится въ народѣ поговоркою: «Дай Богъ вспоить, вскормить, *на коня посадить*». Кони младшихъ богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Дюка Степановича и Чурилы Пленковича, были дѣти знаменитой кобылы Микулы Селяниновича, *Обнеси голова* или *Подыми голова*. Конь Дюка говоритъ своему хозяину:

Не уступлю я братьямъ большіимъ,
А не столько что братцу меньшему:
Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
А середній братъ у Добрыни Никитича,
А я третій братъ у Дюка Степановича,
А четвертый ужь братъ у Чурилы Опленкова.

Онъ хвалится своими лошадиными крыльями, которыя позднѣйшая былина называетъ *подложными*. Эти крылья, вѣроятно, такъ же какъ у коня сербскаго Момчилы, были невидимы, и показывались только въ извѣстное время. Надобно полагать, что и другія дѣти кобылки *Обнеси голова* были тоже крылатыя. Бурый конь Дюка много лѣтъ стоялъ въ конюшнѣ безъ употребленія, такъ что по колѣна въ землю заросъ. Жеребенокъ отъ кобылы *Обнеси голова*, вѣроятно, попалъ къ корачаровскому дьячку, иначе просто къ сосѣду, у котораго купилъ его Илья Муромецъ. Жеребенокъ былъ шелудивый. Илья вывалялъ его въ росѣ на тридевяти утреникахъ, и вывалялся жеребенокъ богатырскимъ конемъ: ѣстъ онъ одну бѣлоярову пшеницу, пьетъ одну росу утреннюю. Чтобы не страшно было сидѣть на конѣ, когда онъ скачетъ съ горы на гору, рѣки и озера перескакиваетъ, широкія

раздолья межь ногъ пущаетъ, богатырь беретъ земли сыро-матерой и подвязываетъ подъ плечи.

Кромѣ этихъ коней, славились и другіе. Одного полонилъ Илья Муромецъ у Тугарина Змѣевича. У Ивана Гостинаго Сына тоже знаменитый былъ конь, бурушка-каурушка.

Трехъ годковъ жеребушечка:
Маленькій, косматенькій,
Глазочки какъ яблочки,
Копытечки по рѣшетечку,
Гривушка семи саженьковъ,
Хвостикъ семидесятъ.

Этотъ конь былъ необычайный. Когда Иванъ, надѣвъ дорогую шубу, вывелъ его на дворъ у князя Владиміра —

Сталъ его бурко передомъ ходить,
И копытами онъ за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Онъ на всѣ стороны побрасывати!..
Зрявкаетъ бурко по туриному,
Онъ шипъ пустилъ по змѣиному,
Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княженецкаго двора разбѣжалися.

Богатырь бесѣдуетъ съ своимъ конемъ, какъ съ товарищемъ, и конь отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ; онъ даже имѣетъ вѣщую силу, чуетъ бѣду и предупреждаетъ своего хозяина. Но главное достоинство коня — необычайная быстрота. Какъ въ *Словѣ о полку Игоревѣ* князь Всеславъ полоцкій прославляется своею быстрою ѣздой; такъ и богатыри между заутреней и обѣдней проѣзжаютъ огромныя пространства. «Стоялъ я заутреню въ Муромѣ, говоритъ Илья, а къ обѣднѣ поспѣлъ въ стольный Кіевъ градъ».

Ѣдучи по чисту полю, богатырь всегда подмѣчаетъ лошадиные слѣды, или для того, чтобы не попасться въ расплохъ, или чтобы наслѣдить врага:

Поѣхалъ онъ по раздолью чисту полю,
Наѣхалъ слѣдъ лошадиный:
Впереди его проѣхано у богатыря,
У лошади копытами выверчивана
Мать сыра земля будто сильными рѣшотами.
Онъ поѣхалъ по этому по слѣду лошадиному.

Богатырь внимательно разсматриваетъ *ископыть*, то-есть, комъ, вылетѣвшій на слѣду изъ-подъ копыта проѣхавшаго коня, и отсюда выводитъ заключенье о сѣдокѣ. Часто случается богатырю проѣзжать топкими непроходимыми мѣстами; тогда онъ

Лѣвой рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ,
Дубья рветъ все кряковисты,
Мосты мостить калиновы.

Вообще съ памятью о богатыряхъ соединяется въ народѣ мысль о самомъ раннемъ проложеніи путей сообщенія по непроходимымъ дебрямъ и лѣсамъ, раздѣлявшимъ поселенія древней Руси. Илья Муромецъ хвалится на пиру у князя Владиміра, что онъ промостилъ цѣлыхъ тысячу верстъ калиновые мосты по зыбучимъ болотамъ, на пути къ Кіеву, и очистилъ дорогу прямоѣзжую отъ Соловья-Разбойника. Дюкъ Степановичъ долженъ былъ на пути въ Кіевъ проѣзжать черезъ страшныя заставы, то-есть, не преоборимыя препятствія, борясь, какъ Егорій Храбрый, то съ птицами клевучими, то со стадами лютыхъ змѣй. Илья Муромецъ проѣзжая срубалъ лѣса и строгалъ стружки, а на стружкахъ клалъ кресты съ надписью:

Ѣдетъ старой казакъ да Илья Муромецъ,
Ко славному ко стольному городу ко Кіеву,
Во первую поѣздку богатырскую.

Когда богатыри пріѣзжали къ князю Владиміру, становили своихъ добрыхъ коней

Ко столбику ко точеному, ко колечку золоченому,
Куда ставятъ коней сильные могучіе богатыри.

Бросить коней середи двора, «не привязанныхъ да не приказанныхъ», значитъ нанести хозяину великую обиду.

Кони богатырскіе чуютъ свое родство, и радостно встрѣчаютъ другъ друга. Нравственная связь богатырей, выражаемая обрядомъ побратимства, скрѣпляется дружбою и родствомъ ихъ коней. Дюкъ Степановичъ увидѣлъ въ полѣ шатеръ, и не зная, что за богатырь въ немъ отдыхаетъ, другъ или недругъ, предоставляетъ рекогносцировку своему коню, самъ съ собою такъ разсуждая:

А поставлю я своего добра коня
Ко одной ко полости ко бѣлыя,
Ко одной пшеницѣ бѣлояровой:
Если кони смирно станутъ ѣсть пшеницу бѣлоярову,
Пойду въ шатеръ — не тронетъ богатырь;
А если кони драться станутъ,
Поѣду на уѣздъ, могу ль уѣхати!

Кони стали смирно ѣсть пшеницу изъ одной полости, и Дюкъ вошелъ въ богатырскій шатеръ. Тамъ въ углу спитъ богатырь —

Спитъ-то, храпитъ, какъ порогъ [1]) шумитъ;
Поглядѣлъ ему на надпись богатырскую:
Ажно спитъ старый казакъ Илья Муромецъ [2]).

Замѣчу мимоходомъ, что въ этомъ мѣстѣ наивная былина заимствовала у старинной иконописи византійскій обычай — подписывать имена по сторонамъ изображаемаго лица.

Какъ кони богатырскіе ведутъ свое происхожденіе отъ древнихъ, титаническихъ временъ, такъ и оружіе. Мы уже видѣли, что Илья наслѣдовалъ мечъ-кладенецъ отъ великана Святогора; а до того времени долго выбиралъ онъ себѣ мечъ, но что ни возьметъ въ руку мечъ, сожметъ въ кулакѣ — рукоять въ дребезги,

[1]) Порогъ рѣки. Воспоминаніе о порогахъ Днѣпровскихъ?

[2]) См. замѣтку у Рыбник., I, 22. Рыбник., I, 292, 297. См. замѣтку Даля у Кирѣевск., I, 32. Рыбник., II, 5. Кирѣевск., III, 4 и слѣд. Рыбник., I, 59, 274. Кирѣевск., I, 46—7. Рыбник., II, 330, 341, 325, 167, 47. Рыбник., I, 275.

и такъ много кинулъ поломаныхъ мечей бабамъ лучину щепать. На родинѣ Ильи Муромца прославился знаменитый *Агриковъ мечъ*, которымъ князь Петръ убилъ змія оборотня, прилетавшаго къ супругѣ его брата. Мечъ этотъ заложенъ былъ въ кирпичной стѣнѣ въ церкви [1]). Какъ въ муромской легендѣ соединяются преданія Мурома и Рязани, потому что вѣщая супруга князя Петра, Февронія была родомъ изъ рязанскихъ предѣловъ, дочь мужика древолазца-бортника; такъ и Агриковъ, или Агрикановъ мечъ, по сказкѣ у Чулкова, достался рязанскому богатырю Добрынѣ Никитичу, который убилъ имъ Тугарина Змѣевича, соотвѣтствующаго муромскому змію оборотню, любовнику княгинину. Между былинами въ сборникѣ г. Рыбникова одна упоминаетъ о двухъ богатыряхъ, братьяхъ *Агрикановыхъ*. Чулковъ называетъ и самого *Агрикана*, который оставилъ по себѣ въ горѣ кладовую, куда онъ собралъ оружіе славныхъ богатырей. Ключъ отъ этой кладовой Добрыня нашелъ подъ огромною головой, принадлежавшею великану, который отомстилъ за смерть Агрикана. Добрыня влѣзъ въ кладовую, выбралъ себѣ оружіе, и также нашелъ себѣ тамъ знаменитаго слугу Торопа.

Заслуживаетъ вниманія, что богатыри, употребляя обоюдуострый мечъ, оружіе западное, еще не знаютъ сабли, которую лѣтопись предоставляетъ восточнымъ кочевникамъ.

Богатырскій эпосъ изображаетъ эпоху, далеко отстоящую отъ введенія огнестрѣльнаго оружія. Съ особенною тщательностью русская былина описываетъ стрѣлы и стрѣльбу изъ лука: какъ богатырь вынимаетъ —

Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,

---

[1]) См. въ 1-мъ т. моихъ Историч. Очерковъ.

Калену стрѣлу семи четвертей;
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука.

У Ильи Муромца были три знаменитыя стрѣлы, которыя онъ самъ выковалъ изъ трехъ булатныхъ полосъ, закаливъ ихъ въ матери сырой землѣ. Но особенно прославляются въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ три стрѣлы Дюка Степановича. Тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ, «цѣны не было и не свѣдомо». Колоты онѣ были изъ трость-дерева, строганы въ Новѣгородѣ, клеены клеемъ осетра рыбы, оперены перьемъ сизаго орла. Леталъ орелъ надъ синимъ моремъ, ронялъ перья въ сине море; плыли гости корабельщики, собирали тѣ перья на синемъ морѣ, вывозили ихъ на святую Русь, продавали краснымъ дѣвицамъ. Покупала перья Дюкова матушка, перо во сто рублей, въ тысячу. Въ ушахъ у тѣхъ стрѣлокъ вставлено было по камню самоцвѣтному, по тирону, а около ушей перевито аравитскимъ золотомъ. Днемъ Дюкъ охотится, стрѣляетъ, а ночью тѣ стрѣлки собираетъ; потому что днемъ стрѣлокъ не видать —

А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горятъ,
Свѣчи теплятся воску яраго.

Стрѣлы было самое употребительное оружіе, равно полезное и на войнѣ, и на охотѣ. Потому до настоящаго времени въ народѣ сохранилось преданье, что лукъ со стрѣлою — признакъ добраго молодца. До сихъ поръ кое-гдѣ на Руси ведется обычай отъ дѣтскаго крику класть подъ головы мальчику *лучокъ со стрѣлкой*, а дѣвочкѣ пряслицу. При этомъ причитаютъ: «Щекотиха, будиха, вотъ тебѣ лучокъ (или: пряслица): играй, а младенца не буди».

Стрѣльба въ цѣль служила богатырскою потѣхой. Нѣкоторые, даже женщины, какъ напримѣръ жены Дуная и Ставра, такъ ловко стрѣляли, что попадали въ ножовое вострее, и раскалывали объ него стрѣлу на двѣ ровныя части[1]).

---

[1]) См. замѣтку Даля у Кирѣевск., I, 32. Рыбник., II, 436 и замѣтку 26. Кирѣевск., IV, 53. III, 102. Рыбник., I, 184. Даля, Пословицы, 403.

Кромѣ мечей и стрѣлъ, богатыри въ бою употребляли копья, палицы, шелепуги, ножи, кинжалы или чингалища. На себя надѣвали крѣпкія доспѣхи — куякъ, панцырь, кольчугу. Щиты, кажется, не входили въ богатырскій обиходъ. Вооружаясь самъ съ головы до ногъ, богатырь старательно снаряжаетъ всякою сбруею и своего коня. Былина съ особенною любовью останавливается на описаніи этихъ сценъ, во всей подробности повѣствуя, какъ богатырь —

. . . Шелъ-то на широкій дворъ,
Съ широка двора шелъ на стойло конинное,
Бралъ онъ бурушка на широкій дворъ,
Сталъ сѣдлать-уздать добра коня,
Накидывать потнички на потнички,
Накладывать войлочки на войлочки,
На верехъ накладывалъ сѣделышко черкесское,
И затягивалъ двѣнадцать тугихъ подпругъ,
Натягивалъ онъ тринадцату,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрѣпы богатырскія;
Подпруги-то были чиста серебра,
Шпеньки-то были красна золота,
Стремена-то булата заморскаго,
Шелку-то онѣ шемаханскаго:
Шелкъ-отъ не рвется и не трется,
А булатъ не ржавѣетъ,
Красно золото не мѣдѣетъ,
Чисто серебро не железѣетъ [1]).

Конская скачка была такою же любимою потѣхою въ состязаньи богатырей, какъ и стрѣльба изъ лука. Собесѣдники на пиру князя Владиміра часто похваляются своими добрыми конями, и чтобы рѣшить споръ, пускаются въ состязанія. Въ этомъ отношеніи знамениты были кони Ивана Гостинаго Сына и Дюка Степановича.

---

[1]) Рыбник., I, 272.

Итакъ, богатыри младшіе уже не знаютъ древнихъ морскихъ разъѣздовъ варяжскихъ, ни плаванья по рѣкамъ. Они проводятъ жизнь въ чистомъ полѣ; они *поляницы*, они *полякуютъ*. Они промѣняли и крестьянскую соху на мечъ и лукъ со стрѣлами. Они не употребляютъ и топора, этого остатка древнихъ молотовъ. Имъ не нужна и мужицкая телѣга. Даже Илья Муромецъ, герой народный, воспитанный въ крестьянскомъ быту, уже промѣнялъ топоръ, соху и телѣгу на мечъ и коня.

Въ богатырскомъ эпосѣ русскій народъ прославляетъ воинскіе подвиги и доблести своихъ героевъ, забывая на время ежедневные труды мирнаго земледѣльца. На самой ранней порѣ, только что Русь вышла на историческое поприще, тревожная эпоха междоусобій, особенно въ главныхъ сосредоточіяхъ русской жизни, заглушала воинскимъ шумомъ и гамомъ мирные голоса земледѣльческаго населенія. «Сѣялись и росли тогда междоусобіями, говоритъ *Слово о полку Игоревѣ:* погибала тогда жизнь Дажьбожихъ внуковъ; въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сокращался: тогда по Русской землѣ рѣдко услышишь, чтобъ подавалъ свой голосъ земледѣлецъ; но часто вороны граяли, дѣля между собою трупы». Вотъ та грозная, воинская эпоха, исполненная бѣдствій и ужасовъ, отъ которой доносится до насъ суровый, воинственный строй нашего богатырскаго эпоса. Не идиллія земледѣльческаго быта, на многіе вѣка остановившагося въ своемъ развитіи, дала содержаніе нашему народному эпосу; не мирные поселяне съ ихъ однообразными, скромными привычками, искали для себя поэтическое отраженіе въ богатырскихъ идеалахъ; не въ тѣсныхъ стѣнахъ деревенской избы сосредоточила свои симпатіи творческая фантазія, населившая русскую старину богатырскими доблестями. Впервые пробудившійся духъ историческаго движенія, съ свѣжею энергіей, увлекаетъ въ своемъ потокѣ эти новыя историческія силы, такъ разнообразно направленныя въ ихъ тревожной дѣятельности, то въ отдаленныхъ поѣздкахъ богатырей, завоевывающихъ цѣлыя страны и собирающихъ съ нихъ дань, то въ защитѣ Русской земли отъ сосѣднихъ

хищниковъ, то въ борьбѣ съ чудовищами, то въ молодецкомъ похищеніи себѣ женъ, подобно Римлянамъ маститыхъ временъ Ромула и Рема. И Муромъ, и Рязань, и Ростовъ и другія родныя мѣста бросаютъ богатыри, и вереницами тянутся къ Кіеву, не потому чтобы не дорогà была для нихъ родная сторона, но потому, что движеніе историческое сосредоточивается для нихъ въ Кіевѣ, въ лицѣ ласковаго князя Владиміра; потому что уже нечего имъ дѣлать дома, въ тѣсной обстановкѣ доисторическаго быта, потому что новыя силы ищутъ простора для своей дѣятельности, и находятъ въ княжеской дружинѣ достойную для себя задачу въ заложеніи первыхъ основъ исторической на Руси жизни. Далекія области благословеніями напутствуютъ своихъ представителей, отправляющихся къ кіевскому князю на службу, не жалѣя, что въ своихъ богатыряхъ разстаются онѣ съ лучшими силами, какія могли только возникнуть на ихъ родной почвѣ; потому что этимъ силамъ суждено было созрѣть и вполнѣ развиться уже въ иной обстановкѣ, болѣе благопріятной для историческаго движенія. Только Новгородъ ревниво отстаиваетъ свои права и не хочетъ подѣлиться съ Кіевомъ ни Садкомъ, ни Васильемъ Буслаевымъ, ни другими, можетъ-быть, богатырями, которыхъ со временемъ отроютъ намъ такіе счастливые и искусные собиратели, какъ г. Рыбниковъ.

Итакъ, на разсвѣтѣ новой исторической жизни народный эпосъ застаетъ поколѣніе богатырей младшихъ. Новизнѣ и свѣжести эпохи соотвѣтствуютъ юношескіе типы богатырей; и въ теченіе многовѣковаго существованія народнаго эпоса, богатыри не старѣютъ, остаются тѣми же юными героями, исполненными надеждъ на будущее; они только возобновляются съ каждымъ новымъ поколѣніемъ и освѣжаютъ его силы своею идеальною, нестарѣющею отвагой.

Это крѣпкое убѣжденіе въ живучесть вѣчно свѣжихъ силъ народной жизни, если не откроетъ въ будущемъ широкаго простора для дальнѣйшаго эпическаго творчества, то по крайней мѣрѣ долго будетъ поддерживать въ народѣ нравственную и эсте-

тическую потребность опознаваться во вновь-встрѣчающихся историческихъ обстоятельствахъ на родной почвѣ богатырскаго эпоса, который не только не противорѣчитъ прогрессу, но въ своемъ существѣ его уже содержитъ и ему способствуетъ, воспитывая и приготовляя къ нему сознаніе народное.

Еслибы богатырскій эпосъ свободно и широко разросся на Руси во времена языческія, когда религіозные миѳы еще не утрачивали способности къ развитію, то, безъ сомнѣнія, быту младшихъ богатырей соотвѣтствовало бы какое-нибудь божество въ родѣ сѣвернаго Одина, предводителя воинскихъ племенъ и покровителя войны. Но славянская миѳологія уже теряла свои творческія силы, когда Кіевъ при князѣ Владимірѣ сталъ въ мысляхъ народа средоточіемъ русской жизни. Потому младшіе богатыри приклонились не передъ миѳическимъ божествомъ войны, а передъ историческою личностью ласковаго князя, молодаго и прекраснаго и одареннаго всѣми благами счастія.

VIII.

Познакомившись съ общимъ типомъ младшихъ богатырей, слѣдуетъ вглядѣться въ характеристическія примѣты, если не всѣхъ ихъ, чтобы не утомить вниманія читателя, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ болѣе видныхъ и главнѣйшихъ.

Самъ народный эпосъ помогаетъ въ этомъ дѣлѣ, не разъ отмѣчая то того, то другаго богатыря краткою и мѣткою характеристикою, вошедшею въ постоянный эпитетъ. Значитъ, индивидуальные характеры богатырей въ точности обозначились въ сознаніи народа, какъ рѣзко опредѣленныя личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ различныя стороны того идеала, какой олицетворяетъ себѣ русскій народъ въ поэтическомъ типѣ богатыря.

Илью Муромца отмѣчаетъ народный эпосъ силою, ухваткою и возрастомъ, а также таланомъ-участью; Чурилу Пленковича походкою щепливою и щегольствомъ, интересующимъ женскій

полъ; Дюка Степановича — имѣньемъ-богатствомъ, которымъ онъ превзошелъ самого князя Владиміра; Потока Михайлу Ивановича — богатырскою поѣздкою на добромъ конѣ; но съ особенною полнотою характеризуетъ эпосъ индивидуальныя особенности Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Нѣтъ никого въ Кіевѣ смѣлѣе Алеши и вѣжливѣе Добрыни, который отличается также тишиною, уговоромъ, смиреньицемъ. У него вѣжество и врожденное, и обученное:

У него рѣчи привѣтливы,
У него рѣчи умильныя,
Онъ прельститъ и уговоритъ.

Добрыня обыкновенно выбирался въ послы для самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ переговоровъ, потому что онъ говоритъ гораздъ, въ рѣчахъ разуменъ, съ гостями почетливъ, а сверхъ того и грамотою востеръ. Алеша Поповичъ съ смѣлостью соединяетъ въ своемъ характерѣ задоръ и запальчивость: онъ «зарывчатъ». Ко всему этому онъ «бабій пересмѣшникъ и судейскій прелестникъ», сутяга, лгунъ, клеветникъ [1]).

Мѣстность, откуда богатырь былъ родомъ, и сословіе, къ которому принадлежалъ, безъ сомнѣнія, оказали свою долю вліянія на индивидуальныя качества богатырскихъ личностей. Вѣжливость и образованіе Добрыни соотвѣтствуютъ его княжескому происхожденію. Первоначально эпосъ воспѣвалъ въ немъ, вѣроятно, брата Малуши, ключницы Ольгиной, отъ которой родился князь Владиміръ. Отецъ его былъ родомъ изъ Любеча. Можетъ-быть, во времена Нестора ходили о Добрынѣ эпическія былины, внесенныя имъ въ лѣтопись, именно о томъ какъ Добрыня ставилъ истукановъ въ Новѣгородѣ, и какъ вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ преслѣдовалъ и обиралъ лапотниковъ. Но въ послѣдствіи, позднѣйшія лѣтописи, согласно съ былинами, называютъ Добрыню Рязанцемъ, и даютъ ему прозвище *Златой Поясъ*. Какъ

---

[1]) См. въ замѣткѣ ко II-й части Пѣсенъ Рыбник., стр. 38—41. А также Рыбник., I, 76, 120, II, 337. Кирѣевск., II, 5.

эпосъ переводитъ богатырей Владиміровыхъ въ періодъ татарскій, такъ и лѣтописи заставляютъ этого Добрыню Рязанца и какого-то Александра Поповича съ его слугою Торопомъ и семидесятью богатырями драться на Калкѣ съ Татарами, которые будто бы всѣхъ ихъ побили [1]). Если подъ Александромъ Поповичемъ надобно разумѣть пѣсеннаго Алешу, то и лѣтопись, также какъ и былина, сближаетъ судьбу и подвиги этого богатыря съ Добрынею.

Рязань вмѣстѣ съ Муромомъ даютъ мѣстныя, эпическія краски извѣстной муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, которая, какъ мы уже знаемъ, была родомъ изъ рязанскихъ крестьянъ. Если Муромская область соединила свои поэтическія преданія съ крестьянскимъ идеаломъ Ильи Муромца, то сосѣдняя съ нею область Рязанская усвоила себѣ идеалъ княжескій въ лицѣ вѣжливаго и грамотнаго Добрыни Никитича.

Ростовъ съ давнихъ временъ славился своими церковными преданіями, связывающими утвержденіе христіанства въ этомъ городѣ съ самыми ранними сказаніями о Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Въ XIII и XIV вѣкахъ этотъ же городъ особенно отличался сильнымъ вліяніемъ духовенства, находившаго себѣ поддержку въ покровительствѣ татарскихъ хановъ, въ теченіе столѣтней борьбы съ мѣстными князьями, какъ въ подробности свидѣтельствуетъ о томъ ростовская легенда о Петрѣ Царевичѣ Ордынскомъ [2]). Если Сергій Радонежскій съ своими грамотными и дѣятельными учениками оказалъ не малое содѣйствіе въ просвѣщеніи Москвы, то надобно припомнить, что онъ родомъ былъ изъ Ростовской области, откуда его благочестивая фамилія выселилась въ предѣлы Радонежскіе. Даже самъ Новгородъ, знаменитый, по тогдашнему, своею образованностью, въ XV вѣкѣ заимствовался книжными сокровищами изъ Ростова, гдѣ искалъ

[1]) Лѣтописныя свидѣтельства. См. въ примѣч. ко 2-му выпуску пѣсенъ Кирѣевск., стр. 17.

[2]) См. во II-мъ томѣ моихъ Историч. Очерковъ.

себѣ многихъ рѣдкихъ книгъ новгородскій архіепископъ Геннадій. Въ народѣ доселѣ славится Ростовъ своими церквами и крестами. «Ѣздилъ чортъ въ Ростовъ, говоритъ пословица, да испугался крестовъ»[1]). Народный эпосъ, всегда вѣрный историческимъ и мѣстнымъ преданіямъ, знаетъ въ Ростовѣ *стараго попа соборнаго*, сыномъ котораго былъ знаменитый Алеша Поповичъ.

Если личность этого богатыря изображается особенно не въ выгодномъ свѣтѣ, сравнительно съ другими его товарищами, то это слѣдуетъ приписать, конечно, той причинѣ, что онъ, покинувъ домъ своего почтеннаго отца, промѣнялъ званіе церковнослужителя на бродяжничество. Сначала, въ древнѣйшихъ былинахъ, какъ богатырь-убійца Тугарина Зміевича, Алеша Поповичъ могъ имѣть какое-нибудь иное значеніе, независимое отъ столкновеній между сословіями, но въ послѣдствіи онъ сталъ представителемъ тѣхъ пролетаріевъ изъ церковнаго званія, изъ которыхъ выходятъ авантюристы разнаго сорта, и о которыхъ, судя по пословицамъ, народъ имѣетъ не очень выгодное понятіе.

Какъ мало Алеша воспользовался выгодами своего происхожденія видно изъ того, что онъ даже не выучился у отца своего грамотѣ[2]). Когда онъ съ Екимомъ Ивановичемъ, выѣхавши изъ Ростова, увидѣлъ на перекресткѣ камень съ подписью, то не умѣлъ самъ прочесть ее, а заставилъ своего товарища, называя его «въ грамотѣ поученымъ человѣкомъ». На камнѣ были означены три дороги: одна въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья въ Кіевъ. Товарищи выѣхали, какъ видно, безъ всякой цѣли, просто бродяжничать; потому что Екимъ спрашиваетъ: «Куда же намъ ѣхать?» «А поѣдемъ лучше къ городу Кіеву, отвѣчаетъ Алеша, къ ласковому князю Владиміру».

Другіе богатыри открыто вступаютъ въ честный бой съ своими врагами; Алеша норовитъ убить украдкою. Уже только что пустился онъ на богатырскіе подвиги, тотчасъ же поднялся на хитрости. Перерядился въ платье калики перехожаго, съ тѣмъ,

[1]) Даля, Пословицы. Стр. 351.
[2]) Кирш. Данил. У Кирѣевск., II, 70.

чтобъ убить Тугарина врасплохъ. Но тутъ онъ его только зашибъ, а убиваетъ уже въ другой разъ, и опять также нечестно. Рѣшено было между ними драться одинъ на одинъ. Тугаринъ дѣйствительно одинъ и явился; но Алеша, чтобы заставить его обернуться назадъ, вдругъ закричалъ ему: «зачѣмъ же это ты привелъ съ собою подмогу?» Тугаринъ оглянулся назадъ, а Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ.

Хоть и нечестно одолѣлъ богатырь этого врага, но съ тѣхъ поръ прославился при дворѣ князя Владиміра, какъ убійца Тугарина Зміевича.

Еще въ худшемъ свѣтѣ является Алеша въ своихъ интригахъ съ женскимъ поломъ. Вѣроятно, уже при дворѣ княженецкомъ, между богатырскою дружиною, на первыхъ же порахъ прослылъ онъ «бабьимъ пересмѣшникомъ», по поводу тѣхъ насмѣшекъ, которыми онъ безпощадно преслѣдовалъ самое княгиню Апраксѣевну за ея преступную связь съ Тугаринымъ.

Издѣваться надъ женщиною и срамить ее — было для Алеши ни по чемъ. Точно будто для того и заводилъ онъ любовныя интриги, чтобы потомъ самому же огласить скандалъ. Однажды хвалились двое братьевъ своею родною сестрою, что она и пригожа и скромна, на улицу не ходитъ, въ хороводы не играетъ, даже въ окошко не смотритъ, бѣлаго лица не кажетъ. Случился тутъ Алеша, и съ безстыднымъ цинизмомъ, безъ всякой побудительной причины, разгласилъ передъ братьями, что онъ частенько посѣщаетъ ихъ пригожую сестру. Братья срубили сестрѣ голову, и —

Покатилась головка
Алешенькѣ подъ ножки.
А Богъ суди Алешу:
Не далъ пожить на свѣтѣ [1]).

Особенно обезславился Алеша Поповичъ своими фальшивыми продѣлками въ семействѣ Добрыни Никитича [2]). Мы уже позна-

---

1) Кирѣевск., II, 64.
2) Кирѣевск., II. 11, 31. Рыбник., I, 130, II, 22.

комились съ величавою личностью супруги Добрыниной, Настасьи Микуличны. Вышедши замужъ, она покинула свои воинскіе обычаи, даже будто утратила прежнюю великанскую силу, и стала кроткою и покорною супругою, существомъ вполнѣ женственнымъ, любящимъ и преданнымъ. Хозяйствомъ въ домѣ распоряжается ея свекровь, матера вдова, которую былина называетъ иногда Амелфою Тимоѳеевною, иногда другими именами. Она же учитъ свою невѣстку уму-разуму. Добрыня безпрекословно повинуется своей матери, уважаетъ ее и горячо любитъ.

Семейное благоденствіе Добрыни было нарушено его многолѣтнею отлучкою. Князь послалъ его на разные богатырскіе подвиги. Добрыня наскоро собирается въ путь, и прощается съ своею матерью и женою. И провожала Добрыню его родная матушка, простилась съ нимъ и воротилась, домой пошла, сама плакала; стала по палатамъ похаживать, стала жалобно голосить съ причитаньями. А между тѣмъ, Настасья Микулична сидитъ, не тронется съ мѣста; поражена ли она была и глубоко огорчена нечаянною разлукою съ мужемъ, или просто сконфузилась, и отъ непривычки ласкаться къ мужу при людяхъ, въ наивности своей не знаетъ, чтò ей дѣлать и чтò сказать. Тогда Амелфа Тимоѳеевна, обратившись къ ней, внушительно говорила, уча уму-разуму: «Молодая Настасья Микулична! Чтò жь ты сидишь да высиживаешь? Чтò же ты не спрашиваешь Добрынюшку, надолго ли ѣдетъ онъ во чисто поле, долго ли намъ ждать его изъ чиста поля?» Тутъ Настасья Микулична скоро побѣжала на широкій дворъ, брала Добрыню за бѣлыя руки, цѣловала его въ уста, провожала его у праваго стремени, а сама спрашивала: «Мужъ мой любезный Добрыня Никитичъ! Надолго ли уѣзжаешь, долго ли намъ ждать тебя?» Добрыня наказываетъ ждать три года, и еще три года, а потомъ, «хоть вдовой сиди, хоть замужъ иди», присовокупляетъ онъ: «Только не ходи за Алешу Поповича: онъ бабій пересмѣшникъ и *пустохвастъ*, пустымъ хвастаетъ».

Уѣхалъ Добрыня. Жена ждетъ его годъ, другой, третій. Время незамѣтно идетъ:

Какъ день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три года:
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.

И опять дождь дожжитъ, и трава растетъ, опять по прежнему рѣка бѣжитъ. Прошло еще три года, а Добрыни все нѣтъ.

Настасья Микулична честно исполнила заповѣдь мужнюю, прождала шесть годовъ; потомъ наложила на себя свою заповѣдь женскую, ждетъ еще шесть годовъ. Между тѣмъ сватается къ ней Алеша Поповичъ, и разсказываетъ такую выдумку: «Былъ я въ чистомъ полѣ: по примѣтамъ знать, что Добрынюшки въ живыхъ нѣтъ. Голова у Добрыни отсѣчена, отъ туловища откатилась. Выклевали вбороны ясны очи, даже травы проросли сквозь ясныя очи, и цвѣтутъ цвѣты лазоревы». Долго Настасья отказывалась, наконецъ принуждена была силою и угрозою отъ самого князя Владиміра, и повѣнчалась съ Алешей Поповичемъ. Но только что ихъ привели отъ вѣнца, возвращается въ Кіевъ самъ Добрыня. Онъ такъ измѣнился, что сама мать до тѣхъ поръ не могла его признать, пока не увидѣла у него подъ правою пазухою родимаго пятнышка. Точно также по примѣтѣ узнаютъ возвратившагося домой Одиссея: обыкновенный эпическій мотивъ. Пиръ для свадьбы Алешиной устроилъ у себя самъ князь Владиміръ. Добрыня идетъ туда, переряженный скоморохомъ, и Настасья, узнавъ въ немъ своего мужа черезъ посредство золотаго кольца, которое онъ опустилъ ей въ кубокъ (опять обыкновенный эпическій мотивъ), скочила черезъ дубовый столъ, и упавши къ ногамъ Добрыни, стала слезно умолять его:

Мила моя ладушка,
Крѣпкая сдержавушка, стѣна городовая,
Изъ-по имени Добрынюшка Никитиничъ!
Прости меня во винности и во глупости,

Во всякихъ во проступочкахъ!
Возьми меня за волосы за женскіе,
Привяжи меня ко стремени сѣдельному,
Поразмыкай меня по чисту полю!

Какъ кажется, Добрыню тронули эти искреннія выраженія отчаянія и раскаянія. По крайней мѣрѣ всю вину въ этомъ дѣлѣ онъ снимаетъ съ нея на другихъ. Онъ говоритъ женѣ:

Что не дивую я разуму-то женскому,
Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
А дивую я солнышку Владиміру
Съ молодой княгиней со Апраксіей:
Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
А княгиня Апраксія свахою,
Они у живаго мужа жену просватали.

Дѣло это было такое негодное, что по свидѣтельству былины «тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло». Мы уже не разъ видѣли участіе князя въ неправыхъ дѣлахъ, даже въ преступленіи: но народный эпосъ постоянно отдаетъ ему справедливость въ томъ, что онъ сознается въ своей винѣ и стыдится дурныхъ поступковъ.

Послѣ того проситъ у Добрыни прощенія самъ Алеша Поповичъ, но какъ-то нахально, иронически: «Прости, говоритъ онъ, братецъ названый, что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой жены Настасьи Микуличны». Добрыня тоже называетъ его братцемъ, и охотно прощаетъ его въ этой винѣ; но никогда не проститъ ему другой вины, объясняя ее въ слѣдующихъ словахъ, проникнутыхъ самою нѣжною и преданною любовью сыновнею:

А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не прощу:
Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
Убитъ лежитъ въ чистомъ полѣ,

Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострѣлены,
Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ:
Такъ тогда государыня родна матушка
Жалешенько по мнѣ плакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое:
Этой вины тебѣ не прощу.

Потомъ онъ ухватилъ Алешку за желтыя кудри, выдернулъ его черезъ дубовый столъ, бросалъ о кирпичатой полъ, пнулъ его подъ лавку. Былина казнитъ негодяя срамомъ и общимъ презрѣніемъ:

Съ того стыду да со сорому
Пошелъ Алеша на чужую дальнюю сторону.

Народный эпосъ, давая предпочтеніе Добрынѣ передъ Алешею въ нравственномъ отношеніи, кажется, наклоненъ къ тому, чтобы заслонить и богатырскій подвигъ послѣдняго въ убіеніи Тугарина Зміевича знаменитымъ подвигомъ Добрыни въ очищеніи Русской земли отъ страшнаго Змія Горынича и всего его змѣинаго отродья, между которымъ могъ подразумѣваться и Тугаринъ Зміевичъ, то-есть, одинъ изъ сыновей Змія. Пресловутый подвигъ уже на роду былъ написанъ Добрынѣ Никитичу:

А стары люди пророчили,
Что быть Змѣю убитому
Отъ молода Добрынюшки Никитича.

Этотъ змѣй въ былинахъ называется то просто Зміемъ, то ворономъ, то невѣжею, то даже Тугариномъ. Когда еще Добрыня жилъ въ Рязани у своей матери, такъ она говорила ему объ этомъ чудовищѣ:

Дитя ты мое, чадо милое!
Невѣжа-то середи дня летаетъ чернымъ ворономъ,
По ночамъ ходитъ Змѣемъ Тугариновымъ,
А по зорямъ ходитъ добрымъ молодцемъ.
Берегись ты отъ Невѣжи Черна Ворона.

Не обманомъ, какъ Алеша, убиваетъ Добрыня это чудовище, а отчаянною борьбою, открытымъ боемъ на волнахъ Почай или Израй-рѣки; потому что Добрыня «охочъ былъ ныркомъ нырять». Если Алеша убиваетъ, въ лицѣ Тугарина, любовника княгини Апраксѣевны, то Добрыня болѣе существенную услугу оказываетъ Владиміру, спасая изъ плѣна отъ Змія Горынича его княженецкую сестру Марью Дивовну или его племянницу Запаву Путятишну. Разсѣкши Змія на мелкія части, Добрыня сожигаетъ его на огнѣ [1]).

Убіеніе Змія относится къ самымъ раннимъ подвигамъ Добрыни, совершеннымъ еще на родинѣ. Явившись ко двору князя Владиміра, онъ уже могъ засвидѣтельствовать всѣмъ и каждому о своемъ богатырскомъ дѣлѣ, привезши съ собою изъ плѣну княженецкую родственницу. Этотъ подвигъ, какъ кажется, составляетъ первоначальное зерно, изъ котораго потомъ развивался эпическій типъ Добрыни. Затѣмъ, его встрѣча съ богатырскою невѣстой и наконецъ семейныя несчастія, по проискамъ Алеши, все это способствовало въ высокой степени къ возбужденію и поддержанію живѣйшей симпатіи народа къ свѣтлой личности Добрыни Никитича, котораго, послѣ муромскаго крестьянина, безъ сомнѣнія, надобно признать главнѣйшимъ между богатырями цикла Владимірова. Въ послѣдствіи, столкновенія между сословіями могли набросить нѣкоторую тѣнь на его княжескій характеръ, однако не настолько, чтобы заглушить въ немъ ранніе начатки русской цивилизаціи, наивно обозначаемые въ былинахъ *вѣжествомъ*. Это *вѣжество* такъ срослось съ эпическимъ типомъ Добрыни, что даже самъ Змій, котораго поражаетъ этотъ богатырь, есть не только разрушительное чудовище, фантастическій призракъ миѳической старины, но и представитель грубаго невѣжества, почему и называется *невѣжею*.

IX.

Стольный городъ Кіевъ, сосредоточивая въ себѣ областныя національныя силы древней Руси, грубыя и невоздѣланныя, не

[1]) Кирѣевск., II, 51, 26. Рыбник., II, 16, 17.

только давалъ имъ нѣкоторую политическую организацію въ богатырской дружинѣ князя Владиміра, но и образовывалъ ихъ, приводя ихъ въ живительное столкновеніе другъ съ другомъ, вводя въ интересы зачинавшейся на Руси исторической жизни, а также сближая ихъ съ сосѣдними странами и чуждыми народами и знакомя съ иноземнымъ вліяніемъ. Уже съ древнѣйшихъ временъ въ Кіевѣ много было заѣзжихъ иностранцевъ, между которыми *Слово о полку Игоревѣ* называетъ Нѣмцевъ, Венеціанъ, Грековъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ *Поученіи дѣтямъ* свидѣтельствуетъ, что отецъ его, живя дома, могъ выучиться говорить на пяти языкахъ. Кіевскій *Патерикъ* повѣствуетъ о варяжскихъ, то-есть, норманскихъ пещерахъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, о сношеніи монашествующихъ съ Армянами, Ляхами. Народный эпосъ, подкрѣпляя свидѣтельства историческихъ памятниковъ, до нашихъ временъ поддерживаетъ въ народѣ убѣжденіе, что Кіевъ былъ для русскихъ богатырей проводникомъ иноземнаго образованія. Въ числѣ ихъ были богатыри *заѣзжіе*, то-есть прибывшіе изъ чужихъ земель, какъ напримѣръ, Соловей Будиміровичъ, съ кораблемъ котораго мы уже знакомы по подробному эпическому описанію. Какъ иностранецъ, онъ удивляетъ князя Владиміра и его княгиню заморскими подарками, строитъ дотолѣ не бывалыя въ Кіевѣ палаты, и вошедши къ князю въ любовь, женится на его племянницѣ, Запавѣ Путятишнѣ. Другіе богатыри сами совершали отдаленныя поѣздки. Такъ Дунай «много земель знавалъ», потому онъ и «говорить гораздъ»; Добрыня ѣздилъ въ Царьградъ. Есть цѣлая былина о походѣ въ этотъ городъ и другихъ богатырей Владиміровыхъ. Расширяя поприще богатырскимъ подвигамъ, народный эпосъ называетъ царства: индѣйское, латинское, сорочинское и др.; часто упоминаетъ объ иностранномъ одѣяніи, о латинскомъ платьѣ, о колпакахъ и шляпахъ греческихъ [1]). Особенно часто встрѣчаются любопытные намеки на сношенія кіевской Руси съ Польшею, Ли-

[1]) Рыбник., I, 188. Кирѣевск., II, 33. 35.—IV, 25—III, 113. Рыбник., I, 63, 236. Кирѣевск., II, 7, 25, 50, 72.

твою и съ Волынцемъ Галицкимъ. Эпосъ знаетъ царство литовское. Дунай жилъ у короля литовскаго три года въ конюхахъ, чашникахъ и стольникахъ; иногда этотъ король называется Ляховинскимъ, то-есть, Ляшскимъ. Ставръ Годиновичъ, женатый на извѣстной уже намъ Василисѣ Микуличнѣ, былъ родомъ изъ богатой земли Ляховецкой. Потокъ Михайло Ивановичъ однажды выигралъ въ шахматы у короля ляховецкаго его польскую державу. Самъ Илья Муромецъ былъ подъ городомъ Кряковомъ (Краковъ?) и освободилъ его отъ враговъ; также былъ въ связи съ какою-то литовскою королевой [1]). Въ изданіи г. Рыбникова есть цѣлая былина о двухъ королевичахъ изъ Крякова, также о двухъ литовскихъ королевичахъ.

Черниговъ, также какъ Литва или Галичъ, представляется самостоятельнымъ княжествомъ, враждебнымъ городу Кіеву. Въ Черниговѣ царствуетъ какой-то царь Черниговъ или Черниговецъ, у котораго богатырь Иванъ Годиновичъ служилъ въ столовыхъ ключникахъ, и потомъ увезъ дочь, царевну Авдотью Лебедь Бѣлую. Извѣстная уже намъ былина о томъ, какъ князь Владиміръ хотѣлъ отнять себѣ жену Данилы Денисьевича, есть не что иное, какъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы Кіева съ Черниговомъ. Когда Владиміръ выслалъ противъ Чернигова войско, Данило сказалъ то же самое, что обыкновенно говаривали древніе князья періода междоусобій:

Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано:
Братъ на брата съ боемъ идетъ?

Въ Кіевѣ иногда случался какой-то владыка черниговскій. Онъ обыкновенно одинъ держитъ закладъ противъ князя Владиміра и всей его дружины въ спорѣ о состязаніи богатырей между собою. Однажды, выигравши закладъ, черниговскій владыка тотчасъ же —

Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ похватать корабли

---

[1]) Рыбник., I, 180, 24.—II, 65. Кирѣевск., III, 54. IV, 4.

Съ тѣми товары заморскими:
А князи, де, и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что расширеніе кіевскаго горизонта иноземнымъ вліяніемъ и частыми сношеніями съ чужими землями должно было внести въ народный эпосъ новое, богатое содержаніе, и отразиться новыми чертами въ характеристикѣ и самого князя, и нѣкоторыхъ изъ его богатырей.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны былины о Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ, въ высшей степени изящныя по эпическому изложенію и столько же важныя для исторіи внутренняго быта древней Руси. Оба богатыря — соперники въ богатствѣ и щегольствѣ, и оба заѣзжіе: Чурила изъ Малаго Кіевца, Дюкъ изъ Волынца, Красна-Галичья, или какъ поется въ иныхъ былинахъ, —

— изъ Галицы проклятыя,
Изъ тоя Индѣюшки богатыя,
Со славнаго съ богата Волынь-города.

Галицкая земля представляется баснословною страной несмѣтнаго богатства и роскоши, потому и смѣшивается съ Индіею богатой. Кіевъ ей завидуетъ, и въ отношеніи къ удобствамъ цивилизаціи долженъ бы многимъ отъ нея позаимствоваться. Князь Владиміръ жадно бросается на нее, какъ могущественный завоеватель; но его грубая сила встрѣчаетъ себѣ отпоръ въ неистощимыхъ средствахъ, какія умѣетъ противопоставить образованіе невѣжеству. Таковъ общій смыслъ этихъ былинъ о сношеніяхъ Кіева съ галицкою Русью, согласный съ свидѣтельствами лѣтописей объ успѣхахъ просвѣщенія въ этой странѣ, рано оказавшихся подъ вліяніемъ европейскимъ.

Обращаюсь къ самимъ былинамъ. Сначала надобно познакомиться съ Чурилою Пленковичемъ.

Однажды являются передъ князя Владиміра, толпа за толпою, нѣсколько сотъ удалыхъ молодцовъ, избитые и израненые,

[1]) Кирѣевск., III, 5, 8, 12, 20, 37.—II, 77.

и увѣдомляютъ, что отправившись, по его повелѣнію, на рыбную ловлю и охоту, они ничего ужь не могли добыть: все повыловлено храброю дружиной нѣкоего Чурилы Пленковича, который живетъ въ Маломъ Кіевцѣ, на рѣкѣ на Сорогѣ.

Итакъ, Чурило Пленковичъ — лицо самостоятельное, какъ бы удѣльный князь, съ собственною дружиной. Чтобы подчинить его своему вліянію, Владиміръ отправляется къ нему въ гости.

Дворъ у него (у Чурилы) на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ...
Первыя у него ворота вальящатыя,
Другія ворота хрустальныя,
Третьи ворота оловянныя...
Середи двора свѣтлицы стоятъ.

Чурилы дома не случилось. Князя встрѣчаетъ отецъ богатыря, самъ Пленъ, или Пленчище Сорожанинъ, и ведетъ его —

Во сѣни ведетъ во рѣшетчатыя,
Во другія ведетъ часто-берчатыя,
Во третьи ведетъ во стекольчатыя,
И въ терема ведетъ златоверхіе.
И такому-то князь диву дивуется:
На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори — и въ теремѣ зори:
Все въ терему по небесному.

Является и Чурило съ своею щегольскою дружиной; но самъ онъ всѣхъ щеголеватѣе и красивѣе: у него —

Волосанки — золота дуга, серебряная,
Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
А личико будто маковъ цвѣтъ,
Очи будто у ясна сокола,

Брови будто у черна соболя.
Съ коня на конь перескакиваетъ,
У молодцовъ шапочки подхватываетъ,
На головушки шапочки покладываетъ.

Юность самая свѣжая и задорная такъ и пышетъ въ этомъ игривомъ типѣ народнаго эпоса! Въ описаніи костюма Чурилы и его дружины пѣвецъ особенное вниманіе обращаетъ на ихъ модные сапоги, востроносые и на высокихъ коблукахъ (это была дружина не лапотная):

Сапожки на ножкахъ зеленъ-сафьянъ,
Носы по носъ шиломъ, пяты востры.
Около нóсовъ-носóвъ яйцо покати,
Подъ пяту-пяту воробышко летитъ,
Воробышко летитъ, перепурхиваетъ.

Князь Владиміръ находитъ, что такому хвату не подобаетъ *въ деревнѣ* жить: «Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить!» и беретъ его къ себѣ въ Кіевъ, сначала въ званіи придворнаго *постельника:*

Чтобъ сталъ онъ (князю) перину пуховую,
И кладалъ бы зголовьице высокое,
И сидѣлъ бы у зголовьица высокаго,
Игралъ бы въ гуселышки яровчаты,
И спотѣшалъ бы князя Владиміра.

Пріѣзжаетъ Чурила въ Кіевъ, ѣдетъ по улицамъ. Онъ такой красавецъ, что всѣ на него заглядѣлись:

Гдѣ дѣвушки глядятъ — заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ — лишь оконницы звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ — манатьи (мантіи) на себѣ дерутъ....
Какъ стары старухи костыли грызутъ —
Все глядючись на молода Чурилу Пленковича.

И живетъ Чурила въ постельникахъ, и сидючи у князя съ княгиней въ изголовьи, играетъ въ гусли —

Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгиню Опраксію больше того.

Потомъ князь возвелъ его въ должность *позовщика*, то-есть церемоніймейстера, созывающаго князей и бояръ на княженецкіе пиры. По свидѣтельству былины, позовщикъ долженъ былъ брать въ княжескую казну со всякаго позваннаго гостя извѣстную сумму денегъ: это именовалось *зватое*. Такъ однажды князь Владиміръ послалъ Чурилу звать гостей:

А *зватаго* приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ.

Въ то время какъ Чурила Пленковичъ служилъ при дворѣ князя Владиміра въ позовщикахъ, прибылъ туда другой щеголь, Дюкъ Степановичъ, изъ Волынца Красна-Галичья. Былина распространяется въ описаніи его красиваго коня и великолѣпнаго оружія, и особенно медлитъ на извѣстныхъ уже намъ знаменитыхъ трехъ стрѣлкахъ.

Самъ Чурила позавидовалъ такому щеголю, и стоя по правую сторону князя Владиміра, говоритъ ему, что это навѣрное не Дюкъ Степановичъ, а какой-нибудь бродяга, *дворянскій холопъ*, вѣроятно, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ съ такимъ презрѣніемъ отзывается Даніилъ Заточникъ въ своемъ моленіи къ князю.

Между тѣмъ, Дюкъ Степановичъ, присматриваясь къ Кіеву и къ тамошнему житью-бытью, находитъ, что все въ немъ грязно и бѣдно, и улицы, и церкви не такія, какъ на Волыни; даже самое угощеніе на пирахъ князя Владиміра кажется ему не вкусно послѣ роскошнаго житья у себя дома.

На все въ Кіевѣ смотритъ онъ свысока; ничто не удовлетворяетъ его изысканнаго вкуса. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Кіевъ пошелъ онъ къ обѣднѣ:

И столько Богу не молится,
Сколько по церкви посматриваетъ,
И посматриваетъ, и самъ почамкиваетъ,
А на князя Владиміра взглянетъ —
Только головой пошатаетъ,
На Апраксію королевичну взглянетъ —
И рукой махнетъ.

«Слыхалъ я отъ родителя батюшки, говорилъ онъ потомъ на княженецкомъ пиру, что Кіевъ городъ очень красивъ; а вотъ въ Кіевѣ у васъ не по нашему: церкви у васъ все деревянныя, маковки на церквахъ осиновыя. Мостовыя у васъ черною землей засыпаны: полило ихъ дождевою водою, стала грязь по колѣна — вотъ и замаралъ я сапожки зеленъ сафьянъ. А у моей государыни матушки, у честной вдовы Амелфы Тимоѳеевны, такъ церкви все каменныя, известкой обѣлены, маковки на церквахъ самоцвѣтныя. Крыши на домахъ золоченыя; мостовыя посыпаны рудожелтыми песками и устланы сорочинскими сукнами: ужь не замарать тутъ сапожковъ зеленъ сафьянъ, идучи въ церковь Божію». И сидитъ онъ на пиру не пьянъ, не веселъ:

Повѣшана буйна голова ниже плечъ могучіихъ,
Притуплены очи ясныя во кирпиченъ полъ.

Возьметъ колачъ, верхнюю корочку отломитъ, съѣстъ, а нижнюю броситъ, потому что она кажется ему грязна, пахнетъ мочальнымъ помеломъ и лаханью. Одну чару вина выпьетъ, другую выльетъ за окно: «ваши напиточки, говоритъ онъ, затхлые, пить непріятные. А вотъ какъ у насъ въ Индіи богатой, въ Галиціи, во славномъ Волынь-городѣ, у моей государыни матушки —

. . . . Меда сладкіе, водочки стоялыя,
Повѣшены въ бочки сороковки,
Въ погреба глубокіе на цѣпи на серебряны:
Туда подведены вѣтры буйные:
Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
Пойдутъ воздухи по погребамъ,
Какъ загогочутъ бочки будто лебеди,
Будто лебеди на тихіихъ на заводяхъ.
Такъ вѣкъ не зáтхнутся напиточки сладкіе:
Чару пьешь, другу пить душа горитъ,
Другу пьешь — третья съ ума нейдетъ.

Другой разъ онъ выразился такъ: «Чарочку пьешь — губы слипаются».

Подстрекаемый завистью своего придворнаго щеголя Чурилы Пленковича, князь Владиміръ предлагаетъ Дюку состязаться съ Чурилою въ ловкости и щегольствѣ. «Вижу говоритъ онъ Дюку, что ты молодецъ захвастливый. А ты ударься-ко съ Чурилою о великій закладъ, что вамъ ѣхать въ чистое поле *поляковать*, на цѣлые три года и на три дни, чтобы каждый день кони были смѣнные, и все чтобы были другой шерсти; чтобы цвѣтныя платья были, что ни день, перемѣнныя, и чтобы все были другаго цвѣта; а въ послѣдній день идти вамъ къ Божіей церкви, и который изъ васъ добрѣе выступитъ,—другому голову рубить».

Чурила съ Дюкомъ такъ и состязались конями и щегольскою одеждою, ежедневно *полякуя* ровно три года. Наконецъ, въ послѣдній день, въ рѣшительный срокъ ихъ состязанія, въ самое свѣтлое Христово Воскресеніе, оба они должны были явиться въ церковь къ заутренѣ. Кто щеголеватѣе одѣнется, тотъ и выиграетъ закладъ о буйной головѣ.

Чтобъ идти вслѣдъ за былинами дальше, надобно сдѣлать два замѣчанія.

Во-первыхъ, Чурило и Дюкъ передъ судомъ публики показываютъ свое щегольство именно въ церкви, а не въ какомъ другомъ мѣстѣ, совершенно согласно съ бытомъ древней Руси, которая видѣла въ церкви самое главное и удобнѣйшее мѣсто для публичныхъ сборищъ, столько же для молитвы, сколько и для развлеченій. Тутъ можно было узнать какую-нибудь новость, передать сплетню, высмотрѣть жениха или невѣсту. Только въ церкви же можно было передъ всѣми показать свой великолѣпный нарядъ. Старинные документы не рѣдко возстаютъ противъ разныхъ неприличій, происходившихъ въ церквахъ.

Во-вторыхъ, въ костюмѣ состязающихся преимущественно описываются пуговицы, — тоже вполнѣ согласно съ бытомъ русской старины, которая, какъ видно изъ рядныхъ записей и другихъ описей, послѣ иконъ, особенное вниманіе обращала на *низанье* и *сажанье*, то-есть, на ожерелья и драгоцѣнные камни, и на ювелирныя вещи, а между ними почти всегда на пуговицы.

Надобно приготовиться встрѣтить въ эпическомъ описаніи пуговицъ и петелекъ что-то фантастическое, необычайное, въ смѣломъ переходѣ отъ дѣйствительности въ міръ чудеснаго; потому что эпическая фантазія, воодушевившисъ красотою описываемаго предмета, по своей юношеской живости, наивно его одушевляетъ, и бездушное представляетъ живымъ и дѣйствующимъ. Конечно, въ такомъ эпическомъ мотивѣ не надобно видѣть ничего миѳическаго или символическаго: это не болѣе, какъ наивная игра безыскусственной фантазіи, но все же фантазіи эпической, воспитанной вѣрою въ чудесное, и привыкшей безпрестанно смѣшивать дѣйствительность съ міромъ идеальнаго.

Надобно имѣть въ виду эти замѣчанія, чтобы вполнѣ понять и по достоинству оцѣнить неподражаемую красоту и художественную грацію слѣдующихъ описаній, которыя могутъ быть смѣло постановлены на ряду съ самымъ лучшимъ, что̀ гдѣ-либо создавала прекраснаго народная эпическая фантазія:

Итакъ, оба соперника являются въ церковь.

Молодой Чурилушка Пленковичъ
Надѣлъ-то онъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;
Въ пуговки вплетено по доброму по молодцу,
Въ петелки вплетено по красной по дѣвушкѣ:
Какъ застегнутся, такъ обоймутся,
А разстегнутся, и поцѣлуются.

Какъ ни граціозенъ этотъ мотивъ, но фантазія народная имъ не ограничилась, не остановилась на немъ, какъ на явленіи вполнѣ исчерпывающемъ идею. Иначе, тѣ же дѣйствующія лица, изображенныя въ пуговкахъ и петляхъ, представляются, напримѣръ, въ слѣдующей сценѣ:

Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А въ петелки-то было вплетено по красной дѣвушкѣ:
По петелкамъ какъ поведетъ —
Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина

И подносятъ добрымъ молодцамъ;
А по пуговкамъ поведетъ,
Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
Развеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.

По другому варіанту, описывается тотъ же предметъ, можетъ-быть, такъ же прекрасно, хотя и не съ такою нѣжною граціей. Эта красота другаго уже тона, столь же игривая, но будто съ оттѣнкомъ какого-то наивнаго страха.

Чурила Пленковичъ становится на правый крилосъ, Дюкъ Степановичъ — на лѣвый.

Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки —
Плыветъ змѣище Горынчище:
Тутъ всѣ въ церкви пріужаснулися,
Сами говорятъ таково слово:
«Что у нашего Чурилушки Пленковича
«Есть отметочка противъ молода боярина,
«Противъ молода Дюка Степановича».

Видя удачу своего соперника, Дюкъ Степановичъ запечалился, повѣсилъ голову, потупилъ очи въ землю, а

Самъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Вдругъ запѣли птицы пѣвучія,
Закричали звѣри все рыкучіе:
А тутъ всѣ въ церкви да о земь пали,
О земь пали, а иные обмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
«Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
«Пріуйми-тко птицы ты клевучія,
«Призакличь-ка звѣрей тѣхъ рыкучіихъ,
«Оставь людей намъ хоть на сѣмены».

Эта затѣйливая сцена — будто игривая пародія на извѣстный эпизодъ о Соловьѣ Разбойникѣ, который столько же бѣды

причинилъ при дворѣ князя Владиміра своимъ змѣинымъ свистомъ и звѣринымъ ревомъ.

Итакъ, Чурила Пленковичъ проигралъ закладъ. Онъ долженъ потерять свою голову. Тогда говорилъ Владиміръ князь Дюку Степановичу:

Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
А оставь намъ Чурилу хоть для памяти.

Хоть для памяти — сказано въ высокой степени наивно, но со злою ироніею, которая дополняется слѣдующею затѣмъ рѣчью Дюка Степановича:

Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичъ!
Пусть ты княземъ Владиміромъ упрошенный,
Пусть ты кіевскими бабами уплаканный!
Не ѣзди съ нами, со бурлаками,
А сиди во градѣ во Кіевѣ,
Ты въ Кіевѣ во градѣ между бабами.

Впрочемъ Чурила не сдобровалъ; онъ такъ и погибъ отъ своего вѣтренаго щегольства и волокитства. Разъ завелъ онъ интригу съ молодою женой одного старика, Бермяты Васильевича. Объ этой интригѣ пошла по городу слѣдующая сплетня.

Поутру рано-ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояре пошли къ заутрени.
Въ тотъ день выпадала пороха снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій слѣдъ,
Сами они дивуются:
«Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай».
А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ:
«Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностай:
Это шелъ Чурила Пленковичъ
Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ Прекрасныя».

Наконецъ старикъ дознался о своемъ безчестіи, засталъ Чурилу у своей жены и убилъ его. Мы уже видѣли, какъ катилась

срубленная голова Чурилина, будто жемчужина, обагренная кровью. Даже самую смерть этого красиваго щеголя былина смягчаетъ граціознымъ уподобленіемъ.

Сколько въ поэтическомъ отношеніи замѣчательно состязаніе Дюка съ Чурилой, столько для исторіи русскаго быта важенъ эпизодъ о томъ, какъ князь Владиміръ, по неудовольствію ли на Дюка, или скорѣе по алчности къ пріобрѣтенію и по корыстолюбивой системѣ старинныхъ князей все забирать въ свои руки, посылаетъ въ Галицію своихъ богатырей описывать все имущество Дюка, чтобъ отобрать въ княженецкую казну. Въ числѣ посланныхъ назначили было и Алешу Поповича, но Дюкъ выразилъ слѣдующее опасеніе:

Не посылайте-ка Алешеньки Поповича:
А его глазишечки поповскіе,
Поповскіе глазишечки завидливы:
А ему оттоль да вѣдь не выѣхать!

Отправившись въ Галицію, которая теперь въ былинѣ называется Индіею богатою, послы взъѣхали на одну гору, откуда виденъ былъ городъ Волынь Красенъ Галичій: и вдругъ весь городъ представился имъ въ огнѣ, какъ жаръ горитъ. Это мѣсто въ былинѣ дышитъ неподражаемою художественною наивностію. Смотрятъ послы и говорятъ между собою:

Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ послалъ, знать, туды вѣсточку на родину,
Чтобы зажгли Индію-ту богатую:
Ай, горитъ Индія-та богатая!

Но чтò же вышло на повѣрку? Когда они подъѣхали къ городу поближе, замѣтили свою смѣшную ошибку. Весь этотъ блескъ и жаръ, для непривычныхъ грубыхъ глазъ показавшійся пожаромъ, происходилъ отъ того, что у жителей того города —

У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,

Мостовыя рудожелтыми песочками призасыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы.

Прибывши на дворъ къ Дюку, послы стали описывать его имѣнье-богатство. Но такъ было оно не смѣтно, что въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ не успѣли они описать одну только збрую лошадиную: а ужь гдѣ же было добыть бумаги и чернилъ, чтобъ описать всѣ другія сокровища? Потому и говорила съ насмѣшкою Дюкова матушка княженецкимъ оцѣнщикамъ: «А вы скажите-ка князю Владиміру, пусть онъ продастъ на бумагу весь Кіевъ городъ, а на чернила пусть продастъ весь Черниговъ, тогда пускай и присылаетъ своихъ оцѣнщиковъ: авось у нихъ хватитъ чернилъ и бумаги на опись Дюкова имѣньица!»

Это ироническое сопоставленіе Кіева и Чернигова съ богатымъ цивилизованнымъ Волынцемъ Краснымъ Галичьимъ, очевидно, ведетъ свое начало изъ мѣстныхъ, областныхъ источниковъ народнаго эпоса, потому что явственно говоритъ о соперничествѣ между городами и областями [1]).

X.

Наравнѣ съ богатырями кіевскими народный эпосъ прославляетъ двухъ новогородскихъ, Садка богатаго гостя и Василья Буслаева. Оба они не имѣютъ ничего общаго ни съ Кіевомъ, ни съ княземъ Владиміромъ. Былины о нихъ обоихъ ярко отмѣчены мѣстнымъ колоритомъ новгородскаго быта. Эти новгородскія былины особенно дороги для исторіи русской литературы, какъ образецъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи, во всей его чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей. Этому способствовало то счастливое обстоятельство, что онѣ до настоящаго времени сберeглись въ устахъ народа тамъ, гдѣ была новгородская область, и слѣдовательно записаны тамъ, гдѣ онѣ возникли,

[1]) Кирш., 159—167. Рыбник., I, 263 и слѣд., 300 и слѣд. II, 137, 153, 179. Кирѣевск., IV, 87.

процвѣтали и видоизмѣнялись; между тѣмъ какъ пѣсни о кіевской мѣстности или возникали не въ Кіевѣ, а въ той же новгородской области, или въ Муромѣ, Рязани, Суздалѣ, а если и въ южной кіевской Руси, то уже рано перешли въ Новгородскую область и тамъ видоизмѣнялись, и преимущественно въ этой новгородской редакціи дошли до насъ, изданныя въ сборникахъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго и особенно Рыбникова.

Но обратимся къ самымъ былинамъ.

Сначала о Садкѣ. Намъ уже извѣстны миѳическія сказанія объ этомъ богатомъ гостѣ, согласныя съ мѣстными преданіями, вошедшими въ самыя популярныя въ Новѣгородѣ легенды.

Кромѣ этой миѳической основы, былины о Садкѣ имѣютъ и бытовое, такъ сказать, историческое содержаніе. Оно состоитъ въ томъ, что Садко, разбогатѣвшій чудеснымъ образомъ, сталъ скупать весь товаръ въ Новѣгородѣ. Въ первый день скупилъ все, что только нашелъ; а на другой день въ гостиномъ дворѣ —

Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую новогородскую.

Садко опять скупилъ весь товаръ, а на слѣдующій день —

Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе,
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
«Еще повыкуплю товары московскіе —
«Подоспѣютъ товары заморскіе.
«Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій —
«Побогаче меня славный Новгородъ».

Народный эпосъ, сильно проникнутый мѣстными интересами, восходитъ здѣсь до торжественной пѣсни во славу великаго и богатаго Новагорода. Непомѣрный богачъ вздумалъ было тя-

гаться со всѣмъ Новгородомъ, но тотчасъ же изнемогъ въ своей борьбѣ, и смирилъ личную гордость передъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины, но въ своемъ пораженіи утѣшалъ себя патріотическою гордостью: всѣ они, гости богатые новгородскіе, только малыя частицы того великаго цѣлаго, которое всѣхъ ихъ объемлетъ и сообщаетъ имъ значеніе и силу. Такова глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ въ этомъ простомъ, сказочномъ разсказѣ о любви, которая уравниваетъ всѣ личные интересы передъ священною идеей объ общемъ благѣ и славѣ цѣлой родины.

По другому варіанту, къ прославленію Новагорода присоединяется ироническій оттѣнокъ, обязанный своимъ происхожденіемъ, кажется, той мысли, что гдѣ много богатства, тамъ и нищета, что при богатыхъ товарахъ потребны и дешевые, и что Новгородъ славенъ не одними сокровищами, но и гнилью и за́валью, какъ всякій большой торговый городъ.

Скупивъ однажды всѣ товары въ Новѣгородѣ, зашелъ Садко въ *темный* рядъ:

И стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки,
А все горшки уже битые.
Онъ самъ Садко усмѣхается,
Даетъ деньги за тѣ горшки,
Самъ говоритъ таково слово:
«Пригодятся ребятамъ черепками играть,
«Поминать Садку гостя богатаго,
«Что не я, Садко, богатъ — богатъ Новгородъ
«Всякими товарами заморскими,
«И тѣми черепанами, гнилыми горшки».

Въ эпизодѣ о покупкѣ Садкою товаровъ есть двѣ подробности, любопытныя для исторіи народнаго быта. Во-первыхъ, передъ тѣмъ, какъ скупать товары, Садко долженъ былъ въ новгородскую общину, называемую въ былинѣ *братчиною Никольщиною*, внести за себя извѣстную сумму. Во-вторыхъ, Садко построилъ нѣсколько церквей, каковы: во имя архидіакона Сте-

фана, Софіи *Премудрыя* (то-есть Премудрости) и Николая Можайскаго. Эта подробность согласуется съ извѣстіями новгородскихъ лѣтописей о томъ, что нигдѣ на Руси не строилось такъ много церквей простыми гражданами какъ въ Новѣгородѣ, тогда какъ въ другихъ областяхъ это дѣло преимущественно было князей и духовенства. Около церквей, построенныхъ частными лицами или посадниками, могли группироваться мелкіе прихожане и поддерживать авторитетъ ихъ богатыхъ строителей [1]).

Былины о Васильѣ Буслаевѣ еще ярче рисуютъ передъ нами древній новгородскій бытъ [2]). Съ именемъ этого героя народный эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ новгородскихъ партій, двухъ сторонъ Новагорода, раздѣляемыхъ рѣкою Волховомъ, а также о борьбѣ съ княжескою властью партіи народной и городской, во главѣ которой стоялъ Василій Буслаевъ. Отецъ его Буслай жилъ въ Новѣгородѣ мирно и тихо, съ Новымъ-городомъ не спаривалъ, со Псковомъ не вздорилъ, съ Москвой не перечился. Это было время спокойное и счастливое для Новагорода, его блаженная старина, о которой потомъ всегда мечталъ онъ. Умеръ Буслай, оставивъ по себѣ вдову съ малолѣтнимъ Васильемъ. Съ новымъ поколѣніемъ началась неурядица. Кликнулъ кличъ молодой Василій Буслаевъ по всему Новугороду, чтобы, кто хочетъ, шли къ нему на широкій дворъ, пить зелено вино, веселиться. Хозяинъ пробовалъ силу каждаго гостя: сначала подносилъ чару въ полтора ведра, потомъ ударитъ гостя по плечамъ и по спинѣ червленнымъ вязомъ. Кто устоитъ, того бралъ къ себѣ въ дружину, и такимъ образомъ окружилъ себя толпою удалыхъ молодцевъ, между которыми особенно прославились Костя Новоторжанинъ, Потанюшка Хроменькій, Хомумишка Горбатенькій, Толстый Ѳома Благоуродливый. И сталъ Василій по городу похаживать, сталъ шутить недобрыя шутки съ боярскими дѣтьми и княженецкими: кого дернетъ за руку —

---

1) Рыбник., I, 374. Кирш., 274.
2) Рыбник., I, 335 и слѣд. II, 197 и слѣд.

у того рука прочь, кого за ногу — нога прочь, двухъ-трехъ вмѣстѣ столкнетъ — безъ души валятся на земь.

Однажды заводился у князя новгородскаго почестенъ пиръ на князей, бояръ и богатырей, а Василья Буслаева на пиръ не звали, не почествовали. Приходитъ онъ на княжескій пиръ незваный, съ своею храброю дружиной, повыгналъ и повытолкалъ изъ-за стола всѣхъ гостей, и сталъ пировать съ своими молодцами. Подстрекаемый успѣхами своего удальства, онъ бился объ закладъ съ самимъ княземъ, что готовъ перевѣдаться на Волховскомъ мосту со всѣми мужиками новгородскими, а если не устоитъ въ борьбѣ, то ему голову прочь. Сколько ни хлопотала честная вдова, мать Васильева, удержать своего сына отъ дерзкаго предпріятія, и запирала его въ глубокіе погреба, и выкупъ носила къ князьямъ за его голову — ничто не помогло. Въ то время какъ Василій сидѣлъ у матери въ заперти, его дружина бросилась на Волховскій мостъ и отчаянно сцѣпилась съ мужиками новгородскими. Валятся сотни головъ, дружина Васильева «во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ». Однако стала ослабѣвать, несмотря на помощь, оказанную ей какою-то богатырскою *дѣвушкой-чернавушкой*, *портомойницею* Василья Буслаева, которая однимъ только своимъ коромысломъ перебила на мосту до пятисотъ мужиковъ. Наконецъ бѣжитъ она домой и освобождаетъ Василья изъ заключенія, чтобъ онъ шелъ на мостъ спасать свою дружину. Является Василій съ червленнымъ вязомъ въ рукахъ. Сталъ колотить имъ мужиковъ: куда махнетъ — улица, куда отмахнетъ — переулочекъ; лежатъ мужики увалами и перевалами; набило мужиковъ будто погодою, наквасило ими рѣку Волховъ.

Видятъ князья бѣду неминучую, перебьетъ Василій всѣхъ мужиковъ новгородскихъ, никого не оставитъ на сѣмена; идутъ къ его матушкѣ просить, чтобъ она уняла свое чадо милое. Но и она съ нимъ ужь не сладитъ и посылаетъ ихъ въ Сергіевъ монастырь къ крестному отцу Василья Буслаева, къ нѣкоему Старчищу Пилигримищу: «имѣетъ онъ силу нарочитую: авось не уйметъ ли онъ мое чадо милое», говорила князьямъ честная вдова.

По просьбѣ князей, идетъ на Волховскій мостъ Старчище Пилигримище уговаривать богатырское сердце Василья Буслаева, чтобы не билъ новгородскихъ мужиковъ. Старикъ изъ монастыря — это олицетвореніе непомѣрной силы новгородской старины. Кафтанъ на немъ въ сорокъ пудъ; вмѣсто колпака, на головѣ колоколъ въ тысячу пудовъ, въ правой рукѣ колокольный языкъ въ пятьсотъ пудовъ, самъ идетъ языкомъ тѣмъ попирается. «Чадо мое крестовое! говоритъ онъ Василію Буслаеву: — смотри, на своего крестоваго батюшку не наскакивай!» — «А зачѣмъ ты пришелъ сюда?» возражаетъ ему Василій:

«А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся».

Поднялъ дубину въ девяносто пудъ, какъ хлестнетъ Старчища въ буйную голову: только колоколъ разсыпался въ черенья ножовые, а Старчище стоитъ не тряхнется, желтыя кудри его не ворохнутся. Скочилъ Василій, ударилъ крестнаго батюшку промежь ясныхъ очей — выскочили ясныя очи, какъ пивныя чаши. По другому варіанту, Старчище идетъ по мосту, самъ говоритъ: «Я иду — Василью смерть несу!» Василій хватилъ по его колоколу, разсыпалъ на три четверти; потомъ ударилъ Старчища въ вышину и сшибъ съ ногъ, и стоя надъ нимъ, самъ раздумался: «Старца убить — не спасенья добыть, а грѣха на душу!» Подхватилъ старца на руки и говоритъ: «Поди-ко, старецъ, въ свое мѣсто, а въ наше дѣло не суйся!» Потомъ напускался Василій на каменные дома. И вышла тогда сама мать Пресвятая Богородица изъ монастыря Смоленскаго, говорила честной вдовѣ, Васильевой матери:

Закличь своего чада милаго,
Милаго чада рожонаго,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставилъ народу на сѣмены.

Выходила честная вдова на новыя сѣни, закликала своего милаго чада.

Впрочемъ, каковы бы ни были подвиги Василья Буслаева, народный эпосъ видитъ въ немъ представителя новгородской вольницы и прославляетъ его какъ богатыря. Онъ на столько же разбойникъ, на сколько и тѣ пресловутые рыцари, которыхъ воспѣвали западные трубадуры. Сверхъ того, былина какъ бы хочетъ примирить насъ съ юношескими увлеченіями этого новгородскаго героя, заставляя его въ нихъ раскаиваться и искупить ихъ хожденьемъ ко Гробу Господню въ Іерусалимъ. «Съ молоду бито много, граблено: подъ старость надо душу спасти», говоритъ Василій и отправляется въ ладьѣ съ своими товарищами въ далекое странствіе:

Ко Господнему гробу приложитися,
И во Ердань рѣкѣ окупатися,
А на Ѳаворъ горѣ осушитися.

Пріѣхали въ Святую Землю; но и здѣсь Василій не смирилъ своего неугомоннаго нрава. Всѣ его товарищи купались въ Ердань рѣкѣ въ рубашечкахъ, одинъ онъ купался нагимъ тѣломъ, не послушался запрету своей матушки. Потомъ ѣдутъ они къ Ѳаворъ горѣ, къ тому къ камню *Латырю*, «на которомъ камени преобразился самъ Іисусъ Христосъ». На той горѣ стоитъ церковь соборная съ образомъ Преображенскимъ. Но чтобы достигнуть до церкви и до того образа, надобно было трижды скакать черезъ «бѣлъ горючъ камень». Всѣ товарищи Васильевы трижды скакали черезъ тотъ камень; самъ же онъ и здѣсь не пронялся, не укротилъ своего нрава: разъ скочилъ, и другой скочилъ, а на третій говоритъ своей дружинѣ: «а вотъ на третій разъ я не передомъ, а задомъ скочу!» Скочилъ задомъ черезъ бѣлъ горючъ камень, задѣлъ за камень ногою, и ушибся до смерти. Умирая, такъ говорилъ онъ своей дружинѣ:

Скажите-ка, братія, родной матушкѣ,
Что сосватался Василій на Ѳаворъ-горѣ,
И женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.

Узнавъ о кончинѣ своего сына, честная вдова много плакала; потомъ собрала все свое имѣнье-богатство и раздала по Божьимъ церквамъ и монастырямъ.

Такъ и на Западѣ, въ монастыри поступали имѣнья крестоносцевъ, погибавшихъ въ Крестовыхъ походахъ. У насъ въ старину, кажется, особенно Новгородцы любили ходить въ Іерусалимъ. Въ XII вѣкѣ, Даніилъ Паломникъ встрѣтилъ нѣсколькихъ Новгородцевъ при Гробѣ Господнемъ. Западная легенда о чудесномъ странствіи въ Іерусалимъ на бѣсовскомъ конѣ была внесена въ сказаніе о новгородскомъ архіепископѣ Іоаннѣ.

Сказаніе о гибели Василья Буслаева на Алатырь-камнѣ въ виду соборной церкви и образа Преображенія, по замѣчательному сходству въ подробностяхъ, могло смѣшиваться въ преданіяхъ новгородскихъ съ извѣстнымъ сказаніемъ *о новгородскомъ раѣ*, которое въ XIV вѣкѣ архіепископъ Василій слышалъ отъ дѣтей и внуковъ путешественниковъ, случайно удостоившихся увидать на морѣ земной рай. Изъ этихъ путешественниковъ архіепископъ называетъ по имени только Моислава Новгородца и сына его Якова. Блуждая въ ладьяхъ по морю, будто бы они наѣхали на высокую гору. На той горѣ былъ написанъ *Деисусъ*, окруженный неземнымъ свѣтомъ, и раздавались голоса ликующихъ. Чтобъ узнать, что̀ тамъ дѣлается, путешественники послали въ гору одного изъ своихъ товарищей. Взошелъ онъ на гору, всплеснулъ руками, радостно засмѣялся и скрылся въ горѣ. Послали другаго, и тотъ также исчезъ. Наконецъ, чтобы дознаться, что̀ тамъ за чудеса, послали третьяго, привязавъ его за ногу веревкою. Этотъ тоже всплеснулъ руками, засмѣялся, и побѣжалъ было, но товарищи стащили его къ себѣ веревкою, однако ничего не узнали, потому что онъ былъ уже мертвъ. Преданіе это было такъ знаменито въ старину, что до позднѣйшаго времени сохранилось въ иронической пословицѣ о пытливости Новгородцевъ: «Новгородскій рай нашелъ»[1].

---

[1]) См. въ моей Христоматіи, ст. 965, 1459.

Этотъ райскій островъ на эпическомъ языкѣ могъ бы точно съ такимъ же правомъ быть названъ Алатырь-камнемъ, какъ и Ѳаворъ-гора. Спутники Моислава Новгородца такъ же скакали по райской горѣ, какъ дружина Василья Буслаева по Алатырь-камню.

Какъ бы то ни было, но новгородское сказаніе о земномъ раѣ очень удобно могло бы войдти, какъ эпизодъ, въ былину о хожденіи Василья Буслаева съ своею дружиною ко Святымъ Мѣстамъ.

XI.

Обозрѣніе богатырскаго быта, предложенное на этихъ страницахъ, осталось бы съ замѣтнымъ пробѣломъ, если бы мы не коснулись положенія женщины въ кругу богатырей новаго поколѣнія.

Мы уже познакомились съ нѣкоторыми чертами женскихъ типовъ, вынесенными народнымъ эпосомъ изъ эпохи доисторической. По мѣрѣ того какъ фантазія стала больше и больше свыкаться съ дѣйствительностью и воспроизводить ее въ своихъ идеалахъ, все больше и больше сокращались размѣры исполинскихъ женщинъ, суровое величіе уступало мѣсто граціи и спокойной красотѣ, а вѣщая сверхъестественная сила разума и предвѣдѣнія спускалась до житейской мудрости, сопровождаемой здравымъ смысломъ и тою ловкою смѣтливостью, которую народный эпосъ называетъ «женскими догадками».

Какъ въ характерахъ Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, были замѣчены разнообразные элементы, внесенные разными эпохами, такъ и въ женскихъ типахъ богатырскаго эпоса представляется та же смѣсь суровыхъ и жесткихъ формъ грубой старины съ нѣжными очерками и мягкимъ колоритомъ народныхъ пѣсенъ позднѣйшихъ временъ. Одна и та же супруга Добрыни Никитича — то гордая воительница исполинскихъ размѣровъ, то скромная и любящая жена, безпрекословно повинующаяся своей свекрови. Какъ бы ни были мелки черты ежедневной дѣйствительности, которыми въ теченіе вѣковъ на-

родный эпосъ дорисовывалъ свои женскіе идеалы, но первоначальные контуры этихъ идеаловъ были накинуты такою смѣлою рукой и въ такомъ величавомъ и строгомъ стилѣ, что они уже не могли измельчать и опошлѣть до того, чтобъ утратить первоначальное идеальное достоинство. Точно такъ фамильныя черты суровыхъ предковъ черезъ цѣлыя столѣтія отражаются въ замѣчательномъ сходствѣ въ лицахъ ихъ позднихъ изнѣженныхъ потомковъ. Въ такомъ же смыслѣ можно и женскіе характеры русскаго народнаго эпоса назвать породистыми. Сколько ни мельчали они, спускаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, но до сихъ поръ удержали въ себѣ отличительные признаки своей благородной породы.

Народный эпосъ внушаетъ убѣжденіе, что женщина своею женскою думушкой и своими догадками «и всѣхъ князей и бояръ повыманитъ и самого князя Владиміра изъ разуму выведетъ». Потому-то мужъ долженъ искать въ женѣ не одной красоты, но и преимущественно ума, чтобъ «было ему съ кѣмъ думу думати, и было бы съ кѣмъ слово молвити». Князь Владиміръ искалъ себѣ такой невѣсты, чтобъ она была «умомъ сверстна, чтобъ умѣла грамоту русскую и четью-пѣтью церковному».

Женщины въ богатырскомъ эпосѣ пользуются значительною свободою. Онѣ устраиваютъ между собою пиры и собираютъ многочисленныхъ гостей. Такъ у Василисы Микуличны созваны были на столованье жены купеческія и вельможескія. Женщины между прочимъ проводили время въ игрѣ въ шахматы, какъ напримѣръ играла Катерина жена Бермяты съ Чурилою. Чтобы выдать свою дочь замужъ, отецъ не злоупотреблялъ своею властію, и часто совѣтовался сначала съ дочерью: шелъ къ ней вмѣстѣ подумать.

Княженецкая племянница, Запава Путятишна, совершенно свободно гуляетъ по городу Кіеву, и даже сама приходитъ къ Соловью Будиміровичу свататься. Впрочемъ, эта уже черезчуръ крайняя свобода, нарушающая женскую стыдливость, жениху не понравилась:

Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица въ любовь пришла,
А тѣмъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
Что сама себя дѣвица просватала.

Дѣвица-невѣста обыкновенно живетъ въ теремѣ, гдѣ красное солнце не печетъ ее, буйные вѣтры не пахнутъ на нее. Богатырь Дунай, посланный княземъ Владиміромъ за невѣстою Апраксѣевною, находитъ ее въ теремѣ.

Ходитъ она по терему златоверху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ чеботовъ,
У ней русая коса пораспущена.

Когда Дунай ее спрашиваетъ, хочетъ ли она идти замужъ за князя Владиміра, она отвѣчаетъ ему безъ всякой застѣнчивости, развязно:

Три года я Господу молилася,
Чтобъ попасть мнѣ замужъ за князя за Владиміра.

Женскую красоту русскій эпосъ одушевляетъ мыслію и даетъ ей граціозное движеніе. Въ воображеніи нашихъ пѣвцовъ прекрасная женщина представляется —

Умомъ умна и станомъ статна,
Лицо бѣло будто бѣлый снѣгъ,
Щечки будто маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней такъ павиная,
Рѣчь-то у ней лебединая.

или:

. . . . Ростомъ была высокая,
Станомъ она становитая,
И на лицо она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска (привѣтлива, красива).

Частая походка — по нашимъ былинамъ одна изъ главныхъ примѣтъ, по которымъ тотчасъ отличишь женщину отъ мущины.

Другія женскія примѣты: узкія плечи, въ противоположность широкому тазу (что въ былинѣ о Ставровой женѣ даетъ поводъ къ нѣкоторымъ наивнымъ подробностямъ); далѣе: тоненькіе пальчики, непремѣнно съ перстнями; рѣчь съ *провизгомъ*, наконецъ, когда женщина садится, сжимаетъ колѣнки[1]).

Едва ли нужно приписывать особенное значеніе въ исторіи русской женщины тѣмъ сценамъ изъ народнаго эпоса, въ которыхъ, какъ мы уже видѣли, изображается жестокое обращеніе мужа съ женою. Мы уже знаемъ, что эти сцены объясняются преимущественно борьбою новаго поколѣнія съ остатками титанической старины, которая нѣкоторое время находила себѣ поддержку въ женскомъ полѣ, между тѣмъ какъ мущина долженъ былъ подчиниться новому движенію исторической жизни. Сверхъ того, суровые нравы богатырскаго быта уже не могли не обнаружиться въ нѣкоторой грубости, которая на наши глаза кажется жестокою. Уже самое похищеніе невѣстъ и взятіе ихъ съ бою ставили жену въ слишкомъ зависимое подчиненіе, какъ плѣнницу или завоеванную добычу. Такъ Часова вдова не хотѣла выдать своей дочери за Хотена Блудовича. Хотенъ убиваетъ сыновей этой вдовы, силою врывается въ ея домъ, беретъ съ нея выкупъ золотомъ и жемчугомъ, а въ придачу ея дочь, себѣ въ жены. Богатырь ѣдетъ искать себѣ невѣсту, будто на охоту или за военною добычей. Въ такомъ случаѣ князь Владиміръ обыкновенно напутствуетъ жениха такимъ совѣтомъ:

Да гдѣ тебѣ невѣста по любѣ, тутъ и бери,
Добромъ не отдаютъ, такъ и силой возьмемъ.

Потому иногда съ горечью выражается женщина о своемъ невольномъ замужествѣ:

Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.

---

[1]) Рыбник., II, 104.—I, 245. Кирѣевск., III, 29, 33. Рыбник., II, 94, 126, 107. Кирѣевск., IV, 105. Рыбник., 1,330, 324. — II, 96, 192. — I, 187, 191, 254. — II, 53. — I, 178, 186, 243, 247. — II, 54, 97, 106.

Женитьбу насильно или съ бою богатырскій эпосъ обыкновенно объясняетъ тѣмъ, что женихъ беретъ себѣ невѣсту въ чужой землѣ, часто въ непріятельской[1]).

По понятіямъ народнаго эпоса, жена составляетъ домашнее сокровище, которое мужъ не долженъ легкомысленно выставлять на позоръ публикѣ. Многимъ доставалось плохо, когда они по неосторожности хвалились на пирахъ своими прекрасными и умными женами; потому что только —

Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.

Такъ цѣлая былина о Ставрѣ Годиновичѣ основана на этой мысли, имѣющей, какъ кажется, то значеніе для исторіи женщины, что на пиру, гдѣ пьяные хвалятся своимъ молодечествомъ, богатствомъ и борзыми конями, не должно профанировать домашняго счастія, и не унижать жену, низводя ее до предметовъ, которыми богатырь хвастаетъ, какъ своею собственностью. Когда Ставра порядкомъ проучили за его нескромную похвальбу,

Тутъ-то онъ болѣ не сталъ ѣздить по честнымъ пирамъ,
Онъ не сталъ больше хвастать молодою женой[2]).

Особенно выступаетъ достоинство женщины въ лицѣ *честной, матерой вдовы, государыни матушки* удалаго богатыря. Это самая почетная особа, о которой всегда отзывается былина съ великимъ уваженіемъ. Была уже рѣчь о томъ, что вымершее старое поколѣніе оставило по себѣ только вдовъ, которымъ предоставлено было руководить своихъ дѣтей — богатырей новаго поколѣнія. Вдова учитъ своего сына уму-разуму; иногда она на столько развита, что отдаетъ его учиться грамотѣ. Отъѣзжая на подвиги, богатырь беретъ у своей матери благословеніе великое. Случается, что отправляется вмѣстѣ съ нею, какъ напримѣръ, Соловей Будиміровичъ, привезшій свою матушку въ Кіевъ на

---

[1]) Кирѣевск., IV, 76. Рыбник., II, 53, 75. — I, 179.
[2]) Рыбник., II, 244. — II, 93, 103.

кораблѣ изъ-за моря. Въ обращеніи съ матерью богатырь высказываетъ самое глубокое уваженіе:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава разстилается:
Ужь какъ сынъ передъ матерью кла̀нется.

Честная вдова проводитъ время въ трудахъ и молитвѣ. Соловей Будиміровичъ построилъ для своей матушки отдѣльный теремъ, гдѣ она молилась «со вдовами честными, многоразумными», между тѣмъ какъ онъ самъ въ другомъ теремѣ веселился съ своими корабельщиками. Вдовы посѣщаютъ пиры и между собою веселятся, бесѣдуютъ, иногда ссорятся. Такъ вдова Блудова поссорилась съ вдовою Часовою за то, что эта послѣдняя, обидѣвши бранными словами ея сына, не хотѣла выдать за него свою дочь. Потому —

Честная вдова Блудова жена
Пошла съ пиру не весела,
И не весела пошла — не радостна,
Зажала ручки вкругъ сердечушка,
Стянула головушку промежь плечѝ.

Если сынъ женатъ, честная вдова господствуетъ въ домѣ и руководитъ своею невѣсткою, какъ напримѣръ мать Добрыни Никитича. Мы уже знаемъ, какъ дорого этотъ богатырь цѣнилъ спокойствіе своей матери. Мать Дюкова изображается какою-то владѣтельною княгинею, окруженною всевозможными удобствами и великолѣпіемъ. Она распоряжается пріемомъ княжихъ оцѣнщиковъ, пріѣхавшихъ за тѣмъ, чтобъ отнять ея имѣніе въ княженецкую казну, и ловко издѣвается надъ княземъ Владиміромъ. Неугомонный Василій Буслаевъ, объявляющій войну всему Новугороду и никого не боящійся, смиряется только передъ своею матерью. Когда она, чтобъ положить конецъ бѣдствіямъ Новгородцевъ, проситъ его укротить свое богатырское сердце, богатырь почтительно отвѣчаетъ:

Ай же ты, моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Никого я не послухалъ бы,
А послушалъ тебя, родну матушку:
Не послукать мнѣ законъ не даетъ.

Вообще надобно сказать, что богатырскій эпосъ приписываетъ огромное вліяніе вдовѣ-матери на образованіе и на поступки молодаго поколѣнія богатырей. Любовь и уваженіе къ матери, признакъ умнаго и вообще достойнаго человѣка. Гордиться своею матерью позволялось даже и на пирахъ. Эту похвальбу эпосъ не однажды поощряетъ пословицею:

А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.

Иначе: «Умный хвастаетъ старой матерью» [1]).

XII.

Чѣмъ свѣжѣе и первобытнѣе народный эпосъ, тѣмъ замѣтнѣе въ немъ связь дѣйствующихъ лицъ съ музыкальнымъ и пѣсеннымъ его исполненіемъ. Гомеръ неоднократно выводитъ на сцену пѣвцовъ-рапсодовъ, которые потѣшаютъ героевъ пѣснями о Троянской войнѣ. Самъ Ахиллъ сокращаетъ скуку своего одиночества игрою на лирѣ. Финскій Вейнемейненъ — не только герой Калевалы, но и самъ пѣвецъ и заклинатель, знающій вѣщія слова. Авторъ *Слова о полку Игоревѣ* не разъ упоминаетъ о пѣсняхъ, въ которыхъ воспѣваются описываемыя имъ лица и событія. Вѣщій Баянъ накладываетъ свои персты на живыя струны, которыя сами князьямъ «славу рокотали». Въ то время, какъ Игорь возвращается изъ плѣну домой, дѣвицы поютъ на Дунаѣ: вьются ихъ голоса черезъ море до Кіева, а между тѣмъ

---

[1]) Кирѣевск., II, 1. — IV, 69. Рыбник., I, 27, 146, 357.

страны и города радуются и веселятся, пѣвши пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ пѣть славу — Игорю Святославичу, Буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу.

Такъ и въ народномъ эпосѣ богатыри не только дѣйствуютъ, но и сами воспѣваютъ богатырскіе подвиги, напѣвая напѣвки —

Про старыя времена и про нынѣшни,
И про всѣ времена досюлешны [1]).

Изъ богатырей особенно знамениты были своимъ скоморошскимъ искусствомъ: Добрыня Никитичъ, Соловей Будиміровичъ, Чурило Пленковичъ, Садко богатый гость. Послѣдній, какъ мы знаемъ, сначала былъ скоморохомъ, по пирамъ ходилъ, на гусляхъ игралъ и тѣмъ кормился. Соловей, веселясь съ своею дружиною, игралъ на гусляхъ. Чурило, въ должности придворнаго постельничаго, долженъ былъ сидѣть у княженецкаго изголовья и играть въ гусли. Но собственно скоморохи и калики перехожіе, или странники, были исполнителями народнаго эпоса, и свѣтскаго, и духовнаго. Ихъ приглашали на пиры, угощали виномъ и платили за ихъ пѣсни. Кромѣ историческихъ былинъ, они играли какіе то *сыгриши* Царяграда, наводили *танцы Іерусалима*, играли *еврейскіе стихи* и величали князя со княгинею. Все это зналъ и Ставръ Годиновичъ. Самъ князь Владиміръ чествуетъ искуснаго скомороха. Такъ, когда Добрыня Никитичъ, переряженный скоморохомъ, особенно угодилъ князю своею искусною игрою, тогда этотъ послѣдній говорилъ ему:

Ай же, малая скоморошина!
Не твое мѣсто сидѣть на печкѣ муравленой,
Твое мѣсто сидѣть супротивъ князя и княгини...
За твою игру великую,
За утѣхи твои за нѣжныя,
Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ разсчету получай золоту казну.

---

[1]) Рыбник., I, 249.

Скоморохи приглашаются на пиры не для одного только разгулья, но и для утѣхи; музыка и пѣнье развеселяютъ печальное сердце. Такъ Василиса Микулична, перерядившаяся грознымъ посломъ, печальна сидитъ на пиру у князя Владиміра, сама говоритъ ему:

Что буде на разумѣ не весело:
Либо батюшко мой померъ есть,
Либо матушка моя померла.
Нѣтъ ли у тебя гусельщичковъ,
Поиграть во гуселышки яровчаты [1]).

Пѣсни, воспѣваемыя скоморохами, каликами перехожими и самими богатырями, и есть тѣ эпизоды, изъ которыхъ слагается народный эпосъ. Такимъ образомъ былина внесла въ свое содержаніе самый процессъ своего составленія и развитія. Кромѣ того, тѣ же былины, которыя мы теперь изучаемъ, были застольнымъ предметомъ разговоровъ между богатырями; потому что, всякій разъ какъ богатыри поразвеселятся отъ зеленаго вина, они начинаютъ другъ передъ другомъ хвалиться своими подвигами. Сильный хвастаетъ силою, молодечествомъ, богатый — богатствомъ, кто добрымъ конемъ, кто старою матерью, кто молодою женой. Всѣ эти разговоры можно принять за содержаніе самихъ былинъ о тѣхъ предметахъ, которыми пирующіе между собою похваляются.

Какъ сами эпическіе пѣвцы становились героями былинъ, напримѣръ Соловей Будиміровичъ, Садко, Добрыня, переряженный скоморохомъ, такъ и похвальба молодецкая давала содержаніе цѣлымъ былинамъ, напримѣръ похвальба Ставра своею женою. Стиль эпическій господствуетъ столько же въ былинахъ, какъ и въ похвальбѣ дѣйствующихъ лицъ и въ пѣсняхъ, которыми они потѣшались на пирахъ.

---

[1]) Кирѣевск., II, 13, 36, 37.—IV, 67, 105. Рыбник., I, 249, 265, 319, 324, 370. — II, 31, 101, 110.

Какъ во времена богатырскія, на пирахъ князя Владиміра, скоморохи и калики перехожіе, будто гомерическіе рапсоды, пѣли отдѣльныя рапсодіи изъ народнаго эпоса, который никогда не составлялъ законченнаго, округленнаго цѣлаго; такъ и въ наше время онъ распадается на множество отдѣльныхъ былинъ. Былины иногда начинаются припѣвками, изъ которыхъ открываются любопытныя отношенія пѣвцовъ къ публикѣ. Эти отношенія, вѣроятно, тѣже, какія были во времена оны, когда потѣшалъ пирующихъ какой-нибудь новгородскій Садко. Начиная былину, пѣвцы иногда просятъ благословенія отъ хозяина:

Благословляй-ко, хозяинъ,
Благословляй, господинъ,
Старину сказать стародавную
Про молода Чурила сына Пленковича.

Иногда, приглашая гостей на пиру внимательно слушать, они ожидаютъ себѣ отъ хозяина угощенія:

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было:
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднесъ.
Мы, малы ребята, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про широку про Волгу рѣку.
Широка рѣка подъ Казань подошла,
А пошире подалѣ подъ Астрахань,
Великъ перевозъ подъ Но́вымъ-Городо́мъ.

Иногда, будто повторяя приказаніе самого хозяина, пѣвцы начинаютъ такъ:

Кто бы намъ сказалъ про старое;
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Му́ромца.

Окончивъ одну былину, пѣвцы переходятъ къ другой, связывая ту и другую такою припѣвкою:

Эта старина кончается,
А другая начинается.

Чтобъ перенести слушателей въ поэтическій міръ богатырской былины, иногда пѣвцы будто берутъ нѣсколько смѣлыхъ аккордовъ, заманивающихъ вдаль и сосредоточивающихъ вниманіе на предметахъ высокой важности:

Высота ли высота поднебесная,
Глубота глубота Океанъ-море,
Широко раздолье — по всей земли,
Глубоки омуты — днѣпровскіе.

Въ нѣкоторыхъ припѣвкахъ во всей очевидности чувствуется импровизація пѣвца. Будто не зная, какъ приступить прямо къ содержанію былины, онъ сначала скромно скажетъ нѣсколько словъ о себѣ, потомъ броситъ бѣглый взглядъ на широкій ландшафтъ, остановится на какихъ-нибудь чудесахъ природы, и наконецъ не чувствительно въ эту общую картину вставитъ воспѣваемаго имъ богатыря. Вотъ какъ, напримѣръ, пѣвецъ приступаетъ къ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ:

Ты тулупъ ли мой, тулупчикъ, шуба новая!
Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридсять лѣтъ:
Обломилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи плечи.
Охъ ты поле мое, поле, поле чистое!
Заростало мое полюшко крапивушкой,
Что ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ.
Пробѣжало туто стадечко звѣриное,
Что звѣриное стадечко — сѣры́хъ волковъ;
Напередъ бѣжитъ собака лютый Ски́менъ звѣрь:
Что на Скименѣ шерсточка булатная,
Какъ у Скимена уши что востро́ копье.
Прибѣжала воръ-собака ко Нѣпру рѣкѣ,
Становилась воръ-собака на крутой берегъ,
Закричала воръ-собака по гусиному,
Зашипѣла воръ-собака по змѣиному:
Съ крутыхъ бережковъ песочекъ пріусыпался,
Во Нѣпру рѣкѣ вода съ пескомъ смутилася,
Что не бѣла ли рыбушка на низъ ушла......

Круты красны бережечки зашаталися,
Со хоро̀мъ, братцы, вершечки посвалялися.
Какъ зачуялъ воръ-собака нарожденьице:
Народился на Святой Руси, на богатой,
Молодешенекъ Добрыня сынъ Никитьевичъ.

Иногда, чтобъ ввести слушателей въ событія далекой старины, пѣвецъ начинаетъ съ предмета близкаго, во очію представляющагося. Такъ хочетъ онъ пѣть о пирахъ князя Владиміра, а начинаетъ съ рѣки Волги, и слѣдя за ея необъятнымъ теченіемъ, будто даетъ понятіе о теченіи самаго времени, къ древнѣйшимъ истокамъ котораго онъ приглашаетъ своихъ слушателей:

Повышла, повыкатилась Волга матушка рѣка,
Мѣстомъ шла она три тысячи,
Рѣкъ побрала она — того смѣты нѣтъ,
А перевозъ дала въ стольномъ городѣ во Кіевѣ.

Волга довела пѣвца до Кіева. Теперь онъ уже и станетъ пѣть о кіевскомъ князѣ и его богатыряхъ.

Иногда теченіе Волги вставляетъ пѣвецъ въ объемъ широкой панорамы или точнѣе громаднаго фронтисписа, гдѣ помѣщаются цѣлыя горы, озера, болота и лѣса:

Лѣсы темные, подходили лѣса ко городу Смоленскому;
Горы-ты высокія Сорочинскія,
Чисты поля подходили ко городу ко Обскову [1]);
Мхи да болота ко Бѣлу-озеру;
Рѣки-озера ко Синю морю.
Была какъ тутъ матушка Волга рѣка —
Широка и долга она,
Прошла она мимо Казань, Рязань и мимо Астрахань,
Выпадала она устьемъ во Сине море,
Во море Синее, во Турецкое.

---

[1]) Къ Опскову, ко Пскову.

Добравшись по Волгѣ до Синя моря, пѣвецъ на немъ останавливается и описываетъ корабли Соловья Будиміровича, плывущаго къ городу Кіеву.

Мы уже видѣли, какое сильное дѣйствіе оказали на Руси рѣки и прибрежный бытъ на самыя ранніе вымыслы народной фантазіи. Вѣрные поэтическимъ преданіямъ старины и родной почвѣ, пѣвцы и начинаютъ и оканчиваютъ свои богатырскія былины, прославленіемъ рѣкъ, будто вмѣстѣ съ своими слушателями сидятъ они на берегу ихъ, какъ тѣ древнія племена, которыя, разселяясь по Руси, по свидѣтельству лѣтописи, садились на рѣкахъ, отчего и имена себѣ получали. Многія былины оканчиваются припѣвкою во славу всеславянской рѣкѣ Дунаю:

Дунай, Дунай, Дунай.
Впередъ болѣ не знай —

или

Болѣ пѣть впередъ не знай [1]).

Итакъ, русская былина до нашихъ временъ помнитъ о тѣхъ поэтическихъ голосахъ, которые, по свидѣтельству *Слова о полку Игоревѣ* вьются съ береговъ стараго Дуная до стольнаго города Кіева [2]).

Начавъ съ миѳовъ и богатырскаго быта, мы незамѣтно перешли ко внѣшней формѣ былинъ, то есть, къ слогу; потому что самая тѣсная связь между содержаніемъ и языкомъ составляетъ отличительное свойство народной эпической поэзіи, которая зараждалась и развивалась вмѣстѣ съ зарожденіемъ и установленіемъ самыхъ формъ языка: такъ что иногда живое воззрѣніе, проникнутое вѣрованіемъ, мѣтко схваченное словомъ, служило сѣменемъ для цѣлаго миѳа или сказанія; иногда цѣлое сказаніе сокращалось въ краткую фразу, которую былина изъ вѣка въ вѣкъ переносила въ постоянномъ эпитетѣ.

---

1) Вѣроятно, сокращенно, вм. *не знаю*.

2) Кирѣевск., I, 1, 3, 4, 20.—II, 1, 2, 9, 61.—III, 1.—IV, 87, 99. Рыбниковъ, I, 177, 325. — II, 14, 20, 44, 184, 351.

Не имѣя намѣренія утомлять читателей грамматическими тонкостями, я остановлюсь только на такихъ немногихъ подробностяхъ, въ которыхъ очевидна эта жизненная связь отдѣльнаго слова съ эпическимъ содержаніемъ.

Русскій языкъ въ народномъ эпосѣ называется по преимуществу *человѣческимъ* [1]), какъ бы въ томъ смыслѣ, что всѣ прочіе языки — звѣриные, согласно съ стариннымъ убѣжденіемъ, что и животныя говорятъ, только на непонятномъ, иностранномъ языкѣ. Татарскій языкъ иронически называется въ былинахъ *телячьимъ*. Эпитетъ языка — *чистъ рѣчистъ* языкъ. Кто говоритъ не чисто и нерѣчисто, тотъ нѣмой, то есть, *Нѣмецъ*, вообще иностранецъ. Въ поговоркахъ [2]) нѣмечина слыветъ *хитрою*, *безвѣрною*, *басурманскою*. Кажется, Нѣмца русскій человѣкъ ненавидитъ больше Татарина; потому что пословицею говоритъ: «Нѣмецъ хоть и добрый человѣкъ, а все лучше повѣсить», — между тѣмъ, какъ о Татаринѣ выражается: «Люблю молодца и въ Татаринѣ»; потому что татарское иго ужь никого не тяготитъ: «нынѣ про татарское счастье только въ сказкахъ слыхать».

Въ народномъ эпосѣ Орда называется *славною*, *темною;* Литва — *храброю*, *поганою;* Чудь — *бѣлоглазою*. Историческія столкновенія съ Польшею и Литвой и доселѣ вспоминаются въ пословицахъ и поговоркахъ: *Полякъ* (или Ляхъ) *безмозглый*, *безначальный: ляшская*, *жидовская*, *собачья вѣра*. *Литва беззаконная*, *долгополая*, *сиволапая*, *поганая*. *Ляхъ и подъ старость вретъ*. *Ляхъ и умираетъ*, *а ногами дрягаетъ*. *Чѣмъ дальше въ Польшу*, *тѣмъ разбою больше*. Въ эпосѣ *Литва* и *Орда* употребляются даже въ нарицательномъ смыслѣ чужой земли вообще. Напримѣръ, заѣзжаго спрашиваютъ: «Ты коей земли, да ты коей орды?» Или: «Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы?» О странствіяхъ Потока Михайлы Ивановича: «Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду».

---

[1]) «Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ?» Спрашиваютъ Татары. Кирѣевск., 4, 39.

[2]) Даля, Пословицы, стр. 364 и слѣд.

Посолъ изъ чужой земли представляется въ видѣ татарскаго баскака, потому называется *грознымъ*. Заслуживаетъ вниманія, что татарщина въ глазахъ эпическихъ пѣвцовъ бросаетъ тѣнь на подъячество. *Дьякъ* или *думный дьякъ* прозывается *выдумщикомъ*. Онъ является на Русь вмѣстѣ съ Батыемъ, между его сыновьями и зятьями, и приводитъ съ собою противъ Русскихъ силы сорокъ тысячъ. Эта эпическая подробность находитъ себѣ подтвержденіе въ литературныхъ памятникахъ временъ татарщины. Такъ въ ростовской легендѣ о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ повѣствуется между прочимъ о татарскомъ баскакѣ, присланномъ отъ хана для рѣшенія юридической тяжбы между князьями и духовенствомъ о правѣ на владѣніе Ростовскимъ озеромъ [1]).

Вѣроятно, въ противоположность басурманскимъ землямъ, Кіевъ называется въ былинахъ *святымъ градомъ*. Живетъ въ немъ *честный* народъ, *вольно-кіевскій*. Потому, согласно съ позднѣйшимъ, православнымъ значеніемъ Кіева, о поѣздѣ богатыря говорится въ обычномъ выраженіи: поѣхалъ онъ

Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.

Однако, несмотря на великую святость Кіева, было время, когда обуяла его басурманщина:

Не по старому въ Кіевѣ звонъ звонятъ,
Не просятъ милостыни спасенныя:
Обнасильничалъ Идолище поганое.

Вообще должно замѣтить, что выраженіе православныхъ идей въ народномъ эпосѣ отличается необыкновенною наивностью. *Божья* церковь величается *матушкой*. Гость, входя въ палаты къ хозяину, молится *чужимъ* образамъ [2]).

---

[1]) Рыбник., II, 34, 40. О ростовск. легендѣ см. въ моихъ Историч. Очеркахъ, во 2 части.

[2]) Кирѣевск., III, 82. Рыбник., I, 246, 71, 72, 205, 206, 328. — II, 129, 131. Кирѣевск., I, 33, 41. — IV, 19. Рыбник., I, 284.

Впрочемъ языкъ богатырскаго эпоса во всемъ своемъ строѣ и въ мелкихъ подробностяхъ отзывается глубокою древностію, предшествующею татарщинѣ, и даже еще весьма мало подчинившеюся вліянію православныхъ идей. Понятія о жизни семейной выражаются въ неприкосновенной свѣжести самой ранней эпохи народнаго быта. Мужъ и жена другъ друга называютъ *семьею*, *семеюшкою*. Такъ Василиса Микулична называла Ставра «любимою семеюшкой, законною сдержавушкой». Наживать дѣтей, это *семью сводить*. Дитя уподобляется посѣву. Такъ Дунаю говоритъ жена его:

У меня съ тобой есть во чревѣ чадо посѣяно,
Принесу тебѣ я сына любимаго...
Дай мнѣ младенца поотродити,
Свои хоть сѣмена на свѣтъ спустить [1]).

Раннія преданія въ былинахъ о великанахъ удерживаютъ на себѣ отпечатокъ древнихъ воззрѣній, сохранившихся въ языкѣ. Какъ Несторъ въ своей лѣтописи говоритъ о великанахъ Обрахъ, что они тѣломъ были велики и умомъ «горды»; такъ и былина характеризуетъ великана эпитетомъ *гордый*. Въ противоположность «ретивому» сердцу богатырей, у великановъ сердце *черное*.

Олицетвореніе рѣки Дуная въ образѣ богатыря сопровождается перенесеніемъ и самаго эпитета отъ рѣки къ ея богатырскому образу. Потому въ былинахъ воспѣвается *тихій* Дунаюшка [2]).

Богатырскія былины, съ которыми читатели могли познакомиться на этихъ страницахъ, далеко не исчерпываютъ необъятнаго содержанія русскаго народнаго эпоса. По изображенію народнаго быта, онѣ только первая ступень его историческаго раз-

[1]) Кирѣевск., II, 31, 35, Рыбник. I, 244, 332, 193, 185.
[2]) Рыбник., I, 314, 313, 187.

витія. Мы остановились на татарщинѣ, которая, налагая тяжелую руку на богатырскую былину, вноситъ анахронизмы въ эпическій циклъ пировъ князя Владиміра, и потомъ, оставляя позади себя богатырей, даетъ эпосу новый видъ, сближая былину съ умильными повѣстями и лѣтописными сказаніями о татарскихъ погромахъ и съ легендами о томъ, какъ Татары оскверняли святыни и мучили князей, которыхъ потомъ церковь причисляла къ лику святыхъ. Черезъ татарщину богатырскій эпосъ переходитъ уже къ собственно историческому.

Съ другой стороны грамотность вноситъ новые элементы въ народную поэзію, и частію производитъ въ эпическомъ вымыслѣ странную путаницу разными книжными намеками, то на средневѣковую Александрію, то на притчи о семи мудрецахъ, то на разные апокрифы, частію даетъ содержаніе цѣлымъ повѣстямъ, напримѣръ, о Соломонѣ и Катоврасѣ, и наконецъ выражается въ обширномъ циклѣ *духовныхъ стиховъ*.

Историческая былина, внося въ себя легендарное содержаніе, сливается съ духовнымъ стихомъ; и наоборотъ, духовный стихъ, разбавляясь народнымъ миѳомъ или прицѣпляясь къ историческому факту, переходитъ въ эпизодъ то миѳическаго, то историческаго эпоса.

Чтобы выдѣлить разнородные элементы изъ этой хаотической смѣси, надобно было сначала разсмотрѣть менѣе сложныя, первичныя основы народнаго эпоса въ пѣсняхъ богатырскихъ. Сборники Кирѣевскаго и Рыбникова предлагаютъ богатый матеріалъ во множествѣ варіантовъ одной и той же былины. Надобно было распутать противорѣчія варіантовъ, и одинъ варіантъ дополнять другими, отличая первоначальное отъ позднѣйшей примѣси.

1862 г.

СЛѢДЫ СЛАВЯНСКИХЪ ЭПИЧЕСКИХЪ ПРЕДАНІЙ
ВЪ НѢМЕЦКОЙ МИѲОЛОГІИ.

I.

Чѣмъ богаче и разнообразнѣе развила какая народность свои самобытныя силы на древней основѣ индо-европейскихъ зачатковъ, тѣмъ дальше отдѣлилась отъ нея, опредѣливъ себя наиболѣе оригинальными, индивидуальными чертами. Такъ было съ миѳологіею классическихъ народовъ, и преимущественно Грековъ. Народы, менѣе богатые задатками историческаго развитія, меньше выработали свою миѳологію, свои обычаи и нравы, и недалеко ушли отъ раннихъ преданій первобытной индо-европейской цивилизаціи, сохранившейся въ языкѣ, миѳѣ и эпосѣ. Таковыми оказались Славяне и Литва. Они вынесли съ собою смутныя миѳическія представленія изъ до-историческаго броженія народностей, отдѣлившихся отъ общаго Арійскаго начала, но не успѣли ихъ выработать самостоятельно въ опредѣленныхъ типахъ божествъ, не создали ни Греческаго Олимпа, ни Скандинавскаго Асгарда, жилища божественныхъ Асовъ и Вановъ.

Недостатокъ Славянской миѳологіи удовлетворительно восполняется Нѣмецкою, въ которой во всей ясности разрѣшается многое, что̀ смутно и не развито оставалось въ бытѣ и вѣрованьяхъ Славянскихъ племенъ.

Между новыми народами Нѣмцамъ выпала счастливая доля быть передовыми на пути развитія, какая признается за Греками между народами древними. Необыкновенная энергія нѣмецкой національности уже въ эпоху до-историческую выказала себя блистательнымъ творчествомъ въ эпосѣ космогоническомъ и ѳеогоническомъ. Миѳологія нѣмецкая представляетъ полную и стройную систему, послѣдовательно развившуюся изъ общихъ Арійскихъ зачатковъ и доведенную до самостоятельнаго цѣлаго, округленнаго индивидуальными чертами нѣмецкой народности. Ранніе зародыши общей всѣмъ народамъ первобытной цивилизаціи, на которыхъ закоснѣла Славянская миѳологія, входятъ въ миѳологическую систему нѣмецкой старины, только какъ одинъ изъ послѣдовательныхъ историческихъ моментовъ, получившій живительныя соки для дальнѣйшаго развитія на западѣ.

Семейный и родовой бытъ, осѣдлость и земледѣліе — вотъ главные элементы, изъ которыхъ сложились историческія основы славянской народности. Земля, или земщина, съ ея пашнею и разными угодьями, и Русская семья, упорно отстоявшая свою замкнутость при слабомъ развитіи общественности, которая не пошла дальше эпическихъ предѣловъ *верви*, общины, мирской сходки и вѣча — вотъ самыя существенныя, характерическія явленія Русской жизни, непосредственно вышедшія изъ этихъ раннихъ основъ историческаго пробужденья славянской народности, и какъ бы остановившіяся на нихъ въ слѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій, задержавшихъ успѣшное развитіе жизни.

Русскій народный эпосъ, въ связи съ обще-славянскимъ, предлагаетъ намъ цѣлый рядъ эпизодовъ, въ которыхъ національное сознаніе заявляетъ о великомъ переворотѣ, совершившемся для славянскаго міра въ переходѣ отъ бездомнаго кочеванья къ земледѣльческой осѣдлости. Таковы сказанья — Чехо-Польское о Чехѣ и Лѣхѣ, Кракѣ или Крокѣ, Чешское о Премыслѣ, Русское о Микулѣ Селяниновичѣ, о Змѣиномъ Валѣ и т. п. Но эти эпизоды, низведенные въ область уже героическихъ и

даже историческихъ сказаній, оторваны отъ миѳологической системы и потеряли тотъ связующій ихъ центръ, къ которому они, безъ сомнѣнія, первоначально тяготѣли, бывъ нѣкогда возведены къ миѳу о божественномъ покровителѣ новаго семейнаго, осѣдлаго и земледѣльческаго быта.

Такимъ божествомъ осѣдлыхъ и земледѣльческихъ Славянъ былъ непремѣнно Перунъ. Его знали всѣ Славяне, и по преимуществу Восточные. На Руси онъ чествовался, и на Сѣверѣ, и на Югѣ, и въ Новѣгородѣ и въ Кіевѣ. Потому-то истуканъ его и постановленъ былъ, по повелѣнію князя Владиміра, на горѣ въ Кіевѣ, на первенствующемъ мѣстѣ между прочими истуканами уже второстепенныхъ божествъ. По воззрѣніямъ Сербскаго эпоса, молнія, т. е. Перунъ устрояетъ весь міръ, распредѣляя его между разными властями, которымъ подновленная пѣсня даетъ уже христіанскія имена: на свадьбѣ Свѣтлаго мѣсяца «*Молнія* дары дѣлила: дала Богу небесную высоту, Святому Петру Петровскіе жары, а Ивану ледъ и снѣгъ, а Николѣ на водѣ свободу, а Ильѣ молнію и стрѣлы». Илья *Громовникъ* есть тотъ же Перунъ; но здѣсь, какъ часто случается въ пѣсняхъ, древнее преданье перепутано, и *Молнія* представляется существомъ самостоятельнымъ, отдѣленнымъ отъ Громовника Ильи. Въ другихъ сербскихъ пѣсняхъ, какая-то *Огненная* богиня, получившая позднѣйшее собственное имя Огненной *Маріи*, кажется соотвѣтствуетъ Громовнику Перуну, какъ его супруга, хотя въ пѣсняхъ и называется его сестрою[1]). Потому при раздѣлѣ всего міра Илья получаетъ небесный громъ, а сестра его Марія молнію и стрѣлы.

Можетъ быть, со временемъ подслушанныя изъ устъ народа въ разныхъ славянскихъ земляхъ пѣсни, до сихъ поръ еще неизвѣстныя наукѣ, прибавятъ нѣсколько важныхъ данныхъ для миѳическаго типа Громовника Перуна покровителя земледѣлія и семейнаго быта; но въ настоящее время, чтобъ уяснить себѣ эпическія черты этого божества, надобно обратиться къ нѣмец-

[1]) Вука Караdж., Сербск. пѣсни, I, № 230. II, № 2.

кому подобію его въ лицѣ Сѣвернаго Тора. За исключеніемъ немногихъ, собственно мѣстныхъ и національныхъ красокъ, этотъ нѣмецкій типъ объяснитъ намъ многое не только для возсозданія Славянскаго Перуна, но и для надлежащаго пониманія такого національнаго, чисто-Русскаго героя, какъ Илья Муромецъ.

Если въ поэтическихъ миѳахъ о божествахъ народъ возводитъ до идеальнаго представленія свое собственное бытіе, опредѣляемое историческимъ развитіемъ и разными переворотами, а также и мѣстными обстоятельствами; если въ типахъ своихъ божествъ, въ этихъ священныхъ идеалахъ, такъ оконченно возсозданныхъ фантазіею, такъ глубоко проникнутыхъ сочувствіемъ и вѣрованьемъ, народъ видитъ лучшую, благороднѣйшую часть своего собственнаго духовнаго бытія: то въ миѳахъ о верховныхъ божествахъ Сѣвернаго Асгарда, именно о *Торѣ* и *Одинѣ*, можно прослѣдить исторію не одного религіознаго, миѳологическаго сознанія древне-Германскихъ племенъ, но и вообще нравственнаго, умственнаго и бытоваго ихъ развитія. Высоко-художественныя поэтическія произведенія, къ какимъ относится и народный эпосъ, — выражаютъ дѣйствительность не въ одномъ только внѣшнемъ описаніи подробностей быта и природы, не въ одной только вѣрной, фотографической передачѣ того, какъ жилось и думалось, но въ болѣе глубокомъ и широкомъ возсозданіи жизни, въ типическихъ представителяхъ быта, которые въ эстетикѣ называются *идеалами*. Такими идеалами для Германской старины были Одинъ и Торъ.

Въ идеальномъ образѣ Одина, къ характеру первобытной грубости, отваги, не всегда руководимой здравымъ соображеньемъ, въ послѣдствіи присоединились другія черты, внесенныя изъ быта племенъ, болѣе развитаго историческими переворотами, быта воинственнаго, наложившаго печать своего превосходства повсюду, куда являлись завоевательныя полчища, влекомыя жаждою добычи и господства. Гордыя успѣхами своего фактическаго преобладанія, въ эпоху, когда вся Европа подчинялась ихъ могуществу, эти воинственныя толпы выразили свое національное со-

знаніе въ царственномъ идеалѣ Одина, который по облакамъ несется на своемъ конѣ Слейпнирѣ во главѣ неистовыхъ полчищъ (das rasende Heer), и самодовольно обозрѣваетъ страны, подъ его божественнымъ наитіемъ завоеванныя и преобразованныя для умственныхъ и гражданскихъ успѣховъ обновленной Европы. Народный эпосъ съ особенною заботливостью обрабатывалъ этотъ любимый идеалъ, какъ бы желая истощить на немъ всѣ свои поэтическія средства, чтобы дать ему бо́льшую оконченность въ отдѣлкѣ, при всемъ разнообразіи и многосложности внесенныхъ въ него элементовъ изъ жизни, постоянно идущей впередъ по пути историческаго развитія. Одинъ — божество по преимуществу Нѣмецкое. Выходя изъ эпохи титанической, участвуя въ твореніи всего міра, Одинъ мало по малу теряетъ свою первобытную чудовищность, и, сопутствуя успѣхамъ ранней цивилизаціи нѣмецкихъ племенъ, болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ въ своемъ характерѣ утонченныя очертанія позднѣйшей эпохи.

Нѣкоторые нѣмецкіе ученые отличаютъ Одина отъ Тора тѣмъ, что въ первомъ видятъ выраженіе жизни духовной, во второмъ — силъ природы внѣшней [1]). Судя по первоначальному значенію, Торъ дѣйствительно божество стихійное, это не что иное, какъ громъ, потому что самое названіе этого божества есть сокращеніе слова Тонаръ или Тунаръ (т. е. Donner). Какъ божество быта земледѣльческаго, онъ родился отъ матери земли (Iord — erde); отцемъ былъ Одинъ, въ его древнѣйшемъ видѣ, какъ жестокій убійца великана Имира, изъ трупа котораго онъ творилъ міръ. По инымъ преданіямъ Торъ раждается отъ матери-горы (Fiörgyn). Такимъ образомъ въ миѳѣ о рожденіи Тора встрѣчаются два существенно различные варіанта: Торъ — сынъ земли, и потому покровитель земледѣлія, и сынъ горы — врагъ горныхъ великановъ, держащій въ рукахъ страшное орудіе — самоё гору, утесъ, именно hamar, который сначала означалъ камень вообще, а потомъ уже молотъ (hammer), потому что древ-

[1]) Uhland, Der Mythus von Thôr. 1836 г., стр. 15.

нѣйшимъ оружіемъ были именно *каменные молоты*. Этотъ молотъ Тора назывался *Мёльниръ*. Онъ былъ крылатый. Поразивъ кого нибудь, онъ самъ возвращался въ руки Тора.

Богъ грома — существо страшное только для злыхъ великановъ, этого заматорѣлаго на землѣ потомства Имирова. Только въ борьбѣ съ злыми силами является Торъ во всемъ своемъ молніеносномъ могуществѣ. Тогда трясется земля и рушатся скалы. Но для людей онъ благодѣтеленъ. Ему родственно все мирное и согласное въ жизни. Потому, хоть онъ и богъ грома, но женатъ на существѣ тихомъ и дружественномъ, на Зифѣ, а самое слово Sif, иначе Sibja, Sippa или Sippe — значитъ миръ, дружба, согласіе, родство, то есть, семья, какъ зародышъ рода-племени [1]). По сѣверному миѳу прекрасные золотые волосы Зифы не что иное, какъ золотые колосья спѣлой жатвы. Эти волосы были выкованы изъ золота въ нѣдрахъ земли подземными карликами-ковачами.

Мирная семейная обстановка Тора говоритъ въ пользу той мысли, что это божество было представителемъ не одной только природы физической. Торъ былъ покровителемъ мирнаго, благотворнаго земледѣлія и семейнаго быта.

Уже самые обычаи его рѣзко отличаются отъ воинскихъ привычекъ другихъ боговъ Сѣвернаго Асгарда. Всѣ они обыкновенно ѣздятъ верхомъ на коняхъ; только онъ одинъ, или идетъ пѣшкомъ, или ѣдетъ въ телѣгѣ, или *на колахъ*, какъ у насъ говорилось въ старину. Въ этотъ экипажъ Тора впряжены были два козла.

Его каменный молотъ (miolnir), страшный для великановъ, есть символъ семейнаго и общественнаго порядка для людей. Молотомъ Тора освящались важнѣйшіе права и обязанности семейныя и общественныя, а также важнѣйшія событія въ жизни человѣка. Имъ освящались, и свадьба, и похороны, и жертво-

---

[1]) Одно и тоже слово измѣняется по нѣмецкимъ нарѣчіямъ: сканд. Sif, готск. Sibja, древне-верхне-нѣмецк. Sippia, Sippa, откуда новое Sippe. — Слич. скандин. Sifjar — согласіе, дружба; Sift — родъ, племя.

приношеніе. Онъ былъ символомъ суда. Даже до позднѣйшихъ временъ, судья, созывая общину на вѣче, возвѣщалъ о томъ посредствомъ молота, который онъ велѣлъ обносить по селенію. Бросаньемъ молота, а потомъ и другаго оружія (потому что молотъ былъ древнѣйшимъ оружіемъ) — опредѣлялось завладѣніе землею и водою [1]). Такъ какъ земледѣліе ведетъ къ осѣдлости, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивается понятіе о собственности: то поселенцы въ далекой Снѣжной землѣ (Snialand), въ Исландіи, посвящали занимаемую ими тамъ землю этому божеству жизни осѣдлой и семейной, захвативъ съ собою изъ Скандинавіи нѣсколько бревенъ или колоннъ изъ его храма, и перевезши ихъ съ собою, какъ драгоцѣнные реликвіи.

Торъ чествовался, какъ родоначальникъ мирнаго населенія, рода-племени. Его называли *Дѣдомъ*, то-есть, *Атли* (откуда собственныя имена Аттила и Этцель). Женское имя, соотвѣтствующее Атли, было *Эдда* — то есть, бабка или прабабка, старуха и старина вообще. Въ честь рода-племени самое собраніе древнѣйшихъ пѣсенъ сѣверной миѳологіи и эпоса было названо Эддою. И Русскіе своего бога родоначальника звали дѣдомъ, а наслѣдственную землю — *дѣдиною*.

Если Одинъ, воинственный предводитель героевъ, былъ предводителемъ благороднаго, независимаго духа побѣдоносныхъ сѣверныхъ дружинъ, былъ родоначальникомъ *Князей*, такъ что нѣмецкое Kunings, Konungr [2]) даже стало господствующимъ повсюду и перешло къ славянамъ въ формѣ *князь:* то, въ противоположность этому аристократическому элементу — болѣе скромный достался въ удѣлъ Тору, какъ представителю трудолюбиваго земледѣльца и какъ защитнику мирнаго сельскаго жителя. Въ немъ выражается начало мирное, народное, миръ-народъ, *земля* или *земщина*, именно въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ понимается это послѣднее слово нашими славянофилами.

---

[1] Як. Гримма, Deutsche Rechtsalterth. Стр. 64, 162.

[2] Первоначально значитъ родоначальникъ вообще (отъ Kuni — родъ, племя).

Важнѣйшая черта, дополняющая народный, *земскій*, вовсе не аристократическій характеръ Тора — это постоянное сообщество его съ людьми изъ земледѣльческаго, крестьянскаго сословія, въ лицѣ служителей его, брата и сестры, *Тіальфи* и *Рёсквы*. Первое имя значитъ *работникъ*, второе — *быстрая приспѣшница*. Заслуживаетъ вниманія сказаніе Новой Эдды о томъ, какъ Торъ сблизился съ этими лицами. Однажды, въ товариществѣ съ хитрымъ Локи, отправляясь на подвиги противъ великановъ Іотовъ, въ ихъ жилище Утгардъ, или Аусгардъ, Торъ остановился ночлегомъ у одного земледѣльца. Убиваетъ своихъ обоихъ козловъ и варитъ ихъ въ котлѣ. Потомъ приглашаетъ хозяевъ, крестьянина съ женой и дѣтей, поужинать вмѣстѣ съ нимъ, поѣсть козлинаго мяса, только наказываетъ имъ, чтобы они бережно складывали оглоданныя кости на разостланную козлиную шкуру. Но сыну крестьянина, Тіальфи, захотѣлось пососать мозгу изъ одной кости, и онъ раскололъ ее ножемъ. На другое утро Торъ освящаетъ козлиныя кожи своимъ молотомъ, и оба козла воскресаютъ, только одинъ съ хромою заднею ногою. Только тогда богъ замѣтилъ, что хозяева его небережно обходились съ козлиными костями. Въ страхѣ передъ его гнѣвомъ, мужики просятъ его о пощадѣ; Торъ прощаетъ, но за изъянъ, причиненный козлу, беретъ съ собою обоихъ дѣтей хозяйскихъ, Тіальфи и Рёскву.

Память объ этомъ миѳѣ, можетъ быть, сохранилась въ нашихъ сказкахъ о томъ, какъ брата, превращеннаго въ козла, закалываютъ и варятъ въ котлѣ, и какъ онъ плачется своей сестрѣ, въ слѣдующихъ стихахъ, отзывающихъ глубокою стариною:

Олёнушка, сестрица моя!
Меня-козла колоть хотятъ, —
Точатъ ножи булатные,
Кипятъ котлы кипучіе и т. д.

Во всякомъ случаѣ, въ этой пѣснѣ очевидны слѣды древнѣйшаго преданія о кровавой жертвѣ. Поклонники Тора дѣйстви-

тельно справляли такую жертву: «у Лонгобардовъ былъ обычай — какъ свидѣтельствуется въ Римскомъ Патерикѣ, кн. 3, гл. 28 — приносить въ жертву дьяволу козью голову; жертвоприношеніе сопровождалось бѣганьемъ вокругъ и пѣньемъ бѣсовскихъ пѣсенъ». По ближайшему родству съ Торомъ, и нашему Перуну, вѣроятно, приносилась такая же жертва.

Еще приличнѣе было бы Тору, какъ божеству земледѣльцевъ, ѣздить на быкахъ. Какъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ народныхъ преданіяхъ, такъ и у насъ Торову козлу соотвѣтствуетъ быкъ. Такъ въ одной Русской сказкѣ Иванъ Царевичъ и Елена Прекрасная спасаются отъ миѳическаго Медвѣдя на бычкѣ. Когда преслѣдовавшій ихъ Медвѣдь утонулъ въ рѣкѣ, — «захотѣли они ѣсть; вотъ бычокъ имъ и говоритъ: «зарѣжьте меня и съѣшьте, а *косточки мои соберите* и ударьте; изъ нихъ выйдетъ *Мужичокъ-Кулачокъ* — самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ. Онъ для васъ все сдѣлаетъ». Такъ и случилось. (Аѳанасьева Сказки, VI, стр. 128). Какъ происхожденіе этого миѳическаго всемогущаго слуги мужичка состоитъ въ родствѣ съ земледѣльческимъ быкомъ; такъ и Тіальфи — мужикъ попалъ къ Тору изъ-за увѣчья козла. По другой русской сказкѣ кости убитаго быка сожигаютъ, а пепелъ *сѣютъ*, будто самое плодородное сѣмя. (Смотр. замѣтку въ 4-мъ выпускѣ пѣсенъ Кирѣевскаго, стр. 160).

Торъ, божество мирнаго, земледѣльческаго населенія, не только въ своемъ общемъ характерѣ представляетъ полнѣйшее развитіе идеи о Славянскомъ Перунѣ и Литовскомъ Перкунѣ, но даже и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и аттрибутахъ, или околичностяхъ. Дубъ, дерево священное у Славянъ и Литвы, есть дерево Тора. Торъ представляется съ красной (огненной) бородою. Несторъ свидѣтельствуетъ, что у истукана Перунова, постановленнаго Княземъ Владиміромъ въ Кіевѣ, голова была серебряная, а *усъ златъ*. Какъ древніе и средневѣковые писатели Нѣмецкаго Тора называли латинскимъ именемъ Юпитера, такъ

и Славяне Перуномъ переводили для себя это классическое божество[1]).

Миѳологическій эпосъ Сѣверныхъ племенъ повѣствуетъ о множествѣ похожденій и подвиговъ бога Тора, изображая въ мелкихъ оттѣнкахъ его личность и характеръ. Это такой-же живой, поэтическій типъ, какіе создала греческая фантазія изъ своихъ Олимпійскихъ боговъ. Не зная нашего Перуна, какъ живую личность, сложившуюся изъ элементовъ дѣйствительности, и возведенную до идеала, по крайней мѣрѣ по миѳамъ о нѣмецкомъ Торѣ мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ, чего не доставало Славянамъ уже въ самую начальную эпоху ихъ умственнаго, религіознаго и поэтическаго развитія, и на сколько нѣмецкія племена во всемъ этомъ опередили Славянъ.

Изъ пѣсенъ древней Эдды останавливаюсь на эпизодѣ, подъ названіемъ: *Возвращеніе молота* (Hamarsheimr).

Однажды, проснувшись поутру, Торъ не нашелъ при себѣ своего молота. Напрасно его ищетъ, и приходитъ въ неописанную ярость. Потомъ сообщаетъ о своей пропажѣ коварному Локи, безъ котораго не обходится дѣло ни въ какомъ случаѣ, гдѣ нужна хитрость и обманъ. Только хитрый Локи съумѣетъ разузнать, куда дѣвался священный молотъ. Торъ и Локи идутъ въ палаты прекрасной Фреи, супруги Одиновой и просятъ у нея ея *одѣжды изъ перьевъ*, ея *пернатой сорочки*. Фрея съ удовольствіемъ даетъ свое одѣянье, будь оно хоть изъ серебра и золота. Локи надѣваетъ на себя перья Фреи и летитъ изъ жилища Асовъ, изъ Асгарда, въ Іотунгеймъ, или жилище Іотовъ. И видитъ: на холмѣ сидитъ господинъ великановъ Турсовъ, именемъ Тримъ, вьетъ золотыя привязи своимъ собакамъ, чиститъ и холитъ гривы конямъ. Онъ спрашиваетъ Локи: что̀ новаго у Асовъ и Альфовъ, и зачѣмъ Локи одинъ прибылъ въ Іотунгеймъ? — «Бѣда случилась у Асовъ и Альфовъ — отвѣчаетъ Локи: не ты ли спряталъ молотъ Тора»? — «Я спряталъ молотъ Тора —

[1]) Въ Чешскихъ глоссахъ Mater verborum, 1202 г.

отвѣчаетъ великанъ — на восемь поприщъ подъ землю; никто его не достанетъ: развѣ только дадутъ мнѣ въ жены Фрею»!

Постоянное стремленіе суровыхъ великановъ — добыть въ свое жилище прекрасную Фрею. Тоже условіе было предлагаемо ими Асамъ за постройку стѣнъ кругомъ Мидгарда [1]).

Съ предложеніемъ Трима Локи возвращается къ Тору. Оба они идутъ къ Фреѣ: она должна надѣть покрывало невѣсты и отправиться въ Іотунгеймъ. Отъ такого предложенія Фрея приходитъ въ страшный гнѣвъ, такъ что самыя палаты Асовъ восколебались: она была бы самая развратная женщина, если бы рѣшилась на такой поступокъ. Собрались всѣ Асы, боги и богини, и стали судить и рядить, какъ помочь горю. Рѣшено было, чтобъ самъ Торъ одѣлся невѣстою и въ видѣ Фреи отправился въ Іотунгеймъ. «Но вѣдь тогда Асы будутъ называть меня бабою — возразилъ Торъ — если я надѣну покрывало невѣсты»! Но Локи уговорилъ его тѣмъ, что безъ его молота Іоты скоро могутъ завладѣть Асгардомъ. Тогда Торъ надѣваетъ на себя платье и украшенья Фреи и ея драгоцѣнную гривну или ожерелье [2]). Перерядился и Локи прислужницею и спутницею невѣсты. Оба сѣли въ повозку, запряженную парою козловъ, и поѣхали. Горы трещатъ; земля пылаетъ: сынъ Одиновъ ѣдетъ въ Іотунгеймъ. Тримъ въ ожиданіи невѣсты велитъ убрать свое жилище. Все у него есть: и драгоцѣнности всякія дорогой кузнечной работы, и коровы съ золотыми рогами, и черные быки пасутся на его дворѣ, ему на потѣху (будто у Циклопа въ Одиссеѣ); только не достаетъ ему для полнаго счастія — одной Фреи. Но вотъ къ вечеру пріѣзжаютъ желанные гости. Начинается свадебный пиръ. Невѣста одна съѣдаетъ цѣлаго быка, восемь огромныхъ рыбъ и всѣ сласти, какими лакомятся женщины; потомъ выпиваетъ три бочки меду. Никогда не видывалъ Тримъ такого аппетита у невѣстъ; никогда не видывалъ, чтобъ

---

[1]) См. этотъ миѳъ въ моихъ Очеркахъ, кн. 1-я.

[2]) См. знаменитую въ нѣмецкомъ эпосѣ подъ именемъ Bresinga mene или Brôsinga mene.

женщина могла выпить столько меду. Ловкая приспѣшница замѣчаетъ: «Фрея вѣдь ничего не ѣла цѣлыхъ восемь дней[1]): такъ желалось ей поскорѣе въ Іотунгеймъ». И захотѣлъ Тримъ поцѣловать свою невѣсту, заглянулъ на нее подъ покрывало, и такъ испугался ея блестящихъ, огненныхъ взоровъ, что отпрыгнулъ на другой конецъ палаты. Ея наперстница опять ввернула словечко: «Не спала Фрея цѣлыхъ восемь ночей: такъ ее тянуло поскорѣе въ Іотунгеймъ». Наконецъ пора совершить обрядъ бракосочетанія. Онъ долженъ быть освященъ молотомъ Тора. Тримъ велитъ его принести и положить на колѣни невѣстѣ по принятому обычаю. *Засмѣялось въ груди сердце Глорриди* (т. е. Тора), когда онъ увидѣлъ свой молотъ. Схватилъ его, сначала разможжилъ самого Трима, потомъ перебилъ и остальныхъ Іотовъ. Такимъ-то образомъ сынъ Одина воротилъ свой молотъ.

Въ этомъ прекрасномъ эпизодѣ, такъ же какъ въ поэмахъ Гомера, поэзія беретъ уже перевѣсъ надъ миѳологіею, и благоговѣніе къ строгому религіозному культу уже нѣсколько нарушается игривою ироніею эпическаго раскащика, который въ самихъ богахъ уже осмѣлился подсмотрѣть слабыя стороны человѣческихъ страстей; однако, и въ пѣсняхъ Эдды, и въ рапсодіяхъ Гомерическихъ поэтическая форма еще такъ прозрачна, что нисколько не закрываетъ собою внутренняго, собственно миѳологическаго смысла преданія.

Торъ, божественный представитель поколѣнія земледѣльческаго, покоряетъ Трима и его великанскихъ собратій, которые, какъ Циклопы Гомеровой Одиссеи, проводятъ свою безъизвѣстную, невѣжественную жизнь въ первобытномъ состояніи пастуховъ.

Тримъ живетъ въ странѣ холода, бурь и вѣтровъ, въ Тримгеймѣ. Какъ представитель вѣчнаго холода, а вмѣстѣ и жизни грубой, безсемейной и необщительной, онъ похищаетъ изъ Асгарда великое сокровище, котораго недостаетъ для благоденствія

---

[1]) Въ подлинникѣ: *восемь ночей*, потому что сѣверный эпосъ *зимами* и *ночами* измѣряетъ время, а не *лѣтами* и *днями*.

великановъ, именно Торовъ молотъ, символъ не только тепла и лѣта и земледѣльческаго довольствія, но и семейнаго и общественнаго порядка. Чтобы совершить бракъ въ странѣ Іотовъ, надобно было принести именно этотъ молотъ, а не какой нибудь другой[1]).

Чтобъ дать понятіе о великанахъ горныхъ и о борьбѣ съ ними Тора, привожу изъ Новой Эдды сказаніе о Грунгнирѣ. Это былъ сильнѣйшій великанъ изъ породы Іотуновъ. Голова у него каменная, сердце тоже изъ самаго твердаго кремня, и притомъ треугольное. Вооруженіе тоже изъ камня: каменный щитъ и огромный осёлокъ, который онъ носитъ на плечѣ. Это самый опредѣленный и полный типъ горнаго великана, олицетвореніе безплодной скалы. Но сколько ни былъ страшенъ Грунгниръ своею каменною силою, Іоты боялись пустить его одного безъ товарища въ бой съ Торомъ. Въ товарищи Грунгниру сдѣлали они тоже великана изъ глины, въ девять поприщъ вышиною и въ три толщиною, и вложили въ него сердце кобылы. Торъ отправляется на мѣсто битвы съ своимъ слугою Тіальфи. Глиняный великанъ — какъ и слѣдовало ожидать — тотчасъ же струсилъ; но Грунгниръ храбро встрѣчаетъ враговъ, заслоняясь щитомъ. Тіальфи говоритъ ему слѣдующія слова, въ которыхъ очевидно намекается на основную идею миѳа о борьбѣ божества плодородной земли съ представителями безплодныхъ скалъ: «Плохо ты защищаешься, Іотунъ! Держишь ты щитъ передъ собою. Но тебя увидѣлъ Торъ, онъ ѣдетъ внизу по землѣ, и находитъ на тебя снизу»! Тогда Грунгниръ бросаетъ щитъ на землю и становится на него, схвативъ обѣими руками свое оружіе — скалу. Вдругъ блеснула молнія и раздался громовой ударъ. Является Торъ во всемъ своемъ гнѣвѣ, и бросаетъ молотъ-Мёльниръ въ Грунгнира. Великанъ на встрѣчу молоту бросаетъ свою скалу, но молотъ Тора разбиваетъ ее на двое: одна

[1]) Иные ученые вмѣстѣ съ Уландомъ даютъ слишкомъ тѣсное значеніе этому миѳу, толкуя его борьбою холода съ тепломъ и побѣдою лѣта надъ зимою.

половина падаетъ на землю (отчего произошли оселковыя скалы), а другая половина обрушилась на голову самому Тору. Торъ падаетъ, но его молотъ въ дребезги размозжилъ голову великана. Великанъ тоже упалъ, и одна нога его угодила какъ разъ на шею Тору. Между тѣмъ Тіальфи низвергаетъ глинянаго товарища, но никакъ не можетъ высвободить Тора. Асы, узнавъ о бѣдѣ, спѣшатъ на помощь, но ничего не въ силахъ сдѣлать, и только юный сынъ Тора, трехъ ночей отъ роду, по другому чтенію, трехъ зимъ, то есть, трехъ лѣтъ, по имени *Магни* (значитъ *сила*), то есть, *возродившаяся сила* самого божества, высвобождаетъ и спасаетъ его, подобно тому, какъ у нашего Ильи Муромца — когда низвергъ его Жидовинъ великанъ — *лежучи у Ильи втрое силы прибыло.*

Основная мысль этого сказанія о побѣдѣ трудолюбиваго земледѣлія надъ каменистою и глинистою почвою — явствуетъ сама собою. Хотя сказаніе дошло уже въ позднѣйшемъ видѣ, въ Новой Эддѣ, но эпизодъ о борьбѣ Тора съ Грунгниромъ вошелъ уже въ поэму древнѣйшей эпохи, сочиненную однимъ скальдомъ XI вѣка. Эта борьба предполагается извѣстною даже въ пѣсняхъ древней Эдды, въ которыхъ Торовъ молотъ между прочимъ называется *убійцею Грунгнира*, то есть, такимъ орудіемъ, которымъ земледѣліе покоряетъ себѣ безплодную почву.

Одинъ изъ раннихъ подвиговъ нашего Ильи Муромца — это борьба съ горою, которую онъ, еще будучи на родинѣ въ Муромской области, столкнулъ въ Оку рѣку.

Освободившись изъ подъ Грунгнира, Торъ возвращается домой, но съ поврежденною головою, въ которой все еще торчала половина камня, пущеннаго въ него великаномъ. На помощь ему является *вѣщая Гроа*, жена *Орвандиля Смѣлаго*[1]). Она

[1]) Grôa значитъ ростъ, растеніе, *зелень посѣва*, отъ глагола at grôa, который имѣетъ тотъ же двоякій смыслъ, который придается характеру и дѣйствіямъ вѣщей женщины: рости, зеленѣть, и вмѣстѣ заживлять, исцѣлять. Örvandil значитъ *дѣйствующій стрѣлою*, отъ ör — стрѣла и at vanda — дѣлать, производить. Извѣстно, что стрѣла и лучъ сближаются и въ языкѣ, и въ миѳологіи.

поетъ на исцѣленіе Тора чародѣйскія, вѣщія пѣсни, чтобъ вышелъ изъ головы его осколокъ скалы. Но въ награду за то, Торъ долженъ возвратить чародѣйкѣ ея мужа съ далекаго сѣвера, изъ волнъ Эливагара, изъ страны великановъ Іотовъ. Торъ отправляется, и переноситъ Орвандиля черезъ волны, въ лукошкѣ, какъ мужики таскаютъ въ лукошкахъ плоды своихъ земледѣльческихъ трудовъ. Только дорогой Орвандиль, высунувъ изъ лукошка палецъ одной своей ноги, отморозилъ его. Тогда Торъ оторвалъ его прочь и кинулъ въ небо, отчего и произошла звѣзда, извѣстная подъ именемъ *Пальца Орвандилева* (Örvandilstâ). Гроа такъ обрадовалась прибытію своего мужа, что перезабыла всѣ свои вѣщія пѣсни: потому въ головѣ Тора и остался навсегда осколокъ камня.

Какъ ни первобытны основныя миѳическія идеи этого преданія, но, вмѣстѣ со всѣмъ строемъ древнѣйшихъ вѣрованій будучи глубоко вкоренены въ нѣмецкой народности, они въ теченіе вѣковъ не переставали оказывать свое дѣйствіе, выражаясь то въ какомъ нибудь религіозномъ типѣ католическаго искусства и догматовъ, то въ исторической сагѣ, давшей содержаніе драматическому произведенію. Такіе глубокіе корни пустилъ миѳъ объ Орвандилѣ и въ католичествѣ вообще, и въ искуствѣ, и въ драматической поэзіи.

Сказаніе о томъ, какъ Торъ переноситъ Орвандиля по волнамъ, изслѣдователи давно уже сближали съ католическою легендою о Христофорѣ, переносившемъ по водѣ на своихъ плечахъ младенца Христа. По католическимъ преданіямъ Христофоръ представляется великаномъ, съ страшнымъ лицомъ, и, какъ Сѣверный Торъ, съ красными волосами [1]). Отъ этого же божества

---

[1]) См. Вольфа Beiträge zur deutschen Mythologie. 1852 г., стр. 98—99. Въ Legenda Aurea Христофоръ описывается, будто существо миѳическое: «fuit corporis statura procera admodum et gigantea proceritate, duodecim ulnas cubitosve altus, ut vix pinum invenias proceriorem». Гл. 95. Объ немъ же въ одномъ католическомъ стихѣ поется: «Visu fulgens, corde vibrans et capillis rutilans». — Въ восточныхъ преданіяхъ этому типу придается другой характеръ. Необычайность его обозначается *песьею головою.*

Христофоръ наслѣдовалъ власть надъ громомъ, грозою и градомъ. Въ старинный храмъ Христофора въ Кёльнѣ приходили молиться объ избавленіи отъ грозы и непогоды и отъ побитія градною тучею.

Отъ легенды перехожу къ драмѣ. Извѣстно, что Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ Гамлета изъ народнаго разсказа, переданнаго еще во второй половинѣ XII вѣка Саксономъ Грамматикомъ въ Датской Исторіи. А это сказаніе о Гамлетѣ основано на миѳѣ объ Орвандилѣ.

Вотъ содержаніе Саксоновой саги объ этомъ героѣ, котораго она называетъ Горвендилемъ (Horwendillus).

Горвендиль и братъ его Фенго были правители Ютландіи. Своими знаменитыми морскими походами Горвендиль возбудилъ соревнованіе въ Норвежскомъ королѣ Коллерѣ. Противники сходятся на одномъ морскомъ островѣ; Горвендиль побѣдилъ врага и убилъ его; потомъ женился на дочери Датскаго короля Рёрика, на Герутѣ, и прижилъ съ нею Амлета. Наконецъ былъ убитъ изъ зависти своимъ братомъ Фенго, который потомъ женился на его вдовѣ.

Народная, чисто-мѣстная сказка о мщеніи Амлета, которой Саксонъ Грамматикъ посвящаетъ нѣсколько страницъ своей исторіи, впослѣдствіи сдѣлалась драгоцѣннымъ достояніемъ всего образованнаго человѣчества, въ одномъ изъ глубочайшихъ произведеній Шекспира.

Какъ Греческая трагедія расцвѣла на плодотворной почвѣ народнаго эпоса; такъ и эпосъ Нѣмецкій былъ надѣленъ такою живучею, производительною силою, что своимъ вліяніемъ еще обаялъ фантазію самаго геніальнаго изъ поэтовъ христіанскаго міра.

Но воротимся къ Тору, и разсмотримъ еще одинъ изъ многихъ миѳовъ о немъ въ Новой Эддѣ.

Получивши въ уплату за увѣчье козла двоихъ дѣтей крестьянина — какъ было уже объ этомъ разсказано — Торъ вмѣстѣ съ ними и съ своимъ товарищемъ Локи отправляется пѣшкомъ на востокъ въ Іотунгеймъ. На пути встрѣчаютъ они море и черезъ

него переѣзжаютъ; потомъ вступаютъ въ густой лѣсъ, по которому идутъ цѣлый день. Тіальфи несетъ сумку Тора. На ночлегъ остановились они въ одномъ очень странномъ зданіи, дверь котораго шириною во весь этотъ домъ. Ночью были они напуганы страшнымъ шумомъ, громомъ и землетрясеніемъ, такъ что отъ ужаса выбѣжали изъ своего убѣжища. На утро увидѣли они огромнаго великана. Шумъ и громъ ночью происходилъ отъ его храпѣнья; а ночевали они въ его руковицѣ, которая напоминаетъ намъ русскій эпизодъ о томъ, какъ Илья Муромецъ спрятался въ карманѣ Святогора [1]). Великана звали Скримиромъ. Онъ предложилъ себя въ спутники Тору и его товарищамъ, и понесъ на спинѣ весь ихъ багажъ. Торъ трижды покушался ночью убить страшнаго великана — и всѣ три раза понапрасну. Удары страшнаго молота казались Скримиру ни по чемъ, будто свалился на него жолудь, упалъ листокъ или мохъ. Точно также ничтожны кажутся вѣщей дочери Селянинoвича смертоносные удары нашего Добрыни Никитича [2]).

Прежде чѣмъ буду продолжать разсказъ, полагаю нелишнимъ предупредить недоумѣніе тѣхъ, кто не привыкъ къ сравнительному методу въ изученіи народностей. Сближая эпизоды изъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ или Добрынѣ Никитичѣ съ подробностями Сѣвернаго миѳологическаго эпоса, мы вовсе не имѣемъ въ виду мысли о заимствованіи изъ одной національности въ другую, ни даже о рѣшительномъ сродствѣ, на чемъ бы оно ни основывалось. Но эти сближенія для науки важны потому только, что мелкими подробностями дополняютъ они и безъ того уже очевидное первобытное сродство между собою всѣхъ Индо-европейскихъ народовъ и особенно связанныхъ такъ близко историческими и мѣстными условіями, каковы Славяне и Нѣмцы.

Дошедши до горъ близь Утгарда (Ausgard), Скримиръ оставляетъ своихъ спутниковъ, и они одни входятъ въ высокій городъ

---

[1]) Пѣсни, собранныя г. Рыбниковымъ, I, 36.
[2]) Пѣсни, собранныя г. Рыбник., I, 128. Пѣсни Кирѣевск., 2, 30.

царя Утгардс-Локи, въ жилище страшныхъ великановъ. Царь съ пренебреженіемъ относится о Торѣ, и спрашиваетъ пришельцевъ, чему они горазды? Локи хвалится тѣмъ, что онъ побѣдитъ обжорствомъ всякаго изъ живущихъ въ этомъ царствѣ. Тогда царь велѣлъ поставить на полу корыто съ рыбою, и призвалъ Логи (Logi) на состязаніе съ Локи. Съ одинаковою жадностью стали ѣсть оба, одинъ съ одного конца корыта, другой съ другаго, и встрѣтились на серединѣ корыта. Но оказалось, что Локи ѣлъ только мясо, а Логи пожиралъ и кости и самое корыто, и потому превзошелъ своего противника. За тѣмъ учреждается состязаніе въ бѣганьѣ. Крестьянину Тіальфи дается въ соперники Гуги (Hugi), который трижды его обгоняетъ. Потомъ Торъ, какъ Русскій богатырь на пиру Князя Владиміра, предлагаетъ себя помѣриться съ кѣмъ нибудь въ питьѣ. Царь указываетъ ему обыкновенный у нихъ рогъ, изъ котораго всегда пьютъ великаны, — кто одинъ рогъ, кто два, кто три. Принялся изъ него пить Торъ, но сколько ни силился, не выпилъ и половины. Издѣваясь надъ сильнѣйшимъ изъ боговъ, царь предлагаетъ ему поднять его кошку: но Торъ могъ приподнять только одну ея лапу, и, пришедши въ негодованіе и ярость, вызываетъ кого нибудь изъ великановъ съ нимъ драться. Продолжая издѣваться, царь велѣлъ призвать на поединокъ свою кормилицу, уже старуху, по имени Элли (Elli). Но и это состязаніе не удалось Тору: старая баба его побѣдила, поваливъ на земь, какъ Баба Горынинка одолѣла-было Добрыню, или какъ самому Ильѣ Муромцу приходилось-было плохо отъ вѣщихъ женъ стараго поколѣнія великанскаго. Послѣ того царь угостилъ своихъ гостей, а на другой день, провожая ихъ изъ своего города, спрашивалъ Тора: хорошо ли его употчивали, и нашелъ ли онъ кого посильнѣе себя? Къ стыду своему Торъ вынужденъ былъ признаться, что его побѣдили. Тогда, въ утѣшеніе ему, царь открылъ сущую правду: что во всѣхъ этихъ пробахъ силы и могущества было одно только *помраченье*, что имъ отводили глаза. Онъ же, самъ царь, встрѣтилъ ихъ въ лѣсу, назвавшись Скримиромъ. Три удара молотомъ

Торъ нанесъ не по лбу его, а по скаламъ. Такое же обморачиванье было и во всѣхъ остальныхъ приключеніяхъ. Локи пожиралъ пищу съ необычайной жадностью; но могъ ли онъ сравниться съ Логи (значитъ *огонь*), съ *дикимъ огнемъ*, который сожигалъ и кости, и дерево? Могъ ли и Тіальфи обогнать Гуги, который есть не что иное, какъ собственная *моя мысль* (hugi minn)? Наконецъ рогъ, изъ котораго ты пилъ, былъ погруженъ въ море: гдѣ же было тебѣ выпить цѣлый океанъ? Но когда ты поднялъ лапу кошки, всѣ ужаснулись твоей силѣ, потому что эта кошка моя вѣдь не что другое, какъ великій змій Мидгарда, окружающій всю землю; дрался же ты и боролся съ Элли, то есть, *со старостью*, противъ которой кто устоитъ? На прощаньи Торъ замахнулся было на царя великановъ своимъ молотомъ; но и самъ царь и весь городъ мгновенно исчезли, — а на мѣсто того очутились зеленые луга.

Вотъ до какого грамматически-философскаго толкованья могли выродиться миѳы о борьбѣ Тора съ Іотами, уже въ XIII вѣкѣ, въ Новой Эддѣ!

Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ этого сказанья, впрочемъ слишкомъ искусственнаго и обдуманнаго, лежитъ болѣе простая мысль о борьбѣ Тора и его спутниковъ съ демоническими и стихійными силами Іотовъ, о роковой встрѣчѣ боговъ новыхъ съ старыми, новаго поколѣнія съ страшною стариною, которая уже только мерещилась, какъ вражье наважденье и обморачиванье. И конечно, не отъ Новой Эдды, а изъ источниковъ древнѣйшихъ, и у Нѣмцевъ, и у Славянъ, и у народовъ Романскихъ, даже Финскихъ, идетъ цѣлый рядъ сказокъ о сверхъестественныхъ обжорахъ, о необычайныхъ бѣгунахъ и другихъ чудищахъ, вступающихъ въ состязаніе съ великанами, чертями и другими фантастическими лицами. Сюда относятся сказки о Семи Семіонахъ, о Поповомъ батракѣ Балдѣ, состязавшемся съ самимъ чортомъ; сюда же относятся наши былины о томъ, какъ мѣрился своими силами Илья Муромецъ съ безобразнымъ великанскимъ чудовищемъ, и какъ наконецъ долженъ былъ отказаться отъ

страшной силы не въ мѣру, отъ такой силы, которую и земля не держитъ.

Впрочемъ, древнѣйшему миѳу сказаніе Новой Эдды даетъ совершенно иной видъ, переработавъ миѳическія идеи въ игривые, поэтическіе образы, и будто издѣваясь надъ слабостями человѣкообразнаго Тора, а съ другой стороны и миѳологію и поэзію — разрѣшая путемъ философскаго анализа, доводя сознаніе до уразумѣнія той непреложной истины, что и боги новые, какъ они ни сильны и славны, должны подчиниться роковому могуществу законовъ природы.

Изъ приведенныхъ эпизодовъ изъ Древней и Новой Эдды, кажется, довольно видно, до какой полноты и совершенства въ нѣмецкой народности обработаны были и въ поэтическомъ, и вообще въ умственномъ отношеніи общія у Славянъ съ Нѣмцами миѳическія преданія *о Торѣ-Перунѣ.* Что у Славянъ оставалось въ первобытныхъ зародышахъ, то въ Нѣмецкихъ племенахъ пустило глубокіе корни и получило блистательное развитіе не только въ поэзіи, но и вообще въ умственномъ и нравственномъ сознаніи своихъ національныхъ силъ, выработанныхъ миѳологіею и эпосомъ. Во многомъ объясняя и дополняя нашего Перуна и Литовскаго Перкуна, Нѣмецкій Торъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и посредникомъ между Славяно-Литовскимъ Громовникомъ и Индійскимъ *Индрою.*

Оставляя другія черты миѳическаго типа, замѣтимъ, что Индійскій богъ, также какъ Торъ, имѣетъ своимъ оружіемъ молотъ, который тоже самъ собою возвращается въ руки бога. Индра также съ золотою бородою. Охраняетъ плодородіе и благоденствіе отъ злобныхъ демоновъ и находится въ борьбѣ съ страшнымъ зміемъ.

II.

Говоря о покровителѣ земледѣльческаго и осѣдлаго быта, необходимо коснуться миѳовъ о *Землѣ,* какъ о всеобщей *матери-кормилицѣ,* о *Мать-сырой-Землѣ,* какъ это миѳическое лицо ве-

личается въ обычномъ выраженіи Русскаго эпоса. Можно съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, по отрывочнымъ чертамъ, тамъ и сямъ разсѣяннымъ въ русскихъ преданіяхъ, составить себѣ неполный образъ этой богини, даже можно надѣяться, что новыя открытія въ рукописной старинѣ и устной народной поэзіи когда нибудь дадутъ этому образу болѣе осязательную форму; но во всякомъ случаѣ, кажется, безошибочно можно утверждать и теперь, что Славянскій эпосъ вообще мало оказалъ способности къ возсозданію миѳическихъ типовъ богинь. Что онѣ были, въ томъ увѣряютъ эпическія сказанія о вѣщихъ дѣвахъ, сверхъ-естественныхъ героиняхъ, повѣрья о Вилахъ, Русалкахъ, Полудницахъ; но недостатокъ Славянской миѳологіи въ ея генеалогическомъ развитіи, то есть, въ миѳахъ о рожденіи однихъ боговъ отъ другихъ и о ихъ брачныхъ союзахъ естественнымъ образомъ совпадалъ съ недостаткомъ въ миѳахъ о женственныхъ, *раждающихъ* типахъ. Самыя дѣвы вѣщія тѣмъ существенно и отличаются отъ богинь, что онѣ перестаютъ быть вѣщими, сверхъестественными, какъ скоро дѣлаются способными родить. Таковы всѣ вѣщія дѣвы Русскаго богатырскаго эпоса; такова Чешская Любуша, сила и слава которой затмеваются вмѣстѣ съ замужствомъ; Польская Ванда потому только осталась навсегда вѣщею дѣвою, что, отказавшись отъ брака, спасла свою вѣщую силу въ волнахъ Вислы.

Итакъ, Славянскій миѳологическій эпосъ не сложилъ полнаго и опредѣлительнаго типа Матери-Земли, не развилъ его жизненными и бытовыми подробностями, которыя послужили бы характеристическими чертами для религіознаго и поэтическаго идеала матери боговъ и людей, великой кормилицы земледѣльческихъ племенъ. Нѣмцы опять восполняютъ намъ то, чего не достаетъ Славянамъ. Еще Тацитъ въ своей Германіи (гл. 40) свидѣтельствуетъ, что Германскія племена чествовали Мать Землю подъ именемъ *Нерты* (Nerthus). Какъ божество быта земледѣльческаго и осѣдлаго, она повсюду приносила съ собою миръ, согласіе и плодородіе, когда являлась между народами, везомая на колесницѣ

парою коровъ, которыя — начиная съ миѳа объ Индійскомъ Индрѣ до Чешскаго Премысла, пашущаго двумя волами — составляютъ аттрибутъ плодородія и осѣдлаго довольства. Колесница или телѣга Нерты, покрытая запоною, стояла въ священной рощѣ, на нѣкоторомъ островѣ, на Морѣ-Океанѣ, на островѣ — на *Буянѣ*, какъ сказалъ бы русскій народный пѣвецъ. Только жрецъ осмѣливался приступить къ этой святынѣ. Когда онъ чуялъ присутствіе богини, тогда сопровождалъ ее въ колесницѣ, везомой парою коровъ. Вездѣ наступали веселые дни; все украшалось, все было свѣтло и радостно, куда только соблаговолитъ богиня направить свое теченіе. Перестаетъ война, замолкаетъ шумъ оружій, — миръ и тишина господствуютъ до тѣхъ поръ, пока богиня остается между смертными. Но когда она возвращается восвояси, тогда погружается въ морскія волны, а вмѣстѣ съ нею и колесница, покрытая запоною.

Богиня земли, Мать-сыра-Земля, какъ кажется, была родоначальницею божественнаго племени Вановъ, которыхъ приняли въ свое общество боги Асы, и вмѣстѣ съ Ванами составили тотъ Сѣверный Олимпъ, который въ Скандинавской миѳологіи называется Асгардомъ, или жилищемъ Асовъ. Племя Вановъ было прекрасное, разумное и трудолюбивое, вѣроятно, уже познавшее цѣну осѣдлаго земледѣлія. Фрея и Фрей, прекрасныя божества изъ этого племени, были дѣти *Ніорда*, а *Ніордъ* есть не болѣе, какъ измѣненіе на мужескій родъ Тацитовой Нерты (Nerthus), Матери-Земли. Самъ Ніордъ былъ тоже изъ Вановъ. Отсюда можно заключить, что именно Ваны внесли въ Сѣверный Асгардъ идею о земледѣліи, и что поклоненіе кормилицѣ-землѣ и чествованье божества быта земледѣльческаго возникло тогда, когда Асы заключили съ Ванами дружескій союзъ и скрѣпили его родственными связями. Богъ Торъ, хотя и изъ породы Асовъ, но какъ покровитель земледѣлія и крестьянъ, земщины, родился отъ Матери-Земли. Если вѣрна догадка нѣкоторыхъ ученыхъ, что *Ваны* не что иное, какъ *Венды*, то есть, Славяне, то Скандинавскій эпосъ сберегъ для насъ блистательныя свидѣтельства о

томъ, что сами Нѣмцы относительно быта земледѣльческаго, въ извѣстный періодъ своего развитія, подчинились вліянію мирныхъ и земледѣльческихъ Славянъ, и этотъ моментъ своего развитія выразили о родствѣ Асовъ съ Ванами, прекрасными и разумными, но уступающими Асамъ въ могуществѣ и отвагѣ, и подчиняющими свою женственность мужскому превосходству, въ лицѣ прекрасной Фреи (Славянская Прія), вышедшей замужъ за воинственнаго Одина.

Плодородіе, будетъ ли то въ природѣ растительной или животной, а также между человѣками и богами — вотъ главная идея, на которой основывается цѣлый рядъ богинь Германской миѳологіи. Но какъ эта идея образовалась въ эпоху болѣе развитаго земледѣльческаго быта, то она получила двоякое направленіе — въ поклоненіи *свѣту* и *теплу*, какъ силамъ плодотворящимъ, и въ поклоненіи *Землѣ*, какъ матери рождающей. Такимъ образомъ, съ того самаго момента, какъ начинается въ миѳологіи родословіе боговъ, тотчасъ же — вмѣстѣ съ идеею о рождающей силѣ — возникаетъ необходимость *богини*, покровительницы плодородія.

Но почему богиня земли пребываетъ на отдаленномъ морскомъ островѣ и погружается въ волны океана? Какая связь между плодоносною Матерью Землею и безплоднымъ океаномъ?

Рѣшеніе этихъ вопросовъ, можетъ быть, окажется не безполезнымъ для объясненія Русскихъ былинъ, въ которыхъ очевидны преданья о миѳическомъ чествованіи рѣкъ и воды вообще.

Надобно начать издалека. Шеллингъ въ 10-й лекціи, во 2-мъ томѣ своей Философіи Миѳологіи указываетъ на переходъ къ идеѣ о женскомъ божествѣ, о богинѣ, какъ на рѣшительный поворотъ въ религіозномъ процессѣ *къ многобожію,* объясняя этотъ поворотъ внутреннею потребностью въ развитіи самой миѳологіи. Эта мысль, въ ея чисто-философскомъ развитіи — безспорно принадлежитъ къ самымъ свѣтлымъ, блистательнымъ въ замѣчательной книгѣ великаго философа. Но приложеніе ея къ греческому миѳу объ *Уранѣ* едва ли вполнѣ объясняетъ зарожденіе

идеи о женственности въ нѣдрахъ божества. Чтобъ перейти въ женственность, богъ Уранъ будто бы долженъ былъ лишиться своей *мужеской силы* (извѣстная, наивная сказка объ Уранѣ), и будто бы только тогда сталъ возможенъ переходъ его въ *Уранію* или *Афродиту* (при этомъ тоже разумѣется наивная сказка о рожденіи Афродиты)[1].

Кажется, народные миѳы гораздо проще разрѣшали себѣ этотъ философскій вопросъ. Какъ скоро получаетъ въ нихъ свое полное значеніе идея о плодородіи, тотчасъ же возникаетъ необходимость въ богинѣ матери. Эту идею народъ не выводитъ изъ предшествовавшей о божествѣ мужескомъ, но къ ней прилагаетъ, заимствуя ее изъ самой жизни, а не изъ отвлеченнаго умозрѣнія, и слѣдовательно не только не лишаетъ свое прежнее божество *мужеской силы* или способности рождающей, но еще ее умножаетъ.

Впрочемъ, мнѣніе Шеллинга о женскомъ божествѣ въ сущности тоже самое, какое мы вывели изъ разсмотрѣнія Сѣверныхъ миѳовъ и какое намъ необходимо для объясненія нашей Матери-сырой-Земли. Персидская *Митра*, божество, стоящее у древнихъ народовъ на поворотѣ къ идеѣ о женственности, о богинѣ — по Шеллингу — есть не что иное, какъ *Матерь* (Персидское mader) — высшая мать.

Такъ какъ съ размноженіемъ божествъ усиливается и распространяется матеріальное понятіе о высшемъ и единомъ божественномъ существѣ, которое такимъ образомъ раздробляется на отдѣльныя личности, съ болѣе индивидуальнымъ характеромъ, опредѣляемымъ наглядностью, впечатлѣніями и обстоятельствами жизни: то само собою разумѣется, что къ понятію о плодородіи въ идеѣ о богинѣ присоединяется болѣе и болѣе начало вещественное: идея божественная такимъ образомъ болѣе и болѣе овеществляется.

---

[1]) Hier ist also — собственныя слова Шеллинга — «Aphrodite oder Urania wenigstens mittelbar Folge der Entmannung des Uranus». Стр. 194.

Первую ступень этого грубаго овеществленія Шеллингъ указываетъ въ водѣ: «вода казалась — говоритъ онъ — чистѣйшимъ выраженіемъ этой первой степени овеществленія» (стр. 203). Потому въ храмѣ Персидской Митры стояло изображеніе *дѣвы несущей воду*. Потому, первое женское божество, это первое *пассивное начало* миѳологіи (какъ выражается философъ), въ другихъ Азіатскихъ миѳахъ представляется дѣйствительно какъ *божество водяное*, именно въ Сирійской *Деркето*, которая была получеловѣкъ, полурыба; и даже въ греческой миѳологіи Афродита является на свѣтъ изъ морскихъ волнъ и плыветъ на островъ Кипръ.

Еслибы философъ припомнилъ здѣсь нѣмецкую Нерту, о которой свидѣтельствуетъ еще Тацитъ, то, можетъ быть, указалъ бы на болѣе существенную *связь земли и моря* въ древнѣйшемъ чествованіи богини Матери, а если бы онъ обратилъ вниманіе на вѣрованья индо-европейскихъ народовъ въ связи съ языкомъ, то нашелъ бы, что понятія *о паханьи земли и о ѣздѣ по морю или по водѣ вообще* выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ [1]).

Какъ бы то ни было, но основная мысль этого, повидимому, страннаго сближенія безплоднаго моря и воды съ земледѣліемъ, объясняется исторически и географически очень просто, именно: бо́льшимъ развитіемъ быта приморскихъ и вообще береговыхъ населеній. Безо всякаго сомнѣнія, миѳическія существа *водныя*, какъ наши Русалки, богатыри Дунай, Ильмень, первоначально имѣли какое нибудь собственное значеніе, стихійное; но вѣрованье въ нихъ и преданія весьма естественно видоизмѣнялись и

---

[1]) Отъ общаго всѣмъ индо-европейскимъ народамъ глагола arare *орать* (*пахать*) въ языкѣ Ведъ (*въ Ригведѣ*) употребляется *арітра* въ смыслѣ корабля и весла, между тѣмъ какъ тоже самое слово въ языкахъ классическихъ значитъ соха — лат. aratrum. Отъ того же корня скандин. âr, англосакс. âre — весло, а у насъ *орало* — соха. Як. Гриммъ, на томъ же основаніи, сближаетъ *плугъ*, нѣм. Pflug, съ общимъ индо-европейскимъ глаголомъ *плу* (плавать), откуда санскр. *плава* — корабль. Впрочемъ звукъ г въ словѣ *плугъ* это производство дѣлаетъ столько же сомнительнымъ, какъ и отъ глагола *плѣти*, *полоть*.

поддерживались въ самомъ бытѣ племенъ, разселявшихся и жившихъ по берегамъ.

Водяной путь, по которому народы шли и развивались, оставилъ по себѣ глубокіе слѣды въ преданіяхъ чествованіемъ воды, какъ стихіи *цивилизующей*. Боги Сѣверной миѳологіи собирались къ *Источнику Прошедшаго* для суда и расправы. Самъ Одинъ пожертвовалъ своимъ глазомъ, чтобъ хлебнуть изъ того источника Премудрости. Въ миѳическія времена Ляхи собирались на сеймъ при источникахъ Вислы, гдѣ потомъ и явился къ нимъ миѳическій герой *Кракъ*, точно будто поднявшійся изъ подъ-воды; отъ его имени пошелъ городъ *Краковъ*. Родство Крака съ Вислою особенно скрѣплено, въ преданіяхъ, его дочерью *Вандою*, божествомъ *воды*, *земли и воздуха*, которая, не желая выйти за мужъ за Алеманскаго князя Ритогара, бросилась въ воды Вислы. — Какъ судъ и правда давались на священныхъ водахъ, такъ и бракъ, эта основа семейной осѣдлости, освящался при рѣкахъ, гдѣ вѣроятно совершались игрища между селами. По крайней мѣрѣ Несторъ ясно свидѣтельствуетъ, что у языческихъ Славянъ, населившихъ Русь, *брака* (конечно, только въ смыслѣ христіанскомъ) *не было, но умыкали у воды дѣвицъ*.

Что у насъ сохранилось въ ограниченномъ развитіи и отрывками, то въ вѣрованьяхъ и бытѣ Нѣмецкихъ племенъ приняло самые обширные размѣры.

Тацитова Нерта, Мать Земля, извѣстна была въ Нидерландахъ подъ именемъ *Негаленніи*. Это была богиня племени Бельгійскаго и Фризскаго. Алтари ея были находимы около Брюсселя, Лейдена, Кёльна. Она изображалась съ аттрибутами божества плодородія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, символъ, подъ которымъ ее чествовали, именно *корабль* — былъ распространенъ въ изображеніяхъ по памятникамъ до самаго *Кёльна*. Миѳъ о Негаленніи перешелъ во многія католическія легенды, но самое замѣчательное развитіе получилъ въ сказаніи о св. Урсулѣ [1]), и именно

---

[1]) Вольфа упомянутыя Beiträge, стр. 149—160. Oskar Schade, Die Sage von der heiligen Ursula. 1854 г.

въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ нѣкогда процвѣтала Негаленнія. Въ легендѣ объ Урсулѣ чествованіе женщины, или точнѣе дѣвы, возрасло до самыхъ обширныхъ размѣровъ — именно даже счетомъ до одиннадцати тысячъ дѣвъ. Главное содержаніе этой легенды слѣдующее. Урсула, прекраснѣйшая Британская принцесса, дочь короля Діонота, не желая выйти за мужъ за сватавшагося къ ней принца, набираетъ себѣ цѣлое войско дѣвицъ, до 11 тысячъ, и, посадивъ ихъ на корабли, вмѣстѣ съ ними три года разъѣзжаетъ по морю, до назначеннаго срока своей свадьбы. Потомъ, чтобъ избѣжать этого роковаго событія, удаляется со всѣми своими подругами къ твердой землѣ, и, въѣхавши въ устье Рейна, плыветъ до Кёльна; отдохнувши здѣсь, продолжаетъ плыть до Базеля, а оттуда сухимъ путемъ до Рима. Посѣтивъ святыя мѣста Папской столицы, дѣвы съ Урсулою возвращаются къ Кёльну, но тамъ, будучи встрѣчены Гуннами, всѣ погибаютъ въ битвѣ съ ними, покрывъ своими костями поля около Кёльна.

Чтобъ вполнѣ понять возможность перехода древнѣйшихъ миѳовъ въ католическія легенды, надобно знать, въ какой свѣжести многіе миѳическіе обряды еще сохранялись довольно въ позднюю эпоху среднихъ вѣковъ. Такъ память объ объѣздѣ полей Тацитовскою Нертою или Бельгійскою и Фризскою Негаленніею, въ кораблѣ, сохранялась до половины XII в. въ слѣдующемъ обрядѣ, по свидѣтельству современника, Бельгійскаго аббата Рудольфа въ его хроникѣ. Будто бы одинъ крестьянинъ изъ Корнелимюнстера выдумалъ построить нѣкоторую дьявольскую махину (techna diabolica), и при помощи товарищей въ ближайшемъ лѣсу срубилъ изъ дерева корабль и поставилъ его на колеса, значитъ, подобный тому, на какомъ нашъ Олегъ подъѣзжалъ къ Царьграду. — Этотъ корабль, въ торжественномъ сопровожденіи пляшущихъ и поющихъ, повсюду встрѣчаемый толпами народа, какъ колесница Тацитовой Нерты, катился къ Ахену, къ Тонгерну и далѣе, однимъ словомъ, въ странахъ чествованья Негаленніи и Урсулы.

Особенно замѣчательно, что корабль этотъ везли *мастеро-*

вые, и именно *ткачи*. Къ какимъ бы объясненіямъ этого обстоятельства ни прибѣгали ученые[1]), все же никто не будетъ спорить, что вѣрованья и обряды измѣняются вмѣстѣ съ бытомъ. Почему не допустить той мысли, что вмѣстѣ съ успѣхами ремеслъ и съ развитіемъ городскихъ цеховъ, божество плодоносящее распространило свое покровительство отъ земледѣлія на промыслъ? Уже въ XII и XIII столѣтіяхъ, Бельгія и вообще всѣ страны древняго культа Негаленніи славились своимъ ткацкимъ мастерствомъ: и почему искусному ткачу не замѣнить было миѳической роли трудолюбиваго земледѣльца и прибрежнаго жителя вообще? Онъ также направляетъ свой *челнъ* по нитяной основѣ, какъ корабельщикъ по волнамъ.

Еще одно замѣчаніе. Какъ бы то ни было, но очевидно, что мѣсто древнихъ жрецовъ, сопровождавшихъ колесницу Нерты, заступили въ средніе вѣка мастеровые. Это обстоятельство, уже помимо другихъ историческихъ данныхъ, достаточно свидѣтельствуетъ о тѣхъ твердыхъ національныхъ началахъ, на которыхъ возникли на западѣ городскіе цехи. Отсюда понятно ихъ высокое значеніе въ общественной жизни, слагавшейся изъ народныхъ элементовъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ объяснима та поэтическая, и именно эпическая обстановка, въ которой протекала жизнь ремесленника, строго опредѣленная многими эпическими обрядами, обычными церемоніями, рѣчами и пѣснями[2]).

Если приведенныя мною сказанія и преданія о бытѣ земледѣльческомъ и осѣдломъ мало пригодятся для сравненія съ древне-Русскимъ бытомъ, миѳологіею и эпосомъ, то по крайней мѣрѣ

---

[1]) Ученые, слѣдуя Як. Гримму, въ Тацитовомъ свидѣтельствѣ о поклоненіи Свевовъ *Изидѣ* съ изображеньемъ корабля, видятъ чествованіе Негаленніи. Потому въ Бельгійскихъ ткачахъ могутъ заподозрить жрецовъ Изиды, которые назывались linigeri и были тоже ткачи. Извѣстно, что въ честь Изидѣ было празднество, на которомъ ея жрецы въ теченіе дня должны были соткать платъ, въ воспоминаніе того, что сама Изида дала золотой платъ Рампсиниту, когда онъ посѣщалъ подземныя страны (Геродот. 2, 122).

[2]) См. Оскара Шаде Vom deutsch. Handwerksleben in Brauch, Spruch und Lied, Weimar. Jahrbuch. 1886 г. № 2.

дадутъ понятіе о томъ, какъ тѣ же общія съ Славянами миѳическія и эпическія начала принимались на западной почвѣ, и какіе приносили плоды въ успѣхахъ городской жизни, въ католическихъ легендахъ и въ высшихъ произведеніяхъ искусственной поэзіи.

1862 г.

БЫТОВЫЕ СЛОИ РУССКАГО ЭПОСА.

Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Профессора О. Ѳ. Миллера. С.-Петербургъ, 1870.

Въ «Наблюденіяхъ надъ *слоевымъ* составомъ народнаго русскаго эпоса» разработанъ преимущественно слой самый низшій, древнѣйшій, общій нашему эпосу съ преданіями, какъ славянскихъ племенъ и народностей индо-европейскихъ, такъ и другихъ народовъ, не состоящихъ въ племенномъ первобытномъ сродствѣ съ ними. Точка зрѣнія, принятая авторомъ въ подборѣ сравнительныхъ данныхъ, двоякая: во-первыхъ, общія *миѳическія* основы всѣхъ эпосовъ, особенно въ народностяхъ, между собою родственныхъ по языку, и во-вторыхъ, ранніе логическіе и психологическіе пріемы въ передачѣ миѳическихъ и эпическихъ сюжетовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, болѣе или менѣе сходные у всѣхъ народовъ, стоящихъ на первобытной эпической ступени своего бытоваго развитія, какъ показалъ это Ганъ въ своей остроумной теоріи такъ-называемыхъ *сказочныхъ формулъ* [1]). Кромѣ того, г. Миллеръ допускаетъ и позднѣйшее, случайное, *историческое* вліяніе, по теоріи Бенфея [2]).

---

[1]) Hahn, Grich. u. alban. Märchen. I, введеніе, стр. 45 и слѣд.

[2]) Benfey, Pantschatantra, I, предисловіе, стр. XXII и слѣд.

Въ основу миѳологическаго сродства нашего эпоса съ другими народностями, авторъ беретъ такъ называемую *миѳологію природы*, и въ этомъ отношеніи, вполнѣ сходится съ г. Аѳанасьевымъ, сочиненіе котораго «О поэтическихъ воззрѣніяхъ Славянъ на природу» постоянно цитуетъ. По теоріи, объясняющей миѳы природой и ея явленіями, все разнообразіе эпическихъ сюжетовъ подводится подъ немногія рубрики миѳологіи природы. По этой теоріи все объясняется легко, просто и наглядно, какое бы событіе ни разсказывалось, будь то похищеніе невѣсты, единоборство богатырей, подвиги младшаго изъ трехъ сыновей, спящая царевна и т. п. Все это не иное что, какъ тепло или холодъ, свѣтъ или тьма, лѣто или зима, день или ночь, солнце и мѣсяцъ съ звѣздами, небо и земля, громъ и туча съ дождемъ. Гдѣ въ былинѣ поется о горѣ, по этой теоріи разумѣй не гору, а тучу или облако; если богатырь поражаетъ Горыню, это не богатырь и не Горыня, а молнія и туча; если Змій Горыничъ живетъ на рѣкѣ, это не настоящая, земная рѣка, а небесная, то-есть, дождь, который льется изъ тучи, и т. п.

До какой типичности выработалась эта теорія, можно видѣть изъ слѣдующей формулы, которую г. Миллеръ принимаетъ за рамку цѣлаго ряда эпическихъ сюжетовъ: «Если же вникнуть въ основу большей части сказаній эпическихъ, то въ ней непремѣнно должны оказаться *три* существа, почти столько же тутъ необходимыя, какъ для предложенія необходимы три его составныя части. Какъ въ предложеніи можетъ ихъ быть и болѣе, могутъ быть и части второстепенныя, — такъ возможны онѣ и въ сказаніи, но *существенными* являются всегда три: а) свѣтлое существо, ополчающееся противъ темнаго; б) темное существо, которое, какія бы ни представлялись тутъ колебанія счастія, въ концѣ концовъ непремѣнно должно быть побѣждено; в) существо, изъ-за котораго и дѣлается нападеніе на злую силу, существо ею плѣненное, свѣтлое и освобожденное отъ нея первою свѣтлою силою».

Эту общую формулу авторъ прилагаетъ къ объясненію эпи-

зода о томъ, какъ Илья Муромецъ, покоривъ Соловья-Разбойника, привозитъ его связаннаго и раненаго въ Кіевъ къ князю Владиміру. «Въ преданіи о Соловьѣ-Разбойникѣ», продолжаетъ г. Миллеръ, «первымъ существомъ является Илья Муромецъ — первоначальный громовникъ-молніеносецъ, вторымъ — Соловей-Разбойникъ, первоначально сплошное, свистомъ вѣтровъ возвѣщаемое и рѣками дождей сопровождающееся злое ненастье, ненастье, надолго заложившее путь, но къ чему? Къ ясному, свѣтлому небу, къ сіянію краснаго солнышка. Въ сказкахъ, освобождаемое отъ темныхъ силъ, оно является въ образѣ красавицы дѣвы, царевны. Но солнце же является въ сказкахъ и въ образѣ царевича или царя. Существованіе и мужскихъ типовъ солнца давно уже признано вообще сравнительною миѳологіей. Послѣ этого, и Соловей-Разбойникъ могъ застилать дорогу къ *прекрасному государю солнцу*, и вотъ на мѣсто такого-то миѳическаго государя и долженъ былъ явиться въ послѣдствіи князь Владиміръ — солнышко Кіевское. Если же въ основѣ и всей вообще богатырской дѣятельности Ильи Муромца заключается постоянная имъ оборона Кіева съ его стольнымъ княземъ, то первоначально и въ этомъ должна быть оборона божества солнечнаго богомъ-громовникомъ» (стр. 274—5).

Общность формулы составляетъ и выгодную ея сторону, и невыгодную: выгодную — потому, что цѣлые ряды кажущихся несообразностей и часто безсмыслицъ, вошедшихъ въ содержаніе народнаго эпоса, такою формулою объясняются на столько удовлетворительно, что получаютъ нѣкоторый смыслъ, и какъ объясненные, складываются въ архивъ науки, будто дѣло рѣшенное; невыгодную сторону — потому, что формула уже слишкомъ обща, потому что все, что угодно можно вставить въ ея широкія рамы. Свѣтлое существо, темное и еще свѣтлое, плѣненное темнымъ, — это такое общее мѣсто, которое еще лучше, чѣмъ къ эпизоду о Соловьѣ-Разбойникѣ, можетъ быть приложено, напримѣръ, къ Троянской войнѣ (здѣсь греческое ополченіе будетъ свѣтлымъ элементомъ, Троя — темнымъ, а Елена — свѣт-

лымъ, которое похищено темнымъ, и изъ-за котораго происходитъ борьба); да и вообще всякая война, хоть бы современная намъ прусско-французская, предлагаетъ тѣ же три элемента, цвѣтъ которыхъ, свѣтлый или темный, будетъ зависѣть отъ точки зрѣнія той или другой изъ воюющихъ сторонъ.

Этотъ легкій способъ обобщать факты, по которому и эпизодъ о Соловьѣ-Разбойникѣ, и Троянская война, и современное намъ событіе въ сущности должны выражать одну и туже мысль, приводитъ мнѣ на память тѣ старинныя эстетики, по которымъ все разнообразіе художественныхъ явленій подводилось къ тремъ главнымъ моментамъ: внутреннее, внѣшнее и соединеніе того и другаго. И въ этихъ трехъ рубрикахъ есть, конечно, нѣкоторый смыслъ, но смыслъ столь общій, что касается не опредѣленія предметовъ, а размѣщенія ихъ по разнымъ перегородкамъ, съ ярлычками. Почтенный профессоръ сравниваетъ эпическій сюжетъ съ предложеніемъ, и въ трехъ элементахъ эпическаго содержанія видитъ подобіе подлежащаго, сказуемаго и связи. Но вѣдь эти части предложенія составляютъ только его внѣшнюю форму, а не самый предметъ рѣчи; между тѣмъ какъ въ эпическомъ сюжетѣ на первомъ планѣ его содержаніе, а содержаніе для своего эпоса народъ почерпаетъ изъ неистощимаго запаса своей многовѣковой памяти. Если же авторъ, построивая свою теорію на сказанныхъ трехъ рубрикахъ, имѣлъ въ виду объяснить только общій пріемъ, только одну форму, или такъ сказать, формальную логику эпическаго сюжета, то тѣмъ самымъ онъ уже отказывался отъ объясненія его сущности.

Впрочемъ, теорія эта въ сравнительномъ изученіи эпоса не новость. Чтобъ оріентироваться въ необозримой массѣ сходныхъ между собою данныхъ по эпической поэзіи разныхъ народовъ, нѣмецкіе ученые нашли удобнымъ распредѣлить эти данныя по немногимъ рубрикамъ миѳологіи природы, съ тѣмъ, чтобы въ основѣ эпическихъ сюжетовъ открывать идеи и представленія, общія эпосу съ миѳологіею природы. Но не слишкомъ ли поспѣшно и преждевременно рѣшились обобщить разнообразныя и

разнородныя эпическія подробности, подводя ихъ подъ скудныя, голословныя заглавія статей изъ миѳологіи природы — о теплѣ, холодѣ и тому подобномъ? Пріемъ этотъ, какъ ни кажется онъ увлекателенъ съ перваго разу, очень опасенъ, легко можетъ быть употребленъ во зло, и это можетъ случиться всякій разъ, какъ только въ объясняемомъ эпическомъ сюжетѣ къ раннему миѳу примѣшивается преданіе мѣстное или испорченное.

Въ этомъ отношеніи надобно строго отличать *сказку* отъ *былины*. Авторъ «Ильи Муромца» хорошо понимаетъ это различіе, но забываетъ о немъ, когда подъ одну общую рубрику подводитъ иногда содержаніе той и другой, безъ точнаго анализа тѣхъ особенностей, которыми былина, какъ мѣстное и историческое преданіе, выдѣляется изъ безразличной массы сказокъ. Сказка можетъ цѣликомъ состоять изъ какого-нибудь миѳа природы, не пріуроченнаго ни къ личности, ни къ мѣсту; потому она и не любитъ собственныхъ именъ. «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь», говоритъ она вообще, не стѣсняясь точными указаніями, ни историческими, ни географическими. Напротивъ того, былина помѣщаетъ своего князя Владиміра въ Кіевѣ, ведетъ своего Илью Муромца изъ села Карачарова, черезъ лѣса Брынскіе, черныя грязи Смоленскія, мимо города Чернигова и т. д. Къ сказкѣ вы безнаказанно можете прилагать свою миѳологію природы, во-первыхъ, ужь и потому, что содержаніе ея одно и тоже у всѣхъ народовъ, и слѣдовательно, по тому самому подлежитъ оно объясненію общему, стоящему внѣ географическихъ и историческихъ ограниченій; во-вторыхъ, потому что есть сказки, которыя уже сами голословно говорятъ о содержащемся въ нихъ миѳѣ природы, напримѣръ, о братьяхъ двѣнадцати мѣсяцахъ, о царицѣ, которая родила двойни — Солнце и Луну и т. п. Чѣмъ эпосъ первобытнѣе, какъ финская Калевала, тѣмъ больше въ немъ миѳологіи природы, и чѣмъ онъ развитѣе, какъ французскія chansons de geste, тѣмъ больше въ немъ исторіи и географіи. Такова и наша былина, воспѣваетъ ли она князя Скопина-Шуйскаго, или князя Влади-

міра и Илью Муромца съ Соловьемъ-Разбойникомъ. Въ эпизодѣ о послѣднемъ важно не то, что это, можетъ-быть, слѣдъ преданія о тучѣ съ дождемъ, а то, почему чудище названо *соловьемъ* и *разбойникомъ*, почему самъ онъ живетъ именно на *деревьяхъ*, а семья его въ хоромахъ, окруженныхъ дворомъ, и т. д. Миѳы природы слишкомъ громадны въ своихъ размѣрахъ. Становясь сюжетами эпическими, они сокращаются, принимая мѣстныя формы историческаго быта и окрашиваясь въ мѣстный, бытовой колоритъ.

Обратить былину назадъ, въ тотъ до-историческій періодъ, когда она интересовалась только краснымъ солнышкомъ да тучею съ дождемъ, а не княземъ Владиміромъ и Соловьемъ-Разбойникомъ, значило бы отказать народному эпосу въ его національномъ интересѣ для послѣдующихъ поколѣній, которыя въ своихъ герояхъ хотѣли воспѣвать болѣе близкое для себя, болѣе человѣческое, нежели устарѣлые миѳы о солнцѣ, дождѣ или громѣ. Эпосъ развивается въ теченіе извѣстнаго періода народной жизни, какъ это постоянно даетъ чувствовать и самъ г. Миллеръ, съ точки зрѣнія бытовой и исторической характеризуя богатырскіе типы, въ которыхъ народъ воплотилъ свои историческія судьбы и выразилъ свое національное самосознаніе. Понятно, слѣдовательно, что между миѳомъ о тучѣ, затерявшимся въ образѣ Соловья-Разбойника, и типомъ Ильи Муромца, какъ представителя общины или какого-нибудь другаго бытоваго явленія, надобно предположить цѣлый рядъ переходныхъ *слоевъ*, и авторъ «Наблюденій надъ *слоевымъ* составомъ русскаго эпоса» обязанъ былъ бы тщательно изслѣдовать эти слои, или же по крайней мѣрѣ, точнѣе опредѣлить, когда и какъ Муромскій богатырь изъ миѳическаго сокрушителя тучъ сталъ историческимъ идеаломъ русскаго крестьянина, смѣнившаго соху на мечъ для обороны Русской земли.

Всѣ эти миѳы о свѣтѣ и station мракѣ, о теплѣ и холодѣ, о тучахъ и дождяхъ, положенные въ основу миѳологіи природы, въ теоріи народнаго эпоса съ историческимъ содержаніемъ имѣютъ видъ

того первобытнаго хаоса, въ которомъ носились эти элементы до сотворенія міра, еще не улегшіеся въ своемъ броженіи. Когда авторъ «Наблюденій надъ слоевымъ составомъ русскаго эпоса» разбиваетъ передъ нашими глазами осязаемыя формы горъ и рѣкъ, разлагая ихъ въ миѳическія облака и дожди, когда онъ мысленными тучами и вѣтрами разсѣеваетъ яркія очертанія Соловья-Разбойника вмѣстѣ съ его теплымъ гнѣздомъ, и когда вслѣдъ затѣмъ много разъ убѣждаетъ, что и Добрыня, и Илья, и прочіе богатырскіе типы — это живыя, русскія личности, проникнутыя многоразличными бытовыми отношеніями, — тогда всякій разъ кажется, что въ своихъ наблюденіяхъ онъ сдѣлалъ самое капитальное упущеніе: онъ наложилъ множество позднѣйшихъ, бытовыхъ слоевъ не на твердую основу, а на тотъ первобытный хаосъ элементовъ, который взялъ на прокатъ изъ миѳологіи природы. Можетъ-быть, по этой теоріи такъ и слѣдуетъ, чтобы самый низшій изъ слоевъ нашего эпоса, уже не миѳическаго, а бытоваго, былъ наложенъ не на твердую почву русской мѣстности, а именно на эту первобытную трясину, въ тѣхъ видахъ, чтобы въ каждой эпической личности, въ каждомъ эпизодѣ русскихъ былинъ нагляднѣе показать тотъ двуличневый отливъ, ту свѣтлотѣнь, ту шаткую неустойчивость, которыя должны были оказаться естественнымъ слѣдствіемъ чудовищнаго смѣшенія въ былинѣ миѳа съ историческимъ событіемъ. Но въ такомъ случаѣ автору слѣдовало бы внимательнѣе взглянуть на самый процессъ этого смѣшенія и точнѣе указать моменты перехода отъ миѳическаго къ бытовому.

Впрочемъ, одни отрицательные доводы не объяснятъ дѣла. Необходимы факты положительные, которые восполняли бы указанный мною пробѣлъ. Постараюсь, хотя немного, способствовать къ разрѣшенію этого вопроса, на сколько это будетъ возможно въ тѣсныхъ предѣлахъ журнальной рецензіи.

I.

Сравнительное изученіе миѳологіи привело изслѣдователей народной словесности къ той истинѣ, что въ основѣ большей части миѳовъ открывается взглядъ человѣка на природу, какъ первая умственная попытка дать себѣ отчетъ объ окружающемъ мірѣ, какъ первый шагъ къ познанію природы и себя самого въ отношеніи къ ней. Времена года, ихъ смѣна, явленія природы и борьба стихій — таково содержаніе этихъ миѳовъ. Миѳологія въ этомъ смыслѣ представляется замкнутою въ тѣсный кругъ *годичнаго* теченія. Пока народъ вращаетъ свои умственные интересы въ этомъ замкнутомъ кругѣ, ежегодно повторяющемъ одно и то же, до тѣхъ поръ онъ коснѣетъ внѣ историческаго развитія. На этой первой ступени народныя *годовщины* могутъ осложняться и умножаться только занесенными въ нихъ подробностями образа жизни и занятій, приспособленныхъ къ тому или другому времени года. Но ужь и этимъ самымъ миѳологія природы подчиняется нѣсколько *быту народному*. Иной смыслъ дается годовщинѣ въ пастушескомъ быту, иной — въ земледѣльческомъ. Затѣмъ должна была оказать свое вліяніе на миѳическіе образы и самая *мѣстность*, гдѣ народъ живетъ: на берегу моря, въ горахъ или на равнинѣ. Наконецъ, та масса разнообразнѣйшихъ миѳовъ, которую сравнительная миѳологія старается сгруппировать подъ общія рубрики, представляетъ намъ пеструю смѣсь національныхъ различій во множествѣ мелочныхъ подробностей. Откуда бы эти подробности взялись, какъ не вслѣдствіе развѣтвленія одного общаго единства на національныя различія? Ограничиваясь племенами индо-европейскими, болѣе разработанными наукою по языку и миѳологіи, мы хорошо знаемъ, сколько различаются эти племена между собою, не смотря на свое сродство. Поэтому, задача сравнительнаго изученія состоитъ столько же въ объясненіи сродства, сколько и *различія*, какъ это доведено до послѣдней очевидности въ сравнительной грамматикѣ языковъ

индо-европейскихъ. А такъ какъ языкъ представляетъ самое полное выраженіе всего духовнаго и бытоваго существа народности, то при развѣтвленіи языковъ необходимо должно было оказаться и развѣтвленіе въ миѳахъ. Самое различіе въ названіяхъ одного и того же божества у разныхъ народовъ индоевропейскаго поколѣнія говоритъ уже о неодинаковости ихъ во взглядахъ на природу. Пусть будутъ въ сущности одно и то же — и греческій Зевсъ, и латинскій Юпитеръ, и германскій Торъ, и нашъ Перунъ, но самое это различіе въ названіяхъ, происшедшее отъ различія точекъ зрѣнія и вообще отъ различія въ языкахъ и въ бытѣ, даетъ уже національную окраску общему понятію, лежащему въ основѣ этихъ названій.

Итакъ, первый шагъ къ развитію миѳа совершается въ нѣдрахъ самой миѳологіи, въ развѣтвленіи общаго на частности, въ пріуроченіи общаго къ извѣстной мѣстности. А такъ какъ самое разселеніе племенъ, въ эпоху незапамятную, есть уже фактъ историческій, и притомъ фактъ высокой важности, то указывая на различіе національностей въ отношеніи географическомъ, мы тѣмъ самымъ говоримъ ужь и о различіи историческомъ, бытовомъ. Такимъ образомъ, годовщина народная, возникшая изъ миѳовъ природы, общихъ всѣмъ родственнымъ племенамъ, должна была уже рано принять своеобразныя формы у Славянъ вообще, и у Русскихъ въ частности.

Мѣсяцесловъ имѣетъ громадное значеніе для народности. Возвращая вѣрованія ежегодно къ однимъ и тѣмъ же физическимъ явленіямъ, онъ поддерживалъ въ народѣ въ теченіе столѣтій миѳологію природы, которая потому въ общихъ чертахъ и могла доселѣ сохраниться въ *сказкахъ*. Съ другой стороны, пріурочивая къ извѣстнымъ годовщинамъ праздники и обряды, мѣсяцесловъ тѣмъ самымъ указывалъ на источникъ *обрядности* тоже въ миѳахъ природы. Если и сказка, и хороводная и вообще обрядная пѣсня, могутъ быть возведены къ одному общему началу, то почему же не попытаться было подвести къ нему же и *былину*, какъ такой же элементъ народнаго эпоса? И безъ сомнѣ-

нія, г. Миллеръ въ этой попыткѣ могъ быть на столько правъ, на сколько былина своими древнѣйшими слоями соприкасалась съ миѳическими воззрѣніями на природу.

Очень рано осложнилась народная годовщина вліяніемъ христіанства. Проповѣдники этой новой религіи столько же заботились о водруженіи святынь на мѣстахъ языческихъ капищъ, сколько и о замѣнѣ языческаго календаря христіанскимъ. Національныя названія временъ года и мѣсяцевъ были замѣнены названіями греко-римскими, языческія годовщины — праздниками христіанскими. Такимъ образомъ, тотчасъ же по принятіи народомъ христіанства, на календарь языческій былъ наложенъ календарь церковный; миѳологія природы продолжала господствовать въ умахъ, только скрытая подъ новыми названіями, и новый календарь укоренялъ въ народѣ миѳическія воззрѣнія на природу, сближая миѳическіе образы съ христіанскими именами. Сербы доселѣ поютъ о томъ, какъ миѳическая молнія дѣлила дары: дала Богу нéбесныя высоты, св. Петру — Петровскіе жары, Ивану — ледъ и снѣгъ, а Николѣ на водѣ свободу, а Ильѣ — молнію и стрѣлы[1]). Соотвѣтственно тѣмъ же воззрѣніямъ, у Славянъ Русскихъ, болѣе родственныхъ съ Болгарами и Сербами, нежели со Славянами западными, уже въ древнѣйшую эпоху мы встрѣчаемъ преимущественное чествованіе упомянутыхъ въ этой пѣснѣ *Ильи* и *Николы*, и потомъ *Егорья* или *Юрія* (Георгія), особенно чтимаго у нашихъ соплеменниковъ юго-восточныхъ[2]). Потому-то древнѣйшіе храмы на Руси и были посвящены этимъ церковнымъ именамъ. Еще при Игорѣ существовала въ Кіевѣ церковь во имя св. Иліи; на могилѣ Оскольда была построена церковь св. Николая; по позднѣйшимъ лѣтописямъ, князь Владиміръ, крестивъ землю Русскую, «постави въ Кіевѣ *первую* церковь святаго Георгія»[3]). Изъ массы именъ церковнаго ка-

[1]) Вука Караджича, Сербскія пѣсни, I, 156.

[2]) Каравелова, Памятники народнаго быта Болгаръ, I, 211.

[3]) Бестужева-Рюмина, О составѣ русскихъ лѣтописей. Приложеніе, стр. 18.

лендаря взяты были только эти три имени — не по простой случайности, а вслѣдствіе историческаго перехода отъ воззрѣній языческихъ къ христіанскимъ, вслѣдствіе наложенія церковнаго календаря на языческую годовщину, и вмѣстѣ съ тѣмъ, освященія языческихъ урочищъ христіанскою святыней. Перунъ передалъ свою молнію и свои стрѣлы Ильѣ Громовнику. Волосъ въ нѣкоторыхъ урочищахъ сближенъ съ св. Николою, какъ, напримѣръ, въ 16-ти верстахъ отъ Владиміра былъ, нынѣ упраздненный, монастырь *Волосовъ* — во имя св. Николая угодника, сначала на горѣ, будто бы на мѣстѣ капища божества Волоса. Князь Ярославъ избралъ себѣ въ патроны св. Георгія, и между прочими сооруженіями построилъ во имя этого святаго монастырь. У южныхъ Славянъ Юрьевъ день — самый великій праздникъ весенній, соотвѣтствующій нѣмецкому празднику Остары; онъ такъ же, какъ и у Германцевъ, можетъ-быть, совпадаетъ съ Пасхою *(Великъ-день)*. На Руси Юрьевъ день былъ урочнымъ терминомъ перекочеванія крестьянскаго населенія. Это былъ праздникъ весны, которая иначе называется *Яро*, *Яръ*, и мѣсяцъ весенній — *Ярецъ*. Того же происхожденія и миѳическое названіе *Ярило*. Понятно, слѣдовательно, почему *Яро*славъ (отъ *яро*, *яръ*) былъ переименованъ въ Георгія, покровителя весенней годовщины. Долина между Владиміромъ и Боголюбскимъ монастыремъ и доселѣ именуется Яриловою; потому весною въ Духовъ день тамъ водятъ хороводы съ пѣснями: «А мы просо сѣяли, сѣяли, ой Дидъ-Ладо, сѣяли»! Это празднество поклоненія солнцу извѣстно въ Костромской губерніи подъ именемъ *Ярилы;* въ предѣлахъ Ярославля тотъ же праздникъ называется *Солонины (солонь*, *слунь*, откуда *солнце)* и справляется въ понедѣльникъ Петровскаго поста.

Тѣже три церковныя имени встрѣчаемъ мы между древнѣйшими урочищами въ разныхъ мѣстахъ древней Руси. Такъ, городъ Ярославль, отъ Ярослава или Георгія, иначе *Рубленый* городъ; въ память этого древняго названія одна изъ церквей въ Ярославлѣ и доселѣ называется *Николорубленскою*, и по преда-

жанія историческаго, то нѣтъ причины сомнѣваться, чтобъ и былины о князѣ Владимірѣ и его богатыряхъ не выражали *историческаго сознанія*, чтобъ онѣ не внесли значительной доли историческаго содержанія въ свой составъ.

Отъ историческаго направленія нашего эпоса временъ татарщины и Ивана Грознаго можно заключить, что и ранній эпосъ не чуждъ характера историческаго. Чтобы воспѣвать событія русской жизни XIII или XVI и XVII вѣковъ, народъ долженъ былъ воспитать въ себѣ историческій тактъ ужь издавна. Въ этомъ отношеніи крутыхъ поворотовъ въ жизни народа не бываетъ. Позднѣйшему историческому эпосу долженъ былъ служить основой эпосъ ранній, воспѣвающій князя Владиміра съ его богатырями. Уже на этомъ раннемъ эпосѣ народъ привыкъ относиться исторически къ своему прошедшему. Здѣсь былъ уже тотъ источникъ, изъ котораго онъ почерпалъ свое историческое самосознаніе; отсюда онъ набрался силы для эпическаго вдохновенія, чтобы воспѣть царя Ивана Васильевича, Алексѣя Михайловича и Петра Великаго.

Съ другой стороны, лѣтописи, уже самыхъ раннихъ редакцій, примѣшиваютъ къ историческому содержанію эпическое, въ цѣломъ рядѣ эпизодовъ, начиная съ Обровъ и Козаръ, Кія, Щека и Хорива и т. д. Лѣтописное повѣствованіе объ Ольгѣ, дополняемое ея житіемъ и мѣстными сказаніями, соединяетъ въ себѣ былину съ духовнымъ стихомъ. Въ повѣствованіе о князѣ Владимірѣ лѣтопись внесла нѣсколько эпизодовъ, очевидно былиннаго характера, каковы — о Переяславскомъ героѣ, называемомъ по другимъ источникамъ то Яномъ Усмошвецемъ, то Кирилломъ Кожемякой, о киселѣ или «земной кормлѣ» въ Бѣлогородской сказкѣ, о мщеніи Рогнѣды-Гориславы, и мн. др. Самое испытаніе вѣроисповѣданій, съ такою увѣренностію выдаваемое лѣтописцемъ за историческій фактъ, носитъ на себѣ явственный характеръ легендарнаго вымысла, украшеннаго церковною догматикой и книжнымъ витійствомъ.

Такова уже лѣтопись древнѣйшая. Позднѣйшія ея передѣлки

предлагаютъ еще больше поэтическаго матеріала, потому что, чѣмъ болѣе онѣ отступаютъ отъ фактическихъ извѣстій раннихъ лѣтописцевъ, тѣмъ больше вносятъ въ историческое содержаніе лжи, выдумокъ, то-есть, сказокъ, мѣстныхъ преданій, историческихъ сагъ. То что̀ въ этихъ позднѣйшихъ источникахъ историкъ своею историческою критикой очищаетъ отъ дѣйствительнаго факта, какъ вымыселъ, то составляетъ матеріалъ для исторіи поэзіи. Отбросивъ личныя соображенія повѣствователя и все заимствованное имъ изъ источниковъ книжныхъ, остальное въ этихъ вымыслахъ мы можемъ принять за преданіе народное, которое, можетъ-быть, существовало нѣкогда и въ формѣ былины, но дошло до насъ въ видѣ исторической саги. Во всякомъ случаѣ, и та, и другая — и былина, и сага, развились изъ одного общаго имъ начала, изъ мѣстнаго народнаго преданія. Лѣтописецъ позднѣйшій, дополняя прежнія лѣтописныя сказанія мѣстными преданіями, шелъ объ руку съ пѣвцомъ былины. Этимъ объясняется былинный складъ такихъ, напримѣръ, лѣтописныхъ сказаній, каковы сказанія о подвигахъ Александра Поповича, о Могутѣ и другихъ богатыряхъ князя Владиміра, объ Евпатіи Коловратѣ. Такимъ образомъ, лѣтописи позднѣйшія, каковы Степенная Книга, Никоновская, Густинская, Переяславская, Тверская, а также хронографы и хроники, со включеніемъ Литовскихъ, наконецъ, повѣствованія Каменевича-Рвовскаго, предлагаютъ богатый матеріалъ для исторіи русскаго народнаго эпоса. Сюда же надобно отнести и лѣтопись Якимовскую.

Матеріалъ этотъ значительно можетъ быть увеличенъ эпическими эпизодами изъ житій святыхъ, и притомъ, какъ древнихъ житій, такъ и позднѣйшихъ. Послѣднія въ отношеніи поэзіи столь же важны, какъ и позднѣйшіе лѣтописцы. Для примѣра можно указать на житіе Муромскихъ Петра и Февроніи.

Расширяя такимъ образомъ область русскаго народнаго эпоса, мы должны признать одно громадное эпическое цѣлое, которое уже въ древнѣйшую эпоху по частямъ высказывалось въ раннихъ сказаніяхъ лѣтописныхъ, но потомъ раздѣлилось на нѣ-

сколько вѣтвей, частію въ поэтическихъ эпизодахъ лѣтописей и житій святыхъ, частію въ изустныхъ былинахъ и мѣстныхъ преданіяхъ. Чтобы вполнѣ уразумѣть ту или другую изъ этихъ вѣтвей, необходимо низвести ихъ къ одному общему корню. Ученые довольно уже разработали этотъ предметъ по частямъ: г. П. Лавровскій въ своемъ изслѣдованіи объ Якимовской лѣтописи, г. Сухомлиновъ въ монографіяхъ о Несторѣ и лѣтописныхъ сказкахъ, г. Майковъ въ диссертаціи о былинахъ Владимірова цикла, г. Бестужевъ-Рюминъ въ сочиненіи о составѣ русскихъ лѣтописей, г. Безсоновъ въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ пѣснямъ. Почтенный авторъ разбираемой мною книги отдаетъ справедливость историческому элементу въ нашихъ былинахъ, даже приписываетъ особенную важность, въ судьбѣ былинъ, періоду Суздальскому; но, загромаздивъ историческое поприще нашихъ былинъ необозримою массою сравненій съ миѳологическими и эпическими мотивами чужеземными, онъ опустилъ изъ виду то органическое цѣлое русскаго національнаго эпоса, которое ясно даетъ о себѣ разумѣть изъ суммы данныхъ, разсѣянныхъ по разнымъ источникамъ, собственно русскимъ, какъ изустнымъ, такъ и письменнымъ.

Въ изученіи былинъ сравнительно съ источниками письменными, надобно отличать эпосъ историческій отъ героическаго, или богатырскаго. Чѣмъ древнѣе воспѣваемыя событія и лица, тѣмъ болѣе они теряютъ конкретность историческую, тѣмъ болѣе господствуетъ въ нихъ общее. По наивному пріему народнаго творчества, это общее наглядно выражается въ пріуроченіи эпическихъ героевъ къ разнымъ эпохамъ. Потому князь Владиміръ и его богатыри сражаются съ Татарами, и Русь Кіевская сливается въ одинъ періодъ съ Русью Суздальскою, какъ въ былинахъ, такъ и у позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Богатыри и поленицы, какого бы они происхожденія ни были, историческаго или вымышленнаго, это уже типы общіе, а не индивидуальные портреты. Какъ историкъ дѣлаетъ общее обозрѣніе эпохи, группируя мелкія подробности въ общей картинѣ, съ перспективою цѣлаго ряда

удаляющихся въ глубь плановъ, такъ и эпическое творчество въ своихъ богатыряхъ и ихъ подвигахъ обобщаетъ историческія подробности старины. Это уже не факты дѣйствительности, а способъ воззрѣнія на жизнь и исторію. Въ этомъ отношеніи героическая былина сходится съ лѣтописною сагой, и древнѣйшія преданія былины — съ древнѣйшими преданіями лѣтописи. Богатыри князя Владиміра заступаютъ мѣсто богатырей старшихъ, этихъ первобытныхъ чудовищъ и великановъ, а также ведутъ борьбу съ чудовищами и великанами. Лѣтопись повѣствуетъ о борьбѣ Славянъ съ великанскимъ народомъ Обрами, о единоборствѣ Владимірова богатыря Переяслава съ великаномъ Печенѣжиномъ, Мстислава Тмутороканскаго съ великаномъ Редедею, Смоленская легенда—объ единоборствѣ св. Меркурія съ великаномъ Татариномъ и т. п. Каково бы ни было первоначальное значеніе великановъ въ сравнительной миѳологіи природы, но у насъ эту миѳическую породу лѣтописное преданіе сблизило уже съ Обрами, Печенѣгами, Татарами, и такимъ образомъ, заслонило миѳъ природы цѣлымъ рядомъ историческихъ событій. Языкъ, какъ самое вѣрное и полное выраженіе воззрѣній народа, перевелъ собственныя имена народовъ *Обръ*, *Велетъ* или *Волотъ* въ нарицательныя имена великана вообще, и сверхъ того, *волоткою* назвалъ вообще гору или курганъ, точно такъ же, какъ отъ *щудъ*, великанъ, произвелъ слово *щудка*, гора, холмъ.

III.

Итакъ, начнемъ съ *горъ*. Г. Миллеръ полагаетъ, что горы былинныя только въ настоящее время понимаются народными пѣвцами въ смыслѣ земныхъ, настоящихъ горъ, первоначально же, то-есть, собственно эпически, онѣ имѣютъ значеніе горъ небесныхъ, именно тучъ и облаковъ (стр. 181, 262).

Дѣйствительно, тамъ, гдѣ вершины горъ теряются въ облакахъ, естественно было составиться представленію о тучѣ въ

образѣ горы. Потому въ основѣ раннихъ миѳовъ о горахъ-великанахъ могутъ быть усмотрѣны представленія тучи. Нѣтъ ничего мудренаго, что эти представленія, какъ допотопная окаменѣлость, кое-гдѣ застряли и въ славянскихъ преданіяхъ и повѣріяхъ, напримѣръ, въ преданіяхъ о Сербскихъ *Вилахъ*. Можетъ-быть, слѣдъ этихъ представленій затерялся у насъ въ переходѣ горы въ календарную годовщину, именно въ наименованіи весенняго праздника *Красною Горкою*. Но, что въ нашихъ былинахъ только въ позднѣйшее время *гора*, *Горынянка*, *Горыничъ* стали сближаться съ настоящею, земною горой, а что въ эпоху сложенія былинъ все это понималось иначе, въ смыслѣ тучъ или чего другаго, это слѣдовало бы доказать болѣе близкими доводами изъ мѣстныхъ преданій, а не сравненіями съ отдаленными миѳами разныхъ народностей.

Какъ только впервые русскій человѣкъ сложилъ свои баснословныя сказанія, гора стала для него уже настоящею, земною горой, и притомъ горою родной земли. *Горы Кіевскія* — это одно изъ самыхъ завѣтныхъ представленій русской старины. Еще апостолъ Андрей будто бы постановилъ на нихъ крестъ, то-есть, освятилъ христіанскою святынею мѣста языческихъ требъ, потому что на горахъ, по древнему обычаю, ставились языческія капища. Истуканъ Перуна стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ, капище Волоса, въ предѣлахъ Владимірскихъ, — тоже на горѣ. Какъ св. Андрей водрузилъ крестъ на горахъ Кіевскихъ, чтобъ очистить ихъ отъ языческой погани, такъ въ Болгаріи и доселѣ въ Юрьевъ день ставятъ на горахъ кресты, и эти горы, по имени Георгія или другаго святаго, кому онѣ посвящены, называются: св. Гёрги, св. Петка, св. Никола и т. д. Около креста въ честь Георгія священникъ освящаетъ воду и кропитъ народъ [1]). Такимъ образомъ, легендарное преданіе объ апостолѣ Андреѣ, одно изъ древнѣйшихъ на Руси, основанное на чествованіи горъ, объясняется стариннымъ обычаемъ, доселѣ наблюдаемымъ въ Болгаріи.

---

[1]) Каравелова, Памятники нар. быта Болгаръ, 211.

Съ горами Кіевскими лѣтопись связываетъ эпическое преданіе о трехъ братьяхъ, княжившихъ въ Полянахъ: «Быша три братія, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кій *на горѣ*, гдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше *на горѣ*, гдѣ нынѣ зовется *Щековица*, а Хоривъ на третьей *горѣ*, отъ него же прозвася *Хоревица*». О рѣкѣ Лыбеди, будто бы названной по имени сестры трехъ эпическихъ братьевъ, будетъ еще рѣчь впереди, а теперь надобно замѣтить, что одна изъ возвышенностей на берегу рѣки, при впаденіи ея въ Днѣпръ, именуется *Дѣвичь-гора*. Сверхъ того, какъ отъ *Волота* прозванъ *волоткою* курганъ или могила древняго героя, такъ и Щековица была волоткою для Олега Вѣщаго. Лѣтописное преданіе повѣствуетъ, будто бы этого князя погребли — «*на горѣ*, иже глаголеться Щековица, есть же могила его до сего дни, словетъ *могила Ольгова*».

Согласно со сказкой о трехъ братьяхъ, жившихъ на горахъ, и въ соотвѣтствіе обычному выраженію *на горахъ*, вмѣсто *въ Кіевѣ* (напримѣръ, въ Словѣ о полку Игоревѣ), точно такъ, какъ по лѣтописному *поля* и *дерева* (въ Поляхъ, *въ Деревахъ*), вмѣсто Поляне, Древляне, лѣтопись Якимовская жителей приднѣпровскихъ называетъ не только Полянами, но и *Горянами*. Кій, Щекъ и Хоривъ были *Горяне* или *Горыни*. Отсюда былинныя формы *горынянка* или *горянинка*, съ отческимъ окончаніемъ *горын-ичъ*, потомъ *горынчище*. Змій названъ *горыничемъ*, потому что живетъ въ горѣ или на горѣ, потому же, почему и три Кіевскіе брата— Горяне.

Форма *горыня* (древн. *горыни*, какъ *пустыни*, вм. *пустыня*) образована по общему правилу съ другими эпическими именами: *Добрыня*, *Низъкыня* (о которомъ будетъ сказано послѣ). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь форма *брѣгыня* или *берегиня* (древн. *брѣгыни*), отъ *брѣгъ*, *берегъ*, собственно значитъ гора, холмъ, слѣдовательно, то же, что̀ и *горыня*, но, по древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, имѣетъ смыслъ миѳическаго существа, которому Славяне нѣкогда воздавали чествованіе, какъ это видно изъ

Слова св. Григорія въ Паисіевскомъ Сборникѣ XIV вѣка: «а пореже того клали трѣбу упиремъ и берегинямъ».

Такъ какъ мѣста древнѣйшаго языческаго чествованія были освящаемы христіанскими храмами, то укажу здѣсь на упраздненный *Волотовъ* монастырь, на правомъ берегу рѣки Волховца, на такъ-называемомъ *Волотовомъ полѣ*, въ трехъ верстахъ къ востоку отъ Новагорода. Доселѣ осталась отъ монастыря церковь Успенская *на Волотовѣ*, названная такъ будто бы потому, что здѣсь стоялъ идолъ Велеса или Волоса, какъ на Ильменѣ, при истокахъ Волхова, былъ чествуемъ Перунъ. На Волотовѣ будто бы язычники погребали своихъ князей и богатырей. Доселѣ указываютъ къ юговостоку, саженяхъ въ 20-ти отъ церкви, на холмъ (или *волотку*), будто бы насыпанный пригоршнями Новгородцевъ надъ могилою князя ихъ Гостомысла. А къ западу отъ церкви, саженяхъ въ 70-ти, указываютъ на горку, извѣстную нынѣ подъ именемъ *Слудки*, идущую по берегу Волховца. Это-то и есть древнее *Волотово* или богатырское поле [1]). Урочищу *Слудки* встрѣчаемъ нѣчто соотвѣтственное около Пскова, на рѣкѣ Великой: одинъ изъ рукавовъ ея называется *Ольгины Слуды*, о чемъ будетъ подробнѣе послѣ. Древнее церковно-славянское *слуды* — утесъ, крутизна, род. пад. *слудъве*.

Какъ языческія божества имѣли свои горы и въ нихъ превращались (*Бѣлбогъ*, *Чернобогъ*), такъ и *Перунова рѣнь* Несторовой саги именуется въ Славянорусской хроникѣ *Перуновою горою* [2]). Какъ Щекъ и Хоривъ имѣли свои горы, такъ имѣла свой утесъ и княгиня Ольга, очевидно, въ качествѣ эпической героини. Кромѣ Ольгиныхъ слудъ, еще въ XV вѣкѣ одна *гора* близь Пскова называлась *Ольгиною*, а по свидѣтельству Каменевича-Рвовскаго, еще въ XVII вѣкѣ въ Ярославской области одинъ большой *камень* на берегу Волги, въ верстѣ отъ устья Мологи,

---

[1]) Макарія, Археол. описаніе Новгорода, I, 568—9. Попова, Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій въ хронографахъ, 447.

[2]) По рукописи XVII в., принадлежащей мнѣ.

именовался тоже *Ольгинымъ* [1]). Переходя отъ миѳическихъ существъ и героевъ лѣтописныхъ сагъ къ богатырямъ нашихъ былинъ, я могу указать на горные слѣды Илья Муромца. Въ Сотной на Муромскій посадъ, 1574 года, между Муромскими урочищами мы встрѣчаемъ, кромѣ Ильинской улицы, *Богатыреву гору* противъ рѣки Оки, а также *Скокову гору,* очевидно, носящую на себѣ слѣдъ преданія о богатырскихъ скачкахъ коня Ильи Муромца [2]).

Итакъ, что̀ же такое по представленіямъ, такъ прочно сложившимся въ древней Руси, тотъ чудовищный богатырь, котораго когда-то встрѣтилъ Илья Муромецъ лежащимъ *на горѣ*, потому что его и земля не держитъ? Туча, облако, или какое другое атмосферическое или небесное явленіе, или же какое-нибудь первобытное броженіе не устроенныхъ элементовъ физическихъ и нравственныхъ? Ни чуть не бывало. По складу всѣхъ преданій, это не что иное, какъ тотъ же великанъ *Волотъ*, лежащій на горѣ-*волоткѣ*, это Щекъ или Хоривъ на Щековицѣ или Хоревицѣ, это Перунъ, выброшенный на *Перунову гору*, и т. д. Точно то же и *Святогоръ*, который, по сказаніямъ, живетъ на *Святыхъ горахъ*, а объ этихъ горахъ такъ значится въ Книгѣ Большаго Чертежа: «а ниже Царева града, отъ усть рѣки Оскола, на Донцѣ, съ Крымской страны, *Святыя горы*, отъ Царева града верстъ съ 10».

Въ связи съ миѳическими и богатырскими горами состоятъ былинныя сказанія объ окаменѣніи богатырей или превращеніи ихъ въ камни. То же преданіе пріурочивается у насъ ко многимъ мѣстностямъ, напримѣръ, въ Смоленской легендѣ о томъ, какъ великомученикъ Георгій въ ночь на канунѣ Ивана Купалы окаменилъ дѣвицъ и женъ, собравшихся на бѣсовское сборище въ 30-ти поприщахъ отъ Смоленска по Черниговской дорогѣ: «И быша окаменѣни вси, иже ту обрѣтшися, аки люди стоящи, на

---

[1]) Карамзинъ, И. Г. Р. I, прим. 377. V, прим. 197.
[2]) Акты Юридическіе, изд. Археогр. Ком., стр. 250.

полѣ томъ видими суть и донынѣ, въ наказаніе намъ грѣшнымъ, еже тако не творити» (Цвѣтникъ 1665 года, въ Синод. библ., № 908). Каменныхъ людей знаетъ и древне-русская географія. Въ Книгѣ Большаго Чертежа читаемъ о такъ называемыхъ *каменныхъ бабахъ*: «а на рѣчкѣ на Терновкѣ стоитъ *человѣкъ каменный*, а у него кладутъ изъ Бѣлагрkörада станичники доѣздныя памяти, а другія памяти кладутъ на Самарѣ и у *дву дѣвокъ каменныхъ;* а отъ *каменнаго человѣка* до Самары верстъ съ 30».

Съ преданіями о жителяхъ горъ, также какъ и о существахъ окаменѣлыхъ, соединяется мысль о далекомъ прошедшемъ, о странѣ чудесъ и богатырскихъ подвиговъ. Волоты исчезли съ лица земли и оставили по себѣ только волотки да камни. То же повѣрье о чудесной странѣ и чудесныхъ людяхъ, живущихъ въ горахъ, разсказывалъ нашему лѣтописцу Гюрята Роговичъ Новгородецъ [1]).

Но воротимся еще разъ къ древнимъ славянскимъ племенамъ, населявшимъ въ южной Руси *Поля* и *Дерева*. Мы уже видѣли, что приднѣпровье было заселено Полянами и Горянами. *Въ деревахъ*, или у Древлянъ, лѣтописная сага называетъ княземъ нѣкоего *Мала*. По Лаврентьевскому списку, князь Малъ и убилъ Игоря, и сватался къ Ольгѣ. По Густинской лѣтописи, Маломъ названъ только тотъ князь, который убилъ Игоря; послы же Древлянскіе, пришедши къ Ольгѣ, просили ее выдти замужъ «за своего князя *Нискина*». По Якимовской лѣтописи, «Князь Древлянскій *Малъ* сынъ *Нискининъ* присла послы къ Ольгѣ просити, да идетъ занъ» (Татищевъ, I, 36). По хроникѣ Словено-русской *Малъ* и *Низкиня* (а не *Нискиня*, у Длугоша *Miskina*) одно и то же, и притомъ не просто Малъ, а *Малъ-дѣдъ*: «Деревяне зъ княжатемъ своимъ *Малдѣдомъ* альбо *Низкинею* названымъ почали мыслити, щобы мѣли чинити», когда рѣшились убійствомъ освободиться отъ хищности Игоря. Потомъ пришли къ Ольгѣ послы просить ее, «абы за ихъ князя Древянскаго *Низкиню* пошла» [2]).

[1]) Смотри Полн. Собр. Лѣтоп., I, 107.
[2]) Слич. у Мавроурбина *Малдитъ*.

Каково бы ни было значеніе этихъ Древлянскихъ именъ, миѳологическое или мѣстное, географическое, во всякомъ случаѣ форма *Низкиня* (древн. *Низъкыни*), по грамматическому смыслу, противополагается миѳологичнскому термину *Горыня*, откуда *Горыничъ* и соотвѣтствуетъ формѣ *Плоскиня* (древн. *Плоскыни*), какъ называется въ Тверской лѣтописи (стр. 342) воевода Бродниковъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди [1]). По лѣтописной сказкѣ Древлянскій Низкиня ищетъ себѣ невѣсты у приднѣпровскихъ Горянъ. По эпической генеалогіи онъ отецъ Малу, а потому Малъ *Низкининъ* или *Низкиничъ*. По другому преданію, самъ Низкиня, какъ родоначальникъ, именуется *дѣдомъ*, и въ отличіе отъ своихъ потомковъ, носитъ названіе *Малъ-дѣдъ*, въ томъ же миѳологическомъ и эпическомъ смыслѣ, по которому въ Словѣ о полку Игоревѣ являются *внуки Стрибожи*, *внукъ Дажьбожь* и *внукъ Велесовъ*.

Здѣсь заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что посредствомъ собственнаго имени *Малъ* и производныхъ отъ него — *Малко* (или *Малъкъ*) и *Малуша*, сказаніе объ Ольгѣ связывается, съ одной стороны, съ Древлянами и ихъ миѳическимъ *Малъ-дѣдомъ* (Низкиней), а съ другой — съ княземъ Владиміромъ, сыномъ Малуши и съ ея братомъ Добрыней, отцомъ которыхъ былъ *Малко* (уменьшительная форма отъ *Малъ*) [2]). Какъ у Ольги былъ женихомъ Малъ или Малъ-дѣдъ, такъ у сына ея Святослава была наложницею Малуша, дочь Мала или Малка, иначе называемая *Малкою*.

IV.

Перехожу къ *рѣкамъ*. По миѳологіи природы, въ былинахъ рѣки тоже не настоящія, земныя; это рѣки небесныя, дождь, ливень. Если наглядность принимала участіе въ составленіи миѳовъ, то какъ вершины горъ, уходящія въ облака, поддерживали

---

[1]) Слич. въ Кіевѣ *Болонье*, нынѣ *Плоская* часть.

[2]) Употребляемое въ былинахъ отчество Добрыни — *Никитичъ* не переделалось ли изъ древнѣйшаго *Низкиничъ?*

въ воображеніи представленіе тучъ въ видѣ горъ, такъ и горные потоки, низвергающіеся изъ-подъ облачныхъ снѣговыхъ вершинъ, казались продолженіемъ ливня, падающаго изъ тучи. Впрочемъ, каковы бы ни были первобытныя представленія, соединенныя съ рѣкою, въ нашихъ былинахъ рѣки, также какъ и горы, уже низведены съ неба на землю и пріурочены къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Въ основѣ былинныхъ сказаній о рѣкахъ явствуютъ также миѳологическія преданія, но преданія эти опираются на такую твердую почву географическихъ урочищъ, что не даютъ права такъ безусловно возносить наши Дунаи и Волховы въ заоблачныя высоты, какъ это позволяетъ себѣ г. Миллеръ.

Извѣстна лѣтописная сказка о рѣкѣ Мутной, получившей будто бы другое названіе — *Волховъ* (форма прилагательнаго имени), отъ *Волха*, который «въ боги сѣлъ» и былъ сближенъ съ Перуномъ. *Волховскій* городокъ и *Перынь* съ Перыньскимъ скитомъ остались географическими урочищами древняго преданія. Волхъ, въ видѣ крокодила или змія (зміяки), плаваетъ по своей Волховой рѣкѣ. Точно такъ плыветъ по Волхову и истуканъ Перуна, низверженный архіепископомъ Якимомъ. «О горе, охъ мнѣ!» восклицаетъ Перунъ по свидѣтельству лѣтописной сказки: «Онъ же, пловя сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою и рече: На семъ мя поминаютъ Новгородскія дѣти, его же и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ» и т. д. [1]). Пусть палица Перунова первоначально означала молнію, пусть Волховъ — первоначально туча, но въ этомъ сказаніи, соотвѣтствующемъ по воззрѣніямъ міросозерцанію былинныхъ пѣвцовъ, рѣчь идетъ ужь о настоящей Новгородской рѣкѣ, и подъ палицею разумѣется оружіе, слишкомъ хорошо засвидѣтельствованное исторіей о междоусобныхъ стычкахъ на Волховскомъ мосту. Сказаніе это служитъ лѣтописнымъ дополненіемъ къ былинамъ о Васькѣ Буслаевѣ и Садкѣ богатомъ гостѣ. То же преданіе о

---

[1]) Выдержки изъ Лѣтоп. см. у Бестужева-Рюмина, О составѣ русской лѣтописи. Прилож., стр. 21.

томъ, какъ миѳическое существо плыветъ по рѣкѣ, въ южной Руси было запечатлѣно урочищемъ на Днѣпрѣ — *Перунова рѣнь* или *Перунова гора*. Какъ по Новгородскому преданію, нѣкоторый Пидьблянинъ, везшій горшки въ городъ, увидѣлъ приставшаго къ берегу Перуна, и отринувъ его шестомъ: «ты — рече — Перунище, досыти еси ѣлъ и пилъ, а ныньче поплови прочь», — такъ и на югѣ Россіи, когда истуканъ Перуна плылъ по Днѣпру, толпы язычниковъ будто бы бѣжали въ слѣдъ за нимъ по берегу и кричали: «Перуне, выдыбай»! И идолъ, какъ-бы повинуясь голосу приглашающихъ его, присталъ къ тому мѣсту, гдѣ потомъ построенъ былъ монастырь, названный *Выдубецкимъ*, будто бы отъ реченія *выдыбай*, то-есть, выплывай. Преданіе о зміи въ нашихъ былинахъ пріурочивается къ рѣкамъ. Добрыня Никитичъ, купаясь въ Израй- или Сафатъ-рѣкѣ, встрѣчается съ зміемъ, похитителемъ дѣвицъ или оберегателемъ золотаго клада.

Обычай спускать по рѣкѣ вышедшую изъ употребленія святыню отъ давнихъ временъ низверженія въ воды истукана Перунова удержался до позднѣйшаго времени въ спусканіи на воду досокъ, на которыхъ уже стерлось или вообще стало не видно изображеніе иконописное. Исчезновенію Ильи Муромца и Добрыни, уплывшихъ куда-то на кораблѣ, въ легендахъ соотвѣтствуетъ преданіе о плаваніи гроба. Въ книгѣ о святыхъ, почивающихъ въ русскихъ градахъ и весяхъ, читаемъ: «Святый великомученикъ Меркурій воинъ (извѣстный богатырь, поразившій великана Татарина или Печенѣжина), Смоленскій чудотворецъ въ лѣто 6747 Ноемврія въ 14 день *во гробѣ въ Кіевъ приплы*».

Какъ по былинамъ рѣки Дунай и Днѣпръ произошли отъ крови богатыря Дуная и Днѣпры Королевичны, такъ и по мѣстнымъ лѣтописнымъ сагамъ — въ сѣверной Руси Волховъ назвался отъ Волха, а въ Кіевской Руси рѣка *Лыбедь* — по имени сестры трехъ братьевъ Горянъ. То же имя встрѣчается и въ другой мѣстности, гдѣ чествованіе воды существовало издавна. Древній Переяславль Рязанскій былъ построенъ между рѣками Трубежомъ и *Лыбедью*, устье которой называется озеромъ Кара-

севымъ: оно почиталось святымъ, равно какъ и другое озеро — Быстрое. *Лыбедь*, изъ породы Горянъ, могла иначе называться Горынею. Соотвѣтственно этому въ юго-западной Россіи *Горыня* или *Горынь* является собственнымъ именемъ рѣки.

Замѣчательно, что съ рѣкою Лыбедью, Кіевскою, соединяется цѣлый рядъ сказаній о женскихъ личностяхъ: 1) она получила имя отъ сестры троихъ эпическихъ братьевъ; 2) на Лыбеди жила одна изъ женъ князя Владиміра, знаменитая Рогнѣдь (Горислава); тутъ именно и случилась извѣстная трагическая сцена ея неудавшейся мести (если *Горислава* не есть отдѣльная отъ Рогнѣди личность, то въ этомъ имени, какъ эпитетѣ, сократилось цѣлое эпическое сказаніе, по преданію, можетъ-быть, связанное съ прозвищемъ *Гориславличь* въ Словѣ о полку Игоревѣ); далѣе, 3) во времена Нестора на Лыбеди было сельцо *Предславы*, или дочери князя Владиміра и Рогнѣди, или родственницы Игоря, супруги Улеба; наконецъ, 4) на Лыбеди же князь Владиміръ построилъ палаты для своихъ наложницъ [1]).

Въ бытовомъ отношеніи, рѣка, какъ путь сообщенія, а также и какъ преграда или застава, должна была имѣть важное значеніе какъ въ самой дѣйствительности, такъ и въ ея поэтическомъ возсозданіи въ лѣтописныхъ сказкахъ и былинахъ. *Бродъ* или *перевозъ* черезъ рѣку — это одинъ изъ крупныхъ фактовъ въ миѳологическихъ и героическихъ сказаніяхъ. Г. Миллеръ указываетъ на бога Одина, явленіе котораго въ видѣ лодочника довольно обычно въ сказаніяхъ сѣверныхъ, и приводитъ извѣстный эпизодъ изъ Вальтера Аквитанскаго о перевозѣ черезъ Рейнъ, эпизодъ, послужившій причиною кровавой катастрофы; почтенный изслѣдователь не забылъ и одну изъ дочерей Соловья-Разбойника, которая была перевозчицею на рѣкѣ Дунаѣ (смотри стр. 88, 121, 224—5,279); но удивительно, какъ эти крупные факты въ исторіи древняго быта и поэзіи не привели его ни къ какимъ результатамъ по отношенію былинъ къ роднымъ урочи-

---

[1]) Сементовскаго, Кіевъ, стр. 23.

щамъ Русской земли. Лѣтописная сказка о перевозчикѣ относится къ древнѣйшему преданію о началѣ Кіева. «У Кіева бо бяше *перевозъ* тогда съ оноя стороны Днѣпра», говоритъ лѣтописецъ, «тѣмъ глаголаху: *на перевозъ, на Кіевъ*». То-есть, сначала говорили: *перевозъ Кіевъ*, а потомъ стали говорить просто *Кіевъ*, одно прилагательное безъ существительнаго. Отсюда возникла сказка о *Кіѣ перевозчикѣ;* но такъ какъ Кій былъ и родоначальникъ-князь, то лѣтописецъ, уже не понимавшій, почему такое важное лицо могло не брезговать ремесломъ перевозчика, склоняется къ тому мнѣнію, что Кій былъ князь, а не перевозчикъ, потому только, что онъ ходилъ къ Царюграду и былъ на Дунаѣ. Итакъ, въ лицѣ баснословнаго Кія соединялось званіе князя съ ремесломъ перевозчика, на столько же согласно эпическому смыслу, на сколько былъ перевозчикомъ и сѣверный богъ Одинъ. Къ Кіеву перевозу шелъ *путь*, и память о немъ осталась въ урочищѣ *Путищѣ*, съ которымъ, сверхъ того, было соединено миѳологическое преданіе. Городокъ Кія тянулся по высотѣ холма, и отъ него къ Почайнѣ извивалось, по откосамъ холма, *Путище* Боричевъ или Зборичевъ. Это путище изъ города приводило къ пристани на Почайнѣ, гдѣ и полагаютъ перевозъ Кіевъ. Когда низвергли истуканъ Перуновъ, волокли его по Боричеву путищу, и съ того времени, будто бы, вершина этого путища называлась въ народѣ *Чортовымъ путищемъ* или *Чортовымъ беремищемъ* [1]).

На перевозѣ, или же *на бродѣ* бывали вражескія стычки, а вмѣстѣ съ тѣмъ — естественно возникали города. Въ извѣстной лѣтописной сагѣ о Переяславскомъ Кожемякѣ, читаемъ: «Володимеръ же поиде противу имъ (то-есть, противъ Печенѣговъ), и срѣте ѝ на Трубежи *на бродѣ*, гдѣ нынѣ Переяславль». У южныхъ Славянъ, напримѣръ у Сербовъ, *бродъ* имѣетъ значеніе не только нынѣшнее, но и лодки, *бродарина* — плата за перевозъ, въ хорутанскомъ *бродаръ* — перевозчикъ.

---

[1]) Сементовскій, Кіевъ, стр. 20, 22.

Жить *на бродѣ* имѣло въ древнемъ быту свое значеніе, и очень вѣроятно, что отъ слова *бродъ* образовалось названіе живущихъ на такомъ урочищѣ — *бродниками*. Это названіе потомъ стало приниматься за собственное имя, но нарицательный его смыслъ явствуетъ изъ того, что мы встрѣчаемъ Бродниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ древней Руси [1]). Бродниковъ знаютъ и древне-сербскіе источники [2]). Наконецъ, какъ замѣчено выше, Тверская лѣтопись, и именно въ одномъ изъ сказочныхъ эпизодовъ, даетъ въ воеводы Бродникамъ нѣкоего *Плоскиню*, въ имени котораго уже замѣчено соотвѣтствіе эпическому Низкинѣ или Малъ-дѣду.

Другою формою для названія жителей на броду или *съ броду* могло быть былинное *Збродовичи*, *братья Збродовичи*, съ отческимъ окончаніемъ — *ичъ*.

Мѣстныя народныя сказанія о древней Ольгѣ, вошедшія въ ея житіе и въ позднѣйшія лѣтописи, называютъ ее *Прекрасою*, дѣвицей изъ крестьянскаго званія. Будто бы она была перевозчицею на рѣкѣ Великой, и князь Игорь будто бы впервые узналъ ее, когда она перевозила его въ лодкѣ на ту сторону рѣки, гдѣ онъ думалъ найдти *ловъ желанный*. По мѣстному Псковскому разсказу [3]), будто бы на волокитство князя она отвѣчаетъ тѣми же самыми словами, какъ и Муромская княгиня Февронія, когда одинъ изъ мужчинъ въ лодкѣ дѣлаетъ ей нескромное предложеніе. Этою подробностью Псковское сказаніе роднится съ Муромскимъ, столько важнымъ для исторіи нашего былиннаго эпоса. По другимъ варіантамъ, теперь утраченнымъ, не была ли и Февронія перевозчицей? Или же Псковское сказаніе объ Ольгѣ отразилось этою чертою на сказаніи Муромскомъ?

Въ мѣстномъ сказаніи объ Ольгѣ есть одна подробность, которою оно сближаетъ лѣтописную сагу съ былиною. Г. Якуш-

---

[1]) См. Карамзина, И. Г. Р. II, пр. 302; III, пр. 168.

[2]) Даничича, Рѣчникъ, стр. 79.

[3]) Якушкина, Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній, стр. 156.

кину около Пскова, между прочимъ, объ Ольгѣ-перевощицѣ разсказывали: «да и много она князей перевела: котораго загубитъ, котораго *посадитъ въ такое мѣсто*» и проч. Припомните, съ одной стороны, лѣтописное повѣствованіе о томъ, какъ Ольга велѣла бросить въ глубокую яму Древлянскихъ пословъ, а съ другой стороны — былинный эпизодъ о той прелестницѣ, изъ погребовъ которой Илья Муромецъ освободилъ нѣсколько десятковъ князей и князевичей, обольщенныхъ этою женщиною.

По свидѣтельству лѣтописи, Ольга оставила по себѣ память по всей землѣ во множествѣ урочищъ. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ Псковскія [1]). Тамъ, въ 12-ти верстахъ отъ Пскова, погостъ *Лыбуты* (напоминающій миѳическую и эпическую Лыбедь), родина Ольги, иначе весь Выбутская или село Выбутино, гдѣ будто бы хранились и сани Ольгины. Нѣсколько ниже Лыбутъ, на рѣкѣ Великой, есть островъ, раздѣляющій ее на два рукава. Одинъ изъ нихъ мелкій, съ каменистымъ дномъ, донынѣ называется *Ольгиными слудами*, о чемъ упомянуто уже выше; другой рукавъ, болѣе глубокій, называется *Ольгиными воротами*, вѣроятно, въ связи съ преданіемъ о перевозѣ Ольгиномъ. Около Пскова, въ окрестностяхъ Снѣтогорскаго монастыря, къ устью рѣки Великой есть двѣ деревни: *Перино* (слич. Новгородское *Перынь* или *Перюнь*), иначе *Ольгинъ городокъ*, и Житникъ, иначе *Ольгинъ дворецъ*. Объ Ольгиной горѣ уже сказано прежде.

Нужно ли прибавлять, что былинные эпизоды о Перевощицѣ — дочери Соловья-Разбойника, и о рѣкѣ Смородинѣ — душѣ Красной Дѣвицѣ, относятся къ тому же общему эпическому циклу преданій лѣтописныхъ и мѣстныхъ, которыя разсмотрѣны мною въ этой главѣ?

V.

Теперь о *Соловьѣ-Разбойникѣ*. Онъ залегъ дорогу на пути изъ Мурома въ Кіеву. Живетъ къ гнѣздѣ на дубахъ, на трехъ,

[1]) Гр. М. Толстаго, Святыни и древности Пскова, стр. 76, 78.

семи или девяти. Около имѣетъ дворъ, палаты или помѣстье, гдѣ живетъ его семья, жена съ дѣтьми. По г. Миллеру, это туча съ вѣтромъ и дождемъ, которая заслонила Красно Солнышко (князя Владиміра). Множество сравнительныхъ данныхъ, приведенныхъ по этому поводу авторомъ, не оставляютъ сомнѣнія, что въ образѣ Соловья-Разбойника нашъ эпосъ удержалъ въ себѣ нѣкоторые слѣды какого-то миѳа, общаго многимъ народамъ, и что, въ своей основѣ, миѳъ этотъ могъ выражать извѣстное воззрѣніе на природу. Но какъ онъ былъ пріуроченъ къ русской мѣстности и къ русскому быту — вотъ вопросъ, рѣшенію котораго почтенный профессоръ, какъ кажется, не приписываетъ особенной важности. Между тѣмъ, преданіе о Соловьѣ-Разбойникѣ составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ эпизодовъ русскаго эпоса объ Ильѣ Муромцѣ, и если въ этомъ богатырѣ народъ возсоздалъ свой бытовой, историческій типъ, то весьма естественно допустить, что и въ чудовищѣ, имъ пораженномъ, миѳъ тучи съ дождемъ осложнился какими-нибудь бытовыми чертами, и что этотъ *бытовой слой* очень рано налегъ на стихійный миѳъ, точно также, какъ самъ Муромецъ съ незапамятныхъ временъ пересталъ быть Перуномъ. Самъ авторъ, съ свойственнымъ ему тактомъ критическаго анализа, усматриваетъ въ Соловьѣ и его семействѣ *звѣринскіе обычаи* менѣе развитаго быта (стр. 264). Это жители лѣсовъ или какъ-бы стародавніе *Древляне* или *Вятичи*, въ противоположность Муромцу, который у себя на родинѣ расчищалъ лѣсъ для пахотной земли, какъ древній *Огнищанинъ*, поселившійся на расчищенной изъ-подъ палу землѣ, на дору или *на огнищѣ*. Сами былины заслоняютъ уже стихійный миѳъ чертами индивидуальными, на что указываютъ характеристическія имена *Соловей* и *Разбойникъ*.

Въ видахъ пріуроченія этого миѳа къ русской народности приведу нѣсколько мѣстныхъ и лѣтописныхъ данныхъ въ дополненіе къ рѣшенію вопроса о *слоевомъ* составѣ народнаго русскаго эпоса.

1) Соловей гнѣздится на деревьяхъ. Въ этомъ онъ сходится

съ другими вѣщими личностями нашихъ лѣтописныхъ сказаній. Въ упомянутой выше Славяно-русской хроникѣ, на основаніи литовскихъ источниковъ, о поганскомъ бискупѣ, то-есть, жрецѣ Лыздейкѣ сказано: «той Лыздейко за живота Витени, отца Гедиминова, былъ знайденъ *въ гнѣздѣ орловомъ* въ пущѣ, не при гостинцу, и самъ его Витеня знайшолъ». Этотъ жрецъ былъ чародѣй и человѣкъ вѣщій. Въ гнѣздо онъ попалъ еще ребенкомъ, будто бы неизвѣстно какъ и когда.

2) Связь *гнѣзда* съ жилищемъ вообще, въ эпоху созданія эпическихъ сказаній, явствуетъ, напримѣръ, въ преданіи объ основаніи города *Гнѣзно* [1]).

3) Что съ *Соловьемъ* русскій эпосъ соединялъ понятіе о существѣ вѣщемъ, явствуетъ, во-первыхъ, изъ того, что въ Словѣ о полку Игоревѣ *вѣщій* Боянъ именуется «соловьемъ стараго времени», и во-вторыхъ, изъ того, что по Якимовской лѣтописи, когда Добрыня крестилъ язычниковъ въ Новѣгородѣ, «высшій же надъ жрецы Славянъ *Богомилъ*, сладкорѣчія ради нареченъ *Соловей*, вельми претя люду покоритеся» и т. д. [2]). Такимъ образомъ жрецу Лыздейкѣ, сидящему на деревѣ въ гнѣздѣ, соотвѣтствуетъ жрецъ Соловей, то-есть, вообще Соловей *вѣщій*.

4) Раннее лѣтописное сказаніе о вѣщемъ Соловьѣ составляло часть преданія, въ которомъ играли роль дѣйствующія лица съ птичьими именами. Та же Якимовская лѣтопись повѣствуетъ, что однимъ изъ главныхъ противниковъ жреца Соловья былъ нѣкто *Воробей*: «Воробей же посадникъ, сынъ Стояновъ, иже при Владимірѣ воспитанъ, и бѣ вельми сладкорѣчивъ, сей иде на торжище, и паче всѣхъ увѣща». Такимъ образомъ препирались въ своемъ сладкорѣчіи о вѣрѣ языческой и христіанской жрецъ Соловей и посадникъ Воробей. Это будто бы относится къ тому времени, когда, по древней пословицѣ: «Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ». Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Татищевъ говоритъ: «Въ пѣсняхъ старинныхъ о увеселеніяхъ Владиміра

---

1) См. въ моихъ Очеркахъ, I, 369.
2) Татищевъ, I, 39.

тако поютъ: «Противъ двора Путятина, противъ терема Забытина, стараго *Путяты* темный лѣсъ». Отсюда былинная Запава *Путятишна*.

5) Соотвѣтственно лѣтописной сказкѣ съ птичьими именами, въ одномъ полукнижномъ сказаніи, которымъ г. Миллеръ не воспользовался, какъ бы слѣдовало (стр. 277), нашъ былинный *Соловей* называется Мордвиномъ, и вмѣстѣ съ нимъ являются еще двое изъ Мордвы — силачъ, то-есть, богатырь *Скворецъ* и чародѣй *Дятелъ*. Эта сказка пріурочена къ мѣстности Нижегородской. По мѣстному разсказу, Скворецъ замѣняется *Соколомъ*. Какъ въ Кіевѣ названы были горы отъ Щека и Хорива, такъ и Нижегородскія горы *Соколъ* и *Дятлова гора* состоятъ въ связи съ приведенною здѣсь сказкою. Мордовская или вообще финская порода Соловья, по этой сказкѣ, соотвѣтствуетъ тѣмъ звѣринскимъ обычаямъ, которые усматриваетъ въ немъ г. Миллеръ. Впрочемъ, лѣтописное сказаніе Якима и другія соображенія позволяютъ предполагать, что происхожденіе этой эпической личности могло быть и славянское.

6) Соловей называется въ былинахъ *Разбойникомъ* [1]). Мы уже видѣли, что ко временамъ князя Владиміра лѣтописная сказка относитъ нѣкоего вѣщаго Соловья. По другой лѣтописной сказкѣ, къ князю Владиміру приводятъ какого-то вѣщаго разбойника, котораго надобно было изловить хитростью [2]). Имя ему *Могутъ*, древняя форма, соотвѣтствующая миѳической *Словутъ*, откуда въ Словѣ о полку Игоревѣ *Словутичъ*. Поставленный передъ княземъ Владиміромъ, онъ, какъ былинный Соловей, *вскрича зѣло*, и потомъ, какъ человѣкъ вѣщій, *провидѣвъ свою смерть*.

7) Каково бы ни было первоначальное значеніе Соловья-Разбойника, но въ общемъ объемѣ русскаго эпоса, по его про-

---

[1]) О разбойникѣ Соловьѣ въ западныхъ сказаніяхъ см. мои Очерки, I, 396—397.

[2]) Выдержку изъ лѣтописи см. у Бестужева-Рюмина, О составѣ русскихъ лѣтописей, прилож. стр. 34.

явленіямъ въ лѣтописныхъ сказкахъ, мѣстныхъ преданіяхъ и былинахъ, это личность ужь опредѣленная, это не миѳъ, одѣтый тонкою пеленою внѣшней формы, а *мужикъ*, котораго можно въ торокахъ везти, но это же и птица, которая и свиститъ и шипитъ, какъ змій. Какъ обыкновенный человѣкъ, онъ имѣетъ семью (хотя частію и миѳическую) въ палатахъ или теремахъ на широкомъ дворѣ, и какъ странное существо, самъ живетъ постоянно на деревьяхъ. Это дивовище, это, выражаясь фразою Слова о полку Игоревѣ — какъ-бы — «*дивъ* кличеть врьху древа, велить послушати земли не знаеми». Но кромѣ того, не отразился ли въ типѣ Соловья-Разбойника какой-нибудь болѣе существенный слѣдъ древне-русскаго быта? Это *древолазеніе* Соловья по вершинамъ деревьевъ, когда около имѣетъ онъ терема съ семьею, праздная ли игра фантазіи, наэлектризованной какимъ-то миѳомъ о тучѣ, или же въ этомъ *древолазцѣ* наши предки въ полусумракѣ своихъ темныхъ лѣсовъ могли видѣть образы и явленія, съ которыми испоконъ вѣку роднились они въ своемъ обычномъ быту?

Посмотримъ.

Намъ особенно дороги мѣстныя сказанія Муромскія. Они составляютъ часть того цѣлаго, къ которому принадлежатъ многіе изъ эпизодовъ объ Ильѣ Муромцѣ. Въ легендѣ о Петрѣ и Февроніи между многими подробностями, столько важными для исторіи быта и поэзіи, есть одна, которая, можетъ-быть, относится къ рѣшенію предложеннаго мною вопроса. Февронія, когда еще была крестьянскою дѣвицею, между другими загадочными словами, сказала княжему отроку: «есть бо у мене и братъ, но той иде чрезъ нозѣ въ нави зрѣти» (то-есть, въ могилу, въ царство мертвыхъ); и послѣ объяснила эту загадку такъ: «Отецъ же мой и братъ *древолазцы* суть, въ лѣсѣхъ бо отъ древія медъ емлютъ, и нынѣ иде (то-есть, братъ Февроніи) на таковое дѣло, яко *лѣзти ему на древо* въ высоту, чрезъ ногу долу зрѣти, еже бы не отторгнутися и не лишитися живота своего». Важное значеніе *бортнаго* промысла на Руси, съ древнѣйшихъ временъ, за-

свидѣтельствовано и арабскими писателями [1]), и нашими лѣтописями, и другими источниками. *Скора*, *медъ* и *воскъ* — главныя статьи вывозной съ Руси торговли. Бортный промыслъ ограждается въ Русской Правдѣ особою на этотъ предметъ статьею. Въ эпоху языческую въ предѣлахъ древней Руси воздавалось *борти* или *древесной дуплинѣ* миѳическое чествованіе, и бортникъ или древолазецъ, когда умиралъ, былъ погребаемъ съ своими *древолазными снастями*, какъ воинъ погребался съ копьемъ и мечемъ. Эти факты могутъ быть извлечены изъ общеизвѣстнаго мѣста о древне-Муромскихъ обрядахъ, въ житіи Муромскаго князя Константина: «дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и симъ покланяющеся .... и по мертвыхъ ременныя плетенія и древолазная съ ними въ землю погребающе». Какъ важное учрежденіе въ древнемъ быту, бортничество было возведено до миѳической апотеозы, точно такъ же какъ земледѣльческій бытъ создалъ эпическіе типы Премысла, Микулы Селяниновича, или какъ древнее скорнячное дѣло оставило по себѣ память въ эпическомъ Кожемякѣ. Въ хронографной исторіи о началѣ Русской земли приводится лѣтописная сказка: «Тогда княжиша два брата, единому имя Діюлесъ (вар. Діюлелъ), а другому Дидалакхъ (вар. Дадалакхъ, Валадакхъ), невѣгласи же боги ихъ нарицаху за то, иже *пчелы имъ налѣзше и борти верхъ древія* устроиша» [2]). По Каменевичу-Рвовскому, эти обоготворенные князья назывались *Діюлелъ* и *Дидиладъ* [3]). Оставляя въ сторонѣ наивное ученіе древняго грамотника о миѳическомъ обоготвореніи историческихъ личностей, обращаю вниманіе вообще на какія-то миѳическія личности, чествуемыя по этой сказкѣ, какъ покровители бортничества, въ послѣдствіи отожествленныя съ Зосимою и Савватіемъ Соловецкими.

Итакъ, если въ миѳическомъ образѣ Соловья-Разбойника позволительно будетъ усмотрѣть нѣкоторыя черты историческаго

---

[1]) Хвольсона, Извѣстія Ибнъ-Даста. 1869 г., стр. 21, 28—9, 79.

[2]) Попова, Изборникъ, стр. 446.

[3]) Карамзинъ, И. Г. Р., I, прим. 70.

быта, то удобнѣе всего онѣ могутъ быть объяснены воззрѣніями и привычками бортниковъ, которые именно и населяли тѣ лѣса, по коимъ Муромскому богатырю приходилось ѣхать изъ своей родины къ стольному князю Кіевскому. И мнѣ кажется болѣе смѣлою догадка г. Миллера о тучѣ съ дождемъ, принявшей видъ Соловья-Разбойника, нежели моя, по которой въ образѣ этого дивовища наслоился цѣлый рядъ преданій и повѣрій, сложившихъ въ одно цѣлое вѣщаго жреца Соловья (или Лыздейку) съ какимъ-нибудь Дидиладомъ, божествомъ бортниковъ-древолазовъ. Я не отвергаю миѳа съ стихійнымъ значеніемъ, но указываю на возможность другихъ, эпическихъ бытовыхъ слоевъ, которые уже въ древнѣйшую эпоху должны были заслонить собою этотъ первобытный миѳъ.

VI.

Въ послѣдней главѣ своей книги г. Миллеръ совершенно справедливо развиваетъ ту мысль, что Русь *Суздальская* оказала самое замѣтное вліяніе на историческое наслоеніе русскаго эпоса. Географія нашего эпоса, сосредоточенная къ Кіеву, могла опредѣлиться раньше, но съ перенесеніемъ центровъ русской жизни изъ южной Руси въ сѣверо-восточную, въ самомъ эпосѣ долженъ былъ совершиться новый процессъ въ переработкѣ старыхъ типовъ и сказаній на новый ладъ. Имена и событія Кіевской Руси могли быть перенесены на личности и событія Руси Суздальской, и наоборотъ, факты исторіи сѣверо-восточной Руси могли быть смѣшаны съ ранними фактами южной Руси. Что касается до эпическаго цикла Новгородскаго, то онъ потому сохранился болѣе историческимъ, болѣе цѣльнымъ, что онъ оставался на своей мѣстной почвѣ и не подвергся новой переработкѣ, какъ эпосъ Кіевскій, который долженъ былъ слиться въ одно цѣлое съ сказаніями Суздальскими. Образъ Ильи Муромца — замѣчаетъ авторъ — до того пріуроченъ «даже къ опредѣленной точкѣ въ области Муромской, селу Карачарову, что до сихъ поръ въ немъ

не только указываются часовни на скочкахъ коня Ильи, но даже существуютъ крестьяне *Ильюшины*, считающіе себя прямыми потомками славнаго богатыря» (стр. 810). Мы уже видѣли между урочищами Мурома Богатыреву гору и Скокову гору.

Сказки позднѣйшихъ лѣтописей представляютъ также смѣшеніе преданій Кіевскихъ съ Суздальскими. Былинный князь Владиміръ объясняется Владиміромъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сказокъ, который переноситъ свою столицу изъ Кіева въ городъ Владиміръ, и уже въ этой новой столицѣ совѣщается съ своею дружиной о принятіи христіанской вѣры. Въ упомянутой выше Славяно-русской хроникѣ читаемъ: «Потомъ Владиміръ збудовалъ замокъ и мѣсто великое и назвалъ его Володимеромъ, межи Волгою и Окою рѣками, въ краю вельми хорошемъ, 36 миль за Москвою, на всходъ солнца, и тамъ былъ столицу свою принеслъ съ Кіева, которая трвала отъ Владиміра ажь до Ивана Даниловича, Бѣлорусскаго княжати, а той потымъ зъ Володиміра до Москвы столицу перенеслъ». И далѣе: «По отшествіи святаго Кирилла философа созва къ себѣ Владиміръ боляръ своихъ и совѣтниковъ во градъ Владиміръ надъ Клязмою рѣкою лежащь.... и предложи Владиміръ бояромъ своимъ слово о различныхъ послахъ вѣры свои хвалити къ нему присланныхъ» и т. д.

Какъ самъ князь Владиміръ изъ Кіева переводится въ городъ Владиміръ, такъ и богатыри его, по лѣтописнымъ сказкамъ, то относятся къ его времени и къ Кіеву, то пріурочиваются къ позднѣйшимъ событіямъ Руси сѣверо-восточной. Напримѣръ, между богатырями князя Владиміра вмѣстѣ съ Яномъ Усмошвецемъ упоминается *Александръ Поповичъ* (по былинамъ *Алеша*), который такимъ образомъ будто-бы присутствовалъ при знаменитомъ пораженіи Печенѣжскаго великана Переяславскимъ юношею [1]). И потомъ, тотъ же Александръ Поповичъ принимаетъ участіе въ событіяхъ начала XIII столѣтія, въ битвахъ Липецкой и при Калкѣ. Замѣчательно, что какъ по былинамъ Алеша

---

[1]) Бестужева-Рюмина, О составѣ русскихъ лѣтописей, приложен. стр. 31—33.

Поповичъ изъ Ростова, сынъ Ростовскаго соборнаго попа, такъ и по лѣтописной сказкѣ, Александръ Поповичъ состоитъ въ ополченіи Ростовскаго князя Константина противъ Суздальскаго. «Съ Костянтиномъ было два богатыря — говоритъ лѣтописная сказка — Добрыня Златопоясъ да Александръ Поповичъ, съ слугою своимъ Торопкомъ» [1]). Въ эпитетѣ Добрыни *Златой Поясъ* — опять смѣшиваются раннія Кіевскія преданія съ позднѣйшими Суздальскими, и Поповичъ съ Добрынею, потому что первообразомъ *Золотаго Пояса* была, вѣроятно, та *златая гривна*, которую за богатырскіе подвиги князь Владиміръ возложилъ на Александра Поповича. По нѣкоторымъ варіантамъ былиннымъ, Добрыня — изъ Рязани; по лѣтописнымъ сказкамъ, онъ также — *Рязаничъ*. По Никоновской лѣтописи, на Липецкой битвѣ съ Константиномъ Всеволодовичемъ были Александръ Поповичъ, слуга его Торопъ, Добрыня Рязаничъ Златый Поясъ и Нефедій Дикунъ (слич. былиннаго Дюка), и приводится нѣсколько подробностей о подвигахъ Поповича [2]).

Далѣе, какъ по былинамъ князь Владиміръ и его богатыри ведутъ войну съ Татарами, такъ и по лѣтописнымъ сказкамъ богатыри погибаютъ въ битвѣ при Калкѣ. По 4-й Новгородской лѣтописи: «убиша Александра Поповича и съ нимъ богатырь 70». По Никоновской лѣтописи, «въ лѣто 6733.... воинственныхъ людей толико бысть побіено, яко ни десятый отъ нихъ возможе избѣжати, и Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго Пояса, и семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей всѣ побіени быша» [3]).

Наконецъ, по сказкѣ Тверской лѣтописи [4]), битва при Калкѣ составляетъ одно цѣлое съ битвою Липецкою, въ особомъ эпическомъ сказаніи, героемъ котораго является Александръ Попо-

---

[1]) Прилож. ко 2-му выпуску пѣсенъ Кирѣевскаго, стр. XVII—XIX.

[2]) Карамзинъ, И. Г. Р., III, прим. 168.

[3]) По изданію Археогр. ком., ст. 335—342.

[4]) Тамъ же, прим. 303. См. вышеупомянутое приложеніе къ пѣснямъ Кирѣевскаго.

вичъ. Лѣтописецъ заимствовалъ это сказаніе изъ какого-то источника (*описанія налъзше*). Оно начинается такъ: «Бѣ нѣкто отъ Ростовскихъ житель Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бѣ у него именемъ Торопъ» и т. д. Липецкая битва запечатлѣна урочищами, свидѣтельствующими о богатырскихъ подвигахъ, и особенно стычки на рѣкахъ Ишнѣ и Усіи: «Александръ же выходя многи люди великаго князя Юрія избиваше, *ихже костей накладены могилы велики и донынѣ* на рѣцѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну рѣки Усіи». Съ Поповичемъ въ Липецкой битвѣ Тверская лѣтопись называетъ не Добрыню, а *Тимоню Златой Поясъ*. По смерти князя Константина, опасаясь мщенія князя Георгія, особенно за убіеніе его «безумнаго боярина *Ратибора*», Александръ Поповичъ удалился въ городокъ или крѣпость, куда и созвалъ свою богатырскую дружину, которая должна была служить «матери градомъ *Кіеву*»; это и суть тѣ 70 богатырей, которые потомъ погибли при Калкѣ. «Вскорѣ смысливъ», — говоритъ лѣтописная сказка о своемъ героѣ, — «посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и сзываетъ ихъ къ собѣ въ городъ, обрытъ подъ Гремячимъ Колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и *нынѣ той сопъ* (ссыпанный валъ, курганъ) стоитъ пустъ. Ту бо собравшимся совѣтъ сотвориша, аще служити начнутъ княземъ по разнымъ княженьямъ, то и не хотя имутъ перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ».

Драгоцѣнное мѣсто для исторіи нашего былиннаго эпоса! Хотя Владиміровы богатыри переводятся въ XIII вѣкъ, на Гремячій Колодязь, какъ въ позднѣйшихъ былинахъ Илья Муромецъ съ товарищи становятся донскими казаками, но все же, согласно съ основною идеею былиннаго эпоса, богатыри въ своей думѣ порѣшили не дробить свои силы по разнымъ княженіямъ, чтобы не перебить другъ друга, и положили служить Кіеву, точно такъ же, какъ тянутъ къ этому стольному городу всѣ былинные богатыри князя Владиміра. Въ этой думѣ лѣтописной сказки доно-

сятся къ намъ голоса нашихъ былинныхъ пѣвцовъ, когда еще въ ихъ свѣжемъ творчествѣ не изсякла та эпическая струя, которая слила въ одно эпическое цѣлое преданія и сказанія Суздальскія съ Кіевскими.

Со временемъ ученые, вѣроятно, съ большею точностью опредѣлятъ элементы этого сліянія и самый процессъ его, но и теперь можно до нѣкоторой степени догадываться, какъ совершилось это дѣло.

Въ глубинѣ эпическаго преданія, безъ сомнѣнія, стоитъ миѳъ; но какъ лѣтописныя сказки, такъ и точное свидѣтельство Слова о полку Игоревѣ, говорятъ намъ ясно, что эпическія личности состоятъ уже во *внучатномъ* отношеніи къ миѳическимъ существамъ. Богатыри только наслѣдуютъ часть своей силы отъ своихъ божественныхъ предковъ. Въ богатырскихъ типахъ не возводятся до апотеозы историческія личности (какъ учила старинная теорія), а исторія и бытъ народный поэтизируются, съ точки зрѣнія эпической, то-есть, озаряются ореоломъ миѳическихъ вѣрованій. Какъ Илья Муромецъ, по былинамъ, подстрѣлилъ дивовище Соловья-Разбойника, такъ и Всеславъ Полоцкій, по Слову о полку Игоревѣ, — хотя и лицо историческое, — «людямъ судяше, княземъ грады рядяше», но вмѣстѣ съ тѣмъ, «а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше». Не историческія лица изъ Суздальцевъ были возведены въ почетный ликъ Владиміровыхъ богатырей, но событія позднѣйшей исторіи были опоэтизированы сближеніемъ ихъ съ богатырствомъ стародавнимъ. Но такъ какъ въ памяти народа эта эпическая старина утратила свои прежнія краски, историческія и мѣстныя, то естественно — и была подновлена тѣми подробностями, которыя находили кругомъ себя пѣвцы позднѣйшіе. Потому-то въ составъ русскаго народнаго эпоса должны были войдти, какъ его элементы, мѣстныя сказанія и мѣстныя былины, которыя слились въ одно цѣлое, точно такъ же, какъ Муромецъ Илья, Рязанецъ Добрыня, Ростовецъ Поповичъ изъ своихъ родныхъ гнѣздъ собрались въ Кіевъ, къ князю Владиміру.

Повторяю, мысль г. Миллера о важномъ значеніи Суздальскаго періода въ судьбѣ нашего эпоса заслуживаетъ особеннаго вниманія. Она вполнѣ оправдывается, какъ былинами, такъ и мѣстными преданіями и позднѣйшими лѣтописными сказками, и еще болѣе увѣряетъ насъ въ той истинѣ, что всѣ эти источники, только по частямъ, возсоздаютъ передъ нами то цѣлое, которое мы называемъ русскимъ народнымъ эпосомъ.

Этими немногими замѣчаніями я ограничиваю свои дополненія къ изслѣдованію русскаго эпоса г. Миллеромъ. Въ сущности, замѣчанія мои, какъ читатели уже видѣли, не противорѣчатъ взглядамъ почтеннаго профессора, а только выясняютъ то, что̀ иной разъ приходится понимать у него между строками. Надобно было сильнѣе прикрѣпить русскій эпосъ къ родной старинѣ и къ его родной землѣ.

1871 г.

ПѢСНЯ О РОЛАНДѢ.

«La Chanson de Roland», произведеніе поэта XI—XII вѣка, по имени Theroulde или Turold, имѣетъ предметомъ несчастный походъ Карла-Великаго противъ сарацынъ, въ которомъ, вслѣдствіе предательства въ пиринейскомъ ущельи Roncisvallis, Roncevaux (Runzival), погибли Роландъ, Оливье, архіепископъ Турпинъ и другіе полководцы Карломановы. По эпическимъ сказаніямъ, это предательство было сдѣлано Ганелономъ, однимъ изъ бароновъ Карла-Великаго; по историческимъ свидѣтельствамъ — оно было дѣломъ гасконцевъ вообще, засѣвшихъ въ лѣсистыхъ вершинахъ Пиринеевъ.

Прежде нежели приступимъ къ содержанію пѣсни, надобно взглянуть на историческія свидѣтельства о воспѣваемомъ событіи.

Эйнгардъ или Эгингардъ въ своемъ жизнеописаніи Карла-Великаго объ этомъ событіи говоритъ слѣдующее:

«Карлъ отправился въ походъ противъ Испаніи со всѣми силами, какія могъ собрать, прошелъ ущелья пиринейскія, подчинялъ себѣ всѣ города и земли, къ которымъ подступалъ, и уже возвращался-было безъ всякой потери для войска, еслибы не пострадалъ *нѣсколько* отъ вѣроломныхъ гасконцевъ[1]) на вершинахъ Пиринеевъ. Потому что въ то время, какъ французская армія, стѣсненная въ узкомъ ущельѣ, принуждена была самою мѣстностью слѣдовать длинною, сжатою колонною — гасконцы,

---

[1]) Басковъ.

засѣвшіе на вершинѣ горы (чему способствовалъ густой и огромный лѣсъ), бросились съ горы и напали на багажный обозъ и на арріергардъ, назначенный для защиты слѣдовавшихъ впереди, и ниспровергли весь этотъ арріергардъ въ глубину долины. Произошла отчаянная битва, въ которой всѣ до одного погибли въ арріергардѣ. Гасконцы, ограбивъ багажъ, быстро разсѣялись, воспользовавшись наступившею ночью. Всѣмъ успѣхомъ своимъ они были обязаны своему легкому вооруженію и выгодной для себя мѣстности; напротивъ того, французы, тяжело вооруженные и не благопріятствуемые позиціею, дрались безуспѣшно. Въ этой битвѣ погибли Eggihardus, королевскій стольникъ (regiae mensae prepositus), Anselmus comes palatii (палатинскій графъ, comte de palais) и Hruodlandus brittannici limitis praefectus, со многими другими (то-есть Роландъ, иначе Rotolandus, начальникъ британской марки или бретанскій маркграфъ»[1]). «Тотчасъ же нельзя было отомстить за это дѣло — заключаетъ Эйнгардъ — потому что враги немедленно скрылись, не оставивъ по себѣ и слѣдовъ, по которымъ можно бы было ихъ отыскать»[2]).

Съ этимъ извѣстіемъ согласуется свидѣтельство *лѣтописей* подъ 778 годомъ, къ которому отнесено ронсевальское побоище, и сверхъ того упомянуто, что Карлъ, вступивъ въ Испанію, взялъ Пампелуну и даже подступилъ къ столичному городу Саррагоссѣ, взялъ себѣ заложниковъ отъ сарацынскихъ начальниковъ, и черезъ Пампелуну возвращался уже восвояси, какъ воспослѣдовало упомянутое бѣдственное побоище. «Это событіе — заключаютъ лѣтописи — омрачило въ сердцѣ Карла всю радость отъ успѣха, которымъ онъ воспользовался въ своемъ походѣ въ Испанію». Что касается до предводителя гасконцевъ, разбившихъ французскій арріергардъ въ Пиринеяхъ, то это былъ герцогъ аквитанскій, по имени Lupus. «По истинѣ, *волкъ* и на

---

[1]) Въ древнѣйшей редакціи Эйнгарда нѣтъ словъ: Hruodlandus brittannici limitis praefectus: почему полагаютъ, что они вошли уже послѣ изъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ.

[2]) Vita Caroli Magni, гл. 9.

дѣлѣ, какъ по имени», сказано въ одномъ актѣ Карла Лысаго. Этотъ герцогъ былъ схваченъ потомъ и повѣшенъ.

Побоище ронсевальское, вѣроятно, было довольно значительно, и оставило по себѣ сильное впечатлѣніе, потому что уже вскорѣ послѣ этого событія — астрономъ, біографъ Лудовика-Благочестиваго, говоря объ этомъ событіи, присовокупляетъ: «Я не считаю нужнымъ называть здѣсь мучениковъ по именамъ, потому что ихъ всѣ знаютъ».

Приступая къ обозрѣнію содержанія знаменитой пѣсни о Роландѣ, надобно упомянуть, что содержаніе ея пользовалось громадною популярностью не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ. Историки англійскіе свидѣтельствуютъ, что какія-то пѣсни о Роландѣ и Ронсевалѣ пѣлись въ 1066 г., въ день гастингской битвы, нормандскими воинами, чтобы тѣмъ возбуждать въ себѣ воинскую бодрость. При этомъ даже упоминаютъ пѣвца, который пѣлъ эти пѣсни — именно *Taillefer*, который въ то же время, сидя на конѣ, исполнялъ копьемъ и мечомъ разныя ловкія штуки, приводившія англичанъ въ удивленіе и страхъ. Во второй половинѣ XII вѣка, священникъ Конрадъ перевелъ пѣсню о Роландѣ на нѣмецкій языкъ, для герцогини брауншвейгской Матильды Плантагенетъ, дочери англійскаго короля Генриха II, которая, безъ сомнѣнія, еще при дворѣ своего отца, привыкла чтить память ронсевальскаго побоища, слушая французскія о немъ пѣсни. Что касается до Италіи, то стихотворенія или разсказы о Рончисвалле (какъ говорятъ итальянцы), заимствованные изъ «Reali di Francia», именно изъ эпизода la Spagna, доселѣ повѣствуются простонародной толпѣ странствующими разсказщиками. Впрочемъ, въ народныхъ книгахъ о Ронсевалѣ особенно были распространены передѣлки ложнаго Турпина, о чемъ будетъ сказано послѣ.

«Король Карлъ, нашъ великій императоръ, цѣлыя семь лѣтъ оставался въ Испаніи», такъ начинается пѣсня о Роландѣ[1]). «Онъ

---

[1]) La Chanson de Roland, poëme de Theroulde, par Génin 1850.

завоевалъ эту благородную страну до самаго моря. Не устоялъ передъ нимъ ни одинъ зàмокъ, ни одинъ городъ; удержалась только Саррагосса, которая стоитъ на горѣ. Ею владѣетъ король Марсиллъ, который не любитъ Бога, но служитъ Магомету и молится Аполлону: не спасется онъ этимъ отъ бѣды».

Король Марсиллъ въ Саррагоссѣ. Онъ въ саду прилегъ на мраморной террасѣ, кругомъ его больше 20,000 воиновъ. Онъ совѣщается съ своими перами, которыхъ числомъ тоже двѣнадцать, какъ и у Карла. Онъ не знаетъ, какъ избавиться отъ страшнаго завоевателя. Бланкандринъ даетъ королю совѣтъ послать къ Карлу посольство съ извѣщеніемъ о богатыхъ дарахъ ему отъ сарацынскаго короля, который и самъ явится къ нему въ Ахенъ къ михайлову дню для принятія христіанской вѣры: только бы французы очистили Испанію и ушли восвояси; а для увѣренія — дать Карлу заложниковъ. Бланкандринъ готовъ отдать своего собственнаго сына. Пусть потомъ заложники потеряютъ свои головы: только чтобъ мы не потеряли своей *свѣтлой Испаніи прекрасной* (clere Espaigne la bele), присовокупилъ этотъ королевскій совѣтникъ. Марсиллъ принимаетъ совѣтъ и посылаетъ къ Карлу пословъ.

Между тѣмъ, Карлъ, разрушивъ Кордову, взялъ богатую добычу. Язычники, жившіе въ ней[1]), всѣ истреблены или приведены въ крещеную вѣру.

Карлъ тоже въ саду, съ Роландомъ, Оливье и другими перами; кругомъ многочисленное войско *милой* Франціи (de dulce France, то-есть de douce). Воины забавляются: кто играетъ въ кости, кто упражняется воинскими потѣхами. Подъ сосною, въ тѣни кустарника, на золотомъ сѣдалищѣ, сидитъ самъ Карлъ, который владѣетъ милою Франціею. Борода у него совсѣмъ бѣлая. Все дышетъ въ немъ благородствомъ и величіемъ. «Кто его ищетъ, найдетъ не спрашивая».

Приходятъ, съ оливковыми вѣтвями въ рукахъ, сарацынскіе

---

1) Paien — такъ называются мусульмане.

послы; во главѣ ихъ Бланкандринъ дѣлаетъ Карлу лестныя предложенія отъ имени Марсилла. «Да благословитъ васъ Господь въ славѣ своей, которому подобаетъ и намъ всѣмъ поклоняться». Такъ привѣтствуетъ Карла хитрый посолъ. Карлъ воздвигъ руки къ небу; потомъ, наклонивъ голову, задумался. «Онъ не спѣшилъ въ словахъ: у него было въ обычаѣ говорить исподоволь». Потомъ, освѣдомившись о заложникахъ, онъ велѣлъ устроить для пословъ павильйонъ. На другой день собралъ своихъ перовъ на совѣтъ подъ сосну [1]).

Карлъ предлагаетъ на обсужденіе перамъ все дѣло, принять ли предложеніе Марсилла, или нѣтъ; при этомъ исчисляетъ богатые дары, обѣщаемые ему сарацынскимъ королемъ. Прежде всѣхъ вошелъ Роландъ, и въ запальчивыхъ словахъ убѣждаетъ Карла отказаться отъ предложенія и покончить войною. При этой рѣчи омрачилось лицо Карла; онъ поглаживаетъ свою бороду, крутитъ усы и не отвѣчаетъ племяннику ни слова. Затѣмъ встаетъ Ганелонъ и совѣтуетъ принять предложеніе Марсилла. Съ этимъ мнѣніемъ соглашаются и прочіе, потому что всѣхъ утомилъ этотъ семилѣтній походъ. Теперь нужно послать къ Марсиллу посла.

Предварительно надобно замѣтить, что назначеніе посла, какъ и вообще облаченіе въ какое-нибудь право, инвеститура — была совершаема врученіемъ назначаемому *перчатки и жезла*, то-есть какъ бы *руки и скипетра*. Получивъ эти символическіе знаки, посланникъ былъ уполномоченъ во всемъ отъ имени пославшаго. Символы перчатки и жезла употреблялись и въ другихъ случаяхъ. Такъ передачею перчатки, наполненной землею, скрѣплялся актъ продажи земли.

И въ нашей пѣснѣ бароны, соревнуя другъ другу въ желаніи исполнить посольство, просятъ отъ своего монарха перчатки и жезла. Перебивая другъ друга, каждый изъ перовъ предлагаетъ

---

[1]) Можетъ быть, остатокъ древнихъ обычаевъ вести судъ и расправу подъ тѣнью священныхъ деревъ, первообразъ которыхъ нѣмецкая старина воспѣвала въ миѳическомъ древѣ всего человѣчества подъ именемъ: *Иидразиль*.

себя на этотъ опасный подвигъ. Но Карлъ велѣлъ имъ всѣмъ успокоиться; наконецъ недоумѣніе, кого бы послать — рѣшаетъ Роландъ, указывая на Ганелона, и Карлъ соглашается. Ганелонъ за это почему-то приходитъ въ ярость противъ Роланда, Оливье и другихъ перовъ, которые любятъ Роланда. Король вручаетъ Ганелону символическіе знаки инвеституры. Принимая перчатку, Ганелонъ ее уронилъ. «Боже! восклицали французы: — что̀ это предвѣщаетъ? Это посольство принесетъ намъ бѣдствія». — «Господа, отвѣчалъ Ганелонъ: — вы получите объ этомъ извѣстіе». Потомъ, обращаясь къ королю, сказалъ: «Государь, отпустите меня»! Карлъ напутствовалъ его благословеніемъ, и вручилъ ему жезлъ и письмо.

Служители Ганелона тревожно провожали своего господина на его опасный подвигъ, съ котораго врядъ-ли онъ воротится живымъ. Но Ганелонъ отважно отправляется, посылая поклонъ своей женѣ, сыну и всѣмъ своимъ.

Ганелонъ скачетъ и догоняетъ сарацынскихъ пословъ. «Удивительный человѣкъ этотъ Карлъ — говорилъ Бланкандринъ — онъ покорилъ Апулію и Калабрію, прошелъ Соленое Море къ Англіи и взялъ тамъ дань св. Петру. Но чего же онъ ищетъ здѣсь между нами»?

«Такова ужь его храбрость — отвѣчалъ Ганелонъ. — Нѣтъ человѣка, кто бы устоялъ противъ него»! Бланкандринъ, хваля французовъ вообще, не одобряетъ бароновъ, которые только то и дѣлаютъ, что вводятъ Карла въ опасности. Ганелонъ особенно ставитъ это въ вину Роланду, разсказывая при этомъ, какъ онъ не далѣе какъ вчера подошелъ къ Карлу, сидящему на лугу въ тѣни и, предлагая ему яблоко, сказалъ: «Держите, вотъ вамъ корона всѣхъ царей вселенной»! «Впрочемъ, гордость погубитъ его», присовокупилъ Ганелонъ. «Потому что онъ ежедневно подвергаетъ себя смертной опасности! Если бы кто освободилъ насъ отъ него, мы бы успокоились». — «Роландъ очень жестокъ — говорилъ Бланкандринъ: — онъ хочетъ наложить свою волю на всѣ народы и распоряжаться ихъ землями! При чьей же помощи

надѣется онъ совершить свои высокіе замыслы»? — «Конечно, при помощи французовъ, отвѣчалъ Ганелонъ: они его такъ любятъ, что не нанесутъ ему ни малѣйшей обиды! Черезъ него добыли они столько золота, серебра, коней, шелковыхъ тканей и всякой дорогой добычи! Всѣ, даже самъ императоръ, готовы дѣлать все, что̀ бы ему ни вздумалось! И Роландъ пріобрѣтетъ ему весь міръ, отсюда и до востока».

Говоря такимъ образомъ, Бланкандринъ и Ганелонъ дали другъ другу слово погубить Роланда. Наконецъ прибыли къ Саррагоссѣ. Ихъ приглашаетъ король Марсиллъ. Несмотря на недостойную интригу противъ Роланда, все же Ганелонъ, какъ доблестный воинъ, честно исполняетъ свое посольство. Отважно, отъ имени Карла, предлагаетъ онъ Марсиллу креститься, за что, какъ ленному барону, Карлъ дастъ Марсиллу половину Испаніи. Если же Марсиллъ откажется, то будетъ схваченъ силою, связанъ и представленъ на судъ въ Ахенъ. Эта дерзская рѣчь до того возмутила Марсилла, что онъ не воздержался, и схватилъ-было свое копье, чтобъ пустить имъ въ посла. Видя движеніе Марсилла, Ганелонъ хватается за свой мечъ, и уже вытащивъ его пальца на два изъ ноженъ, приговариваетъ ему: «Ты хорошъ, мой мечъ, и свѣтелъ! Пока будешь ты у меня на боку при дворѣ этого короля, до тѣхъ поръ императоръ французовъ не скажетъ, что я погибъ только одинъ, потому что сначала поплатятся кровью лучшіе изъ враговъ».

Предстоящіе предупредили бѣду, успокоивъ Марсилла. Такъ доблестно велъ себя Ганелонъ, что даже сарацыны не могли не воскликнуть въ восторгѣ: «Вотъ такъ благородный баронъ»!

Послѣ того Ганелонъ имѣлъ интимную бесѣду съ Марсилломъ, и тутъ-то предалъ французскую воинскую честь, указавъ Марсиллу, какъ напасть на арріергардъ возвращающихся французскихъ войскъ, для того, чтобы истребить Роланда, Оливье и всѣхъ перовъ, потому, что пока живъ Роландъ, до тѣхъ поръ престарѣлый, сѣдой Карлъ не перестанетъ быть побѣдителемъ во всѣхъ странахъ міра. Предатель долженъ былъ поклясться

на распятіи своего меча, что выдастъ Роланда и весь арріергардъ, а Марсиллъ и придворные одарили его богатыми дарами, даже королева сарацынская дала Ганелону въ подарокъ его женѣ драгоцѣнные браслеты.

Послѣ того Ганелонъ возвращается во французскій лагерь и отдаетъ отчетъ Карлу въ своемъ посольствѣ. Обманутый императоръ принимаетъ намѣреніе воротиться во Францію, и тамъ ожидать Марсилла въ Ахенѣ для принятія имъ христіанской вѣры. — Роландъ, по совѣту Ганелона, остается въ арріергардѣ, между тѣмъ, какъ передовое войско отправляется въ походъ. Карлъ предчувствуетъ бѣду. На мрачныя мысли наводятъ его и страшные сны и другія вѣщія предзнаменованія.

Марсиллъ, между тѣмъ, собираетъ войско, чтобъ ударить на французскій арріергардъ, гдѣ помѣщены всѣ двѣнадцать перовъ. Оливье, влѣзши на сосну, открываетъ вдали приближающуюся армію *язычниковъ* (то-есть мусульманъ). Онъ сообщаетъ это французамъ, и чтобъ дать знать уже далеко отошедшему съ войскомъ Карлу, проситъ Роланда, чтобы онъ затрубилъ въ свой рогъ Olifan. Извѣстно, что Роландъ славился, какъ знаменитый трубачъ. Звуки его рога раздавались на огромномъ разстояніи, и потому могли быть услышаны Карломъ. Но Роландъ отказывается трубить, надѣясь на храбрость французовъ, и на свой мечъ Durandal. Три раза Оливье проситъ о томъ Роланда, и трижды Роландъ рѣшительно отказывается. При приближеніи опасности, архіепископъ Турпинъ благословляетъ храбрыхъ своихъ товарищей, и даетъ имъ передъ битвою отпущеніе во грѣхахъ. Битва начинается при крикахъ французовъ: *Monjoie* (Munjoie). Это — девизъ Карла — говоритъ пѣсня [1]). Битва продолжается отчаянная. Сама природа даетъ вѣщія знаменія о великой бѣдѣ.

Архіепископъ Турпинъ выѣзжаетъ впередъ на своемъ конѣ, котораго онъ отнялъ у датскаго короля, сначала его убивши. Пѣсня медлитъ на описаніи этого коня, восхваляя его легкость

---

[1]) Ço est l'enseigne Carle. 2, 690.

и быстроту, его масть и всѣ его конскія стати. «Господа бароны! восклицаетъ архіепископъ: — не уступайте злой мысли, не бѣгите, молю васъ именемъ Бога! чтобъ ни одинъ добрый человѣкъ не пропѣлъ о томъ недоброй пѣсни! [1]) Лучше умремъ сражаясь: наша судьба уже рѣшена. Здѣсь намъ конецъ. Это для насъ послѣдній день. Васъ ожидаетъ рай, гдѣ возсядете вмѣстѣ съ блаженными святыми»! Эти слова возбудили въ воинахъ такой восторгъ, что всѣ въ одинъ голосъ воскликнули: Monjoie!

«Битва удивительная и великая — такъ поетъ пѣсня: — видѣли вы когда такое великое бѣдствіе! Столько людей мертвыхъ, израненныхъ, окровавленныхъ! Лежатъ другъ на другѣ, кто ничкомъ, кто навзничь! Битва удивительная и отчаянная! Французы пышутъ отвагою и гнѣвомъ: рубятъ желѣзные доспѣхи до живаго тѣла. По зеленой травѣ струятся кровавые ручьи».

Немного уже остается отъ французскаго арріергарда. Роландъ совѣтуется съ Оливье, чтò дѣлать. Роландъ рѣшается затрубить въ свой рогъ, чтобы воротить Карла съ войскомъ на помощь, но Оливье находитъ, что это уже поздно, и укоряетъ Роланда, зачѣмъ онъ не послушался вò время, и зачѣмъ, понадѣявшись на свою безумную отвагу, погубилъ онъ столько своихъ. Тогда подъѣзжаетъ къ нимъ архіепископъ Турпинъ и рѣшаетъ ихъ споръ. Точно, имъ уже ничто не поможетъ, и нечего возвращать Карла, чтобъ спасти ихъ. Для этого не нужно трубить въ рогъ. Но пусть же все-таки Карлъ воротится, пусть придутъ французы и увидятъ, какъ всѣ мы лежимъ въ долинѣ мертвые (говоритъ Турпинъ), изрѣзанные по кускамъ; пусть они возьмутъ наши трупы, и спасутъ отъ хищныхъ звѣрей, похоронивъ на благословенномъ кладбищѣ.

---

[1]) То-есть, чтобы не было о насъ худой молвы. Эпическое выраженіе: que nuls prozdom malvaisement n'en caant 3, 80. Слич. выше въ словахъ Роланда: Male chançun n'en deit estre cuntée 3, 29: дурная пѣсня не должна быть о томъ пропѣта — то-есть о томъ будетъ хорошая молва. Это обычное выраженіе важно для исторіи народной эпической поэзіи, когда молва о воинскихъ подвигахъ распространялась въ пѣсняхъ.

Итакъ Роландъ подноситъ свой рогъ ко рту, и начинаетъ трубить. Громовые звуки раздаются на 30 миль въ окружности. Слышитъ Карлъ — и думаетъ, что это Роландъ зоветъ на помощь, но измѣнникъ Ганелонъ полагаетъ, что надменный своею доблестью Роландъ, не станетъ ждать чужой помощи. А между тѣмъ Роландъ все трубитъ, такъ сильно, что губы его покрываются кровью. Карлъ убѣждается въ зловѣщемъ сигналѣ, и поворачиваетъ свое войско на помощь арріергарду, а Ганелона, какъ измѣнника, велитъ схватить.

Въ то время, какъ Карлъ съ своимъ войскомъ скачетъ на выручку своихъ, Роландъ, смотря на множество побитыхъ товарищей, обращаетъ къ нимъ свое прощальное слово: «Господа бароны, да ниспошлетъ вамъ Господь Богъ свою милость! Да сподобитъ онъ ваши души райскаго блаженства, да опочіютъ онѣ на святыхъ цвѣтущихъ лугахъ. Лучшихъ воиновъ я никогда не видывалъ. Столько лѣтъ помогали вы мнѣ покорять для короля Карла многія страны! и на этотъ жестокій конецъ поилъ и кормилъ васъ императоръ! Земля французская, милая страна! Ты овдовѣла теперь послѣ такихъ доблестныхъ героевъ. Бароны французскіе! Вы погибли по моей винѣ! Ничѣмъ не могу я теперь помочь вамъ»! Сказавъ это, Роландъ бросается въ битву, и поражаетъ направо и налѣво. Враги бѣгутъ отъ него, «какъ олень бѣжитъ отъ собаки». Между тѣмъ является самъ король Марсилъ, и битва приближается къ несчастному концу. «Здѣсь ожидаютъ насъ мученическіе подвиги — такъ обращается Роландъ къ живымъ еще товарищамъ: — вижу, что недолго остается намъ жить. Господа! хорошо ли вычищены ваши мечи? Рубите же и оспаривайте у вашихъ враговъ вашу смерть и вашу жизнь! но не приведемъ въ стыдъ своими подвигами нашу милую Францію! Когда въ эту долину спустится Карлъ, пусть увидитъ онъ, чтò мы сдѣлали съ сарацынами; онъ увидитъ на одинъ трупъ француза пятнадцать труповъ невѣрныхъ, и онъ не уйдетъ отсюда, не давши намъ своего благословенія».

Самый страшный ударъ нанесенъ Роланду. Его самый близ-

кій, неразлучный товарищъ и другъ, Оливье, раненъ на смерть. Но прежде чѣмъ думать о своихъ ранахъ, онъ дорого продаетъ свою жизнь, нанося смертельные удары врагамъ. Наконецъ изнемогаетъ, все еще сидя на конѣ. Роландъ приближается къ нему, но Оливье уже не видитъ, у него въ глазахъ потемнѣло, потомъ лишается онъ и слуха, и падаетъ на землю, исповѣдуется въ своихъ грѣхахъ, и, сложивъ руки, умираетъ.

Среди сценъ остервенѣлой битвы, особенно трогательно кажется это нѣжное прощаніе двухъ друзей: и воинственный Роландъ проливаетъ по своемъ другѣ горькія, неутѣшныя слезы.

Изъ всего многочисленнаго арріергарда осталось, наконецъ, только трое героевъ: Роландъ, реймскій архіепископъ Турпинъ и Готье (Gualter del Hum), племянникъ стараго Дрона (Druon). Всѣ трое отчаянно отбиваются отъ враговъ; но и Готье палъ. Остаются только архіепископъ и Роландъ. Доходитъ очередь и до Турпина. Щитъ его издырявленъ насквозь, каска разбита и голова въ ранахъ, кольчуга съ латами растерзаны, тѣло все изранено, и конь подъ нимъ палъ. Не обращая вниманія на свое бѣдственное состояніе, архіепископъ, свалившись съ коня, подбѣгаетъ къ Роланду: «нѣтъ, я не побѣжденъ! восклицаетъ онъ торжественно:—хорошаго солдата никогда не возьмутъ живьёмъ»! Потомъ онъ обнажилъ свой мечъ Almace, «которымъ во время побоища наносилъ тысячу ударовъ, никого не щадя» — какъ потомъ это сказалъ самъ Карлъ, который около падшаго Турпина насчиталъ болѣе 400 невѣрныхъ, одни раненые, другіе разсѣченные пополамъ, иные безъ головы. «Такъ говоритъ исторія [1]) и тотъ, кто былъ на полѣ битвы».

---

[1]) Ço dist la Geste. 3, 658. Въ другомъ мѣстѣ, Роландъ, восхваляя храбрость французовъ, присовокупляетъ: «Писано въ исторіи франковъ, что вассаловъ, то-есть героевъ, хорошихъ служителей — имѣетъ нашъ императоръ»:

Il est escrit en la Geste francor
Que vassal a li nostre empereur. 3, 6—7.

Изъ этихъ выраженій явствуетъ происхожденіе, и самое названіе романскихъ историческихъ поэмъ: *Chansons de Geste.* Это — пѣсни о *дѣяніяхъ,* историческія пѣсни, *былины.*

Роландъ бьется отчаянно. Но все тѣло его будто въ огнѣ, голова трещитъ отъ страшной боли: у него лопнулъ високъ, когда онъ съ страшнымъ напряженіемъ трубилъ въ свой рогъ Олифанъ. — Однако, онъ опять беретъ рогъ — и уныло затрубилъ[1]. Карлъ, все еще въ отдаленіи, скачетъ съ своими на подмогу; вдругъ останавливается и слушаетъ. «Господа, говоритъ онъ: — плохо дѣло! Роландъ, мой племянникъ, сегодня оставитъ насъ навсегда. По тому, какъ онъ трубитъ, я чую, что онъ не будетъ живъ! Кто хочетъ его видѣть, скорѣе впередъ! Пусть звучатъ всѣ гобои»! И зазвучали 60 тысячъ гобоевъ, громкое эхо раздается по горамъ и по доламъ. Услышали невѣрные на полѣ битвы, имъ не до смѣху пришло; другъ другу говорятъ: «Бѣда! идетъ Карлъ»!

Не разъ въ пѣснѣ о Роландѣ, звукъ рога, въ который трубитъ этотъ герой, переноситъ сцену дѣйствія съ ронсевальскаго побоища чрезъ огромныя пространства въ станъ Карлова ополченія. — Такъ и теперь звуки гобоевъ изъ главной арміи перелетаютъ эхомъ на побоище, и поэтъ — то по звукамъ Роландова рога, то по звукамъ гобоевъ — мгновенно переноситъ слушателей съ одного мѣста на другое, подчиняя такимъ образомъ единству дѣйствія разобщенность двухъ сценъ, которыхъ дѣйствующія лица будто перекликаются, давая о себѣ знать музыкальными звуками. Въ этомъ, впрочемъ, самомъ простомъ эпическомъ мотивѣ — чрезвычайно много природнаго, безъискусственнаго, но художественнаго такта. Сочувствіе двухъ армій, раздѣленныхъ пространствомъ, находитъ себѣ проводниковъ въ воинственныхъ сигнальныхъ звукахъ, которые какъ бы символически подчиняютъ единству дѣйствія сцены различныхъ мѣстностей.

«Императоръ приближается, говорили между собою язычники: — слышите, какъ звучатъ французскіе гобои? Явится Карлъ, все будетъ потеряно. Пропадетъ для насъ испанская земля, и если Роландъ останется живъ, война непремѣнно возобно-

---

[1]) Fieblement le sunat. 3, 667.

вится». И до 400 невѣрныхъ бросились на Роланда. Онъ дерется на конѣ, а архіепископъ Турпинъ около него пѣшій. Наконецъ, палъ и конь Роланда, знаменитый Veillantif. Все вооруженіе на Роландѣ истерзано, хотя на тѣлѣ нѣтъ ни одной раны. Враги, съ минуты на минуту боясь появленія Карла, послѣ того какъ палъ конь Роланда — оставляютъ поле битвы и внезапно скрываются.

Въ Ронсевальской долинѣ остаются только двое: Роландъ и архіепископъ Турпинъ, оба при смерти. «Благодареніе Богу, говоритъ Турпинъ: — это поле теперь наше, твое и мое».

Прежде чѣмъ умереть, великіе герои должны проститься съ своими падшими товарищами. Роландъ черезъ силу пошелъ отыскивать ихъ трупы по обширному полю битвы, по горамъ и долинамъ. Онъ нашелъ Жере, и его товарища Жерена (Gérer и Gérin), нашелъ Беранже и Оттона, нашелъ Ансея (Anseis) и герцога Санчо (Sansun, Sanche); нашелъ стараго Жерара Русильонскаго. Каждый трупъ поднималъ онъ поодиночкѣ и приносилъ къ архіепископу, и клалъ рядомъ около него. Турпинъ не могъ удержаться отъ слезъ; поднялъ руки и благословилъ трупы. Потомъ сказалъ: «Плохо вамъ пришлось, господа! Да пріиметъ ваши души Господь Богъ, и да водворитъ въ раю на святыхъ цвѣтахъ! И мнѣ тошно приходится умирать! никогда ужь больше не увижу я могущественнаго императора»! А Роландъ между тѣмъ все отыскиваетъ своихъ между трупами; нашелъ своего товарища Оливье, и крѣпко прижалъ къ своему сердцу, и, какъ могъ, дотащился къ архіепископу вмѣстѣ съ любезнымъ ему трупомъ, и положилъ его на щитѣ, рядомъ съ другими падшими героями; архіепископъ благословилъ его. Горько плакалъ Роландъ, и до того сокрушался, что въ изнеможеніи палъ на землю. Турпинъ, уже умирающій, думалъ помочь Роланду, привести его въ чувство, и поплелся-было за водой, но изнемогъ и палъ мертвый, и когда Роландъ очнулся, архіепископа уже не было въ живыхъ.

Остался изъ всего войска одинъ только Роландъ. Онъ прочелъ молитву надъ Турпиномъ, и сложилъ ему руки на груди.

Потомъ сталъ *оплакивать* его *по закону его земли*, то-есть, вѣроятно, въ обычныхъ эпическихъ причитаньяхъ [1]).

Наконецъ Роландъ чувствуетъ приближеніе смерти. Изъ ушей выходитъ у него мозгъ. Молитъ Бога за товарищей, чтобъ онъ призвалъ ихъ къ себѣ, а себя самого поручаетъ архангелу Гавріилу. Въ одну руку беретъ онъ свой рогъ Олифанъ, а въ другую свой мечъ Дурандаль. Обращаясь къ Испаніи, кое-какъ дотащился онъ на холмъ, и безъ чувствъ палъ на зеленой травѣ подъ прекраснымъ деревомъ.

Между тѣмъ, какъ Роландъ лежалъ безъ памяти на зеленой травѣ, одинъ сарацынъ, раненый и обагренный кровью, лежалъ между трупами, и, притворившись мертвымъ, подкарауливалъ Роланда. Вдругъ онъ вскочилъ, бросился на Роланда, и схвативъ его, закричалъ: «Ты побѣжденъ, племянникъ Карла! Твой мечъ унесу я въ Аравію». И ухватился за мечъ и сталъ его тянуть. Тогда Роландъ очнулся, открылъ глаза: «Ты вѣдь не изъ нашихъ»! сказалъ онъ, и такъ хватилъ рогомъ сарацына по головѣ, что у него изо лба выскочили оба глаза, и онъ палъ мертвый.

Послѣ того Роландъ сталъ на ноги, и рѣшился разбить свой мечъ на куски о скалу, чтобы онъ никому не достался. Со всего размаху ударилъ мечомъ десять разъ. Только звенитъ булатъ, не ломается. «О, св. Марія, говорилъ Роландъ: — помоги мнѣ! О, мой Дурандаль! Добрый ты мечъ, но безсчастный! Теперь ты мнѣ не нуженъ — и навсегда! Съ тобою сколько битвъ я одолѣлъ, сколько земель завоевалъ, которыми управляетъ Карлъ, *Сѣдая борода!* [2]) Никогда не будетъ владѣть тобою, кто кого нибудь боится! Долго ты былъ въ рукахъ хорошаго вассала; равнаго ему не было во всей Франціи».

Потомъ опять сталъ колотить мечомъ о камень. Булатъ только звенитъ, не ломается. Опять сталъ Роландъ жалобно причитать: «Э, мой Дурандаль! какой ты свѣтлый и бѣлый! Какъ ты блестишь и сверкаешь на солнцѣ! Карлъ былъ въ Маріанской до-

---

1) Le pleignet a la lei de sa tere. 3, 813.
2) Ki la barbe ad canue. 3, 870.

линѣ [1]), когда самъ Господь Богъ ниспослалъ къ нему съ небесъ ангела возвѣстить, чтобъ онъ далъ тебя лучшему воину: тогда тобою препоясалъ меня ласковый король Карломанъ! Тобою я добылъ ему Нормандію и Бретань, тобою добылъ ему Пуату и Мэнъ, тобою я добылъ Провансъ и Аквитанію, и Ломбардію, и всю Романію; тобою добылъ я ему Баварію и всю Фландрію, и Алеманію и всю Польшу (?) [2]); тобою добылъ я ему и Константинополь и Саксовъ и Исландію и Англію», и т. д. Это эпическое причитанье, обращенное къ мечу въ нѣсколько пріемовъ, отлично характеризуетъ высокій эпическій стиль пѣсни, очевидно относящейся къ самымъ раннимъ произведеніямъ французской литературы. Умирающій воинъ еще любуется своимъ мечомъ и не можетъ довольно имъ налюбоваться, припоминая всѣ свои подвиги, которые онъ совершилъ вмѣстѣ съ этимъ своимъ булатнымъ товарищемъ.

При этомъ надобно знать, что у Роланда была тогда невѣста, прекрасная Альда или Ода (Aude), съ которой еще познакомитъ насъ эта пѣсня. — Но Роландъ, въ послѣднія минуты жизни, не помнитъ о любимой женщинѣ. Онъ воинъ и вассалъ: воинскіе подвиги и любовь къ милой Франціи — имъ онъ отдаетъ свои послѣднія минуты, вполнѣ соотвѣтственно тому суровому и строгому стилю, въ которомъ сложена вся пѣсня. «Вотъ чѣмъ добылъ я, продолжаетъ Роландъ: — столько странъ и земель, которыми владѣетъ Карлъ-*бѣлая борода* [3]). По этомъ мечѣ кручинюсь я и горюю! Лучше умереть, чѣмъ оставить его язычникамъ! Да избавитъ Господь Богъ отъ такого срама Францію».

Снова началъ Роландъ съ размаха ударять мечомъ по скалѣ. Только звенитъ булатъ, не гнется, не ломается, отсвѣчиваетъ по небу. Еще разъ сталъ жалобно причитать Роландъ, называя уже свой мечъ *святымъ:* ибо на мечъ рыцари молились, какъ потому что рукоять его была крестообразна, такъ и потому, что въ по-

---

[1]) Es vals de Mariane.
[2]) Puillanie — Pologne. 3, 890.
[3]) Ki ad la barbe blanche. 3, 896.

лосахъ, защищающихъ руку въ рукояти меча, по обычаю, полагались мощи и другія священныя реликвіи. И такъ тихо сталъ жаловаться Роландъ: «О, Дурандаль, такой прекрасный и пресвятой![1]) Въ твоей рукояти заключено много реликвій: зубъ св. Петра и кровь св. Василія, и волоса св. Діонисія, и часть ризы св. Маріи. Потому не подобаетъ владѣть тобою язычникамъ! Ты служилъ только христіанству. Да не посрамитъ тебя никто въ мірѣ! Сколько я добылъ тобою земель, которыми владѣетъ Карлъ *цвѣтущая борода*[2]), доблестный и богатый императоръ».

И почуялъ Роландъ, что его хватаетъ смерть, отъ темени спускается къ сердцу. Поспѣшилъ онъ подъ сосну, легъ ничкомъ на зеленую траву; подъ нимъ мечъ и рогъ Олифанъ; а голову онъ повернулъ къ языческому народу (то-есть къ Испаніи): «а затѣмъ онъ это сдѣлалъ, доблестный графъ, чтобъ Карлъ и весь народъ сказали, что онъ умеръ побѣдителемъ».

Роландъ чуетъ, что ему пришелъ конецъ. Распростертый на скалѣ, обращенный къ Испаніи, правою рукою бьетъ онъ себѣ въ грудь и кается во грѣхахъ, чтобъ Богъ простилъ ему и большіе и малые грѣхи, имъ содѣянные. «Потомъ поднялъ къ небу свою правую перчатку, и ангелы спустились къ нему».

Объ этомъ мѣстѣ издатель пѣсни о Роландѣ, Жененъ, говоритъ слѣдующее: «Это безподобное движеніе рыцарской наивности, съ которою подноситъ Роландъ свою перчатку самому Господу Богу, въ знакъ чествованія и въ искупленіе своихъ грѣховъ, вмѣстѣ съ тѣмъ есть такая черта нравовъ, которая свидѣтельствуетъ о глубокой древности произведенія». Выше уже было замѣчено о символическомъ значеніи перчатки въ отношеніи юридическомъ и въ обрядахъ инвеституры.

Медлить на одномъ и томъ же мотивѣ и повторять себя, добавляя къ сказанному новыя подробности, и тѣмъ вводить слушателя въ самую средину и во всѣ мелочныя подробности описываемаго дѣйствія во всѣхъ его малѣйшихъ обстоятельствахъ —

---

[1]) E Durendal cum es bele et seintisme. 3, 906.

[2]) Ki la barbe ad flurie. 3, 915.

это существенное, характеристическое свойство самого чистаго, безъискусственнаго эпическаго творчества. Въ теченіе всей пѣсни о Роландѣ, пѣвецъ постоянно остается вѣренъ этому эпическому стилю. Такъ и теперь, описывая кончину Роланда, онъ не удовольствовался тѣмъ, что̀ мы ужь знаемъ. Онъ не хотѣлъ съ самого начала поразить слушателей внезапною катастрофою, и исподволь приготовлялъ свою публику къ великой потерѣ въ смерти Роланда. Но съ другой стороны, пѣвецъ не вдается и въ сентиментальныя описанія предсмертной агоніи героя, какъ это сдѣлалъ бы новѣйшій романистъ сентиментальной искусственной школы. Напротивъ того, съ гомерическимъ тактомъ, онъ разсказываетъ мельчайшія подробности о томъ, какъ великій герой употребляетъ сверхъестественныя силы, чтобъ ни на шагъ не уступить въ грозящей ему смертной опасности. При этомъ, глубоко нѣжное, но наивное благоговѣніе къ герою — устраняетъ всякую мысль о возможности, чтобъ онъ былъ раненъ и палъ отъ ранъ. Руки язычниковъ не нанесли ни одного оскорбленія великому герою. Онъ умираетъ отъ собственной надсады. Самъ собою приходитъ часъ его смерти. Необыкновенно трогательная деликатность эпическаго народнаго творчества! Поэтъ медлитъ на послѣднихъ минутахъ своего героя, потому что ему жалко съ нимъ разстаться, столько же жалко, какъ самому Роланду — съ его непобѣдимымъ мечомъ. Потому-то и слушатели, съ новымъ участіемъ, еще разъ слушаютъ, какъ поэтъ описываетъ послѣднія минуты великаго героя:

«Лежалъ подъ высокою сосною доблестный Роландъ, обративши лицо къ Испаніи. И многое тогда пришло ему на память: и то, сколько онъ покорилъ народовъ, и милая Франція, и родъ-племя, и Карломанъ, его господинъ, который его кормилъ [1]). И не могъ онъ удержаться, чтобъ не плакать и не вздыхать. Но онъ не хотѣлъ забыть и самого себя. Каялся во грѣхахъ и просилъ отъ Бога милости: «Отче нашъ! нѣтъ въ тебѣ неправды.

[1]) Выраженіе, соотвѣтствующее феодальному быту: De Carlemagne, sun seignor ki l'nurrit. 3, 492.

Ты воскресилъ изъ мертвыхъ Лазаря, и Даніила защитилъ отъ львовъ, спаси мою душу и изыми ее изъ погибели — отпусти мнѣ грѣхи, содѣянные мною въ жизни». Тогда онъ воздвигъ къ Господу Богу свою правую перчатку, и самъ св. Гавріилъ ее принялъ. Потомъ, склонивъ голову на сторону, онъ сложилъ руки и испустилъ духъ. Богъ ниспослалъ своего ангела, херувима и св. Михаила (то-есть архангела), котораго прозываютъ *del peril* (du peril, то-есть погибели; спасающій отъ погибели); къ нимъ присоединился св. Гавріилъ (тоже архангелъ), и душу графа понесли они въ рай» [1]).

Такъ оканчивается этотъ превосходный эпизодъ. Несмотря на растянутость повѣствованія, все же самый конецъ прибавляетъ новую, неожиданную черту. До тѣхъ поръ, Роландъ еще разсѣивался тѣмъ, что̀ окружало его въ послѣднія минуты жизни; онъ еще не могъ оторвать себя отъ своихъ постоянныхъ мыслей и обычаевъ; онъ еще гордо исчислялъ свои завоеванія и съ любовью лелѣялъ свой мечъ, однимъ словомъ, онъ еще жилъ на землѣ: онъ еще весь принадлежалъ жизни. Наконецъ, когда пришла торжественная минута смерти, онъ уже сосредоточился въ себѣ самомъ, какъ тотъ умирающій гладіаторъ античнаго рѣзца, который, склоняясь на свою смертную рану въ лѣвомъ боку — хотя еще и живъ, но уже весь принадлежитъ смерти — весь сосредоточился въ себѣ самомъ; до такой степени онъ углубился въ себя въ эту торжественную минуту, что будто какою-то непроходимою преградою отдѣленъ отъ всего окружающаго. Такое же точно впечатлѣніе производитъ и эпическій разсказъ о кончинѣ Роланда. Онъ уже отрѣшился отъ всего міра — и только, какъ свѣтлыя тѣни, въ этомъ мракѣ наступающей смерти — проходятъ передъ нимъ полосами нѣжныя воспоминанія о родинѣ и друзьяхъ. Но и здѣсь поэтъ до такой степени вѣренъ природѣ, что вновь заставляетъ Роланда какъ бы пробудиться къ жизни, при сладкихъ воспоминаніяхъ о прожитомъ: и это минутное про-

[1]) Въ сербскомъ эпосѣ Марко Крылевичъ умираетъ также безъ свидѣтелей.

бужденіе наивно выражается во вздохахъ и плачѣ. Великій герой малодушно плачетъ. Надобно было хорошо знать человѣческую природу, чтобъ эпическимъ величіемъ героя пожертвовать истинѣ и наивной природѣ. Но все же герой плачетъ одинъ: никто, кромѣ нисходящихъ съ неба ангеловъ, не видитъ на опустѣломъ полѣ его симпатичныхъ слезъ. Затѣмъ, молитва рѣшительно сосредоточиваетъ послѣднія искры жизни къ смертному концу.

Поэтъ эпохи искусственной, вѣроятно, на этомъ пунктѣ заключилъ бы свою поэму. Событіе доведено до конца; эффектъ произведенъ, и герой сошелъ со сцены. Но народный эпосъ слѣдуетъ другимъ, высшимъ законамъ творчества, и поэтому мы только еще почти на половинѣ поэмы, такъ что изъ пяти ея пѣсенъ мы дошли до конца третьей; остается еще двѣ пѣсни. Надобно, чтобъ правда восторжествовала. Измѣнникъ Ганелонъ долженъ получить возмездіе за злодѣяніе. Сарацыны своею кровью должны омыть величайшее безчестіе, нанесенное французскому оружію въ ронсевальскомъ побоищѣ; наконецъ, что̀ по идеямъ вѣка всего важнѣе — христіане должны восторжествовать надъ магометанами. Эпическая поэзія никогда не довольствуется только эстетическою стороною сюжета: она должна удовлетворить всѣмъ нравственнымъ вопросамъ своей публики. Въ этомъ отношеніи эпическая, народная поэзія, несмотря на свою первобытность и безъискусственность, вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ современной критики, которая въ художественномъ произведеніи ищетъ не одного идеальнаго изящества, но требуетъ, чтобъ произведеніе относилось къ насущнымъ потребностямъ дѣйствительности, чтобъ оно не только забавляло воображеніе, но возбуждало бы серьёзные нравственные и соціальные вопросы.

Итакъ, Карлъ вступаетъ въ Ронсевальскую долину. Всѣ пути и тропинки, вся земля покрыта трупами сарацынскими и французскими. Карлъ восклицаетъ: Гдѣ ты, прекрасный племянникъ? Гдѣ архіепископъ и графъ Оливье? Гдѣ *Жеренъ* и *Жере*, его товарищъ? Гдѣ Оттонъ, графъ Беранже, *Ивъ* и *Иворъ*, котораго я такъ любилъ? Что̀ сталось съ гасконцемъ *Анжелье?* и герцогъ

Санчо? и храбрый *Ансеи?* Гдѣ старый *Жераръ Русильонскій?* Гдѣ всѣ вы, мои двѣнадцать перовъ»? Увы — продолжаетъ отъ себя поэтъ — къ чему этотъ плачъ, когда никто на него не отзовется? «Боже, воскликнулъ король: — горько мнѣ, что самъ я не былъ съ вами на этомъ побоищѣ»! Онъ терзаетъ свою бороду, какъ человѣкъ въ ярости [1]). Вмѣстѣ съ нимъ плачутъ всѣ храбрые бароны. Плачутъ ихъ сыновья, ихъ братья, ихъ племянники, ихъ друзья и прислуга. Многіе отъ тоски пали на землю. Только одинъ герцогъ Нэмъ (Naimes) повелъ себя разсудительнѣе. Онъ сказалъ императору: «Взгляните-ка впередъ мили за двѣ: вы увидите пылящіяся дороги — вонъ тамъ сколько язычниковъ! Скачите же туда, отомстимъ эту бѣду».

Карлъ послушался. Оставивъ въ Ронсевальской долинѣ стражу для охраненія дорогихъ покойниковъ, онъ велѣлъ преслѣдовать враговъ. Достигаютъ до нихъ — немилосердно побиваютъ, и остатокъ топятъ въ рѣкѣ Эбро, удивительно быстрой и глубокой (какъ ее постоянно характеризуетъ пѣсня).

Наступаетъ ночь, и послѣ пораженія французы должны отдохнуть. Уже некогда было возвращаться въ Ронсевальскую долину, и французы дожны были лечь спать въ чистомъ полѣ. Легъ и самъ Карлъ.

Здѣсь пѣсня предлагаетъ любопытнѣйшую подробность, на которой слѣдуетъ остановится.

Эта подробность касается меча Карломанова, который назывался *Joyeuse* (Joiuse. 4, 105 и слѣд.), и воинскаго клика французовъ: *Monjoie*. (Munjoie. 4, 114). Въ изложеніе содержанія пѣсни о Роландѣ мы вносимъ эпизодически объясненіе различныхъ подробностей, нисколько не опасаясь тѣмъ прервать нить разсказа на томъ основаніи, что согласно самому стилю эпическому, единство дѣйствія не нарушается остановкою на мелочахъ; напротивъ того, широкій и строгій взглядъ эпическаго пѣвца на жизнь и текущія событія, съ одинаковымъ вниманіемъ, медлитъ

---

[1]) Tiret sa barbe cum home ki est iret. 4, 18.

и на важномъ и на мелочномъ; потому что какъ въ природѣ, такъ и въ сознаніи мелочь перестаетъ быть мелочью, какъ скоро на ней сосредоточивается мысль.

Итакъ, послѣ пораженія мавровъ, императоръ легъ спать, въ полномъ вооруженіи, въ кольчугѣ и въ шлемѣ на головѣ: «опоясанъ мечомъ, которому нѣтъ равнаго [1]): днемъ сверкаетъ онъ тридцатью отблесками. Мы слышали о копьѣ, которымъ нашъ Господь [2]) былъ прободенъ на крестѣ. Карлъ, благодареніе Богу — владѣетъ желѣзнымъ наконечникомъ того копья; онъ у него вдѣланъ въ рукоять его меча: и ради такой чести и доброты, мечъ получилъ названіе Joyeuse. Французскіе бароны этого не забыли: ихъ воинскій кликъ — Monjoie (Munjoie), и потому никто не можетъ противостоять имъ».

Изъ этого мѣста изслѣдователи заключаютъ [3]), что воинственный кликъ Monjoie остался въ память Карлова меча, а мечъ названъ такъ отъ священной реликвіи, въ рукояти заключенной; отсюда надобно полагать, что Joyeuse значитъ не веселый, радостный, а *драгоцѣнный*, соотвѣтственно древнему латинскому значенію gaudium, имѣющему смыслъ не только радости, но и украшенія, и особенно въ романскихъ нарѣчіяхъ относящееся сюда слово имѣетъ двоякое значеніе: или радости, какъ нынѣшнее французское joie, или драгоцѣнности, какъ въ испанскомъ *joya*, или и того и другаго, какъ итальянское gioja [4]). Такъ и joie

---

1) Ceinte Jojuse, un ches ne fut sa per. 4, 105.

2) Nostre Sire, то-есть Іисусъ Христосъ.

3) Genin: La chanson de Roland, стр. 421 и слѣд.

4) Diez, Etym. Wörterb. d. Rom. Spr., стр. 177.

Для предупрежденія недоразумѣній слѣдуетъ замѣтить, что изслѣдователей феодальной культуры средневѣковой ставило въ затрудненіе, при опредѣленіи смысла *Monjoie*, то, что во многихъ странахъ этимъ словомъ называются горы, пригорки, холмы, то-есть *mont-joie*. Исходя отъ этого слова, полагали, что въ рукописяхъ *mon* — ошибка, вмѣсто *mont*, чтò дѣйствительно иногда случается. Но теперь кажется несомнѣнно, что montjoie есть совершенно другое слово, а именно: *mons jovis* — Юпитерова гора; а какъ средневѣковые дикари смѣшивали съ Юпитеромъ своего Тора, то это — гора Торова, или по нашему — Перунова.

въ древне-французскомъ языкѣ значило и то и другое. Слѣдовательно, мечъ jeyeuse — *драгоцѣнность*. Карлъ называетъ свой мечъ monjoie, то-есть моя драгоцѣнность, *mon joyau*. Такимъ образомъ названіе меча Карломанова стало обычнымъ эпическимъ кликомъ, съ которымъ французы бросались въ битву. Когда впослѣдствіи во французскомъ войскѣ стала употребляться хоругвь св. Діонисія (S. Denis), патрона французовъ, тогда воины кричали въ битвѣ: Monjoie et S. Denis, а потомъ сокращенно, выпустивъ союзъ, Monjoie S. Denis.

Слѣдуя за событіями въ пѣснѣ о Роландѣ, мы сейчасъ найдемъ новое подкрѣпленіе объясненію имени меча и воинскаго клика.

Пока Карлъ спитъ, самъ Господь Богъ ниспосылаетъ къ нему съ неба архангела Гавріила, чтобъ онъ, стоя у изголовья, охранялъ императора и наводилъ на него вѣщія сновидѣнія. Эти сновидѣнія исполнены ужаса. Снится Карлу страшная буря съ грозою; на французское войско бросаются лютые звѣри и чудовища, онъ самъ сцѣпился въ отчаянной борьбѣ со львомъ. Потомъ снится Карлу, будто онъ въ Ахенѣ держитъ въ цѣпяхъ медвѣжонка. Изъ арденскихъ лѣсовъ выбѣгаютъ тридцать медвѣдей и кричатъ человѣческимъ голосомъ: «Государь! отдай намъ его! ты не въ правѣ захватить его! Поможемъ нашему родственнику»! Потомъ будто бы выскочили борзыя собаки и бросились на самаго большаго изъ медвѣдей, и завязалась страшная между ними борьба.

«Такъ ангелъ божій предвозвѣщалъ герою будущее» — говоритъ пѣсня, одѣвая эти вѣщія видѣнія въ тѣ чудовищные образы романскаго стиля, который столько же господствовалъ въ ту эпоху въ Бестіаріахъ, въ животномъ эпосѣ (Reinhart Fuchs) и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ, сколько и въ романскомъ стилѣ архитектуры и скульптуры.

Между тѣмъ Марсилъ и всѣ сарацыны въ Саррагосѣ въ большой тревогѣ. Марсилъ призываетъ изъ Вавилона эмира

Балигана, стараго амирала [1]), который, говоритъ пѣсня иронически (?), пережилъ своею славою [2]) и Виргилія и Гомера. Это и другія мѣста не оставляютъ сомнѣнія, что французскій пѣвецъ уже былъ на столько свѣдущъ, что зналъ имена этихъ классическихъ поэтовъ. Балиганъ съ огромными военными силами приплываетъ по морю; его съ честью принимаютъ въ Испаніи.

Изъ Саррагосы сцена переносится во французскій лагерь. Карлъ проснулся, архангелъ Гавріилъ перекрестилъ его — тотчасъ же Карлъ съ войскомъ спѣшитъ на ронсевальскую долину. Отыскиваютъ трупы убитыхъ французовъ и предаютъ землѣ съ подобающими обрядами. Наибольшую честь воздаютъ Роланду, Оливье и архіепископу Турпину, трупы которыхъ полагаютъ на колесницы, чтобъ везти во Францію. Особенно предается печали Карлъ, причитывая надъ трупомъ своего племянника Роланда.

Наконецъ, Карлъ рѣшается страшною местью отомстить ронсевальское пораженіе. Пѣвецъ дѣлаетъ перечень десяти когортъ французскаго войска. Готфридъ Анжуйскій несетъ орифламму: «это — знамя св. Петра, потому оно и звалось *римскимъ*, но съ этихъ поръ стало называться *monjoie*» [3]).

Адмиралъ Балиганъ также готовится къ сраженію. «Онъ кажется настоящимъ барономъ [4]), говоритъ пѣсня: борода бѣлая, будто цвѣтокъ [5]); человѣкъ многопоученный въ законѣ сарацынскомъ; на полѣ битвы неустрашимъ и жестокъ. Изъ зависти къ Карлову мечу Joyeuse, о которомъ онъ часто слыхалъ, онъ назвалъ мечъ свой Preciose (précieuse, то-есть драгоцѣнный); также и кликъ воинскій въ его войскѣ былъ preciose» [6]). Отсюда до очевидности ясно толкованіе слова *monjoie*. Мавры изъ зависти

---

[1]) Смотри глоссарій у Edelst. du Meril въ его изданіи Floire et Blancheflors, стр. 242. Amiraill отъ арабскаго *Амир-аль*.

[2]) Tut survesgniet e Virgile e Omer. 4, 220.

[3]) Пѣснь 4, 698—700.

[4]) Пѣснь 4, 777 и слѣд.

[5]) Blanche ad la barbe ensement cum flur. 4, 778.

[6]) 4, 749.

будто бы пародировали священный обычай и священное имя, употребляемое французами въ битвахъ.

У Балигана тоже десять когортъ, которымъ пѣвецъ также дѣлаетъ перечень. Громадные отряды сарацынъ несутся, подъ звуки трубъ; во главѣ ихъ амиралъ Балиганъ; передъ нимъ наивный поэтъ заставляетъ нести знамена съ идолами, которымъ будто бы поклоняются мавры. Между идолами, какой-то драконъ и изображеніе Аполлона. Французы несутся на встрѣчу съ рѣшимостью умереть или побѣдить; потому они ужь не щадятъ свои бороды, выставили ихъ наружу. «Смотрите, чтò за надменность пресловутой Франціи»! воскликнули сарацыны: «какъ храбро скачетъ Карлъ, во главѣ своей бородатой арміи. Смотрите, они поверхъ кирассъ выпустили свои бѣлыя, какъ снѣгъ бороды! Будетъ страшная битва, небывалая въ мірѣ [1]). Адмиралъ Балиганъ не уступитъ въ храбрости. Онъ тоже выставилъ наружу свою бороду, бѣлую, какъ цвѣтъ боярышника» [2]).

До самыхъ сумерекъ продолжается кровопролитный бой, который, наконецъ, заключается рѣшительнымъ единоборствомъ самого Карла съ адмираломъ Балиганомъ. Сначала борьба идетъ съ равнымъ успѣхомъ. Надменный сарацынъ даже рѣшается предложить Карлу миръ, на томъ условіи, чтобъ онъ принялъ сарацынскую вѣру и подчинился власти сарацынскаго короля. И когда Карлъ съ достоинствомъ отвергаетъ его надменныя предложенія, Балиганъ такъ сильно поражаетъ Карла по шлему, что ранилъ голову до кости. Карлъ зашатался, и чуть не упалъ. «Но Богъ не захотѣлъ, чтобъ онъ былъ убитъ или побѣжденъ. Самъ св. Гавріилъ нисходитъ къ нему, и спрашиваетъ: О, Карлъ, чтò съ тобой?» Тогда вдругъ у Карла возрождается сила, и онъ низвергаетъ своего врага мертваго на земь [3]), а все войско сара-

---

[1]) 5, 53 и слѣд.

[2]) Cume flurеn espine. 5, 259. Объ эпическомъ значеніи бороды въ этомъ и другихъ мѣстахъ, смотри мою монографію о богатырскомъ эпосѣ.

[3]) 5, 351. Сличите въ русскихъ былинахъ, какъ «лежучи подъ богатыремъ — нахвальщиною» у Ильи Муромца втрое силы прибыло, только что онъ вспомнилъ, чтò про него было написано у св. отцовъ и апостоловъ.

цынское предается бѣгству. — Французы его преслѣдуютъ вплоть до Саррагосы. — Супруга Марсилла, королева Брамидона, видѣла пораженіе сарацынскаго войска французами съ башни, куда она взошла «вмѣстѣ съ клериками и канониками ложной вѣры, которая не угодна Господу Богу» (у этого духовенства нѣтъ ни іерархіи, ни «короны на головахъ», наивно замѣчаетъ пѣвецъ — то-есть, выстриженнаго гуменца, какъ у католическихъ монаховъ). Разносится ужасная вѣсть о приближеніи французовъ, и король Марсиллъ умираетъ отъ одного только страху.

Разбивъ враговъ, Карлъ вступаетъ въ Саррагосу, и королева Брамидона сдаетъ ему всѣ укрѣпленныя башни. Французскіе воины разбиваютъ всѣхъ ложныхъ боговъ и ихъ идоловъ, не оставляя ни одного колдуна. А Карлъ вѣруетъ въ истиннаго Бога, и хочетъ служить ему. Его епископы освятили воду, и повели сарацынъ къ купелямъ, для приведенія въ христіанство; а кто противился, того Карлъ повелѣвалъ вѣшать, убивать, и живьемъ сожигать. И привелъ тогда въ христіанскую вѣру болѣе ста тысячъ сарацынъ, которые стали христіанами. Не крестили они только самоѐ королеву: ее повели въ милую Францію плѣнницею; самъ Карлъ думаетъ обратить ее въ крещеную вѣру ласкою» [1]).

Оставивъ Саррагосу подъ охраненіемъ тысячи рыцарей, Карлъ вмѣстѣ съ войскомъ отправляется восвояси, ведя въ плѣну королеву Брамидону. Прошедши Нарбонну, Карлъ вступилъ въ Бордо. Тамъ, надъ алтаремъ *барона* св. Северина, помѣстилъ онъ знаменитый рогъ Олифанъ: «приходящіе туда пилигримы, тамъ его видятъ» [2]). Потомъ слѣдовалъ до самаго Блэ (Blaine, Blaye), съ останками своего племянника Роланда, Оливье, его благороднаго товарища, и мудраго и храбраго архіепископа. Велѣлъ положить ихъ въ бѣлые гробы у св. Ромена.

По историческимъ сказаніямъ, Карлъ похоронилъ въ Бордо тѣла многихъ убитыхъ бароновъ; что же касается до знаменитаго меча Роландова, то, по преданію, будто бы онъ былъ помѣ-

---

[1]) Ço voelt li reis par amur cunvertisset. 5, 411.

[2]) 5, 425.

щенъ въ головахъ, на гробу Роланда, а рогъ въ ногахъ; но потомъ рогъ былъ перенесенъ въ St. Leveriulez Bourdeaux, а мечъ въ Roquemadour en Quercy.

До послѣднихъ временъ сохранилось преданіе, что Карлъ и его двѣнадцать перовъ были великаны. Такъ думалъ и король Францискъ I, который, проѣзжая изъ Италіи, останавливался въ Блэ, и спускался въ погребальный склепъ, чтобъ видѣть гробы Роланда, Оливье и св. Ромена. Мраморные гробы оказались обыкновеннаго размѣра. Францискъ этимъ не удовольствовался: велѣлъ проломать отверстіе въ гробѣ Роланда, и, заглянувши внутрь, тотчасъ же велѣлъ отверстіе задѣлать.

Только что прибылъ Карлъ въ Ахенъ, тотчасъ же къ нему во дворецъ является Альда (Ода), прекрасная невѣста Роланда, сестра Оливье, дочь графа Ренье. Пѣсня о Роландѣ не описываетъ ея красоты; но по другимъ эпизодамъ карломанова цикла [1]) извѣстно, что волосы у ней были русые, сами вились мелкими кудрями, глаза свѣтло-голубые, *какъ у сокола* [2]), руки бѣлыя, какъ лѣтній цвѣтъ, ножки маленькія; румянецъ поднимался по лицу. Передъ самымъ походомъ въ Испанію, Турпинъ обручилъ Роланда съ Альдою.

И вотъ теперь невѣста является передъ Карломъ, и спрашиваетъ: «Гдѣ Роландъ военачальникъ? Онъ поклялся на мнѣ жениться». Больно стало тогда Карлу; слезы полились у него изъ очей, и онъ рвалъ свою сѣдую бороду: «Сестра, другъ мой! ты спрашиваешь о мертвомъ человѣкѣ — сказалъ онъ: — но я тебѣ замѣню его Лудовикомъ; лучше ничего не умѣю сказать тебѣ: онъ мой сынъ, и наслѣдникъ»! Альда отвѣчала: «Странна для меня такая рѣчь! Не угодно ни Господу Богу, ни святымъ его, ни его ангеламъ, чтобъ я пережила Роланда»! Сказала, и пала на землю мертвая.

Только этою короткою сценою ограничивается все, что̀ эта

---

[1]) Gerard de Viane, стих. 636 и слѣд.

[2]) Les oeils ot vairs come faucon *mué*. Слич. въ Словѣ о Полку Игор. *сокола въ мытѣхъ*, и *соколиныя очи* въ русскихъ былинахъ.

суровая, воинственная пѣсня сообщаетъ о любви Роланда и Альды. — Пѣсня еще не умѣетъ быть сентиментальною, но знаетъ, чтò такое истинная любовь, и мастерскимъ штрихомъ умѣетъ живописать ея глубокія движенія.

Затѣмъ наступаетъ судъ надъ Ганелономъ, въ высшей степени интересный для исторіи юридическаго быта этой ранней эпохи феодальныхъ и рыцарскихъ обычаевъ. «Написано въ древней исторіи — говоритъ пѣсня[1]) — что Карлъ собралъ въ Ахенъ людей изъ разныхъ земель. Судъ назначенъ былъ въ большой праздникъ; говорятъ, будто въ день *барона* св. Сильвестра. Здѣсь начался процесъ надъ измѣнникомъ Ганелономъ[2]), Карлъ велѣлъ его привести передъ себя; онъ былъ закованъ въ желѣза».

Карлъ самъ не имѣетъ права рѣшить дѣло Ганелона, и является передъ судьями въ качествѣ истца. Онъ излагаетъ свою жалобу въ слѣдующихъ терминахъ: «Господа бароны! разсудите правду между мною и Ганелономъ. Онъ былъ со мною въ войскѣ въ Испаніи; тамъ погубилъ у меня 20 тысячъ французовъ, моего племянника, котораго уже никогда не увижу, и Оливье храбраго и вѣжливаго[3]) и всѣхъ двѣнадцать перовъ; онъ ихъ предалъ за деньги».

Тогда предсталъ Ганелонъ; онъ былъ такой бравый, что казался настоящимъ барономъ. — Около него были судьи и до 30 человѣкъ родственниковъ. Голосомъ твердымъ и громкимъ воскликнулъ онъ: «Ради самаго Бога, господа, выслушайте меня! Точно, былъ я въ войскѣ императора и служилъ ему вѣрою и правдою, но племянникъ его Роландъ возненавидѣлъ меня и задумалъ меня убить. Я отправился посломъ къ Марсиллу. Въ этой опасности спасла меня моя ловкость; я только защищался отъ Роланда, отъ Оливье и всѣхъ ихъ товарищей. Карлъ и его благородные бароны знаютъ это хорошо. Я только отомстилъ, но

---

[1]) Il est escrit en l'ancienne Geste. 5, 479.
[2]) Des or cumencet le plait e les novelles.
[3]) Curteis — courtois. 5, 492.

не предалъ». — «Мы подумаемъ и разберемъ это дѣло», сказали судьи.

Подумавши, судьи предстали передъ Карломъ и говорили: «Государь! мы васъ просимъ, чтобъ вы освободили Ганелона, съ тѣмъ, чтобъ онъ отнынѣ и впредь служилъ вамъ вѣрою и правдою; оставьте его въ живыхъ. Онъ очень благородный человѣкъ[1]). Его смерть не воротитъ вамъ Роланда, ни золото, никакія сокровища не воскресятъ его». — «Всѣ вы предаете меня», отвѣчалъ имъ Карлъ.

Эти начатки гласнаго судопроизводства, господствующаго надъ авторитетомъ самаго императора, изъ области эпическаго вымысла выводятъ изслѣдователя на историческую почву, свидѣтельствуя о томъ, какъ рано у западныхъ народовъ развилось чувство правды и уваженіе къ личности подсудимаго. Несмотря на кровавую катастрофу, виновникомъ которой былъ Ганелонъ, этотъ предатель является передъ судомъ съ своимъ правомъ, и собравшаяся публика не можетъ отказать ему въ своемъ уваженіи, потому что онъ гнушается предательствомъ и объясняетъ свое злодѣяніе только мщеніемъ, такимъ мотивомъ, который въ эти грубыя времена казался позволительнымъ для каждаго честнаго человѣка.

Чтобъ рѣшить дѣло, надобно было прибѣгнуть къ суду божію, то-есть къ поединку.

Между родственниками Ганелона былъ нѣкто Пинабель: онъ умѣлъ хорошо говорить и хорошо излагать причины, а также защититься оружіемъ. Онъ былъ не только адвокатомъ Ганелона, но и поединщикомъ, который долженъ былъ въ единоборствѣ рѣшить дѣло своего родственника. Со стороны Карла выступилъ Тьерри, герцогъ Анжуйскій. Онъ называетъ Ганелона подлецомъ и предателемъ, котораго слѣдуетъ повѣсить, а тѣло сжечь.

Передъ единоборствомъ, поединщики, по обычаю, исповѣдались, отстояли обѣдню и причастились, а также сдѣлали богатыя приношенія въ монастыри на поминъ души.

[1]) Vivre le laisez, car mult est gentilz hom. 5, 548.

Единоборство произошло на зеленомъ лугу у городскихъ воротъ Ахена. Тьерри побѣдилъ, и Пинабель палъ мертвый. По понятіямъ грубой эпохи, процесъ кончился этимъ въ пользу Карла. Тогда спрашиваетъ онъ своихъ герцоговъ и графовъ, чтò ему дѣлать теперь съ тридцатью родственниками Ганелона, которые въ его пользу явились на судъ и теперь были заложниками за Пинабеля, погибшаго въ единоборствѣ съ Тьерри. — «Чтобъ ни одинъ не остался въ живыхъ» — таково было безчеловѣчное рѣшеніе совѣтниковъ. Тогда Карлъ приказываетъ нѣкоему Бабрюну (Basbrun): «Ступай и повѣсь ихъ всѣхъ на деревѣ въ проклятомъ лѣсу! чтобъ ни одинъ не миновалъ петли, а то клянусь этой бородой съ сѣдыми волосами[1]), ты самъ умрешь смертью».

Послѣ казни тридцати родственниковъ Ганелона, слѣдуетъ еще ужаснѣе сцена, жестокостью своею восходящая къ ранней эпохѣ европейскихъ дикарей. Надъ Ганелономъ должна была совершиться казнь, бывшая въ употребленіи у готѳовъ еще въ IV вѣкѣ, и оставившая по себѣ память, какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ сказкахъ. Ганелона по рукамъ и ногамъ привязали къ четыремъ дикимъ жеребцамъ, и пустили ихъ вдоль поля, посреди котораго была нарочно для того привязана кобыла. Пѣсня съ безчеловѣчнымъ вниманіемъ описываетъ, какъ кони размыкали несчастнаго предателя, какъ вытягивались его жилы, разрывались его члены и суставы, и какъ отсвѣчивала его кровь по зеленой травѣ. «Не хвались, коли предалъ ближняго» — пословицею заключаетъ пѣсня эту кровавую сцену [2]).

Совершивъ мщеніе, Карлъ крестилъ взятую имъ въ плѣнъ сарацынскую королеву. Она приняла вѣру, убѣжденная проповѣдью и примѣрами[3]). Обрядъ совершали епископы французскіе, баварскіе и алеманскіе. Въ крещеніи наречено было ей имя Юліанія.

---

[1]) Par ceste barbe dunt li peil sunt canut. 5, 692.
[2]) Ki traist altre, nen est dreiz qu'il s'en vant. 5, 711.
[3]) Tant ad oit e sermuns e essamples. 5, 716.

Этимъ благочестивымъ подвигомъ поэтъ будто хотѣлъ увѣнчать несчастный походъ Карла въ Испанію.

Быстрая смѣна жестокостей благочестивыми обрядами отлично характеризуетъ вѣкъ.

Наступаетъ ночь и Карлъ ложится спать. Во снѣ является ему архангелъ Гавріилъ и велитъ ему собрать свое войско и идти въ Сирію, потому что угнетенные тамъ христіане призываютъ его.

Пѣсня заключается извѣстіемъ о самомъ пѣвцѣ: «здѣсь оканчивается исторія, которую изложилъ Турольдъ» [1]).

Въ заключеніе, надобно сказать о внѣшнемъ, художественномъ достоинствѣ этой пѣсни. Въ этомъ отношеніи почитаю необходимымъ обратить вниманіе на слѣдующіе два пункта: 1) на замѣчательное единство дѣйствія, господствующее во всей пѣснѣ. Это могли вы замѣтить въ самомъ изложеніи, потому что я шелъ шагъ за шагомъ за теченіемъ разсказа, а не выбиралъ одно общее цѣлое изъ груды безсвязныхъ эпизодовъ, какъ это часто случается дѣлать въ народныхъ пѣсняхъ. Хотя вообще никакому внѣшнему единству въ художественномъ произведеніи не слѣдуетъ приписывать особенной важности, и тѣмъ больше въ этомъ произведеніи, но нельзя не обратить вниманіе на это качество въ пѣснѣ о Роландѣ потому, что оно даетъ намъ разумѣть о томъ, что Терульдъ или Турольдъ былъ уже не просто народный, невѣжественный пѣвецъ, но довольно развитой художникъ, который изъ народныхъ эпическихъ разсказовъ умѣлъ создать стройное цѣлое. 2) Время отъ времени послѣ нѣсколькихъ стиховъ въ древней рукописи пѣсни о Роландѣ помѣщается слово: *Aoi*. Это есть не что иное, какъ *avoi*, то-есть *à voie allons! en route!* то-есть воззваніе поющаго пѣвца, который идетъ въ бой вмѣстѣ съ другими воинами, и, поощряя ихъ мужество геройскими разсказами, время отъ времени восклицаетъ: *впередъ!*

Такъ въ самой внѣшней своей формѣ разобранная нами пѣсня

---

[1]) Ci falt la geste que Turoldus declinet.

принадлежитъ къ самымъ оригинальнымъ явленіямъ эпическаго творчества.

По нѣкоторымъ чисто церковнымъ причинамъ не только въ средніе вѣка, но даже и до настоящихъ временъ, пѣсня о Роландѣ Турольда, несмотря на ея высшія эпическія достоинства, была заслоняема въ общемъ употребленіи *ложною хроникою* архіепископа Турпина, собранною тоже изъ народныхъ разсказовъ, и давшею содержаніе множеству стихотворныхъ и прозаическихъ повѣствованій о походахъ Карла и его перовъ. (Turpini Vita Caroli magni et Rolandi).

Такъ какъ и самъ Карлъ былъ признанъ святымъ, и его воины, побитые сарацынами, были причислены къ лику христіанскихъ мучениковъ, такъ что въ мартирологіяхъ, подъ 3-мъ мая, записана даже и годовщина ронсевальскаго побоища; то само собою разумѣется, что въ средніе вѣка всего больше утовлетворяло вѣрующіе умы такое изложеніе этого событія, которое составляло бы часть цѣлой легенды о священныхъ подвигахъ Карла, что̀ и находили читатели въ этой ложной хроникѣ Турпина.

Основная мысль ея состоитъ въ возданіи должнаго чествованія апостолу Іакову въ Компостеллѣ, столицѣ испанской Галисіи. Это — знаменитый С.-Яго Компостельскій, куда на поклоненіе стали стекаться во множествѣ пилигримы съ конца XI столѣтія. Постоянная идея хроники — что апостолъ Іаковъ то̀ же для Запада, что̀ Іоаннъ для Востока, и что Компостелла, гдѣ покоятся реликвіи св. Іакова, то̀ же, что̀ Эфесъ, что обѣ эти церкви имѣютъ равныя достоинства, на томъ основаніи, что апостолы Іаковъ и Іоаннъ просили Іисуса Христа, чтобъ онъ водворилъ апостольскіе престолы, одному на правой его сторонѣ, а другому на лѣвой. Отсюда идетъ цѣлый рядъ доводовъ, чтобъ доказать, что въ мірѣ три верховныхъ апостола: Петръ, Іоаннъ и Іаковъ, основатели трехъ церквей: въ Римѣ, Эфесѣ и Компостеллѣ. Надобно знать, что эти самыя мысли были проповѣдываемы папою Ка-

ликстомъ II, отъ котораго осталось четыре слова въ честь С.-Яго Компостельскаго, котораго онъ ставитъ выше всѣхъ святыхъ, и особенно превозноситъ благочестивыя хожденія въ Компостеллу. Сверхъ того, этотъ папа торжественно призналъ святость ложной хроники Турпина, возведши ее до степени каноническихъ книгъ, и при этомъ оградилъ ее отъ столкновенія въ противорѣчіяхъ съ другими источниками, осуждая церковнымъ судомъ тѣхъ, кто будетъ слушать или повторять будто бы *лживыя пѣсни жонглеровъ*, къ которымъ надобно причислить и разобранную нами пѣсню Турольда. Такимъ образомъ, будучи благословлена самимъ папою, хроника стала священнымъ чтеніемъ, и въ XIII вѣкѣ послужила источникомъ житія Карла Великаго въ знаменитомъ житейникѣ святыхъ, извѣстномъ подъ именемъ *Золотой Легенды* Якова де-Ворагине. Какъ книга священная, эта ложная хроника Турпина о подвигахъ Карла Великаго до того направлена къ прославленію апостола Іакова, что къ ней присовокупляется цѣлый трактатъ о чудесахъ С.-Яго Компостельскаго, составленный тѣмъ же папою Каликстомъ II.

Если взять въ соображеніе, откуда попалъ Каликстъ на папскій престолъ, то для насъ будетъ вполнѣ ясно, что или самъ онъ, или кто изъ его подручниковъ въ угоду ему составилъ эту ложную хронику Турпина. Первое извѣстіе объ этой хроникѣ встрѣчается въ 1092 году, когда Каликстъ былъ еще только архіепископомъ въ Вьяннѣ; это былъ Гюи de Bourgogne, Гвидо Бургонскій, меньшій братъ Раймонда Бургундскаго, которому его жена Уррака, дочь Альфонса VI, принесла въ приданое графство Галисію съ главнымъ городомъ Компостелло. Ставъ потомъ папою, Каликстъ II, можетъ быть, своимъ папскимъ авторитетомъ прикрылъ благочестивый подлогъ, который онъ еще во Франціи пустилъ въ ходъ подъ именемъ хроники Турпина. Во всякомъ случаѣ, было въ интересахъ вьянскаго архіепископа — этой ложью прославить Компостелло, связавъ его съ чудесами апостола Іакова, какъ для церковныхъ доходовъ, такъ и для ав-

торитета брата своего, Раймонда Бургундскаго, владѣтеля Компостелло и родоначальника второй линіи королей кастильскихъ.

Впрочемъ, кто бы ни смастерилъ этотъ знаменитый подлогъ, во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что онъ относится къ концу XI вѣка.

По разсказу ложной хроники Турпина, Карлъ предпринялъ походъ въ Испанію по повелѣнію апостола Іакова, который самъ явился ему въ чудесномъ видѣніи.

Однажды Карлъ, утомившись своими воинскими подвигами, вдругъ видитъ на небѣ цѣлый звѣздный путь, который шелъ отъ моря французскаго, между Франціею и Аквитаніею, потомъ проходилъ черезъ Гасконію, страну Басковъ, и достигъ до Галисіи, гдѣ оставались еще въ безвѣстности мощи св. Іакова. И въ теченіе нѣсколькихъ дней Карлъ видѣлъ тотъ звѣздный путь, недоумѣвая, что̀ онъ значитъ, какъ, наконецъ, является передъ нимъ прекрасный рыцарь, и спрашиваетъ: «Чего ты желаешь, сынъ мой»? — «Кто ты, господине»? возразилъ Карлъ. — «Азъ есмь апостолъ Іаковъ, отвѣчалъ явившійся: — сынъ Зеведеевъ, братъ евангелиста Іоанна, избранный вмѣстѣ съ нимъ на морѣ галилейскомъ проповѣдовать слово божіе народамъ. Потомъ меня поразилъ мечъ Ирода, а мощи мои скрываются въ Галисіи, безславно попираемые сарацынами. Тебѣ назначено освободить меня изъ рукъ моавитянъ. Звѣздная полоса, которую ты зришь на небѣ, указываетъ тебѣ путь, по которому ты долженъ слѣдовать во главѣ многочисленнаго войска, и по которому послѣ тебя будутъ проходить народы, прославляя Бога и чудеса его угодниковъ» (то-есть богомольцы къ С.-Яго компостельскому).

Итакъ, вотъ тотъ легендарный оборотъ, который былъ данъ Карлову походу въ Испанію и ронсевальскому побоищу средневѣковымъ благочестіемъ, ловко обманутымъ удачною ложью, поддерживаемою самимъ папою Каликстомъ II. То-есть: походъ Карла противъ сарацынъ — одно изъ чудесъ самого апостола Іакова.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что ронсевальское побоище составляетъ только эпизодъ Турпиновой хроники.

Вотъ главные герои этого повѣствованія, составляющаго варіантъ редакціи Турольда:

Въ Саррагосѣ царствуютъ два короля, оба братья: Марсилліусъ и Белигандъ. Карлъ посылаетъ къ нимъ Ганелона, чтобъ они крестились, и дали ему дань. — Сарацынскіе короли посылаютъ Карлу тридцать вьючныхъ лошадей съ сокровищами, шестьдесятъ съ сладкимъ виномъ и сто съ прекрасными дѣвицами. — Между тѣмъ, они уговариваются съ Ганелономъ, который долженъ предать имъ французовъ. Ганелонъ возвращается во французскій станъ съ богатою добычею, которая очень дорого обошлась французамъ, потому что въ то время, какъ сарацыны собирались напасть на французскихъ воиновъ, эти послѣдніе въ своемъ станѣ пили вино, и веселились съ присланными изъ Саррагосы прекрасными невольницами. — Эта подробность, бросающая тѣнь на христіанскихъ героевъ, у Турольда, какъ мы видѣли — устранена.

Сарацыны нападаютъ на французовъ — и послѣ разныхъ колебаній счастія, избиваютъ весь арріергардъ. — Но Марсиллъ убитъ Роландомъ. — Изъ французовъ въ ронсевальской долинѣ, остаются только Роландъ, Бальдевейнъ и Тедрихъ. — Роландъ раненъ. Онъ такъ страшно трубитъ въ рогъ, что раскалываетъ его надвое. — Тедрихъ присутствуетъ при кончинѣ Роланда, и его исповѣдуетъ; душу Роланда ангелы возносятъ на небо.

Турпинъ тогда находился при Карлѣ. Изъ вѣщаго видѣнія онъ узнаетъ о случившемся, и сообщаетъ Карлу, что душу Роланда вознесъ на небо архангелъ Михаилъ, а душу Марсилла демоны низвергли въ адъ. Вслѣдъ за тѣмъ, является Бальдевейнъ, и подтверждаетъ Карлу истину этого видѣнія. Карлъ тотчасъ возвращается съ войскомъ отомстить пораженіе. На ронсевальской долинѣ оплакиваетъ трупы Роланда и Оливье, и слѣдуетъ за сарацынами, а солнце на цѣлые три дня неподвижно останавливается на небѣ. Карлъ достигаетъ сарацынъ на Эбро

и истребляетъ ихъ 4,000; потомъ возвращается въ ронсевальскую долину.

Конецъ разсказа о судѣ надъ Ганелономъ тотъ же. Тьерри, поразившій въ единоборствѣ Пинабеля, есть тотъ самый Тедрихъ, который присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Роланда.

Вильгельмъ Гриммъ, въ своемъ отличномъ предисловіи къ нѣмецкому Ruolandes liet (пѣсня о Роландѣ) 1838 г., разсматриваетъ обстоятельно и съ большимъ филологическимъ и эстетическимъ тактомъ всѣ редакціи этого поэтическаго сказанія, и во многомъ отдаетъ Турпиновой хроникѣ предпочтеніе передъ Турольдомъ, въ первобытности эпическихъ мотивовъ.

Изъ этихъ мотивовъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе два:

1) У Турольда ненависть Ганелона къ Роланду — мѣсто темное, сбивчивое, хотя на этой ненависти держится вся завязка поэмы. Странно, почему оскорбился Ганелонъ тѣмъ, что Роландъ именно ему рекомендуетъ ѣхать посломъ къ Марсиллу, когда этой чести домогался и самъ Роландъ, и другіе знаменитые герои. — У Турпина предательство Ганелона объясняется очень просто, и согласно съ жадностью варварскихъ временъ. Ганелона просто подкупили сарацынскіе короли, и изъ-за денегъ Ганелонъ предаетъ своихъ. — Турольдъ видимо хотѣлъ смягчить предательство болѣе благороднымъ мотивомъ, для того, чтобъ не слишкомъ унизить французскаго барона. Поэтому, мы видимъ, что и во время суда, Ганелонъ не теряетъ своего нравственнаго достоинства. Это уже черта искусственная и относится къ эпохѣ болѣе развитой. Мотивъ алчности заимствованъ въ ложной хроникѣ Турпина изъ источниковъ древнѣйшихъ.

2) Точно также, Турольдъ не хотѣлъ бросить тѣни на французское войско грязною картиною пьянства и разврата, которымъ предаются французы, передъ тѣмъ, какъ захватили ихъ въ расплохъ въ узкомъ ущельи сарацыны. По убѣжденіямъ Турольда, защитники христіанства противъ мусульманъ должны были чис-

тые душою и тѣломъ — приступить къ рѣшительной битвѣ. Древній народный эпизодъ, откуда черпала Турпинова хроника, еще не зналъ этой тонкости, и изобразилъ французскихъ воиновъ, какъ обыкновенныхъ солдатъ, падкихъ на лакомую добычу, хотя бы она досталась и отъ сарацынъ и могла бы наложить грѣхъ на душу.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, Турпинова хроника есть уже прозаическое, испорченное переложеніе полатыни древнихъ народныхъ пѣсенъ, между тѣмъ, какъ пѣсня Турольда отличается свѣжестью родныхъ звуковъ французскаго языка.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать два слова о томъ, на какомъ языкѣ первоначально произошла пѣсня о Роландѣ, на провансальскомъ или на французскомъ. Иные ученые стоятъ за провансальское происхожденіе, основываясь на самой мѣстности, которая была поприщемъ описываемыхъ подвиговъ. Но судя по складу пѣсни и по грубымъ первобытнымъ мотивамъ, уцѣлѣвшимъ въ ложной хроникѣ Турпина, видно, что этотъ строгій эпическій стиль не имѣетъ ничего общаго съ характеромъ провансальской поэзіи. Въ то время, какъ въ Провансѣ начинается уже новый искусственный лирическій родъ поэзіи, къ сѣверу, въ собственной Франціи еще процвѣтала эпическая простота ранняго, безъискусственнаго творчества. Скорѣе можно предположить, что пѣсни о Роландѣ и Карлѣ-Великомъ были общимъ достояніемъ не только французскаго, но и нѣмецкаго сосѣдняго населенія, но въ Провансѣ ранѣе онѣ подверглись искусственной переработкѣ.

1864 г.

ИСПАНСКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ О СИДѢ.

Имя Сида давно пользуется извѣстностью въ нашей литературѣ, благодаря Жуковскому, который еще въ 1832 году перевелъ нѣсколько романсовъ объ этомъ героѣ съ Гердерова нѣмецкаго перевода. Сверхъ легкости и нѣжности стиха Жуковскаго, наша публика постоянно питала интересъ къ этимъ романсамъ, сначала, въ эпоху господства романтическаго вкуса, потому что они рисуютъ средніе вѣка, а въ послѣдствіи, когда яснѣе опредѣлилось значеніе народной поэзіи, потому что они предлагаютъ оригинальный образецъ историческаго эпоса.

Если народный эпосъ котораго либо одного изъ индо-европейскихъ народовъ основывается на миѳологическихъ преданіяхъ; то сравнительная миѳологія индо-европейскихъ народностей, такъ удачно разрабатываемая въ настоящее время, предложитъ много данныхъ для сравнительнаго изученія такого эпоса. Это, безъ сомнѣнія, можно сказать объ эпосѣ нѣмецкомъ вообще и о сѣверномъ въ особенности. Если же народный эпосъ слагается преимущественно изъ элементовъ историческихъ, то-есть, значительно позднѣйшихъ, каковы французскія такъ называемыя Chansons de Geste или испанскіе романсы о Сидѣ; то собственно сравнительный методъ, основанный на мысли о первобытномъ сродствѣ индо-европейскихъ народностей, такъ же мало можетъ

быть примѣненъ къ этимъ произведеніямъ романскихъ племенъ, какъ къ новелламъ Боккачіо или къ Письмовнику Курганова.

Эпосъ романскихъ племенъ, сосредоточенный на историческихъ личностяхъ и развитый въ обстановкѣ христіанскихъ понятій и обычаевъ, рѣзко отдѣляется искусственностью въ жизни и въ литературѣ отъ первобытныхъ зачатковъ индо-европейской миѳологіи, бывшихъ нѣкогда общимъ достояніемъ всѣхъ одноплеменныхъ народовъ. Въ *Пѣснѣ о Роландѣ*, равно какъ и въ *Романсахъ о Сидѣ*, уже христіанская легенда заступаетъ мѣсто миѳологическаго чудеснаго. Сравнивать между собою такія произведенія можно только исторически, то-есть, указывая на позднѣйшее литературное вліяніе одного произведенія на другое, или ставя ихъ на одинаковой степени относительно выражаемаго ими историческаго развитія ранней цивилизаціи во Франціи и Испаніи. Слѣдуя этому методу, нѣкоторые ученые объясняютъ себѣ испанскую поэму о Сидѣ XII вѣка вліяніемъ французскихъ Chansons de Geste и особенно вліяніемъ Пѣсни о Роландѣ. По этому же методу можно изучать сравнительно народный бытъ французскій и испанскій, по скольку тотъ и другой отразились въ раннихъ эпическихъ произведеніяхъ этихъ обѣихъ націй.

Обращаясь къ русскимъ былинамъ, сначала надобно поставить на видъ, что наши ученые еще не успѣли согласиться въ пути, по которому слѣдуетъ разрабатывать русскій народный эпосъ. Одни надѣются открыть въ немъ первобытныя основы, общія всѣмъ индо-европейскимъ народамъ, и усвоиваютъ себѣ собственно сравнительный методъ. Другіе, опасаясь, чтобъ сравнительная миѳологія не завела изслѣдователей слишкомъ далеко, ограничиваются методомъ историческимъ, и въ русскихъ былинахъ только то считаютъ существенно важнымъ, въ чемъ выражается позднѣйшій историческій бытъ русскаго народа.

Кто допускаетъ методъ собственно сравнительный, тотъ можетъ, напримѣръ, сблизить Илью Муромца съ Торомъ или съ другимъ какимъ нибудь лицомъ миѳологическаго эпоса родственныхъ индо-европейскихъ народовъ. Если же кто нибудь взду-

малъ бы сравнить того же русскаго богатыря съ Роландомъ или Сидомъ, съ личностями историческими, оторванными отъ раннихъ основъ миѳологическаго эпоса и развитыми въ эпосѣ собственно историческомъ; то это сравненіе было бы только случайнымъ сопоставленіемъ двухъ совершенно разнородныхъ личностей — одной изъ русскаго быта, другой — изъ французскаго или испанскаго, неимѣющихъ между собою ничего общаго, не соприкасавшихся другъ съ другомъ въ эпоху созданія этихъ эпическихъ идеаловъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сравненіе возможно только въ одномъ отношеніи, именно, по степени развитія народнаго быта, выраженнаго въ русскихъ былинахъ съ одной стороны, и въ пѣснѣ о Роландѣ или въ романсахъ о Сидѣ съ другой. И русскій бытъ, и французскій или испанскій, тотъ и другой исторически слагались независимо другъ отъ друга, но могли между собою сходствовать, какъ по врожденному всѣмъ народамъ единообразію въ общихъ началахъ историческаго развитія, такъ и по христіанскимъ основамъ, общимъ въ цивилизаціи всѣхъ европейскихъ народовъ, и католическихъ, и православныхъ.

Въ романскомъ эпосѣ, дѣйствительно, можно найти много подробностей, сходныхъ съ встрѣчающимися въ нашихъ былинахъ. Сходство это, безъ сомнѣнія, не имѣетъ ничего общаго съ единствомъ первобытныхъ основъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Оно скорѣе объясняется вообще простотою и грубостью ранней цивилизаціи средневѣковыхъ народовъ, нѣкоторыми обычаями, которые искусственными путями распространялись между народами, у однихъ раньше, у другихъ позднѣе, наконецъ вліяніемъ христіанства, церковныхъ книгъ и другихъ литературныхъ источниковъ, общихъ и на Востокѣ, и на Западѣ.

Французскіе герои въ Chansons de Geste, такъ же какъ наши богатыри въ былинахъ, отличаются непомѣрною силою, и въ этомъ случаѣ сохраняютъ въ себѣ нѣкоторыя черты сверхъестественныхъ личностей древнѣйшаго миѳологическаго эпоса, хотя уже значительно искаженныя сказочною фантастичностью

и болѣе или менѣе сближенныя съ средневѣковыми легендами. Такъ *Графъ Вильгельмъ Курносый* или *Оранжскій*[1]), подъ конецъ своей тревожной воинской жизни, спасая свою душу въ монашескихъ трудахъ, однажды, будучи посланъ изъ монастыря за покупкою рыбы, встрѣчаетъ въ лѣсу разбойниковъ и отдѣлывается отъ нихъ съ такимъ же молодечествомъ и непомѣрною силою, какими въ былинахъ характеризуются русскіе богатыри. Однимъ ударомъ кулака Вильгельмъ поразилъ самого атамана, потомъ другаго разбойника, потомъ схватилъ еще двоихъ и такъ стукнулъ другъ о друга, что разможжилъ ихъ черепы; схватилъ еще одного, и, махнувши имъ три раза въ воздухѣ, разшибъ въ дребезги объ дубъ. Тогда остальные разбойники стали метать въ него копьями. Плохо пришлось графу, и только тогда онъ догадался, что аббатъ его предалъ, намѣренно пославши мимо разбойничьяго стана и не велѣвъ ему вооружаться ни латами, ни щитомъ. Сверхъ того аббатъ велѣлъ ему ничѣмъ другимъ не драться, какъ *плотью* и *костью;* потому Вильгельмъ выломилъ у одного изъ лошаковъ ногу съ окорокомъ, и сталъ ею такъ ловко помахивать, что перебилъ остальныхъ разбойниковъ. Потомъ, помолившись Богу объ исцѣленіи лошака, онъ приставилъ къ нему выломленную ногу, и нога, по повелѣнію Божію, тотчасъ приросла.

Этотъ послѣдній мотивъ отзывается глубокою древностью. Также чудеснымъ образомъ воскрешаетъ своего козла Скандинавскій Торъ — миѳъ, который, по мнѣнію нѣмецкихъ ученыхъ, впослѣдствіи былъ перенесенъ на Сильвестра папу въ сказаніи о томъ, какъ онъ воскресилъ быка.

Подобное же приключеніе хроника монастыря Новалезе приписываетъ Вальтеру Аквитанскому во время его монашества.

Вмѣстѣ съ страшною силою, герои, какъ наши богатыри, непомѣрно много пьютъ и ѣдятъ. Такъ *Ожье Датскій* ѣлъ въ пятеро больше обыкновеннаго воина.

---

[1]) Jonckbloet, Guillaume d'Orange. 1854 г., II, стр. 134 и слѣд.

Французскіе герои раннихъ эпическихъ сказаній, еще не успѣвшихъ принять на себя искусственный лоскъ рыцарской сентиментальности, отличаются суровыми нравами и варварскою жестокостью, не уступая въ этихъ качествахъ нѣкоторымъ изъ нашихъ богатырей.

Для примѣра вотъ нѣсколько выдержекъ изъ *пѣсни о Логеренахъ* или *Лорренахъ* (Loherains, Lorrains)[1]). Вся эта пѣсня наполнена повѣствованіями о междуусобныхъ стычкахъ между феодальными фамиліями. Въ описаніи воинскаго быта чувствуется еще ранняя, суровая эпоха. Въ повѣствованіи о враждѣ сыновей Гервиса Метцкаго, Гарена Лорренскаго и Бега или Бегона де Белэнъ съ фамиліею Фромона Бордосскаго, между прочимъ разсказывается, какъ Бегонъ, убивши на поединкѣ своего врага Изоре, бросился на его трупъ, распоролъ ему грудь (какъ обыкновенно дѣлаютъ и наши богатыри), и, вынувши оттуда сердце, бросилъ его въ лицо родственнику убитаго, воскликнувши: «вотъ тебѣ сердце твоего двоюроднаго брата! хоть посоли его, хоть изжарь»!

Гаренъ былъ убитъ. Сынъ его, Жирберъ, отправляясь въ Парижъ къ королю Пепину, на пути встрѣтился съ однимъ изъ убійцъ своего отца, и жестоко отмстилъ ему. Отрубилъ ему голову, распоролъ грудь и животъ, внутренности кинулъ въ рѣку, и, изрубивши трупъ на мелкія части, разбросалъ ихъ по полю. Къ такимъ же точно жестокостямъ не разъ прибѣгаютъ и наши богатыри, даже самъ Илья Муромецъ, впрочемъ, при всей его гуманности, сравнительно съ другими его товарищами. Вотъ напримѣръ, какъ онъ поступаетъ съ своимъ роднымъ сыномъ, Сокольникомъ:

Ударилъ Сокольника въ бѣлы груди
И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,

---

[1]) Histoire littéraire de la France, XXII, стр. 587 и слѣд.

Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ;
Выскочетъ Илья изъ бѣла шатра,
Хватилъ за ногу на другу наступилъ,
На полы Сокольничка разорвалъ,
Половину бросилъ въ Сахатарь рѣку,
А другую оставилъ на своей сторонѣ:
«Вотъ тебѣ половинка, мнѣ другая:
«Раздѣлилъ я Сокольничка, охотничка».

Еще безчеловѣчнѣе казнитъ онъ свою дочь:

Ступилъ онъ паленицы на лѣву ногу.
И подергнулъ паленицу за праву ногу:
Онъ ю на двое порбзорвалъ.
Первую частиночку рубилъ онъ на мелкѝ куски
И рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку сѣрыимъ волкамъ;
А другую частиночку рубилъ онъ на мелкѝ куски,
Рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку чернымъ воронамъ [1]).

При суровости нравовъ вообще, положеніе женщины во французскихъ Chansons de Geste очень не завидное и во многомъ сходно съ описываемымъ въ нашихъ былинахъ. Жестокое обращеніе съ женщинами тѣмъ непріятнѣе поражаетъ во французскихъ пѣсняхъ, что произведенія эти, рядомъ съ варварскими выходками, грубымъ отсадкомъ старины, предлагаютъ образщики и рыцарской вѣжливости.

Въ примѣръ жестокости можно привести изъ *пѣсни о Доонѣ Маинцкомъ* [2]) подробности о томъ, какъ его мать оклеветалъ Сенешаль Гершамьо въ убійствѣ ея мужа, графа Маинцкаго Гюи, то-есть, отца героя пѣсни, Доона. Сенешаль схватилъ графиню за косы и притащилъ на судилище, гдѣ собравшіеся ба-

---

[1]) Смотр. Кирѣевск. Пѣсни 1, 15; Рыбник. Пѣсни I, 80, 74—75. Слич также въ монографіи: *Русскій богатырскій эпосъ.*

[2]) Les anciens poétes de la France. Doon de Maience, par Pey. 1859.

роны такъ же безчеловѣчно съ нею обращаются, рвутъ ей косы и связываютъ руки такъ крѣпко, что кровь изъ подъ ногтей показалась.

Французскіе герои уже, какъ рыцари, говорятъ комплименты своимъ дамамъ, но часто поступаютъ съ ними такъ же наивно и грубо, какъ наши нецивилизованные богатыри. Въ то время, какъ *Роландъ* совершаетъ подвиги на полѣ битвы, его невѣста *Альда*, стоя на городской стѣнѣ во враждебномъ войскѣ, любуется на своего рыцаря и, будто сама напрашиваясь, бросаетъ ему вызывающій намекъ: «я думаю, что ужъ вѣрно не пощадили бы вы и меня, если бы вамъ удалось похитить меня отсюда въ свою палатку». Роландъ не вытерпѣлъ, бросился на валъ, схватываетъ Альду и увлекаетъ къ себѣ въ палатку [1]).

У насъ въ старину выдавали дѣвицу за мужъ, не только не справляясь съ ея сердцемъ, но даже до самаго вѣнца не сказывая ей, за кого ее выдаютъ, будто это дѣло вовсе и не ея касается. Тотъ же обычай не разъ проглядываетъ во французскихъ Chansons de Geste. Такъ въ *пѣснѣ о четверыхъ сыновьяхъ Аймона*, гасконскій король Іонъ такимъ же порядкомъ выдаетъ свою сестру Кларину за знаменитаго Ринальда, одного изъ этихъ четверыхъ героевъ. Король приходитъ къ Кларинѣ и увѣдомляетъ ее, что онъ, безъ ея вѣдома, уже отдалъ ея руку жениху. Сестра въ смущеніи и страхѣ спрашиваетъ: «ради Бога, скажите, кому вы меня отдали»? — «Будь спокойна, прекрасная сестра! Лучшему изъ рыцарей, какой когда либо опоясывалъ свой мечъ: я тебя отдалъ статному Ринальду, сыну Аймона». Услышавши то — продолжаетъ пѣсня — дѣвица успокоилась [2]).

Униженіе правъ женщины развиваетъ и поддерживаетъ въ ней обманъ, хитрость и дурныя наклонности. Наши былины любятъ изображать княгиню Апраксѣевну въ роли Пентефріевой жены. Точно также, супруга короля Карла, *Галіенна*, полюбила

---

[1]) «Lai en feist toute sa volonté» Histoire lit. de la France. XXII, стр. 455.
[2]) Ibid., стр. 682.

Гарена Монглянскаго, и разъ сдѣлала ему сцену въ родѣ той, какая была между Іосифомъ Прекраснымъ и супругою Фараонова царедворца. Когда Гаренъ отвергъ ласки королевы, на ея вопли пришелъ самъ Карлъ, и королева должна была признаться, что страстно любитъ Гарена. Карлъ поклялся убить соперника. Съ этою цѣлью онъ садится съ нимъ играть въ шахматы. Если выиграетъ Гаренъ, можетъ взять, что̀ хочетъ, даже корону Франціи и самое королеву, а если проиграетъ, заплатитъ своею головою. Садясь играть, поклялись они на крестѣ и Евангеліи. Гаренъ выигралъ, но не потребовалъ отъ Карла условленнаго заклада [1]).

Я привелъ эти послѣднія подробности для того, чтобъ показать, какъ онѣ сходны съ описанными не разъ въ нашихъ былинахъ. Игра въ шахматы и у нашихъ богатырей и ихъ супругъ, и у французскихъ героевъ и героинь — самая употребительная забава. И у насъ, и во Франціи, эпическіе игроки, садясь играть въ шахматы, бьются «о великъ закладъ».

Мы еще разъ воротимся къ мелкимъ бытовымъ подробностямъ, общимъ въ нашихъ пѣсняхъ и въ французскихъ Chansons de Geste; а теперь, въ разсужденіи положенія женщины, почитаю необходимымъ заключить слѣдующимъ сравненіемъ.

Запава Путятишна, отличающаяся отъ другихъ своихъ современницъ эманципированнымъ характеромъ, сама приходитъ къ Соловью Будимировичу свататься. Это жениху не понравилось:

Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица, въ любовь пришла,
А тѣмъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
Что сама себя, дѣвица, просватала [2]).

Тотъ же мотивъ встрѣчаемъ и въ романскомъ эпосѣ, не смотря на значительное развитіе понятій о достоинствахъ женщины, внесенное въ Chansons de Geste рыцарскими нравами. По смерти

---

[1]) Ibid., стр. 441.

[2]) Слич. Рыбник. Пѣсни 1, 331, и монографію: *Русскій богатырскій эпосъ*.

герцога Бургонскаго, король Карлъ предлагаетъ *Жирару Віанскому* Бургонью, а въ супруги ему прекрасную вдову того герцога. Потомъ Карлъ раздумалъ, потому что самъ плѣнился красотою вдовы и хотѣлъ на ней жениться. Но герцогинѣ больше нравится Жираръ. Она сама къ нему приходитъ и объявляетъ ему, что его любитъ, и сама предлагаетъ ему свою руку. Тогда Жираръ съ негодованьемъ ее спрашиваетъ: «не ужели обычай измѣнился, и теперь принято, чтобъ сами невѣсты приходили свататься»? [1])

Изъ множества мелкихъ подробностей, общихъ нашимъ былинамъ и романскому эпосу, для примѣра приведу нѣсколько. Иныя подробности объясняются вліяніемъ разныхъ сказокъ и сказаній, въ ранніе средніе вѣка распространенныхъ и на востокѣ, и на западѣ; иныя — объясняются одинаковыми или сходными условіями и обстоятельствами историческаго быта.

Узнавать человѣка, долго отсутствовавшаго, по кольцу, которое когда-то было дано ему — мотивъ самый общій и въ сказкахъ, и въ эпизодахъ народнаго эпоса. Такъ въ *пѣснѣ о Жирарѣ Русильёнскомъ*, королева узнаетъ этого героя между нищими въ церкви, по кольцу, которое она сама нѣкогда дала ему.

Какъ мать Добрыни Никитича, послѣ многолѣтней его отлучки, на силу узнаётъ его, страшно измѣнившагося отъ непогоды и всякихъ превратностей, претерпѣнныхъ на пути; такъ и супруга *Аймона* узнаётъ своего сына Ринальда по ранѣ, полученной имъ въ дѣтствѣ, не смотря на то, что отъ лишеній во время семилѣтняго скитальчества онъ страшно измѣнился: кожа на немъ одеревенѣла, а лицо почернѣло.

Карлъ воспитывалъ при себѣ *Гарнье Нантёйлскаго*, внука Доона Маинцкаго, и очень любилъ его [2]); бралъ съ собою на охоту и всегда держалъ при себѣ, а когда ложился спать, то Гарнье приходилъ въ спальню и забавлялъ Карла пѣснями. Этотъ придвор-

---

[1]) Histoire lit. de la France. XXII, стр. 450.

[2]) Въ пѣснѣ Gui de Nanteuil, изд. Мейеромъ, 1861 г.

ный обычай соотвѣтствуетъ въ нашихъ былинахъ должности княженецкаго *постельничаго*. При князѣ Владимірѣ [1]) въ этой должности особенно знаменитъ былъ Чурило Пленковичъ:

И живетъ то Чурило въ постельникахъ,
Стелетъ перину пуховую,
Кладываетъ зголовьице высокое,
И сидитъ у зголовьица высокаго,
Играетъ въ гуселышки яровчаты,
Спотѣшаетъ князя Владиміра
А княгиню Опраксію больше того [2]).

Въ былинѣ о Ермакѣ [3]), казаки, чтобъ увеличить свое войско въ глазахъ непріятеля, прибѣгнули къ хитрости:

Подѣлали людей соломенныхъ
И нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.

Въ *Пѣснѣ объ Ожье Датскомъ*, Карлъ осаждаетъ этого героя въ замкѣ Кастельфоръ. Послѣ продолжительной осады, Ожье теряетъ, одного за другимъ, всѣхъ своихъ воиновъ, и въ крайности прибѣгаетъ къ подобной же хитрости. Какъ искусный скульпторъ, надѣлалъ онъ изъ дерева воиновъ, съ ногъ до головы одѣлъ въ вооруженіе, и, для большаго страха врагамъ, изъ хвоста своего коня подѣлалъ этимъ чучеламъ длинныя бороды и распустилъ ихъ. Хитрость произвела полный успѣхъ. Карлъ вообразилъ, что самъ адъ помогаетъ Ожье, замѣняя убитыхъ воиновъ живыми.

Борода, имѣющая не малое значеніе во внѣшнемъ типѣ нашихъ богатырей, равно какъ и въ икононисныхъ подлинникахъ

---

1) Рыбник. Пѣсни 1, 265.
2) Слич. во французской пѣснѣ:
Quant le roi vent dormir, Garniers est au couchier,
Et dit chansons et sons por le noi solacier.
3) Кирш. Данил., стр. 116.

древней Руси, играетъ не послѣднюю роль и въ бытѣ, и въ эпическихъ выраженіяхъ у Романскихъ народовъ, напр. въ знаменитой *Пѣснѣ о Роландѣ*, въ древнѣйшихъ источникахъ испанскаго эпоса о Сидѣ [1]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ очевидно, что сближеніе нашихъ былинъ съ эпизодами Романскаго эпоса можетъ быть только случайное, основанное на общихъ источникахъ и на одинаковомъ уровнѣ историческаго развитія быта и соотвѣтствующихъ быту поэтическихъ представленій. И на оборотъ, различныя степени бытоваго и политическаго развитія отражаются и въ поэзіи различіемъ въ типахъ нашихъ богатырей и романскихъ героевъ. Такимъ образомъ Сидъ Кампеадоръ, по однимъ сказаніямъ испанскаго эпоса извѣстной эпохи, можетъ сходствовать съ нашимъ Ильею Муромцемъ, по другимъ — существенно отъ него отличаться.

Даже во французскихъ Chansons de Geste, не смотря на господствующіе въ нихъ рыцарскіе нравы и на искусственность въ жизни и въ поэтическомъ ея воспроизведеніи, встрѣчается много сходнаго съ тѣми обстоятельствами, которыми наша былина окружаетъ Князя Владиміра; и какъ нашъ Илья Муромецъ, въ сознаніи своей независимости, отказывается служить при дворѣ княженецкомъ, также поступаютъ и нѣкоторые изъ французскихъ героевъ въ отношеніи къ своему Карлу.

Такъ напримѣръ, въ *Пѣснѣ о Вильгельмѣ Курносомъ* или *Оранжскомъ*, Ренье Генуэзскій и Жираръ Віанскій отправляются ко двору Карла Великаго; но они принуждены были въ Реймсѣ долго ждать, пока ихъ допустятъ къ королю. Потерявъ терпѣніе, они — какъ Илья Муромецъ въ нашихъ былинахъ — силою врываются во дворецъ и садятся за столъ, и потомъ дѣлаютъ разныя безчинства, будучи недовольны пріемомъ, сдѣланнымъ имъ при дворѣ. Впрочемъ въ послѣдствіи Карлъ взялъ ихъ къ себѣ на службу, Жирара сдѣлалъ стольникомъ, а Ренье чаш-

---

[1]) Смотр. въ монографіи: *О Русскомъ богатырскомъ эпосѣ.*

никомъ. Однако эта служба кажется обоимъ братьямъ постыдною, точно такъ же, какъ нашъ Муромскій крестьянинъ не вмѣняетъ себѣ въ почесть придворные чины при особѣ князя Владиміра.

I.

Донъ Руи, или *Родриго Діасъ*, великій герой испанскаго народнаго эпоса, жилъ и прославился своими подвигами въ XI столѣтіи, при короляхъ Фердинандѣ Великомъ и Альфонсѣ VI. Обыкновенно слыветъ онъ подъ именемъ *Сида*. Это прозвище будто бы получилъ онъ отъ пятерыхъ Мавританскихъ королей, которые, бывъ взяты имъ въ плѣнъ и потомъ имъ же освобождены, назвали его своимъ *сеидомъ*, или *господиномъ* и *побѣдителемъ*. Иначе прозывается онъ *Кампеадоръ* (Campeador), то-есть, знаменитый наѣздникъ, при существительномъ *campeda* — наѣздъ, схватка, а это слово отъ глаг. *campear* — держаться въ полѣ, наѣздничать, отличаться на полѣ битвы; такъ что campeador вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему слову *поленица*, которымъ въ русскихъ былинахъ именуются богатыри; *поляница полякуетъ*, то есть, подвизается на полѣ битвы; потому вмѣсто поляницы употребляется и *полякъ*, то же въ смыслѣ воителя[1]). Въ латинскихъ источникахъ Campeador измѣняется въ формы: Campeator, Campiator, Campidator, Campiductor, и даже въ Campidoctor, какъ въ латинской поэмѣ XII в. о Сидѣ[2]). Самъ Сидъ въ оффиціальныхъ актахъ иногда подписывался: Campiator.

Разсказы о происхожденіи Сида и о его молодости исполнены разными выдумками и баснями; но исторически достовѣрно[3]),

---

[1]) Али ты *полякъ* есть, поленской сынъ, али ты *поленица* удалая? Рыбниковъ. Пѣсни, II, стр. 257.

[2]) Edélestand du Méril, Poésies populaires latines du moyen age. 1847 г., стр. 309.

[3]) Объ историческихъ подробностяхъ народнаго испанскаго эпоса см. Damas Hinard, Poëme du Cid. Paris 1858.

какъ кажется, что онъ родился въ семействѣ простыхъ гражданъ, впрочемъ пользовавшихся муниципальными почестями въ Бургосѣ[1]), о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь при разборѣ стихотворной хроники о Сидѣ XII—XIII в. Отъ 1055 до 1060 г. этотъ герой уже такъ прославился своими подвигами, что сопровождалъ Фердинанда I въ завоеваніи Португаліи, занималъ видное мѣсто между вассалами, и, вѣроятно, тогда получилъ прозваніе по своему замку *de Vivar*, или *Bivar*, отстоящему на двѣ мили отъ Бургоса, и данному отъ короля этому герою за его воинскія заслуги. По менѣе достовѣрнымъ преданьямъ, будто бы Сидъ и родился въ Биварѣ.

Фердинандъ передъ своею смертію, послѣдовавшею въ 1065 г., раздѣлилъ свое королевство между дѣтьми: старшему сыну Санчо далъ онъ Кастилью, Альфонсу — Леонъ, Гарсіи — Галисію и часть только-что завоеванной Португаліи, а дочерямъ—Эльвирѣ Торо и Урракѣ Замору. Сидъ сталъ служить королю Донъ-Санчо и прославился новыми подвигами въ походахъ, предпринятыхъ этимъ королемъ противъ обоихъ его братьевъ. Сначала былъ побѣжденъ Донъ-Гарсія и низверженъ съ престола, потомъ, въ кровопролитной битвѣ, гдѣ особенно отличился Сидъ, было разбито и войско Леонское, и самъ Альфонсъ былъ схваченъ въ церкви Богородицы въ Карріонѣ и отвезенъ въ Бургосъ.

Ставъ господиномъ владѣній своихъ братьевъ, Донъ-Санчо задумалъ отнять и у сестеръ ихъ наслѣдственные участки. Эльвира сама отдала ему Торо; но Уррака рѣшительно воспротивилась, и Донъ-Санчо осадилъ Замору, и едва было не взялъ, еслибы одинъ изъ воиновъ осажденнаго города, Заморянинъ Беллидо Дольфосъ, не рѣшился на отчаянный подвигъ. Онъ вышелъ изъ осажденной Заморы, напалъ на самого короля въ расплохъ и пронзилъ его копьемъ (въ 1072 г.).

Сидъ находился тогда въ королевскомъ станѣ, гдѣ отличался необыкновенною храбростью, и былъ свидѣтелемъ предательскаго

[1]) По самому названію своему *Burgos* происхожденія нѣмецкаго, отъ *burg;* основанъ, безъ сомнѣнія, Вестъ-Готѳами.

убійства, совершеннаго Заморяниномъ Беллидо; бросился за нимъ въ слѣдъ, но не догналъ.

Между тѣмъ Донъ-Альфонсъ былъ освобожденъ изъ плѣна, съ условіемъ кончить свою жизнь въ монахахъ, но потомъ бѣжалъ изъ монастыря въ Толедо, къ Аль-Мамуну, и жилъ у него до тѣхъ поръ, пока не узналъ о смерти Донъ-Санчо. Послѣ того явился въ христіанской Испаніи, и Кастильцы должны были поднести ему корону; однако, признавая его своимъ королемъ, они взяли съ него клятву въ томъ, что онъ не принималъ никакого участія въ убійствѣ своего брата Донъ-Санчо. Альфонсъ далъ клятву въ присутствіи двѣнадцати вассаловъ, между которыми главную роль игралъ Сидъ, чѣмъ обыкновенно и объясняютъ постоянное нерасположеніе Альфонса къ этому герою, не смотря на всѣ его заслуги. Впрочемъ сначала король скрывалъ отъ него свое неудовольствіе, или по крайней мѣрѣ сначала были они въ ладахъ, такъ что въ 1074 г. Донъ-Альфонсъ даже женилъ Сида на своей кузинѣ Хименѣ, на дочери Донъ-Діего, графа Астурійскаго. Однако вскорѣ Сидъ разошелся съ королемъ и оставилъ его, скрывшись въ Сарагоссѣ у короля Аль-Мутамана, въ войскѣ котораго потомъ сражался, что̀ въ тѣ времена въ Испаніи вовсе не казалось предосудительнымъ для христіанскаго воина.

Впрочемъ, когда Альфонсъ пошелъ въ походъ противъ Толедо, Сидъ опять является при немъ, и, безъ сомнѣнія, этотъ герой не мало способствовалъ въ самомъ завоеваніи этого города, потому что получилъ званіе князя Толеданской милиціи или губернатора Толедо.

Въ 1090 году дружескія отношенія между Сидомъ и королемъ опять прервались. Сидъ не успѣлъ сдержать своего обѣщанія и явиться къ королю на помощь противъ Альморавидовъ, этой новой Африканской династіи, которая владѣла Сарацинскою Испаніей съ конца XI до половины XII в. Тогда графы Кастильскіе обвинили Сида въ измѣнѣ, и Донъ-Альфонсъ за то отнялъ у него всѣ замки и земли, которыя ему пожаловалъ, и наложилъ запрещеніе даже на собственныя его владѣнія. Сколько ни оправ-

дывался Сидъ, король остался непреклоненъ. И вотъ еще разъ великій герой оставляетъ христіанскую Испанію, но теперь во всей силѣ и съ почестью, во главѣ многочисленной дружины, отправляется въ славный походъ для завоеванія земель у Мавровъ. Онъ направилъ свои походы въ восточную Испанію и, покоривъ множество испанскихъ князьковъ, обложилъ ихъ значительною данью, въ совокупности доходившею до огромной суммы.

Въ 1092 г. Аль-Кадиръ, король Валенсіи, бывшій подъ покровительствомъ Сида, былъ зарѣзанъ убійцами изъ партіи Альморавидовъ. Тогда Сидъ объявилъ непримиримую войну врагамъ по всей области Валенсіи: грабилъ и убивалъ всѣхъ безъ разбору, взялъ Валенсію разъ, а потомъ, когда этотъ городъ при помощи Альморавидовъ отложился отъ его подданства, снова подступилъ къ нему, и цѣлые десять мѣсяцевъ держалъ его въ осадѣ, до тѣхъ поръ, пока жители, вынужденные голодомъ, не сдались на капитуляцію (въ 1095 г.). Испанскіе историки говорятъ, что это была самая знаменитая въ Испаніи побѣда, одержанная не коронованною особою, а простымъ подданнымъ. Завладѣвъ Валенсіею, Сидъ управлялъ ею въ качествѣ независимаго государя, до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1099 г.

Такова была историческая дѣятельность великаго героя, прославленнаго Испанцами въ хроникахъ, поэмахъ, въ народныхъ пѣсняхъ и искусственныхъ романсахъ. Само собою разумѣется, что поэзія придавала идеальный характеръ своему любимому герою и не поскупилась на вымыслы, которыми добавила и исказила дѣйствительность; но все же въ основѣ всего эпическаго преданія, дошедшаго до насъ въ стихахъ и прозѣ, лежитъ историческая правда, которая даетъ испанскому эпосу опредѣлительный характеръ эпоса *историческаго*, рѣшительно отторгнутаго отъ миѳическихъ источниковъ, которые уже сами собою изсякли въ эпоху сліянія Романскаго и Вестъ-Готскаго населенія Испаніи въ борьбѣ христіанства съ мусульманствомъ.

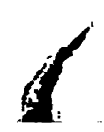
Чѣмъ древнѣе эпическія преданія о Сидѣ, тѣмъ ближе къ исторической дѣйствительности характеризуютъ они суровый

воинскій бытъ, и хотя они — по обычной деликатности народнаго эпоса — щадятъ своего героя, устраняя изъ его нрава и поступковъ все, что̀ можетъ бросить на него тѣнь; однако въ описаніи окружающихъ лицъ и обстоятельствъ, даютъ они ясно разумѣть о самой ранней эпохѣ той воинской грубой жизни, изъ которой потомъ при другихъ позднѣйшихъ условіяхъ развилось рыцарство. Не смотря на очень понятные протесты испанскихъ историковъ противъ всего оскорбительнаго для памяти великаго героя, историки арабскіе повѣствуютъ о нѣкоторыхъ его дѣйствіяхъ, отличающихся жестокостью, фанатизмомъ и корыстолюбіемъ, качествами, обычными въ воинахъ XI в., и предосудительными только во времена болѣе развитыя. Такъ, взявши Валенсію, Сидъ — по сказаньямъ Арабовъ — будто бы сначала обезпечилъ жизнь и имущество низвергнутаго имъ Мавританскаго короля, но потомъ засадилъ его въ тюрьму, и пыталъ, куда онъ спряталъ свои сокровища, и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, будто бы живаго велѣлъ его сжечь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣже арабскіе источники, согласно съ эпическими преданьями Испанцевъ, свидѣтельствуютъ о Сидѣ, что «этотъ человѣкъ, хотя и бичъ своего времени, однако по любви къ славѣ, по благоразумной твердости характера и по своему героическому мужеству, былъ *однимъ изъ чудесъ* самого Господа Бога» [1]).

Для враговъ христіанской Испаніи это слишкомъ достаточное свидѣтельство въ пользу испанскаго національнаго эпоса; потому что вообще всякій народный эпосъ въ своемъ героѣ прославляетъ именно великое *чудо* національныхъ доблестей; вводя въ свое содержаніе *чудесное*, какъ необходимый элементъ, эпосъ уже по самому существу своему въ своемъ героѣ изображаетъ необычайный, сверхъестественный типъ, высшій идеалъ, господствующій своими качествами надъ прочими смертными.

Происшедшій въ неизвѣстности отъ простыхъ гражданъ города Бургоса, Донъ Родриго Сидъ только своими личными до-

[1]) Для арабскихъ свидѣтельствъ о Сидѣ смотр. Dozy, Recherches sur l'Histoire politique et littéraire de l'Espagne. Leyde. 1849.



блестями и заслугами пріобрѣлъ высшія почести феодальныхъ бароновъ и даже достигъ королевской власти. Авторъ испанской поэмы о Сидѣ XII в. говоритъ, что «теперь (то-есть въ XII в.) короли испанскіе его родственники» (hoy los reyes de España sus parientes son. Стихъ 3735). Дѣйствительно, въ генеалогіи испанскихъ королей встрѣчаются имена дочерей Сида. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что на немъ основанъ — какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ — одинъ изъ знаменитыхъ эпизодовъ испанской поэмы XII в. Итакъ, одна изъ дочерей Сида, Донья Марія Соль, была за мужемъ за Рамономъ Беренгеромъ или Беранже III, за графомъ Барселонскимъ; но она умерла, оставивъ по себѣ только дочь, съ которою прекратилась эта линія Сидова потомства. Впрочемъ Рамонъ былъ женатъ вторично, и отъ этого брака былъ родоначальникомъ Альфонса II, короля Арагонскаго. Что касается до другой дочери Сида, по имени Доньи Христины Эльвиры, то она была за мужемъ за инфантомъ Наваррскимъ, Донъ Рамиро. Отъ этого брака родился Донъ Гарсія Рамирецъ, бывшій королемъ Наваррскимъ, 1134—1150 г.; онъ былъ женатъ на побочной дочери Альфонса VII, короля Кастильскаго, и имѣлъ дочь, Донью Бланку, которая такимъ образомъ приходилась правнукою Сиду. Она вышла за мужъ за сына Альфонса VII Кастильскаго, за Санчо III, который и наслѣдовалъ отъ своего отца Кастильское королевство[1]).

Такимъ образомъ короли Кастильскіе вели свою генеалогію отъ Сида. Потому король Альфонсъ Мудрый почтилъ этого героя эпитафіею своего сочиненія. Фердинандъ и Изабелла не однократно относятся о Сидѣ съ уваженіемъ въ разныхъ документахъ, а Филиппъ II думалъ даже о причисленіи Сида къ лику святыхъ.

Указавъ на главнѣйшія черты исторической личности Сида, теперь обратимся къ общему обозрѣнію главнѣйшихъ источниковъ эпическихъ о немъ сказаній.

---

[1]) Ferd. Wolf, Studien zur Geschichte der Spanischen und Portugiesischen Nationalliteratur. 1859 г.

1) Отрывокъ латинской поэмы о Сидѣ XII в., изданный Эдельстаномъ дю-Мерилемъ въ книгѣ: Poésies populaires latines du moyen age, въ 1847 г., стр. 308 и слѣд. Эта поэма описываетъ событія вкратцѣ, начиная съ раннихъ, юношескихъ подвиговъ Сида, бѣгло касается его отношеній къ королю Донъ-Санчо, и потомъ подробнѣе говоритъ о враждѣ его съ королемъ Альфонсомъ и о воинскихъ его подвигахъ, относящихся къ этой эпохѣ. Поэтъ знаетъ Гомера, Париса, Энея и желаетъ прославить своего героя во вкусѣ искусственной, классической эпопеи. По краткости и искусственности, это произведеніе уступаетъ другимъ латинскимъ передѣлкамъ народныхъ сказаній, такимъ, напримѣръ, какова латинская поэма о Вальтерѣ Аквитанскомъ, дошедшая до насъ отъ X вѣка [1]).

2) Испанская поэма о Сидѣ XII в., изданная въ Мадритѣ въ 1779 г. ученымъ Санчецъ, съ историческими и литературными объясненіями и съ глоссаріемъ, въ его Coleccion de poésias Castellanas, въ I-мъ томѣ; въ новѣйшее время ее издалъ Damas Hinard, подъ заглавіемъ: Poëme du Cid, 1858 г., тоже съ комментаріями и глоссаріемъ.

3) Стихотворная хроника о Сидѣ — La cronica rimada del Cid, изданная въ той же книгѣ Дама Гинара. Нѣкоторые ученые относятъ ее къ одному времени съ знаменитою упомянутою поэмою; другіе полагаютъ ее новѣе, но все же не позднѣе XIII вѣка.

4) Прозаическая хроника о Сидѣ — Chronica del famoso cavallero Cid Ruy Diez Campeador, изданная сначала въ Испаніи въ 1512 г., а въ позднѣйшее время перепечатана въ Германіи

---

[1]) Для образца привожу нѣсколько стиховъ изъ поэмы о Сидѣ:

Eia! laetando, populi Catervae,
Campi-Doctoris hoc carmen audite!
Magis qui ejus freti estis ope,
Cuncti venite!
Nobiliori de genere ortus,
Quod in Castella non est illo majus;
Hispalis novit et Iberum litus
Quis Rodericus.

Губеромъ въ 1844 г., съ обширнымъ предисловіемъ о литературномъ значеніи этого памятника и объ отношеніи его къ эпическимъ сказаньямъ Испаніи. Эта хроника — произведеніе позднѣйшее, составленное подъ вліяніемъ мѣстныхъ интересовъ монастыря Св. Петра Карденскаго, какъ показано будетъ въ своемъ мѣстѣ. Она особенно интересна въ исторіи литературы по своему отношенію къ позднѣйшимъ романсамъ о Сидѣ, заимствовавшимъ изъ нея содержаніе, и иногда слѣдующимъ за нею слово въ слово.

5) Повсюду прославленные романсы о Сидѣ. Хотя они вообще происхожденія позднѣйшаго, XV и даже XVI в., но по достоинству пользуются своею знаменитостью; потому что въ теченіе столѣтій и доселѣ поддерживаютъ они въ сознаніи народа славныя преданія родной старины, и, не смотря на временный упадокъ Испанской національности въ настоящее время, даютъ разумѣть и ученому и политику, что Испанія до тѣхъ поръ поддержитъ свои національныя силы, пока не забудетъ своего великаго ґероя. Обстоятельное и отчетливое обозрѣніе литературы Испанскихъ романсовъ см. въ упомянутой книгѣ Вольфа Studien и проч.; также въ приложеніяхъ къ нѣмецкому переводу Испанской литературы Тикнора, сдѣланному Юліусомъ.

Изъ этихъ источниковъ слѣдуетъ подробно разсмотрѣть испанскую поэму XII в., стихотворную хронику и романсы.

II.

Поэма о Сидѣ повѣствуетъ о самыхъ блистательныхъ подвигахъ нашего героя, относящихся къ послѣднимъ годамъ его жизни, когда онъ, будучи изгнанъ королемъ Альфонсомъ, направилъ свои набѣги на восточную часть Испаніи и въ теченіе трехъ лѣтъ поражалъ мелкихъ Мавританскихъ владѣтелей и накладывалъ на нихъ дань, потомъ въ 1094 году взялъ Валенсію; то-есть, поэма о Сидѣ пачинается событіями 1090 года.

Сидъ, изгнанный изъ Кастиліи, отправляется съ своею дружиною искать счастія въ земляхъ, завоеванныхъ Маврами, покаряетъ одинъ за другимъ замки и города и наконецъ беретъ Валенсію. Чтобъ умилостивить къ себѣ короля Альфонса, послѣ каждой значительной побѣды, Сидъ посылаетъ ему изъ своей добычи богатые дары. Наконецъ, смягчившись къ великому герою, Альфонсъ съ нимъ примиряется и, чтобы сильнѣе скрѣпить съ нимъ дружбу, выдаетъ обѣихъ дочерей его за мужъ за инфантовъ Карріона (los infantes de Carrion), за Д. Діего и Д. Ферранда, за сыновей графа Д. Гонзало, желая такимъ образомъ почтить знаменитаго своего вассала лестнымъ для него родствомъ съ могущественною фамиліею графовъ карріонскихъ. Затѣмъ повѣствуется о новыхъ подвигахъ Сида, уже владѣтеля Валенсіи. Между тѣмъ инфанты карріонскіе ведутъ себя недостойно съ своими женами, дочерьми Сида, и доходятъ до того, что гнуснымъ образомъ ихъ обижаютъ. Оскорбленный Сидъ самымъ чувствительнымъ образомъ отмстилъ имъ, расторгъ съ ними бракъ своихъ дочерей и снова выдалъ ихъ за мужъ за наслѣдственныхъ принцевъ королевствъ Арагоніи и Наварры, то-есть, сдѣлалъ для нихъ самую блистательную партію.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе всей поэмы, состоящей изъ 3744 стиховъ и раздѣляющейся на двѣ части стихами 2286—7. «Здѣсь оканчиваются стихи этой пѣсни [1]): Создатель да будетъ вамъ въ мощь со всѣми своими святыми». Эти два стиха помѣщены послѣ бракосочетанія дочерей Сида съ инфантами карріонскими: то-есть, обѣ пѣсни, какъ въ позднѣйшихъ испанскихъ комедіяхъ, оканчиваются женидьбою, сначала неудачною и менѣе лестною для Сида, а потомъ — къ концу второй пѣсни — вполнѣ счастливою и блистательною. Въ концѣ самой поэмы означенъ годъ написанія рукописи — 1345 — по испанскому обычаю отъ эры Кесарей, а отъ Р. Х. — 1307 г.

Неизвѣстный авторъ этого произведенія безъ сомнѣнія не

---

[1]) Las coplas deste cantar — les couplets de cette chanson.

только пользовался народными пѣснями, но и самъ могъ быть жонглёромъ, и, давая литературную форму безыскусственнымъ пѣснямъ, конечно, сообщилъ имъ нѣкоторую искусственность. Жонглёры (juglares) процвѣтали въ Испаніи уже въ XI вѣкѣ, и, по свидѣтельству прозаической хроники о Сидѣ, они присутствовали на свадебныхъ увеселеніяхъ, которыя продолжались цѣлую недѣлю по случаю бракосочетанія инфантовъ карріонскихъ съ дочерьми Сида, и за свои пѣсни были одарены подарками [1]).

Есть свидѣтельство отъ XII вѣка, что уже въ эту ближайшую эпоху къ исторической дѣятельности Сида, подвиги его были предметомъ пѣсенъ, что были народныя пѣсни, или пѣсни жонглёровъ о Сидѣ; это именно въ хроникѣ объ Альфонсѣ VII, писанной по-латыни въ прозѣ, но съ присовокупленіемъ латинскихъ стиховъ, въ которыхъ между прочимъ говорится:

Ipse Rodericus, *Mio Cid* semper vocatus,
De quo *cantatur* quod ab hostibus haud superatus,
Qui domuit Mauros, comites domuit quoque nostros, *etc.*

Согласно съ этимъ свидѣтельствомъ, Д. Родриго дѣйствительно называется въ поэмѣ почти постоянно не просто *Сидъ*, но *Мой Сидъ* (mio Cid): такъ называетъ его и самъ пѣвецъ, и вводимыя имъ дѣйствующія лица. Эта обычная эпическая фраза придаетъ разсказу какую-то задушевную наивность и нѣжность, любящее отношеніе пѣвца и слушателя къ своему національному герою; притомъ «*Мой* Сидъ», а не «*Нашъ* Сидъ» — прямо указываетъ на личныя отношенія къ говорящему, къ одному лицу, будь то самъ пѣвецъ, или каждый изъ его слушателей, или же кто либо изъ дѣйствующихъ лицъ поэмы.

Сверхъ того, въ поэмѣ постоянно приводятся отношенія разсказчика къ слушателямъ. Пѣвецъ постоянно обращается къ тѣмъ, для которыхъ поетъ свою пѣсню. Напримѣръ, приводя чьи нибудь слова, пѣвецъ говоритъ: «вотъ послушайте, что онъ ска-

[1]) Гл. 228.

залъ» [1]), или очень часто вставляетъ въ рѣчь вводное предложеніе: *знайте, вѣдайте*, обращенное къ слушателямъ [2]).

Время составленія поэмы опредѣляется стихомъ 3014, въ которомъ сказано, что Раймондъ Бургонскій (el conde del Remond) былъ отцомъ добраго императора [3]), то-есть, Альфонса VII, прозваннаго императоромъ, который скончался въ 1157 году; что же касается до мѣста, гдѣ поэма составлена, то, судя по подробнымъ географическимъ даннымъ, приведеннымъ въ поэмѣ о томъ, какъ и куда направлялъ Сидъ свои набѣги, судя по лестнымъ эпитетамъ, которыми надѣляетъ поэтъ Валенсію — *прекрасной* и Барселону — *великой*, между тѣмъ какъ безъ всякой похвалы относится къ такимъ значительнымъ городамъ, какъ Толедо, который мусульманинъ называетъ: «жемчужиною, помѣщенной въ серединѣ ожерелья»: судя по всему этому, можно заключить, что поэма обязана своимъ происхожденіемъ крайнимъ восточнымъ предѣламъ Старой Кастиліи, ближайшимъ къ Барселонѣ и Валенсіи.

Приступимъ къ разбору самой поэмы.

Она начинается отъѣздомъ Сида изъ своего замка Бивара, въ которомъ, въ слѣдствіе королевской грозы, все приняло видъ опустошенія. Со слезами взглянулъ Сидъ на распахнутыя настежь ворота, на двери безъ замковъ, на свои охотничьи нашести безъ соколовъ и кречетовъ — *линялыхъ* [4]). И вздохнулъ Мой Сидъ, потому что были у него великія кручины; хорошо, сказалъ Мой Сидъ, и сказалъ въ мѣру: «Благодарю Тебя, Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ [5])! Вотъ что мнѣ сдѣлали мои злые враги»! И выѣхалъ онъ съ своею свитою изъ Бивара; при выѣздѣ изъ Бивара — *вороны были имъ на-право*, а при въѣздѣ въ Бургосъ —

---

1) Odredes lo que ha dicho, ст. 70.
Odredes lo que fablaba, ст. 188.
2) Sabet, ст. 610, 618.
3) Aqueste fue padre del buen Emperador.
4) Sin falcones é sin *mudados* (mués), ст. 5.
5) Señor parde, que estás en alto, ст. 8.

на-лѣво, то-есть, счастливъ былъ выѣздъ, но не къ счастью пріѣхалъ онъ въ Бургосъ. Когда онъ проѣзжалъ по городу, горожане и горожанки, смотря изъ оконъ, плакали отъ жалости, и всѣ въ одинъ голосъ говорили: «о Боже, еслибы у такого добраго вассала былъ добрый господинъ»[1]). Рады бы они пригласить его къ себѣ, почтить гостепріимствомъ, но не смѣли: такъ великъ былъ гнѣвъ короля Альфонса. Еще наканунѣ прислалъ король въ Бургосъ грамоту, въ которой писано: «чтобъ Моему Сиду Руи Діазу никто не давалъ пристанища, а кто дастъ ему, зналъ бы истинное слово: тотъ потеряетъ свое имущество и свои глаза изъ лица, а въ придачу и тѣло свое и душу». Проѣхалъ Сидъ до своего дома, но и туда его не пускаютъ. Двери заперты, и сколько Сидъ ни кричалъ, сколько ни стучалъ въ двери, никто не отозвался. Тогда подошла къ нему маленькая дѣвочка девяти лѣтъ и объяснила ему грозное запрещеніе короля: «Кампеадоръ, говорила она, въ добрый часъ опоясали вы мечъ! король запретилъ, и, къ нашему несчастію, вы здѣсь ничего не добудете, но да будетъ вамъ помощникомъ Создатель со всѣми своими святыми добродѣтелями»[2]). Сидъ не могъ въ Бургосѣ даже что нибудь купить себѣ въ пищу. Помолился и выѣхалъ изъ города; но одинъ изъ жителей Бургоса (Burgales complido), по имени Мартинъ Антолинезъ, снабдилъ Сида и его свиту виномъ и хлѣбомъ и всякою провизіею. Мой Сидъ былъ доволенъ и всѣ бывшіе съ нимъ. И говорилъ Мартинъ Антолинезъ; послушайте, что̀ говорилъ онъ: «Кампеадоръ, *въ добрый часъ родились*[3]). Проведемъ здѣсь ночь и отправимся утромъ вмѣстѣ; потому что я буду осужденъ за то, что услужилъ вамъ, и подпаду подъ опалу короля Альфонса. Но если съ вами спасусь живъ и здоровъ, тогда — рано ли, поздно ли — король будетъ меня любить и жаловать, а впрочемъ — все, что я у себя дома оставляю, въ грошъ

---

[1]) Dios que buen vasalo, si oviese buen senor, ст. 20.

[2]) Con todas sus Virtudes sanctas, то есть, со всѣми небесными Силами.

[3]) En buen ora fuestes nacido, ст. 71.

не цѣню» [1]). И говорилъ ему Мой Сидъ, онъ въ добрый часъ опоясалъ свой мечъ: «Мартинъ Антолинезъ, вы смѣлый воинъ [2])! если я буду живъ, дамъ вамъ двойное жалованье. Но теперь нѣтъ у меня ни золота, ни серебра, а мнѣ нужны деньги для моей дружины [3]). Надобно какъ нибудь изловчиться добыть денегъ: волею никто мнѣ не дастъ. Съ вашей помощью я думаю изготовить два сундука, наполнимъ ихъ пескомъ, чтобъ были потяжелѣе; покроемъ ихъ красною кожею и обобьемъ позолочеными гвоздями. Ступайте скорѣе къ Рахелю и Видасу (къ жидамъ) и скажите, что я де въ опалѣ у короля, и не могъ взять съ собою своихъ сокровищъ: слишкомъ тяжелы они. Пусть принесутъ сундуки ночью, чтобъ не видалъ ни одинъ христіанинъ: пусть видитъ только Создатель со всѣми своими святыми. Иначе я не могу, я вынужденъ на это противъ моей воли».

Дѣло въ томъ, что Сидъ предлагаетъ обмануть жидовъ ловкою хитростью, взять у нихъ подъ закладъ этихъ сундуковъ съ пескомъ столько денегъ, сколько ему нужно для экспедиціи. Извѣстно, что въ XI и XII вѣкахъ храбрые потомки Вестъ-Готовъ, озабоченные борьбою съ Аравитянами, мало занимались промыслами и торговлей, предоставляя это жидамъ.

Мартинъ Антолинезъ не терялъ времени, тотчасъ же отправился въ Бургосъ, къ жидамъ.

Рахель и Видасъ были вмѣстѣ; они считали деньги, которыя только что выручили. Мартинъ Антолинезъ предлагаетъ имъ выгодную сдѣлку, которая обогатитъ ихъ, только бы они не открывали тайны ни Маврамъ, ни христіанамъ (потому что для жидовъ и тѣ и другіе одинаково ненавистны); Сидъ отдастъ въ ихъ руки подъ залогъ два сундука съ золотомъ; и чтобъ за то жиды ссудили ему 600 марокъ. Жиды соглашаются, впрочемъ, принимая всевозможныя предосторожности, потому, что, какъ говорятъ они: «во всемъ мы должны имѣть барышъ, и не засыпаетъ безъ

---

[1]) Non lo precio un figo, то есть не цѣню въ фигу, ст. 77.

[2]) Собственно смѣлое копье: sodes ardida lanza, ст. 79.

[3]) Para toda mi compaña, ст. 83.

подозрѣнія тотъ, у кого есть деньги»; и они рѣшаются дать требуемую сумму, но не прежде, какъ получатъ закладъ, потому что «торгъ не иначе производится, какъ сначала берутъ, а потомъ уже даютъ» (ст. 140). Мартинъ Антолинезъ передалъ имъ сундуки, и они отправились къ Сиду въ палатку съ деньгами. Сидъ встрѣтилъ ихъ улыбаясь, и, получивъ деньги, взялъ съ жидовъ клятву, что они въ теченіе цѣлаго года не вскроютъ сундуковъ, въ противномъ случаѣ не получатъ отъ Сида *ни худой денежки* [1]).

Покончивъ выгодное для жидовъ дѣло, Д. Мартинъ сказалъ имъ: «вотъ Рахель и Видасъ, сундуки теперь въ вашихъ рукахъ. Вѣдь это дѣльце я вамъ устроилъ, и мнѣ бы слѣдовало что нибудь на магарычи» [2]). Рахель и Видасъ отошли въ сторону и между собою говорили: «Дадимъ ему хорошій подарокъ, вѣдь это онъ намъ смастерилъ». «Мартинъ Антолинезъ, знаменитый Бургалезъ! Вы точно заслужили; мы хотимъ вамъ дать хорошій подарокъ, на который вы можете себѣ купить и панталоны, и богатый мѣхъ, и хорошую мантію: мы вамъ даемъ тридцать марокъ».

Потомъ Д. Мартинъ отправился въ палатку къ «тому, кто въ добрый часъ родился», и Сидъ принялъ его съ отверстыми объятіями. «Я пришелъ, Кампеадоръ, съ добрыми вѣстями», сказалъ Д. Мартинъ Сиду: «вы получили 600 марокъ, а я тридцать». Затѣмъ свернули палатку и поѣхали дальше. Тогда Сидъ, повернувъ голову коня къ церкви Св. Маріи, поднялъ правую руку, перекрестился и сказалъ: «Благодарю Тебя, Боже, Ты управляешь небомъ и землею! Да будутъ мнѣ покровомъ Твои добродѣтели. Преславная Св. Марія! Теперь я оставляю Кастилью, потому что я у короля въ опалѣ. Не знаю, ворочусь ли я когда назадъ (то-есть, на родину), да будетъ мнѣ въ помощь Твоя бла-

---

[1]) Un dinero malo, ст. 165.

[2]) Собственно я хорошо заслужилъ себѣ панталоны: bien merecia calzas, ст. 190.

гость (Твоя добродѣтель) [1]), о Преславная (Gloriosa) — во время моего изгнанія и днемъ и ночью! Если такъ совершишь Ты, и если удастся мнѣ счастіе, я пошлю на Твой алтарь богатые дары, и обѣщаюсь отслужить Тебѣ тысячу обѣденъ»!

Прежде чѣмъ пуститься въ походъ, Сидъ пожелалъ проститься съ женой и дѣтьми и сдѣлать въ своемъ семействѣ необходимыя распоряженія. Для того онъ заѣхалъ въ монастырь Св. Петра, въ San Pedro de Cordeña. Скоро запѣли пѣтухи, и заря начала заниматься. Аббатъ Св. Петра, христіанинъ Создателя [2]), тогда служилъ заутреню, а Донья Химена съ пятью дамами молилась о своемъ Сидѣ. Нашъ герой прежде всего позаботился, чтобъ обезпечить свою семью: далъ аббату 50 марокъ и обѣщалъ эту сумму удвоить, если будетъ живъ, потомъ ему вручилъ 100 марокъ для Доньи Химены, чтобъ онъ въ теченіе года о нихъ пекся: «я оставляю двухъ дочерей, онѣ еще очень молоды — говорилъ Сидъ аббату: возьмите ихъ подъ свое покровительство: я поручаю вамъ ихъ, имѣйте попеченіе о нихъ и о моей женѣ. А если этой суммы не достанетъ, затратьте свою: за каждую потраченную вами марку я дамъ вамъ въ монастырь четыре». Аббатъ согласился на то съ удовольствіемъ.

Вотъ приходитъ Донья Химена съ своими дочерьми, каждую изъ нихъ ведетъ дуенья; и приводитъ ихъ къ Сиду. Донья Химена бросилась передъ Сидомъ на колѣни, плакала *изъ обоихъ очей* и хотѣла цѣловать его руки: «Благодарю, Кампеадоръ, въ добрый часъ родились вы; злые языки причиною вашего изгнанія. Благодарю, Сидъ — *борода такая совершенная* [3]). Вижу, вы отъѣзжаете, и мы разлучимся съ вами, оставаясь въ живыхъ. Утѣшьте насъ ради любви Св. Маріи».

---

[1]) Valan me tus virtudes, ст. 218, то есть, твои чудеса, твои небесныя силы. Virtudes — одинъ изъ ликовъ Ангельскихъ, потому и *во-имя* Богородицы — Santa Maria de las Virtudes, гдѣ происходило бракосочетаніе дочерей Сида съ инфантами Карріона. Прозаическая хроника о Сидѣ, глава 228.

[2]) Christiano del Criador, ст. 237.

[3]) Barba tan complida, ст. 268.

Тогда Сидъ положилъ свои руки на свою прекрасную бороду, потомъ взялъ на руки дочерей, прижималъ ихъ къ своему сердцу, потому что очень любилъ ихъ; плакалъ изъ обоихъ глазъ и сильно вздыхалъ. «Вотъ, Донья Химена, моя супруга во всемъ совершенная (tan complida), я люблю вась, какъ свою душу. Вы видите, что и живя еще на свѣтѣ намъ приходится разлучиться. Я ѣду, а вы остаетесь. Да будетъ воля Божія и Св. Маріи, чтобъ вотъ этими руками я успѣлъ выдать за мужъ моихъ дочерей, и чтобы Богъ далъ мнѣ счастливые дни, и чтобы я послужилъ вамъ, достойная почестей супруга» (mugier ondrada. Ст. 285).

Между тѣмъ, какъ въ монастырѣ шло угощеніе на разставаньи съ Сидомъ, Донъ Мартинъ Антолинезъ добылъ Сиду изъ Кастильи вѣрныхъ товарищей: кто оставлялъ свой домъ, кто свои ленныя владѣнія [1]). Сидъ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу и улыбался: всѣ приблизились къ нему и цѣловали его руки. И говоритъ Мой Сидъ отъ всей своей души: «Молю Бога и Отца Духовнаго [2]) за то, что вы оставили для меня свои дома и наслѣдства, чтобъ я могъ, прежде чѣмъ умру, сдѣлать для васъ добро, и чтобъ сугубо вознаградилъ я васъ въ томъ, что вы потеряли».

Пробывъ нѣсколько дней въ С. Педро, они должны были отправиться рано утромъ. Отстояли обѣдню, которую имъ служилъ аббатъ. Во время службы, Донья Химена, ставъ на колѣни предъ алтаремъ, молилась, какъ умѣла лучше, чтобъ Господь Богъ сохранилъ Моего Сида Кампеадора.

Пѣвецъ заставляетъ слушателей, такъ сказать, присутствовать при совершеніи службы, только чрезъ молитву Доньи Химены. Эта молитва, очень длинная, начинается, будто народные духовные стихи: «Господь преславный, Отче иже на небеси, такъ молилась Химена: Ты сотворилъ небо и землю, а третье море, Ты сотворилъ, звѣзды, луну и солнце для теплоты, Ты воплотился отъ Св. Матери» и т. д. Тутъ перечисляетъ Д. Химена и

[1]) Onores, ст. 290. Слич. въ Chanson de Roland: A lui (Ганелонъ, отправляясь къ Марсилю, оставилъ сыну) lais jo mes honors et mes fieus. I, ст. 315.

[2]) Padre Spiritual, то есть, Отца Небеснаго, Бога. Ст. 301.

ветхозавѣтныя и новозавѣтныя чудеса и особенно останавливается на апокрифическомъ разсказѣ о Лонгинѣ, который будто бы былъ отъ рожденія слѣпъ, и пронзилъ копьемъ распятаго Христа въ бокъ; кровь попала на руки Лонгину, онъ поднялъ ихъ къ лицу и тотчасъ же прозрѣлъ и увѣровалъ въ Іисуса Христа [1]).

И такъ Донья Химена молилась, чтобъ Господь сохранилъ ея Сида. «Она кончила свои молитвы, кончилась и обѣдня», говоритъ пѣвецъ.

Послѣ обѣдни Сидъ сталъ прощаться съ женою. Она цѣловала его руки и плакала, потому что сама не знала, что дѣлаетъ. А онъ опять сталъ смотрѣть на своихъ дочерей: «поручаю васъ Господу Богу, мои дѣти, и мою жену. Вотъ мы разстаемся, и, Богъ знаетъ, когда свидимся».

«И оба они, Сидъ и Химена плакали» — говоритъ пѣвецъ своей публикѣ: «такъ плакали, что вамъ никогда не случалось видѣть, потомъ разлучились другъ съ другомъ такъ больно, *будто ноготь отъ мяса*». (Ст. 377).

Уже изъ самаго начала поэмы о Сидѣ ясно видно, на сколько она отличается отъ пѣсни о Роландѣ и отъ другихъ Chansons de Geste, и по объему своего содержанія, и по степени отношенія къ дѣйствительности, даже по своему господствующему тону. Эта поэма — не однообразный перечень рыцарскихъ похожденій и непрерывныхъ стычекъ, не одностороннее повѣствованіе о придворныхъ интригахъ при дворѣ Карла Великаго и о безконечной враждѣ между аристократическими фамиліями, что̀ составляетъ главное содержаніе почти всѣхъ Chansons de Geste. Испанская поэма глубже входитъ въ жизнь и реальнѣе затрогиваетъ наивные интересы личности. Сидъ — не просто великій, непобѣдимый воинъ, хотя онъ и называется постоянно Кампеадоромъ, или примѣрнымъ воителемъ; нѣтъ, поэма тотчасъ же вводитъ насъ въ его семейную жизнь, въ его нѣжныя, вообще человѣческія, а не героическія отношенія къ дѣтямъ и женѣ. Онъ даже не со-

[1]) Слич. Скандинавскій миѳъ о томъ, какъ свѣтлый, божественный Бальдуръ былъ убитъ своимъ *слѣпымъ* братомъ.

всѣмъ чистъ нравственно, потому что обманываетъ жидовъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ и выражаетъ свою радость въ успѣхѣ обмана добродушною, наивною усмѣшкою. И окружаютъ его люди обыкновенные, хоть и храбрые воины и преданные друзья. Донъ Мартинъ Антолинезъ, устроивъ безчестный торгъ съ жидами, не забылъ и себя, выпросилъ себѣ значительный подарокъ за то, что обманулъ ихъ, и Сидъ не только на это не въ претензіи, но даже очень доволенъ. Другіе его товарищи, бросая свои дома и наслѣдства, по дорогѣ отовсюду пристаютъ къ нему; конечно ихъ одушевляла отвага, но, Сидъ, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ зналъ ихъ намѣренія, и тотчасъ же, какъ они къ нему прибыли, почелъ своею обязанностью дать имъ обѣщаніе, что вознаградитъ ихъ добычею вдвое противъ того, что они теряютъ, оставляя свои родные дома. Это не болѣе, какъ торгъ кондотьера съ своею шайкою. Общіе интересы въ добычѣ соединяютъ отважныхъ искателей счастія съ ихъ надежнымъ предводителемъ. Потому-то, собираясь въ походъ, Сидъ прежде всего позаботился о деньгахъ для содержанія войска, хотя бы на первыхъ порахъ, пока не добудетъ продовольствія съ бою. Какъ человѣкъ практическій, Сидъ пріѣхалъ проститься съ своимъ семействомъ, и сначала занялся его матеріальнымъ обезпеченіемъ, вручилъ порядочную сумму аббату Св. Петра и далъ ему выгодное обѣщаніе вознаградить монастырь, если будетъ на его семейство истрачено лишнее. Сидъ относится къ аббату съ финансовыми подробностями, какъ бы отнесся ко всякому, забывая его духовный санъ, зная по себѣ, что всякому, хотя бы и монаху, нужно знать счетъ въ деньгахъ, и въ сдѣлкѣ не худо разсчитывать на барыши. Но особенную прелесть началу поэмы даетъ трогательное положеніе Сида. Хотя онъ и Сидъ, то-есть *Господинъ* и *Побѣдитель*, но онъ въ несчастіи: опала королевская гонитъ его съ родины; его никто не смѣетъ пустить къ себѣ въ домъ, даже въ родномъ его Бургосѣ. Онъ крѣпится духомъ, но изъ жителей никто не можетъ удержаться отъ горькихъ слезъ при видѣ бѣдствій своего любимаго героя, и постоянное выраженіе поэмы

Мой Сидъ — какъ-то особенно задушевно должно было звучать въ устахъ пѣвца передъ сочувствующею ему публикою. Итакъ особенная красота этой поэмы состоитъ въ томъ, что въ великомъ національномъ героѣ и поэтъ и его публика постоянно видѣли человѣка, и тѣмъ больше его любили и ему сочувствовали, чѣмъ болѣе видѣли въ немъ тѣже чувства и стремленія, которыя питаетъ всякій обыкновенный смертный.

Вся экспедиція Сида совершается съ тѣмъ же практическимъ тактомъ, съ тою же воздержанностью, которою отличаются воинскіе подвиги нашего героя.

Простившись съ своими, Сидъ, безъ сомнѣнія, былъ взволнованъ и на мгновеніе палъ духомъ. Пѣвецъ хоть объ этомъ отъ себя ничего не говоритъ, но, когда, при самомъ отъѣздѣ, поджидая своихъ товарищей, Сидъ отвернулся (вѣроятно, для того, чтобы скрыть отъ нихъ минутную слабость), одинъ изъ воиновъ, по имени Минайя Альваръ Фаньезъ, очень кстати сказалъ: «Сидъ, куда дѣлась ваша бодрость? Въ добрый часъ родились вы отъ матери. Скорѣе же въ путь, а все прочее оставимъ до другаго времени. Даже вся эта печаль обратится въ радость. Богъ, давшій намъ душу, подастъ намъ помощь». Дѣйствительно, дружина должна была торопиться, потому что оставалось два дня сроку до выѣзда ихъ изъ владѣній короля Альфонса; если они не скроются до этого срока, то ихъ арестуютъ, какъ бунтовщиковъ.

Итакъ Сидъ съ своею дружиною на пути; въ первую же ночь стеклось къ нему множество народа изъ разныхъ мѣстъ, и гдѣ онъ ни проѣзжалъ, отовсюду сбирались къ нему товарищи. Послѣ разныхъ тревогъ, наконецъ Сидъ успокоился къ ночи и тихо заснулъ. Ангелъ Гавріилъ, также какъ Карлу Великому въ пѣснѣ о Роландѣ, явился Сиду во снѣ: «Поѣзжайте, Сидъ, добрый Кампеадоръ — говорилъ онъ Сиду — потому что никогда ни одинъ баронъ не ѣхалъ въ болѣе удобное время. Пока будете живы *вы*, всѣ *твои* дѣла устроятся хорошо» [1]).

---

[1]) И въ древней французской литературѣ той эпохи замѣчается такое же смѣшеніе *вы* съ *ты*, какъ было у насъ въ половинѣ прошлаго вѣка и позже.

Выбравшись изъ владѣній короля Альфонса, Сидъ тотчасъ же пустился опустошать и грабить. Первою жертвою его набѣговъ былъ Кастейонъ. Планъ атаки былъ сдѣланъ ночью. «Занялась заря и разсвѣтало утро. Вышло солнышко; Боже! какъ хорошо оно свѣтило. Въ Кастейонѣ всѣ вставали, отворяли ворота, выходили наружу посмотрѣть свои работы и свои животы»[1]). Всѣ вышли, оставивъ двери отворенными. Въ Кастейонѣ мало было жителей, и тѣ теперь разбрелись кругомъ. Сидъ вступаетъ въ городскія ворота съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, и убиваетъ одиннадцать Мавровъ, кого только могъ застигнуть, и беретъ Кастейонъ, золото и серебро. Его воины приходятъ съ добычею, но онъ оставляетъ добычу своимъ товарищамъ, ни во что ставя все это (какъ Илья Муромецъ въ русскихъ былинахъ).

Итакъ, кромѣ золота, серебра и плѣнниковъ, добыча состояла въ стадахъ овецъ и рогатаго скота, въ одеждѣ и въ другихъ богатствахъ. Завоевавши городъ или замокъ, Сидъ оставлялъ его подъ своею властію и шолъ дальше, сначала раздѣливъ добычу въ своей дружинѣ.

Подробности раздѣла добычи очень важны для исторіи феодальнаго быта и для быта кондотьеровъ, которые въ лицѣ Сида могутъ вести свое происхожденіе отъ самой ранней поры завоевательныхъ дружинъ, нѣкогда наводнившихъ всю западную Европу.

Каждому воину его часть выдавалась по грамотѣ или по картѣ (por carta, ст. 519). По взятіи Кастейона каждому всаднику или рыцарю (cavallero) досталось по 100 марокъ серебра, а пѣхотинцамъ (peones) — каждому на половину того; потому что дружина Сида состояла изъ кавалеріи и пѣхоты. Что же касается до самого Сида, то ему во всякой добычѣ оставалась каждая пятая часть (toda la quinta a Mio Cid fincaba. Ст. 523). Такъ слѣдовало по испанскимъ законамъ: обычай, узаконенный и въ постановленіяхъ, собранныхъ Альфонсомъ Мудрымъ подъ именемъ

---

[1]) Sus heredades — свои наслѣдства, ст. 465.

Семи отдѣловъ или *частей* [1]), по которымъ пятая часть добычи шла королю; и, такъ какъ Сидъ, будучи изгнанъ, распоряжался въ своей дружинѣ въ качествѣ самостоятельнаго государя, то ему было присвоено и право короля на добычу. Это королевское право на пятую часть добычи, по мнѣнію испанскихъ историковъ, испанскіе короли переняли у Арабовъ.

Въ Кастейонѣ Сидъ не хотѣлъ долго оставаться, потому что боялся близости Альфонса, а «съ Альфонсомъ, моимъ господиномъ, я не хотѣлъ бы сражаться» — говоритъ онъ; далъ свободу сотнѣ Мавровъ и сотнѣ Мавританокъ, чтобъ они не поминали его лихомъ, и отправился дальше.

Не буду слѣдить за всѣми наѣздами Сида, а только приведу нѣкоторыя подробности, характеризующія бытъ и нравы. Во время битвы у Мавровъ былъ въ обычаѣ воинскій крикъ: *Магометъ*, у войска Сида: *Санъ-Яго*, вѣроятно, въ связи съ извѣстною Компостельскою легендою (ст. 739). Отношеніе къ побѣжденнымъ Маврамъ однажды, послѣ взятія одного замка, Сидъ выражаетъ слѣдующими словами: «Вотъ Мавры лежатъ: я вижу, мало живыхъ. Мавровъ и Мавританокъ продавать мы не можемъ, а если посрубить съ нихъ головы, то намъ нѣтъ выгоды. Соберемъ ихъ внутрь, потому что мы господа крѣпости, размѣстимся въ ихъ домахъ, а они пусть намъ услуживаютъ» (ст. 626—630).

Особенно блистательна и выгодна была побѣда, одержанная Сидомъ надъ двумя мавританскими королями: «такой добрый день былъ для христіанства» (ст. 778). «Великая радость была между христіанами.... У нихъ было столько золота, что они потеряли въ немъ счетъ. Всѣ христіане обогатились добычею, а Мавровъ всѣхъ отпустили они въ замки, и Мой Сидъ даже велѣлъ кое-чего дать имъ на дорогу. Мой Сидъ очень радовался со всѣми своими вассалами (con todos sus vasalos. Ст. 811), онъ велѣлъ имъ раздѣлить между собою добычу и все великое богат-

---

[1]) Los siete partidas. Part. II, tit. 26, l. 7.

ство; Сиду на пятую часть пришлось сто коней. Боже, какъ онъ удовольствовалъ всѣхъ своихъ вассаловъ, и пѣхоту, и конницу. Хорошо распоряжался рожденный въ добрый часъ; всѣ, которыхъ онъ велъ, были имъ довольны. «Послушайте, Минайя, вы моя правая рука,—говорилъ Сидъ: изъ этихъ сокровищъ, которыя намъ Создатель далъ, берите своею рукою, сколько хотите. Я хочу васъ послать въ Кастилью съ извѣстіемъ объ одержанной нами побѣдѣ къ королю Альфонсу, который держитъ на меня гнѣвъ. Я хочу послать ему въ подарокъ тридцать коней, всѣ осѣдланы и взнузданы въ богатой збруѣ, у каждаго на сѣдельной лукѣ по мечу. Вотъ вамъ золото и серебро — полный кошелекъ (потому что Сидъ ни въ чемъ не нуждался теперь, прибавляетъ отъ себя пѣвецъ). Въ Sancta Maria de Burgos заплатите за тысячу обѣденъ, а что̀ останется, отдайте моей женѣ и дочерямъ; пусть онѣ молятся за меня денно и нощно. Если я останусь для нихъ въ живыхъ, будутъ онѣ богатыя дамы» (dueñas ricas. Ст. 833).

Довольный самъ и обогативъ всѣхъ своихъ воиновъ, потому что «кто служитъ доброму господину, живетъ всегда въ прохладѣ» [1]), благословляемый даже Маврами, которыхъ онъ отпустилъ на волю, Сидъ отправился на дальнѣйшіе подвиги; а Альваръ Фаньезъ Минайя поѣхалъ въ Кастилью и представилъ королю Альфонсу тридцать коней въ подарокъ. Взглянулъ король и пріятно улыбнулся. «Спаси васъ Богъ [2])! Кто это даетъ мнѣ коней»?—«Мой Сидъ Руи Діасъ, онъ въ добрый часъ опоясалъ свой мечъ. Онъ побѣдилъ двоихъ мавританскихъ королей въ одномъ сраженіи. Велика, государь, его добыча. Вотъ, уважаемый король, посылаетъ онъ подарокъ и цѣлуетъ ваши ноги и обѣ руки. Да будетъ надъ нимъ ваша милость, и да спасетъ васъ за то самъ Создатель»! Король благосклонно принялъ дары и въ знакъ своей милости снялъ опалу съ Донъ Минайя, возвративъ ему его земли.

---

1) En delicio. Пословица. Ст. 858.

2) Si vos vala Dios — спасибо. Ст. 882.

Такимъ образомъ Минайя привезъ въ станъ къ Сиду добрыя вѣсти. «Боже, какъ возвеселилось все войско, что прибылъ Минайя Альваръ Фаньезъ и привезъ всѣмъ поклоны отъ ихъ братьевъ и сестеръ и отъ друзей, которыхъ они оставили. Боже, какъ былъ радъ *прекрасная борода!* (la Barba velida, ст. 938). Потому что Альваръ Фаньезъ заплатилъ за тысячу обѣденъ и привезъ ему поклоны отъ жены и дочерей. Боже, какъ Сидъ былъ доволенъ и какъ сильно радовался: «ну, Альваръ Фаньезъ, живите многія лѣта»!

Но Сидъ ѣдетъ все дальше, потому что, какъ онъ сказалъ дружинѣ пословицею: «Кто остается на одномъ мѣстѣ, всегда можетъ терять» (ст. 956).

Потомъ Сидъ побѣдилъ графа Барселонскаго (который въ поэмѣ называется Ремономъ, то есть, Раймондомъ), въ войскѣ котораго были и христіане и Мавры. Этой побѣдою Сидъ *возвеличилъ честь своей бороды* (ondrò su barba, ст. 1019); онъ даже взялъ въ плѣнъ самого графа, но возвратилъ ему свободу; что же касается до богатой добычи, взятой у графа съ бою, то Сидъ ему говорилъ: «Но изъ всего, что вы потеряли, и что я взялъ на полѣ битвы, знайте, я вамъ не возвращу ни малой денежки, потому что все это нужно мнѣ и моимъ вассаламъ, потому что они пошли за мной бѣдняками. Взявши выкупъ съ васъ и съ другихъ (которые вмѣстѣ съ вами въ плѣну), мы останемся довольны. Будемъ мы такъ жить до тѣхъ поръ, пока угодно будетъ Богу, какъ всякій, кто въ опалѣ у короля и изгнанъ изъ своей земли.

Угостивши графа обѣдомъ, Сидъ съ почестью отпустилъ его. Графъ, отъѣзжая, оглянулся назадъ; онъ боялся, чтобъ Сидъ не раздумалъ и не воротилъ его. Но никогда этого не сдѣлаетъ превосходный (caboso, ст. 1088), ни за что въ мірѣ, никогда онъ не совершитъ неправды».

Послѣ обычнаго дѣлежа добычи, начинается будто новая пѣсня, словами: «Здѣсь начинается исторія о Моемъ Сидѣ де-Би-

варъ» (la *Geste* de Mio Cid. 1093)[1]). Очень можетъ быть, что это позднѣйшая глосса, которою отдѣленъ эпизодъ о взятіи Валенсіи, какъ о событіи самомъ громкомъ въ дѣяніяхъ Сида. Можетъ быть, этотъ эпизодъ пѣлся, какъ отдѣльная пѣсня, и потому къ нему придѣлано было это вступленіе.

Сидъ, продолжая свои набѣги, взялъ Мурвіедро и въ немъ укрѣпился. Слухъ о его завоеваніяхъ встревожилъ жителей Валенсіи, и они рѣшились предупредить неминуемую бѣду, осадивъ Сида въ Мурвіедро. Сидъ выступилъ противъ враговъ, и, обратившись къ своимъ воинамъ съ слѣдующею короткою оригинальною рѣчью: «во имя Создателя и Апостола Санъ-Яго колите ихъ, воины, отъ всего своего сердца и отъ всей души, потому что я — Руи Діасъ Мой Сидъ де-Биваръ» — и бросившись на непріятеля вмѣстѣ съ своими, блистательно одержалъ надъ нимъ побѣду, убивши въ свалкѣ еще двоихъ Маврскихъ королей. Затѣмъ цѣлые три года опустошалъ мавританскіе города, днемъ спалъ, а ночью отправлялся въ набѣги. Особенно тяжело было жителямъ въ предѣлахъ Валенсіи. Жители не смѣли выходить изъ-за городскихъ стѣнъ; Сидъ опустошалъ все на поляхъ и отнималъ у жителей хлѣбъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Въ Валенсіи сильно жаловались и не знали, что дѣлать, потому что не откуда было взять хлѣба. «Ни отецъ не могъ подать помощь сыну, ни сынъ отцу, ни другъ своему другу; никто не могъ утѣшиться. Это ужасное дѣло, господа, не имѣть хлѣба и видѣть, какъ умираютъ съ голоду и дѣти, и жены. Всѣ видѣли бѣду передъ собою и не могли ее отвратить».

Между тѣмъ Сидъ послалъ вѣстниковъ по всей Арагоніи и Наваррѣ и по Кастильѣ: «кто хочетъ избыть заботы и добыть богатство, пусть идетъ къ Моему Сиду. Онъ хочетъ осадить Валенсію, чтобъ отдать ее христіанамъ. Кто хочетъ осаждать со мною Валенсію — и чтобъ всякъ шолъ своею доброю волею, а не по принужденію—я буду ждать тѣхъ три дня въ Canal del

[1]) Выраженіе *la gesta* слич. съ франц. «Chanson de *Geste;* отъ лат. *gesta,* вѣроятно, изъ Франціи перешло въ Испанію въ значеніи эпической пѣсни.

Celfa». «Желая добычи, Сидъ не хочетъ терять времени». Собравши огромное войско, онъ осадилъ Валенсію и держалъ ее въ осадѣ девять мѣсяцевъ. Когда наступилъ десятый мѣсяцъ, осажденные сдались, и Сидъ вошелъ въ городъ. «Кто прежде былъ въ пѣхотѣ сталъ коннымъ (ст. 122). Золото и серебро — кто можетъ его сосчитать? Всѣ стали богатыми. Сидъ Донъ Родриго взялъ пятую часть, чистыми деньгами; ему пришлось 30,000 марокъ. А другія богатства — кто можетъ ихъ сосчитать? Кампеадоръ былъ доволенъ, а также и всѣ бывшіе съ нимъ. Когда его главное знамя было водружено на вершинѣ Алказара[1]), великая радость распространилась между всѣми христіанами, бывшими съ Моимъ Сидомъ Руи Діасъ, который родился въ добрый часъ. Уже борода его растетъ и все становится длиннѣе. Тогда сказалъ Мой Сидъ изъ своихъ собственныхъ устъ: ради любви къ самому королю Альфонсу, который выгналъ меня изъ родной земли, чтобъ ножницы не касались этой бороды, чтобъ не срѣзали ни одного волоска, и пусть объ этомъ идетъ слава между Маврами и Христіанами».

Очевидно, легкая иронія соединяется здѣсь съ эпическимъ чествованіемъ бороды, какъ символа могущества и славы; и въ этомъ отношеніи трудно найти болѣе наивное и характеристическое мѣсто для сравненія съ эпическими выраженіями о бородѣ Карла Великаго въ Пѣснѣ о Роландѣ и съ тѣмъ, что говорится о бородѣ Ильи Муромца въ нашихъ былинахъ.

Сидъ успокоился въ Валенсіи: «я буду жить въ Валенсіи, которая такъ дорого мнѣ стоитъ—говорилъ онъ: была бы великая глупость, если бы я оставилъ ее: буду жить въ Валенсіи, потому что это моя вотчина»[2]). Съ Сидомъ и Минайя Альваръ Ѳаньезъ, который не отлучался отъ его руки[3]). Всѣхъ своихъ онъ щедро наградилъ, а если кому нужно, отпускалъ отъ себя;

---

[1]) Главной башни въ Валенсіи. Сличи стихъ 1579.

[2]) La tingo por heredad. Стихъ 1480.

[3]) No sparte de so braso. Стихъ 1253. Выраженіе, соотвѣтствующее нашему древнему русскому: *быть подъ рукою кого.*

однако по совѣту Минайи положилъ: если кто изъ его дружины удалится безъ позволенія *и не поцѣловавъ его руки*, и если такого догонятъ и схватятъ, то отнять у него все имущество, а самаго повѣсить. «Вотъ какъ умно было положено». Потомъ, чтобъ знать счетъ своему войску и сколько каждый получилъ въ добычѣ, Сидъ велѣлъ Минайѣ все это привести въ извѣстность счетомъ и на письмѣ. Оказалось у Сида 3,600 человѣкъ, людей подначальныхъ, или такихъ, которые — по выраженію поэмы — *ѣдятъ его хлѣбъ* [1]). Затѣмъ Сидъ послалъ своего любимца съ новыми дарами къ королю Альфонсу и съ просьбою, чтобъ онъ позволилъ Доньѣ Хименѣ съ дочерьми пріѣхать къ мужу; сверхъ того Сидъ далъ Минайѣ 1000 марокъ для передачи аббату Св. Петра.

Тѣмъ временемъ въ Валенсію пришелъ съ Востока [2]) одинъ *увѣнчанный* [3]). Это былъ епископъ Іеронимъ. Онъ былъ человѣкъ въ грамотѣ поученый и мудрый, а также очень привычный и пѣшкомъ ходить и верхомъ ѣздить. Онъ пришелъ искать себѣ счастія въ борьбѣ съ Маврами, какъ настоящій воинъ. Но Сидъ, въ качествѣ независимаго короля, сдѣлалъ его епископомъ Валенсіи, «гдѣ онъ можетъ сильно разбогатѣть».

Между тѣмъ Минайя отправился къ королю, котораго нашелъ въ Карріонѣ, въ то время, какъ онъ шелъ отъ обѣдни; палъ ему въ ноги и цѣловалъ ему руки, и, передавши все, съ чѣмъ былъ посланъ отъ Сида, присовокупилъ, что Сидъ признаетъ себя его вассаломъ, а его своимъ господиномъ. На этотъ разъ Альфонсъ былъ такъ доволенъ, что далъ свое полное прощеніе всѣмъ, которые пошли съ Сидомъ въ походъ, возвратилъ имъ ихъ земли и изъялъ *ихъ тѣла* [4]) отъ всякаго лиха и казни; сверхъ того разрѣшилъ всѣмъ и каждому изъ своихъ подданныхъ ѣхать къ

---

[1]) Que comien so pan. Стихъ 1690.

[2]) Т. е. какъ бы изъ Іерусалима, но собственно изъ Перигё, изъ Франціи, откуда очень много было въ ту эпоху духовныхъ въ Испаніи.

[3]) Uno coronado. Ст. 1296, т. е., остриженный подъ вѣнокъ, съ выстриженнымъ гуменцомъ, т. е., монахъ, un tonsuré.

[4]) Т. е., ихъ личность, ихъ особу. Стихъ 1373.

Сиду на службу; что же касается до Доньи Химены съ ея дочерьми и дамами, то Альфонсъ не только разрѣшаетъ имъ ѣхать въ Валенсію, но даетъ имъ всѣ возможныя удобства во время пути по его землямъ, чтобъ все было для нихъ готово и все будетъ имъ итти даромъ, въ счетъ короля. И дѣйствительно, какъ говоритъ поэтъ, «король за все заплатилъ».

Отъ короля Минайя отправился въ монастырь Св. Петра де-Карденья къ дамамъ съ радостными вѣстями: «Сидъ здоровъ и очень разбогатѣлъ» — сказалъ онъ имъ и передалъ порученіе Сида — везти ихъ въ Валенсію. Что же касается до 1000 марокъ, данныхъ Минайѣ, то, «пятьсотъ марокъ вручилъ онъ аббату — говоритъ пѣвецъ — а съ остальными пятью стами я вамъ скажу, что̀ онъ сдѣлалъ; онъ позаботился о Доньѣ Хименѣ, ея дочеряхъ и о прочихъ дамахъ, чтобъ онѣ прилично явились; накупилъ имъ всякихъ нарядовъ, что̀ могъ найдти въ Бургосѣ, а также дамскихъ коней и муловъ». Снарядивъ дамъ, Минайя собирался уже въ путь, какъ вдругъ явились къ нему оба жида, Рахель и Видасъ, и пали ему въ ноги: «Помилуйте, Минайя, знаменитый рыцарь! Сидъ насъ совсѣмъ разорилъ. Мы готовы отказаться отъ барышей, только-бы онъ воротилъ намъ капиталъ». — «Мы увидимъ это съ Сидомъ, если Господь донесетъ меня туда — говорилъ имъ Минайя: Сидъ вознаградитъ васъ за все, что̀ вы для него сдѣлали». — «Да будетъ воля Божія — отвѣчали жиды: а не то мы оставимъ Бургосъ и пойдемъ искать его самого»:

Вотъ еще въ какой грубой формѣ поэма понимаетъ нравственныя отношенія, вѣроятно извиняя христіанскихъ героевъ тѣмъ, что они имѣютъ дѣло съ жидами. Прозаическая хроника о Сидѣ, составленная двумя столѣтіями позднѣе поэмы, снимаетъ съ Сида всякую тѣнь неблагодарности. Сидъ возвращаетъ жидамъ съ посланнымъ деньги и извиняется, что въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ обману. Молва объ этомъ разнеслась по всему Бургосу и всѣ восхваляли честность и благородство Сида (гл. 216).

На встрѣчу къ своему семейству въ Медину Сидъ посылаетъ нѣсколько изъ своихъ капитановъ и епископа Іеронима съ свитою въ сто человѣкъ, для того чтобы съ подобающею почестію проводить дамъ. Іеронимъ во время пути взялъ дамъ подъ свое попеченіе; а когда они вышли изъ области короля Альфонса, то всѣ издержки взялъ на себя одинъ изъ друзей Сида, мавританскій король одного изъ покоренныхъ Сидомъ городовъ, по имени Абенгальвонъ; и поэтъ, любя давать отчетъ во всякой копѣйкѣ, съ удареніемъ говоритъ, что этотъ «Мавръ на все тратилъ свои деньги, отъ нихъ (т. е., отъ жены Сида и его дочерей) не требуя ничего» (ст. 1565), заботился, чтобъ дамы и свита ни въ чемъ не нуждались, даже за послѣднюю подкову онъ расплачивался своими деньгами. (Ст. 1561).

Когда дамы приблизились къ Валенсіи, Сидъ велѣлъ выступить къ нимъ на встрѣчу двумъ стамъ всадникамъ и самъ поѣхалъ вмѣстѣ на конѣ *Бабіекѣ*.

Объ этомъ знаменитомъ конѣ Сидовомъ въ поэмѣ упоминается здѣсь въ первый разъ, и именно, какъ о конѣ только недавно пріобрѣтенномъ. Вотъ слова поэмы: Сидъ велѣлъ, «чтобъ ему привели Бабіеку: онъ недавно добылъ этого коня, и онъ еще не зналъ, Мой Сидъ, въ добрый часъ препоясавшійся мечомъ, каковъ онъ на бѣгу и каковъ на осадкѣ» (стих. 1581—3). И будто бы только тогда оцѣнили этого коня, когда Сидъ гарцовалъ на немъ, выѣхавъ на встрѣчу къ своему семейству: «съ этого-то дня оцѣнили Бабіеку во всей Испаніи» (ст. 1599). Напротивъ того, прозаическая хроника о Сидѣ (гл. 2) повѣствуетъ, что Донъ Родриго еще въ ранней молодости получилъ въ подарокъ отъ своего крестнаго отца плохую лошаденку, которую тогда же и назвали *Babieca*— что значитъ *глупый* (Прованс. *babau*) [1]).

Сличая поэму о Сидѣ не только съ позднѣйшими Chansons de Geste, но даже съ пѣснею о Роландѣ, и въ этомъ отношеніи

---

[1]) Конь Ильи Муромца, будто бы, былъ сначала шелудивымъ жеребенкомъ, котораго отецъ этого богатыря купилъ у Карачаровскаго дьячка, или у сосѣда.

нельзя не отдать предпочтенія въ первобытности и свѣжести испанскаго эпоса передъ французскимъ. Конь есть существенная принадлежность рыцаря; и чѣмъ больше развивалось рыцарство, тѣмъ рѣще опредѣлялись рыцарскія принадлежности. Оказалась потребность опредѣлять индивидуальный характеръ знаменитыхъ коней, давая имъ имена. Такъ уже въ пѣснѣ о Роландѣ встрѣчаемъ около десяти собственныхъ именъ коней, напр. конь Роланда—Veillantif, Карломана — Tencendur, Ганелона—Tachebrun и проч. Само собою разумѣется, чѣмъ произведеніе древнѣе, тѣмъ менѣе въ немъ развита потребность къ излишней роскоши, къ случайностямъ, безъ которыхъ легко обойтись. Зачѣмъ, напр. собственныя имена конямъ всѣхъ героевъ, если только эти имена не условливаются эпическими формами самаго языка, какъ напр. нашъ *Сивко-Бурко* и т. п.?

Потому-то, безъ сомнѣнія, надо полагать, что древнѣйшій складъ эпическаго стиля выражается о Сидѣ между прочимъ и въ томъ, что только конь одного Сида чествуется собственнымъ именемъ; и то это имя—самое неказистое, дюжинное, данное грубымъ простонародьемъ, а не изысканною вѣжливостью рыцарства.

Но воротимся къ прерванному нами содержанію. Дамы встрѣчены были изъ Валенсіи съ великою церемоніею. Когда Сидъ подошелъ къ нимъ, Донья Химена бросилась къ нему въ ноги и говорила: «благодарю, Кампеадоръ! въ добрый часъ препоясались вы мечомъ! Вы меня вывели изъ немалаго сраму. Вотъ теперь я передъ вами, я и ваши двѣ дочери: съ Божіею помощью и вашею, онѣ добрыя дѣвушки и воспитанныя». А онъ обнялъ и жену, и дѣтей, и всѣ они отъ радости плакали изъ своихъ очей. Послушайте, что говорилъ рожденный въ добрый часъ: «вы, любимая и честная жена, и мои обѣ дочери, мое сердце и моя душа, войдите со мною въ Валенсію, въ эту вотчину, которую я для васъ добылъ» (ст. 1615). «Мать и дочери цѣловали у него руки. Съ великою честью вошли онѣ въ Валенсію. Мой Сидъ отправился съ ними на башню Альказаръ и поднялся на самую вершину, откуда глаза видятъ во всѣ стороны.

И смотрѣли они, какъ внизу лежитъ городъ Валенсія, а съ другой стороны видѣли море. Видѣли они и сады, густые и великіе, и подняли они руки съ молитвою къ Богу».

Благополучно миновала зима. Наступилъ мартъ. Пришли вѣсти съ того берега отъ моря: идетъ на Сида войною Марокскій король; вотъ уже около Валенсіи разставилъ онъ палатки съ своимъ громаднымъ войскомъ. Сидъ радуется новымъ предстоящимъ подвигамъ, выражая свою радость въ слѣдующихъ задушевныхъ словахъ: «Благодареніе Создателю и Св. Маріи Богоматери! Мои дочери и моя жена со мною. Я долженъ сражаться, не могу избѣжать. Дочери и жена увидятъ, какъ я сражаюсь. Онѣ увидятъ, какъ живутъ въ этой чужой сторонѣ, онѣ увидятъ своими глазами, какъ добываютъ себѣ хлѣбъ». И велѣлъ онъ своей женѣ и дочерямъ подняться на Альказаръ, и онѣ увидѣли—все пространство кругомъ усѣяно палатками. «Что это такое Сидъ? да спасетъ васъ Создатель»! — «Ну, честная жена, не заботься. Это намъ растетъ богатство, удивительное и огромное. Вы только-что пріѣхали, а вотъ ужъ вамъ и подарокъ. Ваши дочери на выданьѣ, а вотъ имъ несутъ и приданое».— «Благодарю васъ, Сидъ, благодарю и Отца Духовнаго» [1]). — «Оставайтесь въ этомъ дворцѣ, или, если хотите, въ Альказарѣ. Не бойтесь, когда увидите меня въ сраженіи. Съ Божіею помощью и Св. Маріи Богоматери, мое мужество растетъ, потому что вы со мною. Съ Божіею помощью я выиграю это сраженіе». На зарѣ ударили въ барабаны (во вражескомъ станѣ). Мой Сидъ радостно воскликнулъ: «что за отличный нынче день»! А жена его была въ страхѣ, такъ сердце ея и разрывалось; тоже и его дочери и прочія дамы. Какъ родились, не испытывали онѣ такого ужаса. А Сидъ ухватился за свою бороду и говорилъ: «Не бойтесь — все это къ вашей же пользѣ. Черезъ пятнадцать дней, если угодно Создателю, къ вамъ принесутъ вонъ тѣ барабаны, и вы увидите, какіе они. Потомъ они будутъ принадлежать

---

[1]) Т. е. Господа Бога.

епископу Іерониму: ихъ помѣстятъ въ церкви Св. Маріи, Матери Создателя». Такой обѣтъ далъ Сидъ Кампеадоръ. Дамы ободрились и потеряли страхъ.

Началась война. Первый день для Сида былъ хорошъ: «а завтра будетъ еще лучше», говорилъ онъ своимъ воинамъ: пойдемъ поражать враговъ во имя Создателя и Апостола С.-Яго». Передъ битвою епископъ Іеронимъ отслужилъ имъ обѣдню и далъ отпущеніе во грѣхахъ. «Кто умретъ здѣсь, сражаясь лицомъ ко врагу, тому разрѣшаю я грѣхи, и Господь возьметъ его душу. Для васъ, Сидъ Донъ Родриго, въ добрый часъ препоясались вы мечомъ, я отслужу сегодня утромъ обѣдню. За это въ даръ прошу я у васъ, чтобъ вы разрѣшили мнѣ первые удары»[1]).

Сидъ съ своимъ войскомъ вышелъ черезъ *башни Валенсіи*[2]). Богу было угодно, чтобъ они побѣдили. Сидъ побивалъ столько враговъ, что кровь такъ и лилась *съ его локтя на землю*. Едва спасся отъ него Марокскій король — только на разстояніе меча (ст. 1734), и долго гнался за нимъ Сидъ на своемъ конѣ Бабіекѣ, котораго тогда оцѣнилъ онъ съ головы до ногъ. Послѣ побѣды осталась въ его рукахъ добыча. Пятьдесятъ тысячъ насчитали счетомъ (т. е. воиновъ). Спаслось не больше ста четырехъ. А дружина Моего Сида ограбила непріятельскій станъ: золотомъ и серебромъ добыли они 3,000 марокъ, а прочей добычи нельзя и сосчитать.

Воротившись на Бабіекѣ въ городъ, Сидъ подъѣхалъ къ дамамъ и, сидя на конѣ, сказалъ: «Преклоняюсь передъ вами, дамы! Я вамъ выигралъ большую награду. Вы охраняли Валенсію, а я побѣдилъ на полѣ битвы. Угодно было Богу и всѣмъ Его Святымъ, потому что ради васъ дали они намъ такую добычу. Видите—мечъ въ крови, а конь въ поту. На такомъ конѣ какъ не побѣдить Мавровъ въ полѣ! Чтобъ этотъ конь пожилъ еще много лѣтъ — молите Создателя: и вы сами будете въ чести, и будутъ цѣловать ваши ручки». Когда Сидъ сошелъ съ коня, жена, до-

---

[1]) Т. е., въ битвѣ — обычай, упоминаемый и въ пѣснѣ о Роландѣ IV, 805.

[2]) Т. е., черезъ ворота въ башняхъ. Это были *башни проѣзжія*.

чери и прочія дамы пали передъ героемъ на колѣни и благословляли его за милость. Потомъ онъ отправился съ ними во дворецъ, и тамъ, сидя съ ними на скамьѣ, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: «Ну, жена Донья Химена, не просили ли вы меня? Эти дамы, которыхъ вы привезли съ собой—усердно вамъ служатъ: я хочу ихъ выдать за мужъ за моихъ вассаловъ. За каждою дамъ по двѣсти марокъ серебромъ, чтобъ знали въ Кастильѣ, кому онѣ служили. Что же касается до дочерей, то это придетъ въ свое время». Тогда дамы встали и цѣловали у него руки, и была великая радость по всему дворцу.

Между тѣмъ Минайя шелъ на поле битвы и все тамъ приводилъ въ счетъ и записывалъ, была ли то полатка или драгоцѣнная одежда. «Но я вамъ скажу, что всего важнѣе: не могли свести счета всѣмъ конямъ: много разбѣжалось ихъ, такъ что не могли поймать: и потомъ уже окрестные Мавры много наловили ихъ себѣ; и все же на долю Сида досталось тысяча пятьсотъ коней: такъ какъ Моему Сиду пришлось такое большое число, то другіе могутъ оставаться довольны и тѣмъ, что получили». Множество драгоцѣнныхъ палатокъ досталось Сиду и его дружинѣ; а что касается до превосходной палатки самого Марокскаго короля, то Сидъ рѣшилъ послать ее въ подарокъ королю Альфонсу, для того чтобы онъ повѣрилъ извѣстіямъ о Моемъ Сидѣ; сверхъ того онъ послалъ ему 200 коней, чтобъ Альфонсъ не поминалъ лихомъ того, кто управляетъ Валенсіею.

Епископъ Іеронимъ измучился въ битвѣ, сражаясь обѣими руками. Онъ забылъ и счетъ Маврамъ, которыхъ убилъ. Ему досталась значительная добыча: Мой Сидъ Донъ Родриго, рожденный въ добрый часъ, отъ всей своей пятой доли далъ ему десятину (ст. 1807). Минайя Альваръ Фаньезъ и Перо Бермуезъ, посланные отъ Сида къ королю съ подарками, были имъ необыкновенно ласково приняты; а Сида такъ превознесъ король своею милостію, что возбудилъ въ придворныхъ къ нему ревность.

Тогда-то инфанты Карріона, желая обогатиться, рѣшились

просить Альфонса, чтобъ при его вліяніи, Сидъ выдалъ за нихъ своихъ дочерей: «къ ихъ чести — говорили они — и къ нашей выгодѣ».

Долгій часъ разсуждалъ объ этомъ Альфонсъ, потомъ сказалъ: «добраго Кампеадора я выгналъ изъ своей земли: я сдѣлалъ ему много зла, а онъ мнѣ сдѣлалъ великое добро. Не знаю, будетъ ли ему пріятенъ этотъ бракъ; но такъ какъ вы хотите, попытаемся».

Альфонсъ призвалъ къ себѣ обоихъ посланныхъ отъ Сида бароновъ и поручилъ имъ отъ себя къ нему просьбу о сватовствѣ инфантовъ Карріона; а въ изъявленіе своей полной милости — приглашаетъ Сида къ себѣ ко двору, гдѣ ему будетъ много дѣла. Посланные воротились къ Сиду съ радостными вѣстями; однако замужество дочерей его озаботило. Онъ задумался на долгій часъ: «инфанты Карріона очень горды и имѣютъ большую при дворѣ силу—думалъ онъ: я не желалъ-бы такой партіи: но такъ какъ это совѣтуетъ тотъ, кто лучше меня, то надо это принять къ свѣдѣнію». Что же касается до свиданія съ королемъ Альфонсомъ, то оно назначено было на рѣкѣ Тахо. Это свиданіе должно было совершиться съ великолѣпными церемоніями. Альфонсъ явился съ графами, городскими властями (podestades, стихъ 1989) и съ многочисленною дружиною. Были въ свитѣ и инфанты Карріона. Они были веселы и нарядны; иное купили на наличныя деньги, иное взяли въ долгъ: они уже заранѣе разсчитывали на богатое приданое (ст. 1984 и слѣд.).

Альфонсъ прибылъ на мѣсто свиданія днемъ раньше Сида. Когда явился Сидъ съ своею многочисленною свитою, тотчасъ палъ передъ королемъ въ землю: такъ онъ выразилъ свою покорность передъ Альфонсомъ, своимъ государемъ. Сокрушеніе Сида, выраженное въ такой унизительной формѣ (хоть и согласно съ нравами того вѣка), больно было видѣть самому Альфонсу: «Встаньте, Сидъ Кампеадоръ, говорилъ онъ ему: цѣлуйте только мою руку, но, пожалуйста, не ноги, нѣтъ»! Но Сидъ, все стоя на колѣняхъ, умолялъ короля: «прошу у васъ прощенія, мой при-

родный господинъ (mio natural senor, ст. 2041): я буду стоять такъ, и пожалуйте вашею любовію такъ, чтобъ видѣли и слышали всѣ здѣсь предстоящіе». Король простилъ Сида отъ всей души и отъ всего своего сердца, и такимъ образомъ заключенъ былъ между ними тѣсный союзъ любви и дружбы.

За тѣмъ начались взаимныя угощенія; и король и Сидъ, оба хотятъ превзойти другъ друга въ гостепріимствѣ. Во время пиршества король Альфонсъ лично предложилъ Сиду просьбу инфантовъ Карріона о сватовствѣ. Сидъ, хотъ находилъ, что дочери его еще молоды, но отказать не могъ, и, разставаясь съ королемъ, взялъ съ собою своихъ будущихъ зятьевъ въ Валенсію. Пріѣхавъ въ этотъ городъ, Сидъ сообщилъ вѣсть о свадьбѣ своей женѣ, и, не спросясь у дочерей, какъ на Руси въ старину, ихъ выдаетъ за мужъ за инфантовъ Карріона, за Донъ Діего и Донъ Ферандо, сыновей графа Гонзало. Празднества бракосочетанія сопровождались пиршествомъ и конскою скачкою, и тянулись пятнадцать дней. Приданаго было столько, что потеряли счетъ деньгамъ. Всѣ въ свитѣ были щедро одарены подарками.

Инфанты Карріона цѣлые два года жили въ любви и дружбѣ съ своими женами. «Сидъ былъ доволенъ, какъ и всѣ его вассалы».

«Здѣсь оканчиваются стихи этой пѣсни — да будетъ вамъ въ помощь Создатель и всѣ его Святые». Это именно то мѣсто, отдѣляющее двѣ пѣсни поэмы о Сидѣ, о которомъ было уже упомянуто.

Семейная жизнь дочерей Сида, Доньи Эльвиры и Доньи Соль, съ инфантами Карріона, предлагаетъ намъ замѣчательные образчики нравовъ и супружескихъ отношеній для исторіи средневѣковой женщины XI и XII вѣковъ.

Чтобъ понять нравы этой суровой эпохи, сначала слѣдуетъ войти въ нѣкоторыя юридическія подробности. Надо знать, что въ эпоху, изображаемую въ поэмѣ о Сидѣ, жена, по различію своихъ общественныхъ отношеній къ мужу, имѣла двоякое названіе: *mugier* (новоиспанское muger, т. е. mulier) и *barragana*

(женская форма отъ арабскаго *barragan* — молодой человѣкъ, холостякъ на возрастѣ) и собственно соотвѣтствуетъ латинскому *concubina* — наложница. Но какъ *mugier*, такъ и *barragana* — равно считались законными женами; съ той и съ другой бракъ заключался законнымъ порядкомъ и съ тѣми же церковными обрядами; разница состояла только въ томъ, что если жена была равныхъ правъ съ мужемъ, изъ одного сословія съ нимъ, то была настоящая *muger;* если же она была ниже своего мужа по общественному положенію, то была *barragana*. Хотя это слово пришло къ Испанцамъ отъ Арабовъ, но такимъ образомъ получило свое собственное значеніе, согласное съ развитіемъ быта.

Инфанты Карріона называли своихъ женъ *barraganas:* «мы бы не взяли ихъ себѣ въ *баррагапы,* — говорили они о дочеряхъ Сида — если бы насъ не просили; потому что онѣ *не были намъ равны*, чтобъ быть въ нашихъ рукахъ» (или объятіяхъ; стих. 2769—2771).

Бракъ съ barragana заключался съ меньшею торжественностію и безъ предварительныхъ юридическихъ актовъ *залога* или *задатка* [1]). Этотъ актъ (por arras) заключался письменно. Въ немъ женихъ отдавалъ своей будущей женѣ извѣстныя земли и имѣнія, и ихъ лишался, въ случаѣ, если самъ не исполнитъ принимаемыхъ имъ на себя обязательствъ. Согласно этому юридическому обычаю, инфанты Карріона, уѣзжая отъ Сида, обѣщали его дочерямъ дать города въ *задатокъ* и *въ ленное владѣніе* [2]). Но все же изъ этого мѣста можно заключить, что самый актъ не былъ заключенъ передъ свадьбою.

Какъ бы то ни было, только вскорѣ оказалось, что въ инфантахъ Карріона Сидъ нашелъ недостойныхъ себя родственниковъ; и тѣмъ больнѣе это ему было, что онъ по теплому родственному чувству зоветъ ихъ своими сыновьями, потому что они мужья его родныхъ дочерей.

---

[1]) Испан. arras, франц. arrhes, глаг. arrher.

[2]) Por arras è por honores. Стихъ 2574.

Разъ Сидъ спалъ, лежа на скамьѣ. Въ то время левъ вырвался изъ клѣтки и напугалъ всѣхъ. Воины бросились къ спящему Сиду и окружили его, думая защитить отъ дикаго звѣря, если онъ бросится. Но инфанты Карріона оба потеряли голову, они были трусы. Ферранъ Гонзалезъ [1]) залѣзъ подъ скамью, на которой спалъ Сидъ; а Діего Гонзалезъ убѣжалъ на точила, гдѣ выжимаютъ виноградъ, и, тамъ спрятавшись, испачкалъ свою мантію и кафтанъ. Позднѣйшіе романсы безпощадно преслѣдуютъ трусость инфантовъ Карріона, повѣствуя, что Донъ Діего, старшій изъ братьевъ, спрятался въ такое грязное мѣсто, которое неприлично и называть.

Проснувшись, Сидъ узнаётъ отъ окружавшей его дружины о тревогѣ, произведенной львомъ. Сидъ всталъ, накинулъ на себя мантію и пошелъ на встрѣчу ко льву. Левъ, увидѣвъ это, оробѣлъ: «передъ Моимъ Сидомъ склонилъ голову и опустилъ внизъ морду. Мой Сидъ Донъ Родриго взялъ его за шею, и, будто ручнаго, повелъ его и заперъ въ клѣтку: и всѣ видѣвшіе очень удивились». Потомъ, когда всѣ воротились во дворецъ, Сидъ спрашивалъ, гдѣ его зятья. Но не могли ихъ сыскать. Долго ихъ звали; отвѣту не было. Наконецъ нашли ихъ; на нихъ лица не было отъ страху: «вы никогда не видали такой потѣхи, какая пошла по всему дворцу, такъ что Сидъ даже принужденъ былъ запретить насмѣшки».

Эта сцена напоминаетъ подобную же о юномъ Пепинѣ, который, по разсказу во французскомъ романѣ о Бертѣ, поразилъ льва, тоже вырвавшагося изъ клѣтки. По сродству Испанскихъ эпическихъ преданій съ французскими, вѣроятно, оба эти разсказа одного происхожденія, и, можетъ быть, во французскомъ романѣ, конечно позднѣйшемъ, эта сцена заимствована изъ общихъ народныхъ преданій, которыя въ Испаніи были примѣнены къ Сиду, а во Франціи къ королю Пепину.

Посрамленіе, претерпѣнное инфантами Карріона при дворѣ

---

1) То-есть сынъ Гонзало.

Сида, рѣшило ихъ на месть. Обстоятельства ускорили ихъ рѣшимость, еще разъ подвергнувъ испытанію ихъ храбрость.

Еще разъ Марокскій король напалъ на Валенсію. Всѣ радовались случаю отличиться подвигами и добыть себѣ добычу. Только инфанты Карріона были не въ духѣ и видимо хотѣли избѣжать опасностей войны, хотѣли бы поскорѣе спастись къ себѣ въ Карріонъ. «Пусть они останутся покойны, говорили о нихъ, и пусть не будетъ имъ части въ добычѣ». — «Да спасетъ васъ Богъ, мои зятья, инфанты Карріона, улыбаясь говорилъ имъ Сидъ: обнимайтесь съ моими дочерьми, бѣлыми какъ солнце; я желаю сражаться, а вы — скорѣе быть въ Карріонѣ. Забавляйтесь въ Валенсіи, какъ хотите, потому что я хорошо знаю, что, съ Божіей помощью, прогоню отсюда Мавровъ».

Въ противоположность трусливымъ бездѣльникамъ, въ лицѣ которыхъ поэма преслѣдуетъ знать своего времени, въ особѣ епископа Іеронима изображается доблестный монахъ, такъ что даже монахи были храбрѣе и достойнѣе носить мечъ, нежели такіе чванливые аристократы, какъ инфанты Карріона. Передъ битвой такъ говорилъ епископъ Іеронимъ: «Сегодня отслужилъ я вамъ обѣдню Святой Троицы [1]). Затѣмъ я оставилъ свою землю и пришелъ къ вамъ, чтобъ побивать Мавровъ. Я хотѣлъ бы почтить тѣмъ мой орденъ и мои руки (ст. 2383), и въ этомъ сраженіи я хочу идти впередъ».

Не смотря на свою трусость, инфанты Карріона не могли оставаться въ городѣ, и волею, не волею, были въ войскѣ; и, послѣ блистательной побѣды надъ Марокскимъ королемъ, Сидъ радовался, что и зятья его отличались на полѣ битвѣ, но дружина про себя смѣялась, потому что всѣ знали, кто во время битвы хорошо дрался.

Чтобы избѣжать новыхъ опасностей и не подвергаться насмѣшкамъ послѣ сцены со львомъ, инфанты Карріона рѣшились отправиться къ себѣ домой, взявъ съ собою своихъ женъ, однако

---

[1]) La misa de Sancta Trinidade, ст. 2380.

въ томъ намѣреніи, чтобъ на пути, отомстивъ на нихъ все свое униженіе, ихъ оставить. «Мы можемъ жениться на дочеряхъ короля или императора, потому что по своему роду мы графы Карріонскіе»—говорили они между собой (ст. 2563).

Отпрашиваясь у Сида съ женами домой, инфанты однако обѣщали, что они своимъ женамъ по праву задатка или вѣна (por arras) дадутъ земли и города. Сидъ за то на разставаньѣ далъ за своими дочерьми въ приданое 3,000 марокъ серебра, множество всякаго драгоцѣннаго одѣянія и сверхъ того каждому зятю по мечу; это были знаменитые Сидовы мечи — *Колада* и *Тизонъ:* «вы знаете, — говорилъ онъ инфантамъ, — что я добылъ ихъ, какъ баронъ. Вы оба мои сыновья, потому что я отдалъ вамъ моихъ дочерей, уносите съ собою *покровы отъ моего сердца* [1]). Пусть знаютъ въ Галисіи, въ Кастильѣ и въ Леонѣ, съ какими богатствами я отпускаю отъ себя своихъ зятьевъ. *Служите* [2]) моимъ дочерямъ, потому что онѣ ваши жены, и чѣмъ лучше будете *служить* имъ, тѣмъ больше отъ меня за то будете вознаграждены».

Въ провожатые своимъ дочерямъ Сидъ далъ своего племянника Фелеза Муньоза (Felez Muñoz), поручивъ на пути кланяться своему другу Маврскому королю Абенгальвону (Moro Abengalvon), съ просьбою, чтобъ онъ позаботился о его дочеряхъ.

Павши на колѣни, дочери прощались съ Сидомъ, и всѣ плакали; плакали даже воины Сида; наконецъ дочери разстались съ отцемъ, съ матерью, какъ *ноготь отъ мяса*,—въ такой варіаціи повторяется эпическое выраженіе пѣвца.

Инфанты съ своими женами отправились. Прибывъ во владѣнія Мавра Абенгальвона и видя его преданность къ Сиду, они задумали было его убить и обогатиться его сокровищами, но одинъ изъ подданныхъ этого короля, Мавръ, знающій по-роман-

---

[1]) То-есть, какъ бы мясо отъ моего сердца, плоть моей плоти — las telas del corazon. Ст. 3527.

[2]) Выраженіе уже рыцарское; «a mis fijas sirvades». Ст. 2590.

ски [1]), подслушалъ ихъ преступный планъ и предупредилъ своего господина. Такіе гнусные предатели были инфанты, что даже мусульманинъ является честнѣе и благороднѣе ихъ и срамитъ ихъ слѣдующими словами: «Скажите мнѣ, что я вамъ сдѣлалъ, инфанты Карріона? Я услуживалъ вамъ безъ всякой хитрости, а вы мыслите на мою жизнь! Если бы я не воздержался ради Моего Сида, то сдѣлалъ бы надъ вами то, о чемъ молва пошла бы по всему свѣту и воротилъ бы я Кампеадору его дочерей, а вы бы никогда не доѣхали до своего Карріона. Теперь же я оставляю васъ, злые предатели»!

Инфанты съ женами продолжали путь; проѣзжаютъ *свѣтлыя горы* [2]). Наконецъ въѣхали они въ дуброву или дубовый лѣсъ Корпесъ (al rodredo de Corpes). Деревья тамъ громадныя, вѣтви къ облакамъ поднимаются; кругомъ рыщутъ лютые звѣри. Инфанты остановились въ одной прогалинѣ у прозрачнаго ручья и велѣли раскинуть палатку. Тутъ они провели ночь: «держа въ объятіяхъ своихъ женъ, они оказывали имъ любовь; но злобно довершили ее, когда взошло солнце».

Инфанты велѣли собраться всей своей свитѣ и отправиться въ путь, а сами съ женами остались одни и такъ говорили имъ: «Будьте увѣрены, Донья Эльвира и Донья Соль, здѣсь будете вы обезславлены въ этихъ дикихъ горахъ. Мы сейчасъ отправляемся, а вы будете брошены. Не будетъ вамъ чести въ земляхъ Карріона. Такая молва дойдетъ до Сида Кампеадора. Такъ отомстимъ мы на васъ, что было намъ изъ-за льва».

Они сорвали съ обѣихъ дамъ всѣ ихъ верхнія одѣянія, оставили ихъ въ однихъ сорочкахъ и шелковыхъ туникахъ (en ciclatones, ст. 2731), и взяли въ руки крѣпкія подпруги. Видя то, Донья Эльвира говорила: «Просимъ васъ во имя Божіе, Донъ Діего и

[1]) Un Moro latinado. Ст. 2671.

[2]) Por los montes claros. Ст. 2703. Это были горы лѣсистыя, такъ что по-испански также, какъ кое-гдѣ и у Славянъ, *гора*, *monte*, значитъ вмѣстѣ и гора и лѣсъ, что̀ уже самою формою въ языкѣ характеризуетъ природу мѣстности.

Донъ Фернандо: есть у васъ два могучіе вострые меча: одинъ называется Колада, другой — Тизонъ, срубите намъ головы, мы будемъ мученицы. *Мавры и Христіане* будутъ согласны въ томъ, что съ нами обходились недостойно. Если вы насъ будете бить, вы только сами себя обезславите. Потребуютъ у васъ въ томъ отчета и въ судѣ и на всякомъ мѣстѣ»[1]). Но мольба ни къ чему не послужила. Инфанты Карріонскіе стали ихъ бить гибкими подпругами, а вострыми шпорами рвать на нихъ рубашки и самое тѣло. Кровь струилась по туникамъ. «Обѣимъ больно было до самаго сердца. О если бы къ ихъ счастію угодно было Создателю, чтобъ въ эту минуту явился Сидъ Кампеадоръ»!

Инфанты утомились, нанося удары, они пробовали: кто изъ нихъ сильнѣе ударитъ. Донья Эльвира и Донья Соль не могли ужъ вымолвить ни слова, и негодяи оставили ихъ замертво въ добычу горнымъ птицамъ и хищнымъ звѣрямъ; и несчастныя женщины не могли помочь другъ другу. А инфанты поѣхали въ горы и поздравляли себя, что отомстили за свою женитьбу, потому что считали для себя этотъ бракъ неравнымъ съ дочерьми Сида, которыхъ они называли barraganas, или наложницами (ст. 2769—71).

Между тѣмъ племянникъ Сида Фелезъ Муньозъ (который провожалъ своихъ двоюродныхъ сестеръ), узнавъ о случившемся, воротился и нашелъ обѣихъ несчастныхъ безъ чувствъ, звалъ ихъ по имени и долго не могъ дозваться. Наконецъ онѣ открыли глаза и увидѣли своего двоюроднаго брата.

Эта сцена описана въ поэмѣ въ самыхъ живыхъ чертахъ съ драматическими подробностями, необыкновенно вѣрными природѣ, и во всей наивности безъискусственной поэзіи.

Первымъ словомъ Доньи Соль было попросить воды; она просила во имя своего отца Кампеадора и молила Богомъ; ей ничего другаго не было нужно! такъ была она истерзана.

Тогда Фелезъ Муньозъ взялъ свою шляпу (а она была со-

---

[1]) En vistas ò en cortes. Ст. 2743.

всѣмъ новенькая, потому что онъ только что надѣлъ ее, выѣзжая изъ Валенсіи), и зачерпнулъ шляпой воды и далъ испить обѣимъ своимъ сестрамъ. Потомъ подкрѣпилъ ихъ силы, и, сколько могъ, успокоилъ, и, посадивши ихъ вмѣстѣ на одного коня и прикрывъ ихъ своею мантіею, повелъ коня подъ уздцы. Въ мѣстечкѣ Сантестебанъ несчастныя были радушно приняты съ полнымъ участіемъ, и тамъ поправились въ своемъ здоровьѣ, пока дано было знать Сиду, чтобъ онъ прислалъ за ними.

Когда узналъ объ этомъ Сидъ, долгій часъ думалъ онъ думу, потомъ поднялъ руки и взялся за бороду: «Слава Христу, Господу всего міра! Вотъ какую честь воздали мнѣ инфанты Карріона! Клянусь этой бородой, которую никто никогда не рвалъ (ст. 2842); не дастся она имъ на потѣху, инфантамъ Карріона, потому что выдамъ же я своихъ дочерей замужъ, какъ подобаетъ». И онъ отправилъ за ними посланныхъ, между которыми былъ уже извѣстный намъ Минайя и Перо Бермуезъ. Донья Эльвира и Донья Соль радостно ихъ увидали и благословили небо, присовокупивъ: «на досугѣ мы поразскажемъ когда нибудь о нашемъ несчастіи». И плакали дамы и посланные отъ Сида, а одинъ изъ нихъ въ утѣшеніе говорилъ дамамъ: «Не печальтесь! вы теперь живы и здоровы, и нѣтъ въ васъ никакого худа. Вы потеряли хорошее замужество, найдете лучше того. Придетъ время и мы отомстимъ за васъ».

Когда дамы подъѣзжали къ Валенсіи, Сидъ выѣхалъ имъ на встрѣчу, и, обнимая ихъ, съ улыбкою такъ говорилъ имъ: «Идите ко мнѣ, мои дочери, Богъ да спасетъ васъ отъ зла. Я согласился на ваше замужество, но я не могъ противорѣчить. Да будетъ милость Творца, иже на небесѣхъ, чтобъ я нашелъ вамъ лучшую партію! А инфантамъ Карріона, Богъ дастъ, отомщу».

Потомъ Сидъ послалъ къ королю Альфонсу пословъ, увѣдомляя его объ обидѣ, нанесенной инфантами: «безчестіе, причиненное мнѣ ими, — говорилъ Сидъ, — оскорбитъ добраго короля отъ всей души и отъ всего сердца, потому что это онъ выдалъ замужъ моихъ дочерей, а не я». Для возстановленія чести своихъ

дочерей Сидъ просилъ у короля суда надъ обоими инфантами. Король горячо принялъ къ сердцу дѣло Сида и тотчасъ же повелѣлъ нарядить судъ въ Толедо, созвавъ на него графовъ и бароновъ, черезъ семь недѣль срокомъ, и изъ Леона, и Сантъ-Яго, и изъ Португаліи, и Галисіи; чтобъ были на немъ и инфанты Карріонскіе.

Прежде нежели мы приступимъ къ разбору этого замѣчательнаго эпизода о судѣ надъ инфантами Карріонскими, столь же интереснаго эпизода и въ литературномъ, и въ бытовомъ — юридическомъ отношеніи, надобно обратиться назадъ, чтобъ привести къ общимъ соображеніямъ тѣ результаты, которые выводятся изъ поэмы о Сидѣ для исторіи женщины и вообще семейныхъ и общественныхъ нравовъ XII вѣка.

Во-первыхъ, обращеніе инфантовъ съ дочерьми Сида, очевидно, относится къ эпохѣ, предшествующей утонченнымъ обычаямъ, которые почти въ то же время въ Провансѣ предписывались въ обращеніи съ дамами. Въ то время, какъ поэма о Сидѣ и французскія Chansons de Geste свидѣтельствуютъ, какъ въ дѣйствительности жалко было положеніе женщины; въ то время, какъ инфанты Карріона, безъ всякой нужды, тиранятъ своихъ женъ и бьютъ, какъ собакъ; въ то время, какъ Труверы изображаютъ грубое обращеніе Роланда съ своею невѣстою Альдою, которую онъ, какъ дикарь, хватаетъ на глазахъ всего войска — и тащитъ въ свою палатку, или какъ несчастную мать Доона Маинцкаго тащатъ за косы на судъ, въ которомъ ее неправо обвинили: — въ то же время кругомъ Тулузы, въ замкахъ, начинается новое общественное движеніе, чтобъ предъявить права дамы, какъ покровительницы наукъ и поэзіи, какъ прекраснаго центра утонченной общественности. Грубость дѣйствительности еще скрывается подъ лоскомъ рыцарской вѣжливости, и грубое сладострастіе даетъ себя чувствовать въ кажущейся невинной сентиментальности; но возвращеніе къ такимъ звѣрскимъ натурамъ, какъ инфанты Карріонскіе, становится уже невозможнымъ; приличіе и утонченность нравовъ уже не соотвѣтствуетъ тѣмъ ди-

кимъ выраженіямъ наивной страсти, какія Труверъ находилъ умѣстнымъ въ поступкахъ даже самого Роланда. Съ другой стороны, если сличить дочерей Сида съ героинями предшествующей эпохи, то нельзя не замѣтить, что такія личности, какъ Брингильда, Гудруна, Розамунда, Теоделинда, которыхъ рисуетъ намъ эпосъ Франкскій, Бургундскій, Лонгобардскій — ставятъ женщину на высшую степень ея нравственнаго вліянія и положенія въ семействѣ и обществѣ, нежели тѣ скромныя страдалицы, какихъ изображаетъ поэма въ дочеряхъ Сида. Вмѣстѣ съ первобытною жестокостью будто бы женщина утратила и свою энергію, будто изъ божественной Валькиріи, одинаково способной и на зло, и на добро, и такой же воительницы, какъ и всѣ герои, — женщина, сосредоточившись въ мирномъ семейномъ кругу и воспитывая въ себѣ кроткія семейныя добродѣтели — нѣкоторое время оставалась непризнанною въ своихъ высокихъ нравственныхъ правахъ: и, переставъ сама отличаться воинскими подвигами и злодѣйствовать, она на-время должна была пасть невинною жертвою грубости и жестокости той эпохи, которая не умѣла еще оцѣнить мирные нравы. Къ этой-то переходной порѣ отъ эпохи сверхъестественныхъ героинь и суровыхъ воинственныхъ и мстительныхъ женщинъ, какія часто изображаются въ сѣверныхъ сагахъ — до изнѣженныхъ и утонченныхъ красавицъ, какихъ воспѣваютъ провансальскіе трубадуры — между этими двумя крайностями являются эти кроткіе и безотвѣтные женскіе типы, образчики которыхъ рисуетъ намъ поэма о Сидѣ въ характерѣ его дочерей, простота и непритязательность которыхъ напоминаютъ намъ нравы и обычаи русской женщины въ нашихъ лирическихъ пѣсняхъ и былинахъ. Эти кроткія личности далеко уступаютъ въ героическомъ величіи какой-нибудь Гудрунѣ или Кримгильдѣ, но онѣ жизненнѣе и правдивѣе тѣхъ вѣтренныхъ прелестницъ, которыя въ XII и XIII вѣкахъ дурачили сентиментальныхъ Трубадуровъ, посвящавшихъ имъ на служеніе свою вѣжливую музу.

Второе замѣчаніе касается параллели между женскими ти-

пами испанскаго эпоса и русскаго въ нашихъ былинахъ. Много было говорено о жалкомъ положеніи женщины въ древней Руси и о не совсѣмъ выгодныхъ для нея, невзрачныхъ ея образчикахъ въ русскомъ эпосѣ, — но сравнительное изученіе литературы убѣждаетъ, что Русь въ своемъ эпосѣ прошла тѣ же моменты въ историческомъ развитіи, какіе во всей ясности замѣчаются и во Франціи и въ Испаніи; и теперь, послѣ возмутительной сцены въ дубовомъ лѣсу Корпесъ, можно утверждать, что ни одна женщина въ русскихъ былинахъ, ни еретница Марина, ни Авдотья Лебедь Бѣлая, не была такъ постыдно поругана своими мужьями, какъ дочери Сида инфантами Карріонскими.

Но высшее развитіе испанскихъ нравовъ XII вѣка сравнительно съ русскими нравами, изображаемыми въ нашихъ былинахъ, существенно состоитъ въ томъ, что Русскіе мужья тиранили своихъ женъ безнаказанно, между тѣмъ какъ надъ инфантами Карріона наряженъ былъ *судъ* передъ лицомъ благородныхъ представителей всей Испаніи.

Возвращаясь къ поэмѣ о Сидѣ, слѣдуетъ начать однимъ замѣчаніемъ юридическаго содержанія; потому что поэзія, въ своихъ лучшихъ образцахъ, составляетъ существенное дополненіе юридическаго быта, а его внѣшнее устройство подчинено юридической формаціи.

Мы остановились на судѣ, который король Альфонсъ составилъ въ Толедо, для рѣшенія тяжбы между Сидомъ и инфантами Карріона. Въ поэмѣ этотъ судъ называется *cort* или *cortes*, безъ различія, то въ единственномъ, то во множественномъ числѣ, по свойству испанскаго языка, который употребляетъ иногда множественное число вмѣсто единственнаго. Собственно *cort*, *corte*, французское *cour*, значитъ дворъ, и сверхъ того, дворъ владѣтельнаго лица, короля, вассала. Обыкновенно производятъ это слово отъ *cohortes*, какъ иногда, въ средневѣковыхъ документахъ дѣйствительно называется собраніе властей; но, слѣдуя Дицу, надобно полагать, что это не что иное, какъ латинское *chors* (или *cors*) *chortis* — первоначально въ быту деревенскомъ, пастуше-

скомъ, скотный дворъ, огороженное мѣсто около жилья; потомъ съ развитіемъ историческимъ, деревенское слово получило общѣе значеніе всякаго двора вообще, а потомъ и двора владѣтельныхъ особъ.

Хотя въ Пѣснѣ о Роландѣ судъ надъ Ганелономъ называется уже совѣтомъ (conseil), но и во французскихъ Chansons de Geste, *cort* употребляется въ томъ же значеніи, какъ въ испанской поэмѣ; напримѣръ въ пѣснѣ о Гаренѣ: «*la cort* assemble à la cit de Paris». Итакъ *cort* или *cortes* было совѣщательное и судебное собраніе, назначаемое королемъ при своемъ *дворѣ;* «ir a *la cort*» (ст. 3089) — значитъ идти ко двору и идти на королевское собраніе, на судилище; «esta cort yo fago» (ст. 2982) — этотъ дворъ я дѣлаю, то-есть, собираю этотъ совѣтъ или наряжаю судъ. Отсюда потомъ позднѣйшіе испанскіе *cortes* — собраніе кортесовъ или выборныхъ судей.

Между знатнѣйшими грандами, собранными въ судилище, поэтъ называетъ графа Генриха и графа Ремонда, то-есть, Раймонда: «это былъ отецъ добраго императора» (ст. 3014), то-есть, Раймондъ Бургонскій, отецъ Альфонса VII (о чемъ было уже упомянуто при опредѣленіи времени, когда была составлена поэма).

Инфанты Карріонскіе явились съ своею партіею. Наконецъ со свитою во сто человѣкъ, для охраненія отъ вражеской партіи, съ племянниками и съ епископомъ Іеронимомъ приходитъ ко двору и самъ Сидъ, чтобы просить себѣ правды и сказать истину (ст. 3090). Сначала, въ день суда, онъ отстоялъ обѣдню, потомъ явился предъ многочисленнымъ собраніемъ, посреди сотни своихъ тѣлохранителей. «Борода была у него длинная, и онъ привязалъ ее шнуркомъ, чтобы обезопасить себя отъ оскорбленія» (ст. 3103—4). Король и присутствующіе встали и съ честью принимали Сида, и всѣ на него съ удивленіемъ смотрѣли: во всемъ казался онъ настоящимъ барономъ; только инфанты Карріона со стыда не могли смотрѣть.

Судебное засѣданіе открылъ самъ король слѣдующими сло-

вами: «Послушайте, дружина (mesnadas, франц. mesnies, ст. 3139), да поможетъ вамъ Создатель! Съ тѣхъ поръ, какъ я королемъ, я собиралъ только два двора[1]), первый въ Бургосѣ, другой въ Карріонѣ. Этотъ третій я нарядилъ въ Толедо, ради любви къ Моему Сиду, который въ добрый часъ родился; чтобъ онъ получилъ правду отъ инфантовъ Карріона. Они причинили ему великую обиду, всѣ мы это знаемъ. Пусть будутъ въ этомъ дѣлѣ судьями (alcaldes) — графъ Донъ Анрихъ и графъ Донъ Ремондъ, и вы, прочіе графы, не причастные дѣлу. Подумайте обо всемъ, потому что вы мудры, и рѣшите правду, а я не хочу никакой кривды. Да будетъ сегодня мирно и въ той и другой партіи. Клянусь Святымъ Исидоромъ, кто нарушитъ мой дворъ (то-есть, судебное засѣданіе), оставитъ мое королевство и лишится моей милости. Я буду на той сторонѣ, на чьей правда. Сначала пусть Мой Сидъ говоритъ, чего онъ ищетъ, потомъ услышимъ, что̀ будутъ отвѣчать инфанты Карріонскіе.

Тогда поднялся Сидъ, и, поцѣловавъ у короля руку, сталъ говорить: «Много благодарю васъ, какъ короля и моего господина, что вы нарядили этотъ дворъ, ради любви ко мнѣ. Вотъ чего я ищу на инфантахъ Карріона. Что они оставили моихъ дочерей, нѣтъ мнѣ въ томъ безчестья, потому что это вы, король, выдали ихъ замужъ, и знаете сами, что̀ теперь дѣлать. Но когда они уводили моихъ дочерей изъ великой Валенсіи, я, любя ихъ обоихъ отъ души и сердца, далъ каждому по мечу, Коладу и Тизонъ (я ихъ добылъ, какъ настоящій баронъ), для того, чтобъ они ими прославились и вамъ служили. Но они оставили моихъ дочерей въ дубровѣ Корпесъ, и ничего общаго со мною имѣть не хотятъ и потеряли мою любовь. Пусть возвратятъ они мнѣ мои мечи, потому что они больше мнѣ не зятья».

Судьи рѣшили: «это правда». А графъ Донъ Гарсія, изъ партіи инфантовъ Карріонскихъ и заклятой врагъ Сида, приглашаетъ своихъ подумать между собою, и они рѣшили возвратить мечи,

---

[1]) Non fizmas de dos cortes. Ст. 3140.

въ радости полагая, что этимъ отдѣлаются въ тяжбѣ. Получивъ оба меча, Сидъ держалъ ихъ въ рукахъ, внимательно разсматривая. «Не могли ихъ подмѣнить, потому что Сидъ хорошо зналъ свои мечи». *Все тѣло его веселилось*, и онъ улыбнулся отъ сердца; поднялъ руку и, взявшись за бороду, сказалъ: «Клянусь этой бородою, которую никто не рвалъ, такъ будутъ отомщены Донья Эльвира и Донья Соль». Потомъ тотчасъ же одинъ мечъ, Тизонъ, подарилъ своему племяннику Фелезу Муньозу, а Коладу — Мартину Антолинезу.

Послѣ этого Сидъ всталъ и опять говорилъ свою правду: «Благодареніе Создателю и вамъ, государь король! Я удовлетворенъ своими мечами Коладою и Тизономъ. Но у меня еще другой искъ на инфантахъ Карріонскихъ. Когда они уводили изъ Валенсіи моихъ дочерей, я далъ имъ деньгами 3,000 марокъ серебромъ. Когда я поступалъ такъ, они мыслили противъ меня. Пусть отдадутъ они мое имѣніе, потому что они мнѣ ужъ не зятья».

Это привело инфантовъ и всю ихъ партію въ великое смущеніе, потому что они не ожидали дальнѣйшаго иска, а деньги они истратили. Однако рѣшено было удовлетворить и эту статью иска. Инфанты уплатили часть вещами, часть деньгами, прибѣгнувъ къ займу.

Не успѣли инфанты оправиться отъ этого удара, какъ Сидъ опять повелъ свой искъ: «Смилуйтесь, государь король! Не могу я забыть самой великой обиды. Послушайте меня, весь дворъ, и сжальтесь надъ моимъ горемъ. Великое нанесли мнѣ безчестіе инфанты Карріонскіе, и безъ *вызова* (riebda) не могу я ихъ оставить. Скажите, инфанты, чѣмъ я васъ обидѣлъ въ шутку или въ правду, какъ бы ни было? Я повинуюсь во всемъ, по суду двора. Зачѣмъ растерзали вы *покровы моего сердца?* На отъѣздѣ вашемъ изъ Валенсіи, я вручилъ вамъ моихъ дочерей съ великою честію и съ большимъ имуществомъ. Если онѣ ужъ были вамъ не любы, зачѣмъ вы, собаки-предатели, увезли ихъ изъ ихъ владѣній, изъ Валенсіи? Зачѣмъ терзали вы ихъ подпругами и шпорами и оставили въ дубровѣ Корпесъ — дикимъ звѣрямъ и лѣс-

нымъ птицамъ? Все, что вы сдѣлали, во всемъ ваша неправда. Если вы сами не дадите мнѣ удовлетворенія, пусть требуетъ этотъ дворъ» (то-есть, судъ).

Тогда всталъ Донъ Гарсія (партіи инфантовъ) и говорилъ: «Да будетъ надо мною ваша милость, король, лучшій во всей Испаніи. Вотъ передъ вами Мой Сидъ въ собранныхъ Кортесахъ [1]). Вотъ какую длинную бороду отростилъ онъ: однихъ ею пугаетъ, другихъ удивляетъ. А инфанты Карріона такой породы, что не могли удостоить его дочерей чести быть ихъ женами (por barraganas). И кто почтетъ его дочерей имъ равною партіей? Потому инфанты были въ правѣ ихъ оставить. А что говоритъ Сидъ, мы ни во что ставимъ».

Тогда Сидъ Кампеадоръ взялся за свою бороду и говорилъ: «Благодареніе Богу, который управляетъ небомъ и землею. Борода у меня длинная, потому что во льготѣ росла. Что же вы корите меня, графъ, моею бородою? Съ тѣхъ поръ, какъ она показалась, въ привольѣ росла; потому что не дотрогивался до нея никто, рожденный отъ жены, не рвалъ ее ни одинъ изъ сыновей Мавра или Христіанина, какъ я рвалъ вашу, графъ, въ замкѣ Кабрѣ. Когда я взялъ Кабру, а васъ взялъ за бороду, всякій мальчишка щипалъ ее у васъ».

Инфанты Карріона, прерывая ненужную брань, одинъ за другимъ подтвердили тоже, что они имѣли право оставить своихъ женъ. Тогда стали укорять ихъ въ трусости и подлости племянникъ Сида Перо Бермуезъ и Мартинъ Антолинезъ, припоминая, какъ они трусили въ битвѣ съ Маврами подъ стѣнами Валенсіи и какъ постыдно прятались отъ льва. Для пущей обиды друзья Сида говорили инфантамъ *ты*, называли ихъ предателями и измѣнниками и особенно ставили имъ въ укоръ ихъ ненавистное поведеніе съ женами: «онѣ вѣдь женщины — говорили они — а вы мужчины, и во всемъ онѣ достойнѣе васъ». Брань между партіями дошла до того, что одинъ изъ партіи инфантовъ называетъ

---

[1]) Allas cortes pregonadas. Ст. 3284.

Сида мельникомъ. Это мѣсто (3390 ст. и слѣдующіе) даетъ комментаторамъ поводъ къ предположенію о мѣщанскомъ происхожденіи Сида. «Экая бѣда случилась, бароны! — говорилъ обидчикъ: кто знаетъ новыя вѣсти о Моемъ Сидѣ де Биварѣ? Не лучше ли отправиться ему въ Ріодовирну толкать свои жернова и собирать деньги за помолъ по своему обычаю? Кто это ему вколотилъ въ голову замужество его дочерей съ инфантами Карріона?

Въ то время, какъ инфанты Карріона и ихъ партія такъ высокомѣрно унижали фамильную гордость Сида, сама судьба ниспослала ему великую почесть. Къ королевскому двору явились двое рыцарей, Ойарра и Іенего Хименесъ, одинъ инфантъ Наваррскій, другой инфантъ Арагонскій, и просятъ себѣ въ супруги дочерей Сида. Итакъ инфанты Карріонскіе, гнушавшіеся родствомъ съ Сидомъ, теперь должны были преклониться передъ бывшими ихъ женами, потому что имъ предстояла партія изъ королевской фамиліи.

Преданные друзья Сида, объявивъ инфантовъ Карріонскихъ злодѣями и предателями требовали битвы (ст. 3454). Положено было черезъ три недѣли сойтись поединкомъ въ Карріонѣ, въ присутствіи самого короля и назначенныхъ для того судей, чтобъ рѣшить, что будетъ въ правду и что въ кривду, что *да*, и что *нѣтъ*. Сидъ, развязавши шнурокъ, распустилъ свою бороду (ст. 3506) и отправился къ себѣ въ Валенсію, когда дворъ былъ распущенъ [1]).

Къ назначенному сроку собрались въ Карріонѣ для поединка трое со стороны Сида: Мартинъ Антолинезъ, Перо Бермуезъ и Муньго Густіозъ; со стороны противниковъ тоже трое: двое инфантовъ Карріонскихъ и ихъ братъ. Король и судьи назначили барьеры и кинули жребій, а также раздѣлили солнце; судьи удалились и противники очутились другъ противъ друга, каждый внимательно наблюдая за своимъ противникомъ.

---

[1]) Spartiò la cort. Ст. 3534.

Поэма описываетъ одинъ за другимъ три поединка. Всѣ они кончились полнымъ пораженіемъ инфантовъ Карріонскихъ, которые, такимъ образомъ, были посрамлены въ конецъ.

А Сидъ выдалъ своихъ дочерей за наслѣдственныхъ принцевъ, за Наваррскаго и Арагонскаго. «Первый бракъ былъ хорошъ» — такъ поэтъ заключаетъ свою поэму: «а этотъ еще лучше; Сидъ выдалъ дочерей съ бо̀льшею честію, нежели въ первый разъ. Видите, какъ растетъ честь рожденнаго въ добрый часъ, потому что его дочери — королевы Наварры и Арагоніи. Теперь короли Испаніи его (Сида) родственники. Все къ чести и славѣ рожденнаго въ добрый часъ».

«Онъ отошелъ отъ здѣшняго міра въ Пятидесятницу. Да помилуетъ его Христосъ, чего да сподобимся и мы всѣ, и праведные и грѣшные. Такова повѣсть (las nuevas) о Моемъ Сидѣ Кампеадора. На этомъ мѣстѣ конецъ слову. А того, кто писалъ, да сподобитъ Господь рая. Аминь. А писалъ Перо аббатъ мѣсяца мая 1345 (то есть 1307) года».

Такова знаменитая поэма о Сидѣ, составленная по народнымъ пѣснямъ, но, очевидно, подъ вліяніемъ уже искусственной литературы и политическихъ и общественныхъ идей автора.

Главная идея поэмы основана на фамильной гордости, и, такъ сказать, на придворной аристократической спѣси: сдѣлать для своихъ дѣтей блестящую партію. Такимъ образомъ великій народный герой сходитъ съ своего высокаго пьедестала и становится уже не «сыномъ своихъ дѣяній» (hijo de sus obras), какъ онъ изображается въ народномъ Romancero, а честолюбивымъ куртизаномъ, который фамильную гордость ставитъ выше общихъ національныхъ интересовъ. Поэтъ видимо хотѣлъ изобразить въ Сидѣ преданнаго вассала, который даже тогда преклоняется передъ королемъ, когда самъ становится съ нимъ равенъ, покоривъ себѣ Валенсію. Потому избранъ былъ для поэмы такой эпизодъ, въ которомъ изображается, какъ вассалъ сначала подпалъ опалѣ короля, и потомъ старается заслужить его милость, а вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить своему честолюбію, чтобъ, вы-

давъ своихъ дочерей за наслѣдственныхъ принцевъ, породниться съ королевскими домами.

Не таковъ Сидъ въ народныхъ романсахъ. То побочный сынъ, то сынъ мельника, то ведущій свой родъ отъ фамиліи нѣкоторыхъ судей, стоявшихъ во главѣ полупатріархальнаго, полуреспубликанскаго правленія Кастильи, онъ только личнымъ своимъ подвигамъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ, и какъ независимый *Rico hombre* (собственно *богатый человѣкъ* — соотвѣтствуетъ *графу*), ни въ чемъ не хочетъ уступить самому королю; онъ даже своего отца укоряетъ за то, что онъ отправляется ко двору поцѣловать у короля руку; между тѣмъ какъ въ разобранной поэмѣ, онъ готовъ передъ нимъ пресмыкаться по землѣ и цѣловать его ноги. Но все же и въ романсахъ, онъ не прочь помогать королю, только своими собственными средствами, какъ независимый господинъ. Какъ народный герой и представитель народныхъ интересовъ и народной свободы, онъ кое-гдѣ является и въ древнихъ письменныхъ источникахъ; такъ, по прозаической хроникѣ о Сидѣ (гл. 110), онъ, примирившись съ Альфонсомъ, только подъ тѣмъ условіемъ согласился возвратиться въ Кастилью, чтобъ король далъ привилегіи всѣмъ сословіямъ, и гидальгамъ или дворянамъ, и городамъ — ихъ законы или *fueros;* а если король не сдержитъ своего обѣщанія, то грозилъ возстаніемъ всей земли. Такія черты защитника народныхъ интересовъ письменные памятники, безъ сомнѣнія, заимствовали изъ древнѣйшихъ народныхъ романсовъ, вошедшихъ въ основу Romancero.

Равномѣрно и въ разобранной поэмѣ нельзя не замѣтить слѣдовъ самостоятельности и независимости въ характерѣ и образѣ мыслей и дѣйствій Сида. Онъ хотя и чествуетъ короля подарками послѣ всякой побѣды, но даетъ ему чувствовать, что можетъ обойтись и безъ его помощи, и если проситъ у него милостиваго вниманія, то будто изъ вѣжливости. Его дружина вся составлена изъ недовольныхъ, которые явно протестуютъ противъ короля и спасаются изъ его владѣній отъ преслѣдованій:

имѣнія ихъ конфискуются, и Сидъ, какъ-бы противодѣйствуя королю, обѣщаетъ вдвойнѣ удовлетворить ихъ. Въ этой половинѣ поэмы, Сидъ настоящій независимый кондотьери, будто Гарибальди XI вѣка, собирающій кругомъ себя цвѣтъ храброй молодежи, которая рѣшилась вести національное дѣло независимо отъ своего природнаго государя; но все же самъ Сидъ не прерываетъ связи съ королемъ Кастильи, и, оставаясь независимымъ, съ честію умѣетъ поддержать свои феодальныя отношенія къ Альфонсу. Униженіе Сида начинается съ той минуты, какъ онъ, павши ницъ передъ Альфонсомъ, вкусилъ его милости, и за тѣмъ вся вторая половина поэмы представляетъ Сида въ наименѣе выгодномъ свѣтѣ, какъ лицо, къ которому народъ уже не могъ имѣть живаго сочувствія; потому что, какой интересъ могли имѣть и для народныхъ пѣвцовъ и для толпы ихъ слушателей, эти честолюбивые планы Сида, основанные на блестящей партіи его дочерей? Потому-то въ народныхъ романсахъ бракъ дочерей Сида съ наслѣдственными принцами Наваррскимъ и Арагонскимъ, вовсе на заднемъ планѣ, какъ дѣло незначительное; между тѣмъ какъ въ поэмѣ, это высшій пунктъ, къ которому направленъ весь интересъ поэмы.

И Фердинандъ Вольфъ [1]), и особенно французскіе ученые, какъ и Damas Hinard, издатель поэмы о Сидѣ, видятъ въ этомъ произведеніи значительное вліяніе французскихъ Chansons de Geste ранней эпохи, и особенно пѣсни о Роландѣ. Это вліяніе очевидно, какъ въ искусственномъ, художественномъ построеніи поэмы, такъ и особенно въ феодальныхъ принципахъ. Видно, что услужливые литераторы хотѣли въ XII вѣкѣ сгладить въ характерѣ Сида его независимыя, чисто народныя, либеральныя тенденціи, для того чтобъ въ лицѣ самого Сида, этого великаго національнаго героя, любимаго всѣми, дать урокъ повиновенія и покорности королевской власти; а чтобъ усыпить духъ независимости, развивающаяся цивилизація открывала при королевскихъ дворахъ новое поприще для честолюбія въ связяхъ съ зна-

[1]) Studien zur Gesch. d. Span. u. Portug. Nationallit., стр. 40.

менитыми фамиліями; и въ эти-то искусно разставленныя сѣти авторъ поэмы уловилъ своего Сида, сдѣлавъ изъ независимаго народнаго героя придворнаго честолюбца. Если въ этомъ отразилось французское вліяніе на поэму о Сидѣ, то едва-ли къ живительному, благотворному развитію народной поэзіи и патріотическихъ идей. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ это французское вліяніе не было на столько губительно, чтобъ заглушить высокій эпическій строй испанской народной поэзіи, и поэма о Сидѣ, какъ она есть, несравненно глубже и шире, нежели французскія Chansons de Geste, обхватываетъ дѣйствительность, изображая ее на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни, и, не смотря на внѣшнія формы феодальнаго быта, изображаетъ человѣка во всѣхъ сокровенныхъ изгибахъ его чувствованій и помышленій.

Для исторіи литературы эта поэма предлагаетъ извѣстный моментъ въ ея развитіи, соотвѣтствующій самымъ раннимъ Chansons de Geste, какъ сѣвера Франціи, такъ и особенно Прованса, потому что поэзія провансальская по самой мѣстности своей служила проводникомъ французскаго вліянія на Испанію.

Damas Hinard въ своихъ примѣчаніяхъ къ поэмѣ о Сидѣ и въ своемъ предисловіи, постоянно ведетъ параллель между этою поэмою и пѣснею о Роландѣ.

Изъ всѣхъ подробностей, общихъ обоимъ произведеніямъ, всего замѣчательнѣе, что оба оканчиваются судомъ и расправою; поэма о Роландѣ — судомъ надъ Ганелономъ, испанская поэма — надъ инфантами Карріонскими. Не буду рѣшать, случайное ли это сходство, или заимствованіе, но не могу не замѣтить, что оба произведенія, согласуясь въ общемъ характерѣ ранняго феодальнаго быта, имѣютъ одну и туже высокую задачу — дать феодальной неурядицѣ законный порядокъ, укротить суровые нравы и ввести ихъ въ границы закона, наложить на быстро развивающуюся жизнь юридическія формы суда и расправы: такъ что сама поэзія въ обоихъ этихъ произведеніяхъ, протестуя противъ господствующей неурядицы, изъ области фантазіи переходитъ въ судебный процессъ.

III.

Стихотворная хроника о Сидѣ (Cronica rimada), до очевидности свидѣтельствуя о вліяніи французскихъ Chansons de Geste на испанскую литературу XII вѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ дополняетъ характеръ Сида новыми чертами, коихъ мы напрасно стали бы искать въ только-что разобранной нами поэмѣ. Эти черты, не согласныя съ вассальскою подчиненностью, въ какой явился намъ Сидъ въ поэмѣ, вѣроятно обязаны своимъ происхожденіемъ тѣмъ народнымъ источникамъ, изъ которыхъ хроника почерпала свое содержаніе.

Въ перечнѣ источниковъ испанскаго эпоса было уже замѣчено, что хроника содержитъ въ себѣ повѣствованія о раннихъ подвигахъ Сида. Герой еще не называется ни Сидомъ, ни Кампеадоромъ, а просто по имени, Родриго; даже безъ титула *Донъ*, а также Руи Діазъ. Онъ сынъ Донъ Діего и внукъ Ляина Кальво, городоваго судьи[1]). Онъ не имѣетъ и тѣхъ постоянныхъ эпитетовъ, которыми чествуется въ поэмѣ, но прозывается просто по родинѣ — *Кастильцемъ*, Castellano. Дѣйствуетъ онъ еще не при Альфонсѣ, а при Фердинандѣ I. Впрочемъ авторъ хроники, согласно обычаю средневѣковыхъ писателей, переноситъ свою современность въ прошедшее, впадаетъ въ анахронизмъ, повѣствуя, что при Фердинандѣ было въ Испаніи пять королей, между тѣмъ какъ это могло быть только спустя больше полустолѣтія, то-есть, отъ 1157 до 1230 года, когда Леонъ и Кастилья были отдѣлены, какъ независимыя королевства: это два королевства, три прочія были: Арагонъ, Наварра и Португалія.

Этою подробностію опредѣляется время составленія хроники, отъ второй половины XII вѣка до первой половины XIII включительно.

Относительно рыцарскихъ обычаевъ въ хроникѣ замѣчаются уже болѣе ясные слѣды ихъ, нежели въ поэмѣ. Такъ, когда графъ

[1]) Del alcalde cibdadano. Ст. 291.

Савойскій предлагаетъ Сиду вступить къ нему на службу, онъ извиняется, говоря, что онъ только еще оруженосецъ, а не вооруженный или посвященный рыцарь. Въ другой разъ, когда король Фердинандъ желаетъ вручить Сиду знамя и сдѣлать его знаменоносцемъ, онъ даетъ тотъ-же рыцарскій отвѣтъ: «yo so escudero, è non cavallero armado» (стихъ 831). Впрочемъ, не смотря на эти намеки на рыцарскіе обычаи, и въ хроникѣ, такъ же какъ въ поэмѣ, еще не видно утонченности рыцарскихъ нравовъ, но та же простота и грубость предшествующей эпохи.

Отношенія Сида къ королю и къ вассаламъ значительно отличаются въ хроникѣ отъ поэмы. Сидъ еще гордится своимъ мѣщанскимъ положеніемъ: «Я, — говорилъ онъ на то же предложеніе Савойскаго графа — я сынъ купца, внукъ мѣщанина, мой отецъ въ Руѣ торговалъ сукномъ» (ст. 880—1). Однако онъ такъ самостоятельно умѣлъ себя поставить, что казался равнымъ самому королю Фердинанду; такъ что, когда они съ войскомъ подступили къ Парижу, тамъ сначала не могли отличить, кто король, и кто Кастилецъ, то-есть самъ Сидъ (ст. 1058). Обычай цѣлованія руки въ хроникѣ во всей ясности вмѣняется въ непремѣнную обязанность феодальнаго подданнаго, какъ общепринятый церемоніялъ. Такъ 300 воиновъ, которые были подъ рукою у Сида, характеризуются типическою фразою: «300 всадниковъ, которые у него цѣловали руку» (ст. 837). Король даетъ Сиду подъ начальство 900 воиновъ, «чтобъ они у Родриго цѣловали руку» (ст. 960), то-есть, чтобъ были ему послушны и подвластны. Вмѣсто того, чтобъ сказать, пять королевствъ подчинены Фердинанду, хроника употребляетъ то же эпическое выраженіе: «пять королевствъ Испаніи цѣлуютъ его руку» (ст. 1069). Слѣдовательно со стороны Сида должно видѣть рѣшительный протестъ противъ всякой мысли о подданствѣ королю, когда онъ, какъ увидимъ въ изложеніи содержанія хроники, рѣшительно не хочетъ цѣловать руку у своего короля. Это протестъ не только противъ обычая, противъ внѣшней формальности, но и противъ внутренняго смысла, давшаго поводъ къ этой церемоніи. Даже

когда Сидъ преклонялся передъ королемъ, все же «не хотѣлъ цѣловать его руки», какъ замѣчаетъ хроника именно этими самыми словами (ст. 624). Къ этому Сидъ тотчасъ же присовокупилъ: «король, мнѣ очень пріятно, что я не вассалъ твой» (ст. 625). Самъ король, называя Сида въ глаза *вассаломъ*, будто хочетъ смягчить передъ нимъ это обидное для него званіе, и сначала величаетъ его своимъ *родственникомъ:* «отвѣчай ты, Родриго — говоритъ онъ Сиду — мой родственникъ, мой вассалъ» (ст. 533). Вообще самъ король Фердинандъ, не смотря на воздаваемыя ему почести вассалами, будто еще колеблется въ томъ, какое принять положеніе относительно своей дружины, быть ли независимымъ и самостоятельнымъ государемъ, или спуститься до ихъ уровня, и особенно онъ готовъ прикинуться равнымъ съ вассалами товарищемъ, когда ему самому приходится плохо. Такъ, когда онъ вступилъ въ опасную съ Франціей борьбу; тогда въ походѣ льстиво говорилъ онъ своимъ воинамъ: «бароны, кто сдѣлалъ меня испанскимъ королемъ? Ваша вѣжливость, дворяне! Вы назвали меня своимъ государемъ и цѣловали мои руки; впрочемъ я такой же человѣкъ, а не государь, какъ и вы; по своей особѣ я ничѣмъ не больше каждаго изъ васъ» (ст. 812—814). Слова замѣчательныя, дающія совершенно иной тонъ хроникѣ въ отношеніяхъ Сида къ королю.

Когда Сидъ, призванный къ королю для похода противъ Французовъ, явился съ графами, подпавшими подъ опалу короля, то король не только ихъ тотчасъ же прощаетъ ради Сида, но поручаетъ предводительство этому герою надъ всѣми пятью королями Испаніи (ст. 747).

Мы уже знаемъ, что пятая часть добычи по закону принадлежала королю. Не дать эту часть, значило оскорбить его величество. Но и въ этомъ отношеніи Сидъ ведетъ себя, какъ независимый человѣкъ, и отказываетъ королю въ этой законной привилегіи. Побѣдивъ одного мавркаго короля и взявъ богатую добычу и плѣнниковъ, при встрѣчѣ съ королемъ, Сидъ говоритъ ему: «смотри, добрый король, кого я привелъ къ тебѣ, хоть я и

не вассалъ тебѣ»... Король ему отвѣчаетъ: «во всемъ прощаю тебѣ, только дай мнѣ пятую часть отъ всего, что добылъ ты».— «Нечего объ этомъ и думать, говорилъ Родриго: лучше отдамъ я этимъ бѣднякамъ, которые заслужили своими трудами; дамъ также, что̀ слѣдуетъ, въ церковную десятину, потому что не хочу быть грѣшникомъ; а изъ своей части дамъ жалованье тѣмъ, которые защищали меня». (Ст. 465—474).

Впрочемъ не смотря на эту очевидную независимость образа мыслей и дѣйствій нашего героя, все же кое-гдѣ хроника, въ видѣ обычныхъ эпическихъ выраженій, заставляетъ Сида цѣловать у короля руки; но эти мелкія противорѣчія, какъ случайно брошенныя фразы, не нарушаютъ господствующаго тона, который, по моему мнѣнію, состоитъ въ значительной гармоніи съ народными романсами; и такимъ образомъ стихотворная хроника служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что типъ независимаго народнаго героя, воспѣваемый въ романсахъ въ лицѣ Сида, ведетъ свое начало отъ XII вѣка.

Теперь вкратцѣ изложу содержаніе этой хроники, останавливаясь на болѣе характеристическихъ мѣстахъ.

Въ странѣ спокойствіе нарушено было враждою между отцомъ Донъ Родриго Сида и графомъ Гомезомъ (don Gomes de Gormaz). Графъ перебилъ у Донъ Діего его пастуховъ и увелъ стада. За то въ свою очередь Донъ Діего ограбилъ имѣніе графа, сдѣлалъ набѣгъ на Гормазъ, грабилъ жителей, уводилъ вассаловъ, стада, даже, ради безчестія, захватилъ въ плѣнъ прачекъ, которыя мыли на рѣкѣ бѣлье. Обоюдный грабежъ кончился стычкою, въ которой участвовалъ и юный Родриго, будто бы по тринадцатому только году, и убилъ графа Гомеза, а сыновей его взялъ въ плѣнъ. Послѣ графа осталось три дочери, изъ которыхъ младшую звали Химена Гомезъ. Еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ эта дѣвица отличалась рѣшимостью. Она явилась къ королю, въ Замору, какъ несчастная сирота, съ жалобою на Сида. Но король былъ въ большомъ затрудненіи; онъ боялся вступаться въ ссоры своихъ вассаловъ, потому что, какъ сказалъ онъ Доньѣ

Хименѣ: «въ большой опасности мои королевства; Кастилья возстанетъ противъ меня; а если возстанутъ Кастильцы, будетъ мнѣ великая бѣда». Услышавъ то, Химена цѣловала у короля руки и говорила: «не прогнѣвайтесь, государь, не подумайте обо мнѣ худо: я научу васъ усмирить Кастилью и другія государства: выдайте меня за мужъ за Родриго, который убилъ моего отца».

Вотъ еще какою первобытною грубостію и лѣтописною простотою дышетъ эта чисто эпическая сцена!

Не откладывая, король послалъ письмо къ Донъ Родриго съ посланными, призывая его къ себѣ. *Посмотрѣвъ письмо*, Донъ Діего заподозрилъ короля въ хитрости, не хочетъ ли онъ отомстить смертью за убитаго графа; и говорилъ своему сыну слѣдующія слова, отлично характеризующія ихъ отношенія къ королю: «послушай, мой сынъ, и приложи все твое вниманіе, я боюсь этой грамоты, нѣтъ ли въ ней какой измѣны: у королей на это злой обычай. Которому королю служишь, служи безъ хитрости; но берегись его, какъ смертельнаго врага. Ты ступай въ Фаро къ твоему дядѣ; а я отправлюсь ко двору, гдѣ король. И если случится, что король меня убьетъ, ты съ своими дядьями можешь отомстить мою смерть». — «Нѣтъ, не будетъ этого! возразилъ Родриго: куда вы пойдете, туда и я за вами! Хоть вы и отецъ мнѣ, а я дамъ вамъ совѣтъ. Возьмите съ собой триста воиновъ, и, въѣзжая въ Замору, поручите ихъ мнѣ». — «Ну, такъ ладно, поѣдемъ»! отвѣчалъ отецъ, и поѣхали. При въѣздѣ въ Замору, Сидъ сказалъ слѣдующія слова своему отряду изъ трехъ-сотъ воиновъ: «послушайте меня, *друзья*, *родственники* и *вассалы моего отца!* (такъ родственны и крѣпки были связи съ феодальною дружиной) берегите вашего господина безъ обмана и хитрости! Если альгвазиль вздумаетъ его схватить, убейте альгвазиля тотчасъ же. Пусть будетъ черный день для короля и для всѣхъ, кто при немъ. Предателями васъ не назовутъ, если вы убьете и короля, *потому что мы не его вассалы*, но Богъ не допуститъ этого. Скорѣе будетъ предателемъ самъ король, если убьетъ моего отца, нежели я, если убью своего врага въ честномъ бою,

во гнѣвѣ противъ двора, гдѣ живетъ *добрый* [1]) король Фердинандъ»!

Всѣ въ Заморѣ, указывая на Родриго, говорили: «вотъ кто убилъ гордаго графа»! Но когда Родриго поводилъ кругомъ глазами, въ ужасѣ всѣ бѣжали отъ него прочь. Донъ Діего подошелъ къ королю и поцѣловалъ у него руку; но Родриго не хотѣлъ цѣловать руки; однако онъ сталъ на колѣни для этой обычной церемоніи. У него былъ длинный мечъ, и король пришелъ въ ужасъ: «спасите меня отъ этого дьявола!» кричалъ онъ. Тогда Донъ Родриго сказалъ: «пусть лучше вколотятъ въ меня гвоздь, нежели я соглашусь назвать васъ своимъ господиномъ, а себя вашимъ вассаломъ. Отецъ мой поцѣловалъ у васъ руку — и я этимъ очень не доволенъ» (ст. 410). Тогда король сказалъ графу Донъ Оссоріо, своему майордому (su amo): «приведите сюда дѣвицу, и женимъ этого гордеца». Донъ Діего не вѣрилъ своимъ глазамъ, такъ былъ онъ изумленъ. Явилась дѣвица; графъ велъ ее за руку. Она подняла глаза и стала смотрѣть на Родриго, потомъ сказала: «государь, много благодарю! это тотъ самый, кого я хочу». И женили Родриго Кастильца на Доньѣ Хименѣ Гомезъ. Но на этотъ разъ это ни къ чему не послужило, потому что Родриго въ гнѣвѣ на короля, рѣшительно сказалъ: «государь, вы женили меня насильно. Передъ самимъ Христомъ я объявляю вамъ, что не поцѣлую у васъ руку (ст. 420), и что я не увижусь съ своею женою ни въ пустынѣ, ни въ жиломъ мѣстѣ (то-есть ни гдѣ, ст. 420), пока не одержу пяти побѣдъ на полѣ битвы». Король только удивлялся и говорилъ: «Это не человѣкъ, а дьяволъ»! — «А это онъ вамъ скоро покажетъ — присовокупилъ графъ Донъ Оссоріо: когда Мавры сдѣлаютъ набѣгъ на Кастилью, пусть никто ему не помогаетъ; и тогда увидимъ, въ правду ли онъ говорилъ, или въ шутку».

За тѣмъ слѣдуетъ рядъ воинскихъ подвиговъ Донъ Родриго

---

[1]) *Добрый* — постоянный эпитетъ короля, какъ у насъ въ былинахъ: *ласковый* князь Владиміръ.

Сида. Сначала онъ разбилъ Мавровъ и отказалъ королю въ пятой части добычи, какъ это приведено мною выше.

Великая бѣда постигла короля Фердинанда. Арагонскій король прислалъ къ нему грознаго посла, который, начавъ свою рѣчь сентенціею, что посла съ грамотою не обижаютъ [1]), — объявилъ, что король Арагонскій объявляетъ ему войну, и пусть Фердинандъ выберетъ кого нибудь изъ своихъ, кто бы перевѣдался съ нимъ, съ посломъ, въ единоборствѣ. Никто изъ воиновъ Фердинанда не вызвался, пока не явился Родриго: «Кто опечалилъ васъ, спросилъ онъ короля: кто осмѣлился? Плѣнный или мертвый — онъ не вырвется изъ моихъ рукъ». И, узнавъ въ чемъ дѣло, съ удовольствіемъ вызвался на единоборство; только сначала онъ отправляется на богомолье въ С. Яго и другія святыя мѣста, а единоборство было отсрочено на тридцатый день.

На возвратномъ пути съ богомолья вышелъ странный случай. На переправѣ въ бродъ черезъ рѣку встрѣтилъ Сидъ прокаженнаго, который просилъ помочь ему переправиться черезъ бродъ. Никто изъ воиновъ не хотѣлъ, гнушаясь язвами несчастнаго; но Сидъ не отказался и самъ помогъ [2]). Въ ту же ночь было Сиду во снѣ видѣніе. Явился къ нему тотъ прокаженный и говорилъ ему на ухо: «спишь или нѣтъ, Родриго Биварскій? Насталъ часъ тебя увѣдомить. Я посланникъ отъ самого Христа, а не прокаженный. Я Св. Лазарь. Меня послалъ Господь, чтобъ я дхнулъ тебѣ на плечи, и ты впадешь въ горячку, и когда будешь ты въ горячкѣ, все что ни предпримешь, успѣшно совершишь». Итакъ эта горячка есть не что иное, какъ божественное наитіе свыше — энтузіазмъ и фанатизмъ, производящіе въ мірѣ чудеса. Замѣчательное повѣрье, вполнѣ характеризующее націо-

---

[1]) Стихъ 509 — соотвѣтственно русской пословицѣ: посла не сѣкутъ, не рубятъ.

[2]) Тутъ соединены два элемента: во-первыхъ, воспоминаніе о Св. Христофорѣ, переносившемъ странниковъ черезъ потокъ, и во-вторыхъ, общераспространенный въ легендахъ мотивъ — чествованіе святыхъ и самого Христа, являющихся въ видѣ нищихъ и прокаженныхъ.

нальный фанатизмъ страны. Воротившись съ богомолья, Сидъ конечно убилъ въ единоборствѣ Арагонскаго посла, воодушевившись своею сверхъестественною горячкою.

Послѣ того въ битвѣ съ пятью маврскими королями Сидъ потерялъ своего отца и дядей, и за то жестоко отомстилъ.

Послѣдній подвигъ, описанный въ хроникѣ, которая не доведена до конца, и, къ сожалѣнію дошла до насъ въ отрывкѣ, это баснословная борьба Испаніи съ Франціею, чистая выдумка, имѣвшая однако своимъ источникомъ народную ненависть въ Испаніи къ Французамъ, и, такимъ образомъ, направленная къ поддержанію этой ненависти. Извѣстно исторически, что Французы воевали только съ испанскими Маврами, которые столько же были врагами Франціи, какъ и Испаніи; но никогда до того времени Французы не относились къ христіанскимъ населеніямъ Испаніи враждебно; при томъ, вся сѣверная часть полуострова состояла въ тѣсныхъ родственныхъ узахъ съ Провансомъ, съ южной Франціей; сверхъ того, исторически извѣстно, что вліяніе французскаго образованія на Испанію въ XI и XII вѣкахъ было громадное въ дѣлахъ церковныхъ и политическихъ.

Какъ же объяснить эту сказочную войну христіанской Испаніи съ Французами? Едва ли въ рѣшеніи этого вопроса можно отдѣлаться предположеніемъ Дамà Инара, что, можетъ быть, авторъ хроники, слышавъ кое-что изъ французскихъ пѣсенъ, и именно ихъ Пѣсни о Роландѣ, о борьбѣ Карломана и его перовъ съ испанскими Маврами, не понялъ, въ чемъ дѣло, и Мавровъ смѣшалъ съ христіанскимъ населеніемъ Испаніи.

Изъ всего, что мы доселѣ извлекли изъ хроники, ясно видно, что ея авторъ не выдумщикъ, и говоритъ основательно, съ наивностію лѣтописца выдавая извѣстныя ему сказки за историческую истину. Мы видѣли, онъ гораздо глубже автора поэмы понялъ и изобразилъ характеръ Сида и его отношенія къ королевской власти. Очевидно, авторъ хроники ближе слѣдовалъ народнымъ пѣснямъ, и, не мудрствуя лукаво, изобразилъ Сида такимъ, какимъ зналъ и знаетъ его народъ, то есть, представителемъ на-

ціональной независимости въ эпоху феодальныхъ угнѣтеній. Нѣтъ сомнѣнія, что и сказку о борьбѣ христіанской Испаніи съ Французами авторъ взялъ изъ тѣхъ же народныхъ источниковъ. Мы уже знаемъ, какъ неблаготворно подѣйствовала французская политика на искаженіе національнаго характера Сида въ поэмѣ о немъ. Французы, помогая въ Испаніи властямъ, забирая себѣ въ руки монастыри, какъ чужестранцы, дружились съ высшими классами населенія, роднились съ знаменитыми феодальными фамиліями и королями. Они, слѣдовательно, были въ дружескихъ связяхъ съ высшимъ, аристократическимъ слоемъ въ Кастильи и въ другихъ провинціяхъ. Что касается до народа, то онъ не могъ любить чужаковъ, которые помогали вассаламъ завоевывать въ Испаніи земли. Сверхъ того, уже и въ поэмѣ о Сидѣ, мы видѣли, что національность Испаніи начинала слагаться не изъ однихъ христіанъ, но и Мавровъ: вмѣсто *всѣ Испанцы*, уже входило въ употребленіе примиряющее выраженіе: *и Христіане и Мавры*. Представитель испанской народности, самъ Сидъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ маврскими королями, и полагался на ихъ пріязнь больше, чѣмъ на такихъ христіанъ, какъ инфанты Карріона.

Итакъ хроника, представляя испанскихъ христіанъ въ борьбѣ съ Франціею, не только заимствуетъ свое содержаніе изъ народныхъ источниковъ, но и вполнѣ соотвѣтствуетъ убѣжденіямъ народныхъ массъ, и даже, можетъ быть, намѣренно противодѣйствуетъ вліянію французскому, видя въ немъ вредъ и въ политическомъ, и даже въ церковномъ отношеніи.

Борьба съ Франціею описывается совершенно въ сказочномъ видѣ, будто въ русской былинѣ. Изъ Франціи приходитъ посолъ съ грамотою отъ короля Франціи и императора германскаго, отъ патріарха и папы римскаго (то-есть, все враждебное Испанцамъ во Франціи, и римскій папа, и императоръ германскій), чтобъ вся Испанія платила Французамъ ежегодную дань; чтобъ всѣ пять королевствъ Испаніи ежегодно давали Франціи по пятнадцать дѣвицъ благороднаго происхожденія, по десяти

самыхъ лучшихъ коней, по тридцати марокъ серебромъ, а также кречетовъ и соколовъ.

Тогда-то присмирѣлъ король Фердинандъ, и не только Сиду передалъ полную власть надъ королевствомъ въ борьбѣ съ Французами, но и въ отношеніи къ толпѣ вассаловъ призналъ себя равнымъ (какъ это мы видѣли въ вышеприведенныхъ мѣстахъ). Тогда же на верху славы и могущества Сидъ хвалится своимъ мѣщанскимъ происхожденіемъ; отказываясь отъ должности знаменоносца и не имѣя знамени для своего отряда, онъ разорвалъ мантію и повѣсилъ вмѣсто знамени, предлагая ее нести своему племяннику, котораго, также какъ и въ поэмѣ, онъ называетъ иногда, *Перо Нѣмой*[1]). «Ступай, мой племянникъ», говоритъ онъ, «сынъ моего брата и крестьянки, которую онъ нашелъ во время охоты. Баронъ, возьми знамя и дѣлай, что тебѣ прикажу». Но, повинуясь дядѣ, племянникъ выражаетъ ему свое неудовольствіе, свидѣтельствующее о грубыхъ и вовсе не аристократическихъ отношеніяхъ дяди къ племяннику. «Съ охотою», говоритъ онъ: «знаю, что я вашъ племянникъ, сынъ вашего брата. Но съ тѣхъ поръ, какъ вы вышли изъ Испаніи, вы не вспомнили обо мнѣ. Вы не угостили меня ни обѣдомъ, ни ужиномъ, и я въ голодѣ и въ холодѣ; мнѣ не чѣмъ покрыть своего коня; ноги у меня истрескались, такъ что течетъ по нимъ свѣтлая кровь» (sangve clara, ст. 856). — Молчи предатель, отвѣчалъ ему Сидъ: кто хочетъ достичь высшихъ почестей, долженъ имѣть храброе сердце, — долженъ переносить горе съ бодростью».

Въ битвѣ съ Французами сначала Сидъ взялъ въ плѣнъ графа Савойскаго — *за бороду* — какъ потомъ хвалился самъ герой, и какъ послѣ увѣрялъ и самъ графъ; а дочь графа Сидъ отдалъ королю Фердинанду въ супруги, которая во время войны, подъ стѣнами Парижа, и родила мальчика. Самъ папа крестилъ его, а крестными отцами были король французскій и императоръ нѣмецкій, и только ради новорожденнаго сына король Ферди-

---

[1]) Pero Mudo; иначе Pero Bermudo.

нандъ отложилъ осаду Парижа и заключилъ съ Французами перемиріе. Такимъ образомъ, по сказочному смыслу всѣхъ подобныхъ событій, гроза Французовъ пала на ихъ же голову, и они теперь въ свою очередь должны были страшиться Испанцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ ихъ великій герой Донъ Родриго.

Авторъ хроники слышалъ о знаменитыхъ двѣнадцати перахъ Карла Великаго, и заставляетъ Сида ихъ вызывать на бой. Очевидно, что уже въ XII вѣкѣ слухи носились въ Испаніи о сюжетахъ Карломанскаго эпоса, и даже народныя сказанія вносили изъ нихъ кое-что въ свое содержаніе, искажая исторію вымыслами.

Сличая хронику съ поэмой о Сидѣ, мы находимъ въ ней больше баснословныхъ сказаній, нежели въ поэмѣ, которая вѣрнѣе слѣдуетъ исторіи и географіи; но за то въ хроникѣ въ бо̀льшей чистотѣ сохранился типъ великаго національнаго героя, представителя интересовъ и убѣжденій народныхъ.

IV.

Наше обозрѣніе древнѣйшаго испанскаго эпоса пострадало бы значительно, если бы мы не прослѣдили раннихъ эпическихъ преданій о Сидѣ въ позднѣйшихъ романсахъ, составляющихъ въ теченіе столѣтій національное достояніе народа, лучшее украшеніе его народной поэзіи.

Испанцы доселѣ воспѣваютъ своего Сида, какъ Русскій народъ князя Владиміра и его богатырей; и если бы въ XI вѣкѣ русская литература уже способна была къ принятію въ себя свѣтскихъ элементовъ во всей свободѣ поэтическаго творчества, то, конечно, и мы имѣли бы о князѣ Владимірѣ нѣчто подобное тому, что̀ въ XII вѣкѣ нашли мы у Испанцевъ въ поэмѣ о Сидѣ и въ стихотворной о немъ хроникѣ, то-есть, народныя эпическія сказанія, обработанныя въ художественной формѣ и записанныя

грамотными людьми для потомства. Изучивъ позднѣйшіе романсы, мы увидимъ, что не смотря на отдаленность отъ эпохи героя и на разныя позднѣйшія вліянія, эти народныя стихотворенія не только въ основѣ своей согласны съ разобранными нами поэмою и хроникою; но даже предполагаютъ такія раннія черты эпическаго стиля, которыя инымъ романсамъ даютъ преимущество въ первобытности передъ обоими письменными памятниками, составленными въ XII вѣкѣ.

Романсы о Сидѣ, по которымъ однимъ доселѣ судили у насъ о народномъ испанскомъ эпосѣ, составляютъ только часть испанскаго *Romancero General*, содержащаго въ себѣ романсы или пѣсни историческія вообще, а также романсы шутливаго содержанія, пастушескіе, изъ быта народнаго, даже мавританскіе, и наконецъ изъ искусственныхъ поэмъ цикла Карломанова и Артурова. Romancero, то-есть, собраніе романсовъ по преимуществу эпическаго стиля, отличается отъ *Cancionero*, или пѣсенника, то-есть, сборника пѣсенъ лирическихъ и при томъ искусственныхъ. Впрочемъ *Хугляры*, то-есть, жонглёры, и поэты художники наложили печать искусственности и на историческіе романсы, и въ томъ числѣ на романсы о Сидѣ, такъ что въ *Romancero del Cid* ученые отличаютъ романсы древніе и народные отъ позднѣйшихъ, искусственныхъ. Изданіе романсовъ на отдѣльныхъ листахъ и въ сборникахъ относится къ XVI вѣку.

Подробное литературно-библіографическое обозрѣніе этого предмета можно найти у Фердинанда Вольфа въ Studien zur Geschichte der spanischen und portug. Nationalliteratur, и въ приложеніи того же автора къ нѣмецкому переводу испанской литературы Тикнора [1]).

По романсамъ, также какъ и въ стихотворной хроникѣ, событія начинаются враждою между отцомъ Сида, Діего Лаине-

---

[1]) Въ этой монографіи романсы цитуются по изданіямъ: Romancero, por Juan de Escobar, Франкфуртъ, 1828; Romancero Castellano, Деппинга и Алкала Галіано, Лейпцигъ, 1844; Primavera y Flor de Romances. Берлинъ, 1856.

зомъ, и графомъ Гомезомъ или Гормазомъ (conde Lozano[1]); только не такъ опредѣлительно означена причина вражды. Дѣло въ томъ, что отецъ Сида потерпѣлъ великую обиду отъ графа; по нѣкоторымъ варіантамъ, будто они поссорились на охотѣ.

Терзаясь обидою своей чести, Діего думаетъ о мести и хочетъ, чтобъ за него отомстилъ одинъ изъ его четырехъ сыновей (по варіантамъ — трое будто-бы отъ законной жены, а Сидъ — побочный сынъ). Но отецъ еще не увѣренъ, способны ли его дѣти чувствовать обиду оскорбленнаго самолюбія, и для того придумалъ ихъ испытать, нанося каждому изъ нихъ незаслуженное оскорбленіе и боль, сжимая каждому руки. Сыновья жалуются и плачутъ отъ боли, но не возмущаются духомъ, и отецъ приходитъ въ отчаяніе. Доходитъ очередь до Сида. Почувствовавъ боль, обиженный юноша не вытерпѣлъ, онъ готовъ былъ дать отцу пощечину, онъ готовъ былъ своими руками растерзать обидчику внутренности, если бы это былъ не его родной отецъ. «Сынъ души моей»! воскликнулъ Діего въ восторгѣ: «ты облегчилъ мою кручину, и твой гнѣвъ меня радуетъ; употреби же, мой Родриго, эти руки на мою честь, которую я потерялъ бы на вѣки, если только не ворочу ее черезъ тебя». И за тѣмъ разсказалъ отецъ сыну о своей обидѣ.

Если нашъ Гоголь не подражалъ этому романсу о Сидѣ въ сценѣ, гдѣ Тарасъ Бульба дерется съ своими дѣтьми, пробуя ихъ удаль, то художественная критика должна отдать полную справедливость эпическому такту нашего поэта или того народнаго разсказа, который служилъ ему образцемъ.

Сидъ отправляется на подвигъ, и, убивъ графа Гомеза Лозано, привозитъ къ отцу его голову, таща ее за волосы.

Обѣ эти суровыя сцены, пропущенныя въ хроникѣ, безъ сомнѣнія, ходили въ устахъ народа въ XII вѣкѣ, когда слагалась хроника, но не вошли въ нее; слѣдующая же за тѣмъ сцена,

---

[1]) Въ хроникѣ — онъ графъ графства Gormaz. *Lozano* — свѣжій, удалой, бодрый. Иногда и въ хроникѣ такъ именуется отецъ Химены. Ст. 400.

нѣтъ сомнѣнія, послужила въ народныхъ романсахъ источникомъ хроникѣ.

Это романсъ о томъ, какъ Донья Химена, юная дочь убитаго графа Гомеза Лозано, приходитъ къ королю Фердинанду жаловаться на Сида. «Въ безчестіи живу я, король», — говорила она: «въ безчестіи живетъ и моя мать. Каждый день, только что разсвѣнетъ, вижу убійцу моего отца, всадника на конѣ — на рукѣ держитъ сокола, и мнѣ на кручину пускаетъ сокола въ мою голубятню, травитъ имъ моихъ голубей, ихъ кровью окровавилъ мою одежду». Прося у короля суда и расправы, присовокупляетъ она слѣдующія эпическія сентенціи: «король, который не даетъ правды, не долженъ королевствовать, ни гарцовать на конѣ, ни надѣвать золотыя шпоры, ни ѣсть хлѣбъ на браныхъ скатертяхъ, ни забавляться съ королевою, ни слушать обѣдню въ церкви, потому что онъ того недостоенъ».

Король пришелъ въ смущеніе. Онъ боится наказать Сида, но вмѣстѣ и не хочетъ кривить душею, не давъ суда и расправы. Донья Химена, видя смущеніе короля, вдругъ озадачиваетъ его просьбою, чтобъ онъ выдалъ ее за мужъ за Сида: «онъ мнѣ надѣлалъ столько зла — говорила она — можетъ быть, сдѣлаетъ что и доброе».

«Тогда говорилъ король — *послушайте, что говорилъ онъ* [1]): «всегда я слышалъ, а теперь вижу и самъ сущую правду, что въ женскомъ полѣ все не по-людски: вотъ до сихъ поръ все просила суда и расправы; а теперь хочетъ выйти за него за мужъ. Съ великимъ удовольствіемъ исполню твое желаніе. Тотчасъ же пошлю къ нему письмо, позову его сюда» [2]).

По другому варіанту [3]), который ближе къ хроникѣ — Химена приходитъ къ королю и униженно говоритъ ему: «я дочь Дона Гомеза, который имѣлъ графство въ Гормазѣ [4]); его отважно

[1]) Эпическое выраженіе, замѣченное нами и въ поэмѣ о Сидѣ.

[2]) Rom. Castel. 1, стр. 123.

[3]) Escobar., стр. 19.

[4]) Какъ и въ хроникѣ.

убилъ Донъ Родриго де Вибаръ. Я пришла просить у васъ милости: прошу у васъ себѣ въ супруги этого самого Дона Родриго: это хорошая для меня партія, будетъ мнѣ въ честь, потому что я увѣрена — будетъ возрастать его могущество въ вашихъ земляхъ. Окажите же мнѣ милость, вѣдь это дѣло угодное самому Богу[1]), и я прощу ему смерть моего отца, если онъ на то согласится».

Изъ двухъ варіантовъ: одного, усвоеннаго хроникою о просьбѣ Химены выдать ее за мужъ за Сида, и другаго — столько же древняго о жалобѣ на Сида — составился цѣлый разсказъ, приведенный мною выше, сложенный изъ обоихъ варіантовъ съ наивною сентенціею короля о причудливости женскаго пола. По третьему варіанту[2]) — король Фердинандъ на жалобы Химены отвѣчаетъ успокоивающимъ намекомъ, что придетъ время, когда она ради Дона Родриго смѣнитъ свой плачъ на радость.

Прежде нежели буду продолжать разсказъ по романсамъ, считаю не лишнимъ замѣтить, что и стихотворная хроника и романсы отступаютъ отъ исторической правды относительно женитьбы Сида на Хименѣ. Это былъ уже второй бракъ Сида въ 1074 г., когда Сиду было 44 года, если не больше. Химена была дочь не графа Гомеза Лозанскаго или Гормазскаго, а Діего, графа Астурійскаго, двоюродная сестра короля Альфонса, который и выдалъ ее за Сида. Между тѣмъ, по эпическимъ сказаніямъ, это первая и единственная супруга Сида, на которой онъ будто-бы женился въ ранней молодости, вслѣдствіе своего перваго героическаго подвига. Что касается до хроники прозаической[3]), то она во всемъ сходствуетъ съ тѣмъ романсомъ, въ которомъ Химена, какъ дочь графа Гомеза, проситъ короля выдать ее за убійцу ея отца, такъ что даже употребляетъ почти тѣ же слова: впрочемъ въ такихъ романсахъ критики видятъ заимствованіе изъ прозаической хроники: такъ что въ тѣхъ случаяхъ, въ

---

[1]) Es servicio de Dios.

[2]) Escobar., 17.

[3]) Глав. 3. Сличи Escob. 19.

которыхъ хроника стихотворная XII вѣка согласуется съ хроникой прозаической, изданной въ 1512 году и столѣтіемъ раньше составленной, полагаютъ видѣть вліяніе послѣдней хроники на романсъ, если онъ удерживаетъ то же, общее обѣимъ хроникамъ, содержаніе. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, наставительно прослѣдить, до какой степени народная поэзія иногда бываетъ вѣрна эпической старинѣ и ея литературнымъ источникамъ, сохранившимся въ искусственной формѣ стихотворной и даже прозаической.

Именно въ этомъ состоитъ высокое достоинство испанскихъ романсовъ о Сидѣ: они соединяютъ для народа его устныя, древнѣйшія эпическія преданія съ ихъ литературными обработками, и, будучи подведены къ письменнымъ источникамъ отъ XII до XVI вѣка, убѣждаютъ всякаго въ ихъ твердомъ, такъ сказать, монументальномъ пребываніи въ испанской народности въ теченіи всего ея историческаго развитія до нашихъ временъ.

Далѣе, опять романсъ совпадаетъ съ стихотворною хроникою.

Король зоветъ Сида къ себѣ ко двору. Отецъ его, Діего, собирается ѣхать одинъ, но Сидъ никакъ не хочетъ его одного подвергать опасности. «Того не попуститъ Господь Богъ, ни Святая Марія — говоритъ онъ — и куда поѣдете вы, тамъ буду и я» [1]).

Слѣдуя указаніямъ стихотворной хроники, за тѣмъ надобно помѣстить романсъ о томъ, какъ Сидъ съ отцемъ и своими вассалами ѣдетъ на встрѣчу королю [2]). Въ Романсерахъ этотъ романсъ помѣщается, какъ самостоятельное цѣлое, и притомъ, какъ разсказъ о событіи, предшествующемъ просьбѣ Химены о выданьи ея за мужъ за Сида; и, вѣроятно, въ народѣ этотъ романсъ имѣлъ значеніе самостоятельнаго цѣлаго, пѣлся отдѣльно отъ эпизода о Хименѣ, и былъ, вѣроятно, особенно популяренъ, потому что, съ необыкновенною энергіею выставляетъ онъ героическую самостоятельность и независимость Сида отъ короля,

---

1) Rom. Cast. I, ст. 124.

2) Escob. 10.

именно независимость представителя народныхъ массъ, любимаго народомъ героя.

Но припомнивъ ходъ событій по стихотворной хроникѣ, всякій согласится дать этому романсу то мѣсто, гдѣ я его помѣщаю.

«Ѣдетъ Діего Лаинезъ къ доброму королю [1]) поцѣловать его руку, съ собою ведетъ 300 дворянъ [2]); между ними ѣхалъ Родриго, гордый Кастилецъ» (el soperbio Castellano). Дальше идетъ восхваленіе Сида въ противоположность его всей свитѣ, будто въ русскихъ пѣсняхъ: «Всѣ ѣдутъ на мулахъ, одинъ Родриго на конѣ; всѣ въ золотѣ и шелку, Родриго хорошо вооруженъ; всѣ препоясали сабли, Родриго золоченый мечь» и т. д. Когда всадники подъѣхали къ королю, тогда въ его свитѣ стали указывать на Сида, говоря: «вотъ между ними ѣдетъ тотъ, что убилъ графа Лозано» [3]).

«Когда услышалъ то Родриго, взглянулъ пристально, и громкимъ и повелительнымъ голосомъ говорилъ такія слова: «если есть между вами его родственникъ, или есть его другъ, кому жалка его смерть, выходи тотчасъ и спрашивай на мнѣ, я буду защищать свою правду — хоть пѣшій, хоть на конѣ». И всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: «да, поди спрашивай на такомъ дьяволѣ»! Всѣ слѣзли съ коней цѣловать у короля руку, одинъ Родриго остался на конѣ. Тогда сказалъ его отецъ — послушайте, что говорилъ онъ: «слѣзай съ коня, мой сынъ! Цѣлуй у короля руку, потому что онъ твой господинъ, ты, сынъ, его вассалъ». Когда Родриго услышалъ то, за бѣду ему стало, и слова̀, которыя онъ отвѣчалъ, были слова человѣка очень отважнаго: «если бы кто другой сказалъ мнѣ это, дорого бы поплатился; но вы приказываете мнѣ, батюшка, и я охотно повинуюсь». И Родриго сошелъ съ коня, чтобъ поцѣловать у короля руку; и когда преклонялъ

---

[1]) Escob. 10.

[2]) Fijosdalgo, отъ fijo и d'algo; оттуда испорченное fidalgo, hidalgos.

[3]) Слич. въ Хроникѣ стихъ 400: «Es el que matò al conde *losano*» (удалой), въ романсѣ: «A qui viene entre esta gente, a quien matò al conde Lozano. Escob. 11.

колѣна, отцѣпился его мечъ, отчего король перепугался и въ ужасѣ воскликнулъ: «спасите меня, Родриго! Спасите меня, это самъ дьяволъ! У тебя только видъ человѣка, а дѣла страшнаго льва». Услышавъ это, Родриго тотчасъ велѣлъ подвести своего коня, а самъ говорилъ королю дрожащимъ голосомъ: «цѣловать у короля руку, я не ставлю себѣ въ почетъ; а что мой отецъ у короля цѣловалъ руку, то ставлю себѣ въ безчестіе». Сказавъ эти слова, онъ вышелъ изъ дворца [1]), и съ нимъ воротились всѣ 300 дворянъ: «ѣхали они туда хорошо изукрашенные, а возвращались и лучше того вооруженные: ѣхали они туда на мулахъ, а возвращались на коняхъ». Этотъ конецъ романса опять напоминаетъ складъ нашихъ пѣсенъ.

Надобно припомнить, что по стихотворной хроникѣ король тоже перепугался, когда Сидъ сталъ передъ нимъ на колѣна, чтобъ поцѣловать руку; онъ сказалъ даже почти тѣ же слова: «спасите меня отъ этого дьявола» [2]); но въ хроникѣ не видно, чего испугался король; между тѣмъ какъ изъ романса ясно, какая была причина испугу: отцѣпился у Сида мечъ, и, вѣроятно, застучалъ, и король, конечно, принялъ эту случайность за нападеніе.

Конецъ приведеннаго романса нѣсколько противорѣчитъ началу. Сидъ встрѣтилъ короля на дорогѣ, а послѣ своего драматическаго свиданія съ королемъ, выходитъ изъ дворца. Ясно, слѣдовательно, что романсъ искаженъ временемъ, и первоначально относился къ тому мѣсту, гдѣ помѣщенъ въ хроникѣ, то-есть, къ той порѣ, какъ Сидъ на зовъ короля пріѣзжаетъ, чтобъ жениться на Хименѣ. Романсъ сохранилъ древнѣйшіе слѣды, указывающіе на народный источникъ стихотворной хроники XII вѣка, и отлично ее объясняетъ и дополняетъ.

Мы уже говорили о гордомъ и независимомъ характерѣ Сида въ хроникѣ, какъ народнаго героя, протестующаго противъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій феодальнаго быта. Теперь, изучивъ народный романсъ, мы ясно видимъ, что только благородный духъ

[1]) Salido se ha de palacio.

[2]) Tirat me allà esse peccado, ст. 407; въ романсѣ: quitate ma allà diablo.

народной независимости могъ внушить автору хроники ту свободу мыслей и убѣжденій, которой напрасно стали бы мы искать въ знаменитой поэмѣ о Сидѣ, уже въ XII вѣкѣ искаженной искусственнымъ церемоніаломъ феодальнаго порабощенія.

По другому варіанту [1]), Сидъ тоже съ тремя стами своихъ дворянъ является ко двору короля Фердинанда, по просьбѣ Доньи Химены выдать ее замужъ. Всѣ эти 300 были *его друзья* и *родственники, всѣ служили ему.*

Мы уже видѣли въ хроникѣ XII вѣка, что феодалы и короли чествовали своихъ вассаловъ друзьями и родственниками, и замѣтили въ этомъ самый ранній въ исторіи слѣдъ образованія дружины и вообще феодальнаго права.

Впрочемъ, встрѣча Сида съ королемъ въ этомъ романсѣ изображается совершенно уже при другихъ обстоятельствахъ, какъ встрѣча преданнаго вассала съ своимъ господиномъ: ясно, что этотъ романсъ составился уже въ духѣ политической зависимости и относится къ эпохѣ позднѣйшей, когда короли взяли рѣшительный перевѣсъ надъ вассалами. Это уже совсѣмъ другой Сидъ, хотя и этотъ, и разобранный романсъ помѣщаются вмѣстѣ въ одномъ и томъ-же Romancero del Cid. Такъ надобно быть осмотрительнымъ въ изученіи не только эпохъ народной поэзіи, но даже одного и того-же дѣйствующаго лица, даже самого героя народнаго; потому что его личность измѣняется вмѣстѣ съ поколѣніями, которыя его воспѣваютъ.

Итакъ, король милостивъ, съ почетомъ принимаетъ Сида и предлагаетъ ему въ супруги Химену, а сверхъ того многія земли во владѣніе. «Пріятно мнѣ исполнить — говорилъ Сидъ — все то, что будетъ тебѣ угодно, мой король и господинъ».

Въ томъ же вѣрноподданническомъ тонѣ выступаетъ Сидъ [2]), когда являются къ нему, въ присутствіи короля Фердинанда, послы съ подарками отъ пяти покоренныхъ имъ Мавританскихъ королей. «Друзья — говорилъ онъ посламъ: вы ошиблись въ по-

[1]) Escob. 20.
[2]) Escob. 25.

сольствѣ, потому что я не господинъ тамъ, гдѣ королевствуетъ король Фердинандъ; все его, ничего моего, я его мѐньшій вассалъ». Королю очень полюбилась покорность уважаемаго Сида, и онъ говорилъ посламъ: «скажите вашимъ властителямъ, что хотя ихъ господинъ и не король, но сидитъ рядомъ съ королемъ, и все, чѣмъ я владѣю, добылъ мнѣ Сидъ, и что я много доволенъ, имѣя такого добраго вассала».

Съ тѣмъ же оттѣнкомъ подданства Сидъ соглашается на бракъ съ Хименою и въ прозаической хроникѣ [1]) и выражается почти въ тѣхъ же словахъ. Такимъ образомъ ясна та эпоха, когда въ романсахъ независимый и гордый Сидъ уступилъ мѣсто усмиренному и покорному.

Припомнимъ, что по стихотворной хроникѣ, Сидъ, соглашаясь жениться на Хименѣ, говоритъ королю, что никто не увидитъ его съ нею ни въ пустынѣ, ни въ жиломъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не побѣдитъ онъ въ пяти битвахъ [2]). Тоже самое говоритъ Сидъ и въ прозаической хроникѣ [3]), и почти тѣми же словами, но въ другой болѣе приличной и деликатной обстановкѣ, и болѣе согласной съ духомъ эпической поэзіи. Женившись на Хименѣ, Сидъ прямо отъ вѣнца приводитъ свою молодую жену къ своей матери, и поручаетъ ее ей на попеченіе; а самъ клянется, что до тѣхъ поръ съ женою не увидится ни въ пустынѣ, ни въ жиломъ мѣстѣ [4]), пока не побѣдитъ въ пяти битвахъ, и уѣзжаетъ на подвиги. Вѣроятно, такъ было въ первоначальномъ романсѣ, но стихотворная хроника перенесла этотъ мотивъ въ другое мѣсто и тѣмъ отняла у него всю деликатность его колорита.

По одному романсу [5]) Сидъ, обвѣнчавшись съ Хименою, когда обнялъ ее, то взглянулъ и сказалъ взволнованнымъ голосомъ: «я

---

[1]) Глава 4.

[2]) Nin me vea con ella en yermo, nin en poblado, «affarta que vensa cinco lides en buena lid en campo» 421—2.

[3]) Глава 4.

[4]) En yermo nin en poblado.

[5]) Escob. 23.

убилъ твоего отца, Химена, но не въ безчестномъ бою; убилъ его какъ человѣкъ человѣка; мстя за обиду, убилъ человѣка, и въ томъ винюсь я передъ тобой: спрашивай на мнѣ, и вмѣсто мертваго отца, у тебя честный мужъ». И всѣмъ было это любо — заключаетъ пѣвецъ: всѣ хвалили его разумъ и такъ отпраздновали свадьбу Родриго Кастильскаго [1]).

Мы уже видѣли изъ многихъ эпизодовъ стихотворной хроники и поэмы о Сидѣ, сколько эти источники народнаго эпоса предлагаютъ любопытныхъ данныхъ для исторіи семейной жизни и женщины въ XII вѣкѣ. При этомъ мы не могли не замѣтить, что испанскій эпосъ глубже входитъ въ бытовые интересы, что онъ вообще жизненнѣе французскихъ Chansons de Geste, потому что народнѣе, потому что менѣе стѣснялся условіями искусственной литературы и потому шире разрабатывался въ устахъ простонародныхъ поколѣній.

Романсы предлагаютъ намъ значительные факты въ дополненіе составленной уже нами характеристики семейнаго быта и женщины, характеристики, извлеченной нами изъ разобранныхъ источниковъ XII вѣка. Дополняя нѣкоторыми мѣткими чертами картину семейной жизни Сида въ его отношеніяхъ къ Доньѣ Хименѣ, романсы сверхъ того особенный имѣютъ интересъ для исторіи женщины въ изображеніи Доньи Урраки, старшей дочери короля Фердинанда.

Слѣдя по романсамъ систематическое обозрѣніе содержанія испанскаго эпоса, мы именно приступаемъ теперь къ эпизодамъ, касающимся Доньи Химены и Доньи Урраки.

Для характеристики семейной жизни Сида, особенно важно письмо [2]), которое писала Донья Химена къ королю Фердинанду, какъ кажется, на первыхъ порахъ своей замужней жизни. Начавъ письмо обычными вѣжливостями, какъ подобаетъ супругѣ вассала, и называя себя между прочимъ, по древнему обычаю,

---

[1]) Романсы, переведенные Жуковскимъ изъ Гердера особенно неудачно характеризуютъ Донью Химену и ея отношенія къ Сиду.

[2]) Escob. 26.

рабою короля [1]), Химена потомъ жалуется на свое одиночество, потому что Сидъ постоянно на войнѣ и въ походахъ, постоянно ее оставляетъ; а когда возвращается, усталый и измученный, весь облитъ кровью, такъ что страшно смотрѣть на него; «и только что коснется моихъ объятій — такъ наивно признается Химена — тотчасъ засыпаетъ въ моихъ объятіяхъ; во снѣ тяжело дышетъ, и грезится ему, будто онъ снова въ битвѣ». Съ ранней зарею Сидъ оставляетъ свою супругу, и отправляется на новые подвиги. Прося короля, чтобъ онъ не разлучалъ ее съ мужемъ, Химена присовокупляетъ, что слезы, которыя она постоянно проливаетъ, могутъ обезобразить ея красоту. Король вѣжливо отвѣчалъ на жалобы Химены тоже посланіемъ, которое онъ началъ, постановивъ сперва крестъ съ четырьмя точками и проведши черту (подробность не безполезная для исторіи средневѣковой культуры).

Въ другомъ романсѣ [2]), при описаніи Химены, восхваляется ея скромность, а о красотѣ ея говорится, что Химена, когда шла въ церковь, была такъ прекрасна, что само солнце останавливалось въ своемъ теченіи, чтобъ на нее полюбоваться. По обычаю благородныхъ дамъ, она покрывала свое лицо, «потому что, — какъ говоритъ романсъ пословицею — благородныя дамы чѣмъ больше покрываютъ свое лицо, тѣмъ больше открываютъ свои мысли» (свой разумъ).

Донья Уррака выступаетъ при смерти своего отца, короля Фердинанда [3]).

«При смерти добрый король Фердинандо; ногами лежитъ на востокъ, въ рукѣ держитъ свѣчу. Въ головахъ у него архіепископы и прелаты, по правую руку — его сыновья». Является Донья Уррака и говоритъ: «вы умираѐте, батюшка; да пріиметъ

---

[1]) La vuesa sierva Ximena.

[2]) Escob. 34.

[3]) Rom. Casc. I, 147—8. Якова Гримма Silva de romances viejos. 1831 г. стр. 301.

вашу душу самъ Святой Михаилъ[1]). Вы завѣщаете свои земли, кому вамъ угодно. Донъ-Санчу дали вы Кастилью, Кастилію многолюдную; Донъ Алонзу — Леонъ, Донъ Гарсіи — Бискайю. Меня, потому что я женщина, оставили безъ наслѣдства; и я въ этихъ земляхъ, будто какая заблудшая странница, — и это собственное свое тѣло буду продавать я, кому вздумается — Маврамъ — за деньги, Христіанамъ — изъ милости; и что̀ тѣмъ выручу, пойдетъ на поминъ вашей души».

Итакъ это — личность, доносящаяся изъ глубокой старины, съ ея циническою суровостію, съ варварскимъ безстыдствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ героическою энергіею грозныхъ воительницъ самаго ранняго европейскаго эпоса.

Самое изложеніе романса, драматическое, быстротою дѣйствія усиливаетъ энергію общаго впечатлѣнія:

«Кто это тамъ говоритъ»? Спрашиваетъ король (умирая, онъ уже плохо видитъ и слышитъ, или не вѣритъ своимъ собственнымъ ушамъ и глазамъ). — «Это ваша дочь, Донья Уррака» — отвѣчаетъ архіепископъ. «Замолчи, дочь, замолчи, не говори такихъ словъ; за такія слова подобаетъ женщину сжечь. — Тамъ въ старой Кастильи я оставилъ одно мѣстечко, его называютъ Замора, Замора, хорошо защищенная. Съ одной стороны ее защищаетъ Дуеро, съ другой — Тахада, съ третьей — Морерія: мѣсто драгоцѣнное. Кто отниметъ его у тебя, моя дочь, на того падетъ мое проклятіе. Всѣ отвѣчали: аминь, аминь, кромѣ Донъ Санчо, который молчалъ».

Таковъ этотъ превосходный романсъ. Даже въ тяжеломъ прозаическомъ переводѣ онъ даетъ разумѣть о высокомъ эпическомъ тонѣ испанской народной поэзіи. Безстыдныя рѣчи дочери-дѣвицы потрясли душу умирающаго отца, однако, онъ выше минутнаго раздраженія: умирая, онъ прощаетъ, и только помнитъ о своей обязанности, и даетъ Урракѣ Замору. Всѣ присутствующіе скрѣпляютъ заклятіе умирающаго аминемъ, одинъ Донъ

---

[1]) Св. Михаилъ, т. е., Архангелъ, призывается обыкновенно и въ Chansons de Roland, какъ исконный покровитель воинствующихъ дружинъ.

Санчо молчитъ, потому что драма только что разыгрывается, и пѣвецъ даетъ разумѣть, что будущій король Кастильи не доволенъ завѣщаніемъ отца и уже затаилъ въ своемъ сердцѣ зависть къ братнимъ и сестринымъ надѣламъ.

Такъ какъ характеръ Доньи Урраки особенно интересенъ для исторіи средневѣковой женщины, то я приведу для варіанта два другіе романса того же содержанія[1]), но, какъ кажется, позднѣйшіе по тону, потому что, они съ меньшéю быстротою и энергіею рисуютъ характеры и мотивы, хотя и отличаются значительнымъ поэтическимъ достоинствомъ.

Романсъ первый: «Приближаясь къ смерти, король Фердинандъ только что сдѣлалъ раздѣлъ своимъ землямъ, какъ въ печальную залу вошла покрытая чернымъ трауромъ и заливаясь слезами забытая инфанта Уррака, и, подошедши къ постели своего отца короля, преклонила колѣни и цѣловала его руку. Потомъ въ горькомъ плачѣ такъ выговаривала свои жалобы: «между божественными и человѣческими законами какой законъ наставилъ васъ, мой отецъ, для обогащенія мужчинъ лишать наслѣдства женщинъ? Альфонсу, Санчо и Гарсіи, которые вотъ стоятъ здѣсь, вы отказали всѣ свои имѣнія, а обо мнѣ забыли: и я не могу считать себя вашей дочерью... а если я и не законная вамъ дочь, все же должны бы вы кормить и побочныхъ своихъ дѣтей. А если это не такъ, за какую вину лишили вы меня наслѣдства? За какой проступокъ получаю я наказаніе? А если такую неправду мнѣ сдѣлаете вы, что скажутъ чужіе народы и ваши подданные, когда объ этомъ узнаютъ? Нѣтъ такой правды, чтобъ всѣ имѣнія отдавать мужчинамъ, когда они могутъ добывать ихъ себѣ въ битвѣ. Вы оставляете меня безъ наслѣдства, но подумайте, я вѣдь женщина, помыслите, что̀ и какъ могу я добыть безъ мужа и безъ всякихъ средствъ! Если не дадите мнѣ своихъ земель, пойду я по чужимъ, и чтобъ скрыть вашу вину, я не буду называть себя вашею дочерью. Въ одеждѣ странницы, бѣдная,

[1]) Escob. 35—40.

пойду я скитаться; но помните, что очень часто къ святымъ мѣстамъ *путницы* бываютъ *распутницы*[1]). Правда, что во мнѣ течетъ благородная кровь, но я стараюсь забыть свое благородство, какъ дѣло мнѣ чуждое; и потому, видя себя въ презрѣніи, говорю такія слова. Ожидая отвѣта, прекращаю свои жалобы и опять принимаюсь за свой горькій плачъ».

Романсъ второй: «Внимательно слушалъ король Донъ Фердинандъ жалобы своей дочери Доньи Урраки, лежа на смертномъ одрѣ; оскорблялся ея вольностію, хотѣлъ отвѣчать, но не могъ говорить, потому что даже сами короли нѣмѣютъ передъ вольною женщиною. Но чтобъ отвѣтить ей и вмѣстѣ ее успокоить, вырвались у него слова, прежде чѣмъ успѣла вырваться изъ тѣла душа: «Такъ плачешь ты объ имуществѣ: какъ же ты будешь плакать о моей смерти? Потому что я сомнѣваюсь, любезная дочь, чтобъ моя жизнь продлилась. Что же ты плачешь, глупая женщина, о человѣческихъ стяжаніяхъ, когда видишь, что изъ всѣхъ нихъ я беру съ собою одинъ только саванъ? И за остатокъ жизни, сколько успѣю прожить, благодарю Бога и прошу о томъ, чтобъ онъ не оставилъ тебя такою злою. А когда душа моя отдѣлится отъ тѣла, то прямо пойдетъ въ небесныя жилища, потому что уже на землѣ чистилищемъ для нея былъ огонь твоихъ рѣчей». Затѣмъ король съ горечью увѣряетъ Урраку, что она его законная дочь, но родилась такою злою не въ добрый часъ; и въ заключеніе отказываетъ ей Замору, скрѣпляя свое завѣщаніе клятвою, чтобъ никто не отнималъ у Доньи Урраки этого надѣла. Всѣ присутствовавшіе воскликнули: аминь, и одинъ только Донъ Санчо молчитъ.

По самому концу очевидно, что эти оба романса — варіанты выше-приведеннаго, болѣе древняго, или по крайней мѣрѣ отличающагося первобытною энергіею народнаго эпоса.

---

[1]) Такъ перевожу я игру словъ подлинника: *Romera* — идущая къ святымъ мѣстамъ, и собственно въ Римъ, отъ *Roma;* и *ramera* — распутная женщина.

Мысль та же въ обоихъ варіантахъ; та же обстановка, тѣ же лица и характеры, но иныя точки зрѣнія. Въ первомъ варіантѣ, является неукротимая женская натура въ ея наивной эпической наготѣ, будто героиня ранней готской или лонгобардской старины. Она внушаетъ ужасъ, но не отвращеніе. Она еще на своемъ мѣстѣ по историческому развитію нравовъ. Во второмъ варіантѣ, цинизмъ Урраки кажется уже анахронизмомъ: она болѣе внушаетъ отвращеніе, нежели ужасъ: и если сколько-нибудь оставляетъ на своей сторонѣ сочувствія, то, какъ рѣшительная предвозвѣстница женской эманципаціи, въ постановкѣ вопроса о юридическихъ правахъ женщины, сравнительно съ мужчиною. При этомъ не надобно забывать, что и этотъ второй варіантъ ведетъ свое начало отъ эпохи, предшествовавшей XVI вѣку.

Чтобы оцѣнить всю поэтическую свѣжесть, жизненность и характеристичность этихъ трехъ варіантовъ, надобно сравнить съ ними переводъ Жуковскаго съ Гердерова перевода нѣмецкаго.

И уже свои онъ земли
Раздѣлилъ межъ сыновьями,
Какъ вошла его меньшая
Дочь Урака въ черномъ платьѣ,
Проливающая слезы.
Такъ ему она сказала:
«Есть ли гдѣ законъ, родитель,
«Человѣческій иль Божій,
«Позволяющій наслѣдство,
«Дочерей позабывая,
«Сыновьямъ лишь оставлять?»
Фердинандъ ей отвѣчаетъ:
Я даю тебѣ Замору,
Крѣпость, твердую стѣнами,
Съ нею вмѣстѣ и вассаловъ
Для защиты и услуги.
И да будетъ проклятъ мною,
то когда нибудь замыслитъ
У тебя отнять Замору. —

Предстоявшіе сказали
Всѣ: аминь. Одинъ Донъ-Санхо
Промолчалъ, нахмуря брови.

Характеръ Доньи Урраки окончательно обрисовывается въ романсахъ, имѣющихъ предметомъ осаду ея удѣла Заморы.

Что касается до Сида, то онъ вмѣнялъ себѣ въ долгъ служить Дону Санчо, какъ королю Кастильскому.

Мы уже знаемъ изъ обозрѣнія историческихъ событій, вошедшихъ въ эпосъ о Сидѣ, что Донъ Санчо Кастильскій отнималъ удѣлы у своихъ братьевъ и сестеръ.

«Едва король померъ [т. е., Донъ Фердинандо — такъ воспѣвается въ одномъ романсѣ[1])], какъ Замора была осаждена; съ одной стороны осадилъ ее король (т. е., Донъ Санчо), съ другой осадилъ ее Сидъ. Со стороны, гдѣ осадилъ король, Замору нельзя взять; а съ другой стороны, гдѣ осадилъ Сидъ, Замору взять можно. Видя такую бѣду, Донья Уррака показалась у окна на башнѣ и говорила такія слова: «прочь, прочь, Родриго, гордый Кастилецъ! Тебѣ бы припомнить доброе время прошлое! Мой отецъ далъ тебѣ оружіе; моя мать дала коня, а я надѣвала тебѣ золотыя шпоры, чтобъ было тебѣ больше чести. Думала я тогда выйти за тебя за мужъ, но не хотѣла того моя злая судьба: ты женился на Хименѣ Гомезъ, на дочери графа Лозано. Съ ней взялъ ты деньги, со мной взялъ бы почести: богатство хорошо, но честь дороже. Хорошо ты женился, Родриго, но еще бы лучше могъ пожениться: оставилъ ты дочь короля для дочери его вассала». Услыша это, Сидъ очень смутился, и въ смущеніи такъ отвѣчалъ: «если вамъ такъ кажется, моя госпожа, можно все уладить». Но на это отвѣчала Донья Уррака со спокойнымъ лицомъ: «не угодно Господу Богу такое дѣло! И предалъ бы онъ вѣчнымъ мукамъ мою душу, если бы я была причиной раздора»! Быстро воротился Родриго и въ тревогѣ вскричалъ: «прочь,

---

[1]) Rom. Castel. 1, 157. — Escob. 256. Якова Гримма. Silva de romances viejos. Стр. 304.

прочь, мои воины, и пѣхота, и конница! Вотъ съ этой башни пронзила меня стрѣла; хоть она и безъ желѣза, но прошла сквозь мое сердце. И нѣтъ мнѣ другаго исцѣленія, какъ только жизнь въ вѣчномъ мученіи».

Этотъ романсъ, отличающійся задушевнымъ тономъ, безъ сомнѣнія скрываетъ позади себя нѣкоторыя нѣжныя отношенія, въ истинѣ которыхъ слишкомъ поздно удостовѣрился Сидъ. Народная фантазія изображаетъ его податливымъ на сдѣлку съ совѣстію, но Донья Уррака является во всемъ благородствѣ своего правдиваго характера, хотя съ свойственною ей откровенностію сама высказываетъ Сиду, что̀ иная, менѣе пылкая натура держала бы про себя. Не разъ въ рыцарскихъ разсказахъ встрѣчаются два любящія существа между собою, раздѣленныя враждебными станами; но кажется трудно найти болѣе трогательную встрѣчу, которой откровенность придаетъ необыкновенную задушевность. Сидъ былъ такъ тронутъ этою встрѣчею, что не могъ осаждать города, гдѣ нашелъ для себя столько любви и нѣжныхъ воспоминаній».

Посмотрите, какъ все это сглажено, какъ безцвѣтно и безжизненно въ переводѣ Жуковскаго съ варіанта, принятаго Гердеромъ.

Вдругъ всѣ улицы Заморы
Зашумѣли, взволновались;
Крикъ до за́мка достигаетъ,
И Урака, на ограду
Вышедъ, смотритъ.... тамъ могучій
Сидъ стоитъ передъ стѣной.
Онъ свои подъемлетъ очи,
Онъ Ураку зритъ на башнѣ,
Ту, которая надѣла
На него златыя шпоры.
И ему шепнула совѣсть:
«Стой, Родриго, ты вступаешь
«На безславную дорогу;
«Благородный Сидъ назадъ!»

И она ему на память
Привела тѣ дни, когда онъ
Государю Фердинанду
Обѣщался быть надежной
Дочерей его защитой,
Дни, когда они дѣлили
Ясной младости веселье
При дворѣ великолѣпномъ
Государя Фердинанда,
Дни прекрасныя Коимбры.
«Стой, Родриго, ты вступаешь
«На безславную дорогу;
«Благородный Сидъ, назадъ!»
Бодрый Сидъ остановился.
Онъ впервые Бабіеку
Обратилъ и въ размышленьи,
Прошептавъ: *назадъ!* поѣхалъ
Въ королевскій станъ обратно,
Чтобъ принесть отчетъ Донъ-Санху.

Прозаическая хроника [1]) тоже заставляетъ предполагать о дружескихъ отношеніяхъ Доньи Урраки къ Сиду. Сидъ былъ посредникомъ въ переговорахъ между Донъ Санчо и Доньей Урракой во время осады, и сверхъ того, какъ повѣствуетъ хроника, сначала неохотно бралъ на себя роль враждебнаго посла и отъ нея отказывался.

Намъ уже извѣстно изъ историческаго обозрѣнія, какъ Донъ Санчо предательски былъ убитъ однимъ жителемъ Заморы, по имени Беллидо Дольфосъ. Нѣсколько романсовъ посвящено этому предмету, и убійца Донъ Санчо въ народной поэзіи заклейменъ пятномъ гнуснаго предателя. Извѣстно также, что по смерти Донъ Санчо, Донъ Альфонсъ, дотолѣ скрывавшійся, былъ вызванъ въ Кастилью и сталъ единодержавнымъ королемъ.

Съ этого пункта начинается содержаніе разобранной нами поэмы XII вѣка. Въ параллель съ нею мы разсмотримъ и народ-

---

[1]) Гл. 55 и слѣд.

ные романсы; но сначала слѣдуетъ бросить взглядъ на стихотворную хронику и поискать, не найдется ли еще чего въ романсахъ сходнаго съ нею.

Надобно припомнить въ стихотворной хроникѣ явленіе Св. Лазаря Сиду въ видѣ прокаженнаго. Съ нѣкоторыми видоизмѣненіями тотъ же сюжетъ внесенъ и въ прозаическую хронику[1]), а оттуда уже въ народный романсъ[2]). Но въ стихотворной хроникѣ XII вѣка, этотъ эпизодъ скрашивается преданіемъ о сверхъестественной горячкѣ, чего нѣтъ уже ни въ позднѣйшей хроникѣ, ни въ романсахъ.

Стихотворная хроника оканчивается вымышленною борьбою Испаніи съ Франціею, разсказомъ, исполненнымъ сказочныхъ подробностей, очевидно сходныхъ съ французскими Chansons de Geste, но направленныхъ къ возвеличенію испанскаго оружія и особенно испанскаго національнаго героя. Тотъ же сюжетъ въ сокращенномъ видѣ и съ нѣкоторыми измѣненіями воспѣвается и въ романсѣ[3]). Съ этимъ романсомъ въ связи состоитъ другой[4]), тоже основанный на соревнованіи Испаніи съ Франціею, и то же передъ лицомъ римскаго папы, съ тою только разницею, что въ битвѣ съ Французами еще дѣйствуетъ король Фердинандъ, а въ этомъ послѣднемъ романсѣ является уже Донъ Санчо.

Однажды въ Римѣ Св. Отецъ (такъ въ романсахъ называется папа) собралъ соборъ, на который вмѣстѣ съ другими королями явился Донъ Санчо, а съ нимъ и Сидъ. Соборъ былъ собранъ въ храмѣ Св. Петра. Донъ Родриго, вошедши въ храмъ, увидѣлъ семь престоловъ для семи королей. Престолъ короля Французовъ рядомъ съ престоломъ Св. Отца, а престолъ Донъ Санчо ниже. Сиду стало это досадно, и онъ разбилъ на части престолъ Французскаго короля, а своего короля престолъ поставилъ на высшее мѣсто. Папа, разумѣется, пришелъ въ негодованіе, и Сидъ дол-

---

1) Глава 6.
2) Escob. 236.
3) Escob. 242.
4) Escob. 247.

женъ былъ просить прощеніе у Св. Отца. «Отпускаю тебѣ твой грѣхъ, Донъ Руи Діазъ — говорилъ папа: разрѣшаю тебя отъ всей души, только на моемъ совѣтѣ будь впередъ вѣжливъ и кротокъ».

Этотъ романсъ, возбуждавшій въ народѣ національную гордость въ отношеніи первенства Испаніи въ католическомъ мірѣ, не смотря на вымышленное содержаніе, отзывается поэтическою, и именно эпическою правдою. По смыслу наивныхъ эпическихъ сказаній, народный герой ниспровергаетъ престолы и переставливаетъ царства не дипломатическими хитростями, а силою своего кулака и своею геройскою удалью, и этотъ испанскій романсъ вполнѣ напоминаетъ намъ русскія былины о томъ, какъ Илья Муромецъ, не участвованный на пиру Князя Владиміра, погнулъ всѣ сваи желѣзныя, отдѣлявшія богатырей, и помѣшалъ всѣ мѣста *ученыя*, т. е., нарушилъ обычный церемоніалъ при дворѣ Князя Владиміра, какъ Сидъ перемѣшалъ на римскомъ Соборѣ престолы королевскіе и нарушилъ церемоніалъ священнаго совѣта самого папы.

Наконецъ изъ того же разряда романсовъ, въ которыхъ видна связь испанскаго эпоса съ французскими Chansons de Geste, надобно упомянуть о романсѣ, въ которомъ чудеснымъ образомъ является Апостолъ Sant-Jago Компостельскій. Извѣстно, что мѣстное преданіе сѣверо-восточной Испаніи объ этомъ Апостолѣ составляетъ главную идею знаменитой Лже-Турпиновой хроники, давшей начало столькимъ пѣснямъ и разсказамъ о Карлѣ Великомъ. Въ испанскомъ романсѣ С. Яго является, какъ христіанскій воитель, Caballero de Christo, помощникъ Христіанамъ въ борьбѣ противъ Мавровъ.

Теперь приступимъ къ романсамъ, соотвѣтствующимъ по содержанію древней поэмѣ. Предварительно замѣчу, что гдѣ поэма сходится съ прозаической хроникой, тамъ романсъ состоитъ въ ближайшей связи съ этимъ послѣднимъ источникомъ.

Согласно съ исторіей, романсы находятъ Донъ Альфонса въ Толедо, когда Беллидо Дольфосъ убилъ Донъ Санчо подъ стѣнами

Заморы. Будто бы инфанта Донья Уррака дала ему знать о случившейся катастрофѣ, вызывая его на престолъ Кастильи и Леона. Жители признали его своимъ королемъ[1]): «Оставался одинъ Родриго, не желая его признать, потому что онъ очень любилъ короля» (Донъ Санчо) и требовалъ, чтобъ Альфонсъ поклялся, что не принималъ участія въ смерти своего брата. «Всѣ цѣловали у короля руку, Сидъ не хотѣлъ цѣловать, а съ нимъ вмѣстѣ его Кастильскіе *родственники*»[2]). Сидъ согласится тогда только исполнить вассальскій обрядъ цѣлованія руки у Альфонса, когда этотъ король поклянется, что онъ чистъ отъ крови своего брата. Скрѣпя сердце, Альфонсъ поклялся, и Сидъ смирился, но съ тѣхъ поръ, по свидѣтельству романса, король постоянно питалъ къ нему нерасположеніе.

По другому варіанту[3]), Альфонсъ принялъ присягу, а Сидъ все же не поцѣловалъ его руки. При этомъ романсъ заставляетъ Сида повторить тоже, что сказалъ онъ нѣкогда королю Фердинанду: «поцѣловать руку у короля я не ставлю себѣ въ честь, а что цѣловалъ у него руку мой отецъ, то ставлю себѣ въ безчестіе». — «Ступай изъ моихъ земель, Сидъ, рыцарь невѣрный — говорилъ король: и ты не будешь въ нихъ отъ этого дня ровно годъ» — «Пріятно мнѣ — отвѣчалъ Сидъ: очень пріятно мнѣ, что первое повелѣніе твое, какъ ты сталъ королевствовать, обращено на меня: ты меня изгоняешь одного, а я удаляюсь въ четверомъ« (?). И отправился Сидъ, не поцѣловавъ у короля руки, съ тремя стами всадниковъ, съ могущественными дворянами, съ людьми молодыми; «между ними не было ни одного стараго, ни сѣдаго». «Друзья, говорилъ Сидъ своимъ воинамъ: если угодно будетъ Богу, чтобъ мы воротились въ Кастилью, обѣщаю вамъ, что воротимся всѣ съ богатствами и почестями»[4]).

Тонъ романсовъ въ описаніи того, какъ Сидъ оставлялъ ро-

---

1) Escobar., стр. 73.

2) Вѣроятно, такъ названы здѣсь его вассалы.

3) Escob., стр. 82—3.

4) Escob., стр. 84.

дину, гораздо правдивѣе, нежели въ поэмѣ XII. Тамъ онъ горюетъ и плачетъ, какъ малодушный; будто бы ему нестерпимо грустна немилость короля. Въ романсахъ онъ переноситъ эту бѣду, согласно съ своимъ характеромъ, воздержно и хладнокровно. Но романсъ[1] о томъ, какъ онъ оставилъ въ монастырѣ San Pedro de Cardeña свое семейство, отзывается позднѣйшею сентиментальностью и вѣжливымъ взглядомъ вассала на свои отношенія къ королю. Молился Сидъ у Святаго Петра въ Карденьѣ: «Потому что христіанскій рыцарь долженъ вооружить свою грудь оружіемъ Церкви, если хочетъ побѣдить въ битвахъ». Сидъ снисходительно прощаетъ короля въ неправдѣ, которую тотъ ему сдѣлалъ, обвиняя завистниковъ и клеветниковъ и обѣщаетъ посылать ему добычу, которую онъ добудетъ отъ враговъ: «потому что — говоритъ онъ пословицею: месть вассала противъ своего короля подобна измѣнѣ, и выстрадать свою неправду — есть знакъ хорошей крови». Давъ такую клятву, Сидъ обнялъ Донью Химену и обѣихъ своихъ дочерей, и оставилъ ихъ безмолвными въ слезахъ.

Для продовольствія своей дружины, Сидъ, и по романсамъ также занимаетъ у жидовъ деньги (2,000 флориновъ) подъ залогъ двухъ сундуковъ, наполненныхъ пескомъ[2]). При этомъ случаѣ, позднѣйшій романсъ не можетъ умолчать, чтобъ не извинить героя слѣдующими словами: «О безчестная нужда! Сколько честныхъ людей вынуждаешь ты дѣлать дурныя дѣла, только бы спастись отъ тебя». Впослѣдствіи, посылая королю Альфонсу дары, Сидъ, по романсамъ, не забылъ о жидахъ, какъ онъ забывалъ въ поэмѣ XII вѣка, и возвращаетъ имъ деньги, присовокупляя, чтобъ они его, Сида, простили, что онъ, скрѣпя сердце, это сдѣлалъ, будучи вынужденъ великою необходимостью, и что, «хотя они нашли въ обоихъ сундукахъ песокъ, но что въ томъ пескѣ было золото его правды».

---

[1]) Escobar., стр. 92.
[2]) Escobar., стр. 111.

Эти вѣжливыя отношенія ведутъ свое начало отъ прозаической хроники, на основаніи которой романсы разсказываютъ этотъ эпизодъ, украшая его разными сентенціями болѣе развитой эпохи.

Не смотря на вассальскую преданность и уваженіе Сида къ королю, какъ мы замѣтили это въ поэмѣ XII вѣка, все же, въ отношеніи перваго къ послѣднему, кое-гдѣ нельзя не видѣть нѣкоторой ироніи, которая, можетъ быть, противъ воли автора поэмы, проникнутаго придворнымъ духомъ, могла остаться, какъ явный слѣдъ народныхъ романсовъ, послужившихъ основою для поэмы.

Какъ бы то ни было, только и въ романсахъ[1]) мы замѣчаемъ ту же самую смѣсь вассальской вѣжливости и покорности съ явною ироніею, и притомъ, иронія выступаетъ въ романсахъ въ большей ясности и силѣ, нежели въ поэмѣ.

Такъ, послѣ одной побѣды, посылая королю Альфонсу дары, Сидъ говоритъ посланному: «Скажи, другъ мой, королю Альфонсу, да пріиметъ его величество отъ изгнаннаго дворянина его покорность и приношеніе: и пусть этотъ малый даръ будетъ для него знакомъ, что онъ купленъ у Мавровъ цѣною хорошей крови; и что въ эти два года своимъ мечомъ я добылъ больше земель, нежели оставилъ ему въ наслѣдство король Фернандо (да будетъ славно имя его)... И да не вмѣнитъ онъ мнѣ въ гордость, *что я данью чужихъ королей плачу долгъ королю своему: какъ господинъ, онъ отнялъ у меня имѣніе, и потому я, какъ бѣднякъ, плачу ему чужимъ добромъ*».

Это драгоцѣнное мѣсто такъ нравилось и пѣвцамъ, и публикѣ, что не разъ повторяется въ романсахъ[2]). Оно напоминаетъ простодушную народную иронію нашихъ пѣсенъ, въ которыхъ иногда также является намѣренное *униженіе паче гордости* и намекъ себѣ на умѣ, которые тѣмъ обиднѣе, что, кажется, будто не направлены прямо къ цѣли.

---

[1]) Escobar., стр. 113.
[2]) Escobar., стр. 117.

Мы уже знаемъ изъ стихотворной хроники, что король, желая поддѣлаться къ своимъ вассаламъ, величалъ ихъ своею родней; такъ и въ романсѣ[1]), Донъ Альфонсъ, въ отвѣтъ на подданническое приношеніе Сида, говоритъ, что онъ принимаетъ отъ Сида подарки не какъ дань вассала[2]), но какъ отъ *родственника* подарокъ.

Припомнимъ въ поэмѣ, какъ Сидъ, будучи осажденъ Маврами въ Валенсіи, повелъ свою жену и дочерей на высокую башню Алькazаръ и оттуда показывалъ имъ враговъ. То же самое встрѣчается и въ романсѣ[3]), даже на той же самой башнѣ Альказаръ происходитъ сцена: «Донья Химена и ея дочери были въ великомъ страхѣ, потому что никогда не видали столько народу на бранномъ полѣ. И ободрялъ ихъ Сидъ, говоря слова: «Не бойся, Донья Химена, и вы дочери — такъ я люблю васъ: пока я живъ, будьте во всемъ спокойны; всѣ эти Мавры, что̀ вы видите, будутъ побѣждены, и добыча отъ нихъ пойдетъ вамъ, мои дочери, на приданое, потому, чѣмъ больше будетъ Мавровъ, тѣмъ больше будетъ намъ и добыча».

При другомъ случаѣ[4]), тоже въ Валенсіи, выступая въ бой съ Маврами, Сидъ трогательно прощается съ своею женою, завѣщая ей, если онъ падетъ въ битвѣ, похоронить въ С. Педро де Карденья. Онъ боится, чтобъ сѣтованіе по немъ не обрадовало Мавровъ, и совѣтуетъ не оплакивать его; онъ боится, чтобъ его любимый мечъ не попалъ въ недостойныя руки. Но особенно трогательно говоритъ о своемъ конѣ: «А если угодно будетъ Богу, что мой конь Бабіека останется безъ своего господина, и постучится у вашихъ воротъ, впусти его и приласкай, и дай ему корму полную порцію; потому что кто служитъ хорошему господину, того ждетъ хорошая награда». На прощаньи Химена благословила своего супруга, и онъ отправился въ бой.

---

[1]) Escobar., стр. 130.
[2]) No en feudo vueso.
[3]) Escobar., стр. 121.
[4]) Escobar., стр. 140.

Въ поэмѣ XII вѣка мы уже видѣли, какъ унизительно грамотный поэтъ той эпохи трактовалъ примиреніе Сида съ королемъ, какъ Сидъ падалъ ницъ и готовъ былъ цѣловать у короля ноги, такъ что самому королю стало совѣстно и стыдно. Народъ не могъ допустить такого униженія въ своемъ любимомъ героѣ, да и вообще оно было не въ характерѣ Сида и сверхъ того не могло быть вызвано обстоятельствами. Это чрезмѣрное униженіе, безъ сомнѣнія, обязано своимъ происхожденіемъ излишней услужливости искусственнаго направленія, которое уже очевидно въ поэмѣ XII вѣка.

Совсѣмъ не такъ примиряется Сидъ съ королемъ въ романсахъ[1]). Онъ готовъ у короля поцѣловать руку, только на тѣхъ условіяхъ, если онъ дастъ вассаламъ, городамъ и всему народу льготы. Именно только въ такомъ смыслѣ народъ могъ допустить сближеніе съ королевскою властію своего героя, представителя своихъ интересовъ: только во имя общей пользы всего народа, ради освобожденія угнетенныхъ, ради всеобщихъ льготъ, могъ народный герой простить королю его обиды.

Какъ въ самомъ началѣ Сидъ не хотѣлъ признать Альфонса королемъ, пока онъ не поклянется, что чистъ отъ крови своего брата, такъ и теперь вновь требуетъ отъ него условій, на которыхъ соглашается цѣловать его руку, то-есть, ему покориться и признать надъ собою его королевскую власть. Вотъ эти условія: дать дворянамъ сроку тридцать дней, чтобъ оставить земли, если они совершатъ какое-либо преступленіе (вѣроятно, политическое) и никогда не изгонять ихъ изъ отечества, не услышавъ сначала ихъ оправданія; не разгонять судовъ (los fueros, или не нарушать правъ), которые учреждены будутъ вассалами; не налагать большихъ налоговъ противъ того, сколько слѣдуетъ: и если король того не исполнитъ, то вассалы должны отъ него требовать. Все это обѣщалъ король и ни въ чемъ не перечилъ Сиду»[2]).

---

1) Escobar., стр. 128.
2) Escobar., стр. 128.

Дѣло о выданьѣ за мужъ дочерей Сида, составляющее, какъ мы видѣли, главный предметъ второй части поэмы XII вѣка, въ романсахъ составляетъ только эпизодъ, нисколько не заслоняющій собою другихъ эпизодовъ. Вообще въ романсахъ Сидъ менѣе дорожитъ знатнымъ родствомъ, больше уважаетъ себя и сознаетъ свое высокое достоинство, какъ и подобаетъ народному герою.

Какъ князь Владиміръ, въ нашихъ былинахъ, по дѣламъ женскимъ, совѣтуется съ своею княгинею Апраксѣевной, напримѣръ о выданьѣ за мужъ своей племянницы Запавы Путятишны, такъ и Сидъ, получивъ отъ короля предложеніе о сватовствѣ графовъ карріонскихъ къ его дочерямъ, тотчасъ же сообщилъ Хименѣ; «потому что — съ важностью присовокупляетъ романсъ: въ такомъ дѣлѣ женщины больше знаютъ»[1]. И что особенно служитъ къ чести Доньи Химены, эта партія ей очень не понравилась, хотя и надобно было согласиться на предложеніе самого короля.

Не буду останавливаться на томъ, какъ зятья Сида не оправдали его надежды, какъ вели себя они трусливо и при извѣстномъ случаѣ со львомъ, и въ битвѣ съ Маврами около Валенсіи. Въ этомъ романсы сходны и съ поэмою, и съ прозаическою хроникою. Но эпизодъ въ дубровѣ Корпесъ, гдѣ безчестно выместили свою обиду графы корріонскіе надъ беззащитными своими женами, — въ романсахъ трактуется слабѣе, чѣмъ въ поэмѣ, которая въ этомъ случаѣ, вѣроятно, слѣдовала старинной пѣснѣ, во всей свѣжести передававшей жестокія сцены суровой эпохи, еще столь близкой къ крайнему варварству.

Если позднѣйшіе романсы не могли уже войти во вкусъ суровыхъ сценъ ранняго варварства, то, съ другой стороны, они отлично дополняютъ эпизодъ объ обидѣ, нанесенной Сиду, въ лицѣ его дочерей, тѣмъ живѣйшимъ, дѣятельнымъ участіемъ, какое въ этомъ дѣлѣ принимаетъ Химена. Какъ любящая мать, она неутѣшно плачетъ о бѣдствіи своихъ дочерей, и, какъ оскорб-

---

[1]) Escobar., стр. 132.

ленная въ своемъ достоинствѣ женщина, она внушаетъ своему мужу месть противъ злодѣевъ [1]).

Память о судѣ, произведенномъ надъ графами карріонскими, до позднѣйшаго времени сохранилась въ одномъ древнемъ романсѣ [2]), едва ли не отъ XII вѣка. Какъ въ поэмѣ XII вѣка говорится, что этотъ судъ (cortes) въ Толедо былъ третій, созванный Альфонсомъ въ его царствованіе, такъ и въ этомъ романсѣ воспѣвается: «Три суда созвалъ, или вооружилъ король [3]), всѣ въ одинъ годъ, одинъ судъ въ Бургосѣ, другой въ Леонѣ, третій въ Толедо».

Порядокъ и ходъ суда по романсамъ тотъ же, что и въ поэмѣ. Сидъ также сначала возвращаетъ отъ своихъ зятьевъ свои мечи, потомъ отбираетъ приданое и наконецъ дѣло рѣшается поединкомъ. Инфанты карріонскіе также приводятъ себѣ въ оправданіе, что они ставили своей чести униженіемъ жениться на дочеряхъ Сида. Къ обвиненію инфантовъ въ жестокости и несправедливости романсы [4]) присовокупляютъ позднѣйшій рыцарскій мотивъ: «налагать руку на женщинъ — не рыцарское дѣло». При разборѣ поэмы было уже замѣчено, что романсы не приписываютъ такой важности, какъ поэма, блистательной партіи, которую сдѣлали себѣ дочери Сида вторичнымъ бракомъ съ инфантами королей Наваррскаго и Арагонскаго. Объ этомъ въ романсахъ намекается вскользь [5]).

Кончина Сида, о которой въ поэмѣ упомянуто въ немногихъ словахъ, воспѣвается въ цѣломъ рядѣ романсовъ, и притомъ съ значительною примѣсью чудеснаго. Эти романсы состоятъ въ согласіи съ прозаическою хроникою, и частію, безъ сомнѣнія, изъ нея заимствованы, частію, вѣроятно, изъ общихъ съ нею источниковъ [6]).

---

1) Escobar., стр. 154 и 166.
2) Escobar., стр. 172.
3) Tres cortes armara el Rey.
4) Escobar., стр. 191.
5) Escobar., стр. 194.
6) Гл. 279, 281, 283, 284, 288, 291, 292.

За тридцать дней до смерти Сида[1]) явился ему въ несказанномъ свѣтѣ самъ Апостолъ Петръ, *Князь Апостоловъ*, и увѣдомилъ его о приближающейся смерти, а также предсказалъ, что онъ и мертвый побѣдитъ Мавровъ, при помощи Апостола Санъ-Яго, и по смерти будетъ причисленъ къ лику праведниковъ. «Господь Богъ изъ любви ко мнѣ — присовокупилъ Апостолъ Петръ: такъ соизволилъ за то, что ты почтилъ мой домъ, называемый *де Карденья*». Въ этомъ монастырѣ были положены, какъ увидимъ, и смертные останки великаго героя.

Съ святынями этого монастыря, одного изъ древнѣйшихъ въ Испаніи, связаны были, вѣроятно, фамильныя преданія Сида, что̀ видно уже и по тому, что этотъ монастырь отстоялъ на полторы мили отъ Бургоса, гдѣ издавна процвѣтала фамилія Сида, его дѣды и прадѣды. Въ этомъ монастырѣ Сидъ оставлялъ свое семейство во время своего изгнанія, туда онъ посылалъ богатые дары. Этотъ же монастырь впослѣдствіи былъ источникомъ, откуда распространились въ романсахъ чудеса, производимыя отъ останковъ Сида. Можетъ быть, въ этомъ-же монастырѣ составлена была и прозаическая хроника о національномъ героѣ.

Когда Сидъ умиралъ въ Валенсіи, этотъ городъ былъ осажденъ Маврскимъ королемъ Букаромъ. Чтобъ не ободрить враговъ, надобно было скрыть смерть великаго героя. Потому, по завѣщанію самого Сида, когда онъ умеръ, его тѣло бальзамировали и, вооруживъ съ ногъ до головы, какъ живаго, посадили на коня Бабіеку, крѣпко привязавъ его къ сѣдлу.

На утро, мертвый Сидъ на конѣ, будто живой, выѣхалъ изъ воротъ Валенсіи, окруженный своими родными и свитою, впереди храброй арміи, которая, имѣя передъ собою великаго героя, разбила на голову войско Мавританское.

Привезши тѣло Сида въ монастырь Святаго Петра де Карденья, его̀ не похоронили, а посадили, будто живаго, по правую сторону главнаго алтаря въ церкви; что же касается до коня

---

[1]) Escobar., стр. 285.

Сидова, Бабіеки, то, по завѣщанію героя, его холили и кормили, а когда онъ околѣлъ, то кости его погребли во вратахъ того же монастыря де Карденья. Въ томъ же монастырѣ была погребена впослѣдствіи и Донья Химена.

Въ такомъ сидячемъ положеніи тѣло Сида будто бы находилось болѣе десяти лѣтъ, и каждый годъ въ память героя справлялась торжественно годовщина. Изъ чудесъ отъ останковъ Сида и хроника и романсы особенно заинтересованы были слѣдующимъ, которое приведу собственными словами романса[1]).

«Въ Санъ Петро де Карденья находился набальзамированный Сидъ, непобѣдимый побѣдитель Мавровъ и Христіянъ. По приказанію короля Альфонса онъ былъ посаженъ на скамью; его благородная и могущественная особа была украшена нарядомъ; величавое лицо было открыто, съ длинною бѣлою бородою, какъ человѣка достопочтеннаго; при немъ былъ добрый мечъ Тизонъ. Не казался Сидъ мертвымъ, былъ точно живой. Уже въ теченіе семи лѣтъ былъ онъ въ такомъ видѣ, и ежегодно справлялись въ его память празднества. Увидать его останки стекалось много народу. Во время празднества тѣло его оставалось одно, никто не охранялъ его. Случилось, что пришелъ одинъ жидъ и такъ разсуждалъ про себя: «Вотъ тѣло Сида, такого пресловутаго героя, и разсказываютъ, что никто при жизни его не смѣлъ прикоснуться къ его бородѣ. А вотъ теперь я возьму его за бороду и посмотрю, какъ онъ меня испугаетъ». И жидъ протянулъ было уже руку, чтобъ исполнить свое намѣреніе, какъ вдругъ мертвый Сидъ хватается за рукоять своего меча и сталъ обнажать его изъ ноженъ. Жидъ, видя это, такъ испугался, что палъ на землю еле живой». Это чудо такъ поразило жида, что онъ потомъ, принявши христіянскую вѣру, постригся въ монахи и окончилъ свои дни въ томъ же монастырѣ Санъ Петро де Карденья.

Таково содержаніе народнаго испанскаго эпоса о Сидѣ.

Къ народной основѣ уже рано присоединены были элементы

---

1) Escobar., стр. 295.

цивилизованной литературы, давшей сказаніямъ новое политическое направленіе; но, не смотря на временныя направленія, романсы до позднѣйшей эпохи въ значительной чистотѣ сохранили типъ великаго героя. Не миѳическія преданія, а чистая исторія дала содержаніе испанскому эпосу, и въ этомъ отношеніи эпосъ о Сидѣ есть самый блистательный образецъ историческаго рода эпической поэзіи.

Чудесное является въ самой незначительной примѣси, и только впослѣдствіи изъ монастыря Санъ Петро де Карденья усердные монахи успѣли пустить въ народѣ нѣсколько сказокъ легендарнаго содержанія.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о внѣшней формѣ романсовъ, то-есть, объ ихъ эпическомъ стилѣ въ связи съ бытомъ народнымъ и исторіей культуры.

Такъ какъ романсы о Сидѣ относятся по своему происхожденію къ разнымъ эпохамъ, отъ XII до XVI вѣка, то въ нихъ встрѣчается, какъ по воззрѣніямъ и понятіямъ, такъ и по внѣшнему выраженію, смѣсь новизны съ стариною. Иные романсы сначала до конца удержали характеръ древній, другіе — не иное что, какъ вполнѣ искусственныя стихотворенія, въ родѣ тѣхъ, какія могъ бы написать и въ наше время кабинетный поэтъ. Тѣмъ не менѣе и тѣ, и другіе романсы расходились въ устахъ народа, и искусственность романсовъ позднѣйшихъ болѣе и болѣе сглаживалась, чѣмъ больше эти романсы распространялись въ простонародьѣ.

Въ романсахъ древнѣйшихъ и чисто народныхъ или же въ отдѣльныхъ отрывкахъ, впослѣдствіи вставленныхъ въ новую общую раму — мы встрѣчаемъ эпическія формы, соотвѣтственныя раннему быту. Напримѣръ, припомнимъ въ поэмѣ XII вѣка суровую подробность въ описаніи битвы, какъ кровь льется съ руки Сида и окровавляетъ его одѣяніе; такъ и въ романсѣ, когда Сидъ поражаетъ враговъ: «его руки по локоть въ крови»[1]). По-

---

[1]) Escobar., стр. 107, 124.

тому, вмѣсто того, чтобъ сказать — едва Сидъ успѣлъ вздохнуть отъ своихъ воинскихъ подвиговъ, говорится: «едва повысохли на рукахъ его пятна мавританской крови»[1]). Вмѣсто живемъ плохо, въ бездѣльѣ: «ѣдимъ хлѣбъ, плохо заработанный»[2]).

Борода, игравшая такую важную роль въ понятіяхъ и нравахъ XII вѣка, какъ мы видѣли въ поэмѣ о Сидѣ, и такъ часто упоминаемая въ эпическихъ выраженіяхъ, въ романсахъ вообще уже потеряла свое значеніе. Кромѣ упомянутаго чуда съ жидомъ при останкахъ Сида, только кое-гдѣ случайно сохранились древнія выраженія, напримѣръ клятва бородою[3]). Въ другомъ мѣстѣ, требуя отъ инфантовъ карріонскихъ удовлетворенія въ обидѣ, нанесенной его дочерямъ, Сидъ, окончивъ грозную вызывающую рѣчь, встаетъ со скамьи и берется рукою за свою бороду[4]).

Кромѣ Святаго Михаила (то-есть, Архангела), мы видѣли въ хроникѣ, что особенною почестью пользовался въ Испанскомъ народѣ Святой Лазарь, сообщившій Сиду сверхъестественное могущество въ какой-то неземной горячкѣ. Сверхъ того Святой Петръ былъ покровителемъ фамиліи Сида, его отца и дѣда. Поэтому позволительно видѣть слѣдъ глубокой старины въ томъ романсѣ, гдѣ при описаніи нарядовъ Доньи Химены, между прочимъ упоминается, что на шеѣ у ней были повѣшены двѣ медали (панагіи) съ изображеніемъ Святаго Лазаря и Святаго Петра[5]).

Впрочемъ, нѣкоторыя черты ранняго быта въ романсахъ совсѣмъ стерлись. Въ поэмѣ XII вѣка еще отличаются двѣ степени въ положеніи замужней женщины, выражаемыя словами *barragana* и *muger;* и, желая унизить званіе дочерей Сида, карріонскіе графы зовутъ ихъ не *mugeres*, а *barraganas;* что касается до романсовъ, то это отличіе уже въ памяти народа изгладилось, и инфанты зовутъ своихъ женъ — *mugeres*[6]).

---

[1]) Escobar., стр. 112.
[2]) Escobar., стр. 97.
[3]) Por la barba. Escobar., стр. 65.
[4]) Escobar., стр. 186.
[5]) Escobar., стр. 33.
[6]) Escobar., стр. 189.

По свидѣтельству древнихъ источниковъ народнаго эпоса о Сидѣ, испанская народность еще слагается изъ Мавровъ и Христіянъ, и чтобъ сказать вся Испанія — употребляется выраженіе: *и Христіяне и Мавры.* Самъ Сидъ является еще не воителемъ христіянскимъ въ борьбѣ съ невѣрными, и потому находится въ дружбѣ съ Мавританскими королями. Въ романсахъ Сидъ совершаетъ подвиги уже ради Христіанской религіи: «por la fe christiana»[1]), и такъ прославляется: «о забрало христіянъ, небесный лучъ на землѣ, бичъ Мавровъ и защита Божіей вѣры».

Въ древнихъ источникахъ Испанскаго эпоса встрѣчаются еще самыя незначительныя черты зачинающагося рыцарства. Позднѣйшіе романсы уже внушаютъ рыцарское поклоненіе дамамъ, утверждая, «что налагать руку на женщину — не рыцарское дѣло»; они даже знаютъ *Законъ рыцарства* [la ley de Caballeria][2]).

Наконецъ намеки на античную классическую миѳологію внесены въ романсы, безъ всякаго сомнѣнія, не изъ преданій народныхъ, а изъ ученаго запаса поэтовъ-художниковъ. Напримѣръ, отецъ Сида, смотря на отрубленную голову своего врага, графа Лозанскаго, вспоминаетъ о головѣ *Медузы.* Рѣчи клеветниковъ, поносившихъ Сида передъ королемъ Альфонсомъ, названы *пѣснями Сирены.* О судѣ надъ инфантами карріонскими Сидъ выражается, какъ сказалъ-бы витіеватый поэтъ эпохи возрожденія: «на *театрѣ* моего безчестія разыгрывается *трагедія*, въ которой актерами мои зятья». Въ одномъ позднѣйшемъ романсѣ солнце названо *Аполлономъ*, а вѣтерокъ — *Зефиромъ*[3]).

Надобно имѣть въ виду позднѣйшее происхожденіе этихъ наносныхъ воспоминаній античнаго міра для того, чтобы, встрѣтивъ подобное выраженіе въ какомъ-нибудь историческомъ романсѣ испанскомъ, не придти къ убѣжденію, что или Испанская народность рано подверглась искусственности и порчѣ, или что самый

---

[1]) Escobar., стр. 187, 223.

[2]) Escobar., стр. 191, 60.

[3]) Escobar., 9, 93, 171, 279.

испанскій эпосъ обязанъ своимъ происхожденіемъ уже искусственному періоду развитію литературы. Напротивъ того, эту мутную струю искусственности очень легко отдѣлить отъ чистаго теченія народнаго эпоса.

Чисто эпическій древній тонъ романсамъ придаютъ *пословицы*, которыя тамъ и сямъ въ разсказѣ событій помѣщаются, какъ непреложныя истины, или изрѣченія здраваго смысла народнаго. Иногда въ романсѣ прямо упоминается, что такъ говоритъ пословица (proverbio, refran). Напримѣръ: «здѣсь исполнилась пословица, всѣмъ извѣстная: кто станетъ подъ хорошее дерево, будетъ въ хорошей тѣни». Понося инфантовъ карріонскихъ за ихъ трусость, Сидъ говоритъ: «хорошо говоритъ пословица, что бываютъ рьяные воины не одними руками, но и ногами: и вы именно изъ такихъ»[1]).

Чтобы дать понятіе объ образѣ мыслей, которыя проводятся черезъ разсказъ въ романсахъ — въ установленной формѣ пословицъ, по изданію Эскобара, привожу нѣсколько примѣровъ. Предварительно замѣчу, что пословица связывается съ повѣствованіемъ о событіи обыкновенно союзомъ *que* (потому что).

«Гдѣ живетъ любовь, тамъ забываютъ печали и заботы» стр. 21.

«Во время печали много значитъ совѣтъ», стр. 48.

«Добрый вассалъ обязанъ доброму королю имуществомъ, жизнію и славою», стр. 68.

«Кто великъ своими дѣлами, тотъ великъ во всемъ», стр. 135.

«Запятнанная честь омывается только кровью», стр. 186.

«На благородное сердце оскорбленіе дѣйствуетъ сильнѣе времени», на стр. 220, сказано по случаю болѣзни, приведшей Сида на смертный одръ.

«Кто плохо идетъ, плохо оканчиваетъ», стр. 278.

Въ раннюю эпоху развитія народной словесности, эпическій языкъ обрабатывается въ постоянной связи съ составленіемъ

---

1) Escobar., 108, 183.

пословицъ, и если, съ одной стороны, пословица, какъ разумное изреченіе, скрѣпляетъ общею мыслію какой-нибудь разсказъ, и, такимъ образомъ, вносится въ эпическую рапсодію, то, съ другой стороны, и изъ самого разсказа иногда выводится, какъ его результатъ, общая мысль, которая потомъ ходитъ въ народѣ, какъ пословица. Потому, связь Испанскихъ романсовъ съ пословицею указываетъ на эпическую свѣжесть ихъ стиля.

Отличительнымъ признакомъ безъискусственной поэзіи, слагающейся въ устахъ народа, какъ минутная импровизація, обыкновенно бываетъ повтореніе одного и того же слова или цѣлаго выраженія — въ концѣ одного стиха и въ началѣ другаго, за нимъ слѣдующаго. Напримѣръ, въ русской Былинѣ у Кирши Данилова:

Выбѣгали, выгребали *тридцать кораблей.*
Тридцать кораблей — единъ корабль. Стр. 1.
А и конь подъ нимъ (подъ Дюкомъ), какъ бы *лютой звѣрь,*
Лютой звѣрь — конь — и буръ, косматъ. Стр. 22.

Это свойство народной поэзіи объясняется тѣмъ, что пѣвецъ, повторяя цѣлое выраженіе, въ то время надумывается, что̀ сказать дальше. Во всей первобытности этотъ способъ народнаго творчества доселѣ сохранился въ обычаѣ Финскихъ пѣвцовъ. Воспѣваютъ руны изъ Калевалы обыкновенно двое, а не одинъ человѣкъ, то-есть, какъ бы мастеръ и его помощникъ. Оба сидятъ другъ противъ друга, сцѣпившись рука съ рукою и покачиваясь. Начинаетъ пѣть мастеръ. Когда онъ пропоетъ одинъ стихъ, подхватываетъ голосомъ и его товарищъ, и тогда оба они пропоютъ еще разъ тотъ же стихъ, только вмѣстѣ: въ это время, повторяя стихъ, мастеръ какъ бы надумывается для слѣдующаго стиха, и его поетъ опять одинъ, потомъ подхватываетъ его товарищъ, и они опять повторяютъ вмѣстѣ этотъ второй стихъ и т. д. Въ этомъ оригинальномъ способѣ пѣнья пѣсенъ Финнами надобно видѣть драгоцѣнный остатокъ первобытнаго эпическаго творчества изъ той эпохи, когда впервые слагались рапсодіи народнаго эпоса.

Этимъ же самымъ объясняется и повтореніе словъ въ концѣ одного стиха и въ началѣ слѣдующаго. Само собой разумѣется, что стихотворный размѣръ и пѣніе воспользовались этимъ мотивомъ для своей цѣли, облегчая тѣмъ кадансъ стиха и давая извѣстный тонъ самой музыкѣ.

Испанскіе романсы предлагаютъ намъ множество примѣровъ точно такого же способа составленія стиховъ, давая тѣмъ разумѣть о своемъ народномъ безъискусственномъ происхожденіи непосредственно изъ устъ пѣвцовъ [1]). Напримѣръ:

Entrado ha el Cid *en Zamora*,
En Zamora aquesa villa. Стр. 47.
Que allà ha solido *Bellido*,
Bellido un traidor malvado. Стр. 56.
Mal ferido le ha *en el hombro*,
En el hombro, y en el brazo. Стр. 72.

Иногда къ повторяемому слову во второмъ стихѣ прилагается эпитетъ (какъ и у насъ):

Ruegovos por Dios *el Conde*,
El buen Conde Arias Gonsalo. Стр. 68.

Иногда повторяется и не послѣднее слово, съ присовокупленіемъ къ нему эпитета:

Pedro Arias habia por nombre,
Pedro Arias el Castellano. Стр. 69.

Еще совершенно такой же складъ:

Martin Pelaez ha por nombre,
Martin Pelaez, Asturiano. Стр. 102.

Или же къ повторяемому слову присовокупляется синонимъ:

Firiendo van en los Moros,
Firiendo van y matando. Стр. 124.

---

[1]) Такой складъ стиховъ встрѣчается и въ пѣсняхъ Древней Эдды.

Какъ импровизаторъ вообще, ораторъ или профессоръ на каѳедрѣ, говоря безъ приготовленія, чтобъ не дѣлать паузъ или не мямлить, иногда прибѣгаетъ къ повторенію одной и той же мысли, только въ разныхъ словахъ, такъ и народный пѣвецъ прибѣгаетъ къ такому же наивному средству, повторяя себя синонимами. Такой способъ выраженія называется тавтологическимъ или тавтологіею (тождесловіемъ). Напримѣръ:

Decilles à los cuitados,
Y alos cuitadas contad. Стр. 109.

Заключая о народномъ испанскомъ эпосѣ, надобно сказать нѣсколько словъ о чуждыхъ вліяніяхъ, которымъ испанская народность могла подвергаться въ ранній періодъ ея эпической дѣятельности, то-есть, въ XI и XII вѣкахъ. Обыкновенно, говоря объ Испаніи, входятъ въ подробности арабскаго вліянія. Оно, дѣйствительно, становится замѣтно съ XIII вѣка и потомъ усиливается до того, что, какъ уже замѣчено выше, въ испанскомъ Romancero general образовался цѣлый разрядъ романсовъ Мавританскихъ. Точно также и въ языкѣ Испанскомъ, даже въ его современномъ видѣ, осталось довольно замѣтное количество словъ арабскихъ, но они вошли уже позднѣе. Что же касается до Кастильской поэзіи XII вѣка, и именно до поэмы и хроники о Сидѣ, то въ нихъ почти незамѣтно вліяніе Арабской національности вообще и тѣмъ менѣе Арабской поэзіи. Отдѣльныя арабскія слова, и то въ самомъ незначительномъ количествѣ, иногда встрѣчаются, какъ, напримѣръ, *barragana*.

Въ прежнее время ученые такъ много приписывали вліянію Арабскому, что имъ объясняли даже процвѣтаніе Провансальской литературы, развитіе въ ней лирики, и, что всего важнѣе, отъ Арабовъ вели распространеніе въ Европейской поэзіи *риѳмы* чрезъ Провансъ.

Но такъ какъ самая Испанская поэзія, болѣе прочихъ подверженная по самой мѣстности вліянію Арабскому, оставалась

ему чужда въ XI и XII вѣкахъ, то тѣмъ менѣе можно предположить это вліяніе въ Провансѣ. Въ хроникѣ и поэмѣ XII вѣка есть уже наклонность къ риѳмѣ, но она не есть необходимость стиха, какъ и въ древнихъ романсахъ о Сидѣ. Напротивъ того, въ поэзіи Провансальской той же эпохи находимъ уже совершенно звучную, рѣшительно опредѣлившуюся риѳму.

Что касается до вліянія Французскаго, то оно несравненно значительнѣе было Арабскаго въ эту эпоху.

Уже раннія эпическія преданія французскія отъ временъ Пепина и Карла Великаго указываютъ на тѣсную связь Франціи съ Испаніей съ VIII вѣка. Послѣ того, какъ Пепинъ (въ 735 году) изгналъ Арабовъ изъ Франціи, девять бароновъ изъ Гвіены, съ 25 тысячами народу, поселились въ Испаніи. При Карлѣ Великомъ Французы утвердились въ Каталоніи, и съ тѣхъ поръ образовалась Франко-Испанская марка, пограничная страна, служившая посредницею обоюдныхъ вліяній между Испаніей и Франціею. При Людовикѣ Благочестивомъ (въ 820 году) Франки заселили многіе города Каталоніи. Карлъ Лысый (въ 844 году) далъ жителямъ Барселоны привилегіи, которыми пользовались Французы, и вообще въ Каталоніи такъ сильно было вліяніе французское, что къ концу IX вѣка вошелъ обычай между Каталонцами вести лѣтосчисленіе по королямъ Французскимъ.

Въ началѣ XI вѣка, король Наваррскій въ борьбѣ съ Альмансуромъ призвалъ на помощь Французовъ, и высшее дворянство и простонародье.

Въ связи съ этимъ внѣшнимъ вліяніемъ Франціи, шло другое вліяніе, глубже проникавшее нравственныя основы жизни. При королѣ Санчо Великомъ (въ 1025 году) монастыри Испанскіе преобразовались по образцу знаменитаго французскаго монастыря Клюни, которому потомъ Фердинандъ Великій подчинилъ всѣ монастыри Испаніи.

Въ эпоху Сида, при Альфонсѣ VI, французское вліяніе съ новой силою отразилось на Испаніи. Альфонсъ былъ женатъ на Констансѣ, дочери Роберта, герцога Бургонскаго. Самый важ-

ный подвигъ, совершенный Альфонсомъ, было возвращеніе отъ Мавровъ Толедо, древней столицы Испаніи. Въ этомъ великомъ дѣлѣ Альфонсу помогали два принца Бургонскіе, Ремондезъ и Генрихъ Безансонскій. Признательный за ихъ помощь въ войнѣ съ Маврами, Альфонсъ выдалъ за нихъ своихъ дочерей. Первый былъ родоначальникомъ домовъ Кастильскаго и Арагонскаго, а второй — Португальскаго. Въ отнятіи отъ Арабовъ Толедо участвовало такое множество Французовъ, что потомъ цѣлые кварталы во многихъ городахъ Испанскихъ заселились Французами, о чемъ память и доселѣ сохранилась почти во всѣхъ болѣе важныхъ городахъ Испаніи, въ которыхъ встрѣчаются названія улицы или квартала — *французскими*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Альфонсъ, слѣдуя уже укоренившимся преданіямъ, еще болѣе усилилъ вліяніе французскаго монашества въ Испаніи, давая ему высшія епископскія мѣста. Такимъ выходцемъ изъ Франціи былъ и Іеронимъ, епископъ Валенсіи, упоминаемый въ поэмѣ о Сидѣ.

Тѣмъ сильнѣе было политическое и религіозное вліяніе Франціи на Испанію въ XI и XII вѣкахъ, что оно постоянно поддерживалось вліяніемъ общественнымъ, образованностью, которая съ замѣчательною энергіею развилась въ Провансѣ, и, въ слѣдствіе сказанныхъ обстоятельствъ, быстро охватила всѣ сѣверныя провинціи Испаніи — Наварру, Арагонію и Каталонію, такъ что дѣятельность Провансальскихъ Трубадуровъ простиралась отъ Аквитаніи по всѣмъ этимъ провинціямъ точно также, какъ и въ сѣверной Италіи, въ Савойѣ и Ломбардіи.

Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, въ эпоху возникновенія рыцарства, всѣ лучшіе, избранные умы, вся знать, разсѣянная по замкамъ, подчинилась одному общему уровню утонченной образованности и удовольствіямъ общественной жизни — уровню, который былъ проведенъ такъ называемою Провансальскою литературою.

1864 г.

РУССКІЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, составленный В. Варенцовымъ. С.-Петербургъ, 1860.

Калѣки перехожіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова. Москва, 1861 г.

Пришло наконецъ время, когда словесность перестали ограничивать тѣснымъ кругомъ общественныхъ интересовъ, когда постигли, что настоящая ея опора и твердая основа состоитъ въ нравственныхъ убѣжденіяхъ всего народа. Эти результаты, добытые изученіемъ народности, особенно важны для насъ, Русскихъ, потому, что они примиряютъ новое время со всѣмъ нашимъ прошедшимъ, выставляя въ непривѣтливой наготѣ исключительное, чуждое народной жизни положеніе нашей искусственной, Петровской литературы, возникшей вслѣдствіе самаго враждебнаго разрыва между свѣжими силами народа и искусственною, антинаціональною цивилизаціею такъ называемаго образованнаго общества. Всякая искусственность, вносимая насильственно, съ болью, въ живой организмъ, производитъ въ немъ болѣзненное раздраженіе, сопровождаемое, то упадкомъ силъ, то лихорадочнымъ возбужденіемъ къ дѣятельности: и конечно, смотря безпристрастнымъ взглядомъ на русскую жизнь послѣднихъ ста лѣтъ, всякій согласится, что фальшивая искусственность, какъ выраженіе насильно и неправильно воспитываемаго общества, составляетъ главную характеристическую черту литературы этого періода. Оторванная отъ народныхъ массъ, Петров-

ская литература не могла однако стать въ уровень и съ обществомъ въ высшихъ его слояхъ, которые, составившись изъ иностранныхъ элементовъ, немедленно усвоили себѣ иностранный языкъ и иностранные нравы; такъ что можно признать за историческій уже фактъ, что въ то время, какъ высшее общество на Руси находило соотвѣтственное себѣ литературное выраженіе на Западѣ, и интересовалось только Западомъ, русская литература, сжавшись въ малыхъ кружкахъ грамотнаго чиновничества, находилась въ унизительномъ, подначальномъ состояніи, будучи заправляема, педагогически руководима, поощряема благоволеніемъ или исправляема разными внушеніями, и потому естественно вращалась въ своемъ тѣсномъ кругу между заученою фразою и грубымъ словцомъ, между уклончивою лестью и задорною сатирою, между обдуманнымъ доносомъ и необдуманнымъ обличеніемъ. Не находя внутри себя самодовольнаго спокойствія, необходимаго для всякаго художественнаго творчества, могла ли такая литература безпристрастно и съ ясностью взгляда относиться къ дѣйствительности? Какъ межеумокъ, оторванный и отъ низшихъ и отъ высшихъ слоевъ русскаго населенья, наша искусственная литература или презирала все то, надъ чѣмъ думала господствовать, и все народное называла *подлымъ*, или благоговѣла и боялась того, что было недоступно для ея скромной сферы, и усердно расточала свои напыщенныя, бездушныя фразы на похвальныя и разныя торжественныя оды, а если иногда и принимала на себя тонъ благороднаго негодованья, то развѣ на столько, на сколько ей дозволялось, и тогда она въ своихъ сатирахъ и комедіяхъ съ радости позлословить забывала народную пословицу, что лежачаго не бьютъ.

Почитаю лишнимъ распространяться, что въ этой темной картинѣ, которую развертываетъ безпристрастному взгляду наша искусственная литература, было довольно и свѣтлыхъ полосъ, но онѣ не въ силахъ были захватить большаго пространства, и только увеличивали мракъ окружающаго ихъ фона. Вѣрнымъ доказательствомъ тому служитъ крайняя бѣдность въ истинныхъ

идеалахъ, которые были бы созданы неподкупною, свободною фантазіею русскаго творчества. Болѣзненность искусственной жизни и литературы оказывалась въ жолчномъ раздраженіи, для котораго идеалъ возможенъ только въ карикатурѣ.

Впрочемъ, при всѣхъ недостаткахъ въ самостоятельномъ творчествѣ, новая литература оказывала благотворное дѣйствіе на образованіе, внося въ оборотъ русской жизни какія бы то ни было западныя идеи, хотя безъ логической послѣдовательности и обыкновенно безъ прямаго отношенія къ мѣстнымъ и временнымъ потребностямъ. Поспѣшная прививка послѣднихъ результатовъ чужой мысли и намѣренное, усиленное, и потому скороспѣлое ихъ развитіе необходимо должны были постоянно поддерживать несовершеннолѣтнюю опрометчивость западнаго образованія на Руси. Конечно, образованіе это, сосредоточиваясь въ тѣхъ же кружкахъ, гдѣ знали искусственную литературу, было совершенно чуждо и безплодно для народа. Хорошо ли это было или нѣтъ — покажетъ будущее; теперь же можно сказать только то, что простой народъ, къ счастію, не успѣлъ еще заразиться тою болѣзненною искусственностію, черезъ которую новая литература провела высшіе слои русскаго населенья.

Но что такое Русскій простой народъ? Въ чемъ его отличительныя свойства? Гдѣ искать его — вблизи ли къ намъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, между фабричными и извощиками, или гдѣ-то далеко въ деревенской глуши за сохою и бороною? На югѣ, на сѣверѣ или на отдаленномъ востокѣ нашего великаго отечества? Въ двоевѣріи ли послѣдователей Никона, или въ кичливомъ фанатизмѣ расколовъ и сектъ? За гражданскою азбукою въ нѣмецкой воскресной школѣ, съ казенною указкою, или за часословомъ съ раскольничьею лѣстовкою[1]) въ обученіи у старицы-мастерицы? — Русскій простой народъ — не призракъ ли это, составившійся въ разстроенномъ воображеніи чиновнаго барства, которое, то славянофильствуя, поклоняется ему въ образѣ золо-

---

[1]) Такъ раскольники называютъ четки.

таго кумира, украшеннаго ореоломъ святости и всѣхъ добродѣтелей, то, западничая, цѣлыя сто лѣтъ собирается его обучать по Домострою, какъ въ людяхъ умѣть вѣжливо откашливаться, плевать и сморкаться, но до сихъ поръ, боясь приступиться къ русскому медвѣдю, оставляетъ его въ рукахъ доморощенныхъ поводильщиковъ? — И чтò же — темное ли, непроходимое невѣжество, смѣсь всякихъ предразсудковъ и суевѣрій составляетъ существо этого необъятнаго страшилища, или же можно найдти въ немъ кое-что человѣческое, по истинѣ достойное и наставительное для пошлаго ханжества и индеферентнаго приличія, которыми спасаетъ себя отъ скандала такъ называемая образованнѣйшая на Руси публика? — Этотъ многовѣковой Протей не есть ли уже фантастическое олицетвореніе нашей цивилизованной совѣсти, которая свои малые успѣхи въ дѣлѣ образованія, свое равнодушіе къ національнымъ основамъ русской жизни и свою преступную роскошь, питаемую грѣшнымъ прибыткомъ, взваливаетъ на невѣжество, язычество и пьяную лѣнь простаго народа?

Всякая жизнь состоитъ въ безконечномъ разнообразіи ея органическихъ отправленій, въ безконечномъ развѣтвленіи цѣлаго на его органы. Только отвлеченное понятіе и безжизненная формула могутъ быть подведены подъ пошлый уровень однообразія. Потому всѣ попытки и славянофиловъ, и западниковъ постигнуть русскій народъ были одною дѣтскою игрою, забавою досужаго воображенія. Это великое, неизвѣстное цѣлое, по частямъ открываемое наукою о народности, живетъ раздробленною жизнію, видоизмѣняемою тысячами мѣстныхъ особенностей и историческихъ обстоятельствъ: и чтобъ открыть общее и существенное въ этихъ развѣтвленіяхъ, нужно ихъ усмотрѣть и привести въ извѣстность; а для этого необходимо усилить тѣ ученыя средства, которыя наше время открываетъ въ изслѣдованьяхъ по народности. И только тогда можно надѣяться на успѣхъ, когда наука откажется отъ своихъ закоренѣлыхъ предразсудковъ.

Исходя отъ внѣшняго, поверхностнаго взгляда на современное намъ состояніе русской жизни въ высшихъ ея проявленьяхъ

жизни государственной, церковной, общественной и литературной, русскіе историки все разнообразіе въ нравственномъ и политическомъ развитіи нашего отечества, по всѣмъ его древнимъ мѣстностямъ, подчиняли кажущемуся однообразію позднѣйшихъ центровъ исторической дѣятельности, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, и слѣдовательно все вниманіе свое обращали на послѣднія два столѣтія, когда усилившееся значеніе этихъ центровъ давало внѣшнее однообразіе оффиціальнымъ проявленьямъ русской жизни. Эта оффиціальность могла быть усвоена только высшими слоями русскаго народа, которые, принявъ на себя условную форму чиновничества, замѣнявшаго на Руси аристократію, съ XVII в. стали распространять повсюду въ областяхъ единообразіе внѣшнихъ пріемовъ московскаго преобладанья, которыми должно было сплотиться наше отечество въ одно политическое цѣлое. Воеводы съ своими чиновниками, разсылаемые изъ Москвы въ XVII столѣтіи, не мало способствовали этому внѣшнему однообразію, которое только по видимости тянуло къ московскому центру, но въ сущности служило болѣе къ тому, чтобъ заглушать мѣстные интересы областей, нравственные и даже религіозные, въ пользу московскихъ гостей, становившихся незваными хозяевами. Ненависть провинцій къ московскимъ воеводамъ и чиновникамъ, тамъ и сямъ проглядывая въ литературѣ мѣстныхъ житій и въ народныхъ сатирахъ XVII в., перешла по наслѣдству въ сатирическую литературу XVIII в. Язва чиновничества, ставшая со временъ Гоголя избитою темою, есть явленіе не вчерашнее въ русской жизни; и историкъ имѣетъ полное право воздать должное уваженіе смышлености древнихъ московскихъ подъячихъ, умѣвшихъ въ пользу своего кармана подводить подъ общій уровень мѣстныя разногласія древней Руси, вошедшія въ существо русской народности.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе историческаго развитія московской политики, областное, и слѣдовательно народное, то-есть, все разнообразіе въ развѣтвленьяхъ русской жизни — было признано враждебнымъ формальному, чиновному единству, и под-

чинено ему, какъ грубое невѣжество, вредное московской благонамѣренности.

Со временъ Петра Великаго найдено было новое и болѣе удобное средство къ уравненію шероховатостей въ разнообразныхъ отклоненьяхъ областной жизни по всему великому протяженію нашего отечества. — Русскій народъ былъ грубъ и невѣжественъ, сравнительно съ Европою, которую стали узнавать тогда. Надобно было его просвѣтить на образецъ западный, но такъ какъ это стоило бы многихъ хлопотъ и даже было невозможно по разнымъ причинамъ, то ограничились только его верхушками, и просвѣщали однихъ баръ да чиновниковъ; и западное начало, усвоенное только высшими же слоями, какъ и чиновничество XVII в., послужило новымъ и сильнѣйшимъ средствомъ къ упроченію форменнаго однообразія въ высшихъ проявленьяхъ русской жизни и въ ея литературномъ выраженіи. Стоять за просвѣщенье западное противъ доморощенной народности — значило тогда поддерживать барскіе интересы въ распространеньи однообразныхъ формъ, которыми хотѣли замѣнить внутреннее содержанье русской народности. Западники торжествовали, какъ партія, покровительствуемая чиновничествомъ, и всякое славянофильство казалось вреднымъ для общественнаго порядка расколомъ.

Идя однажды принятымъ путемъ, высшіе классы народа должны были совсѣмъ отказаться отъ русской народности, и въ видахъ чиновнаго однообразія усвоить себѣ чужой языкъ, какой бы то ни было, только не русскій, но усвоили себѣ наконецъ языкъ французскій, звуки котораго въ ту пору еще навѣвали аристократическую спѣсь временъ Людовика XIV. По странному извращенію человѣческой природы, испорченной ложными принципами, составилось даже убѣжденье, что можно быть отличнымъ русскимъ патріотомъ, и не только не умѣть говорить по-русски, но даже презирать все русское. Религія, отодвинутая на задній планъ въ дѣлѣ совѣсти, стала впрочемъ необходимымъ

условіемъ внѣшняго приличія, и недостатокъ вѣры тѣмъ сильнѣе восполнялъ себя формальнымъ ханжествомъ.

Однако, чѣмъ больше развивалось на Руси западное господство, чѣмъ больше образованные умы сближались съ интересами текущей европейской жизни; тѣмъ сильнѣе чиновничій принципъ чувствовалъ себя въ ложномъ положеніи, потому что оффиціально не могъ и не долженъ былъ сочувствовать многому, что дѣлалось и говорилось на Западѣ. Сношенія русскихъ людей съ Европою, нѣкогда желанныя и покровительствуемыя Петровскою реформою, были наконецъ заподозрѣны и по возможности задерживаемы. Самыя науки и легкая литература, нѣкогда съ заботою пересаживаемыя къ намъ съ Запада, стали возбуждать вовсе незаслуженное, а при общемъ невѣжествѣ даже нѣсколько лестное опасенье, чтобъ русскій человѣкъ не научился больше того, сколько ему надобно. Ясно, слѣдовательно, что чиновничій принципъ не могъ наконецъ ужиться съ безусловнымъ западнымъ направленіемъ, но отказаться отъ него также не могъ, потому что изстари разошелся съ элементами народными, и, вслѣдствіе того, предсталъ во всемъ своемъ обнаженномъ видѣ, въ полномъ отвлеченіи и отъ русской національности и отъ западныхъ тенденцій, потому что то и другое призналъ одинаково вреднымъ, будучи запуганъ и такъ называемымъ славянофильствомъ, поднимавшимъ знамя народности съ ея доморощеными расколами и ересями, запуганъ и крайнимъ европействомъ, отвергнувшимъ всѣ историческія преданья русской жизни и признавшимъ русскій народъ едва ли не за краснокожихъ дикарей, которымъ можно дать какую угодно религію и новое устройство.

Легко было славянофиламъ, въ наивную эпоху ихъ борьбы съ поклонниками Запада, составлять радужный, идеальный образъ какого-то оторваннаго отъ жизни, русскаго народа, съ его великими нравственными доблестями. Но когда западный принципъ оказался несостоятельнымъ и въ русской жизни, и въ литературѣ, и когда потребовалось съ бо́льшею проницательностью и добросовѣстно взглянуть на себя: тогда всѣ историческія основы

и преданья русской жизни, составляющія нравственную физіономію народности, предстали безпристрастному взгляду въ жалкихъ, безобразныхъ развалинахъ, сглаженныхъ подъ общій уровень поддерживаемаго въ народѣ невѣжества. Идеальный образъ русскаго народа, взлелѣянный славянофильствомъ — какъ тотъ библейскій колоссъ, со скудельными ногами — распался на части; потому что сами создатели этого свѣтлаго и единаго образа были въ пріятномъ заблужденіи, признавъ московскую цивилизацію XVI и XVII в. за чистую монету народнаго чекана, и противопоставивъ Русь московскую Петровской, между тѣмъ, какъ та и другая дѣйствовали по одной системѣ въ сообщеніи русскому народу внѣшняго, форменнаго единообразія, которое и славянофилы, и западники принимали за цѣльный, органическій составъ.

Впрочемъ, какъ ни гибельно было западное образованіе для русской народности, все же Западу обязаны мы самою мыслію обратиться наконецъ съ уваженіемъ къ своей народности, изслѣдовать ее и дать ей права гражданства въ будущемъ развитіи русской жизни. Западные же ученые дали намъ образецъ, какъ собирать и приводить въ систему памятники народной словесности. Изученіе ихъ по областямъ и мѣстностямъ признается самымъ удобнымъ. Русское Географическое Общество примѣнило эту систему къ изслѣдованію русской жизни во всѣхъ ея проявленьяхъ. Второе отдѣленіе Академіи Наукъ въ изданіи Областнаго Словаря и Народныхъ пѣсенъ слѣдовало той же системѣ; точно также и издатели двухъ сборниковъ, обозначенныхъ въ заглавіи этой статьи, признавая всю важность мѣстнаго развѣтвленія русской народности, постоянно означаютъ, гдѣ можно, ту мѣстность, откуда идетъ издаваемый ими стихъ.

Само собою разумѣется, что только тогда составитъ наука ясное понятіе о мѣстныхъ оттѣнкахъ русской народности, когда прослѣдитъ историческое развитіе каждой изъ важнѣйшихъ областей нашего отечества. Стихи, пѣсни, сказки, пословицы, собираемыя изъ устъ народа въ новѣйшее время, будутъ только заключительнымъ результатомъ историческаго развитія, и можетъ

быть не вездѣ удовлетворительнымъ, потому что московщина XVII вѣка слишкомъ тяжело налегала на свободное развѣтвленье областной жизни.

Говоря собственно о народной поэзіи, надобно имѣть въ виду и то, что не во всѣхъ своихъ отдѣлахъ одинаково способна она была видоизмѣняться по мѣстностямъ. Особую упругость и стойкость представляютъ въ этомъ отношеніи Духовные стихи, и потому именно, что заимствуя свое содержаніе преимущественно изъ книжныхъ запасовъ, и усвоивъ себѣ даже нѣкоторыя формы книжнаго языка, эти произведенія народной фантазіи служатъ тою обобщающею средою, въ которой сходятся мѣстные интересы разныхъ концевъ нашего отечества.

I.

Совокупнымъ, собирательнымъ творчествомъ цѣлыхъ народныхъ массъ и многихъ поколѣній и отсутствіемъ личнаго взгляда и личнаго направленья народная поэзія, не смотря на различіе въ основахъ и во всемъ своемъ составѣ, сближается съ прочими искусствами, съ музыкою, живописью, скульптурою и зодчествомъ тѣхъ раннихъ эпохъ, когда эти искусства, служа выраженьемъ религіозныхъ идей, составляли неотъемлемую принадлежность всего народа. Какъ представленіе мистеріи было общимъ дѣломъ цѣлаго города, и какъ участвовали въ этомъ представленіи дѣйствующими лицами городскія сословія и цехи; такъ и сооруженіе готическаго собора принадлежало цѣлому городу и производилось совокупными силами общества каменьщиковъ, которые бывали и творцами художественныхъ идеаловъ, и искусными исполнителями техническихъ работъ. Какъ готическіе каменьщики, воодушевляясь общими для всѣхъ и каждаго религіозными идеями, украшали стѣны собора барельефами для общаго назиданія и удовольствія благочестивыхъ людей всего города; такъ и средневѣковые иконописцы расписывали стѣны храмовъ разными

священными исторіями, преимущественно для назиданія безграмотныхъ, то-есть, для простаго народа. Художественная дѣятельность, сосредоточиваясь въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, посвящала свое служеніе мѣстно чтимымъ святынямъ, святому патрону города или чудодѣйственной иконѣ. Такъ было на западѣ, и у насъ. Литература присоединяла свои средства къ прославленію мѣстной святыни въ памяти народа. У насъ въ старину обыкновенно читались житія мѣстныхъ угодниковъ въ сооруженныхъ во имя ихъ храмахъ или въ день празднованья ихъ памяти [1]); на Западѣ, при болѣе свободномъ развитіи художественной формы, на мѣстные праздники сходились къ церквамъ поэты и въ стихахъ воспѣвали святочтимое воспоминаніе. Епископы и князья снискивали себѣ популярность не столько щедростью въ угощеньяхъ и милостынѣ, сколько сооруженіемъ храмовъ и монастырей для общей благочестивой потребы цѣлаго города. Св. князь Всеволодъ-Михаилъ Псковскій, оплошный въ междоусобныхъ стычкахъ, оставилъ по себѣ въ житіи свѣтлую память покровительствомъ духовенству и украшеньемъ церквей. Имя Св. Іоанна, архіепископа новгородскаго было популярно въ Новѣгородѣ не только по устнымъ о немъ преданьямъ, но и по монументальнымъ памятникамъ, то-есть, церквамъ и монастырямъ, которые онъ сооружалъ, принадлежа къ одной изъ богатѣйшихъ фамилій новгородскихъ. Не говоря о древнѣйшихъ князьяхъ, упрочивавшихъ свою популярность удовлетвореньемъ общихъ религіозныхъ стремленій въ сооруженіи храмовъ, какъ напримѣръ дѣлалъ старый Ярославъ Владиміровичъ или Владиміръ Мономахъ, — укажу на эпоху московскихъ властителей, Василія Ивановича и сына его Ивана Грознаго, на эпоху, оставившую по себѣ особенно свѣтлую память въ народѣ сооруженьемъ множества храмовъ и открытіемъ мѣстныхъ святынь, или же признаніемъ за ними всероссійскаго авторитета.

---

[1]) Напримѣръ: «Въ тоже время въ церкви чтутъ житіе его праведнаго Прокопія» — сказано о Прокопіи Устюжскомъ. Костомарова, Памятн. старинной русской литературы, I, стр. 158.

Симпатіи къ родной мѣстности были такъ сильны, что самыя житія святыхъ и повѣствованія о мѣстныхъ святыняхъ составлялись по городамъ и областямъ. Такъ, кромѣ общеизвѣстнаго Кіево-печерскаго Патерика, составлялись житейники — новгородскій, владимірскій, смоленскій, устюжскій и т. д. Даже въ началѣ XVIII в., когда все же чувствовалось еще вѣяніе русской старины, было составлено общее обозрѣніе всѣхъ русскихъ святыхъ по городамъ и мѣстностямъ, подъ названьемъ *Книги, глаголемой о россійскихъ святыхъ.*

Соотвѣтственно литературѣ, и русская иконопись развѣтвлялась по мѣстнымъ школамъ, каковы — кіевская, суздальская, новгородская, московская. Иконописцы составляли такую же корпорацію, какъ и западные каменьщики, и столько же чужды были личнаго направленія, какъ списатели житій святыхъ или народные пѣвцы, воспѣвающіе убогаго Лазаря и Алексѣя Божьяго человѣка. Даже такъ называемые царскіе иконописцы второй половины XVII вѣка имѣли своимъ назначеньемъ не случайную, минутную забаву какого-либо лица, а общее служеніе религіознымъ стремленьямъ всего православнаго народа.

И такъ, и у насъ до XVIII в., и на Западѣ въ средніе вѣка, народные интересы, выражаемые не личнымъ, а совокупнымъ творчествомъ, группировались по мѣстностямъ; съ тою только разницею, что на Западѣ раннее развитіе личности уже издавна нарушало общій строй народнаго творчества, тогда какъ у насъ и доселѣ господствуетъ въ народѣ безразличіе и отсутствіе личнаго направленія, какъ въ поэзіи и вообще въ книжномъ просвѣщеніи, такъ и въ искусствѣ, ограниченномъ извѣстными напѣвами въ свѣтской и церковной музыкѣ, а въ иконописи—стародавними типами.

Переломъ, совершившійся въ художественномъ творчествѣ на Руси, вслѣдствіе Петровской реформы, соотвѣтствуетъ на Западѣ эпохѣ такъ называемаго *Возрожденія*, то-есть, концу XV-го и началу XVI-го вѣка. Развитіе личности по всѣмъ путямъ нравственной и умственной дѣятельности отразилось въ политической жизни сосредоточиваньемъ власти въ рукахъ немно-

гихъ лицъ. Города, потерявши свою независимость, естественно должны были отказаться отъ прежней литературной и художественной дѣятельности, замышляемой и исполняемой общиною, всѣмъ міромъ. Съ упадкомъ религіознаго вдохновенья массы народныя потеряли ту нейтральную среду, въ которой они находили себѣ общеніе, и которая ставила ихъ духовные интересы въ независимомъ положеніи отъ всякихъ постороннихъ притязаній исключительной личности. Поэтъ и художникъ перестали быть органами гласа народнаго, который былъ нѣкогда дѣйствительно гласомъ Божіимъ, потому что въ своихъ высшихъ звукахъ постоянно восходилъ онъ до восторженной молитвы, источника, откуда и поэтъ, и художникъ черпали свое вдохновеніе. Мистерія и народная комедія были изгнаны съ площади и заперты въ тѣсный балаганъ, который потомъ позднѣйшая роскошь передѣлала въ великолѣпный театръ, соотвѣтствовавшій уже инымъ потребностямъ, и не имѣвшій ничего общаго съ грубыми вкусами простонародья. Наконецъ ухитрились будто намѣренно исказить даже поэтическую правду драматическихъ представленій различными единствами и другими чопорными приличіями, какъ бы для того, чтобъ только высшая публика, посвященная въ эти условныя правила, могла вполнѣ наслаждаться удовольствіями театра. Переставъ выражать интересы толпы, поэтъ сталъ подъ защиту патрона-мецената, и восхвалялъ его не только въ одахъ и сонетахъ, но даже въ сказкѣ о какомъ-нибудь Неистовомъ Орландѣ. Въ прежнія времена общаго религіознаго воодушевленія живописецъ собиралъ толпу своихъ благочестивыхъ цѣнителей въ храмѣ, стѣны котораго расписывалъ; еще популярнѣе была дѣятельность зодчаго и ваятеля, которые украшали всю внѣшность храма тысячью прилѣповъ и статуй, какъ бы для того, чтобъ во всякое время дня проходящіе мимо поучались въ благочестивыхъ идеяхъ и вмѣстѣ вкушали эстетическое удовольствіе. Но потомъ, какъ драматическія представленія, потерявъ свое всенародное значеніе, скрылись изъ-подъ открытаго неба, сжавшись въ четырехъ стѣнахъ, такъ и произведенья

художественныя роскошный меценатъ сталъ ревниво запирать отъ грубой толпы въ своихъ великолѣпныхъ палатахъ, постройка которыхъ навсегда отвлекла уже вниманіе и силы мастеровъ отъ сооруженія церквей, нѣкогда столь плодотворнаго для нравственнаго воспитанія жизни народной.

Такимъ образомъ, и поэтъ, и художникъ очутились на откупу у мецената, который вполнѣ завладѣлъ ими, какъ скоро искусство и литература, утративъ религіозный характеръ, оказались не нужными для народа, и стали не существенною потребностью всѣхъ и каждаго, а роскошью празднаго богача. Ему нужны уже были не аскетическія сцены изъ жизни подвижниковъ, не видѣнія загробной жизни, которыя нарушали бы его досугъ, не выспренніе образы небесныхъ ликовъ, которые не годились для раздраженія его чувственности. Нѣтъ, вмѣсто иконы для общаго поклоненья, художникъ почтительнѣйше писалъ портреты съ своихъ милостивцевъ, раболѣпствуя самъ, пріучая къ лести и другихъ; въ угоду изысканной чувственности онъ возобновилъ всю античную миѳологію, и особенно въ тѣхъ ея соблазнительныхъ сценахъ, которыя были по вкусу людей, которымъ онъ продавалъ свое вдохновеніе.

Выставляя на видъ темныя стороны въ развитіи литературы и искусства, я вовсе не имѣю намѣренія утверждать, что по художественному достоинству и по внѣшнему исполненію прежнія народныя произведенія были лучше послѣдующихъ, предназначавшихся для аристократическаго вкуса; и заключаю только то, что первыя были полезны для народа, а послѣднія ему недоступны, и что именно съ тѣхъ поръ между народомъ и произведеніями литературы и искусства произошелъ рѣшительный разрывъ, какъ скоро религія перестала служить главнѣйшимъ источникомъ вдохновенія.

И у насъ, какъ на Западѣ, этотъ разрывъ оказался, но при другихъ, еще менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, именно, вслѣдствіе Петровской реформы, когда литераторъ и художникъ, обученные кое-чему наскоро и оторванные отъ интересовъ род-

ной жизни своимъ иностраннымъ воспитаньемъ, естественно должны были прибѣгнуть къ покровительству милостивцевъ, не хотѣвшихъ знать ничего народнаго. Почитаю излишнимъ повторять общеизвѣстную и всѣми признанную истину, что этотъ путь все же довелъ на Руси образованность, въ высшихъ ея представителяхъ, до удовлетворительныхъ результатовъ; но никто не будетъ отрицать, что онъ былъ недоступенъ для народа, потому что оскорблялъ его преданія и религіозныя убѣжденія, и вообще по своей необычайности былъ ему не подъ силу. Народъ не понялъ писателя, который въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ ушелъ отъ него впередъ на нѣсколько столѣтій, выучившись по иноземнымъ книгамъ; онъ отказался и отъ иконъ, которыя давала ему академическая живопись, вооруженная всѣми пособіями искусства, за исключеніемъ истиннаго религіознаго вдохновенья и уваженья къ національнымъ преданьямъ иконописной старины. Какъ бы кому ни казалось русское простонародье — двоевѣрнымъ ли и даже языческимъ, съ точки зрѣнія западной, или глубоковѣрующимъ и по истинѣ православнымъ, съ точки зрѣнія славянофильской: во всякомъ случаѣ ему необходима какая бы то ни была религія, и только подъ условіемъ религіозной идеи возможны для него интересы литературные и художественные; а интересовъ этихъ не потрудилась удовлетворить наша западная образованность, потому ли, что не способна была это сдѣлать по своему анти-національному направленью, или потому, что ей сначала предоставлялось образовать мецената и чиновника, и потомъ уже подумать о народѣ. А между тѣмъ народъ пробавлялся своими прежними скудными средствами, читалъ Прологи и Житія святыхъ, пѣлъ и слушалъ духовные стихи, а иконы вымѣнивалъ у Палеховскихъ иконописцевъ, боясь приступиться и къ писателю, и къ академику-художнику, потому что въ своей наивности видѣлъ въ томъ и другомъ только чиновника.

На сторонѣ такъ называемыхъ передовыхъ нѣмецкихъ людей стала образованность, но поверхностная и преждевременная; на сторонѣ простаго народа — историческая правда, вѣрная по-

слѣдовательному развитію, но безъ дѣятельнаго руководства, на время закоснѣвшая.

Было бы смѣшно утверждать, что въ эстетическомъ и литературномъ отношеніи наша западная образованность не далеко ушла впередъ отъ древне-русскаго застоя, которымъ до сихъ поръ довольствуется простонародная жизнь. Но не содержитъ ли въ себѣ этотъ кажущійся застой болѣе прочныя и плодовитыя сѣмена для самостоятельнаго и твердаго развитія, нежели та иноземная прививка, которая давала до сихъ поръ только пустоцвѣтъ и скороспѣлые плоды, пріучивъ такъ называемаго образованнаго человѣка къ поверхностнымъ взглядамъ, къ легкомысленной самонадѣянности и опрометчивости? Уже въ самомъ отношеніи новѣйшей образованности къ простому народу видна ея крайняя незрѣлость; потому что и боярское презрѣніе къ грубой народности, и старообрядческое чествованье ея мнимыхъ доблестей обличаютъ только слабую мыслительность судей, привыкшихъ рѣшать безъ умственнаго труда и безъ точныхъ справокъ.

Русскій народъ, въ его прошедшемъ и настоящемъ — неизвѣстная для насъ величина, для опредѣленія которой напрасно будемъ справляться съ иностранными книжками. Только онъ самъ, въ разнообразныхъ явленіяхъ своей нравственной жизни, можетъ открыть себя пытливому взгляду. Можетъ быть, онъ выскажетъ намъ не одни свои достоинства, но и многіе недостатки; вѣдь человѣческая жизнь слагается изъ свѣта и тѣни: надобно, слѣдовательно, оцѣнить и темныя стороны русской народности, и вмѣсто того, чтобъ противъ нихъ юношески донкихотствовать, слѣдуетъ безпристрастно указать имъ надлежащее, законное мѣсто въ экономіи прочнаго, безъ крутыхъ скачковъ, историческаго хода русской жизни.

Духовные стихи въ двухъ упомянутыхъ выше сборникахъ обнаружатъ передъ читателями много свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ русской народности, имѣющихъ одинаковое достоинство въ глазахъ безпристрастнаго изслѣдователя; потому что самые недостатки народной жизни, выработанные исторически, получаютъ

монументальный характеръ непреложнаго историческаго факта: они не изсякаютъ съ теченіемъ вѣковъ, а только ложатся въ глубину будущаго историческаго теченія.

II.

Калѣки, иначе калики перехожіе — это бродячіе пѣвцы, воспѣвающіе духовные стихи, то-есть, пѣсни, имѣющія религіозное содержаніе, заимствованное изъ библіи, житій святыхъ и другихъ церковныхъ источниковъ, съ примѣсью разныхъ постороннихъ элементовъ. Въ старину калики ходили ватагами, и, какъ самостоятельное общество, имѣли своего вожака или атамана. Вооруженные клюками, они не только просили себѣ подаянія, но и брали его съ бою[1]). Это было общество кочевое, непосѣдное, постоянно идущее къ святымъ мѣстамъ, даже въ Іерусалимъ, или оттуда возвращавшееся во-свояси. Безъ сомнѣнія, случались между ними обманщики, которые подъ видомъ благочестиваго хожденья къ святымъ мѣстамъ скрывали свою охоту къ бродяжничеству. Исторію каликъ перехожихъ можно прослѣдить на разстояніи многихъ вѣковъ; но впослѣдствіи мѣсто ихъ заступаютъ *слѣпые старцы* — нищіе, которые и доселѣ обходятъ селы и деревни съ своими духовными стихами. Надобно полагать, что первоначально слѣпые старцы не входили въ корпорацію каликъ перехожихъ; потому что этихъ послѣднихъ русскія преданія изображаютъ удалыми молодцами.

Было время, когда духовные стихи пѣлись не одними хожалыми пѣвцами и слѣпыми старцами. Отъ XVII и начала XVIII в. дошло до насъ нѣсколько нотныхъ сборниковъ, въ которыхъ между псалмами встрѣчаются стихи о Страшномъ Судѣ, объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ, Похвала Пустынѣ. По подписямъ видно, что такіе сборники принадлежали духовнымъ людямъ, по-

[1]) Смотр. Стихъ Сорокъ каликъ съ каликою.

садскимъ и другимъ лицамъ, не промышлявшимъ ремесломъ бродячихъ пѣвцовъ, а въ первой половинѣ XVIII в. даже еще чиновникамъ [1]). Въ настоящее время духовные стихи въ большомъ употребленіи между нѣкоторыми сектантами. Такъ называемые *Люди Божіи*, въ своемъ еретическомъ служеніи, сверхъ церковныхъ пѣсней и псалмовъ, поютъ иногда и народные духовные стихи, напр. объ Іосифѣ Прекрасномъ, объ Іоасафѣ царевичѣ и друг. [2]) Нѣкоторымъ изъ этихъ стиховъ расколъ и ереси давно уже приписывали особенное значеніе. Въ подложномъ посланіи Сергія и Германа Валаамскихъ [3]), написанномъ въ обличительномъ духѣ противъ духовенства, неоднократно совѣтуется царямъ и боярамъ *внимати* какой-то *бесѣдѣ Іосифа Прекраснаго* и *Царя Египетскаго*. Стихъ о Голубиной Книгѣ, имѣющій предметомъ народную космогонію, содержитъ въ себѣ нѣкоторые догматы духоборцевъ.

Такимъ образомъ, слѣпые старцы, разносящіе теперь по всей Руси духовные стихи, должны быть разсматриваемы только какъ представители религіозно-поэтическихъ интересовъ всего русскаго простонародья. Можетъ, нѣкоторые стихи обязаны своимъ происхожденьемъ бродячему нищенству; но они пришлись по вкусу всему русскому люду, и вошли въ общую сокровищницу его религіозной, христіанской поэзіи, которою онъ переводитъ на понятный для себя языкъ священную исторію и церковныя преданья.

Гомерическая личность слѣпаго старца, ходящаго по міру съ своими духовными стихами, имѣетъ существенное значеніе въ русской жизни. Пѣсни свѣтскія — свадебныя, подблюдныя и другія обрядныя, составляя неотъемлемую часть текущей жизни, входя въ ежедневные обычаи и обряды, поются всѣми и каж-

---

[1]) Такъ напр. на сборникѣ духовныхъ стиховъ, принадлежащемъ мнѣ, двѣ подписи начала XVIII в. одна *московскаго купца Ильи Томилина*, другая *копеиста Александра Никитина Поморцова*.

[2]) Общество Людей Божіихъ въ Правосл. Собесѣдн. 1858 г. іюль, стр. 376.

[3]) Смотр. объ этомъ сочиненіи въ Историч. Очерк. 2, стр. 306.

дымъ. Духовный стихъ по своему религіозному содержанію стоитъ внѣ текущихъ мелочей дѣйствительности. Онъ уже не забава и не досужее препровожденье времени, не застарѣлый обрядъ, сросшійся съ ежедневными привычками. Какъ церковная книга, онъ поучаетъ безграмотнаго въ вѣрѣ, въ священныхъ преданьяхъ, въ добрѣ и правдѣ. Онъ даже замѣняетъ молитву, особенно въ умильныхъ плачахъ и душеполезныхъ назиданьяхъ. Потому духовный стихъ изъятъ изъ общаго, ежедневнаго употребленья, и предоставленъ, какъ особая привилегія такимъ лицамъ, которыя, тоже будучи изъяты изъ мелочныхъ хлопотъ дѣйствительности, тѣмъ способнѣе были сохранять для народа назидательное содержаніе его религіозной поэзіи. Эти избранныя личности — не просто нищіе, то-есть, бродяги и лѣнивые, но люди, дѣйствительно не могущіе работать: это *слѣпые старцы*. Слѣпота, отдѣливши ихъ отъ текущей жизни, скрывши отъ нихъ всѣ ея развлеченья и забавы, только сосредоточивала ихъ въ самихъ себѣ и воспитывала ту энергію, съ какою передаютъ они русскому люду въ духовныхъ стихахъ свои неземныя видѣнія.

Г. Безсонову пришла счастливая мысль отдѣлить изъ массы духовныхъ стиховъ такіе, въ которыхъ слѣпцы и калѣки перехожіе поютъ о самихъ себѣ: каковы эти пѣвцы были въ старину и каковы стали теперь, и какъ они просятъ милостыню: сидючи при торгу, въ храмовые праздники; у порога и подъ окномъ, или идучи на богомолье; какъ они благодарятъ за милостыню въ стихахъ заздравныхъ и заупокойныхъ. Къ отдѣлу стиховъ, лично относящихся къ пѣвцамъ, г. Безсоновъ присовокупляетъ еще тѣ, въ которыхъ они воспѣваютъ Лазаря, Алексѣя Божьяго человѣка, Іосифа Прекраснаго и царевича Іоасафа, на томъ основаніи, что эти священные идеалы служатъ какъ бы образцами для перехожихъ слѣпцовъ.

Слѣдуя принятой системѣ, г. Безсоновъ открываетъ свое собранье стихомъ о происхожденьи на землѣ богатства и бѣдности. Этотъ стихъ, извѣстный въ народѣ подъ названьемъ *Вознесенья* или *Ивана Богослова*, поражаетъ глубиною мысли и вы-

сокимъ поэтическимъ творчествомъ, и только изъ опасенья быть заподозрѣнными въ пристрастіи къ народности, мы не рѣшаемся этотъ стихъ признать лучшимъ въ нашей поэзіи христіанскимъ произведеньемъ, далеко оставляющимъ позади себя все, чтò доселѣ писали въ религіозномъ родѣ Ломоносовъ, Державинъ и другіе позднѣйшіе поэты.

Содержаніе стиха, по свободѣ въ обращеніи съ священными преданьями, напоминаетъ наивныя фрески средневѣковыхъ западныхъ живописцевъ. Когда Христосъ возносился на небо, окруженный небесными силами, расплакались всѣ бѣдные-убогіе, сироты безродныя и вся нищая братія, слѣпые и хромые. «Куда это Ты возлетаешь? — въ слезахъ говорили они Христу: «на кого же Ты насъ покидаешь? Кто безъ Тебя будетъ насъ поить — кормить, одѣвать — обувать и укрывать отъ темной ночи?»

— «Не плачьте вы, нищая братія» отвѣтствовалъ Христосъ: «Не плачьте, бѣдные-убогіе и малыя сироты безродныя! Оставлю я вамъ гору золотую, дамъ я вамъ рѣку медвяную, дамъ вамъ сады-винограды, дамъ вамъ манну небесную. Умѣйте только тою горою владѣти и промежду собою раздѣлити: и будете вы сыты и пьяны, будете обуты и одѣты и отъ темной ночи преукрыты.»

Тогда возговорилъ Иванъ Богословецъ: «Гой еси, Ты, Истинный Христосъ Царь Небесный! Позволь мнѣ сказать словечко, и не возьми Ты моего слова въ досаду! Не давай Ты имъ золотой горы, не давай медвяной рѣки и саду-винограду, не давай небесной манны! Не умѣть имъ горою владѣти, не умѣть имъ ее поверстати и промежду собой раздѣлити; винограду имъ не собрати, манны небесной не вкусити. Зазнаютъ ту гору князья и бояре, пастыри и власти и торговые гости; и отымутъ они у нихъ гору золотую и рѣку медвяную, сады-винограды и небесную манну: по себѣ они золотую гору раздѣлятъ, по себѣ разверстаютъ, а нищую братью не допустятъ. И много тутъ будетъ убійства, много будетъ кровопролитья; и не чѣмъ будетъ

бѣднымъ питаться, не чѣмъ будетъ пріодѣться и отъ темной ночи пріукрыться: помрутъ нищіе голодною смертью, позябнутъ холодною зимою. А Ты дай имъ лучше имя свое святое и свое слово Христово; и пойдутъ бѣдные по всей землѣ, будутъ тебя величати, а православные станутъ подавать милостыню, и будутъ нищіе сыты и пьяны, будутъ обуты и одѣты, и отъ темной ночи пріукрыты».

— «Исполать тебѣ, Иванъ Богословецъ!» — возговорилъ самъ Христосъ Царь Небесный: «умѣлъ ты слово сказати, умѣлъ ты слово разсудити, умѣлъ ты по нищимъ потужити!»

Этотъ прекрасный стихъ распространенъ по всей Великой Россіи. Въ изданіяхъ г. Безсонова и Варенцова онъ записанъ въ новгородской, олонецкой, пермской и вятской губерніяхъ.

Изъ идеальныхъ образцовъ своихъ слѣпые пѣвцы всего больше сочувствуютъ убогому Лазарю, о которомъ стихъ съ глубиною поэтическаго творчества, доходящаго до трагическихъ мотивовъ, соединяетъ безпощадную иронію.

Жили-были два брата; одна матушка ихъ породила, но не однимъ счастьемъ надѣлилъ ихъ Господь Богъ; живши-бывши они раздѣлились: старшему брату досталось богатство, меньшему Лазарю убожество *съ святымъ кошелемъ.* Старшій братъ живетъ во всякой роскоши, и знается только съ князьями и боярами и съ *пестрыми* властями. Улучилъ его бѣдный Лазарь и проситъ себѣ подаянія, ссылаясь на свою проторь на нищенскую, и называя себя его роднымъ братомъ. Богачъ приходитъ въ негодованье и велитъ на несчастнаго напустить злыхъ собакъ. Какой онъ ему братъ! Князья да бояра — вотъ братья его; гости торговые, да церковные попы — вотъ его друзья: съ ними у него хлѣбъ-соль одна. А угрозы бѣдняка ему не почемъ. Что ему — богачу раскаиваться и кого бояться? — «Много у меня золота и серебра — говоритъ онъ: отъ Бога я отмолюсь, отъ лютой смерти казной откуплюсь!»

Особенно глубоко задумано сокрушенное состояніе духа убогаго Лазаря, который такъ притерпѣлся къ бѣдствіямъ, что,

умирая, и въ будущемъ вѣкѣ не ждетъ себѣ облегченія. Въ простотѣ своего истерзаннаго сердца, онъ увѣренъ, что *не чѣмъ* ему убогому въ рай войдти, *не чѣмъ* ему въ убожествѣ душу свою спасти.

Умираетъ и богачъ. Друзья и бояре отъ него разъѣзжались, сильное войско его пораздвинулось, шло его богатство — близко не дошло, прахомъ его разнесло и вѣтромъ раздуло. И остался умирающій богачъ одинъ одинешенекъ, какъ *голый перстъ*, лежалъ онъ день до вечера, во всю темную ночь до бѣлой зари, на зарѣ образумился. «Матерь Божія — застоналъ онъ: при винной чарѣ друзья и бояре, при злой годинѣ нѣтъ никого, нѣтъ никого и нѣтъ ничего! А какъ жилъ я богатый на вольномъ свѣту, не такъ моя душенька маялась. Понѣжилась моя душенька, поцарствовала; пила-ѣла душенька, все тѣшилась; пилъ я ѣлъ сладко, ходилъ хорошо, бархаты да атласы завсегда носилъ, на добрыхъ коняхъ разъѣзживалъ. Есть мнѣ *чѣмъ*, богатому, въ рай войдти; есть мнѣ *чѣмъ*, богатому, душу свою спасти! Много у меня имѣнья-житья, много у меня серебра и золота, а больше того цвѣтнаго платья; создай же мнѣ, Владыко, получше того!»

Характеръ убогаго Лазаря дополняется необыкновенно трогательною, деликатною чертою. Онъ простилъ своему брату, когда тотъ мучился въ вѣчномъ огнѣ, и, называя его уже своимъ милымъ братцемъ, умолялъ его, чтобъ не помнилъ его *грубости*. «Ой ты, мой братецъ, славенъ-богатъ!» — откликнулся ему убогій Лазарь: «Не прогнѣвался я на то, что ты затравилъ меня лютыми псами. Я бы прохладилъ тебя не только что перстикомъ, я бы всею рукою вытащилъ тебя изъ глубокаго ада, зачерпнулъ бы я полное ведро и погасилъ бы огонь, не далъ бы тебѣ, братецъ, всему горѣть: но нельзя, мой родимый, тебѣ пособить, и радъ бы, да воля то теперь ужь не моя: тутъ, братецъ, волюшка самого Христа, Царя Небеснаго».

Въ исторіи народной поэзіи этотъ стихъ особенно важенъ потому, что служитъ неоспоримымъ доказательствомъ тому, какъ

вѣрно и глубоко понялъ народъ тѣ евангельскія истины, которыя доступны его разумѣнью, будучи постоянно примѣняемы и оправдываемы въ дѣйствительности. Достаточно двухъ такихъ стиховъ, какъ раздѣлъ богатства и убогій Лазарь, чтобъ съ уваженьемъ отнестись къ народу, который, не смотря на господствующія въ немъ суевѣрья и предразсудки, все же сталъ на столько озаренъ человѣколюбивыми идеями Евангелія, что въ крайней нищетѣ и бѣдствіяхъ умѣлъ открыть величіе человѣческой души. Идеи о богатствѣ и бѣдности, въ разное время занимавшія мыслителей, и въ настоящее время давшія содержаніе многимъ филантропическимъ утопіямъ, эти идеи, въ ихъ первобытной простотѣ и свѣжести были глубоко прочувствованы простымъ народомъ, и выразились въ высокихъ, поэтическихъ созданьяхъ народной фантазіи.

Тотъ бы очень грубо и тупо понялъ эти прекрасные стихи, кто увидѣлъ бы въ нихъ похвалу нищенству и оправданье вреднаго тунеядства. На такихъ гнилыхъ подпоркахъ ничего бы не создалось. Сущая ложь не способна была бы разшевелить тѣ благородныя ощущенія, которыя такъ глубоко западаютъ въ душу. Не временная, случайная доктрина, а благородное состраданье къ постояннымъ человѣческимъ бѣдствіямъ вдохновляло фантазію, для того, чтобъ всегда внушать любовь и уваженье къ несчастью ближняго.

По очевидному вліянію книжному на составъ духовныхъ стиховъ, надобно полагать, что они обязаны своимъ происхожденьемъ не простонародью вообще, а избранной массѣ, которая, впрочемъ, не составляла особаго сословія, а только случайно являлась въ видѣ корпораціи. Всякій книжный человѣкъ могъ входить въ эту корпорацію, но, безъ сомнѣнія, не всѣ члены ея были людьми грамотными, такъ какъ и теперь поютъ духовные стихи безграмотные слѣпцы. Можетъ быть также, что духовная поэзія, получившая особенное развитіе въ нашей литературѣ въ XVII в., и бывшая тогда достояньемъ по преимуществу людей грамотныхъ, впослѣдствіи спустилась въ низшіе слои простона-

родья; точно такъ же, какъ и вообще вся народная поэзія, забавлявшая нѣкогда князей и бояръ, удержалась теперь только между крестьянами. Въ этомъ отношеніи простой народъ является въ настоящее время хранителемъ преданій не однихъ низшихъ сословій, но и князей и бояръ старой, еще не преобразованной Руси. Слѣдовательно, безусловное презрѣнье къ вымысламъ народнаго творчества, довольно распространенное въ наше время, есть не столько боярская спѣсь, сколько легкомысленное неуваженіе къ своимъ предкамъ вообще.

Мысль о присутствіи не однихъ простонародныхъ элементовъ въ народной поэзіи, надобно особенно имѣть въ виду при разсужденіи о духовныхъ стихахъ, книжные элементы которыхъ ясно свидѣтельствуютъ о вліяніи болѣе образованныхъ слоевъ древней Руси. Потому эти стихи и достались въ удѣлъ ватагамъ избранныхъ, искусныхъ пѣвцовъ, которые поучали народъ въ евангельскихъ притчахъ, въ житіяхъ святыхъ и въ разныхъ книжныхъ мудростяхъ даже вымышленнаго, апокрифическаго содержанія, подобно тому, какъ средневѣковые каменьщики и иконописцы на Западѣ все это изображали на стѣнахъ храмовъ въ назиданіе безграмотной толпѣ. Какимъ бы путемъ народъ ни воспитывалъ свои убѣжденья — внѣшними ли формами барельефовъ и стѣнописи, или только духовными стихами и устными легендами: то и другое въ исторіи цивилизаціи имѣетъ равное право на просвѣщенное вниманіе, хотя, разумѣется, искусственность въ техникѣ зодчаго, ваятеля и живописца свидѣтельствуетъ о несравненно бо̀льшемъ развитіи, нежели безыскусственная и свободная, непосредственная форма поэтическаго слова.

III.

Поэзія въ своемъ историческомъ теченіи соотвѣтствуетъ развитію прочихъ искусствъ, развѣ немного отъ нея отстающихъ по бо̀льшей трудности въ технической обработкѣ внѣшнихъ формъ.

Древнѣйшая смѣсь полуобращеннаго язычества съ христіанствомъ выразилась въ искусствѣ такою же смѣсью христіанскихъ идей съ языческими преданьями и формами: въ искусствѣ древне-христіанскомъ, возникшемъ на почвѣ классической — смѣсь съ классическою миѳологіею; въ искусствѣ романскомъ, внесшемъ въ свой составъ варварскіе элементы — смѣсь съ языческими преданьями средневѣковыхъ племенъ. Какъ въ древне-христіанской живописи встрѣчаемъ явственныя воспоминанія о типахъ классическаго искусства; такъ въ романскихъ барельефахъ, между сценами изъ священной исторіи, помѣщаются грубѣйшіе намеки на языческія преданья сѣверныхъ племенъ.

Не смотря на хаотическое смѣшеніе разнообразныхъ элементовъ и на темноту и запутанность смысла въ ихъ сочетаніи, *романскій стиль* можетъ быть опредѣленъ однимъ общимъ понятіемъ, подъ которое подводится все кажущееся въ немъ разнообразіе. Это именно — чудовищность, вполнѣ соотвѣтствующая грубымъ нравамъ эпохи и младенчеству художественной техники. Чудовищности романскаго стиля въ литературѣ соотвѣтствуютъ народныя сказанья объ огненныхъ драконахъ, многоглавыхъ зміяхъ, объ уродливыхъ существахъ получеловѣческихъ, полуживотныхъ, и множество эпизодовъ такъ называемаго *Животнаго эпоса*, — а въ книжной литературѣ *Бестіаріи*, или *Физіологи*, то-есть, какъ бы систематическое описаніе животныхъ, съ точки зрѣнія символической, и постоянно съ тревожнымъ и смутнымъ настроеніемъ духа, запуганнаго необъяснимыми, страшными силами окружающей природы. Съ принятіемъ христіанства, разорвавъ дружескую, непосредственную связь съ природою, человѣкъ прежде всего съ ужасомъ и отвращеньемъ взглянулъ на нее, и этотъ внезапный ужасъ выразилъ въ своихъ чудовищныхъ видѣньяхъ, которыми наполнилъ поэтическія легенды и барельефы романскихъ порталовъ. Эта чудовищность состояла преимущественно въ изображеніи страшныхъ звѣрей и дивовищъ, слѣдовательно — въ формахъ звѣриныхъ. Человѣкъ изображался опутаннымъ этими грозными страшила-

ми, то многоглавымъ зміемъ, то хвостомъ какого-нибудь чудовища. Человѣкъ былъ одержимъ темными силами природы, находился у нихъ въ плѣну. Для пущаго ужаса самыя чудовища изображались въ непрестанной борьбѣ: они терзаютъ другъ друга и пожираютъ. Этотъ стиль, самыми очертаньями выражавшій наглядно полную зависимость человѣка отъ тяжелыхъ узъ внѣшней природы, обозначился даже въ письменности, которая въ заставкахъ и заглавныхъ буквахъ изображала человѣческія фигуры, перевитыя какъ бы цѣпями, сдѣланными изъ змѣиныхъ хвостовъ и звѣриныхъ хоботовъ. Иногда человѣческія фигуры, въ самыхъ напряженныхъ позахъ, отчаянно дерутся съ чудовищами, запуская имъ мечъ въ гортань, или изнемогая въ этой сверхъестественной борьбѣ.

Нѣжныя ощущенія, проникнутыя ложной сентиментальностью, которыя вошли въ моду отъ влюбчивыхъ трубадуровъ, много способствовали смягченію грубыхъ формъ романскаго стиля. Служеніе дамѣ, хотя исполненное смѣшной экзальтаціи и фальшивыхъ фразъ, стало привлекать вниманіе къ болѣе нѣжнымъ, человѣческимъ интересамъ, а въ искусствѣ дало возможность съ любовью обратиться къ изяществу въ изображеніи человѣческихъ формъ. Сознаніе личности, гордо предъявляемое рыцарствомъ, хотя и смѣшиваемое съ необузданностью самоуправства — естественно должно было противодѣйствовать боязливой сжатости романскаго стиля. Какъ бы то ни было, только усилившееся вліяніе рыцарскихъ нравовъ и поэзіи трубодуровъ вызвало новый художественный стиль, дававшій больше простору человѣческой личности, стиль готическій. Нѣжнымъ легендамъ о Мадоннѣ этотъ стиль нашелъ приличное выраженіе въ благородныхъ, гибкихъ фигурахъ, исполненныхъ женственной граціи, которыми онъ украсилъ порталы и наружныя стѣны храмовъ. Чудовищные звѣри грубой эпохи, съ своимъ темнымъ, загадочнымъ значеньемъ, уступаютъ мѣсто человѣку съ опредѣленнымъ смысломъ въ его человѣческихъ дѣлахъ и ощущеньяхъ. Становятся возможными лирика и драма, возбуждающія участіе къ

личности. Природа перестала уже пугать своими чудовищными страшилами, и звѣриныя формы романскаго стиля смѣнились формами растительными стиля готическаго, который украшаетъ капители колонъ самою роскошною и разнообразною листвою; и слѣдовательно уже не пугается, а любуется природою, выставляя на показъ ея роскошь. Тутъ уже замѣтна нѣкоторая сентиментальность въ обращеніи къ природѣ; тогда какъ стиль предшествовавшій, какъ бы возникшій на чудовищномъ основаніи, наглядно выражалъ идею своего происхожденья, ставя свои колонны на звѣряхъ и другихъ страшилахъ. Готическій стиль выражаетъ во всей послѣдовательности высвобожденье человѣческой личности изъ-подъ гнета природы. Онъ отказался отъ формъ звѣриныхъ, но еще не достигъ до полнаго артистическаго господства надъ природою, которое создало впослѣдствіи ландшафтъ. Онъ только успокоилъ встревоженное воображеніе, примиривъ его съ природою постояннымъ напоминаніемъ о ея безвредности въ нѣжной растительности, которую разнообразилъ съ такою любовью въ своихъ прилѣпахъ.

Главнымъ недостаткомъ въ нравственномъ развитіи русской народности было отсутствіе эпохи, соотвѣтствующей готическому стилю. Пересадка католическихъ легендъ съ Запада черезъ Польшу на Русь въ XVII в. не успѣла пустить глубокихъ корней, будучи застигнута врасплохъ Петровскою реформою; звѣриный же, чудовищный стиль (тератологическій), соотвѣтствующій романскому, широко захватившій древне-русскую жизнь, и столь же сильно господствовавшій у насъ и въ XVII в., оставилъ свои неизгладимые слѣды въ народной поэзіи религіознаго содержанія. И этимъ-то стилемъ преимущественно отличаются и мистическія гаданія раскола *О звѣриномъ вѣкѣ семиглаваго звѣря* антихриста, и лубочныя сказки о борьбѣ съ чудовищными страшилами, наконецъ и духовные стихи, которые воспитаны тѣмъ же смутнымъ, боязливымъ расположеньемъ духа, хотя иногда и отличаются, какъ мы видѣли, глубиною христіанскихъ идей: подобно тому, какъ возвышенная поэма Данта съ

самымъ искреннимъ христіанскимъ воодушевленьемъ соединяетъ мутный мистицизмъ полу-романской, чудовищной символики.

Въ доказательство *звѣринаго* стиля нашихъ духовныхъ стиховъ указываю на одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и особенно распространенныхъ, именно *о Голубиной книгѣ.*

Извѣстно, что въ этомъ стихѣ Давидъ Іессеевичъ и князь Владиміръ, или по другимъ варіантамъ Волотъ Волотовичъ, иначе Волотоманъ Волотомановичъ, состязаются въ преніи о космогоническихъ свѣдѣніяхъ и преданіяхъ. Хотя этотъ споръ долженъ быть рѣшенъ съ точки зрѣнія христіанской, по Голубиной книгѣ, то-есть, по священному писанію, но содержаніе спора исполнено миѳическихъ и апокрифическихъ преданій. Уже это самое даетъ стиху характеръ романскаго стиля, не свободнаго отъ миѳологіи средневѣковыхъ варваровъ. Такъ напримѣръ, ученіе Голубиной книги о происхожденіи сословій г. Варенцовъ (стр. 22) справедливо сближаетъ съ индійскимъ вѣрованьемъ о происхожденіи главнѣйшихъ кастъ изъ устъ, изъ рукъ и изъ ногъ Брамы. По стиху о Голубиной книгѣ —

Зачàдились [1]) цари со царицами
Отъ честнòй главы отъ Адамовой;
Зачàдились князья со боярами
Отъ честныхъ мощей отъ Адамовыхъ;
Завелось крестьянство православное
Отъ того колѣна отъ Адамова.

Такая же смѣсь романскаго стиля въ ученіи этого стиха о происхожденіи всей природы:

Солнце красное отъ *лица* Божія,
Зори ясныя отъ *ризъ* Божіихъ,
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ *грудей* Божіихъ (варіантъ: *отъ затылочка*);
Ночи темныя отъ *думъ* Божіихъ,
Буенъ вѣтеръ отъ *вздоховъ*,
Дробенъ дождикъ отъ *слезъ* Его.
(Сборникъ г. Варенцова, стр. 12).

[1]) То-есть зародились.

Въ состязаніи о томъ, какое озеро всѣмъ озерамъ мать, какая рѣка всѣмъ рѣкамъ мать, какой звѣрь, какая рыба и какая птица всѣмъ прочимъ мать и т. п., явственно уже выступаютъ въ стихѣ слѣды Бестіаріевъ, или Физіологовъ:

Левъ-звѣрь — всѣмъ звѣрямъ мати:
Левъ поворотится —
Всѣ звѣри ему поклонятся.

Иначе:

Единорогъ-звѣрь [1]) всѣмъ звѣрямъ звѣрь.
Живетъ единорогъ во Святой горѣ;
Онъ проходъ имѣетъ по подзѐмелью,
Прочищаетъ всѣ ключи источные.
Когда единорогъ звѣрь поворотится,
Воскипятъ ключи всѣ подземельные. (Варенц. 18, 26).
У насъ *китъ*-рыба надъ рыбамъ (sic) мать:
На трехъ китахъ, на рыбинахъ,
На тридцати было на малыихъ,
Основана на нихъ вся сыра земля. (стр. 26).
А *Стрефилъ* (варіантъ: *Страфель*) — птица надъ птицамъ (sic) мать:
Сидитъ Стрефилъ — птица посредѣ моря;
Она плодъ плодитъ во сине море,
А полетъ сама держитъ по поднéбесью.
Послѣ полуночи во второмъ часу,
Какъ стрефилъ-птица — она трепéхнется,
Запоютъ куры у насъ по всей земли;
Просвѣщается тогда вся вселенная и т. п. (стр. 26).

Не входя въ разсужденіе объ апокрифическихъ источникахъ этого стиха [2]), и не вдаваясь въ археологическое изслѣдованье о характерѣ символическихъ животныхъ, здѣсь упоминаемыхъ, обращу вниманіе читателей на то, что эти отрывочные мотивы звѣринаго стиля служатъ только образчиками очень распространенныхъ у насъ книгъ того же содержанія. Уже съ ранней эпохи

[1]) Иначе: *инорогъ, инрогъ*, и потомъ испорчено *индрикъ*.

[2]) Которые указаны мною въ разныхъ мѣстахъ моихъ Историческихъ Очерковъ.

были извѣстны на Руси источники Бестіаріевъ, состоявшіе въ Шестодневѣ Василія Великаго и Іоанна Дамаскина, въ физіологической поэмѣ Георгія Писида, въ сочиненіи Козмы Индикоплова и во многихъ другихъ писаніяхъ, которыя въ XVII в. распространялись въ особенныхъ сборникахъ бестіарнаго содержанія, и, какъ кажется, были тогда любимымъ чтеніемъ.

Чтобъ дать понятіе объ этомъ характеристическомъ чтеніи нашихъ предковъ, привожу нѣсколько выдержекъ, по рукописи XVII в., принадлежащей мнѣ, изъ извѣстнаго физіолога, подъ названіемъ: Дамаскина архіерея Студита собраніе отъ древнихъ философовъ о нѣкихъ собствахъ естества животныхъ, да изъ книгъ Георгія Писида, да Василія Великаго изъ Шестоднева, да изъ книгъ же Обѣда и Вечери.

Объ орлѣ. Имѣетъ же орелъ таковую мудрость отъ Бога: когда родитъ орлица птенцовъ, тогда орелъ идетъ на гнѣздо малыхъ птенцовъ, и поставляетъ ихъ предъ солнцемъ; и внимаетъ прилежно: если они станутъ твердо и взглянутъ на солнечные лучи, тогда орелъ познаетъ, что это истинныя его дѣти. Если же закроютъ они свои глаза и не возмогутъ взглянуть на солнце, то познаетъ, что это не его дѣти. Тогда ударяетъ онъ ихъ своимъ крыломъ и низвергаетъ изъ гнѣзда. Когда бываетъ ловитва его велика и онъ насытится довольно; тогда устами своими дохнетъ на остатки мяса, и такъ оставляетъ ихъ на деревѣ: и только отъ обонянія этого дуновенія ни одна птица не дерзнетъ приблизиться къ мясу тому. Иные говорятъ, если вложить орлиное перье въ тулъ, гдѣ лежатъ стрѣлы съ перьями отъ иныхъ птицъ, то эти перья сами собою спадаютъ отъ стрѣлъ. Когда орелъ состарѣется и по немощи питаться не можетъ, тогда — по словамъ нѣкоторыхъ естествословцевъ — возлетаетъ выше облаковъ, и тамъ горячестью горнею перье его возжигается; самъ же онъ на воды оттуда падаетъ, и плавая въ водѣ, обновляетъ юность свою.

О пѣтухѣ. Имѣетъ же такой обычай: борется съ инымъ пѣтухомъ о женѣ своей, да не поиметъ ее иной; и если побѣдитъ,

то радуется и вопіетъ велегласно; если же бываетъ побѣжденъ, то присмирѣетъ, и не мощствуетъ многіе дни. Онъ такъ гордъ, что когда хочетъ войти въ какую дверь — будь она высотою хоть въ пять саженъ: то и тогда преклоняетъ свою голову, боясь попортить красоту ея.

О соловьѣ. Иные говорятъ, что соловей учитъ пѣть своихъ птенцовъ, какъ добрый мастеръ пѣвецъ учениковъ.

Объ аспидѣ. Аспидъ есть животное двуногое, съ крыльями, голова же его какъ у змія, только шире, и хвостъ тоже змѣиный. Имѣетъ въ себѣ ядъ. Говорятъ, что самая сладкая смерть бываетъ отъ угрызенія аспидова. Потому царица Клеопатра, жена Птоломея царя Александрійскаго, когда былъ убитъ мужъ ея на войнѣ, припустила къ себѣ аспида, чтобъ умереть сладкою смертью и избавиться отъ втораго замужества. Имѣетъ же аспидъ свой ядъ и въ хвостѣ, и въ зубахъ. Когда хотятъ поймать аспида, копаютъ двѣ ямы, недалеко одну отъ другой, и въ той и другой полагаютъ органы, и ударяютъ въ нихъ, то въ той, то въ другой ямѣ, и всякій разъ умолкаютъ, какъ аспидъ подходитъ къ ямѣ. И такъ, ходя взадъ и впередъ, аспидъ раздражается, и отъ гнѣва влагаетъ хвостъ свой въ ухо свое и отравляетъ себя и умираетъ, яко же глаголетъ и Давитъ: яко аспида глуха и замыкающаго уши своя, иже не услышитъ гласа обавающихъ, обавается обаваемый[1]).

О лисицѣ. Лисица есть животное лукавѣйшее. Есть супротивница волку, и боится его. Очень любитъ куръ; и если онѣ сидятъ высоко, и не можетъ она пожрать ихъ, то становится внизу, и смотритъ на нихъ зорко, и очи ея сверкаютъ, какъ огонь. Тогда куры отъ страха падаютъ внизъ, а лисица хватаетъ ихъ за горло, чтобъ не кричали. А когда охотники ловятъ ее, тогда волочитъ по землѣ хвостъ, заметая свои слѣды.

Объ еродіи. Еродій есть птица, какъ лебедь бѣлый, только меньше тѣломъ. Живетъ и въ морѣ, и на сушѣ. Прежде всѣхъ

---

[1]) Соотвѣтствующее этому изображеніе изъ лицевой псалтыри см. въ моихъ Историч. Очеркахъ, въ главѣ о *Символикѣ*.

другихъ птицъ вьетъ гнѣздо свое, яко же глаголетъ пророкъ Давидъ: еродіево жилище водитъ я. Гнѣздится же не на деревахъ, но въ каменистыхъ мѣстахъ и въ приморскихъ. Живутъ еродіи и въ заливѣ венеціанскомъ. Имѣютъ такой обычай: ни къ одному латинину и ни къ какому иновѣрцу не приближаются; а если по случаю увидятъ нѣкоего христіанина, знающаго греческій языкъ, то другъ передъ дружкой спѣшатъ къ нему, и даже подходятъ къ его трапезѣ, и съѣдаютъ у него хлѣбъ. Такую имѣютъ мудрость отъ Бога, что если бросаетъ имъ хлѣбъ какой иноплеменникъ, то никогда не возьмутъ, а если броситъ Грекъ, возьмутъ тотчасъ.

Объ ехиднѣ. Говорятъ, что когда ехидна хочетъ совокупляться съ подругою своею, тогда влагаетъ главу свою во уста ея, и та отъ сладости стягивается и откусываетъ его голову и умерщвляетъ его. Когда же придетъ время родить ей дѣтей, то не имѣетъ естества родить ихъ: только дѣти, въ отмщеніе отца своего, проѣдаютъ чрево матери, и такъ выходятъ на свѣтъ. Она же, прежде чѣмъ умереть ей — гоняется за дѣтьми своими, и котораго достигнетъ, пожираетъ.

Объ оленѣ. Когда олень состарѣется, идетъ и находитъ змѣиное гнѣздо, которое пахнетъ мускусомъ. Полагаетъ уста свои въ змѣиную нору и втягиваетъ въ себя свое дыханіе нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока не привлечетъ того запаху. Потомъ бѣжитъ искать воды напиться, и если не найдетъ, умираетъ; яко же глаголетъ и Давидъ: имъ же образомъ желаетъ елень на источники водные и т. д.

О вбронѣ. Разсказываютъ, что если кто найдетъ въ гнѣздѣ яица его и сваритъ ихъ, чтобъ не вывелись птенцы; тогда воронъ отыскиваетъ нѣкоторое зеліе и тѣмъ зельемъ возвращаетъ тѣмъ яицамъ плодовитость. А зелье это — вещь драгоцѣннѣйшая: въ трудныхъ родахъ женщина только возьметъ его въ руку, тотчасъ родитъ дѣтище безъ всякой болѣзни. Потому зеліе то держали у себя многія царицы, какъ великую драгоцѣнность.

О лебедѣ. Лебедь есть птица морская, съ долгими ногами

и бѣлыми крыльями. Имѣетъ же такой обычай — провидитъ смерть свою. И когда увѣдаетъ, что приближается къ смерти, то за трое сутокъ день и ночь поетъ сладко, и такъ съ пѣньемъ умираетъ, и такимъ образомъ надругается надъ человѣкомъ, боящимся смерти.

О крокодилѣ. Когда крокодилъ хочетъ съѣсть человѣка, то сначала хватаетъ его голову и растерзаетъ, и тогда сидитъ надъ нимъ и плачетъ притворными слезами, а потомъ ужь съѣдаетъ. Потому кого видимъ плачущаго притворными слезами, уподобляемъ его крокодилу.

О львѣ. Левъ есть царь всѣхъ четвероногихъ, какъ орелъ всѣхъ пернатыхъ. Зрѣніе его царское и грозное; хожденіе его гордое. Когда ловитъ животное, не преклоняетъ голову свою, но держитъ ее высоко, какъ царь непокоримый. Боится же двухъ вещей: когда видитъ огонь близь себя и когда слышитъ пѣтуха. Когда спитъ, очи имѣетъ отверсты. Оставляя недоѣденное мясо, дуетъ на него, и отъ обонянія того дуновенія ни одно животное не смѣетъ прикоснуться къ мясу тому, и т. д.

О пчелѣ. Каждая пчела имѣетъ въ ульѣ свою службу. Одна носитъ въ устахъ своихъ воду; другая, какъ трубачъ, встаетъ въ раннюю зорю и поетъ, чтобъ вставали всѣ прочія и летѣли на цвѣты; иная выноситъ вонъ мертвыхъ пчелъ, чтобъ не смердили меду, иная караулитъ всю ночь. Царь же пчелъ больше ихъ всѣхъ тѣломъ и красенъ видомъ. Иногда отягчеваетъ отъ мятежа и убѣгаетъ на пустое мѣсто. Тогда всѣ пчелы разлетаются туда и сюда, пока его не найдутъ, и опять сажаютъ въ своемъ ульѣ. Полата же, въ которой сидитъ пчелиный царь, на высочайшемъ мѣстѣ, украшена художествомъ, какъ полата царская. А около той полаты дома старыхъ пчелъ, а пониже молодыхъ. Имѣетъ же тотъ царь обычай: нисходитъ изъ полаты своей и обходитъ весь улій, чтобъ наблюдать за пчелами. Когда умретъ, старѣйшія пчелы берутъ его тѣло, выносятъ изъ улья и полагаютъ въ цвѣты. Потомъ всѣ пчелы, какъ безцарственныя, разлетаются по другимъ ульямъ.

Объ уткѣ. Утка имѣетъ такую премудрость отъ Бога: когда входитъ въ озеро или въ рѣку, плаваетъ какъ корабль, держа одну ногу, какъ кормило, а другую, какъ весло.

Объ инорогѣ. Инорога по его крѣпости и жестокости невозможно поймать. Если же выходитъ къ нему дѣва чистая, то онъ за чистоту возлюбивъ, удобно отъ нея бываетъ прикосновенъ и осязаемъ.

О многоножицѣ. Когда ее хотятъ поймать, тогда она бываетъ подобна той вещи, которая случится подъ нею: если камень, и она становится бѣла, какъ камень; если трава — и она становится зелена, какъ трава; если море, и она становится синя, какъ море.

О струфѣ или струфокамилѣ. Яица его велики. Ихъ вѣшаютъ въ церкви. Когда снесетъ ихъ, не согрѣваетъ своимъ тѣломъ, какъ прочія птицы, но кладетъ ихъ передъ собою и смотритъ на нихъ въ теченіе сорока дней. Говорятъ, если раздерешь струфа, то въ устахъ его найдешь камень цѣлительный отъ болѣзни очей.

О саламандрѣ. Если положить саламандру на горящее уголье, то ничего ей не повредишь. Своими ногами топчетъ она угліе и пепелъ.

О скарѣ. Скаръ есть рыба морская. А имѣетъ такой обычай. Если въ сѣти попадетъ мужескій полъ, то рыбаки поймаютъ; если же попадется женскій полъ, тогда собираются всѣ скары мужеска пола, просѣкаютъ сѣти, и освобождаютъ своихъ самокъ.

О павѣ. Павлинъ есть прегордое животное. Когда видитъ человѣка, простираетъ свои крылья и показываетъ красоту свою, и не только простираетъ ихъ, но и потрясаетъ ими и производитъ шумъ, будто герой, вооруженный туломъ со стрѣлами. Когда идетъ павлинъ, слышитъ шумъ и радуется. Когда станетъ, обращаетъ къ солнцу перья свои и даетъ ими своему тѣлу тѣнь. Имѣетъ и такое чувство: кто похвалитъ красоту его, онъ разумѣетъ человѣческія слова, и больше раскрываетъ свои перья, являя красоту свою. Впрочемъ, Творецъ, создавъ его

столь прекраснымъ, далъ ему безобразныя ноги, дабы тѣмъ смирялся павлинъ, и смотря внизъ, видѣлъ бы свои ноги и вопіялъ велегласно.

О горлицѣ. Горлица цѣломудренна, потому что никогда не совокупляется съ чужимъ подружіемъ. Имѣетъ же такой обычай: овдовѣвши, до сорока дней, отъ печали своей, иначе не пьетъ воду, какъ сначала смутитъ ее своими ногами. Любитъ пустыню, и не летитъ въ многолюдныя, шумныя мѣста.

О ласточкѣ. Когда приспѣетъ зима, ласточка смолкаетъ и скрывается въ деревѣ, нашедши себѣ тамъ храмину, умираетъ, скинувъ съ себя пернатую одежду; а потомъ въ новую одежду облекается, будто мертвецъ, изъ гроба возставшій: весна приноситъ ей воскресеніе; и поетъ она тогда и щебечетъ по вся дни. Итакъ и въ птицахъ вложено отъ Бога почитать воскресеніе: научися тому отъ глаголивой ластовицы.

Объ онокентаврѣ. Есть животное въ Индіи, глаголемое онокентавръ, сверху до поясу, какъ человѣкъ, съ человѣчьею головою и волосами, только безъ бороды, а отъ поясу, какъ оселъ. Онъ не ходитъ, какъ другія животныя, но всегда бѣгаетъ. Когда устанетъ, останавливается и дышетъ, какъ человѣкъ. Когда поймаютъ его, онъ не хочетъ больше жить, ничего не ѣстъ и умираетъ, предпочитая смерть порабощенью отъ рукъ человѣческихъ.

О верблюдѣ. Слонъ и верблюдъ не пьютъ чистой воды, но сначала возмущаютъ ее ногами, чтобъ не видѣть своего безобразія въ потокахъ.

О фениксѣ птицѣ. Фениксъ смертію своею другаго рождаетъ феникса, умирая возрождается. Когда чувствуетъ приближеніе смерти, созидаетъ себѣ гнѣздо изъ цвѣтовъ и благовонныхъ вѣтвей, и посреди ихъ возлегаетъ. Обращаетъ очи къ палящему солнцу, и, махая крыльями, воспаляется отъ лучей, сгараетъ и въ пепелъ обращается. Потомъ выходитъ червь и становится фениксомъ, и возстаетъ изъ пепла.

О птицѣ сиринѣ. Птица сиринъ обрѣтается на морѣ; сладко

30*

поетъ, наводя на пловцевъ тяжкій сонъ. Когда они спятъ, корабль сокрушается о камень, и они становятся пищею сиринамъ.

Таково содержаніе нашихъ Физіологовъ. Соотвѣтствуя ранней эпохѣ чудовищнаго стиля, они не теряли своего значенія для нашихъ предковъ и въ XVII в. По кіевской теоріи духовнаго краснорѣчія, перешедшей отъ католиковъ, наши проповѣдники того времени заимствовали изъ Бестіаріевъ свои свѣдѣнія о природѣ, для уподобленій и объясненій назидательнаго ученія. Съ другой стороны народная сатира, высвобождаясь насмѣшкою изъ-подъ звѣриной символики, отъ того же времени сохранилась въ рукописныхъ сказкахъ о лисѣ и курѣ, о волкѣ и лисѣ и т. п. Не смотря однако на успѣхи народнаго сознанія, въ общей массѣ господствовало смутное расположеніе духа ранняго чудовищнаго стиля, который символическимъ ужасомъ и мистическимъ невѣжествомъ держалъ человѣческую личность подъ темною властію враждебныхъ силъ природы.

По мнѣнію нашихъ предковъ, человѣческое существо даже распадалось на свои звѣриные составы, или точнѣе — *разсѣкалось*, какъ въ подробности учило объ этомъ слово *О разсѣченіи человѣческаго естества*, заимствованное изъ тѣхъ же бестіарныхъ источниковъ. Даже въ XVIII в. слово это встрѣчается въ раскольничьихъ сборникахъ, украшенное миніатюрами.

Оно состоитъ изъ параллели между человѣкомъ и всею окружающею природою, взятою по частямъ. Начинается сравненіемъ человѣка съ небомъ, землею, свѣтилами, и потомъ, въ особенной подробности, съ различными животными, даже подъ особыми заглавіями: *слово о звѣряхъ*, *слово о птицахъ* и прочее.

Это произведеніе такъ типично для характеристики опредѣляемаго мною стиля, что почитаю необходимымъ привести изъ него нѣсколько выдержекъ[1]).

Человѣкъ не человѣкъ еси, левъ не левъ еси, человѣкъ[2]). Левъ

[1]) По рукописи XVII в., принадлежащей мнѣ.

[2]) Послѣ каждой темы идетъ *толкованіе*.

убо звѣрь лютъ есть, и царствуетъ надо всѣми звѣрьми: сицевый нравъ и земнымъ человѣкамъ, злымъ властителямъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, рысь не рысь еси, человѣкъ. Рысь пестра, и своею пестротою преобразуетъ *пестротное* житіе и ученіе. Такой нравъ приличенъ еретикамъ и злымъ учителямъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, медвѣдь не медвѣдь еси, человѣкъ. Медвѣдь обжорливъ, такъ и человѣкъ, когда объѣдается, не человѣкъ, а медвѣдь. И потомъ, медвѣдь лютъ когтями драть; такъ и человѣкъ, когда деретъ подобныхъ себѣ, свою братію, не человѣкъ, а медвѣдь.

Человѣкъ не человѣкъ еси, песъ не песъ еси, человѣкъ. Песъ три нрава въ себѣ имѣетъ: первое, добропамятливъ; второе, завистливъ; третье, сторожливъ. Такъ и человѣкъ: сего ради песъ нарицается, добръ или золъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, свинья не свинья еси, человѣкъ. Свинья смирна, а къ калу желательна: такъ и человѣкъ, если похотливъ, не человѣкъ, а свинья.

Человѣкъ не человѣкъ еси, ёжъ не ёжъ еси, человѣкъ. Ежъ острую кожу имѣетъ, и нельзя его поймать голыми руками, ни съѣсть его какому звѣрю: такъ и человѣкъ, когда обростетъ богатствомъ и грѣхами: нельзя его умомъ исправить, какъ ежа поймать. А также, кто обростетъ добродѣтелями, не удобь отъ бѣсовъ снѣденъ бываетъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, мышь не мышь еси, человѣкъ. Мышь бо есть плюгава, и пакости дѣетъ роду человѣческому, одежду грызетъ и иныя вещи. Такъ и человѣкъ, аще поганью учинится, сирѣчь отступитъ отъ вѣры, и угрызаетъ отъ святыхъ писаній, таковой не человѣкъ, а мышь, яко же глаголетъ Іоаннъ Златоустъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, саламандръ не саламандръ еси, человѣкъ. Есть звѣрокъ въ Индѣйской странѣ, величиною съ собаку. Такую силу имѣетъ: когда разожжешь печь, и бросишь въ нее саламандра, то вся сила огненная угаснетъ. Такъ и чело-

вѣкъ, если разожженъ будетъ дьявольскими грѣхами, и вверженъ въ любовь, то всю силу ея угашаетъ.

Человѣкъ не человѣкъ еси, пава не пава еси, человѣкъ. Пава птица кичливая; любуется своею красотою. Такъ и человѣкъ гордъ и разное украшеніе любитъ и кичится. Такой не человѣкъ, а пава.

Человѣкъ не человѣкъ еси, щуръ не щуръ еси, человѣкъ. Щуръ летая поетъ и дождь предзнаменуетъ. Такъ и человѣкъ, если Христова ради имени съ мѣста на мѣсто гонимъ бываетъ, дождь предзнаменуетъ, еже есть сошествіе Св. Духа.

Само собою разумѣется, что самыя изображенія животныхъ, толкуемыя символически, возбуждали цѣлый рядъ идей, болѣе или менѣе теперь необъяснимый, по смутности душевнаго расположенія той темной эпохи. Но такъ какъ эти чудовищныя изображенія входили въ составъ полныхъ религіозныхъ представленій, какъ бы цѣлыхъ поэмъ, назначавшихся для возбужденія и вкорененья вѣры; то, безъ сомнѣнія, всякій символическій знакъ казался чѣмъ-то оживленнымъ, способнымъ на реальную силу въ дѣйствительности; могъ — какъ бы — слетѣть со стѣны изъ ряда барельефовъ или изъ рамки миніатюры съ листовъ рукописи, и оказать свое таинственное дѣйствіе на человѣка.

Какъ ни странно теперь для насъ кажется такое отношенье суевѣрныхъ умовъ къ внѣшней формѣ этого мрачнаго стиля; но дѣйствительно надобно усвоить себѣ это представленье, чтобъ объяснить мистическое вѣрованье въ реальную силу символическихъ знаковъ, которые чертила себѣ боязливая фантазія. Раскольники и доселѣ убѣждены, что змѣи на жезлѣ патріарха Никона прообразуютъ потребленіе православной вѣры треклятымъ и пагубнымъ зміемъ, въ котораго нѣкогда скрылся сатана, прельстившій первыхъ человѣковъ.

На темномъ вѣрованьи въ чудесное оживотворенье символическихъ знаковъ этого звѣринаго стиля основана одна повѣсть или притча, особенно распространенная на Руси въ рукописяхъ XVII и начала XVIII в. Это притча о *Вавилонѣ градѣ*.

Царь Навходоносоръ повелѣлъ построить себѣ нóвый городъ Вавилонъ о семи стѣнахъ, на семи верстахъ, а въѣздъ и выѣздъ — одни только ворота, сдѣланныя въ головѣ громаднаго каменнаго *змія*, которымъ окруженъ былъ городъ, подобно всемірному змію, охватывающему всю вселенную, по ученію сѣверной миѳологіи. Потомъ повелѣлъ Навходоносоръ всѣмъ жителямъ Вавилона учинить *знамя*, то-есть, символическій знакъ, и на платьѣ, и на оружіи, и на коняхъ, и на уздахъ, и на сѣдлахъ, и на хоромахъ — на всякомъ бревнѣ; и на дверяхъ, и на окнахъ, и на сосудахъ, и на блюдахъ, и на ложкахъ, и на всякомъ имѣніи и на всякомъ скотѣ; а знамя то было изображеніе *змія*, такъ что повсюду въ Вавилонѣ были *знамена зміевыя*. Такъ полюбилось царю то знамя. Велѣлъ онъ себѣ выковать и мечъ *самосѣкъ, аспидъ-змій*.

Какъ придутъ послы изъ чужихъ земель, и будутъ у городскихъ воротъ вавилонскихъ, тогда триста кузнецовъ начнутъ дуть въ мѣхи, разжигать уголье, съ дымомъ и искрами. А какъ послы войдутъ въ ворота — во главу зміеву, тогда огонь и поломя опалятъ ихъ, и ужаса исполнятся послы, Навходоносору царю покорятся, и, трепещучи сердцами своими, едва посольство справятъ.

И собрались войною на вавилонскаго царя многіе цари съ сильнымъ ополченьемъ, приступили къ городу и производили великое опустошеніе въ вавилонскихъ полкахъ. Тогда царь Навходоносоръ повелѣлъ себѣ осѣдлать коня, опоясалъ мечъ самосѣкъ, *аспидъ-змій*, и, взявши съ собою двѣсти тысячъ дружины, отправился къ своимъ на помощь: а на всемъ войскѣ его были *знамена — зміи*. Едва подошелъ онъ ко врагамъ, тотчасъ выпорхнулъ изъ ноженъ его мечъ-самосѣкъ, аспидъ-змій, и началъ сѣчь ихъ безъ милости; а что *знамя* было у вавилонскаго войска — *зміи стали живы*, изъ коней, изъ сѣделъ, изъ платья — все *стали живые зміи*, и поѣли пришедшихъ къ Вавилону царей со всѣми ихъ силами. Потомъ тѣ зміи опять вошли въ свои знамена, а мечъ-самосѣкъ, аспидъ-змій самъ собою влетѣлъ въ ножны.

Передъ своею смертію царь Навходоносоръ повелѣлъ тотъ мечъ свой замуравить въ городскую стѣну, и положилъ заклятіе, чтобъ никто не вынималъ его оттуда до скончанія вѣка. По смерти его сталъ царствовать въ Вавилонѣ сынъ его, Василій Навходоносоровичъ.

И узнали иноземные цари, что Навходоносора не стало, и осмѣлились идти на Вавилонъ съ великими силами. Вавилонскіе воины, поражаемые врагами, не находили иного себѣ спасенія, какъ мечъ-самосѣкъ, аспидъ-змій, и просили царя Василія Навходоносоровича, чтобъ онъ вынулъ его. Вынули мечъ, царь Василій опоясалъ его и отправился въ бой. Но тотчасъ же мечъ-самосѣкъ, аспидъ-змій выпорхнулъ изъ ноженъ, и сначала отсѣкъ голову Василію Навходоносоровичу, а потомъ перебилъ всѣхъ царей съ ихъ силами. А что у витязей вавилонскихъ было знамя на платьѣ, на оружіи, на коняхъ, на уздахъ и на сѣдлахъ и на всякой воинской сбруѣ — зміи, *всѣ тѣ зміи стали живы* и поѣли вавилонское войско; а что было зміево знамя въ городѣ — *стали тѣ зміи тоже живы*, и поѣли всѣхъ женъ и дѣтей и всякій скотъ; а что былъ вокругъ Вавилона каменный змій, и *тотъ сталъ живъ*, свистя и рыкая: и съ тѣхъ поръ и донынѣ запустѣлъ царствующій Вавилонъ градъ новый[1]).

Согласно такимъ чудовищнымъ страшиламъ изображается въ романскомъ стилѣ знамя въ видѣ змія, водруженнаго на древкѣ, напр. въ Санъ-Галльской Псалтыри[2]).

Было уже замѣчено, что вслѣдствіе смягченія нравовъ и очищенія христіанскихъ понятій отъ языческой примѣси, литература и искусство на Западѣ должны были перейдти отъ грубаго стиля варварской эпохи на высшую степень стиля готическаго, служившаго также переходомъ къ дальнѣйшему развитію, какъ умственному и нравственному, такъ и художественному. Борьба человѣка съ физическими преградами, такъ типически изображен-

[1]) Въ изложеніи этой повѣсти пользовался я синодальною рукописью XVII в., подъ № 850, л. 55 и слѣд.

[2]) Rahn, Das Psalt. Aureum von S. Gallen. 1878. Taf. X. *Прибавлено въ 1887 г.*

ная въ стихѣ о Егоріи Храбромъ, который на святой Руси встрѣчаетъ только лѣса дремучіе, болота топучія, да змѣиныя стада, пасомыя сверхъестественными, миѳическими существами — эта борьба съ дикими силами природы, соотвѣтствующая звѣринымъ типамъ романскаго стиля, продолжалась на Руси до позднѣйшихъ временъ. Даже въ концѣ XIV в., когда на Западѣ процвѣталъ готическій стиль во всемъ его блескѣ, Москва была окружена тѣми дремучими лѣсами, о которыхъ поетъ стихъ о Егоріи Храбромъ; и если не стада змій преграждали путь предпріимчивому герою, то дѣйствительно приходилось жить съ волками, медвѣдями и другими лютыми звѣрьми, какъ свидѣтельствуютъ намъ житія первыхъ благочестивыхъ подвижниковъ, поселившихся въ XIV столѣтіи въ московской глуши. Самые демоны иногда мерещились имъ въ видѣ лютыхъ звѣрей; волки и медвѣди жили въ ихъ обществѣ, и, какъ въ египетскихъ и синайскихъ скитахъ, иногда, будто ручныя, домашнія животныя, исполняли для нихъ разныя потребы по хозяйству. Описаніе такихъ первобытныхъ сценъ, составленныя въ XV и XVI вѣкахъ, поддерживали въ умахъ то же мрачное настроеніе духа. Расколы XVII в. всего меньше способны были къ выходу изъ этого заколдованнаго круга; а между тѣмъ слѣпые пѣвцы поучали православный людъ о томъ, какъ земля основана на трехъ китахъ великихъ и на тридцати малыхъ, какъ подъ землею ходитъ звѣрь Индрикъ, и какъ Егорій Храбрый спугнулъ съ кіевскихъ воротъ какую-то Черногаръ-птицу, которая въ когтяхъ держитъ осетра-рыбу.

Западное образованіе, хотя умѣренно и осторожно вводимое на Русь въ XVII в., черезъ Кіевъ, все же какъ результатъ позднѣйшаго развитія, не могло прочно ложиться на почву для того не подготовленную; впрочемъ надобно отдать справедливость грамотнымъ людямъ того времени, что они больше интересовались не современными интересами Европы, а тѣмъ, что на Западѣ отживало уже свой вѣкъ, то-есть, такими сочиненіями, которыя, возникнувъ въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ, потомъ въ старопечатныхъ книгахъ XV и XVI в., спустились въ низшіе

классы и стали народнымъ чтеніемъ. Но не усвоивъ себѣ, какъ слѣдуетъ, этого запаса новыхъ идей, не внеся его въ нравственные и умственные интересы, наша Русь должна была отъ него отказаться, будучи застигнута врасплохъ петровской реформою. Впрочемъ, не будемъ входить въ подробности той уже избитой мысли, что въ развитіи русской литературы и вообще образованности не было прочной и твердой осадки, что позднѣйшіе слои ложились кое-какъ, на рыхлой почвѣ, и потому всегда давали трещины и пустыя продушины. Твердымъ на Руси остался только тотъ первобытный, наивный стиль духовныхъ стиховъ, котораго характеристику старался я изложить.

Народное сознаніе, остановившееся на грубыхъ начаткахъ христіанской цивилизаціи, которымъ на Западѣ соотвѣтствуетъ XII вѣкъ или уже много XIII, встрѣтило петровскую реформу съ тѣмъ оторопѣлымъ, тупымъ изумленіемъ, которое съ давнихъ временъ воспитывала русская фантазія мрачнымъ стилемъ, господствовавшимъ не въ однихъ духовныхъ стихахъ. Это сознаніе могло обнаружиться только между раскольниками и еретиками, то-есть, въ томъ только простонародьи, которое вслѣдствіе петровской реформы еще не совсѣмъ отупѣло, и не разучилось мыслить и читать. Эти фанатики поняли разрывъ между жизнію народною и вносимою на Русь нѣмецкою образованностью — конечно самымъ нелѣпымъ образомъ, въ отсталыхъ формахъ того романскаго, чудовищнаго стиля, и эпоху, обновленную реформою, назвали *звѣринымъ* вѣкомъ нарождающагося антихриста: слѣдовательно въ самомъ просвѣщеньи, приносимомъ къ намъ съ Запада, и вообще во всѣхъ явленіяхъ новѣйшей исторіи находили они только новую пищу своимъ мрачнымъ, чудовищнымъ видѣніямъ.

Съ другой стороны, какъ бы въ возмездіе за такую грубую себѣ встрѣчу, новѣйшая образованность русская, поддерживаемая сословною гордостью и барскою спѣсью, въ тѣхъ же грубыхъ, не человѣческихъ формахъ поняла все народное, и отказавъ ему въ человѣческомъ достоинствѣ, уравняла простой людъ

съ вещью и относилась къ нему, какъ къ домашнему скоту и дикому звѣрю.

Такимъ образомъ, не въ однихъ расколахъ и ересяхъ, не въ однѣхъ простонародныхъ массахъ на Руси въ XVIII и даже XIX в. господствовало чудовищное, безчеловѣчное отношеніе къ человѣку, объясняемое мною варварскимъ, звѣринымъ стилемъ средневѣковыхъ прилѣповъ и нашихъ духовныхъ стиховъ; это отношеніе — въ той же мѣрѣ, только прикрытое нѣмецкимъ кафтаномъ, давало о себѣ знать повсюду, гдѣ только сталкивались своекорыстные интересы сословнаго чванства и любостяжанья.

IV.

Послѣ Лазаря съ его великими страданьями и бѣдствіями, разставанье души съ тѣломъ, смерть, приближеніе антихристова вѣка, кончина міра и страшный судъ — вотъ предметы, которые особенно любитъ слушать отъ слѣпыхъ стариковъ русскій простой народъ, питая въ себѣ этими безотрадными сюжетами то смутное расположеніе духа, котораго значеніе, въ литературномъ и художественномъ отношеніи, я старался опредѣлить въ предшествовавшей главѣ.

Грустная дѣйствительность, не давая никакого утѣшенія на землѣ, увлекала воображенье въ другой міръ. Горе великое, безъисходное, ни отколь взялось, привязалось къ доброму молодцу, какъ поется о немъ въ стихѣ, имѣющемъ общій источникъ съ знаменитою повѣстью XVII в. о Горе-Злочастіи[1]). Въ лаптяхъ-отопочкахъ идетъ горе горькое, мочалами пріопутавшись, лыкомъ опоясавшись. «Постой, удача-добрый-молодецъ!» — говоритъ оно: «никуда отъ горюшка не сбѣжать тебѣ, великаго горюшка не измыкати!» Молодецъ отъ горя въ чисто поле, а горе за нимъ во слѣдъ съ буйнымъ вѣтромъ: «Постой» — кричитъ: «не убѣ-

[1]) Сборникъ Варенцова, стр. 127 и слѣд. Слич. Историч. Очерки Русск. Народн. Словесн. I. 548.

жать тебѣ отъ меня!» Молодецъ отъ горя въ темны́ лѣса̀, а горе за нимъ съ топоромъ идетъ; молодецъ отъ горя въ ковыль-траву, а горе за нимъ съ косой идетъ; молодецъ отъ горя въ быстру̀ рѣку, а горе за нимъ съ неводомъ; молодецъ отъ горя въ старцы пошелъ, а горе за нимъ съ рясою идетъ и костыль несетъ; молодецъ отъ горя въ солдатушки, а горе за нимъ съ ружьемъ идетъ и ранецъ несетъ. Молодецъ отъ горя въ царевъ кабакъ, а горе за нимъ съ кошелькомъ бѣжитъ и грошами брянчитъ, стоитъ за винною бочкою со стаканчикомъ, со хрустальнымъ. Молодецъ отъ горя въ постелю слегъ, а горе за нимъ въ головахъ сидитъ, ему изголовье кладетъ, одѣваетъ, и все твердитъ свое роковое слово: «Постой, удача-добрый-молодецъ! ни куда отъ меня не дѣнешься!» Молодецъ отъ горя преставился, а горе у него въ головахъ стоитъ, причитая все одно и тоже. Понесли молодца отъ горя въ Божью церковь, а горе за нимъ со свѣчей идетъ. Опускали молодца въ сыру землю, а горе за нимъ съ лопатою; и передъ нимъ горе низко кланяется: «Спасибо тебѣ — говоритъ — удача-добрый-молодецъ, что носилъ ты горе, не кручинился, не печалился».

Пошолъ молодецъ въ сыру̀ землю,
А горюшко по бѣлу свѣту,
По вдовушкамъ и по сиротушкамъ,
И по бѣднымъ по головушкамъ.
Горю слава во вѣкъ не минуется!

Не отчаянная отвага могла внушить этотъ простонародный гимнъ злосчастному горю, а выстраданное вѣками, окрѣпшее и воздержанное терпѣніе, которое не боится взглянуть прямо въ глаза этому демону, и съ спокойною увѣренностью пророчитъ, что *горю слава во вѣкъ не минуется.*

Только смерть спасаетъ отъ этого неотвязчиваго демона. Ни богатырскія силы, ни слава, ни богатство не избѣгнутъ ее. «Мрутъ на землѣ сильные и богатые» — говоритъ она Аникѣ воину: «мрутъ всѣ православные христіане: и еслибъ они всѣ со мной казною

подѣлились, и отъ меня, отъ смерти, казною откупались, еслибъ мнѣ со всякаго человѣка казны брать: была бы у меня золотая гора накладена отъ востока солнца до запада»! Потому смерть въ народныхъ стихахъ величается *гордою:* она никого не боится и никого не щадитъ. Воинъ Аника, чтобъ умилостивить ее, готовъ воздать ей даже божескія почести. «У меня — говоритъ Аника — много золота и серебра: я построю тебѣ соборную церковь, спишу твой ликъ на икону, поставлю твой ликъ на престолѣ: отовсюду станутъ къ тебѣ сходиться сильные и богатые, станутъ на тебя молиться, станутъ тебѣ молебны служить, и украшать твой образъ драгоцѣнными каменьями»! — Не сдалась на лесть гордая смерть и отвергла всякія сдѣлки съ трусливою жизнію. «Рабъ-человѣкъ, Аника-воинъ»! — говоритъ она: «у тебя казна не трудовая, у тебя казна *слезовая*, съ крволитья нажитая, у тебя казна праховая: Святъ Духъ дохнетъ — твоя казна прахомъ пойдетъ, провалится! Не будетъ твоей душѣ пользы и на второмъ суду, на пришествіи»!

Чѣмъ глубже и возвышеннѣе этотъ торжественный тонъ народной поэзіи въ устахъ смерти, тѣмъ разительнѣе контрастъ между поэтическимъ творчествомъ безъискусственной фантазіи и тѣми чудовищными формами звѣринаго стиля, въ которыя одѣваетъ она образъ смерти. Это было — *чудо чудное*, диво дивное: у чуда туловище *звѣриное*, ноги *лошадиныя*, а голова и руки человѣчьи, волоса у чуда до пояса. Однако, не смотря на этотъ чудовищный видъ, какъ олицетворенье высшей на землѣ силы и правды, гордая смерть господствуетъ надъ всѣмъ, и торжественно говоритъ о себѣ: «Меня Господь возлюбилъ — и по землѣ попустилъ»[1].

Эта страшная гроза, неостанавливающаяся въ своихъ опустошеньяхъ никакими препятствіями, попущена на землѣ самимъ Господомъ Богомъ, чтобъ водворять нравственное равновѣсіе въ той житейской неурядицѣ, которую съ глубокой скорбію изо-

---

[1]) Сборникъ г. Варенцова, стр. 110—127.

бражаютъ русскіе духовные стихи. Слѣпой пѣвецъ приглашаетъ своихъ слушателей мысленно взойдти на Сіонъ-гору и взглянуть на то, что дѣлается на землѣ: «Взойди, человѣче, на Сіонъ-гору, посмотри, человѣче, на мать сыру землю: посмотри, чѣмъ мать земля изукрашена, и чѣмъ она изнаполнена? Изукрашена земля Божьими церквами, солнцемъ праведнымъ, а наполнена она беззаконниками» [1]).

Въ описаніи грѣховъ мы оставимъ въ сторонѣ всѣ общія мѣста, имѣющія предметомъ одинаковыя для всѣхъ вѣковъ и народовъ беззаконія, и остановимся только на тѣхъ, которыя рисуютъ русскій бытъ. Одни характеристическія беззаконія возникли въ условіяхъ сельскаго быта, другія — изъ отношеній къ неправеднымъ судьямъ.

Беззаконія сельскаго быта являются въ таинственной обстановкѣ колдовства, выражаемаго иногда въ чудовищныхъ формахъ звѣринаго стиля.

Вотъ какъ кается въ своихъ грѣхахъ душа сельская:

Изъ коровушекъ молока я *выкликивала*,
Во сырое коренье я выдаивала....
Въ полюшкахъ душа много хаживала,
Не по-праведну землю роздѣливала:
Я межу черезъ межу перекладывала,
Съ чужой нивы земли украдывала....
Не по-праведну покосы я раздѣливала,
Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала....
Въ соломахъ я *заломы заламывала*,
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала....
Проворы въ поляхъ пораскладывала,
Скотину въ поле понапущивала,
И добрыхъ людей оголаживала....
По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьями оборачивала.

(Варенц., стр. 145 и слѣд.).

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 150.

Надобно отдать справедливость безпристрастію народной фантазіи въ томъ, что она съ одинаковымъ отвращеньемъ гнушается и этихъ мелкихъ грѣшковъ деревенскаго простаго быта, перепутанныхъ съ разными суевѣрьями, и тѣхъ вопіющихъ злодѣяній, которыми, по поламъ съ кровью, собирается казна слезовая. Поэтъ съ развитыми тенденціями личнаго взгляда и извѣстнаго направленія никакъ бы не утерпѣлъ, чтобъ не внести хотя бы частицу пристрастія въ мрачную картину грѣховъ и заблужденій своего времени. Конечно, это лирическое пристрастіе свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ нравственнаго развитія личности, и особенно важно въ послѣдовательномъ теченіи литературныхъ идей, какъ напримѣръ протесты Данта противъ злоупотребленій папской власти. Даже можно сказать больше: только длиннымъ рядомъ пристрастій и столкновеній между личными интересами вырабатываются благодѣтельные результаты истинной цивилизаціи. Но безыскусственная поэзія народная не знаетъ еще личнаго пристрастія, и свои недостатки въ нравственномъ развитіи выкупаетъ невозмутимымъ спокойствіемъ, пріобрѣтеннымъ вѣковою увѣренностью, что всякое на землѣ зло, и мелкое и крупное, равно постыдно, и рано ли, поздно ли, получитъ должное себѣ возмездіе. Эта ровность эпическаго взгляда особенно прилична такимъ сюжетамъ первобытной эпохи христіанскаго искусства и литературы, какъ изображеніе страшнаго суда и послѣднее воздаяніе за добрыя и злыя дѣла. Только неподкупная, стоящая выше всякихъ минутныхъ лирическихъ раздраженій, народная фантазія умѣла себя постановить на неприступной высотѣ *неподсуднаго* Судіи, и его грознымъ и праведнымъ взглядомъ взглянуть на дѣла человѣческія.

Въ этомъ состоитъ высокое нравственное достоинство и ничѣмъ несокрушимая нравственная сила духовныхъ стиховъ о Страшномъ Судѣ. Въ нихъ торжественный гласъ народа восходитъ до самыхъ возвышенныхъ своихъ тоновъ, и, изрекая правду всѣмъ и каждому устами самого вѣчнаго Судіи, становится гласомъ Божіимъ.

Нѣтъ лицепріятія въ этомъ судѣ духовныхъ стиховъ, нѣтъ и тѣни сословнаго пристрастія, хотя и идетъ онъ только отъ простаго народа. Въ томъ же ровномъ тонѣ, въ какомъ сельская душа наивно разсказываетъ свои мелкіе грѣхи, осуждаются на страшномъ судѣ и неправедные судьи, въ слѣдующихъ словахъ самого Михаила Архангела, грозныхъ силъ воеводы:

Гой еси многогрѣшные рабы, беззаконные!
У васъ тамъ было на вольномъ свѣту,
У васъ были судьи немилосливые,
Судъ судили не по-праведному,
Дѣлали не повелѣнное:
Праваго ставили въ виноватые,
Виноватаго ставили во правые;
Съ виноватаго брали злата-серебра,
Копили казну себѣ несчетную:
Ваша казна будетъ явитися
На второмъ на Христовомъ пришествіи.
(Варенцова Сборн., стр. 139—140)

Въ отношеніи историческаго развитія народной жизни и литературы, стихи о Страшномъ Судѣ во всей точности соотвѣтствуютъ той эпохѣ, когда впервые пробудилось въ народѣ сознаніе о нравственномъ долгѣ, съ точки зрѣнія христіанской цивилизаціи. Много чистоты и величія въ этомъ благотворномъ пробужденьи, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется и какая-то робость мысли, запуганной и треволненьями дѣйствительности, и чудовищными страшилами воображенья. Потому самое благородство въ безпристрастномъ взглядѣ на человѣческія дѣла отзывается чѣмъ-то отвлеченнымъ отъ жизни, чѣмъ-то фантастическимъ. Это не сатира на нравы, а фантастическое убѣжденіе въ необходимости близкаго конца всему міру. Фантазія, не справившись съ неурядицею дѣйствительности, не умѣя еще покорить себѣ эту неурядицу ни насмѣшкою, ни сатирическимъ негодованьемъ, боязливо отказалась отъ міра сего, и ищетъ себѣ примиренья съ идеею правды и добра — гдѣ-то далеко, въ воздуш-

ныхъ пространствахъ, въ будущемъ. Это не смѣлая рѣшимость сатирика, надмѣнно объявляющаго свой вызовъ на борьбу съ падшими нравами: нѣтъ, въ этомъ побѣгѣ отъ житейскихъ беззаконій въ воздушную область будущаго суда видна скорѣе трусость запуганной мысли, осмѣлившейся внезапно пробиться сквозь грубую кору невѣжества. Это невѣжество, питающееся неправдою и суевѣрьемъ, обладаетъ страшною силою, съ которой не сладить боязливой фантазіи: и вотъ оно представляется воображенью въ исполинскихъ размѣрахъ антихристова вѣка.

Будущее, котораго чаетъ фантазія духовныхъ стиховъ, оскорбляемая грустнымъ настоящимъ — не есть дальнѣйшее развитіе, не обновленіе жизни успѣхами цивилизаціи, съ плодотворною, идущею впередъ дѣятельностью. Нѣтъ, это уже послѣднее для всего человѣчества будущее: это безмятежное спокойствіе достигнутой цѣли — это лоно Авраамле, или же безвыходное мученіе, гдѣ уже нѣтъ мѣста успѣхамъ раскаивающейся совѣсти. Слѣдовательно, по роковому убѣжденію нашихъ духовныхъ стиховъ, будущаго на землѣ уже нѣтъ; а есть только одно гнетущее, тоскливое настоящее, изъ котораго одинъ, и уже рѣшительный выходъ — безапелляціонный судъ, безъ малѣйшихъ проволочекъ и безъ всякихъ исправительныхъ мѣръ. Русская фантазія, создавшая духовные стихи, не знаетъ милосердной, исправительной тюрьмы; она не хочетъ на время отложить казнь и сострадательно позаботиться объ исправленіи грѣшниковъ, потому что разумныхъ и гуманныхъ средствъ для того не указала и не дала ей дѣйствительность.

Не было для русской фантазіи чистилища, которое въ поэзіи западныхъ народовъ, можетъ быть, потворствовало человѣческимъ слабостямъ, но давало надежду для будущности, даже за предѣлами смерти. Стремленью идти впередъ и усовершенствоваться средневѣковой Западъ открывалъ безграничное поприще, переходящее изъ временной жизни въ вѣчную. Напротивъ того, наши духовные стихи съ какою-то безпощадною жестокостью описываютъ тѣ воздушныя заставы, оцѣпленныя ва-

тагами бѣсовъ, тѣ судейскія мытницы, черезъ которыя, какъ подсудимый отвѣтчикъ, влечется, подъ стражею, оторопѣлая отъ ужаса душа:

Ступила душа грѣшная на первую ступень, —
Пятьдесятъ бѣсовъ возрадовались, сами къ ней бѣгутъ,
Грѣхи раскатываютъ и расказываютъ и т. д.
(Варенц. Сборн., стр. 143—144).

Духовные стихи о Страшномъ Судѣ, ведущіе свое начало, вѣроятно, отъ ранней эпохи распространенья христіанства на Руси, и постоянно поддерживаемые въ народѣ любимымъ чтеніемъ такого же содержанія, даже до позднѣйшей эпохи состоятъ въ связи съ народною письменностью, которая въ XVII и даже въ XVIII вѣкѣ особенно богата лицевыми списками слова Палладія Мниха о второмъ пришествіи, житія Василія Новаго, толковыхъ апокалипсисовъ и другихъ сочиненій, изображающихъ загробную жизнь.

Строгій стиль духовныхъ стиховъ въ изображеніи Страшнаго Суда образовался, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ этого суроваго чтенія. Все грозно и мрачно въ этомъ изображеніи. Даже появленіе ангеловъ не озаряетъ привѣтливымъ свѣтомъ темной картины, составленной больше съ тою цѣлью, чтобъ устрашить грѣшниковъ, нежели порадовать людей праведныхъ. Какъ нечистые бѣсы мерещутся народной фантазіи въ какихъ-то неопредѣленныхъ очеркахъ, сливающихся съ мракомъ темнаго фона картины; такъ и поэтическіе образы свѣтлыхъ ангеловъ являются только какъ символическіе знаки, будучи лишены жизненнаго содержанья въ ихъ характеристикѣ. Чтобъ дать эту жизненность, фантазія должна была бы идеалы безплотныхъ духовъ сблизить съ дѣйствительностью и надѣлить ихъ человѣческими качествами: а это было невозможно при господствующемъ строгомъ стилѣ. Какъ бѣсъ, низведенный фантазіею до ежедневнаго быта, принялъ бы пошлый характеръ фламандской живописи, характеръ, такъ сказать, семейный и уличный; такъ и свѣтлые

духи, низведенные въ человѣческую среду и ставшіе доступными человѣческимъ симпатіямъ, согласно суровому стилю, только бы унизили свое горнее достоинство земною красотою. А гдѣ было взять красокъ для красоты не земной? Потому и русская поэзія и живопись пробавлялись извѣстнымъ, опредѣленнымъ типомъ, дошедшимъ по наслѣдству изъ Византіи. Въ духовныхъ стихахъ являются ангелы *грозные* и *милостивые*. Смотрѣть на нихъ страшно и умилительно, какъ страшна и умилительна благоговѣйная молитва съ сокрушеннымъ раскаяньемъ. Наша иконопись не умѣла рѣшить задачи въ изображеніи *грозныхъ ангеловъ*, потому что копья, которыми они низвергаютъ сатану или грѣшниковъ въ адъ—только внѣшнія аттрибуты грозы: а когда русское искусство вооружилось техникою, способною внести эту грозу во внутренній составъ художественнаго типа, тогда перестало оно трепетать передъ бѣсами и грозными ангелами, и потому не могло уже съ искреннимъ воодушевленьемъ взяться за кисть иконописца.

Можетъ быть самая задача — изобразить неизобразимое, дать земныя формы неземнымъ идеямъ — была неисполнима для искусства. Но уже одно только стремленье западныхъ мастеровъ и поэтовъ среднихъ вѣковъ разрѣшить эту задачу внушало бодрыя силы и вело къ дальнѣйшему развитію. Вѣрующій художникъ не затруднялся никакими препятствіями, и вносилъ кроткій ликъ Мадонны въ семейныя сцены, а прекрасныхъ ангеловъ заставлялъ, въ своей наивной фантазіи—сцѣпляться рука съ рукой съ душами праведныхъ, и вмѣстѣ съ ними вести воздушный хороводъ по цвѣтущимъ лугамъ открывающагося въ облакахъ рая. Но строгій стиль, усвоенный нашими духовными стихами, не допускалъ такихъ наивныхъ вольностей. Онъ упорно остановился на романской, варварской эпохѣ, и только закоснѣлъ, будучи скованъ теологическимъ началомъ, которому Византія строго подчинила и поэзію, и искусство. Всякое свободное творчество, удалявшееся отъ писанія, казалось оскорбленьемъ святыни, казалось ложью и преступною игрою: а *передъ Богомъ нельзя лгать,*

ни вышнимъ играть, какъ выразился одинъ русскій человѣкъ XIII вѣка, отлично понимавшій русскую жизнь, но воспитанный въ тѣхъ же суровыхъ понятіяхъ [1]).

V.

Г. Варенцовъ совершенно справедливо внесъ въ свой сборникъ раскольничьи и еретическія пѣсни, потому что онѣ составляютъ одно цѣлое со всѣми прочими духовными стихами. Иные стихи, какъ напримѣръ *о Голубиной Книгѣ*, до сихъ поръ разсматриваются, какъ общее достояніе всего русскаго народа, между тѣмъ какъ они поются и сектантами. Въ сборникѣ XVIII в., самаго злостнаго раскольничьяго содержанія, принадлежащемъ мнѣ, помѣщены два духовныхъ стиха: *Плачъ Адама и Еввы о прекрасномъ раѣ* и *Плачъ Іосифа прекраснаго и цѣломудреннаго*.

Но особенно имѣютъ внутреннюю связь пѣсни сектантовъ съ духовными стихами о Страшномъ Судѣ. Фанатическое воображеніе, разгорячаемое чтеньемъ толковыхъ апокалипсисовъ, видитъ въ современности вѣкъ антихристовъ:

Охъ увы, увы благочестіе,
Увы древнее правовѣріе!
Кто лучи твоя вскорѣ потемни?
Кто блистаніе тако измѣни?
Десято-рожный звѣрь сіе погуби,
Семиглавый змій тако учини —
(Варенц., стр. 181).

Такъ плачетъ Поморецъ, облекая свою ненависть къ текущему порядку вещей въ символическія формы звѣринаго стиля. Морельщикъ присоединяетъ свой зловѣщій вой:

Послушайте, мои свѣты:
Послѣднія пришли лѣта.
Народился злой антихристъ,

[1]) Даніилъ Заточникъ, въ своемъ моленіи къ князю Ярославу Всеволодовичу.

Напустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ,
Наложилъ онъ печать свою на людей,
На главы ихъ и на руки,
Что на руки и на персты...
Убирайтесь, мои свѣты,
Во лѣса, во дальныя пустыни,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,
Вы песками, пепелами!
Умирайте, мои свѣты, [1])
За крестъ святой, за молитву,
За свою браду честную —
(Варенц., стр. 197—8).

Самосожигатель Глухой Нѣтовщины ищетъ спасенья отъ антихриста въ пылающемъ кострѣ:

Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
Тому змію седмиглаву,
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
(Варенц., стр. 185).

И такъ, фантазія сектантовъ не способна уже къ спокойному, эпическому творчеству. Оторопѣлая отъ мнимыхъ страшилъ антихристова вѣка, наскоро схватываетъ она нѣсколько смутныхъ, мрачныхъ образовъ и тревожныхъ ощущеній, и передаетъ ихъ то въ жалобныхъ вопляхъ изнемогающаго мученія, то въ грозныхъ крикахъ отчаянья, то наконецъ въ торжественной пѣснѣ какого-то символическаго обряда, который посторонняго зрителя переноситъ въ первобытные вѣка зарожденія и созданія какой-то небывалой религіи. Это поэзія, возникшая, какъ

[1]) Въ другомъ стихѣ Морельщиковъ: «Помирайте-ка всѣ гладомъ». Варенц., стр. 203.

тотъ символическій фениксъ звѣринаго стиля—на пылающемъ кострѣ самосожигателя; это нечеловѣческій вой умирающаго съ голода морельщика; это дикіе крики въ вихрѣ вертящагося демоническаго хоровода скопцовъ.

Для исторіи народной литературы поэзія сектантовъ имѣетъ двоякій интересъ. Вопервыхъ, она свидѣтельствуетъ, что творчество народной фантазіи, двинутое нѣкогда двоевѣріемъ, не прекращается и до позднѣйшихъ временъ, къ которымъ относятся сочиненія большей части раскольничьихъ и еретическихъ пѣсенъ; и вовторыхъ, она предлагаетъ намъ образцы собственно народной лирики, существенно отличающейся отъ пѣсенъ свадебныхъ и другихъ обрядныхъ, оставшихся въ народѣ отъ ровнаго эпическаго періода.

Какъ поэзія, возникшая въ кругу грамотнаго простонародья, она соединяетъ въ себѣ традиціонныя формы древнѣйшей эпической поэзіи съ элементами книжными, пользуется литературными средствами и иногда употребляетъ даже позднѣйшій размѣръ и риѳму. Какъ лирика, выражающая, не личность еще одного автора, но все же извѣстное направленіе отдѣльнаго общества, она наклонна къ сатирическому раздраженью, а въ прозѣ переходитъ даже въ насмѣшку. Въ этой поэзіи есть стимулы къ развитію, но недостаетъ для того умственныхъ и нравственныхъ средствъ. Она выражаетъ только непрестанное недовольство, вѣчно вращающееся въ вихрѣ какого-то символическаго хоровода, и не имѣющее силъ выйдти изъ этого очарованнаго круга. Для такой поэзіи нѣтъ даже настоящаго: она какъ бы наканунѣ великаго дня послѣдняго на землѣ суда. И съ эту роковую минуту только одно обращеніе къ прошедшему связываетъ ее еще съ землею.

Потому поминовеніе есть единственная утѣха этому безотрадному состоянію души. Раскольничьи помянники содержатъ въ себѣ длинный поименный перечень всѣхъ ересіарховъ и сектантовъ, будто бы, пострадавшихъ и сожженныхъ *благочестія ради*. Для вящщаго раздраженья раскольничьяго фанатизма, къ собственнымъ именамъ присоединяются сотнями и тысячами

какіе-то безыменные страдальцы. Это собственно раскольничье поминанье составляетъ послѣднія главы общаго помянника, и какъ бы вставляется въ общую раму историческихъ воспоминаній обо всѣхъ погибшихъ въ землѣ русской.

Для любопытствующихъ предлагаю выдержки изъ такого помянника, по упомянутой выше моей рукописи раскольничьяго содержанія.

За поминовеньемъ всѣхъ святыхъ и всего духовнаго чина русской земли слѣдуетъ:

«Помяни, Господи, прародителей и родителей нашихъ, по плоти отцовъ и матерей, и братію и сестеръ, мужескій полъ и женскій, старцевъ и младенцевъ, и сиротъ, и вдовицъ, и убогихъ, и плачущихъ, и не имущихъ, гдѣ главы подклонити въ храминѣ».

«Помяни, Господи, князей и бояръ, хотѣвшихъ добра святымъ Божіимъ церквамъ и великимъ княземъ всея Руссіи».

«Помяни, Господи, посадниковъ новгородскихъ и тысяцкихъ и болярь и всѣхъ православныхъ христіянъ, хотѣвшихъ добра святымъ Божіимъ церквамъ, и великимъ князьямъ всея Руссіи».

«Помяни, Господи, князей и бояръ, и братій нашихъ единовѣрныхъ, во Христа избіенныхъ за святыя Божіи церкви и за Русскихъ князей и за православную вѣру, за кровь христіянскую, отъ Татаръ, отъ Литвы и отъ Нѣмецъ, и отъ иноплеменникъ, и отъ своей братіи, отъ крещеныхъ, за Дономъ и на Москвѣ, и на Бергѣ, и на Бѣлевѣ, и на Калкахъ, и на езерѣ Галицкомъ, и въ Ростовѣ, и подъ Казанью, и подъ Рязанью, и подъ Тихой Сосною».

«Помяни, Господи, избіенныхъ братій нашихъ за имя твое и за вся святыя твоя церкви и за все православное христіянство, на Югрѣ, и на Печерѣ, въ Воцкой землѣ, на Мурманехъ, и на Невѣ, и на Ледовомъ побоищѣ, и на Ракоборѣ, и у Вѣнца города, и у Выбора, и на Наровѣ рѣкѣ, и на Иванѣ городѣ, и подъ Ямою городкомъ, и подъ Яжборомъ, и на Русѣ, и на Шелонѣ, и подъ Орѣшкомъ, и подъ Корельскимъ городкомъ, и подъ Псковомъ, и подъ Торжкомъ, и подъ Тверью, и на Дону, и въ Новомъ городкѣ, и за Волокомъ, и на морѣ, и на рѣкахъ, и въ

пустыняхъ, и на всякомъ мѣстѣ избіенныхъ братій нашихъ, и подъ Великимъ Новымъ городомъ избіенныхъ бояръ и всѣхъ православныхъ христіянъ, и иныхъ, братію нашу, въ полону скончавшихся»....

«Помяни, Господи, работныхъ рабъ и рабынь, послуживших отцамъ и братіямъ нашимъ, ихъ же нѣсть кому помянути ихъ», и т. п.

Къ этому-то лѣтописному Помяннику, поддерживающему въ народѣ историческія преданья, присоединяется собственно раскольничье поминанье, очевидно, проникнутое фанатическимъ увлеченьемъ, что явствуетъ изъ крайнихъ преувеличеній. Поминанье начинается именами коноводовъ: «священно протопопа Аввакума, священно іерея Лазаря, священно діякона Ѳеодора, инока Епифанія, Кипріяна юродиваго» и т. д. Особенно отличается сильными увлеченьями статья о сожженыхъ, будто бы, благочестія ради. Напримѣръ: «Инока Игнатія и иже съ нимъ Терентія и прочихъ 2700».—«Иларіона, Іоанна, и иже съ ними 1000», и т. д..

Не смотря на всѣ крайности въ увлеченіяхъ, расколъ старообрядства въ исторіи русской литературы, библіографіи и археологіи заслуживаетъ вниманія изслѣдователя въ томъ отношеніи, что старообрядцы перечитали множество рукописей и книгъ и пересмотрѣли множество иконъ и церковныхъ утварей, и обо всѣхъ своихъ наблюденьяхъ давали письменный отчетъ и тѣмъ полагали начало русской библіографіи и археологіи, хотя съ своимъ узкимъ взглядомъ и имѣли они при этомъ самые мелочные интересы, ограничивавшіеся ихъ догматами о перстосложеньи, объ аллилуѣ и т. п. Эти ученые труды составляютъ какъ бы эпоху схоластики, которая отъ XVII в. во всей своей свѣжести дошла и до нашихъ временъ.

Въ отношеніи художественнаго стиля поэзія сектантовъ отличается тою безсмысленною символикою, которая на Западѣ возможна была по крайней мѣрѣ лѣтъ шестьсотъ или пятьсотъ до нашихъ временъ. Еретическая фантазія, ободряемая невѣже-

ствомъ, и воспитанная простонародною поэзіею, отличается большею свободою, и, не затрудняясь ни какими стѣснительными соображеньями, творитъ новые образы и небывалые типы символическаго характера.

Для примѣра указываю на одну изъ самыхъ замѣчательныхъ пѣсенъ въ сборникѣ г. Варенцова; это пѣсня объ *Аллилуевой женѣ* (стр. 174). Глухая Нѣтовщина развиваетъ въ этой пѣснѣ догматъ самосожженія въ его историческомъ, традиціонномъ происхожденіи. Будто бы Христосъ, будучи еще младенцемъ, скрылся отъ преслѣдованья жидовъ къ какой-то женѣ Аллилуевой, въ которой фантазія олицетворила церковную пѣснь: аллилуія. Эта символическая личность иногда просто называется *милостивой женой, милосердой.* Въ то время, какъ явился къ ней Христосъ, она топила печку, а въ рукахъ держала своего младенца. По повелѣнью Христа, она взяла на руки Его Самого, а младенца бросила въ печь. Пришли жиды и обманулись, принявъ сожженнаго младенца за Христа. Но когда они ушли, жена Аллилуева отворила заслонку печи, и увидѣла тамъ вертоградъ прекрасный, а дитя ея гуляетъ по travѣ-муравѣ, съ ангелами пѣсни воспѣваетъ, читаетъ золотую книгу евангельскую и за отца съ матерью Бога молитъ.

Какъ возговоритъ Аллилуевой женѣ
Христосъ, Царь Небесный:
«Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда!
Ты скажи мою волю всѣмъ моимъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ христіянамъ,
Чтобы ради меня они въ огонь кидались,
И кидали бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ,
Пострадали бы всѣ за имя Христа свѣта,
Не давались бы въ прелесть *хищнаго волка*,
Хищнаго волка, антихриста злаго», и проч.

Въ пѣсняхъ еретиковъ особенно распространенъ символъ *корабля*, имѣвшій, какъ извѣстно, смыслъ церкви, въ древнехристіанской и средневѣковой символикѣ и на Западѣ. Самые

отдѣлы храма на архитектурномъ языкѣ названы кораблями. Этотъ средневѣковой символъ особенно усвоенъ такъ называемыми Людьми Божіими, которые называютъ *кораблемъ* каждое отдѣльное общество изъ своихъ, отправляющее вмѣстѣ свое богослуженье; а правитель такой общины или нáбольшій называется *кормщикомъ корабля.*

Самый фантастическій образъ символическаго корабля предлагаетъ извѣстная скопческая пѣсня о какой-то *Сладимъ-рѣкѣ*, текущей изъ рая.

Пѣсня такъ оригинальна, что почитаю не лишнимъ привести ее всю сполна:

Взбранный воевода нашъ, сударь батюшка,
Взбранный воевода нашъ, Царь Небесный!
Радуйся, Сладимъ-рѣка — изъ рая течетъ,
Радуйся, Сладимъ-рѣка съ Искупителемъ,
Радуйся, Сладимъ-рѣка со Спасителемъ,
Радуйся, со Святымъ Духомъ Утѣшителемъ,
Радуйся, Сладимъ-рѣка, гласъ вѣщанія,
Радуйся, Сладимъ-рѣка, гласъ ученія,
Во всѣ концы земли подвселенныя!
Долинà Сладимъ рѣки — Саваоѳъ Господь,
Ширина Сладимъ-рѣки — сударь Сынъ Божій,
Глубина Сладимъ-рѣки — сударь Духъ Святый [1]).
Плыветъ по Сладимъ-рѣкѣ да царскій корабль;
Вокругъ царскаго корабля легкія лодочки,
Плывутъ легкія лодочки все фрегатушки;
Возлюбленныя вѣрныя царскія дѣтушки,
Матросы — бѣльцы, стрѣльцы, донскіе козаки,
Волны заграничные, слуги вѣрные.
Восплываетъ батюшка сударь Сынъ Божій,
Поправляетъ батюшка сударь Духъ Святый.
По синему морю поплавываютъ,

---

[1]) Этотъ мотивъ взятъ изъ слѣдующаго мѣста извѣстной апокрифической бесѣды св. отцовъ: «*вопросъ:* что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? *Отвѣтъ:* Высота небесная — Отецъ, широта земная — Сынъ, глубина морская — Духъ Святой».

И бѣлыми парусы размахиваютъ,
И въ гусли Давыдовы выигрываютъ,
Глаголы Господни вычитываютъ,
Жениться они батюшкѣ совѣтываютъ.
Сосватался батюшка на Сіонъ-горѣ,
Женился нашъ батюшка на Голгоѳъ-горѣ,
Вѣнчался нашъ батюшка на Святомъ Крестѣ.
Радуйся, Сіонъ-гора превысокая,
Радуйся, Голгоѳъ-гора, мѣсто лобное!
Женихъ къ тебѣ идетъ, жениться грядетъ.
Невѣсту взялъ, батюшка, Саваоѳа дочь,
Саваоѳа дочь, дочку ближнюю,
Дочку ближнюю, Небо высшее,
А землю нашъ батюшка во приданствѣ взялъ:
За то Саваоѳъ отдалъ, что кровью страдалъ,
За то Саваоѳъ уступилъ, что кровью купилъ.

Эту и многія другія пѣсни, входящія въ составъ еретической службы, надобно разсматривать въ двоякомъ отношеніи: съ точки зрѣнія христіанской цивилизаціи вообще, и съ точки зрѣнія поэтической, художественной.

До сихъ поръ всю эту поэзію разсматривали обыкновенно только въ первомъ отношеніи, и совершенно справедливо видѣли въ ней нелѣпую чепуху, служащую препятствіемъ къ распространенію здравыхъ понятій. Но въ отношеніи литературномъ можно быть нѣсколько снисходительнѣе къ этой наивной поэзіи потому, что заблужденья творческой фантазіи, воспитанной суевѣрьями и ученьями разныхъ сектъ, были во всемъ христіанскомъ мірѣ естественнымъ путемъ, по которому развивались народныя массы. Пѣснями мистиковъ, бичующихся и другихъ фанатиковъ, имѣющими замѣчательное сходство съ русскою еретическою поэзіею, очень дорожатъ историки западныхъ литературъ, открывая въ нихъ слѣды умственнаго и поэтическаго развитія [1]). Чтобъ въ отношеніи поэтическомъ прими-

[1]) Смотр. Hoffmann von Fallersleben, Geschichte des Deutschen Kirchenliedes. 1854 г., стр. 86, 130.

риться съ пѣснями нашихъ сектантовъ и найдти въ нихъ литературное значеніе, надобно только въ своей оцѣнкѣ спустить ихъ изъ современности, примѣрно, къ XIV вѣку европейской поэзіи, и, не обманывая себя внѣшнимъ уровнемъ новѣйшаго русскаго просвѣщенья съ западнымъ, надобно въ невѣжествѣ простонародья и въ этой еретической поэзіи признать вопіющую улику нашему европейскому просвѣщенью въ томъ, что оно само не было на столько просвѣщеньемъ европейскимъ, чтобъ озарить свѣтомъ человѣколюбиваго ученія эту заматорѣлую, вѣковую тьму. Нельзя въ такомъ живомъ организмѣ, какъ народъ, довольствоваться однѣми крайними оконечностями, и только по нимъ судить о здоровьѣ всего жизненнаго состава. Невѣжество и суевѣрье толпы свидѣтельствуютъ о томъ, что еще не успѣла русская цивилизованная современность воспитать хорошихъ учителей. Потому-то въ этихъ поэтическихъ вопляхъ русскаго доморощеннаго фанатизма слышится горькій упрекъ просвѣщенью Петровской Руси, которая только съ презрѣньемъ отвращала взоры отъ своей отсталой, заблудшейся братіи, съ средневѣковою увѣренностью, что темныя заблужденья и суевѣрья можно истребить какими-нибудь крутыми мѣрами, а не перевоспитать путемъ послѣдовательнаго, осмотрительнаго и гуманнаго образованія.

Обратимся же къ указанью тѣхъ успѣховъ, какіе сдѣлала простонародная фантазія въ поэзіи сектантовъ.

Мы видѣли, какъ ограниченъ книжнымъ преданьемъ стиль обще-народныхъ духовныхъ стиховъ. Фантазіи недоставало той игривости, которую она пріобрѣтаетъ свободнымъ обращеньемъ съ предметами своего творчества. Правда, что и византійская литература въ своихъ апокрифическихъ басняхъ давала нѣкоторый выходъ свободному творчеству изъ того сомкнутаго круга, который опредѣлялся строгимъ наблюденьемъ догматовъ теологическаго ученія. Но это были не болѣе какъ полумѣры, съ которыми трудно было вполнѣ примириться, потому что самое раздѣленье поэтическаго матеріала на дозволенный и не дозволен-

ный было стѣснительно для фантазіи. Поэзія сектантовъ, черпая свои силы изъ народныхъ источниковъ, умѣла усвоить себѣ ту наивную свободу въ обращеніи съ религіозными сюжетами, какою отличается католическая поэзія средневѣковаго Запада.

Извѣстны, напримѣръ, страстныя обращенія, какія позволяли себѣ въ поэтическихъ молитвахъ Францискъ Ассизскій и другіе фанатическіе поэты. Соотвѣтственныя этому католическому обычаю страстныя, наивныя выраженья религіознаго восторга можно найдти на Руси только въ пѣсняхъ сектантовъ. Такова, напримѣръ, слѣдующая богослужебная пѣснь людей Божіихъ, въ сборникѣ г. Варенцова, стр. 199:

Тошнымъ было мнѣ тошнехонько,
Грустнымъ мнѣ было грустнехонько,
Мое сердце растоскуется,
Мнѣ къ Батюшкѣ въ гости хочется:
Я пойду, млада, ко Батюшкѣ...
Мое сердце растоскуется,
Сердечный ключъ подымается:
Мнѣ къ Матушкѣ въ гости хочется,
Съ любезною повидатися,
Съ любезною побесѣдовать.
И мнѣ къ *вѣрнымъ* въ гости хочется,
Съ вѣрными повидатися;
Съ любезными побесѣдовать.

Въ дополненіе къ этому, укажу на одну скопческую пѣсню, переходящую предѣлы наивности, какъ случается и съ поэзіею католическою. Вотъ выдержка изъ этой пѣсни, менѣе оскорбляющая приличіе:

Утенушка по рѣчушкѣ плыветъ,
Выше бережку головушку несетъ,
Про меня, младу, худу славу кладетъ...
Я спать лягу, мнѣ не хочется:
Животъ скорбью осыпается,
Уста кровью запекаются.
Мнѣ къ Батюшкѣ въ гости хочется,
У родимова побывать, побесѣдовать...

Изящество раскольничьихъ пѣсенъ опредѣляется двумя господствующими въ нихъ художественными формами. Это — или обычные мотивы народнаго творчества, основанные на живописныхъ уподобленіяхъ, или же символика мистической поэзіи, ведущая свое начало отъ древне-христіанскаго и византійскаго стиля. То и другое предлагается въ видѣ аллегоріи, которую, какъ загадку, слѣдуетъ разгадать, съ тою только разницею, что уподобленіе уже само по себѣ удовлетворяетъ художественное чувство, какъ цѣльная, самостоятельная картина, подробности которой освѣщены одною общею имъ всѣмъ идеею, тогда какъ символическіе образы въ своей фантастической необычайности остались бы недосказанными, если бы не былъ данъ объяснительный ключъ къ ихъ уразумѣнію.

Вотъ напримѣръ граціозная пѣсенка совсѣмъ во вкусѣ народной лирики.

Ой во саду, саду, во саду зеленомъ
Стояло тутъ древо отъ земли до неба.
На это на-древо птица солетала,
Птица голубица древо любовала,
Древо любовала, гнѣздышко свивала,
Гнѣздышко свивала, дѣтей выводила,
Дѣтей выводила, дѣткамъ говорила:
— «Ужъ вы, мои дѣтки, дѣтки голубятки!
«Клюйте вы пшеничку, клюйте — не роняйте,
«Въ поле не летайте, въ пыли не пылитесь,
«Въ пыли не пылитесь, росой не роситесь!»
Дѣтки не стерпѣли, въ поле полетѣли,
Въ пыли запылились, росой заросились.
Ужъ какъ-то намъ быть, къ Батюшкѣ придтить!
Къ Батюшкѣ придтить, слезами залиться,
Авось нашъ Батюшка до насъ умилится!

Типическій образецъ стиля символическаго въ выспреннемъ строѣ мистическаго воодушевленія предлагаетъ слѣдующій торжественный гимнъ такъ называемыхъ Людей Божіихъ.

У насъ было, други, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во царскомъ дому,
Стояла тамъ церковь соборная,
Соборная церковь, богомольная.
Во той во церкви Люди Божіи:
Они сходятся, Богу молятся.
Во той во церкви пробилъ быстрый ключъ;
Растворились двери — рѣка протекла.
По той по рѣкѣ суденца плывутъ,
Суденца плывутъ, все судомъ судятъ:
Разсудили судъ, кораблемъ пошли.
Ходитъ-гуляетъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, сынъ царскій, гребецъ.
На главѣ его смарагдовый вѣнецъ,
Во рукѣ держитъ лазоревый цвѣтъ:
Съ руки на руку перекидываетъ,
Вѣрныхъ, праведныхъ поманиваетъ,
Дорогой товаръ показываетъ.
Этому товару цѣны, други, нѣтъ:
Денегъ не берутъ, даромъ не даютъ;
Раненько встаютъ, трудомъ достаютъ.
Сказать ли вамъ, братцы про тотъ быстрый ключъ?
Этотъ быстрый ключъ — Благодать съ неба;
Растворились двери — дана вамъ Вѣра;
Рѣка протекла — рѣчи Божіи,
Рѣчи Божіи, суды грозные! Аминь!

Само собою разумѣется, что религіозный стиль, низведенный сектантами до простонародной грубости, долженъ былъ иногда нарушать свое величіе тривіальностью выраженій, которою не умѣетъ оскорбляться наивное простонародье.

Другой признакъ развитія народной поэзіи въ пѣсняхъ сектантовъ — это болѣе или менѣе сознательное преслѣдованье извѣстнаго направленья. Уже самое сложеніе обрядныхъ и догматическихъ пѣсенъ какого-нибудь еретическаго толка свидѣтельствуетъ о намѣреніи и цѣли слагателей. Потому почти за каждою такою пѣснею скрывается задняя мысль. Такъ, напримѣръ, пѣсня странниковъ, бѣжащихъ изъ пагубнаго Вавилона,

состоитъ въ связи съ протестомъ бѣглецовъ противъ паспортовъ. Это дикое возмущеніе противъ гражданственности прикрываетъ себя внѣшнимъ выраженьемъ фанатическаго благочестья:

Ни что не можетъ воспретити,
Отъ странства мя отлучити.
Пищи тако не алкаю,
Странствоваться понуждаюсь.
Всему міру въ смѣхъ явлюся,
Токмо странства не лишуся.
Бѣжи, душа, Вавилона,
Постигай спѣшно Сіона и проч.

(Варенц., стр. 188).

Въ параллель съ этою пѣснею привожу еретическій паспортъ, замѣчательный столько же по нелѣпой тенденціи, сколько и по необузданности сильныхъ выраженій:

«Объявитель сего, Іерусалима града вышняго, азъ рабъ Христовъ, уволенъ въ разные города и селенія, для ради себя прокормленія, всякими трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а есть съ воздержаніемъ; противъ всѣхъ чтобъ не прекословить, но токмо Бога славословить; убивающихъ тѣло не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться. Утверди мя, Господи, во святыхъ твоихъ заповѣдяхъ стояти, и отъ Востока, тебѣ, Христе, къ Западу не отступати. Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой: кого ся убою. Господь защититель животу моему: кого ся устрашу. И гдѣ я буду пребывать, всѣхъ я буду подражать. А кто держать меня будетъ бояться, тотъ не хощетъ съ царемъ моимъ знаться. Ты покой мнѣ, Богъ, и прибѣжище мнѣ, Христосъ; покровитель и просвѣтитель мнѣ Духъ Святый. А какъ я сего не буду наблюдать, то послѣ много буду плакать и рыдать. Егда день Христовъ явится, тогда дѣло наше объявится. Дано сіе отъ нижеписаннаго числа впредь на одинъ вѣкъ, а по прошествіи онаго числа явиться мнѣ въ мѣсто нарочито. Сей пашпортъ явленъ въ части святыхъ, и въ книгу животну подъ номеромъ будущаго вѣка записанъ».

Но вотъ попали наконецъ въ тюремную облаву разные бѣгуны, скопцы и Люди Божіи, паспортные и безпаспортные, и, изнывая въ своемъ заточеніи, оглашаютъ крѣпкія стѣны темницы бряцаньемъ кандаловъ и умильными пѣснопѣньями, въ которыхъ услаждаютъ себя мистическимъ общеніемъ съ самимъ Господомъ Богомъ.

Благослови, вышній Творецъ,
Насъ «Христосъ воскресъ» воспѣть,
Искупителя востръть.
Полно, пташечки, сидѣть,
Приходитъ время летѣть.
Изъ затворовъ, изъ остроговъ,
Изъ темничныихъ запоровъ.
Караулятъ, стерегутъ —
Христа Бога берегутъ;
Крѣпки двери затворили,
Христа Бога заключили,
Будто радость получили.
То не знаютъ Іудеи
И всѣ злые фарисеи,
Како чудо претворится:
Крѣпкая дверь отворится,
Тяжолъ камень отвалится,
А нашъ Батюшка родной
Воскресеніемъ явится,
Чудеса будетъ творить.
Въ злату трубушку вострубитъ,
Ото сна вѣрныхъ разбудитъ.
Погонятъ его гонцы
Во всѣ стороны-концы;
Будутъ вѣрныихъ вѣстить,
Что нашъ Батюшка родной
Много съ нами погоститъ.
Такъ намъ надобно, любезны,
Къ той порѣ себя исправить:
Всѣмъ нарядъ Божій достать,
Какъ предъ Батюшкой бы стать.
Пора, други, украситься,

Чтобъ не стыдно намъ явиться,
Другъ на друга не вредиться,
Добрымъ дѣломъ не хвалиться,
А богатствомъ не гордиться.
Всѣ къ Батюшкѣ припадите
И сердцами воздохните.
Спѣшитъ Батюшка, катитъ,
Онъ со Страшнымъ Судомъ,
Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
Со небесными дарами,
Со разными со вѣнцами,
Съ знаменами и крестами,
Со златыми со трубами,
Съ богатырскими конями.
Будетъ Батюшка дарить,
По плечамъ ризы кроить:
Къ вѣрнымъ, праведнымъ — съ наградой,
Со небеснымъ покровомъ.

Существеннымъ дополненіемъ къ господствующей здѣсь мистической идеѣ служитъ слѣдующій эпизодъ.

Сокатала наша Матушка,
Наша Матушка, помощница,
Пресвятая Богородица,
Сокатала съ неба на землю,
Къ Государю Искупителю,
Къ нему свѣту — *во неволюшку*.
Со слезами наша Матушка
Его свѣта уговаривала.
— «Государь, родимый Батюшка!
Полно тебѣ во неволюшкѣ сидѣть,
Пора тебѣ съ земли на небо катить.
Пожалуй, свѣтъ, сударь Батюшка родной,
Ко мнѣ въ гости, въ седьмое небо,
Во седьмое небо, въ блаженный рай.
Я тамъ тебя утѣшать буду,
Утѣшать буду, ублажать стану,
Со ангелами, архангелами,
Съ херувимами, серафимами.»

Глаголуетъ Государь Батюшка родной:
— «Сударыня моя Матушка,
Родная Матушка, помощница,
Пресвятая Богородица!
Мнѣ не время катить на небо,
Мнѣ нельзя оставить дѣтушекъ,
Своихъ вѣрныихъ, избранныихъ сиротъ,
Избранныихъ, Богомъ званыихъ,
На землѣ ихъ безъ защитушки,
Безъ защитушки, безъ оградушки.
На нихъ нападутъ звѣри лютые,
Разгонятъ ихъ по темны̀мъ лѣсамъ —
По темны̀мъ лѣсамъ, по крутымъ горамъ.
Сударыня моя Матушка,
Родная Матушка, помощница,
Пресвятая Богородица!
Дай мнѣ сроку хошь на шесть лѣтъ:
Соберу я своихъ дѣтушекъ,
Своихъ вѣрныихъ, избранныихъ,
Избранныихъ, Богомъ званыихъ.
Соберу ихъ въ одно мѣстышко,
Совью имъ теплое гнѣздышко;
Совершу на землѣ Божій Судъ,
Тогда кончу превеликой свой трудъ.» —
Свѣтъ аминь Царю Небесному
И Святому Духу блаженному!

Грубая смѣсь невѣжественнаго фанатизма съ безсознательнымъ недовольствомъ дѣйствительностью придаетъ еретической поэзіи какой-то двуличневый колоритъ, переходящій отъ религіознаго восторга къ раздражительной сатирѣ и насмѣшкѣ. Потому эта поэзія очень богата сатирическими произведеніями, которыя возникаютъ въ ней и до нашихъ временъ. Въ рукахъ грамотныхъ сектантовъ сохраняются вообще простонародныя сатиры, хотя бы онѣ и не имѣли прямаго отношенья къ раскольничьимъ догматамъ.

Такова, напримѣръ, Просьба на исправника, состоящая

въ обличеніи взяточничества. Вотъ нѣсколько изъ нея выдержекъ [1]).

Всепресвѣтлѣйшій и Милостивый Творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ!
Просимъ мы слезно, нижайшія твари,
Однодворцы и экономическіе крестьяне,
О чемъ, тому слѣдуютъ пункты:
1) Не было въ сердцахъ нашихъ бόлѣсти,
Когда не раздѣлены были мы на волости,
И всякому крестьянину была свобода;
Когда управлялъ нами воевода,
Тогда съ каждаго жи́ла
По копѣйкѣ съ души выходило:
2) А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту,
По наукѣ ихъ гόловы и сотскіе воры
Поминутно дѣлаютъ поборы,
Поступаютъ съ нами безчеловѣчно,
Чего не слыхать было вѣчно....
Прежде тиранили, не навидя Христовой вѣры,
А сіи мучатъ, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибытки и доходы
Потребляемъ земскому суду на расходы.
3) Суди насъ, Владыко, по человѣчеству:
Какіе же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что не чѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники не чѣмъ разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица,
А не съѣдимъ въ Христовъ день куринаго яйца
Ѣдимъ мякину, обще съ лошадьми:
Какими жъ можемъ назваться мы людьми?...
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать кросна
Исправнику, секретарю и приказнымъ,
Чтобъ не быть бабамъ нашимъ празднымъ.

---

[1]) Какъ это сочиненіе, такъ и другія, приведенныя мною, взяты изъ позднѣйшихъ списковъ, переписанныхъ съ раскольничьихъ рукописей.

Съ каждаго домишку
Берутъ по полупуду льнишку,
И сверхъ того для своей чести
Сбираютъ по полуфунту овечьей шерсти,
Даже со двора по мотку и нитокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
И какъ они взъѣзжаютъ,
То плутъ десятскій съ сотскимъ изъ дому всѣхъ выгоняютъ,
А тѣхъ только оставляютъ, которыя помоложе —
Да ужъ и говорить о томъ непригоже!
Пріѣзды ихъ весьма для насъ обидны —
Тебѣ, Владыко нашъ, самому очень видны.
Просимъ мы тебя слезно, простирая руки —
Какъ нынѣ страждутъ Адамовы внуки —
Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда:
Избавь насъ, Господи, отъ земскаго суда!

Наконецъ, какъ бы ни была груба среда, изъ которой выходитъ разбираемая мною поэзія, какъ бы ни былъ безъисходенъ тотъ узкій горизонтъ, подъ которымъ эта поэзія вращается, все же въ самомъ развѣтвленіи ея на секты и толки видно нѣкоторое движенье, если уже нельзя по качеству самыхъ идей назвать этого явленія развитіемъ. Въ самой грубости надобно видѣть не одно только неподвижно коснѣющее варварство, но и нѣкоторое броженіе жизненныхъ соковъ. Поэзія сектантовъ, развѣтвившаяся на множество толковъ, явственно содержитъ въ себѣ это броженіе и даже не столько варварское, судя по многимъ идеямъ сектантовъ, встрѣчающимся, то съ ученьемъ протестантскимъ, то съ различными утопіями даже современныхъ западныхъ энтузіастовъ и мечтателей. Иныя изъ этихъ идей могутъ быть ложны, нелѣпы, даже вредны, но не варварскій застой составляетъ ихъ существенное качество.

1861 г.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLII, № 3.

КЪ ВОПРОСУ
о
КИРИЛЛАХЪ-АВТОРАХЪ
ВЪ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Е. ПѢТУХОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1887.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1887 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ.

Вопросъ о псевдонимахъ (въ обширномъ смыслѣ) въ древней русской литературѣ былъ затронутъ очень рано: еще П. Строевъ въ своей извѣстной статьѣ «Хронологическое указаніе матерьяловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія до начала XVIII в.» по поводу имени Кирилла указалъ на это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ XIV—XVII в. книжники освятили именемъ Кирилла Пасхалію, Азбуки толковыя, разныя молитвы и еще многое. Тогда (и съ какою удобностію!) все облекалось въ Кириллово, Фотіево, Корсунское и проч. Съ подобными прилагательными историческая критика еще не коротко знакома» [1]. Въ 1855 г. появилась по этому вопросу весьма обстоятельная статья Акад. М. И. Сухомлинова «О псевдонимахъ въ древней русской словесности», значительно подвинувшая дѣло разъясненія этого вопроса. Уважаемый авторъ, всматриваясь въ пріемы, которыми пользовались переписчики древнихъ произведеній нашей словесности при обозначеніи этихъ произведеній тѣми или другими именами, пришелъ къ выводу о трехъ видахъ псевдонимовъ: «оригинальныя русскія сочиненія или получали собирательное названіе поученій Св. Отцевъ, «отъ святыхъ книгъ» и т. п., или, что всего чаще, они приписывались Златоусту;

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1834 г., кн. II, стр. 1.

или же на нихъ выставлялось имя другого отца церкви: «Василія Великаго, Григорія Богослова, Кирилла Философа и т. д.» [1]).

Изъ этого послѣдняго рода псевдонимовъ всего болѣе встрѣчается въ рукописяхъ обозначеніе именемъ Кирилла, съ прибавленіемъ не только «Философа» [2]), но и «блаженаго», «святаго», «мниха», «недостойнаго мниха», «преподобнаго отца» и проч. Это частое употребленіе имени «Кирилла»-автора обусловливалось въ древней русской литературѣ двумя обстоятельствами: во 1-хъ, въ византійской литературѣ существовало два знаменитыхъ Кирилла: Кириллъ Іерусалимскій († ок. 387) и Кириллъ Александрійскій († 444), труды которыхъ пользовались издавна въ древней русской литературѣ большимъ уваженіемъ и извѣстностью [3]); во 2-хъ, въ самой русской письменности кромѣ великаго имени общаго всѣмъ славянамъ просвѣтителя Кирилла, извѣстнаго подъ именемъ «учителя словенска», «философа» и проч., было на Руси въ древнюю уже пору нѣсколько Кирилловъ; объ «учительности» и авторствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились болѣе или менѣе положительныя свидѣтельства. Это были: 1) знаменитый проповѣдникъ XII в. Кириллъ Туровскій, о писательской дѣятельности котораго ясно свидѣтельствуетъ житіе его въ Прологѣ подъ 28 апрѣля [4]); свидѣтельство это подтверждается и самыми дошедшими до насъ его сочиненіями,

---

[1]) Извѣст. II Отд. Ак. Н., т. V, 138.

[2]) Названіе «философа» не только у насъ, но и на западѣ (philosophus) означало всякаго, кто былъ «doctus, litteris egregie instructus»; иногда это слово употреблялось для обозначенія монаха или вообще духовнаго лица. (См. Du Cange, Glossarium mediae et infimae latinitatis, V. 287). Проф. Н. Лавровскій пользуется этимъ какъ доказательствомъ древняго общенія нашего съ западомъ («О древне-русскихъ училищахъ» Харьковъ 1854, стр. 121).

[3]) Ср. Горскій и Невоструевъ, Опис. ркп. Синод. Б-ки, II, 2, стр. 44, 48—49; Востоковъ, Опис. ркп. Рум. Муз., 233, 245 и др. Встрѣчается также обозначеніе именемъ «Св. Отца Кирилла, архіепископа Кѵприньскаго», т. е. Кипрійскаго, Кипрскаго (Сборн. Тр.-С. Лавры исх. XIV в. № 39, л. 232; ср. Москвитянинъ 1844, I, 241).

[4]) См. Е. Голубинскій, Ист. Русск. Ц. I, перв. пол. М. 1880, стр. 665, прим. 2.

изъ которыхъ нѣкоторыя прямо обозначены именемъ Кирилла, еписк. Туровскаго [1]); 2) Кириллъ I, митрополитъ Кіевскій 1223—1233 г.; лѣтопись о немъ говоритъ: «учителенъ зѣло и хытръ ученью божественныхъ книгъ» [2]), «разумливъ божественному писанію» [3]); 3) Кириллъ II, митрополитъ Кіевскій 1243—1280 г., о которомъ нѣтъ лѣтописныхъ извѣстій какъ объ авторѣ, но которому иные ученые склонны приписывать нѣкоторыя сочиненія [4]); 4) Кириллъ II, еписк. Ростовскій 1231—1262 г.; о немъ имѣются слѣдующія указанія лѣтописи: «не оста ничимъ же прежнихъ епископъ, вслѣдуя нравомъ ихъ и ученью, не токмо бо *словомъ уча*, но и дѣломъ кажа» [5]), «и вся приходящая удивлеся... ово *послушающе ученья его еже отъ св. книгъ*, ово же хотяще видѣти украшенья святыя церкви Пречистыя Владычицы нашея Богородицы» [6]), «*любовному ученью же и тщанью дивлься сего честнаго святителя Кирила*, съ страхомъ и покореніемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ написанья собѣ вдахъ, сего *перваго словесе дѣтеля* написати» [7]), «въ лѣто 6770... преставися блаженный учительный епископъ

---

[1]) См. Кормчая Синод. Б-ки ркп. 1282 г. № 132, л. 604; Царск. № 361 (XIV в.), л. 244; № 365 (XV в.), л. 581; № 612 (исх. XV в.), л. 498 и др. очень многія ркп. XVI и XVII вв.

[2]) П. С. Р. Л., I, 190.

[3]) Воскресенск. Лѣт. въ П. С. Р. Л., II, 182. Ср. Филарета, Обзоръ русск. дух. лит., 3-е изд. (СПБ. 1884), 46—47.

[4]) Филарета, Обзоръ, 58—62.

[5]) П. С. Р. Л., I, 195.

[6]) ib.

[7]) ib. Ср., впрочемъ, Опис. ркп. Синод. Б-ки I, 152; II, 1, стр. 142, откуда можно убѣдиться, что это мѣсто есть лишь риторическая формула, взятая изъ статьи Евлалія діакона и напечат. по греч. у Миллія, p. 330. Въ виду того, что такія похвалы Кириллу II Ростовскому находятся лишь въ Лаврентьевскомъ (Суздальскомъ) спискѣ лѣтописи (Ср. Филарета, Обзоръ, 68) и не подтверждаются фактическими свидѣтельствами самихъ несомнѣнныхъ произведеній этого епископа, можно съ вѣроятностію предполагать, что такое восторженный отзывъ лѣтописца имѣлъ источникъ въ личныхъ отношеніяхъ его къ епископу или даже просто въ желаніи выставить и восхвалить своего мѣстнаго епископа въ противовѣсъ другимъ областямъ, что весьма понятно при возникавшемъ тогда обособленіи Суздальской земли отъ Кіева.

Кирилъ Ростовскій» [1]). Этому іерарху новѣйшіе ученые приписываютъ нѣсколько поученій [2]).

Изъ всѣхъ этихъ лицъ (русскихъ) только о Кириллѣ Туровскомъ и отчасти Кириллѣ II митрополитѣ существуютъ прямыя указанія относительно ихъ авторства. Такими прямыми указаніями вообще слѣдуетъ считать или указаніе рукописей о принадлежности нѣкоторыхъ поученій, напр., не иному Кириллу, какъ именно епископу Туровскому [3]), или указаніе опредѣленнаго событія, по поводу котораго составлено было то или другое произведеніе и сопоставленное съ этимъ извѣстіе лѣтописи о томъ, что въ это время жилъ тотъ, а не иной Кириллъ: такимъ именно образомъ слѣдуетъ относить составленіе извѣстнаго «Правила» Владимирскаго собора 1274 г. или, по крайней мѣрѣ редакцію его — Кириллу II митрополиту Кіевскому [4]) и т. п. Но такихъ болѣе или менѣе прямыхъ свидѣтельствъ весьма немного, и нерѣдко приходится довольствоваться косвенными и менѣе надежными. Почти все, что, напр., было писано по спеціальному вопросу о подлинныхъ и неподлинныхъ сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго [5]), опиралось или на характеръ сочиненій этого писателя, или на указанія рукописей. Что касается перваго, то необходимая для этого индивидуальность писателя своимъ весьма малымъ проявленіемъ по отношенію къ Кириллу Туровскому не могла давать изслѣдователямъ руководящихъ нитей; при всемъ своемъ несомнѣнномъ ораторскомъ талантѣ, судя по болѣе

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 204.

[2]) Филарета, Обзоръ, 56—58; Православн. Собесѣдникъ, 1859, I, 244—258. Мы не упоминаемъ здѣсь имени Кирилла, игумена Бѣлозерскаго монастыря († 1427), такъ какъ его учительная дѣятельность и со стороны древнихъ рукописей, и со стороны мнѣній новѣйшихъ ученыхъ представляется довольно опредѣленной.

[3]) См. Макарій, Ист. Р. Ц., III (2-е изд.), 127, прим.

[4]) Филарета, Обзоръ, 58.

[5]) Макарій, Ист. Р. Ц., III, 125 и слл. (гдѣ перепечатана спеціальная статья этого автора «Св. Кириллъ, Еп. Туровскій» изъ Изв. II Отд. А. Н., V, 225—263); Голубинскій, И. Р. Ц. I, перв. пол., 659 и слл.; Срезневскій, Новые списки поученій Кирилла Туровскаго (въ Изв. II Отд. А. Н., III, 371 и слл.); Шевыревъ въ Изв. II Отд. А. Н., VIII, 326—330 и IX, 189—192 и др.

или менѣе положительно принадлежащимъ ему вещамъ, Кириллъ Туровскій не имѣетъ, какъ писатель, рѣзко очерченной физіономіи; его сочиненія трудно узнать и выдѣлить изъ массы другихъ — особенно переводныхъ — произведеній подобнаго рода; онъ примыкаетъ, какъ извѣстно, къ школѣ византійскаго церковнаго краснорѣчія; реальныхъ русскихъ чертъ онъ допускалъ очень немного, и весьма ошибся бы тотъ, кто пожелалъ бы составить по его сочиненіямъ болѣе или менѣе ясное понятіе о русскомъ бытѣ въ XII в. Такая точка зрѣнія изслѣдователей вопроса о подлинности сочиненій Кирилла Туровскаго заставляла ихъ всегда сталкиваться съ трудной, утомительной и почти безполезной работой теоретическихъ соображеній, и это было тѣмъ труднѣе, что самый исходный пунктъ, т. е. несомнѣнно подлинныя сочиненія К. Т., не былъ установленъ, и потому не могло быть увѣренности въ томъ, что то или иное представленіе, составленное о К. Т. какъ авторѣ, которое бы послужило опорой при дальнѣйшихъ соображеніяхъ, дѣйствительно соотвѣтствуетъ истинѣ. Указанія рукописей представляютъ въ древній періодъ важнѣйшее основаніе при составленіи перваго понятія объ авторѣ, въ данномъ случаѣ — Кириллѣ Туровскомъ: ими, главнымъ образомъ, опредѣляется принадлежность ему тѣхъ или другихъ сочиненій. Эта точка зрѣнія, какъ мы упомянули, не была пренебрегаема нашими изслѣдователями, но ей обыкновенно давалось слишкомъ много вѣры; нужно строго различать указанія рукописей древнихъ и болѣе позднихъ: въ первыхъ, какъ болѣе близкихъ ко времени жизни автора, указанія на личность послѣдняго достовѣрнѣе, чѣмъ во вторыхъ. Чтобы наглядно представить себѣ, какъ могутъ быть шатки и неопредѣленны указанія позднѣйшихъ рукописей, укажемъ на одно поученіе, помѣщенное въ обоихъ главнѣйшихъ сборникахъ поученій Кирилла Туровскаго (Памятн. росс. слов. XII в., 92; Рукописи гр. Уварова II, вып. 1, 109); это именно «Слово объ исходѣ души и о 12-ти мытарствахъ», нач. «Ея же тайны (въ друг. сп. «сія же тайны» или «понеже тайны сія») не свѣдять мнози...»

Изъ 39-ти списковъ этого слова, съ которыми мы ознакомились, только въ одномъ есть надписаніе его именемъ «Кирилла, Еписк. Туровскаго» (Рум. Муз. № XCVI, XVI в.); въ другихъ же—или именемъ «Св. Кирилла» (№№ Тр.-С. Л. 144 и 784, Рум. Муз. CLXXXI, Царск. 179 л. 387 об., Ундольск. 533 л. 275 об.—XVI в.; Тр.-С. Л. 202, Синод. Б-ки 231, Моск. Арх. М. И. Д. $^{609}/_{1117}$—XVII в.), или «Св. отца Кирилла» (№№ Рум. Муз. CLXXXVI — XIV в.; Тр.-С. Л. 91 — XV в.; Тр.-С. Л. 204 и 794, Синод. Б-ки 230, Царск. 142, Моск. Дух. Ак. 46, Воскрес. Мон-ря $^{72}/_{17}$, Синод. Типогр. $^{1492}/_{435}$, Соловецк. 359—XVI в.), или «Кирилла Философа» (№№ Кирил.-Бѣлоз. 1081—XIV в.; Рум. Муз. CCCLVII — XIV-XV в.; Тр.-С. Л. 776 и 791, Царск. 179 л. 351, Волокол. М-ря, нынѣ Моск. Д. А., 163 и 188—XVI в.; Тр.-С. Л. 797—XVI-XVII в.; Муз. при Кіевск. Д. А. 526, Пискар. въ Рум. Муз. $^{144}/_{579}$, Солов. 363 л. 213—XVII в.), или «блаженнаго Кирилла мниха» (Царск. № 691, XVI в.), или «преподобн. Кирилла» (Волок. № 165, XVI в.), или «Св. Кирилла епископа» (Синод. Б-ки № 208, XVI в.) или же совсѣмъ безъ обозначенія имени (№№ Тр.-С. Л. 144, Унд. 533 л. 311—XVI в.; Тр.-С. Л. 810, Царск. 401, Солов. 316 и 363 л. 272 об.—XVII в.). Это слово позднѣе [1]) было справедливо поставлено въ числѣ сомнительныхъ по отношенію къ Кириллу Туровскому; но подобныя же неопредѣленныя указанія рукописей повторяются и по отношенію къ словамъ, признаннымъ принадлежащими Кириллу Туровскому несомнѣнно: напр., «Слово на сборъ 318-ти св. Отецъ» [2]) изъ 26-ти просмотрѣнныхъ нами списковъ его только въ трехъ имѣетъ на себѣ прямое обозначеніе имени «Кирилла, Еп. Туровскаго» (№№ Тр.-С. Л. 146, Синод. Б-ки 323 — XVI в.; Царск. 743, пис. въ 1600 г.); другіе же или «Кирилла мниха» (Публ. Б-ки F I № 39—XIII в.; №№ Тр.-С. Л. 9 — XIV в.; Царск. 612, Пискар. $^{92}/_{527}$ — XV в.;

---

[1]) Макарій, И. Р. Ц., III, 175.

[2]) Ср. ib. III, 126; Памятн. росс. слов., 74; Рукоп. гр. Уварова, 57.

Тр.-С. Л. 768, Синод. Б-ки по стар. кат. 556, Волок. 110—XV-XVI в.; Царск. 367 и 613, Солов. 365, Волок. 112 и 145, Воскрес. Мон-ря $^{61}/_{21}$, Моск. Арх. М. И. Д. $^{460}/_{928}$ и $^{628}/_{1139}$ — XVI в.; Царск. 432 и 743, Хлуд. № 107; Волок. № 161 — XVII в.; Рум. Муз. CCCCXXXVII — XVIII в.), или «Св. Кирилла» (№№ Царск. 361—XIV в.; Пискар. $^{142}/_{577}$—XV-XVI в.), или же совсѣмъ безъ обозначенія имени (Тр.-С. Л. № 404—XV-XVI в.).

Изъ этого достаточно ясно, сколь произвольны бываютъ указанія рукописей относительно принадлежности нашему автору тѣхъ или иныхъ произведеній, хотя между перечисленными было нѣсколько рукописей XIV в. и даже одна XIII-го. Выясненію вопроса могло бы помочь открытіе неизвѣстныхъ доселѣ современныхъ или, по крайней мѣрѣ, очень близкихъ ко времени жизни автора списковъ произведеній, такъ или иначе вошедшихъ въ кругъ разсужденій по вопросу о подлинныхъ и неподлинныхъ сочиненіяхъ Туровскаго епископа; пока этого не будетъ, дальнѣйшія разысканія на этомъ пути будутъ мало полезны [1]).

Что касается другихъ упомянутыхъ русскихъ «Кирилловъ»-авторовъ, то приписаніе имъ нѣкоторыми учеными тѣхъ или другихъ сочиненій сдѣлано безъ достаточныхъ основаній.

Мы имѣемъ цѣлію предложить здѣсь нѣсколько статей поучительнаго характера, большею частію вовсе не напечатанныхъ, а отчасти и напечатанныхъ, но представляющихъ въ нашихъ спискахъ значительныя дополненія, измѣненія и варіанты. Русское происхожденіе большей части изъ нихъ можно предполагать съ большою вѣроятностью, по скольку вообще позволяютъ намъ это наши свѣденія о характерѣ древней русской литературы.

---

[1]) Г. Барсовъ обѣщалъ (Чтенія Общ. Исторіи и Древн., 1881, кн. 3, стр. III) издать нѣкоторыя изъ сочиненій Кирилла Туровскаго по вновь открытому (г. Барсовымъ) харатейному списку XII—XIII в., но до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не успѣлъ еще исполнить своего обѣщанія.

I. Въ пергаменномъ Сборникѣ исх. XIV в. Тр.-Серг. Лавры № 9, л. 141 об.—144 находится «Сло̑ ст҃ого Кїрїла в а҃.ю не̑лю по̑, поучене̑ на сборъ». Впервые на него обратилъ вниманіе Горскій въ 1858 г. въ статьѣ «Древнія слова на св. Четыредесятницу» (Прибавл. къ твор. Св. Отц., ч. XVII, 45—47) вмѣстѣ съ другими, разсматриваемыми имъ тутъ поученіями на воскресные дни великаго поста; Горскій излагаетъ содержаніе этого слова и дѣлаетъ небольшія выдержки. Что касается имени автора, то Горскій не рѣшается приписать это поученіе ни Кириллу Туровскому [1]), ни какому-либо другому опредѣленному лицу. Въ «Обзорѣ» Филарета [2]) это слово приписано, безъ объясненія основаній, Кириллу Туровскому. Проф. Голубинскій [3]), слѣдуя уклончивому мнѣнію Горскаго, также не рѣшается приписать это слово Туровскому епископу. Дѣйствительно, содержаніе слова не представляетъ данныхъ, по которымъ бы можно было судить объ имени его составителя. Горскій [4]) обратилъ вниманіе на слѣдующія слова: «се оуже полъ пѧты тысѧщи лѣтъ земли тѣ ѡбѣ (т. е. Содомъ и Гоморра) горита, дымъ коуритсѧ и вопль чл҃вчьскыи слышитсѧ, а моука не престанеть». Если бы вѣрить проповѣднику, что отъ истребленія огнемъ Содома и Гоморры до того времени, когда онъ жилъ, прошло приблизительно 4500 лѣтъ, то, по даннымъ библейской хронологіи, пришлось бы отнести составленіе слова къ концу XV вѣка [5]), но это невозможно, такъ какъ сама рукопись, по палеографи-

---

[1]) Такимъ краткимъ обозначеніемъ («Св. Кирила») дѣйствительно надписываются во многихъ рукописяхъ поученія, съ наибольшей положительностію приписываемыя Кириллу Туровскому, напр., Слово въ Ѳомину недѣлю — у Царск. № 729 л. 151 об., Воскресенск. мон-ря № 72 (17) сл. 72-е, Моск. Гл. Арх. М. И. Д. № 45 (919) л. 523; слово въ недѣлю Вaій — Соловецк. № 367 л. 112; слово на соборъ Св. Отецъ 318-ти — Царск. № 361 л. 275 об., Пискар. № 142 (577) л. 90 об.; слово въ нед. о слѣпомъ — Царск. № 361 л. 204. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что такое наименованіе Кирилла Туровскаго встрѣчается въ рукописяхъ рѣже, чѣмъ другія.

[2]) стр. 36.

[3]) Ист. Р. Ц., I, перв. пол., 659, прим.

[4]) l. c.

[5]) 4500—2015 (годъ гибели Содома и Гоморры до Р. Хр.) = 1485.

ческимъ соображеніямъ, должна быть отнесена къ концу XIV в. Горскій предполагаетъ тутъ заимствованіе изъ Іоанна Златоуста, который въ одной изъ своихъ проповѣдей говоритъ, что отъ разрушенія Содома и Гоморры до его времени прошло 4000 лѣтъ [1]), тогда какъ на самомъ дѣлѣ было менѣе 2500; такой счетъ Іоанна Златоуста трудно объяснить тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ самъ же онъ считаетъ отъ того же библейскаго событія до своего времени приблизительно 2000 лѣтъ [2]). Если принять предположеніе Горскаго о вліяніи перваго упомянутаго мѣста изъ Іоанна Златоуста на автора нашего слова, то для времени составленія послѣдняго получимъ начало X-го вѣка, — цифру слишкомъ раннюю для сочиненія русскаго, какимъ мы склонны признавать его. Остается думать, что эта цифра (4500 лѣтъ) есть результатъ или неточнаго вычисленія русскаго проповѣдника (м. б., онъ пренебрегъ въ вычисленіи сотнею лѣтъ, и составленіе слова современно рукописи), или — неисправности рукописнаго текста.

Вотъ это слово:

Ѡ҃ло ст҃го Кірі̂ла въ а҃.ю нѐлю п̂о, поꙋченїе на сборъ.

Много нам҄ъ чл҃вколюбье Б҃ъ показа на земли ꙗвльсѧ, словесы и̂ дѣлы възводе ны на первое бытье, ѿ негоже испаде Адамъ и насъ сведе. Сам бо Г҃ъ постисѧ д҃нии м҃. и̂ м҃. нощии, намъ образъ даꙗ: а̂ще бы постиласѧ Адамъ, не бы изъ раꙗ изгнанъ былъ; аще бы постиласѧ Євга, не бы прельстилъ еꙗ діаволъ; аще бы постилисѧ людї̂е при Нои, не бы былъ потопъ на всю вселеноую; аще быша постилисѧ содомлѧне и̂ гоморѧне, не быша впали в безаконное согрѣшенїе моужьска пола, и Б҃ъ не стерпѣ имъ, посла на нѧ ѡ̂гнь с н҃бсе и пожьже

[1]) τετρακισχίλια ἔτη παρῆλθε, καὶ ἡ τιμωρία μένει τῶν Σοδομιτῶν ἀκμάζουσα (S. Johannis Chrysostomi Opera omnia, ed. Montfaucon X, 75).

[2]) ἀλλὰ καί τοι τῆς χώρας ἐκείνης ἐν δισχιλίοις λοιπὸν ἔτεσι.... (Opera I, 89).

не токмо градъ, но и села, и древа, и землю и погроузи весь родъ чл҃вчьскъıи акы в мори въ жератцѣ, не токмо града два, но и инъıꙗ градъı и села, двѣ земли и двѣ ц҃рьствѣ; се оуже полъ пꙗтъı тъısꙗщи лѣтъ земли тѣ ѡбѣ горита, дъıмъ коуритсꙗ и вопль чл҃вчьскъıи слъıшитсꙗ, а моука не престанеть. Постисꙗ Моисии, съ Б҃мъ бесѣдовати сподобисꙗ; постисꙗ Илья, на н҃бо въсхъıщенъ б҃ы; постишасꙗ трїе ѡтроци, ѡгнь имъ не ѡдолѣ, ни власомъ ихъ коснoутисꙗ не може; постисꙗ Данилъ, львомъ гладьнъıмъ данъ б҃ы на снѣдь, и не могоша нань оустъ развести; постисꙗ Иш҃а, бж҃їю словоу к҃ртль показасꙗ; постишасꙗ ап҃ли, и намъ предаша на ѡчищенїе грѣхомъ, счетше десꙗтинꙋ всего лѣта сию м҃. днии поститисꙗ намъ повелѣша, всꙗкоꙗ сласти и пїаньства оудалꙗющесꙗ, тꙗжбъı, враждъı ѡбѣгающе, м҃лсть и любовь ко всѣмъ имоуще, нищаꙗ кормꙗще, вдовица застꙋпающе, сиротъı не ѡбидꙗще [1]). Аще, чада и с҃нве, сице поститисꙗ начнемъ, ѡчистимсꙗ ѿ грѣхъ всего лѣта и свѣтли къ г҃ню въскр҃нїю придемъ, анг҃лъ бо написаеть постꙗщихсꙗ имена, къ Б҃оу приносить. Да не дамъıсꙗ в лѣность, братье; да не погрѣшимъ анг҃лова написанїа; простимъ повиньнъıхъ намъ; ѿдадимъ не имꙋщимъ что вдати намъ, да и намъ ѡ҃ць н҃бныи ѡставить намъ грѣхи наша. Аще бо мъı не пощадимъ единовѣрникъ своихъ, какоꙗ м҃лти чаемъ прїꙗти ѿ Б҃а? Соудъ бо безъ м҃лти не створшемоу м҃лти. Вижоу бо многи бьюща дроужиноу свою изъ безаконныхъ накладовъ, дондеже продадꙗтсꙗ поганымъ. Оканне, кого еси въгналъ в поганьство мала ради прибытка? Такого же чл҃вка, паче же христїанина. Сн҃ъ бж҃їи с н҃бсе приде и кровь свою бж҃твноую пролья, сп҃саꙗ чл҃вка; ты же, противꙗсꙗ Б҃оу, ѡс҃цна чл҃вка кр҃щньемъ и оубиваеши не токмо тѣло, но и д҃шю. Аще не престанете ѿ сихъ дѣлъ сотонинъ, то не достоини есте ни въ ц҃ркВь внити когда, дондеже ѡчиститесꙗ покаанїемъ. Но, ѡ

---

[1]) Ср. подобныя мысли и въ сходныхъ выраженіяхъ въ поученіи во 2-ю нед. поста (наши «Древнія поученія на воскр. дни вел. поста» СПБ. 1886, въ Сборн. II Отд. И. А. Н., т. XL, № 3, стр. 18 и введ., XVI).

братьꙗ, молю вы: не все ѿ земли, не все ѡ житьи свѣта сего печалоуемса; не вѣмы ли, ꙗко вса си мимоидоуть? Грѣховнїи добытци останоутса, мы же за на ѿсоужени боудемъ; ѿц҃и наши и братьꙗ наша и дроузи наши, вьчера бывше с нами, горко и с ноужею дш҃оу испоущающе ѿндоша свѣта сего; тѣло видимъ небрегомо никомꙋ, дш҃а же идеть ӣли съ агг҃лы на н҃бса, ӣли съ бѣсы въ преисподнаꙗ тмы, до пришествїа г҃на соудить земли. Ѳе вѣдꙋще, братье, покаемъса съ слезами и готовимса, на исходъ готови бүдемъ, что ѿвѣщати на сꙋдѣ; оуже бо соудъ близь ѥсть, не забываѥмса в молвѣ грѣховнѣи; и скоро бо поидемъ поутемъ с҃мртьнымъ; аще с҃мрть помнити имаши, николиже съгрѣшиши. О сем же д҃ни мало вашеи любви побесѣдоуѥмъ, да почюдитеса чл҃вколюбью в҃лчню и силѣ м҃лтивенѣи ѥго ст҃ль.

Ѳе зборъ д҃нь створаетса ѡ иконахъ. Бѣ ц҃рь злочтивъ, именемъ Феѻфилъ, иконоборноую ѥресь имыи; ц҃рца же его правовѣрна имоущи с҃на Михаила, правовѣрью ѿ неꙗ наоучена; много же плакаше, видащи моужа своего в нечтьи живꙋща; пришедъшю же оурокоу живота ѥго, разболѣса, ӣ много болѣвши расчесноустаса ѥмоу челюсти, и оустнѣ емоу не соидостаса, и видѣти страшно; ц҃рца же, вземши иконꙋ пр҃чтыꙗ Бц҃а, приложи ѥмоу ко оустомъ, и сведостаса оустнѣ его, и бы взоръ члв҃чьскыи на немъ. По малѣ же д҃нии оумре; ц҃рца же Феѻдора, вѣдꙋщи мꙋжа своего, ꙗко съ ѥретикы ѿ Б҃а в мꙋкꙋ посланъ ѥсть, и недооумѣꙗше, чимъ емоу помочи, припаде молащиса къ Мефедью къ патрїархоу, да бы поноудилъ вса еп҃пы ӣ ӣгоумены и мнихы и вса ерѣꙗ молитиса за ц҃ра, да бы Г҃ь простилъ и моукы; патрїархъ же первѣе оусоумнѣвса за такого молитиса и рече: волꙗ г҃на да боудеть; и заповѣда по всеи ѻбласти гречьстѣи всѣмъ еп҃пмъ и преподобнымъ мнихомъ молитиса за Феѿфила первоую недѣлю поста, самъ же написа ѥретиковъ ц҃рвъ имена и Феѻфила с ними и положи въ великои ц҃ркви на трапезѣ подъ индитьею. Молашеса всю недѣлю за ц҃ра и в патокъ приде видѣтъ написаньꙗ

и видѣ имена всѣхъ цѣла, феофилова же имани акы ни написывана, о семъ извѣщенье прия. Во тъ же днь мнози отходьници придоша, повѣдающе, оже Феофилъ прощенъ есть. Самомоу же патріархоу въ соуботоу въ црькви слоужащоу, егда помолися за Феофила, гла бы свыше всѣмъ слышащимъ: моихъ ради стль млтвы Феофилови прощенье даю, но по семъ не приложите за такого молитися, не послоушаю васъ. Тогда црця Феодора, пріимьши извѣщенье о мужи своемъ, собра сборъ вселеньскыи, повелѣ проклати иконоборцѣ, правовѣрныя же прославити. Сии зборъ нынѣ свершаемъ на прославленіе чтнымъ иконамъ, на проклатье же безбожнымъ еретикомъ. Почюдим же ся, братье, члвколюбью Бга нашего, толь скверна члвка и по смрти помиловавъ, и колико могоуть млтвы стль его; да, се вѣдоуще, потъщимся очистити грѣхи наша въ дни сия стыя, славяще Оца и Сна и стго Дха и ныня и присно и в вѣки вѣкомъ.

Любопытны слова: «вижоу бо многи бьюща дроужиноу свою изъ безаконныхъ накладовъ, дондеже продадатся поганымъ», обратившія вниманіе Горскаго, который сопоставилъ съ этимъ одно мѣсто изъ «Правила Іоанна Митрополита русскаго» (относимаго имъ къ XI вѣку). Вотъ что говорится въ этомъ мѣстѣ: «прашалъ и нѣкыхъ ксн, иже коупать челядь, створившимъ обьщыхъ молитвъ ядшихъ с ними, послѣди же продавше в поганыя, которую симъ пріяти епитимью?» [1]). Т. о., тутъ говорится о прямой продажѣ рабовъ, сдѣлавшихся христіанами, язычникамъ ради прибыли, тогда какъ въ нашемъ поученіи выставляется на видъ жестокое обращеніе господъ съ рабами, которое заставляетъ послѣднихъ отдаваться язычникамъ [2]).

---

[1]) Русскія достопамятности, I, 96.

[2]) Совершенно соотвѣтствуетъ по смыслу мѣсту изъ «Правила Митр. Іоанна» упрекъ, обращенный Серапіономъ Владимирскимъ (XIII в.) къ слушателямъ въ 5-мъ поуч.: «братію свою... въ погань продаемъ» (Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерск. монаст., II, 37).

Вторую половину слова (нач.: «Бѣ црь злотчивъ Феофилъ...») составляетъ разсказъ изъ эпохи иконоборства — о наказаніи царя Ѳеофила (829—842) и о благочестіи жены его царицы Ѳеодоры, совершенно соотвѣтствующій пріуроченію этого слова ко времени церковнаго празднества въ недѣлю православія. Едва-ли можно сомнѣваться, что разсказъ этотъ греческаго происхожденія; онъ имѣется въ особомъ видѣ хронографа, въ т. наз. «Эллинскомъ Лѣтописцѣ» (2-ой редакціи) подъ заглавіемъ: «Слово на сбѡръ въ а҃ нелю поста, ѡ Феофилѣ црѣ како по смерти прощенъ бы҃, нач.: «Бы црь же Феѡфилъ именемъ иконоборную ересь имыи...» (т. е. то же, что въ нашемъ поученіи) [1]).

II. Въ Сборникѣ XVI в. Публ. Б-ки Q I № 64 (Толст. Отд. III № 70), л. 379—381 об., имѣется поученіе, обозначенное именемъ Кирилла. Едва ли можно сомнѣваться въ его русскомъ происхожденіи: въ этомъ убѣждаетъ и самый предметъ рѣчи проповѣдника, и живость его обращенія къ слушателямъ, выразившаяся въ сильномъ и картинномъ слогѣ. Проповѣдникъ нападаетъ тутъ на различныя народныя суевѣрія, особенно на вѣру въ примѣты и гаданья, и убѣждаетъ слушателей надѣяться во всемъ лишь на одного Бога, — тема, довольно часто встрѣчающаяся въ древне-русской поучительной литературѣ, но обработанная здѣсь особенно удачно.

Вотъ это поученіе:

Слово стго ѡ҃ца нш҃го Кирила ѡ злы ѡ невѣрны члвцѣ.

Мнози невѣрныя моновенія е бѣ вѣрують и во дьяволы прѣщены, мы сѹщия кртьяне спныя не в тѣ бѣсы вѣрѹе, ни в

[1]) А. Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, вып. I (М. 1866), 88—89.

ворожꙋ, ни в воды; а иныя горшемꙋ поꙋчаются: во птицы вѣрꙋють, в дятлы и в желны и в вороны і в сінницы; коли гдѣ хощеть поити, которыя прідꙋть и попають на͠м, то мы послꙋшеѐ пти͠ц тѣх — добро ли или лі͠ха; аще поиграють по н͠шеи мысли, то мы себѣ г͠лм ті рекше г͠люще: добро ли на͠м птицы се говорять. О, ч͠лвци окаянници! не Б͠гъ лі на͠м птицы [1])? сѣ ꙋ козла, птиць еси пытаешь, гдѣ хощешь поити, что сътворится; то мы начне͠м дрꙋжине своеи повѣдати: почто мы не воротили͠с? не веле͠ль ле на͠м птахи не велѣли поити, а мы не послꙋшахо͠м. Зло е͠с н͠ше безꙋміа! сами ко птица͠м приложили͠с, а Б͠га не знающа ѿ Б͠га ѿверзоша͠с. Я мы пони͠ахо͠м Б͠га с͠тм кр͠щение͠м, ѿ дьявола ѿвергоша͠с и слави͠м Г͠а н͠шго І͠с͠а Х͠а, а ѡни тока е͠с славы ѿметаю͠тца; мы слави͠м дьявала ѿметание͠м его, а дѣл его не твори͠м. Аще гдѣ и͠м поити, то они вѣрꙋють в стрѣчю и в чо͠х, а на͠м же гдѣ поити на дорогы пꙋ͠т, то мы слꙋшае͠м с͠тых кни͠г во с͠тых црькваx во вся дни, с͠тых проповѣданія и с͠тых а͠плъ ꙋченіе и само͠го Г͠а Б͠га во с͠то͠м еу͠гліи и с͠тых о͠ць наказанія; мы того не хоще͠м слꙋшати прилежна, и восприме͠т на͠с Г͠ь в ц͠ртво н͠бная; а тѣ слушають птиць по дьявскомꙋ наꙋчѣю. Како то, братія, бѣс нами владають и на͠с волокꙋть с собою во адова жилища! Я к самамꙋ Г͠ꙋ н͠шмꙋ І͠с͠ꙋ Х͠ꙋ во вся дни зовꙋще ны въ ц͠ртво б͠жія, и мы того не слꙋшеѐ и не стои͠м въ ц͠ркви.... [2]) клінаю͠с, а но его болши призываю͠т, творяще дѣте͠м помогаю͠т, а ѿца и м͠трь в вадова жилище волокꙋть, а д͠ша и͠х в вѣчнои мꙋке мꙋчится. Горе на͠м творяще͠м кр͠тьяне, а дьявоскꙋю волю творяще! Погани Б͠га не знающе, ни заповѣди его не принели и пр͠рческого проповѣданіе и а͠пльско͠е ꙋченіе и с͠ты͠х о͠ць наказанія, тако свои обычеи держать, а его не прістꙋпить, ни воскр͠ніе свечають, ни славы б͠жіеи не творять; тока наидеть ка͠знь и кн͠зя нань рагнѣванна, домꙋ розграбление, и͠ли болесть, или ското͠м пагꙋба, то они текꙋ͠т к во͠лхва͠м, в тѣх сѣбѣ помощи ищꙋть; а иныя, окоянныя творяще лю-

[1]) Кажется, пропущено слово («сотворілъ»?).
[2]) Конецъ строки въ ркп. обрѣзанъ; недостаетъ одного или двухъ словъ.

демъ, люде помогаю, а себѣ не помогꙋт, а сами крщеныи во Хс҃ не вѣрꙋют. А на крстьяномъ ко҃ найдеть...[1]) Ѿ дьявола прещенїе Ѿ бж҃їа попꙋщеѧ и҃ болѣнь себѣ и҃ женѣ, дѣте или рабомъ и скотꙋ, и҃ Ѿ кнѧ разгнѣванїе, и҃ к домꙋ кокая пакость, то црь Двд҃ ре: слышите ли мнози скорби правенм? ото всѣх и избавить Гь и сохранїтъ Гь всѣ кости и; ни едина Ѿ ни не скрꙋшится, не можеть бо дьяво, ни зо члкъ зло сотворити бе бж҃їаго велѣнїа. Не слышиш ли слове бжїи во сты црква по вся дни и ко сты книга глюще: когождо любить Бгъ, на то и казни посылаеть, а иного не любить Бгъ, то ни малыя казни не пошлеть емꙋ? Послꙋшейте, милыя чада, оци и братия, мꙋжи и жены, старыя и молодыя, ако Иевъ правеныи ꙋгодникъ Бгꙋ, кока Бгъ на него казнеи посыла дьяволо: не токмо житья его погꙋби, но и ско, и ослы, и веблюды, кони, стада овея, робы и рабыни; не во многїе дни, но въ еди днь всего то лїшенъ бы; не то едїно бы емꙋ, но и дѣте его: единого дни измерли з҃. снвъ, д҃. дочери; не пората на Бга нимало о то, не потꙋжи ни единого слова, глюще: Гь мнѣ животъ да а Ѿня; хвалю его, а не тꙋжꙋ о то, свое бо е взя; а о дѣте не скорбѣ, и но глше: хвалю тя, Ги, во всемъ, еже ми есть взя. Но ещо съкрꙋши Гь првнаго Иева: повелѣ дьяволꙋ злы недꙋго поразїти и, прыщерье гноевни проседающе на не; то не имѣе Иевъ Ѿ хꙋдаго рꙋбища отирати гноя, и Ѿ черепо отираша прыщерья, боши язвы творяще тѣлꙋ своемꙋ, и лежаша на Ѿно мѣсте з҃ лѣт, не призва врача, ни приложи зелья: все то терпѣ хваля Бга, ни обеза язвы. А мы нн҃ѣ, хотя мало боли жена или дѣти, то, оставївши Бга помощнїка дша нши и тѣло, ище проклятых ба и чародѣе и наꙋзникѡ, слове и прещенных слꙋшае; глють бо намъ, навязываючи наꙋзы наꙋкою дьявольскою, что чада бѣ бесо проганити. О, горѣ на, прещеныимъ, къ бесо скверными вабами прїти, а Бга оставши и мтрь бжїю бцꙋ и чнаго крта гня, иде бо мы во но адова жїлїща с проклятыми багами, реша з

[1]) Не достаетъ одного слова вслѣдствіе поврежденія ркп.

бабоми! И коли ѹ на животина бѹдет и за мое добро зло воздалъ и ка на на прїдеть зло, тогды поносим Бгѹ, считаючи: и коли нищие накормим, и нагого одѣнем, и где матинѹ дадим, и свещѹ въ цркви поставили. И вы, братїе, остатє того злаго обычеѧ; аще приведет коли на на Бгъ грѣхов ради наших, то мы притецем к црви и, припадающе к неи со слезами Бгѹ молѧщесь, того себѣ ищем помощника, дша наших застѹпника и пречтѹю его мтрь бжїю стѹю бцю и чнаго крта гнѧ; той на от напастеи избавить и застѹпить и от грѣхов наших избавлѧеть. О Хѣ Ісѣ ѡ Гдѣ нашмъ, емѹже слава отцѹ и.

III. Въ томъ же Сборникѣ Публ. Б-ки, л. 533 об. — 534, имѣется слѣдующая статья:

Слово стго Кїрила мниха сведено прїтчею.

Опѹстѣеть земла, црь изнеможеть, сїлы его разыидѹтсѧ, градъ каменыи разрѹшитсѧ, источници изъсакнѹть, престанѹть жерновы мелющие, и вѣтрї не возвѣют. Великїи пѹть запѹстѣет, море велїкое ѹмртвїтсѧ, затворѧтсѧ врата и двери, и многолїствѣнаѧ древа падѹть и опѹстѣют, и скоти разыидѹтсѧ, рабы и рабыни от глада изнемогѹть. Тогда птце изыидеть от гнѣзда свое и излетит от гнѣзда своего, ако твердо заклепаннаѧ голѹбїце. (ѿ). Їже рече пїсанїе: егда опѹстѣеть земла, тѣло не здрова, црь изнеможет, ѹмъ се отиметь, силы его разыидѹтсѧ, помыслы погибнѹть, каменыи град разрѹшитсѧ, кости росстѹпатсѧ, источнїки изъсакнѹть, слезы от очїю престанѹт, вѣтри не возвѣють, дхъ отиметсѧ, пѹти велїкїе запѹстѣють — гортань и прохо, престанѹть жерновы мелющи, зѹбы престанѹт ѧсти, море великое ѹмртвица, ѹтроба челвчьскаѧ затворитсѧ, врата и двери, ѹста, многолїстванаѧ древа, многоглаголивыи азык и ѹста. Скоти разыидѹтсѧ, рекше лѹкавыа помыслы, рабы и рабыни, рекше рѹцѣ и нози. Птце изыиде от пртла свое, излѣтит от гнѣзда своего, изыидет дша от тѣла свое.

Передъ приведенной статьей въ этомъ Сборникѣ, на л. 523 об. и сл., помѣщено «Слово стго Кѵріла мнїха о дшї чл҇чтѣи в телеси и о престѹпленїи бжии заповѣди...» и проч., что и у Калайдовича (Памятн. росс. слов. XII в., 132), и у Сухомлинова (Рукописи гр. Уварова, II, вып. 1, стр. 137) помѣщено въ числѣ словъ Кирилла Туровскаго; можно думать, что писецъ означенной рукописи, помѣщая обѣ эти статьи рядомъ и съ одинаковымъ обозначеніемъ («Кирилла мниха»), считалъ ихъ произведеніями одного и того же автора [1]).

IV. Акад. М. И. Сухомлиновъ въ вышеупомянутой статьѣ «О псевдонимахъ въ др. русск. слов.» напечаталъ по списку XVI в. Тр-С. Лавры «Поучение Кирила философа», нач.: «Брате Варѳоломѣю, прїиди ко мнѣ акы пчела къ цвѣтоу...», предполагая въ немъ русское сочиненіе [2]). Мы нашли въ Сборникѣ XVII в. Моск. Гл. Арх. М. И. Д. № 341 (721), л. 205—208, эту же статью, значительно расширенную въ первой и третьей части, но совершенно лишенную второй (начиная со словъ: «Имѣите терпѣние в велицѣ мдрости Иосифле...» и кончая: «то ѿ Бога прїимеши мздоу, а ѿ того честь...». Мы приводимъ этотъ текстъ вполнѣ, отмѣчая разстановкой то, чего нѣтъ въ текстѣ, напечатанномъ Акад. Сухомлиновымъ, а въ остроконечныхъ скобкахъ отмѣчая варьянты изъ другого списка

---

[1]) Мы не рѣшаемся приписывать этой статьи (по характеру — отрывка) именно Кириллу Туровскому, но припомнимъ для соображенія, что надписаніемъ «Кирилла мниха» сочиненія, болѣе или менѣе положительно приписываемыя Туровскому святителю, обозначаются всего чаще: см. Слово въ нед. Ваій въ ркп. Тр.-С. Л. № 9 л. 32 об., № 204 л. 225 об.; Синод. Б-ки № 232 л. 243; Царск. № 179 л. 179, № 613 л. 462 об.; Соловецк. № 365 л. 103; Волок. № 110 л. 81 об.; Ундольск. № 537 л. 517; Моск. Дух. Ак. № 17 (48) л. 224 об.; Пискар. № 92 (527) л. 179 об., № 124 (559) л. 523, № 127 (562) л. 222; Моск Гл. Арх. М. И. Д. № 628 (1139) л. 463; Слово въ нед. Пасхи въ ркп. Царск. № 612 л. 461 об., Волок. № 110 л. 223, № 112 л. 50, № 143 л. 192 об., № 161 л. 220; Пискар. № 127 л. 261; Моск. Гл. Арх. М. И. Д. № 460 (928) л. 234 и т. д. для другихъ словъ, о которыхъ говоритъ Макарій (Ист. Р. Ц., III, 126).

[2]) Изв. 2-го Отд. Ак. Н., IV, 138—140.

этой же статьи (озаглавленной: «Слово стго Кирила философа к Валоромѣю») въ Сборникѣ Синод. Б-ки 1606 г. № 876, л. 328—329 об., — списка менѣе полнаго, чѣмъ архивскій, но представляющаго по мѣстамъ любопытныя разночтенія [1]).

Бесѣда Кирила дилосода оуча Вардоломѣю.

Брате Варфаломѣю, прїиди ко мнѣ аки пчела к цвѣтꙋ, и приклони оуши свои ко глaнию оустъ моиⷯ, да насладиши гортань свои словесы моими [2]) паче медꙋ и сахарꙋ [сота]. Брате мои, постави сосоуⷣ срⷣца своего поⷣ потока ꙗзыка моего, да накаплетъ оумъ твои паче воⷣ арамаки. Брате мои, бꙋди оунъ тѣломъ, но оумомъ старъ и вострꙋби в трꙋбꙋ [приб. златокованоую] смысла своего, да слетатсѧ, аки пчелы, птици, помыслы добрыи, и полетаи мыслию своею, аки ѡрелъ по воздꙋхꙋ. Брате мои, пони раи во глaниѧ ꙗзыка моего и вложи оумъ свои во оуста моѧ, ꙗко во злато горнило, и да не порадꙋеⷮ ти сѧ вселꙋкавыи врагъ. Брате мои, чертогъ бꙋдеⷮ аще златоⷨ оукрашенъ, а невѣста в нѣⷨ бꙋдеⷮ злоѡбразна, то нѣсть любви жениху: тако и Бгови не оугодно есть, иже кто тѣломъ красенъ, а дшꙋ имѣѧ скверными дѣлы. Брате мои, слꙋжи црю земномꙋ, поминаи црѧ нбнаⷢ; мнози бо безꙋмнїи, гордѧщесѧ земномꙋ црю имѣниѧ ради, скоро ѿщетѧтсѧ славы и поидꙋⷮ во адово дно [въ а преиспони]. Брате мои, и мирскаѧ гонѧ, востꙋпаи на духовнаѧ; работаѧ грехъ, повинисѧ Бгови, а творѧ во тмѣ, приходи же к свѣтꙋ [затворѧисѧ в темнѣ мѣсте, да прїидеши къ свѣтꙋ]. Брате мои, видѣⷡ рабы чюжаѧ славно живоуща, не по-

---

[1]) Замѣтимъ, что третья часть текста Акад. Сухомлинова (нач. словами: «Брате мои, чертогъ аще боудетъ златомъ оукрашенъ...») вошла въ нашъ текстъ разорванной въ свою очередь на двѣ части, которыя, т. о., оказались на совершенно новыхъ мѣстахъ.

[2]) Въ текстѣ: своими; исправл. по синод. сп. и по требов. смысла.

ревнꙋи житию иⷯ; ни сжалисѧ нищетою, возрѣ на хꙋдожествѡ ри҃ свойⷯ; но лꙋче ходи свободѣ в рꙋбѣ тѣⷯ, неже роботенъ в добрыхъ. Брате мои, не многорѣчив, да не подвижесѧ (?) жерновомъ, иже мнози люди насыщаютъ, а сами себе не могꙋтъ насытити. Но преже са҃ послꙋшаи гл҃ы оустъ своиⷯ, а не бꙋди аки кладезъ, иже люди напаѧ, а самъ во днѣ имѣѧ сокровище нечисто. Брате мои, и чернецъ ли еси, то не часто в миръ ходи, да не начнꙋтъ тобою бѣси играти, ꙗко птц҃а ѡпѣшанымъ [ѻпшиною пшеничною]; лꙋче бо ми е҃ видѣти мертвеца на свинье ездѧща, нежели чернца в мирꙋ ходѧща. Брате мои, не бꙋди властель неправдⷣа, аки кꙋзнецъ безаконныⷨ, ни пастꙋⷯ клеветамъ, ни ц҃рь сквернамъ, да не приимеⷮ тѧ адъ, аки мати млⷣнца. Брате мои, приïди на ѡстротоꙋ оума своего, и помысли ѿпꙋстити лѣности своеѧ [1]), оуклонисѧ ѿ всѧкиⷯ стезь неправедныⷯ, и не даи же в поползение ноги своеѧ. Брате мои, бꙋди слѣпымъ ѡко, хромымъ ноги, глꙋхимъ оухо, алчющимъ пища, нагимъ ѡдежда; волнꙑѧ посещаи, и к темницамъ приходи. Брате мои, аще мдръ еси, то премдрыѧ оучи, а безꙋмнымъ не гл҃и мꙋдрости блꙋдныⷨ; ѡселъ бо ленивъ телѣгою попраженъ не валитъ, ни блꙋднымъ мꙋдрости гл҃и. Брате мои, попови запончивꙋ не мꙋдрꙋ не исповѣдаисѧ, иже не мога себе оуправити, то како можеⷮ тебе наказати? и ѡба скоро впадетасѧ в ровъ [въ ѧмꙋ]. Брате мои, не позавиди богатымъ, ни жалисѧ нищетою, но разꙋмѣи, ꙗко болшаѧ часть в нищетѣ; но оубожи на земли, да достигнеши богатество нб҃ное; богатества бо держасѧ, немощно есть спастисѧ [2]). Брате мои, властель еси, то не гордыни бꙋди ꙗрокъ; попъ ли еси, то не бꙋди безꙋменъ и пиѧньчикъ. Брате мои, чернець ли еси, то не бꙋди злобѣсникъ, ни игривъ; сто-

---

1) Въ текстѣ: моѧ; исправл. по требов. смысла.

2) Здѣсь оканчивается синод. текстъ.

роний ли еси, то не буди перетерпливъ, ни сквернословецъ; власти ли еси, то не буди ве(ли)чавъ, ни гордъ; зане пишется: гордымъ Гь противится, а смиреннымъ Бгъ благодать дает. Аще котлу выша злато кольцо во оушию, ко дну его черности не избыти. Брате мои, не буди во власти гордася; егда отпадеши, и тогда нечестна тя творят; око во егда нечисто и нездраво будет, то б(з?)ерна не видит, тако и чл҃къ въ власти всякаго видит и всех знаетъ, и при власти то и племяни своего не знаетъ. Брате мои, возненавиди неправду, яки левую руку, николиже помогающу, и возлюби правду, яки правую руку, всег помогающу, и твори благое, да благо ти будетъ, и бегаи зла, да тя зло не срящетъ. Брате мои, не мози обленитися на доброе, на злое скоръ быти. Брате мои, оубежи греха и не даи же ему постигнути опять. Брате мои, (не) оскорби чл҃вка и не сожи, ни вложи печали в срцу (sic) чл҃вку. Брате мои, не сеи жита на браздах, ни мрости на срца безумных. Брате мои, свариився или бився, не срамися с нимъ смиритися, з братомъ своимъ.

Въ Сборникѣ Публ. Б-ки (Погод. № 1615), пис. въ 1632 г., какъ замѣтилъ уже Акад. А. Ѳ. Бычковъ [1]), также имѣется эта статья, отличающаяся отъ напечатаннаго М. И. Сухомлиновымъ. Текстъ ея въ этомъ сборникѣ представляетъ лишь первую половину напечатаннаго, но съ нѣкоторыми такими вставками, которыхъ нѣтъ ни въ текстѣ Акад. Сухомлинова, ни въ только что приведенномъ нашемъ. Вотъ эти вставки:

л. 245 об.—246. Послѣ словъ печатн. текста въ Изв. 2-го Отд. А. Н., IV, 139: «тако и чл҃ку все есть покорено развие

[1]) Описаніе церк.-слав. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Б-ки, I (СПБ. 1882), 536—537.

смрти» читаемъ: «Добро сытомꙋ црва ѡбѣда ждати, а правномꙋ смртнаг часа. Мти не хотѧ дѣтей своих лихи казнити и ранами, тако и Бгъ не хотѧ члка грѣшнаго казнити напастьми и печалми житейскими. Ни мртвеца расмѣшити, ни безꙋмнаго наказати. Ако же гра бе аборонны скоро побеженъ бываєт ратными, тако и дша неѡтражена млтвами и постом».

л. 246. Послѣ печ. «а Бгоу всѣхъ мдрие»: «Любовъ имат любовъ к любѧщий его, то мала добра есть; аще кто ко врагом свой любовъ имат нелицемѣрнꙋ, то велико добро, достой есть жизни вѣчныѧ причастни бꙋдет. Тако бо и Гь: кая ва похвала єть, аще любите любѧщеѧ вы? тако и мытари творят, но любити, рече, враги ваша и добро творите ненавидѧщий васъ; копаѧ ямꙋ под ближни свой, самъ впадетъ в ню, велиѧ яже каменье на себѧ поволит; лꙋчи бо є мало имѣниѧ с првою брат, нежели многое без правды».

л. 246 об. Послѣ печ. «иже обидѣти можетъ, а не обидитъ»: Николиже не восхощи дрꙋга имѣти такова, иже можеть ни дши пользы творити, ни телꙋ. Любите ненавидѧщих ва: то бжтвено есть; аже любите любѧщих, то и звѣрем подобает; и коной хитрость на рати позноваєтсѧ, а дрꙋга вѣрен оу беды; а иже любо не твердо, ѡгнати их. Не ленисѧ, преже испытай мꙋжа мꙋдра, тоже и любисѧ с ним; нико(л)и дрꙋга имѣй, преже не испытав его, како жи бꙋдет с первым дрꙋгом, надѣй бо сѧ такомꙋ и к тебѣ быти [1]).

V. Въ статьѣ Архим. Варлаама «Описаніе Сборника XV в. Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря» напечатано изъ этой рукописи [2]) слово «Кирилла философа словенскаго» о пьянствѣ, нач.: «Тако глеть хмель ко всякомоу члкоу...» Гораздо болѣе про-

[1]) Этими словами поученіе въ сборн. Погод. и оканчивается.
[2]) Учен. Зап. 2-го Отд. Ак. Н., V, 64—65.

странную редакцію этого любопытнаго слова нашли мы въ Сборникѣ XVII—XVIII в. Новг.-Соф. Б-ки № 1428, л. 350—355, которую здѣсь и приводимъ.

Слово с҃тагѡ Кирила философа ѿ хмелномъ питїи ко всѣ҄ люде҄.

Тако глаголетъ хмель всѧкому ч҃лвку, не токмо простому, но і инокомъ и с҃щенникомъ, царемъ и кн҃земъ, богатымъ и нищимъ и убогимъ, і жена҄, старымъ и молодымъ: азъ есмь хме силенъ на свѣтѣ, болѣе всѣхъ плωдовъ земныхъ, коренїемъ высокаго (sic) и ѿ племени силнаго и ѿ благодарныѧ м҃три моеѧ сотворенъ есмь Б҃гω. Имѣю у себѧ ноги долги, а не крѣпки, а утробу имѣю неѡбыꙗстливу; руцѣ же мои держатъ всю землю, а главу имѣю у себѧ высоку; умъ мои не равенъ никому, неустроенъ, ѧзыкомъ многоглаголивъ, очима безсрамленъ. Аще кто содружитсѧ со мною, а име҃ менѧ ѡсваивати: первое доспѣю его блудна и Б҃гу немолебна, і во все҄ безумна, на молитву невстанлива и в нощи сонлива, и не выспавсѧ п҃отаваетъ и зеваетъ и рыгаетъ; і наложю ему болшую печаль на с҃рце, і п҃отавъ с похмельѧ, болѣзнь егω главнаѧ, и очи свѣта не видѧтъ, а умъ егω ни на чтоже доброе не мыслитъ, сладко ѧсти не хощетъ, гортань егω пресыхаетъ, пити хощетъ, і, пивъ чашу или другую с похмелїѧ, тако напиваетсѧ и без памѧти бываетъ во всѧ дни. И воздвигну в немъ похо҃ плотскую на всѧ злаѧ помышленіѧ, на дѣла неподобнаѧ и потомъ ввергу его в болшую погибель в безмѣрно҄ пїѧнствѣ, да будетъ небрегωмъ ѿ всѣхъ, и оставитъ заповѣди Б҃жественныѧ. Тако глаголе҃ хмель: аще спознаетсѧ со мною царь іли кн҃зь, первѣе учиню его горда и величава, паче же безумнымъ и несмысленнымъ, люта зѣло и немилосерда на люди, и учнетъ пити чре҃ всю нощъ со младыми совѣтницы, а спати учнетъ до полу дни, на люди управы не даетъ, а боѧ-

ри ѹ҆чнѹ́тъ ѹ҆ сиро́тъ посу́лы и҆ма́ти и҆ непра́веденъ судъ судити, сироты́ же и҆ ѹ҆бо́гїѧ вдовицы злѣ возпла́чютсѧ и҆ го́рцѣ во́рыда́ютъ ѡ҆ земно́мъ неѹ҆строе́нїи, и҆ ѿ всѣхъ бѹ́детъ небрего́мъ и҆ порѹ́га, и҆ тогда̀ ви́дѣвше всѝ наро́ди цр҃ѧ̀ и҆лѝ кн҃зѧ небрегѹ́ща ѡ҆ цр҃твїи свое́мъ, і҆ и҆зке́ргутъ его̀ и҆з са́на, и҆гна́нъ бѹ́детъ ѿ ца́рствїѧ своего̀; тогда разѹмѣ́етъ ѡ҆ скоеи поги́бели и҆ го́рко возпла́чется ѡ҆ свое́мъ безѹ́мїи и҆ ѡ҆ поги́бели ца́рствїѧ своегѡ̀, і҆ не бѹ́детъ е҆мѹ̀ нико́еѧ по́льзы в тѡ́. Тако глаго́летъ хме́ль: а҆́ще спознается со мно́ю ст҃и́тель, и҆лѝ і҆́гѹменъ, и҆лѝ по́пъ, и҆лѝ дїа́конъ, и҆лѝ калуге́ръ, бѹ́детъ ни б҃жеи, ни лю́ско́и, и҆ всемѹ̀ ми́рѹ в не́нависти, и҆ са́нъ свои погѹби́тъ. Та́ко глаго́летъ хме̑: а҆́ще спозна́етсѧ со мно́ю боѧ́ринъ в санѹ̀ вели́цѣмъ, и҆ доспѣ́ю его̀ ѡ҆зло́бива и неми́лостива и҆ сребролюби́ва, и҆ ви́дѣвъ егѡ̀ цр҃ь и҆лѝ кн҃зь и҆верже̑ егѡ̀ и҆з са́на, и то́й напослѣ́докъ во́рыда́етъ ѡ҆ свое́й поги́бели. Тако глаго́летъ хме́ль: а҆́ще спозна́етсѧ со мно́ю го́сть, и҆ доспѣ́ю его̀ ѹ҆бо́га и҆ ни́ща и҆ ско́рбна во все́мъ; бѹ́детъ ходи́ти в ве́тхой ризѣ и҆ в раздра́ннѡи і҆ в ѹ҆тлыхъ сапога́хъ, ѹ҆чне́тъ ѹ҆ до́брыⷯ люде́й за́ймовати зла́то и҆ сребрѡ̀ и҆ закла́дывати женѹ̀ и҆ дѣте́й, і҆ подво́рїѧ е҆мѹ̀ не даю́тъ и҆ не ѹ҆чнутъ е҆мѹ̀ в зае́мъ дава́ти что́же, видѧ егѡ̀ ѹ҆по́ичива і҆ ѹ҆бо́га и҆ во все́мъ неѹ҆стро́инна. Тако глаго́летъ хме̑: а҆́ще спозна́етсѧ со мно́ю селѧни́нъ, ѹ҆чне́тъ ходи́ти по пира́мъ, і҆ доспѣ́ю его̀ в домѹ̀ пѹ́ста, а҆ самого̀ в долгѹ̀, а҆ женѹ̀ и҆ дѣте́й ви́дѣти в лю́дехъ поста́влю и҆́хъ в рабо́тѹ. Та́ко глаго́летъ хме́ль: а҆́ще спозна́етсѧ со мно́ю слуга царе́въ и҆лѝ кнѧже́й и҆ доспѣ́ю его̀ ѹ҆ кнѧ́зѧ в не́нависти, и҆ бѹ́детъ ни дворѧни́нъ, ни селѧни́нъ и҆ ѹ҆мретъ в нездоро́вствѣ своего̀ ра́ди неѹ҆строе́нїѧ. Та́ко глаго́летъ хме́ль: а҆́ще спозна́етсѧ со мнѡ́ю мастеровѡ́й чл҃вкъ, како́въ бы ни бѹ́ⷣ бы́лъ мѹ́дръ, ѿи́мѹ ра́зѹмъ и҆ мла́дость его̀, погѹблю̀ и҆ доспѣ́ю его̀ зло́ю пїѧ́нницею, го́рше всѣхъ люде́й; и е҆щѐ злы̀ дни наведѹ̀ на негѡ̀, і҆ всегѡ̀ рукодѣ́лїѧ своего̀ не восхо́щетъ дѣ́лати, но всегда̀ хо́щетъ пи́ти, и҆ не бѹ́детъ емѹ̀ добра̀ во всѐ животѣ̀. Та́ко глаго́летъ хме́ль: а҆́ще спозна́етсѧ со мно́ю жена̀, какова̀ ни е҆́сть бы ѡ҆на̀ мудра̀ была̀,

ўчнéтъ ўпивáтисѧ до пїáна, ўчиню̀ еѧ̀ блꙋ̑ницею й воздвѝгнꙋ к нéй пóхоть на блꙋ́дъ; потóмъ ввéргꙋ еѧ̀ в кончи́нꙋ й в пшрꙋгáнїе й во всѧ́кое ўкорéнїе, лꙋ́чше бы ѐи не роди́тисѧ; кто̀ не лиши́тсѧ вели́каго пїѧнства й злáго бѣснованїѧ, й сотворю̀ еѧ̀ ȏкаѧ́ннѣ ȋ гóрши ӥдола; ӥдоли бо не мóгꙋтъ ѓворити ни добрà, ни злà, а пїѧ́ный человѣкъ всѐ злóе твори́тъ й в дóбро̑ мѣстѣ. Ӑще бы пи́лъ во слáвꙋ б҃жїю, и ничтóже бы еѧ̀ не вреди́ло, ӗкоже пи́шетъ Ӑпóстолъ Пáвелъ: ӑще ўбо ӗсте ілѝ пїéте во слáвꙋ б҃жїю; ȃ пїѧ́ный человѣкъ во ўмилéнїе не прїи́детъ; согрѣши́тъ — ни к чéмъ не кáетсѧ; гóрши бѣснáго бывáетъ: бѣсны́и на врéмѧ стрáждетъ невóлею, ȃ ѿ мꙋчéнїѧ своегѡ̀ прéйдетъ во ѡ̑нъ вѣкъ, то вѣчнꙋю жизнь полꙋчи́тъ; ȃ трéзвымъ ўмомъ сѡгрѣши́тъ ч҃лвкъ, то й покáетсѧ и мѡ́литсѧ Г҃дꙋ Б҃гꙋ ȏ своéмъ согрѣшéнїи й проіщéнїе возпрїи́метъ, ӥстине б8детъ, ȃ пїѧ́ный же стрáждетъ вóлею своéю, ўготовлѧ́етъ себѣ мꙋ́кꙋ вѣчн8ю. Ѥгдà при́идетъ ӥерéй сотвори́ти моли́твꙋ на̑ бѣсны́мъ, й прогóнитъ бѣса; ȃ на̑ пїѧ́нымъ ӑще бы со ѐсеѧ земли сошли́сѧ с҃щéнницы й моли́твꙋ бы сотворили на̑ ни́мъ, но в҃ѣ, ӗко не мóгꙋтъ ѿгнáти пїѧнства содóмскаго бѣса. Ѥгò рáди молю́сѧ вáмъ, брáтїе: внимáйте себѣ й трезви́тесѧ й бѣгáйте безмѣрнаго пїѧнства. Пїѧ́ный гóрши бѣснáго бывáетъ: бѣсны́й на нóвъ м҃цъ ўстрóенъ ко всéмъ, а пїѧный напивáетсѧ, всегдà бѣснꙋ́етсѧ. Пиѧ́ный примѣнéнъ ѐсть ко свинїи: свинїѧ̀ бо ӑще самà гдѣ не вни́детъ, то нодри́ма обьюхáетъ плóдъ виногрáда; ѐгдà же слы́шитъ, тò й в виногрáдъ вхóдитъ; а пїѧ́ница по ўлицамъ хóдитъ ȋ всѧ́каго дворà воротà ȏтворѧ́етъ, послꙋ́шивае҃, гдѣ пїю́тъ; ӑще гдѣ вни́детъ во дво̑ й не пꙋ́стѧтъ егѡ̀, тò скорби́тъ й сѣтꙋ́етъ, ѿхóдитъ ѿ дворà тогѡ̀ й всѣхъ срѣтáющихъ вопрáшиваетъ, гдѣ пи́рове бывáють; ȃ ȏ зáповѣдехъ б҃жїихъ неврежé й ѡ̑ д҃ши своéй не радѣетъ, смéрти не поминáетъ й мꙋ́ки грóзныѧ й стрáшныѧ не боитсѧ и вéсь ўмъ свóй погꙋблѧ́етъ. Молю̀ вѧ̑, брáтїе, и повѣдаю, коли́ко мнóго поги́бе безмѣрнаго рáди пїѧнства; речé бо Ӑп҃тлъ Пáвелъ: ӗко пїѧ́ницы не наслѣдѧтъ ц҃ртвїѧ небéснаго, но ўготóванна ӥмъ мꙋ́ка вѣч-

нав с разбойниками и с татьми во вѣки мучитися; яко бо в первыхъ родѣхъ проявленно ѿ Бога: велицыи мужіе и угодницы Божіи пьянъствомъ погибоша; царіе мнози ѿ царьствія изриновени быша, святители мнози святительство погубиша, сильніи силу свою испровергоша, храбріи мечю предашася, богатіи обнищаша, многолѣтніи, много живше, скоро изомроша, здравіи болни быша, без Божія во суда пьяницы вскорѣ умирають, яко удавленицы. Аще кто в пьянствѣ умреть, той самъ себѣ врагъ и убінца, и сотворится прошеніе дьяволу, а Богу в ненавити самъ впадается. Подобаетъ хранитися ѿ великаго злаго пьянства, в семъ бо пьянствѣ совершается все злое беззаконіе: умъ погубляетъ пьянство, оруділ сокрушаетъ, прибытки теряетъ, безмѣрное пьянство князю пусту землю сотворяетъ, людей в работу вводитъ, простымъ людемъ долги содѣваетъ, мудрымъ хитрецомъ умъ погубляе и хитрость портитъ, не можетъ разумѣти своего рукодѣлія, а простыи мастеромъ непрестанное воздыханіе и горкое рыданіе, и убожество сотворяетъ; злое пьянство братію сваживаетъ в свары и тяжбы; злое пьянъство жены ѿ мужей разлучаетъ, дѣтѣ работы доводитъ; злое пьянство болѣзнь и срамоту и убожество наводит, пьянство ногамъ болѣзнь сотворяет, рукамъ дрожаніе творитъ, и зракъ ѿ очію ѿступаетъ, и Богу молитися не хощетъ, книгъ Божественнаго писанія честь не велитъ, во умиленіе не пріиде, страхъ Божіи ѿгоняетъ, смерти предаетъ, во огнь вѣчныи посылаетъ; пьянство красоту лица погубляетъ, смѣх трезвымъ сотворяетъ. О кого молва и скаредство? ѿ пьяницы. Кому блудная сотворити? пьяница. У кого сини очи? у пьяницы. У кого измѣненіе зрака? у пьяницы. Кому горе? пьяница. Кому лютѣ? пьяница. Кому охъ? пьяница. Не подобны есть пьяницы ни человѣкомъ, ни скотомъ, токмо единому дьяволу; аггли ѿвращаются ѿ пьяницъ, людемъ постылы; у пьяницы языкъ долгіи; у пьяницы уста незатворенны. Кто мерзокъ Богу? кто скаредъ? пьяница. На комъ платье худое? на пьяницы. Кто по улицамъ ходитъ и кричитъ и вопитъ?

пїаница. Кто̀ нагъ ѿ людей, стыдасѧ, бѣгаетъ? пїанница. Кто̀ упивается? пїанница. Кто̀ напрасно умираетъ? пїанница. Что̀ ѥсть неподобнѣе всѣхъ? пїанница. Кого̀ в смолу влекутъ? пїанницу. Кого̀ черви ꙗдатъ? пїаницу. Кого̀ во ѻгнь вмещутъ? пїанницу. Кому̀ чаши вина просити? піанницѣ. Ѿ кого̀ смрадъ велїи? ѿ пїанницы. Кому̀ рано ꙗсти? пїанице. Кому̀ заутрены проспати? пїанице. Кому̀ вываетъ сваръ и студъ и работа? пїанице. Кого̀ разными муками муча? пїаницу. Кого̀ бїютъ? пїанницу. Когѡ̀ продаютъ? пїанницу. Кто̀ в грязи валяется? пїаница. Кто упалъ и голову сломилъ? пїанница. Кто̀ руку или ногу переломилъ? пїанница. Кто̀ удавился? пїанница. Кто̀ загрязнился? пїанница. У кого̀ ѻчи подбиты? у пїаницы.

Молю убо всѣхъ, братїе, бѣжимъ злаго и лихаго пїанъства, и не лѣпо без мѣры упиватисѧ; да слышимъ, братїе, Апостлъ Павелъ к Тимофею глаголетъ: чадо Тимофее, мало вкушай питїа, да будетъ ти души спасенїе, а тѣлу во здравїе. И вы зрите, братїе: неподобнаго і злагѡ пїанства бѣгайте, непокорнїи і грубїи члвцы. Добро̀ и вода в мѣру пити, а вина̀ мало прїимати, стомаха ради тѣлеснаго: первая чаша во здравїе, вторая в веселїе, а третия в пїанство, четвертая в бѣсованїе [1]). Исусъ Сираховъ: Братїе, не упивайтеся виномъ; ѻгнь искушаетъ златѡ и сребро̀ и желѣзо твердо, а винѡ̀ казнитъ срце члвку. Аще и будеши пити, да в мѣру, всегда̀ трезвъ будеши и муръ; изначала во вино̀ сотворено к веселию, а не к безумному пїанству. Сирх: веселїе души и срцу вино̀ пити в мѣру; а горесть души и пагуба винное питїе многое. Рѣша стїи ѡцы: братїе, будите трезви, ꙗко убо супостатъ нашъ дїаволъ трезвъ ѥсть, а не пїа.

Слово это было очень распространено въ древне-русской письменности: кромѣ упомянутыхъ ркп. мы находимъ его въ

---

1) Въ синод. сп. (о которомъ ниже): первую чашу с похмѣлья во здравїе, вторую въ веселїе, третїю въ сытость, четвертую въ пьянство.

Тропникѣ Синод. Б-ки XVII в. № 240 (стар. кат. 450), л. 110 об.—111, подъ загл. «Слово Кирила философа ко всякому чл̃ку», въ видѣ нѣсколько сокращенномъ сравнительно съ кирилло-бѣлозерскимъ текстомъ, но представляющемъ и нѣкоторыя вставки, которыя, впрочемъ, всѣ имѣются въ приведенномъ нами софійскомъ текстѣ. Эта же статья имѣется въ двухъ Сборникахъ Рум. Муз. №№ 370 и 363 (оба XVII в.): въ первомъ подъ загл. «Слово о высокоѹмном хмелю і о хѹдоѹмных піяница»» (л. 11 об.), во второмъ — «повѣсть ѡ высокоумном хмелю» (л. 412); первый текстъ сходенъ съ упомянутымъ синодальнымъ, второй же заключаетъ сравнительно съ этимъ послѣднимъ нѣкоторыя вставки, опять-таки имѣющіяся въ софійскомъ спискѣ. Наконецъ, въ Сборникѣ XVII в. Моск. Синод. Типографіи № 1501 (448), л. 224—227, есть статья «Ѡ хмѣлѣ да ѡтнствѣ», представляющая лишь передѣлку статьи синодальнаго списка, безъ упоминанія имени «Кирилла философа» (какъ и въ румянцевскихъ спискахъ). Въ Прологѣ подъ 7 апрѣля имѣется поученіе, сходное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ приведеннымъ; съ цѣлію назиданія оно перепечатано въ «Влад. Эпарх. Вѣд.» 1873 г. № 23, ч. неофф., стр. 701 — 703. Съ этимъ послѣднимъ сходно также слово «къ сыну духовному», напечатанное въ русскомъ переводѣ изъ одного Измарагда Моск. Дух. Акад. въ «Кишиневск. Эпарх. Вѣд.» 1873, № 12, ч. неофф., стр. 487—489 (ср. также Прав. Соб. 1862, II, 271—274).

Въ «Памятн. стар. русской литерат.» (вып. II, 447—449) напечатана «Притча о хмѣлѣ», въ которой разсказывается, какъ одинъ человѣкъ, собирая плоды съ яблони, увидѣлъ какую-то траву, которая росла, обвивая стволъ этого деревца. Трава вдругъ заговорила съ человѣкомъ, объявила, что она — хмѣль, и произнесла передъ нимъ, приблизительно то же, что заключается въ приведенномъ «Поученіи Кирилла философа». Впрочемъ, редакція этой части «притчи», соотвѣтствующая нашему поученію, во многомъ разнится отъ редакціи послѣдняго и притомъ значительно короче ея.

VI. Въ Сборникѣ XVII в. Кирилло-Бѣлозерск. Б-ки № 115/1192, л. 282 об.—283, имѣется слѣдующая статья:

Кирилла философа. Братиѧ моѧ, слꙋжа црю земномꙋ, поминай цр҃ѧ нбснаго; мнози бо безꙋмнїи, оутождающе земномꙋ црю имѣнїѧ ради ихъ, скорѡ отмещꙋтсѧ славы и пойдꙋтъ во адшво днѡ. Брате мой, не завꙋди си, бога сы, ни зжали си нищетою и разꙋмѣй, ꙗко болшаѧ часть е нїщетѣ на землй, да постигнеши црьство нбсное; богатство бо держаще, немощно спастисѧ. Брате мой, властелинъ ли еси, то не бꙋди ꙗръ; попъ ли еси или дїаконъ, то не бꙋди безꙋменъ или пиꙗнчивъ; чернецъ ли еси, то не бꙋди злобѣснїкъ; страннїкъ ли еси, то не бꙋди нетерпеливъ, ни сквернословецъ; не бꙋди завистливъ и лживъ, ни клевещй на брата своего лѡжнаѧ (ср. выше № IV, стр. 19—20).

VII. Въ Сборникѣ XVI в. Моск. Гл. Арх. М. И. Д. № 453 (921) имѣется цѣлый рядъ поученій «Кирилла философа». Вотъ ихъ заглавія и начальныя слова:

л. 312 об. **Слово Кирила Философа в пнє, ѿ агглѣх. Ѻче блгви.** Нач. **Творѧи агглы своа и дхы слоугы своа ѡгнь палащь...**

л. 316. **Въ вторнїкъ словѡ Кирила Филосода. Ѻче блгви.** Нач. **Гласъ въпїющаго в поустыни...**

л. 319 об. **Кирила Философа слово ѿ пресвѣи бци прно дкѣ и Мрии в срє. Ѻче блгви.** Нач. **Кто възглть вл҃чцѣ нашеа сїлы, кто оуслышит ны...**

л. 325. **Того же Коурила Философа в че слово ѿ аплѣх.** Нач. **Шедше наоучите всѧ страны, рє Спсъ своимъ ꙋченїкѡ...**

л. 331. **Е пать Коурила Филосфа слово ѡ крте Га нашего Іу Ха. Ѡт.** Нач. **Егда крть на земли пѡстависа...**

л. 334 об. **Кирила Филосфа слово ѡ седмомь дни в соуботоу за мрътвыа. Ѡче блгви.** Нач. **Вѣроуа в ма, ре Гь, аще и оумреть, живъ боудеть...**

Судя по содержанію, едва-ли эти поученія русскаго происхожденія.

VIII. Во многихъ рукописяхъ разсѣяны краткія изреченія съ надписаніемъ «Кирила философа»; укажемъ наиболѣе часто встрѣчающіяся:

а) «Рече сты Кирилъ ѳилосо: разѹмѣй, человѣче, апстльскѹю таинѹ...» (приведено изъ Сборника «Старчество» XVII—XVIII в. въ Опис. ркп. Рум. Муз., 627; также у Сухомлинова въ Изв. 2-го Отд. Ак. Н., IV, 142).

б) «Слово Кирила философа. Яко же Кирилъ философ рече: члвка създа Бгъ межю двою животоу...» (приведено изъ Сборн. XV в. Кирилло-Бѣлоз. Б-ки у Арх. Варлаама въ Уч. Зап. 2-го Отд. Ак. Н., V, 60—61. Ср. Сухомлинова въ Изв. 2-го Отд. Ак. Н., IV, 141 и Опис. ркп. Рум. Муз., 230, 731; также Сборникъ XVII в. Тр.-С. Лавры № 798, л. 203—204 об. и той же Б-ки Измарагдъ нач. XVI в. № 203, л. 31 об.—32 об., гдѣ это изреченіе помѣщено въ статьѣ «Слово Св. Отець ѿ славѣ мира сего»).

в) «Кирилъ философъ рече: не того ради сотворени быхомъ, да ямы и піемъ...» (см. Калайдовича, Пам. росс. слов. XII в., 92).

г) «Кирил философ. Не хвали хваляща та, ни хѹли хоуляща та, и не боу многоречи, да не оуподобиши жерновомъ, иже многи люди насыщающе, а себе не могоуще напльнити» (изъ Сборника XVI в. Погод. № 1287, л. 274 об. Ср. выше № IV, стр. 19; это изреченіе имѣется кромѣ того въ Сборникѣ Ундольск. XVI—XVII в. № 573, л. 59 об. и Погод. XVII в. № 1613, л. 116 об.).

д) «Кирилъ философ°. Безумну книгъчїе аще бы седми горъ книгы написаны быша, мдрти біа на почитанїе его, и аще не съ вниманїе[м] и разумомъ приничюще в на почтают и не имоу[т] разумѣти, ни оувѣ[с], что глють книгы» (изъ того же Сборника Погод. № 1287, л. 114. См. Опис. ркп. Синод. Б-ки, II, 3, стр. 637).

е) Отвѣтъ Кирилла философа на вопросъ Логоѳета, что такое философія (приведено въ Опис. ркп. Рум. Муз., 238, 240. Ср. Опис. ркп. Синодальн. Б-ки, II, 2, стр. 5). Въ другихъ спискахъ надъ этимъ отрывкомъ стоитъ имя «Кирилла словенскаго», напр. въ Сборн. Погод. № 1560, 3-й отр. XVII в., л. 79 и № 1592 нач. XVIII в. [1]).

Эти и другія подобныя, разсѣянныя по рукописямъ и здѣсь нами не приведенныя, изреченія съ именемъ Кирилла философа указываютъ на существовавшее объ этомъ лицѣ въ древней русской литературѣ представленіе какъ о писателѣ, замѣчательномъ своею мудростью; не можетъ быть сомнѣнія, что въ умѣ древне-русскаго книжника имя это отожествлялось съ именемъ славянскаго первоучителя Кирилла, великія заслуги котораго дѣлу славянскаго просвѣщенія дѣлаютъ совершенно понятнымъ общее желаніе приписывать ему краткія нравственныя изреченія. Въ одной статьѣ, помѣщаемой въ Измарагдахъ подъ именемъ «Слова Григорія Папы Римскаго» и едва-ли послѣднему принадлежащей, говорится: «велика ё полза оученим слушати стго Василья, Іωа[н] злаустаго и Ефрѣма и Кирила ѳилософа» [2]); такимъ образомъ, имя послѣдняго ставится на ряду съ самыми знаменитыми и уважаемыми именами греко-россійской церкви и византійской и русской письменности.

Извѣстно, что мысль о мудрости «Кирилла философа словенскаго» раздѣляема была и на западѣ: она вызвала тамъ приписаніе ему особаго сборника нравоучительныхъ разсказовъ

---

[1]) А. Ѳ. Бычковъ, Описаніе церк.-слав. сборниковъ, I, 209, 231.
[2]) Опис. ркп. Синод. Б-ки, II, 3, стр. 54.

подъ заглавіемъ: «Quadripartitus apologicus Cyrilli episcopi de graeco in latinum translatus, quo relucet moraliter in philosophia ethica per quattuor cardinales virtutes et morales» или просто: «Speculum sapientiae»[1]). Хотя нѣкоторые иностранные и русскіе ученые, какъ Бальбинъ, Адри, Брюне, Шелль, Соболевскій, приняли достовѣрность приписанія этого сборника Кириллу, учителю славянскому, но при ближайшемъ изслѣдованіи вопроса нужно признать болѣе вѣроятнымъ то мнѣніе, которое отвергаетъ такое приписаніе[2]), и объяснять послѣднее вышеупомянутымъ распространеннымъ представленіемъ о мудрости славянскаго первоучителя.

IX. О. Арх. Леонидъ въ «Описаніи рукоп., принадлежащихъ Моск. Дух. Акад.» [3]) указываетъ на одно поученіе въ Сборникѣ этого собранія XV в. № 17 (48), л. 22 об.—24 об., озаглавленное такъ: «В не^х мѧсопоустноую Кирила мниха слѡво сказаніе еѵл҃іа ѿ Матѳеа». Начинается оно словами: «Братіе възлюбленнаꙗ, събиритесѧ и̂ послоушаите оу̂мно и̂ прилѣжно страшны^х и̂ грозны^х слѡвесъ...» Заглавіе навело описателя на мысль о принадлежности этого поученія Кириллу Туровскому, а слова въ срединѣ поученія: «не горци (т. е. Греки) бо точїю ѡ̂богатиша ѡ̂цемъ симъ (т. е. Іоанномъ Златоустомъ), но и̂ слѡвенскыи род мнимы пѡпранъ быти всѣми» укрѣпили это предположеніе. Теперь почтенный изслѣдователь, безъ сомнѣнія, такъ

---

[1]) Сборникъ этотъ изданъ былъ въ первый разъ въ 1473 г., и потомъ его изданіе повторяемо было очень много разъ (И. Платоновъ, Изслѣдованіе объ апологахъ или притчахъ Св. Кирилла, въ Журн. М. Нар. Пр. 1868, № 5, стр. 378).

[2]) И. Платоновъ, 392 и сл. Авторъ думаетъ, что эти притчи Кирилла «ни по духу, ни по выраженію не принадлежатъ не только нашему Кириллу, но и всему греко-славянскому міру, а суть чисто произведенія схоластической почвы Германіи, написанное въ назиданіе нѣмцамъ XV вѣка» (стр. 404). Съ первой — отрицательной — частью этого мнѣнія соглашается и Акад. А. Н. Веселовскій, вторая же — положительная — вызываетъ въ немъ сомнѣнія (см. его «Замѣтки по литературѣ и народной словесности», I, СПБ. 1883, стр. 35).

[3]) Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс. 1883, кн. 4, II, 81—82.

не думаетъ: Арх. Антоній (Вадковскій) въ своемъ недавнемъ изслѣдованіи о Константинѣ Болгарскомъ [1]) цѣликомъ напечаталъ изъ собранія бесѣдъ этого проповѣдника между прочимъ 47-ю (по ркп. XIII в. Синод. Б-ки № 163, л. 210), которая оказывается отъ слова до слова тожественной съ упомянутымъ поученіемъ «Кирила мниха» въ Сборникѣ Моск. Дух. Акад., при чемъ авторъ показалъ [2]), что вступленіе къ слову и заключеніе его принадлежатъ самому Константину, а главная часть представляетъ переводъ съ греческихъ катенъ изъ Іоанна Златоустаго на Евангелія Марка и Матѳея [3]). Если необходимо подыскивать какое-нибудь объясненіе ошибочному появленію въ заглавіи позднѣйшаго списка этого поученія имени Кирилла, то, м. б., для этого можетъ служить то обстоятельство, что Константинъ Болгарскій черпалъ содержаніе своихъ бесѣдъ не только изъ І. Златоуста, но и изъ толкованій на Евангеліе отъ Луки Кирилла Александрійскаго [4]), который и могъ быть обозначенъ краткимъ именемъ «Кирила мниха».

X. Митр. Макарій [5]), перечисляя въ концѣ обзора сочиненій Кирилла Туровскаго такія, которыя лишь предположительно можно бы считать твореніями этого автора, упоминаетъ между ними слѣдующее: «Кирила монаха, похвала святыхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ Евѳимія Великаго и Саввы Освященнаго»; начинается оно словами: «Свѣтла и просвѣщенна намъ всечестныхъ нашихъ восія память. . .» [6]). Но это похваль-

---

[1]) «Изъ исторіи древне-болгарской церковной проповѣди. Константинъ, еп. Болгарскій и его Учительное Евангеліе». Казань 1885, стр. 119—127.

[2]) Антоній, 119 и 126—127.

[3]) Cathenae in Evangelia S. Marci et S. Matthaei. Ed. a Cramero. Oxonii 1840.

[4]) См. Опис. ркп. Синод. Б-ки, II, 2, стр. 424.

[5]) Истор. Русск. Ц., III, 174, прим. 242.

[6]) Списки его имѣются у Ундольск. Сборн. XV—XVI в. № 560, л. 149 об.; Царск. XVII в. № 135, л. 317; Солов. Монаст. XVI в. № 638 (835), л. 274 и друг.

ное слово принадлежитъ Кириллу Скиѳопольскому, извѣстному подъ именемъ *Cyrilli monachi* et presbyteri Scythopolitani[1]), написавшему и пространныя жизнеописанія этихъ святыхъ[2]). Упомянутое поученіе имѣется въ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ подъ 5-мъ декабря (день Св. Евѳимія) и 20-мъ января (Св. Саввы)[3]).

---

[1]) См. Cotellerii, Monum. Eccl. Gr. II, 604; Acta SS., Januarius, II, 299.

[2]) Напечатано въ Cotellerii, Monum. II, 200—340 (русск. пер. въ Христ. Чт. XV, 3—160) — житіе Св. Евѳимія Вел. и Cotell., III, 220—376 (русск. пер. въ Христ. Чт. XII, 95—284) — житіе Св. Саввы Освященнаго.

[3]) Горскій и Невоструевъ, Описаніе великихъ Четьихъ-Миней митр. Макарія (Чтенія Общ. Ист. и Др. 1886, кн. 1), стр. 83 и 115.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLII, № 4.

ПУШКИНЪ,

ЕГО ЛИЦЕЙСКІЕ ТОВАРИЩИ И НАСТАВНИКИ.

НѢСКОЛЬКО СТАТЕЙ

Я. ГРОТА

СЪ ПРИСОЕДИНЕНІЕМЪ И ДРУГИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1887.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1887 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ ***К. Веселовскій.***

Въ началѣ нынѣшняго года вся Россія чествовала память Пушкина въ ознаменованіе пятидесятилѣтія со дня его смерти. Этимъ чествованіемъ вызванъ и предлагаемый трудъ, въ которомъ собраны статьи, посвященныя мною въ разное время изученію Пушкина и большею частію прежде уже напечатанныя въ различныхъ изданіяхъ. Къ нимъ присоединено и нѣсколько новыхъ страницъ, нигдѣ еще не появлявшихся, а рядомъ съ ними помѣщены и нѣкоторые полученные мною отъ другихъ лицъ матеріалы для біографіи и оцѣнки Пушкина.

Я. Гротъ.

Іюль 1887.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПУШКИНЪ ВЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ ЛИЦЕѢ[1].

Память Пушкина дорогá для каждаго русскаго, но она вдвойнѣ дорогá для питомца лицея. Она прежде всего переноситъ его въ тотъ счастливый пріютъ, гдѣ и удаленіе отъ шума столицы, и красота мѣстности, и стеченіе особенныхъ обстоятельствъ, и наконецъ славныя современныя событія какъ бы нарочно соединились къ тому, чтобы плодотворно направить образованіе геніальнаго отрока и ускорить развитіе его способностей.

Въ числѣ духовныхъ благъ, завѣщанныхъ старымъ лицеемъ новому, едва ли не всѣхъ драгоцѣннѣе блистающее на скрижаляхъ ихъ безсмертное имя питомца, возвеличившаго своими созданіями русское слово, обогатившаго достояніе своего народа нетлѣнными сокровищами.

Мнѣ выпалъ жребій принадлежать, въ два разные періода моей жизни, тому и другому лицею, — царскосельскому въ качествѣ его воспитанника, — петербургскому въ званіи его профессора[2]). Не естественно ли поэтому, что при чествованіи памяти Пушкина я избираю предметомъ своей бесѣды тѣ годы жизни поэта, когда онъ, говоря собственными его словами, «въ садахъ лицея безмятежно расцвѣталъ», —

---

[1]) Эта статья составляетъ дополненную нѣкоторыми подробностями и нѣсколько измѣненную рѣчь, читанную авторомъ въ Александровскомъ лицеѣ въ день пятидесятилѣтней годовщины смерти Пушкина.

[2]) Съ 1853 по 1862 годъ.

Тѣ дни, когда еще не знаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Онъ пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.

Это время было очень близко къ тому завѣтному шестилѣтію, которое мнѣ довелось прожить въ царскосельскомъ лицеѣ. Въ ту пору онъ былъ еще полонъ свѣжихъ воспоминаній о Пушкинѣ и уже оглашался его славой. При моемъ поступленіи въ лицей, прошло только 15 лѣтъ съ основанія его, и только 9 лѣтъ со времени выпуска Пушкина. Но въ глазахъ подрастающаго поколѣнія такое число лѣтъ составляетъ значительный періодъ: мнѣ и моимъ товарищамъ пушкинское время казалось далекою стариной въ жизни заведенія. Между тѣмъ мы еще застали тамъ нѣкоторыхъ изъ наставниковъ 1-го курса. Изъ числа гувернеровъ это были: Чириковъ, дававшій уроки рисованья, и Калиничъ, учитель чистописанія. Оба еще и послѣ нашего (6-го) курса довольно долго оставались въ лицеѣ; оба отличались добродушіемъ и пользовались довѣріемъ воспитанниковъ. Калиничъ, оригиналъ въ своемъ родѣ, извѣстенъ былъ своими нѣсколько комическими пріемами въ обращеніи съ воспитанниками, и хотя самъ уже плохо владѣлъ рукою, но умѣлъ сообщать своимъ ученикамъ правильный и красивый почеркъ, столь одинаковый, что по немъ можно было узнавать лицеистовъ разныхъ выпусковъ. Изъ профессоровъ пушкинскаго времени при насъ оставались еще: Карцовъ по каѳедрѣ математики и физики, Кайдановъ по исторіи и Кошанскій по русской и латинской словесности. Тучный и злорѣчивый Карцовъ увѣковѣченъ въ извѣстномъ четверостишіи, обыкновенно приписываемомъ Пушкину, но собственно принадлежащемъ Илличевскому [1]); вопреки этой эпиграммѣ Кар-

[1]) Одинъ изъ комментаторовъ Пушкина принялъ встрѣчающееся въ этомъ четверостишіи названіе *чернякъ* («Повѣрь, тебя измѣрить разомъ Не мудрено, чернякъ») за собственное имя, и такъ какъ между лицейскими наставниками не было никого съ этимъ именемъ, то онъ усомнился въ томъ, чтобы эта эпи-

цовъ былъ оченъ уменъ, но до крайности лѣнивъ; свою насмѣшливость упражнялъ онъ особенно надъ докторомъ Пешелемъ, чехомъ по происхожденію, который не оставался у него въ долгу, и также поступилъ въ лицей еще при первомъ курсѣ, а потомъ продолжалъ быть эскулапомъ и болтливымъ собесѣдникомъ многихъ поколѣній лицеистовъ. Кайдановъ пріобрѣлъ въ педагогическомъ мірѣ не слишкомъ лестную репутацію своимъ руководствомъ, которое теперь (употребляя распространенное имъ же по всей Россіи выраженіе) «покрыто мракомъ неизвѣстности». Что касается Кошанскаго, то мы знаемъ, что Пушкинъ не всегда съ нимъ ладилъ вслѣдствіе недоразумѣній, о которыхъ будетъ рѣчь далѣе, но въ мое время Кошанскій пользовался большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ лицейской молодежи.

Преданія о первомъ курсѣ лицеистовъ чрезвычайно интересовали насъ: съ жадностью слушали мы всякій разсказъ о старѣйшихъ нашихъ предшественникахъ и съ любопытствомъ разспрашивали ихъ современниковъ о подробностяхъ первоначальной исторіи лицея. Мы поступили туда въ первый годъ царствованія императора Николая, въ самые дни происходившей въ Москвѣ коронаціи. Декабрьское событіе было у всѣхъ въ свѣжей памяти; мы знали объ участіи въ немъ Кюхельбекера и Пущина, и не удивительно, что эти два лица сдѣлались для насъ предметомъ общаго любопытства. Изъ другихъ товарищей Пушкина вниманіе наше привлекали особенно: баронъ Дельвигъ, какъ другъ его и поэтъ; Вальховскій, князь Горчаковъ и баронъ Корфъ по быстрой ихъ карьерѣ, которая тогда уже могла назваться блестящею; наконецъ Матюшкинъ по слухамъ о его странствованіяхъ и страсти къ морю.

Прошлое нашего учрежденія тѣмъ болѣе занимало насъ, что еще въ концѣ царствованія Александра Павловича произошла перемѣна въ системѣ управленія лицеемъ. Это было въ связи съ перево-

---

грамма дѣйствительно относилась къ лицею. Но мы очень хорошо знали ея примѣненіе: слово *черняк*ъ указывало на цвѣтъ волосъ и на смуглость кожи у подразумѣваемаго профессора.

ротомъ, совершившимся въ образѣ мыслей государя и въ общемъ духѣ его правленія. Свобода, какою пользовались воспитанники при директорѣ Энгельгардтѣ, послужила поводомъ къ его увольненію [1]) и на мѣсто его назначенъ бывшій директоръ Дворянскаго полка генералъ Гольтгоеръ: въ лицеѣ водворилась въ нѣкоторой степени военная дисциплина, и мы смотрѣли на предшествовавшее время какъ на золотой вѣкъ лицея. Надъ всѣми его преданіями царило славное имя Пушкина. Легко представить себѣ, съ какимъ восторгомъ мы читали и выучивали наизусть его стихи; каждое новое произведеніе его ходило между нами по рукамъ, если не въ печати, то въ спискахъ. Надо помнить, что тогда въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и лицея, стихи Пушкина считались нѣкотораго рода запрещеннымъ плодомъ. Старая офиціальная педагогика еще не включила его въ созвѣздіе образцовыхъ писателей и пробавлялась отрывками изъ Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмитріева, Крылова, Озерова, да съ недавняго времени еще изъ Жуковскаго и Батюшкова. Но въ обществѣ и въ средѣ молодежи художественное чувство предупредило рѣшеніе педагогики: на школьныхъ скамьяхъ распѣвалась «Черная шаль», мы зачитывались Русланомъ и Людмилой, Кавказскимъ плѣнникомъ, Бахчисарайскимъ фонтаномъ, Цыганами и первыми главами Евгенія Онѣгина. Въ созданіяхъ Пушкина, въ славѣ его мы видѣли что-то для себя родное, мы считали его своимъ.

Естественно, что примѣръ Пушкина магически дѣйствовалъ на воспитанниковъ послѣдующихъ курсовъ и побуждалъ ихъ также пробовать свои силы въ поэзіи, тѣмъ болѣе, что и самъ профессоръ русской литературы поощрялъ ихъ къ этимъ опытамъ. Но изъ лицейскихъ стихотвореній 1-го курса мы почти ничего не знали, пока находились въ заведеніи. Я познакомился съ ними только черезъ годъ послѣ моего выпуска изъ лицея, именно въ 1833 г., когда товарищъ Пушкина, баронъ М. А. Корфъ, тогдаш-

---

[1]) См. ниже статью: *Старина царскосельскаго лицея*, отд. 6.

ній мой начальникъ по канцеляріи Комитета министровъ, куда я поступилъ изъ лицея, далъ мнѣ на прочтеніе двѣ переплетенныя въ зеленый сафьянъ тетради, содержавшія собраніе стихотвореній нѣкоторыхъ изъ его товарищей. Я тогда же переписалъ большую часть ихъ, не пропустивъ конечно ни одной изъ пьесъ Пушкина. Эти тетради принадлежали собственно товарищу и другу его М. Л. Яковлеву, страстному любителю музыки и пѣнія, который нѣкогда и самъ пописывалъ стихи, особенно басни, но не обнаружилъ въ поэзіи замѣтнаго таланта. Что касается барона Корфа, то между нимъ и Пушкинымъ никогда не было настоящаго сочувствія: ихъ характеры, нѣкоторыя понятія и житейскія цѣли слишкомъ расходились. Взглядъ покойнаго Модеста Андреевича на даровитаго товарища выразился очень рѣзко въ воспоминаніяхъ о лицеѣ, написанныхъ имъ по поводу біографическихъ статей г. Бартенева [1]).

Изъ всего мною сказаннаго уже ясно, почему я съ особенною любовью останавливаюсь на лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Конечно, послѣдующія произведенія его гораздо зрѣлѣе и совершеннѣе, но и ранніе стихи его, въ которыхъ такъ ярко отразилась его игривая и кипучая молодость, въ которыхъ талантъ его уже является съ такимъ изумительнымъ блескомъ, возбуждаютъ живой интересъ. Мы видимъ въ нихъ первые взмахи крыльевъ могучаго орла, мы въ нихъ уже предчувствуемъ и предвкушаемъ его будущее величіе.

Если намъ вообще дороги подробности о дѣтствѣ и юности замѣчательнаго человѣка, то тѣмъ болѣе цѣнны впечатлѣнія и мысли, имъ самимъ выраженныя въ этомъ возрастѣ. Кромѣ того лицейскія стихотворенія Пушкина заслуживаютъ особеннаго вниманія еще и потому, что періодъ его воспитанія въ Царскомъ Селѣ нашелъ такой сильный отголосокъ во всей его дальнѣйшей поэтической дѣятельности. Мы знаемъ, какъ часто онъ въ своихъ

---

[1]) Часть этой записки, касающаяся Пушкина, помѣщена въ статьѣ кн. П. П. Вяземскаго въ газетѣ *Берегъ*, лѣтомъ 1880 года, и потомъ перепечатана въ изданіи г. Бартенева: *А. С. Пушкинъ*, вып. II.

лучшихъ стихотвореніяхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ мѣсту его воспитанія, вспоминаетъ о лицеѣ и Царскомъ Селѣ и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, какое значеніе они имѣли въ его духовной жизни. Едва ли есть въ исторіи литературъ другой примѣръ, чтобы годы воспитанія, благодаря ихъ поэтической обстановкѣ, въ такой степени отразились въ творчествѣ писателя, какъ лицейскій періодъ жизни Пушкина въ его поэзіи: онъ съ любовью вспоминаетъ это время и въ посланіяхъ своихъ, и въ поэмахъ, и въ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя особо посвящены празднованію лицейской годовщины.

Прежде всего насъ поражаетъ масса того, что̀ написано Пушкинымъ въ лицеѣ: его стихотворенія этой эпохи, числомъ около 130-и, составляютъ цѣлую порядочную книгу. Такая производительность, при достоинствахъ написаннаго, указываетъ уже на могущество таланта. Нѣкоторые товарищи Пушкина, также не лишенные поэтическаго дарованія, далеко отстали отъ него и въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, дружное соединеніе столькихъ молодыхъ талантовъ въ возникающемъ учебномъ заведеніи представляетъ явленіе необыкновенное. Эти отроки на 14-мъ и 15-мъ году жизни вступаютъ уже въ сношенія съ редакторами журналовъ, которые охотно принимаютъ и печатаютъ ихъ труды. Къ образованію этого литературнаго сообщества способствовали многія обстоятельства: изъ числа тридцати воспитанниковъ перваго курса лицея цѣлая треть поступила туда изъ московскаго университетскаго пансіона, гдѣ подъ вліяніемъ и по примѣру воспитывавшагося въ немъ Жуковскаго уже была въ значительной степени развита литературная дѣятельность: извѣстно, что Жуковскій съ товарищами еще въ бытность свою въ университетскомъ пансіонѣ издавалъ журналы (Утренняя Заря и др.), въ которыхъ печатались ихъ юношескіе опыты въ стихахъ и прозѣ. Но главнымъ виновникомъ и двигателемъ литературной жизни въ новомъ училищѣ былъ все-таки Пушкинъ, и безъ него это направленіе конечно не достиглобы тамъ такого поразительнаго развитія. Можно сказать, что Пушкинъ, поступая въ лицей двѣ-

надцати лѣтъ отъ роду, по своимъ занятіямъ и связямъ уже былъ литераторомъ: съ девятилѣтняго возраста онъ зачитывался въ библіотекѣ своего отца французскими поэтами и лично познакомился съ извѣстнѣйшими русскими писателями: Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ. Какое значеніе онъ имѣлъ для своихъ товарищей, можно видѣть изъ современнаго свидѣтельства: лицей открытъ былъ въ октябрѣ 1811 г., а уже 25-го марта 1812 одинъ изъ воспитанниковъ, Илличевскій, пишетъ своему бывшему соученику въ петербургской гимназіи Фуссу: «Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ *одного молодого человѣка*, который, живши между лучшими стихотворцами, пріобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса». Этимъ учителемъ своихъ товарищей былъ Пушкинъ, младшій изъ нихъ по лѣтамъ, но на котораго они невольно смотрѣли какъ на старшаго. Кромѣ его, въ издававшихся тогда журналахъ печатали свои стихи: баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Эти журналы были—въ Москвѣ: Вѣстникъ Европы, Россійскій Музеумъ (оба издавалъ Вл. Измайловъ) и Труды Общества Любителей Россійской Словесности; въ Петербургѣ: Сынъ Отечества Греча и Сѣверный Наблюдатель П. А. Корсакова. Первое напечатанное стихотвореніе Пушкина (Другу-стихотворцу) появилось въ 1814 г. въ Вѣстникѣ Европы; первое же, подписанное полнымъ его именемъ (Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ), напечатано было въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности въ 1815 г. Сначала стихи Пушкина являлись въ печати подъ отдѣльными буквами его имени, но съ перестановкою ихъ, напр. Н. к. ш. п., или подъ цыфрами 14—16. Эти цыфры были его любимою подписью: первая означала букву *н*, которою кончалась его фамилія, а 16—*п*, которою она начиналась; кромѣ того число 14 было номеромъ его лицейской комнатки; этою цыфрою любилъ онъ и впослѣдствіи подписывать свои записки къ товарищамъ.

Понятно, что прилежныя упражненія въ стихотворствѣ оставляли воспитанникамъ не много времени на слушаніе и приготовле-

ніе уроковъ. Начальство, замѣтивъ это, запретило имъ сочинять, о чемъ Илличевскій сообщаетъ своему петербургскому пріятелю, прибавляя однакожъ: «но мы съ нимъ (т. е. съ Пушкинымъ) пишемъ украдкою». Впрочемъ запрещеніе продолжалось недолго: уже черезъ мѣсяцъ послѣ приведеннаго извѣстія (26 апрѣля 1812 г.) Илличевскій пишетъ тому же молодому человѣку. «Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять».

Надо замѣтить, что и самые порядки въ новооткрытомъ учебномъ заведеніи не благопріятствовали или, вѣрнѣе, мѣшали учебнымъ занятіямъ. Тотъ же Илличевскій разсказываетъ Фуссу съ видимымъ торжествомъ: «Учимся въ день только семь часовъ, и то съ перемѣнами, которыя по часу продолжаются: на мѣстахъ никогда не сидимъ; кто хочетъ учится, кто хочетъ гуляетъ; уроки, сказать правду, не весьма велики». Это положеніе учебнаго дѣла продолжалось, при первомъ курсѣ, и послѣ. Въ 1814 году, въ концѣ пребыванія въ младшемъ курсѣ, Илличевскій пишетъ: «Ежели уроки мѣшаютъ тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не менѣе мѣшаетъ (только не уроки, а) страсть къ стихамъ». Нѣсколько позднѣе нашъ источникъ, разсуждая, что «всѣ училища на одну стать; что начало хорошо, чѣмъ же далѣе, тѣмъ хуже», хвастливо заявляетъ: «Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ свобода (а свобода дѣло золотое)... Лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ; съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся».

Все это можетъ служить краснорѣчивымъ объясненіемъ тѣхъ неодобрительныхъ аттестацій, какія получалъ Пушкинъ отъ своихъ наставниковъ. Къ живости и пылкости его природы, къ его неодолимой потребности художественнаго творчества присоединялся соблазнъ успѣха и извѣстности, которые такъ легко доставались ему уже съ первыхъ шаговъ на поприщѣ гласности. Могъ ли онъ, при этихъ условіяхъ, отвѣчать обыкновеннымъ школьнымъ требованіямъ? Но его неисправность въ приготовленіи уроковъ, которую приписывали лѣности, легкомыслію и т. п.,

вовсе не значила, что онъ не оказывалъ успѣховъ. Одинъ изъ біографовъ Пушкина[1]) справедливо замѣчаетъ, что онъ, несмотря на видимую свою невнимательность, «изъ преподаванія своихъ профессоровъ выносилъ болѣе нежели его товарищи», если исключить, прибавлю я, тѣхъ немногихъ, которые при блестящихъ способностяхъ отличались трудолюбіемъ и усидчивостью, каковы были кн. Горчаковъ и Вальховскій. Особенно же вознаграждалъ онъ недостатки преподаванія и приготовленія уроковъ чтеніемъ, и при своей необыкновенной памяти быстро усвоивалъ себѣ навсегда все пріобрѣтенное этимъ путемъ. Читая его лицейскія стихотворенія, мы замѣчаемъ, что онъ знаетъ чрезвычайно много и не можемъ не приписать этого частью его начитанности, частью наблюдательности, быстротѣ пониманія, да еще свойственной геніальнымъ умамъ способности угадывать то, что людямъ обыкновеннымъ дается только долговременнымъ опытомъ. Сюда относится особенно раннее знаніе человѣческаго сердца и пониманіе людскихъ страстей и отношеній. Не упоминаю о живости чувствъ, о пылкости воображенія, о юношеской игривости ума, которыя у Пушкина присоединялись къ сказаннымъ свойствамъ.

Изъ положительныхъ знаній, отражающихся въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, замѣчательно его знакомство съ греческимъ и римскимъ міромъ. Еще въ родительскомъ домѣ, до поступленія въ лицей, онъ прочелъ въ переводѣ Битобé всю Иліаду и Одиссею. Впрочемъ свои познанія въ миѳологіи онъ почерпнулъ не изъ одного чтенія французскихъ поэтовъ, но и изъ книгъ, спеціально посвященныхъ этому предмету. Безъ сомнѣнія, и Кошанскій, объясняя на своихъ урокахъ поэтическія произведенія древнихъ, присовокуплялъ къ тому толкованія изъ исторіи литературы и миѳологіи. Въ 1817 году Кошанскій издалъ учебникъ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: «Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологію, обозрѣніе классическихъ авторовъ, миѳологію и древности греческія и римскія». Это переводъ

---

[1]) См. *Сочиненія Плетнева*, т. I, стр. 366.

сочиненія Эшенбурга съ нѣкоторыми дополненіями переводчика. Но прежде изданія этой книги Кошанскій уже пользовался ею при своемъ преподаваніи. Такимъ образомъ намъ становится яснымъ, почему Пушкинъ еще въ лицеѣ такъ любилъ заимствовать изъ древняго міра образы и сюжеты для своихъ стихотвореній.

Необыкновенное знаніе родного языка поражаетъ насъ въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Пушкина. Правда, что онъ нашелъ русскій поэтическій языкъ уже значительно обработаннымъ въ стихахъ Жуковскаго и Батюшкова; но Пушкинъ скоро придалъ ему еще бо́льшую свободу, простоту и естественность, болѣе и болѣе сближая его съ языкомъ народнымъ. Замѣтимъ, что въ самомъ постановленіи о преподаваніи въ лицеѣ было правило: избѣгать всякой высокопарности, но это правило не всегда умѣли соблюдать и сами преподаватели, какъ показываютъ нѣкоторые дошедшіе до насъ отрывки изъ ихъ рѣчей. Наперекоръ имъ Пушкинъ опередилъ въ этомъ отношеніи свое время. Какая разница, напр., между стихами В. Л. Пушкина и его геніальнаго племянника, уже въ бытность его въ лицеѣ! Лишь изрѣдка встрѣчаются у него поэтическія вольности въ родѣ усѣченныхъ прилагательныхъ и причастій, напр. *протекши* дни, вм. *протекшіе* дни и т. п. Только въ тѣхъ немногихъ стихотвореніяхъ, гдѣ молодой поэтъ настраиваетъ свою лиру на торжественный ладъ, какъ-то: въ *Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ*, *въ Безвѣріи*, *На возвращеніе императора Александра*, попадаются старинныя слова и формы, какъ напр. *Россовъ* въ риѳму къ имени *Ломоносовъ*, *се* вм. *вотъ*, и т. п.

Нельзя безъ особеннаго наслажденія слѣдить за быстрымъ развитіемъ могучаго таланта въ юношескихъ его стихотвореніяхъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Первое начало такому расположенію сдѣлано было еще г. Анненковымъ въ 1855 г., но по доступнымъ въ то время матеріаламъ эта задача не могла быть разрѣшена вполнѣ удовлетворительно. Большою благодарностью обязана наша литература и исторія просвѣщенія В. П. Гаевскому, которому принадлежитъ первый

почин въ разработкѣ внутренней исторіи лицея. Начавъ еще въ 1853 г. рядъ изслѣдованій по этому предмету въ статьяхъ о Дельвигѣ, г. Гаевскій въ 60-хъ годахъ перешелъ къ Пушкину [1]) и, пользуясь указаніями остававшихся еще въ живыхъ сверстниковъ поэта, сообщилъ много новыхъ данныхъ, которыми и воспользовались редакторы позднѣйшихъ изданій Пушкина.

По настроенію поэта, лицейскія стихотворенія его замѣтно распадаются на два отдѣла, или двѣ эпохи: первая продолжается отъ 1812 г. приблизительно до осени 1816, вторая отъ этого времени до выпуска его въ іюнѣ 1817 года. Въ первой преобладаетъ веселое, эротическое направленіе, выражающееся въ игривой, легкой и граціозной формѣ; вторая, наступившая вслѣдствіе сильнаго сердечнаго увлеченія, отличается меланхолическимъ характеромъ и строгою формой большей части стихотвореній.

По содержанію и роду поэзіи, лицейскія стихотворенія Пушкина могутъ быть раздѣлены на посланія, анакреотическія пьесы, эпиграммы и вообще мелочи, затѣмъ стихотворенія торжественнаго содержанія и наконецъ разсказы въ эпическомъ родѣ. Между послѣдними встрѣчается уже и одна пьеса изъ русскаго сказочнаго міра, именно стихотвореніе *Бова*.

Въ каждомъ изъ этихъ родовъ можно еще отличить переводы и подражанія отъ оригинальныхъ стихотвореній. На первыхъ не буду останавливаться, равно какъ и на французскихъ стихотворныхъ опытахъ Пушкина; извѣстно, что первыя пробы пера его были на французскомъ языкѣ, который, по общему въ то время обычаю, господствовалъ въ домѣ родителей его. Впослѣдствіи Пушкинъ считалъ такого рода упражненія на чужомъ языкѣ вредными для русской поэтической техники и совѣтовалъ лицеисту одного изъ позднѣйшихъ курсовъ [2]), имѣвшему къ нимъ слабость, не писать французскихъ стиховъ.

Послѣ двухъ французскихъ четверостишій собраніе русскихъ

---

[1]) См. *Современникъ*, т. XXXVII, XXXIX, XLIII, XLVII и XCVII.
[2]) Князю А. В. Мещерскому, воспитаннику 5-го выпуска (1829).

лицейскихъ стихотвореній Пушкина начинается двумя ребяческими обращеніями къ какой-то *Деліи* и эротическою пьескою *Измѣны*, вызванной первымъ предметомъ его увлеченій, графинею Натальею Кочубей (дочерью бывшаго впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ Виктора Павловича Кочубея, имѣвшаго въ Царскомъ Селѣ свою дачу). Въ послѣднемъ Пушкинъ уже называетъ себя *юнымъ пѣвцомъ:*

Ахъ, для тебя ли,
Юный пѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтетъ?

Эти три пьесы относятся къ 1812 году, когда Пушкину было только 13 лѣтъ. За слѣдующій годъ мы не находимъ въ собраніи ни одного стихотворенія.

1814 годъ открывается двумя посланіями къ *Сестрѣ* и къ *Другу-стихотворцу*. Подражая Батюшкову въ духѣ и тонѣ своихъ стиховъ, Пушкинъ въ первыхъ своихъ опытахъ подражалъ и дядѣ своему. У Василья Львовича есть посланіе къ *Брату и другу*, т. е. къ отцу нашего поэта, которое начинается такъ:

Почто, мой другъ, судьбою
Съ тобой я разлученъ?

Стихами того же размѣра, которымъ впрочемъ также писали посланія Жуковскій и Батюшковъ, Александръ Сергѣевичъ обращается къ своей сестрѣ:

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой....

Идея этого посланія основана на шуткѣ, что лицей—монастырь, а молодой поэтъ чернецъ, живущій въ уединенной кельѣ. Ему представляется, что онъ изъ этой кельи вечернею порой вдругъ перелетаетъ на берега Невы и подноситъ сестрѣ *пукъ стиховъ*:

Несу тебѣ не злато —
Чернецъ я не богатой, —
Въ подарокъ пукъ стиховъ.

При этомъ онъ старается угадать, чѣмъ она въ ту минуту занята, какого автора читаетъ изъ знакомыхъ ему Ж.-Жака Руссо, Жанлисъ, Гамильтона, Грея и Томсона, или она ласкаетъ на колѣняхъ «моську престарѣлу, въ подушкахъ посѣдѣлу» и т. д.

Но вотъ онъ замѣчаетъ, что все это только мечта:

Увы, въ монастырѣ
При блѣдномъ свѣчъ сіяньѣ,
Одинъ пишу сестрѣ;
Все тихо въ мрачной кельѣ.

Затѣмъ онъ горюетъ о томъ, что былъ прежде знакомъ съ суетою (т. е. съ московскою жизнью), но

....вдругъ въ глухихъ стѣнахъ
Явился заключеннымъ,
Навѣки погребеннымъ,
И міра красота
Одѣлась черной мглою...

Но всего любопытнѣе конецъ посланія, въ которомъ поэтъ за три года до окончанія курса уже мечтаетъ о выпускѣ:

Но время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ.
Спѣша на новоселье,
Оставлю темну келью,

Поля, сады свои;
Подъ столъ клобукъ съ веригой —
И прилечу *разстригой*
Въ объятія твои.

Посланіе къ *Другу-стихотворцу*, которое, какъ уже было замѣчено, ранѣе всѣхъ другихъ его стихотвореній явилось въ печати, написано шестистопнымъ ямбомъ, подобно посланію дяди поэта къ Жуковскому и Вяземскому; даже и имя *Ариста* приданное другу, къ которому юный лицеистъ обращается, заимствовано изъ посланія Василья Львовича, гдѣ мы встрѣчаемъ стихъ:

Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной.

Нѣкоторые думаютъ, что подъ другомъ-стихотворцемъ, или Аристомъ, въ посланіи Александра Сергѣевича надо разумѣть Дельвига, но это невѣрно, такъ какъ Пушкинъ съ самаго начала высоко цѣнилъ талантъ этого товарища, въ разсматриваемомъ же посланіи онъ совѣтуетъ другу отказаться отъ стихотворства. Здѣсь опять преобладаетъ шуточный тонъ, напр. въ стихахъ:

На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и кропива...
Страшись безславія!

Стараясь отвратить друга отъ поэзіи, Пушкинъ представляетъ ему между прочимъ незавидную судьбу, часто постигающую поэтовъ:

Не такъ, любезный другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужки подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы,

Катится мимо ихъ фортуны колесо;
Родился нагъ — и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Но едва ли не самое удачное мѣсто этой пьесы — извѣстный анекдотъ, разсказанный по поводу возраженія Ариста, что Пушкинъ, который самъ пишетъ стихи, отклоняетъ отъ нихъ другого:

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:
Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ —
И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
Попалися ему на встрѣчу мужики:
«Послушай, батюшка, сказали простяки;
Настави грѣшныхъ насъ — ты пить вѣдь запрещаешь,
Быть трезвымъ всякому вездѣ повелѣваешь,
И вѣримъ мы тебѣ, да чтожъ сегодня самъ?..»
«Послушайте, сказалъ священникъ мужикамъ,
Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте:
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте».

Изъ остальныхъ стихотвореній 1814 г. особеннаго вниманія заслуживаютъ *Городокъ* и *Пирующіе студенты*. *Городокъ* и по вымыслу и по формѣ (посланіе въ трехстопныхъ ямбахъ) — явное подражаніе Батюшкову, любимому въ это время поэту молодого Пушкина, который видывалъ его еще въ родительскомъ домѣ, а позднѣе и въ лицеѣ. Въ томъ же году онъ пишетъ къ Батюшкову посланіе и называетъ его рѣзвымъ философомъ, изнѣженнымъ лю-

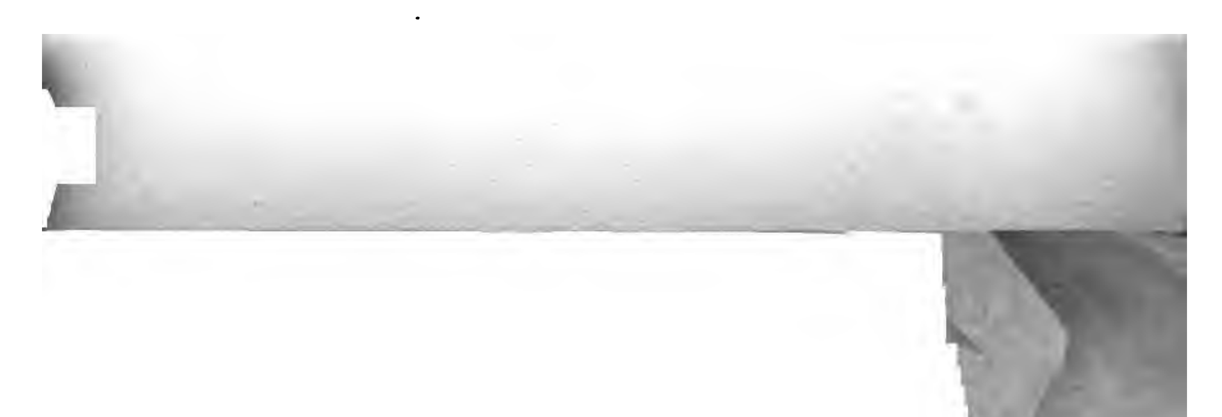
бимцемъ харитъ, русскимъ Парни, въ котораго Анакреонъ «влiялъ свой нѣжный духъ». *Городокъ* одно изъ тѣхъ лицейскихъ стихотворенiй, въ которыхъ всего ярче является шутливое настроенiе поэта вмѣстѣ съ автобiографическимъ элементомъ. Юный авторъ выставляетъ тутъ и себя «философомъ лѣнивымъ», слѣдовательно имѣющимъ сходство съ Батюшковымъ. Въ посланiи Пушкина особенно любопытно описанiе его библiотеки и исчисленiе любимыхъ имъ писателей: тутъ на первомъ мѣстѣ поставленъ Вольтеръ, въ которомъ онъ, подобно императрицѣ Екатеринѣ II, признаетъ своего главнаго любимца:

Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскiй злой крикунъ,
Поэтъ, въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ пiитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ;
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжный другъ,
Арьоста, Тасса внукъ —
Скажу ль?... Отецъ *Кандида*!
Онъ все: вездѣ великъ
Единственный старикъ.

Послѣ исчисленiя другихъ поэтовъ, въ числѣ которыхъ подобающее мѣсто отведено

Вержье, Парни съ Грекуромъ,

послѣ меткаго щелчка гр. Хвостову и заключительнаго обращенiя къ «любимымъ творцамъ», весь день его занимающимъ, нашъ поэтъ переходитъ къ самому себѣ:



Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ, —
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.

Эти стихи напоминаютъ написанную Пушкинымъ уже въ Кишиневѣ пьесу *Муза*, въ которой онъ, вспоминая лицейское время, говоритъ:

По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, любимые богами,
И пѣсни легкія веселыхъ пастуховъ.

Городокъ кончается стихами:

Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтѣ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ,
И слава громко грянетъ:
«Безсмертенъ ввѣкъ піитъ!»

Такъ мечта о славѣ уже волнуетъ поэта; пятнадцатилѣтній Пушкинъ уже ясно сознаетъ свое поэтическое призваніе.

Въ стихотвореніи *Пирующіе студенты* воспѣвается одна изъ

тѣхъ товарищескихъ пирушекъ, которыя, по замѣчанію г. Гаевскаго, существовали болѣе въ воображеніи поэта, нежели въ дѣйствительности. Если вѣрить дошедшему до насъ, позднѣйшихъ лицеистовъ, преданію, Пушкинъ не былъ любимъ большинствомъ своихъ товарищей: причиною тому былъ нѣсколько задорный характеръ его и остроуміе, которое иногда разыгрывалось на счетъ другихъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ однакожъ, именно съ тѣми, которые лучше понимали его и охотно прощали ему рѣзкія выходки, онъ былъ связанъ тѣсною дружбой, не охладѣвшею до конца его жизни. Это были: Дельвигъ, Матюшкинъ, Малиновскій, Вальховскій, кн. Горчаковъ, Яковлевъ и особенно Пущинъ, т. е. почти все тѣ самые товарищи, которыхъ Пушкинъ упоминаетъ въ первомъ и главномъ изъ своихъ стихотвореній на лицейскую годовщину. Къ этой же плеядѣ принадлежалъ отчасти и Илличевскій, первое время бывшій съ Пушкинымъ въ нѣкоторомъ соперничествѣ какъ по страсти къ поэзіи, такъ и по остроумію. Большую часть этихъ первенцевъ лицея я зналъ еще лично: одни изъ нихъ, Дельвигъ, Вальховскій, какъ и самъ Пушкинъ, посѣтили при мнѣ лицей, другихъ я встрѣчалъ у гр. Корфа.

Въ пьесѣ *Пирующіе студенты* можно указать на нѣкоторыя черты, полнѣе и ярче выставленныя черезъ одиннадцать лѣтъ въ названномъ произведеніи на лицейскую годовщину. Этихъ товарищей Пушкинъ обезсмертилъ въ своихъ стихахъ съ тѣми особенностями, которыя каждаго изъ нихъ отличали. Подъ именемъ спартанца, которому онъ заставляетъ президента пирушки поднести «воды въ стаканѣ чистой», разумѣется Вальховскій, такъ прозванный товарищами за его добровольно наложенный на себя суровый образъ жизни, а начальствомъ признанный за лучшаго воспитанника. Про него же поэтъ въ черновой редакціи *19-го октября* говоритъ:

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій будетъ первый.

Илличевскій не упоминается въ стихахъ на лицейскую годовщину, но въ *Пирующихъ студентахъ* къ нему относится обращеніе:

Острякъ любезный! По рукамъ:
Полнѣй бокалъ досуга,
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга.

Особенно друженъ поэтъ былъ съ Пущинымъ, который впослѣдствіи, во время принужденнаго пребыванія товарища въ Михайловскомъ, первый посѣтилъ его тамъ. Въ *Пирующихъ студентахъ* къ Пущину обращены слова:

Товарищъ милый, другъ прямой,
Тряхнемъ рукою руку....
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ,
И тотчасъ примиримся.

Пущинъ не писалъ стиховъ [1]). Въ особомъ посланіи къ нему поэтъ такъ его характеризуетъ:

Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный...
Живешь, какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ...
Ты любишь звонъ стакановъ
И трубки дымъ густой,
И демонъ метромановъ
Не властвуетъ тобой.

М. Л. Яковлеву Пушкинъ говоритъ:

О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышишь.

---

[1]) Любопытный отрывокъ изъ записокъ Пущина, касающійся времени лицейскаго воспитанія, помѣщенъ въ 8-й книжкѣ *Атенея* 1859 года. Прозой Пущинъ писалъ еще въ лицеѣ, и, какъ самъ онъ сообщаетъ, кое-что изъ его трудовъ напечатано также въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ (*Ат.*, стр. 514).

Такимъ и я зналъ еще Яковлева. Веселость выражалась въ чертахъ его лица, его появленіе всегда оживляло общество; онъ былъ мастеръ пѣть романсы и никогда не отказывалъ въ томъ. Пушкинъ прибавляетъ:

Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь;
Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою.

Далѣе онъ такъ обращается къ графу Брольо:

А ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса,
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее — завѣса.

О князѣ Горчаковѣ въ *Пирующихъ студентáхъ* нѣтъ рѣчи Въ этомъ товарищѣ-аристократѣ поэтъ видѣлъ блестящаго юношу, который по своей даровитости и прилежанію обѣщалъ много въ будущемъ. Съ самаго ранняго возраста Пушкинъ понималъ, что ихъ ожидаютъ совершенно различныя судьбы. Незадолго передъ выпускомъ онъ говоритъ князю въ одномъ изъ своихъ посланій:

Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ,
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравный
И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливый и славный —
Моя стезя печальна и темна...

То же повторено въ извѣстной строфѣ *19-го октября*, начинающейся стихами:

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ: Фортуны блескъ холодный

Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.

Нельзя не припомнить съ грустью, что въ позднѣйшіе годы своей жизни кн. Горчаковъ отвѣчалъ отказомъ на предложеніе быть членомъ комитета по сооруженію памятника славному товарищу, который въ молодости оказывалъ ему такое сочувствіе: не такъ поступили Матюшкинъ и гр. Корфъ, хотя послѣдній во многомъ слишкомъ строго судилъ своего товарища. Не оправдалъ кн. Горчаковъ и ожиданіе Пушкина отъ послѣдняго лицеиста 1-го курса, выраженное въ одной изъ послѣднихъ строфъ 19-го октября:

Кому жъ изъ насъ подъ старость день лицея
Торжествовать придется одному?...
Несчастный другъ!... Средь новыхъ поколѣній,
Докучный гость, и лишній и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...

Къ сожалѣнію, эта картина осталась несбывшеюся мечтою поэта.

Между тѣмъ кн. Горчаковъ до глубокой старости гордился дружбою Пушкина и зналъ на память обращенныя къ нему посланія знаменитаго товарища, изъ которыхъ одно онъ прочиталъ мнѣ наизусть, когда я отправлялся въ Москву на открытіе памятника поэту.

При сличеніи стихотворенія *Пирующіе студенты* съ «лицейскою годовщиной» 1825 года особенно поразительна разность настроенія въ той и другой пьесѣ. Въ первой юношеская безпечность, шалость и удаль, во второй глубокое меланхолическое чувство человѣка, уже много испытавшаго въ жизни, хотя между созданіемъ обѣихъ прошло не много болѣе десятилѣтія. Къ *19-му октября* мы еще возвратимся.

Въ 1815 году поэзія Пушкина достигаетъ уже сильнаго развитія не только по количеству новыхъ произведеній, но и по раз-

нообразію и серіозности мотивовъ. Онъ болѣе и болѣе сознаетъ свое дарованіе и въ пьесѣ *Мечтатель* уже говоритъ музѣ:

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И, горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

1815 годъ начинается одою *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, которую поэтъ готовилъ еще въ концѣ предыдущаго года къ экзамену при переходѣ въ старшій курсъ. Не буду повторять извѣстныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея чтеніе передъ собравшимися въ лицей посѣтителями; замѣчу только, что несмотря на торжественный, непривычный Пушкину тонъ ея и на нѣкоторыя архаическія формы языка, она представляетъ много прекрасныхъ мѣстъ въ описаніи Царскаго Села и въ связанныхъ съ нимъ историческихъ воспоминаніяхъ.

Въ одной изъ послѣднихъ строфъ поэтъ обращается къ Наполеону:

Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ и вѣру и законы?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечомъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ.

Въ этомъ же году образъ завоевателя, его быстро прогремѣвшая слава и шумное паденіе не разъ воодушевляютъ Пушкина, напр. въ торжественномъ привѣтствіи на возвращеніе государя изъ Парижа:

Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою!
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ! и т. д.

Сюда относится особенно замѣчательное стихотвореніе *Наполеонъ на Эльбѣ*, въ которомъ молодой поэтъ пытается угадать что̀ долженъ былъ думать и чувствовать царственный узникъ, когда онъ готовился возвратить себѣ свободу. Вотъ онъ рѣшается, наконецъ, выполнить свой дерзкій замыселъ:

Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
Кругомъ простерта мгла густая,
И взоромъ гибели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.

Тутъ смѣлость метафоръ вполнѣ достойна необычайной картины.

Въ стихахъ *Принцу Оранскому*, написанныхъ въ 1816 г. по просьбѣ Нелединскаго Мелецкаго, изображена окончательная судьба Наполеона:

Свершилось... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ....

Какая противоположность между этимъ языкомъ юноши, увлеченнаго общимъ въ то время негодованіемъ на сверженнаго колосса, и тѣмъ великодушнымъ словомъ примиренія, которое произноситъ возмужалый поэтъ надъ гробомъ его:

Хвала! онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Такъ, среди легкихъ вдохновеній, въ стихахъ Пушкина уже отражались и важныя думы, къ которымъ подавали ему поводъ современныя всемірно-историческія событія. При оцѣнкѣ поэтическаго характера жизни 1-го курса лицеистовъ нельзя опускать изъ виду и того живительнаго вліянія, какое должны были про-

изводить на нихъ славныя событія эпохи, которую переживала Россія при общемъ патріотическомъ чувствѣ и національной гордости, одушевлявшихъ всѣ сословія. Время это должно было дѣйствовать возбудительно на всякое художественное дарованіе.

Не имѣя возможности въ настоящемъ случаѣ принять на себя полный обзоръ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, я принужденъ ограничиться поименованіемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Уже въ первой половинѣ 1815 г. явилось его превосходное произведеніе: *Лицинію*, обратившее на себя общее вниманіе и заставившее самихъ родственниковъ поэта сознать его призваніе, въ которомъ они прежде сомнѣвались; затѣмъ: *Роза*, *Гробъ Анакреона*, *Усы*, *Друзьямъ*, *Пробужденіе*, *Пѣвецъ*, *Жуковскому* и проч.

Поговорю еще только о лицейскихъ посланіяхъ Пушкина, какъ одной изъ любимыхъ формъ его тогдашней поэзіи, и притомъ наиболѣе знакомящихъ насъ съ личностью самого поэта и съ внутреннею стороной лицейскаго быта. Въ 1816 г. мы находимъ у Пушкина цѣлый рядъ посланій. Онъ начинается посланіемъ къ одному изъ наставниковъ, къ Галичу.

Галичъ, бывшій адъюнктомъ философіи въ Педагогическомъ институтѣ, попалъ въ лицей случайно; именно, вслѣдствіе тяжкой болѣзни Кошанскаго, принужденнаго для лѣченія переѣхать въ Петербургъ, Галичъ былъ приглашенъ на время его отсутствія для преподаванія лицеистамъ русской и латинской словесности. Такимъ образомъ онъ болѣе года замѣнялъ Кошанскаго и для этого пріѣзжалъ въ Царское Село. Но Галичъ ни по характеру своему, ни по складу ума вовсе не годился для порученнаго ему дѣла. Онъ привыкъ читать лекціи въ аудиторіи, а тутъ ему надо было заниматься преподаваніемъ въ классѣ. Скоро уроки его обратились въ непринужденныя и часто веселыя бесѣды съ воспитанниками, которые даже не оставались на своихъ мѣстахъ, а окружали толпой каѳедру снисходительнаго лектора, въ свободные же часы дружески посѣщали его въ отведенной ему ком-

натѣ. Когда во время уроковъ приходилось иногда, по обстоятельствамъ, перервать занимательный разговоръ о томъ и семъ, то Галичъ, взявъ въ руки Корнелія Непота, говаривалъ: «теперь потреплемъ старика». Впрочемъ надо прибавить, что при обширныхъ познаніяхъ Галича нельзя считать его бесѣдъ съ лицеистами безполезными для ихъ образованія, и конечно такой любознательный юноша, какъ Пушкинъ, могъ почерпнуть изъ нихъ много новыхъ свѣдѣній. Эти предварительныя замѣчанія были необходимы, чтобы объяснить содержаніе и тонъ посланій Пушкина къ Галичу. «Пушкинъ, говоритъ біографъ Галича, покойный акад. Никитенко[1]), особенно полюбилъ молодого философа, который не истязалъ ни его, ни товарищей склоненіями и спряженіями и былъ уменъ, веселъ, остроуменъ какъ самъ талантливый поэтъ». Еще въ 1814 году, въ пьесѣ *Пирующіе студенты*, Пушкинъ жалуетъ Галича въ президенты пирушки и говоритъ:

Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.

Въ 1815 г. поэтъ посвящаетъ ему два посланія, въ которыхъ выражаетъ нетерпѣніе опять увидѣться съ милымъ собесѣдникомъ, зоветъ его пировать въ Царское Село. Въ первомъ изъ нихъ говорится между прочимъ:

О Галичъ, вѣрный другъ бокала,
И жирныхъ утреннихъ пировъ!
Тебя зову, мудрецъ лѣнивый,
Въ пріютъ поэзіи счастливой
Подъ отдаленный нѣги кровъ!
Давно, въ моемъ уединеньи,
Въ кругу бутылокъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы твоей, и т. д.

---

1) Ж. М. Н. П. 1869, № 1.

Конецъ посланія любопытенъ тѣмъ, что здѣсь выражено первоначальное намѣреніе поэта поступить въ военную службу:

Простите, дѣвственныя музы!
Прости, пріютъ младыхъ отрадъ!
Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!

Второе, болѣе длинное посланіе къ Галичу, такъ начинается:

Гдѣ ты, лѣнивецъ мой,
Любовникъ наслажденья?
Ужель уединенья
Не милъ тебѣ покой?

Изъ этого посланія мы узнаемъ, что и Галичъ участвовалъ въ поэтическихъ состязаніяхъ своихъ учениковъ. Пушкинъ называетъ его парнасскимъ бродягой, упрекаетъ въ измѣнѣ музамъ и спрашиваетъ, чѣмъ же онъ теперь занятъ: ужели *поэтъ* кружится въ вихрѣ свѣта, ужели проводитъ время въ театрѣ

И спитъ подъ страшнымъ ревомъ
Актеровъ и смычковъ?

или поклоняется сильнымъ міра,

Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаетъ?

Нѣтъ! отвѣчаетъ Пушкинъ на свои вопросы —

Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
Поклону ты не сроденъ:

Другъ мудрости прямой —
Правдивъ и благороденъ, и т. д.'

Въ заключеніе поэтъ убѣждаетъ его бѣжать столицы и описываетъ, какъ молодые друзья поспѣшатъ къ нему на встрѣчу:

Смотри, тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу
И стансы винограду,
И къ Лиліи куплетъ —
И полонъ становится
Твой малый, тѣсный домъ;
Вотъ съ милымъ острякомъ (т. е. съ Илличевскимъ)
Нашъ пѣсельникъ тащится (т. е. Яковлевъ)
По лѣстницѣ съ гудкомъ,
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ...

Понятно, что такой наставникъ очень нравился воспитанникамъ, но былъ не по сердцу начальству и задолго до выздоровленія Кошанскаго получилъ увольненіе. Понятно, что и Кошанскій, возвратясь, не могъ быть доволенъ успѣхами лицеистовъ за время его отсутствія и не одобрялъ ни способа занятій съ ними Галича, ни вакхическихъ произведеній своего даровитаго ученика. Есть отзывъ Кошанскаго о Пушкинѣ, данный черезъ годъ съ небольшимъ послѣ открытія лицея, именно въ ноябрѣ 1812 года. Вотъ этотъ отзывъ: «Больше имѣетъ понятливости, нежели памяти, больше вкуса къ изящному, нежели прилежанія къ основательному, почему малое затрудненіе можетъ остановить его, но не удержать: ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми воспитанниками; успѣхи его въ латинскомъ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны». Если исключить первое замѣчаніе о недостаткѣ памяти у Пушкина, то нельзя не признать этого свидѣтельства справедливымъ. Нѣтъ причины

предполагать, чтобы Кошанскій и послѣ относился къ Пушкину съ предубѣжденіемъ, и чье-то позднѣйшее показаніе, будто онъ подъ конецъ изъ зависти преслѣдовалъ молодого поэта, весьма сомнительно. Но Пушкинъ, избалованный похвалами, оскорбился замѣчаніями своего профессора и излилъ свое неудовольствіе въ посланіи *Моему Аристарху:*

Помилуй, *трезвый* Аристархъ
Моихъ *бакхическихъ* посланій!
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ.
. . . .
Я знаю самъ свои пороки:
Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой.

Далѣе поэтъ, похвалившись легкостью, съ какой даются ему стихи, посмѣявшись надъ Хвостовымъ съ товарищи и сравнивъ себя съ Шапелемъ, Шамфоромъ, Шольё и Парни, обращается къ этимъ любимцамъ своимъ:

О вы, любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнивой!
Давно вамъ отданы вѣнцы
Отъ музы праздности счастливой;
Но не блестящіе дары
Поэзіи трудолюбивой —
Наверхъ ѳессальскія горы
Вели васъ тайные извивы;
Веселыхъ грацій перстъ игривый
Младыя лиры оживлялъ.
И я — неопытный поэтъ,
Небрежныхъ вашихъ риѳмъ наслѣдникъ,
За вами крадуся вослѣдъ...
А ты, мой скучный проповѣдникъ,

Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
Поди, кричи, брани другого
И брось лѣнивца молодого,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

Изъ многихъ мѣстъ посланія видно, что Кошанскій, между прочимъ, упрекалъ Пушкина за излишнюю поспѣшность въ сочиненіи стиховъ. Ради необыкновеннаго таланта, выразившагося и въ этой пьесѣ, можно конечно простить ее молодому поэту, но надо сознаться, что она вовсе не бросаетъ тѣни на профессора, заботившагося о болѣе серіозномъ направленіи и усовершенствованіи юнаго дарованія. Самъ Пушкинъ оправдалъ тогда же такую заботу тѣми изъ своихъ стихотвореній, которыя, отличаясь своимъ строгимъ содержаніемъ, конечно стоили ему и не мало труда. Таково напр. его прекрасное посланіе къ Жуковскому, напечатанное рядомъ съ посланіемъ къ Кошанскому.

Посланія Пушкина къ товарищамъ: къ барону Дельвигу, къ Пущину, къ кн. Горчакову, дышатъ по большей части веселостью: съ Пущинымъ онъ вспоминаетъ ихъ пирушки, съ Дельвигомъ шутитъ о поэзіи, съ Горчаковымъ ведетъ бесѣду о его блестящихъ преимуществахъ и предстоящихъ ему въ свѣтѣ успѣхахъ; но иногда въ этихъ посланіяхъ звучатъ и болѣе глубокія ноты. Такъ во 2-мъ посланіи къ Дельвигу (1817) онъ говоритъ:

О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья,
И тайный указали путь.
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ.

Къ Горчакову первое посланіе писано на его именины, второе относится ко времени элегическаго настроенія поэта и содержитъ жалобы на судьбу:

Вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья:
Двѣ-три весны младенцемъ можетъ-быть
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
Они прошли, и т. д.

На дружескій союзъ товарищества лицеистовъ Пушкинъ смотрѣлъ, еще въ послѣднее время своего воспитанія, какъ на что-то высокое и священное. Такъ, незадолго передъ выпускомъ онъ пишетъ въ альбомъ Пущину:

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Чтó было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! *она* прошла... но съ первыми *друзьями*
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ:
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ.

Глубокій смыслъ заключается въ послѣднихъ двухъ стихахъ, произнесенныхъ какъ будто въ предчувствіи грозной судьбы, ожидавшей поэта. Около того же времени онъ пишетъ въ стихахъ, посвященныхъ Кюхельбекеру:

Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.

Идея о святости лицейскаго братства пріобрѣтала въ душѣ Пушкина все болѣе силы и глубины по мѣрѣ того какъ кругъ товарищей его рѣдѣлъ и самъ онъ съ лѣтами серіознѣе смотрѣлъ на жизнь. Высшаго своего выраженія мысль эта достигла

въ одной изъ строфъ *19-го октября* (1825 г.), стихотворенія, исполненнаго глубокой грусти подъ впечатлѣніемъ одиночества поэта въ Михайловскомъ. Отъ обращенія къ Матюшкину онъ переходитъ къ мысли о всѣхъ своихъ товарищахъ:

Друзья мои! прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Сростался онъ *подъ сѣнью дружныхъ музъ.*

Послѣдній стихъ указываетъ на облагороживающее вліяніе поэзіи, подъ которымъ развивалась лицейская семья. Воспоминанія Пушкина о лицеѣ и сознаніе высокаго значенія товарищества періодически выражались въ его стихахъ на годовщину основанія лицея, которую онъ также называетъ святою. Эти чудныя пѣсни скрѣпляли узы дружбы не только между его товарищами, но и между воспитанниками послѣдующихъ курсовъ, и такимъ образомъ Пушкина надо считать главнымъ творцомъ и хранителемъ идеи товарищескаго братства, перешедшей во всей своей теплотѣ къ послѣдующимъ поколѣніямъ лицеистовъ.

Въ то же время Пушкинъ болѣе и болѣе сознавалъ свои юношескія заблужденія, жалѣлъ объ утраченномъ времени и осуждалъ легкое, суетное направленіе первоначальной своей поэзіи. Доказательствъ тому много и въ стихотвореніяхъ его, и въ дружескихъ письмахъ. Такъ въ годовщинѣ 1825 года онъ говоритъ:

Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво,
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво
И шумныя насъ радуютъ мечты.
Опомнимся, но поздно... и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.

Одно изъ самыхъ трогательныхъ воспоминаній Пушкина о лицеѣ мы находимъ въ стихотвореніи, написанномъ по по-

воду перваго посѣщенія имъ Царскаго Села (въ 1828 г.) послѣ многихъ лѣтъ отсутствія, послѣ столькихъ огорченій, невзгодъ и превратностей судьбы, испытанныхъ имъ въ бурной молодости, вслѣдствіе его страстной, кипучей природы:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!

. . . .

Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!
Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ лицей,
И слышалъ снова шумъ игривый
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ забывался я!

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату Льву Сергѣевичу поэтъ нашъ очень рѣзко отзывается о своемъ воспитаніи. Въ запискѣ же объ образованіи юношества онъ съ явною мыслію о годахъ своего пребыванія въ лицеѣ говоритъ: «Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя».

Присоединимся ли мы къ Пушкину въ его самоосужденіи? произнесемъ ли надъ нимъ строгій приговоръ за его недостаточное прилежаніе въ лицеѣ, за пренебреженіе уроками наставни-

ковъ? Вспомнимъ обстоятельства, въ которыхъ пришлось жить первоначальному лицею, вспомнимъ господствовавшую въ немъ долгое время неурядицу, затѣмъ несовершенство тогдашнихъ методовъ преподаванія, отсутствіе порядочныхъ учебниковъ, и согласимся, что если бъ Пушкину довелось поступить въ учебное заведеніе вполнѣ организованное, если бъ онъ воспитывался при другихъ условіяхъ, то и занятія его въ годы воспитанія приняли бы другой характеръ. Но и въ данныхъ обстоятельствахъ Пушкинъ по-своему не терялъ времени: воспѣвая лѣнь, сонъ и кутежъ, онъ любознательнымъ умомъ своимъ безустанно работалъ, и къ нему самому вѣрнѣе нежели къ кому-либо другому могутъ быть отнесены слова, сказанныя имъ незадолго передъ выпускомъ въ посланіи къ гусару Каверину:

Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный и сердце можно скрыть.

Вопреки собственному увѣренію, онъ тщательно и добросовѣстно отдѣлывалъ свои юношескія стихотворенія, безъ чего они не были бы въ такой степени закончены; въ лицеѣ онъ пріобрѣлъ привычку къ труду, къ самодѣятельности, тамъ онъ положилъ прочное основаніе своему будущему творчеству, своей будущей славѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начало и славѣ лицея, тому возвышенному духу, который, благодаря поэзіи Пушкина, не умиралъ въ этомъ заведеніи. Но умеръ Пушкинъ! Смерть, о которой онъ нерѣдко задумывался еще въ годы своего воспитанія (какъ видно изъ многихъ мѣстъ его тогдашнихъ стихотвореній), преждевременно сразила великаго сына лицея. Пусть же лицей, въ пятидесятилѣтнюю годовщину его смерти, горячо благословитъ память своего незабвеннаго питомца, который такъ любилъ его, такъ лелѣялъ въ душѣ своей воспоминанія о немъ и въ своихъ стихахъ такъ прекрасно увѣковѣчилъ свое родство съ лицеемъ.

Въ заключеніе приведу, съ небольшимъ измѣненіемъ, нѣсколько стиховъ Пушкина, которые могутъ быть примѣнены къ нему самому:

...Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжный;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежный.
. . . .
Такъ, онъ угасъ во цвѣтѣ лѣтъ,
И на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ дорогой пѣвецъ лежитъ...
Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
. . . .
Ничто пѣвца не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой[1]).

[1]) Изъ стихотворенія *Гробъ юноши*, написаннаго на смерть лицейскаго товарища, Корсакова (1821).

II.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛИЦЕЙ [1].

Велико значеніе поэта, который проводитъ въ сознаніе народа жизнь его и изъ тайниковъ родного слова вызываетъ новый міръ идей, образовъ и звуковъ. Царскосельскій лицей, давшій Россіи нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей на разныхъ поприщахъ, болѣе всего однакожъ привлекаетъ вниманіе потомства тѣмъ, что въ немъ началъ свое развитіе геніальный русскій поэтъ. Лицей былъ назначенъ для приготовленія молодыхъ людей «къ важнымъ частямъ государственной службы», но иронія судьбы устроила, что первымъ блестящимъ плодомъ его воспитанія былъ юноша, вовсе не годившійся для службы и однакоже болѣе всѣхъ прославившій это заведеніе. Еще прежде нежели произносились имена знаменитыхъ въ наше время питомцевъ первоначальнаго лицея, Пушкинъ былъ извѣстенъ всей Россіи, какъ воспитанникъ перваго выпуска его. Въ позднѣйшее время нашлись люди, которые стали собирать подробности пребыванія въ немъ нашего по-

---

[1]) Эта статья первоначально появилась подъ заглавіемъ: «Первенцы лицея и его преданія» въ сборникѣ *Складчина*, изданномъ въ 1874 году въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губ. Прежде напечатанія она была читана въ засѣданіяхъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ и тогда же предполагалось дать ей мѣсто въ академическомъ *Сборникѣ*; но за другими заботами и дѣлами предположеніе это до сихъ поръ оставалось неисполненнымъ. Теперь статья печатается въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

эта и его товарищей. И не мудрено: цѣлый отдѣлъ стихотвореній Пушкина, отдѣлъ, исполненный блеска и игривости молодой жизни, отмѣченъ именемъ лицея; всякая черта, служащая къ разъясненію этого періода пушкинской поэзіи, становится драгоцѣнна.

Къ сожалѣнію, сами воспитанники лицея и близкаго ему лицейскаго пансіона сдѣлали не много для исторіи этихъ заведеній. Лицейскій пансіонъ возникъ очень скоро послѣ лицея, имѣлъ съ нимъ отчасти то же начальство и тѣхъ же преподавателей, и потому исторія одного тѣсно связана съ исторіею другого. Изъ воспитанниковъ ихъ только двое серьёзно, хотя и различно, потрудились въ этомъ дѣлѣ, именно В. П. Гаевскій и безыменный авторъ (князь Н. Голицынъ?) книги: *Благородный пансіонъ Царскосельскаго Лицея* (С.-Петербургъ, 1869 года).

Г. Гаевскій напечаталъ въ *Современникѣ* 1853 и 1854 годовъ три замѣчательныя и очень талантливо написанныя статьи о Дельвигѣ, въ которыхъ не могъ не коснуться также Пушкина и лицея вообще, а потомъ, въ 1863 году, онъ помѣстилъ въ томъ же изданіи двѣ столь же интересныя статьи подъ заглавіемъ: *Пушкинъ въ Лицеѣ и его лицейскія стихотворенія*. Въ названной книгѣ о царскосельскомъ пансіонѣ разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ весьма обстоятельно и съ большою любовью вся жизнь этого воспитательнаго заведенія въ связи отчасти съ исторіею лицея. Сюда же слѣдуетъ отнести часть записокъ Пущина, одного изъ товарищей поэта, напечатанную въ московскомъ *Атенеѣ* 1859 г. Во время приготовленій къ празднованію пятидесятилѣтія лицея тогдашній библіотекарь его, И. Я. Селезневъ, занялся, по приглашенію юбилейной комиссіи, разработкою лицейскаго архива и издалъ сперва матеріалы для исторіи этого заведенія, а потомъ довольно подробный «очеркъ» ея, основываясь главнымъ образомъ на официальныхъ источникахъ. Г. Селезневъ, хотя по мѣсту своего образованія чуждый лицею, умѣлъ однакожъ оживить точную передачу фактовъ теплымъ сочувствіемъ къ учрежденію и его воспитанникамъ, и, вообще говоря, выполнилъ свою задачу весьма удовлетворительно. Тогда же старинный лицейскій про-

фессоръ, нынѣ покойный, И. П. Шульгинъ сообщилъ въ рѣчи, произнесенной на торжественномъ актѣ, рядъ своихъ собственныхъ воспоминаній. Наконецъ, къ числу занимавшихся пушкинскимъ періодомъ лицея надобно присоединить двухъ постороннихъ писателей, которые значительно подвинули разработку біографіи поэта,—гг. Бартенева и Анненкова. При исчисленіи книгъ и статей, касающихся исторіи лицея, нельзя умолчать также объ одномъ важномъ рукописномъ источникѣ, на который гг. Гаевскій и Анненковъ часто ссылаются. Это «замѣтки стараго лицеиста», набросанныя въ 1854 г. барономъ (впослѣдствіи графомъ) М. А. Корфомъ по прочтеніи статьи П. И. Бартенева о пребываніи Пушкина въ лицеѣ (*Московскія Вѣдомости* того же года, №№ 117—119). Обязательность покойнаго автора «замѣтокъ» даетъ и мнѣ возможность пользоваться въ настоящемъ случаѣ этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ. Прибавлю, что въ моихъ рукахъ находятся сверхъ того остатки архива перваго курса лицея, хранившіеся у покойнаго адмирала Ѳ. Ѳ. Матюшкина. Чувствуя упадокъ силъ, онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ 1872 году, передалъ ихъ въ наслѣдство мнѣ, какъ лицеисту, для котораго преданія стараго лицея всегда были особенно дороги.

Изъ всего такимъ образомъ напечатаннаго и написаннаго о старомъ лицеѣ можно теперь узнать гораздо болѣе, нежели сколько было извѣстно въ стѣнахъ самаго заведенія воспитывавшимся въ немъ молодымъ людямъ позднѣйшихъ поколѣній. При всемъ томъ нельзя согласиться съ Анненковымъ, чтобы мы имѣли уже, какъ онъ говоритъ, *полную* исторію лицея. Много остается еще добавить, выяснить и провѣрить, тѣмъ болѣе что въ разсказахъ самихъ воспитанниковъ перваго выпуска встрѣчаются немаловажныя разнорѣчія: новое доказательство, какъ трудно добывать достовѣрныя историческія свѣдѣнія даже о близкой къ намъ эпохѣ.

Какъ о наставникахъ, такъ и о товарищахъ своихъ старинные лицеисты въ нѣкоторыхъ случаяхъ отзываются различно, каждый по своимъ впечатлѣніямъ. Въ примѣръ достаточно привести несходныя сужденія Пушкина и графа Корфа о Куницынѣ,

или взгляды на самого поэта, высказанные съ одной стороны тѣмъ же Модестомъ Андреевичемъ, съ другой Пущинымъ. Разногласія обнаруживаются даже въ фактическихъ показаніяхъ. Такъ послѣдній изъ названныхъ лицеистовъ обстоятельно говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на императора Александра Павловича, при выпускѣ перваго курса, прощальною пѣснью Дельвига, а по свидѣтельству гр. Корфа государь совсѣмъ не присутствовалъ при ея пѣніи.

Обратившись къ предмету настоящей статьи по поводу скопившихся у меня лицейскихъ бумагъ, я однакожъ никакъ не берусь во всѣхъ частныхъ случаяхъ рѣшить, на чьей сторонѣ правда; не имѣю также въ виду существенно дополнить исторію лицея. Мое намѣреніе только собрать нѣсколько о немъ воспоминаній, чтобы показать и хорошія и дурныя стороны этого заведенія и тѣмъ способствовать къ правильному пониманію значенія его въ исторіи русскаго образованія. Притомъ же я вполнѣ сочувствую замѣчанію Анненкова, что въ виду близкаго сооруженія памятника Пушкину, «на совѣсти каждаго, имѣющаго возможность пояснить нѣкоторыя черты его нравственной физіономіи, лежитъ обязанность сказать свое посильное слово, какъ бы маловажно оно ни было». На исторію перваго періода существованія лицея съ характеристикою лицъ, къ нему принадлежавшихъ, надобно смотрѣть какъ на одинъ изъ матеріаловъ для другого, рисующагося въ воображеніи всенароднаго памятника Пушкину — историко-критическаго изданія его сочиненій.

Имена лицея и Пушкина неразрывно связаны между собою въ культурной исторіи Россіи, и трудно сказать, кто кому болѣе обязанъ: Пушкинъ лицею, или лицей Пушкину.

Вся обстановка новаго училища была необыкновенно благопріятна для развитія поэтическаго таланта. Царское Село соединяло въ себѣ двойное обаяніе свѣжихъ историческихъ воспоминаній и живописныхъ красотъ мѣстности, хотя и созданныхъ болѣе чудесами искусства, чѣмъ природой. Съ одной стороны сады и рощи, очаровательно-тихое уединеніе, величавые памятники

военной славы; съ другой — невидимый, но присущій, исполинскій и прекрасный образъ геніальной Екатерины. Понятно, какъ сильно это двойное обаяніе должно было дѣйствовать на воспріимчивую душу одного изъ первенцевъ лицея. Удивительно ли, что обѣ стороны такой обстановки ярко отразились въ творчествѣ молодого поэта? Онѣ и впослѣдствіи не утратили своего живительнаго вліянія на его фантазію. Лицейскія воспоминанія до конца жизни съ неизмѣнною силою возвращаются въ его стихотвореніяхъ. Сущность его отношеній къ лицею и Царскому Селу прекрасно выражена въ стихахъ, написанныхъ имъ при возвращеніи послѣ многихъ лѣтъ къ дорогимъ мѣстамъ:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи, безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ...

Среди суетныхъ увлеченій и въ тяжелыя минуты поэтъ обращался къ святынѣ своихъ воспоминаній:

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою женою,
Ея любимые сады
Стоятъ населены чертогами, столпами... и проч.

Пушкинъ не остался въ долгу у заведенія, въ которомъ видѣлъ колыбель своей славы. Значеніе поэта для позднѣйшаго царскосельскаго лицея заключалось не въ одномъ блескѣ его имени, которымъ это учрежденіе гордилось, не въ одной любви, съ какою онъ прославлялъ лицей въ стихахъ своихъ: воспомина-

ніе о Пушкинѣ дало основной тонъ и цвѣтъ всей внутренней жизни лицея. Конечно, и послѣ него, какъ при немъ, строго-научное направленіе не пустило корня въ стѣнахъ этого разсадника министерствъ и гвардіи. Лицей по ученію оставался далекъ даже отъ того идеала высшаго учебнаго заведенія, который имѣли въ виду при его основаніи. Но преданіе о Пушкинѣ и его товарищахъ удержало лицей на томъ пути, на который онъ твердо сталъ съ самаго начала. Имя Пушкина было для лицея палладіумомъ и спасло его отъ духовнаго паденія въ ту нерадостную пору, когда желѣзная рука Аракчеева исторгла лицей изъ-подъ вліянія князя Голицына и отдала его подъ военную опеку. Несмотря на измѣнившійся духъ управленія, чтеніе и авторство остались любимыми занятіями лицеистовъ. Правда, что это мѣшало пріобрѣтенію основательныхъ школьныхъ познаній, но такая самодѣятельность неоспоримо имѣла все-таки свою полезную сторону, изощряя умственныя способности, развивая и питая любознательность; изъ чтенія также почерпались свѣдѣнія, хотя и не систематическія; стремленіе же къ авторству заставляло юношей работать и прилагать знанія на практикѣ. А это также не маловажные элементы умственнаго воспитанія.

Впрочемъ и ученіе шло не дурно по тѣмъ предметамъ, которые были въ рукахъ способныхъ и дѣятельныхъ преподавателей. Но къ сожалѣнію, таковы были далеко не всѣ представители наукъ въ лицеѣ, хотя онъ и считался лучшимъ изъ закрытыхъ учебныхъ заведеній въ Россіи. При качественной скудости педагогическихъ силъ, лицеисты охотно обращались къ такимъ самостоятельнымъ занятіямъ, которыя наиболѣе соотвѣтствовали духовнымъ потребностямъ ихъ возраста. Бывали конечно и примѣры прискорбныхъ увлеченій, когда бездарность тратила время на безплодное риѳмоплетство, или когда чтеніе не шло далѣе романовъ, ничего не дававшихъ въ замѣнъ упущенныхъ уроковъ. Но это только частные случаи. При такомъ направленіи царскосельскій лицей никогда не доходилъ до той пустоты и суетности, до той любви къ праздности, къ наслажденіямъ и разгулу, которыя

могутъ овладѣть закрытымъ заведеніемъ, когда оно лишится благотворной силы преданія и умственныхъ интересовъ, когда всякая духовная жизнь въ немъ подавлена преобладаніемъ грубыхъ страстей и цинизма. Такому печальному паденію царскосельскаго лицея всегда противодѣйствовало жившее въ немъ, благодаря хранительнымъ традиціямъ, уваженіе къ умственному превосходству, къ литературному таланту и труду.

Но какимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ существованія лицея, въ немъ пробудилась та замѣчательная самодѣятельность, о которой единогласно говорятъ всѣ свидѣтельства? Вотъ вопросъ чрезвычайно любопытный и до сихъ поръ почти еще не затронутый. Предположеніе Анненкова, что воспитанники, скучая отъ бездѣлья, искали въ занятіяхъ спасенія отъ скуки, еще не разрѣшаетъ этого вопроса: отъ скуки охотнѣе прибѣгаютъ къ другимъ развлеченіямъ. Собираться для того, чтобы вмѣстѣ сочинить пѣсню или чтобъ общими силами разсказать повѣсть, которую всякій продолжаетъ развивать по-своему съ того мѣста, гдѣ другой остановился, это значило любить умственныя забавы, чувствовать потребность въ упражненіи ума и воображенія. Было ли это слѣдствіемъ присутствія одного необыкновеннаго таланта, или соединенія нѣсколькихъ даровитыхъ юношей, или возбужденіе исходило извнѣ отъ кого-нибудь изъ наставниковъ? Талантливые воспитанники, страстно любившіе литературу, бывали въ лицеѣ и послѣ, однакожъ явленіе подобной авторской производительности въ такой степени никогда болѣе въ немъ не повторилось. Въ рукахъ моихъ находится начало самаго ранняго сборника лицеистовъ перваго курса, подъ заглавіемъ *Вѣстникъ*; тамъ упомянуто, что «Инспекторъ лицея Мартынъ Ст. Пилецкій предложилъ учредить собраніе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ общество найдетъ довольно способными къ исполненію должности сочинителя, и чтобы всякій членъ сочинилъ что-нибудь въ продолженіе по крайней мѣрѣ двухъ недѣль, безъ чего его выключать». Трудно однакожъ вывести отсюда заключеніе, чтобы главнымъ виновникомъ литературнаго движенія въ кругу первыхъ лицеи-

стовъ былъ Пилецкій, человѣкъ съ весьма плохимъ образованіемъ и до того нелюбимый ими, что они наконецъ вступили съ нимъ въ открытую борьбу и принудили его удалиться.

Были, кажется, два обстоятельства, которыми, кромѣ даровитости воспитанниковъ, объясняется ихъ оживленная литературная дѣятельность. Отецъ Пушкина былъ знакомъ съ извѣстнѣйшими московскими писателями; этимъ путемъ тамошній литературный міръ сдѣлался легко доступенъ для лицейскихъ поэтовъ, и съ 1814 г. ихъ опыты начинаютъ являться въ печати: понятно какъ перспектива такой чести должна была возбуждать молодые умы и перья. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что семеро изъ товарищей Пушкина до поступленія въ лицей были въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ: двое (Масловъ и Яковлевъ) были доставлены прямо оттуда, въ слѣдствіе распоряженія министра; остальные пятеро (Вальховскій, Данзасъ, Ломоносовъ, Матюшкинъ и Ржевскій) прибыли въ лицей частнымъ образомъ изъ родительскихъ домовъ. Извѣстно, что въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ было сильно развито литературное направленіе. Еще въ 1780-хъ годахъ труды его воспитанниковъ *печатались* въ сборникахъ, носившихъ разныя заглавія; а въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, когда въ этомъ заведеніи воспитывался Жуковскій, между пансіонерами образовалось даже литературное общество, или «собраніе» для чтенія и разбора ихъ сочиненій и переводовъ. Оно имѣло свой особенный уставъ. Основателемъ и первымъ предсѣдателемъ этого общества былъ Жуковскій. Ученическіе труды его и нѣкоторыхъ изъ его товарищей, напримѣръ Грамматина и Петина (прославленнаго Батюшковымъ), были впослѣдствіи изданы въ видѣ сборника, состоявшаго изъ нѣсколькихъ томовъ, подъ заглавіемъ *Утренняя Заря* (М. 1800 — 1808).

Случайно ли было сходство между литературными собраніями Московскаго пансіона и лицея? Тогдашній профессоръ русской словесности въ новомъ царскосельскомъ заведеніи, Кошанскій, былъ самъ питомецъ Московскаго университета и преподаватель

при его пансіонѣ; онъ придавалъ особенную важность письменнымъ упражненіямъ, и по его желанію книга *Утренняя Заря*, при самомъ открытіи лицея, была пріобрѣтена какъ одно изъ пособій по русской каѳедрѣ. Наконецъ, и первый директоръ лицея, В. Ѳ. Малиновскій, также воспитывался нѣкогда въ Московскомъ университетѣ. Происходя изъ духовнаго сословія, онъ получилъ основательное образованіе, для котораго важными средствами служили ему смолоду, подъ руководствомъ профессора Барсова, практическія упражненія прозой и стихами, такъ что самъ онъ рано привыкъ къ самодѣятельности. Онъ обладалъ замѣчательною способностью къ языкамъ и въ зрѣломъ возрастѣ постоянно продолжалъ распространять свои свѣдѣнія: читалъ, авторствовалъ и переводилъ [1]). Такимъ образомъ при основаніи лицея мы видимъ и въ начальствѣ его, и на одной изъ главныхъ каѳедръ, и между воспитанниками элементы, перенесенные изъ Московскаго университетскаго пансіона, и трудно не предположить нѣкоторой взаимной связи въ быту того и другого заведенія. Все соединилось, чтобы въ новомъ разсадникѣ наукъ приготовить самую благодарную почву для занятій литературою. Удивительно ли, что первые плоды этого разсадника были взлелѣяны поэзіей, а не наукой?

Внутренняя жизнь перваго курса лицея хорошо отражается въ письмахъ воспитанника Илличевскаго, писанныхъ во время самаго пребыванія его въ заведеніи и потому составляющихъ драгоцѣнный источникъ для занимающаго насъ предмета.

Илличевскій, сынъ томскаго губернатора, попавъ въ лицей изъ петербургской гимназіи (тогда единственной, нынѣ 2-й), переписывался съ оставшимся тамъ бывшимъ товарищемъ своимъ Фуссомъ, впослѣдствіи непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ. Въ литературѣ Илличевскій оставилъ послѣ себя только небольшой томикъ «Опытовъ въ антологическомъ родѣ», изданный въ 1827 г.; но находясь въ лицеѣ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ

---

[1]) См. *Памятную книжку лицея* 1856 — 1857 гг. и Н. Сушкова *Московскій университетскій благородный пансіонъ*, М. 1858.

дѣятельныхъ его литераторовъ. Онъ писалъ басни, эпиграммы, посланія, и кромѣ того отличался искусствомъ рисовать каррикатуры. При журналѣ *Лицейскій Мудрецъ* сохранились его акварельныя иллюстраціи, которыя и теперь не потеряли своего относительнаго достоинства. Илличевскій, уже въ первые мѣсяцы послѣ поступленія въ лицей, сознавался, что много былъ обязанъ Пушкину, который уже тогда заявилъ свое значеніе и вліяніе въ кругу товарищей. Кратковременное запрещеніе сочинять, о которомъ Илличевскій вслѣдъ за тѣмъ сообщаетъ, было конечно вызвано тѣмъ, что молодые люди, увлекаясь примѣромъ своего даровитаго собрата, слишкомъ неумѣренно предавались страсти къ авторству во вредъ урокамъ. Безъ этого предположенія трудно допустить, чтобы такой просвѣщенный начальникъ какъ Малиновскій сталъ запрещать своимъ питомцамъ подобныя занятія. Да и Кошанскій всегда считалъ умѣніе писать самой существенной стороной литературнаго образованія. Въ своей «Общей Риторикѣ» Кошанскій считаетъ нужнымъ начинать сочиненія съ періодовъ, которые и называетъ «началами прозы». Вотъ чѣмъ объясняется, что Илличевскій, извѣстивъ своего друга о снятіи помянутяго запрещенія, прибавляетъ: «и мы начали періоды!»

Строки, въ которыхъ Илличевскій изображаетъ учебный бытъ новаго заведенія, уже приведены въ предыдущей статьѣ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: «въ праздное время гуляемъ, а нынче жъ начинается лѣто: снѣгъ высохъ, трава показывается, и мы съ утра до вечера въ саду, который лучше всѣхъ лѣтнихъ петербургскихъ». Чтобы понять эти слова, надобно вспомнить что тогда при лицеѣ еще не было своего сада (который устроенъ былъ позже, по старанію Энгельгардта): воспитанники въ свободные часы ходили въ большой царскосельскій садъ и тамъ располагались особенно на такъ называемомъ *розовомъ полѣ*—вправо отъ мраморнаго мостика, гдѣ въ царствованіе Екатерины II дѣйствительно сажали розы, но при первомъ курсѣ лицея ихъ уже не было; тамъ лицеисты гуляли, рѣзвились, играли въ лапту и пр.

То же положеніе учебной части въ лицеѣ продолжалось и по-

слѣ [1]). По смерти перваго директора лицея, Малиновскаго, долго не было настоящаго начальства. Профессора, исправлявшіе эту должность, не умѣли пріобрѣсти авторитета. Притомъ воспитанники были какъ свои во многихъ царскосельскихъ домахъ и видѣли профессоровъ на равной съ собою ногѣ, и потому тѣ являлись передъ ними безъ всякой ореолы величія. Таковъ былъ напримѣръ домъ управлявшаго Царскимъ Селомъ графа Ожаровскаго, жившаго очень открыто; тамъ воспитанники часто встрѣчались съ Кошанскимъ, который былъ неравнодушенъ къ супругѣ хозяина. Впослѣдствіи онъ написалъ стихи на смерть графини, вызвавшіе пародію Дельвига: «На смерть кучера Агаѳона», напечатанную въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 года.

Употребляя мало времени на уроки, лицеисты за то много читали. Фуссъ въ одномъ письмѣ спрашивалъ Илличевскаго, доходятъ ли до лицея новыя книги. На это тотъ отвѣчаетъ размышленіемъ о пользѣ чтенія и прибавляетъ: «Мы стараемся имѣть всѣ журналы, и впрямь получаемъ: *Пантеонъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Русскій Вѣстникъ* и пр.» Далѣе онъ говоритъ, что они наслаждаются не только современными поэтами: Жуковскимъ, Батюшковымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, но заглядываютъ также въ сочиненія: Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева, а иногда бесѣдуютъ и съ иностранными пѣвцами: Расиномъ, Вольтеромъ, Делилемъ. «Не худо», заключаетъ онъ, «заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія». Здѣсь Илличевскій слегка намѣчаетъ то, что такъ поэтически и прелестно развито въ *Городкѣ* Пушкина. Понятіе о пользѣ чтенія было твердо усвоено лицеистами. Еще въ 1822 г. Пушкинъ писалъ изъ Кишинева брату: «Чтеніе — вотъ лучшее ученіе». Но къ этому слѣдовало бы прибавить, что чтеніе должно

---

[1]) До преобразованія лицея въ 1830-хъ годахъ, въ немъ было два курса или класса, *старшій* и *младшій*, изъ которыхъ въ каждомъ оставались по три года. Курсомъ называли также совокупность воспитанниковъ одного пріема, и въ этомъ смыслѣ подъ 1-мъ курсомъ разумѣютъ лицеистовъ, вышедшихъ въ 1817 году.

производиться не такъ, какъ оно производилось въ лицеѣ. О томъ, что въ немъ необходима система, что оно должно быть въ связи съ ученіемъ и имѣть какой-нибудь заранѣе опредѣленный господствующій характеръ, лицеисты не думали и никто имъ этого не объяснялъ. Впрочемъ, и разнообразное чтеніе безъ плана можетъ конечно имѣть образовательное дѣйствіе. Это направленіе продолжалось въ лицеѣ и послѣ: воспитанники читали русскіе журналы, читали поэтовъ, историческія сочиненія, книги по политической экономіи, путешествія, романы, драмы, и пріобрѣтали довольно обширное знакомство съ литературой главныхъ европейскихъ народовъ. Нехорошо только то, что многіе исподтишка читали во время лекцій даже хорошихъ профессоровъ, плохо готовили уроки и охладѣвали къ ученію.

Сообщенія Илличевскаго о необязательности ученія въ лицеѣ его времени могутъ показаться иному читателю преувеличенными; легко при этомъ заподозрѣть молодого человѣка въ нѣкоторой хвастливости передъ своимъ менѣе свободнымъ пріятелемъ. Но есть другія свидѣтельства, которыя представляютъ учебную часть тогдашняго лицея еще въ худшемъ видѣ. Достаточно припомнить повторявшіеся уже неоднократно разсказы объ урокахъ Галича или мѣсто, приведенное г. Гаевскимъ изъ рукописи графа Корфа. На основаніи тѣхъ же данныхъ картина внутренней жизни первоначальнаго лицея вышла у Анненкова едва ли не слишкомъ уже мрачною. Еслибъ тамъ дѣйствительно жилось такъ плохо, то чѣмъ объяснялась бы та горячая привязанность къ мѣсту своего воспитанія, та признательная память о немъ, то крѣпкое товарищество, которыя, начиная уже съ перваго курса, составляли отличительную черту всѣхъ бывшихъ лицеистовъ. Къ тому же мы знаемъ, что съ самаго начала оттуда выходили хоть немногіе люди съ основательными познаніями; слѣдовательно лицей всегда давалъ средства къ образованію, но не всѣ желали и умѣли ими пользоваться. Вся формальная и офиціальная часть при первомъ курсѣ шла очень плохо, но за то бойко работали внутреннія силы и пружины, приводимыя въ движеніе духомъ времени,

исключительными обстоятельствами и присутствіемъ нѣсколькихъ недюжинныхъ личностей. Вотъ разгадка той странности, на которую указываетъ графъ Корфъ, говоря: «Нашъ курсъ, болѣе всѣхъ запущенный, вышелъ едва ли не лучше всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ несравненно лучше всѣхъ современныхъ ему училищъ... Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ: по крайней мѣрѣ ни наставникамъ нашимъ, ни надзирателямъ не можетъ быть приписана слава такого результата».

Изъ писемъ Илличевскаго мы видимъ далѣе, что посылать свои произведенія въ московскіе и петербургскіе журналы, даже еще во время пребыванія въ младшемъ курсѣ, было между лицеистами перваго пріема дѣломъ обыкновеннымъ. Кромѣ сочиненій Пушкина, уже печатались также труды Дельвига, Кюхельбекера, Яковлева, Пущина и самого Илличевскаго. Послѣдній пытался даже поставить въ Петербургѣ на сцену свой переводъ какой-то оперы и затѣвалъ большія литературныя предпріятія, какъ напримѣръ изданіе *Новаго Плутарха для юношества* и составленіе біографіи математика Эйлера. По всему видно, что стремленіе создать что-нибудь крупное, капитальное, было общею чертою молодыхъ лицейскихъ авторовъ. Пушкинъ также, за полтора года до выпуска, затѣваетъ большое сочиненіе. 16-го января 1816 года Илличевскій сообщаетъ: «Онъ пишетъ теперь комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ *Философъ*. Планъ довольно удаченъ, и начало, то-есть первое дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи— и говорить нечего, а острыхъ словъ сколько хочешь!» Отъ этого только начатого Пушкинымъ труда не осталось никакихъ слѣдовъ; конечно онъ, будучи недоволенъ своимъ планомъ, скоро бросилъ работу, и принялся за поэму *Русланъ и Людмила*, первыя пѣсни которой были, какъ извѣстно, написаны еще въ лицеѣ.

Журналъ *Лицейскій Мудрецъ* долго считали потеряннымъ вмѣстѣ съ бумагами, оставшимися послѣ умершаго въ Италіи Корсакова, къ которому относится мѣсто *19-го Октября*, начинающееся словами:

«Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ
Съ огнемъ въ очахъ съ гитарой сладкогласной».

Но г. Гаевскій въ 1863 году пользовался и этимъ журналомъ, по крайней мѣрѣ уцѣлѣвшею частью его, и вкратцѣ сообщилъ ея содержаніе. Теперь она, въ числѣ другихъ бумагъ, передана мнѣ покойнымъ Матюшкинымъ.

Сохранившійся *Лицейскій Мудрецъ* составляетъ небольшую тетрадь или книжку, въ формѣ продолговатаго альбома, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. На лицевой сторонѣ переплета, въ золотомъ вѣнкѣ, читается заглавіе и подъ нимъ означенъ годъ: «1815».

Въ январѣ этого года воспитанники перешли въ старшій курсъ, а возобновленный журналъ сталъ выходить осенью и продолжался еще въ началѣ 1816 года. Въ этотъ періодъ явилось четыре номера, которые всѣ и содержатся въ описанной книжкѣ. Въ концѣ каждаго раскрашенные рисунки работы Илличевскаго, представляющіе то воспитанниковъ, то наставниковъ въ разныхъ сценахъ, отчасти описанныхъ въ статьяхъ журнала. Издателями, по словамъ Матюшкина, были: Данзасъ (будущій секундантъ Пушкина) и Корсаковъ. Статьи по большей части писаны красивымъ почеркомъ перваго, почему въ началѣ книжки и означено: «Въ типографіи Данзаса». Изъ прибавленной къ этому шутки: «Печатать позволяется. Цензоръ Баронъ Дельвигъ», можно заключить, что этотъ товарищъ, всѣми уважаемый за свою основательность, просматривалъ статьи до переписки ихъ начисто. Почти вся проза принадлежитъ, кажется, самому Данзасу; по крайней мѣрѣ, во 2-мъ уже номерѣ онъ бранитъ своихъ читателей за то, что они ничего не даютъ въ журналъ, и грозитъ имъ, что если это будетъ продолжаться; «если, говоритъ онъ, ваши Карамзины не развернутся и не дадутъ мнѣ какихъ-нибудь смѣшныхъ разговоровъ: то я сдѣлаю вамъ такую штуку, отъ которой вы не скоро отдѣлаетесь. Подумайте. — Онъ не будетъ издавать журнала?—Хуже.—Онъ натретъ ядомъ листочки *Лицейскаго Мудре-*

ца. — Вы почти угадали: я подарю васъ усыпительною балладою г. Гезеля» (то есть Кюхельбекера). Послѣдній, то подъ приведеннымъ именемъ, то съ намекомъ на пристрастіе къ дерптскимъ студентамъ или на дурное произвошеніе русскаго языка, служитъ постояннымъ предметомъ насмѣшекъ на страницахъ *Лицейскаго Мудреца*. Одна изъ статей любопытна какъ современное свидѣтельство о толкахъ, которые возбуждало недавнее паденіе Наполеона. Она имѣетъ форму письма къ издателю, подъ заглавіемъ: «Занятія Наполеона Буонапарте на Нортумберландѣ». Авторъ воображаетъ, что онъ, плывя на одномъ кораблѣ съ эксъ-императоромъ, отдѣленъ только перегородкою отъ его каюты и видитъ сквозь щелку все, что онъ дѣлаетъ: «властелинъ Франціи, бичъ вселенной, родоначальникъ великой династіи Наполеонидовъ... поймалъ двѣ крысы, и бросивъ межъ ними кусокъ сахару, занимался тѣмъ, что эти твари ссорились и дрались за него съ остервененіемъ!... Порадовавшись удали французской крысы, онъ ихъ опять запираетъ въ свой ящикъ, и гуляя по комнатѣ, говоритъ: «Oh, le maudit vieillard de Blücher! il m'a fait bien du mal... Bien mal fait d'avoir quitté Elbe. J'avais tout ce que je voulais. Mon unique plaisir à présent composent ces deux rats, que je fais combattre; aujourd'hui c'est le Français qui a le dessus, j'en suis bien aise... Бѣдный монархъ: тебя разбили, посадили на корабль и везутъ въ вѣчную тюрьму, а твое утѣшеніе въ двухъ крысахъ!»

Стóитъ также упомянуть объ одной мысли въ статьѣ «Апологія». Авторъ защищаетъ слѣдующимъ образомъ вызовъ въ Россію иностранныхъ преподавателей: «Стоялъ я столбнякомъ въ лѣсу и думалъ, помнится мнѣ, о томъ, какъ бы выгнать всѣхъ профессоровъ чужестранцевъ изъ матушки Русской земли, а на мѣсто ихъ поставить въ университеты Самоѣдовъ и Чукчей. Ахъ, постойте, любезные чтецы, я перерву мой разсказъ коротенькимъ размышленіемъ. Какую пользу это принесетъ Россіи, а особенно намъ, школьникамъ? Теперь въ классахъ говорятъ о правахъ естественныхъ, а преподаютъ только теорію; а подъ про-

фессорствомъ г. Чукчи мы, раздирая ногтями мясо кобылье, повторяли бы естественное право на самой лучшей практикѣ».

Стихотворная часть *Лицейскаго Мудреца* принадлежитъ, по преданію, Корсакову, Илличевскому и др. На пародію «Пѣвца» Жуковскаго и одну эпиграмму Илличевскаго уже указалъ г. Гаевскій въ одной изъ статей своихъ. Всего любопытнѣе переписанныя въ этомъ журналѣ *національныя пѣсни* (замѣчательное для того времени названіе) перваго курса, до сихъ поръ еще остающіяся не напечатанными въ цѣлости. Анненковъ нашелъ отрывки изъ нихъ между автографами Пушкина и передалъ въ своихъ «Матеріалахъ» немногіе оттуда куплеты. Г. Гаевскій сообщилъ другіе отрывки. По свидѣтельству Пущина, знаменитый поэтъ принималъ участіе въ сочиненіи національныхъ пѣсенъ, которыя, какъ извѣстно, сочинялись сообща.

Въ слѣдующемъ куплетѣ:

«Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
Покроетъ вѣчной пылью?
Пилецкій, пастырь душъ съ крестомъ,
Иконниковъ съ бутылью»...

покойный Матюшкинъ признавалъ себя авторомъ послѣдняго стиха. О лицахъ, къ которымъ относится это мѣсто, было уже не разъ упоминаемо въ печати. Выраженіе *нѣмецкія бредни* намекаетъ на героя пѣсни Гауэншильда, профессора нѣмецкой литературы, который одно время исправлялъ должность директора. Какъ онъ, такъ и другіе два наставника, рядомъ съ нимъ названные, достаточно уже охарактеризированы, со словъ графа Корфа, В. П. Гаевскимъ и Анненковымъ. О Гауэншильдѣ Илличевскій писалъ Фуссу: «Попечитель вашъ Уваровъ нарочно призвалъ его изъ Вѣны въ Россію и доставилъ ему мѣсто въ Лицеѣ». Мы можемъ пояснить теперь, что этотъ вызовъ былъ не во благо русскому юношеству. Чуждый новому поприщу своей дѣятельности, этотъ австріецъ думалъ только о личной своей выгодѣ, и успѣвъ снискать довѣренность графа Разумовскаго, достигъ такого по-

ложенія, въ которомъ ничего не было легче какъ употребить её во зло. Ранняя смерть перваго директора, уже въ мартѣ 1814 года, была истиннымъ несчастіемъ для новаго заведенія, хотя можетъ-быть онъ и не вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію. «В. Ѳ. Малиновскій, пишетъ графъ Корфъ, былъ человѣкъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людскости, слабый и вообще не созданный для управленія какою-нибудь частію, тѣмъ болѣе высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Значеніе свое онъ получилъ, кажется, отъ того, что былъ женатъ на дочери извѣстнаго протоіерея Андрея Аѳанасьевича Самборскаго, сперва священника при церкви нашего посольства въ Лондонѣ, потомъ законоучителя и духовника великихъ князей Александра и Константина Павловичей и наконецъ духовника великой княгини Александры Павловны по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ палатиномъ Венгерскимъ [1]). Есть впрочемъ вся вѣроятность думать, что и въ выборѣ Малиновскаго не обошлось безъ участія тогдашняго государственнаго секретаря (Сперанскаго), который издавна былъ очень близокъ къ Самборскимъ и въ ихъ домѣ впервые познакомился съ тою, которая послѣ сдѣлалась его женою, сиротою бѣднаго англійскаго пастора Стивенса».

Несмотря на нѣкоторые недостатки, Малиновскій былъ человѣкъ просвѣщенный и честный: потерявъ его черезъ два съ небольшимъ года послѣ своего основанія, лицей вдругъ осиротѣлъ, и начались его невзгоды. Двухлѣтнее «междуцарствіе», о которомъ долго жила память въ лицеѣ, отозвалось на немъ весьма печальными послѣдствіями. Графъ Разумовскій, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, впалъ въ непростительную ошибку, не пріискавъ тотчасъ же способнаго преемника Малиновскому; но онъ сдѣлалъ еще бо́льшую ошибку, когда, видя плоды анархіи, ввѣрилъ судьбу двухъ высшихъ заведеній своекорыстному иностранцу, не знавшему порядочно русскаго языка. Новообразованный лицейскій

---

[1]) См. *Сочиненія Державина*, 1-е изд., т. I, стр. 795; II, 583; III, 699 и VI, 239.

пансіонъ возникъ (1814 г.) изъ частнаго приготовительнаго училища, устроеннаго первоначально на собственныя средства этимъ находчивымъ пришлецомъ. Кандидатомъ на должность директора пансіона, преобразованнаго въ казенное заведеніе, явился было Кошанскій; но связи и привилегія иноземнаго происхожденія заставили предпочесть Гауэншильда, преподававшаго въ лицеѣ нѣмецкую литературу по-французски. Результатомъ его управленія пансіономъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ долгъ въ 10,000 руб.

По словамъ графа Корфа, «Гауэншильдъ, при довольно заносчивомъ нравѣ, былъ человѣкъ скрытный, хитрый, даже коварный. Доказательствомъ общей къ нему ненависти служила національная пѣсня, которая пѣвалась хоромъ на голосъ гремѣвшаго тогда по цѣлой Россіи «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», безъ всякаго секрета и только что не самому Гауэншильду въ лицо. Первые четыре стиха пѣлись adagio и sotta voce; потомъ темпъ ускорялся, а съ нимъ возвышались и голоса, которые наконецъ переходили въ совершенную бурю. Разумѣется, прибавляетъ нашъ источникъ, что тутъ имѣлись въ виду не поэтическія красоты и не прелести гармоніи, а только выраженіе общаго чувства».

Къ счастію, бразды лицейскаго правленія не долго были въ рукахъ Гауэншильда; въ началѣ 1816 года директоромъ лицея назначенъ былъ Е. А. Энгельгардтъ. При разстройствѣ, до котораго дошли дѣла въ періодъ междуцарствія, при совершенномъ упадкѣ дисциплины, нужно было необыкновенное умѣніе, чтобы возстановить правильный ходъ жизни и порядокъ во всѣхъ ея отправленіяхъ. Будучи лично извѣстенъ государю и пользуясь его довѣріемъ, бывшій директоръ Педагогическаго института находился конечно въ особенно-благопріятныхъ обстоятельствахъ для выполненія трудной задачи; но къ тому присоединялись и рѣдкія способности его къ административному и педагогическому дѣлу. Напечатанная въ *Р. Архивѣ* записка его объ обязанностяхъ воспитателя[1]) показываетъ какъ разумно онъ смотрѣлъ на предсто-

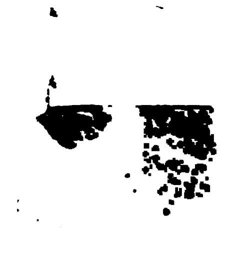
---

[1]) См. *Русскій Архивъ* 1872 года.

явшій ему трудъ въ послѣднемъ отношеніи. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, Энгельгардтъ успѣлъ вскорѣ снискать въ такой степени любовь и уваженіе воспитанниковъ, что имя его сдѣлалось навсегда дорого лицею, и вокругъ этого имени впослѣдствіи сгруппировались всѣ самыя свѣтлыя воспоминанія лицеистовъ. Хотя бы въ дѣйствіяхъ Энгельгардта и было нѣкоторое суетное стремленіе къ эффекту, хотя бы въ нихъ и можно было указать на кое-какіе промахи и увлеченія, иногда и ошибки въ частныхъ отношеніяхъ къ тому или другому воспитаннику (напримѣръ къ Пушкину, котораго онъ не понималъ и который ему не сочувствовалъ), все же нельзя отказать «Егору Антоновичу» въ вѣрномъ пониманіи молодежи и средствъ вести её. Одинъ годъ управленія его при первомъ курсѣ заслонилъ собою прежнія замѣшательства, и для послѣдующихъ поколѣній лицеистовъ имя его знаменательно слилось со всею первою эпохою существованія лицея.

Понятно, что для нихъ этотъ періодъ, озаренный и славою историческихъ событій, и блестящею извѣстностью нѣкоторыхъ изъ первенцевъ лицея, являлся въ поэтическомъ свѣтѣ, и преданія о первомъ курсѣ переходили «изъ рода въ родъ» не безъ прикрасъ воображенія. Они пріобрѣли еще болѣе значенія послѣ того какъ лицей въ 1822 году былъ причисленъ къ военно-учебнымъ заведеніямъ.

Около 1830 года, когда я воспитывался въ лицеѣ, преданія эти были еще довольно свѣжи, но какая разница въ духѣ времени и обстоятельствахъ! Правда, что и при тогдашнемъ директорѣ, генералѣ Гольтгоерѣ, бывшемъ начальникѣ Дворянскаго корпуса, человѣкѣ добромъ и честномъ, управленіе лицея, вообще говоря, было довольно мягкое, но все-таки руководящимъ началомъ этого управленія былъ страхъ, а не любовь. Не видя въ представителяхъ администраціи лицея высшаго образованія, мы не могли смотрѣть на нихъ съ полнымъ довѣріемъ: мы жалѣли о прошломъ и не совсѣмъ были довольны настоящимъ. Кое-что изъ прежнихъ порядковъ еще сохранялось: такъ у каждаго воспитанника была своя особая небольшая спальня, но намъ уже не



позволялось днемъ заниматься въ этихъ комнаткахъ. По-старому выписывались еще для насъ газеты и журналы, которые прикрѣплялись къ нарочно устроенной для этого высокой конторкѣ, и мы могли брать изъ лицейской библіотеки книги по собственному выбору, но на нѣкоторыхъ авторовъ было наложено безусловное запрещеніе. Такъ какъ однакожъ надзоръ былъ почти исключительно внѣшній, то намъ было очень легко обходить это запрещеніе: мы не только читали Вольтера, но и дѣлали изъ него выписки, означая ихъ какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ. Изданіе рукописныхъ литературныхъ журналовъ считалось также запрещеннымъ, но это не мѣшало намъ, подражая предшествовавшимъ курсамъ, составлять тайкомъ подобные сборники, гдѣ иногда являлись сатирическіе стихи и статьи, напримѣръ разсказы о лицейскихъ событіяхъ языкомъ Нестора, въ духѣ и тонѣ древней лѣтописи. Послѣдній родъ авторства достигъ особеннаго развитія у нашихъ старшихъ, такъ что одинъ изъ воспитанниковъ этого курса [1]) мало по малу написалъ обширное повѣствованіе этого рода на столбцахъ, которые наконецъ однакожъ попали въ руки тогдашняго инспектора, профессора Оболенскаго, и исчезли, что́, какъ говорили, отразилось даже на чинѣ, съ которымъ авторъ былъ выпущенъ изъ лицея. Надобно отдать справедливость тогдашнему начальству въ томъ, что внѣшняя сторона управленія была вполнѣ удовлетворительна: насъ хорошо кормили, чисто одѣвали и вообще содержали какъ слѣдуетъ, но въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ многое могло бы быть гораздо лучше при большей способности и образованности начальства.

Въ каждомъ изъ двухъ курсовъ было въ наше время по 25-ти человѣкъ. Меньшіе съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на старшихъ, имѣли высокое понятіе о ихъ учебной и нравственной жизни, которой вблизи не видѣли, потому что доступъ въ старшій курсъ былъ имъ закрытъ, и, считая себя обязанными охранять честь и

---

[1]) Покойный Иванъ Романовичъ Ховенъ, усердный хранитель лицейскихъ традицій.

преданія лицея, старались быть достойными своихъ предшественниковъ. Оттого товарищескій бытъ этого заведенія былъ выше пансіонскаго и отличался благородствомъ отношеній.

При переходѣ изъ пансіона мы застали въ лицеѣ еще трехъ профессоровъ и двухъ гувернеровъ, бывшихъ при немъ съ основанія. Это много значило при той непрочности, какою во всемъ ознаменовалось первое время существованія царскосельскаго лицея. Въ самомъ дѣлѣ, въ шестилѣтіе перваго курса, однихъ директоровъ было три, не считая промелькнувшихъ въ этой должности профессоровъ, а сколько смѣнилось между тѣмъ гувернеровъ! Имъ не было счета, какъ видно изъ составленнаго г. Селезневымъ списка. Такова уже была судьба лицея: перемѣны съ самаго начала быстро слѣдовали одна за другою, какъ въ самомъ заведеніи, такъ и въ верховной надъ нимъ администраціи: уже при первомъ курсѣ смѣнилось два министра просвѣщенія, а потомъ, по переходѣ лицея въ военное вѣдомство до нашего курса, т. е. въ теченіе какихъ нибудь 5—6 лѣтъ, онъ прошелъ черезъ руки четырехъ главныхъ начальниковъ: графа П. П. Коновницына, Гогеля, П. В. Кутузова и Н. И. Демидова, назначеннаго уже при насъ. Послѣдовавшія позднѣе перемѣны извѣстны. Нельзя сказать, чтобъ лицей началъ свое существованіе подъ счастливою звѣздою, развѣ такою считать звѣзду Пушкинской поэзіи.

Изъ старыхъ профессоровъ, дошедшихъ до насъ отъ перваго курса, поговорю только объ одномъ, потому что о немъ есть два совершенно противоположныя между собою свидѣтельства, и надобно наконецъ выяснить истину. Это Кошанскій. Въ русской журналистикѣ, съ 1830-хъ годовъ, насмѣшки надъ его риторикой составляли долго одно изъ тѣхъ общихъ мѣстъ нашей критики, которыя въ ней всегда имѣются въ запасѣ, потому что ничего нѣтъ удобнѣе какъ при случаѣ щегольнуть готовымъ и по видимому непогрѣшимымъ приговоромъ. Между тѣмъ объ этомъ учебникѣ говорили большею частію только понаслышкѣ, не зная его и даже не имѣя точнаго понятія о его содержаніи. Обыкновенно воображали, что реторика Кошанскаго занимается

только тропами и фигурами. На самомъ же дѣлѣ эти такъ называемыя украшенія рѣчи составляютъ только небольшую часть его «Общей реторики», разсматривающей источники, виды и общія правила прозаическихъ сочиненій; другой его курсъ, «Частная реторика», есть то, что нынче проходится подъ именемъ теоріи словесности и трактуетъ подробно о каждомъ отдѣльномъ родѣ и видѣ прозы. Нѣтъ спору, что съ нынѣшней точки зрѣнія въ каждой изъ этихъ книжекъ можно отыскать много несовременнаго и пожалуй страннаго; но при этомъ не должно терять изъ виду, во первыхъ, что обѣ онѣ имѣютъ одно рѣдкое для того времени достоинство, — историческую основу, знакомятъ въ правильной системѣ съ исторіею древнихъ и новыхъ литературъ, въ особенности русской, и во-вторыхъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ только нить или канву, по которой дальнѣйшее развитіе и оживленіе предмета предоставляется знанію и искусству хорошаго преподавателя. Такимъ можно было по справедливости назвать самого Кошанскаго. При первомъ курсѣ онъ не успѣлъ заявить себя, можетъ-быть въ слѣдствіе своей продолжительной болѣзни, а также и оттого, что по разнымъ обстоятельствамъ пришелъ въ столкновеніе съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. Такъ надо заключать по отзывамъ графа Корфа, по извѣстному посланію Пушкина *Къ моему аристарху* и по упомянутой выше пародіи Дельвига. Но въ послѣдующее время Кошанскій пріобрѣлъ совсѣмъ другое значеніе. Начать съ того, что учебники его еще не были изданы, и слово *реторика* даже не произносилось на его лекціяхъ, хотя въ нихъ и входило многое изъ того, что впослѣдствіи явилось въ названныхъ книжкахъ. Преподавая латинскій языкъ и русскую литературу, онъ занималъ насъ почти только практически и умѣлъ въ высшей степени возбудить наше вниманіе, расшевелить нашу самодѣятельность. Этого достигъ онъ можетъ-быть именно потому, что былъ наученъ опытомъ и собственными своими ошибками. Прежніе его труды, изданные еще въ Москвѣ, по греко-римской археологіи и латинскому языку, далѣе особенное сочувствіе, какое ему оказывалъ знаменитый кураторъ М. Н.

Муравьевъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Кошанскій былъ вполнѣ подготовленъ къ своей каѳедрѣ въ лицеѣ.

Желая ознакомить насъ не съ одною латинскою словесностію, но со всѣмъ классическимъ міромъ, онъ разсказывалъ намъ содержаніе Гомѣровыхъ поэмъ, объяснялъ миѳологію и бытъ древнихъ народовъ, читалъ Иліаду въ тѣхъ отрывкахъ изъ перевода Гнѣдича, которые были уже напечатаны. Мы заслушивались его разсказовъ и чтеній. Русскихъ поэтовъ читалъ онъ съ нами въ собраніи *Образцовыхъ сочиненій* и останавливался особенно на Жуковскомъ, сопровождая чтеніе умнымъ, оживленнымъ комментаріемъ. Читать съ воспитанниками Пушкина еще не было принято и въ лицеѣ; его мы читали сами, иногда во время классовъ, украдкою. Тѣмъ не менѣе однакожъ Кошанскій разъ привезъ намъ на лекцію только что полученную отъ товарищей Пушкина рукопись *19-го октября 1825 года* («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ») и прочелъ намъ это стихотвореніе съ особеннымъ чувствомъ, прибавляя къ каждой строфѣ свои поясненія. Только тамъ, гдѣ рѣчь шла о заблужденіяхъ поэта, онъ довольствовался многозначительной мимикой, которая вообще входила въ его пріемы. Особенно при стихахъ:

«Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ»,

онъ далъ намъ почувствовать, что и Пушкинъ не во всемъ заслуживаетъ подражанія. Легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ на насъ профессоръ этимъ чтеніемъ. Послѣ урока мы принялись переписывать драгоцѣнные стихи о родномъ лицеѣ и тотчасъ выучили ихъ наизусть.

Другую сторону вліянія на насъ Кошанскаго составляли собственныя наши упражненія, къ которымъ онъ насъ постоянно побуждалъ, то задавая не мудреныя, но умно выбранныя темы, то предоставляя намъ самимъ придумывать ихъ, требуя изобрѣтательности въ сюжетѣ и изящества въ изложеніи. По временамъ онъ поощрялъ насъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ, и

потомъ читалъ наши опыты въ слухъ передъ всѣмъ классомъ. Правило, которому онъ слѣдовалъ при ихъ обсужденіи, самимъ имъ выражено въ его учебникѣ: попытки учащихся, по его словамъ, «не должны охлаждаться порицаніемъ, но согрѣваться участіемъ друга-наставника, который всегда говоритъ *прежде* чтó хорошо и почему; *а послѣ* показываетъ, чтó должно быть иначе и *какимъ образомъ*». Мы полюбили Кошанскаго, съ нетерпѣніемъ ожидали его лекцій и довѣрчиво показывали ему свои, даже и внѣклассные, поэтическіе грѣхи. Такъ же точно относились къ нему и наши старшіе, между которыми двое, подъ его руководствомъ, въ замѣчательной степени успѣли развить свой талантъ: это были князь А. В. Мещерскій и особенно Деларю (оба уже умершіе)[1]). Пушкинъ, при насъ посѣтившій лицей, читалъ ихъ стихотворенія и ободрилъ молодыхъ поэтовъ, посовѣтовавъ однакожъ первому изъ нихъ не писать французскихъ стиховъ.

Въ доказательство, что не на насъ однихъ и не случайно Кошанскій такъ дѣйствовалъ, приведу отзывъ воспитанника лицейскаго пансіона, напечатанный въ исторіи этого заведенія: «И Георгіевскій и Троицкій и преподаватели въ низшихъ классахъ», замѣчаетъ авторъ, «преподавали, вообще говоря, очень хорошо; но всѣхъ ихъ превосходилъ *Кошанскій*, бывшій въ свое время въ лицеѣ и пансіонѣ едва ли не тѣмъ же, чѣмъ профессоръ *Мерзляковъ* былъ въ свое же время въ Московскомъ университетѣ. Съ многостороннею классическою образованностію и большою опытностію въ преподаваніи онъ соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ, восторженное поэтическое настроеніе и особенный даръ передавать то и другое своимъ слушателямъ. Лекціи его вполнѣ можно было назвать эстетическими, исполненными занимательности и вкуса. Онъ старался поддерживать и развивать въ слушателяхъ своихъ установившуюся еще со временъ Пушкина и Дельвига любовь къ литературнымъ упражне-

1) Стихи обоихъ, писанные отчасти еще во время пребыванія ихъ въ лицеѣ, можно найти, между прочимъ, въ альманахѣ *Царское Село* (1830 г.).

ніямъ, прозаическимъ и стихотворнымъ, и обращалъ особенное вниманіе и заботливость на тѣхъ воспитанниковъ, которые обнаруживали способности и склонность къ нимъ. Вся его внѣшность, необыкновенно мягкая и изящная въ формахъ, вполнѣ соотвѣтствовала его внутреннимъ достоинствамъ, и все вмѣстѣ внушало къ нему искреннюю любовь и уваженіе воспитанниковъ. Будучи старшимъ изъ профессоровъ лицея и пансіона, со времени ихъ открытія, онъ былъ однако еще въ зрѣлыхъ лѣтахъ (въ 1811 году ему было 29 лѣтъ). Два раза онъ былъ назначаемъ исправляющимъ должность директора лицея, а въ 1828 г. по собственной просьбѣ былъ уволенъ отъ должности профессора въ лицеѣ и пансіонѣ, и умеръ въ 1831 году въ должности директора Института слѣпыхъ въ С.-Петербургѣ» [1]).

Въ такомъ же духѣ отзывается о Кошанскомъ, въ подробномъ извѣстіи о его жизни, г. Селезневъ, основывавшійся въ этомъ случаѣ на показаніяхъ бывшихъ лицеистовъ. Изложивъ содержаніе курса Кошанскаго, онъ замѣчаетъ: «Вообще говоря, лекціи его походили на бесѣды. На нихъ профессоръ не скупился на объясненія, сравненія и примѣры, заимствуя ихъ изъ ближайшей среды общественной. Изустное изложеніе это перешло впослѣдствіи въ печать, въ его Реторику. Тамъ сохранились слѣды заботливости профессора сдѣлать предметъ занимательнымъ [2]). Въ частныхъ примѣчаніяхъ книги разсѣяно множество сужденій, которыя на каѳедрѣ развиваемы были имъ въ полныя лекціи. Занимательности бесѣдъ много содѣйствовала начитанность профес-

---

[1]) *Благородный пансіонъ Царскосельскаго лицея* (СПБ. 1869), стр. 183.

[2]) Такъ на стр. 57 Частной Реторики разсказанъ случай изъ жизни императора Александра I: «Государь, прогуливаясь въ Царскомъ Селѣ вокругъ большого пруда, замѣтилъ, что лебеди играютъ, плещутся въ водѣ и хотятъ летѣть, но не могутъ. Онъ позвалъ садовника и спросилъ: «Что это значитъ, Ляминъ? Лебеди летать не могутъ? — Государь! отвѣчалъ садовникъ: у нихъ обрѣзано по одному крылу, чтобъ не разлетѣлись...—Этого не дѣлать, сказалъ Александръ: когда имъ хорошо, они сами здѣсь жить будутъ; а дурно — пусть летятъ, куда хотятъ!» — Послѣ сего большая часть лебедей разлетѣлась въ Павловскъ, въ Гатчину и на взморьѣ; но къ осени дѣйствительно почти всѣ возвратились».

сора. Не станемъ обвинять Кошанскаго въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ. Курсъ его отсталъ отъ современнаго преподаванія, учебники его перестали быть руководствами, но для этого нужно было пережить болѣе четверти столѣтія и притомъ XIX-го» [1]).

У насъ Кошанскій собственно не проходилъ никакого систематическаго курса, вѣроятно потому, что уже сбирался покинуть лицей: скоро онъ, заболѣвъ, пересталъ къ намъ ѣздить, и мы перешли подъ руководство бывшаго его адъюнкта П. Е. Георгіевскаго, человѣка почтеннаго, весьма исправнаго, но къ сожалѣнію не даровитаго и менѣе ученаго. Тутъ-то мы поняли, что значитъ личность профессора, и перестали заниматься латынью и уроками русской литературы съ прежнимъ увлеченіемъ. О Кошанскомъ мы горько сожалѣли, и у всѣхъ насъ осталось благодарное о немъ воспоминаніе.

Я могъ бы поговорить здѣсь о нѣкоторыхъ умершихъ лицеистахъ перваго курса, но чтобы не утомлять вниманія читателей, перейду прямо къ Пушкину.

Во время моего пребыванія въ лицеѣ поэтъ два раза посѣтилъ его: въ первый разъ въ 1828 году; тогда я былъ еще въ младшемъ курсѣ и не видѣлъ его, такъ какъ онъ ходилъ только къ старшимъ; второе его посѣщеніе было въ 1831 г., когда онъ, женившись, проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ. Никогда не забуду восторга, съ какимъ мы его приняли. Какъ всегда водидилось, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ нашихъ «дѣдовъ», мы его окружили всѣмъ курсомъ и гурьбой провожали по всему лицею. Обращеніе его съ нами было совершенно простое, какъ съ старыми знакомыми; на каждый вопросъ онъ отвѣчалъ привѣтливо, съ участіемъ разспрашивалъ о нашемъ бытѣ, показывалъ намъ свою бывшую комнатку и передавалъ подробности о памятныхъ ему мѣстахъ. Послѣ мы не разъ встрѣчали его гуляющимъ въ царскосельскомъ саду, то съ женою, то съ Жуковскимъ, котораго мы видѣли у себя около того же времени. Онъ присутствовалъ

---

[1]) *Памятная книжка лицея на 1856 — 1857 г.* С.-Петербургъ, стр. 155.

у насъ на экзаменѣ изъ исторіи. Вскорѣ послѣ того были напечатаны вмѣстѣ, въ одной брошюрѣ въ четвертку, три стихотворенія: одно Жуковскаго—«Старая пѣсня на новый ладъ», (на побѣды Паскевича), и двѣ пьесы Пушкина—«Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина». Жуковскій доставилъ въ лицей нѣсколько экзампляровъ этой брошюры.

Извѣстно, что при переходѣ воспитанниковъ перваго пріема изъ меньшого курса въ старшій, на послѣднемъ экзамемѣ въ январѣ 1815 года присутствовалъ Державинъ и что Пушкинъ прочелъ тогда приготовленное къ этому случаю стихотвореніе свое: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. Въ тетрадяхъ знаменитаго екатерининскаго лирика, между разными переплетенными вмѣстѣ брошюрами, сохранилось и это стихотвореніе, писанное рукою Пушкина и съ полною его подписью: это тотъ самый списокъ, по которому Пушкинъ читалъ вслухъ свое произведеніе. Удивительно, какъ твердъ былъ уже тогда его почеркъ и какъ мало онъ измѣнился впослѣдствіи. Это стихотвореніе въ собраніи сочиненій поэта напечатано въ первоначальномъ видѣ, почти безъ всякихъ измѣненій. Только въ предпослѣдней строфѣ третій стихъ читается въ автографѣ такъ:

«Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ Эллины».

Въ позднѣйшей же редакціи:

«Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянскій бардъ дружины».

Въ той же тетради Державина находится рукописный алфавитный списокъ тогдашнихъ лицеистовъ, а рядомъ съ нимъ печатная «программа открытаго испытанія воспитанникамъ начальнаго курса Императорскаго Царскосельскаго Лицея Генваря 4 и 8 дня 1815 г.». Въ первый день предметами испытанія означены: «Законъ Божій, Логика, Географія, Исторія, Нѣмецкій языкъ, и нравоученіе»; во второй день: «Латинскій языкъ, Французскій языкъ, Математика, Физика и Россійскій языкъ». По каждому предмету изложены далѣе довольно подробныя программы. Вотъ что входило въ экзаменъ изъ русскаго языка:

1) Разные роды слоговъ и украшенія рѣчи, 2) Краткая литература краснорѣчія въ Россіи, 3) Славянская грамматика, и 4) Чтеніе собственныхъ сочиненій. Программа кончалась слѣдующими строками: «Воспитанники могутъ быть спрашиваемы посѣтителями и профессорами обо всѣхъ вышеозначенныхъ предметахъ. Въ заключеніе показаны будутъ опыты воспитанниковъ въ рисованіи, чистописаніи, фехтованіи и танцованіи». Изъ числа гостей на этомъ экзаменѣ, Илличевскій въ письмѣ къ Фуссу называетъ, кромѣ Державина: Горчакова, Саблукова, Салтыкова, Уварова и Филарета. По словамъ графа Корфа, тутъ былъ также министръ просвѣщенія князь Голицынъ; изъ постороннихъ профессоровъ упомянуты: Лоди, Кукольникъ (отецъ) и Плисовъ; «сверхъ того были, прибавляетъ Илличевскій, родители и родственники нѣкоторыхъ изъ насъ, была и обыкновенная царскосельская публика».

Отъ покойнаго Матюшкина я слышалъ, что при поступленіи въ лицей Пушкинъ довольно плохо писалъ по-русски. У Кошанскаго онъ считался по своимъ свѣдѣніямъ 16-мъ, а Матюшкинъ 15-мъ, хотя послѣдній, по собственному его сознанію, ужъ конечно въ сущности зналъ языкъ гораздо хуже. Это продолжалось до послѣдняго времени передъ выпускомъ, когда пересаживаніе по успѣхамъ прекратилось. По отзыву Матюшкина, товарищамъ всегда казалось, что Пушкинъ по развитію какъ будто старше всѣхъ ихъ. Въ поэзіи Илличевскій считался его соперникомъ, такъ что у каждаго изъ нихъ была своя партія приверженцевъ: въ глазахъ нѣкоторыхъ Илличевскій былъ даже выше по таланту, но, какъ мы уже видѣли, самъ онъ сознавалъ неизмѣримое превосходство Пушкина.

Въ лицеѣ Карамзинъ увидѣлъ Пушкина въ мартѣ 1816 г., на обратномъ пути изъ Петербурга въ Москву. Карамзина сопровождали два поэта: Вас. Льв. Пушкинъ и князь П. А. Вяземскій, который тогда и познакомился съ даровитымъ юношей. Разсказываютъ, что Карамзинъ прочитавъ въ лицеѣ какіе-то стихи Пушкина, сказалъ: «Въ немъ зрѣетъ великій поэтъ». По отъѣздѣ гостей нашъ лицеистъ вступилъ въ переписку съ княземъ Вязем-

скимъ и Василіемъ Львовичемъ. Письмо его къ первому было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* (1874, № 1); ко второму написалъ онъ стихотворное посланіе. Отвѣтъ дяди сохранился въ бумагахъ, переданныхъ мнѣ Матюшкинымъ. Вотъ онъ:

«Москва. 1816, апрѣля 17.

«Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Письмо твое меня утѣшило, и точно сдѣлало съ праздникомъ. Желанія твои сходны съ моими; я истинно желаю чтобъ *непокойные* стихотворцы оставили насъ въ покоѣ. Это случиться можетъ только послѣ *дождика въ четвергъ.* Я хотѣлъ было отвѣчать на твое письмо стихами, но съ нѣкоторыхъ поръ Муза моя стала очень лѣнива, и ее тормошить надобно чтобъ вышло что-нибудь путное. Вяземскій тебя любитъ и писать къ тебѣ будетъ. Николай Михайловичъ въ началѣ мая отправляется въ Царское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужатъ къ твоему добру, и можетъ быть къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многаго ожидаемъ.—Скажи Ломоносову [1]), что не похвально забывать своихъ пріятелей; онъ написалъ къ Вяземскому предлинное письмо, а мнѣ и поклона нѣтъ. Скажи однако, что хотя я и не пеняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрять не должно. Ты сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону. Этого довольно. Прости, другъ сердечной. Будь здоровъ, благополученъ, люби и не забывай меня. Василій Пушкинъ.

П. П. Вотъ эпиграмма, которую я сдѣлалъ въ *Яжелбицахъ:*

Сходство съ Шихматовымъ и хромымъ почталіономъ [2]).

«Шихматовъ! почтальонъ! Какъ не скорбѣть о васъ?
Признаться надобно, что участь ваша злая:

---

[1]) Сергѣй Ломоносовъ, одинъ изъ товарищей Пушкина, впослѣдствіи бывшій посланникомъ въ Америкѣ, а еще позднѣе въ Голландіи, до лицея получилъ первоначальное образованіе въ какомъ-то петербургскомъ учебномъ заведеніи вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ.

[2]) Въ Яжелбицахъ мы нашли почталіона хромаго, и Вяземскій мнѣ эту задалъ эпиграмму. (*Прим. В. Л. Пушкина*).

У одного нога хромая,
А у другого хромъ Пегасъ».

Это письмо бросаетъ новый свѣтъ на одно изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, озаглавленное: *Желаніе.* Оказывается, что въ немъ поэтъ обращается къ дядѣ вскорѣ послѣ ихъ свиданія въ Царскомъ Селѣ. Сообщенное выше письмо служитъ отвѣтомъ на это посланіе, и выраженіе Василья Львовича: *непокойные стихотворцы* вызвано слѣдующимъ концомъ посланія:

«Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный,
И *непокойный* графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грѣшно».

Въ рукахъ моихъ были два неизвѣстныя до сихъ поръ подлинныя письма А. С. Пушкина къ Гнѣдичу, писанныя изъ Кишинева. Ихъ обязательно сообщалъ мнѣ Л. М. Лобановъ, котораго отецъ, умершій въ 1846 г. членомъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, нѣкогда служилъ съ Гнѣдичемъ въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Сообщая эти два письма, напередъ замѣчу, что первое изъ нихъ, отъ 24-го марта 1821 г., было писано на другой день послѣ письма поэта къ Дельвигу, которое уже давно напечатано (*Сочиненія Пушкина*, изд. Анненковымъ, т. I. стр. 81). Какъ это письмо къ Дельвигу, такъ и письмо къ Гнѣдичу начинаются стихами. Пушкинъ въ ту пору любилъ подобныя поэтическія вставки въ «почтовую прозу», бывшія въ обычаѣ еще съ прошлаго вѣка и пущенныя въ ходъ особенно Вольтеромъ. Стихи въ помѣщаемомъ ниже письмѣ показываютъ между прочимъ, что Пушкинъ

тогда уже, т. е. въ мартѣ 1821 г., изучалъ Овидія, а выраженія, приведенныя имъ изъ этого автора во второмъ письмѣ, свидѣтельствуютъ, что нашъ поэтъ читалъ своего любимца не во французскомъ переводѣ только, какъ думаютъ многіе, но и въ подлинникѣ.

Извѣстно, что поэма «Русланъ и Людмила» уже послѣ отъѣзда Пушкина на югъ была окончена печатаніемъ въ Петербургѣ подъ надзоромъ Гнѣдича; но до сихъ поръ не знали, когда и куда именно экземпляръ ея, по выходѣ книги въ свѣтъ, былъ высланъ поэту. Г. Бартеневъ, въ извѣстномъ трудѣ своемъ (*Пушкинъ въ южной Россіи*, стр. 24), высказываетъ предположеніе, что Пушкинъ еще на Кавказѣ могъ получить это изданіе. Слѣдующее засимъ письмо окончательно разъясняетъ вопросъ.

Письмо 1.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ,
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ молдаванъ.
Все тотъ же я какъ былъ и прежде:
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ [1]) спорю, мало пью,
Октавію — въ слѣпой надеждѣ —
Молебновъ лести не пою,
И Дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала

---

[1]) Михаиломъ Өедоровичемъ.

И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера Музу намъ явилъ,
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ [1]), —
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца [2]) —
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны:
Онъ Музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ,
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тро-

---

[1]) Т. е. эпическія пѣсни Гомера началъ переводить стихами безъ риѳмъ,— экзаметрами.

[2]) Эти стихи становятся понятнѣе послѣ прочтенія въ брошюрѣ г. Бартенева «Пушкинъ въ южной Россіи», разсказа объ отношеніяхъ поэта въ Кишиневѣ (см. стр. 117). То же выражаетъ его маленькая пьеса *Уединеніе*, 1822 года:

Блаженъ кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала;
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

нуло меня до глубины сердца — благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма — все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ что касается до меня. Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно. И вотъ уже четыре дни какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго АО; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности[1]).—Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой; — та, которую недавно кончилъ, окрещена *Кавказскимъ плѣнникомъ*. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего — найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленіи ледяныя главы Казбека и Эльбруса. — Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа—я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, — гдѣ возвышаются въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа.—Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ — въ скоромъ времени пришлю вамъ ее — дабы сотворили вы съ нею что только будетъ угодно —

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли— обнимаю друзей — Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9 тома Русской Исторіи — Что дѣлаетъ Н. М.? здоровы ли Онъ, жена и дѣти? — Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу. — Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ — Vale.

Пушкинъ.

1821 марта 24.
Кишиневъ.

---

[1]) Извѣстный уже изъ другихъ болѣе раннихъ изданій вензель АО означалъ Оленина, который сочинялъ виньетку къ поэмѣ.

Второе доставленное мнѣ письмо къ Гнѣдичу писано почти ровно черезъ годъ послѣ перваго и касается «Кавказскаго плѣнника», котораго изданіе поэтъ опять поручилъ переводчику Иліады. Двѣ строки этого письма, именно тѣ, которыя здѣсь печатаются курсивомъ, были уже извѣстны изъ чернового отпуска, найденнаго въ бумагахъ поэта Анненковымъ и приведеннаго въ его *Матеріалахъ* (стр. 97). Любопытно, что продолженіе чернового письма, тамъ же сообщенное и содержавшее оцѣнку новой поэмы, исключено самимъ Пушкинымъ при перепискѣ письма начисто. Вотъ подлинное

Письмо 2.

29 апрѣля 1822. Кишиневъ.

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo [1]).

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! *недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать.* Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей Идилліи [2]) (о которой мы поговоримъ на досугѣ), завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale.

Пушкинъ.

(Письмо на цѣломъ листѣ почтовой бумаги; оно проколото; на оборотѣ надпись: «Николаю Ивановичу Гнѣдичу», безъ адреса, изъ чего видно, что это письмо было вложено въ какое-нибудь другое или отправлено съ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ поэта).

---

1) Ov. Trist. 1, 1, 1. *Я. Г.*

2) Идилліи *Рыбаки*, напечатанной незадолго передъ тѣмъ въ *Сынѣ Отечества*. Вѣроятно, она была прислана Пушкину въ отдѣльномъ оттискѣ.

О кавказско-кишиневской эпохѣ жизни и поэзіи Пушкина я имѣлъ недавно случай бесѣдовать съ почтенной Екатериной Николаевной Орловой, рожденной Раевской, съ именемъ которой связываются воспоминанія о двухъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателяхъ (она по женской линіи правнучка Ломоносова). Большинству читателей конечно извѣстно, что Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, нашелъ Ек. Н. Раевскую въ числѣ обитателей крымскаго имѣнія Юрзуфа, и потомъ, въ первыхъ письмахъ изъ Кишинева, говорилъ о ней съ особеннымъ уваженіемъ. Эта замѣчательная женщина сохраняетъ еще и въ глубокой старости[1]) всю свѣжесть своего живого ума, ясность души и привѣтливость общительнаго нрава; она попрежнему слѣдитъ за литературой, и то, что пишется о Пушкинѣ, не ускользаетъ отъ ея вниманія. Не касаясь нѣкоторыхъ неточностей, замѣченныхъ Катериной Николаевной въ разсказахъ его біографовъ, упомяну только о двухъ любопытныхъ обстоятельствахъ, не совсѣмъ согласныхъ съ ходячими преданіями и еще разъ показывающихъ, какъ иногда «дѣлается исторія», какъ по канвѣ иногда самыхъ простыхъ случайностей выводятся впослѣдствіи затѣйливые узоры.

Старшій изъ братьевъ Раевскихъ, пріятелей Пушкина, Александръ Николаевичъ, родился въ 1795 г.; меньшой, Николай, въ 1801-мъ. Александръ страдая отъ раны въ ногѣ, лѣчился на Кавказѣ еще до пріѣзда туда Пушкина съ нѣкоторыми изъ членовъ этого семейства. Александръ тамъ и оставался долѣе прочихъ, и потомъ проѣхалъ прямо въ калужскую деревню, ту самую, гдѣ впослѣдствіи, въ царствованіе Николая, Катерина Николаевна жила съ мужемъ своимъ, М. Ѳ. Орловымъ. Александръ Раевскій былъ чрезвычайно уменъ, и тогда уже успѣлъ внушить Пушкину такое высокое о себѣ понятіе, что нашъ поэтъ предрекалъ ему блестящую извѣстность. Позднѣе, когда они видались въ Каменкѣ и Одессѣ, Александръ Раевскій, замѣтивъ свое вліяніе на Пушкина, вздумалъ потрунить надъ нимъ и сталъ предста-

[1]) Она жила еще нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ это было написано.

влять изъ себя ничѣмъ не довольнаго, разочарованнаго, надъ всѣмъ глумящагося человѣка. Поэтъ поддался искусной мистификаціи, и написалъ своего *Демона*. Раевскій долго оставлялъ его въ заблужденіи, но наконецъ признался въ своей шуткѣ, и послѣ они часто и много смѣялись, перечитывая вмѣстѣ это стихотвореніе, объ источникахъ и значеніи котораго впослѣдствіи такъ много было писано и истощено догадокъ.

Съ меньшимъ братомъ, Николаемъ, Пушкинъ былъ еще болѣе друженъ и считалъ себя ему обязаннымъ за какую-то важную услугу. Они познакомились еще въ Петербургѣ. Николай Раевскій страстно любилъ литературу, музыку, живопись, и самъ писалъ стихи. На обратномъ пути съ Кавказа онъ какъ-то повредилъ себѣ ногу, и это было поводомъ остановки путешественниковъ въ Юрзуфѣ. Катерина Николаевна рѣшительно отвергаетъ недавно напечатанное свѣдѣніе, будто Пушкинъ, учился тамъ подъ ея руководствомъ англійскому языку. Ей было въ то время 23 года, а Пушкину 21, и одинъ этотъ возрастъ, по тогдашнимъ строгимъ понятіямъ о приличіи, могъ служить достаточнымъ препятствіемъ къ такому сближенію. По ея замѣчанію, все дѣло могло состоять развѣ только въ томъ, что Пушкинъ съ помощью Н. Н. Раевскаго въ Юрзуфѣ читалъ Байрона и что когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имѣя лексикона, посылали на верхъ къ Катеринѣ Николаевнѣ за справкой. Здѣсь же Николай Николаевичъ, первый, познакомилъ Пушкина съ поэзіей Шенье.

К. Н. отрицаетъ также, чтобы Пушкинъ изъ Крыма проводилъ Раевскихъ до кіевскаго имѣнія Каменки. Послѣ посѣщенія Бахчисарая, онъ, по ея словамъ, доѣхалъ съ ними только до Симферополя или можетъ-быть до Перекопа. Но въ этомъ она едва ли права, судя по двумъ небольшимъ пьесамъ Пушкина, подъ которыми стоитъ имя Каменки. Это село принадлежало матери Раевскаго (второй мужъ ея былъ Левъ Денисовичъ Давыдовъ). Тамъ все семейство съѣзжалось обыкновенно къ Екатеринину дню, 24-му ноября, а уже въ первыхъ числахъ декабря возвра-

щалось въ Кіевъ. Свадьба старшей дочери, Кат. Н. Раевской, съ М. Ѳ. Орловымъ была въ маѣ 1821 г. Пушкинъ на ней не присутствовалъ; во второй разъ былъ онъ въ Каменкѣ до того зимою.

Въ первой изъ своихъ статей о Пушкинѣ въ Александровскую эпоху Анненковъ привелъ дословно — не раздѣляемое имъ впрочемъ — мнѣніе о поэтѣ, высказанное графомъ Корфомъ. При всемъ моемъ уваженіи къ авторитету покойнаго М. А. въ свѣдѣніяхъ о первоначальномъ лицеѣ и его воспитанникахъ, я позволяю себѣ думать, что въ этомъ взглядѣ есть нѣкоторое недоразумѣніе или невольное преувеличеніе. Правда, что молодой Пушкинъ ни дома, ни въ заведеніи не могъ получить строго-нравственной основы, а жгучая страстность и рѣдкое остроуміе значительно усиливали для него обыкновенную мѣру искушеній молодости. Но мы знаемъ какъ высоко, въ минуты особенныхъ возбужденій, было душевное настроеніе Пушкина, знаемъ какъ неутомимо онъ работалъ надъ собою, какъ самъ себя перевоспиталъ размышленіемъ и чтеніемъ. Конечно онъ представляетъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ самообразованія въ Россіи. Нѣтъ спора, что Пушкинъ въ молодости нерѣдко для краснаго словца, для острой эпиграммы забывалъ лучшія правила и чувства. Но именно въ такихъ случаяхъ онъ и казался хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ (въ чемъ впрочемъ сознаются и строгіе судьи его); самимъ же собою онъ являлся тогда, когда выходилъ изъ-подъ вліянія внѣшнихъ соблазновъ. Извѣстно, какъ глубоко онъ въ позднѣйшіе годы раскаивался въ легкомысленномъ кощунствѣ, которому принесъ дань въ молодости. Рано убѣдился онъ, что

Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво,

и если все-таки часто измѣнялъ этому взгляду, то причиною была не коренная испорченность сердца, а страстная природа, которая брала свое, вопреки разуму и убѣжденіямъ.

Какъ благородно признаніе, тогда же высказанное имъ при сравненіи себя съ Дельвигомъ:

Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ втиши.

И сколько чертъ высокаго благородства мы видимъ въ жизни Пушкина! Съ какимъ строгимъ самоосужденіемъ онъ говорилъ о своемъ прошломъ при возвращеніи въ Царское Село въ первый разъ послѣ выхода изъ лицея [1]). Кто такъ говоритъ, не можетъ не быть искреннимъ; такого настроенія нельзя дать себѣ искусственно; подъ него нельзя поддѣлаться. Если бъ это не была въ высшей степени благородная душа, какой смыслъ могло бы имѣть вѣрное замѣчаніе Анненкова «о заслугахъ Пушкина дѣлу воспитанія благородной мысли и изящнаго чувства въ отечествѣ». Нѣмецкій поэтъ сказалъ, что злые не поютъ. Кажется, можно распространить эту мысль и согласиться, что истинный поэтъ не можетъ быть вполнѣ недобрымъ человѣкомъ. Кто глубоко чувствуетъ и понимаетъ красоту, не можетъ не быть расположеннымъ ко всему доброму. Онъ можетъ падать и низко падать нравственно, но любовь къ прекрасному облегчаетъ ему возможность вставать и снова возвышаться.

Многое въ этомъ отношеніи хорошо понято и ловко выражено Анненковымъ. Чтобы отдать полную справедливость нашему поэту, надобно также принять въ соображеніе тѣ умственные и нравственные элементы, среди которыхъ ему приходилось жить: немногіе умѣли бы дать такой отпоръ, какъ онъ, обществу, окружавшему его, напр. въ Кишиневѣ. Эта среда могла бы окончательно погубить его, если бъ постоянный умственный трудъ и творчество не укрѣпляли его для борьбы за сохраненіе своего человѣческаго достоинства. На кишиневскій періодъ жизни Пушкина должно смотрѣть какъ на серьёзную подготовительную школу для дальнѣйшей быстро разраставшейся въ ширину и глубину дѣятельности его могучаго таланта.

---

[1]) См. выше, стр. 32, отрывокъ изъ пьесы: «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ».

Конечно въ жизни его легко отыскать много заблужденій, слабостей, даже сумасбродствъ; но едва ли кто-нибудь укажетъ въ ней хотя на одинъ низкій или противный чести поступокъ. Много приносилъ онъ жертвъ суетности, тщеславію, легкомыслію, но доходилъ ли онъ когда-либо до нравственнаго униженія ради выгоды или успѣха?

Въ 70-хъ годахъ кто-то печатно упрекнулъ Пушкина за бѣдность содержанія изданныхъ въ тогдашнее время писемъ его изъ Кишинева. Къ сожалѣнію, критикъ не обратилъ вниманія на прежде извѣстныя письма поэта за ту же эпоху, въ которыхъ давно оцѣненъ важный біографическій матеріалъ; критикъ забылъ также, что во вседневныхъ письмахъ и запискахъ, имѣющихъ только минутную цѣль и вовсе не назначаемыхъ для публики, мы никакъ не въ правѣ требовать того, что можетъ быть поучительно для потомства. Дѣло въ томъ, что интересъ такихъ писемъ заключается совсѣмъ не въ положительныхъ фактахъ и не въ важныхъ размышленіяхъ: при видимой бѣдности содержанія они все-таки могутъ быть очень интересны. Съ своей стороны я долженъ признаться, что въ новыхъ письмахъ Пушкина меня часто поражали внезапныя искры ума и остроумія, которыя въ ту эпоху могли принадлежать только человѣку, далеко ее опередившему. Вотъ гдѣ лежала тайна быстраго самоусовершенствованія юноши, говорившаго, что «для существа одареннаго душою нѣтъ другого воспитанія, кромѣ того, которое каждому дается обстоятельствами его жизни и имъ самимъ». (Изъ письма къ Дельвигу 1821 г.).

III.

ПИСЬМА ЛИЦЕИСТА ИЛЛИЧЕВСКАГО КЪ ФУССУ [1].

Воспитываясь въ царскосельскомъ лицеѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, *Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій*, сынъ томскаго губернатора, переписывался съ другомъ своимъ *Павломъ Николаевичемъ Фуссомъ*, впослѣдствіи непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ (умершимъ въ 1855 году). Дружба эта началась еще въ петербургской гимназіи [2]), откуда Илличевскій въ 1811 г., лѣтъ 13-ти отъ роду, переведенъ былъ въ лицей, тогда какъ Фуссъ остался въ гимназіи. Письма Илличевскаго ближе знакомятъ насъ съ бытомъ и духомъ лицея въ первое время его существованія и представляютъ нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ о лицахъ, пріобрѣтшихъ позже общую извѣстность. Біографы Пушкина уже признали важность внутренней исторіи лицея первыхъ лѣтъ для изученія хода развитія молодого Пушкина. Вотъ почему мнѣ

---

[1]) Эти письма, о которыхъ упоминается въ первыхъ двухъ статьяхъ настоящаго сборника, печатаются съ опущеніемъ только того, что́ не представляетъ историческаго интереса. Въ первый разъ они были помѣщены мною въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 года. Сто́итъ замѣтить, что письма 1812 года писаны не твердымъ, почти дѣтскимъ почеркомъ; за 1813 годъ нѣтъ ни одного письма; съ 1814-го же почеркъ Илличевскаго совершенно измѣняется, и становится болѣе и болѣе похожимъ на довольно своеобразный почеркъ Пушкина, такъ что даже спрашиваешь себя, не старался ли товарищъ его подражать рукѣ своего учителя въ поэзіи. Иногда трудно бываетъ рѣшить, которому изъ нихъ принадлежитъ тотъ или другой автографъ.

[2]) Единственной въ то время: это нынѣшняя 2-я гимназія въ Казанской (бывшей Мѣщанской) улицѣ. На томъ же мѣстѣ находилась она уже и тогда.

кажется, что извлеченія изъ писемъ его товарища, переданныхъ мнѣ въ подлинникѣ лицейскимъ же воспитанникомъ 24-го выпуска (1860 г.) Владимиромъ Павловичемъ Фуссомъ, не будутъ лишены интереса для читателей, тѣмъ болѣе что они отличаются веселостью и непринужденной искренностью молодости. Присутствіе сильнаго и блестящаго таланта въ кругу первыхъ лицеистовъ пробудило между ними почти общую страсть къ литературѣ. Живя съ Дельвигомъ, Кюхельбекеромъ и нѣкоторыми другими, Илличевскій, который уже въ гимназіи писалъ стихи, увлекся этою страстью и мечталъ о лаврахъ поэта. Впослѣдствіи однакожъ онъ не произвелъ ничего значительнаго въ литературѣ, и памятью его поэтической дѣятельности остается только маленькая книжечка, напечатанная имъ въ 1827 году въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: «Опыты въ антологическомъ родѣ». Илличевскій началъ службу въ почтовомъ вѣдомствѣ, но съ откомандировкою къ отцу своему, который, какъ уже сказано было, занималъ должность губернатора въ Сибири. Алексѣй Демьяновичъ не многимъ пережилъ Пушкина: онъ умеръ также въ 1837 году, въ должноети начальника отдѣленія тогдашняго департамента государственныхъ имуществъ [1]).

---

18 февраля 1812 г.

Напрасно ты думаешь, что у насъ въ лицеѣ не слишкомъ хорошо, потому что не можемъ видѣть всякую недѣлю своихъ родителей. Средь разлуки привыкнешь къ разлукѣ; да будто бы и нельзя совсѣмъ видѣть ихъ? Къ намъ пріѣзжаютъ наши родители довольно часто. Жаль мнѣ, любезный другъ, что ты не въ лицеѣ. Ты вѣрно бы здѣсь былъ изъ самыхъ лучшихъ. Позволь затруднить тебя маленькой просьбой: пришли ко мнѣ мои басни: *Дубъ* и *Лисица вельможею* [2]).

---

[1]) За эти свѣдѣнія, какъ и за нѣкоторыя другія, помѣщаемыя въ примѣчаніяхъ подъ письмами, обязанъ я покойному гр. Модесту Андреевичу Корфу принявшему на себя трудъ прочесть мои извлеченія. Другія подробности сообщилъ мнѣ покойный же статсъ-секретарь Андрей Логиновичъ Гофманъ.

[2]) Басни эти приложены къ подлиннымъ письмамъ.

помню фамиліи одного вашего пансіонера, который былъ также у насъ и котораго просилъ я именно тебѣ и Гижицкому поклониться. Опиши мнѣ, сдѣлай милость, ежели это тебѣ не трудъ, какія у васъ теперь перемѣны въ разсужденіи прежняго? Кто остался еще въ гимназіи изъ бывшихъ нашихъ товарищей? Что сдѣлалось съ Ильею Ольхинымъ, гдѣ онъ теперь и чтó творитъ? Поклонись отъ меня Гижицкому, Шварцу и пр., также твоему братцу Александру Николаевичу. Увѣрь миленькихъ Виленьку и Егорушку, что я ихъ всегда люблю и невольно о нихъ вспоминаю; я думаю, что первый изъ нихъ весьма выросъ и уже въ гимназіи.

Вотъ тебѣ письмо мое, — ты не можешь жаловаться, чтобъ оно коротко было, вдобавокъ еще посылаю тебѣ мою *Оду на взятіе Парижа*. Прости, ежели увидишь несовершенства. Остаюсь въ полной надеждѣ получить отъ тебя отвѣтъ, отъ тебя, къ которому былъ и всегда пребуду нелестнымъ другомъ.

---

5 октября 1814 г.

Что сказать мнѣ о состояніи вашей гимназіи? Жаль! и только; подлинно только: лучшей перемѣны ожидать не можно! Если въ мою бытность при М. все такъ перемѣнилось, что жъ должно быть нынѣ? Ахъ! съ какою сладостію воспоминаю иногда пребываніе мое въ гимназіи, времена счастливыя Энгельбаха и Дольста, наше взаимное дружество, прежнихъ товарищей: Голубя, Оржитскаго, Ольхина — et tant d'autres! Oui, j'aime le souvenir de ceux que j'ai chéris! Ахъ, воспоминаніе прежняго счастія и настоящія бѣдствія усладить можетъ:

Et le pauvre lui-même est riche en espérance,
Et chacun redevient Gros-Jean comme devant,
Et chacun est du moins fort heureux en rêvant?

Но я слишкомъ разахался! Un mot de Mr. Gretch. Quoique je n'aie pas l'honneur de le connaître en personne, j'estime néanmoins son talent supérieur. Son journal le Patriote, sa traduction de Léontine, son édition des Избранныя мѣста, дѣлаютъ ему

честь великую, а похвала моя, я увѣренъ, не прибавитъ къ его славѣ... ни крошечки!

Ежели уроки мѣшаютъ тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не менѣе мѣшаетъ (только не уроки: il s'en faut de beaucoup!), а страсть къ стихамъ. Къ счастію, уроковъ у насъ не много, а времени довольно; и такъ я со всѣмъ успѣваю раздѣлываться.

Знаешь ли, Будри получилъ крестъ Владимирской въ петлицу (4-й степени).

---

2 ноября 1814 г.

Ты требуешь отъ меня пространнаго письма. Охотно на сей разъ исполняю твое желаніе. Ты правъ, у меня нѣтъ недостатка въ матеріи; но обстоятельства, проклятыя обстоятельства кого не держатъ въ оковахъ? За то я самъ не сержусь на тебя. Правда, у всякаго свое на умѣ: у тебя уроки, у Ольхина шалости, у меня стихи; но они равно сильно дѣйствуютъ на наши души. Впрочемъ, какъ ни есть, повинуюсь тебѣ, гоню отъ себя докучливыхъ музъ, беру перо и пишу тебѣ цѣлые поллиста — безсмыслицы.

Начнемъ съ самаго скучнаго. Первою матеріею нашею будетъ лицей. Но что тебѣ сказать о немъ? Ты самъ знаешь, что всѣ училища подъ одну стать: начало хорошо; чѣмъ же далѣе, то становится хуже. Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ съ одной стороны свобода (а свобода дѣло золотое). Нѣтъ скучнаго заведенія сидѣть *à ses places*; въ классахъ бываемъ недолго: 7 часовъ въ день; большихъ уроковъ не имѣемъ; лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ, съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся. Такимъ образомъ, какъ можемъ, сражаемся со скукою, подобно матросамъ, которые, когда корабль ихъ производитъ течь, видя къ нимъ со всѣхъ сторонъ вливающіяся волны, не предаются отчаянію, но, усиліямъ моря противополагая свои усилія, спокойно борются съ ужасною стихіею.

Въ наукахъ мы таки кое-какъ успѣваемъ, но языки, ты самъ знаешь, какъ трудны и die deutsche Sprache до сихъ поръ еще мнѣ почти тарабарская азбука. Въ латинскомъ мы плыли, плыли (начали было читать Федровы басни и Cornelii Nepotis de vita etc.), да вдругъ и наѣхали на мель: не стало кормчаго, ни тпру, ни ну, сѣли, какъ раки. Подлинно, нашъ профессоръ Н. Ѳ. Кошанскій, довольно извѣстный въ ученомъ свѣтѣ, вдругъ сдѣлался боленъ, и съ полгода уже не ходитъ въ классы, а мы хоть и ходимъ, однако ничему не учимся. А математика?...

О Ураньи чадо темное,
О наука необъятная,
О премудрость непостижная,
Глубина неизмѣримая!
Видно, на роду написано
Свыше нѣкимъ тайнымъ Промысломъ
Мнѣ взирать съ благоговѣніемъ
На твои рогаты прелести,
А плодовъ твоей учености
Какъ огня бояться лютаго!

Признаюсь, и радъ еще повторить прозой. Въ ней, кажется, заключила природа всю горечь неизъяснимой скуки. Нельзя сказать, чтобъ я не понималъ ея, но... право, отъ одного воспоминанія голова у меня заболѣла.

Много писалъ я тебѣ объ лицеѣ, но главное оставилъ наконецъ. Ужели ты до сихъ поръ не знаешь еще, что насъ за порогъ ни на шагъ не отпускаютъ? Какъ же мнѣ побывать у васъ на каникулахъ!... Ахъ, благодарю тебя за твое дружеское усердіе; жестокая судьба не позволяетъ мнѣ имъ пользоваться. Какая страшная разница! два мѣсяца — и ты свободенъ; а мнѣ такъ остается еще.... 36 мѣсяцевъ, ужасно!... Прощай и помни многолюбящаго тебя друга.

10 декабря 1814 г.

Признаться, довольно долго ждалъ я твоего отвѣта, однако за это я нимало не въ претензіи: знаю, что ты приближаешься теперь къ тому времени, когда экзаменъ, послѣдній, можетъ-быть, въ твоемъ учебномъ курсѣ, рѣшитъ будущую судьбу твою. Желаю тебѣ отъ всего сердца добраго успѣха, чтó впрочемъ, я увѣренъ, и безъ моего желанія исполнится. Но знаешь ли что? И мы ожидаемъ экзамена, которому бы давно уже слѣдовало быть и послѣ котораго мы перейдемъ въ окончательный курсъ, то есть, останемся въ лицеѣ еще на три года... утѣшительныя мысли.

Тебѣ непремѣнно хочется знать нашихъ профессоровъ, изволь: я опишу ихъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, mais c'est pour la dernière fois, entendez-vous? car, certes, tout ce qui appartient au lycée m'ennuie fort.

О *Будри*, проф. французскаго языка, и *Кошанскомъ*, проф. латинской и россійской словесности, говорить тебѣ не стану: одного ты знаешь лично, другого изъ прошедшаго письма моего.

Нѣмецкаго языка проф. у насъ — г. *фонъ Гауэншильдъ*, человѣкъ съ большими познаніями; попечитель вашъ Уваровъ нарочно призвалъ его изъ Вѣны въ Россію и доставилъ ему мѣсто въ лицеѣ.

Адъюнктъ-проф. нравственныхъ и политическихъ наукъ — г. *Куницынъ*; при открытіи нашего училища въ присутствіи царской фамиліи сказалъ онъ такую рѣчь, что Государь Императоръ самъ назначилъ ему въ награду орденъ Владимира 4-й степени.

Адъюнктъ-проф. историческихъ и географическихъ наукъ — г. *Кайдановъ*; онъ сочинилъ прекрасную исторію древнихъ временъ, которая теперь только выходитъ изъ печати.

Адъюнктъ-профес. математическихъ и физическихъ наукъ — г. *Карцовъ*. Всѣ трое учились они въ Педагогическомъ институтѣ, путешествовали по Европѣ, слушали извѣстныхъ ученыхъ людей въ свѣтѣ и всѣ вышли люди съ достоинствомъ. Аминь.

Достигаютъ ли до нашего уединенія вновь выходящія книги? спрашиваешь ты меня; можешь ли въ этомъ сомнѣваться?...

И можетъ ли ручей сребристой,
По свѣтлому песку катя кристалъ свой чистой
И тихою волной ласкаясь къ берегамъ,
Течь безъ источника по рощамъ и лугамъ?...
И можетъ ли огонь пылать безъ вѣтра?...
И можетъ ли когда въ долинахъ зелень кедра,
А въ полѣ злакъ цвѣсти безъ солнца и дождя?...
И можетъ ли поэтъ неопытной и юной,
Чуть-чуть бренча на лирѣ тихострунной,
Не подражать другимъ? — Ахъ! никогда.

Никогда! Чтеніе питаетъ душу, образуетъ, развиваетъ способности; по сей причинѣ мы стараемся имѣть всѣ журналы и впрямь получаемъ: *Пантеонъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Русской Вѣстникъ* и пр. Такъ, мой другъ, и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ днемъ нашей литературы, удивляться цвѣтущимъ геніямъ Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но не худо иногда подымать завѣсу протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отцовъ отечественной поэзіи, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева: тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать пѣвцовъ иноземныхъ (у нихъ учились предки наши), бесѣдовать съ умами Расина, Вольтера, Делиля и, заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія.

Такъ пчелка молодая
Въ лугахъ, въ садахъ, весной,
Съ листа на листъ летая,
Сбираетъ медъ златой,
И въ улей отдаленный
Несетъ соты скопленны
Прилежностью своей.
Когда же лѣто знойно
Зажжется въ небесахъ,
Она сидитъ спокойно

На собранныхъ плодахъ:
Въ довольствѣ отдыхаетъ
И счастіе вкушаетъ...
Тружусь подобно ей!

Помнишь ли ты Штеричей? (ихъ было у насъ три брата); старшій и средній теперь офицерами въ гвардейскомъ гусарскомъ полку, и я ихъ часто вижу. Когда наступитъ весна, то пріѣзжай къ намъ въ Царское Село; ich hoffe dass du mit deinem Zeitvertreibe sehr zufrieden seyn wirst. Только смотри, пріѣзжай *въ праздникъ*.

---

25 февраля 1815 г.

Гофману[1]) посылаю искренній поклонъ; мы говорили съ нимъ не болѣе трехъ часовъ, но и сего довольно было, чтобъ узнать непринужденную доброту его и привѣтливость.

Поздравляю тебя съ окончаніемъ твоего экзамена и курса ученія. О первомъ я наслышался много хорошаго, въ чемъ и сомнѣваться грѣхомъ поставляю. Знаю, что ты читалъ прекрасное сочиненіе *о красотѣ россійскаго слова* (?)[2]); знаю также, что ты сообщишь мнѣ его, по крайней мѣрѣ, для прочтенія. Честь и слава тебѣ! О нашемъ говорить нечего. Стеченіе народа было соразмѣрное съ нашимъ городомъ и разстояніемъ его отъ столицы; впрочемъ въ числѣ зрителей были Державинъ, Горчаковъ, Саблуковъ, Салтыковъ, Уваровъ, Филаретъ и множество профессоровъ и ученыхъ[3]). Я льстился надеждою, что ты пріѣдешь на сей случай съ папенькою, но не тутъ-то было!

---

[1]) Андрей Логиновичъ Гофманъ, впослѣдствіи членъ Госуд. Совѣта, поступилъ въ гимназію въ 1813 г., а оставилъ ее въ 1815 вмѣстѣ съ другомъ своимъ Фуссомъ. Они часто вмѣстѣ отправлялись въ Царское Село, зимой въ саночкахъ, лѣтомъ иногда пѣшкомъ, къ лицейскимъ друзьямъ, которыхъ у нихъ было нѣсколько.

[2]) Вопросительный знакъ въ подлинномъ письмѣ.

[3]) Ср. у Пушкина замѣтку о чтеніи имъ на этомъ экзаменѣ стиховъ въ присутствіи Державина.

6*

Жестокой опять надо мною
Хотѣлось судьбѣ подшутить;
Остался я съ горькой тоскою,
Гдѣ думалъ веселіе пить —
Полною чашей.
Ахъ! если бъ безсмертные дали
Намъ даръ напередъ узнавать
И радость и томны печали...
Счастливѣе были бъ стократъ
Въ жизни мы нашей.

Между тѣмъ назначено въ награжденіе пять медалей. Кому-то достанется получить? Но прежде ждутъ возвращенія Государя. Для любопытства посылаю тебѣ программу. Были читаны у насъ и сочиненія. Хотѣлось мнѣ прочесть стихотвореніе: *Весенній вечеръ*, но приказано — прозаическое разсужденіе *о цѣли человѣческой жизни*, котораго теперь нѣтъ у меня.

Поздравляю тебя съ новымъ мѣстомъ [1]). Радуюсь, если оно приноситъ тебѣ выгоды и удовольствіе. Не сомнѣваюсь, чтобъ ты познаніями своими, прилежностью и талантами не достигъ всего, что только въ виду себѣ представляешь. Скажи только мнѣ, все ли и теперь ты такъ мало имѣешь времени, какъ прежде? Прощай, мой другъ, желаю тебѣ съ симъ новымъ годомъ новыхъ успѣховъ и новаго благополучія и новаго веселія на наступающей масленицѣ. Помни, что скорые отвѣты твои доставляютъ несказанное удовольствіе любящему тебя другу.

Царское Село.

---

2 сентября 1816 г.

Описать ли тебѣ, какъ я провожу время? Наше Царское Село въ лѣтніе дни есть Петербургъ въ миніатюрѣ. И у насъ есть вечернія гулянья, въ саду музыка и пѣсни, иногда театры. Всѣмъ

[1]) Фуссъ поступилъ въ студенты Академіи Наукъ. Отецъ его, Николай Ивановичъ, былъ въ то время непремѣннымъ секретаремъ Академіи, занявъ это мѣсто послѣ своего тестя Іоанна Альберта Эйлера, сына великаго математика.

этимъ обязаны мы графу *Толстому*, богатому и любящему удовольствія человѣку. По знакомству съ хозяиномъ и мы имѣемъ входъ въ его спектакли; ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствіе. Но *осень* на насъ не на шутку косо поглядываетъ. Эта дама такъ сварлива, что съ нею никто почти ужиться не можетъ. Все запрется въ дому, разъѣдется въ столицу или куда кто хочетъ; а мы, постоянные жители Села, живи съ нею. Чѣмъ убить такое скучное время? Вотъ тутъ-то поневолѣ призовешь къ себѣ науки. — Знаешь ли, чтó я затѣялъ? Есть книга: *Плутархъ для юношества*, сочиненіе *Бланшарда* въ 4-хъ частяхъ [1]). Она переведена на русской и дополнена многими великими мужами Россіи. Но и сочинитель и переводчикъ много еще пропустили; мнѣ пришло на мысль издать (рано или поздно, разумѣется) *новый Плутархъ для юношества*, служащій дополненіемъ *Плутарху Бланшардову*. Безъ великаго труда набралъ я 60 великихъ мужей, ими пропущенныхъ. Покамѣстъ собираю о нихъ разныя извѣстія, а издамъ по выходѣ изъ лицея. Можетъ быть, и не издамъ, — кто знаетъ, какія препятствія могутъ случиться, но и одна мечта забавляетъ меня.

О *Леонардѣ Эйлерѣ* отношусь къ тебѣ, какъ къ ближайшему его родственнику; не можешь ли извѣстить меня, напечатана ли гдѣ-нибудь жизнь его, или если ты знаешь ее, напиши мнѣ хоть краткое о ней понятіе. Впрочемъ не дѣлай это гласнымъ; ты видишь, что это ничто, какъ игрушка.

Звонятъ въ классы, несутъ письма на почту, и я имѣю время только подписаться вѣрнымъ твоимъ другомъ.

---

22 сентября 1815 г.

Два портрета отгадалъ точно, одинъ *Мартынова* [2]), другой *Пушкина*, а стихи написаны не моею рукою; но простимъ друж-

[1]) Не въ 4-хъ, а въ 10-ти частяхъ. См. Смирдинскую роспись № 3328. Эта книга въ русскомъ переводѣ имѣла три изданія: 1809, 1814 и 1823 гг.

[2]) Аркадій Ивановичъ Мартыновъ, братъ извѣстнаго Ив. Ив., былъ также одинъ изъ товарищей Илличевскаго. Умеръ, чуть ли еще не прежде послѣдняго, начальникомъ отдѣленія.

бѣ: у ней, какъ и у страха, глаза велики. Третій не отгадалъ: et peut-on deviner ce que l'on ne connoît pas? Это портретъ *Вальховскаго* [1]), одного изъ лучшихъ нашихъ учениковъ, прилежнаго, скромнаго, словомъ великихъ достоинствъ и великой надежды; этого на портретѣ ты не видѣлъ, а примѣтилъ развѣ: большой носъ и большіе усы. Adieu.

Прости великой и большой безсмыслицѣ моего письма: *пишу его рѣзвясь, а не четыре дни.* Но искренно люблю: доволенъ ли? прости.

---

11 октября 1815 г.

Сказать ли тебѣ, какъ ты узналъ, что я *сочинилъ оперу, которую у васъ въ Св. Питерѣ играли?* Не сочти меня колдуномъ, ибо я скажу тебѣ всю истину, хотя удаленъ отъ тебя на двадцать верстъ. Но, начиная мою повѣсть или диссертацію, ставлю эпиграфъ:

Что больше бродитъ,
То больше въ цѣну входитъ,
Снѣжной шаришка будетъ шаръ,
А изо лжи, товаришка товаръ:
Ложь ходитъ завсегда съ прибавкой въ міръ.

Сумароковъ.

Такъ! Я *перевелъ* оперу (а не *сочинилъ*) *L'opéra comique* par Ségur, op. com. en un acte. Переведши старался, чтобъ ее разыграли на театрѣ, отъ чего надѣялся получить барышъ. Прости на этотъ случай моему сребролюбію. Для этого просилъ я г. *Петра Александровича Корсакова*, стихотворца и чиновника, служащаго при театрѣ [2]). Родственникъ его Рязановъ учится въ гимназіи; ему

---

[1]) Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій получилъ при выпускѣ изъ лицея 1-ю золотую медаль и былъ впослѣдствіи начальникомъ штаба на Кавказѣ. Умеръ въ 1841 году, въ отставкѣ, въ харьковскомъ своемъ имѣніи. См. ниже очеркъ его біографіи.

[2]) Онъ былъ впослѣдствіи цензоромъ и издавалъ журналъ *Маякъ*. Братъ его Николай Александровичъ Корсаковъ воспитывался въ лицеѣ въ одно вре-

не трудно было узнать все мое дѣло. Отъ него узнали это въ гимназіи; а ты узналъ о томъ отъ своего брата. Не правда ли? — Теперь мнѣ остается исправить, дополнить и окончить это извѣстіе: піесы моей не *играли*, да и играть не станутъ; причина тому та- что меня предупредили переводомъ, и хотя чужой переводъ и хуже, но уже онъ апробованъ и роли розданы. Таково мое несчастіе! Жалѣя о моей неудачѣ, дивись однакоже великому генію моему, который предугадалъ (я навѣрно полагаю то) всѣ дѣйствія молвы, и открылъ причины дошедшаго до тебя слуха. — Піеса моя еще въ Петербургѣ, но коль скоро получу оную назадъ, то перешлю къ тебѣ охотно для прочтенія. Благодарю тебя за доставленный мнѣ анекдотъ — жаль, что мнѣ нечего сообщить тебѣ. Прости, любезный Павелъ Николаевичъ! Я не Геркулесъ — предѣлы письма меня останавливаютъ.

---

26 октября 1815 г. (Царское Село, — вѣчное Царское Село).

Я получилъ письмо твое, пріятное какъ и всѣ твои письма — и въ такое время, когда я не имѣлъ ни на часъ свободнаго времени, ибо оно было посвящено цѣлому обществу, скажу яснѣе, въ такое время, когда мы приготовлялись праздновать день *открытія* лицея (правильнѣе бы было день *закрытія* насъ въ лицеѣ), что́ дѣлается обыкновеннно всякой годъ въ первое воскресенье послѣ 19 октября, и нынѣшній годъ также октября 24 числа. Этотъ праздникъ описать тебѣ не долго: начался театромъ; мы играли *Стряпчаго Пателена* и *Ссору двухъ сосѣдовъ*. Обѣ піесы комедіи; въ первой представлялъ я *Вильгельма*, купца, торгующаго сукнами, котораго плутъ стряпчій подрядился во всю піесу обманывать; во второй — *Вспышкина*, записнаго псаря, охотника и одного изъ ссорящихся сосѣдовъ. Не хочу хвастать передъ другомъ, но скажу, что мною зрители остались довольны.

мя съ Илличевскимъ. Оба они братья бывшаго попечителя петербургскаго учебнаго округа, кн. Дондукова-Корсакова, на котораго княжескій титулъ и дополнительная фамилія перешли отъ его тестя, умершаго безъ мужского потомства.

За театромъ послѣдовалъ маленькой балъ и подчиваніе гостей всякими лакомствами, что̀ называется въ свѣтѣ *угощеніемъ*.

---

28 ноября 1815 г.

Позволь мнѣ, какъ другу, спросить у тебя: *читаешь ли ты нынѣ выходящіе журналы?* — спросить не изъ пуста́го любопытства, но изъ желанья знать, читаешь ли ты піесы мои въ печати, а это для того, чтобы не подчивать тебя извѣстными тебѣ піесами, или, что французы называютъ: la soupe réchauffée. Въ *Вѣстникъ Европы* 1814 г. и въ *Россійскій Музеумъ* отсылалъ я нѣсколько моихъ стихотвореній, напр. *Ирина*, *Цефиза*, нѣсколько *эпиграммъ* и пр. и получилъ отъ ихъ издателя *Влад. Измайлова* письмо, исполненное лестныхъ одобреній. Посылаю теперь тебѣ двѣ піесы, которыя ты ожидаешь, напечатанныя нынѣшняго года въ послѣднемъ журналѣ; желаю, чтобъ они тебѣ понравились — я ихъ перевелъ съ французскаго изъ сочиненій Парни, у котораго они однакожъ написаны въ прозѣ: это слабое возмездіе за твои прекрасные переводы съ Крылова и Капниста, въ которыхъ духъ авторовъ удержанъ совершенно; хвала и слава переводчику!—Дай Богъ, чтобъ русскіе авторы нашли *взаправду* себѣ переводчиковъ на языкахъ и въ народахъ иностранныхъ. Кстати скажу тебѣ, что нѣкто *фонъ Боргъ*, студентъ Дерптскаго университета, рѣшился перевесть на нѣмецкій языкъ лучшія сочиненія русскихъ авторовъ и отпечатать ихъ въ Дрезденскомъ журналѣ [1]).—*Освобожденіе Москвы* г. Дмитріева отпечатано пока въ послѣднемъ № *Музеума*, и переведено прекрасно!—Нашъ лицейскій воспитанникъ *Кюхельбекеръ* [2]) написалъ на нѣмецкомъ языкѣ разсужденіе о *древней русской поэзіи*, которое, какъ я думаю, также будетъ напеча́тано; воскликнемъ же съ тобой вмѣстѣ: хвала русскому языку и русскому народу! Послѣдняя война до-

---

[1]) Намѣреніе это было выполнено; переводы Борга пріобрѣли въ свое время заслуженную извѣстность.

[2]) Вильгельмъ Ка́рловичъ Кюхельбекеръ считался въ лицеѣ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и получилъ при выпускѣ серебряную медаль.

ставила ему много славы, и я увѣренъ, что иностранцы, разувѣрившіеся, что мы варвары, разувѣрятся также и въ томъ, что нашъ языкъ—варварскій; давно пора этому!

---

16 января 1816 г.

Пушкинъ и *Есаковъ*[1]) взаимно тебѣ кланяются—тебѣ и *Гофману*, а къ нимъ и я присоединяю свои комплименты. Кстати о *Пушкинѣ*: онъ пишетъ теперь комедію въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ; подъ названіемъ: *Философъ*. Планъ довольно удаченъ и начало, то есть 1-е дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи — и говорить нечего — а острыхъ словъ сколько хочешь! Дай только Богъ ему терпѣнія и постоянства, чтó рѣдко бываетъ въ молодыхъ писателяхъ: они то же, что мотыльки, которые не долго на одномъ цвѣткѣ покоятся, которые также прекрасны и также къ несчастію непостоянны; дай Богъ ему кончить — это первой большой ouvrage, начатый имъ, ouvrage, которымъ онъ хочетъ открыть свое поприще по выходѣ изъ лицея. Дай Богъ ему успѣха—лучи славы его будутъ отсвѣчиваться и въ его товарищахъ.

---

17 февраля 1816 г.

Прошу покорно доставить мнѣ *Димитрія Донскаго*, не русскаго разумѣется, а нѣмецкаго. NB. Теперь *Есаковъ* въ городѣ и можетъ тебѣ кланяться самъ за себя, сколько ему угодно. Г-ну *Гофману* мое почтеніе.

Благодарю тебя, что ты насъ поздравляешь съ новымъ директоромъ: онъ уже былъ у насъ: если можно судить по наружности, то Энгельгардтъ человѣкъ *не худой*. Vous sentez la pointe. Не полѣнись написать мнѣ о немъ подробнѣе; это для насъ не будетъ лишнимъ. Мы всѣ желаемъ, чтобъ онъ былъ человѣкъ прямой, чтобъ не былъ къ однимъ Engel, а къ другимъ hart.

---

[1]) Семенъ Семеновичъ Есаковъ, вышедшій изъ лицея въ гвардію, былъ послѣ полковникомъ артиллеріи и погибъ въ царствѣ польскомъ, въ 1831 году, во время войны.

Это, кажется, вздоръ, чтобъ насъ перевели въ Петербургъ [1]), хотя мы это сами слышали и отъ людей достойныхъ вѣроятія. Признаться, это извѣстіе не всѣмъ равно пріятно, и я самъ не желаю, чтобъ оно обратилось въ событіе: причинъ на то много, но болтать некогда. Прочти! прости! прости! Lisez, pardonnez, adieu.

---

28 февраля 1816 г.

Теперь, можетъ быть, въ эту минуту, ты посылаешь ко мнѣ *Димитрія Донскаго*, а я къ тебѣ желаемую тобою балладу: подивись проницательству дружбы; вопреки тебѣ самому, я узналъ, чего ты хочешь—это не *Козакъ* [2]), а *Полякъ*, баллада нашего *барона Дельвига*.

Краткое извѣстіе о жизни и твореніяхъ сего писателя.

Антонъ Антоновичъ баронъ Дельвигъ родился въ Москвѣ 6 августа 1798 г. отъ благородной древней лифляндской фамиліи. Воспитанный въ русскомъ законѣ, онъ окончилъ (или оканчиваетъ) науки въ импер. лицеѣ. Познакомясь рано съ музами, музамъ пожертвовалъ онъ большую часть своихъ досуговъ. Быстрыя его способности (если не геній), совѣты свѣдущаго друга, отверзли ему дорогу, которой держались въ свое время Анакреоны, Гораціи, а въ новѣйшіе годы—Шиллеры, Рамлеры, ихъ вѣрные подражатели и послѣдователи; я хочу сказать, онъ писалъ въ древнемъ тонѣ и древнимъ размѣромъ—*метромъ*. Симъ метромъ написалъ онъ: къ *Діону*, къ *Лилетѣ*, къ *больному Горчакову*—и написалъ прекрасно. Иногда онъ позволялъ себѣ отступленія отъ общаго правила, т. е. писалъ ямбомъ: *Полякъ* (балладу), *Тихую жизнь* (которую пришлю тебѣ), мастерское произведеніе и писалъ опять—прекрасно. Странно, что человѣкъ такого веселаго,

---

[1]) Отсюда видно, какъ рано въ лицеѣ стали носиться слухи о переводѣ его въ Петербургъ. Они и послѣ возобновлялись не разъ и наконецъ осуществились въ 1844 году.

[2]) У насъ есть и баллада *Козакъ*, сочиненіе А. Пушкина. *Mais on ne peut désirer ce qu'on ne connoît pas.* Voltaire. Zaïre. *А. И.*

шутливаго нрава (ибо онъ у насъ одинъ изъ лучшихъ остряковъ) не хочетъ блеснуть на поприщѣ эпиграммы.

Поклонись отъ меня г-ну *Гофману* и поблагодари его за книгу le printems d'un proscrit, которую онъ принялъ на себя трудъ прислать ко мнѣ. Жаль, что я не могу ею воспользоваться; мнѣ нужно было *четвертое* изданіе, а оно къ несчастію еще хуже моего экземпляра; мой экземпляръ *третьяго*, его же — *перваго* изданія. *Есаковъ* перешлетъ къ нему ее обратно — это его дѣло; мой долгъ былъ пріятнѣе — мнѣ надлежало *благодарить*.

Читая твой анекдотъ, я вспомнилъ другой анекдотъ, который будетъ ему родной братецъ. Одна дама (видно все дамамъ пришлось грѣшить) сказала, говоря о своемъ братѣ: *Il a reçu une poule* (пулю, вмѣсто balle) *dans le caviar de sa jambe* (въ икру ноги — beau ruthénisme!) *et on lui a passé la cavalerie* (т. е. кавалерственный орденъ) *à travers les épaules*. Этотъ кажется не хуже твоего!

А знаешь знаменитыя изреченія генерала Уварова? Qui est-ce qui a commandé l'aile gauche? спросилъ его Бонапарте при заключеніи мира въ прошедшія кампаніи. — *Je, Votre Majesté*, отвѣчалъ онъ со свойственнымъ ему безстрашіемъ. Въ другое время онъ спрашивалъ у французовъ съ нимъ бывшихъ *une pipe à regarder* — подзорную трубку, вмѣсто lunette d'approche!

---

20 марта 1816 г.

Браво, Фуссъ! вотъ и еще одно письмо — теперь нечего винить тебя въ неисправности, если только также продолжаться будетъ. За это вотъ тебѣ и награда или лучше двѣ награды: 1) мое письмо будетъ короче, 2) посылаю тебѣ съ нимъ двѣ *гусарскія* піесы нашего Пушкина — гусарскія потому, что въ нихъ дѣло идетъ о гусарахъ и о ихъ принадлежностяхъ [1]), обѣ прекрасны! Прочитай ихъ, покамѣстъ еще не затопленъ наводненіемъ.

[1]) Одна — *Усы*, философическая ода, другая — *Слеза*. Обѣ приложены къ подлиннымъ письмамъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ впослѣдствіи были напечатаны.

Какъ же это ты пропустилъ случай видѣть нашего Карамзина, безсмертнаго исторіографа отечества? Стыдно, братецъ,— ты бы могъ по крайней мѣрѣ увидѣть его хоть на улицѣ; но прошедшаго не воротишь, а чему быть, тому не миновать, — такъ нечего пустого толковать! Ты хочешь знать, видѣлъ ли я его когда-нибудь? какъ будто желаешь найти утѣшеніе, если это подлинно случилось. Нѣтъ, любезный другъ, и я не имѣлъ счастія видѣть его; и не находилъ къ тому ни разу случая. Мы надѣемся, однакожъ, что онъ посѣтитъ нашъ лицей; и надежда наша основана не на пустомъ: онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется; онъ знаетъ также и Малиновскаго.... [1]). Поспѣшай же, о день отрадъ! Правда ль? Говорятъ, будто Государь пожаловалъ ему вдругъ чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 1-го класса и 60,000 руб. для напечатанія Исторіи. — Слава великодушному монарху! Горе зоиламъ генія!

Признаться тебѣ, до самаго вступленія въ лицей, я не видѣлъ ни одного писателя — но въ лицеѣ видѣлъ я Дмитріева, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Василія Пушкина—и Хвостова; еще забылъ: Нелединскаго, Кутузова, Дашкова. Въ публичномъ мѣстѣ быть съ ними гораздо легче, нежели въ частныхъ домахъ: вотъ почему это и со мною случилось. Прощай! не могу писать болѣе; скажу откровенно — я боленъ нѣсколько головою. Отвѣтъ твой возвратитъ мнѣ здоровье и силы и оживитъ мысли мои! Прощай еще разъ! [2]).

---

[1]) Иванъ Васильевичъ Малиновскій, племянникъ извѣстнаго начальника Москов. Арх. Ин. Д. Алексѣя Өедоровича, — также воспитанникъ лицея. Онъ поступилъ въ гвардію, вышелъ въ отставку полковникомъ и поселился въ своей малороссійской деревнѣ. См. слѣдующую за симъ статью.

[2]) Этимъ кончается находящееся въ моихъ рукахъ собраніе писемъ Илличевскаго. *Я. Г.*

IV.

СТАРИНА ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ[1].

СВѢДѢНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ЛИЦЕИСТАХЪ 1-го КУРСА.

---

1. МАЛИНОВСКІЙ И ВАЛЬХОВСКІЙ.

«Можетъ-быть», замѣчаетъ Пущинъ въ своихъ запискахъ[2]), «когда нибудь появится цѣлый рядъ воспоминаній о лицейскомъ своеобразномъ бытѣ перваго курса, съ очерками личностей, которыя потомъ заняли свои мѣста въ общественной сферѣ».

Теперь, когда въ живыхъ остается уже не болѣе трехъ[3]) изъ тридцати первенцевъ царскосельскаго лицея (слѣдовательно только $^1/_{10}$ цѣлаго курса), настаетъ время для такой біографической галлереи. Въ послѣднее время опять не стало двоихъ изъ самыхъ близкихъ къ Пушкину товарищей: въ 1872 году умеръ Өедоръ Өедоровичъ Матюшкинъ, а въ 1873 Иванъ Васильевичъ Малиновскій, сынъ перваго директора лицея, по лѣтамъ старшій изъ всѣхъ первокурсниковъ: ему при поступленіи въ лицей уже было лѣтъ шестнадцать. Вышелъ онъ въ военную службу, но уже давно покинулъ ее и доживалъ вѣкъ въ деревнѣ, въ Харьковской губерніи. Съ нимъ и съ Пущинымъ поэтъ былъ особенно друженъ въ лицеѣ; ихъ обоихъ вспомнилъ онъ и на смертномъ одрѣ, сказавъ: «Какъ жаль, что нѣтъ здѣсь ни Пущина, ни Малинов-

---

[1]) Было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1875 и 1876 г.

[2]) См. *Атеней* 1859 года.

[3]) Это были (въ 1875 г.): князь А. М. Горчаковъ, С. Д. Комовскій и графъ М. А. Корфъ.

скаго: мнѣ бы легче было умирать». Въ первоначальной редакціи своихъ стиховъ *19 Октября* (1825 года), онъ помянулъ было и Малиновскаго стихами, послѣ зачеркнутыми. Кончивъ обращеніе къ Пущину, посѣтившему поэта въ деревнѣ, онъ говоритъ Малиновскому:

Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
Ты, нашъ казакъ и пылкій, и незлобный?
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?

Казакомъ Малиновскій слылъ между товарищами за свой горячій, необузданный нравъ, который вездѣ проявлялся задоромъ. Какъ сынъ директора, отличавшійся притомъ симпатическою личностью, онъ пользовался покровительствомъ начальства. Всѣхъ ниже по способностямъ и ученію были: Мартыновъ, Тырковъ, Броліо и Мясоѣдовъ. Послѣдній въ иллюстраціяхъ Илличевскаго изображался обыкновенно съ ослиною головою на человѣческомъ тѣлѣ; въ статьяхъ журнала *Лицейскій Мудрецъ* онъ являлся подъ именемъ Мясожорова, и ему приходилось читать тамъ жестокія истины о своемъ умѣ и характерѣ. Ему приписывали стихъ:

Блеснулъ на западѣ румяный царь природы [1]),

распространенный однимъ изъ товарищей въ извѣстное четверостишіе. Мясоѣдовъ, по выпускѣ изъ лицея, поступилъ въ армію, потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, кажется въ Тульской губерніи. Къ числу самыхъ способныхъ воспитанниковъ принадлежали: Масловъ, бывшій напослѣдокъ директоромъ департамента податей и сборовъ, Саврасовъ и Есаковъ. О Саврасовѣ ничего неизвѣстно. Есаковъ былъ благороднѣйшій человѣкъ, но во время польской кампаніи (1831) имѣлъ несча-

[1]) Впрочемъ, составляющій первоначально собственность Анны Петровны Буниной. См. объ этомъ статью В. П. Гаевскаго въ *Современникѣ* 1863 г.: «Пушкинъ въ лицеѣ и его лицейскія стихотворенія».

стіе потерять двѣ пушки подъ какимъ-то мостомъ и съ отчаянія застрѣлился. Ломоносовъ умеръ посланникомъ въ Голландіи; за расположеніе къ пронырству, его въ лицеѣ прозвали *кротомъ.* Илличевскій былъ остроуменъ, но вспыльчивъ, задоренъ и сварливъ. Особеннымъ прилежаніемъ отличался Вальховскій, который впослѣдствіи породнился съ Малиновскимъ, женившись на сестрѣ его.

Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ въ лѣтописяхъ лицея. Въ первыя два десятилѣтія послѣ выпуска онъ быстрѣе всѣхъ товарищей шелъ въ гору, пока несчастныя обстоятельства не остановили его и не свели преждевременно въ могилу. О немъ при мнѣ ходило въ лицеѣ много разсказовъ, и мы приняли его съ большимъ почетомъ, когда онъ однажды, кажется въ 1830 году, посѣтилъ насъ. Сообщу о немъ нѣсколько подробностей, пользуясь между прочимъ рѣдкою брошюрою, напечатанною въ Харьковѣ въ 1844 году и присланною мнѣ тогда же Е. А. Энгельгардтомъ. Жаль только, что она относительно второй половины біографіи Вальховскаго касается почти исключительно однихъ внѣшнихъ обстоятельствъ его жизни.

Вальховскій поступилъ въ лицей изъ числа отличнѣйшихъ воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона и во все время продолжалъ заниматься съ особеннымъ прилежаніемъ, такъ что сами товарищи передъ выпускомъ пѣли:

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вальховскій будетъ первый.

Эти-то стихи, вѣроятно придуманные Пушкинымъ, конечно вспомнились ему, когда онъ, въ первоначальной редакціи *19-го октября*, такъ началъ одну изъ строфъ:

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій будетъ первый.

При выпускѣ Вальховскій дѣйствительно получилъ первую золотую медаль. Скромный и тщедушный, Вальховскій однакожъ и надъ способнѣйшими товарищами бралъ верхъ трудомъ и желѣзною волей. Чтобы успѣшнѣе работать, онъ сокращалъ часы сна и налагалъ на себя добровольный постъ: лишалъ себя по цѣлымъ недѣлямъ мяса, пирожнаго, чаю; чтобы упражнять тѣлесныя силы, взваливалъ иногда на плечи два толстѣйшіе словаря Гейма; чтобы болѣе успѣвать въ верховой ѣздѣ, онъ, во время приготовленія учебныхъ уроковъ, садился верхомъ на стулъ и наблюдалъ правильную посадку; наконецъ, чтобы усовершенствоваться въ произношеніи, онъ, подобно Демосѳену, клалъ въ ротъ камешки и отправлялся декламировать на царскосельское озеро. Всѣ эти странности и усилія надъ самимъ собою доставили Вальховскому два товарищескія прозвища: Суворочка и Sapientia. О немъ Илличевскій писалъ въ 1815 году, по поводу посылки Фуссу портрета его вмѣстѣ съ портретами Мартынова и Пушкина: «Это портретъ Вальховскаго, одного изъ лучшихъ нашихъ учениковъ, прилежнаго, скромнаго, словомъ, великихъ достоинствъ и великой надежды; этого ты на портретѣ не видѣлъ, а примѣтилъ развѣ большой носъ и большіе усы».

Выпущенный изъ лицея въ гвардію, Вальховскій не побоялся подвергнуться еще разъ экзамену и избралъ мѣстомъ службы генеральный штабъ, въ который иначе не принимали. Отсюда начинается рядъ служебныхъ успѣховъ Вальховскаго; они исчислены въ указанной мною брошюрѣ. Упомяну только, что въ чинѣ поручика, въ 1820 году, онъ былъ командированъ въ Бухару при императорской миссіи подъ начальствомъ Негри, а по возвращеніи оттуда, черезъ годъ, удостоился личнаго доклада Александру I въ кабинетѣ государя и награжденъ пенсіею въ 500 р.

Въ 1826 году ему велѣно состоять при генералъ-адъютантѣ Паскевичѣ, при которомъ онъ впослѣдствіи игралъ важную роль, такъ что ему даже приписывали часть успѣховъ и славы знаменитаго полководца. Подъ начальствомъ Паскевича онъ участвовалъ въ персидской кампаніи и не разъ отличался въ военныхъ

дѣйствіяхъ, а въ началѣ 1828 года былъ откомандированъ къ Персидскому шаху въ Тегеранъ и твердостію своею способствовалъ къ побужденію тамошняго правительства уплатить обѣщанные 10 мил. рублей контрибуціи. Позднѣе онъ съ такимъ же отличіемъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ. Есть однакоже слухъ, будто Вальховскаго вездѣ преслѣдовала какая-то роковая неудача, такъ что его появленіе считалось дурною примѣтой, и солдаты прозвали его *чернымъ ворономъ*: надобно знать, что у него были черные какъ смоль волосы и смуглое лицо.

По окончаніи польской кампаніи Вальховскій былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса; здѣсь онъ опять быстро подвигался по службѣ и находился въ четырехъ экспедиціяхъ и въ нѣсколькихъ опасныхъ дѣлахъ. Кромѣ того онъ занимался сводомъ матеріаловъ при составленіи проектовъ положеній о горцахъ. Съ 1832 года онъ служилъ подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира барона Розена и въ ноябрѣ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба Кавказскаго корпуса; но когда въ 1837 году государь лично посѣтилъ Закавказье и при этомъ главноуправлявшему краемъ были приписаны разныя упущенія, то невзгода постигла и начальника его штаба. Вальховскій былъ переведенъ бригаднымъ командиромъ въ западныя губерніи, а какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ подъ начальство нерасположеннаго къ нему князя Варшавскаго, то и нашелся вынужденнымъ, скрѣпя сердце, выйти въ отставку. Онъ былъ уволенъ отъ службы въ февралѣ 1839 года и поселился въ харьковской деревнѣ[1]), по сосѣдству съ лицейскимъ товарищемъ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, но жилъ уже не долго: днемъ его смерти было 7 марта 1841 года.

Пушкинъ, во время своего закавказскаго путешествія, встрѣтился съ нимъ въ лагерѣ близъ Карса у Паскевича и записалъ:

---

[1]) Изюмскаго уѣзда, въ селѣ Стратилатовѣ.

«Здѣсь увидѣлъ я нашего Вальховскаго, запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ однако время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ».

Скромность и добродушіе, которыя украшали Вальховскаго въ лицеѣ, остались до конца его отличительными свойствами. Если случалось навести разговоръ на его походы, онъ никогда не выставлялъ своей личности. Никогда, говоритъ его біографъ, не упускалъ онъ случая помочь ближнему и дѣломъ, и совѣтомъ; а въ дѣлахъ правосудія, которыя ему нерѣдко приходилось производить, Вальховскій, строгій другъ правды и исполнитель закона, всегда старался облегчить участь обвиненнаго.

Пожизненную пенсію и аренду обращалъ онъ на очищеніе долговъ своего отца, на устройство дѣлъ родныхъ и на уплату подушныхъ за крестьянъ своей жены.

2. МАТЮШКИНЪ.

Въ стихотвореніи Пушкина *19-го октября* двѣ изъ самыхъ теплыхъ строфъ посвящены Матюшкину, которому онъ между прочимъ говоритъ:

Счастливый путь! Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя...
Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ.
Ты простиралъ изъ-за моря къ намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ....

Зато и Матюшкинъ питалъ горячее сочувствіе къ геніальному товарищу и вполнѣ понималъ его высокую природу. Когда роковая пуля сразила поэта, Матюшкинъ былъ въ Севастополѣ. Вѣсть объ этомъ несчастіи повергла его въ глубокую скорбь, и онъ могъ написать Яковлеву только слѣдующія строки: «Пуш-

шинъ убитъ! Яковлевъ! Какъ ты это допустилъ? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлевъ, Яковлевъ! Какъ могъ ты это допустить? Нашъ кругъ рѣдѣетъ; пора и намъ убираться... 14 февраля. Севастополь».

Въ Матюшкинѣ не было ничего блестящаго: онъ былъ скроменъ, даже застѣнчивъ и обыкновенно молчаливъ, но при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ нельзя было не оцѣнить этой чистой, правдивой и теплой души. Онъ до конца неизмѣнно хранилъ завѣтную привязанность къ лицею и къ своимъ товарищамъ и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые знали всего болѣе подробностей о лицейской жизни перваго курса. Видя, что кто-нибудь интересуется ими, онъ охотно передавалъ свои воспоминанія. Съ его словъ я успѣлъ кое-что записать, но къ сожалѣнію, по свойственной человѣку привычкѣ откладывать, узналъ далеко не все, что́ могъ бы извлечь изъ бесѣдъ съ Матюшкинымъ.

Въ біографическихъ о немъ извѣстіяхъ насъ прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что онъ, нося вполнѣ русское имя, былъ реформатъ. Эта странность объясняется мѣстомъ его рожденія. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Матюшкинъ родился 10-го іюля 1799 года въ Штутгартѣ, гдѣ отецъ его былъ совѣтникомъ посольства и переводчикомъ. За неимѣніемъ тамъ русскаго священника, мальчикъ былъ окрещенъ по обряду реформатской церкви и на всю жизнь остался въ этомъ исповѣданіи. Мать его была рожденная Медеръ. Не знаю, когда именно она лишилась мужа; но въ 1810 году, стало-быть за годъ до поступленія сына въ лицей, она была уже классною дамою въ Московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, и это положеніе, при покровительствѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, конечно облегчило г-жѣ Матюшкиной помѣщеніе сына въ новооткрытое заведеніе. Въ должности классной дамы она и оставалась до конца 1825 года, и день рожденія сына, 10 іюля 1831 года, былъ днемъ ея смерти.

При поступленіи въ лицей Матюшкинъ выдержалъ экзаменъ изъ языковъ: русскаго, французскаго и нѣмецкаго, изъ исторіи, географіи и ариѳметики. Кромѣ того требовались познанія

7*

«общихъ свойствъ тѣлъ» (т. е. кое-что изъ физики); оказалось, что онъ и объ этомъ предметѣ «имѣлъ понятіе».

За время его лицейскаго воспитанія сохранилось нѣсколько профессорскихъ отмѣтокъ о его занятіяхъ. Куницынъ, Карцовъ, Кайдановъ, де-Будри довольно согласно свидѣтельствуютъ въ пользу его способностей и прилежанія. Вотъ что первый изъ этихъ преподавателей записалъ въ 1815 году: «Понятенъ и прилеженъ, занимается науками съ разсужденіемъ. Успѣхи его становятся время отъ времени примѣтнѣе. Въ теченіе прошлаго года онъ превзошелъ многихъ изъ своихъ сверстниковъ. Добрый его нравъ и скромное поведеніе заслуживаютъ особенную похвалу». По отзыву гувернера Пилецкаго, Матюшкинъ былъ «весьма благонравенъ, при всей пылкости вѣжливъ, искрененъ, добродушенъ, чувствителенъ; иногда гнѣвенъ, но безъ грубости». При такихъ свойствахъ естественно, что Матюшкинъ сдѣлался въ лицеѣ однимъ изъ любимыхъ товарищей. По-русски онъ говорилъ совершенно чисто, хотя и родился за границею; но въ иностранныхъ языкахъ онъ не былъ никогда силенъ; профессоръ французской литературы де-Будри отмѣтилъ однажды, что онъ любознателенъ и оказываетъ замѣтные успѣхи, но еще очень отсталъ (quoiqu'il soit encore bien arriéré). При выпускѣ онъ попалъ во второй разрядъ, т. е. получилъ только 10-й классъ.

Отличительною чертою Матюшкина съ дѣтства была его страсть къ морю. Мы не знаемъ, подъ какими вліяніями она развилась; но при оставленіи лицея, онъ, по словамъ директора Энгельгардта, считалъ верхомъ счастія отправиться въ морское путешествіе. И Энгельгардтъ помогъ ему достигнуть этого счастія. Директоръ лицея далъ очень благопріятный отзывъ о его познаніяхъ, особенно въ математическихъ наукахъ, и прибавилъ: «при твердости характера, нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ избираемомъ имъ образѣ жизни полезенъ будетъ».

Въ числѣ бумагъ, переданныхъ мнѣ Матюшкинымъ, я нашелъ и двѣ черновыя тетради, писанныя имъ въ первые дни по выпускѣ изъ лицея. Въ одной изъ нихъ помѣщены два письма,

посланныя имъ къ товарищу по Московскому университетскому пансіону Сазоновичу, а въ другой записка его о путешествіи въ Москву и обратно. По эпохѣ и обстоятельствамъ, къ которымъ относятся эти документы, они для насъ любопытны, тѣмъ болѣе, что знакомятъ насъ и со степенью литературнаго образованія, вынесеннаго изъ лицея однимъ изъ товарищей Пушкина, воспитанникомъ средней руки по оцѣнкѣ начальства. Вотъ что писалъ Матюшкинъ изъ Царскаго Села 10-го іюня 1817 года, на другой день послѣ выпускныхъ экзаменовъ[1]):

«Публичныя испытанія, которыя продолжались 16 дней, были причиною, что я не писалъ къ тебѣ уже около мѣсяца. Не пеняй на меня: ты знаешь, что я лѣнивъ писать письма. Вчера, любезный Сережа, былъ у насъ выпускъ. Государь на ономъ (т. е. на послѣднемъ экзаменѣ) присутствовалъ; постороннихъ никого не было. Все сдѣлалось такъ нечаянно, вдругъ. Я выпущенъ съ чиномъ коллежскаго секретаря. Ты конечно поздравишь меня съ счастливымъ началомъ службы. Еще ничего не сдѣлавши, быть 10-го класса, конечно это много; но мы судимъ по сравненію: нѣкоторые выпущены титулярными совѣтниками. Но объ этомъ ни слова. Я вознагражденъ тѣмъ, что директоръ нашъ Е. А. Энгельгардтъ, о которомъ я писалъ тебѣ уже нѣсколько разъ, обѣщалъ доставить мнѣ случай сдѣлать морское путешествіе. Капитанъ Головнинъ отправляется на фрегатѣ Камчатка въ путешествіе кругомъ свѣта, и я надѣюсь, почти увѣренъ, итти съ нимъ. Наконецъ мечтанія мои быть въ морѣ исполняются! Дай Богъ, чтобы ты былъ такъ же счастливъ, какъ я теперь. Одного мнѣ недостаетъ — товарищей: всѣ оставили Царское Село, исключая меня; я, какъ сирота, живу у Егора Антоновича. Но ласки, благодѣянія сего человѣка, день ото дня, часъ отъ часу, меня болѣе къ нему привязываютъ: онъ мнѣ второй отецъ. Не прежде какъ получу извѣстіе о моемъ счастіи (ты меня понимаешь), не прежде я оставлю Царское. Шестилѣтняя привычка здѣсь жить дѣлаетъ

[1]) Приводимые ниже отрывки выписываются безъ всякаго измѣненія.

разлуку съ нимъ весьма трудною. Прощай, любезный Сазоновичъ, до радостнаго свиданія. Вотъ тебѣ наша прощальная пѣснь. Ноты я тебѣ не посылаю, потому что ни ты, ни я въ нихъ толку не знаемъ; но впрочемъ скажу тебѣ, что музыка прекрасна, — сочиненіе Tepper de Tergasin, а слова барона Дельвига. Ты объ нихъ самъ судить можешь: они стóятъ музыки».

(За этимъ въ рукописи слѣдуетъ цѣликомъ пѣсня: *Шесть лѣтъ*).

Второе письмо Матюшкина начинается размышленіями о сладости дружбы, о томъ, какъ было бы весело быть вмѣстѣ съ другомъ, бродить съ нимъ по пустыннымъ аллеямъ царскосельскаго сада, вспоминать о прошедшемъ счастливомъ времени и мечтать о будущемъ.

«Теперь я хожу одинъ, задумываюсь, мечтаю. Каждое дерево, каждая бесѣдка рождаютъ во мнѣ тысячу воспоминаній счастливаго времени, проведеннаго въ лицеѣ. Царскосельскій дворецъ построенъ въ 1744 году графомъ Растрелли, напоминаетъ вѣкъ вкуса и роскоши, и несмотря, что время истребило яркую позолоту, коею были густо покрыты кровли, карнизы, статуи и другія украшенія, все еще можетъ почесться великолѣпнѣйшимъ изъ дворцовъ въ Европѣ. Еще видны на нѣкоторыхъ статуяхъ остатки сей удивительной роскоши, предоставленной дотолѣ однимъ внутренностямъ царскихъ чертоговъ. Когда императрица Елисавета пріѣхала со всѣмъ дворомъ своимъ и иностранными министрами осмотрѣть оконченный дворецъ, то всякій, пораженный великолѣпіемъ его, спѣшилъ изъявить государынѣ свое удивленіе; одинъ французскій министръ, маркизъ де ла Шетарди, не говорилъ ни слова. Императрица, замѣтивъ его молчаніе, хотѣла знать причину его равнодушія и получила въ отвѣтъ, что онъ не находитъ здѣсь главной вещи — футляра на сію драгоцѣнность. Я слышалъ также, что когда Екатерина приказала выкрасить зеленою краскою кровлю, то многіе подрядчики предлагали болѣе 20.000 червонныхъ за позволеніе собрать оставшееся на ней золото».

Кромѣ этихъ двухъ писемъ, сохранилось также черновое начало записокъ Матюшкина, которыя онъ, какъ говоритъ преда-

ніе, сбирался вести по совѣту и плану Пушкина. Приведу изъ нихъ только самое существенное.

Получивъ достовѣрное извѣстіе, что Головнинъ беретъ его съ собой, Матюшкинъ рѣшился съѣздить въ Москву проститься со своими; напередъ онъ отправился въ Петербургъ за подорожной и отпускомъ и, доставъ ихъ, воротился въ Царское Село. «Поживши три дня у Егора Антоновича, пишетъ онъ, я отправился въ дорогу. Прощаясь съ мѣстомъ, гдѣ я, можетъ-быть, провелъ счастливѣйшее время жизни, гдѣ въ отдаленіи отъ родителей я вкушалъ всѣ пріятности сыновней любви, гдѣ, будучи принятъ въ кругъ счастливѣйшаго семейства, и я наслаждался его счастіемъ, — прощаясь съ Егоромъ Антоновичемъ и его семействомъ, я не могъ удержаться отъ слезъ.... Это было 2-го іюля. Не знаю, что́ я чувствовалъ, когда я прибылъ въ Ижору. Хотя я ѣхалъ въ Москву, хотя я ѣхалъ къ любимой мною матери, которую не видѣлъ шесть долгихъ лѣтъ, но я не радовался: какая-то непонятная грусть тяготила меня; мнѣ казалось, что я оставляю Царское Село противъ воли, по принужденію. Изъ Ижоры я спѣшилъ какъ можно скорѣе, чтобы (признаюсь) мнѣ не возвратиться назадъ».

Не продолжая здѣсь выписокъ, упомяну только вкратцѣ, что на дорогѣ близъ Ижоры онъ взялъ съ собою старика, который просилъ довезти его до слѣдующей станціи: это былъ отставной дьячокъ села Грузина, принадлежавшаго графу Аракчееву. Онъ началъ было разсказывать о своихъ дѣлахъ, но нашъ утомленный путешественникъ не въ силахъ былъ слушать и скоро уснулъ. Проснувшись, онъ сталъ было раскаиваться въ предпринятомъ путешествіи; ему казалось, что онъ «удаляется отъ своего счастія; но уже поздно! Счастіе невозвратно. Я долженъ удалиться. Слезы у меня катились изъ глазъ, и я къ ужасу своему увидѣлъ, что это не сонъ, но истина!»

Записки кончаются слѣдующимъ разсказомъ: «На станціи *Ранино* я имѣлъ удовольствіе увидѣть одного изъ старыхъ моихъ товарищей, Маслова. Онъ выѣхалъ 24-мя часами прежде меня

изъ Москвы. Мы ѣхали нѣсколько станцій вмѣстѣ; но въ Бронницахъ онъ получилъ прежде меня лошадей, и такимъ образомъ мы разстались. Мнѣ запрягли послѣ, и очень худыхъ. Я видѣлъ, что мнѣ не проѣхать на нихъ и половины дороги: нечего дѣлать, надобно отъ нихъ какъ-нибудь избавиться. Къ счастію, ночевали по близости цыгане; первому, мнѣ встрѣтившемуся, я сунулъ полтину въ руки, и онъ, подошедъ къ извозчику, пророческимъ голосомъ ему объявилъ, что если онъ сегодня поѣдетъ, то одна лошадь у него падетъ. Ямщикъ такъ испугался, что тотчасъ распрегъ телѣгу и нанялъ за себя тройку. Вскорѣ я догналъ Маслова, перегналъ его и двумя днями ранѣе его, 30-го, увидѣлъ Царское Село. Городъ лежитъ на горѣ: всѣ улицы видны. Мнѣ казалось, что я давно тамъ не былъ; съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на высокіе златоглавые куполы, на бѣлые красивые домики; искалъ глазами тотъ, гдѣ живетъ мой благодѣтель, мой наставникъ, гдѣ живетъ его любезное семейство; нашелъ его, и не могъ спустить глазъ съ него.... Я забылъ Москву, когда увидѣлъ Царское Село».

Благодаря стараніямъ Энгельгардта, Матюшкинъ, по выпускѣ изъ лицея, имѣлъ возможность вполнѣ удовлетворить свою страсть къ морскимъ путешествіямъ. Плаваніе вокругъ свѣта считалось тогда дѣломъ великой важности; такія путешествія были еще рѣдки и поручались только людямъ, снискавшимъ особенное довѣріе: Головнинъ прежде семь лѣтъ прослужилъ въ англійской службѣ. Матюшкинъ попалъ въ хорошую школу. Любопытно, что, при своей страсти къ морю, Матюшкинъ былъ въ сильной степени подверженъ морской болѣзни и такъ страдалъ отъ нея, что Головнинъ, достигнувъ Англіи, хотѣлъ было тамъ оставить своего молодого спутника и съ трудомъ уступилъ настоятельной просьбѣ взять его въ дальнѣйшій путь. И впослѣдствіи Матюшкинъ никогда не могъ вполнѣ избавиться отъ наклонности къ морской болѣзни. Два года онъ съ капитаномъ Головнинымъ провелъ на шлюпѣ *Камчатка*, отправившемся въ сѣверо-американскія наши колоніи, а потомъ кругомъ свѣта. Въ

этой экспедиціи ему данъ былъ чинъ мичмана. По окончаніи ея, онъ опредѣленъ въ балтійскій флотъ и подъ командою лейтенанта барона Врангеля, съ 1820 по 1824 годъ, былъ употребленъ при описаніи сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири и для отысканія земель на Ледовитомъ морѣ. Въ описаніи своего путешествія Врангель не разъ отзывается съ похвалою о дѣятельности и распоряженіяхъ Матюшкина и сообщаетъ, въ видѣ особыхъ главъ, два журнала о совершенныхъ этимъ офицеромъ отдѣльныхъ путешествіяхъ — къ рѣкѣ Анголѣ (притокѣ Колымы) и по тундрѣ къ востоку отъ Колымы до самыхъ чукотскихъ кочевьевъ. Эти двѣ главы принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ страницъ книги Врангеля[1]). Послѣ этого Матюшкинъ съ барономъ Врангелемъ еще разъ совершилъ двухлѣтнее кругосвѣтное плаваніе.

Дальнѣйшее служеніе Матюшкина, въ продолженіе многихъ лѣтъ, происходило почти безпрерывно на кораблѣ; мы видимъ его то въ Архипелагѣ, то въ Средиземномъ, то въ Черномъ морѣ. Въ 1830 году онъ былъ назначенъ командиромъ брига *Ахиллесъ*, на которомъ позже и крейсеровалъ въ греческихъ водахъ противъ идріотскихъ мятежниковъ, принадлежа къ эскадрѣ судовъ подъ начальствомъ адмирала Рикорда. 30-го іюня 1831 года, въ Монастырской бухтѣ острова Поро, часть этой эскадры, въ томъ числѣ и бригъ *Ахиллесъ*, атаковали крѣпость и два греческіе корвета, бывшіе въ то время во власти идріотскихъ мятежниковъ. По засвидѣтельствованію Рикорда въ донесеніи князю Меньшикову, Матюшкинъ въ это время дѣйствовалъ не только съ отличною храбростію и благоразуміемъ, но съ изумительной быстротою, находчивостью и искусствомъ морского офицера. Другое военное дѣло, въ которомъ участвовалъ Матюшкинъ, было въ 1838 году сраженіе противъ горцевъ при взятіи мѣстечекъ Туапсе и Шапсухо. Тогда онъ командовалъ фрега-

[1]) См. Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и Ледовитому морю, Ф. Врангеля. С.-Петербургъ 1841 ч. I, стр. 252 и 272, и ч. II, стр. 75—114 и 230—279.

томъ *Браиловъ* въ эскадрѣ адмирала Хрущова, перевозя изъ одного пункта въ другой отряды сухопутныхъ войскъ для дѣйствій противъ горцевъ. Адмиралъ Лазаревъ отдалъ справедливость энергическимъ распоряженіямъ командовавшихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Матюшкинъ. Въ 1850 году, во время дѣйствій голштинцевъ противъ датчанъ, адмиралъ Матюшкинъ съ тремя судами успѣшно блокировалъ Кильскій заливъ, гдѣ находились голштинскіе корабли. Въ 1854 году, во время восточной войны, Матюшкинъ нѣкоторое время завѣдывалъ морскою частію въ Свеаборгѣ. Тогда онъ былъ уже (съ 1849 г.) контръ-адмираломъ и бригаднымъ командиромъ. Съ этихъ поръ онъ занималъ разныя административныя должности по морскому министерству: былъ вице-директоромъ инспекторскаго департамента, членомъ генералъ-аудиторіата, предсѣдательствующимъ морского ученаго комитета и проч., наконецъ въ 1861 году былъ пожалованъ въ сенаторы.

Во время своей службы во флотѣ Матюшкинъ рѣдко бывалъ въ Петербургѣ. Въ сохранившихся протоколахъ лицейской годовщины 19-го октября, имя его въ первый разъ встрѣчается въ 1834 году.

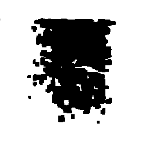
Не берусь оцѣнивать дѣятельность и значеніе Матюшкина какъ морского офицера; объ этомъ существуютъ разныя мнѣнія и, можетъ-быть, со временемъ истина разъяснится. Приведу только довольно характеристическій разсказъ, слышанный мною отъ одного изъ сослуживцевъ Матюшкина по флоту. Одно время князь Меньшиковъ, оцѣнивъ въ немъ одного изъ самыхъ образованныхъ морскихъ офицеровъ, сталъ оказывать ему особенное вниманіе; но какъ скоро скромный адмиралъ замѣтилъ это, онъ, по обыкновенію своему, сталъ уклоняться отъ благосклонности своего начальника и отступилъ на задній планъ.

Въ послѣдніе годы я имѣлъ довольно часто случай сходиться съ Матюшкинымъ, какъ членомъ комитета для сооруженія памятника Пушкину; въ этомъ комитетѣ онъ, вмѣстѣ съ графомъ М. А. Корфомъ, радушно присоединился къ дѣлу прославленія

памяти своего бывшаго товарища. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ и первый подалъ мысль поставить памятникъ въ Москвѣ, гдѣ поэтъ родился и получилъ первыя неизгладимыя впечатлѣнія, опредѣлившія навсегда развитіе его генія въ духѣ народности.

Матюшкинъ никогда не былъ женатъ. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ построилъ себѣ по московской желѣзной дорогѣ, близъ станціи Бологово, на берегу озера, изящную дачу *Заимку*, которую очень любилъ, хотя и не жилъ въ ней, а отдавалъ ее въ пользованіе кому-нибудь изъ друзей своихъ. Самъ онъ проводилъ лѣто по большей части недалеко оттуда, въ семействѣ покойнаго друга своего, бывшаго лицеиста, князя Эристова. Тамъ сохранилось о Матюшкинѣ самое теплое воспоминаніе, какъ о добромъ, сердечномъ человѣкѣ. Каждое утро ранехонько отправлялся онъ на свою дачу, присматривалъ за работами и только къ обѣду возвращался; дѣти домашнихъ бѣжали къ нему на встрѣчу; онъ любилъ и ласкалъ ихъ. Проведя тамъ лѣто 1872 года, но чувствуя большой упадокъ силъ, Матюшкинъ въ августѣ, по совѣту доктора, переѣхалъ въ Петербургъ для лѣченія. Кажется, онъ предчувствовалъ, что ему уже не возвратиться: обойдя весь садъ и сѣвъ въ экипажъ, онъ приказалъ ѣхать шагомъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на окрестность. Въ Петербургѣ онъ много лѣтъ сряду жилъ въ гостиницѣ Демутъ, гдѣ занималъ комнату въ четвертомъ этажѣ. Тамъ онъ слегъ и уже не вставалъ болѣе: вечеромъ 16-го сентября онъ безъ страданій уснулъ навѣки.

Всѣмъ коротко знавшимъ Матюшкина дорогà память объ этой искреннемъ, прямодушномъ человѣкѣ, неизмѣнномъ въ своихъ привязанностяхъ, чуждомъ всякой суетности: онъ не дорожилъ успѣхами въ свѣтѣ и обществѣ, далеко не возвысился до той степени значенія и власти, которой могъ бы достигнуть при большемъ честолюбіи; но въ ряду первыхъ питомцевъ лицея и его преданій этотъ другъ и почитатель Пушкина всегда будетъ занимать одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.



3. ЛИЦЕЙСКІЯ ГОДОВЩИНЫ.

Прославленная Пушкинымъ годовщина 19-го октября праздновалась бывшими воспитанниками перваго курса лицея то у одного, то у другого изъ товарищей: сперва у Тыркова, потомъ у Михаила Лукьяновича Яковлева, въ домѣ II-го Отдѣленія, на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ еще и долго послѣ того находилась типографія этого отдѣленія, которою онъ управлялъ въ званіи ея директора. Яковлевъ, какъ самый пламенный чтитель лицейскихъ преданій, былъ и постояннымъ распорядителемъ этихъ завѣтныхъ празднествъ. Самъ онъ назывался «лицейскимъ старостой», а квартира его «лицейскимъ подворьемъ». Каждый разъ, когда въ этотъ день собирались товарищи, составлялся протоколъ сходки, разумѣется, полушуточный, отчасти даже буфонскій. Нѣкоторые изъ такихъ протоколовъ сохранились и переданы мнѣ Матюшкинымъ, къ которому перешли по смерти Яковлева. Самый ранній изъ нихъ относится къ 1825 году[1]); здѣсь намарано Илличевскимъ нѣсколько неконченныхъ стиховъ и подписаны имена шестерыхъ присутствовавшихъ, въ такомъ порядкѣ: баронъ Корфъ, баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ. Эта годовщина потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что именно ее заочно отпраздновалъ Пушкинъ въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго знаменитыми стихами: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ»... За 1827-й годъ нѣтъ протокола, но къ 19-му октября этого года, относится, какъ извѣстно, прелестное привѣтствіе нашего поэта начинающееся стихомъ:

Богъ помочь вамъ, друзья мои....

---

[1]) По какой-то случайности я, при составленіи этой замѣтки въ 1875 году, не зналъ статьи В. П. Гаевскаго: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ пушкинское время», напечатанной въ *Отеч. Запискахъ* 1861 года (т. 139). Какъ видно изъ этой статьи, до меня уже не дошли нѣкоторыя изъ бумагъ, бывшихъ въ рукахъ автора ея и содержавшихъ кое-какія дополнительныя свѣдѣнія особенно о празднованіи 19-го октября въ первые годы по выпускѣ лицеистовъ пушкинскаго времени и о стихахъ, которыми въ тѣ годы товарищи Пушкина, въ отсутствіи его, чествовали годовщину.

Покойный П. А. Плетневъ разсказывалъ, что за окончаніе 2-го куплета:

И въ мрачныхъ пропастяхъ земли.

Пушкину были сдѣланы внушенія, которыя, въ связи съ офиціальнымъ дѣломъ, возникшимъ о стихахъ *Андрей Шенье*, могли вызвать стихотвореніе *Предчувствіе*:

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ...

Слѣдующій за тѣмъ протоколъ помѣченъ 1828-мъ годомъ и писанъ весь рукою Пушкина, который, послѣ коронаціи императора Николая, снова могъ явиться въ Петербургѣ. Здѣсь Пушкинъ прилагаетъ къ своимъ товарищамъ непонятное на первый взглядъ прозвище *скотобратцы*. Оно объясняется помѣщенными при рукописномъ журналѣ *Лицейскій Мудрецъ* карикатурами, изображающими нѣкоторыхъ воспитанниковъ въ видѣ животныхъ. Это названіе было употребительно еще въ лицеѣ и, сколько помню, встрѣчается въ самомъ текстѣ поименованнаго журнала.

«Собралися», такъ начинаетъ Пушкинъ протоколъ 1828 года, «на пепелище скотобратца курнофеіуса Тыркова, по прозванію кирпичнаго бруса[1]), 8 человѣкъ скотобратцевъ». Затѣмъ они исчислены въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ниже подписались, именно: Дельвигъ, Илличевскій, Яковлевъ, Корфъ, Стевенъ, Тырковъ, Комовскій, Пушкинъ. При каждомъ имени и тутъ и тамъ поставлены одни и тѣ же прозвища, изъ которыхъ иныя составлены изъ уменьшительныхъ крестныхъ именъ: такъ Дельвигъ названъ Тося (Антонъ), Илличевскій—Олосенька (Алексѣй), Стевенъ, какъ финляндскій уроженецъ, названъ Шведомъ, а Пушкинъ — извѣстною уже изъ его біографіи кличкою Французъ, къ чему его же рукой прибавлено: «смѣсь обѣзіаны (sic) съ тигромъ».

---

[1]) Такъ онъ былъ прозванъ по своему тѣлосложенію и цвѣту лица.

Послѣ исчисленія участниковъ пирушки означено въ 11-ти юмористическихъ пунктахъ, чѣмъ они занимались, напр. «вели бесѣду, — пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ [1]), — пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ» (тутъ очевидно разумѣется прощальная пѣснь Дельвига); «Олосенька въ видѣ тамбуръ-мажора утѣшалъ собравшихся; Тырковіусъ безмолвствовалъ; толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновеніе скотобратцевъ». Не выписываю всѣхъ пунктовъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ потребовали бы слишкомъ мелочныхъ комментаріевъ. Послѣдній пунктъ былъ такъ изложенъ: «И завидѣли на дворѣ часъ 1-й, а въ стражу вторую скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику Императорскаго Лицея Пушкину, Французу, иже написа сію грамоту». Онъ сбирался тогда въ деревню (см. Матеріалы для его біографіи, въ изданіи г. Анненкова, т. I, стр. 212) и повидимому въ ту же ночь долженъ былъ пуститься въ путь. Послѣ подписей, его же рукой набросаны стихи:

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ *ура*,
Прощайте, братцы: мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.

Изъ протоколовъ ближайшихъ за тѣмъ годовъ видно, что однажды Пушкинъ, хотя и находился въ Петербургѣ, не присутствовалъ на праздникѣ своихъ товарищей. Въ краткомъ протоколѣ 1831 года, писанномъ красивымъ почеркомъ Яковлева, у котораго собирались въ этотъ разъ, замѣчено: «Пушкинъ не былъ потому только, что не нашелъ квартиры. При заздравномъ кубкѣ, или заздравной чашѣ (продолжаетъ протоколъ), вспоминали пѣвца 19-го октября:

---

[1]) Обыкновенно Дельвигъ затягивалъ торжественно:
О Соломонъ,
Въ Библіи первый пѣвецъ и первый мудрецъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй,
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая Муза,
Благослови! Да здравствуетъ лицей!»

Въ 1834 году, въ числѣ восьми собравшихся находился и Пушкинъ. Весь протоколъ ограничивается ихъ подписями, но при немъ сохранилась слѣдующая записка поэта, писанная поутру того же дня къ Яковлеву: «Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину? Не правда ли»? Вмѣсто имени подписанъ номеръ лицейской комнаты Пушкина — № 14.

Послѣднее лицейское собраніе, въ которомъ онъ участвовалъ, было 19-го октября 1836 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до его трагической смерти. По странной случайности это была 25-я годовщина со дня основанія лицея. Во время приготовленій къ празднованію ея былъ поднятъ вопросъ, не устроить ли по этому случаю обычный праздникъ какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, напр. соединившись съ ближайшими изъ послѣдующихъ курсовъ. Эту новость настойчиво предлагалъ бывшій директоръ лицея Е. А. Энгельгардтъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма Яковлева къ Пушкину, писаннаго за десять дней до годовщины:

«Сегодня утромъ былъ у меня Егоръ Антоновичъ съ предложеніемъ соединить по крайней мѣрѣ три выпуска для 19-го числа. Я ему рѣшительнаго отвѣта не сказалъ, а совѣтовалъ, чтобъ онъ завтра переговорилъ съ тобою.

«Послѣ обѣда было у насъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ совѣщаніе, и рѣшительно положено: *праздновать по прежнимъ примѣрамъ одному первому выпуску*. Пусть Егоръ Антоновичъ, какъ бывшій директоръ лицея, соединяетъ подъ свои знамена 2-й, 3-й и прочіе выпуски и воздаетъ честь и хвалу существованію лицея, но пусть насъ стариковъ оставитъ въ покоѣ.

«Егоръ Антоновичъ въ крѣпкой надеждѣ, что ты на его предложеніе согласишься. Конечно и нѣтъ причины повидимому отказаться отъ соединенія трехъ выпусковъ; но вотъ задача, какъ

Послѣ смерти Пушкина, въ самый годъ рокового событія (1837), Энгельгардтъ наканунѣ 19-го октября писалъ къ Яковлеву и приглашалъ его явиться на обѣдъ къ одному изъ бывшихъ воспитанниковъ 3-го выпуска, слѣдовательно возвратился къ прежней своей идеѣ собрать первые курсы вмѣстѣ. Неизвѣстно, былъ ли на этомъ обѣдѣ кто-либо изъ товарищей Пушкина, но въ 1838 году желаніе Энгельгардта вполнѣ осуществилось. Помѣщаю здѣсь цѣликомъ предшествовавшее тому письмо его къ Яковлеву, такъ какъ оно любопытно во многихъ отношеніяхъ и по многимъ встрѣчающимся въ немъ выраженіямъ, которыя конечно не ускользнутъ отъ вниманія читателя:

«Подходитъ 19-е октября, день родной, лицейской, день дружбы и воспоминаній. Грѣшно бы было не праздновать его по древнему обычаю дружескою сходкою. Мы, т. е. первые четыре курса, собираемся у Ж., радушнаго холостяка и хлѣбосола. Я принялъ на себя пригласить старѣйшинъ лицея 1-го курса; обѣщалъ, что они будутъ, и надѣюсь, что не выдадутъ стараго директора. — Этотъ общій обѣдъ не помѣшаетъ вамъ, если захотите, собраться и отдѣльно вечеркомъ у кого-либо изъ первокурсныхъ, а уже на общую сходку надо явиться неотмѣнно. — Всѣхъ на все здѣсь оказалось на лицо только 27 человѣкъ: исключивъ изъ нихъ обыкновенныхъ дикарей, кружокъ нашъ будетъ очень не великъ; тѣмъ чувствительнѣе и больнѣе, еслибъ 1-й курсъ тутъ не участвовалъ.

«Итакъ, надѣясь на прежнее лицейство и увѣренный, что пустые расколы, которымъ нынѣ уже и причины нѣтъ, совершенно исчезли, я приглашаю тебя, любезный Яковлевъ, явиться непремѣнно въ среду, въ 4 часа, къ Ж. на дружескую трапезу тряхнуть стариной и, если по сердцу прійдетъ, помочь подтягивать наше родное Шесть лѣтъ. — Право хорошо, хотя разъ въ году, сердце дружбою отогрѣть, чтобы не совсѣмъ остыло въ великосвѣтсткомъ быту.

«Прощай, до свиданья. Отъ всего сердца твой старой другъ

«16 Октября 1838». «Егоръ Энгельгардтъ».

Съ тѣхъ поръ сборные обѣды первыхъ выпусковъ вошли въ обычай и происходили нѣсколько лѣтъ сряду у того же лица, которое не хочется называть полнымъ его именемъ по прискорбной судьбѣ, постигшей его позднѣе и вскрывшей въ жизни его такія язвы, мысль о которыхъ тяжело соединять съ понятіемъ о лицейскомъ воспитаніи. Послѣ того сборные лицейскіе обѣды устраивались самимъ Энгельгардтомъ и на его счетъ, въ особомъ помѣщеніи на Васильевскомъ Островѣ, недалеко отъ квартиры, которую онъ занималъ много лѣтъ. По смерти его (въ 1862 г.) товарищи Пушкина сколько мнѣ извѣстно, регулярно уже не собирались 19-го октября, до позднѣйшагó времени, когда, по приглашенію 5-го, 6-го и 7-го курсовъ, которые издавна собиралось вмѣстѣ, къ нимъ присоединились немногіе пережившіе прочихъ первенцы лицея. Протоколы собраній 1-го выпуска прекратились со смертію Пушкина; подобные же велись постоянно въ 6-мъ выпускѣ.

Изъ сохранившихся бумагъ 1-го курса видно, что къ поддержанію стараго обычая праздновать лицейскую годовщину болѣе всѣхъ способствовали Пушкинъ и Яковлевъ, который, какъ музыкантъ и пѣвецъ, также обладалъ поэтическою душою. Стихотворенія Пушкина, посвященныя годовщинѣ, и особенно первое изъ нихъ, въ которомъ высказана мысль о праздновані этого дня до тѣхъ поръ, пока останется въ живыхъ хотя одинъ изъ товарищей, были въ этомъ случаѣ чуть ли не главнымъ связующимъ элементомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вообще личность и память великаго поэта много способствовали къ живучести и особенному колориту лицейскихъ преданій. Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ важнаго значенія литературы въ исторіи человѣческихъ учрежденій, какъ и цѣлыхъ народовъ.

4. ГРАФЪ КОРФЪ.

Въ архивѣ лицея сохранилось нѣсколько замѣтокъ, относящихся до пребыванія въ этомъ заведеніи скончавшагося 2-го января 1876 г. графа М. А. Корфа. При поступленіи туда, ему только что минуло 11 лѣтъ (род. 11 сент. 1800 г.), такъ что онъ былъ моложе всѣхъ своихъ товарищей; на пріемномъ экзаменѣ онъ оказалъ познанія въ ариѳметикѣ, географіи, исторіи, въ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ — хорошія; а въ «познаніи общихъ свойствъ тѣлъ», т. е. въ первыхъ основаніяхъ физики, которыя между прочимъ отъ всѣхъ требовались, получилъ отмѣтку: «имѣетъ понятіе».

О его занятіяхъ и поведеніи записаны слѣдующія аттестаціи:

1) Адъюнктъ-профессора логики и нравственной философіи, Куницына: «Понятіе имѣетъ острое, но съ нѣкотораго времени сдѣлался не такъ прилеженъ и болѣе разсѣянъ, а потому нѣкоторые изъ его товарищей превзошли его успѣхами въ теченіе прошлаго года. Но какъ сіе дано ему почувствовать и какъ онъ весьма чувствителенъ къ выговорамъ, то есть надежда, что онъ скоро исправится. Въ разсужденіи поведенія, по своей скромности и благородному обхожденію съ высшими и равными, заслуживаетъ онъ всякую похвалу». 2) Адъюнктъ-профессора географіи и исторіи, Кайданова: «Подаетъ о себѣ прекрасную надежду своими дарованіями, великою охотою къ ученію, примѣтными весьма хорошими успѣхами и своимъ благороднымъ поведеніемъ». 3) Адъюнктъ-профессора математики и физики, Карцова: «Рачителенъ не всегда въ одинаковой степени, имѣетъ хорошія дарованія и успѣваетъ очень изрядно». 4) Профессора французской словесности де-Будри: «Il est très intelligent, fort docile et bien appliqué. Ses progrès font espérer qu'il sera toujours pour le françois un des premiers de sa classe». (Т. е. очень способенъ, весьма послушенъ и прилеженъ. Его успѣхи подаютъ надежду, что по французскому языку онъ всегда будетъ однимъ изъ первыхъ въ клас-

сѣ). 5) Гувернера Пилецкаго: «Весьма благонравенъ, скроменъ, нѣсколько робокъ».

Вотъ, сверхъ того, двѣ найденныя въ лицейскихъ спискахъ отмѣтки, къ нему же относящіяся:

1) «Воспитанники: Корфъ, Данзасъ, Корниловъ, Корсаковъ и Гурьевъ во время прогулки отставали отъ своихъ товарищей, и идучи мимо дворца, разсматривали пойманныхъ бабочекъ и производили шумъ. Слова и увѣщанія гувернера Ильи Степановича Пилецкаго, чтобы они сохраняли тишину и наблюдали порядокъ, нимало не имѣли на нихъ дѣйствія». 2) «Воспитанникъ Корфъ, сказавшись больнымъ передъ начатіемъ класса чистописанія, остался въ аркѣ и читалъ безъ позволенія книгу «Voyage de Platon en Italie». Сіе было замѣчено г. директоромъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ, и приказано ему отъ него сидѣть съ прочими воспитанниками въ классѣ».

Графъ Корфъ кончилъ курсъ въ 1817 году съ чиномъ титулярнаго совѣтника и съ серебряною медалью, и выпущенъ на службу въ министерство юстиціи.

Для біографіи Модеста Андреевича въ его молодые годы, какъ и вообще для первоначальной исторіи лицея чрезвычайно важна извѣстная уже по многимъ отрывкамъ записка, составленная имъ по поводу напечатанной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1854 года статьи П. И. Бартенева о воспитаніи въ этомъ заведеніи Пушкина. Въ обширной запискѣ гр. Корфа помѣщены характеристики многихъ лицейскихъ товарищей и наставниковъ автора, — характеристики весьма замѣчательныя, хотя къ сожалѣнію и не всегда согласныя съ тѣмъ безпристрастнымъ отношеніемъ къ прошлому, какого мы были бы въ правѣ ожидать отъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ лицъ своего времени.

О человѣкѣ, занимавшемъ такое видное положеніе, какъ графъ Корфъ, трудно въ первыя минуты по смерти его сказать что-нибудь новое. Свѣдѣнія о главныхъ обстоятельствахъ жизни такихъ людей составляютъ общее достояніе; интересъ могутъ

представлять только подробности или такія стороны ея, которыя менѣе другихъ были доступны взорамъ публики.

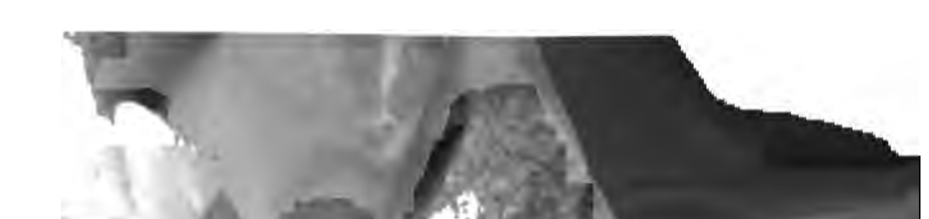
Принадлежа къ числу лицъ, долгое время стоявшихъ весьма близко къ графу Корфу, я попытаюсь набросать нѣсколько воспоминаній о немъ. Уже въ годы моего воспитанія въ царскосельскомъ лицеѣ, баронъ Модестъ Андреевичъ начиналъ пріобрѣтать извѣстность, а въ глазахъ лицеистовъ онъ уже тогда составлялъ одну изъ первыхъ знаменитостей, вышедшихъ изъ стѣнъ этого заведенія. Пушкинъ, князь Горчаковъ, Вальховскій и баронъ Корфъ, — вотъ имена, которыя всѣхъ чаще произносились у насъ, когда заходила рѣчь о прошломъ лицея; про трехъ послѣднихъ говорили, что они *идутъ въ гору*. По выпускѣ моемъ оттуда въ 1832 году, мнѣ, совершенно неожиданно для меня самого, выпалъ жребій поступить подъ начальство Модеста Андреевича. Онъ занималъ въ то время постъ управляющаго дѣлами комитета министровъ, предсѣдателемъ котораго былъ князь Викторъ Павловичъ Кочубей. Лицейскій профессоръ И. П. Шульгинъ, обучавшій дѣтей князя, безъ моего вѣдома отрекомендовалъ меня ему, а князь выразилъ Модесту Андреевичу желаніе, чтобы я принятъ былъ на службу въ канцелярію комитета.

Вскорѣ баронъ Корфъ приблизилъ меня къ себѣ: нѣсколько лѣтъ сряду я жилъ у него въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на дачѣ и получалъ непосредственно отъ него служебныя порученія; въ 1834 году, по назначеніи его государственнымъ секретаремъ, и я переведенъ былъ имъ въ канцелярію государственнаго совѣта. Должность свою онъ умѣлъ окружить какимъ-то особеннымъ блескомъ; пользуясь милостью и довѣріемъ Государя, умѣлъ пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ самыхъ вліятельныхъ членовъ Совѣта. Въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ онъ былъ добрымъ и любящимъ начальникомъ; отъ высшаго до низшаго всѣ могли ожидать справедливаго вниманія къ своимъ трудамъ и готовности помочь каждому въ нуждѣ. Порядокъ дѣлопроизводства былъ доведенъ до совершенства. Дѣла рѣшались безостановочно; во всѣхъ канцелярскихъ отправле-

ніяхъ господствовала величайшая точность; переписка бумагъ отличалась щегольскимъ изяществомъ; въ должность писцовъ привлекались искуснѣйшіе каллиграфы. Баронъ Корфъ не даромъ служилъ прежде подъ начальствомъ Сперанскаго старшимъ чиновникомъ II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи: онъ обладалъ мастерствомъ въ изложеніи самыхъ запутанныхъ дѣлъ; сжатость и ясность рѣчи достигли подъ его перомъ высшей степени, и это искусство усвоивали себѣ болѣе или менѣе всѣ работавшіе подъ его руководствомъ. Такимъ искусствомъ особенно славился въ мое время Павелъ Андреевичъ Теубель, сперва бывшій начальникомъ отдѣленія въ комитетѣ министровъ, а впослѣдствіи также переведенный барономъ въ государственную канцелярію.

Одно неодолимое желаніе вполнѣ посвятить себя учено-литературной дѣятельности могло заставить меня отказаться отъ подобнаго положенія: послѣ семилѣтней службы подъ начальствомъ Модеста Андреевича, я, скрѣпя сердце, заявилъ ему однажды о своей рѣшимости принять предлагаемую мнѣ въ Финляндіи профессорскую каѳедру. Съ дружескимъ участіемъ онъ представилъ мнѣ важность этого шага, но, видя мою твердость, пожелалъ мнѣ успѣха на новомъ поприщѣ, и мы разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, которыя никогда уже не измѣнялись. Да проститъ мнѣ читатель, если, говоря о человѣкѣ, столь много для меня значившемъ въ моей молодости, я не сумѣлъ вполнѣ воздержаться отъ подробностей, лично меня касающихся.

Въ семействѣ графа Корфа продолжался тотъ же патріархальный бытъ, посреди котораго онъ выросъ въ домѣ своихъ родителей и который я еще засталъ у его матушки, рожденной Смирновой. Благочестіе, полное согласіе между членами семьи, гостепріимство, доброта, ласка ко всѣмъ были отличительными чертами этого быта. Къ достойнѣйшей старушкѣ Ольгѣ Сергѣевнѣ съѣзжались разъ въ недѣлю всѣ родные и многіе друзья. То же происходило часто и въ домѣ Модеста Андреевича. Кто разъ сдѣлался вхожъ въ этотъ радушный кружокъ, могъ быть



увѣренъ, что онъ всегда найдетъ въ немъ ту же сердечную, участливую пріязнь. Какъ семьянинъ, графъ Модестъ Андреевичъ представлялъ рѣдкій образецъ и служилъ назидательнымъ примѣромъ младшимъ поколѣніямъ своего обширнаго родства. Правда, что ему дано было въ удѣлъ и необыкновенное семейное счастье: женившись уже 26-ти лѣтъ, онъ въ молодой супругѣ своей нашелъ драгоцѣннѣйшее сокровище — простоту души и неизмѣнно-любящее сердце; ихъ-то вліяніе, посреди охлаждающаго блеска почестей, не давало погаснуть въ немъ тому священному пламени, безъ котораго, на высшихъ ступеняхъ счастія, трудно сохранить полное сознаніе своихъ человѣческихъ обязанностей.

Рано начавшіеся для него служебные успѣхи не заглушили въ немъ развившейся еще въ лицеѣ потребности духовныхъ интересовъ. Онъ съ постоянною любознательностью слѣдилъ за умственнымъ движеніемъ современнаго міра; особенно, ни одно сколько-нибудь замѣчательное произведеніе русской литературы не ускользало отъ его вниманія. Въ первое время моего сближенія съ нимъ, на горизонтѣ ея явилась крупною, хотя и не всегда свѣтлою, звѣздою «Библіотека для Чтенія» Сенковскаго. Баронъ Корфъ, по живости и впечатлительности своего ума, не могъ остаться равнодушнымъ къ новости ея содержанія и, быстро поглощая всякую вновь выходившую книжку этого журнала, искренно потѣшался шутовскимъ остроуміемъ его литературной лѣтописи. Чтеніе лучшихъ русскихъ журналовъ до конца жизни составляло любимое занятіе Модеста Андреевича. Издавна усвоивъ себѣ вредную привычку (которая впослѣдствіи тяжело отозвалась на его здоровьи) проводить съ вечера долгіе часы за чтеніемъ въ постели, онъ успѣвалъ знакомиться и съ любопытнѣйшими явленіями иностранныхъ литературъ. Все новое, живо-трепещущее, сильно манило этотъ воспріимчивый, быстро схватывавшій умъ. Естественно, что при такихъ свойствахъ графъ Корфъ чувствовалъ неотразимую потребность въ обществѣ; онъ не любилъ уединенія и часто говорилъ, что ему необходима го-

родская жизнь съ ея свѣжими новостями, съ ея шумомъ и разнообразіемъ, что онъ вовсе не рожденъ для деревни. Блескъ двора и почестей, свѣтская жизнь и тревога имѣли для него особенную прелесть; но это не мѣшало ему быть добрымъ, сердечнымъ человѣкомъ, сочувствовать и помогать ближнему, поставленному судьбой въ менѣе благопріятныя внѣшнія условія.

Заслуги графа Модеста Андреевича русскому образованію въ качествѣ директора Императорской Публичной библіотеки такъ извѣстны всей Россіи, что распространяться о нихъ было бы излишне. Въ этой его дѣятельности, составившей эпоху въ исторіи нашего книгохранилища, особеннаго вниманія заслуживаютъ его близкія, можно сказать, какъ бы семейныя отношенія ко всѣмъ своимъ сотрудникамъ; смерть не изгладила чувствъ любви и благодарности въ сердцахъ всѣхъ исполнявшихъ его обширныя предначертанія къ обогащенію библіотеки и устроенію въ ней новаго порядка.

До послѣднихъ лѣтъ жизни графъ Корфъ изумлялъ своею неутомимою дѣятельностью и быстротою въ работѣ. Только этимъ его премуществомъ можно объяснить, какъ онъ, будучи строгимъ исполнителемъ всѣхъ родственныхъ и свѣтскихъ обязанностей, употребляя, слѣдовательно, довольно много времени на посѣщенія и на общество, успѣвалъ исписывать цѣлыя кипы бумаги. Говорю не объ однѣхъ служебныхъ его работахъ: онъ, кромѣ того, находилъ досугъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій вести свой дневникъ, тетрадями котораго занято множество картонокъ; исполнялъ по высочайшимъ порученіямъ разные историческіе труды; наконецъ, написалъ извѣстную біографію своего бывшаго начальника, потребовавшую многосложныхъ предварительныхъ изслѣдованій и обширной переписки. Вполнѣ ли вѣренъ его взглядъ на Сперанскаго, справедливъ ли тяжкій упрекъ въ неискренности, взводимый имъ на этого государственнаго человѣка, — рѣшитъ потомство; но и независимо отъ этихъ вопросовъ, названная книга составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній русской литературы шестидесятыхъ годовъ, не

только по обилію и новости свѣдѣній, ею распространенныхъ въ обществѣ, но и какъ памятникъ новаго духа, повѣявшаго на Россію съ первыхъ лѣтъ царствованія Александра II.

Входить въ обсужденіе государственныхъ заслугъ графа Корфа не считаю себя въ правѣ; для современниковъ еще рано произносить въ этомъ отношеніи рѣшительный приговоръ. Другимъ предоставляю также отыскивать тѣни въ свѣтломъ образѣ, оставленномъ личностью графа Корфа въ душѣ всѣхъ коротко его знавшихъ: я хотѣлъ только сообщить нѣкоторыя черты, по которымъ этотъ образъ всегда останется незабвенъ и дорогъ въ исторической галлереѣ русскихъ дѣятелей [1])...

5. ДЕ-БУДРИ.

Изъ числа наставниковъ своихъ графъ Корфъ, такъ же какъ и Пушкинъ, съ особеннымъ уваженіемъ отзывался о преподавателѣ французской литературы *де-Будри*, которому, по словамъ его, воспитанники были много обязаны своимъ развитіемъ. О немъ не разъ уже были сообщаемы свѣдѣнія въ статьяхъ, посвященныхъ исторіи царскосельскаго лицея, но кажется, еще не было обращено вниманіе на некрологъ де-Будри, напечатанный въ концѣ 1821 года въ *Сынѣ Отечествѣ*, и потому не безполезно будетъ сообщить здѣсь эту довольно любопытную замѣтку. Она перепечатывается съ оттиска, доставленнаго мнѣ почтеннымъ ветераномъ лицея, товарищемъ Пушкина и графа Корфа, Сергѣемъ Дмитріевичемъ Комовскимъ.

«23-го Сентября сего 1821 года скончался въ С.-Петербургѣ профессоръ французской словесности коллежскій совѣтникъ и кав. Давидъ Ивановичъ де-Будри. Онъ родился въ 1756 г. въ городѣ Нейштадтѣ (въ Швейцаріи) отъ поселившагося тамъ изъ Италіи доктора медицины и философіи Ивана М...а (Марата). Ученіе началъ въ нейштадтской гимназіи; а въ 1768 г., переселившись

---

[1]) Этотъ некрологъ графа Корфа былъ напечатанъ въ *Русской Старинѣ* 1876 г.

съ отцомъ своимъ въ Женеву, вступилъ въ гимназію сего города, гдѣ учился природному, латинскому и греческому языкамъ, также разнымъ наукамъ, кои преподаются въ гимназіяхъ, до 1773 года. Тогда переведенъ въ тамошнюю академію; въ оной занимался словесными и философскими науками, геометріею, физикою и преимущественно теологіею, которой былъ кандидатомъ въ то время, какъ вызвалъ его въ Россію 1784 г. покойный камергеръ Василій Петровичъ Салтыковъ для воспитанія своихъ дѣтей. По окончаніи сего воспитанія, г. Будри посвятилъ себя наставленію юношества въ пансіонахъ и частныхъ домахъ. Потомъ опредѣленъ учителемъ французской словесности въ 1803 г. въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ ордена Св. Екатерины, и въ 1806 г. въ С.-П.-Б. губернскую гимназію; а въ концѣ того же года учинилъ присягу на вѣчное подданство Россіи. Въ 1808 г. пожалованъ чиномъ 9-го класса. Въ 1811 г. произведенъ въ профессоры 7-го класса и въ семъ званіи переведенъ изъ гимназіи въ Императорскій царскосельскій лицей. Въ томъ же году издавъ французскую грамматику съ россійскимъ переводомъ, посвятилъ оную государю императору. Въ 1814 г. опредѣленъ для преподаванія французской словесности въ царскосельскій благородный пансіонъ. Въ 1819 г. получилъ чинъ коллежскаго совѣтника. За отличное усердіе къ службѣ удостоивался въ разное время (кромѣ орденовъ Св. Анны 2-го класса, котораго имѣлъ впослѣдствіи брильянтовые знаки, и Св. Владиміра 4-й степени) особенныхъ наградъ отъ государя императора и государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, состоящихъ въ золотыхъ часахъ, табакеркахъ и брильянтовыхъ перстняхъ.

«Образованный умъ, благородное сердце, примѣрная кротость нрава и добродушіе пріобрѣли покойному любовь и уваженіе отъ всѣхъ его знавшихъ. Онъ имѣлъ друзей, для которыхъ память его пребудетъ навсегда драгоцѣнною.

«Погребеніе сего почтеннаго мужа представляло трогательное зрѣлище. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, получившихъ воспитаніе въ лицеѣ, сохраняя къ бывшему ихъ наставнику, и по смер-

ти его, чувствованія уваженія и признательности, и желая отдать послѣдній долгъ покойному, несли бренные останки его изъ церкви и сопровождали до кладбища. Въ несеніи гроба участвовалъ и директоръ лицея дѣйст. стат. сов. Энгельгардтъ».

6. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ЛИЦЕѢ ПРИ ЭНГЕЛЬГАРДТѢ.

Въ исторіи лицея за періодъ ближайшій ко времени перваго выпуска, встрѣчается замѣчательный эпизодъ, до сихъ поръ мало извѣстный. Въ краткой исторіи этого заведенія, составленной г. Селезневымъ, упоминается только вскользь о еженедѣльныхъ вечернихъ собраніяхъ, бывшихъ у директора для литературныхъ бесѣдъ [1]). Теперь могу сообщить болѣе полныя о томъ свѣдѣнія изъ подлинныхъ бумагъ, полученныхъ мною отъ нашего бывшаго министра юстиціи Дмитрія Николаевича Замятнина, вышедшаго изъ лицея, по окончаніи тамъ курса, въ 1823 году (это былъ 3-й выпускъ). Изъ этихъ бумагъ оказывается, что въ 1821 году Е. А. Энгельгардтъ задумалъ основать въ лицеѣ, для содѣйствія литературному образованію молодыхъ людей, «общество лицейскихъ друзей полезнаго». Сохранившійся уставъ этого общества гласитъ, что *дѣйствительные* его члены избираются исключительно изъ лицейскихъ воспитанниковъ старшаго возраста; кромѣ того, есть члены *почетные*, избираемые изъ преподавателей и гувернеровъ; со временемъ же предполагалось приглашать въ общество, съ этимъ званіемъ, и постороннихъ лицъ. Президентъ общества есть директоръ лицея. Дѣйствительные члены обязаны, каждый въ свою очередь, прочесть въ собраніи какое-либо свое сочиненіе, а иногда и переводъ, и труды ихъ подвергаются общему обсужденію; при этомъ выражено желаніе, чтобы для большей пользы всѣ сочиненія писались на иностранныхъ языкахъ. Кромѣ частныхъ собраній, съ одними дѣйствительными членами, предположены и публичныя съ участіемъ всѣхъ воспитанниковъ

---

[1]) *Историческій очеркъ бывшаго царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея.* Составленъ И. Селезневымъ. Спб. 1861, стр. 148.

лицея, а со временемъ и преподавателей и посторонних лицъ; каждое публичное собраніе открывается рѣчью. Въ концѣ года, въ день рожденія «благословеннаго Основателя лицея», бываетъ чрезвычайное собраніе, на которое приглашается и публика. Каждый дѣйствительный членъ вноситъ ежегодно по два рубля на покупку словарей и другихъ книгъ, изъ которыхъ впослѣдствіи должна образоваться библіотека общества. Все происходящее въ частныхъ собраніяхъ остается между членами и ни подъ какимъ видомъ не должно быть разглашаемо или пересказываемо постороннимъ лицамъ; виновный въ нарушеніи этого правила исключается изъ общества.

При уставѣ, подписанномъ директоромъ и нѣсколькими воспитанниками лицея, сохранились и относящіяся къ засѣданіямъ бумаги. На первомъ собраніи, бывшемъ 11-го ноября 1821 года, предсѣдатель произнесъ небольшую рѣчь на французскомъ языкѣ, въ которой любопытно особенно окончаніе. «Предвижу, сказалъ директоръ, что это соединеніе, чисто литературное, приведетъ къ другому союзу, — нравственному, столь же полезному, и, почему не сказать этого? — еще болѣе интересному. Эта литературная связь еще болѣе укрѣпитъ узы довѣрія, откровенности и дружбы, которыя уже соединяютъ насъ и которыя — скажу съ гордостью — ни въ какомъ другомъ заведеніи не существуютъ въ такой степени между воспитателемъ и воспитанниками. Да, друзья мои, наши литературные вечера еще утвердятъ сердечный союзъ, который путемъ любви и благодарности, а не страха, производитъ прочное повиновеніе и послушаніе, союзъ сердецъ, который вознаграждаетъ меня за всѣ непріятности, сопряженныя съ совѣстливымъ исполненіемъ моей должности. На этихъ вечерахъ мы сблизимся, мы соединимся еще тѣснѣе, и союзъ, образовавшійся въ этомъ убѣжищѣ мира и дружбы, продлится, надѣюсь, и за предѣлами лицея. Наше желѣзное кольцо [1]) будетъ символомъ того. Разстоянія и обстоятельства могутъ иногда удалить насъ

[1]) Кольцо, которое Энгельгардъ, при выпускѣ каждаго курса, раздавалъ выходящимъ воспитанникамъ на память.

другъ отъ друга, но вполнѣ они не разлучатъ насъ. Пусть лицей будетъ намъ вѣчно дорогъ, пусть онъ останется нашимъ сборнымъ мѣстомъ. И когда меня уже въ немъ не будетъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ, и тогда, друзья мои, любите лицей, будьте соединены, какъ руки, обвитыя нашимъ кольцомъ».

Въ первомъ же засѣданіи были избраны должностныя лица общества, и званіе секретаря досталось Д. Н. Замятнину; затѣмъ назначена очередь чтеній. Вотъ нѣкоторыя изъ темъ, на которыя сочиненія были задаваемы и отчасти написаны. «Отвѣтъ другу на вопросъ: Если бы ты жилъ не въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то въ которомъ изъ предыдущихъ желалъ бы ты жить?» — «Мысль о бытіи Высшаго Существа и о безсмертіи души составляютъ основу добродѣтелей и счастія человѣка». — «Отчего просвѣщеніе народовъ обыкновенно сопровождается испорченностью нравовъ? Можно ли утверждать, что образованіе влечетъ за собою упадокъ и ослабленіе народовъ и государствъ?» — «Сатирическая похвала клеветѣ». — «Очеркъ исторіи Мальтійскаго ордена [1])». — «Чтó вреднѣе для государства: частыя войны или дурное управленіе?» — «Причины побѣдъ Россіи надъ Швеціею», — «Взглядъ на главные перевороты въ русской исторіи». — «Объ общественномъ мнѣніи». — «Взглядъ на нравственное состояніе нынѣшней Европы». — «О *Мизантропѣ* Мольера». — «Взглядъ на законодательство Екатерины Великой».

Послѣднія четыре сочиненія, уцѣлѣвшія при протоколахъ общества, написаны секретаремъ его (Д. Н. Замятнинымъ); только одно изъ нихъ — четвертое — на русскомъ языкѣ, и по самому предмету своему оно заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ краткомъ введеніи авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Наиболѣе важно то, что всѣ узаконенія Екатерины II имѣютъ общій, къ одной цѣли ведущій духъ и отличаются вообще единствомъ, точностію и полнотою. Подробное систематическое изложеніе ея мудраго законодательства мнѣ не по силамъ и не по лѣтамъ, а

---

[1]) Е. А. Энгельгардтъ былъ въ царствованіе Павла секретаремъ этого ордена.

потому я довольствуюсь однимъ только краткимъ обозрѣніемъ главнѣйшихъ частей онаго». Послѣ обстоятельнаго очерка законовъ и учрежденій Екатерины II, авторъ заключаетъ словами: «Слѣдуя во всѣхъ своихъ узаконеніяхъ однимъ началамъ съ великимъ преобразователемъ Россіи, Екатерина ознаменовала вторую блистательную эпоху нашего новѣйшаго законодательства. Нынѣ благополучно царствующій государь императоръ, слѣдуя великимъ симъ примѣрамъ, предпринялъ довершить начатое Петромъ и Екатериною важное дѣло. По восшествіи его на престолъ, одно изъ первыхъ попеченій его было воскресить комиссію составленія законовъ. Образованіе сего сословія изъ людей отличнѣйшихъ, неусыпное участіе, которое принимаетъ самъ монархъ въ ихъ трудахъ, и важные успѣхи въ самихъ трудахъ сихъ служатъ намъ порукою въ томъ, что великое дѣло систематическаго нашего законодательства, начатое Петромъ I, продолженное Екатериною Великою, довершено будетъ Александромъ Благословеннымъ».

Но общество собиралось уже нѣсколько разъ и еще не было утверждено высшимъ начальствомъ. Чтобы дать ему это окончательное освященіе, Энгельгардтъ лично испрашивалъ у тогдашняго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ разрѣшенія торжественно начать публичныя собранія въ день рожденія государя, 12-го декабря (1821). 6-го числа директоръ лицея получилъ отъ князя А. Н. Голицына слѣдующій собственноручный отвѣтъ:

«Милостивый государь мой, Егоръ Антоновичъ.

«По словесному вашему вопросу, можно ли 12-го декабря открыть общество изъ воспитанниковъ лицея для литературныхъ занятій, я сегодня докладывалъ государю императору, и его величеству угодно прежде видѣть правила, на которыхъ вы желаете оное устроить. Итакъ, ежели и послѣдуетъ разрѣшеніе государя, то я сомнѣваюсь, чтобъ къ 12-му числу вы могли получить отвѣтъ.

«По составленіи вами правилъ пришлите ихъ немедленно ко мнѣ, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
князь Александръ Голицынъ.

С. Петербургъ
5-го декабря 1821».

Отвѣтъ на это письмо, съ приложеніемъ проекта устава, былъ отправленъ Е. А. Энгельгардтомъ немедленно. Вотъ что писалъ директоръ:

«Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! По приказанію вашего сіятельства, мною сегодня полученному, честь имѣю препроводить при семъ проектъ правилъ, предполагаемыхъ для литературнаго сословія между воспитанниками лицея. Изъ общей физіогноміи оныхъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что все сіе общество есть ничто иное какъ домашній способъ занять пріятнымъ и полезнымъ образомъ молодыхъ людей, готовящихся вступить въ дѣйствительную жизнь, пріучить ихъ нѣсколько къ общему порядку дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ и наконецъ пріучить ихъ къ необходимой способности объяснять и выражать мысли свои предъ публикою безъ робости, но и съ приличною скромностью. Все въ сихъ правилахъ содержащееся приспособлено преимущественно къ сей частной нашей цѣли, и мы, составляя оныя между собою, не дерзнули никогда полагать, чтобы оныя когда-либо могли удостоиться быть представленными государю императору, почему и не обращали особеннаго вниманія, какъ на слогъ, такъ и на расположеніе. Не менѣе того однако я долгомъ поставляю представить оныя вашему сіятельству безъ малѣйшихъ перемѣнъ или поправокъ.

«Впрочемъ, я пріемлю смѣлость возобновить предъ вашимъ сіятельствомъ всепокорнѣйшую мою просьбу удостоить сію бездѣлицу благосклоннаго вашего вниманія, и если самое дѣло не найдетъ препятствія, то я смѣю надѣяться, что ваше сіятельство

не откажете въ своемъ содѣйствіи къ исполненію столь естественнаго, какъ и похвальнаго желанія воспитанниковъ открыть свою бесѣду въ благословенный для нихъ день рожденія нашего Отца и Благотворителя, и такъ праздновать оный достойнѣйшимъ образомъ, стараніемъ ихъ соотвѣтствовать по мѣрѣ силъ своихъ благодѣтельнымъ его желаніямъ и попеченіямъ. Съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства милостиваго государя покорнѣйшій слуга Егоръ Энгельгардтъ.

Царское Село, декабря 6-го дня 1821 года».

Прошло 12-е декабря, прошелъ и Новый годъ, — а отвѣта отъ князя Голицына все не было. Наконецъ, 14-го января 1822 года, получено въ лицеѣ такое отношеніе:

«Милостивый государь мой, Егоръ Антоновичъ. Присланный при письмѣ вашего превосходительства отъ 6-го числа минувшаго декабря проектъ правилъ для учрежденія, между воспитанниками Императорскаго Царскосельскаго лицея, общества, подъ названіемъ: лицейскіе друзья полезнаго, доводилъ я до свѣдѣнія Государя Императора. Его Величество, по прочтеніи сихъ правилъ, соизволилъ признать учрежденіе такого общества между воспитанниками лицея неприличнымъ и ненужнымъ: вопервыхъ, потому что занятія, предполагаемыя для сего общества, будутъ слишкомъ ихъ развлекать и отнимать у нихъ время, необходимое на повтореніе уроковъ и на упражненія гораздо полезнѣйшія и существеннѣйшія по разнымъ предметамъ ученія; во-вторыхъ, самые такъ называемые литературные труды учащихся не могутъ еще никакъ составлять предмета чтенія для публичныхъ собраній, и собственныя ихъ сужденія о сочиненіяхъ и переводахъ должны быть еще столько недостаточны, что имъ слѣдуетъ болѣе слушать мнѣнія знающихъ и опытныхъ, нежели проявлять мысли свои о томъ, чему еще обучаются и чего потому основательно знать не могутъ; въ-третьихъ, позволеніе воспитанникамъ засѣдать въ собраніяхъ на ряду съ своими наставниками и воспитателями отниметъ у нихъ должное уваженіе къ начальствующимъ надъ ними.

По всѣмъ симъ причинамъ Государю Императору не угодно учрежденіе такого Общества между воспитанниками.

Увѣдомляя васъ о семъ, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою
Князь Александръ Голицынъ.

№ 3. Въ С. Петербургѣ 11 генваря 1822».

Письмо было получено Егоромъ Антоновичемъ 14-го числа. Въ тотъ же день онъ собралъ членовъ своего неодобреннаго монархомъ общества и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Милостивые государи! Сегодняшнее чрезвычайное собраніе наше имѣетъ предметомъ сообщить вамъ объявленную мнѣ чрезъ г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія высочайшую Его Императорскаго Величества волю относительно существованія нашего сословія. Я получилъ сегодня отъ его сіятельства князя А. Н. Голицына слѣдующее отношеніе».

По прочтеніи бумаги, директоръ лицея продолжалъ: «Повиновеніе волѣ начальства есть первая обязанность подданнаго, а потому и надлежитъ намъ теперь же прекратить существованіе сего общества. Протоколъ сего засѣданія есть послѣдній нашъ; въ оный внесется письмо г. министра и немедленное исполненіе, по оному сдѣланное. Всѣ понынѣ состоявшіеся протоколы, уставъ нашъ, сочиненія и прочія бумаги я возьму къ себѣ на сохраненіе въ особо запечатанномъ пакетѣ, и общество лицейскихъ друзей полезнаго болѣе не существуетъ! Мы тѣмъ исполнили долгъ повиновенія. Но съ тою же откровенностію, которою руководствуюсь я всегда въ обращеніи моемъ съ вами, друзья мои, я не скрою отъ васъ, здѣсь, въ дружескомъ кругу, что я съ чувствомъ сердечнаго прискорбія разрываю связь, отъ которой ожидали мы нѣкогда многихъ полезныхъ послѣдствій для насъ, для любезнаго нашего лицея и для будущей службы нашей Государю и Отечеству. Вы, конечно, всѣ дѣлите со мною сіе чувство, и я его не охуждаю, но я вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что вы послѣ-

дуете и совѣту и примѣру моему повиноваться безъ малѣйшаго роптанія волѣ высшаго начальства. Я требую отъ васъ, какъ начальникъ и какъ другъ, чтобы, вышедъ изъ сей комнаты, вы не позволили себѣ въ кругу прочихъ товарищей нашихъ никакихъ разсужденій насчетъ прекращенія нашего общества. «Оно прекращено по волѣ высшаго начальства»: вотъ все, что́ можемъ, что́ должны мы дозволить себѣ о семъ сказать.

Итакъ мы, какъ члены «Общества лицейскихъ друзей полезнаго», сегодня разлучаемся, но мы всегда останемся неразлучными лицейскими друзьями полезнаго; и здѣсь, въ лицеѣ, пока мы вмѣстѣ, и въ свѣтѣ, гдѣ каждый пойдетъ отдѣльною стезею, да будетъ всегда единственнымъ и непоколебимымъ предметомъ нашихъ стараній, всей нашей жизни — польза, честь и слава нашего лицея, Отечества и Государя, благодѣтеля нашего».

Происшедшія вскорѣ послѣ этого перемѣны въ судьбѣ лицея бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на строгость приговора, которому подверглись устроенныя Энгельгардтомъ собранія. Подобныя литературныя общества существовали тогда и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, чему первый примѣръ былъ поданъ Московскимъ университетскимъ пансіономъ. Уставъ или проектъ, откуда мною приведены главныя основанія, начинался словами: «Всѣ высшія учебныя заведенія, признавъ пользу, приносимую такъ называемыми литературными обществами, учредили таковыя между собою. Они, безъ сомнѣнія, суть вѣрнѣйшія средства распространять кругъ нашихъ свѣдѣній и понятій, утвердить насъ въ пріобрѣтенныхъ уже понятіяхъ, познакомить насъ самихъ съ недостатками и способностями нашими и вообще внушать охоту къ образованію. Увѣренные въ сей истинѣ и возбуждаемые искренними чувствами любви и благодарности къ нашему отечеству и къ лицею, мы вознамѣрились послѣдовать примѣру тѣхъ заведеній и учредить у себя подобное общество». Итакъ, при всей справедливости изложенныхъ въ послѣднемъ письмѣ князя Голицына доводовъ для закрытія лицейскаго общества, нѣтъ сомнѣнія, что, въ первое время по назначеніи Энгельгардта дирек-

торомъ лицея, мысль объ учрежденіи въ немъ такихъ собраній была бы совершенно иначе принята Государемъ. Извѣстно, какимъ довѣріемъ пользовался долгое время Энгельгардтъ. При опредѣленіи его въ названную должность удостоились полнаго одобренія предложенныя имъ (написанныя въ кабинетѣ Аракчеева) условія, въ ряду которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло слѣдующее: «Управленіе лицея сдѣлать совершенно независящимъ отъ всякаго посторонняго и раздробительнаго вліянія, такъ чтобы директоръ, не выходя изъ общихъ предѣловъ законныхъ, имѣлъ право распоряжать во всемъ по усмотрѣнію и совѣсти своей, отдавая въ концѣ каждаго года отчетъ въ управленіи своемъ и подвергая себя строжайшей передъ Богомъ и Царемъ отвѣтственности за всякое злоупотребленіе своей власти[1]). Но извѣстно также, какъ измѣнились мало по малу воззрѣнія императора Александра Павловича въ слѣдствіе обнаруживавшихся на Западѣ общественных движеній, находившихъ отголосокъ и въ нашемъ отечествѣ. Вотъ чѣмъ объясняется и перемѣна, происшедшая въ расположеніи Государя относительно Энгельгардта, къ чему, конечно, немало способствовало также вліяніе Аракчеева. Черезъ два мѣсяца послѣ запрещенія, объявленнаго въ письмѣ князя Голицына, лицей поступилъ подъ главное начальство великаго князя Константина Павловича и въ непосредственное вѣдѣніе начальника кадетскихъ корпусовъ графа Коновницына. Не прошло года, какъ, по случаю бывшаго въ лицеѣ концерта, у Энгельгардта возникли пререканія съ военнымъ начальствомъ, памятникомъ которыхъ осталась продолжительная офиціальная переписка, кончившаяся тѣмъ, что директоръ лицея подалъ въ отставку и былъ уволенъ 23-го октября 1823 года.

---

[1]) *Русск. Архивъ* 1872 г., стр. 1475: «Воспоминаніе о Е. А. Энгельгардтѣ» сына его, покойнаго Владиміра Ег. Энгельгардта, воспитанника 5-го курса.

V.

ОЧЕРКЪ БІОГРАФІИ ПУШКИНА[1].

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26-го мая 1799 года. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, принадлежалъ къ древнему дворянскому роду; въ молодости былъ онъ записанъ въ измайловскій полкъ, а потомъ, при императорѣ Павлѣ, служилъ въ гвардейскомъ егерскомъ; въ 1798 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Это былъ человѣкъ, который съ лоскомъ поверхностнаго французскаго образованія и свѣтскаго остроумія, соединялъ большое легкомысліе и отсутствіе строгихъ правилъ; но, не лишенный литературнаго таланта, онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, поэтомъ Василіемъ Львовичемъ, вращался въ кругу лучшихъ московскихъ писателей того времени. Жена его, Надежда Осиповна, происходила изъ семейства Ганнибаловъ, родоначальникомъ котораго былъ извѣстный арапъ Абрамъ Петровичъ, въ дѣтствѣ купленный для Петра Великаго въ Константинополѣ и награжденный при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ нѣсколькими помѣстьями; однимъ изъ нихъ было село Михайловское (Зуёво) въ Псковской губерніи. Надежда Осиповна была женщина умная, но не обладала ни ровнымъ характеромъ, ни способностями доброй хозяйки. Дѣтство Александра Сергѣевича протекло частью въ Москвѣ, частью въ подмосков-

---

[1]) Читанъ въ засѣданіи общаго собранія Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 23-го февраля 1887 г.

номъ имѣніи Захарьинѣ. Воспитателями его были иностранцы, но первыми уроками русскаго языка былъ онъ обязанъ своей бабушкѣ со стороны матери, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, и священнику Бѣликову. На 9-мъ году въ немъ начала развиваться страсть къ чтенію, находившая себѣ пищу въ богатой библіотекѣ отца его, состоявшей большею частью изъ французскихъ писателей 17-го и 18-го вѣка. Слухи о предстоявшемъ учрежденіи царскосельскаго лицея подали отцу поэта мысль отдать его въ это учебное заведеніе, и лѣтомъ 1811 г. даровитый мальчикъ былъ отвезенъ дядею въ Петербургъ и помѣщенъ въ лицей при содѣйствіи Александра Ивановича Тургенева. 19-го октября послѣдовало открытіе лицея. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ принято было туда, по предварительному экзамену, 30 мальчиковъ, изъ которыхъ приблизительно треть получила приготовительное образованіе въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ въ концѣ прошлаго столѣтія воспитывался Жуковскій и гдѣ подъ его вліяніемъ сильно развита была любовь къ литературѣ. Это направленіе перешло и въ лицей: между воспитанниками его скоро образовалось литературное общество, въ которомъ самое видное мѣсто занялъ Пушкинъ. Молодые писатели не только въ стѣнахъ лицея издавали рукописные журналы, но и посылали труды свои въ Петербургъ и въ Москву къ журналистамъ, которые охотно ихъ печатали.

Такимъ образомъ Пушкинъ еще на лицейской скамьѣ пріобрѣлъ извѣстность своимъ блестящимъ талантомъ; тогда уже его оцѣнили Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ и кн. Вяземскій. Почти всѣ они видѣли Пушкина мальчикомъ еще прежде въ Москвѣ, въ домѣ отца его. Вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, въ новооткрытомъ лицеѣ происходили частыя перемѣны въ составѣ начальства и наставниковъ. Оттого и преподаваніе шло вообще безпорядочно. Пушкинъ, при своей страсти къ поэзіи, мало занимался уроками, но много читалъ и быстро развивалъ свое дарованіе, какъ видно изъ множества написанныхъ имъ въ лицеѣ стихотвореній. Выпущенный въ 1817 году

съ чиномъ 10-го класса, Пушкинъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Славою своего таланта онъ уже обращалъ на себя общее вниманіе и примкнулъ къ кружку свѣтской молодежи, съ которою велъ разсѣянную жизнь, не ослабѣвая однакожъ нисколько въ своемъ поэтическомъ творчествѣ. Въ 1820 г. онъ кончилъ свою первую поэму *Русланъ и Людмила*, заимствованную изъ сказочнаго міра и начатую еще въ лицеѣ. По этому случаю Жуковскій подарилъ ему свой портретъ съ надписью: «Ученику отъ побѣжденнаго учителя». Между тѣмъ нѣкоторыми слишкомъ вольными стихотвореніями, которыя, какъ все, что писалъ Пушкинъ, распространялись въ обществѣ, онъ навлекъ на себя неудовольствіе высшаго правительства и едва не подвергся ссылкѣ въ Сибирь или заточенію въ Соловецкій монастырь. Только благодаря заступничеству Карамзина и статсъ-секретаря Каподистріи, императоръ Александръ Павловичъ согласился смягчить наказаніе. Оставленный на службѣ, Пушкинъ отправленъ былъ въ подвѣдомственное коллегіи иностранныхъ дѣлъ попечительство колонистовъ южнаго края, находившееся въ Екатеринославѣ подъ управленіемъ генерала Инзова. Къ счастію своему, Пушкинъ нашелъ въ немъ глубоко просвѣщеннаго и добраго начальника, вполнѣ понявшаго свою задачу сохранить Россіи ввѣренный его попеченію драгоцѣнный талантъ: въ порывахъ и шалостяхъ Пушкина онъ видѣлъ одни юношескія увлеченія и обращался съ нимъ отечески, снабжая его книгами, а за проступки наказывая его только домашнимъ арестомъ съ лишеніемъ сапоговъ. Когда, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Екатеринославъ, заболѣвшему поэту представился случай съѣздить къ кавказскимъ водамъ съ семействомъ генерала Раевскаго, Инзовъ охотно отпустилъ Пушкина. Извѣстно, какъ плодотворно сдѣлалось для него это двухмѣсячное путешествіе, блестящимъ результатомъ котораго явилась поэма его *Кавказскій плѣнникъ*. На обратномъ пути съ Кавказа Пушкинъ провелъ три недѣли у Раевскихъ на южномъ берегу Крыма, въ прекрасномъ Юрзуфѣ, а потомъ короткое время въ имѣніи ихъ родныхъ (Давыдовыхъ)

Каменкѣ, Кіевской губ., откуда онъ опять вынесъ неизгладимыя на всю жизнь впечатлѣнія.

Между тѣмъ Инзовъ, получивъ новый постъ временного намѣстника Бессарабской области, переѣхалъ на жительство въ Кишиневъ, куда переведено было и управленіе колоніями южнаго края, а потому тамъ долженъ былъ поселиться и Пушкинъ. Въ этомъ городѣ, посреди пестраго полуазіатскаго населенія и хаотическихъ элементовъ еще не устроившагося быта, онъ пробылъ около трехъ лѣтъ (съ послѣднихъ чиселъ сентября 1820 по іюнь 1823 г.), ведя разнузданную и разгульную жизнь въ обществѣ то молдаванъ и грековъ, которыхъ множество бѣжало сюда вслѣдствіе возстанія Греціи, то лицъ военнаго сословія, принадлежавшихъ къ расположенному здѣсь штабу. Этотъ безпорядочный образъ жизни и пылкія страсти, которымъ поэтъ предавался, не мѣшали ему однакожъ, въ часы уединенныхъ занятій, находить въ поэзіи источникъ нравственнаго очищенія и самоусовершенствованія: онъ попрежнему много читалъ, изучалъ иностранныя литературы, дѣлалъ выписки изъ книгъ, которыя самъ пріобрѣталъ на скудныя средства свои, велъ дневникъ и написалъ многія изъ лучшихъ стихотвореній своихъ, между прочимъ свои превосходныя, свидѣтельствующія о возвышенномъ настроеніи, посланія: *Чаадаеву* и *Овидію*. Но важнѣйшими плодами его вдохновеній въ Кишиневѣ были его *Братья разбойники* и отзывающаяся сильнымъ вліяніемъ Байрона поэма *Бахчисарайскій фонтанъ*. Здѣсь же былъ уже задуманъ *Евгеній Онѣгинъ* и положено начало поэмѣ *Цыганы*. Поводомъ къ послѣдней послужило то обстоятельство, что за какую-то вину Пушкинъ былъ посланъ Инзовымъ въ Измаилъ; во время этой поѣздки онъ присоединился ко встрѣченному по дорогѣ цыганскому табору и кочевалъ съ нимъ нѣсколько дней.

Въ маѣ 1823 г. новоучрежденная должность Новороссійскаго генералъ-губернатора замѣщена была графомъ М. С. Воронцовымъ; въ его же вѣдѣніе отошла и Бессарабская область. Пушкинъ причисленъ былъ къ канцеляріи генералъ-губернатора

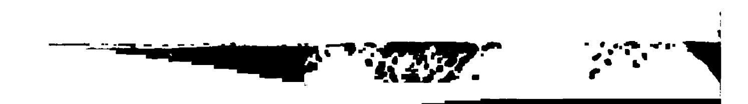
и переѣхалъ въ Одессу, какъ центръ мѣстнаго управленія. Можно представить себѣ, какое обаяніе должна была имѣть для него, послѣ Кишинева, жизнь въ этомъ, тогда уже богатомъ городѣ со всѣми прихотями европейской цивилизаціи, съ театромъ, итальянскою оперой, французскими ресторанами и живописнымъ видомъ на море. Но положеніе Пушкина совершенно измѣнилось въ отношеніи къ новому его начальнику, хотя также просвѣщенному, но строгому въ соблюденіи формальной стороны служебныхъ требованій. «Онъ видитъ во мнѣ коллежскаго секретаря», писалъ Пушкинъ въ Петербургъ, «а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое». Недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ были неизбѣжны; окончательный разрывъ между ними былъ вызванъ данною Пушкину командировкою для наблюденій надъ саранчою въ южныхъ степяхъ Новороссійскаго края. Графъ Воронцовъ имѣлъ при этомъ весьма благородную цѣль дать Пушкину случай отличиться по службѣ, но поэту такое порученіе показалось оскорбительнымъ: онъ сталъ выражать свое неудовольствіе колкими выходками и эпиграммами, которыя жадная молва разносила по всему городу. Тогда графъ Воронцовъ рѣшился удалить Пушкина изъ Одессы и написалъ управлявшему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде письмо, въ которомъ, сознавая, что поведеніе поэта во многомъ измѣнилось къ лучшему, представлялъ о необходимости перевести его на службу въ какую-нибудь другую губернію. Между тѣмъ въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо Пушкина къ одному пріятелю съ легкомысленною, но вовсе не серьезною фразою [1]), подавшею поводъ къ обвиненію его въ безвѣріи. Послѣдствіемъ было то, что въ іюлѣ 1824 года Нессельроде сообщилъ гр. Воронцову высочайшее повелѣніе уволить Пушкина изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и отправить его въ псковское имѣніе родителей подъ надзоръ мѣстнаго начальства. Двухлѣтнее пребываніе его въ Михайловскомъ имѣло самое благотворное

---

[1]) «Школьническою шуткой», какъ впослѣдствіи выразился самъ поэтъ въ одномъ письмѣ.

дѣйствіе на дальнѣйшее развитіе его характера и таланта. Уже въ Одессѣ онъ освободился отъ вліянія Байрона и принялся за изученіе Шекспира; тамъ окончилъ онъ поэму *Цыганы* и продолжалъ *Евгенія Онѣгина*, въ которомъ такъ ярко отразилось новое направленіе его поэзіи — изображеніе русской жизни и русской природы. Въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго онъ болѣе и болѣе знакомился съ произведеніями устной народной словесности, записывая пѣсни, сказки и пословицы, которыя слышалъ, между прочимъ, отъ своей старой няни, столь знаменитой Арины Родіоновны. Въ то же время онъ углублялся въ изученіе отечественной исторіи, въ лѣтописи, и создалъ достойную Шекспира драму *Борисъ Годуновъ*, а вслѣдъ за нею исполненный веселости разсказъ *Графъ Нулинъ*.

Извѣстіе о событіяхъ 14-го декабря крайне взволновало Пушкина, тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ главными изъ участниковъ заговора. Онъ считалъ долгомъ чести лично явиться въ Петербургъ и уже выѣхалъ было изъ Михайловскаго, но въ началѣ же дороги перемѣнилъ намѣреніе и вернулся. Воцареніе императора Николая оживило въ немъ надежды на прощеніе. Уже и прежде онъ просилъ о разрѣшеніи пріѣхать въ столицу для лѣченія мнимаго аневризма, но ему позволено было посѣщать только Псковъ. Теперь, съ перемѣною обстоятельствъ, онъ отправилъ, чрезъ псковского губернатора Адеркаса, всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ, принося повинную, обѣщалъ ни въ чемъ не обнаруживать мыслей, противныхъ установленному порядку, представилъ и подписку въ томъ, что не принадлежалъ и не принадлежитъ ни къ какому тайному обществу. Въ концѣ августа мѣсяца, чрезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, на это прошеніе послѣдовала милостивая резолюція императора Николая привезти Пушкина, въ сопровожденіи фельдъегеря, въ Москву, при чемъ однакожъ было оговорено, что ему предоставляется ѣхать отдѣльно въ своемъ экипажѣ. 8-го сентября Пушкинъ прямо съ дороги привезенъ былъ въ Николаевскій дворецъ, гдѣ государь удостоилъ



его милостиваго разговора и между прочимъ спросилъ, принялъ ли бы онъ участіе въ мятежѣ, еслибъ былъ въ Петербургѣ.— «Непремѣнно, государь, отвѣчалъ Пушкинъ: въ заговорѣ были всѣ друзья мои: одно отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога».—Отпуская Пушкина, государь объявилъ ему свою волю, чтобы онъ впредь все написанное представлялъ на собственную цензуру его величества. Во всю остальную жизнь свою поэтъ съ непритворнымъ благоговѣніемъ вспоминалъ эту аудіэнцію.

Время, проведенное имъ послѣ того въ Москвѣ, было для него настоящимъ торжествомъ: не только въ кругу литераторовъ, но и въ знатныхъ домахъ его принимали съ почетомъ, слушали съ восторгомъ его *Бориса Годунова*. При его главномъ участіи основался тогда же новый журналъ *Московскій Вѣстникъ*, въ которомъ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ. Но исключительное отношеніе, въ какое онъ поставленъ былъ къ цензурѣ, при необходимости обращаться въ каждомъ случаѣ къ гр. Бенкендорфу, было сопряжено для Пушкина съ непредвидѣнными затрудненіями, тѣмъ болѣе, что и цензурное вѣдомство иногда предъявляло свои права на разсмотрѣніе его трудовъ. Первою испытанною имъ непріятностью было письменно выраженное ему шефомъ жандармовъ неудовольствіе за чтеніе Бориса Годунова въ обществахъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія.

Въ маѣ 1827 года Пушкину позволено было жить въ Петербургѣ. Здѣсь начинается послѣднее десятилѣтіе его краткаго вѣка при совершенно новыхъ условіяхъ: на него обращены взоры не только всей Россіи, но и самого монарха, который, оцѣнивъ геніальнаго писателя, оказываетъ ему высокое благоволеніе. Въ полномъ сознаніи своихъ силъ, Пушкинъ развиваетъ отнынѣ дѣятельность, которая изумляетъ насъ какъ размѣрами своими, такъ и разнообразіемъ. За множествомъ мелкихъ его стихотвореній этой эпохи невозможно слѣдить въ краткомъ очеркѣ; можно указывать лишь на крупныя его произведенія. Въ 1828 г. онъ кончаетъ VII главу *Евгенія Онѣгина* и съ необыкновенной быстро-

той создаетъ *Полтаву*. Частыя перемѣны мѣстопребыванія и новыя обстоятельства жизни, не уменьшая его дѣятельности, служатъ ему только поводомъ къ новымъ твореніямъ.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Москву, въ 1828 году, онъ пораженъ красотою дѣвицы Наталіи Николаевны Гончаровой и въ слѣдующемъ году проситъ ея руки. Неполный успѣхъ этого предложенія подаетъ ему мысль предпринять второе путешествіе на Кавказъ, откуда онъ отправляется на театръ турецкой войны, къ фельдмаршалу графу Паскевичу, и памятниками этого любопытнаго эпизода его жизни являются впослѣдствіи: замѣчательное описаніе *путешествія въ Арзрумъ* въ прозѣ и неконченная поэма *Галубъ* въ стихахъ. Въ 1830 году, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, онъ получаетъ согласіе Гончаровой, и 18-го февраля 1831 вѣнчается съ нею въ Москвѣ, въ церкви Стараго Вознесенья. По поводу предстоящей женитьбы, отецъ Пушкина выдѣлилъ ему свое родовое помѣстье Болдино (200 душъ) въ Нижегородской губерніи. Для вступленія во владѣніе этимъ имѣніемъ, поэтъ отправился туда осенью 1830 года, во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры. Эта поѣздка замѣчательна по множеству сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ, которыя были написаны тамъ въ короткое время. Къ числу ихъ принадлежали: нѣсколько *драматическихъ* трудовъ, *Повѣсти Бѣлкина*, *Домикъ въ Коломнѣ*, *Лѣтопись села Горохина*, *Моя родословная*. Тогда же окончена была послѣдняя глава *Евгенія Онѣгина*. Первое лѣто послѣ женитьбы проведено было въ дорогомъ Пушкину, по воспоминаніямъ, Царскомъ Селѣ. Вмѣстѣ съ Жуковскимъ, прибывшимъ туда же съ высочайшимъ Дворомъ, Пушкинъ обратился къ новому для нихъ обоихъ роду поэзіи и написалъ нѣсколько сказокъ въ народномъ духѣ. Въ это же время написаны имъ двѣ патріотическія пьесы *Клеветникамъ Россіи* и *Бородинская годовщина*. Болѣе и болѣе склоняясь къ историческимъ трудамъ, онъ тогда же возымѣлъ мысль приняться за исторію любимаго своего героя Петра Великаго, уже воспѣтаго имъ въ поэмѣ *Полтава*. Государь, одобривъ это предпріятіе, повелѣлъ открыть

ему доступъ въ государственные архивы. Вслѣдъ за тѣмъ Пушкинъ снова былъ зачисленъ, по высочайшей волѣ, въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 5,000 руб. асс. въ годъ. Эта милость доставляла ему существенную помощь въ его экономическихъ затрудненіяхъ, естественно увеличившихся со времени его женитьбы, при лежавшихъ на немъ долгахъ и дороговизнѣ столичной жизни съ потребностями нѣкоторой роскоши, къ которымъ привыкла молодая жена. Для удовлетворенія ихъ, деньги, выручавшіяся съ продажи его сочиненій, были далеко не достаточны, хотя книгопродавцы и журналисты уже довольно щедро оплачивали его рукописи.

Къ 1832 и началу 1833 г. относится повѣсть *Дубровскій*; къ послѣднему, кромѣ того: *Родословная моего героя*, *Мѣдный Всадникъ*, *Русалка* и *Анджело*.

Съ зимы 1832 Пушкинъ посвящаетъ большую часть своего времени занятіямъ въ архивахъ. Встрѣтивъ, при этомъ, матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, еще никѣмъ не затронутой, Пушкинъ рѣшился прежде всего обработать ее въ видѣ отдѣльнаго этюда, а рядомъ съ этой работой, какъ дополненіе ея, написалъ бытовую повѣсть изъ эпохи Пугачевщины, подъ заглавіемъ *Капитанская дочка*. Чувствуя необходимость побывать на сценѣ дѣйствія, онъ осенью 1833 г. испросилъ отпускъ въ Казань и Оренбургъ, осматривалъ мѣстности, разспрашивалъ старожиловъ, и въ концѣ ноября, возвратясь въ Петербургъ, представилъ государю въ рукописи свою *Исторію Пугачевскаго бунта*. Въ послѣдній день того же года императоръ Николай повелѣлъ выдать ему заимообразно 20 т. р. на напечатаніе этого труда и въ то же время пожаловалъ автора въ камеръ-юнкеры. На покрытіе же издержекъ, сопряженныхъ съ жизнью при Дворѣ и въ высшемъ обществѣ, ему, въ 1835 г., даровано было въ ссуду 30 т. руб. асс. безъ процентовъ, съ вычетомъ этого долга изъ его жалованья.

Въ 1836 г. къ прежнимъ занятіямъ и заботамъ Пушкина присоединились новыя. Низкій уровень, на которомъ находилась

наша литература и особенно критика, давно уже внушалъ поэту и друзья его мысль основать свой особый органъ для противодѣйствія людямъ, присвоившимъ себѣ вредную монополію въ журнальномъ дѣлѣ. Съ этою же цѣлію Пушкинъ, по снятіи съ него опалы, принялъ горячее участіе, сперва въ *Московскомъ Телеграфѣ* Полевого, затѣмъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Погодина, а позднѣе въ *Литературной Газетѣ* барона Дельвига, въ которой, какъ прежде и въ *Телеграфѣ*, помѣщалъ колкія замѣтки противъ ложнаго направленія и меркантильнаго духа тогдашней журналистики. Къ этимъ соображеніямъ присоединялась и забота о матеріальныхъ выгодахъ, заставлявшая Пушкина мечтать объ изданіи политической и литературной газеты, для которой имъ уже была выработана и программа. Когда же этотъ планъ не удался, то онъ испросилъ разрѣшеніе издавать чисто литературный журналъ и основалъ трехмѣсячный *Современникъ*, котораго при жизни его, въ теченіе 1836 года, вышло четыре книги. Однакожъ это изданіе, по своему спокойному и умѣренному характеру, не имѣло большого успѣха и не поправило дѣлъ Пушкина.

Между тѣмъ зависть и вражда къ поэту не дремали, подстрекаемыя иногда съ его стороны язвительными выходками и стихами, отъ привычки къ которымъ онъ не могъ вполнѣ отрѣшиться. Одно изъ такихъ стихотвореній [1]) навлекло на него непримиримую ненависть графа С. С. Уварова. Другимъ заклятымъ врагомъ Пушкина была одна дама высшаго круга, салонъ которой служилъ сборнымъ мѣстомъ всего дипломатическаго корпуса. Злорѣчіе, давно направленное противъ семейной жизни поэта, разразилось наконецъ, въ ноябрѣ 1836 года, оскорбительными для Пушкина подметными письмами. Къ несчастію онъ, при всей возвышенности своихъ помысловъ, при глубоко религіозномъ настроеніи, которое усвоилъ себѣ въ послѣдніе годы, не умѣлъ побѣдить мелкаго тщеславія и суетности, заставляв-

---

[1]) *На выздоровленіе Лукулла.*

шихъ его приносить столько жертвъ большому свѣту, не умѣлъ отнестись къ клеветѣ съ мудрымъ презрѣніемъ и хладнокровіемъ. Адскій умыселъ, руководившій неизвѣстнымъ авторомъ подметныхъ писемъ, вполнѣ достигъ своей цѣли: кипя гнѣвомъ и ревностью, взволнованный до изступленія, Пушкинъ на оскорбленія отвѣчалъ оскорбленіями же и такимъ образомъ вынудилъ обвиняемаго имъ въ распространеніи тѣхъ писемъ иностранца Дантеса прислать ему вызовъ: несмотря на всѣ старанія друзей поэта, особенно Жуковскаго, предупредить кровавую развязку, дѣло кончилось дуэлью 27-го января 1837 года. Пушкинъ былъ смертельно раненъ въ правый бокъ пулею изъ пистолета и черезъ два дня скончался въ страшныхъ мученіяхъ. На смертномъ одрѣ онъ имѣлъ отраду испытать великодушное участіе государя, приславшаго къ нему лейбъ-медика Арндта и собственноручную записку, въ которой объявилъ ему милостивое прощеніе, совѣтовалъ умереть христіаниномъ и обѣщалъ свое покровительство его семейству. На погребеніе Пушкина выдано было 10,000 р. асс., съ его наслѣдниковъ сложенъ весь лежавшій на немъ долгъ и сверхъ того пожаловано 50 т. р. асс. на напечатаніе его сочиненій, съ продажи которыхъ выручка опредѣлена на составленіе отдѣльнаго капитала въ пользу дѣтей покойнаго. Въ то же время два сына его зачислены въ Пажескій корпусъ, и какъ имъ, такъ и вдовѣ, назначены пенсіи. Такъ проницательный монархъ умѣлъ оцѣнить заслуги русскому просвѣщенію великаго поэта, которому суждено было украсить его царствованіе.

Въ предыдущемъ изложеніи очерчены главнымъ образомъ внѣшнія обстоятельства жизни Пушкина. Обыкновенно біографіи писателей не представляютъ съ этой стороны большого разнообразія и интереса. Въ жизни Пушкина мы видимъ противное, благодаря его пылкой, страстной природѣ въ соединеніи съ геніальностью. Люди этого рода рѣдко уживаются со средою, въ которую они поставлены. Примѣромъ тому могутъ служить другіе два писателя: Ломоносовъ и Державинъ. Крутыя перемѣны въ жизни Пушкина были всякій разъ вызываемы его

столкновеніями съ дѣйствительностью. Какъ удаленіе его на югъ было слѣдствіемъ своенравныхъ увлеченій его таланта, какъ последующая ссылка его въ деревню имѣла причиною неправильное его отношеніе къ чуждому для него служебному поприщу, такъ и виною самой смерти его было его ненормальное положеніе въ большомъ свѣтѣ. Такимъ образомъ вся жизнь Пушкина, съ краткими промежутками успокоенія, можетъ назваться бурною. Въ горнилѣ страстей развивался съ необычайной быстротою его геній, требовавшій безпрерывной дѣятельности. Только этою неодолимою потребностью творчества объясняется его плодовитость, позволившая ему въ краткій 25-тилѣтній срокъ (начиная съ 13-тилѣтняго возраста) оставить потомству такое богатое литературное наслѣдіе, которое въ жизни менѣе сильнаго дарованія потребовало бы цѣлаго ряда десятилѣтій: многіе знаменитые писатели начали создавать важнѣйшія свои произведенія только съ того возраста, въ которомъ Пушкинъ кончилъ свое земное поприще. Слѣдя за развитіемъ этого мощнаго духа, мы не можемъ не замѣчать, какъ въ каждомъ изъ періодовъ его творчества, на которое жизнь его дѣлится самыми событіями, созданія его становятся все зрѣлѣе и глубже. Каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется своими особыми чертами. Главныя изъ такихъ чертъ указаны выше, при описаніи его жизни. Въ послѣднемъ ея періодѣ геній его достигаетъ полной возмужалости и самостоятельности. Ложныя сужденія тогдашней близорукой и пристрастной критики уже не могутъ поколебать его сознанія въ своей исполинской мощи: онъ ищетъ одобренія въ одномъ собственномъ судѣ своемъ. Во всѣхъ родахъ литературы онъ является первостепеннымъ мастеромъ и неподражаемымъ художникомъ. Отъ лирической поэзіи онъ смѣло переходитъ къ эпосу и драмѣ на твердой національной почвѣ, и наконецъ останавливается почти исключительно на эпическомъ родѣ и на исторіи. Стихъ его, сохраняя прежнюю звучность и образность, пріобрѣтаетъ еще бóльшую сжатость и изящную простоту. Такова и проза его, въ мужественной простотѣ своей достигающая небывалой прелести.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и душевное настроеніе его становится все возвышеннѣе и чище, и при сильномъ патріотическомъ одушевленіи принимаетъ глубоко-религіозный оттѣнокъ. Съ такими задатками совершенства чего нельзя было ожидать отъ поэта въ лучшую пору его жизни? Но не даромъ онъ, въ какомъ-то ясновидящемъ предчувствіи, лихорадочно спѣшилъ создавать; не даромъ мысль о смерти давно занимала его и все съ новой настойчивостью къ нему возвращалась. Судьба его была — явиться въ мірѣ русской мысли яркимъ метеоромъ и навѣки обогатить русскій народъ дивными дарами своего генія.

VI.

ЛИЧНОСТЬ ПУШКИНА, КАКЪ ЧЕЛОВѢКА[1]).

Гоголь въ одномъ письмѣ къ старинному другу Пушкина, Нащокину, говорилъ: «Свѣтъ остается навсегда при разъ установленномъ отъ него же названіи. Ему нѣтъ нужды, что у повѣсы была прекрасная душа, что въ минуты самыхъ повѣсничествъ сквозили ея благородныя движенія, что ни одного безчестнаго дѣла имъ не было сдѣлано, что бывшій повѣса уже давно-умудренъ опытомъ и жизнію, что онъ уже не юноша, но отецъ семейства, выполняющій строго свои обязанности къ Богу и къ людямъ» и т. д. Эти слова были сказаны какъ будто съ мыслью о Пушкинѣ. Легкое направленіе поэзіи его въ первые годы по выпускѣ изъ лицея, нѣкоторые стихи, въ которыхъ онъ, подъ вліяніемъ Вольтера и другихъ писателей XVIII вѣка, принесъ дань юношескимъ увлеченіямъ, были причиною, что на Пушкина стали смотрѣть какъ на вольнодумца и безбожника. Эта репутація въ глазахъ многихъ оставалась за нимъ не только въ позднѣйшіе періоды его творчества, когда въ его образѣ жизни, въ его воззрѣніяхъ и общемъ направленіи его поэзіи давно совершился рѣшительный переворотъ, но, къ удивленію нашему, отчасти еще и теперь держится, по крайней мѣрѣ въ средѣ людей, которые никогда серьезно не изучали Пушкина. Между тѣмъ для

---

[1]) Читано въ собраніи Общества любителей россійской словесности, въ Москвѣ, 7-го іюня 1880 года.

наблюдательнаго взора даже и въ молодости его сквозь видимое легкомысліе и беззавѣтную веселость проглядываетъ серьезное настроеніе и строгій взглядъ на жизнь. Такая противоположность отражалась и въ наружности Пушкина. Одинъ изъ современниковъ его[1]), разсказывая о первыхъ своихъ впечатлѣніяхъ при встрѣчѣ съ нимъ въ Кишиневѣ, говоритъ, что это былъ молодой человѣкъ необыкновенно живой въ своихъ пріемахъ, часто смѣющійся въ избыткѣ непринужденной веселости и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе.

Въ Пушкинѣ уже съ ранняго возраста какъ будто таилось предчувствіе краткости отмежеваннаго ему вѣка: онъ спѣшилъ и жить и создавать, какъ бы угадывая, что ему предназначенъ жребій прославиться, наполнить міръ блескомъ своего имени и вдругъ погибнуть въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ: крайне щекотливое чувство чести много разъ заставляло его рисковать жизнію и наконецъ привело къ роковой развязкѣ. Пылкая природа его не знала мѣры еще въ годы его воспитанія. Изъ разсказовъ его лицейскихъ товарищей и наставниковъ извѣстно, что онъ, сознавъ свой талантъ, въ послѣднее время пребыванія въ лицеѣ съ лихорадочнымъ жаромъ предавался страсти къ поэзіи, день и ночь думалъ о стихахъ и даже разъ во снѣ сочинилъ два удачные стиха, включенные имъ потомъ въ одну изъ тогдашнихъ пьесъ его. Слывя въ лицеѣ повѣсою, онъ однакожъ никогда не былъ празднымъ, съ удивительною быстротою навсегда усвоивалъ себѣ все, что повидимому бѣгло читалъ или слышалъ. «Ни одно чтеніе, ни одинъ разговоръ, ни одна минута размышленія, говоритъ Плетневъ, не пропадали для него на цѣлую жизнь». Вопреки тому, что мы обыкновенно встрѣчаемъ даже въ даровитыхъ людяхъ, у Пушкина память была одинаково воспріимчива и для фактовъ и для словъ: онъ такъ же легко и прочно запоминалъ историческія событія и анекдоты о знаменитыхъ людяхъ, какъ и новые звуки и формы иностраннаго языка. Лицей-

---

[1]) В. П. Горчаковъ.

скія стихотворенія Пушкина представляютъ между прочимъ одну любопытную черту: въ нихъ можно найти слѣды того, что онъ уже тогда самъ понималъ неосновательность взгляда, который сквозь оболочку юношеской вѣтрености не замѣчалъ въ немъ совсѣмъ другого рода основы. Такъ еще передъ выходомъ изъ лицея онъ говорилъ въ своемъ посланіи къ гусару Каверину:

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный...[1]).

Здѣсь 18-ти лѣтній поэтъ обнаруживаетъ уже замѣчательное самосознаніе и психологическую наблюдательность. О тогдашнемъ внутреннемъ мірѣ его даетъ понятіе читанная имъ на выпускномъ экзаменѣ пьеса «Безвѣріе». Во второй половинѣ ея изображено безотрадное состояніе невѣрующаго. Очень ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что эта пьеса, какъ написанная для случая, не можетъ служить вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительнаго образа мыслей поэта. Пушкинъ никогда не умѣлъ притворяться, не умѣлъ, особенно въ стихахъ, говорить что-нибудь для виду или для угожденія другимъ: правдивость и искренность составляли одну изъ господствующихъ сторонъ нравственнаго существа его; онъ самъ называлъ себя «врагомъ стѣснительныхъ условій и оковъ».

По выходѣ изъ лицея поэтъ посреди шумныхъ развлеченій столицы, въ кругу легкомысленныхъ друзей, не переставалъ читать и учиться; развитіе его души и таланта шло съ усиленной быстротой, и въ концѣ 1819 года, 20-ти лѣтъ отъ роду, онъ уже самъ сознавалъ въ себѣ новаго человѣка. Это прекрасно выразилось тогда же въ пьескѣ, напечатанной только девятью годами позже, подъ заглавіемъ «Возрожденіе», гдѣ онъ сравниваетъ

---

[1]) См. выше, стр. 33.

себя съ картиной мастера, надъ которой какой-то бездарный живописецъ намалевалъ было новое изображеніе:

Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей:
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Между тѣмъ однакожъ своенравный геній поэта увлекалъ его иногда къ созданіямъ, бывшимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи какъ съ собственными его основными понятіями, такъ и съ общественными условіями, посреди которыхъ онъ жилъ, и надъ головою его собралась грозная туча. Къ счастію, она не сдѣлалась для него гибельною: удаленіе его изъ Петербурга было чрезвычайно плодотворно и для поэзіи его и для нравственнаго перерожденія. Это событіе, безъ сомнѣнія, глубоко потрясшее впечатлительную душу юноши, не могло не пробудить въ немъ грустныхъ размышленій, не заставить его задуматься надъ жизнью и судьбой человѣка, а наглядное знакомство съ живописной природой юга Россіи, съ разнохарактерными племенами ея и съ провинціальнымъ обществомъ должно было дать новый, сильный толчокъ и такъ уже далеко опередившему годы развитію Пушкина. Въ Кишиневѣ, несмотря на множество случаевъ къ разсѣянной жизни, у него болѣе нежели въ столицѣ оставалось времени для занятій: это принужденное уединеніе естественно оживило въ немъ охоту къ умственному труду, и вотъ какъ самъ онъ отдаетъ отчетъ о томъ въ посланіи къ бывшему царскосельскому другу, гусару Чаадаеву:

Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ...

Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друженъ умъ,
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ...

Съ этихъ-то поръ особенно въ Пушкинѣ становится замѣтно сочетаніе рѣдкаго поэтическаго таланта съ любознательностью; онъ глубоко изучаетъ каждый предметъ, котораго коснется; потребность эта скоро приводитъ его къ заимствованію предметовъ для поэзіи изъ исторіи и наконецъ обращаетъ его къ чисто историческимъ трудамъ: плодомъ новаго направленія его былъ рядъ поэмъ, гдѣ съ каждымъ шагомъ видимо зрѣетъ и мысль его и художественное пониманіе. Можно сказать, что въ нихъ поэтъ уподобляется сказочному богатырю, растущему не по днямъ, а по часамъ: неудивительно, что самъ онъ какъ будто ежеминутно замѣчалъ полетъ времени надъ собою и на 22 году жизни уже готовъ былъ оплакивать улетѣвшую юность. «Я переваpиваю воспоминанія», писалъ онъ въ эту пору Дельвигу, «и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, *подъ старость нашей молодости* какъ не воспоминаніями?» Въ 25 лѣтъ Пушкинъ является намъ уже совершенно остепенившимся, трудолюбивымъ, осторожнымъ въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ. Изъ писемъ его, относящихся къ этой эпохѣ, когда онъ приступалъ къ созданію *Бориса Годунова*, видно, съ какою трезвостію ума, съ какимъ глубоко-критическимъ смысломъ онъ всматривался въ изучаемыя имъ произведенія отечественной и иностранной, особенно англійской литературы; уже Байронъ его не удовлетворяетъ и онъ все свое сочувствіе отдаетъ Шекспиру. Углубляясь въ русскія лѣтописи, онъ такъ опредѣляетъ ихъ характеръ, воспроизведенный имъ въ лицѣ Пимена: «умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ

власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что такое добросовѣстное приготовленіе Пушкина къ выполненію его художническихъ задачъ не могло не наложить печати зрѣлости не только на его талантъ, но и на всю нравственную физіономію его. Между прочимъ оно утвердило въ немъ правильный взглядъ на прошлое, на дѣятельность нашихъ предшественниковъ, и онъ въ своихъ замѣткахъ набросалъ эти слова, которыхъ нельзя довольно повторять въ наше время: «Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда нашего сердца?.. Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго». Когда явился его блестящій разсказъ *Графъ Нулинъ*, и журнальная критика обрадовалась случаю пощеголять своимъ цѣломудріемъ, то обвиненіе поэта въ безнравственности содержанія глубоко оскорбило его, какъ видно изъ найденныхъ въ его бумагахъ возраженій, въ которыхъ онъ объясняетъ своимъ противникамъ, чтó такое безнравственное сочиненіе и какая разница между нравственностью и нравоученіемъ.

Рукописи Пушкина, оставшіяся послѣ его смерти, служатъ краснорѣчивыми документами его необыкновеннаго трудолюбія. По безчисленнымъ поправкамъ въ его произведеніяхъ можно судить, какъ не легко онъ удовлетворялся тѣмъ, что выходило изъ-подъ пера его, какъ шло къ нему самому названіе *взыскательный художникъ*, употребленное имъ въ одномъ изъ его сонетовъ, какихъ наконецъ усилій стоило ему то совершенство формы, та ровность отдѣлки, которыхъ онъ достигалъ во всѣхъ своихъ стихахъ. И это упорство въ работѣ тѣмъ изумительнѣе, что намъ извѣстно, какою пламенною душою онъ былъ одаренъ, какъ охотно онъ предавался развлеченіямъ общества и наслажденіямъ природою. Въ одной замѣткѣ его о разныхъ родахъ поэзіи наше вниманіе невольно останавливается на выраженіи: «Безъ постояннаго труда нѣтъ истинно великаго».

Хотя Пушкинъ никогда не рисовался своими душевными качествами, но есть много доказательствъ его сердечной доброты и человѣколюбія. Такъ въ письмѣ къ брату своему Льву Сергѣевичу, писанномъ по поводу перваго извѣстія о петербургскомъ наводненіи 1824 года, онъ послѣ размышленій и шутокъ, вызванныхъ прискорбнымъ событіемъ, вдругъ перемѣняетъ тонъ: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ. Онъ вовсе не такъ забавенъ. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ онѣгинскихъ денегъ, но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго». Въ слѣдующемъ году, прочитавъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», что слѣпой священникъ перевелъ книгу Сираха и издаетъ свой трудъ по подпискѣ, онъ поручаетъ брату подписаться на нѣсколько экземпляровъ. Его отношенія къ Льву Сергѣевичу были истинно братскія, — болѣе того: будучи 7-ю годами старше его, онъ питаетъ къ нему нѣжную, какъ бы родительскую любовь, выражающуюся то въ заботливости о его образованіи, то въ совѣтахъ житейскаго благоразумія. Сердясь на брата за легкомысліе и неряшество въ исполненіи порученій, онъ при первомъ свиданіи все забываетъ, платитъ долги его и не щадитъ хлопотъ, чтобы выводить его изъ затрудненій, въ которыя тотъ по своей винѣ безпрестанно попадаетъ.

Такое же сочувствіе внушаетъ намъ Пушкинъ постоянствомъ своей сердечной привязанности къ старой нянѣ, къ которой онъ такъ часто возвращается въ стихахъ своихъ, черты которой въ фантазіи его сливаются съ образомъ вдохновляющей его музы, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ писанныхъ еще въ лицеѣ:

Наперсница волшебной старины,
. . . .
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,

Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила.

Любящее сердце Пушкина просвѣчиваетъ и въ житейскихъ его отношеніяхъ и въ дружеской перепискѣ, даже въ добродушной шутливости ея. Въ его письмахъ къ Нащокину, относящихся къ счастливымъ годамъ его женитьбы, есть мѣста драгоцѣнныя по своей простотѣ и искренности. Такъ въ 1835 году, обрадованный полученіемъ длиннаго письма отъ московскаго друга своего, онъ ему отвѣчаетъ:

«Говорятъ, что несчастіе хорошая *школа*: можетъ быть. Но счастіе есть лучшій *университетъ*. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, *какова и моя*, какъ тебѣ извѣстно!» Вотъ какъ Пушкинъ понималъ самого себя, и мы не можемъ не признать этой оцѣнки вѣрною.

Одну изъ отличительныхъ чертъ его личности составляло благородство, замѣчаемое въ поведеніи его еще въ юности, которую онъ въ одномъ стихотвореніи не даромъ назвалъ гордою. Покойный Плетневъ, бывшій въ весьма частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Пушкинымъ, свидѣтельствуетъ: «Въ жизни честь, можно сказать, рыцарская была основаніемъ его поступковъ, и онъ не отступалъ отъ своихъ понятій о ней ни одного разу въ жизни, при всѣхъ искушеніяхъ и перемѣнахъ судьбы своей». Равнымъ образомъ и въ его поэзіи серьезная и безпристрастная критика никогда еще не могла отыскать слѣдовъ нравственнаго униженія.

Въ глубинѣ души его смолоду теплилось искреннее религіозное чувство. Уклоненія его въ противоположную сторону были не болѣе какъ либо мимолетныя сомнѣнія, либо юношескія шалости, въ которыхъ онъ въ позднѣйшіе годы горько раскаивался. Любопытно имъ самимъ переданное замѣчаніе въ разговорѣ съ человѣкомъ другихъ убѣжденій: «Сердце мое склонно къ матеріализму, но умъ отвергаетъ его». Извѣстнымъ стихамъ его:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

могутъ быть противопоставлены не только его же стансы, написанные въ отвѣтъ на укоръ митрополита Филарета, но и другіе гораздо менѣе распространенные и болѣе ранніе стихи его:

Ты сердцу непонятный мракъ,
Пріютъ отчаянья слѣпого,
Ничтожество, пустой призракъ,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка,
Я все не вѣрую въ тебя.
Ты чуждо мысли человѣка,
Тебя страшится гордый умъ!..
Но, улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной!

Такое настроеніе сопровождалось въ душѣ Пушкина наклонностью къ суевѣрію и расположеніемъ объяснять самые простые житейскіе случаи таинственными причинами, чтó впрочемъ составляетъ естественную черту поэтическихъ, одаренныхъ богатою фантазіею натуръ. Извѣстно, напр., какое значеніе онъ придавалъ совпаденію нѣкоторыхъ событій его жизни съ днемъ праздника Вознесенія. (Мимоходомъ замѣтимъ, что его собственное показаніе о рожденіи своемъ въ этотъ день подтверждаетъ вѣрность факта, что онъ родился въ четвергъ 26 мая, число, на которое падалъ этотъ праздникъ въ 1799 г.). О сочувствіи Пушкина къ религіозности свидѣтельствуетъ между прочимъ статья его о Байронѣ, въ которой онъ старается оправдать британскаго поэта отъ упрековъ въ безвѣріи и замѣчаетъ, что можетъ-быть скептицизмъ его былъ только временнымъ своенра-

віемъ ума, иногда идущаго противъ внутренняго убѣжденія. Съ лѣтами религіозное чувство Пушкина становилось все теплѣе, все явственнѣе отражалось въ его поэзіи. Въ послѣдніе годы жизни однимъ изъ любимыхъ занятій его сдѣлалось чтеніе евангелія и молитвъ православной церкви; нѣкоторыя изъ нихъ, поражавшія его своимъ поэтическимъ достоинствомъ, заучивались имъ наизусть; одна переложена была даже въ стихи.

Приходило къ концу второе десятилѣтіе самостоятельной жизни поэта со времени его выпуска изъ лицея. Нельзя безъ изумленія остановиться на томъ фактѣ, что все великое, совершенное Пушкинымъ въ литературѣ, есть плодъ только двухъ съ небольшимъ десятилѣтій дѣятельности — отъ 1814 до начала 1837 года. Его нѣкогда столь веселая и шаловливая муза принимала все болѣе задумчивый характеръ. Ничто не выражаетъ этого перехода такъ наглядно, какъ двѣ первыя строфы стиховъ, приготовленныхъ имъ къ послѣдней при жизни его лицейской годовщинѣ, въ 1836 году.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй;
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ,
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился,
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ.
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ,
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

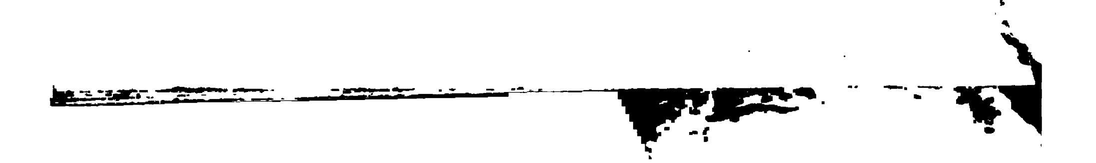
Извѣстно, что Пушкинъ, при чтеніи этихъ стиховъ за столомъ, отъ волненія не могъ кончить ихъ, и пересѣвъ на диванъ, закрылъ лицо руками. Уже и за пять лѣтъ до того стихи, читанные имъ на лицейскомъ праздникѣ, отличались такимъ же оттѣнкомъ грусти: насчитавъ шесть опустѣвшихъ мѣстъ въ кругу своихъ товарищей, онъ задумчиво говорилъ:

И мнится, очередь за мною...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый.

Давно уже его преслѣдовала мысль о смерти:

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ...

Своею кончиною Пушкинъ вполнѣ искупилъ тѣ страстные порывы, тѣ заблужденія сердца и ума, которыя только въ глазахъ неумолимо-строгихъ судей его бурной молодости могутъ омрачить его память. Посреди страшныхъ мукъ на смертномъ одрѣ онъ явилъ и изумительную силу духа въ стоическомъ самообладаніи, и истинно-христіанскую кротость, и трогательную нѣжность семьянина. Побѣждая нестерпимую боль, онъ удерживался отъ стоновъ, чтобы не смущать жены, и говорилъ, что стыдно было бы дать пересилить себя такому вздору. Благодарность къ царю, прощеніе враговъ, заботливость объ оставляемой имъ семьѣ, полное примиреніе съ самимъ собою, таково было настроеніе, которое наполняло душу Пушкина въ послѣднія минуты жизни; такъ разстался онъ съ этимъ міромъ, гдѣ пожиравшее его пламя было для него источникомъ и столькихъ наслажденій, гдѣ онъ оставилъ столь блестящій и неизгладимый слѣдъ своего существованія на радость грядущимъ поколѣніямъ. Біографъ



Пушкина П. В. Анненковъ справедливо называетъ его кончину «событіемъ, исполненнымъ драматической силы и глубокой нравственной идеи».

Послѣ всего, что далъ Пушкинъ своему народу и человѣчеству, послѣ его труженической жизни, послѣ его мученической смерти у кого еще станетъ духу упрекать за ошибки юности эту почтенную тѣнь, являющуюся намъ въ двойномъ ореолѣ терпѣнія и страданія? Кто не благословитъ съ умиленіемъ память этого великаго писателя, навѣки связавшаго свое имя съ судьбами русскаго искусства?

VII.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЯ ЗАНЯТІЯ ПУШКИНА

ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ [1]).

Исторія Пугачевскаго бунта была издана Пушкинымъ въ концѣ 1835 года съ предисловіемъ, которое помѣчено: «2 ноября 1833 г. Село Болдино» [2]).

Въ этомъ предисловіи онъ говоритъ, что сверхъ офиціальныхъ документовъ, обнародованныхъ правительствомъ, и извѣстій иностранныхъ писателей, онъ пользовался нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Далѣе изъ этого же предисловія видно, что дѣло о Пугачевѣ осталось тогда не распечатаннымъ. Пушкинъ прямо упоминаетъ о томъ и изъявляетъ надежду, что будущему историку, которому позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправить и дополнить его трудъ.

Какими же рукописями пользовался Пушкинъ? Въ своемъ возраженіи на критику Броневскаго, напечатанную въ *Сынѣ Оте-*

---

[1]) Напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1862 года.

[2]) Объявленіе о продажѣ ея помѣщено въ фельетонѣ *Сѣверной Пчелы*, 29 декабря 1834 г., № 296. Цѣна книги была 20 р., а съ пересылкою 22 р. (ассигн.). Рукопись этого сочиненія, составляющая толстую листовую тетрадь, но только отчасти писанная самимъ Пушкинымъ, хранится нынѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ. Предисловіе переписано рукой товарища Пушкина по лицею, М. Л. Яковлева. Между приложеніями подшиты печатные листы изъ книги: *Записки о жизни и службѣ Бибикова.*

чества, онъ говоритъ: «я прочелъ со вниманіемъ все что̀ было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in folio разныхъ рукописей, указовъ, донесеній и пр.»

Въ матеріалахъ для біографіи Пушкина, изданныхъ Анненковымъ (стр. 360), сказано, что онъ получилъ право сноситься съ С.-Петербургскимъ архивомъ Инспекторскаго департамента и съ Московскимъ отдѣленіемъ его; что вмѣстѣ съ тѣмъ ему открытъ былъ главный Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, которому посвятилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ 1836 г., и что съ сокровищами Государственнаго архива онъ ознакомился подъ руководствомъ и наблюденіемъ графа Д. Н. Блудова. Въ этихъ указаніяхъ не довольно точно обозначены эпохи и цѣли занятій Пушкина въ разныхъ архивахъ.

Главными и почти единственными рукописными источниками при названномъ трудѣ служили ему документы, хранящіеся въ архивѣ Инспекторскаго департамента Военнаго министерства, частью въ С.-Петербургѣ, частью въ Москвѣ [1]). Они состоятъ большею частію въ перепискѣ Военной коллегіи съ мѣстными начальниками, въ бумагахъ, касающихся преимущественно численнаго состава и передвиженія войскъ, въ манифестахъ Пугачева и допросахъ нѣкоторымъ изъ его сообщниковъ. Притомъ, въ этихъ книгахъ болѣе обильные матеріалы относятся только къ первой половинѣ бунта, которая потому и разработана у Пушкина съ большею полнотою и точностію нежели послѣдняя половина,— періодъ назначенія Панина, преслѣдованія Пугачева Михельсономъ, поимки самозванца, слѣдствія и суда надъ нимъ. Вотъ почему и изъ документовъ этой второй эпохи Пушкинъ не напечаталъ почти ничего въ приложеніяхъ къ своей книгѣ.

Въ возраженіяхъ на критику Броневскаго онъ говоритъ, что имѣлъ намѣреніе приготовить второе, болѣе совершенное изданіе своего труда. «Я собирался», сказано въ самомъ началѣ этой анти-

---

[1]) Съ разрѣшенія бывшаго военнаго министра Д. А. Милютина, я имѣлъ въ рукахъ двѣ толстыя переплетенныя книги здѣшняго архива Инспекторскаго департамента, которыми пользовался Пушкинъ.

критики, «при другомъ изданіи исправить замѣченныя погрѣшности»... Вотъ почему уже вскорѣ послѣ напечатанія Исторіи Пугачевскаго бунта Пушкинъ, конечно побуждаемый критикою, сталъ искать новыхъ матеріаловъ для изученія этой эпохи. Между прочимъ, зная объ участіи Державина въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева, онъ обращался къ родственникамъ поэта съ просьбою позволить ему просмотрѣть записки, а можетъ-быть и другія бумаги покойнаго относящіяся къ пугачевщинѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки изъ письма вдовы Державина Дарьи Алексѣевны къ К. М. Бороздину, отъ 28 іюля 1834 г., изъ села Званки: «Благодарю тебя, душа моя Константинъ Матвѣевичъ, за увѣдомленіе въ разсужденіи моей бумаги. И я твоихъ же мыслей — оставить оное до моего возвращенія, тѣмъ болѣе что оная бумага и переписана въ скорости быть не можетъ. И такъ скажи, душа моя, объ этомъ Леониду [1]), дабы онъ извинился передъ Пушкинымъ и сказалъ бы ему, что прежде моего пріѣзда удовлетворить его нельзя по причинѣ той, что оная бумага не одно пугачевское дѣло въ себѣ заключаетъ, слѣдственно посему надо прежде оную разсмотрѣть, а безъ себя оное мнѣ сдѣлать не возможно». Вѣроятно, и по возвращеніи Дарьи Алексѣевны въ городъ, бумаги ея мужа не были доставлены Пушкину: по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для предположенія, чтобъ онѣ были въ рукахъ его.

Счастливѣе былъ онъ въ своихъ стараніяхъ найти доступъ къ актамъ Государственнаго архива. Здѣсь кстати прослѣдимъ весь ходъ дѣла по допущенію его къ разнымъ хранилищамъ этого рода.

23 іюля 1831 года графъ Бенкендорфъ, по высочайшему повелѣнію, увѣдомилъ графа Нессельроде, чтобъ онъ опредѣлилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ «извѣстнаго нашего поэта *титулярнаго совѣтника* Пушкина» съ дозволеніемъ отыскивать въ

[1]) Леониду Николаевичу Львову, племяннику Державина по женѣ. Бороздинъ былъ женатъ на сестрѣ этого Львова, Прасковьѣ Николаевнѣ.

архивахъ матеріалы для исторіи Петра I. Къ этому Бенкендорфъ присоединилъ свою просьбу назначить Пушкину жалованье.

Въ этой бумагѣ чинъ Пушкина означенъ былъ ошибочно. Въ запискѣ, представленной государю 12 января 1832 г., графъ Нессельроде, докладывая, что во исполненіе высочайшей воли *коллежскій секретарь* Пушкинъ опредѣленъ въ коллегію и потомъ пожалованъ въ титулярные совѣтники, испрашивалъ благоугодно ли, чтобъ ему открыты были и всѣ секретныя бумаги, какъ-то: о первой супругѣ Петра, о царевичѣ Алексѣѣ, также дѣла бывшей тайной канцеляріи.

Государь рѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, чтобы секретныя бумаги были открыты Пушкину не иначе какъ по назначенію графа Блудова[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было, чтобы Пушкинъ прочтеніемъ дѣлъ и составленіемъ изъ нихъ выписокъ занимался въ коллегіи и ни подъ какимъ видомъ не бралъ вообще ввѣряемыхъ ему бумагъ къ себѣ на домъ. Объ этомъ Нессельроде увѣдомилъ графа Дмитрія Николаевича 15 января, черезъ три дня послѣ доклада.

Между тѣмъ Пушкинъ возымѣлъ мысль написать исторію Суворова, и въ началѣ 1833 г. возникаетъ, вслѣдствіе этого, переписка по военному министерству. 8 февраля того же года графъ А. И. Чернышевъ, вѣроятно по поводу личнаго объясненія, просилъ его «увѣдомить, какія именно свѣдѣнія нужно будетъ ему получить» изъ этого министерства для сказанной цѣли. «Приношу вашему сіятельству», отвѣчалъ Пушкинъ, «искреннѣйшую благодарность за вниманіе оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ Главнаго штаба:

1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ.

2) Донесенія графа Суворова во время кампаніи 1794 г.

3) Донесенія его 1799 г.

4) Приказы его къ войскамъ.

---

[1]) Съ 1832 года министра внутреннихъ дѣлъ, а передъ тѣмъ товарища министра народнаго просвѣщенія и пр.

«Буду ожидать отъ вашего сіятельства позволенія пользоваться сими драгоцѣнными матеріалами». (Письмо ошибочно помѣчено 7-мъ февраля, вѣроятно вмѣсто 9-го).

Означенныхъ тутъ дѣлъ въ здѣшнемъ архивѣ Инспекторскаго департамента не оказалось, и потому о нихъ тотчасъ же написано въ московское отдѣленіе архива, а между тѣмъ къ Пушкину отправлены 25 февраля, при отношеніи военнаго министра въ третьемъ лицѣ [1]), отысканныя здѣсь три книги, изъ которыхъ двѣ уже обозначены мною выше, а третья содержитъ письма и донесенія Суворова за 1789, 90 и 91 года.

Вскорѣ были присланы изъ Москвы донесенія Суворова во время кампаній 1794, 99 и частью 1800-го, а также реляціи его за два послѣдніе года. 8 марта эти матеріалы были препровождены къ Пушкину опять при такой же бумагѣ Военнаго министра, съ увѣдомленіемъ, что приказовъ Суворова къ войскамъ и слѣдственнаго дѣла о Пугачевѣ не находится и въ московскомъ отдѣленіи архива.

Пушкинъ въ тотъ же день отвѣчалъ графу Чернышеву:

«Доставленныя мнѣ, по приказанію вашего сіятельства изъ московскаго отдѣленія Инспекторскаго архива книги получить имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою: благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

«Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ Военную коллегію, такъ же какъ и рапортовъ князя Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его

---

[1]) «Его благородію А. С. Пушкину. Военный министръ, препровождая при семъ къ А. С. Пушкину три книги» и проч. Отпуски съ этого и другихъ отношеній къ Пушкину засвидѣтельствованы служившимъ тогда въ Военномъ министерствѣ М. Д. Деларю, также бывшимъ лицейскимъ воспитанникомъ и поэтомъ. Извѣстно, какъ онъ пострадалъ чрезъ нѣсколько времени за переводъ весьма невинныхъ стиховъ В. Гюго, напечатанный въ *Библ. для Чтенія.*

сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 г. по конецъ того же года) приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодѣяніе.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣть быть» и проч.

Вслѣдствіе этого письма, были вытребованы изъ Москвы и доставлены Пушкину (29 марта) рапорты Бибикова, князя Голицына и Суворова за 1774 годъ; рапортовъ же Михельсона въ дѣлахъ Военнаго министерства не оказалось.

Бумаги, полученныя Пушкинымъ изъ этого вѣдомства и составлявшія двѣнадцать книгъ, оставались у него почти до конца 1835 г., то-есть еще годъ послѣ изданія сочиненія его о Пугачевскомъ бунтѣ. Въ сентябрѣ этого года дежурный генералъ Главнаго штаба, графъ П. А. Клейнмихель, потребовалъ ихъ обратно, такъ какъ въ нихъ встрѣчалась по Инспекторскому департаменту надобность, Пушкину же онѣ, вѣроятно, болѣе не были нужны.

Пушкинъ въ то время находился въ Михайловскомъ. Пріѣхавъ оттуда, онъ поспѣшилъ исполнить это требованіе, и 19 ноября написалъ къ генералу Клейнмихелю слѣдующее письмо:

«Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и поспѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сіятельства графа Чернышева, возвращены мною въ Военное министерство.

«Обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ Главномъ штабѣ находится одна мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 г.). Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами: осмѣливаюсь просить на то соизволенія вашего высокопревосходительства.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть» и проч.

По приказанію генерала Клейнмихеля, въ архивѣ Инспекторскаго департамента наведена была справка объ упомянутой

Пушкинымъ книгѣ; но оказалось, что тамъ ея нѣтъ, и что она находится въ архивѣ Генеральнаго штаба (собственно Военно-топографическаго депо). Генералъ Клейнмихель коротко отвѣчалъ Пушкину 29 января [1]) 1836 года, что книги, которой онъ проситъ, «ни въ здѣшнемъ, ни въ московскомъ архивѣ Инспекторскаго департамента нѣтъ». Такимъ образомъ Пушкинъ, адресовавшись не туда, куда слѣдовало, не ознакомился съ книгой, которая дѣйствительно находится въ архивѣ Военно-топографическаго депо [2]), и этимъ кончилась переписка его съ военнымъ министерствомъ.

Переписка о дозволеніи пользоваться Государственнымъ архивомъ для исторіи Пугачевскаго бунта началась не прежде 1835 года, то-есть уже послѣ изданія книги объ этой эпохѣ. 2 февраля графъ Бенкендорфъ сообщилъ Д. В. Дашкову, какъ министру юстиціи, высочайшее повелѣніе о допущеніи камеръ-юнкера Пушкина въ сенатскій архивъ для прочтенія дѣла о Пугачевскомъ бунтѣ и составленія изъ него выписки.

Въ то время существовала временная комиссія для разбора дѣлъ сенатскаго архива, и такъ какъ на основаніи правилъ, данныхъ въ руководство этой комиссіи, пугачевское дѣло, какъ секретное, подлежало передачѣ въ Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, то Дашковъ испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія, какъ ему поступить относительно Пушкина. Государь приказалъ дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ въ восьми запечатанныхъ пакетахъ передать въ Государственный архивъ, и о допущеніи туда Пушкина увѣдомить графа Нессельроде, которому Дашковъ и сообщилъ объ этомъ 21 февраля.

Затѣмъ, конечно по соглашенію между обоими министерствами, дѣло о Пугачевѣ изъ сената доставлено было прямо къ Пушкину. Распечатавъ восемь связокъ, въ которыхъ оно заключалось, онъ не нашелъ въ нихъ главнѣйшаго, по его словамъ,

---

[1]) Роковой день кончины Пушкина въ слѣдующемъ году.

[2]) См. статью мою: *«Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта»* во 2-й кн. *Записокъ Академіи Наукъ* 1862 года.

документа, — допроса, снятаго съ Пугачева въ Москвѣ. Поэтому Пушкинъ, письмомъ 28 августа того же года, просилъ завѣдывавшаго тогда Государственнымъ архивомъ Василія Алексѣевича Полѣнова, снестись о томъ съ начальникомъ архива Московскаго, А. Ѳ. Малиновскимъ, которому де вѣроятно извѣстно, гдѣ находится сей документъ.

Желаніе Пушкина было исполнено, хотя и не скоро. 20 сентября К. К. Родофиникинъ писалъ къ Малиновскому по этому предмету. Малиновскій отвѣчалъ, что въ Московскій архивъ никакихъ офиціальныхъ бумагъ о Пугачевѣ не поступало, но что въ архивской библіотекѣ находятся собранные приватно его предмѣстниками, Миллеромъ и Бантышъ-Каменскимъ, современные матеріалы: изъ портфеля Миллера шесть такихъ тетрадей, и томъ in-folio разныхъ бумагъ, внесенный въ архивъ Бантышъ-Каменскимъ въ 1808 году. Эти матеріалы были препровождены въ здѣшній Государственный архивъ, и конечно сообщены Пушкину.

По смерти его, графъ Бенкендорфъ, отношеніемъ 6 февраля 1837 г., просилъ графа Нессельроде доставить вѣдомость всѣмъ бумагамъ изъ разныхъ архивовъ, которыя были выданы Пушкину чрезъ министра Иностранныхъ дѣлъ. Нессельроде отвѣчалъ, что Пушкинъ занимался бумагами архивовъ въ самомъ домѣ министерства, для чего отведена была особая комната, и возвращалъ дѣла по мѣрѣ ихъ прочитыванія; не возвращенною же осталась только рукопись сочиненія Корба, которую графъ и просилъ доставить. За болѣзнію Бенкендорфа, Дубельтъ увѣдомилъ 24 марта, что между книгами и бумагами покойнаго поэта рукопись Корба не оказалась, и что онъ просилъ Жуковскаго возвратить эту рукопись, если она впослѣдствіи отыщется.

Изъ всѣхъ этихъ сношеній видно, какъ серіозно нашъ геніальный писатель смотрѣлъ на предпринятый имъ трудъ, и какъ дѣятельно заботился объ усовершенствованіи его. Но, начавъ вскорѣ издавать журналъ, онъ не успѣлъ уже заняться разработкою новыхъ матеріаловъ, и самъ сомнѣвался въ возможности

передѣлать свою книгу; это видно изъ словъ той же антикритики, напечатанной въ 3-мъ томѣ *Современника* 1836 года. Пушкинъ тутъ говоритъ, что онъ рѣшился отвѣчать Броневскому, «тѣмъ болѣе что *Исторія Пугачевскаго бунта*, не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, *вѣроятно* не будетъ имѣть и второго изданія». Можно однакожъ полагать, что такой строгій къ самому себѣ писатель какъ Пушкинъ рано или поздно возвратился бы къ своему труду, если бы тому не помѣшала ранняя смерть его; но какъ бы ни было, *Исторія Пугачевскаго бунта* осталась въ своемъ первоначальномъ видѣ. Недостатокъ знакомства съ самыми важными источниками не могъ не отразиться на этомъ сочиненіи, и надобно еще удивляться *относительному* обилію вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній собранныхъ Пушкинымъ, если вспомнить какъ мало времени онъ употребилъ на всю эту работу, и какъ мало имѣлъ навыка въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Впрочемъ иногда замѣтно, что онъ не вполнѣ пользовался и тѣми матеріалами, какіе были въ рукахъ его, и довольствовался легкими, хотя и мастерскими очерками, когда можно было развить предметъ съ большею подробностью. Даже нѣкоторые изъ документовъ, имъ самимъ напечатанныхъ, остались у него какъ будто безъ приложенія къ дѣлу.

По словамъ самого Пушкина (въ отвѣтѣ Броневскому), онъ посвятилъ два года, то-есть 1833 и 1834, на составленіе *Исторіи Пугачевскаго бунта*. Принимая въ расчетъ другіе труды, которые занимали его въ то же время, мы должны значительно сократить этотъ срокъ. Вѣроятно, первый томъ, въ которомъ самый текстъ состоитъ только изъ 168 страницъ довольно разгонистой печати, былъ законченъ уже въ 1833 г., на что указываетъ и предисловіе, помѣченное 2-мъ ноября этого года. Въ 1834 же происходило печатаніе какъ этого тома, такъ и второго, содержащаго одни приложенія.

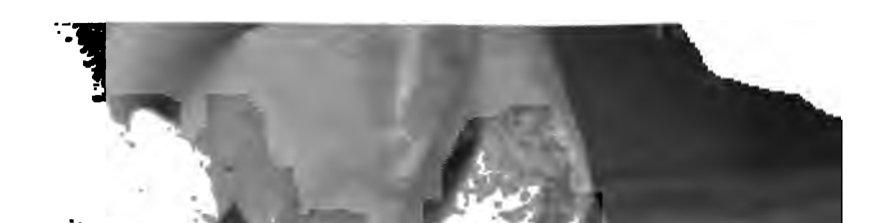
Я уже сказалъ, что въ этихъ приложеніяхъ заключаются почти одни извлеченія изъ дѣлъ Инспекторскаго департамента. О какихъ же 18 толстыхъ томахъ in-folio Пушкинъ въ отвѣтѣ

Броневскому говоритъ, что прочелъ ихъ со вниманіемъ? Не надо забывать, что этотъ отвѣтъ писанъ былъ уже спустя по крайней мѣрѣ полтора года послѣ появленія *Исторіи Пугачевскаго бунта*. Пушкинъ говоритъ тутъ не объ однѣхъ бумагахъ, прочитанныхъ до напечатанія этого труда, но и о тѣхъ, которыя онъ имѣлъ въ рукахъ уже послѣ, когда задумывалъ второе изданіе книги. Подъ этими 18 томами слѣдуетъ разумѣть, во-первыхъ, 2 тома изъ петербургскаго архива Инспекторскаго департамента, и 8 книгъ изъ московскаго отдѣленія этого архива; во-вторыхъ, 8 связокъ, впослѣдствіи доставленныхъ Пушкину изъ сената и имъ распечатанныхъ.

Изъ словъ самого Пушкина въ его антикритикѣ, видно, что онъ придавалъ особенную цѣну второму тому своей книги. «Взглянувъ, говоритъ онъ, на приложенія къ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, составляющія весь второй томъ, всякій легко удостовѣрится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнародованныхъ [1])... Признаюсь, я полагалъ себя въ правѣ ожидать отъ публики благосклоннаго пріема, конечно не за самую *Исторію Пугачевскаго бунта*, но за историческія сокровища къ ней приложенныя». Сверхъ этихъ документовъ Пушкинъ приложилъ къ своему труду портретъ Пугачева, карту, именной указатель и нѣсколько fac-simile.

---

[1]) Дополненія къ нимъ, собранныя мною изъ разныхъ архивовъ, напечатаны *въ Запискахъ Академіи Наукъ.* Изъ свѣдѣній, представленныхъ здѣсь, объясняются, между прочимъ, и слова, до сихъ поръ мало понятныя, въ предисловіи къ книгѣ Пушкина: «Сей историческій отрывокъ составлялъ часть труда, мною оставленнаго». Этимъ трудомъ была, какъ мы видѣли, задуманная поэтомъ *Исторія Суворова.*



VIII.

ЗАМѢТКА О ПЕРЕПИСКѢ ПУШКИНА СЪ ПЛЕТНЕВЫМЪ [1].

Всѣ письма Плетнева къ Пушкину отличаются однимъ общимъ характеромъ: это письма друга, который, не жалѣя ни трудовъ, ни времени, съ полнымъ самоотверженіемъ беретъ на себя всѣ матеріальныя заботы и хлопоты по печатанію и распространенію сочиненій великаго поэта, вполнѣ имъ понимаемаго и цѣнимаго. Сношенія съ Плетневымъ, начиная съ конца 1824 года, имѣли для Пушкина не одно нравственное и литературное, но столько же и практическое значеніе, чѣмъ и отличались они отъ сношеній его съ другими литераторами. Плетневъ былъ, такъ сказать, воспріемникомъ большей части его произведеній, велъ за него дѣла и счеты съ типографіями и книгопродавцами, и пересылалъ Пушкину, или, по желанію его, хранилъ у себя вырученныя деньги. Такъ, напечатавъ первое изданіе мелкихъ стихотвореній Пушкина по рукописи, доставленной его братомъ, и отправивъ къ нему нѣсколько экземпляровъ ихъ, Плетневъ въ январѣ 1826 года спрашиваетъ его: «Получилъ ли ты (непремѣнно увѣдомь) пять экземпляровъ твоихъ Стихотвореній? Доволенъ ли изданіемъ? не принять ли этотъ форматъ, буквы и разстановку строкъ для будущихъ новыхъ изданій твоихъ поэмъ, разумѣется, кромѣ слѣдующихъ главъ Онѣгина?» Такъ Пушкинъ совѣтовался съ Плетневымъ и о 2-мъ изданіи своихъ стихотвореній.

---

[1] Извлеченіе изъ статьи, напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы* 1881 года.

Въ письмѣ отъ 21 января 1826 года, въ которомъ онъ увѣдомляетъ поэта о ссудѣ 2000 руб. Дельвигу, онъ спрашиваетъ: «Что прикажешь дѣлать съ твоимъ богатствомъ? Переслать ли тебѣ все въ наличности, или въ видѣ какой-нибудь натуры, или приступить къ какому-нибудь новому изданію?» Пушкинъ отвѣчаетъ: «Деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Они мнѣ нужны». Письмо это относится къ марту или началу апрѣля 1826 года.

Изъ приведеннаго отрывка уже видно, какъ много свѣдѣній эта переписка заключаетъ въ себѣ для исторіи внѣшней стороны творчества Пушкина. Кромѣ того, Плетневъ побуждалъ его къ дѣятельности, напоминалъ ему, чтó въ данную минуту было всего нужнѣе для его славы и матеріальной пользы, предлагалъ ему планы выгодныхъ сдѣлокъ, наконецъ, былъ посредникомъ въ важномъ дѣлѣ снятія съ него опалы. Вотъ нѣсколько примѣровъ всему этому. Въ августѣ 1825 года Плетневъ пишетъ: «Умоляю тебя отстать отъ лѣни и приняться за приготовленіе всѣхъ поэмъ къ новому изданію»... «Милый, прими совѣтъ мой! Я буду говорить тебѣ, какъ опытный человѣкъ въ дѣлѣ книготорговли и совершенно преданный выгодамъ твоимъ, почти столько же, какъ и твоей славѣ. Желаешь ли ты получить денегъ тысячъ до пятидесяти въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, или даже четырехъ, съ начала сентября до конца декабря? Вотъ единственное и вѣрнѣйшее средство». Прося затѣмъ о присылкѣ 2-й и 3-й главъ *Онѣгина*, исправленнаго списка мелкихъ стихотвореній и 5-ти поэмъ, Плетневъ продолжаетъ: «Если это все ты въ состояніи сдѣлать, то (я отвѣчаю честію), не требуя отъ тебя ни копейки за бумагу и печатаніе, доставлю тебѣ къ 1-му января 1826 года (какъ хочешь: въ разные ли сроки, или вдругъ къ этому одному сроку) не менѣе 50,000 рублей. Въ этомъ

«Меня мой разумъ увѣряетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то»[1]).

[1]) Изъ оды «Богъ», Державина.

Собираясь печатать мелкія стихотворенія Пушкина, Плетневъ 26 сентября 1825 г. посылаетъ ему списокъ ихъ въ порядкѣ, опредѣленномъ Жуковскимъ, проситъ пересмотрѣть его и говоритъ: «Я страстенъ аккуратностью: хотѣлъ бы, чтобы ты выставилъ годы противъ каждой ужъ пьесы, даже самой маленькой. Это будетъ удовлетворительнѣе для читателя»... «Мы много ставили годовъ *на обумъ*: все поправь что нужно. Тебѣ ужъ надобно тутъ похлопотать, когда ты связался со мною. Я человѣкъ премелочной. Люблю всякую бездѣлицу видѣть въ исправности... Тебѣ стыдно не быть заботливымъ и дѣятельнымъ, когда я началъ хлопотать, я, задавленный своею должностью». Вотъ еще отрывокъ изъ письма отъ 21 января 1826 года: «Умоляю тебя, напечатай одну или двѣ вдругъ главы Онѣгина. Отбоя нѣтъ: всѣ жадничаютъ его. Хуже будетъ, какъ простынетъ жаръ. Ужъ я и то боюсь: стращаютъ меня, что въ городѣ есть списки второй главы. Теперь ты не можешь отговариваться, что ждешь Пол. звѣзды. Она не выйдетъ. Присылай, душа!»

Въ этомъ же письмѣ Плетневъ въ первый разъ касается вопроса о разрѣшеніи Пушкину пріѣхать въ Петербургъ, чтобы посовѣтоваться съ докторами. Именно, онъ такъ кончаетъ: «Пиши ко мнѣ обстоятельнѣе обо всемъ, что ты думаешь; не нужно ли также чего перемѣнить въ моихъ правилахъ въ разсужденіи изданій. Больше всего прошу тебя не забывать Карамзина и Жуковскаго. Они очень могутъ тебѣ быть полезными при твоемъ *аневризмѣ*. Съ такой болѣзнію шутить не надобно». Какъ Пушкинъ самъ смотрѣлъ тогда на предстоявшее ему освобожденіе, котораго нетерпѣливо ожидалъ, видно изъ одного письма его къ Плетневу; но для уясненія этого письма, приведу напередъ отрывокъ изъ тѣхъ, на которыя оно служило отвѣтомъ:

«Мнѣ Карамзины поручили», писалъ Плетневъ 21-го января 1826 г., «очень благодарить тебя за подарокъ изъ твоихъ Стихотвореній. Карамзинъ убѣдительно просилъ меня предложить тебѣ, не согласишься ли ты прислать ему для прочтенія Годунова. Онъ никому его не покажетъ, или только тѣмъ, кому ты

велишь. Жуковскій тебя со слезами цѣлуетъ и о томъ же проситъ. Сдѣлай милость, напиши имъ всѣмъ по письмецу».

Затѣмъ, получивъ отъ Пушкина неисправный списокъ чего-то, вѣроятно *Цыгановъ*, и посылая ему тысячу рублей, Плетневъ 6-го февраля 1826 года, между прочимъ, пишетъ: «Ты отказываешься прислать Годунова затѣмъ, что некому переписать. Это странно. Вѣдь надобно же будетъ когда-нибудь объ этомъ похлопотать. Пригласи изъ Опочки дня на три къ себѣ какого-нибудь писаку и заплати ему за труды. Увидишь, что онъ всѣ твои стихи возьмется переписывать тебѣ.

«Ты все-таки не сказалъ мнѣ и не прислалъ ничего, что надобно печатать. Не далеко ужъ великій постъ. Это послѣднее время. Послѣ святой недѣли книжная торговля прекращается. Опять принужденъ будешь ждать зимы. Ужели ты въ нынѣшнюю зиму ничего не выдашь болѣе, кромѣ *Стих. Ал. Пуш.*? Сдѣлай милость, выпусти Онѣгина. Ужели не допрошусь я?.. Карамзинъ боленъ. Не худо бы тебѣ и навѣстить его письмомъ... Гнѣдичъ также плохъ здоровьемъ. Бѣда, какъ мы останемся безъ конца Иліады».

Отвѣтное письмо Пушкина носитъ помѣту 3-го марта, безъ означенія года, но на наружной сторонѣ его, на штемпелѣ опочецкой почтовой конторы, означено 4-е марта 1826. Письмо это, вѣроятно, не дошло до Плетнева, такъ какъ его нѣтъ между сбереженными имъ письмами нашего поэта: оно было доставлено владѣльцемъ подлинника, г. Мавроди, въ альманахъ *Русская Правда*, изданный на 1860 годъ въ Кіевѣ (стр. 65). Оно начинается словами: «Карамзинъ боленъ!—милый мой, это хуже многаго—ради Бога успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты, и т. д.

Съ апрѣля 1830 года начинается рядъ писемъ Пушкина въ бумагахъ, оставшихся послѣ Плетнева: именно, тутъ ихъ двадцать: первое писано изъ Москвы, когда Пушкинъ былъ помолвленъ и получилъ разрѣшеніе печатать *Бориса Годунова*, а по-

слѣднее относится къ осени 1835 года, какъ можно заключать по его содержанію. Вверху 1-й страницы рукой Плетнева надписано: *Михайловское*, а изъ біографіи поэта (Анн. I, 392) извѣстно, что онъ съ 26-го августа означеннаго года, дѣйствительно, взялъ отпускъ въ свою псковскую деревню. Изъ этого письма видно, что тогда мысль объ изданіи журнала у Пушкина еще окончательно не созрѣла: онъ затѣвалъ альманахъ, въ которомъ думалъ помѣстить свое «Путешествіе въ Арзрумъ» и повѣсть Гоголя «Коляска», два произведенія, вскорѣ послѣ того и появившіяся въ 1-мъ томѣ *Современника*.

Въ этомъ письмѣ, относительно Плетнева, особенно замѣчательно выраженіе: «Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось», выраженіе, показывающее, какъ Пушкинъ сознавалъ все, чѣмъ былъ обязанъ Плетневу. Извѣстное посвященіе, появившееся передъ 4-ю главою Евгенія Онѣгина (въ 1828 г.), было внушено столько же благодарностію, сколько и уваженіемъ къ душевнымъ свойствамъ Плетнева.

Кажется, постоянная и оживленная переписка между ними началась только въ концѣ 1824 года [1]), когда Пушкинъ, напечатавъ поэму «Бахчисарайскій фонтанъ» въ Москвѣ при посредствѣ князя Вяземскаго, рѣшился издать первую главу «Онѣгина» въ Петербургѣ, и 29-го ноября 1824 писалъ къ своему великосвѣтскому пріятелю: «Братъ увезъ Онѣгина въ Пб. и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую, что въ тебѣ (*т.-е. Вяземскомъ*) теряю вѣрнѣйшаго попечителя; но въ нынѣшнія обстоятельства всякой другой мой издатель невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія». Вскорѣ послѣ того, въ концѣ января или въ началѣ февраля слѣдующаго года, Пушкинъ пишетъ къ Вяземскому: «Онѣгинъ печатается; братъ

---

[1]) Въ изданіи лит. фонда напечатаны, по черновымъ автографамъ, два неизвѣстныя до сихъ поръ письма Пушкина къ Плетневу, писанныя, одно въ 1822 году изъ Кишинева (№ 33), а другое въ 1824 — изъ Михайловскаго (№ 74).

и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ». Сохранившаяся подлинная переписка Плетнева съ Пушкинымъ открывается извѣстіемъ, что «первый листъ Онѣгина весь уже отпечатанъ, числомъ 2,400 экземпляровъ». Письмо, откуда взяты эти слова, помѣчено: «22 января 1825», и тутъ же впослѣдствіи рукою Плетнева приписано: «Первое изъ всѣхъ возвращенныхъ мнѣ». Значитъ, это собраніе писемъ Плетнева было возвращено ему послѣ смерти поэта при разборѣ его бумагъ. По смыслу приведенной надписи ясно, что были и болѣе раннія письма Плетнева къ Пушкину, но они, по крайней мѣрѣ въ окончательномъ видѣ, не сохранились.

Писалъ ли Пушкинъ къ Плетневу изъ Одессы, остается подъ сомнѣніемъ. Что кромѣ извѣстныхъ уже писемъ къ Плетневу изъ Михайловскаго послѣ того, какъ Пушкинъ переселился туда съ юга, посылались къ тому же лицу и другія, это доказываетъ, между прочимъ, переписка поэта со Львомъ Сергѣевичемъ, въ которой онъ то упоминаетъ объ отправленныхъ уже къ Плетневу письмахъ, то выражаетъ намѣреніе писать ему, но куда дѣвались эти письма, неизвѣстно.

Въ письмахъ Плетнева часто идетъ рѣчь о Дельвигѣ, и мы почерпаемъ изъ нихъ, между прочимъ, болѣе точное свѣдѣніе о времени, когда Дельвигъ въ 1825 году посѣтилъ Михайловское. Въ примѣчаніи къ перепискѣ Пушкина съ Вяземскимъ, напечатанной въ *Р. Архивѣ* 1874 года, посѣщеніе это отнесено къ лѣту. Въ извѣстныхъ статьяхъ о Дельвигѣ (*Соврем.* 1854, № 9) г. Гаевскій ближе подходитъ къ истинѣ, относя эту поѣздку къ веснѣ. Изъ писемъ ко Льву Сергѣевичу видно, что еще въ ноябрѣ 1824 года Дельвигъ собирался ѣхать. «Торопи Дельвига», говорится въ письмѣ, сданномъ на почту 8-го декабря. Послѣ того, въ началѣ 1825, Пушкинъ ждетъ Дельвига вмѣстѣ съ Баратынскимъ и потомъ безпрестанно спрашиваетъ брата о Дельвигѣ. 14-го марта онъ пишетъ: «Дельвига жду... Мочи нѣтъ, хочется Дельвига». Въ великую пятницу и потомъ 17-го апрѣля: «Дельвига нѣтъ еще!» Наконецъ, во второй половинѣ апрѣля сказано: «Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду» (*Библ. Зап.* 1858, стр.

102 и 110)[1]. Изъ писемъ Плетнева мы узнаемъ, что Дельвигъ сперва, въ февралѣ, былъ задержанъ въ Петербургѣ пріѣздомъ къ нему отца, но что въ началѣ марта его уже тамъ не было и что онъ намѣревался, побывавъ прежде всего въ Михайловскомъ, съѣздить въ Бѣлоруссію, а на обратномъ пути опять остановиться въ деревнѣ своего товарища. 3-го марта Плетневъ писалъ: «Думаю, что вѣщунъ Д. возвратился изъ Витебска въ Михайловское. Поцѣлуй его за меня и скажи, что я не писалъ ему туда въ другой разъ, не надѣясь, чтобъ мое письмо его тамъ застало. Отъ него ты узнаешь, что съ Ольдекопомъ дѣлать нечего. Но все-таки твои новыя изданія у меня не выходятъ изъ головы. Они тебѣ дадутъ много. Подумай объ этомъ съ Д... Скажи Д., что мнѣ безъ него грустно. Я надѣюсь скоро принять его въ объятія — и съ новымъ вдохновеніемъ». Изъ всего этого можно заключить, что Дельвигъ былъ въ Михайловскомъ никакъ не позже 20-хъ чиселъ апрѣля мѣсяца.

---

[1]) Это письмо — безъ помѣты, но въ письмѣ къ князю Вяземскому, гдѣ сказано: *«Дельвигъ у меня»* и гдѣ также число не означено, помѣщена *Элегія на смерть Анны Львовны* (*Р. Арх.* 1874, стр. 152), отнесенная въ послѣднемъ исаковскомъ изданіи сочиненій Пушкина (1880 г.) ко времени около 22-го апрѣля.

IX.

ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОДЪ, ИМѢНІЕ ГОНЧАРОВЫХЪ.

(письмо в. п. безобразова къ я. к. гроту, отъ 17-го мая 1880 года [1]).

Вы желали, чтобы я сообщилъ вамъ то, что мнѣ извѣстно о посѣщенномъ мною (29-го и 30-го марта) селѣ «Полотняномъ Заводѣ» (имѣніи Гончаровыхъ) *по отношенію къ жизни А. С. Пушкина.*

Обязанный посѣтить *Полотняный заводъ* [2]), какъ весьма примѣчательное для моихъ экономическихъ изслѣдованій поселеніе въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи (около 14 верстъ отъ станціи Троицкой по Ряжско-Вяземской желѣзной дорогѣ), я совершенно случайно, передъ предстоявшимъ торжественнымъ чествованіемъ великаго нашего поэта, нашелъ здѣсь источники свѣдѣній, какъ мнѣ кажется, весьма драгоцѣнные для его біографіи.

Разработкою и даже ближайшимъ изученіемъ этихъ источниковъ я не могъ заняться во время очень краткаго моего пребыванія въ Полотняномъ заводѣ, гдѣ я долженъ былъ, согласно спеціальной задачѣ моего путешествія по Россіи, собрать свѣдѣнія совсѣмъ другого рода и откуда я долженъ былъ спѣшить въ другія сосѣднія средоточія промышленности.

---

[1]) Было напечатано въ журналѣ *Русская Мысль* 1881 года.

[2]) Это мѣсто, — обширное торговое и промышленное село, похожее на городъ, — носитъ названіе «Полотнянаго Завода» потому, что тутъ когда-то былъ такой заводъ, котораго нынѣ нѣтъ и слѣдовъ. *В. Б.*

Жители Полотнянаго Завода, нынѣ крестьяне-собственники, издавна занимаются разными кустарными (домашними) и отхожими (главнѣйше овчиннымъ) промыслами[1]), и это село также издавна служитъ, торговою своею дѣятельностью и базарами, на которые еженедѣльно стекается много народа, значительнымъ торговымъ центромъ на довольно большомъ районѣ. Мѣстоположеніе Полотнянаго Завода — на берегу рѣки — прелестное и весьма вдохновительное для поэта.

Главный владѣлецъ Полотнянаго Завода — *Дмитрій Дмитріевичъ Гончаровъ — родной племянникъ жены А. С. Пушкина*; ему принадлежатъ здѣсь, кромѣ разныхъ земель и угодій, писчебумажная фабрика, существующая здѣсь съ 1718 года, помѣщичья усадьба съ великолѣпнымъ стариннымъ господскимъ домомъ (на самомъ берегу рѣки). Кромѣ г. Гончарова, есть въ этомъ имѣніи другой помѣщикъ, г. Ершовъ, владѣющій здѣсь также небольшою усадьбою и домомъ, но живущій постоянно въ Москвѣ. Крестьяне имѣютъ только усадебную осѣдлость, т. е. домá съ тѣсными дворами, и были, какъ фабричные посессіонные люди, освобождены безъ земельнаго надѣла. Сверхъ этихъ дворовъ, вся земля принадлежитъ г. Гончарову.

Пушкинъ находился или, по крайней мѣрѣ, считался въ родствѣ съ Гончаровыми, предокъ которыхъ, *Аѳанасій Гончаровъ*[2]), основатель писчебумажной фабрики, посадскій (купецъ или мѣщанинъ?) города Калуги, былъ въ близкомъ родствѣ съ Ганнибаломъ, арапомъ Петра Великаго. Въ исторіи Голикова упоминается объ основаніи Гончаровымъ писчебумажной фабрики въ Полотняномъ Заводѣ, при покровительствѣ и, можетъ быть, де-

---

[1]) См. объ этихъ промыслахъ и вообще объ экономическомъ значеніи Полотнянаго Завода прекрасную статью С. Я. Тимоховича, напечатанную въ *Трудахъ комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи*. С.-Петербургъ, 1879 года (изданіе Министерства Финансовъ). *В. Б.*

[2]) Фабрика была устроена Гончаровымъ совмѣстно съ богатымъ сосѣднимъ землевладѣльцемъ Щепочкинымъ. Впослѣдствіи она вся перешла въ собственность Гончаровыхъ. *В. Б.*

нежныхъ пособіяхъ со стороны Петра Великаго [1]). Писчебумажная фабрика Гончаровыхъ была однимъ изъ тѣхъ промышленныхъ насажденій, которыми былъ такъ много озабоченъ императоръ. Его покровительство Аѳанасію Гончарову, очевидно, происходило отъ содѣйствія Ганнибала промышленнымъ предпріятіямъ своего родственника. Послѣ (или раньше?) устройства фабрики, Гончаровы, прикупивъ здѣсь земли, стали селить на ней бѣглыхъ людей, какъ это дѣлалось многими землевладѣльцами въ тѣ времена. Впослѣдствіи, такихъ людей собралось въ имѣніяхъ Гончаровыхъ до 12,000 душъ, которыя и были закрѣплены за ними на посессіонномъ правѣ, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ этомъ закрѣпленіи заключалось главное изъ оказанныхъ правительствомъ пособій, за которыми владѣльцы фабрики, остававшейся непрерывно въ родѣ Гончаровыхъ съ 1718 года до сихъ поръ, неоднократно въ прежнее время обращались, подобно многимъ нашимъ фабрикантамъ.

Изъ всѣхъ собранныхъ мною свѣдѣній о Полотняномъ Заводѣ и его писчебумажной фабрикѣ, я считаю нужнымъ сообщить здѣсь только то, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ Пушкину.

Пушкинъ часто и много живалъ здѣсь у Гончаровыхъ, какъ до своей женитьбы, такъ и послѣ нея. Это мѣсто полно преданій о немъ. Всѣ крестьяне знаютъ объ немъ и говорятъ. Самые старые изъ нихъ помнятъ его лично, по своимъ воспоминаніямъ. Въ семейномъ архивѣ Гончаровыхъ, сохраняемомъ въ большомъ порядкѣ нынѣшнимъ владѣльцемъ, находятся *десять писемъ Пушкина*, которыя были имъ адресованы къ дѣду его жены въ 1830 и 1831 годахъ (до и послѣ брака) и которыя я внимательно прочиталъ. Эти письма, весьма пространныя, весьма четко написанныя, очень интересны во многихъ отношеніяхъ, и въ особенности для характеристики Пушкина и его общественныхъ отношеній.

---

[1]) Кромѣ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ лично Д. Д. Гончаровымъ, см. объ этомъ книгу *Карновича* «Замѣчательныя богатства Россіи». *В. Б.*

Между этими письмами находится и то, въ которомъ Пушкинъ формально просилъ руки своей жены у ея дѣда, занимавшаго, вслѣдствіе душевной болѣзни ея отца, мѣсто полновластнаго главы семейства. При жизни этого дѣда, имя и отчество котораго я забылъ записать, огромное состояніе Гончаровыхъ всего болѣе возросло, но также и подвергнулось отъ его безразсудныхъ расходовъ наибольшему разстройству. Вся упомянутая переписка съ нимъ Пушкина вращается главнѣйше около оказанія денежной субсидіи фабрикѣ отъ казны; ходатайство объ этомъ дѣлѣ поручено Гончаровымъ Пушкину, во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ. Судя по письмамъ, Пушкинъ, относившійся къ Гончарову, какъ къ человѣку, въ рукахъ котораго, по неоднократному выраженію поэта, «вся его судьба» (т. е. согласіе на бракъ, долго ему не дававшееся), съ необыкновеннымъ «высокопочитаніемъ», всячески заискиваетъ въ этомъ человѣкѣ и старается быть всячески ему пріятнымъ. Поэтому онъ не отказывается хлопотать о субсидіи, входитъ объ этомъ въ сношенія съ разными высокопоставленными лицами, но при этомъ оговаривается, на случай неуспѣха, указывая на трудность дѣла, зависящаго отъ милости государя и ходатайства гр. Канкрина, и на недостаточно сильное свое общественное положеніе, въ особенности въ кругу высокопоставленныхъ лицъ. Въ разсказахъ поэта обо всемъ этомъ много любопытнаго, какъ для характеристики его самого, такъ и того времени; между прочимъ, меня поразило, съ какою удивительною прозаическою и чисто дѣловою отчетливостью и тщательностью онъ говоритъ о денежныхъ дѣлахъ. Послѣ женитьбы Пушкина Гончаровъ-дѣдъ былъ затрудненъ выдачею приданаго внучкѣ; Пушкинъ, какъ видно и изъ писемъ, находившійся самъ въ денежныхъ затрудненіяхъ, успокоиваетъ дѣда насчетъ приданаго, говоря, что, кромѣ любви жены и счастья съ нею, ему ничего больше въ жизни не нужно. Во всѣхъ письмахъ ярко высказывается страстная привязанность Пушкина къ своей женѣ. Въ каждомъ письмѣ до брака есть приписка, въ которой напоминается дѣду о томъ, что въ его рукахъ

вся будущая судьба поэта. Въ первомъ письмѣ, вслѣдъ за бракомъ, въ которомъ есть и приписка Натальи Николаевны Пушкиной, объясняется блаженное состояніе его духа.

Какъ мнѣ было сказано Д. Д. Гончаровымъ, жена Пушкина (при жизни дѣда или также послѣ?) не получила никакого другого приданаго, кромѣ бронзоваго памятника, воздвигнутаго Гончаровыми въ с. Полотняномъ Заводѣ въ честь посѣщенія его въ 1775 году императрицею Екатериною Великою[1]). Объ этомъ памятникѣ упоминается и въ читанныхъ мною письмахъ Пушкина къ А. Гончарову. Пушкинъ продалъ памятникъ въ казну для переплава (если я не ошибаюсь) металла на монетномъ дворѣ. Объ этомъ памятникѣ есть особая обширная переписка (цѣлая кипа связанныхъ бумагъ); ее мнѣ показывали, но, по недостатку времени, я съ ней не ознакомился. Кромѣ означенныхъ выше писемъ, я читалъ въ альбомѣ стихи Пушкина къ своей невѣстѣ и ея отвѣтъ, также въ стихахъ. По содержанію, весь этотъ разговоръ въ альбомѣ имѣетъ характеръ взаимнаго объясненія въ любви.

По преданію, въ саду господскаго дома была *пушкинская бесѣдка*, такъ называвшаяся еще при жизни Пушкина, какъ любимое его мѣсто. Эта бесѣдка, какъ говорятъ, была исписана его стихами; она исчезла не такъ давно.

Не такъ далеко отъ главнаго господскаго дома стоитъ на берегу рѣки *деревянный флигель*, слывущій до сихъ поръ въ народѣ подъ названіемъ *дома Пушкина*. Въ немъ поэтъ постоянно живалъ послѣ своего брака, пріѣзжая гостить къ Гончаровымъ. Внутреннія стѣны этого строенія, имѣющаго видъ маленькаго помѣщичьяго дома и довольно внимательно мною осмотрѣннаго, были исписаны Пушкинымъ; теперь отъ этого не осталось никакого слѣда, такъ же какъ и отъ всей здѣшней жизни Пушкина. Въ этомъ

---

[1]) Объ этомъ посѣщеніи въ одномъ изъ путешествій Екатерины сохранилось не мало воспоминаній въ домѣ и семейномъ архивѣ Гончаровыхъ. Между прочимъ сохраняется кресло, на которомъ она сидѣла, остановившись въ ихъ домѣ. *В. Б.*

домѣ, къ глубокому огорченію всякаго кто чтитъ память поэта, помѣщается нынѣ крестьянскій трактиръ, т. е. питейный домъ, сдаваемый помѣщикомъ въ аренду; должно упомянуть, что эта сдача началась гораздо ранѣе перехода имѣнія въ собственность нынѣшняго ея владѣльца, который самъ, какъ онъ мнѣ это говорилъ, скорбитъ о такомъ святотатствѣ. Вслѣдствіе людности Полотнянаго Завода, въ этомъ питейномъ заведеніи стоитъ непрерывный пьяный разгулъ крестьянской толпы, въ особенности въ базарные дни; всѣ посѣтители его знаютъ историческое значеніе этого мѣста, и я самъ отъ нихъ объ этомъ слышалъ. Молодецъ, бойко разливающій чай и водку за прилавкомъ, отвѣчаетъ всякому вопрошающему: «да-съ, тутъ жилъ Пушкинъ».

Еще печальнѣе, что подлѣ этого дома была прежде и не существуетъ теперь пристройка, нарочно сдѣланная для Пушкина, когда семейство его разрослось; въ ней жили его дѣти. Эта пристройка перенесена на другое мѣсто, и въ ней также устроенъ кабакъ, сдаваемый на аренду. Оба заведенія, совокупно еще съ третьимъ кабакомъ, даютъ значительный доходъ помѣщику (кажется, 2,000 руб.).

Къ сожалѣнію, только послѣ моего отъѣзда изъ Полотнянаго Завода, я слышалъ, что въ другомъ господскомъ домѣ Ершовыхъ, нынѣ запертомъ, есть также много воспоминаній о Пушкинѣ и сохранились даже стихи, написанные имъ на стѣнахъ.

Вотъ все, что мнѣ извѣстно о Полотняномъ Заводѣ *по отношенію къ Пушкину*.

Въ заключеніе я долженъ присовокупить ко всему этому мое личное убѣжденіе, что необходимо *безотлагательное* и тщательное мѣстное изслѣдованіе въ Полотняномъ Заводѣ, безъ котораго мнѣ представляются даже немыслимыми никакіе новые труды по біографіи великаго нашего поэта. Безотлагательность такого изслѣдованія тѣмъ болѣе настоятельна, что устныя преданія и личныя воспоминанія жителей-стариковъ могутъ въ скоромъ времени навсегда погибнуть. Сверхъ того, такое изслѣдованіе теперь

весьма незатруднительно вслѣдствіе просвѣщеннаго гостепріимства и радушія нынѣшняго владѣльца Д. Д. Гончарова и его супруги; содѣйствіе ея (Ольги Карловны Гончаровой, урожденной Шлиппе) особенно нужно потому, что мужъ ея находится въ тяжкомъ болѣзненномъ состояніи. Оба они[1]) заявили мнѣ, что готовы оказать всякую личную свою помощь изслѣдователю и поставить въ его распоряженіе свои матеріалы.

Поѣздка въ Полотняный Заводъ очень легка и посѣщеніе его, вслѣдствіе радушія хозяевъ, весьма пріятно[2]).

---

[1]) Адресъ ихъ: станція Троицкая, на Ряжско-Вяземской желѣзной дорогѣ (Медынскаго у., Калужской губ.), с. *Полотняный заводъ*. *В. Б.*

[2]) Въ изданномъ П. И. Бартеневымъ собраніи относящихся къ Пушкину документовъ (*А. С. Пушкинъ*. I. Бумаги А. С. Пушкина, М. 1881) помѣщено между прочимъ девять писемъ поэта къ Гончаровымъ, полученныхъ издателемъ изъ Полотнянаго Завода. Они перепечатаны и въ изданномъ литературнымъ фондомъ собраніи сочиненій Пушкина. *Я. Г.*

X.

КЪ РОДОСЛОВНОЙ ПУШКИНЫХЪ И ГАННИВАЛОВЪ.

Въ бумагахъ Плетнева нашелся, между прочимъ, писанный его рукою полный списокъ *Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ*. Онъ ничѣмъ не отличается отъ извѣстнаго текста этой записки, но послѣ заключительныхъ словъ ея: «Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ» слѣдуютъ двѣ замѣтки подъ заглавіемъ: «Дополненія или подробн. (ѣйшій?) текстъ», которыхъ я не могъ отыскать въ изданіяхъ сочиненій Пушкина, и потому печатаю ихъ здѣсь: онѣ списаны, очевидно, съ того же оригинала, какъ и самый текстъ названной записки.

«1) Онъ родомъ былъ изъ Абиссиніи, сынъ въ тогдашнія времена сильнаго владѣльца, столь гордаго своимъ происхожденіемъ, что выводилъ оное прямо отъ Аннибала. Сей владѣлецъ, былъ вассаломъ Оттоманской имперіи, въ концѣ XVII столѣтія взбунтовавшійся противъ турецкихъ правъ, вмѣстѣ со многими другими князьями, утѣсненными налогами. Послѣ многихъ жаркихъ битвъ сила побѣдила. И сей Ганнибалъ, 8 лѣтъ, какъ меньшой сынъ владѣльца, вмѣстѣ съ другими знатными юношами, былъ отвезенъ въ залогъ, въ Константинополь. Жребій сей долженъ былъ миновать отрока; но мать его была послѣдняя изъ 30 женъ африканскаго владѣльца. Прочія княгини, поддержанныя своими связями, черезъ интриги родственниковъ, обманомъ посадили его на корабль, назначенный для отвоза залоговъ. Единственная, любимая сестра его, нѣсколько его старѣе, имѣла столько духу, что боролась за него. Она уступила силѣ, проводила его до лод-

ки, надѣясь его избавить просьбами или искупить жертвою всѣхъ своихъ драгоцѣнностей. Но видя, что всѣ ея старанія были тщетны, бросилась она въ море и утонула. Въ самой глубокой старости текли слезы его въ воспоминаніе любви и дружбы — и всегда живо и ново представлялась ему сія картина. Вскорѣ послѣ Ганнибалъ привезенъ былъ въ Константинополь и вмѣстѣ съ другими юношами принятъ въ сераль султана, гдѣ пробылъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ.

«Петръ имѣлъ горесть видѣть, что подданные его упорствовали къ просвѣщенію (sic), желалъ показать имъ примѣръ надъ совершенно чуждою породой людей и писалъ къ Шепелеву, своему посланнику, чтобы онъ прислалъ ему арапченка съ хорошими способностями. Сей (заодно съ визиремъ) съ немалою опасностію прислалъ ему трехъ. Между тѣмъ, одинъ изъ его братьевъ наслѣдовалъ ихъ престарѣлому отцу. Въ сіе время посланникъ отправилъ къ Петру I-му Ибрагима Ганнибала, другого арапа, да еще одного рагузинца. Императоръ былъ чрезвычайно доволенъ и принялся съ большимъ вниманіемъ за его воспитаніе, придерживаясь главной своей мысли. Петръ, по своей прозорливости, увидѣвъ тотчасъ расположеніе дѣтей, — Ганнибала, какъ живого, смѣлаго, назначилъ въ военную службу. Рагузинца, тихаго, разсудительнаго, глубокомысленнаго, въ статскую, и онъ былъ извѣстенъ впослѣдствіи подъ именемъ графа Рагузинскаго.

«2) Его, по ходатайству Миниха, опредѣлили въ Перновскій гарнизонъ инженернымъ майоромъ. Тамъ онъ женился на дочери капитана Матвѣя фонъ-Шеберха, урожденнаго шведа, женатаго на лифляндкѣ фонъ-Альбедиль, и, вышедъ въ отставку, купилъ онъ себѣ около Ревеля деревню Каракула, гдѣ онъ жилъ съ своею фамиліею».

XI.

ПѢСНИ О СТЕНЬКѢ РАЗИНѢ.

Въ издававшейся въ 1881 году М. М. Стасюлевичемъ газетѣ *Порядокъ* (№ 11) покойный П. В. Анненковъ сообщилъ изъ бумагъ Пушкина былину о Стенькѣ Разинѣ, которую принялъ за мастерское художественное произведеніе нашего поэта.

Вслѣдъ за тѣмъ П. Д. Голохвастовъ, въ № 11 газеты *Русь*, сопоставляя эту былину съ извѣстными уже ранѣе многочисленными версіями ея, указалъ, что въ ней нѣтъ ничего пушкинскаго и ничего новаго, что она представляетъ просто одинъ изъ хорошихъ варіантовъ народнаго сказанія о Разинѣ. Въ концѣ своей замѣтки г. Голохвастовъ распространился о трудности опредѣлить, гдѣ именно могла быть записана эта былина.

По поводу послѣдняго замѣчанія мною была помѣщена въ № 13 газеты *Русь* небольшая статья слѣдующаго содержанія:

Относительно мѣста, гдѣ, и времени, когда Пушкинъ записалъ былину, напечатанную въ № 11 *Порядка*, нѣкоторымъ указаніемъ можетъ служить окончаніе письма его къ брату Льву Сергѣевичу, писаннаго изъ Михайловскаго въ октябрѣ 1824 года. Тамъ онъ говоритъ: «Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно: посл(ѣ) об(ѣда) ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ахъ, Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ

лицѣ Рус. ист.»[1]) По этимъ строкамъ можно догадываться, что эта былина принадлежала къ числу тѣхъ пѣсенъ и сказокъ, которыя Пушкинъ слышалъ въ Михайловскомъ, и что онъ эту былину записалъ около времени, къ которому относится то письмо къ брату.

Лѣтомъ 1827 года Пушкинъ хотѣлъ помѣстить «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ» въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1828 годъ и послалъ ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими пьесами, къ Плетневу для представленія, черезъ графа Бенкендорфа, на высочайшую цензуру. По возвращеніи этихъ стихотвореній отъ государя, графъ Бенкендорфъ, въ августѣ мѣсяцѣ, написалъ Пушкину слѣдующее письмо:

«Представленныя вами новыя стихотворенія ваши государь императоръ изволилъ прочесть съ особеннымъ вниманіемъ. Возвращая вамъ оныя, я имѣю обязанность изъяснить слѣдующее заключеніе: 1) *Ангелъ* къ напечатанію дозволяется; 2) *Стансы*, а равно 3) и третія глава *Евгенія Онѣгина* тоже. 4) *Графа Нулина* государь императоръ изволилъ прочесть съ большимъ удовольствіемъ и отмѣтить своеручно два мѣста, кои его величество желаетъ видѣть измѣненными, а именно два стиха: *порою съ бариномъ шалитъ* и *коснуться хочетъ одѣяла*; впрочемъ прелестная пьеса сія позволяется напечатать. 5) *Фаустъ и Мефистофель* позволено напечатать, за исключеніемъ слѣдующаго мѣста: *Да модная болѣзнь: она недавно вамъ подарена.* 6) *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ*, при всемъ поэтическомъ своемъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны къ напечатанію. Сверхъ того, Церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева».

Въ первомъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина пѣсни эти все еще не могли быть напечатаны, и такимъ образомъ онѣ до сихъ поръ оставались неизвѣстны. Между тѣмъ въ бумагахъ Плетнева найдены мною рукописи со стихами о Стенькѣ

[1]) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 87—88.

Разинѣ въ обложкѣ, на которой рукою Жуковскаго сдѣлана надпись:

«Народныя сказки.
Пѣсня Стеньки Разина».

Послѣднее заглавіе относится къ двумъ копіямъ различнаго происхожденія. Одна изъ нихъ обличаетъ руку писаря и содержитъ, съ небольшими варіантами, ту самую былину, которую напечаталъ Анненковъ въ газетѣ *Порядокъ*.

Другая копія, написанная весьма тщательно рукой Погодина, заключаетъ въ себѣ слѣдующія три стихотворенія подъ заглавіемъ «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ»:

I.

Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой,
Выплывала востроносая лодка,
Какъ на лодкѣ гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ, грозенъ Стенька Разинъ,
Передъ нимъ красная дѣвица,
Полоненая Персидская царевна.
Не глядитъ Стенька Разинъ на царевну,
А глядитъ на матушку на Волгу.
Какъ промолвитъ грозенъ Стенька Разинъ:
Ой ты гой еси, Волга мать родная!
Съ глупыхъ лѣтъ меня ты воспоила,
Въ долгу ночь баюкала, качала,
Въ волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казаковъ моихъ добромъ надѣлила —
Что ничѣмъ тебя еще мы не дарили.
Какъ вскочилъ тутъ грозенъ Стенька Разинъ,
Подхватилъ Персидскую царевну,

Въ волны бросилъ красную дѣвицу,
Волгѣ-матушкѣ ею поклонился.

II.

Ходилъ Стенька Разинъ
Въ Астрахань городъ
Торговать товаромъ.
Сталъ воевода
Требовать подарковъ.
Поднесъ Стенька Разинъ
Камки хрущатыя, } (sic: bis)
Камки хрущатыя —
Парчи золотыя.
Сталъ воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая,
Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболія.
Ему Стенька Разинъ
Не отдаетъ шубы.
Отдай, Стенька Разинъ,
Отдай съ плеча шубу.
Отдашь, такъ спасибо;
Не отдашь, повѣшу
Что во чистомъ полѣ,
На зеленомъ дубѣ,
Да въ собачьей шубѣ.
Сталъ Стенька Разинъ
Думу думати:
Добро, воевода,
Возьми себѣ шубу,
Возьми себѣ шубу,
Да не было бъ шуму.

III.

Что ни конскій топъ, ни людская молвь,
Не труба трубача съ поля слышится,
А погодушка свищетъ, гудитъ,
Свищетъ, гудитъ, заливается,
Зазываетъ меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
Молодецъ удалой, ты разбойникъ лихой,
Ты разбойникъ лихой, ты разгульной буянъ.
Ты садись на ладьи свои скорыя,
Распусти паруса полотняные,
Побѣги по морю по синему.
Пригоню тебѣ три кораблика:
На первомъ кораблѣ красно золото,
На второмъ кораблѣ чисто серебро,
На третьемъ кораблѣ душа-дѣвица.

Эти три стихотворенія составляютъ художественную обработку матеріала, заимствованнаго изъ народной поэзіи. Напечатанныя Анненковымъ былины можно найти съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, между прочимъ въ книгѣ Н. И. Костомарова *Бунтъ Стеньки Разина* (Спб. 1859, стр. 116 и 117). Въ *Пѣсняхъ же о Стенькѣ Разинѣ*, въ первый разъ помѣщенныхъ мною въ газетѣ *Русь* и здѣсь перепечатанныхъ, трудно не признать тѣхъ самыхъ, о которыхъ подъ этимъ именно заглавіемъ говорится въ вышеприведенномъ письмѣ гр. Бенкендорфа.

Это тогда же было высказано И. С. Аксаковымъ въ слѣдующихъ строкахъ, предпосланныхъ моей замѣткѣ:

«НЕСОМНѢННО ПУШКИНА. Мы позволили себѣ поставить это заглавіе, такъ какъ убѣждены, что найденныя въ бумагахъ Пушкина и присланныя намъ Я. К. Гротомъ три пѣсни о Стенькѣ Разинѣ *никѣмъ инымъ*, кромѣ Пушкина, написаны быть не могли. Что онѣ не изъ устъ, не со словъ народныхъ пѣвцовъ записаны, это видно съ перваго раза; тутъ видна рука худож-

ника, и великаго художника. Въ поясненіи П. Д. Голохвастова, помѣщаемомъ вслѣдъ за статьею Я. К. Грота, это положеніе доказывается, кажется намъ, вполнѣ основательно».

«Поясненіе» г. Голохвастова вызвало съ моей стороны новую замѣтку, которая появилась въ № 15 *Руси*.

Всего убѣдительнѣе совпаденіе начала первой пѣсни съ словами, оставшимися въ памяти Погодина изъ чтенія Пушкина: «онъ началъ», говоритъ Погодинъ, «читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ *выплывалъ* ночью *по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ*». Пѣсня же начинается такъ:

«Какъ *по Волгѣ* рѣкѣ, по широкой,
Выплывала востроносая лодка».

Посылая свои воспоминанія о Пушкинѣ въ *Русскій Архивъ* при письмѣ отъ 23-го декабря 1864 года[1]), Погодинъ говоритъ, что для составленія ихъ онъ обращался, между прочимъ, къ своимъ запискамъ: этимъ, можетъ быть, и объясняется точность воспроизведеннаго имъ выраженія, въ которое вкралась только одна невѣрная подробность: «ночью». Вѣроятно, вскорѣ послѣ чтенія Погодинъ выпросилъ у Пушкина позволеніе списать его пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, можетъ статься въ надеждѣ украсить ими журналъ, мысль о которомъ уже зарождалась; тогда, сравнительно еще молодой человѣкъ, онъ переписалъ ихъ тѣмъ четкимъ и красивымъ почеркомъ, какимъ впослѣдствіи писалъ только изрѣдка, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Но какъ же эта рукопись попала къ Плетневу? Когда приготовлялось первое посмертное изданіе сочиненій Пушкина, автографъ этихъ пѣсенъ могъ остаться въ рукахъ либо цензора, либо одного изъ издателей. По прошествіи многихъ лѣтъ, Михаилъ Петровичъ могъ забыть не только объ этомъ сообщеніи, но и о самомъ существованіи своего списка.

Справедливо П. Д. Голохвастовъ указываетъ еще на сход-

---

[1]) См. *Р. Арх.* 1865, стр. 95.

ство стихосложенія первой пѣсни Пушкина о Стенькѣ Разинѣ съ размѣромъ большей части пѣсенъ Западныхъ Славянъ.

Въ первомъ стихѣ третьей пѣсни: «Что ни конскій топъ, ни людская молвь», г. Голохвастовъ имѣлъ также полное основаніе найти подтвержденіе своей мысли, такъ какъ Пушкинъ, подражая народной поэзіи, легко могъ употребить выраженіе изъ сказки о Бовѣ Королевичѣ, разъ уже пригодившееся ему въ *Евгеніи Онѣгинѣ*.

Очень вѣско то соображеніе, что поэтъ, увлеченный восторгомъ своихъ слушателей, естественно продолжалъ читать въ этомъ обществѣ только свои собственныя произведенія, точно такъ же какъ онъ не могъ представить на одобреніе государя записанныхъ имъ съ чужого голоса созданій народной поэзіи. Любопытно, что конецъ третьей изъ переписанныхъ Погодинымъ пѣсенъ представляетъ оборотъ сходный съ одною изъ напечатанныхъ Анненковымъ (подъ № 5) присказокъ. Именно, въ присказкѣ мы читаемъ:

За мной ходятъ трое сторожей.
Первой сторожъ — родимой батюшка,
Второй сторожъ — моя матушка,
А третій сторожъ — молода жена.

Въ пѣснѣ же Пушкина:

Пригоню тебѣ три кораблика:
На первомъ кораблѣ красно золото,
На второмъ кораблѣ чисто серебро,
На третьемъ кораблѣ душа-дѣвица.

Но пѣсенъ, которыя бы въ цѣломъ, даже и приблизительно, представляли такое же содержаніе, какъ эти пушкинскія, не встрѣчается ни въ одномъ сборникѣ.

Чтó касается заимствованныхъ Анненковымъ изъ бумагъ Пушкина народныхъ былинъ и пѣсенъ, то вслѣдствіе замѣтки г. Голохвастова я долженъ нѣсколько полнѣе высказаться относительно найденныхъ между рукописями Плетнева списковъ ихъ.

Въ этихъ спискахъ недостаетъ только 5-го и 6-го изъ напечатанныхъ въ *Порядкѣ* нумеровъ. Затѣмъ № 1 почти совершенно тождественъ въ обоихъ текстахъ. Во всѣхъ трехъ первыхъ нумерахъ у Плетнева постоянно встрѣчается *Сенька* вмѣсто *Стенька*. Въ слѣдующей тирадѣ № 2 два ряда точекъ, поставленные Анненковымъ, замѣнены однимъ стихомъ:

Закричалъ тутъ хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
А мы счерпнемте воды изо Камы со рѣки:
Мы счерпнули воды изо Камы со рѣки.
Припечалился хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
Знать то знать, что мой сыночекъ во неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ въ бѣлокаменной тюрьмѣ сидитъ.
Не печалься нашъ хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
Бѣлу каменну тюрьму по кирпичу разберемъ,
Твоего милаго сына изъ неволи уведемъ,
Астраханскаго воеводу подъ судъ возьмемъ.

Въ первомъ стихѣ 3-го нумера, въ плетневскомъ спискѣ, также пропущено имя города. Шестой стихъ читается такъ:

Поили, кормили, *пеленали*, лелѣяли.

Послѣ стиха: «По край моря за морьянина», слѣдуетъ:

Они прижили милаго.
Она годъ живетъ и другой живетъ —
На третій годъ стосковалася.

Остальные варіанты едва ли стóитъ приводить: они заключаются только въ формахъ отдѣльныхъ словъ; напримѣръ, вмѣсто марьянинка — морьянка, вмѣсто марьянку — морьянинку, вмѣсто ляжетъ — лежитъ, и т. п.

Наконецъ въ № 4 вмѣсто:

Меня молодца не примолвили,

нашъ списокъ выражается такъ:

Пригласить меня молодца не примолвили.

Въ заключеніе замѣчу, что самое заглавіе: «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ», подъ которымъ Погодинъ переписалъ читанныя Пушкинымъ стихотворенія, подтверждаетъ ихъ тождество съ тѣми, которыя поэтъ подъ тѣмъ же заглавіемъ представилъ на цензуру государя, какъ видно изъ сообщеннаго выше письма графа Бенкендорфа.

Въ изданныя литературнымъ фондомъ сочиненія Пушкина не вошли приписываемыя ему *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ*. Кажется, почтенный редакторъ этого изданія не отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ вопросу о происхожденіи трехъ стихотвореній, напечатанныхъ въ газетѣ *Русь* по погодинскому списку: онъ даже не упомянулъ о нихъ и напечаталъ только былины, или пѣсни, *записанныя* Пушкинымъ (т. I, стр. 372)[1]). Между тѣмъ обстоятельство, что *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ* не сохранились между автографами Пушкина, не можетъ еще само по себѣ служить опроверженіемъ доводовъ, имѣющихся для признанія ихъ его произведеніемъ. Перечислимъ вкратцѣ эти доводы:

1) Пушкинъ читалъ въ Москвѣ свои *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ*, и Погодинъ запомнилъ нѣкоторыя слова изъ начала 1-й пѣсни.

2) Пѣсни, начинающіяся этими словами, сохранились въ копіи руки Погодина, написанной вѣроятно для напечатанія ихъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, но цензура не могла пропустить ихъ.

3) *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ* позднѣе были представлены Пушкинымъ на разсмотрѣніе государя.

4) Для посмертнаго изданія соч. Пушкина копія Погодина подъ тѣмъ же заглавіемъ была доставлена издателямъ ихъ, какъ видно изъ надписи, сдѣланной на ней однимъ изъ этихъ издателей, Жуковскимъ, и изъ того обстоятельства, что она осталась въ бумагахъ другого издателя, Плетнева; вмѣстѣ съ народными пѣснями, или былинами сходнаго содержанія, *записанными* Пушкинымъ, отъ которыхъ первыя отличаются своимъ художественнымъ характеромъ.

---

[1]) Въ хронологическомъ указателѣ произведеній Пушкина не отмѣчено что онѣ въ первый разъ были напечатаны въ газетѣ *Порядокъ*.

XII.

АВТОГРАФЪ „19 ОКТЯБРЯ“ [1]).

Въ Александровскомъ лицеѣ хранится первоначальный текстъ стихотворенія *19-е Октября* (1825), замѣчательнаго по воспоминаніямъ лицейской жизни Пушкина. Этотъ автографъ подаренъ лицею, по просьбѣ бывшаго директора его Н. И. Миллера, однимъ изъ товарищей поэта, покойнымъ Михаиломъ Лукьяновичемъ Яковлевымъ [2]). Но пріобрѣтеніемъ такой драгоцѣнности лицей обязанъ еще другому товарищу Пушкина, именно графу М. А. Корфу, который, въ качествѣ директора Императорской Публичной библіотеки, имѣлъ право на эту рукопись, по обѣщанію Яковлева; но такъ какъ библіотека уже имѣетъ много другихъ важнѣйшихъ автографовъ знаменитаго поэта, то гр. Корфъ, узнавъ о желаніи начальника лицея, отказался отъ своего права въ пользу этого заведенія.

Въ томъ видѣ, какъ *19-е Октября* напечатано еще при жизни Пушкина, это стихотвореніе содержитъ въ себѣ восемнадцать строфъ. Въ такомъ же видѣ оно дошло еще неизданное до царскосельскаго лицея въ 1827 году, когда профессоръ русской словесности Н. Ѳ. Кошанскій, бывшій наставникъ Пушкина, принесъ съ собою на каѳедру эти стихи, какъ новость, только что полученную, и прочелъ ихъ своимъ слушателямъ. Извѣстно, что

---

[1]) Напечатано въ т. VI *Извѣстій Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ* (1857).

[2]) 2-го марта 1855 года.

это стихотвореніе написано было Пушкинымъ въ 1825 году въ день основанія лицея, проведенный имъ тогда въ уединеніи Михайловскаго. Выраженное здѣсь предчувствіе, что поэтъ черезъ годъ будетъ опять въ столицѣ, въ кругу своихъ товарищей, основывалось, конечно, на надеждѣ его исходатайствовать себѣ разрѣшеніе посѣщать Петербургъ. Въ лицейской рукописи стихотвореніе состоитъ изъ 25-ти строфъ. Здѣсь мы въ самомъ началѣ, вслѣдъ за 1-ю строфою, находимъ цѣлыхъ пять, пропущенныхъ въ печатномъ текстѣ. Онѣ дѣйствительно слабѣе прочихъ, но любопытны тѣмъ, что представляютъ живыя подробности лицейскаго быта, которыя впослѣдствіи показались Пушкину слишкомъ частными или даже личными.

Стихъ:

«Чтобъ 30 мѣстъ насъ ожидали снова»

указываетъ на число воспитанниковъ перваго выпуска изъ лицея; собственно ихъ было 29 за удаленіемъ одного изъ товарищей Пушкина еще до окончанія курса[1]). Вскорѣ по оставленіи ими лицея принято за правило, чтобы въ каждомъ изъ двухъ курсовъ его (старшемъ и младшемъ) было только по 25 воспитанниковъ, что̀ и продолжалось до преобразованія этого заведенія въ 1832 г.

Слѣдующіе за тѣмъ 3 стиха:

«Садитеся, какъ вы садились тамъ,
Когда мѣста въ тѣни святаго крова
Отличіе предписывало намъ»

относятся къ тому, что воспитанники за столомъ должны были сидѣть въ порядкѣ, опредѣлявшемся ихъ поведеніемъ[2]). Первое мѣсто, какъ видно изъ одной строфы, занималъ Вальховскій[3]).

---

[1]) Константина Гурьева.

[2]) Въ классѣ воспитанники сидѣли также въ опредѣленномъ порядкѣ, но только уже не по поведенію, а по успѣхамъ, и потому у каждаго преподавателя иначе.

[3]) См. выше стр. 95.

Въ 9-й строфѣ, послѣднія слова подчеркнуты потому, что взяты, съ небольшимъ измѣненіемъ, изъ Дельвиговой прощальной пѣсни лицейскихъ воспитанниковъ, начинающейся стихами: «Шесть лѣтъ промчалось какъ мечтанье».

Въ строфахъ 5—11 встрѣчаются только отдѣльные стихи, отличающіеся отъ окончательной редакціи стихотворенія. 13-я опять пропущена въ печати. Послѣдніе зачеркнутые въ подлинникѣ стихи ея относятся къ тому обстоятельству, что Пущинъ, къ которому поэтъ здѣсь обращается, промѣнялъ званіе гвардейскаго офицера на скромное мѣсто въ губернской службѣ. Эти 4 стиха, какъ видно изъ автографа, поэтъ думалъ замѣнить другими, написанными у него внизу страницы и въ которыхъ онъ разумѣлъ Малиновскаго. Въ 20-й послѣдніе четыре стиха исключены впослѣдствіи. Нѣкоторыя слова въ этихъ зачеркнутыхъ стихахъ требуютъ поясненія: «черный столъ» находился въ столовой отдѣльно отъ общаго стола и служилъ трапезою наказанныхъ; «словарь» составлялся воспитанниками и заключалъ въ себѣ характеристику всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу лицея; «Лицейскій Мудрецъ» было заглавіе рукописнаго журнала, о которомъ выше сообщены уже свѣдѣнія[1]). Наконецъ изъ 22-й строфы выброшены первые четыре стиха, написанные въ честь Куницына.

Въ подлинникѣ всѣ поправки сдѣланы рукою поэта, отчасти чернилами, отчасти карандашомъ. Онѣ воспроизведены здѣсь совершенно согласно съ автографомъ; такая же точность соблюдена какъ въ правописаніи, такъ и въ самыхъ знакахъ препинанія. Имена: Корсаковъ и Матюшкинъ означены въ выноскахъ самимъ поэтомъ.

---

[1]) Стр. 48—50.

19-е Октября.

Nunc est bibendum. Hor.

1.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ
Дохнулъ морозъ на убранное поле
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ
И скроется за край туманныхъ горъ...
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ!
А ты, Вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье
~~нашихъ~~ горькихъ
Минутное забвенье ~~многихъ~~ мукъ.

Товарищи! Сегодня праздникъ нашъ
Завѣтный срокъ! Сегодня *тамъ*, далече,
любви
На ~~вѣрный~~ пиръ, на сладостное вѣче
Стеклися вы при звонѣ мирныхъ чашъ —
мгновенно
Вы собрались ~~чудесно~~ молодѣя
Усталый духъ въ минувшемъ обновить
говорить
По~~толковать~~ на языкѣ Лицея
свободно
И съ жизнью вновь ~~безпечно~~ пошалить.

2.

На пиръ любви душой
Стремлюся къ ~~вамъ, хожу межъ вами я~~...

Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю
я
И праздника порядокъ учреждаю...
Я вдохновенъ о
~~Послушайте, по~~слушайте, друзья:

Чтобъ 30 мѣстъ насъ ожидали снова!
я
Садитесь ~~вновь~~ какъ вы садились тамъ
въ тѣни святаго крова
Когда мѣста, ~~одно славнѣй другова,~~
предписывало
Отличіе присвоивало намъ.

3.

Спартанскою душой плѣняя насъ
воспитанный
~~Всегда храним~~ъ суровою Минервой
сядетъ
Пускай опять В— ~~будетъ~~ первой[1])

Послѣднимъ я, иль Бр — иль Д —[2])
~~будутъ~~ явятся ъ
Но многія не ~~сядутъ~~ между нами...

Пускай, друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ

Они придутъ; конечно надъ водами

Иль на холмѣ подъ сѣнью липъ густыхъ

---

[1]) Вальховскій.
[2]) Брольо и Данзасъ.

4.

Они твердятъ томительный урокъ
Или романъ украдкой пожираютъ
Или стихи влюбленныя слогаютъ
И по тъ звонокъ
Забы~~въ межъ тѣмъ~~ полуденный ~~урокъ~~
Они придутъ! — за праздные приборы
Усядутся; напѣнятъ свой стаканъ
Въ нестройный хоръ сольются разговоры
И загремитъ веселый нашъ пеанъ.

5.

Мечты, мечты! Со мною друга нѣтъ
радостно лъ бы я
Съ кѣмъ ~~могъ бы я~~ запи~~ть виномъ~~ разлуку
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ —
Я пью одинъ — вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ
Знакомое не слышно приближенье
И милаго душа моя не ждетъ —

6.

Я пью одинъ — и на брегахъ Невы
сегодня
Меня друзья ~~со вздохомъ~~ именуютъ

Но многія-ль и тамъ изъ насъ пируютъ?

Еще кого не дощитались вы?

толь сладостной

Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?

Кого отъ васъ увлекъ жестокой свѣтъ?

Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?

Кто не пришелъ? кого межъ вами нѣтъ?

7.

шелъ

Онъ не при~~детъ~~, кудрявый нашъ пѣвецъ [1])

Съ огнемъ очей, съ гитарой сладкогласной

Подъ лаврами Италіи прекрасной

~~нашихъ Русскихъ Музъ~~

Онъ мирно спитъ — и ~~дружескій~~ рѣзецъ

. . . .

русскою

Не начерталъ надъ ~~раннею~~ могилой

Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ

Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой

бродя въ краю

Сынъ Сѣвера ~~на берегу~~ чужомъ —

8.

Сидишь и

~~Явился~~ ~~ль~~ ты въ кругу своихъ друзей,

Чужихъ Небесъ любовникъ безпокойной? [2])

Иль снова ты проходишь тропикъ знойной

И~~ль~~ вѣчный ледъ полунощныхъ морей?

---

[1]) Корсаковъ.

[2]) Матюшкинъ.

Щастливый путь! Съ Лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя!

9.

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы
Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
лися
Средь бурныхъ волнъ мечта~~ются~~ тебѣ
Ты простиралъ изъ за моря намъ руку
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
~~лишь одно~~ повторялъ
И ~~говорилъ:~~ на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ быть можетъ осудилъ!

10.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
~~мудрыхъ~~
Сростался онъ подъ сѣнью ~~дружныхъ~~ музъ
Куда бы насъ не бросила судьбина
И щастіе куда бъ не повело,
Все тѣже мы; намъ цѣлый міръ чужбина
Отечество намъ Сарское-Село.

11.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой
За судьбы
Опутанный въ сѣтяхъ ~~нужды~~ суровой

Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,

Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ любовію ~~мечтой чувствительной~~
~~Съ огнемъ любви~~ печальной и мятежной
ой надеждой
Съ довѣрчив~~ымъ незнаньемъ~~ первыхъ лѣтъ

Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной
не братскій
Но горекъ былъ ~~холодный~~ ихъ привѣтъ.

12.

И нынѣ здѣсь въ забытой сей глуши

Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада

Мнѣ сладкая готовилась отрада

Троихъ изъ васъ друзей моей души

Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный

О П—нъ[1]) мой, ты первый посѣтилъ

Ты усладилъ изгнанья день печальный

Ты въ день его Лицея превратилъ.

13.

бъ 2
Мы вспомнили какъ Вакху въ первый разъ
1
Безмолвную мы жертву приносили

[1]) Пущинъ.

Какъ всѣ трое по
~~Мы вспомнили какъ~~ мы впервой любили,
~~Рово~~
~~Напер~~сники товарищи проказъ — —
....

И все прошло проказы, заблужденья...
Ты освятилъ
~~Смиренъ, суровъ,~~ тобой избранный санъ
Ему
~~Но ты~~ — въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ
~~Къ нему~~ почтеніе гражданъ —

14.

Ты Г—въ [1]) щастливецъ съ первыхъ дней,

Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодный

Не измѣнилъ души твоей свободной

Все тотъ-же ты для чести и друзей —

Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой

жизнь ~~после~~ быстро
Ступая въ ~~свѣтъ~~ мы ~~тотчасъ~~ разошлись

Но невъзначай проселочной дорогой

Мы встрѣтились и братски обнялись.

Что жъ я тебя встрѣтилъ тутъ же
~~Зачѣмъ и ты~~ не ~~обнялъ друга~~ съ нимъ
Ты
Ø нашъ казакъ и пылкій и незлобной [2])
сѣни
Зачѣмъ и ты моей ~~пущи~~ надгробной

Не озарилъ присутствіемъ своимъ.

---

[1]) Кн. Горчаковъ.
[2]) Малиновскій.

15.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
Подъ бурею главой поникъ я томной
И ждалъ тебя, Вѣщунъ Пермесскихъ Дѣвъ
И ты пришелъ, Сынъ лѣни вдохновенный
про
О Дельвигъ мой, твой голосъ ~~раз~~будилъ
Сердечный жаръ такъ долго усыпленный
И бодро я судьбу благословилъ

16.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ
И дивное волненье мы познали
Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ
уже
Но я любилъ ~~толпы~~ рукоплесканья
гордый
~~скромно~~ пѣлъ
Ты ~~создавалъ~~ для Музъ и для души
Свой даръ,
~~Стихи~~ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

17.

Служенье Музъ не терпитъ Суеты,
Прекрасное должно быть величаво

Но юность намъ совѣтуетъ лукаво
И шумныя насъ радуютъ мечты —
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ
Скажи, Вильгельмъ [1]), не толь и съ нами было
Мой братъ родной по Музѣ по судьбамъ?

18.

душевныхъ
Пора, пора! ~~сердечныхъ~~ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья
сѣнь
Сокроемъ жизнь подъ ~~кровъ~~ уединенья
Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
Приди; огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя ь оживи
Преданiя ~~души возобнови~~
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви —

19.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье
Запомните-жъ поэта предсказанье
съ и снова
Промчится годъ и ~~къ~~ вамъ ~~явлюся~~ я

---

1) Кюхельбекеръ.

ъ онъ
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній

Промчится годъ[1]) и я явлюся къ вамъ

О сколько слезъ и сколько восклицаній

И сколько чашъ подъятыхъ къ небесамъ!

20.

полнѣй
И первую, друзья, полнѣй!

И всю до дна! — Въ честь нашего союза!

Благослови, ликующая Муза!

Благослови!
~~Да здравствуетъ~~, да здравствуетъ Лицей!

~~И каѳедра~~ уроки
Златыя дни! и ~~зимнія~~ забавы

И черный столъ, и бунты вечеровъ

И нашъ словарь, и плески мирной славы

И критики Лицейскихъ мудрецовъ![2])

21.

вторую
1 О други съ мѣстъ ~~бокалы~~ наливайте
2 Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря

3 Опять до дна, до капли выпивайте!...

Но за кого-жъ?.. о други! угадайте...

4 Ура нашъ Царь! — такъ выпьемъ за Царя

---

[1]) Въ рукописи слово годъ пропущено.
[2]) Т. е. сотрудниковъ журнала «Лицейскій Мудрецъ».

Онъ человѣкъ: имъ властвуетъ мгновенье

Онъ рабъ Молвы, сомнѣнья и страстей. —

Но такъ и быть

Простимъ ему ~~не правое~~ гоненье:

Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

22.

Куницыну дань сердца и Вина!

Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень

Поставленъ имъ краеугольный камень

Имъ чистая лампада возжена...

Наставникамъ юность

~~Хвала и Вамъ~~, хранившимъ нашу ~~младость~~

всѣмъ

~~И~~ честію и мертвымъ и живымъ

Къ устамъ подъявъ признательную чашу

Не помня зла, за благо воздадимъ.

23.

Пируйте-же пока еще мы тутъ

Увы! нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ

Кто въ гробѣ спитъ, кто дальный сиротѣетъ

Судьба глядитъ, мы вянемъ, дни бѣгутъ —

Невидимо склоняясь и хладѣя

ъ началу

Мы ближимся ~~ко гробу~~ своему...

Кому-жъ изъ насъ подъ старость день Лицея

Торжествовать придется одному

24.

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній и чужой
и соединеній
Онъ вспомнитъ насъ, дни ~~юныхъ наслажденій~~
Закрывъ глаза дрожащею рукой
Пускай же онъ съ отрадой хоть печально
Тогда
Сей ~~вѣрный~~ день за чашей проведетъ
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной
Его провелъ безъ горя и заботъ. —

Михайловское 1825 г.

Подпись на подлинномъ — чрезвычайно размашистый и неразборчивый парафъ.

XIII.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ИЗДАНІЯМЪ ПУШКИНА.

Въ бумагахъ Плетнева сохранилось нѣсколько писанныхъ рукою князя Одоевскаго списковъ съ автографовъ Пушкина. Одоевскій былъ въ числѣ лицъ, разбиравшихъ рукописи поэта по смерти его и приготовлявшихъ новое изданіе его сочиненій. Между прочимъ тутъ на трехъ страницахъ въ листъ выписаны строфы *Евгенія Онѣгина*, содержащія мѣстами неизвѣстные варіанты къ тексту его и даже къ дополненіямъ, напечатаннымъ г. Якушкинымъ въ московскомъ изданіи Общества Люб. росс. сл. Сообщаю изъ этихъ выписокъ тѣ строфы, которыя вполнѣ или отчасти являются здѣсь въ новомъ видѣ. Измѣненное или опущенное отмѣчаю курсивомъ.

Ко второй главѣ.

Къ строфѣ XVIII (Якушк. стр. 248):

О двойка, ни дары свободы,
Ни Фебъ, ни *Ольга*, ни пиры
Онѣгина въ минувши годы
Не отвлекли бы отъ игры.
Задумчивый, всю ночь до свѣта
Бывалъ готовъ *онъ* въ эти лѣта
Допрашивать судьбы завѣтъ,
Налѣво *ляжетъ* ли валетъ.
Ужъ раздавался звонъ обѣденъ;

Среди *разорванныхъ* колодъ
Дремалъ усталый банкометъ,
А *онъ, нахмуренъ*, бодръ и блѣденъ,
Надежды полнъ, закрывъ глаза,
Пускалъ на третьяго туза.

*

Ужъ я не тотъ *игрокъ нескромный*,
Скупой не вѣруя мечтѣ,
Уже не ставлю карты темной,
Замѣтя тайное руте.
Мѣлокъ оставилъ я въ покоѣ;
«Атанде», слово роковое,
Мнѣ не приходитъ на языкъ;
Отъ риѳмы также я отвыкъ.
Что буду дѣлать? Между нами,
Всѣмъ этимъ утомился я.
Надняхъ попробую, друзья,
Заняться бѣлыми стихами...
Хотя имѣетъ *кензельва* [1])
Большія на меня права.

Къ третьей главѣ.

Къ строфѣ III (Як., стр. 253):

. . . .
Несутъ на блюдечкахъ варенье
Съ одною ложкою для всѣхъ
(*Въ деревнѣ нѣтъ иныхъ утѣхъ*,
Въ деревнѣ день есть цѣль [2]) обѣда).
Поджавши руки, у дверей
Сбѣжались *дѣвушки скорѣй*
Взглянуть на новаго сосѣда,

[1]) Сверху приписано: quinze elle va.
[2]) А не *цѣпь*, какъ напечатано въ дополненіяхъ къ *Евгенію Онѣгину*.

И на дворѣ толпа людей
Критиковала ихъ коней.

За XXIII-ею предполагалась слѣдующая строфа, которой нѣтъ въ прежнихъ варіантахъ:

Но вы, кокетки записныя,
Я васъ люблю, хоть это грѣхъ:
Улыбки, ласки указныя
Вы расточаете для всѣхъ,
Ко всѣмъ стремите взоръ пріятный;
Кому слова не вѣроятны,
Того увѣритъ поцѣлуй;
Кто хочетъ, воленъ, торжествуй.
Я прежде самъ бывалъ доволенъ
Единымъ взоромъ вашихъ глазъ;
Теперь лишь уважаю васъ,
Но хладной опытностью боленъ,
И самъ готовъ я вамъ помочь,
Но ѣмъ за двухъ и сплю всю ночь.

Къ XXXV (Як., стр. 256):

Теперь, какъ сердце въ ней забилось,
Заныло будто предъ бѣдой!
Возможно ль? что со мной случилось?
Зачѣмъ писала, Боже мой!
На мать она *взглянуть* не смѣетъ,
То вся горитъ, то вся блѣднѣетъ,
Весь день потупя взоръ молчитъ
И чуть не плачетъ, и дрожитъ.
Внукъ няни *поздо* воротился,
Сосѣда видѣлъ *онъ*; ему
Письмо вручилъ онъ самому,
И чтожъ сосѣдъ? — Верхомъ садился
И положилъ письмо въ карманъ.
Ахъ, чѣмъ-то кончится романъ?

Къ четвертой главѣ.

Къ XXXVIII[1]) (Як. 261):

Носилъ онъ русскую рубашку,
Платокъ шелковый кушакомъ,
Армякъ татарскій на распашку
И шляпу съ кровлею какъ домъ
Подвижный. Симъ уборомъ чуднымъ,
Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
Весьма была огорчена
Псковская дама Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ[2]). Евгеній,
Быть можетъ, толки презиралъ,
А вѣроятно, ихъ не зналъ,
Но *все* своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ:
Зато былъ ближнимъ нестерпимъ.

Къ пятой главѣ.

Къ строфѣ XLIII, которая въ окончательномъ текстѣ *Евгенія Онѣгина* совсѣмъ пропущена, а въ примѣчаніи цитуемаго изданія напечатана безъ четырехъ первыхъ стиховъ (Як., 121):

Какъ гонитъ бичъ въ песку манежномъ
На кордѣ гордыхъ кобылицъ,
Мужчины въ округѣ мятежномъ
Погнали, дернули дѣвицъ.
Подковы, шпоры Пѣтушкова, и т. д.

Къ шестой главѣ.

Строфы XV и XVI, пропущенныя въ окончательномъ текстѣ (Як., 131), печатаются здѣсь въ первый разъ:

Да, да, вѣдь ревности припадки —
Болѣзнь, такъ точно какъ чума,

---

[1]) Въ дополненіяхъ ошибочно означено: XXXVII.

[2]) Противъ имени *Дурина* на поляхъ приписано: «Дирина», а противъ имени *Мизинчиковъ* — «Пальчиковъ».

Какъ черный сплинъ, какъ лихорадка,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣетъ,
Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои!
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ: кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ конечно безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ,
Иль шею склонитъ подъ топоръ.

*

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ нѣтъ, о ты, которой
Я въ буряхъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И рая мигомъ сладострастнымъ.
Какъ учатъ слабое дитя,
Ты душу нѣжную, мутя,
Учила горести глубокой.
Ты нѣгой волновала кровь,
Ты воспаляла въ ней любовь
И пламя ревности жестокой;
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день:
Почій, мучительная тѣнь!

Строфа XXXVIII, также до сихъ поръ неизданная (Як., 142):

Исполня жизнь свою отравой,
Не сдѣлавъ многаго добра,
Увы, онъ могъ безсмертной славой
Газетъ наполнить нумера.

Уча людей, мороча братій
При громѣ плесковъ иль проклятій,
Онъ совершить могъ грозный путь,
Дабы въ послѣдній разъ дохнуть
Въ виду торжественныхъ трофеевъ,
Какъ нашъ Кутузовъ иль Нельсонъ,
Иль въ ссылкѣ, какъ Наполеонъ,
Иль быть повѣшенъ, какъ Рылѣевъ.

Выписанныя здѣсь строфы принадлежатъ очевидно къ первоначальнымъ редакціямъ соотвѣтственныхъ главъ. Нѣкоторыя изъ этихъ строфъ были цѣликомъ забракованы Пушкинымъ при окончательной отдѣлкѣ главы, и такимъ образомъ замѣняющія ихъ въ напечатанномъ текстѣ заглавныя цыфры означаютъ дѣйствительные пропуски.

Между оставшимися у Плетнева списками руки князя Одоевскаго есть и другія произведенія Пушкина, особенно многія сцены изъ *Бориса Годунова,* нѣкоторые изъ разсказовъ Н. К. Загряжской и проч. (съ отмѣтками на поляхъ: «не пропущено ценз. комитетомъ»); но всѣ эти извлеченія уже нашли мѣсто въ позднѣйшихъ изданіяхъ нашего поэта. Сохранились также *народныя сказки* (въ прозѣ, какъ онѣ выходили изъ устъ разсказчика); онѣ переписаны рукой писаря, но такъ неграмотно, что ими въ настоящемъ видѣ трудно пользоваться.

Въ октябрѣ 1880 года И. П. Хрущовъ сообщалъ мнѣ доставшуюся ему отъ покойнаго Д. В. Полѣнова тетрадь стихотвореній лицеистовъ перваго выпуска съ отмѣткою: «Эта тетрадь принадлежала Матюшкину». Въ ней я не нашелъ почти ничего новаго, и выписалъ изъ нея только дополненія къ сказкѣ Пушкина *Бова*, которыя въ настоящее время уже напечатаны, да слѣдующую его же эпиграмму на одного изъ лицейскихъ гувернеровъ, до сихъ поръ (сколько мнѣ извѣстно) нигдѣ не появлявшуюся:

ПОРТРЕТЪ.

Вотъ коропузикъ нашъ, монахъ,
Поэтъ, писецъ и воинъ.
Всегда, за все, во всѣхъ мѣстахъ,
Крапивы онъ достоинъ.
Съ Мартыномъ [1]) попъ онъ записной,
Съ Фроловымъ [2]) математикъ;
Вступаетъ Энгельгардтъ-герой —
И вмигъ онъ дипломатикъ.

Прилагаю нѣсколько замѣтокъ для комментарія къ сочиненіямъ Пушкина.

Въ статьѣ его о Дельвигѣ (V, 159) [3]) есть слѣдующій отзывъ: «Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены какъ нѣкоторое чудо». Анненковъ думаетъ, что въ этихъ словахъ Пушкинъ разумѣлъ самого себя; но едва ли онъ въ 1831 г., когда они писались, могъ имѣть такое скромное понятіе о своемъ талантѣ: не вѣрнѣе ли предположить, что онъ тутъ разумѣлъ Илличевскаго, къ которому такое сужденіе совершенно подходитъ? Извѣстно, что онъ подавалъ большія надежды своими первыми опытами.

Въ ноябрѣ 1828 г. Пушкинъ изъ Малинниковъ (Твер. губ.) писалъ Дельвигу (VII, № 206): «Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито». Эта замѣчательно смышленая

---

[1]) Мартынъ Степ. Пилецкій Урбановичъ, первый по времени инспекторъ классовъ въ лицеѣ, мистикъ и иллюминатъ.

[2]) Степанъ Степ. Фроловъ, третій по порядку инспекторъ классовъ, который передъ вступленіемъ Энгельгардта временно исправлялъ должность директора лицея.

[3]) Всѣ послѣдующія ссылки дѣлаются по изданію литературнаго фонда.

собака, которую долго показывали за деньги, впослѣдствіи куплена была въ Карлсбадѣ нашимъ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ Татищевымъ и имъ подарена императору Николаю, который переименовалъ ее *Гусаромъ*. Она была такъ понятлива, что иногда замѣняла камердинера. Когда государю угодно было позвать къ себѣ кого-нибудь изъ жившихъ во дворцѣ, онъ только отдавалъ приказаніе о томъ *Гусару:* собака мигомъ бѣжала къ названному лицу и теребила его за платье; всѣ уже знали, чтó это значитъ. Когда она околѣла, кажется, въ 40-хъ годахъ, ее похоронили въ Царскомъ Селѣ, въ собственномъ государевомъ саду около колоннады, и поставили надъ нею родъ памятника. (Слыш. отъ князя Трубецкого).

Въ одномъ изъ стихотвореній В. Л. Пушкина есть мѣсто, въ которомъ съ перваго взгляда можно предполагать отношеніе къ его знаменитому племяннику; именно, въ посланіи къ графу Ѳ. И. Толстому говорится:

«Любезный Вяземскій, достойный Феба сынъ,
И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель,
Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ».

Увѣренность, что здѣсь надо разумѣть Александра Сергѣевича, который смолоду признавалъ Вольтера своимъ любимымъ писателемъ, была не разъ выражаема въ печати. Между тѣмъ такое толкованіе оказывается невѣрнымъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, когда именно это посланіе было написано[1]); но во всякомъ случаѣ оно не можетъ относиться къ послѣднему періоду жизни Василія Львовича (1827—1830), когда Александръ Сергѣевичъ бывалъ въ Москвѣ. Въ посланіи говорится все о лицахъ, находящихся въ этомъ городѣ: авторъ сѣтуетъ, что не

[1]) Не имѣя подъ рукою всѣхъ журналовъ, въ которыхъ участвовалъ В. Л. Пушкинъ, мы лишены покуда возможности привести въ извѣстность то, гдѣ первоначально было напечатано это стихотвореніе.

можетъ быть на обѣдѣ у Толстого, и утѣшаетъ его тѣмъ, что у него будутъ гостями Вяземскій, Пушкинъ и Шаликовъ; но мы знаемъ, что Александръ Сергѣевичъ, съ поступленія въ лицей до сентября 1826 г., въ Москвѣ не бывалъ. Предположить же, что стихотвореніе это относится къ позднѣйшему времени, нельзя, потому что тогда Василій Львовичъ уже не могъ приписывать своему племяннику исключительнаго пристрастія къ Вольтеру и называть его балагуромъ. Эти два качества, напротивъ, идутъ какъ нельзя болѣе къ Алексѣю Мих. Пушкину, извѣстному острослову и волтеріанцу, о пріятельскихъ же отношеніяхъ между нимъ и Васильемъ Львовичемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ пьеса послѣдняго: «На случай шутки А. М. Пушкина»[1]).

Въ 1876 г., въ Миланѣ напечатана въ 16 д. л. итальянская драма подъ заглавіемъ: «Puschkin. Dramma in 4 atti e in versi di Pietro Cossa». Петръ Косса (род. 1830, ум. 1881) извѣстенъ многими произведеніями, имѣвшими на сценѣ большой успѣхъ, особенно же драмами Nerone и Messalina. Пьеса «Пушкинъ» была въ первый разъ представлена въ Миланѣ, въ 1869 г., а потомъ въ Тріэстѣ въ 1874, и по поводу этого послѣдняго представленія появилась въ *Русскомъ Архивѣ* того же года (кн. IV, стр. 01096) замѣтка русской дамы, бывшей въ числѣ зрителей. Похваливъ игру актеровъ, наша соотечественница не могла одобрить содержанія и справедливо отозвалась, что въ пьесѣ много вздору, но еще не довольно строго отнеслась къ нелѣпостямъ, которыми она наполнена. Авторъ драмы изъ біографіи Пушкина знаетъ одни имена, всѣ же обстоятельства и отношенія совершенно перепуталъ. У него Пушкинъ, женившись, держитъ у себя въ домѣ любовницу-цыганку, въ Наталью же Николаевну влюбленъ князь (il principe) Инзовъ, съ которымъ и стрѣляется Пушкинъ, при чемъ секундантомъ поэта — баронъ Дельвигъ!

---

[1]) Подробными свѣдѣніями объ А. М. Пушкинѣ мы обязаны Л. Н. Майкову, сообщившему ихъ недавно въ изданіи *Сочиненій К. Н. Батюшкова* (III, 686—690). О В. Л. Пушкинѣ см. тамъ же обширное примѣчаніе г. В. Саитова (II, 512—525).

Послѣ такой вѣрности фактамъ нечего уже искать въ пьесѣ какихъ-либо достоинствъ, и достаточно только отмѣтить для Puschkiniana попытку итальянскаго писателя воспользоваться біографіей нашего поэта для фантастическаго сочиненія въ формѣ драмы.

Въ 40-хъ годахъ, занимая каѳедру русской исторіи и литературы въ гельсингфорсскомъ университетѣ, я переписывался съ П. А. Плетневымъ и иногда обращался къ нему съ вопросами о Пушкинѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ его объясненій:

«*Вастолу* Виланда перевелъ какой-то бывшій нѣкогда учитель Пушкина; онъ состоялъ въ первые годы членомъ Общества Соревнователей просвѣщенія и благотворенія. Послѣ служилъ онъ въ военномъ министерствѣ чиновникомъ, и, по общей слабости чиновниковъ изъ класса ученыхъ, попивалъ. Ему-то Пушкинъ и позволилъ назвать себя издателемъ его перевода».

«Пушкинъ въ 1825 г. назвалъ Вильгельма (т. е. Кюхельбекера) братомъ *по судьбамъ*[1]) отъ того, что жилъ тогда въ Михайловскомъ, не имѣя права возвратиться въ Петербургъ или въ Москву; Вильгельмъ же, по возвращеніи изъ Парижа (куда ѣздилъ въ качествѣ секретаря съ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ), гдѣ въ Атенеѣ прочелъ онъ нѣсколько либеральныхъ лекцій о русской литературѣ, принужденъ былъ убраться куда-нибудь подальше отъ центра администраціи: А. Тургеневъ и Жуковскій передали его Ермолову. Вотъ отъ чего и сказалъ Пушкинъ:

«Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа[2])....

«Но Вильгельмъ разссорился съ Ермоловымъ, и осенью 1825 г. возвратился на бѣду свою въ Петербургъ».

---

[1]) Въ стихотвореніи*: 19-е октября:*

Скажи, Вильгельмъ, не толь и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ.

[2]) Въ томъ же стихотвореніи.

«*Домикъ въ Коломнѣ* для меня съ особеннымъ значеніемъ. Пушкинъ, вышедши изъ лицея, дѣйствительно жилъ въ Коломнѣ надъ Корфами близъ Калинкина моста, на Фонтанкѣ, въ домѣ, бывшемъ тогда Клокачева. Здѣсь я познакомился съ нимъ. Описанная гордая графиня была дѣвица Буткевичъ, вышедшая за семидесятилѣтняго старика — графа Стройновскаго (нынѣ она уже за генераломъ Зуровымъ). Слѣдовательно, каждый стихъ для меня есть воспоминаніе или отрывокъ изъ жизни».

По ходатайству опеки, завѣдывавшей по смерти Пушкина изданіемъ сочиненій его, разосланъ былъ ко всѣмъ предводителямъ дворянства слѣдующій циркуляръ попечителя С.-петербургскаго учебнаго округа. Сообщаю его во всей точности по сохранившемуся въ бумагахъ Плетнева печатному экземпляру:

«Милостивый Государь,

«Вашему   извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго года Россійская словесность лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ талантовъ, ее украшавшихъ. Преждевременная кончина Пушкина поразила горестію друзей Литтературы и Отечественной славы, и Государь Императоръ, первый покровитель всѣхъ высокихъ дарованій въ своемъ Государствѣ, изъявивъ особенное милостивое участіе въ судьбѣ покойнаго, осыпалъ своими монаршими щедротами оставленное имъ въ сиротствѣ семейство.

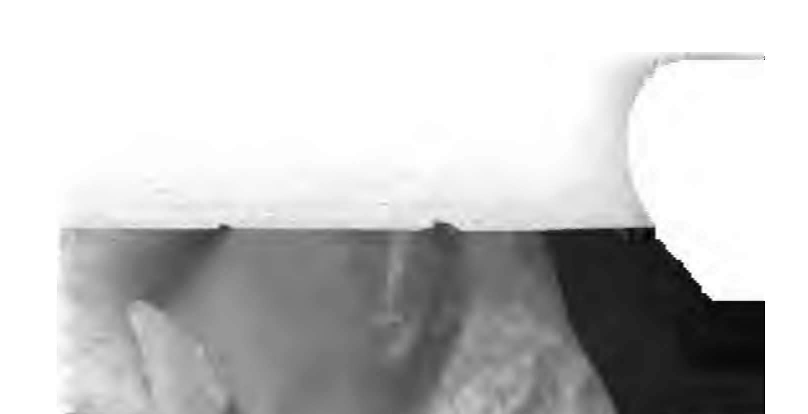
«Для усиленія Всемилостивѣйше дарованныхъ оному пособій, опека, учрежденная надъ малолѣтными дѣтьми умершаго Поэта, приступила по соизволенію Его Императорскаго Величества къ изданію новаго полнаго собранія всѣхъ доселѣ напечатанныхъ сочиненій его. Публика уже извѣщена о семъ ею: но я, съ своей стороны, зная сколь много творенія хорошихъ писателей способствуютъ совершенствованію языка, образованію вкуса и вообще возвышенію чувства изящнаго, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность, согласно съ изъявленнымъ мнѣ желаніемъ опеки, покорнѣйше просить Ваше   принять участіе въ раз-

дачѣ билетовъ на собраніе сочиненій Пушкина всѣмъ любителямъ Литтературы, всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія среди Дворянства Вами предводимаго. Кажется, нельзя сомнѣваться, что Русскіе всѣхъ сословій, всегда на поприщѣ славы и добра одушевляемые примѣромъ своего Монарха, захотятъ и въ семъ случаѣ, почтивъ память великаго поэта, съ тѣмъ вмѣстѣ способствовать и обезпеченію благосостоянія сиротъ, дѣтей его.

«Увѣренный въ благосклонномъ дѣятельномъ участіи Вашего въ семъ дѣлѣ, я поручилъ Канцеляріи моей доставить къ Вамъ нѣсколько билстовъ на собраніе сочиненій А. С. Пушкина.

«Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Вашего

С.-Петербургъ.
Мая 1837».



XIV.

Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину[1].

Отъ имени комитета, принявшаго на себя заботы по сооруженію памятника Пушкину, имѣю честь представить краткую исторію этого дѣла.

Мысль о памятникѣ великому поэту въ первый разъ была пущена въ ходъ изъ среды бывшихъ воспитанниковъ царскосельскаго лицея по поводу приготовленій, въ 1860 г., къ празднованію пятидесятилѣтняго юбилея его, при чемъ мѣсто будущему монументу предназначено было въ Царскомъ Селѣ, въ саду, нѣкогда принадлежавшемъ лицею. Сборъ пожертвованій по подпискѣ, съ высочайшаго разрѣшенія тогда же открытой по представленію директора лицея Н. И. Миллера, въ немногіе годы доставилъ 13,359 руб. Въ то же время художниками Лаверецкимъ и Бахманомъ составленъ былъ проектъ памятника, уже и осуществленный первымъ изъ нихъ въ модели довольно обширныхъ размѣровъ, помѣщенной въ залѣ Александровскаго лицея.

Мало по малу однакожъ притокъ пожертвованій сталъ оскудѣвать и вскорѣ совершенно прекратился. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда на обычномъ лицейскомъ обѣдѣ, 19-го октября 1870 г., одинъ изъ участниковъ его воспользовался случаемъ

---

[1]) Читанъ мною 5-го іюня 1880 г. въ публичномъ засѣданіи комитета по сооруженію памятника, въ залѣ Московской Городской Думы, и напечатанъ на другой день въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

возобновить вопросъ о памятникѣ нашему поэту. Предложеніе это встрѣтило большое сочувствіе, и тутъ же, по мысли К. К. Грота, рѣшено было учредить, для дальнѣйшаго веденія дѣла, комитетъ изъ воспитанниковъ первыхъ выпусковъ лицея. По ходатайству августѣйшаго попечителя его, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, предположеніе наше удостоилось одобренія государя императора, и такимъ образомъ въ февралѣ 1871 г. составился, подъ главнымъ вѣдѣніемъ его высочества, комитетъ для сооруженія памятника Пушкину изъ слѣдующихъ семи лицъ, бывшихъ воспитанниковъ:

1-го выпуска лицея: статсъ-секретаря барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа и адмирала Ѳ. Ѳ. Матюшкина.

6-го выпуска: академика Грота.

7-го выпуска: статсъ-секретарей К. К. Грота, Н. А. Шторха и д. ст. с. А. И. Колемина.

Седьмымъ членомъ избранъ былъ воспитанникъ лицейскаго пансіона, вышедшій въ 1829 г., статсъ-секретарь, управлявшій дѣлами Комитета министровъ Ѳ. П. Корниловъ, которому выпалъ жребій принять самое дѣятельное участіе въ окончательныхъ распоряженіяхъ по постановкѣ и открытію памятника.

Да позволено мнѣ будетъ, при этомъ случаѣ, почтить сердечнымъ воспоминаніемъ трехъ членовъ нашего комитета, исторгнутыхъ смертью изъ среды его прежде окончанія дорогого имъ дѣла. Особенно потрудился въ немъ младшій изъ нихъ, Н. А. Шторхъ: по своему посту въ IV-мъ Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи онъ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ комитета и храненіемъ суммъ, составлявшихся изъ приношеній на памятникъ. По смерти его, въ декабрѣ 1878 г., заботы эти принялъ на себя К. К. Гротъ, а послѣ отъѣзда его, по болѣзни, въ минувшемъ году за границу, Ѳ. П. Корниловъ. Оба они не могли обойтись безъ непосредственной помощи IV-го Отдѣленія Собственной канцеляріи его величества, и комитетъ съ особеннымъ удовольствіемъ свидѣтельствуетъ, какъ много онъ обязанъ, со времени кончины Н. А. Шторха, просвѣщенному содѣйствію

барона А. Ѳ. Гюне. Всею счетною частію непосредственно занимался помощникъ бухгалтера К. К. Тимоѳеевъ.

Два старшіе члена, потерю которыхъ мы оплакиваемъ, были достойные товарищи Пушкина, графъ Корфъ, умершій въ началѣ 1876 г., и адмиралъ Матюшкинъ, съ дѣтства связанный съ поэтомъ узами нѣжнѣйшей дружбы. По кончинѣ его, въ сентябрѣ 1872 г., комитетъ съ высочайшаго соизволенія избралъ членомъ своимъ воспитанника 6-го курса лицея, сенатора М. Н. Похвиснева.

Въ исторіи нашего дѣла Матюшкинъ памятенъ тѣмъ, что онъ первый подалъ мысль избрать мѣстомъ сооруженія Москву. Я упомянулъ, что первоначально рѣшено было поставить памятникъ въ царскосельскомъ лицейскомъ саду; но комитетъ, находя это мѣсто слишкомъ уединеннымъ, считалъ необходимымъ пріискать другой, болѣе отвѣчающій цѣли пунктъ. Въ Петербургѣ, уже богатомъ памятниками царственныхъ особъ и знаменитыхъ полководцевъ, мало было надежды найти достойное поэта, достаточно открытое и почетное мѣсто. Между тѣмъ нельзя было не согласиться съ Матюшкинымъ, что постановка памятника Пушкину въ Москвѣ, гдѣ безпрестанно толпятся, смѣняясь, уроженцы всѣхъ странъ Россіи, особенно была бы способна придать ему значеніе вполнѣ народнаго достоянія. Съ другой стороны, связи Пушкина съ Москвой были нисколько не слабѣе, если еще не сильнѣе тѣхъ, которыя роднили его съ Петербургомъ. Въ Москвѣ онъ родился, и до 12-тилѣтняго возраста прожилъ частью въ самомъ городѣ, частью въ подмосковномъ сельцѣ Захаровѣ [1]). Здѣсь онъ ознакомился съ народнымъ бытомъ и языкомъ, сблизился съ самимъ народомъ. Здѣсь нашелъ онъ могучее противодѣйствіе тому французскому воспитанію, которое онъ, по духу времени, получалъ въ родительскомъ домѣ: въ деревнѣ ему полюбились крестьянскія пѣсни, хороводы и пляски.

---

[1]) Собственно *Захарьинъ*, но въ просторѣчіи употребительнѣе принятая въ текстѣ форма этого имени, которую обыкновенно употреблялъ и самъ Пушкинъ.

Въ сосѣднемъ съ Захаровомъ историческомъ селѣ Вязёмахъ онъ слышалъ преданія, впервые пробудившія въ немъ любовь къ русской старинѣ. По родственнымъ и дружескимъ связямъ своего отца, онъ съ дѣтства вступилъ въ кругъ московскихъ литераторовъ, къ которому, кромѣ дяди его Василья Львовича, принадлежали Карамзинъ, Дмитріевъ, Тургеневъ, Жуковскій; понятно, какъ общество этихъ людей должно было дѣйствовать на развитіе литературныхъ вкусовъ и авторскаго направленія въ отрокѣ. Послѣ своего помѣщенія въ лицей Пушкинъ долго не былъ въ Москвѣ. По окончаніи шестилѣтняго воспитанія въ этомъ заведеніи онъ не пробылъ въ Петербургѣ и трехъ полныхъ лѣтъ; а за тѣмъ наступилъ періодъ его страннической жизни, продолжавшійся опять шесть лѣтъ. Но въ Москвѣ же, съ новымъ царствованіемъ, началось его общественное возрожденіе, когда императоръ Николай, послѣ коронаціи, вызвавъ его изъ деревни, милостиво положилъ конецъ его изгнанію и объявилъ себя его цензоромъ. Наконецъ, въ Москвѣ же онъ встрѣтилъ ту, съ которою рука объ руку вступилъ на новый путь жизни, введшій его въ невѣдомый прежде міръ идей и нравственныхъ ощущеній. Тамъ совершилась и самая женитьба Пушкина. Около этого времени и въ немногіе остальные годы жизни своей онъ часто бывалъ въ Москвѣ и принималъ дѣятельное участіе въ ея литературномъ движеніи. Есть мнѣніе, будто онъ не любилъ своего родного города; можетъ быть, увлекаясь остроуміемъ, онъ иногда дѣйствительно подшучивалъ надъ Москвой, точно такъ же какъ въ другія минуты бранилъ Петербургъ, видя въ немъ «скуку, холодъ и гранитъ». Но нигдѣ въ сочиненіяхъ его мы не находимъ слѣдовъ серіознаго нерасположенія къ Москвѣ. Напротивъ, въ нихъ часто выражается его сочувствіе къ ней. Въ примѣръ того можно привести особенно VII-ую главу *Евгенія Онѣгина*, передъ которою онъ помѣстилъ нѣсколько эпиграфовъ изъ разныхъ поэтовъ въ похвалу Москвѣ, а потомъ самъ съ горячею любовью обращается къ ней, называя ее *своею*. «Благослови Москву Россія», сказалъ онъ въ стихотвореніи *Наполеонъ*.

Празднымъ и ребяческимъ дѣломъ было бы хотѣть сравнительно опредѣлить, которая изъ обѣихъ столицъ имѣла болѣе правъ на памятникъ Пушкина; но изъ сказаннаго достаточно видно, до какой степени Москва была близка поэту, и какъ много было основаній избрать въ настоящемъ дѣлѣ древнюю столицу, это средоточіе Россіи въ духовномъ, какъ и въ физическомъ смыслѣ[1]). По всеподданнѣйшему докладу принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, государь императоръ, согласно съ ходатайствомъ комитета, 20-го марта 1871 г., всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: «чтобы помятникъ Пушкина поставленъ былъ не въ Царскомъ Селѣ, какъ прежде указано было, а въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія поэта, гдѣ монументъ его получитъ вполнѣ національное значеніе».

Затѣмъ комитету надлежало сообразить, въ какомъ именно пунктѣ Москвы всего приличнѣе воздвигнуть памятникъ. По этому поводу членъ комитета К. К. Гротъ въ концѣ 1871 г. вызвался съѣздить туда для совѣщанія съ наиболѣе интересующимися дѣломъ мѣстными жителями. При его участіи, у князя В. А. Черкасскаго состоялось собраніе изъ слѣдующихъ лицъ: городского головы Лямина, И. С. Аксакова, П. И. Бартенева, М. Н. Каткова, П. И. Миллера, М. П. Погодина и Ю. Ѳ. Самарина. Послѣ недолгихъ преній комитету предложено было на выборъ два мѣста, именно: либо край Тверского бульвара противъ Страстного монастыря, либо новообразованный въ то время скверъ при Страстномъ бульварѣ. Комитетъ отдалъ предпочтеніе первому изъ названныхъ двухъ пунктовъ. Выборъ этотъ, по одобреніи его московскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, удостоился высочайшаго утвержденія 17-го іюня 1872 г., и съ согласія Общей

---

[1]) Это замѣчаніе было вызвано полемическими статьями, появлявшимися въ газетахъ, когда въ началѣ дѣятельности комитета стало извѣстнымъ рѣшеніе его поставить памятникъ Пушкину въ Москвѣ. Въ этихъ статьяхъ доказывалось, что право на такое сооруженіе принадлежитъ предпочтительно Петербургу.

Думы рѣшено было отрѣзать отъ Тверского бульвара подъ памятникъ около 30-ти саженъ по прямой линіи. На этомъ-то мѣстѣ и воздвигнуто открытое нынѣ сооруженіе.

Далѣе комитету предстояло составить новый проектъ памятника, такъ какъ для выполненія прежняго требовалась такая сумма (именно 89,000 руб.), на полученіе которой комитетъ въ то время не могъ разсчитывать. Притомъ и по замыслу своему проектъ этотъ не вполнѣ отвѣчалъ тому идеалу простоты и единства созданія, который желательно было видѣть осуществленнымъ въ памятникѣ поэта, столь отличавшагося именно этими чертами творчества въ своихъ произведеніяхъ. Желая въ то же время послужить русскому искусству вызовомъ наличныхъ представителей его къ участію въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ, комитетъ въ 1872 г. открылъ восьмимѣсячный конкурсъ, предлагая всѣмъ русскимъ ваятелямъ представить скульптурныя модели обѣихъ частей памятника: пьедестала и статуи поэта, причемъ за наиболѣе удовлетворительные проекты назначено шесть премій различныхъ размѣровъ.

Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, въ мартѣ 1873 г. явилось 15 моделей, которыя и были выставлены на общественный судъ въ залѣ Опекунскаго Совѣта. Для оцѣнки ихъ, равно какъ и прежде для составленія программы конкурса и проекта моделей, комитетъ приглашалъ къ совмѣстнымъ съ нимъ совѣщаніямъ извѣстнѣйшихъ художниковъ изъ среды не только скульпторовъ, но и живописцевъ. Организованная такимъ образомъ комиссія присяжныхъ нашла, что хотя ни одна изъ представленныхъ моделей не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ программы, однакожъ нѣкоторыя изъ нихъ, по относительнымъ достоинствамъ своимъ, заслуживаютъ награды, и премій присуждено на 3,500 р. слѣдующимъ художникамъ, гг. Опекушину, Забѣлѣ, Шредеру, Боку и Ильенку.

Затѣмъ признано нужнымъ учредить новый конкурсъ, который и состоялся тѣмъ же способомъ и на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ. Представленнымъ вслѣдствіе того въ мартѣ 1874 г.

19-ти моделямъ устроена была опять публичная выставка, на этотъ разъ въ залѣ Академіи Наукъ. Приглашенные для обсужденія ихъ вмѣстѣ съ комитетомъ эксперты изъ художниковъ и литераторовъ и теперь не признали ни одной модели достойною полнаго одобренія, но присудили, по произведенной баллотировкѣ, второстепенныя преміи, всего на 2,000 руб., тремъ изъ состязавшихся скульпторовъ, именно гг. Опекушину, Забѣлѣ и Боку.

Такъ какъ послѣ двухъ, не приведшихъ къ цѣли конкурсовъ, учреждать третій казалось безполезнымъ, то вмѣсто того, по совокупному опредѣленію комитета и экспертовъ, предложено было двумъ составителямъ наиболѣе удавшихся моделей, гг. Опекушину и Забѣлѣ, изготовить въ увеличенномъ размѣрѣ двѣ новыя модели, исправивъ прежнія по указаніямъ небольшой комиссіи экспертовъ, составленной, подъ предсѣдательствомъ профессора архитектуры Д. И. Гримма, изъ художниковъ: по скульптурной части Лаверецкаго, по живописи Кёлера и Крамского. Представленныя вслѣдствіе того въ маѣ 1875 г. двѣ модели выставлены были въ помѣщеніи постоянной художественной выставки. Комитетъ, по обсужденіи ихъ вмѣстѣ съ приглашенными имъ экспертами, находилъ въ обѣихъ положительныя достоинства, но въ виду необходимости рѣшиться въ пользу одной изъ нихъ, отдалъ предпочтеніе модели г. Опекушина, какъ соединявшей въ себѣ съ простотою, непринужденностью и спокойствіемъ позы типъ, наиболѣе подходящій къ характеру наружности поэта.

Вылѣпленная по этой модели колоссальная статуя, окончательно еще усовершенствованная по замѣчаніямъ экспертизы, представлена была принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ на воззрѣніе государя императора и, удостоенная высочайшаго его величества одобренія, отлита изъ бронзы на заводѣ покойнаго Когуна, въ С.-Петербургѣ.

Для постановки памятника и другихъ строительныхъ работъ избранъ былъ г. Опекушинымъ, по предоставленному ему праву, архитекторъ И. С. Богомоловъ; для каменныхъ же работъ комитетъ пригласилъ подрядчика А. А. Баринова. Наблю-

деніе за работами и извѣщеніе комитета о ходѣ ихъ принялъ на себя постоянно живущій въ Москвѣ, бывшій воспитанникъ 6-го курса лицея П. И. Миллеръ.

Ограничиваясь этими немногими свѣдѣніями о ходѣ сооруженія памятника, я долженъ присоединить къ нимъ краткій отчетъ въ употребленіи собранныхъ по подпискѣ денежныхъ средствъ.

Когда комитетъ начиналъ свою дѣятельность, имѣвшаяся въ распоряженіи его сумма, вмѣстѣ съ накопившимися процентами, составляла 18,000 руб. съ небольшимъ. Для возобновленія сбора пожертвованій напечатано было въ газетахъ приглашеніе, и вслѣдъ за тѣмъ приступлено къ раздачѣ подписныхъ книжекъ. Но прежде всего мы должны съ благоговѣйною признательностью упомянуть о томъ милостивомъ участіи, какое въ этой подпискѣ соизволили принять августѣйшіе члены императорскаго семейства. Частныя приношенія начали поступать со всѣхъ сторонъ. Кромѣ множества отдѣльныхъ лицъ, успѣшному сбору значительно содѣйствовали редакціи главныхъ повременныхъ изданій и нѣкоторые книгопродавцы. Комитетъ, положивъ въ основаніе своихъ дѣйствій два коренныя начала — гласность и строгую отчетность — вскорѣ сталъ печатать въ газетахъ свѣдѣнія о постепенномъ приращеніи своихъ средствъ, и мало по малу собранная имъ сумма возросла до 83,922 руб. 61 коп. Впослѣдствіи итогъ всей суммы съ накопившимися на нее процентами составилъ 106,575 р. 10 к. [1]).

Такъ какъ еще при первоначально открытой подпискѣ мѣстомъ храненія стекавшихся пожертвованій избрано было IV Отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи, то туда же и теперь окончательно поступали собираемыя комитетомъ суммы. Самыми крупными расходами были слѣдующіе:

---

[1]) Въ этой суммѣ заключаются между прочимъ 22,652 руб. 49 коп., составившіяся: 1) изъ процентовъ, начисленныхъ въ С.-Петербургскомъ банкѣ; 2) изъ процентовъ, полученныхъ по процентнымъ бумагамъ, пріобрѣтеннымъ комитетомъ, и 3) изъ разности между суммою, затраченною комитетомъ на покупку процентныхъ бумагъ, и суммой, вырученною чрезъ ихъ продажу.

На преміи по двумъ конкурсамъ издержано .	5,500 р. — к.
Академику Опекушину за вылѣпку гипсовой статуи уплачено	20,000 » — »
Архитектору Богомолову	5,500 » — »
Подрядчику Баринову	40,016 » 53 »
За отливку статуи изъ бронзы на заводѣ Когуна	15,745 » — »
Всего издержано, считая и болѣе мелкіе расходы	87,510 » 16 »
За всѣми расходами остается въ распоряженіи комитета	19,064 » 94 »

Имѣющейся въ остаткѣ суммѣ должно быть придумано назначеніе возможно согласное съ желаніями жертвователей и близкое къ главной цѣли сбора, чтó и будетъ предметомъ обсужденія комитета, какъ скоро онъ найдетъ возможность собраться въ болѣе полномъ составѣ [1]).

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить глубочайшую благодарность комитета всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и отдѣльнымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ему трудомъ или пожертвованіями въ исполненіи задачи, которую онъ принялъ на себя предъ обществомъ. Ихъ просвѣщенному вниманію, довѣрію и участію обязанъ онъ тѣмъ, что могъ съ успѣхомъ довести до конца дѣло, конечно почетное и отрадное для каждаго русскаго, но представлявшее и свои несомнѣнныя трудности. Пушкинскій комитетъ почитаетъ себя счастливымъ и гордится тѣмъ, что ему суждено было, подъ всемилостивѣйшимъ покровительствомъ государя императора и при высокомъ содѣйствіи принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, послужить орудіемъ

[1]) Въ январѣ 1881 г. состоялось это засѣданіе комитета при участіи нѣсколькихъ приглашенныхъ имъ постороннихъ лицъ, преимущественно изъ среды литераторовъ. Изъ многихъ предложенныхъ тутъ способовъ употребленія сбереженной суммы большинствомъ голосовъ избрано было учрежденіе при Академіи Наукъ преміи, которая съ 1882 г. и была уже присуждена три раза.

этого истинно народнаго предпріятія, совершеннаго по частному почину, безъ всякой примѣси бюрократическаго или приказнаго характера, безъ дополнительныхъ пособій отъ казны и притомъ со сбереженіемъ довольно значительной суммы.

Нынѣ, по прошествіи семи лѣтъ со времени открытія памятника Пушкину, дополню этотъ очеркъ нѣкоторыми, не лишенными интереса, подробностями частнаго свойства.

Въ день обычнаго лицейскаго обѣда первыхъ семи курсовъ, 19-го октября 1870 года, меня сильно занималъ вопросъ, не сдѣлать ли на предстоящемъ собраніи товарищей предложенія принять энергическія мѣры къ возобновленію прекратившейся подписки на памятникъ Пушкину. Съ одной стороны я предвидѣлъ, что вслѣдствіе того на меня ляжетъ значительная доля заботъ и труда по этому предпріятію, съ другой — хотѣлось послужить общественному и патріотическому дѣлу. Доброе побужденіе превозмогло; мысль моя была принята всѣми съ восторгомъ, и тотчасъ же, по предложенію моего брата, Константина Карловича, рѣшено образовать комитетъ изъ среды лицеистовъ. Изъ воспитанниковъ 1-го курса положено было, сверхъ названныхъ въ очеркѣ двухъ лицъ, графа Корфа и Матюшкина, пригласить въ члены и князя Горчакова. Съ этимъ порученіемъ отправились къ нему братъ мой и Н. А. Шторхъ, но князь Горчаковъ не нашелъ возможнымъ согласиться на ихъ просьбу, ссылаясь на свои занятія и, кажется, на свое здоровье.

Во время открытія памятника, газеты называли предсѣдателемъ комитета то Ѳ. П. Корнилова, то меня. Но комитетъ, съ самаго учрежденія своего, не имѣлъ офиціальнаго предсѣдателя. Принцъ Ольденбургскій, въ вѣдѣніи котораго состоялъ комитетъ, участія въ его засѣданіяхъ не принималъ. Предсѣдательствовалъ обыкновенно либо старшій изъ наличныхъ членовъ, либо тотъ, кто завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ. Обязанность веденія протоколовъ и переписки пала естественно на меня. Собирались

сперва у графа М. А. Корфа, а по кончинѣ его (въ началѣ 1876 г.) — у Н. А. Шторха; когда же и его не стало, — то у К. К. Грота. Съ отъѣздомъ послѣдняго, въ 1879 г., по болѣзни, за границу, насъ осталось въ Петербургѣ всего трое: Ѳ. П. Корниловъ, М. Н. Похвисневъ[1]) и я. Мы стали собираться у Похвиснева. На открытіе памятника онъ ѣхать не могъ, такъ какъ разстроенное его здоровье требовало безотлагательнаго путешествія къ минеральнымъ водамъ, и такимъ образомъ представителями комитета при открытіи памятника могли явиться въ Москву только Ѳ. П. Корниловъ и я. Со времени заключенія контрактовъ съ г. Опекушинымъ и подрядчикомъ Бариновымъ, когда на попеченіи комитета остались одни хозяйственныя распоряженія, составленіе протоколовъ и вся оффиціальная часть были переданы мною въ руки Н. А. Шторха. Теперь же, когда работы по сооруженію памятника стали приближаться къ концу, большую часть практическихъ заботъ по этому дѣлу принялъ на себя Ѳ. П. Корниловъ.

Сперва предполагалось открыть памятникъ уже осенью 1879 г., именно 19-го октября; но встрѣтились неожиданныя обстоятельства, замедлившія окончаніе работъ. Главное препятствіе состояло въ томъ, что при постановкѣ угловыхъ монолитовъ для устройства лѣстницы кругомъ пьедестала, съ однимъ изъ нихъ случилась неудача: при опущеніи онъ упалъ и раскололся. Для возможно скорой замѣны его мы прибѣгнули къ совѣтамъ профессоровъ Академіи Художествъ А. И. Рязанова и Д. И. Гримма, которымъ комитетъ уже и прежде много обязанъ былъ за ихъ просвѣщенное содѣйствіе всякій разъ, когда онъ обращался къ ихъ знаніямъ и опытности. Теперь, согласно съ ихъ указаніями, архитектору Богомолову удалось замѣнить поврежденный монолитъ двумя новыми камнями такъ искусно, что черта соединенія ихъ, при самомъ тщательномъ вниманіи, съ трудомъ можетъ быть замѣчена.

[1]) Бывшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Затѣмъ, днемъ открытія памятника назначено было 26-е мая 1880 г., годовщина рожденія Пушкина. Въ этотъ день предполагалось устроить въ Москвѣ торжественный обѣдъ, на который должны были собраться литераторы и депутаты отъ учрежденій и обществъ; приняты были мѣры для устройства порядка въ отправленіи по этому случаю поѣздовъ Николаевской дороги. Въ типографіи Академіи Наукъ уже были напечатаны пригласительныя повѣстки на означенный день. Совѣщаюсь съ Ѳ. П. Корниловымъ и В. П. Гаевскимъ, какъ предсѣдателемъ литературнаго Фонда, о церемоніалѣ открытія памятника. Между тѣмъ со мною вступаетъ въ сношеніе С. А. Юрьевъ, какъ предсѣдатель Общества любителей россійской словесности, которое пожелало взять въ свои руки устройство празднествъ по случаю открытія памятника. Ректоръ Московскаго университета, Н. С. Тихонравовъ, телеграммою увѣдомляетъ меня о согласіи на мою просьбу предоставить комитету университетскую актовую залу для публичнаго засѣданія въ день торжества. Отъ имени комитета печатается въ газетахъ объявленіе о приглашеніи къ отправленію въ Москву депутацій. Чрезъ нѣсколько дней мы получаемъ отъ Московской городской думы предложеніе воспользоваться ея залою для торжественнаго засѣданія и пріема депутацій, и по соглашенію съ ректоромъ университета принимаемъ это предложеніе. Мая 22-го я отправляюсь въ Москву, куда статсъ-секретарь Корниловъ уѣхалъ уже нѣсколькими днями ранѣе. На желѣзной дорогѣ узнаю отъ начальника петербургской станціи горестное извѣстіе о кончинѣ императрицы Маріи Александровны утромъ того же дня; но такъ какъ по предварительному условію меня ждутъ въ Москвѣ, то я не могу отложить своей поѣздки. Послѣ бывшей тамъ, въ день моего пріѣзда, панихиды по усопшей государынѣ, совѣщаюсь съ митрополитомъ Макаріемъ и Ѳ. П. Корниловымъ о порядкѣ открытія и освященія памятника. Вслѣдъ за тѣмъ Ѳ. П. и я являемся къ генералъ-губернатору князю В. А. Долгорукову, который удостоиваетъ насъ самаго любезнаго пріема и приглашаетъ ежедневно къ своему столу, за кото-

рымъ всегда будутъ для насъ готовые приборы. Между тѣмъ по поводу постигшей Россію тяжкой утраты, министръ внутреннихъ дѣлъ (гр. Лорисъ-Меликовъ) телеграфировалъ князю, что «открытіе памятника отлагается на нѣкоторое время», и скоро послѣ того, по соглашенію князя съ нами, днемъ открытія было избрано 3-е іюня. Въ предположеніи вернуться къ этому числу въ Москву мы уѣхали въ Петербургъ, чтобы 28-го мая присутствовать на погребеніи императрицы. Но 31-го мая послѣдовала, по недоразумѣнію, новая отсрочка дня открытія: случилось, что старая телеграмма князя Долгорукова къ принцу Ольденбургскому о томъ, что открытіе отложено, была принята за вновь полученную. Вслѣдствіе этой ошибки, предназначенный 1-го іюня льготный поѣздъ желѣзной дороги отмѣненъ былъ въ ту самую минуту, когда на станцію пріѣзжали депутаты, чтобы занять свои мѣста, а нѣкоторые уже и расположились въ вагонахъ. Можно представить себѣ впечатлѣніе, произведенное этимъ неожиданнымъ распоряженіемъ. Что касается меня, то я все-таки поѣхалъ (Корниловъ былъ уже въ Москвѣ), такъ какъ на другой день мы обѣщались быть на обѣдѣ, который московскіе лицеисты давали намъ, какъ членамъ комитета по сооруженію памятника. 3-го іюня генералъ-губернаторомъ получено было изъ Петербурга по телеграфу извѣстіе, что открытіе окончательно разрѣшено на 6-е іюня. 4-го прибылъ въ Москву для участія въ торжествѣ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, которому мы съ Корниловымъ въ тотъ же день и представились въ зданіи Воспитательнаго Дома. Въ невольномъ замедленіи открытія памятника его высочество признавалъ хорошую сторону, такъ какъ оно дало возможность сдѣлать, не торопясь, всѣ приготовленія къ празднеству. Дальнѣйшихъ подробностей не касаюсь: все относящееся къ описанію пушкинскихъ дней собрано въ книгѣ, изданной подъ заглавіемъ: *Вѣнокъ на памятникъ Пушкину.*

XV.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА

ДЛЯ БІОГРАФІИ ПУШКИНА.

Цѣль этого хронологическаго перечня — служить пособіемъ не однимъ будущимъ біографамъ Пушкина, но и вообще внимательнымъ читателямъ его, особенно пользующимся такими изданіями, гдѣ сочиненія его расположены не въ повременномъ порядкѣ. Такъ какъ я не во всѣхъ показаніяхъ имѣлъ возможность руководствоваться первоначальными источниками, то въ нѣкоторыхъ (впрочемъ, надѣюсь, не во многихъ) числовыхъ данныхъ могутъ встрѣтиться неточности, исправленіе коихъ будетъ предлежать имѣющимъ доступъ къ подлиннымъ документамъ. Недостаточныя свѣдѣнія легко могутъ быть пополнены. На общеизвѣстные матеріалы бóльшею частью не ссылаюсь. Изъ сочиненій Пушкина заношу въ перечень только важнѣйшія или находящіяся въ связи съ его біографіей.

1696. Рожденіе Абрама (Ибрагима) Петр. Ганнибала (по Лонг., *Р. А.* 1864, стр. 185; — по А. С. Пушкину, *Соч.* V, 151 [1]), Ган. родился 1688).
1705. Поступленіе Абр. Ганнибала на службу къ Петру В.
1707. Крещеніе Абр. Ганнибала Петромъ В. въ Вильнѣ.
1716. Отправленіе Абр. Ганнибала въ Парижъ на воспитаніе.
1723. Возвращеніе Абр. Ганнибала въ Россію и опредѣленіе его въ бомбардирскую роту преображенскаго полка.
— Февр. 17. Рожденіе Льва Александр. Пушкина, дѣда поэту, женатаго во второмъ бракѣ на Ольгѣ Чичериной. (Онъ ум. 1790).
1727. Отправленіе Абр. Ганнибала съ порученіемъ въ Сибирь.
1731. Возвращеніе Абр. Ганнибала изъ Сибири и отправленіе его Минихомъ въ деревню.
1734. Вторая женитьба Абр. Ганнибала на Христинѣ Шёбергъ.
1735. Рожденіе Ивана Абрамовича Ганнибала.
1740. Рожденіе Петра Абрам. Ганнибала.

---

[1]) Всѣ ссылки на сочиненія Пушкина дѣлаю по изданію литературнаго фонда, означая только томъ и стран., а въ VII томѣ и № письма; но когда для отысканія письма достаточно одной даты его, то другого указанія не прибавляю.

1742. Рожденіе Осипа Абрамовича Ганнибала.
— Абрамъ Петр. Ганнибалъ пожалованъ въ генералъ-майоры и назначенъ ревельскимъ оберъ-комендантомъ.
1762. Іюня 8. Отставка Абрама Петр. Ганнибала по прошенію.
— При воцареніи Екатерины II Левъ Александр. Пушкинъ (дѣдъ поэта), служившій въ артиллеріи, остается вѣренъ Петру III.
1765. Сент. 2. Письмо Екатерины II къ Абр. Ганнибалу о доставленіи ей плана канала между Москвой и Петербургомъ (Ан. *Мат.*[1]) 292).
1770. Апр. 27. Рожденіе Василья Львов. Пушкина. († 1830).
— Взятіе Наварина Иваномъ Абр. Ганнибаломъ.
1771. Во время чумы въ Москвѣ рожденіе Николая Ник. Раевскаго (впосл. генерала). Мать его — рожденная гр. Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова.
1775. Авг. 12. Рожденіе въ Ригѣ Егора Ант. Энгельгардта († 1862).
1779. Построеніе Херсона Иваномъ Абр. Ганнибаломъ.
1781. Смерть Абрама Петр. Ганнибала на 86-мъ году (по Лонг.; — по А. С. Пушкину на 93-мъ).
1790. Смерть Льва Александр. Пушкина (род. 1723).
1797. Рожденіе Екат. Никол. Раевской, въ замуж. съ 1821 г. Орловой. (Барт. *П. въ Южн. Рос.*, стр. 52).
1798. Рожденіе въ Петербургѣ Ольги Серг. Пушкиной (въ замуж. Павлищевой).
— Авг. 6. Рожденіе барона А. А. Дельвига въ Москвѣ († въ Пб. 1831).
— Сергѣй Львов. Пушкинъ оставляетъ военную службу (гвард. егерскій полкъ, въ который перешелъ изъ измайлов. при имп. Павлѣ).
1799. Марія Алексѣевна Ганнибалъ, бабушка поэта, продаетъ село Кобрино и пріобрѣтаетъ подмосковное сельцо Захарьино. Все семейство переѣхало на жительство въ Москву и съ тѣхъ поръ лѣто проводитъ въ Захарьинѣ до 1811 г.
— **Мая 26 (день Вознесенія). Рожденіе въ Москвѣ Александра Сергѣевича Пушкина.**
1801. Рожденіе Ник. Ник. Раевскаго (младшаго).
— Окт. 12. Смерть Ивана Абр. Ганнибала (род. 1735).
1802. Рожденіе Ник. Серг. Пушкина (ум. 1807).
1806. Рожденіе Льва Серг., впосл. женатаго на Елиз. Александр. Загряжской. (Онъ ум. 1852).
— Смерть Осипа Абрам. Ганнибала (род. 1742), дѣда поэту, женат. на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамб. воеводы, двоюр. сестрѣ дѣду поэта Льву Александр. (См. 1723).
1807. Смерть Николая Серг. Пушкина (род. 1802) и погребеніе его въ Вязёмахъ.
1810. Авг. 12. Имп. Александръ I утверждаетъ постановленіе о царскосельскомъ лицеѣ.
1811. Янв. 11. Постановленіе о лицеѣ обнародовано.

---

[1]) Анненкова *Матеріалы для біографіи Пушкина* цитую по второму, отдѣльному ихъ изданію.

1811. Іюнь. Первая публикація о пріемѣ воспитанниковъ въ лицей.
— Авг, 12. А. С. Пушкинъ сдаетъ экзаменъ для поступленія въ лицей.
— Сент. 22. Подписана императорская грамота лицею.
— Окт. 19. Открытіе царскосельскаго лицея.
— » 23 (понед.) Начало преподаванія въ лицеѣ.
— Продажа сельца Захарьина.
1812. Авг. 27. Рожденіе Нат. Никол. Гончаровой (см. письма Пушкина, *Соч.* VII, 320, № 348).
1814. Янв. 27. Открытіе въ Софіи лицейскаго благороднаго пансіона.
— Марта 23. Смерть перваго директора лицея, Вас. Ѳедор. Малиновскаго.
— Мая 8. За болѣзнію проф. Н. Ѳ. Кошанскаго, назначеннаго исправлять должность директора, управленіе лицеемъ поручено конференціи.
— Мая 10. Адъюнктъ Галичъ временно замѣняетъ больного Кошанскаго (по 1-е іюня 1815 г.).
— Іюля 4 (субб.) Первое напеч. стихотв. Пушкина *Другу стихотворцу* появилось въ № 13 *Вѣстника Европы*.
— Сергѣй Львов. Пушкинъ, вновь поступивъ на службу, состоитъ въ Варшавѣ начальникомъ коммиссаріатской комиссіи резервной арміи.
— Сент. 13. Управленіе лицеемъ возлагается на директора лиц. пансіона Гауэншильда, а вслѣдъ за тѣмъ, по увольненіи его, на инспектора Фролова.
— Сент. 28. Гауэншильдъ вступаетъ въ должность директора лицея.
1815. Янв. 8. Экзаменъ въ лицеѣ для перехода въ старшій курсъ; Пушкинъ читаетъ *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* въ присутствіи Державина.
— Апрѣль. Полная подпись имени поэта *Александръ Пушкинъ* является въ первый разъ въ № 4 *Россійскаго Музеума* подъ стихотв. *Воспоминанія въ Ц. С.*
1816. Янв. 9. Въ лицеѣ членамъ конференціи предписано поочередно управлять заведеніемъ.
— Янв. 27. Указъ о назначеніи директоромъ лицея Ег. Ант. Энгельгардта (род. 12 авг. 1775, ум. 15 янв. 1862). Воспом. о немъ *Р. Арх.* 1872, стр. 1462—1491.
— Марта 4. Энгельгардтъ вступаетъ въ должность директора лицея (остается въ ней по 31 окт. 1823 = 7 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ).
— Марта, послѣ 22-го. Посѣщеніе Пушкина въ лицеѣ Карамзинымъ съ кн. Вяземскимъ и В. Л. Пушкинымъ (см. выше, стр. 62, и письмо Кар. отъ 21 марта въ *Неизд. соч.* его).
— Поступленіе въ лицей П. Е. Георгіевскаго адъюнктомъ Кошанскаго.
1817. Іюня 9. Выпускъ Пушкина изъ лицея, 19-мъ воспитанникомъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря (10-го класса).
— Іюня 10. Отношеніе кн. А. Н. Голицына къ гр. Нессельроде объ удостоеніи чинами выпущенныхъ изъ лицея воспитанниковъ (Пушкина и Юдина 10-мъ классомъ) и объ опредѣленіи Пушкина и Юдина въ коллегію иностр. дѣлъ съ содерж. по 700 р. въ годъ.

1817. Іюня 13. Высочайшій указъ о томъ же.
— » 15. Служебная присяга Пушкина.
— Іюля 3. Прошеніе Пушкина на высоч. имя объ отпускѣ его по 15 е сент. въ Псковскую губ. «для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ». (*Р. Стар.* 1887, № 1).
— Іюля 8. Паспортъ Пушкину за подписью Нессельроде на отпускъ въ Псков. губ.
— Сент. 1. Письмо Пушкина къ кн. Вяземскому о недавнемъ возвращеніи (до срока) въ Петербургъ.
— Сент. 4. Пушкинъ проводитъ день съ Батюшковымъ, Жуковскимъ и Плещеевымъ въ Царскомъ Селѣ и сочиняетъ съ ними два экспромта. (*Соч. Бат.* I, 255).
— Сент. 10 (?) Стихотв. *Прощаніе съ Тригорскимъ.*
1818. Февр. Пушкинъ лежитъ въ горячкѣ. (См. его замѣтку о чтеніи Исторіи Карамзина, V, 40).
— Смерть бабушки Пушкина Марьи Алексѣевны Ганнибалъ (по *Родосл.* кн. Долгорукова; по Барт. 1817, по Ан. 1819).
1819. Іюля 9[1]). Прошеніе Пушкина на высоч. имя объ отпускѣ въ Петербург. губ. на 28 дней «по собственнымъ дѣламъ». (*Р. Стар.* 1887, № 1).
— Іюля 10. Паспортъ Пушкину, за подписью Нессельроде, на этотъ отпускъ.
1820. Въ мартѣ или апрѣлѣ окончаніе и печатаніе поэмы *Русланъ и Людмила*, начатой еще въ лицеѣ и писанной въ квартирѣ отца, на Фонтанкѣ между Изм. и Калинк. мостами, близъ Покрова.
— Жуковскій даритъ Пушкину свой портретъ съ подписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя» и т. д.
— П. проигрываетъ Всеволожскому 1000 р. и въ уплату отдаетъ ему рукопись своихъ стихотвореній.
— Мая 4. Приказъ Нессельроде о выдачѣ Пушкину 1000 р. на проѣздъ въ Екатеринославъ къ генералу Инзову, попечителю колоній южнаго края (род. 1768 г., ум. 1845 г.).
— Мая 5. Письмо графа Каподистріи, за подписью Нессельроде, къ Инзову въ Одессу объ *отпускѣ* (un semestre) Пушкина и прикомандированіи его къ канцеляріи Инзова сверхъ штата (*Р. Ст.* 1887, № 1).
— Мая 5. Отъѣздъ Пушкина съ письмомъ Каподистріи къ Инзову въ Екатеринославъ (поэма *Русланъ и Людмила* допечатывалась).
— Мая 15. Цензурное разрѣшеніе Тимковскаго на напечатаніе *Русл. и Людм.*
— Мая послѣднія числа. Отъѣздъ Пушкина изъ Екатеринослава на Кавказъ съ семействомъ Раевскихъ, выѣхавшихъ изъ Кіева 19-го мая.
— Іюня 15. Инзовъ временно назначенъ намѣстникомъ Бессарабской обл. на мѣсто уволеннаго въ отпускъ Бахметева, вслѣдствіе

---

[1]) Это число не подтверждается частною перепиской Пушкина: уже 9-го іюля (?) онъ пишетъ А. И. Тургеневу изъ Михайловскаго (VII, 4, № 3).

чего канцелярія попечительства о колоніяхъ переведена въ Кишиневъ.

1820. Іюня 26. На Кавказѣ (въ Пятигорскѣ?) оконченъ эпилогъ къ *Русл. и Людм.*

— Авг. Начатъ *Кавказскій Плѣнникъ.*

— » первыя числа. Пушкинъ съ Раевскими ѣдетъ съ Кавказа въ Крымъ.

— Авг. 21. Одинъ изъ черновыхъ набросковъ *Кавказскаго Плѣнника* (Барт. *Ю. Р.* 38).

— Сент. Стихотв. «Погасло дневное свѣтило».

— » Пушкинъ проводилъ Раевскихъ изъ Юрзуфа въ село Каменку, Кіев. губ. Чигир. у.

— Сент. 21. Пріѣздъ Пушкина въ Кишиневъ изъ Каменки. Ср. ноябрь 1822 г.

— Сент. 24. Письмо Пушкина къ брату Льву Серг. о двухмѣсячномъ пребываніи на Кавказѣ, переѣздѣ оттуда моремъ въ Керчь и Θеодосію и трехнедѣльномъ гощеніи въ Юрзуфѣ.

— Окт. Стихотв. *Черная шаль* (Липр., *Р. Арх.* 1866, стр. 1247).

— Дек. 4. Письмо Пушкина къ Гнѣдичу изъ Каменки, куда онъ вторично поѣхалъ изъ Кишинева.

1821. Зимой. Поѣздка Пушкина въ Кіевъ на свадьбу М. Θ. Орлова съ Ек. Ник. Раевской.

— Февр. 8. Стихотв. *Земля и море* написано въ Кіевѣ.

— » 14. Стихотв. *Муза.*

— » 20. Пушкинъ, пріѣхавъ изъ Кіева въ Каменку, оканчиваетъ поэму *Кавказскій плѣнникъ.*

— Февр. 21. Ал-дръ Ипсиланти съ двумя св. братьями и съ Георг. Кантакузеномъ прибылъ изъ Кишинева въ Яссы (письмо Пушкина къ А. Н. Раевскому—мартъ 1821 г., VII, 18, № 11).

— Февр. 22. *Элегія* «Я пережилъ свои желанья».

— » Пушкинъ былъ въ Одессѣ (VII, 19, № 11).

— Марта 5. Начало рѣзни въ Яссахъ.

— » 11. Ал-дръ Ипсиланти перешелъ Прутъ и поднялъ знамя возстанія.

— Марта 23. Пушкинъ извѣщаетъ Дельвига объ окончаніи *Кавказскаго плѣнника.*

— Марта 24. Благодаритъ Гнѣдича за присылку экземпляра *Руслана и Людмилы.* (См. выше, стр. 67).

— Апр. 2—9. Кишиневскій дневникъ (V, 147).

— » 6—20. Посланіе къ *Чаадаеву.*

— » 11. Стихотв. *Къ моей чернильницѣ.*

— » 13. Запросъ Каподистріи изъ Лайбаха Инзову о поведеніи Пушкина. (*Р. Стар.* 1887, № 1).

— Апр. 28. Одобрительный отвѣтъ Инзова Каподистріи о Пушкинѣ и просьба о высылкѣ поэту содержанія по 700 р. въ годъ (тамъ же).

— Май. Пушкинъ, съ дозволенія Инзова, ѣдетъ въ Одессу, гдѣ и остается около мѣсяца.

*

1821. Мая 15. Эпилогъ къ *Кавказскому плѣннику* написанъ въ Одессѣ (Барт. *Ю. Р.* 76).
— Май или іюнь. Стихотв. *Кинжалъ.*
— Іюля 18. Пушкинъ въ Кишиневѣ узнаетъ о смерти Наполеона и вскорѣ создаетъ стихотв. *Наполеонъ.*
— Сент. 21. Предлагаетъ Гречу купить для *Сына Отеч.* отрывокъ *Кавказскаго плѣнника.*
— Нояб. 7. Высылка Катенина изъ Петербурга (VII, 49, № 38).
— Дек. 9—23. Пушкинъ сопровождаетъ Липранди въ служебной его поѣздкѣ въ Аккерманъ и Измаилъ (*Р. А.* 1866, стр. 1271).
— Дек. 26. Кончаетъ посланіе къ *Овидію.*
— Около того же вр. *Братья разбойники* (VII, 58, №№ 45 и 46).
— » » » » Дуэль съ Зубовымъ изъ-за картъ (Барт. *Ю. Р.* 97).

1822. Янв. 1. Пушкинъ на праздникѣ по поводу открытія устроеннаго М. Ѳ. Орловымъ манежа дивизіи его (Барт. *Ю. Р.* 97).
— Янв. Дуэль Пушкина со Старовымъ (Барт. *Ю. Р.* 93—96. Ср. у Липранди, *Р. А.* 1866, стр. 1416—1421).
— Февр. Ссора съ Балшемъ (*Ю. Р.* 95—97).
— Марта 1. *Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.*
— Мая 13. *Птичка.*
— Іюнь. Гнѣдичъ покупаетъ у Пушкина право на изданіе *Кавк. плѣнника*, получ. имъ при п. 22 апр. (см. выше, стр. 68, и VII, 33, № 25).
— Іюль. Инзову поручено, оставаясь въ Кишиневѣ, исправлять должность начальника Новороссійскаго края вмѣсто уволеннаго въ отпускъ генералъ-губернатора Ланжерона.
— Послѣ іюня. Путешествіе Пушкина въ Измаилъ (*Ю. Р.* 110, а по Липр. между февр. и іюлемъ, *Р. Арх.* 1866, стр. 1284).
— Авг. послѣднія числа. Появленіе *Кавказскаго плѣнника.*
— Осень. Созданіе *Бахчисарайскаго фонтана.*
— Ноябр. Послѣдняя поѣздка Пушкина въ Каменку (*Ю. Р.* 113).

1823. Янв. 13. Французъ. письмо Пушкина изъ Кишинева къ Нессельроде съ просьбою объ отпускѣ въ Петербургъ (*Р. Стар.* 1887, № 1).
— Февр. 21. Всеподдан. докладъ (француз.) Нессельроде о просимомъ Пушкинымъ отпускѣ (тамъ же).
— Марта 27. Письмо Нессельроде къ Инзову объ отказѣ государя на просьбу Пушкина (тамъ же).
— Мая 7. Въ должность Новороссійскаго генералъ-губернатора назначенъ графъ Мих. Сем. Воронцовъ.
— Мая 9. Первое начало *Евг. Онѣгина.*
— Май. Пушкинъ, находясь съ разрѣшенія Инзова въ Одессѣ, принятъ на службу къ гр. Воронцову.
— Іюня 13. Письмо къ А. А. Бестужеву изъ Кишинева о присланной Пушкину *Полярной Звѣздѣ.*
— Іюля первыя числа (ранѣе 4-го). Переѣздъ Пушкина на житье въ Одессу (Липр. *Р. Арх.* 1866, 1480).
— Іюль—8 декабря. Двѣ первыя главы *Евгенія Онѣгина.*

1823. Авг. 19. Первое письмо Пушкина изъ Одессы къ Вяземскому.
— » 25. Письмо Пушкина къ брату о переходѣ на службу въ Одессу и о *Бахчис. фонтанѣ*. Жалоба на отца.
— Окт. 14. Пушкинъ поручаетъ Вяземскому 2-е изданіе *Русл. и Людмилы* и *Кавказ. Плѣн.* (VII, 53, № 42).
— Окт. 22. Кончена 1-я глава *Евгенія Онѣгина.*
— » конецъ. Начата вторая гл. *Евг. Онѣг.* (VII, 56, № 44).
— Нояб. 4. Пушкинъ посылаетъ Вяземскому рук. *Бахчис. фонтана* и упоминаетъ объ оконч. 1-й гл. *Евг. Онѣг.*
— Дек. 8. Кончена вторая гл. *Евг. Онѣг.* въ Одессѣ.
— Дек. }
1824. Янв. } Поэма *Цыганы.*
— » или февраль. Поѣздка Пушкина съ Липранди въ Бендеры (Липр. *Р. Арх.* 1866, 1460).
— Февр. 8 Начало 3-й главы *Евгенія Онѣгина*
— Марта 23. Письмо гр. Воронцова къ гр. Нессельроде о необходимости удалить Пушкина изъ Одессы.
— Мая 19. Стихотв. *Иностранкѣ.*
— Іюня 29. П. хочетъ купить у Всеволожскаго тетрадь стиховъ, которую продалъ ему передъ своею высылкою изъ Петербурга (VII, 82, № 69).
— Іюля 8. Нессельроде сообщаетъ Воронцову высоч. повелѣніе объ увольненіи Пушкина отъ службы.
— Іюля 11. Письмо Нессельроде къ Воронцову о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ Псковъ.
— Іюль. Стихотвореніе *Къ морю.*
— » 29. Подписка Пушкина, что онъ обязуется ѣхать безостановочно по предписанному маршруту въ Псковъ.
— Іюля 29. Одесскій градоначальникъ доноситъ гр. Воронцову, что Пушкинъ завтра отправляется въ Псковъ по полученному имъ маршруту.
— Іюля 30. Пушкинъ выѣзжаетъ изъ Одессы, получивъ 389 руб. прогонныхъ и 150 р. не доданнаго жалованья.
— Авг. 9. Прибытіе Пушкина въ Михайловское, гдѣ онъ застаетъ своихъ родителей.
— Авг. 12. Воронцовъ изъ Симферополя увѣдомляетъ Нессельроде о томъ, что Пушкинъ отправленъ въ Псковъ.
— Сент. 26. Стихотв. *Разговоръ съ книгопродавцемъ.*
— Около того же времени. Два *посланія къ цензору.*
— Осенью (сент.—окт.). Пушкинъ поручаетъ Плетневу издать 1-ую главу *Евгенія Онѣгина* (*Соч. Плетн.* III, начало переписки съ Пушк.; ср. VII, 94, № 82).
— Окт. П. ведетъ записки и записываетъ сказки. Проситъ у брата истор. извѣстія о Стенькѣ Разинѣ (См. выше, стр. 184, и VII, 86, № 75).
1824. Окт. 2. Окончаніе III-й гл. *Евгенія Онѣгина.*
— » 10. Окончаніе поэмы *Цыганы.*
— Окт. Пушкинъ вызванъ въ Псковъ, чтобы представиться мѣст-

ному начальству (губернат. Адеркасъ, опочец. предвод. двор. Пещуровъ).

1824. Окт. 31. Отчаянное письмо Пушкина къ Жуковскому о своемъ положеніи въ семействѣ.

— Ноябрь. Сергѣй Льв. Пушкинъ изъ Петербурга отказывается отъ возложенной на него обязанности наблюдать за поведеніемъ сына.

— Ноябрь. Смерть тетки поэта Анны Львовны Пушкиной (VII, 95, № 82).

— Ноября 19. Встрѣча поэта съ дѣдомъ его Петромъ Абр. Ганнибаломъ (V, 22).

— Въ концѣ года начата драма *Борисъ Годуновъ*.

— » » » въ Петербурѣ издано въ первый разъ собраніе стихотв. Пушкина. (*Соч. Плетн.* III, 335).

— Дек. 29. Цензоръ Бируковъ подписалъ дозволеніе печатать I-ую гл. *Евг. Он.*

— Декабр. 31. XXIII строфа IV-й главы *Евгенія Онѣгина*.

1825. Января 11. Пріѣздъ Ив. Ив. Пущина въ Михайловское.

— » Стихотв. *Андрей Шенье*.

— » Въ *Сѣв. Пч.* объявлено объ ожидаемомъ выходѣ I-й главы *Евг. Он.*

— Март. 27. Пушкинъ посылаетъ брату новую рукопись своихъ стихотвореній для напечатанія 2-мъ изданіемъ.

— Апр. 7. П. служитъ заупокойную обѣдню по Байронѣ (VII, 123, № 109).

— Апр. 20-я числа. Пріѣздъ Дельвига въ Михайловское. Около того же времени элегія на смерть Анны Львовны Пушкиной (VII, 126, № 112).

— Апр. П. посылаетъ съ Дельвигомъ 2-ю главу *Евг. Он.* Вяземскому.

— Іюнь. Смерть москов. литератора Алексѣя Мих. Пушкина (VII, 135, № 119).

— Іюнь. Пушкину разрѣшено лѣчиться въ Псковѣ (VII, 135, № 120).

— Іюля 19. Стихотв. «Я помню чудное мгновенье» къ Аннѣ Петр. Кернъ.

— Іюля 29. Письмо Пушк. къ д-у Мойеру съ просьбою не пріѣзжать въ Псковъ.

— Авг. 12. Предисловіе Лемонте къ изданію басенъ Крылова во франц. переводѣ (V, 26).

— Авг. Окончаніе IV-й главы *Евгенія Онѣгина*.

— » 17. П. увѣдомляетъ Жуковскаго объ успѣшномъ ходѣ сочиненія *Бориса Годунова*.

— Сент. По просьбѣ матери Пушкина, ему позволено ѣздить въ Псковъ и даже жить тамъ.

— Сент. 14. Пушкинъ увѣдомляетъ Катенина, что четыре пѣсни *Онѣгина* готовы.

— Сент. 24. Письмо къ Вяземскому о встрѣчѣ съ кн. Горчаковымъ.

— Окт. 19. Лицейская годовщина: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ».

— » 30. Свадьба бар. Дельвига.

1825. Воображаемый разговоръ съ императоромъ Александромъ I.
— Стихотв. *Зимній вечеръ.*
— Зимой окончаніе *Бориса Годунова.*
— Окончаніе пьесы: *Графъ Нулинъ.*
— Дек. Пушкинъ сожигаетъ всѣ свои тетради (V, 148).
— Начата 4-ая глава *Евг. Онѣгина.*
1826. Янв. 3. Кончена 4-ая глава *Евг. Онѣгина.*
— » Появленіе 1-го изданія *Стихотвореній* Пушкина.
— Февр. Въ письмѣ къ Катенину первая мысль объ изданіи трехмѣсячнаго журнала (VII, 175, № 163).
— Апр. 14. Плетневъ сбирается приступить къ печатанію *Цыгановъ.*
— Мая 11. Всеподд. прошеніе Пушкина о позволеніи ѣхать въ одну изъ столицъ или за границу (VII, 177, № 166).
— Іюля 24. До Пушкина доходитъ извѣстіе о казни 5-ти декабристовъ 13-го іюля.
— Іюля 29. *Элегія* на смерть г-жи Ризничъ († 1825): «Подъ небомъ голубымъ».
— » 30. Всеподд. прошеніе Пушкина о снятіи съ него опалы отправлено эстл.-мъ, лифл.-мъ и пск.-мъ ген.-губернаторомъ Паулуччи къ гр. Нессельроде.
— Авг. Плетневъ приступилъ къ печатанію 2-й главы *Евг. Он.* (*Соч. Пл.* III, 345).
— Авг. 28. Высочайшее повелѣніе, объявленное Дибичу, о вызовѣ Пушкина въ Москву (VII, 185, прим. къ № 176).
— Авг. 31. Отношеніе Дибича къ пск. губернатору Адеркасу объ отправленіи Пушкина въ Москву.
— Сент. 3. Письмо губернат. Адеркаса къ Пушкину объ отправленіи его въ Москву. — Стихотв. *Пророкъ* (?).
— Сент. 4 (вечер.). Отъѣздъ Пушкина изъ Пскова въ Москву.
— » 8. Представленіе Пушкина въ Москвѣ императору Николаю.
— » 30. Гр. Бенкендорфъ сообщаетъ Пушкину высоч. повелѣніе изложить свои мысли о народномъ воспитаніи.
— Ноября 9. Возвращеніе Пушкина изъ Москвы въ Михайловское (VII, 186, № 178).
— Ноября 15. Пушкинъ окончилъ записку о народномъ воспитаніи, составленную имъ по высоч. повелѣнію (см. сент. 30).
— Ноября 20. Вторичный пріѣздъ Пушкина изъ деревни въ Москву.
— » 29. Письмо Пушкина къ гр. Бенкендорфу изъ Пскова съ приложеніемъ рукописи *Бориса Годунова.*
— Ноября 29. П. сбирается опять въ Москву.
— Декабря 13. Стихи *И. И. Пущину.*
— Декабря 22. Стансы: «Въ надеждѣ славы и добра» (въ Москвѣ).
1827. Февр. 19. Пушкинъ пишетъ VII главу *Евг. Он.*
— Стихотв. *Талисманъ.*
— Май, начало. Пушкину разрѣшено пребываніе въ Пб. (Ан. *Мат.* 167).
— Іюнь. Пушкинъ въ Петербургѣ.
— Іюля 14. Стихи *Языкову*: «Къ тебѣ сбирался я давно».

1827. Іюл. 16. Стихотв. *Аріонъ*.
— » 20. Жалоба Бенкендорфу на Ольдекопа (VII, 194, № 191).
— » 27. Стих. *Три ключа*.
— Письмо изъ Михайловскаго къ Дельвигу: Пушкинъ пишетъ *Арапа Петра В.*
— Авг. 15. Стихотвор. *Поэтъ*.
Въ Москвѣ знакомство съ Мицкевичемъ (род. 24 дек. 1798 въ Новогрудкѣ; ум. 26 нояб. 1855 въ Константинополѣ).
— Окт. 14. Пушкинъ въ Боровичахъ проигрываетъ проѣзжему 1,600 р., а на слѣдующей станціи встрѣчается съ Кюхельбекеромъ (V, 51).
— Окт. 19. Лицейская годовщина: «Богъ помочь вамъ, друзья мои».
— Осенью. Замѣтка *О Байронѣ*.
— Дѣло кандидата Московскаго университета Леопольдова по поводу списка стихотворенія *Андрей Шенье* (I, 343).
— Конецъ года. Смерть 70-тилѣтней няни Арины Родіоновны въ домѣ Ольги Серг. Павлищевой (II, 26).
1828. Стихотв. *Друзьямъ* («Нѣтъ, я не льстецъ...»).
— Февр. 12. Предисловіе ко 2-му изданію *Руслана и Людмилы*.
— Мартъ. Первая встрѣча П-на съ Н. Н. Гончаровой (VII, 219, № 222).
— Апр. Ссора съ Великопольскимъ, авторомъ «сатиры на игроковъ» (VII, 201, прим. къ № 200).
— Апр. Просьба въ письмѣ къ Бенкендорфу объ опредѣленіи въ дѣйствующую армію противъ турокъ (тамъ же, прим. къ № 201).
— Апр. 21. П. проситъ позволенія ѣхать въ Парижъ.
— » Предисловіе ко 2-му изд. *Кавказскаго Плѣнника*.
— Мая 9. Пушкинъ на пароходѣ провожаетъ знакомаго. Стихи To Dawe Esq.
— Мая 19. Стихотв. *Воспоминаніе*.
— » 26 (день рожденія П.) Стихотв. «Даръ напрасный».
— Стихотв. *Предчувствіе*: «Снова тучи надо мною».
— Окт. 3 — до 20-хъ чиселъ. Созданіе поэмы *Полтава* въ П-бургѣ.
— Окт. 19 — 20. Въ ночь отъѣздъ Пушкина въ деревню (см. выше, стр. 110, и II, 54).
— Окт. 27 до послѣднихъ чиселъ ноября Пушкинъ въ Малинникахъ, тверскомъ имѣніи Вульфа, сына Пр. А. Осиповой.
— Нояб. 4. Кончена VII гл. *Евг. Онѣгина*.
— » 9. Стихотв. *Анчаръ, древо ада*.
— » 10. Стихотв. *Отвѣтъ Катенину*.
— Дек. 29. Посвященіе Плетневу 4-й и 5-й главъ *Евг. Он.*
1829. Янв. 30. Пушкинъ посылаетъ Раевскому *Бор. Год.* съ замѣчаніями о трагедіи.
— Янв. 31. Предисловіе къ поэмѣ *Полтава*.
— Стихотв. къ *А. П. Кернъ*: «Когда твои младыя лѣта».
— Марта 4. Подорожная, выданная Пушкину на проѣздъ до Тифлиса и обратно (Анн. *Мат.* 208).
— Марта 9. Отъѣздъ Пушкина въ Москву (*Р. Стар.* 1874, т. X, 703) и затѣмъ печатаніе въ Пб., подъ надзоромъ Плетнева, *Полтавы* (*Соч. Плет.* III, 348).

1829. Мая 9. Выѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Петербургъ (VII, 211, № 212).
— Май. Пушкинъ сватается въ Москвѣ за Нат. Ник. Гончарову.
— » 15. Пушкинъ въ Георгіевскѣ начинаетъ журналъ путешествія въ Арзрумъ.
— Мая 22. Во Владикавказѣ онъ продолжаетъ дневникъ путешествія.
— Іюнь. Пушкинъ около двухъ недѣль проводитъ въ Тифлисѣ.
— » 13. Прибытіе Пушкина въ русскій лагерь.
— » 18. Обѣдъ у Паскевича въ Арзрумѣ.
— » 27. Присутствуетъ при взятіи Арзрума.
— Іюля 19. Выѣздъ Пушкина изъ Арзрума.
— » 20. Плетневъ представляетъ Бенкендорфу ркп. *Бориса Год.* (*Р. Стар.* 1874. т. X, 705).
— Авг. 1. Пушкинъ въ Тифлисѣ на обратномъ пути.
— » 6. Выѣздъ изъ Тифлиса.
— » 10. Во Владикавказѣ на обратномъ пути,
— Сент. 7. Стихотв. *Делибашъ.*
— » 8. Пушкинъ на Горячихъ минеральныхъ водахъ.
— » 16. Смерть генерала Н. Н. Раевскаго (V, 71).
— » 20. Стихотв. *Кавказъ.*
— Окт. Проѣздъ черезъ Москву. Холодный пріемъ у Гончаровыхъ. (VII, 221).
— Окт. 2. Строфы X — XII къ 8-ой главѣ *Евг. Онѣгина.*
— » 4. Стихотв. *Дорожныя жалобы.*
— » 29. Стихотв. *Обвалъ.*
— Нояб. 2. Въ Михайловскомъ стихотв. «Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?»
— Нояб. 3. Стихотв. *Зимнее утро.*
— » середина. Возвращеніе въ Петербургъ.
— Дек. 14. Стихотв. *Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ.*
— » 24. Начало VIII гл. *Евгенія Онѣгина.*
— » 26. Стансы: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ». Эпиграммы на Каченовскаго и Надеждина.

1830. Сотрудничество въ *Литературной Газетѣ* Дельвига.
— Янв. 7. Пушкинъ чрезъ гр. Бенкендорфа проситъ позволенія ѣхать за границу или сопровождать нашу миссію въ Китай.
— Янв. 18. Ходатайство чрезъ Бенкендорфа за вдову ген. Раевскаго.
— » 19. Стансы митрополиту Филарету: «Въ часы забавъ иль праздной скуки».
— Марта 12. Пріѣздъ Пушкина въ Москву (Письмо оттуда къ Вяз. VII, 216, № 219).
— Мартъ. Избраніе Пушкина въ члены Общества люб. рос. словесн.
— » 30. Бенкендорфъ требуетъ объясненія объ отъѣздѣ Пушкина въ Москву безъ спроса. (VII, 220, прим. къ № 223).
— Апр. Начало переписки Пушк. съ Н. И. Гончаровой, матерью невѣсты (VII, 220, № 225).

1830. Апр. Плетневъ продаетъ Смирдину право на изданіе соч. Пушкина (*Соч. Плетн.* III, 350).

— Апр. 16. Пушкинъ проситъ чрезъ Бенкенд. разрѣшенія жениться и напечатать *Бориса Годунова* безъ измѣненій.

— Апр. 28. Бенкендорфъ сообщаетъ Пушкину разрѣшеніе государя на просьбы отъ 16 апр. (VII, 223, прим. къ № 226).

— Мая 2. Пушкинъ благодаритъ Вяземскаго за поздравленіе и извѣщаетъ его о своемъ намѣреніи издавать литературно-политическую газету.

— Мая 6. Помолвка Пушкина.

— Мая 12—13. Замѣтка: «Участь моя рѣшена: я женюсь». (IV, 346).

— Во второй половинѣ мая Пушкинъ посѣтилъ имѣніе Гончаровыхъ Полотняный Заводъ, Медынскаго у., въ 16 верстахъ отъ Калуги.

— Мая 26. Посѣщеніе Пушкина въ Полот. Заводѣ двумя калужскими мѣщанами. (Барт. *Пушк.* II, 150).

— Май. Стихотв. *Къ Вельможѣ* (кн. Юсупову).

— Іюнь. Пушкинъ опять въ Москвѣ, откуда онъ переписывается съ дѣдомъ невѣсты о денежныхъ дѣлахъ (VII, 228, №№ 233 и 234).

— Іюля 1. Стихотв. *Поэту.*

— » 9. Стихотв. *Мадонна.*

— » 20. Въ письмѣ къ невѣстѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, Пушк. рекомендуетъ своего брата.

— Авг. 20. Смерть Василія Львовича Пушкина на другой день послѣ свиданія съ племянникомъ, который опять въ Москвѣ и посылаетъ письма къ Гончаровымъ въ Полотн. Заводъ (VII, 233, №№ 239 и 240).

— Авг. 31. Грустное письмо къ Плетневу и отъѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Болдино, Нижег. губ. (выдѣленное ему отцомъ съ 200 душъ), откуда письма идутъ до конца ноября, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ.

— Сент. 8. Элегія «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье».

— » 25. Окончаніе VIII гл. *Евгенія Онѣгина.*

— Окт. *Повѣсти Бѣлкина.*

— » 10. *Домикъ въ Коломнѣ.*

— » 16. *Моя родословная.*

— » 22. Пушкину разрѣшено напечатать *Бориса Годунова* подъ собственною его отвѣтственностію (*Р. Стар.* 1874, т. X, 705).

— Окт. 23. Драм. сцены: *Скупой рыцарь.*

— » 26. *Моцартъ и Сальери.*

— » 31 — } *Исторія села Горохина.*
— Нояб. 1. }

— » 4. *Каменный Гость.*

— » 27. Стихотв. «Для береговъ отчизны дальной».

— Въ теченіе ноября появленіе въ Петербургѣ *Бориса Годунова.*

— Осень: *Пиръ во время чумы.*
Романсъ «Я здѣсь, Инезилья».
Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ.

1830. Дек. 5. Возвращеніе изъ Болдина въ Москву. Отрывокъ изъ записокъ П. В. Нащокина.
— Дек. 12. Стихотв. *Герой.*
1831. Проѣздомъ изъ Болдина Пушкинъ остается въ Москвѣ до конца апрѣля.
— Январь. Къ Новому году вышелъ *Борисъ Годуновъ.*
— » 14. Смерть Дельвига.
— » 18. Пушк. благодаритъ Бенкендорфа за отзывъ государя о *Бор. Годуновѣ.*
— Января 19. Пушкинъ узнаетъ о смерти Дельвига (VII, 257, №№ 269 и 270).
— Поѣздка Пушкина въ Захарьино передъ женитьбою.
— Январь 31. Письмо Плетнева къ Пушкину о первыхъ трудахъ Гоголя. (*Соч. Пл.* III, 365).
— Февр. 18. Свадьба Пушкина въ Москвѣ.
— Марта 26. Планы Пушкина въ письмѣ къ Плетневу.
— Апр. Пушкинъ проситъ Плетнева нанять ему квартиру въ Царскомъ Селѣ (VII, 266, № 282).
— Май. Пушкинъ на нѣсколько дней въ Петербургѣ.
— » 25. Переселеніе Пушкина въ Царское Село.
— Іюль. Пріѣздъ Двора въ Царское Село. Пушкинъ посылаетъ Плетневу ркп. *Повѣстей Бѣлкина.*
— Іюль. Въ письмѣ къ Бенкендорфу Пушкинъ ходатайствуетъ о позволеніи издавать политич. и литературный журналъ и заниматься въ государственныхъ архивахъ (VII, 277, № 296).
— Іюля 22. Пушкинъ извѣщаетъ Плетнева, что государь назначилъ ему жалованье и открылъ доступъ въ архивы для составленія исторіи Петра Великаго.
— Іюля 23. Письмо Бенкендорфа къ Нессельроде объ опредѣленіи Пушкина въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и позволеніи ему заниматься въ архивахъ для исторіи Петра В. (См. выше, стр. 160).
— Авг. 2. Стихотв. *Клеветникамъ Россіи.*
— » Знакомство съ Гоголемъ.
— Сент. Печатаніе *Повѣстей Бѣлкина.*
— » 5. Стихотв. *Бородинская годовщина.*
— » Изданіе брошюры: *Три стихотворенія на взятіе Варшавы.*
— » *Сказка о попѣ и его работникѣ; о царѣ Салтанѣ.*
— Окт. 3. Письмо Онѣгина къ Татьянѣ, вошедшее въ VIII-ю главу романа.
— Окт. 22. Возвращеніе Пушкина въ Петербургъ.
— Ноябрь. Пушкинъ хлопочетъ объ изданіи *Сѣв. Цвѣтовъ* для братьевъ Дельвига.
— Нояб. 14. Пушкинъ снова зачисленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 5000 р.
— Дек. 6. Пріѣздъ Пушкина въ Москву по денежнымъ дѣламъ (отпускъ на 28 дней). Живетъ у Нащокина (письмо къ женѣ 16 дек., VII, 297, № 318).

1831. Конецъ дек. Возвращеніе въ Петербургъ.
1832. Январь 7. Напечатаніе *Анчара* безъ разрѣшенія государя и замѣчаніе Бенкендорфа. (Письмо къ графу, VII, 299, № 320).
— Янв. 12. Во всеподд. докладной запискѣ Нессельроде, доноси, что Пушкинъ опредѣленъ въ коллегію иностр. дѣлъ съ производствомъ въ тит. сов., испрашиваетъ высоч. повелѣнія о его занятіяхъ въ архивѣ (см. выше, стр. 161).
— Съ этого времени Пушкинъ прилежно посѣщаетъ архивы.
— Февр. 24. Пушкинъ благодаритъ письмомъ къ гр. Бенк. за книгу, получ. отъ государя, и проситъ позволенія разсмотрѣть библіотеку Вольтера.
— Февр. 29. Пушкину разрѣшено разсмотрѣть библіотеку Вольтера.
— Апрѣль. Начата *Русалка*.
— Мая 19. Рожденіе Маріи Александровны П-ной (въ замуж. Гартунгъ).
— Іюля 11. Пушкинъ извѣщаетъ Погодина, что получилъ разрѣшеніе издавать политическую газету.
— Сент. 16. Пушкинъ даетъ Тарасенко-Огрѣшкову довѣренность на званіе редактора политич. и литературной газеты.
— Сент. 21 (среда). Пріѣздъ Пушкина въ Москву.
— » 27. Пушкинъ съ Уваровымъ посѣщаютъ Моск. университетъ на лекціи проф. И. И. Давыдова. (*Изъ унив. восп.* Гончарова. *В. Е.* 1887, апр., стр. 502).
— Окт. около 15-го. Возвращеніе Пушкина въ Петербургъ.
— » 20. Оконч. первой части повѣсти *Дубровскій* (VII, 311 № 336).
— Окт. 29.
— Нояб. 2 — } Продолженіе повѣсти *Дубровскій*.
— Дек. 29.
— Около того же времени начаты *Пѣсни западныхъ Славянъ*.
1833. Янв. 1 — Февр. Продолженіе *Дубровскаго*.
— » 7. Пушкинъ избранъ въ члены Росс. Академіи.
— Въ томъ же мѣсяцѣ начата *Капит. дочка* (кончена въ августѣ).
— Февр. 6. Оконченъ *Дубровскій*.
— » 9. Письмо къ гр. Чернышеву съ просьбою о доставленіи бумагъ относительно Суворова (см. выше, стр. 161).
— Марта 9. Пушкинъ приглашаетъ Погодина въ сотрудники по историческимъ занятіямъ (VII, 314, № 340).
— Лѣто на Черной рѣчкѣ.
— — Кончаетъ пѣсни *Западныхъ Славянъ*.
— Іюля 6. Рожденіе Александра Александровича Пушкина (воспріемникомъ Нащокинъ).
— Іюля 30. Письмо къ гр. Бенкендорфу съ просьбою о дозволеніи ѣхать въ нижегор. деревню и посѣтить Казань и Оренбургъ для задуманнаго романа.
— Къ осени готовы матеріалы для *Ист. Пуг. б.*, вчернѣ *Капит. дочка*, *Русалка* и *Дубровскій* (Ан. *Мат.* 351).
— Авг. 12. Пушкину разрѣшенъ просимый отпускъ въ Казань и Оренб.

1833. Авг. около 20-го. Отъѣздъ изъ Черной рѣчки въ Москву. (Письмо къ женѣ изъ Торжка 21 авг.).
— Авг. 25. Пріѣздъ Пушкина въ Москву (VII, 319, № 347).
— » 29. Отъѣздъ изъ Москвы въ Нижній.
— Сент. 2. Пушкинъ въ Нижнемъ (VII, 321, № 349).
— » 5 — 8. Пребываніе въ Казани (*Каз. Вѣст.* 1844, № 2).
— » 10 — 14. Пребываніе въ Симбирскѣ.
— » 12. Посѣщеніе деревни Языкова.
— » 18. Пріѣздъ въ Оренбургъ.
— » 23. Отъѣздъ изъ Уральска. (VII, 327, № 356).
— Окт. 1. Пріѣздъ въ Болдино, гдѣ П. остается до второй половины ноября (Барт. *Пушк.* II, 150).
— Окт. 28. Двѣ баллады изъ Мицкевича.
— » 29. Вступленіе къ *Мѣдному Всаднику.*
— » 30. Письмо Пушкина къ женѣ, въ которомъ онъ описываетъ свой день въ Болдинѣ.
— Окт. 30—31. Окончаніе *Мѣдн. Всадника. Родословная моего героя.*
— Нояб. 24. Возвратясь въ П-бургъ, П. начинаетъ свой дневникъ.
— Дек. 6. Проситъ чрез Бенкендорфа разрѣшенія участвовать въ смирдинской *Библіот. для чтенія* подъ обыкновенной цензурой и представить государю рукопись *Исторіи Пуг. бунта.*
— Дек. Цензура не пропускаетъ *Мѣднаго Всадника.*
— Дек. 30. Пушкинъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры (VII, 339, № 369).
1834. Марта 6. Пушкину пожаловано 20,000 р. на напечатаніе *Исторіи Пугач. бунта* (V, 203).
— Марта 16. Пушкинъ у Греча участвуетъ въ совѣщаніи объ изданіи Энциклоп. словаря Плюшара (тамъ же).
— Апр. 14. Отъѣздъ Натальи Ник. къ роднымъ въ калужскія имѣнія (Полотн. Заводъ и Ярополецъ).
— Апр. до августа переписка П. съ Нат. Ник. изъ Петербурга.
— Апр. Запрещеніе Полевому издавать *Телеграфъ* (VII, 348, № 380).
— Іюнь. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа проситъ въ ссуду 15,000 р. на два года (VII, 358, № 393).
— Іюля 3. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа беретъ назадъ просьбу объ отставкѣ, поданную за нѣсколько дней.
— Іюля 4. Пушкинъ начинаетъ печатать *Исторію Пугач. бунта.*
— Авг. 10. Стихотв. *Мицкевичъ* («Онъ между нами жилъ»).
— » во второй половинѣ. Отъѣздъ Пушкина въ Калугу и затѣмъ Болдино для устройства своихъ дѣлъ по этому имѣнію.
— Сент. 13. Пріѣздъ Пушкина въ Болдино (VII, 370, № 410).
— Окт. 18. Возвращеніе въ Петербургъ (VII, 372, № 414).
— » 19. Участвуетъ въ празднованіи 19 октября (см. выше стр. 111).
— » Поступленіе въ продажу *Исторіи Пугач. бунта.*
— Къ этому же году относятъ: Повѣсть *Пиковая дама.*
— » » » *Кирджали.*
— » » » Приготовленіе матеріаловъ для исторіи Петра В.

1835. Янв. 26. Проситъ позволенія чрезъ Бенкенд. прочесть пугач. дѣло.
— » Возвращаетъ Бантышъ-Каменскому матеріалы, которыми пользовался (VII, 376, № 418).
— Февр. 2. Гр. Бенкенд. сообщаетъ министру юстиціи Дашкову о допущеніи Пушкина въ сенатскій архивъ для прочтенія дѣла о пугачевскомъ бунтѣ (см. выше, стр. 164).
— Февр. 21. Дашковъ сообщаетъ гр. Нессельроде о допущеніи Пушкина въ Госуд. архивъ для прочтенія пугачевскаго дѣла (см. тамъ же).
— Апр. 7. Стихотв. *Полководецъ.*
— » 14. Письмо къ Дмитріеву о критикѣ исторіи пугач. бунта.
— » Изданіе 4-й части *Стихотвореній.*
— Мая 3—24. Отпускъ въ Москву.
— » 14. Рожденіе Григорія Александровича Пушкина.
— Іюня 1. Пушкинъ проситъ позволенія отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню.
— Іюля 29. Бенкендорфъ увѣдомляетъ, что по просьбѣ Пушкина государь даетъ ему въ ссуду 30,000 руб. съ вычетомъ ихъ изъ его жалованья (VII, 380, № 425).
— Авг. 15. *Сцены изъ рыцарскихъ временъ.*
— » 27. Пушкинъ получилъ отпускъ въ Москву до дек. 23 и ѣдетъ въ калужское имѣніе жены, а потомъ въ Болдино, но возвращается въ Пб. уже къ 15 окт. по причинѣ болѣзни матери.
— Авг. 28. Письмо Пушкина къ В. А. Полѣнову объ указаніи, гдѣ хранится допросъ, снятый съ Пугачева въ Москвѣ (см. выше, стр. 165).
— Сент. 7. Отъѣздъ изъ Петерб. въ Михайловское.
— » 26. Стихотв. «Вновь я посѣтилъ».
— » Стихотв. *На выздоровленіе Лукулла.*
— Осень. *Египетскія ночи* (стихотв. *Клеопатра* начато 1825).
— Окт. Изъ Парижа полученъ гравированный портретъ Пугачева (VII, 389, № 436).
— Окт. Прошеніе въ цензурн. комитетъ объ опредѣленіи отношеній къ нему Пушкина (VII, 386, № 433).
— Окт. Пушкинъ рѣшается издавать журналъ (VII, 387, № 434).
— Нояб. 19. Возвративъ бумаги, полученныя изъ воен. мин., проситъ у Клейнмих. книгу съ письмами и донесеніями Бибикова (см. выше, стр. 165, и VII, 389, № 437).
— Дек. 29. Объявленіе въ *Сѣв. Пчелѣ* о продажѣ *Исторіи Пуг. бунта.*
— » 31. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа проситъ разрѣшенія издавать трехмѣсячный журналъ.

1836. Февр. Переписка съ Хлюстинымъ по поводу изданія *Вастолы* и критики Сенковскаго (VII, 392, № 443, и Барт. *Пушкинъ* II, 73).
— Февр. 26 по конецъ марта Пушкинъ въ Москвѣ.
— Марта 24. Пушкинъ проситъ Жобара не печатать франц. перевода стихотв. *На выздоровл. Лукулла.*
— Конецъ марта и нач. апр. Переписка съ кн. Одоевскимъ о печатаніи *Современника.* Вскорѣ послѣ того отъѣздъ въ Святогор. монастырь съ тѣломъ матери и затѣмъ въ Михайловское.

1836. Марта 31. Цензурное одобреніе 1-го тома *Современника*.
— Апр. 3. Статья о Радищевѣ.
— » 14. Письмо Пушкина къ Языкову изъ Михайловскаго послѣ погребенія тѣла матери: проситъ Языкова сотрудничать въ *Современникѣ*.
— Апр. 14. Письмо къ Погодину съ предложеніемъ сотрудничать въ *Соврем.* и отъѣздъ въ Петербургъ.
— Апр. вторая половина въ Петербургѣ.
— Мая 2 ночью. Пріѣздъ Пушкина въ Москву для посѣщенія архивовъ и для хлопотъ по *Современнику* (VII, 399, №№ 455 и 456).
— Мая 11. Посѣщаетъ Московскій архивъ мин. иностр. дѣлъ.
— » 23. Пріѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Петерб. на Кам. остр. За нѣсколько часовъ рожденіе Натальи Александровны Пушкиной (въ замужствѣ Дубельтъ, а во 2-мъ бракѣ гр. Меренбергъ).
— Авг. 21. Стихотв. *Памятникъ*.
— Окт. 13. Баронъ Корфъ сообщаетъ Пушкину списокъ иностранныхъ сочиненій по исторіи Россіи.
— Окт. 19. Письмо Пушкина къ Чаадаеву о его «философическомъ письмѣ» въ *Телескопѣ*.
— Окт. 19. П. въ послѣдній разъ на празднованіи лицейской годовщины (см. выше, стр. 111). «Была пора: нашъ праздникъ молодой»...
— Нояб. 4. Пушкинъ получаетъ три экземпляра оскорбительнаго анонимнаго письма.
— Нояб. 21. Пушкинъ извѣщаетъ о томъ гр. Бенкендорфа, и тогда же пишетъ Гекерену.
— Дек. 29. Пушкинъ присутствуетъ въ торжеств. собраніи Академіи Наукъ.
1837. Янв. 27. Письмо къ секунданту Дантеса, д'Аршіаку.
— » — Письмо къ Ишимовой.
— » — Дуэль съ Дантесомъ.
— » 29. Кончина Пушкина.
— Февр. 6. Гр. Бенкендорфъ проситъ Нессельроде доставить вѣдомость всѣмъ бумагамъ, выданнымъ Пушкину (см. выше, стр. 165).
— Мая 25. Некрологъ Пушкина, сост. Мицкевичемъ (въ газ. Globe).
1843. Смерть Н. Н. Раевскаго младшаго.
1845. Смерть Инзова.
1848. Смерть Сергѣя Львовича Пушкина.
1852. Смерть Льва Серг. Пушкина въ Одессѣ (Яковл. *Отзывы*, стр. 124).
1854. Смерть П. В. Нащокина.
1859. Апр. 3. Смерть И. И. Пущина.
1862. Янв. 15. Смерть Е. А. Энгельгардта.
1880. Іюня 6. Открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ.
— Іюля 8. Смерть лицеиста С. Д. Комовскаго.
— Смерть гр. Елизаветы Ксаверіевны Воронцовой (рожд. Браницкой).
1881. Авг. 17. Учрежденіе при Академіи Наукъ пушкинской преміи.
1883. Февр. 28. Смерть послѣдняго лицеиста 1-го курса, кн. А. М. Горчакова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Замѣтки о Пушкинѣ лицейскихъ товарищей его.

Покойный Анненковъ, собираясь въ 1851 году писать біографію Пушкина, набросалъ рядъ вопросовъ относительно его жизни, особенно во время пребыванія въ лицеѣ. Эти вопросы сообщилъ онъ зятю Пушкина Николаю Ивановичу Павлищеву, который передалъ ихъ лицейскому товарищу поэта Сергѣю Дмитріевичу Комовскому. Въ отвѣтъ на эти вопросы Комовскій составилъ записку о пребываніи Пушкина въ лицеѣ, но, не полагаясь на свою память, счелъ нужнымъ передать свои воспоминанія, вмѣстѣ съ вопросами Анненкова, на судъ товарищей и отправилъ тѣ и другія къ графу М. А. Корфу. Модестъ Андреевичъ, сдѣлавъ на поляхъ записки одно замѣчаніе, передалъ ее Михаилу Лукьяновичу Яковлеву, который со своими замѣтками сообщилъ ее Александру Алексѣевичу Корнилову, а этотъ возвратилъ ее Комовскому съ такимъ отзывомъ: «Съ моей стороны я не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній: написанное тобою я нахожу вѣрнымъ». Почерпая эти свѣдѣнія изъ подлинныхъ документовъ, полученныхъ мною отъ Ѳедора Ѳедоровича Матюшкина, перепечатываю и сохранившуюся между ними записку Комовскаго вмѣстѣ съ приписками названныхъ лицъ.

1. ЗАПИСКА С. Д. КОМОВСКАГО.

1851.

А. С. Пушкинъ, при поступленіи въ лицей, особенно отличался необыкновенною памятью и превосходнымъ знаніемъ французской словесности. Ему стоило прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворенія, и онъ могъ уже повторить оное наизусть безъ всякой ошибки. [1]). Будучи 12-ти лѣтъ отроду, Пушкинъ не только зналъ на память всѣ лучшія творенія французскихъ поэтовъ, но даже самъ писалъ до-

---

[1]) Слова бывшаго гувернера Сергѣя Гавриловича Чирикова. *С. К.*

вольно хорошіе стихи на этомъ языкѣ. Упражненія въ словесности французской и россійской были всегда любимѣйшія его занятія, въ коихъ онъ наиболѣе успѣвалъ. Кромѣ того, онъ охотно занимался и науками историческими, но не любилъ политическихъ и въ особенности математику [1]); почему вмѣстѣ съ другомъ своимъ б. Дельвигомъ [2]) всегда находился въ числѣ послѣднихъ воспитанниковъ второго разряда и при выпускѣ изъ лицея получилъ чинъ 10-го класса. Не только въ часы отдыха отъ ученія въ рекреаціонной залѣ, на прогулкахъ, но нерѣдко въ классахъ и даже въ церкви [3]) ему приходили въ голову разные поэтическіе вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось отъ улыбки, смотря по роду думъ, его занимавшихъ [4]). Набрасывая же мысли свои на бумагу, онъ удалялся всегда въ самый уединенный уголъ комнаты [5]), отъ нетерпѣнія грызъ обыкновенно перо и насупя брови, надувши губы, съ огненнымъ взоромъ читалъ про себя написанное. Кромѣ любимыхъ разговоровъ своихъ о литературѣ и авторахъ съ тѣми товарищами, кои тоже писали стихи, какъ-то съ б. Дельвигомъ, Илличевскимъ, Яковлевымъ [6]) и Кюхельбекеромъ (надъ неудачною страстью коего къ поэзіи онъ любилъ часто подшучивать), Пушкинъ былъ вообще не очень сообщителенъ съ прочими своими товарищами и на вопросы ихъ отвѣчалъ обыкновенно лаконически.

Изъ профессоровъ и гувернеровъ лицея никто *въ особенности* Пушкина не любилъ и не отличалъ отъ другихъ воспитанниковъ; но всѣ боялись его сатиръ, эпиграммъ и острыхъ словъ [7]), съ удовольствіемъ слушая ихъ насчетъ другихъ. Такъ наприм. профессоръ математики Карцовъ отъ души смѣялся его піитическимъ шуткамъ надъ лицейскимъ докторомъ Пешелемъ, который въ свою очередь охотно слушалъ его насмѣшки надъ Карцовымъ. Одинъ только профессоръ россійской и латинской словесности Кошанскій, предвидя необыкновенный успѣхъ поэтическаго таланта Пушкина, старался все достоинство онаго приписывать отчасти себѣ и для того употреблялъ всѣ средства, чтобы какъ можно болѣе познакомить его съ теоріею отечественнаго языка и съ классическою словесностью древнихъ [8]), но къ послѣдней не успѣлъ возбудить въ немъ

---

[1]) Математика — наука не политическая, а исторію дѣйствительно любилъ. *М. Я.*

[2]) Почему именно вмѣстѣ съ другомъ своимъ барономъ Дельвигомъ? *М. Я.*

[3]) Это замѣчаніе, по мнѣнію моему, вовсе лишнее. *М. Я.*—Комовскимъ же сдѣлана подстрочная ссылка: Замѣчаніе того же гувернера С. Г. Чирикова.

[4]) Лицо Пушкина, и ходя по комнатѣ, и сидя на лавкѣ, часто то хмурилось, то прояснялось отъ улыбки. *М. Я.*

[5]) Не правда. Писалъ онъ вездѣ, гдѣ могъ, а всего болѣе въ математическомъ классѣ. *М. Я.*

[6]) Имя Яковлева зачеркнуто имъ.

[7]) Не помню и не знаю, кто боялся сатиръ Пушкина; развѣ одинъ Пешель, но и этотъ только трусилъ. Остротъ Пушкинъ не говорилъ. *М. Я.*

[8]) Такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Кошанскій — особенно въ первое время — всячески старался отвратить и удержать Пушкина отъ писанія стиховъ, частію, можетъ быть, возбуждаемый къ тому ревностію или завистію: ибо самъ писалъ и печаталъ стихи, въ которыхъ боялся соперничества возникающаго новаго генія. *М. К.*—Противъ того же мѣста приписано рукой Яковлева: Рус-

такой страсти, какъ въ Дельвигѣ. Самъ Пушкинъ, увлекаясь свободнымъ полетомъ своего генія, не любилъ подчиняться классному порядку и никогда ничего не искалъ въ своихъ начальникахъ.

Внѣ лицея онъ знакомъ былъ съ нѣкоторыми *отчаянными* [1]) гусарами, жившими въ то время въ Царскомъ Селѣ (Каверинъ, Молоствовъ, Саломирскій, Сабуровъ и др.). Вмѣстѣ съ ними, тайкомъ отъ своего начальства, онъ любилъ приносить жертвы Бахусу и Венерѣ, волочась за хорошенькими актрисами графа Толстого и за субретками пріѣзжавшихъ туда на лѣто семействъ [2]); при чемъ проявлялись въ немъ вся пылкость и сладострастіе африканской породы [3]). Но первую платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила въ Пушкинѣ сестра одного изъ лицейскихъ товарищей его (фрейлина Катерина Павловна Бакунина). Она часто навѣщала брата своего и всегда пріѣзжала на лицейскіе балы. Прелестное лицо ея, дивный станъ и очаровательное обращеніе произвели всеобщій восторгъ во всей лицейской молодежи. Пушкинъ съ чувствомъ пламеннаго юноши описалъ ея прелести въ стихотвореніи своемъ къ *Живописцу*, которое очень удачно положено было на ноты лицейскимъ же товарищемъ его Яковлевымъ и постоянно пѣто до самаго выхода изъ заведенія. Вообще воспоминанія первыхъ счастливыхъ дней дѣтства Пушкина были причиною, что Александръ Сергѣевичъ во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ, и до конца жизни, всегда съ особымъ чувствомъ отзывался о лицеѣ, о Царскомъ Селѣ и о товарищахъ своихъ по воспитанію. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что учебные подвиги Пушкина, какъ выше сказано, не очень были блистательны; по страсти Пушкина къ французскому языку (что, впрочемъ, было тогда въ духѣ времени), называли его въ насмѣшку *французомъ*, а по физіономіи и нѣкоторымъ привычкамъ *обезьяною* [4]).

По выходѣ изъ лицея Пушкинъ, сохраняя постоянную дружбу къ б. Дельвигу, коего хладнокровный и разсудительный характеръ ему нравился (несмотря на явное противорѣчіе съ его собственнымъ), посѣ-

---

скимъ языкомъ Пушкинъ занимался не потому, чтобы кто-нибудь изъ учителей побуждалъ его къ тому, а по страсти, по влеченію собственному. Пушкина талантъ началъ развиваться въ то время, когда Кошанскій, по болѣзни, былъ устраненъ и три (?) года въ лицеѣ не былъ. Дельвигъ вовсе не Кошанскому обязанъ привязанностью къ классической словесности, а товарищу своему Кюхельбекеру. *М. Я.*

[1]) Это слово подчеркнуто, въ знакъ неодобренія, Яковлевымъ.

[2]) Эта статья относится не до Пушкина только, а до всѣхъ молодыхъ людей, имѣющихъ пылкій характеръ. *М. Я.*

[3]) Пушкинъ былъ до того женолюбивъ, что, будучи еще 15-ти или 16-ти лѣтъ, отъ одного прикосновенія къ рукѣ танцующей, во время лицейскихъ баловъ, взоръ его пылалъ, и онъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, какъ ретивый конь среди молодого табуна. *С. К.*—Описывать такъ можно только арабскаго жеребца, а не Пушкина, потому только, что въ немъ текла кровь арабская. *М. Я.*

[4]) И даже смѣсью *обезьяны съ тигромъ. С. К.*—Какъ кого звали въ школѣ, въ насмѣшку, должно оставаться въ одномъ школьномъ воспоминаніи старыхъ товарищей; для читающей же публики и странно и непонятно будетъ читать въ біографіи Пушкина, что его звали обезьяной, смѣсью обезьяны съ тигромъ. *М. Я.*

щалъ преимущественно литературныя общества Карамзина [1]), Жуковскаго, Воейкова, графа Блудова, Тургенева и т. п. Впрочемъ, онъ болѣе и болѣе полюбилъ также и разгульную жизнь [2]) служителей Марса, дѣвъ веселія и модныхъ женщинъ, нынѣшнихъ львицъ, или, какъ очень удачно выразился, кажется, Загоскинъ, — *вольноотпущенныхъ женъ* (femmes émancipées).

Рядомъ съ этою запискою сохранился на особомъ полулистѣ писанный также рукою Комовскаго очеркъ начала біографіи Пушкина (его дѣтства); но я не перепечатываю его, такъ какъ онъ весь вошелъ въ *Матеріалы* Анненкова. Какъ дополненіе къ предыдущей запискѣ сообщаю еще отрывокъ изъ письма, написаннаго Комовскимъ къ Ѳ. П. Корнилову въ отвѣтъ на приглашеніе комитета пріѣхать въ Москву къ открытію памятника Пушкину. Сожалѣя, что онъ по слабости здоровья [3]) не можетъ принять участія въ этомъ народномъ торжествѣ, Сергѣй Дмитріевичъ вспоминаетъ знаменитаго товарища и между прочимъ говоритъ:

Пушкинъ, привезя съ собою изъ Москвы огромный запасъ любимой имъ тогда французской литературы, началъ ребяческую охоту свою — писать одни французскіе стихи—переводить на чисто-русскую, очищенную имъ самимъ почву. Затѣмъ, едва познакомившись съ юною своею музою, онъ сталъ поощрять и другихъ товарищей своихъ писать: русскія басни (Яковлева), русскія эпиграммы (Илличевскаго), терпѣливо выслушивалъ тяжеловѣсные гекзаметры барона Дельвига и снисходительно улыбался клопштокскимъ стихамъ неуклюжаго нашего Кюхельбекера. Самъ же поэтъ нашъ, удаляясь нерѣдко въ уединенныя залы лицея или въ тѣнистыя аллеи сада, грозно насупя брови и надувъ губы, съ искусаннымъ отъ досады перомъ во рту, какъ бы усиленно боролся иногда съ прихотливою кокеткою музою, а между тѣмъ мы всѣ видѣли и слышали потомъ, какъ всегда легкій стихъ его вылеталъ подобно «пуху изъ устъ Эола».

2. ЗАПИСКА ГРАФА М. А. КОРФА [4]).

1854.

Уставъ о лицеѣ сочинялъ Сперанскій, тогда государственный секретарь и на высшемъ апогеѣ довѣрія къ нему императора Александра. У

---

[1]) Посѣщая его еще въ лицеѣ, Пушкинъ написалъ, по совѣту его, куплеты, пѣтые въ Павловскѣ при празднованіи, сколько помнится, взятія Парижа, и за эти стихи удостоился получить отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны золотые съ цѣпочкою часы при милостивомъ отзывѣ на имя *воспитанника лицея, Пушкина. С. К.*

[2]) Пушкинъ велъ жизнь болѣе беззаботную, чѣмъ разгульную. Такъ ли кутитъ большая часть молодежи? *М. Я.*

[3]) С. Д. Комовскій скончался вскорѣ послѣ открытія памятника, именно 8 іюля 1880 года.

[4]) См. выше стр. 5 и 37. Копія съ этой записки передана авторомъ на храненіе въ Чертковскую библіотеку. Другой списокъ съ нея предоставленъ имъ,

насъ въ рукахъ подлинное письмо его о томъ къ старику Масальскому, отцу нынѣшняго литератора, отъ 4 февраля 1815 года. Упавшій Сперанскій оканчивалъ тогда свое заточеніе въ селѣ своемъ Великопольѣ близъ Новгорода, и на вопросъ Масальскаго, въ какое бы заведеніе помѣстить ему сына, отвѣчалъ совѣтомъ отдать мальчика въ лицей, прибавляя: «Училище сіе образовано и уставъ его написанъ мною, хотя и присвоили себѣ работу сію другіе. Не безъ самолюбія скажу, что оно соединяетъ въ себѣ несравненно болѣе выгодъ, нежели всѣ наши университеты».

— Помѣщеніе для лицея отведено было собственно *во дворцѣ* по особенной совсѣмъ причинѣ, именно потому, что и весь лицей образованъ былъ для воспитанія въ немъ царскихъ братьевъ великихъ князей: Николая и Михаила Павловичей. Начальная о томъ идея не получила своего осуществленія только потому, что при самомъ открытіи лицея, т. е. въ концѣ 1811 года [1]), отношенія наши къ Наполеону представлялись уже въ самыхъ грозныхъ краскахъ и мысли Императора Александра приняли другое направленіе. Это я имѣлъ счастіе неоднократно слышать самъ и отъ императора Николая Павловича и отъ великаго князя Михаила Павловича. Его величество называлъ меня иногда въ шутку: «mon camarade manqué».

— В. Ѳ. Малиновскій былъ человѣкъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людскости, слабый и вообще не созданный для управленія какою-нибудь частію, тѣмъ болѣе высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Значеніе свое онъ получилъ, кажется, отъ того, что былъ женатъ на дочери извѣстнаго протоіерея Андрея Аѳанасьевича Самборскаго, сперва священника при церкви нашего посольства въ Лондонѣ, потомъ законоучителя и духовника великихъ князей Александра и Константина Павловичей и наконецъ духовника великой княгини Александры Павловны, по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ палатиномъ венгерскимъ [2]). Есть впрочемъ вся вѣроятность

въ 1874 году, въ полное мое распоряженіе. Печатая ее, ссылаюсь на мнѣніе, высказанное мною о ней выше, на стр. 117. Строгость сужденій гр. Корфа о Пушкинѣ, о его родныхъ и нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ наставниковъ лицея не можетъ въ настоящее время служить препятствіемъ къ обнародованію этой записки, такъ какъ самыя рѣзкія мѣста ея, особенно касающіяся именно нашего поэта и близкихъ къ нему лицъ, уже не разъ появлялись въ печати. Ранѣе или позже она должна была сдѣлаться извѣстною во всемъ своемъ объемѣ. Невключеніе ея въ настоящій сборникъ имѣло бы видъ слѣпого пристрастія къ памяти поэта и къ мѣсту его воспитанія. Здѣсь же приговорамъ автора противупоставляются сочувственные отзывы, разсѣянные на страницахъ предлагаемаго труда. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣщаются между прочимъ возраженія покойнаго П. А. Вяземскаго, съ которыми замѣтки графа Корфа напечатаны были въ газетѣ *Берегъ* княземъ П. П. Вяземскимъ. Въ запискѣ опускаю только цыфры, означающія въ подлинникѣ ссылки на статью г. Бартенева, а также немногія замѣтки, не заключающія въ себѣ ничего новаго или интереснаго, въ родѣ напримѣръ свѣдѣнія, что книга Жозефа де Местра «Lettres et opuscules»» имѣется въ Публичной библіотекѣ. *Я. Г.*

[1]) Вспомнимъ, что уставъ лицея изданъ былъ болѣе нежели за годъ до того — 12-го августа 1810 года. *М. К.*

[2]) Этотъ Самборскій, котораго я зналъ лично прекраснымъ, маститымъ старцемъ, съ аннинскою лентою, послѣ кончины великой княгини, долго жилъ въ

думать, что и въ выборѣ Малиновскаго не обошлось безъ участія тогдашняго государственнаго секретаря Сперанскаго, который издавна былъ очень близокъ къ Самборскимъ и въ ихъ домѣ впервые познакомился съ тою, которая послѣ сдѣлалась его женою: сиротою бѣднаго англійскаго пастора Стивенса.

— Лицей содержался богато только сначала, но послѣ ничуть не богаче другихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній и, конечно, бѣднѣе нежели, въ то время, пажескій корпусъ. Вначалѣ намъ сдѣлали прекрасные синіе мундиры изъ тонкаго сукна, съ теперешнимъ воротникомъ, и при нихъ бѣлые панталоны въ обтяжку съ ботфортами и трехугольными шляпами, и сверхъ того для будней синіе форменные сюртуки съ красными воротниками [1]). Но когда настала война 1812 года съ ея огромными расходами, заставившими, вѣроятно, сократить и штатную сумму лицея, все это стало постепенно отпадать [2]). Сперва, вмѣсто бѣлыхъ панталонъ съ ботфортами, явились сѣрые брюки; потомъ, вмѣсто трехугольныхъ шляпъ, фуражки; наконецъ, вмѣсто форменныхъ синихъ сюртуковъ, сѣрые статскаго покроя, чѣмъ особенно мы очень обижались, потому что такая же форма была тогда и для малолѣтнихъ придворныхъ пѣвчихъ внѣ службы. Впослѣдствіи хотя и возстановились синіе форменные сюртуки, но все прочее осталось какъ порѣшилъ роковой 1812-й годъ, а сверхъ того, казенное платье было такъ плохо и шилось на такіе долгіе сроки, что всѣ, кому сколько-нибудь дозволяли средства, имѣли свое, прочіе же и въ дворцовую церковь являлись въ заплаткахъ. Столъ — за обѣдомъ три, а въ праздники четыре, и за ужиномъ два блюда — никогда не былъ хорошимъ, а иногда бывалъ и чрезвычайно дурнымъ, хотя одно время готовилъ его, чѣмъ очень хвастались, поваръ, служившій нѣкогда Суворову. Первые экономы или, по офиціальному ихъ титулу, «инспекторы хозяйственной части», Эйлеръ [3]) и Камарашъ, были очевидные жиды, и по наружности и по образу дѣйствія, я думаю и по происхожденію; потомъ эта должность уже не замѣщалась и исправлялъ ее сперва помощникъ эконома, истый уже русскій, Золотаревъ [4]), который былъ еще хуже жидовъ, и потомъ съ званіемъ просто «эконома» нѣмецъ Ротастъ, нѣсколько

Петербургѣ, на покоѣ, занимаясь преимущественно агрономіею. Онъ сохранилъ отъ времени пребыванія своего за границею много англійскихъ навыковъ и — право не *отращать бороды*, за что считался между своею братіею немножко еретикомъ. *М. К.*

[1]) Замѣчательно, что вначалѣ все платье на насъ шилъ собственный портной государя, русскій мужикъ съ бородою, Мальгинъ, котораго я видывалъ, кажется, еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ глубокой старости. *М. К.*

[2]) Въ біографіи Энгельгардта (*Р. Архивъ* 1872) сказано, что эти перемѣны были введены имъ съ педагогическою цѣлью, а не изъ экономіи. *Я. Г.*

[3]) Леонтій Карловичъ Эйлеръ, племянникъ знаменитаго академика, былъ честнѣйшій человѣкъ и служилъ впослѣдствіи при петербургской таможнѣ. Въ этой должности онъ съ 1820-хъ почти до 1840-хъ годовъ жилъ на Вас. остр. около биржи, гдѣ я въ молодости его посѣщалъ по старинному знакомству моего дѣда съ математикомъ Эйлеромъ. *Я. Г.*

[4]) Сына его я засталъ въ 1823 году въ лицейскомъ пансіонѣ, гдѣ этотъ молодой человѣкъ и оставался еще долго отчаяннымъ лѣнтяемъ и послѣднимъ во всѣхъ отношеніяхъ воспитанникомъ. *Я. Г.*

лучше предмѣстниковъ [1]). Золотаревъ былъ постоянно предметомъ жестокихъ насмѣшекъ и преслѣдованій цѣлаго лицея, и какъ часто мы бывало таскали его за рыжіе бакенбарды, припѣвая:

«Ты выдумалъ похабны яствы,
Запряталъ въ пироги лѣкарствы»....

Чтобы окончить очеркъ *богатаго* нашего содержанія, прибавлю, что одно время, кажется тоже въ экономическомъ 1812 году, насъ, вмѣсто чая, поили сбитнемъ, и что часть бѣлья была отнюдь не лучше части верхняго платья.

— Нельзя сказать, чтобы лицеисты составляли высшій курсъ, а пансіонеры низшій. Это было справедливо только въ отношеніи къ тому небольшому числу воспитанниковъ, которые изъ пансіона переходили въ лицей, а всѣ прочіе оканчивали свое ученіе въ самомъ пансіонѣ, почти по тому же курсу, и выпускались оттуда на службу только однимъ чиномъ ниже. Нельзя также сказать, чтобы лицеисты и пансіонеры *безпрестанно* видѣлись между собою, чему препятствовало и самое разстояніе, потому что лицей былъ во дворцѣ, а пансіонъ въ Софіи, въ зданіяхъ теперешняго Александровскаго кадетскаго корпуса [2]). Мы видались только случайно на прогулкахъ, иногда же по воскресеньямъ и праздникамъ знакомые хаживали изъ одного заведенія въ другое; но in corpore лицеисты посѣщали пансіонъ, и наоборотъ, только разъ или два въ году, когда бывали въ томъ или другомъ заведеніи театральныя представленія или танцы. Сверхъ того надо замѣтить, что лицей считался въ отношеніи къ пансіону какъ бы гвардіею, и лицеисты въ массѣ всегда чуждались пансіонеровъ, смотря на нихъ даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.

— Лицей былъ устроенъ на ногу высшаго, окончательнаго училища, а принимали туда, по уставу, мальчиковъ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, съ самыми ничтожными предварительными свѣдѣніями. Намъ нужны были сперва *начальные* учители, а дали тотчасъ *профессоровъ*, которые, притомъ, сами никогда нигдѣ еще не преподавали. Насъ надобно было раздѣлить, по лѣтамъ и по знаніямъ, на классы, а посадили *всѣхъ вмѣстѣ* и читали, напримѣръ, нѣмецкую литературу тому, кто едва зналъ нѣмецкую азбуку. Насъ — по крайней мѣрѣ въ послѣдніе три года — надлежало спеціально приготовлять къ будущему нашему назначенію, а вмѣсто того, до самаго конца, для всѣхъ продолжался какой-то *общій* курсъ, полугимназическій и полууниверситетскій, *обо всемъ на свѣтѣ*: математика съ дифференціалами и интегралами, астрономія въ широкомъ размѣрѣ, церковная исторія, даже высшее богословіе — все это занимало у

---

[1]) Остававшійся въ этой должности еще и при мнѣ и послѣ меня Кухонною частью завѣдывала его жена, и мы были довольны получаемой пищей. Если и случались вспышки неудовольствія, выражавшіяся напр. бросаніемъ пироговъ, то ихъ надо скорѣе приписать нашей избалованности, нежели дѣйствительно дурному содержанію. *Я. Г.*

[2]) Слѣдуетъ прибавить: «для малолѣтнихъ». Впослѣдствіи тамъ помѣщалось юнкерское стрѣлковое училище. *Я. Г.*

насъ столько же, иногда и болѣе времени, нежели правовѣдѣніе и другія науки политическія. Лицей былъ въ то время не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какою-то безобразною смѣсью *всего этого вмѣстѣ* и, вопреки мнѣнію Сперанскаго, смѣю думать, что онъ былъ заведеніемъ не соотвѣтствовавшимъ ни своей *особенной*, ни вообще *какой-нибудь* цѣли.

— Георгіевскій къ Кошанскому былъ назначенъ адъюнктомъ, и тогда какъ Кошанскій продолжалъ преподавать намъ русскую и латинскую словесность, Георгіевскій, помогая ему въ томъ, имѣлъ спеціально курсъ эстетики. Оба были, впрочемъ, далеко не орлы, и конечно не имъ лицей обязанъ своими поэтами. Кошанскій, преданный слабости къ крѣпкимъ напиткамъ, отъ которой, въ наше время, нѣсколько разъ подвергался бѣлой горячкѣ, былъ родъ жеманнаго и чопорнаго франта, ревностно ухаживавшаго за прекраснымъ поломъ, любившій говорить по-французски, впрочемъ довольно смѣшно, и обращавшійся къ намъ всегда съ словомъ: Messieurs, которое онъ выговаривалъ: *месьёсъ*. И Пушкина и другихъ онъ жестоко преслѣдовалъ за охоту писать стихи и за всякую попытку въ этомъ родѣ, кажется, немножко и изъ зависти, потому что самъ кропалъ вирши [1]). Георгіевскій съ своей стороны былъ схоластъ и педантъ, который не умѣлъ ничего сказать спроста и отличался самымъ надутымъ краснорѣчіемъ [2]). Всякая фраза оканчивалась у него стереотипнымъ «и тому подобное», ни къ селу ни къ городу, и среди этихъ его порывовъ къ уподобленіямъ, намъ не разъ случалось слышать съ каѳедры возгласы въ родѣ слѣдующаго: «Богъ, господа, и тому подобное» [3]).

— Кайдановъ, воспитанникъ тогдашняго Педагогическаго института,

---

[1]) Замѣчанія на этотъ слишкомъ строгій отзывъ о Кошанскомъ см. выше, стр. 55—59. *Я. Г.*

[2]) И этого отзыва не могу вполнѣ подтвердить. Петръ Егоровичъ Георгіевскій, поступивъ въ лицей очень молодымъ человѣкомъ, вначалѣ могъ дѣйствительно имѣть приписываемые ему здѣсь недостатки; преподаваніе его и въ наше время страдало нѣкоторою сухостью; но мы уважали его какъ прекраснаго человѣка, справедливаго, скромнаго, деликатнаго, и не замѣчали въ немъ ничего подобнаго желанію блистать краснорѣчіемъ. Впрочемъ при насъ онъ уже не читалъ эстетики, а преподавалъ только латынь и русскую литературу. *Я. Г.*

[3]) На него мы сочинили слѣдующіе стихи:

Предположивъ и дальше
На грацію намекъ,
Ну-съ, Августинъ богословъ,
Профессоръ Бутервекъ.

* * *

Предположивъ и дальше
На грацію намекъ,
Надъ печкою богословъ,
А въ печкѣ Бутервекъ.

* * *

Потомъ Ніобы группа,
Кореджіевъ тьмосвѣтъ,
Прелестна граціозность
И счастливъ — онъ поэтъ. *М. К.*

по окончаніи въ немъ курса отправленъ былъ, вмѣстѣ съ своими товарищами: Куницынымъ и Карцовымъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія, за границу, и слушалъ въ Геттингенѣ знаменитаго въ свое время Герена, но сѣмя великаго учителя пало здѣсь на безплодную почву. Вышедшіе потомъ въ печать курсы Кайданова обличили вполнѣ степень его высоты, хотя впрочемъ онъ училъ все-таки нѣсколько лучше, нежели писалъ [1]). Нашъ историкъ имѣлъ кое-какія смѣшныя странности, къ которымъ должно причислить, между прочимъ, французскій его выговоръ, гдѣ, слѣдуя латинскому произношенію, онъ обозначалъ каждую букву. Такъ, изъ guerre des grenouilles у него всегда выходило: гверъ де греновиль. Другая странность у него была, что, обращаясь къ кому-нибудь изъ насъ, онъ слово «господинъ» всегда ставилъ послѣ фамиліи: Корфъ господинъ, Пушкинъ господинъ, и т. д. Сверхъ того, обходясь очень вѣжливо съ порядочными воспитанниками, онъ немилосердно ругалъ плохихъ, особенно лѣнтяя Ржевскаго, котораго терпѣть не могъ. Не проходило лекціи, гдѣ бы ему не доставалось такъ: «Ржевскій господинъ, животина господинъ, скотина господинъ», и все это съ самымъ малороссійскимъ выговоромъ и интонаціею [2]).

— Кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ вполнѣ предаваться самой изысканной лѣни, но кто и хотѣлъ, тому не много открывалось способовъ, при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части преподавателей, которые столько же далеки были отъ исполненія устава, сколько и вообще отъ всякой раціональной системы преподаванія. Въ слѣдующіе курсы, когда они пообтерлись на насъ, дѣло пошло, я думаю, складнѣе: но, несмотря на то, нашъ выпускъ, болѣе всѣхъ запущенный, по результатамъ своимъ вышелъ едва ли не лучше всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ несравненно лучше всѣхъ современныхъ ему училищъ. Одного имени Пушкина довольно, чтобы обезсмертить этотъ выпускъ; но и кромѣ Пушкина, мы, изъ ограниченнаго числа 29-ти воспитанниковъ, поставили но нѣскольку очень достойныхъ людей почти на всѣ пути общественной жизни. Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ: по

---

[1]) Лекціи Кайданова были дѣйствительно гораздо удовлетворительнѣе его учебника; мы ихъ любили и слушали со вниманіемъ. *Я. Г.*

[2]) Ржевскій — малый добрый и не глупый, но съ которымъ въ лѣности могъ спорить развѣ только Дельвигъ, — писывалъ иногда кой-какіе стишонки. На него былъ сочиненъ у насъ, за живо, слѣдующая эпитафія—акростихъ. *М. К.*

Родясь какъ всякій человѣкъ,
Жизнь отдалъ праздности, труда какъ зла страшился,
Ѣлъ съ утра до ночи, подъ вечеръ спать ложился;
Вставъ, снова ѣлъ да пилъ, и такъ провелъ весь вѣкъ.
Счастливецъ! на себя онъ злобы не навлекъ;
Кто впрочемъ изъ людей былъ вовсе безъ порока?
И онъ писалъ стихи, къ несчастію безъ прока.

Кому принадлежалъ этотъ акростихъ, не помню, но едва ли онъ имѣлъ законнаго отца: такія пьесы, равно какъ и то, что мы называли *національными пѣснями*, импровизировались у насъ обыкновенно изустно цѣлою толпою, и уже потомъ ихъ кто-нибудь записывалъ для памяти. *М. К.*

крайней мѣрѣ ни наставникамъ нашимъ, ни надзирателямъ не можетъ быть приписана слава такого результата. Мы мало учились въ классахъ, но много въ чтеніи и въ бесѣдѣ, при безпрестанномъ треніи умовъ, при совершенномъ отсѣченіи отъ насъ всякаго внѣшняго разсѣянія. Основательнаго, глубокаго, въ нашихъ познаніяхъ было, конечно, не много; но поверхностно мы имѣли идею обо всемъ и были очень богаты блестящимъ *всезнаніемъ*, которымъ такъ легко и теперь, а тогда было еще легче, отыгрываться въ Россіи. Многому мы, разумѣется, должны были доучиваться уже послѣ лицея, особенно у кого была собственная охота къ наукѣ и кто, какъ напримѣръ я, оставилъ школьную скамью въ 17 лѣтъ.

— Куницынъ былъ, конечно, даровитѣе своихъ товарищей и въ особенности говорилъ складнѣе, хотя безъ большого изящества; сверхъ того у него было живое воображеніе и онъ обиловалъ разсказами, сравненіями и т. п. Но все это было замѣтно въ немъ болѣе вначалѣ, пока онъ преподавалъ намъ нравственную философію; послѣ, при переходѣ въ римское и русское право, въ политическую экономію и финансы, онъ сталъ все болѣе и болѣе остывать къ своимъ предметамъ, а мы къ его лекціямъ. Притомъ система его преподаванія была самая негодная. При неимѣніи въ то время никакихъ печатныхъ курсовъ, онъ самъ писалъ свои записки, а мы должны были ихъ списывать и изучать *слово въ слово*, совершенно *въ долбяжку*, такъ что при отвѣтахъ на его вопросы не позволялось измѣнять ни единой буквы: отъ этого, въ тѣхъ именно предметахъ, гдѣ наиболѣе должно было изощряться разумѣніе и способность свободно изъясняться, мы обращались въ совершенныя машины. Послѣ Куницынъ служилъ, вмѣстѣ со мною, во II Отдѣленіи Собственной его величества канцеляріи, гдѣ наиболѣе былъ употребленъ къ сводамъ по межевой части; но работы его выходили такъ плохи, что многія изъ нихъ Сперанскій втайнѣ передавалъ поправлять бывшему ученику бывшаго профессора.

— Каѳедры философіи (кромѣ такъ называемой *нравственной*) у насъ не было; эстетику преподавалъ Георгіевскій; Галичъ никогда профессоромъ лицея не былъ. Этотъ предобрый, но презабавный чудакъ преподавалъ въ лицеѣ, во время *бѣлыхъ горячекъ* Кошанскаго, русскую и латинскую словесность, и мы хотя очень надъ нимъ подсмѣивались, однако и очень его любили за почти младенческое простосердечіе и добродушіе. Онъ, помнится, былъ товарищъ Куницына, Кайданова и Карцова и по Педагогическому институту, и по заграничной ихъ поѣздкѣ. Впослѣдствіи у него, по случаю изданныхъ имъ философскихъ системъ и пр., завязалась жаркая журнальная полемика съ Гречемъ, что́ однакоже не помѣшало послѣднему, когда нашъ философъ впалъ въ болѣзни и нищету, взять его къ себѣ въ домъ и на свои хлѣбы. Здѣсь Галичъ и умеръ въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

— Карцовъ былъ профессоромъ математическихъ наукъ и физики. Послѣдняя была даже его спеціальностію, а математику онъ зналъ и преподавалъ довольно плохо, въ чемъ мы особенно убѣдились, когда назначенъ былъ къ нему адъюнктомъ молодой студентъ Архангельскій, математикъ въ душѣ, умѣвшій придавать этому сухому предмету жизнь и даже что-

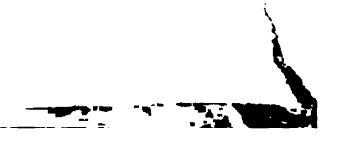
то въ родѣ поэзіи [1]). Впрочемъ математикѣ всѣ мы вообще сколько-нибудь учились только въ первые три года; послѣ, при переходѣ въ высшія ея области она, смертельно всѣмъ надоѣла, и на лекціяхъ Карцова каждый обыкновенно занимался чѣмъ-нибудь постороннимъ: готовился къ другимъ предметамъ, писалъ стихи или читалъ романы, которыхъ разными потаенными путями мы всегда умѣли доставать пропасть, вопреки строгому шпіонству и наушничеству матери нашего Бакунина (теперь тверского губернатора), жившей постоянно въ Царскомъ Селѣ и неослабно слѣдившей, для охраненія нравственности своего, впрочемъ совсѣмъ не цѣломудреннаго сына, за нашими лектюрами. Во всемъ математическомъ классѣ шелъ за лекціями и зналъ что́ преподавалось одинъ только Вальховскій. Сначала общая невнимательность всѣхъ прочихъ ужасно бѣсила Карцова; онъ долго бранился, жаловался, старался возстановить порядокъ и дисциплину въ своемъ классѣ; но, видя наше упорство не сдѣлаться математиками, наконецъ покорился судьбѣ или нашей непреклонной волѣ, и въ послѣднее время не вызывалъ уже никого болѣе къ отвѣтамъ кромѣ Вальховскаго, и ни съ кѣмъ другимъ не занимался; къ выпускному же экзамену роздалъ каждому изъ насъ опредѣленныя роли, avec réplique, которыя всѣ мы превосходно выучили. Самъ онъ былъ человѣкъ не глупый, острый, язвительный; мы любили его бесѣду, наполненную множествомъ анекдотовъ и колкостей на счетъ ближняго, т. е. царскосельскихъ жителей, потому что при нашемъ монастырскомъ затворничествѣ мы никого болѣе не знали. Бывало, когда онъ придетъ въ классъ, всѣ соберутся вокругъ него и, до начатія уединенной его бесѣды съ Вальховскимъ, помираютъ со смѣха отъ его, вовсе не матетатическихъ розсказней [2]). Нашъ Илличевскій написалъ на него слѣдующую эпиграмму:

Повѣрь, тебя измѣрить разомъ
Не мудрено, мой другъ чернякъ;
Ты математикъ — *минусъ* разумъ
Ты злой насмѣшникъ *плюсъ* д.....

---

[1]) Архангельскій былъ въ числѣ старыхъ преподавателей, которыхъ я засталъ еще въ лицеѣ; но онъ вскорѣ, уже въ годъ моего поступленія, умеръ отъ водяной. Я зналъ его еще въ лицейскомъ пансіонѣ, но онъ рѣдко приходилъ на лекціи по болѣзни, которая выражалась на лицѣ его смертельною блѣдностью. Всегда серьезный, строгій и вспыльчивый, онъ внушалъ страхъ и высокое понятіе о своей учености. Разъ одинъ изъ воспитанниковъ, не знавшій урока, удостоился отъ него клички: «гнилой горшокъ», и разсказъ объ этой выходкѣ профессора часто повторялся. Не могу не вспомнить, что вскорѣ послѣ моего поступленія въ лицей Архангельскій, на одной изъ своихъ лекцій, аттестовалъ меня вошедшему въ классъ директору какъ «имѣющаго весьма основательныя познанія въ математикѣ». И дѣйствительно, пока проходились низшія ея части, я, благодаря урокамъ покойнаго П. Е. Бѣликова (который училъ и русскому языку) въ лицейскомъ пансіонѣ, отличался успѣхами, но когда пришла пора дифференціаловъ и интеграловъ, я сталъ охладѣвать къ математикѣ и наконецъ совсѣмъ перестал ею заниматься. *Я. Г.*

[2]) Это отчасти продолжалось и при насъ. Часто даже, въ классѣ, въ отвѣтъ на его остроты, раздавался общій хохотъ, въ угожденіе профессору. При своей тучности онъ естественно не любилъ никакого напряженія, и иногда, сидя



Но эта игра словъ совсѣмъ не отвѣчала истинѣ въ отношеніи къ *уму* Карцова.

— Исправлявшій директорскую должность Гауэншильдъ, былъ, можетъ быть, столь же хорошій профессоръ, сколько онъ былъ дурнымъ учителемъ и еще худшимъ директоромъ. Родомъ изъ Австріи, онъ не нравился намъ уже потому, что былъ *нѣмецъ* и очень смѣшно изъяснялся по-русски. Сверхъ того, при довольно заносчивомъ нравѣ, онъ былъ человѣкъ скрытный, хитрый, даже коварный. Доказательствомъ общей къ нему ненависти служитъ слѣдующая *національная пѣсня*, которая пѣвалась хоромъ, на голосъ гремѣвшаго тогда по цѣлой Россіи «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго,— безъ всякаго секрета и только что не самому Гауэншильду въ лицо. Первые четыре стиха лѣлись adagio и sotto voce; потомъ темпъ ускорялся, а съ нимъ возвышались и голоса, которые, наконецъ, переходили въ совершенную бурю. Разумѣется, что тутъ имѣлись въ виду не поэтическія красоты и не прелести гармоніи, а только выраженіе общаго чувства:

Въ лицейской залѣ тишина,
Диковинка межъ нами:
Друзья, къ намъ лѣзетъ сатана
Съ лакрицей за зубами [1]).
Друзья, сберемтеся гурьбой,
Дружнѣе въ руки палку;
Лакрицу сплюснемъ за щекой,
Дадимъ австрійцу свалку.
И кто послѣдній въ классахъ вретъ,
Не зная вѣкъ урока,
«Побѣда!» первый заоретъ,
На нѣмца грянувъ съ бока.

* * *

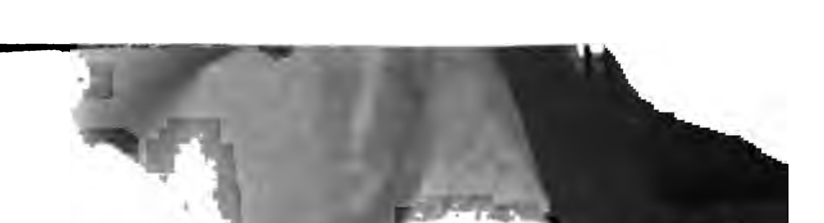
Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
Покроетъ вѣчной пылью?
Пилецкій, пастырь душъ съ крестомъ,
Иконниковъ съ бутылью [2]),
Съ жидовской рожей економъ,
Нашъ Эйлеръ знаменитый;
Зерновъ съ преломленнымъ носомъ,
Съ бородкою небритой [3]);

спиною къ доскѣ, не вставая чертилъ на ней свои поясненія. Однимъ изъ любимыхъ его выраженій, для насмѣшки надъ незнающими, было: «a + b равно красному барану», или: «тяпъ да ляпъ, и состроилъ корабль». Во французскомъ языкѣ онъ еще перещеголялъ Кайданова, и въ насмѣшку надъ лѣнивцами говаривалъ: «пуръ пассеръ ле тампсъ». *Я. Г.*

[1]) Гауэншильдъ имѣлъ привычку вѣчно жевать лакрицу. *М. К.*

[2]) См. выше, стр. О Пилецкомъ и Иконниковѣ будетъ рѣчь ниже.

[3]) См. выше, стр. 50.



Съ очками лысый Соколовъ [1])
И Гакенъ криворотый [2])
Докажутъ силу кулаковъ, —
И нѣмца за вороты!

Лекціи свои Гауэншильдъ всегда читалъ на французскомъ языкѣ: это объяснялось тѣмъ, что нѣкоторые изъ насъ, и даже многіе, не знали ни слова по-нѣмецки; но все же странно было, что одинъ живой языкъ преподавался на другомъ, еще страннѣе послѣ, когда дѣло дошло уже до высшей литературы и ея исторіи. Для нѣмецкаго языка находился у насъ, впрочемъ очень недолго, еще и адъюнктъ, Ренненкампфъ, изъ хорошей дворянской фамиліи [3]. Онъ служилъ прежде въ военной службѣ, въ которую и отъ насъ опять поступилъ, и памятенъ мнѣ болѣе по шалостямъ, которыя мы себѣ съ нимъ позволяли.

— Дельвигъ не могъ подавать примѣра Пушкину въ отношеніи къ нѣмецкому языку, потому что, вопреки своей нѣмецкой фамиліи, самъ зналъ его не больше Пушкина. Насъ точно по временамъ заставляли говорить по-нѣмецки и по-французски, для чего назначались опредѣленные дни; но это былъ почти одинъ фарсъ. Съ утра дежурный гувернеръ вручалъ кому-либо изъ воспитанниковъ билетъ, который надлежало передавать первому, захваченному въ тотъ день въ русскомъ разговорѣ; этотъ захваченный передавалъ опять билетъ тому, котораго удавалось ему съ своей стороны поймать въ подобной запрещенной бесѣдѣ, и такъ далѣе, до извѣстнаго часа, по наступленіи котораго тотъ, у кого окончательно оказывался билетъ, подвергался наказанію. Это значило вызывать товарищей къ не совсѣмъ, конечно, нравственному шпіонству и обману, но на дѣлѣ выходило иначе. Тотъ, кому первому давался билетъ, обыкновенно держалъ его у себя все время до опредѣленнаго часа, и въ продолженіе этого времени никто и не думалъ говорить иначе какъ по-русски; только въ послѣднія роковыя минуты начиналась ловля разными хитростями; случалось же и такъ, что къ опредѣленному часу билетъ совсѣмъ пропадалъ безъ вѣсти.

— Преподаватели обоихъ иностранныхъ языковъ нисколько не имѣли болѣе частаго обращенія съ лицеистами, нежели другіе. Де-Будри не жилъ даже въ Царскомъ Селѣ, а пріѣзжалъ туда только на тѣ дни, когда бывали его лекціи. Свѣдѣніе, будто онъ переводилъ съ лицеистами «Недоросля», можетъ быть, относится къ послѣдующимъ выпускамъ, но при насъ этого не было. Де-Будри, забавный коротенькій старичокъ, съ толстымъ брюхомъ, съ насаленнымъ, слегка напудреннымъ парикомъ, кажется никогда не мывшійся и развѣ только однажды въ мѣсяцъ перемѣнявшій на себѣ бѣлье, — одинъ изъ всѣхъ данныхъ намъ наставниковъ вполнѣ

---

[1]) Родъ ключника при экономѣ, потомъ помощника гувернера.

[2]) Бывшій прежде морской офицеръ, котораго прославили необыкновеннымъ знатокомъ французскаго языка и приставили къ намъ гувернеромъ для упражненія въ этомъ языкѣ, а между тѣмъ онъ говорилъ: «allont au parc», и deux выговаривалъ діо.

[3]) Одинъ изъ тѣхъ дюжинныхъ гувернеровъ, коимъ былъ ввѣренъ нравственный за нами надзоръ. NB. Всѣ эти примѣчанія принадлежатъ *М. К.*

понималъ свое призваніе и, какъ человѣкъ въ высшей степени практическій, наиболѣе способствовалъ нашему развитію, отнюдь не въ одномъ познаніи французскаго языка. Пока Куницынъ заставлялъ насъ долбить теорію логики со всѣми ея схоластическими формулами, Де-Будри училъ насъ ей на самомъ дѣлѣ. Онъ дѣйствовалъ непосредственно и постоянно на высшую и важнѣйшую способность — способность правильнаго мышленія, а черезъ нее и на другую способность логическаго, складнаго и отчетливаго выраженія мыслей словомъ. Не могу согласиться, чтобы уроки Де-Будри были для насъ всѣхъ *веселье:* напротивъ, онъ былъ очень строгъ и взыскателенъ и, какъ бы въ отмщеніе за то, что въ его классѣ, подъ его аргусовымъ глазомъ, нельзя было и думать о какомъ-нибудь стороннемъ занятіи, мы дразнили его разными школьными продѣлками; но *теперь* каждый изъ насъ, конечно, отдаетъ полную справедливость благотворному вліянію, которое онъ имѣлъ на наше образованіе. Де-Будри былъ для насъ и учителемъ декламаціи. Помню, что какъ-то, въ послѣдніе уже годы, намъ вздумалось сыграть предлинную и довольно скучную драму: «L'abbé de l'Epée», въ которой всѣ женскія роли были передѣланы имъ же, Де-Будри, въ мужскія и *любовники* превращены въ *друзей.* Бодрый старичокъ цѣлый мѣсяцъ мучилъ насъ, по этому случаю, репетиціями, и былъ для насъ, поддѣльныхъ актеровъ, совершенно тѣмъ же самымъ, что князь Шаховской для настоящихъ. И декламація обоихъ, какъ поклонниковъ старой школы, была въ одномъ родѣ: слишкомъ высокопарна и на ходуляхъ.

— Чириковъ былъ лицомъ очень замѣчательнымъ въ лицеѣ, хотя больше по своей въ немъ, такъ сказать, *непрерывности*, нежели по какимъ-нибудь необыкновеннымъ достоинствамъ. Онъ вошелъ въ лицей со днемъ его открытія, то есть 19 октября 1811-го г., и, переселясь потомъ съ нимъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ глубокой старости, оставилъ службу при лицеѣ и вскорѣ за тѣмъ умеръ. Первый по времени гувернеръ нашъ, первый также учитель рисованія, онъ былъ человѣкъ довольно ограниченный, очень посредственный гувернеръ, очень плохой рисовальщикъ и, при всемъ томъ очень любимый лицеистами за ровный и пріятный характеръ, за обходительность, за нѣкоторое достоинство, не позволявшее намъ такихъ съ нимъ шалостей, на которыя мы пускались съ другими; наконецъ и за сочувствіе къ нашимъ литературнымъ занятіямъ, въ которыхъ онъ находилъ вкусъ, потому что самъ былъ поэтъ, впрочемъ еще болѣе плохой нежели гувернеръ и рисовальщикъ. Еще прежде лицея онъ писывалъ, но кажется не печаталъ, длинныя трагедіи въ стихахъ, которыя ходили и читались у насъ въ рукописяхъ. Одна была подъ заглавіемъ: «Герой Сѣвера», и кому-то изъ нашихъ вздумалось это заглавіе произведенія перенести на самого автора. Съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, мы всегда звали его «Героемъ Сѣвера», и этотъ собрикетъ очень льстилъ его самолюбію. Разумѣется, впрочемъ, что и на него, при всемъ добромъ къ нему расположеніи умовъ, не обходилось безъ эпиграммъ. Вотъ главная, сочиненная общимъ трудомъ и которую мы часто пѣвали на голосъ: «Ахъ, скучно

мнѣ на чужой сторонѣ» — только *не въ лицо ему*, какъ то бывало съ другими гувернерами [1]):

Я во Питерѣ бывалъ,
Изъ Царскаго туда ѣзжалъ [2]).
Персъ я родомъ [3])
И походомъ
Я на Выборгской бывалъ.

***

Я дежурный когда [4]),
Надѣваю фракъ тогда;
Не дежурный —
Такъ мишурный
Надѣваю свой халатъ.

***

Вотъ ужъ девять бьетъ часовъ,
Я отъ сна встаю здоровъ:
Позѣваю,
Позываю
Всѣхъ Матвѣевъ, слугъ моихъ [5]).

***

И кривой ко мнѣ идетъ,
И *казенный* чай несетъ,
И подноситъ,

---

[1]) Чириковъ былъ уже давно женатъ, когда у него, въ мое время, родился первый ребенокъ, названный Сергѣемъ. Мы тотчасъ примѣнили къ новорожденному стихи изъ *Горя отъ ума*:

Сергѣй Сергѣичъ! запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали! *Я. Г.*

[2]) Въ то время, когда между Царскимъ Селомъ и Петербургомъ, вмѣсто желѣзной дороги и даже шоссе, была еще только прегадкая булыжная мостовая, поѣздка въ столицу, для такихъ *филистеровъ* какъ Чириковъ, считалась почти геркулесовскимъ подвигомъ. *М. К.*

[3]) Чириковъ увѣрялъ, что родъ его происходитъ изъ Персіи, и точно, въ физіономіи своей онъ имѣлъ что-то восточное. *М. К.*

[4]) Гувернеры дежурили при насъ черезъ день и тогда проводили съ нами цѣлыя сутки, имѣя впрочемъ право раздѣваться и ложиться на ночь, но съ обязанностію обойти нѣсколько разъ коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены были наши комнаты. Въ этихъ комнатахъ верхняя половина дверей была съ рѣшеткою, завѣшенною только до половины, такъ что, нѣсколько приподнявшись, можно было видѣть, что мы дѣлали и ночью. Внѣ дежурства гувернеры были совершенно свободны и могли и вставать утромъ, когда хотѣли. Къ этому обстоятельству относится слѣдующая строфа. *М. К.*

[5]) У насъ между *дядьками*, какъ называлась наша прислуга, было двое Матвѣевъ, изъ которыхъ одинъ кривой. Дядьки прислуживали и гувернерамъ, жившимъ въ лицеѣ. Чирикова квартира была въ верхнемъ этажѣ галлереи, соединявшей лицей съ дворцомъ. *М. К.*

Выпить проситъ,
И себѣ остатковъ ждетъ.

***

Когда въ халатѣ я хожу,
Порядокъ въ домѣ завожу:
Крысъ пугаю,
Обдуваю
Въ шашки *въ деньги* я дѣтей.

***

А во фракѣ какъ хожу,
Дома цѣлый день сижу:
Идутъ въ садикъ,
Такъ я — дядекъ
Посылаю за себя.

— Калиничъ, по времени служенія его въ лицеѣ, былъ pendant къ Чирикову. Прежде малолѣтній придворный пѣвчій, онъ поступилъ въ лицей также въ день его открытія и, служивъ при немъ еще долѣе Чирикова, умеръ всего кажется, годъ или два тому назадъ [1]). У насъ онъ былъ, сначала до конца, только учителемъ чистописанія; но съ 1814 г., когда въ лицеѣ, сверхъ нашего курса, учредился еще второй изъ новобранцевъ (21 человѣкъ), помѣщавшійся хотя въ томъ же зданіи, но совершенно отдѣльно. Калиничъ былъ, при сохраненіи прежней должности у насъ, опредѣленъ туда гувернеромъ и продолжалъ носить это званіе по конецъ своего поприща, поднявшись постепенно до статскихъ совѣтниковъ. Трудно вообразить себѣ высокопарнѣйшаго, болѣе отвлеченнаго въ своихъ фразахъ, глупца и невѣжду. Большой ростомъ, съ сенаторскою осанкою и поступью, съ огромнымъ лицомъ, вѣчно отражавшимъ какъ будто глубокую думу и очень лишь рѣдко подергивавшимся легкою, нѣсколько презрительною къ человѣчеству усмѣшкою, Калиничъ всякій вздоръ, выходившій изъ его устъ, — другого изъ нихъ ничего и не выходило, — облекалъ въ громкія и величественныя слова́ и съ этой стороны имѣлъ еще первенство надъ Георгіевскимъ, у котораго, на днѣ такихъ же высокопарныхъ фразъ, таились по крайней мѣрѣ довольно основательныя познанія, тогда какъ Калиничъ былъ бездонный невѣжда, и про него, еще съ бо́льшимъ правомъ, можно было повторить сказанное когда-то объ одномъ изъ нашихъ министровъ: «C'est immense — ce qu'il ne sait pas!» Между тѣмъ онъ былъ человѣкъ не злой, и какъ все его каллиграфическое вліяніе на насъ ограничивалось двумя часами въ недѣлю, въ которые онъ еще болѣе чинилъ намъ перьевъ на все остальное время, нежели училъ насъ, то мы и его довольно любили. Но съ другой стороны онъ представлялъ слишкомъ богатый сюжетъ для эпиграммъ, чтобы не

---

[1]) Онъ умеръ въ 1851 г. Очеркъ его біографіи см. въ *Памятной книжкѣ* лицея на 1856 г. *Я. Г.*

потѣшить надъ нимъ вдоволь молодого нашего воображенія. Въ длинномъ рядѣ куплетовъ, гдѣ выводили каждаго изъ лицейскихъ преподавателей и наставниковъ въ первомъ лицеѣ, Калиничъ представалъ съ слѣдующими, точно со словъ его скопированными возгласами:

Читали ль Россіяды
Вы новый переводъ?
Прилежнѣе буквальность
Извольте замѣчать.

***

Какъ Енисей излучистъ!
Здѣсь бился Витгенштейнъ,
Сего я полководца
Въ газетахъ не видалъ.

А вотъ и нѣсколько ругательныхъ на него колкостей, которыя принадлежали, кажется, Илличевскому, но были усвоены всѣми:

1.

Бѣда моя, бѣда. Я точно какъ Ефремъ.
Рисую съ одного, а угождаю всѣмъ:
Архипово лицо на Фоку выдетъ схоже,
Климъ узнаетъ себя въ Терентіевой рожѣ.
Я написалъ осла: Калина пристаетъ,
Что де его портретъ.

2.

Какъ правильны у васъ фигуры:
Съ антиковъ вѣрно сняли вы? —
Нѣтъ, сударь, писаны съ натуры:
Вотъ Фотій нашъ безъ головы [1]. —

3.

Вы лица славно написали:
Не съ бюстовъ ли вы ихъ снимали? —
Нѣтъ, сударь, кромѣ одного;
Я снялъ съ Калинича его.

4.

Калина, я тебя нарисовалъ Калиной,
И недоволенъ ты трудомъ;
Какъ быть, я самъ винюся въ томъ:
Мнѣ должно бы нарисовать тебя дубиной.

---

[1]) Калиничъ назывался Фотій Петровичъ. *М. К.*

Калиничъ имѣлъ, впрочемъ, два неоспоримыя достоинства: 1) онъ прекрасно писалъ, или, лучше сказать, рисовалъ буквы: вслѣдствіе того, всѣ наши грамоты на медали и похвальные листы были переписаны его рукою, что и обѣщаетъ увѣковѣчить его память, по крайнеи мѣрѣ до истлѣнія этихъ листовъ; 2) онъ, по прежнему своему званію, очень недурно пѣлъ, и когда, въ послѣдніе годы нашей лицейской жизни, у насъ сформировался свой хоръ, служилъ нашимъ юношескимъ басамъ очень полезною октавою.

— Нельзя сказать, чтобы внѣшнія политическія событія отвлекли отъ лицея вниманіе высшаго правительства. И въ грозу 1812 г., какъ нынѣ въ грозу 1854-го, только слабодушные впадали въ отчаяніе и съ нимъ въ апатію. Прочіе, всякъ кому былъ дорогъ свой долгъ, сохраняя надежду на Провидѣніе, на внутреннія силы Россіи и на единодушную приверженность великаго русскаго народа къ вѣрѣ и престолу, продолжали дѣйствовать, по силамъ и разумѣнію, на предназначенномъ каждому поприщѣ. Многіе, лишенные возможности нести жизнь свою въ священную брань за отечество, именно въ неусыпномъ исполненіи своихъ обязанностей, какъ бы ничто не разстроилось въ общемъ механизмѣ государства, полагали выраженіе своего патріотизма. Къ числу такихъ принадлежалъ и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Алексѣй Кириллович Разумовскій, по крайней мѣрѣ, сколько намъ замѣтно было въ отношеніи къ лицею. И прежде и послѣ онъ продолжалъ очень часто пріѣзжать къ намъ изъ Петербурга и входить во всѣ подробности, а директоръ его департамента, Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, самъ писатель и переводчикъ Лонгина «о высокомъ», также очень нерѣдко бывалъ въ Царскомъ Селѣ, почасту испытывалъ насъ, задавалъ намъ сочиненія, просматривалъ ихъ и даже не разъ читывалъ, вмѣсто Кошанскаго, лекціи русскаго и латинскаго языка.

— Эффектъ войны 1812 г. на лицеистовъ былъ дѣйствительно необыкновенный. Не говоря уже о жадности, съ которою пожиралась и комментировалась каждая реляція, не могу не вспомнить горячихъ слезъ, которыя мы проливали надъ Бородинскою битвою, выдававшеюся тогда за побѣду, но въ которой мы инстинктивно видѣли другое, и надъ паденіемъ Москвы. Какъ гордился бывало я, видя почти въ каждой реляціи имя генералъ-адъютанта барона Корфа, одного изъ отличнѣйшихъ въ то время кавалерійскихъ генераловъ, и какое взамѣнъ слезъ пошло у насъ общее ликованье, когда французы двинулись изъ Москвы! Впрочемъ, стихи Пушкина:

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались, и пр.

были не поэтическою прикрасою. Весною и лѣтомъ 1812 года почти ежедневно шли черезъ Царское Село войска и насъ особенно поражалъ видъ тогдашней дружины съ крестами на шапкахъ и иррегулярныхъ казачьихъ полковъ съ бородами. Подъ осень насъ самихъ стали собирать въ походъ. Предполагалось, въ опасеніи непріятельскаго нашествія и на сѣверную столицу, перевести лицей куда-то дальше на сѣверъ, кажется въ Архан-

гельскую губернію или въ Петрозаводскъ [1]). Явился Мальгинъ примѣрять намъ китайчатые тулупы на овечьемъ мѣху; но побѣды Витгенштейна скоро возвратили насъ опять къ нашимъ форменнымъ шинелямъ и походъ не состоялся, что, при всемъ нашемъ патріотизмѣ, не оставило насъ нѣсколько подосадовать. Молодежь любитъ перемѣну...

— Баронъ Эльснеръ имѣлъ каѳедру военныхъ наукъ для тѣхъ изъ насъ, которые предназначались въ военную службу. Нѣмецъ родомъ, онъ преподавалъ у насъ свой предметъ по-французски, и хотя свободно владѣлъ этимъ языкомъ, но имѣлъ пресмѣшное произношеніе: fusil у него всегда выходило fisul, и т. п.

Учитель фехтованія Вальвиль, настоящій французъ во всѣхъ отношеніяхъ, былъ очень нами любимъ, хотя успѣхи въ его предметѣ были не велики.

Тепперъ де Фергюзонъ былъ сынъ богатаго, потомъ разорившагося варшавскаго банкира и училъ насъ, въ послѣдній только годъ, не музыкѣ собственно, а лишь только пѣнію. Это было дѣломъ директора Энгельгардта, который хотѣлъ доставить кусокъ хлѣба своему старинному другу. Тепперъ, хорошій учитель пѣнія, хотя самъ безъ всякаго голоса, не только училъ насъ, но и сочинялъ для насъ разные духовные концерты, то-есть большею частію перелагалъ съ разными варіаціями и облегченіями концерты Бортнянскаго. Въ его классѣ соединялись оба курса лицея, старшій и младшій, что̀ иначе ни на лекціяхъ, ни въ рекреаціонное время никогда не бывало. Тепперу же принадлежитъ и музыка извѣстной прощальной пѣсни Дельвига: «Шесть лѣтъ промчалось какъ мечтанье», живущей и теперь еще, черезъ сорокъ почти лѣтъ, въ стѣнахъ лицея. Тепперъ былъ большой оригиналъ, но человѣкъ образованный и пріятный, и намъ очень нравились и его бесѣды и его классы. Онъ былъ женатъ на дочери банкира Северина, родной сестрѣ г-жи Вельо, къ дочери которой Sophie, вышедшей потомъ за генерала Ребиндера, но тогда еще дѣвицѣ, очень благоволилъ императоръ Александръ [2]). Всѣ эти семейства жили постоянно въ Царскомъ Селѣ, и у Теппера былъ тамъ свой домикъ, возлѣ нынѣшней дачи князя Барятинскаго, принадлежащій теперь г-жѣ Липранди (послѣ она вышла за графа Игельстрома). Вечеромъ онъ обыкновенно зазывалъ къ себѣ кого-нибудь изъ насъ, человѣкъ трехъ или четырехъ: пили чай, болтали, пѣли, *музицировали*, и эти простые вечера были намъ чрезвычайно по вкусу.

Учитель танцованія Эбергардъ слѣдовалъ въ хронологическомъ порядкѣ за Гюаромъ и Билье. Обо всѣхъ ихъ сказать много нечего. Первому по времени, Гюару, было кажется лѣтъ 70, когда онъ училъ насъ гавоту,

---

[1]) Педагогическій институтъ былъ на время переведенъ туда съ директоромъ его Энгельгардтомъ. *Я. Г.*

[2]) Императоръ Александръ очень часто бывалъ у г-жи Вельо, но сверхъ того назначались уединенныя свиданія въ Баболовскомъ дворцѣ. Вотъ стихи по этому случаю въ нашей антологіи:

....
Что съ участью твоей, прекрасная, сравнится?
Весь міръ у ногъ его—*здѣсь* у твоихъ онъ ногъ. *М. К.*

минуэту и тому подобнымъ танцамъ своей эпохи; Билье, больше нежели танцами, занимался нашимъ нравственнымъ образованіемъ, разсказывая мальчикамъ скоромные французскіе анекдоты, а Эбергардъ, я думаю, живъ еще и теперь и чуть ли не дотанцовался до высокоблагороднаго чина.

Докторъ Пешель—весельчакъ, старавшійся острить, другъ всего царскосельскаго *бомонда* (хорошъ онъ былъ!), между тѣмъ добрый человѣкъ, о которомъ могли отзываться дурно развѣ только его больные; онъ забавлялъ насъ своими анекдотами, невиннѣйшими нежели французскіе Билье, своими, большею частію неудачными *бонмотами* и уморительнымъ русскимъ языкомъ, а сверхъ того тѣшилъ своими гостинцами изъ латинской кухни, т. е. изъ казенной аптеки. Каждое первое число мѣсяца онъ являлся съ запасомъ дѣвичьей и бабьей кожи, лакрицы и тому подобной гадости, которая однако очень намъ нравилась. При смѣшныхъ сторонахъ нашего эскулапа, въ эпиграммахъ на него, разумѣется, не было недостатка. Самая злая изъ нихъ, кажется Пушкина, родилась по слѣдующему случаю. Одинъ изъ нашихъ *дядекъ*, слѣдственно изъ участниковъ въ надзорѣ за нашею нравственностію, едва 20-тилѣтній Константинъ Сазоновъ, въ два года своей бытности въ лицеѣ совершилъ въ Царскомъ Селѣ и окрестностяхъ шесть или семь убійствъ и былъ схваченъ и заподозрѣнъ въ прежнихъ — только при послѣднемъ, но и то не начальствомъ лицея, а полиціею!! Разумѣется, что когда дѣло обнаружилось, злодѣй былъ преданъ всей карѣ закона; но при этомъ досталось и Пешелю въ слѣдующей домашней нашей расправѣ:

Заутра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ:
Мой другъ! остался я живымъ,
Но былъ ужъ смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель лѣкаремъ моимъ!

Степанъ Степановичъ Фроловъ, отставной артиллеріи подполковникъ, *не* участвовавшій въ кампаніи 1812 года и все-таки претендовавшій на установленную въ память ея серебряную медаль, какими-то судьбами сдѣлался извѣстенъ графу Аракчееву, и по мощному его слову, безъ малѣйшихъ съ своей стороны правъ и предшествій, былъ опредѣленъ къ намъ, во второй уже половинѣ нашего курса, инспекторомъ классовъ и нравственности, а потомъ временно исправлялъ даже и должность директора. Съ претензіями на умъ, на познанія, съ надутою фигурою, не имѣя никакого достоинства и ни малѣйшаго характера, при томъ отчаянный игрокъ, этотъ Фроловъ, послѣ назначенія директоромъ Е. А. Энгельгардта ниспавшій опять въ инспекторы и оставшійся до нашего выпуска, былъ однимъ изъ самыхъ типическихъ лицъ въ пошломъ сборищѣ нашихъ менторовъ. Передѣлавъ постепенно его грубую, но слабую солдатскую натуру на нашъ ладъ, возвысивъ его, такъ сказать, до себя: ибо, когда онъ обтерся немного въ нашемъ обществѣ, то не могъ не почувствовать, что каждый изъ насъ и умнѣе его и болѣе его знаетъ, — мы

обратили его въ совершенное посмѣшище и издѣвались надъ нимъ открыто, ему самому въ лицо. Его нелѣпости и пошлости лучше всего выражены въ слѣдующей національной пѣснѣ, которая пѣлась, если и не передъ нимъ, то по крайней мѣрѣ передъ всѣми гувернерами, потомъ даже и передъ самимъ Энгельгардтомъ:

Ты былъ директоромъ лицея,
Хвала, хвала тебѣ Фроловъ [1])!
Теперь ты ниже сталъ пигмея,
Ты съ Ожаровскимъ [2]) крысъ гоняешь,
Чулкова сказки восхваляешь,
Ты съ Камарашемъ на дуэли,
Ты ищешь друга въ Кокюэлѣ [3]).
Ребята напилися ромомъ,
За то Ѳому [4]) прогнали съ громомъ.
Дѣтей ты ставишь на колѣни [5]),
Отъ графа (*Разумовскаго*) слушаешь ты пени.
Вотъ Гауэншильдъ стучится въ двери,
Фроловъ играетъ роль за....;
Яды (?) австріецъ подпускаетъ,
Фроловъ рукой въ отвѣтъ мотаетъ.
По поведенью мы хлебаемъ [6]),
А все молитву просыпаемъ.
Ты первый ввелъ звонка тревогу
И въ три ряда повелъ насъ къ Богу [7]),
Завелъ въ лицеѣ чай и булки [8]),
Умножилъ классныя прогулки.
Ты подарилъ насъ кислымъ квасомъ,
За ужиномъ мычишь ты басомъ;
На верхъ пускалъ насъ по билетамъ [9]),
Цензуру учредилъ газетамъ;
Швейцара ссорилъ съ юнкерами [10]),
Насъ познакомилъ съ чубуками [11]),

---

[1]) Это былъ общій refrain послѣ *каждаго* стиха, и потому я далѣе его пропускаю.

[2]) Управлявшій до Захаржевскаго Царскимъ Селомъ.

[3]) Одинъ изъ гувернеровъ — французъ, котораго никто изъ насъ терпѣть не могъ, и наконецъ мы заставили его прогнать.

[4]) Дядька, купившій для шалуновъ ромъ.

[5]) Изобрѣтенное имъ наказаніе.

[6]) Фроловъ разсадилъ насъ за столомъ по нумерамъ нашимъ въ поведеніи

[7]) Прежде мы стояли за молитвою въ разсыпную, а онъ установилъ насъ въ три шеренги.

[8]) Т. е. возобновилъ, послѣ сбитня.

[9]) Т. е. въ наши одиночныя комнаты. Прежде мы ходили туда и тамъ занимались свободно, ни у кого не спрашиваясь.

[10]) Съ лейбъ-гусарскими, которыхъ онъ запретилъ пускать въ лицей.

[11]) При Фроловѣ, который цѣлый день курилъ, и изъ насъ многіе стали курить, что̀ имъ не запрещалось. (Все это примѣчанія *М. К.*).

Очистилъ мѣсто Константину [1]),
Левонтья чуть не выгналъ въ спину [2]),
Отъ *насъ* не спишь *за банкомъ* ночи.
Съ людьми изъ всей воюешь мочи.
Предъ париченкомъ [3]) ты въ халатѣ,
Передъ очками [4]) ты въ парадѣ;
Ты въ страхѣ хлопаешь глазами,
Ты острякамъ грозишь тузами.
Нашелъ ты фи́гуру [5]) въ фигурѣ
И умъ въ женѣ, болтушкѣ, дурѣ.
Кадетскихъ хвалишь грамотеевъ [6]),
Твой другъ и баринъ Аракчеевъ;
Французскимъ забросалъ Вальвиля,
Эмилiей зовешь Эмиля [7]).
Медали въ вѣчной ты надеждѣ,
Ты математикомъ былъ *прежде*,
Для мѣстъ съ герольдiей сносился,
Смѣнить Захарова [8]) просился,
Хотѣлъ убить Наполеонку
И безъ штановъ оставилъ Лонку [9]).
Кадетъ сѣкалъ на барабанѣ,
Статьи умножилъ въ Алкоранѣ [10]).
Министръ поздненько спохватился:
Фролова листъ оборотился:
Тебѣ въ лицо поютъ куплеты,
Прими же милостиво это.

Мартынъ Степановичъ Пилецкiй-Урбановичъ — первый, по времени, инспекторъ нашъ: ибо Фроловъ явился только третьимъ — былъ человѣкъ совсѣмъ другого разбора. Съ достаточнымъ образованiемъ, съ большимъ даромъ слова и убѣжденiя, онъ былъ святошею, мистикомъ и иллюминатомъ, который отъ всѣхъ чувствъ обыкновенной человѣческой природы, даже отъ врожденной любви къ родителямъ, старался обратить

---

[1]) Т. е. вышеупомянутому Сазонову, котораго онъ опредѣлилъ дядькою.

[2]) Леонтiй или Людвигъ Камерскiй, изъ поляковъ, любимый нашъ дядька порядочный впрочемъ плутъ, жившiйся на нашъ счетъ.

[3]) Глупый, еще глупѣе Калинича, гувернеръ Эбергардъ, который ходилъ въ рыжемъ парикѣ.

[4]) Энгельгардтъ.

[5]) Такъ онъ всегда выговаривалъ.

[6]) Онъ прежде служилъ при которомъ-то изъ кадетскихъ корпусовъ.

[7]) Фроловъ, въ жизни ничего не читавшiй, воображалъ, по сходству звуковъ, что Эмиль Руссо есть женщина.

[8]) Захаровъ — тогда совѣтникъ царскосельскаго дворцоваго правленiя.

[9]) Имѣнiе его, помнится въ Смоленской губернiи, откуда онъ бѣжалъ при приближенiи Французовъ.

[10]) Въ невѣжествѣ своемъ ссылаясь иногда на Алкоранъ, какъ на законъ нравственности, онъ взваливалъ на бѣднаго Магомета такiе афоризмы, которые тому и въ умъ не приходили. (Прим. 1 — 10 принадлежатъ *М. К.*).

насъ исключительно — къ Богу, и если бы мы долѣе остались въ его рукахъ, непремѣнно сдѣлалъ бы изъ насъ іезуитовъ, или то, что нѣмцы называютъ Kopfhänger. Не знаю, по какому случаю его уволили, но онъ съ своею длинною и высохшею фигурою, съ горящимъ всѣми огнями фанатизма глазомъ, съ кошачьими походкою и пріемами, наконецъ съ жестоко-хладнокровною и ироническою, прикрытою видомъ отцовской нѣжности, строгостію, долго жилъ въ нашей памяти какъ бы какое-нибудь привидѣніе изъ другого міра. Любопытно, что онъ послѣ служилъ слѣдственнымъ приставомъ въ петербургской полиціи и наконецъ, въ 1837 г., за участіе въ мистическихъ изувѣрствахъ извѣстной Татариновой, былъ висланъ изъ столицы и заключенъ въ монастырь. Онъ живъ еще и теперь въ глубокой старости, живетъ опять въ Петербургѣ, почти безъ куска хлѣба и недавно являлся ко мнѣ съ просьбою о пособіи изъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

Преемникъ Пилецкаго, Василій Васильевичъ Чачковъ, совершенно ничтожный и безгласный, только промелькнулъ у насъ, оставивъ очень мало по себѣ воспоминаній. Лѣтъ черезъ 25 послѣ того, онъ все еще былъ только совѣтникомъ Псковской казенной палаты, но теперь вѣроятно давно уже не существуетъ.

Трико, баронъ Сакенъ и Эртель не имѣли никакого къ намъ прикосновенія, состоявъ только при *второмъ*, совершенно, какъ я уже сказалъ, отдѣленномъ отъ насъ курсѣ. Но Алексѣй Николаевичъ Иконниковъ былъ, напротивъ, вмѣстѣ съ Чириковымъ, первымъ по открытіи лицея гувернеромъ нашимъ. Въ этомъ добромъ, благородномъ, умномъ и образованномъ человѣкѣ всѣ хорошія качества подавлялись неодолимою страстію къ вину, доходившею до того, что когда водка переставала уже казаться ему средствомъ довольно возбудительнымъ, онъ выпивалъ залпомъ по цѣлымъ склянкамъ Гофманскихъ капель! Литераторъ и писатель, Иконниковъ сочинялъ для насъ, въ началѣ нашего лицейскаго поприща, небольшія пьесы, которыя разыгрывались нами, съ ширмами вмѣсто кулисъ и въ форменныхъ нашихъ сюртукахъ и мундирахъ, передъ всею царскосельскою публикою. Помню, что въ одной такой пьесѣ, названной кажется «розою безъ шиповъ» и относившейся къ тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, главную роль занималъ нашъ товарищъ Масловъ, но послѣ перваго дѣйствія ему сдѣлалось дурно, и тогда во второмъ продолжалъ за него, безъ всякаго предупрежденія зрителей, самъ сочинитель пьесы, не только съ другою совсѣмъ фигурою и проч., но даже и въ другомъ, партикулярномъ своемъ костюмѣ, а къ тому же и мертвецки пьяный, сбивая всѣхъ другихъ актеровъ, потому что зналъ только главные моменты и не помнилъ ни точныхъ словъ, ни репликъ. Мистифированной публикѣ должно было самой догадаться, что Масловъ и Иконниковъ, въ такихъ разныхъ видахъ,—одно и то же лицо .Добрый и несчастный Иконниковъ оставался у насъ не долго, и куда послѣ дѣлся, не знаю.

Наконецъ Зерновъ и Селецкій-Дзюрдзь, которые, съ титломъ помощниковъ гувернеровъ, стояли почти въ уровень съ дядьками, были подлые и гнусные глупцы, съ такими ужасными рожами и манерами, что никакой порядочный трактирщикъ не взялъ бы ихъ къ себѣ въ половые. Послѣдній

былъ первымъ моимъ наставникомъ въ куреніи; но какъ самъ онъ курилъ отвратительный тютюнъ и ничего другого и мнѣ дать не могъ, то у меня съ первой трубки сдѣлалась такая рвота, что на цѣлые мѣсяцы отбило охоту повторять эти опыты.

— Живо помню праздникъ, данный въ Павловскѣ, по возвращеніи императора Александра изъ Парижа, въ нарочно устроенномъ для того императрицею-матерью при «розовомъ павильонѣ» большомъ залѣ. Сперва былъ балетъ на лугу передъ этимъ павильономъ, гдѣ декораціи образовались изъ живой зелени, а задняя стѣна представляла окрестности Парижа и Монматръ съ его вѣтряными мельницами, работы славнаго декоратора Гонзаго. Потомъ былъ балъ въ сказанной большой залѣ, убранной сверху до низу чудесными розовыми гирляндами — произведеніемъ воспитанницъ Смольнаго монастыря, — тѣми же самыми гирляндами, которыя и теперь еще, старыя и поблеклыя, украшаютъ старую и полуразвалившуюся залу... Нашъ «Агамемнонъ», низложитель Наполеона, миротворецъ Европы, сіялъ во всемъ величіи, какое только доступно человѣку; кругомъ его блестящая молодежь, въ эполетахъ и аксельбантахъ, едва только возвратившаяся изъ Парижа съ самыми свѣжими лаврами, пожатыми не на одномъ только полѣ битвъ, и среди этой пестрой, ликующей толпы счастливая Мать, гордящаяся своимъ Сыномъ и его Россіею... Какъ все это свѣжо еще въ моей памяти, даже до краснаго кавалергардскаго мундира, въ которомъ танцовалъ государь, — и гдѣ все это осталось послѣ сорока лѣтъ!... Насъ, скромныхъ зрителей, привели изъ Царскаго Села полюбоваться этими диковинками, разумѣется, пѣшкомъ. На балетъ мы смотрѣли изъ сада, на балъ — съ окружавшей (и теперь еще окружающей) залу галлереи. Потомъ повели обратно, точно такъ же пѣшкомъ, безъ чаю, безъ яблочка, безъ стакана воды. Еще сохранилась въ моей памяти отъ этого праздника одна, совершенно противуположная сцена, оставившая сильное впечатлѣніе въ моемъ отроческомъ умѣ. Несмотря на нашъ походъ и на присутствіе при праздникѣ все время на ногахъ, мы пробыли тутъ до самаго конца. Когда царская фамилія удалилась, подъѣздъ наполнился множествомъ важныхъ лицъ въ мундирахъ, въ звѣздахъ, въ пудрѣ, ожидавшихъ своихъ каретъ, и для насъ начался новый спектакль — разъѣздъ. Вдругъ изъ этой толпы вельможъ раздается по нѣскольку разъ зовъ одного и того же голоса: «холопъ! холопъ!!!»... Какъ дико и странно звучалъ этотъ кличъ изъ временъ царей съ бородами, въ сравненіи съ тѣмъ утонченнымъ европейскимъ праздникомъ, котораго мы только-что были свидѣтелями!

— Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, начавшій поздно учиться порусски и отъ того, хотя и изучившій этотъ языкъ въ совершенствѣ, но сохранившій въ выговорѣ явные слѣды нѣмецкаго происхожденія, сверхъ того представлявшій и по фигурѣ и по всѣмъ пріемамъ живой типъ нѣмца, или того, что мы называемъ «колбасникомъ», — Кюхельбекеръ, говорю, былъ предметомъ постоянныхъ и неотступныхъ насмѣшекъ цѣлаго лицея за свои странности, неловкости и часто уморительную оригинальность. Длинный до безконечности, притомъ сухой и какъ-то странно извивавшійся всѣмъ тѣломъ, что и навлекло ему этикетъ «глиста», съ экс-

центрическимъ умомъ, съ пылкими страстями, съ необузданною вспыльчивостью, онъ, почти полупомѣшанный, всегда готовъ былъ на самыя «курьезныя» продѣлки и разъ даже, ни съ того, ни съ другого, попробовалъ утопиться, впрочемъ, именно въ такомъ пруду, гдѣ нельзя бы было утонуть и мыши. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ плодовитыхъ нашихъ стихотворцевъ, и хотя въ стихахъ его было всегда странное направленіе и отчасти странный даже языкъ, но при всемъ томъ, какъ поэтъ, онъ едва ли стоялъ не выше Дельвига и долженъ былъ занять мѣсто непосредственно за Пушкинымъ. Послѣ выпуска онъ метался изъ того въ другое, выбралъ наконецъ педагогическую карьеру, былъ преподавателемъ русской словесности въ разныхъ высшихъ заведеніяхъ, издавалъ, вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, журналъ, помнится «Мнемозину» и какъ въ немъ, такъ и въ другихъ продолжалъ печатать свои стихотворныя произведенія. Все это кончилось исторіею 14-го декабря. Кюхельбекеръ, схваченный уже на побѣгѣ, въ Варшавѣ, былъ отправленъ въ крѣпостныя работы въ Свеаборгъ и оттуда на поселеніе въ Сибирь, гдѣ женился на поселянкѣ и недавно умеръ. Сынъ его воспитывается теперь въ одной изъ петербургскихъ гимназій подъ фамиліею Васильева. Впрочемъ, и въ Сибири поэтическій геній его не совсѣмъ умолкалъ, и во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ была напечатана въ одномъ журналѣ присланная имъ оттуда полутрагедія и полудрама въ шекспировскомъ родѣ, подъ заглавіемъ «Кикиморы» — разумѣется, безъ имени автора. Въ лицеѣ, повторяю, онъ былъ мѣтою самыхъ колкихъ эпиграммъ и ни на кого, ни изъ товарищей, ни изъ наставниковъ, не было ихъ столько написано. Вотъ для образца нѣсколько изъ нихъ, не страждущихъ, по крайней мѣрѣ, какъ прочія, непристойностями:

1.

Дамону доказать хотѣлось,
Что правосудье къ чорту дѣлось:
Плутягинъ подъ судомъ;
Хваталкинъ подъ кнутомъ;
Того колесовали,
Того въ Сибирь сослали,
А Клитъ, «Теласко» сочинивъ,
Живъ!

2.

Я дѣло доброе сегодня учинилъ
И радъ тому не мало:
Какой-то подъ угломъ продавецъ горько вылъ,
И какъ не выть? Бумагъ для семги не достало
И не въ чемъ продавать; товаръ межъ тѣмъ гніетъ.
«Утѣшься, я сказалъ, бѣды великой нѣтъ:
Дамонъ поэму издаетъ».

3.

Смотрите,
Тутъ докторъ, здѣсь поэтъ: бѣгите.

4.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

5.

Пегасъ, навьюченный лапландскими стихами,
Натужился — и выскочила «*Зами*»[1]).

— Михайла Ивановичъ Пущинъ, былъ братъ нашего товарища Ивана о которомъ скажу ниже. Михайла служилъ тогда въ гвардейскихъ конныхъ піонерахъ и за свѣдѣніе о заговорѣ 1825 г. былъ разжалованъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ, а бумаги его схвачены слѣдователями и никогда уже не возвращались. Итакъ наши невинные и, правду сказать, очень и неважные журналы, потому что они писались въ первые годы лицея, гніютъ въ какомъ-нибудь секретномъ архивѣ, если не подверглись тогда же истребленію. Самымъ аристократическимъ изъ этихъ листковъ былъ «Неопытное перо», самымъ площаднымъ «Лицейскій Мудрецъ». Иллюстраціи вездѣ были замысловатѣе текста.

— Пушкинъ «читалъ охотно Апулея» — развѣ только въ переводѣ и то во французскомъ, потому что ни другихъ новѣйшихъ, ни тѣмъ болѣе древнихъ, онъ не зналъ[2]).

Сомнѣніе о томъ, не бывалъ ли Пушкинъ, въ пребываніе свое въ лицеѣ, въ Москвѣ, никто лучше бывшихъ его товарищей разрѣшить не можетъ. *Во всѣ шесть лѣтъ* насъ не пускали изъ Царскаго Села не только въ Москву, но и въ близкій Петербургъ, и изъятіе было сдѣлано для двухъ или трехъ, только по случаю и во время тяжкой болѣзни ихъ родителей, да еще, уже для всѣхъ, за нѣсколько дней до выпуска, чтобы снять каждому мѣрки для будущаго своего платья. И въ самомъ Царскомъ Селѣ, въ первые три или четыре года, насъ не выпускали порознь

[1]) Одно изъ его произведеній. *М. К.*

[2]) Извѣстно, что Пушкинъ впослѣдствіи читалъ, по крайней мѣрѣ, Овидія и Горація въ подлинникѣ (см. выше, стр. 65) и выучился англійскому и итальянскому языку. Въ 1834 или 1835 году я встрѣтился съ нимъ въ англійскомъ книжномъ магазинѣ Диксона (въ нынѣшней Казанской, тогда Б. Мѣщанской ул.); онъ при мнѣ отобралъ всѣ новыя сочиненія, касавшіяся Шекспира, и велѣлъ доставить ихъ къ себѣ на домъ. Кстати, прибавлю здѣсь мимоходомъ, что выше, въ одномъ выпущенномъ мною замѣчаніи, авторъ этой записки свидѣтельствуетъ, что вопреки составившемуся какъ-то преданію, Пушкинъ въ дѣтствѣ никогда не былъ бѣлокурымъ, а еще при поступленіи въ лицей имѣлъ темнорусые волосы. *Я. Г.*

даже изъ стѣнъ лицея, такъ что когда пріѣзжали родители или родственники, то ихъ заставляли сидѣть съ нами въ общей залѣ или, при прогулкахъ, бѣгать по саду за нашими рядами. Инспекторъ и гувернеры считались лучшею, нежели родители, стражею для нашихъ нравовъ, а мы видѣли выше, каковы были эти господа! Послѣ все перемѣнилось, и въ свободное время мы ходили не только къ Тепперу и въ другіе почтенные дома, но и въ кандитерскую Амбіеля, а также по гусарамъ, сперва въ одни праздники и по билетамъ, а потомъ и въ будни, безъ всякаго уже спроса, даже безъ вѣдома нашихъ приставниковъ, возвращаясь иногда въ глубокую ночь. Думаю, что иные пропадали даже и на *цѣлую* ночь, хотя со мною лично этого не случалось. Маленькій *тринкгельдъ* швейцару мирилъ все дѣло, потому что гувернеры и дядьки всѣ давно уже спали. Но въ Петербургъ, повторяю, насъ пустили только однажды за мѣрками, хотя не поручусь, чтобы кто-нибудь не ѣзжалъ туда изрѣдка тайкомъ, до такой степени надзоръ былъ слабъ и распущенъ.

— Сколько помню, едва ли много присутствовало «важныхъ государственныхъ лицъ» на нашемъ тогдашнемъ (1815 г.) экзаменѣ. Были извѣстнѣйшіе въ то время профессоры: Лоди, Кукольникъ, Плисовъ; были родители и родственники нѣкоторыхъ изъ насъ; была и обыкновенная царскосельская публика; но вельможъ, кромѣ министра просвѣщенія и Державина, никого у меня не осталось въ памяти [1]).

— Императоръ Александръ былъ при насъ въ лицеѣ всего только *два раза:* при открытіи лицея и при нашемъ выпускѣ. Когда опредѣлили директоромъ Энгельгардта, къ которому государь питалъ въ то время особое благоволеніе и съ которымъ часто разговаривалъ, тогда и новый директоръ и мы, по его словамъ, долго питали надежду на высочайшее посѣщеніе, но она не сбылась. Зато мы очень часто встрѣчали государя въ саду и еще чаще видали его проходящимъ мимо нашихъ оконъ къ дому г-жи Вельо; наконецъ, видѣли его и всякое воскресенье въ придворной церкви, гдѣ для лицея было отведено особое мѣсто за лѣвымъ крылосомъ, впереди остальной публики. Но онъ никогда не говорилъ съ нами, ни въ массѣ, ни съ кѣмъ-либо порознь. Бывало только въ лѣтніе вечера 1816 и 1817 г., при Энгельгардтѣ, когда мы имѣли уже постоянный хоръ и пѣвали у директора на балконѣ [2]), государь подходилъ къ садовой рѣшеткѣ близъ лѣстницы у дворцовой церкви и, облокотясь на нее, слушалъ по нѣскольку минутъ наше пѣніе. И хотя балконъ съ этой стороны былъ задернутъ парусиною, но мы всегда узнавали, черезъ тайныхъ соглядатаевъ, близость государя и бывало тотчасъ начинали пѣть «Боже Царя храни!» по тогдашнему тексту и тогдашней англійской мелодіи.

— Кружокъ, въ которомъ Пушкинъ проводилъ свои досуги, состоялъ изъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка. Вечеромъ, послѣ классныхъ ча-

---

[1]) См. выше, стр. 62 и 83.

[2]) Директоры лицея занимали тотъ домъ, который стоитъ и теперь особнякомъ, однимъ фасомъ къ бывшему зданію лицея, а другимъ къ саду. Тянущійся оттуда длинный низенькій флигель до самой Большой (теперь Средней) улицы, также принадлежалъ лицею: въ немъ жили профессора и помѣщались кухня, баня и другія службы. Часть профессоровъ и гувернеры имѣли квартиры въ самомъ лицеѣ. *М. К.*

совъ, когда прочіе бывали или у директора, или въ другихъ семейныхъ домахъ, Пушкинъ, ненавидѣвшій всякое стѣсненіе, пировалъ съ этими господами на распашку. Любимымъ его собесѣдникомъ былъ гусаръ Каверинъ, одинъ изъ самыхъ лихихъ повѣсъ въ полку [1]).

— Любопытно мнѣніе одного генія о другомъ. Когда вышелъ «Русланъ и Людмила», Сперанскій былъ генералъ-губернаторомъ въ Сибири и вотъ что онъ писалъ (16-го октября 1820 г. изъ Тобольска), по этому случаю, своей дочери, теперь вдовѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Фролова-Багрѣева: «Руслана я знаю по нѣкоторымъ отрывкамъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ замашку и крылья генія. Не отчаивайся; вкусъ придетъ: онъ есть дѣло опыта и упражненія. Самая неправильность полета означаетъ тутъ силу и предпріимчивость. Я также, какъ и ты, замѣтилъ сей метеоръ. Онъ не безъ предвѣщанія для нашей словесности».

— Пожаръ въ лицеѣ былъ въ 1820 г., и слѣдственно не могъ имѣть вліянія на нашъ выпускъ въ 1817 г. Послѣдній былъ ускоренъ четырьмя мѣсяцами противъ опредѣленнаго шестилѣтняго срока по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, — можетъ быть для того, чтобы воспользоваться лѣтнимъ временемъ для необходимаго въ зданіяхъ ремонта.

— Пушкинъ прославилъ нашъ выпускъ, и если изъ 29 человѣкъ одинъ достигъ *безсмертія*, то это, конечно, уже очень, очень много. Но жизнь его была двоякая: жизнь поэта и жизнь человѣка. Біографическіе отрывки, которые мы о немъ имѣемъ, вышли всѣ изъ рукъ или его друзей, или слѣпыхъ поклонниковъ, или такихъ людей, которые смотрѣли на Пушкина черезъ призму его славы и даже, если и знали что-нибудь о моральной его жизни, то побоялись бы раскрыть её передъ публикою, чтобы не быть побіенну литературными каменьями. Я не только воспитывался съ Пушкинымъ въ лицеѣ, но и жилъ потомъ съ нимъ, еще лѣтъ пять, подъ одною крышею, каждый при своихъ родителяхъ, потому зналъ его такъ коротко, какъ мало кто другой, хотя связь наша никогда не переходила за обыкновенную пріятельскую. Начну съ того, что все семейство Пушкиныхъ было какое-то взбалмошное. Отецъ, переживщій сына и очень недавно еще умершій, принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ покойный министръ юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій называлъ *шалберами*, т. е. былъ довольно пріятнымъ собесѣдникомъ, на манеръ старинной французской школы, съ анекдотами и каламбурами, но въ существѣ человѣкомъ самымъ пустымъ, безтолковымъ, безполезнымъ, и особенно безмолвнымъ рабомъ своей жены. Послѣдняя — урожденная *Аннибалъ*, изъ потомства славнаго арапа Петра Великаго — была женщина не глупая, но эксцентрическая, вспыльчивая, до крайности разсѣянная и особенно чрезвычайно дурная хозяйка. Домъ ихъ представлялъ всегда какой-то хаосъ: въ одной комнатѣ богатыя старинныя мебели, въ другой пустыя стѣны, даже безъ стульевъ; многочислен-

---

[1]) *Князь Вяземскій*: «Въ гусарскомъ полку Пушкинъ не *пировалъ* только *на распашку*, но сблизился и съ Чаадаевымъ, который вовсе не былъ гулякою; не знаю, что́ бывало прежде, но со времени переѣзда семейства Карамзиныхъ въ Царское Село, Пушкинъ бывалъ у нихъ ежедневно по вечерамъ. А дружба его съ Ив. Пущинымъ?»

ная, но оборванная и пьяная дворня; ветхіе рыдваны съ тощими клячами, пышные дамскіе наряды и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдывало человѣка два, три лишнихъ, то всегда присылали къ намъ за приборами. Все это перешло и на дѣтей. Сестра поэта Ольга, въ зрѣломъ уже возрастѣ, ушла изъ родительскаго дома и тайно обвѣнчалась — просто изъ романической причуды и не имѣя предъ собою никакихъ существенныхъ препятствій — съ человѣкомъ гораздо ея моложе, но очень мало привлекательнымъ и совершенно прозаическимъ [1]). Братъ Левъ, добрый малый, но также довольно пустой, въ родѣ отца, — воспитывался во всѣхъ возможныхъ заведеніяхъ, переходя изъ одного въ другое чуть ли не каждыя двѣ недѣли, чѣмъ и пріобрѣлъ тогда въ Петербургѣ родъ исторической извѣстности, и, наконецъ, не кончивъ курса ни въ одномъ, бросался изъ военной службы въ статскую, потомъ опять въ военную, потомъ опять въ статскую, служилъ и на Кавказѣ и въ Новороссійскомъ краѣ, и не такъ давно умеръ въ Одессѣ, кажется, членомъ таможни. Внѣшнія судьбы старшаго брата, Александра, нашего поэта, всѣмъ извѣстны. Въ лицеѣ онъ рѣшительно ничему не учился, но какъ и тогда уже блисталъ своимъ дивнымъ талантомъ и, сверхъ того, начальниковъ пугали его злой языкъ и ѣдкія эпиграммы, то на его эпикурейскую жизнь смотрѣли сквозь пальцы, а по окончаніи курса выпустили его въ министерство иностранныхъ дѣлъ коллежскимъ секретаремъ — чинъ, который остался при немъ до могилы [2]). Между товарищами — кромѣ тѣхъ, которые, писавъ сами стихи, искали его одобренія и протекціи — онъ не пользовался особенною пріязнію. Въ лицеѣ, гдѣ всякій имѣлъ свой собрикетъ, прозваніе Пушкина было *Французъ*, а если вспомнить, что онъ получилъ его въ эпоху «нашествія Галловъ», то ясно, что этотъ титулъ заключалъ въ себѣ мало лестнаго [3]). Вспыльчивый до бѣшенства, вѣчно разсѣянный, вѣчно погруженный въ поэтическія свои мечтанія, съ необузданными африканскими страстями, избалованный отъ дѣтства похвалою и льстецами [4]), которые есть въ каждомъ кругу и каждомъ возрастѣ, Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Бесѣды — ровной, систематической, сколько-нибудь связной, у него совсѣмъ не было, какъ не было и дара слова, были только вспышки: рѣзкая острота, злая насмѣшка, какая-нибудь внезапная по-

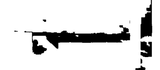
---

[1]) Павлищевъ, служащій теперь въ Варшавѣ. *М. К.*—Этотъ эпизодъ подробно разсказанъ сыномъ покойной Ольги Сергѣевны: см. *Пушкинъ*, г. Бартенева II, 19. *Я. Г.*

[2]) Въ концѣ 1831 или въ началѣ 1832 года Пушкинъ произведенъ былъ въ титулярные совѣтники: см. выше, стр. 161. *Я. Г.*

[3]) *Кн. Вяземскій:* «Если слылъ онъ *французомъ*, то вѣроятно потому, что по первоначальному домашнему воспитанію своему лучше другихъ товарищей своихъ говорилъ по-французски, лучше зналъ французскую литературу, болѣе читалъ французскія книги, самъ писалъ французскіе стихи и проч.; но видѣть тутъ какое-нибудь политическое значеніе — есть предположеніе совершенно произвольное и которое въ лицеѣ, вѣроятно, никому въ голову не приходило».

[4]) *Кн. Вяз.*: «Не думаю, чтобы Пушкинъ былъ издѣтства избалованъ *льстецами*. Какіе могли быть тутъ льстецы?»



этическая мысль; но все это лишь урывками, иногда въ добрую минуту, большею же частію или тривіальныя общія мѣста, или разсѣянное молчаніе [1]). Въ лицеѣ онъ превосходилъ всѣхъ въ чувственности, а послѣ въ свѣтѣ предался распутствамъ всѣхъ родовъ, проводя дни и ночи въ непрерывной цѣпи вакханалій и оргій [2]). Должно дивиться какъ и здоровье и талантъ его выдержали такой образъ жизни, съ которымъ естественно сопрягались и частыя гнусныя болѣзни, низводившія его не разъ на край могилы. Пушкинъ не былъ созданъ ни для свѣта, ни для общественныхъ обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или истинной дружбы. У него господствовали только двѣ стихіи: удовлетвореніе плотскимъ страстямъ и поэзія, и въ обѣихъ онъ — ушелъ далеко. Въ немъ не было ни внѣшней, ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ, и онъ полагалъ даже какое-то хвастовство въ отъявленномъ цинизмѣ по этой части: злыя насмѣшки — часто въ самыхъ отвратительныхъ картинахъ — надъ всѣми религіозными вѣрованіями и обрядами, надъ уваженіемъ къ родителямъ, надъ родственными привязанностями, надъ всѣми отношеніями — общественными и семейными — это было ему ни по чемъ, и я не сомнѣваюсь, что для ѣдкаго слова онъ иногда говорилъ даже болѣе и хуже, нежели въ самомъ дѣлѣ думалъ и чувствовалъ. Ни несчастіе, ни благотворенія императора Николая его не исправили: принимая одною рукою щедрые дары монарха, онъ другою омокалъ перо для злобной эпиграммы! [3]) Вѣчно безъ копейки, вѣчно въ долгахъ, иногда почти безъ порядочнаго фрака, съ безпрестанными исторіями, съ частыми дуэлями, въ близкомъ знакомствѣ со всѣми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкинъ представлялъ типъ самаго грязнаго разврата. Было время, когда онъ получалъ отъ Смирдина по червонцу за стихъ; но эти червонцы скоро укатывались, а стихи, подъ которыми не стыдно бы было подписать имя Пушкина — единственная вещь, которою онъ дорожилъ въ мірѣ — сочинялись не всегда и не легко. При всей наружной легкости этихъ прелестныхъ произведеній, онъ мучился надъ ними по часамъ и суткамъ и въ каждомъ почти стихѣ было безчисленное множество помарокъ. Сверхъ того, онъ писалъ только въ минуты вдохновенія, а такія минуты заставляли ждать себя по мѣсяцамъ. Женитьба нѣсколько его остепенила, но была пагубна для его генія. Прелестная жена, которая

---

[1]) *Кн. Вяз.*: «Былъ онъ *вспыльчивъ*, легко раздраженъ,—это правда, но со всѣмъ тѣмъ онъ, напротивъ, въ общемъ *обращеніи* своемъ, когда самолюбіе его не было задѣто, былъ особенно *любезенъ* и *привлекателенъ*, чтó и доказывается многочисленными пріятелями его. Бесѣды *систематической*, можетъ быть, и не было, но все прочее, сказанное о разговорѣ его,— несправедливо или преувеличено. Во всякомъ случаѣ, не было *тривіальныхъ общихъ мѣстъ*: умъ его вообще былъ здравый и свѣтлый».

[2]) *Кн. Вяз*: «Сколько мнѣ извѣстно, онъ вовсе не былъ *преданъ распутствамъ всѣхъ родовъ*. Не былъ монахомъ, а былъ грѣшенъ какъ и всѣ въ молодые годы. Въ любви его преобладала вовсе не *чувственность*, а скорѣе поэтическое увлеченіе, чтó впрочемъ и отразилось въ поэзіи его».

[3]) *Кн. Вяз.*: «Императору Николаю былъ онъ душевно преданъ». — Чувства Пушкина къ государю выразились въ трехъ извѣстныхъ стихотвореніяхъ: *Стансы*, *Друзьямъ* («Нѣтъ, я не льстецъ») и *Герой*. *Я. Г.*

любила славу своего мужа болѣе для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ, предпочитала блескъ и бальную залу всей поэзіи въ мірѣ и, — по странному противорѣчію, — пользуясь всѣми плодами литературной извѣстности Пушкина, исподтишка немножко гнушалась тѣмъ, что она, свѣтская женщина par exellence — привязапа къ мужу homme de lettres, — эта жена, съ семейственными и хозяйственными хлопотами, привела къ Пушкину ревность и отогнала его музу [1]). Произведенія его, съ тѣхъ поръ, были и малочисленнѣе и всѣ гораздо слабѣе прежняго. Бракъ не принесъ ему счастія, а если бъ онъ не женился, то, можетъ быть, мы и теперь еще восхищались бы плодами его болѣе зрѣлаго генія.

— Иванъ Ивановичъ Пущинъ, со свѣтлымъ умомъ, съ чистою душою, съ самыми благородными намѣреніями, былъ въ лицеѣ любимцемъ всѣхъ товарищей. По выпускѣ онъ поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію; для пылкой души его, жаждавшей безпрестанной пищи, военная служба въ мирное время показалась, однакоже, слишкомъ мертвою и, бросивъ её, кажется, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскія мѣста, сперва въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ, съ намѣреніемъ возвысить и облагородить этотъ родъ службы, которому въ то время не посвящалъ себя еще почти никто изъ порядочныхъ людей. Но излишняя пылкость и ложный взглядъ на средства къ счастью Россіи сгубили нашего любимца. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, вспыхнувшаго 14-го декабря 1825 г., былъ причисленъ ко 2-му разряду преступниковъ, лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ каторгу. По окончаніи же срока, онъ теперь живетъ въ Сибири на поселеніи.

— Князь А. М. Горчаковъ былъ выпущенъ изъ лицея не первымъ а вторымъ. Первымъ былъ Владимиръ Дмитріевичъ Вальховскій. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ сдѣлали несправедливость, единственно, чтобы показать отсутствіе всякаго пристрастія къ имени и связямъ Горчакова. Блестящія дарованія, острый и тонкій умъ, неукоризненное поведеніе, наконецъ самое отличное окончаніе курса безспорно давали ему право на первое мѣсто, хотя товарищи любили его, за нѣкоторую заносчивость и большое самолюбіе, менѣе другихъ. Вальховскій былъ человѣкъ разсудительный, дѣльный, съ большимъ характеромъ и съ желѣзною волею надъ самимъ собою, наконецъ необыкновенно трудолюбивый, добродушный и скромный, за что мы и прозвали его «Sapientia»; но, не получивъ никакого предварительнаго воспитанія, онъ выучился всему, что зналъ, въ лицеѣ, и отъ этого, при самыхъ неимовѣрныхъ усиліяхъ, не могъ достигнуть одинаковыхъ съ Горчаковымъ результатовъ. Послѣднему все давалось легко; первый каждый успѣхъ свой долженъ былъ брать приступомъ. Горчаковъ вышелъ блестящимъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣ-

[1]) *Кн. Вяз.*: «Никакого особеннаго знакомства съ трактирами не было и ничего трактирнаго въ немъ не было, а еще менѣе *грязнаго разврата.* Жена его любила мужа вовсе *не для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ* и нимало не гнушалась тѣмъ, что была женою d'un homme de lettres. Въ ней вовсе не было чванства, да и по рожденію своему принадлежала она высшему аристократическому кругу».

комъ, Вальховскій — на видъ очень обыкновеннымъ, хотя подъ довольно прозаическою корою у него таилось пропасть свѣдѣній, дѣльности и добра. Зато и карьеры ихъ были совершенно различны. Горчаковъ всѣ 37 протекшія до сихъ поръ лѣтъ гражданской нашей жизни провелъ въ дипломаціи, въ которой имя его гремитъ теперь по всей Европѣ. Вальховскій, котораго мы рядомъ съ «Sapientia», звали и «Суворочкою» вышелъ изъ лицея въ военную службу. Онъ поступилъ прямо въ квартирмистрскую часть (называвшуюся тогда *свитою*), былъ съ Мейендорфомъ въ Бухаріи и вообще началъ свое поприще съ большимъ отличіемъ. Исторія 14-го декабря — къ которой, впрочемъ, Вальховскій былъ прикосновенъ только слышанными разговорами — остановила было его ходъ; но, послѣ кратковременнаго заключенія, все опять пошло попрежнему. Онъ былъ посыланъ съ подарками къ Персидскому шаху, участвовалъ въ персидской кампаніи, потомъ въ турецкой въ Малой Азіи и въ послѣдней игралъ даже значительную роль при князѣ Паскевичѣ, пока князь Паскевичъ не возненавидѣлъ его за то именно, что часть успѣховъ и славы полководца относили къ его подчиненному. Наконецъ Вальховскій назначенъ былъ на важный постъ начальника штаба Кавказскаго корпуса и, имѣвъ уже: 4-го Георгія, 1-го Станислава, 3-го Владиміра и персидскаго Льва и Солнца, прежде всѣхъ лицейскихъ получилъ аннинскую ленту. Но когда, въ 1838 г., государь лично посѣтилъ Закавказье и при этомъ открылись разныя злоупотребленія и упущенія со стороны главноуправлявшаго краемъ барона Розена, то монаршій гнѣвъ палъ и на начальника его штаба: Вальховскаго смѣстили — бригаднымъ командиромъ куда-то въ Западныя губерніи; а какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ и подъ начало къ ненавидѣвшему его князю Варшавскому, то нашелся вынужденнымъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, совсѣмъ оставить службу. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ деревнѣ въ Харьковской губерніи рядомъ съ другимъ нашимъ товарищемъ, отставнымъ полковникомъ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго былъ женатъ и умеръ тутъ въ 1841 г., оставивъ послѣ себя одну только дочь [1]).

— Исторія графа Сильвестра Францовича Брогліо была собственно такова: по возстановленіи Бурбоновъ ему, правда, прислали фамильный орденъ Лиліи, который онъ и носилъ въ лицейскомъ мундирѣ, но изъ лицея онъ никогда не уѣзжалъ и оставался съ нами до общаго выпуска, при которомъ вышелъ офицеромъ арміи. Тогда онъ уѣхалъ во Францію, но пэромъ никогда не былъ и, вѣроятно, вскорѣ послѣ того умеръ: ибо никто съ тѣхъ поръ ничего о немъ не слыхалъ. Впрочемъ, личность нашего графа не имѣла ничего интереснаго. Крайне ограниченный въ способностяхъ, притомъ порядочный повѣса и очень вспыльчивый, онъ сталъ при выпускѣ, помнится, послѣднимъ и отличался только тѣмъ, что былъ косоглазъ и лѣвша.

— Исключенный изъ лицея, въ самые еще первые годы, за греческіе вкусы былъ Константинъ Гурьевъ, который служилъ послѣ въ дипломаціи и уже очень давно какъ умеръ.

---

[1]) Очеркъ біографіи Вальховскаго см. выше, стр. 95.

— Публика при выпускныхъ нашихъ экзаменахъ состояла только изъ профессоровъ лицея и кой-какихъ царскосельскихъ жителей второй руки. Даже изъ родителей или родственниковъ нашихъ почти никого тутъ не было. Окончательный экзаменъ нашъ вполнѣ соотвѣтствовалъ образу нашего ученія и надзора за нашею нравственностію. Подобно какъ въ математикѣ, и по большей части другихъ предметовъ сдѣлана была между воспитанниками разверстка опредѣленныхъ ролей, и дурные отвѣты являлись только тогда, когда который-либо изъ профессоровъ сбивался въ своемъ расписаніи, или какой-нибудь лѣнивый ученикъ не хотѣлъ или не умѣлъ затвердить даже *послѣдняго* въ жизни своей урока. Посѣтители же вопросовъ не задавали, по той простой причинѣ, что ихъ не было, а тѣ, которые и были, могли только невѣжественно поклоняться безднѣ нашей фиктивной премудрости, или сами, какъ напримѣръ наши профессора, состояли участниками въ заговорѣ.

— По тогдашнему положенію, чину 10-го класса при выпускѣ соотвѣтствовало званіе арміи офицера, а въ гвардію удостоены были только тѣ, которые равнялись успѣхами и поведеніемъ съ получившими 9-й классъ. Ниже 10-го класса никто у насъ выпущенъ не былъ въ противуположность теперешнему порядку.

— Императоръ Александръ, привѣтствовавшій насъ при вступленіи въ лицей, сопроводилъ и при выпускѣ, но уже не съ царскою фамиліею, не съ многочисленнымъ, какъ при открытіи дворомъ, а одинъ, въ присутствіи лишь преемника графа Разумовскаго, князя А. Н. Голицына. Каждый изъ насъ былъ представленъ царю поименно, и онъ изъ своихъ рукъ роздалъ намъ медали и похвальные листы. Бѣднѣйшимъ изъ выпускныхъ воспитанниковъ дано было единовременное денежное вспомоществованіе въ различныхъ размѣрахъ, всѣмъ же назначено жалованье: титулярнымъ совѣтникамъ по 800 руб., коллежскимъ секретарямъ по 700, разумѣется, ассигнаціями, впредь до поступленія на штатныя мѣста съ высшими окладами. Пушкинъ получалъ его, какъ и всѣ, и получалъ, вѣроятно, очень долго, потому что никогда не занималъ штатнаго мѣста.

Директору нашему смертельно хотѣлось, чтобы государь прослушалъ нашу прощальную пѣснь — эту священную тризну разлуки и обѣтовъ нашей будущей жизни, лучшее что написали Дельвигъ и Тепперъ. Но его желаніе не исполнилось: государь удалился, и мы пропѣли наши «Шесть лѣтъ» передъ самими собою, потому что и Голицынъ ушелъ вслѣдъ за государемъ. Настоящій выпускъ былъ на другой день, т. е. 10-го іюня. Я оставилъ Царское Село невступно 17-ти лѣтъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника и съ прегромкимъ аттестатомъ, въ которомъ только на половину было правды. Двое или трое были еще моложе меня, но большая часть вышла 20-ти, нѣкоторые и далеко за 20 лѣтъ. Многимъ, послѣ профессоровъ, пришлось еще брать уроки у учителей. Иныхъ не научилъ даже и опытъ жизни, и они остались тѣми же дѣтьми лицеистами, хотя безъ волосъ и безъ зубовъ.

— Во время нашей бытности въ лицеѣ не было еще никакого лицейскаго сада, и отведенное послѣ подъ него мѣсто занято было церковною оградою, въ которой дико росло нѣсколько березъ и куда никогда не

ступала наша нога; слѣдственно и памяти тутъ ни чьей не могло быть. Genio loci, au génie du lieu, была просто фантастическая надпись, придуманная романтическимъ Энгельгардтомъ, въ честь невидимаго духа-покровителя этихъ рощей, какого-нибудь воображаемаго Фавна: при чемъ никому и въ мысль не приходилъ Пушкинъ. Лучшее тому доказательство — подобная же надпись, красовавшаяся на подобной же пирамидѣ въ саду при домѣ, который имѣлъ Энгельгардтъ въ Царскомъ Селѣ, задолго еще до назначенія своего директоромъ лицея, когда имени Пушкина не зналъ никто въ мірѣ, кромѣ его товарищей.

II.

Секретныя донесенія о связяхъ между Пушкинымъ и Плетневымъ[1]).

1. Докладная записка дежурнаго генерала Потапова Дибичу, 4-го апрѣля 1826 года.

Поэма Пушкина *Цыганы* куплена книгопродавцемъ Иваномъ Слѣнинымъ и рукопись отослана теперь обратно къ сочинителю для какихъ-то перемѣнъ. Печататься она будетъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ типографіи министерства просвѣщенія.

Коммиссіонеромъ Пушкина по сему предмету надворный совѣтникъ Плетневъ, учитель исторіи въ Военно-Сиротскомъ Домѣ, что за Обуховымъ мостомъ, и тамъ живущій.

О трагедіи *Борисъ Годуновъ* неизвѣстно, когда выйдетъ въ свѣтъ.

2. Записка С.-Петербургскаго генералъ-губернатора П. В. Кутузова 16-го апрѣля 1826 года.

Учитель исторіи въ Императорскомъ Военно-Сиротскомъ Домѣ и россійской словесности въ Пажескомъ корпусѣ, надворный совѣтникъ Плетневъ въ 1810 году поступилъ изъ духовнаго званія въ С.-Петербургскій Педагогическій институтъ студентомъ. Въ 1814 г. опредѣленъ учителемъ въ Военно-Сиротскій Домъ и съ сего времени продолжаетъ въ ономъ службу съ отличнымъ усердіемъ. Онъ женатъ, имѣетъ отъ роду 33 года; поведенія весьма хорошаго, характера тихаго и даже робкаго, живетъ скромно.

Что касается до поемы (sic) г. Пушкина *Цыганы*, то рукопись оной была составлена слѣдующимъ образомъ: служащій въ Департаментѣ На-

---

[1]) За сообщеніе этихъ любопытныхъ документовъ я обязанъ уважаемому изслѣдователю въ области новой русской исторіи, недавно избранному въ члены Академіи Наукъ, Н. Ѳ. Дубровину.

роднаго Просвѣщенія родной братъ Пушкина, при свиданіи съ нимъ, читалъ сію поему, выучилъ оную наизусть; потомъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, написалъ ее съ памяти и отдалъ книгопродавцу Сленину для напечатанія, а сей отослалъ уже оную къ автору для поправки стиховъ и смысла, но рукопись еще обратно не получена.

Относительно трагедіи *Борисъ Годуновъ* извѣстно, что Пушкинъ писалъ къ Жуковскому, что оная не прежде имъ выдана будетъ въ свѣтъ, какъ по снятіи съ него запрещенія въѣзжать въ столицу.

Г. Плетневъ особенныхъ связей съ Пушкинымъ не имѣетъ, а знакомъ съ нимъ какъ литераторъ. Входя въ бѣдное положеніе Пушкина, онъ по просьбѣ его отдаетъ по коммиссіи на продажу напечатанныя его сочиненія, и вырученныя деньги или купленныя на нихъ книги и вещи пересылаетъ къ нему.

3. Письмо Дибича къ С.-Петербургскому генералъ-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, отъ 23-го апрѣля 1826 года.

По докладу моему отношенія вашего превосходительства, что *надворный* совѣтникъ Плетневъ особенныхъ связей съ Пушкинымъ не имѣетъ и знакомъ съ нимъ только какъ литераторъ, Государю Императору угодно было повелѣть мнѣ, за всѣмъ тѣмъ, покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, усугубить возможное стараніе узнать достовѣрно, по какимъ точно связямъ знакомъ Плетневъ съ Пушкинымъ и беретъ на себя ходатайство по сочиненіямъ его, и чтобъ ваше превосходительство изволили приказать имѣть за нимъ ближайшій надзоръ.

III.

Изъ переписки между товарищами Пушкина.

Къ числу товарищей Пушкина, сдѣлавшихъ, какъ говорится, блестящую карьеру, принадлежалъ Сергѣй Григ. Ломоносовъ. Поступивъ на службу въ «иностранную коллегію», онъ скоро получилъ мѣсто секретаря нашего посольства въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ впослѣдствіи самъ достигъ званія посланника, а окончательно занялъ тотъ же постъ въ Нидерландахъ.

1. **Письмо Серг. Григ. Ломоносова къ Комовскому изъ Вашингтона, отъ іюня 1820 г.** (получено 30 августа).

Сегодня получилъ я, любезный Комовскій, дружеское письмо твое отъ 2-го марта, на которое спѣшу отвѣчать наскоро. Радуюсь сердечно, что ты доволенъ службою, а что лучше, судьбою. Дай Богъ всѣмъ лицейскимъ

счастья: благополучіе одного простирается на всѣхъ. Я не могу жаловаться на судьбу свою, доволенъ совершенно своимъ начальникомъ, который способствуетъ, сколько ему возможно, содѣлать пребываніе мое въ здѣшнемъ краѣ пріятнымъ и полезнымъ. Съ другой стороны имѣю случай удовлетворить природное любопытство и пріобрѣсть новыя идеи отъ обозрѣнія всего здѣсь достопамятнаго. Съ декабря мѣсяца жилъ я въ Вашингтонѣ, и хотя соскучился въ ономъ отъ недостатка хорошаго общества и лишенія всѣхъ удовольствій, изобилующихъ въ городахъ европейскихъ, но имѣлъ случай изслѣдовать ходъ здѣшняго правительства, о которомъ трудно имѣть ясное понятіе, не видѣвши онаго съ близи. Красны бубны за горами! Представительный образъ правленія имѣетъ болѣе неудобностей, нежели полагаютъ сочинители конституцій, которыя вошли въ такую моду въ Европѣ. Чтó хорошо на бумагѣ или по теоріи,— трудно, часто невозможно въ исполненіи.

Ты желаешь имѣть извѣстія о здѣшнихъ ученыхъ обществахъ и богоугодныхъ заведеніяхъ. На досугѣ постараюсь собрать надлежащія свѣдѣнія и удовлетворить твоему любопытству. Скажу тебѣ вообще, что богоугодныя заведенія довольно въ хорошемъ состояніи, особенно сличая оныя съ нашими. Но замѣчено, что преступники наслаждаются въ тюрьмахъ слишкомъ хорошимъ содержаніемъ. Заключеніе не служитъ имъ наказаніемъ и многіе празднолюбцы находятъ свой расчетъ проводить время въ смирительныхъ домахъ, гдѣ они на всемъ готовомъ. Отъ сего мягкосердія происходятъ пагубнѣйшія слѣдствія. Заключеніе, вмѣсто того, чтобы исправить нравственность преступниковъ, поощряетъ ихъ къ новымъ преступленіямъ. Извѣстно, что со времени введенія въ Соединенныхъ Штатахъ сей системы мягкосердія число преступленій увеличилось невѣроятнымъ образомъ.

Прощай, любезный другъ: спѣшу, какъ ты видишь. Въ другой разъ на свободѣ побесѣдую съ тобой. Поклонись всѣмъ лицейскимъ, и не забудь напомнить обо мнѣ въ Царскомъ [1]). Поклонись любезнѣйшему Сергѣю Гавриловичу [2]).

Весь твой
С. Ломоносовъ.

Ты у меня просилъ бездѣлицу на память: посылаю тебѣ медаль Вашингтона. Не пишу къ Матюшкину за недостаткомъ времени.

2. Письмо Кюхельбекера къ Комовскому, отъ 17 февраля 1823 г. изъ села Закупа.

Другъ мой, Сергѣй Дмитріевичъ! Твое милое письмо отъ 1-го февраля меня очень обрадовало, хотя ты и называешь планы мои планами сумасбродной мечтательности. Ты ихъ не знаешь: итакъ не суди о томъ, чего не знаешь; самого меня ты помнишь только прежняго; я во многомъ, многомъ перемѣнился. Но ссориться, любезный мой, за одно или два выра-

---

[1]) Т. е. Энгельгардту и его семейству.
[2]) Лицейскому гувернеру и учителю рисованія Чирикову.

женія слишкомъ жесткія отнюдь не стану съ тобою, потому что люблю тебя и вижу, что и ты принимаешь во мнѣ нелицемѣрное участіе. Помни только, добрый Коновскій, audiatur et altera pars — особенно pars infelix. — Pour votre second reproche que je suis l'ami de tout le monde, ma foi! — какъ говаривалъ товарищъ нашъ Тырковъ — ma foi! я никогда не полагалъ, чтобъ я могъ заслужить упрекъ сей. Но еще разъ: не хочу и не стану ссориться съ тобою. — Благодарю тебя отъ всей души за письмо твое и за дружескій совѣтъ служить въ Москвѣ при такомъ начальникѣ, каковъ князь Голицынъ. Но comment faire? — Caput atro carbone notatum, безъ связей, безъ всякихъ знакомствъ, въ Москвѣ, безъ денегъ! Егоръ Антоновичъ писалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ другое мѣсто, которое, конечно, также трудно получить, но не невозможно. Впрочемъ и твое письмо для меня можетъ быть полезнымъ: если не удастся о чемъ Энгельгардтъ для меня старается, поѣду на удачу въ Москву: авось судьба перестанетъ меня преслѣдовать! Мысль же къ тому будетъ подана мнѣ тобою, и твоему сердцу, конечно, будетъ пріятно, если ты будешь первою отдаленною причиною перемѣны моего жребія! — Что говоришь ты мнѣ о женитьбѣ, сильно, другъ мой, на меня подѣйствовало: вѣрь, и мнѣ наскучила бурная, дикая жизнь, которую велъ доселѣ по необходимости. Тѣмъ болѣе, что скажу тебѣ искренно, сердце мое не свободно, и я любимъ — въ первый разъ — любимъ взаимно. Mais cela vous ne direz pas à mes parents: je ne veux pas que cette nouvelle leur cause de nouvelles inquiétudes.

Твое письмо, милый мой Сергѣй Дмитріевичъ, я перешлю Энгельгардту: онъ взялся устроить мое счастіе: и послѣ отеческаго письма, которое писалъ онъ ко мнѣ, не хочу имѣть для него никакой тайны. Пусть онъ судитъ о твоемъ проектѣ и рѣшитъ между нимъ и собственнымъ. Но надѣюсь, что ты похлопочешь, чтобъ онъ мнѣ обратно переслалъ твое братское посланіе: оно для меня слишкомъ дорого и не хочу потерять его. Обнимаю и цѣлую тебя.

Вѣрный другъ и товарищъ твой
Вильгельмъ.

NB. Получили ли вы въ С.-Петербургѣ мою трагедію [1]) и что объ ней говоритъ Дельвигъ? Напиши мнѣ это, сдѣлай милость!

IV.

Письмо дамы высшаго круга о смерти Пушкина [2]).

Nous avons tous été si douloureusement atterrés de la catastrophe sanglante qui a terminé la glorieuse carrière de Pouchkine, que pendant une

[1]) *Шекспировы духи.* См. *Соч. Пушк.* VII, стр. 166 и 168.

[2]) Письмо это писано вскорѣ послѣ рокового событія покойною княгиней Ек. Ник. Мещерской (дочерью Н. М. Карамзина). Оно было сообщено мнѣ ею самою въ 60-хъ годахъ.

dizaine ou une quinzaine de jours, à la lettre, *мы не могли опомниться*, et nos têtes comme nos coeurs ne pouvaient s'ouvrir à autre chose qu'à l'idée des tortures morales qui ont précédé cette fin tragique, et aux sentiments d'admiration, d'attendrissement et de douleur dont la mort si belle, si calme, si chrétienne et si poétique de Pouchkine a rempli l'âme de tous ses amis. Depuis le jour de mon arrivée ici, j'ai été frappée constamment de son état fiévreux et de l'espèce de contraction qui crispait sa physionomie et tout son être dès qu'il se trouvait en présence de son meurtrier actuel. Le contact continuel d'un monde malveillant, avide de scandale et de caquets, prodigue de commérages injurieux et de propos blessants, joint aux assiduités doublement coupables de Dantès depuis qu'il avait acheté l'impunité de ses torts passés par son incompréhensible mariage avec la belle-soeur de Pouchkine, toute cette grêle de dards lancés contre une organisation de feu, une âme loyale, fière, passionnée, a allumé un incendie que le vil sang de son ennemi ou son noble sang à lui pouvaient seuls éteindre. Sa conduite pendant ce duel fatal et jusqu'à son dernier soupir a été héroïque au dire même du Français qui a servi de second à Dantès, et qui, en racontant cette affaire, a ajouté: «Pouchkine seul s'est montré sublime pendant le duel, il a fait preuve d'un calme et d'un courage surhumains». Rapporté mourant chez lui, il n'a pas douté un instant de sa fin prochaine, et au milieu des plus atroces tortures physiques (qui ont fait frissonner même la vieille et insensible expérience d'Arendt), il n'a pensé qu'à sa femme et à la douleur qu'il lui causait. Entre chaque reprise de souffrances aigües, il l'appelait, la consolait, il lui répétait qu'elle était innocente de sa mort, et que jamais un instant il ne lui avait retiré ni sa confiance ni son amour. Il a rempli ses devoirs de chrétien avec une onction et une profondeur de sentiment qui ont édifié jusqu'à son vieux confesseur, qui a répondu à quelqu'un qui l'interrogeait à ce sujet: *Я старъ, мнѣ уже не долго жить, на что мнѣ обманывать? Вы можете мнѣ не вѣрить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой онъ имѣлъ.* En prenant congé de ses amis, qui tous entouraient son lit en sanglotant, il a dit: *Карамзиныхъ здѣсь нѣтъ?* On a fait tout de suite chercher Mme Карамзинъ, qui est arrivée au bout de quelques instants. En la voyant il lui a dit d'une voix faible, mais distincte: *Благословите меня*, et comme elle le bénissait de loin, il lui a fait signe d'approcher, il a baisé sa main. Il a demandé ses quatre enfants, qu'il a bénis l'un après l'autre; enfin, dix minutes avant d'avoir rendu le dernier soupir, comme il sentait le froid de la mort pénétrer peu à peu ses membres, il a dit: *Все кончено*, et comme on n'avait pas compris ce qu'il voulait dire, un de ses amis lui a demandé: *Что кончено?* — *Жизнь кончена*, a-t-il répondu avec une voix claire et distincte. Quelques instants après, sa tête s'est penchée, ses yeux se sont fermés, et son dernier souffle s'est exhalé sans effort et sans contraction. Lorsque ses amis et sa malheureuse femme se sont précipités sur son corps sans vie, ils ont été frappés de l'expression auguste et solennelle de sa physionomie. Un sourire de bonheur et d'ineffable sérénité errait encore sur ses lèvres, et sur son front siégeait le calme de la douce gravité d'une espérance sublime réalisée. Pendant

les trois jours que son corps a été exposé à la maison, une foule de tous les âges et de toutes les conditions roulait sans interruption ses flots bigarrés jusqu'au pied de son cercueil. Femmes, vieillards, enfants, écoliers, hommes du peuple, les uns vêtus de *тулупы*, les autres même de haillons, venaient saluer les restes du poëte chéri de la nation. C'était touchant à voir ces hommages plébéiens, tandis que nos salons dorés et nos boudoirs parfumés ont à peine donné une pensée ou un regret à sa courte et brillante carrière. Quelques-uns même ont retenti d'injurieuses epithètes et d'imprécations à la mémoire d'une gloire nationale et d'un mari victime de son honneur et sublime de courage, pour vanter la conduite chevaleresque d'un vil séducteur et d'un aventurier *à trois patries* et *à deux noms*. Allez, après cela, attacher du prix à l'opinion publique, ou au moins à l'opinion de notre société — elle jette de la boue à ce qui devrait faire sa gloire et s'exalte sur un amas de crotte qui finira par l'éclabousser. J'ai été tout ce temps tous les jours chez la femme, d'abord parce que j'éprouvais une espèce de douceur à rendre cet hommage à la mémoire de Pouchkine, et puis parce qu'en effet le sort de cette jeune femme, à force d'être douloureux, mérite toutes les sympathies. Au fond, elle n'a été coupable que d'une excessive légèreté et d'une fatale sécurité ou insouciance, qui lui faisait fermer les yeux aux combats et aux tortures auxquels son pauvre mari était en proie. Elle n'a jamais failli à l'honneur, mais sans s'en douter elle a déchiré longuement, éternellement l'âme susceptible et bouillante de Pouchkine: maintenant que le malheur a dessillé ses yeux, elle ne le sent que trop, et ses remords sont quelquefois déchirants. Dieu veuille que ses souffrances actuelles soient un baptême régénérateur et expiatoire pour son âme. En somme, elle n'a fait que ce que font tous les jours beaucoup de nos dames brillantes, qui n'en sont pas moins bien accueillies pour cela; mais elle a mis moins d'art qu'elles à dissimuler la coquetterie, et surtout elle n'a pas su comprendre que son mari était d'une autre trempe que les faibles et complaisants maris de ces dames.

Переводъ:

«Мы были такъ жестоко потрясены кровавымъ событіемъ, положившимъ конецъ славному поприщу Пушкина, что дней десять или недѣли двѣ буквально не могли опомниться и ни умомъ, ни сердцемъ не были доступны ничему, кромѣ мысли о нравственныхъ мукахъ, предшествовавшихъ катастрофѣ, – кромѣ чувствъ удивленія, грусти и скорби, которыя эта прекрасная, тихая, христіанская и поэтическая кончина внушала всѣмъ друзьямъ Пушкина. Съ самаго моего пріѣзда я была поражена лихорадочнымъ его состояніемъ и какими-то судорожными движеніями, которыя начинались въ его лицѣ и во всемъ тѣлѣ при появленіи будущаго его убійцы. Необходимость безпрерывно вращаться въ неблаговолящемъ свѣтѣ, жадномъ до всякихъ скандаловъ и пересудовъ, щедромъ на обидныя сплетни и на язвительные толки; затѣмъ вдвойнѣ преступное ухаживанье Дантеса послѣ того, какъ онъ достигъ безнаказанности своего прежняго поведенія непонятною женитьбой на невѣсткѣ

Пушкина,—вся эта туча стрѣлъ, направленныхъ противъ огненной организаціи, противъ честной, гордой и страстной его души произвела такой пожаръ, который могъ быть потушенъ только подлою кровью врага его или же собственною его благородною кровью. Во все время роковой дуэли и до послѣдняго вздоха онъ велъ себя геройски по свидѣтельству самого француза, бывшаго секундантомъ Дантеса и который, разсказывая про это дѣло, говорилъ: «Одинъ Пушкинъ былъ на этой дуэли изумительно высокъ, онъ выказалъ не человѣческое спокойствіе и мужество». Когда его привезли домой умирающимъ, онъ ни на минуту не усомнился въ неминуемости близкой смерти и посреди самыхъ ужасныхъ физическихъ страданій (заставившихъ содрогнуться даже привычнаго къ подобнымъ сценамъ Арендта), Пушкинъ думалъ только о женѣ и о томъ, что она должна была чувствовать по его винѣ. Въ каждомъ промежуткѣ между приступами мучительной боли онъ ее призывалъ, старался утѣшить, повторялъ, что считаетъ ее неповинною въ своей смерти и что никогда ни на минуту не лишалъ ее своего довѣрія и любви. Онъ исполнилъ долгъ христіанина съ такимъ благоговѣніемъ и такимъ глубокимъ чувствомъ, что даже престарѣлый духовникъ его былъ тронутъ и на чей-то вопросъ по этому поводу отвѣчалъ: «Я старъ, мнѣ уже не долго жить, на что мнѣ обманывать? Вы можете мнѣ не вѣрить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой онъ имѣлъ».

«Прощаясь съ друзьями, которые рыдая стояли у его одра, онъ спросилъ: «Карамзиныхъ здѣсь нѣтъ?» Тотчасъ же послали за Е. А. Карамзиной, которая черезъ нѣсколько минутъ и пріѣхала. Увидѣвъ ее, онъ сказалъ слабымъ, но явственнымъ голосомъ: «Благословите меня»; когда же она благословила его издали, онъ знакомъ попросилъ ее подойти и поцѣловалъ ея руку. Потомъ онъ потребовалъ четверыхъ дѣтей своихъ и благословилъ одного за другимъ; наконецъ, минутъ за десять до неизбѣжнаго исхода, чувствуя распространявшійся по членамъ его холодъ смерти, онъ сказалъ: «Все кончено». Не разслышавъ этихъ словъ, кто-то спросилъ: «Что кончено?»—«Жизнь кончена», отвѣчалъ онъ совершенно внятно и ясно. Черезъ нѣсколько минутъ голова его опустилась, глаза сомкнулись и послѣдній вздохъ вылетѣлъ свободно, безъ всякаго судорожнаго напряженія. Когда друзья и несчастная жена устремились къ бездыханному тѣлу, ихъ поразило величавое и торжественное выраженіе лица его. На устахъ сіяла улыбка, какъ будто отблескъ несказаннаго спокойствія, на челѣ отражалась тихое блаженство осуществившейся святой надежды. Въ теченіе трехъ дней, въ которые тѣло его оставалось въ домѣ, множество людей всѣхъ возрастовъ и всякаго званія безпрерывно тѣснилось пестрою толпой вокругъ его гроба. Женщины, старики, дѣти, ученики, простолюдины въ тулупахъ, а иные даже въ лохмотьяхъ, приходили поклониться праху любимаго народнаго поэта. Нельзя было безъ умиленія смотрѣть на эти плебейскія почести, тогда какъ въ нашихъ позолоченныхъ салонахъ и раздушенныхъ будуарахъ едва ли кто-нибудь думалъ и сожалѣлъ о краткости его блестящаго поприща. Слышались даже оскорбительные эпитеты и укоризны, которыми поносили память славнаго поэта и несчастнаго супруга, съ изумительнымъ мужествомъ

принесшаго свою жизнь въ жертву чести, и въ то же время раздавались похвалы рыцарскому поведенію гнуснаго обольстителя и проходимца, у котораго было *три отечества* и *два имени*. Можно ли послѣ этого придавать цѣну общественному мнѣнію или, по крайней мѣрѣ, мнѣнію нашего общества, бросающаго грязью въ то, что составляетъ его славу, и восхищающагося слякотью, которая его же запачкаетъ своими брызгами. Я все это время была каждый день у жены покойнаго, во-первыхъ потому, что мнѣ было отрадно приносить эту дань памяти Пушкина, а во вторыхъ, потому что печальная судьба этой молодой женщины въ полной мѣрѣ заслуживаетъ участія. Собственно говоря, она виновна только въ чрезмѣрномъ легкомысліи, въ роковой самоувѣренности и безпечности, при которыхъ она не замѣчала той борьбы и тѣхъ мученій, какія выносилъ ея мужъ. Она никогда не измѣняла чести, но она медленно, ежеминутно терзала воспріимчивую и пламенную душу Пушкина; теперь, когда несчастье раскрыло ей глаза, она вполнѣ все это чувствуетъ и совѣсть иногда страшно ее мучитъ. Дай Богъ, чтобы нынѣшнія страданія послужили для души ея источникомъ возрожденія и искупительною жертвой. Въ сущности она сдѣлала только то, что ежедневно дѣлаютъ многія изъ нашихъ блистательныхъ дамъ, которыхъ однакожъ изъ-за этого принимаютъ не хуже прежняго; но она не такъ искусно умѣла скрыть свое кокетство, и, что̀ еще важнѣе, она не поняла, что ея мужъ былъ иначе созданъ, чѣмъ слабые и снисходительные мужья этихъ дамъ».

V.

Два стихотворенія.

1.

ЦАРСКОЕ СЕЛО [1]).

(1860).

Какъ чуденъ ты, пріютъ царей,
Въ красѣ садовъ твоихъ зеленыхъ
И ихъ озеръ и лебедей
Вокругъ чертоговъ золоченыхъ!
Но отчего жъ души моей
Знакомый видъ не услаждаетъ
И весь твой блескъ волшебный въ ней
Одно унынье пробуждаетъ?
Брожу съ невольною тоской
Я по тропамъ уединеннымъ,

---

[1]) Напечатано въ *Русской Бесѣдѣ* 1860 г.

Когда-то славною стопой
Екатерины освященнымъ.
Стоите вы на зло годамъ,
Столпы, воздвигнутые ею
Во славу доблестнымъ вождямъ;
Предъ вами я благоговѣю,
Но мыслью грустною смущенъ:
Ищу, гдѣ памятникъ тотъ славный,
Который былъ сооруженъ
Другою волею державной, —
Вашъ младшій братъ, тотъ храмъ наукъ,
Который здѣсь задумалъ мирно
Екатерины кроткій внукъ?
Своей имперіи обширной
Здѣсь онъ готовилъ новый свѣтъ
Подъ кровомъ самаго престола,
Чтобъ легче въ ней изгладить слѣдъ
Невѣдѣнья и произвола.
Гдѣ жъ этотъ храмъ, гдѣ нашъ лицей?
Тамъ въ тишинѣ, вблизи къ природѣ
Семья веселая друзей
Росла и зрѣла на свободѣ.
Какъ дружно мы, рука съ рукой,
Шли къ предназначенной намъ цѣли!
Какой любовію святой
Мы всѣ къ прекрасному горѣли!
Какъ вѣрный сынъ родной земли
Хранитъ отцовскія сказанья,
Мы какъ святыню берегли
Лицея милыя преданья,
И въ нихъ, какъ дорогой завѣтъ,
Сіялъ намъ образъ величавый:
То былъ безсмертный нашъ поэтъ
Въ лучахъ своей грядущей славы.
Тамъ отрокомъ игралъ онъ, тамъ
Онъ росъ какъ богатырь народный
Не по годамъ, а по часамъ,
А съ нимъ и стихъ его свободный.
Подъ сѣнью тѣхъ садовъ густыхъ,
Надъ тѣми свѣтлыми водами
Впервые чудный этотъ стихъ
Пропѣтъ былъ вѣщими устами.
Казалось, тамъ, гдѣ нашъ поэтъ
Прошелъ когда-то вдохновенный,
Не исчезалъ горячій слѣдъ,
Его ногой напечатлѣнный,
И въ тайномъ шорохѣ аллей

Еще жило какъ будто эхо
Его пророческихъ рѣчей,
Его ребяческаго смѣха.

И что же? Тамъ гдѣ цвѣлъ лицей
И жизнію кипѣлъ когда-то,
Гдѣ намъ давно-минувшихъ дней
Воспоминанье было свято, —
Теперь и пусто и мертво:
Въ родныхъ стѣнахъ не сохранилось
Отъ жизни прежней ничего.
Тѣнь Александра омрачилась!
Среди дряхлѣющихъ дворцовъ
Забытый храмъ стоитъ уныло
Безъ алтаря и безъ жрецовъ,
Какъ бы скорбя о томъ, что *было!*

2.

ПАМЯТИ ПУШКИНА.

(Въ день пятидесятилѣтія лицея, 19 октября 1861 года) [1]).

Живемъ мы, дюжинные люди,
А генія давно ужъ нѣтъ,
И рвется тяжкій вздохъ изъ груди
При мыслѣ о тебѣ, поэтъ!

Какъ скромный пиръ нашъ былъ бы громокъ,
Когда бъ тебя въ своемъ дому
Сегодня встрѣтилъ твой потомокъ
И руку бъ ты пожалъ ему!

Но многіе ль на зовъ лицея
И изъ товарищей твоихъ,
Душою снова молодѣя,
Сошлися въ память дней былыхъ?

О сколькихъ дѣдовъ, сколькихъ братій
Ужъ смерти ранній зовъ увлекъ
Изъ нашихъ дружескихъ объятій,
И сколькихъ жизненный потокъ!

---

[1]) Авторъ занималъ въ то время каѳедру русской словесности въ Александровскомъ лицеѣ. — Напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1861 г.

И повторимъ мы стихъ поэта:
Кто не пришелъ? кого изъ насъ
Увлекъ мертвящій холодъ свѣта?
И чей умолкъ навѣки гласъ?

Онъ не пришелъ, пѣвецъ нашъ славный,
На нашъ полустолѣтній пиръ,
Чтобъ новой пѣснію заздравной
Вдругъ огласить весь русскій міръ.

О, какъ бы шли ему сѣдины!
Какъ былъ бы ясенъ и глубокъ
Подъ ними взоръ его орлиный
И строгихъ думъ полетъ высокъ!

Какъ въ нашу странную эпоху,
Гдѣ вмѣстѣ съ жаждою добра
Мы видимъ мыслей суматоху,
Недостаетъ его пера!

Какъ онъ умѣлъ бы мѣткимъ словомъ
То разъяснить благую цѣль,
То въ пустозвонѣ безтолковомъ
Щелчкомъ разсѣять блажь и хмель;

Смирить надменнаго невѣжду,
Лжеца позоромъ заклеймить,
Иль у глупца отнять надежду
Законы міра измѣнить.

И въ пробужденный духомъ вѣка
Животрепещущій вопросъ:
Раба возвысить въ человѣка —
Какъ много свѣта онъ бы внесъ!

Но своенравенъ пылкій геній,
И страсть, источникъ огневой
Мятежныхъ сердца треволненій,
Грозила Пушкину бѣдой:

Властитель вдохновенный слова,
Онъ съ жизнію не совладалъ,
И отъ удара рокового
Какъ дубъ, сраженный молньей, палъ.

Одною съ нимъ судьбой отмѣченъ
Былъ имъ прославленный лицей:
Онъ былъ, какъ ты, недолговѣченъ,
Пѣвецъ его начальныхъ дней!

Другой лицей теперь пирует
Въ другихъ стѣнахъ; но помнитъ онъ
Все то, что прежній знаменуетъ;
Твоей онъ славой осѣненъ.

Благослови же, гость незримый,
Но здѣсь въ сердцахъ у всѣхъ живой,
Еще разъ твой лицей родимый,
И старый вмѣстѣ, и младой!

Благослови, чтобъ цвѣлъ онъ сѣнью
Живой науки и труда,
Чтобъ скука съ праздностью и лѣнью
Ему осталася чужда;

Чтобъ старой жизни новой вѣтвью
Въ немъ молодежь для дѣлъ росла
И обновленному столѣтью
Плоды сторицей принесла!

ПРИМѢЧАНІЯ, ДОПОЛНЕНІЯ, ПОПРАВКИ.

стр.

1. Эта статья первоначально появилась въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1887 г.; самая же рѣчь, читанная мною въ лицеѣ, напечатана, вмѣстѣ съ рѣчами гг. Жданова и Гаевскаго, въ лицейской брошюрѣ: *Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина*, Спб. 1887 г.

2. Въ то время Фотій Петр. Калиничъ былъ, собственно говоря, гувернеромъ въ лицейскомъ пансіонѣ, но онъ училъ чистописанію и въ лицеѣ.

3. Выражаясь точнѣе, Пешель былъ родомъ словакъ изъ Моравіи. Это происхожденіе отражалось въ его русской рѣчи: вмѣсто *кто*, напр., онъ всегда говорилъ *кдо*.

— Слѣдовало бы по настоящему писать: *Вольховскій*.

6. О числѣ воспитанниковъ, поступившихъ въ лицей изъ московскаго университетскаго пансіона, а равно объ изданіи *Утренней Зари*, точнѣйшее свѣдѣніе см. на стр. 42.

7. Впрочемъ еще моложе Пушкина былъ баронъ Корфъ, родившійся 11 сентября 1800 г.; по словамъ же самого Модеста Андреевича, и онъ былъ не самымъ младшимъ.

20. Первоначально я, въ лицейской моей рѣчи (см. брошюру: *29 января 1887 года* и проч.), отнесъ было къ кн. Горчакову стихи:

> А ты, красавецъ молодой,
> Сіятельный повѣса,

согласно съ указаніемъ г. Ефремова въ глазуновскомъ изданіи Пушкина, но въ изданіи лит. фонда правдоподобнѣе объясненіе г. Морозова, что они относятся къ гр. Брольо. Едва ли могъ Пушкинъ назвать Горчакова повѣсою, тогда какъ это названіе очен шло къ Брольо, который сживалъ послѣднимъ въ классѣ, как упомянуто въ одной изъ зачеркнутыхъ строфъ пьесы: *19-ое октябрь* (см. выше стр. 197).

Въ обращеніи къ Яковлеву, въ *Пирующихъ студентахъ*, третій стихъ:

> «Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ»

требуетъ нѣкотораго объясненія.

стр.

По чтенію Анненкова, Геннади и г. Ефремова, онъ напечатанъ въ такомъ видѣ:

«Съ тобой *тостуюсь* безъ чиновъ».

Въ изданіи же литературнаго фонда читаемъ:

«Съ тобой *тасуюсь* безъ чиновъ».

Разность эта произошла отъ того, что въ автографѣ, который недавно воспроизведенъ при брошюрѣ *29 января 1887*, изданной Александровскимъ лицеемъ, подчеркнутое слово написано неясно: въ немъ первая гласная болѣе походитъ на *о*, чѣмъ на *а*; а такъ какъ слова *тосуюсь* нѣтъ, то и пришлось отгадывать, что́ хотѣлъ сказать поэтъ. Сло́ва *тостуюсь* также нѣтъ, но оно можетъ быть образовано, и въ значеніи *пью* съ кѣмъ-нибудь *тость*, или *чокаюсь*, было бы здѣсь умѣстно; слово *тасоваться* есть, но оно обыкновенно употребляется только въ примѣненіи къ картамъ: карта *затасовалась*, *колода истасовалась* (см. словарь Даля). Едва ли оно можетъ быть употреблено въ смыслѣ взаимнаго глагола, когда рѣчь идетъ о людяхъ. Впрочемъ предоставляю рѣшить этотъ вопросъ лицамъ, болѣе меня свѣдущимъ въ карточной терминологіи.

21. Передъ отъѣздомъ въ Москву на открытіе памятника Пушкину, именно 8-го мая 1880 г., я посѣтилъ князя Горчакова. Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ; я засталъ его въ полулежачемъ положеніи на кушеткѣ или длинномъ креслѣ; ноги его и нижняя часть туловища были окутаны одѣяломъ. Онъ принялъ меня очень любезно, выразилъ сожалѣніе, что не можетъ быть на торжествѣ въ честь своего товарища, и, прочитавъ на память большую часть посланія его «Пускай, не знаясь съ Аполлономъ», распространился о своихъ отношеніяхъ къ Пушкину. Между прочимъ онъ говорилъ, что былъ для нашего поэта тѣмъ же, чѣмъ la cuisinière de Molière для славнаго комика, который ничего не выпускалъ въ свѣтъ не посовѣтовавшись съ нею; что онъ, князь, когда-то помѣшалъ Пушкину напечатать дурную поэму, разорвавъ три пѣсни ея; что заставилъ его выбросить изъ одной сцены *Бориса Годунова* слово *слюни*, которое тотъ хотѣлъ употребить изъ подражанія Шекспиру; что во время ссылки Пушкина въ Михайловское князь за него поручился псковскому губернатору [1]... Перейдя потомъ къ политикѣ, онъ коснулся послѣдней турецкой войны и упомянулъ, что вовсе не хотѣлъ ея. Прощаясь со мной, онъ поручилъ мнѣ передать лицеистамъ, которые

[1]) Чтеніе *Бориса Годунова* и поручительство кн. Горчакова должны быть отнесены конечно къ тому времени, когда онъ случайно посѣтилъ Пушкина въ Михайловскомъ, именно къ сентябрю 1825 года. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 24 сентября поэтъ говорилъ: «Горчаковъ доставитъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, по крайней мѣрѣ съ моей стороны». Но въ стихотвореніи: *19 октября* Пушкинъ великодушно забылъ холодность этого свиданія и помянулъ его прекрасною строфой, посвященной знатному товарищу (см. выше, стр. 202).

стр.

будутъ присутствовать при открытіи памятника его знаменитому товарищу, какъ сочувствуетъ онъ оконченному такъ благополучно дѣлу и какъ ему жаль, что онъ лишенъ возможности принять участіе въ торжествѣ.

Отъ кн. Горчакова отправился я къ лицейскому товарищу его Комовскому, который хворалъ уже давно. Теперь онъ далъ мнѣ то же порученіе; оно было исполнено мною въ краткой рѣчи на обѣдѣ, данномъ московскою Думою.

Князь Горчаковъ и Комовскій были послѣдніе лицеисты перваго курса. Матюшкинъ умеръ въ 1872 г., графъ Корфъ въ 1876, Комовскій въ 1880, князь Горчаковъ въ 1883, — первые три въ Петербургѣ, послѣдній въ Ниццѣ.

Изъ воспитанниковъ второго выпуска (1820) давно уже не было никого въ живыхъ.

Изъ третьяго курса (1823) послѣднимъ былъ Д. Н. Замятнинъ. На долю его выпалъ странный жребій умереть въ самый день 19 октября (1883) почти за обѣдомъ. Мы только-что встали изъ-за стола, когда онъ, сидя на диванѣ и разговаривая съ однимъ изъ товарищей (А. И. Крузенштерномъ), внезапно и незамѣтно уснулъ вѣчнымъ сномъ.

> Невидимо склоняясь и хладѣя,
> Мы близимся къ началу своему:
> Кому жъ изъ насъ подъ старость день лицея
> Торжествовать придется одному?

24. По разсказу Матюшкина, Галичъ обыкновенно привозилъ съ собою на урокъ какую-нибудь полезную книгу, и заставлялъ при себѣ одного изъ воспитанниковъ читать ее вслухъ.

27. Въ стихѣ: «И къ Лиліи куплетъ» заключается намекъ на стихотвореніе Дельвига *къ Лилеѣ*, напечатанное въ *Росс. Музеумѣ*, ч. I, стр. 266.

28. Замѣчаніе, что посланіе *Моему Аристарху* напечатано рядомъ съ посланіемъ къ Жуковскому, относится къ изданію Анненкова.

36. В. П. Гаевскій напечаталъ не три, а четыре статьи о Дельвигѣ.

— Когда я въ началѣ 1874 г. готовилъ для *Складчины* свою статью *Первенцы Лицея*, то я обращался за справками къ графу Корфу и между прочимъ просилъ его просмотрѣть составленный И. Я. Селезневымъ Очеркъ исторіи лицея. Вотъ главныя изъ замѣчаній, которыя М. А. Корфъ сообщилъ мнѣ на эту книгу:

«Стр. 142, 143. Упоминаемый здѣсь молодой, но дѣйствительно даровитый (столько же, сколько и безобразный) живописецъ и литографъ былъ Лангеръ (2-го курса), уже давно умершій.

«Стр. 152. Старшій возрастъ никогда и ни въ чемъ не руководилъ младшимъ. При Энгельгардтѣ и даже прежде намъ не запрещалось заниматься въ нашихъ каморкахъ и въ другіе свободные часы, а въ управленіе Фролова мы тамъ и курили. Въ наше время у каж-

стр.

даго воспитанника былъ, въ тѣхъ же каморкахъ и свой отдѣльный умывальникъ.

«Стр. 157. Не помню, чтобы въ наше время отводился кому-нибудь особый столъ въ *классѣ*, но въ *столовой* это случалось по временамъ, хотя тоже не часто.

«Стр. 165. Несправедливо, будто бы ни одинъ воспитанникъ не подвергался исключенію за проступки. Въ самые первые наши годы былъ исключенъ Гурьевъ, и насъ до конца оставалось и было выпущено всего 29.

«Стр. 169. Бакунинъ былъ не Алексѣй, а Александръ (Павловичъ).

«Стр. 174. Въ наше время никакихъ баракъ при лицеѣ не было и не предполагалось».

Въ письмѣ, при которомъ графъ Корфъ доставилъ мнѣ эти замѣчанія, онъ слѣдующимъ образомъ отозвался о книгѣ г. Селезнева: «Въ ней, при всей офиціальности тона и нѣкоторыхъ недостаткахъ редакціи, есть много дѣльнаго».

37. Доказательствомъ, какъ измѣнился взглядъ Кошанскаго на авторство лицеистовъ, можетъ служить слѣдующая записка, при которой онъ въ 1827 году возвратилъ намъ (воспитанникамъ 6-го курса) переданный ему на просмотръ нашъ рукописный журналъ *Лицейскій Цвѣтникъ*:

«Хвала и честь пѣвцамъ лицея! Мечты юности возвращаютъ младость и старцу. Я чувствовалъ это, читая Лицейскій Цвѣтникъ, вспоминалъ былое, сравнивалъ прошедшее съ настоящимъ — и мнѣ казалось, что слышу первыя пѣсни лицея, звуки родины, голосъ праотцевъ, воскресшій въ любезныхъ потомкахъ, и самъ становился моложе годами 18-ю.

«Друзья-поэты! Лицей есть храмъ Весны, въ которомъ не гаснетъ огонь поэзіи святой; онъ горитъ невидимо, и его питаетъ добрый геній (Genius loci) [1]. Кто молодъ и чувствителенъ, тому непростительно не быть поэтомъ.

«Благодаря за удовольствіе, винюсь, что имѣлъ слабость продлить его и упустилъ первый случай возвратить Цвѣтникъ. Теперь печатаю пакетъ въ ожиданіи первой и вѣрной руки, которая приметъ его отъ меня и доставитъ въ вѣрныя руки».

38. Не надо забывать, что статья эта писана за шесть лѣтъ передъ открытіемъ памятника Пушкину.

41. Журналъ *Вѣстникъ* представляетъ самое эмбріоническое начало своихъ послѣдователей въ томъ же родѣ. Онъ весь или, по крайней мѣрѣ дошедшая до насъ часть его, заключается въ листѣ грубой бумаги, на которомъ разными почерками и самымъ безграмотнымъ языкомъ написано нѣсколько замѣтокъ соединившихся для этого ребяческаго предпріятія товарищей. Очевидно, что все это относится къ самой первой порѣ пребыванія молодыхъ людей въ лицеѣ.

[1]) Намекъ на поставленный въ лицейскомъ саду памятникъ съ этою надписью.

стр.

48. Еще нѣсколько подробностей о журналѣ *Лицейскій Мудрецъ*. Всѣ статьи въ немъ, не исключая и предувѣдомленія «къ читателямъ», написаны въ юмористическомъ тонѣ. Въ такомъ же родѣ и стихи, между которыми впрочемъ мало удачныхъ; это почти все посланія, эпиграммы, эпитафіи, шарады. Въ *Смѣси*, въ формѣ письма къ другу, разсказана ссора двухъ воспитанниковъ въ видѣ *борьбы двухъ монархій*; въ именахъ ихъ легко узнать фамиліи Кюхельбекера и Мясоѣдова. «Тебѣ извѣстно, говорится тутъ, что въ сосѣдствѣ у насъ находится длинная полоса земли, называемая *Бехелькюкеріада*, производящая великій торгъ мерзѣйшими стихами и, что́ еще страшнѣе, имѣющая страшнѣйшую артиллерію. Въ сосѣдствѣ сей монархіи находилось государство, называемое *Осло-Доясомѣвъ*, которое извѣстно по значительному торгу лорнетами, цѣпочками и проч. Послѣдняя монархія, желая унизить первую, напала съ великимъ крикомъ на провинцію Бехелькюкеріады, но зато сія послѣдняя отмстила ужаснѣйшимъ образомъ: она преслѣдовала непріятеля и, несмотря на всѣ усилія королевства *Рейема* [т. е. гувернера Мейера], разбила его совершенно при мѣстечкахъ *Щекъ*, *Спинъ* и проч. и проч. Казалось, что сими пораженіями война кончилась; но въ книгѣ судебъ было написано, что еще должны были трепетать и зубы и ребра... Снова начались сраженія, но по большей части они кончились въ пользу королевства Осло-Доясомѣва... Наконецъ вся Индія пришла въ движеніе, и съ трудомъ укротили бѣшенство сихъ двухъ монархій, столь долго возмущающихъ спокойствіе Индіи. Присовокупляю при семъ рисунокъ, въ которомъ каждая монархія является съ своими атрибутами».

Въ статейкѣ *Демонъ метроманіи и стихотворецъ Гезель*, въ видѣ разговора, осмѣивается Кюхельбекеръ и его страсть писать баллады, при чемъ выставляется его дурной русскій выговоръ:

«*Демонъ*. Слушай меня прилежнѣе.

«*Гезель*. Что ти хочешь?

«*Демонъ*. Я привезъ на хвосту тебѣ письмо изъ Дерпта; тамъ пишутъ, что студенты выжгли стекломъ глаза твоему собрату по стихамъ».

Подъ заглавіемъ *Лицейскія древности* приведена выписка, въ которой гувернеръ Мейеръ жалуется на Дельвига и Данзаса за то, что первый за столомъ бросилъ большой кусокъ хлѣба въ тарелку послѣдняго, и когда наставникъ вмѣшался въ ихъ ссору, то они оба обошлись съ нимъ грубо.

Въ *Исповѣди* Мясожорова (т. е. Мясоѣдова), найденной въ бумагахъ умершаго священника, этотъ воспитанникъ представленъ глупымъ говоруномъ, любящимъ болтать по-французски, и ему приписанъ стихъ, приводимый въ извѣстномъ анекдотѣ:

«Блеснулъ на западѣ румяный царь природы»;

стр.

на что будто бы священникъ возражаетъ: «Ошибка, ошибка: на востокѣ, а не на западѣ»: востекаю — orior.

Стихи вообще плохи; но и между ними иное любопытно, напр. сатирическая пьеса подъ заглавіемъ *Мудрецъ*, которая такъ начинается:

На каѳедрѣ, надъ красными столами,
Вы кипу книгъ не видите ль, друзья?
Печально чуть скрыпитъ огромная доска,
И карты грустно воютъ надъ стѣнами;
На печкѣ дудка и вѣнецъ.
Восплачемте, друзья: могила
Прахъ мудреца навѣкъ сокрыла.
Бѣдный мудрецъ!

Главное содержаніе стиховъ, какъ и прозы, — шутки надъ товарищами и наставниками; многое тутъ пошло и вовсе не остро, иное забавно.

Вотъ напримѣръ басня о двухъ ослахъ, изъ которыхъ одинъ, поднявшись на гору, хвалится этимъ, а другой, оставшись внизу, отвѣчаетъ ему:

Нѣтъ, оба мы ослы;
Вся разница лишь та межъ нами,
Что ты вскарабкался на высоты,
А я стою спокойно подъ горами.
Мой другъ, и межъ людьми увидишь то же ты:
Иной министръ, иной торгашъ гусиный,
Но часто умъ у нихъ одинъ — ослиный.

На это эпиграмма:

Марушкинъ объ ослахъ вдругъ басню сочиняетъ,
И басня хоть куды! но страненъ ли успѣхъ?
Свой своего всѣхъ лучше знаетъ,
И слѣдственно напишетъ лучше всѣхъ!

Любимою мишенью эпиграммъ служитъ докторъ Пешель. Разные современные случаи, возбуждавшіе толки и разсказы, составляютъ содержаніе нѣсколькихъ попытокъ въ эпическомъ родѣ, напр. *На смерть Ситникова* (сумасшедшаго купца), или *Сазоновіада* (по поводу убійствъ, совершенныхъ дядькою Сазоновымъ).

51—52 и 77. Лицейскій Благородный пансіонъ былъ первоначально единственнымъ разсадникомъ будущихъ лицеистовъ. Въ этомъ пансіонѣ и я прошелъ три низшіе класса. Въ январѣ 1823 г., когда мнѣ только что минуло десять лѣтъ, я былъ отвезенъ туда моею матерью. У меня до сихъ поръ живо сохраняется въ памяти впечатлѣніе, произведенное на меня тихимъ, пустыннымъ городкомъ. По

СТР.

въѣздѣ въ Царское дорога проходила подъ обоими, такъ называемыми, Капризами, т. е. арками съ фантастическими башенками въ китайскомъ вкусѣ, соединяющими два обширные царскіе сада. По обѣ стороны дороги величественно тянулись покрытыя снѣгомъ деревья и аллеи съ изящными бесѣдками и мостиками. Мы прежде всего посѣтили Е. А. Энгельгардта, который жилъ въ директорскомъ домѣ противъ зданія лицея: онъ помогъ матери моей помѣстить меня въ пансіонъ на казенный счетъ, и это послужило поводомъ къ нашему посѣщенію. Энгельгардтъ обласкалъ и ободрилъ меня, насколько можно было ободрить мальчика, который въ первый разъ покидалъ родительскій домъ, и вдругъ долженъ былъ очутиться посреди совершенно чуждыхъ ему людей. Оттуда мы поѣхали въ Софію, нынче составляющую одно цѣлое съ Царскимъ, но тогда особый городокъ, построенный Екатериною II съ тайною мечтою объ осуществленіи Греческаго проекта, на что намекаютъ находящійся тутъ Софійскій соборъ и рядъ зданій, стоящихъ въ видѣ декораціи и напоминающихъ Константинополь, а противъ нихъ, въ дворцовомъ саду, высится руина, изображающая собою паденіе Оттоманской Порты. Въ этомъ-то городкѣ, со стороны Царскаго Села, были и два большія рядомъ стоящія зданія лицейскаго пансіона съ обширнымъ полемъ, которымъ воспитанники могли пользоваться въ часы отдыха. Этотъ пансіонъ существовалъ до 1829 г., когда былъ закрытъ послѣ посѣщенія его императоромъ Николаемъ, который остался очень недоволенъ видомъ воспитанниковъ. Пріѣхавъ прямо оттуда вмѣстѣ съ императрицей въ лицей, онъ, входя въ нашъ классъ, обратился къ ея величеству и громко произнесъ: «Regardez ces jeunes gens: comme ils ont bonne mine en comparaison des pensionnaires!» У насъ шелъ тогда урокъ нѣмецкой литературы; профессоръ Олива только что написалъ на доскѣ крупными буквами: Aufklärung überhaupt. Государь, ставъ передъ доской, громогласно прочелъ эти слова и велѣлъ намъ сѣсть, положивъ руку мнѣ на плечо (такъ какъ я занималъ крайнюю скамью близъ входа), и нѣсколько минутъ, въ самомъ ясномъ настроеніи духа, присутствовалъ при урокѣ. Послѣдствіемъ этого посѣщенія было, какъ я уже замѣтилъ, закрытіе пансіона; вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено было тогда же выпустить изъ нашего курса тѣхъ воспитанниковъ, которые желали поступить въ военную службу, съ тѣмъ чтобы впредь всѣ выходили только въ службу гражданскую. На этомъ основаніи, въ 1829 г., и вышли изъ младшаго курса лицея товарищи мои: Гардеръ, Соллогубъ и графъ Ожаровскій, а на мѣсто ихъ поступили: Комовскій (братъ Сергѣя), графъ Коновницынъ и Похвисневъ. Послѣ нашего выпуска, въ 1832, характеръ стараго лицея совершенно измѣнился, вслѣдствіе увеличенія числа воспитанниковъ до 120 и замѣны двухъ курсовъ четырьмя классами, съ переводомъ изъ одного въ другой, чрезъ каждые полтора года, не всѣхъ къ нему принадлежащихъ (какъ было при существованіи двухъ курсовъ), а

стр.

только достойныхъ повышенія. Нынѣ лицей состоитъ уже, подобно существовавшему до 1829 г. лицейскому пансіону, изъ шести классовъ.

53. Вм. Дворянскаго корпуса читай: Дворянскаго Полка (названіе корпуса).

53. У внука Энгельгардта, барона Ѳ. Ром. Остенъ-Сакена, хранится большая алфавитная книга in-folio въ кожаномъ переплетѣ, въ которую знаменитый директоръ лицея, передъ разлукою съ воспитанниками первыхъ трехъ выпусковъ, просилъ ихъ вписывать ему на память что́ кому вздумается. Почти всѣ выражаютъ тутъ болѣе или менѣе краснорѣчиво свою благодарность Егору Антоновичу за его отеческія попеченія, а супругѣ его и всему семейству за радушіе и ласки. Нѣкоторые прощаются въ стихахъ, иные пишутъ по-французски, иные — напр. Матюшкинъ, — по-нѣмецки [1]). Есть и такіе, которые заносятъ только свое имя и фамилію.

Первая изъ страницъ на букву П начинается слѣдующими строками Пушкина, которыя передаю со всею точностью:

«Приятно мнѣ думать что, увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между именами молодыхъ людей, которые обязаны вамъ щастливѣйшимъ годомъ жизни ихъ, вы скажете: въ Лицеѣ небыло неблагодарныхъ.

Александръ Пушкинъ».

Чтобы дать понятіе объ общемъ характерѣ прочихъ замѣтокъ, выпишу то, что далѣе слѣдуетъ на той же страницѣ:

«Оставляя *Лицей*, сей гостепріимный кровъ, гдѣ, среди тишины и безпечности, наслаждался молодою жизнію, я спѣшу изъявить живое, непритворное чувство благодарности за ваши обо мнѣ незабвенныя попеченія. — Благодарность есть память сердца. — Мелькнутъ два, три мѣсяца, и питомцы Лицея будутъ разбросаны судьбою по всѣмъ дорогамъ міра; но будьте увѣрены, Егоръ Антоновичъ, что мы, подобно Іудеямъ, станемъ душою всегда стремиться къ своему *Іерусалиму* и среди шума откровенной Дружбы, и въ волненіи гордыхъ думъ!! — —

1820, 24 маія. И. Познякъ».

«Николай Пащенко.
1823 года
27 ноября».

Эта послѣдняя подпись принадлежитъ воспитаннику третьяго курса: зимой 1823 года Энгельгардтъ прощался съ лицеистами по случаю увольненія его отъ должности директора (см. выше, стр. 132).

За сообщеніе мнѣ этого интереснаго альбома приношу мою

---

[1]) Онъ родился въ Штутгартѣ (см. выше, стр. 99). Подъ его подписью, внизу страницы, нарисованъ акварелью корабль съ распущенными парусами.

стр.

благодарность многоуважаемому Ѳедору Романовичу, отецъ котораго былъ женатъ на дочери Егора Антоновича.

70. По словамъ покойнаго Н. М. Орлова, услуга, которую меньшой изъ братьевъ Раевскихъ оказалъ Пушкину, состояла, вѣроятно, въ ссудѣ ему денегъ для уплаты карточнаго долга. Много разсказывала мнѣ Кат. Ник. Орлова объ отцѣ своемъ Ник. Ник. Раевскомъ и о своемъ мужѣ Мих. Ѳедор. Орловѣ. Сообщу здѣсь то, что было записано мною съ ея словъ. Вѣроятно, тутъ найдутся неточности, но тѣмъ не менѣе ея разсказъ не можетъ быть лишенъ интереса, хотя бы только какъ матеріалъ для вполнѣ удовлетворительныхъ свѣдѣній.

Н. Н. родился въ 1771 г. во время московской чумы. Мать его была сестра А. Н. Самойлова, женатаго на сестрѣ Потемкина. Н. Н. былъ еще ребенкомъ, когда умеръ его отецъ и вдова вышла замужъ за Давыдова. Молодой Раевскій, записанный Потемкинымъ въ казаки, участвовалъ во второй турецкой войнѣ. Онъ былъ очень добрый христіанинъ, хотя и рѣдко ходилъ въ церковь; по своей добротѣ и великодушію онъ на своемъ вѣку простилъ много оскорбленій. Образованіе свое почерпнулъ онъ преимущественно изъ чтенія. Первою книгой, произведшей на него сильное впечатлѣніе, былъ *Эмиль* Руссо; впослѣдствіи и прочіе извѣстнѣйшіе писатели того времени были имъ прочитаны. У него была хорошая библіотека. Извѣстно, что онъ въ 12-мъ году взялъ двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ въ походъ. Въ сраженіи при Дашковѣ у младшаго была прострѣлена пола сюртука. «А знаешь ли, спросилъ его отецъ, для чего я бралъ васъ съ собою?» — Чтобы вмѣстѣ умереть, отвѣчалъ мальчикъ. (О достовѣрности этого анекдота см. впрочемъ разсказъ самого Раевскаго въ *Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова*, Спб. 1887, т. II, стр. 328).

Сынъ его Александръ Ник. отличался удивительною проницательностью: года за два до событій 1848 г., онъ предсказалъ судьбу Людовика Филиппа и ходъ послѣдующей исторіи Франціи.

Мужъ Катерины Николаевны, Михаилъ Ѳед. Орловъ, участвовалъ, при Аустерлицѣ, въ истребленіи французскаго отряда и за это дѣло былъ произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ въ офицеры. Разсказъ, будто онъ заплакалъ, узнавъ объ исходѣ всего сраженія, не имѣетъ основанія. Въ 1812 г. онъ состоялъ при Толлѣ; при занятіи одной позиціи между Смоленскомъ и Бородиномъ, когда приказано было только задержать непріятеля, чтобы Багратіонъ могъ соединиться съ главной арміей, Орловъ въ выборѣ мѣста поступилъ противъ предписанія Барклая. Барклай сдѣлалъ ему замѣчаніе, но Орловъ смѣло отвѣчалъ, что по его мнѣнію такъ лучше. Барклай спросилъ его фамилію и не только не разсердился, но съ этихъ поръ сталъ оказывать ему особенное довѣріе. Затѣмъ Орловъ овладѣлъ Вереей и получилъ Георгія, занялъ Дрезденъ, взялъ штурмомъ Магдебургъ, а въ лейпцигскомъ сраженіи спасъ два австрійскіе баталіона и за это былъ награжденъ титломъ австрійскаго барона.

стр.

Впослѣдствіи, въ 16-й дивизіи на югѣ Россіи происходили безпорядки; въ нее ссылали провинившихся, и потому неудивительно, что изъ нея безпрестанно случались побѣги въ Турцію, къ некрасовцамъ. Для возстановленія порядка въ эту дивизію былъ назначенъ Орловъ. Онъ началъ съ того, что перемѣнилъ обращеніе съ солдатами, отмѣнилъ тѣлесныя наказанія, ввелъ взаимное обученіе: въ короткое время число дезертировъ значительно уменьшилось. Но этимъ онъ надѣлалъ себѣ враговъ; главнымъ изъ нихъ былъ Сабанѣевъ, сынъ котораго былъ имъ удаленъ за несогласный съ новыми мѣрами образъ дѣйствій. Началась сабанѣевская исторія, и Орловъ пострадалъ (см. П. И. Бартенева *Пушкинъ въ южной Россіи*, стр. 52).

Преданіе о татарахъ, разсказывавшихъ будто бы о соловьѣ, который прилеталъ въ Юрзуфъ пѣть съ Пушкинымъ и исчезъ послѣ его смерти, по словамъ Катерины Николаевны, не можетъ имѣть основанія уже потому, что татары Пушкина не видали.

70. Относительно взглядовъ графа Корфа на Пушкина см. подстрочное примѣчаніе, помѣщенное мною при запискѣ Модеста Андреевича.

90. Слухи о предположеніи перевести лицей въ Петербургъ стали часто возобновляться, особенно со вступленія на престолъ императора Николая. Участіе двухъ лицеистовъ въ заговорѣ 14-го декабря бросало нѣкоторую тѣнь на это заведеніе, и причину вреднаго будто бы направленія его видѣли въ исключительномъ и изолированномъ его положеніи. Въ мое время молва о переводѣ лицея очень тревожила воспитанниковъ, которые всѣ дорожили его стариной. По временамъ на мраморной доскѣ Genio loci [1]) появлялись писанныя карандашомъ предостереженія, напр.:

Лицей! твое паденье близко:
Не падай слишкомъ низко!

Наконецъ въ 1844 году давно предсказываемое перемѣщеніе лицея состоялось. До сихъ поръ еще положительно не разслѣдованы причины этого событія. Современники его разсказываютъ, что ближайшій поводъ подалъ занимавшій много лѣтъ должность управляющаго Царскимъ Селомъ генералъ Захаржевскій, который давно недолюбливалъ лицеистовъ. Говорятъ, что послѣ крещенія покойнаго государя наслѣдника Николая Александровича, Захаржевскій воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что для всѣхъ приглашенныхъ лицъ высочайшаго Двора недостало мѣста въ дворцовыхъ зданіяхъ.

---

[1]) Это былъ дерновый памятникъ кубической формы, поставленный, какъ гласило преданіе, Энгельгардтомъ еще при 1-мъ курсѣ, и считавшійся какъ бы палладіумомъ лицея. На бѣлой мраморной доскѣ читалась вырѣзанная позолоченными буквами надпись Genio loci (см. выше, стр. 283).

стр.

и представилъ, что на будущее время необходимо расширить помѣщенія на такіе торжественные случаи, а для этого нельзя обойтись безъ флигеля, занимаемаго лицеемъ. Главный начальникъ этого заведенія, великій князь Михаилъ Павловичъ, въ то время отсутствовалъ и дѣло уладилось безъ затрудненій: въ зданіи лицея были устроены комнаты для пріема лицъ, имѣющихъ пріѣздъ ко Двору.

99. Отмѣченный Илличевскимъ характеръ отношеній между лицеистами 1-го курса и ихъ наставниками наглядно обрисовывается слѣдующимъ письмомъ гувернера Чирикова къ воспитаннику Комовскому, отъ 6-го сентября 1814 года. Чириковъ въ то время находился въ Петербургѣ для лѣченія глазъ.

«Любезный Сергѣй Дмитріевичъ.

«Встревоженный вашимъ письмомъ, полученнымъ мною 26 августа, я поспѣшилъ на другой день къ вашимъ родителямъ, нашелъ ихъ въ добромъ здоровьѣ и вручилъ отъ васъ письмо, писанное вами 10 августа, котораго, по причинѣ безвыходнаго пребыванія моего въ горницѣ, прежде вручить имъ не могъ. Батюшка вашъ увѣдомилъ меня что въ прошедшее воскресенье былъ въ лицеѣ, что вы находитесь здоровы и пр. и пр. Мнѣ весьма жаль что никакого не получаю извѣстія въ разсужденіи моего здѣсь долгаго пребыванія, т. е. мнѣ бы хотѣлось знать не гнѣвается ли на меня Степанъ Степановичъ [1]) и какого онъ о мнѣ по сему обстоятельству мнѣнія... даже и Комочикъ [2]) меня о семъ при всей своей откровенности до сего времени не увѣдомилъ.

«Я время провождаю здѣсь въ большой скукѣ: заниматься ничѣмъ не могу, словомъ, я бы крайне желалъ поскорѣе оставить Петербургъ и возвратиться къ моей должности. Глаза мои слава Богу лучше, но все слабы и я думаю что и по пріѣздѣ моемъ въ Лицей, не вдругъ примусь я за труды.

«Въ минуты, въ кои съ вами я бесѣдую, бесѣдую также съ Фотіемъ Петровичемъ [3]) и Алексѣемъ Николаевичемъ [4]) и минуты сіи для меня весьма пріятны, говоримъ о васъ и пр. и пр. Но извините, мы идемъ всѣ трое въ Академію Художествъ смотрѣть различныя произведенія любителей художествъ. Жаль, весьма жаль, что васъ съ нами нѣтъ. Прощайте.

«Увѣдомьте Ѳеодора Ѳеодоровича [5]), что я нигдѣ не нашелъ такого ножа, какой ему угоденъ: всѣ тѣ кои я видѣлъ у Куранцова и у прочихъ продавцовъ, всѣ тѣ, повторяю, ножи безъ шилъ, и я съ прискорбіемъ возвратился домой.

«Кланяйтесь пожалуйте отъ меня любезнымъ вашимъ товарищамъ кн. Ал. Мих. Горчакову, Вл. Дм. Вольховскому, Сем. Сем. Есакову,

---

[1]) Фроловъ, инспекторъ, исправлявшій временно должность директора.
[2]) Т. е. самъ Комовскій.
[3]) Калиничемъ, учителемъ чистописанія и гувернеромъ.
[4]) Неизвѣстнымъ лицомъ.
[5]) Матюшкина.

стр.

Арк. Ив. Мартынову, Матюшкину и пр.—Илличевскому, Пущину и Малиновскому и пр. скажите или лучше извините меня предъ ними что я никому изъ нихъ особенно не писалъ: мнѣ по слабости глазъ моихъ опасно.

«Съ любовію къ вамъ пребываю
вашъ усердный Чириковъ.

«P. S. На будущей недѣлѣ я буду имѣть удовольствіе васъ лично видѣть и потому вамъ надобности нѣтъ въ адресѣ».

Тѣмъ же характеромъ отличались и въ мое время отношенія Чирикова къ воспитанникамъ. Передъ нашимъ выпускомъ (1832), не помню уже по какому поводу, вздумалось ему выучить насъ пѣть хоромъ разныя старинныя аріи, особенно изъ оперы Екатерины II: *Горе-богатырь*, которая славилась въ дни его молодости. Много было смѣху, когда мы вслѣдъ за нимъ съ большою энергіей затягивали такія пѣсенки изъ этой оперы, какъ напр.:

На иноходцѣ ѣду буромъ
Въ пушистой шапочкѣ своей.—
А я тащуся на кауромъ
Вослѣдъ за милостью твоей.

Сладимъ пѣсенку въ дорогу
Нашей смѣлости въ подмогу,
Чтобъ въ насъ храбрость не уныла
И горячность не остыла...

С. Д. Комовскій не занималъ особенно виднаго мѣста въ кругу лицеистовъ 1-го курса, но изъ добрыхъ его отношеній къ товарищамъ, обнаруживающихся въ его перепискѣ съ ними, можно заключить, что это былъ человѣкъ вполнѣ достойный уваженія. Сохранившаяся о немъ лицейская аттестація гласитъ: «Благонравенъ, искрененъ, чувствителенъ, вѣжливъ, ревнителенъ къ своей пользѣ, пристрастенъ ко всѣмъ гимнастическимъ упражненіямъ. Любопытство, чистота, опрятность, бережливость и насмѣшливость суть особенныя его свойства».

Пушкинъ въ своихъ стихахъ только разъ упоминаетъ объ этомъ товарищѣ, именно въ строфѣ, которая повидимому предназначалась въ пьесу: *19-е октября* (1825), но не вошла въ составъ ея:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной,
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Графъ Брольо былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же проворнѣе, хитрѣе;
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой.
Гдѣ вы, лѣта забавы молодой!

стр.

Подъ копіей этихъ стиховъ замѣтка Комовскаго: «Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Инзовѣ штабъ-офицера Алексѣева, на квартирѣ коего жилъ (одно время) нашъ поэтъ во время ссылки на югъ».

Карьера Камовскаго по выходѣ изъ лицея была очень скромная. Сначала онъ служилъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, а потомъ занималъ въ Смольномъ монастырѣ секретарскую должность, которою кажется и кончилось его служебное поприще. Оставивъ ее еще въ 50-хъ годахъ, онъ прожилъ много лѣтъ въ отставкѣ и умеръ 8-го іюля 1880 года.

На лицейскомъ обѣдѣ 1875 года и потомъ незадолго передъ смертію онъ передалъ мнѣ небольшое собраніе бумагъ, относящихся къ старинѣ царскосельскаго лицея. Тутъ я нашелъ между прочимъ тетрадку дневника, веденнаго имъ въ годы воспитанія. Въ этихъ запискахъ онъ является молодымъ человѣкомъ очень добросовѣстнымъ, набожнымъ, искренно стремящимся къ самоусовершенствованію. Мы знаемъ, что въ лицеѣ этого времени не онъ одинъ велъ записки: до насъ дошли остатки подобныхъ замѣтокъ, которыя набрасывалъ Пушкинъ; изъ записокъ Матюшкина приведены мною въ своемъ мѣстѣ (см. стр. 103) отрывки. Обычность этого занятія у первыхъ лицеистовъ заставляетъ думать, что мысль о немъ была внушена имъ кѣмъ-нибудь изъ ихъ наставниковъ, — можетъ быть, Малиновскимъ, Куницынымъ, Пилецкимъ или Энгельгардтомъ?

Приведенная выше аттестація о Комовскомъ заимствована мною изъ списка, на которомъ его рукою переписаны также аттестаціи нѣкоторымъ изъ его товарищей съ отмѣткою «Изъ записокъ наставника Чачкова [1]), 30 сентября 1813 года». Вотъ эти отзывы:

Князь А. Горчаковъ: «благоразуменъ, благороденъ въ поступкахъ; любитъ крайне ученіе, опрятенъ, вѣжливъ, усерденъ, чувствителенъ, кротокъ; отличительныя свойства его: самолюбіе, ревность къ пользѣ и чести своей, великодушіе».

Баронъ М. Корфъ: «скрытенъ, самолюбивъ и самонадѣянъ, вѣжливъ, кротокъ, усерденъ, опрятенъ и прилеженъ» [2]).

Ѳ. Матюшкинъ: «вспыльчивъ, откровененъ, весьма чувствителенъ, вѣжливъ, усерденъ, признателенъ, опрятенъ, бережливъ и весьма прилеженъ».

И. Малиновскій: «добросердеченъ и отъ вспыльчивости всѣми мѣрами старается воздерживаться, скроменъ, бережливъ, вѣжливъ, опрятенъ и весьма любитъ чтеніе».

А. Пушкинъ: «легкомысленъ, вѣтренъ, неопрятенъ, нерадивъ;

---

[1]) Вас. Вас. Чачковъ былъ въ 1814 году короткое время инспекторомъ лицея.

[2]) Ср. выше стр. 116.

стр.

впрочемъ добродушенъ, усерденъ, учтивъ, имѣетъ особенную страсть къ поэзіи» [1]).

99. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ жизни Матюшкина я встрѣтился съ нимъ у графа Корфа въ Царскомъ Селѣ. Послѣ обѣда онъ пошелъ со мной гулять по старому саду и, передавъ мнѣ многое изъ своихъ воспоминаній, между прочимъ показалъ мѣсто *розоваго поля*, упомянутаго мною здѣсь на стр. 44. Передъ выпускомъ изъ лицея онъ составилъ два сборника: въ одну тетрадь переписалъ всѣ ненапечатанные стихи лицейскихъ товарищей, въ другую — помѣщенные въ разныхъ журналахъ. Эти двѣ тетради, вмѣстѣ съ другими лицейскими бумагами (архивомъ перваго курса), хранились у Яковлева. За нѣсколько дней до 14-го декабря Пущинъ выпросилъ у него и взялъ къ себѣ на домъ сколько могъ забрать. Дней черезъ десять, при обыскѣ квартиры Пущина, всѣ эти бумаги были отобраны и остались, какъ думалъ Матюшкинъ, въ архивѣ судной комиссіи.

Въ лицеѣ Пушкинъ былъ всего дружнѣе съ Пущинымъ и Малиновскимъ; послѣ лицея — съ Матюшкинымъ и Яковлевымъ. Въ ноябрѣ 1836 г., Пушкинъ вмѣстѣ съ Матюшкинымъ былъ у Яковлева, въ день его рожденія; еще тутъ былъ князь Эристовъ, воспитанникъ второго курса, и больше никого. Пушкинъ явился послѣднимъ и былъ въ большомъ волненіи. Послѣ обѣда они пили шампанское. Вдругъ Пушкинъ вынимаетъ изъ кармана полученное имъ анонимное письмо, и говоритъ: «Посмотрите, какую мерзость я получилъ» [2]). Яковлевъ (директоръ типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. В. канцеляріи) тотчасъ обратилъ вниманіе на бумагу этого письма и рѣшилъ, что она иностранная и, по высокой пошлинѣ, наложенной на такую бумагу, должна принадлежать какому-нибудь посольству. Пушкинъ понялъ всю важность этого указанія, сталъ дѣлать розыски и убѣдился, что это бумага голландскаго посольства.

По разсказу Матюшкина, Дантесъ былъ сынъ сестры Гекерена и Голландскаго короля, усыновленный богатымъ дядей. Гекеренъ не могъ простить Пушкину, что онъ такъ круто повернулъ женитьбу Дантеса на своей свояченицѣ. Это было такъ: Пушкинъ, возвратясь откуда-то домой, находитъ Дантеса у ногъ своей жены. Дантесъ, увидя его, поспѣшно всталъ. На вопросъ Пушкина, что это значитъ, Дантесъ отвѣчаетъ, что онъ умолялъ Наталью Николаевну

---

[1]) Въ «Историч. очеркѣ лицея» г. Селезнева (прилож., стр. 14) эта аттестація, равно какъ и помѣщенная выше о Пушкинѣ, приписана гувернеру Чирикову.

[2]) Вотъ его содержаніе: «Les Grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du Sérénissime Ordre des *Cocus*, réunis en Grand Chapitre sous la présidence du vénérable Grand Maître de l'Ordre S. E. D. L. Narichkine, ont nommé à l'unanimité M. Al. Pouchkine coadjuteur du Grand Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre». Подписано: «Le secrétaire perpétuel C-te J. B.».

стр.

уговорить сестру свою итти за него. На это Пушкинъ сухо замѣтилъ, что тутъ не о чемъ умолять, что ничего нѣтъ легче: онъ звонитъ, приказываетъ вошедшему человѣку позвать Катерину Николаевну и говоритъ ей: «Voilà M. Dantès qui demande ta main, согласна ли ты?» Затѣмъ Пушкинъ прибавляетъ, что онъ тотчасъ же испроситъ на этотъ бракъ разрѣшеніе императрицы (К. Н. была фрейлина), ѣдетъ во дворецъ и привозитъ это разрѣшеніе.

Изъ своихъ лицейскихъ воспоминаній Матюшкинъ передавалъ мнѣ между прочимъ, что одною изъ главныхъ причинъ ускореннаго выпуска лицеистовъ перваго курса былъ извѣстный эпизодъ встрѣчи Пушкина, въ дворцовомъ коридорѣ, съ княжною Волконскою, которую онъ принялъ за горничную [1]). Узнавъ объ этой шалости, государь прогнѣвался и замѣтилъ Энгельгардту, что лицеисты черезчуръ много себѣ позволяютъ и что надо скорѣй ихъ выпустить.

102. Имя лицейскаго учителя музыки написано Матюшкинымъ невѣрно: его звали Tepper de Ferguson. См. выше въ приложеніяхъ (стр. 268) замѣтку о немъ графа Корфа и ниже разсказъ Плетнева.

108. По отпечатаніи примѣчанія къ статьѣ «Лицейскія годовщины», въ бумагахъ моихъ отыскались и стихи, написанные при праздновании 19-го октября въ 1822 и 1824 гг.

Къ первому относится весьма плохой экспромтъ Илличевскаго въ трехъ куплетахъ, изъ которыхъ выписываю только средній, немного лучше другихъ удавшійся:

Здѣсь всѣ мы: изъ Литвы, Сибири,
Изъ-за Бухаріи степей,
Такъ нынѣ на моей квартирѣ
Возобновляется лицей.

На другой страницѣ полулиста написанъ карандашомъ, рукою Яковлева, экспромтъ Дельвига по поводу этихъ стиховъ:

Что Илличевскій не въ Сибири,
Съ шампанскимъ кажетъ намъ бокалъ.
Ура, друзья! въ его квартирѣ
Для насъ воскресъ лицейскій залъ.
Какъ пѣсни пѣть не позабыли
Лицейскаго мы *Мудреца*,
Дай Богъ, чтобъ такъ же сохранили
Мы скотобратскія сердца [2]).

---

[1]) Разсказъ объ этомъ см. въ «Запискахъ И. И. Пущина» въ *Атенеѣ* 1859 г., № 8, стр. 520—521.

[2]) Объясненіе этого выраженія см. выше, стр. 109.

стр.

Куплеты на 19-е октября 1824 г. сочинены Дельвигомъ же, и переписаны на особой четвертушкѣ опять Яковлевымъ:

Семь лѣтъ пролетѣли, но, Дружба,
Ты та же у старыхъ друзей:
Все любишь лицейскія пѣсни,
Все сердцу твердишь про лицей.
Останься жъ вѣкъ нашей хозяйкой
И долго въ сей день собирай
Друзей, не старѣющихъ сердцемъ,
И имъ старину вспоминай!

111. Съ 60-хъ годовъ на празднованіе лицейской годовщины собирались обѣдать остававшіеся въ живыхъ наличные воспитанники первыхъ семи курсовъ (такъ какъ 7-й былъ послѣднимъ, при которомъ еще сохранялись первоначальные лицейскіе порядки). Въ этихъ обѣдахъ участвовали также немногіе изъ бывшихъ воспитанниковъ лицейскаго пансіона. Въ качествѣ гостей приглашались пережившіе своихъ товарищей лицеисты 1-го курса: Корфъ и Матюшкинъ, а позднѣе и Комовскій. Въ 1872 году на такомъ обѣдѣ зашла рѣчь о нумерахъ комнатъ, которыя въ лицеѣ принадлежали товарищамъ Пушкина. Никто не помнилъ ихъ. На другой день Комовскій написалъ о томъ Малиновскому, спрашивая, не поможетъ ли въ этомъ случаѣ его память. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ ему письмомъ отъ 19 ноября изъ села Каменки (Харьк. губ.): «Насъ въ лицеѣ было 30, вскорѣ стало 29, а нумеровъ было 50, и вотъ, сколько припомню, какъ ихъ занимали: № 6 Юдинъ, 7 Малиновскій, 8 Корфъ, 9 Ржевскій, 10 Стевенъ, 11 Вальховскій, 12 Матюшкинъ, 13 Пущинъ, 14 Пушкинъ, 15 Саврасовъ, 16 Гревеницъ, 17 Илличевскій, 18 Масловъ, 19 Корниловъ, 20 Ломоносовъ, — всѣ они ко дворцу, а въ ограду [1]): 29 Данзасъ, 30 Горчаковъ, 31 Брольо, 32 Тырковъ, 33 Дельвигъ, 34 Мартыновъ, 35 Комовскій, 36 Костенскій, 37 Есаковъ, 38 Кюхельбекеръ, 39 Яковлевъ, 40 Гурьевъ [2]), 41 Мясоѣдовъ, 42 Бакунинъ, 43 Корсаковъ. Этихъ (т. е. послѣднихъ) нумеровъ за давностью шестьдесятъ-одного года не помню. Потомъ насъ перемѣстили, когда изъ пансіона перевели во 2-й курсъ двадцать одного ученика, и только помню, что № 1 былъ мой. Вотъ тебѣ отвѣтъ на твое письмо отъ 20 октября о нумерахъ: такъ и вижу ихъ надъ дверьми и на лѣвой сторонѣ воротника шинелей на квадратной тряпочкѣ чернилами.

«А помнишь ли ты, что въ двѣнадцатомъ году мы 26-го августа представляли ратниковъ съ вывороченными шинелями и пѣли:

Мы монарха прославляемъ,
Счастья нашего творца,

---

[1]) Т. е. въ лицейскій садъ, окруженный оградой.
[2]) Въ подлинномъ письмѣ при этомъ нумерѣ имя пропущено.

стр.

Въ день сей славный величаемъ
Покровителя-отца!
Славься, Александръ, на тронѣ,
Славься, добрый государь!

«Какой ты христіанской души человѣкъ, а еще столичный: помнишь усопшихъ! Ты у меня первый по нравственно-христіанскому направленію изъ насъ четырехъ Богомъ хранимыхъ. Мой сынъ передастъ тебѣ лично, насколько ты мнѣ, 77-ми лѣтнему, отрада. Надо бы намъ съ тобою съѣхаться: чего-то бы мы не расшевелили изъ старины! а не слѣдовало бы, по пословицѣ: «не выноси сора изъ избы», передавать иное въ журналы печатью; помнится, было въ какомъ-то нумерѣ послѣднихъ годовъ Современника не подлежащее.

«Прости, мой другъ, долженъ кончить: ѣду надавить всѣ пружины къ преодолѣнію неправды, хотя въ чужомъ дѣлѣ; эта страсть съ офицерства росла во мнѣ съ годами. Уже поднялъ два дѣла туда— къ вамъ.

«Сейчасъ поручилъ составить списокъ нуждающимся крестьянамъ, а нищихъ у насъ нѣтъ, и раздамъ имъ изъ собираемаго капитала, при отпискѣ имъ отъ каждаго робера въ ералашъ по 4; играемъ по 1/4 коп.; за карты новыя вычитается, а игранныя долго намъ служатъ. Заведи-ка и ты это: съ міру по ниткѣ, бѣдному рубаха. И больные приняты въ уваженіе, сторонніе не исключаются изъ помощи, а въ особенности переселенцы, живущіе на большой дорогѣ. Храни тебя Богъ.

«Тебѣ признательный
Иванъ Малиновскій».

111. Записка Яковлева о предложеніи Энгельгардта соединить три курса для празднованія 19-го октября была сообщена и графу Корфу. Отвѣтъ его былъ совершенно противоположенъ пушкинскому. Вотъ что онъ писалъ: «Во 1-хъ, совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, что *нѣтъ причины* отказаться отъ соединенія трехъ выпусковъ, и во 2-хъ, долженъ сознаться, что это будетъ вѣрно несравненно *веселѣе*: всѣ мы люди знакомые; веселиться одинъ другому не будемъ мѣшать; аппетита другъ у друга не отнимемъ; лицейскія воспоминанія между нами всѣми могутъ быть также живы и *громки*, а о другомъ, постороннемъ, едва ли тутъ кто и затѣетъ говорить, да кажется, и лѣта наши ужъ не тѣ, чтобы опасаться имѣть при нашемъ разговорѣ свидѣтелей. Между тѣмъ, какъ насъ будетъ гораздо больше, то при томъ же взносѣ мы можемъ чѣмъ-нибудь приправить нашъ праздникъ и придать ему побольше поэзіи: напримѣръ, позвать къ обѣду музыку. Я бы даже пригласилъ и старожиловъ нашихъ: Кайданова, Пешеля, Чирикова. Итакъ я съ моей стороны совершенно согласенъ съ предложеніемъ

стр.

Энгельгардта; но какъ тутъ дѣло не въ моемъ личномъ, а въ *общемъ* мнѣніи, то кажется, всего бы лучше собрать голоса и рѣшить большинствомъ, которому я охотно повинуюсь, хотя бы оно было и противно моему убѣжденію. Такъ я завтра скажу и Егору Антоновичу.

«Пятница. № 8».

115. Въ 1841 году графъ Корфъ писалъ Яковлеву: «Въ воскресенье, 26-го октября, въ четыре часа, Энгельгардтъ устраиваетъ годичный лицейскій обѣдъ на Васильевскомъ острову, на углу 3-й линіи и Большого проспекта, въ домѣ Юнкера». Самъ Егоръ Антоновичъ жилъ, помнится, во 2-й линіи.

135. Объ участіи, какое принималъ А. И. Тургеневъ въ *помѣщеніи* Пушкина въ лицей свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо Сергѣя Львовича къ кн. Вяземскому (оно печатается по принадлежащему мнѣ подлиннику, безъ всякихъ измѣненій):

«Любезнѣйшій князь Петръ Андреѣвичь! Я бы желалъ чтобы въ заключеніи записокъ біографическихъ о покойномъ Александрѣ сказано было что Александръ Ивановичь Тургеневъ былъ единственнымъ орудіемъ помѣщенія его въ Лицѣй и что чрезъ 25-ть лѣтъ онъ же проводилъ тѣло его на послѣднѣе жилище. Да узнаетъ Россія что она Тургеневу обязана любимымъ ею Поэтомъ! Чувство непоколебимой благодарности побуждаетъ меня просить васъ объ етомъ. — Нѣтъ сомнѣнія что въ Лицѣѣ, гдѣ онъ въ товарищахъ встрѣтилъ несколько соперниковъ, соревнованіе способствовало къ развитію огромнаго его таланта. Вотъ что я писалъ Александру Ивановичу и потомъ къ вамъ, но письмо мое въ то время, не знаю почему до васъ не дошло. — Благодарю еще разъ княгиню за 29-е число.

«Весь и всегда вашъ
С. Пушкинъ».

«1-го февраля
1838 г.

139. По разсказу покойнаго Арк. Ос. Россета, императоръ Николай, на аудіенціи, данной Пушкину въ Москвѣ, спросилъ его между прочимъ: «Что же ты теперь пишешь?» — Почти ничего, В. В.: цензура очень строга. — «Зачѣмъ же ты пишешь такое, чего не пропускаетъ цензура?» — Цензора не пропускаютъ и самыхъ невинныхъ вещей: они дѣйствуютъ крайне неразсудительно. — «Ну, такъ я самъ буду твоимъ цензоромъ, сказалъ государь: присылай мнѣ все, что напишешь».

142. Даже и по смерти Пушкина нерасположеніе къ нему графа Уварова не угасло. Это обнаружилось въ одномъ, въ сущности ничтожномъ случаѣ, который касался меня. Въ первые дни послѣ кончины поэта я выразилъ свои чувства въ небольшомъ стихотвореніи. Оно было слабо, и безъ этого случая, о немъ не стоило бы и упоминать. Но въ то время мнѣ казалось, что его надо напеча-

стр.

тать въ *Сѣверной Пчелѣ*, и Гречъ представилъ мои стихи на одобреніе графа Бекендорфа. Дня черезъ два служившій при графѣ, по родству съ нимъ, лицейскій товарищъ мой П. И. Миллеръ (умершій въ прошломъ году) прислалъ мнѣ слѣдующую записку:

«Спѣшу увѣдомить тебя, что графъ позволилъ напечатать стихи твои въ Сѣверной Пчелѣ. Онъ разспрашивалъ меня о тебѣ, и въ подкрѣпленіе словъ барона (М. А. Корфа) я со своей стороны далъ самый лестный отзывъ о моемъ старомъ и добромъ братѣ по лицею. Спасибо тебѣ за дань Пушкину; она вылилась прямо изъ души. — Вмѣстѣ съ симъ я пишу Гречу, чтобы напечаталъ твои экзаметры въ своей газетѣ — и ты вѣроятно завтра или послѣ завтра прочтешь ихъ въ томъ же совершенно видѣ, въ какомъ они вылились изъ-подъ пера».

Не тутъ-то было. Долго не видя стиховъ своихъ въ печати, я наконецъ лично обратился къ Гречу съ вопросомъ о причинѣ того. Гречъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не могъ напечатать ихъ безъ разрѣшенія министра просвѣщенія; графъ же Уваровъ не призналъ возможнымъ дать на то свое согласіе, такъ какъ въ концѣ моихъ экзаметровъ упоминалось о *юной Россіи*. Для объясненія этого надо припомнить, что въ то время въ конституціонной Франціи, на которую наше правительство смотрѣло косо, было въ ходу выраженіе: la jeune France.

146. Къ послѣдней выноскѣ слѣдуетъ прибавить: по случаю открытія памятника Пушкину, и было напечатано въ *Новомъ Времени*.

153. Господствующимъ свойствомъ характера Пушкина была правдивость. И въ художественномъ творчествѣ истина лежитъ въ основѣ красоты всѣхъ его произведеній, въ описаніи природы, въ изображеніи характеровъ, страстей и всѣхъ движеній души. Вспомнимъ, какъ добродушно самъ онъ въ зрѣломъ возрастѣ смѣялся надъ тѣми уклоненіями отъ жизненной правды, которыя встрѣчаются въ его раннихъ сочиненіяхъ. Въ своихъ запискахъ онъ напримѣръ разсказываетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ Ал. Раевскимъ забавлялся надъ неудачнымъ характеромъ Кавказскаго плѣнника. Онъ сочувствовалъ также Раевскому, когда тотъ хохоталъ надъ стихами *Бахчисарайскаго Фонтана:*

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю — и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, и т. д.

Въ жизни Пушкина извѣстны два случая, въ которыхъ всего ярче выразилась его честная и смѣлая правдивость: 1, когда онъ въ кабинетѣ Милорадовича, по собственному вызову, написалъ всѣ тѣ изъ своихъ стихотвореній, за которыя ему угрожала отвѣт-

стр.

ственность, и 2, когда на вопросъ императора Николая, былъ ли бы онъ 14-го декабря съ мятежниками, если бъ находился въ Петербургѣ, онъ отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на свою пріязнь съ виновными.

Замѣчательна была также находчивость Пушкина въ затруднительныхъ случаяхъ. Когда въ разговорѣ о стихотвореніи *на выздоровленіе Лукулла* Бенкендорфъ хотѣлъ отъ него добиться, на кого оно написано, то онъ отвѣчалъ: «На васъ», и видя недоумѣніе усмѣхнувшагося графа, прибавилъ: «Вы не вѣрите? отчего же другой увѣренъ, что это на него?»

Въ талантѣ и во всемъ существѣ Пушкина отличительную черту составляло то невольное обаяніе, которое онъ производилъ своими стихами и личностью. Въ его поэзіи всегда чувствовалась какая-то особенная прелесть, заключающаяся сколько въ самомъ духѣ ея, столько же и въ его выразительномъ, точномъ и гармоническомъ языкѣ.

Вся жизнь его отмѣчена печатью необыкновенности. Еще будучи въ лицеѣ, онъ какъ своими стихами, такъ и проказами заставлялъ говорить о себѣ далеко внѣ стѣнъ заведенія. По выпускѣ вокругъ него образовалась толпа молодыхъ поклонниковъ: въ *Евгеніи Онѣгинѣ* онъ самъ говоритъ о своей музѣ:

...молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась.

И позднѣе онъ былъ постоянно предметомъ пристальнаго вниманія безчисленныхъ почитателей; каждое событіе въ его жизни, каждое новое стихотвореніе его возбуждали любопытство и толки. Такой же интересъ еще и нынче представляетъ его біографія: всякій вновь раскрытый въ ней фактъ, всякій новый слѣдъ его дѣятельности цѣнятся высоко.

Покойный Анненковъ замѣтилъ, что Пушкинъ въ поэзіи своей тщательно избѣгалъ выражать то, что прямо и непосредственно относилось къ его житейскимъ обстоятельствамъ, и обладалъ умѣніемъ идеализировать дѣйствительность, придавать ей подъ покровомъ искусства поэтическую прелесть. Вѣрность этого замѣчанія неоспорима, но надо согласиться, что и въ самой личности Пушкина было много способнаго сильно приковывать къ себѣ вниманіе людей, было что-то высшее, рѣзко выступавшее изъ пошлости вседневной житейской прозы.

Дѣйствія его, отношенія, рѣчи легко принимали характеръ страстности. Удивительно острый и блестящій умъ, соединенный съ чародѣйскою властью надъ словомъ, поражалъ всякаго, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Бесѣда его становилась въ высшей степени оживленною и увлекательною, какъ скоро сердце его было сколько-нибудь затронуто, и оттого-то Пушкинъ производилъ неотразимое

стр.

впечатлѣніе на женщинъ, которыя ему нравились и съ которыми онъ, по собственному его выраженію, *кокетничалъ* въ разговорѣ. Съ другой стороны онъ тѣми же свойствами своими, живостью, находчивостью въ выраженіяхъ, колкою насмѣшкой, наживалъ себѣ враговъ.

Все это вмѣстѣ и привело Пушкина къ той роковой развязкѣ, которая такъ рано положила конецъ его блестящему и шумному существованію.

224. Въ полемикѣ, происходившей по поводу избранія Москвы мѣстомъ для сооруженія памятника, ратовавшіе въ пользу Петербурга утверждали, что Пушкинъ любилъ этотъ городъ гораздо болѣе чѣмъ Москву, которой будто бы положительно не сочувствовалъ. Иногда онъ дѣйствительно бранилъ и Москву; такъ напримѣръ 11-го іюня 1834 г. онъ писалъ женѣ: «Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга» (*Соч.* VII, № 388). Но чаще онъ въ той же перепискѣ очень рѣзко выражаетъ нерасположеніе къ Петербургу. Вотъ нѣсколько такихъ выходокъ его: «Что это у васъ? Потопъ? Ништо проклятому Петербургу» (по поводу наводненія 1824 г., № 79). — «Я золъ на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости» (№ 376).—«Плюнуть на Петербургъ» (№ 381).—«Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ?» (№ 384).—«Подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу!» (№ 389).

253. Не ко времени ли составленія этихъ замѣтокъ гр. Корфа относится и слѣдующая записка его къ Яковлеву:

«Любезному нашему старостѣ лицейской годовщины, ex officio ближе всѣхъ должны извѣстны быть разныя подробности, относящіяся до нашихъ товарищей, живыхъ и отшедшихъ къ Богу. Въ этомъ предположеніи № 8 адресуетъ его превосходительству, для нѣкоторыхъ соображеній, — при которыхъ впрочемъ вовсе нѣтъ никакой arrière-pensée — нѣсколько вопросовъ, отмѣченныхъ на приложенной бумажкѣ. Разрѣшеніемъ ихъ будетъ оказана большая польза моей слабѣющей памяти, а слѣдственно и лицу преданнѣйшаго
«Пятница. № 8».

Самыхъ вопросовъ при запискѣ не сохранилось.

267. Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, братъ котораго принадлежалъ къ числу воспитанниковъ 1-го курса и который приписывалъ себѣ составленіе проекта лицейскаго устава, оставилъ записки, напечатанныя въ 1871 году въ журналѣ *Заря*. Любопытны въ нихъ его воспоминанія о роли, какую онъ игралъ въ дѣлѣ основанія и открытія лицея. Вотъ что онъ разсказываетъ по поводу поѣздки своей въ Царское Село и Павловскъ, кажется въ 1829 году:

«Завидѣвъ зданіе лицея, я тотчасъ привелъ себѣ на мысль всѣ хлопоты мои по сему заведенію, въ бытность мою директоромъ департамента народнаго просвѣщенія. Благоволеніе безсмертнаго Александра, довѣренность ко мнѣ дѣятельнѣйшаго и просвѣщеннаго министра графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго давали

стр.

мнѣ крылья успѣвать во всѣхъ должностяхъ и дѣланныхъ мнѣ препорученіяхъ. Государю императору желательно было образовать въ лицеѣ дѣтей знатнѣйшихъ дворянъ для военной и гражданской службы, смотря по склонностямъ и способностямъ воспитанниковъ; для сего его величество изволилъ начертать главнѣйшія статьи постановленія сего заведенія и возложить на графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго разсмотрѣть первоначальныя сіи черты, сообразить съ существующими уже по части просвѣщенія постановленіями и сдѣлать въ нихъ перемѣны и пополненія, для начертанія постановленія лицею. Графъ Алексѣй Кирилловичъ дѣло сіе поручилъ мнѣ [1]), и существующее нынѣ постановленіе, разсмотрѣнное министромъ, вскорѣ поднесено было государю императору и удостоено высочайшаго его утвержденія 12-го августа 1810 года. Немедленно за симъ постановленіе включено въ грамоту, дарованную лицею, переписано на великолѣпно по полямъ листовъ разрисованномъ пергаментѣ, переплетено въ золотой глазетъ съ серебряными кистями и позолоченнымъ ковчегомъ для государственной печати; приготовленная такимъ образомъ грамота поднесена къ высочайшему подписанію, коего она удостоена въ 22-й день сентября 1811 года. Между тѣмъ какъ приготовлялась сія грамота и строеніе, принимаемы были воспитанники и со всею строгостію испытываны въ познаніяхъ, требуемыхъ для вступленія въ сіе заведеніе, въ присутствіи министра, директора лицея статскаго совѣтника Василія Малиновскаго и моемъ, по предварительномъ собраніи самимъ же министромъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ кандидатовъ. По приготовленіи такимъ образомъ всего къ открытію лицея, оно совершилось октября 20-го дня [2]) 1811 года въ присутствіи государя императора, государынь императрицъ, государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, великой княжны Анны Павловны, первыхъ чиновъ императорскаго двора, господъ министровъ, членовъ государственнаго совѣта и многихъ другихъ знаменитыхъ особъ. Великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ изволили тогда путешествовать въ чужихъ краяхъ.

«Открытіе лицея происходило слѣдующимъ образомъ: По совершеніи, въ присутствіи августѣйшей императорской фамиліи, въ придворной церкви божественной литургіи, духовенство, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ, шло изъ церкви для освященія зданія лицея въ сопровожденіи императорской фамиліи и всѣхъ вышеупомянутыхъ особъ, также чиновниковъ и воспитанниковъ лицея. По окончаніи сего обряда, когда ихъ величества и ихъ высочества изволили занять мѣста въ залѣ собранія, я имѣлъ счастіе изъ грамоты, которую по обѣ стороны меня держали два адъюнктъ-

[1]) Это противорѣчитъ тому, что говоритъ гр. Корфъ со словъ Сперанскаго (см. выше, стр. 253 — 254).

[2]) Обмолвка; слѣдуетъ читать: 19-го октября.

стр.

профессора, прочесть вступленіе главы объ устройствѣ и правахъ лицея и заключеніе грамоты. Потомъ министръ народнаго просвѣщенія, принявъ отъ меня грамоту, вручилъ оную директору лицея, для оставленія навсегда въ семъ заведеніи. По принятіи грамоты директоръ Малиновскій произнесъ сочиненную мною, приличную сему случаю, рѣчь [1]). За симъ секретарь конференціи профессоръ Кошанскій прочелъ списокъ учебнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, опредѣленнымъ въ лицей, потомъ списокъ воспитанникамъ, принятымъ въ оное; каждый изъ чиновниковъ и воспитанниковъ, по наименованіи его, представленъ былъ государю императору г. министромъ. По прочтеніи списковъ, адъюнктъ-профессоръ нравственныхъ наукъ Куницынъ читалъ воспитанникамъ наставленіе о цѣли и пользѣ ихъ воспитанія. Послѣ сего государь императоръ со всею императорскою фамиліею и прочими знаменитыми особами изволили осматривать всѣ покои и присутствія своего удостоили обѣденный столъ воспитанниковъ. Въ это время, именно, когда ихъ величества пошли осматривать покои, государь цесаревичъ, идучи позади императорской фамиліи и неся въ одной рукѣ шаль великой княжны Анны Павловны, другою взявъ меня подъ руку, удостоилъ счастія итти со мною. Я уже сказалъ, что старики живутъ въ воспоминаніяхъ, а потому и здѣсь надѣюсь заслужить извиненіе въ

---

[1]) Я помѣщаю оную здѣсь, какъ свою собственность:

«Всемилостивѣйшій государь! Въ семъ градѣ премудрѣйшая изъ монархинь, среди весеннихъ и лѣтнихъ красотъ природы, нѣкогда назидала благоденствіе Россіи. Въ обиталищѣ семъ ваше императорское величество поучались управлять судьбою народовъ, нынѣ подвластныхъ скипетру вашему. И въ столь знаменитомъ обиталищѣ отверзаете храмъ наукъ для отличнѣйшаго юношества вашей державы. Сколько убѣжденій въ превосходствѣ будущихъ успѣховъ сего единственнаго учрежденія! Малое число дѣтей, въ дарованіяхъ и въ благонравіи испытанныхъ, какъ единое семейство, не представляетъ неудобствъ въ совершенномъ надзорѣ за ихъ ученіемъ и поступками; благорастворенный воздухъ, укрѣпляя силы ихъ тѣлесныя, укрѣпитъ и душевныя въ величіи чувствованій и дѣяній; безмолвное уединеніе соберетъ и направитъ всѣ мысленныя способности ихъ къ единой цѣли: къ познанію нравственнаго и физическаго міра; а воспоминаніе о великой въ женахъ и о воспитаніи въ семъ мѣстѣ августѣйшаго внука ея; пріосѣненіе сего храма наукъ его покровительствомъ воскрылятъ младые таланты къ пріобрѣтенію славы истинныхъ сыновъ отечества и вѣрныхъ служителей престола монаршаго.

«Такъ, всемилостивѣйшій государь, попеченіемъ вашего величества здѣсь все соединено къ образованію юношества для важнѣйшихъ государственныхъ должностей. Нѣтъ счастливѣе настоящей участи его; нѣтъ лестнѣе будущаго его назначенія.

«Но не менѣе того счастливы и мы, избранные къ руководству онаго и воспитанію. Мы чувствуемъ важность правъ и преимуществъ, дарованныхъ вашимъ величествомъ сему заведенію и лицамъ, къ нему принадлежащимъ. Чувствуемъ; но чѣмъ содѣлаться можемъ достойными оныхъ? Единое избраніе насъ къ подвигу образованія сего юношества не служитъ еще въ томъ порукою. Мы потщимся каждую минуту жизни нашей всѣ силы и способности наши принести на пользу сего новаго вертограда, да ваше императорское величество и все отечество возрадуется о плодахъ его» *И. М.*

стр.

приведеніи части лестнѣйшаго для меня разговора съ великимъ княземъ. Разговоръ сей доказываетъ, сколь пріятно было ему видѣть при открытіи лицея дѣйствующимъ лицомъ и меня, подчиненнаго его высочеству по совѣту о военныхъ училищахъ. Взявъ меня подъ руку, цесаревичъ изволилъ съ особеннымъ удовольствіемъ сказать: «Ты вездѣ!» Послѣ молчаливаго моего на сіе поклона, онъ спросилъ: «Что ты здѣсь значишь?» Я отвѣчалъ, что министру угодно было, чтобы я, какъ директоръ департамента, прочелъ грамоту. «А эти профессора откуда?» — «Всѣ изъ педагогическаго института». — «Всѣ твои!» Я опять отвѣчалъ благодарнымъ поклономъ. «Какъ зовутъ того, который читалъ разсужденія?» — «Куницынъ». — «Хорошо читалъ». — «Онъ былъ первый студентъ въ Педагогическомъ институтѣ». — «И мой Талызинъ хорошъ». — «И онъ, ваше высочество, былъ изъ отличныхъ студентовъ».

«Изъ столовой государь съ императрицей и великими князьями г. министромъ препровождены были въ ту комнату, гдѣ приготовленъ былъ для нихъ завтракъ; ибо государь императоръ поутру, до открытія лицея, изволилъ прислать съ отказомъ, что ихъ величества и ихъ высочества обѣдать не будутъ, потому что въ тотъ день былъ у ихъ величествъ фамильный столъ. Прочіе же всѣ посѣтители угощены были богатѣйшимъ столомъ, стоившимъ г. министру одиннадцать тысячъ рублей! Таковы угощенія русскихъ бояръ! Ученіе въ семъ заведеніи началось на другой же день. Какъ, по постановленію онаго, положено чрезъ каждые полгода производить воспитанникамъ испытанія и притомъ сторонними лицами, то министръ, исполняя сіе правило во всей точности и вообще прилагая о семъ заведеніи особенное попеченіе, посылалъ меня около того времени, не предувѣдомляя о томъ воспитанниковъ, для произведенія испытаній; на сей конецъ, съ позволенія его, я бралъ съ собою профессоровъ Педагогическаго института по тѣмъ наукамъ, кои преподавались въ семъ заведеніи. Сверхъ того, по волѣ же г. министра, я часто и неожиданно ѣздилъ для сего въ лицей одинъ и испытывалъ воспитанниковъ, въ чемъ былъ въ состояніи; большею же частію занималъ ихъ россійскою и латинскою словесностью, дѣлая съ ними разборы сочиненій и заставляя сочинять при мнѣ, въ классахъ, и безъ меня, назначая каждому особый предметъ, а иногда и одинъ для всѣхъ. Это былъ для меня вовсе сторонній трудъ, но я не только не скучалъ имъ, а еще занимался съ особливою охотою, имѣя въ виду только одну пользу воспитанниковъ. Дѣйствительность сихъ моихъ занятій подтвердить могутъ какъ всѣ профессоры, выбывшіе, такъ и сами воспитанники перваго курса, напримѣръ гг. баронъ Корфъ, Масловъ, Ломоносовъ, Пушкинъ, Пущинъ, Илличевскій, Малиновскій» [1]) и проч.

[1]) Графъ Корфъ, дѣйствительно, подтвердилъ это показатіе И. И. Мартынова своимъ свидѣтельствомъ: см. его записку, стр. 267.

стр.

268. Имя Теппера Фергюсона упоминается часто, когда рѣчь идетъ о бытѣ перваго курса лицеистовъ. Въ семействѣ этого лица произошелъ печальный случай, о которомъ Плетневъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ (1846 г.), разсказываетъ:

«Іозефинѣ Вельго (Welho), воспитывавшейся у Теппера, я давалъ уроки, самъ еще бывши въ институтѣ, по желанію моего директора Е. А. Энгельгардта [1]). Это было золотое время: мнѣ было лѣтъ 20, а ей 16. Мы оставались всегда только двое въ прелестной ея комнатѣ и безпрестанно краснѣли, не понимая сами отъ чего. Она черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ я сталъ учить ее, начала уже порядочно понимать «Письма русскаго путешественника», не знавши, прежде моихъ уроковъ, почти ни слова по-русски. Она была удивительное созданіе по красотѣ души, сердца и тѣла. Но Провидѣнію не угодно было, чтобы она нѣкогда принадлежала кому-нибудь изъ смертныхъ. Тепперъ поѣхалъ въ Парижъ. Разъ ея мать пошла гулять. Іозефина забыла перчатки свои. Она жила въ верхнемъ этажѣ. Прибѣжавши въ комнату, она выглянула въ окно, чтобы посмотрѣть, не ушла ли уже мать ея на улицу. Перевѣсившись за окно, она упала оттуда и тутъ же умерла. Я и теперь не могу вспомнить о ней безъ сердечнаго трепета и участія. Она для меня облекла въ поэзію самое прозаическое ремесло... До сихъ поръ этотъ домъ вѣетъ для меня поэзіею (это домъ Вебера въ Малой Морской). Тепперъ, женившійся на старшей сестрѣ Іозефины, былъ музыкантъ и училъ великую княжну Анну Павловну. Его отецъ былъ богатѣйшій банкиръ въ Польшѣ, гдѣ со всѣмъ своимъ богатствомъ погибъ въ одну изъ тамошнихъ революцій. Тогда сынъ его, путешествовавшій какъ какой-нибудь лордъ по Европѣ, вдругъ въ Вѣнѣ публиковалъ себя подъ скромнымъ именемъ учителя музыки, съ которымъ и въ Петербургъ переѣхалъ. Это былъ вдохновенный старикъ» [1]).

273. Непріятныя послѣдствія перваго знакомства съ табакомъ не помѣшали графу Корфу сдѣлаться позднѣе однимъ изъ самыхъ страстныхъ курильщиковъ. Онъ постоянно курилъ крѣпкій турецкій табакъ изъ длиннаго черешневаго чубука, съ которымъ рѣдко разставался, не покидая его и тогда, когда работалъ стоя у своего высокаго пюпитра; иногда же онъ употреблялъ и кальянъ. По отзыву врачей, двойная привычка неумѣреннаго куренія и стоянія во время работы отозвалась въ старости очень вредно на его здоровьи: голова и ноги сравнительно рано у него ослабѣли. Страдая издавна безсонницей, онъ даже и ночью нерѣдко прибѣгалъ къ трубкѣ, когда, въ послѣдніе годы жизни, хлоралъ отказывалъ въ помощи.

---

[1]) Т. е. директора Педагогическаго института, въ которомъ Энгельгардтъ занималъ эту должность прежде назначенія директоромъ царскосельскаго лицея.

стр.

273. Недавно праздникъ, о которомъ говоритъ графъ Корфъ и къ которому Пушкинъ написалъ извѣстные стихи *Принцу Оранскому*, былъ подробно описанъ, по новымъ источникамъ, въ *Русскомъ Архивѣ* (1887, № 7) съ приведеніемъ и неизвѣстныхъ до сихъ поръ драматическихъ сценъ, сочиненныхъ къ этому празднику К. Н. Батюшковымъ по вызову того же Нелединскаго-Мелецкаго, который уговорилъ Пушкина написать названное стихотвореніе.

281. По показанію И. И. Пущина, графъ Бролью, сдѣлавшись филелленомъ, участвовалъ въ борьбѣ за освобожденіе Грецін и былъ убитъ тамъ въ 1829 году (*Атеней* 1859, кн. 8, стр. 521). Кстати замѣтимъ, что фамилія его пишется Broglio, но произносится *Бролью*.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

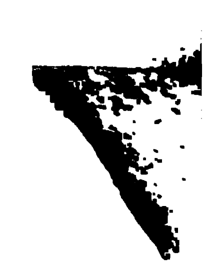
Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
45	6 св.	всякой ореолы	всякаго ореола
8	8 сн.	наконецъ	на конецъ.
107	7 сн.	этой	этомъ
143	14 св.	Арндта	Арендта
280	11 св.	Пушкинъ	Пущинъ.

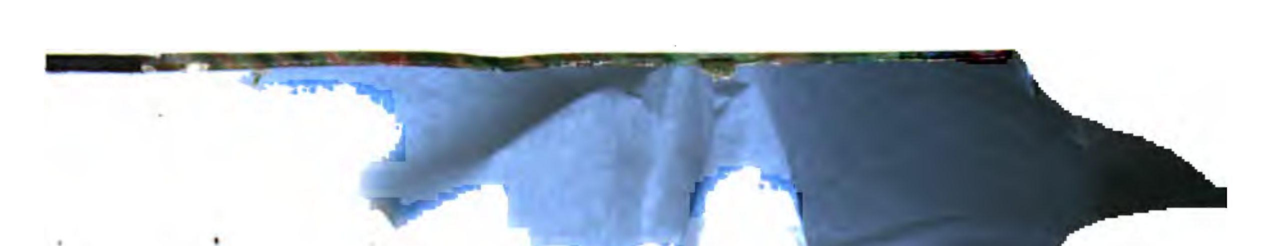
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

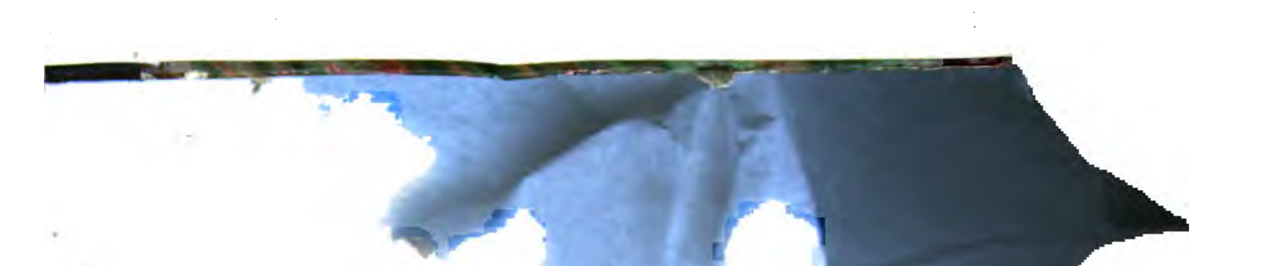
ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

ВЪ XLII ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Римская цыфра означаетъ нумеръ статьи; арабскія же цыфры при ней указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римская цыфра, стоящая одна, означаетъ страницы Извлеченій изъ протоколовъ Отдѣленія, которыми начинается томъ.







———